ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕТРА ПЕКАРСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1870

ИЗДАНІЯ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у коммисіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

читанныхъ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Сверхъ отчетовъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ содержитъ:)

Томъ I. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ**, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина, какъ поэта**, Я. К. Грота.—**Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**, П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго.—**Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, Его же.

Томъ II. **Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова**, соч. П. П. Пекарскаго.— **Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.— **Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. Н. Лавровскаго.—**Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго.— **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника.—Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго; 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. **Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма**, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. И. И Срезневскаго.

Томъ IV. **Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время**, И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Томъ V, вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**, И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами Евгенія къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу.—**О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ VI. **Литературная жизнь Крылова**, Я. К. Грота. — **Дополнит. біогр. извѣстіе о Крыловѣ**, его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр.**

(Продолженіе на 3-й стр. обертки.)

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕТРА ПЕКАРСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1870

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, Декабрь 1870 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ главнѣйшимъ образомъ составленъ на основаніи рукописныхъ источниковъ, имѣющихся въ архивахъ нашей Академіи наукъ. Такъ-какъ эти хранилища мало извѣстны, и отсюда немного обнародовано извѣстій, сравнительно съ массою заключающихся въ нихъ матеріаловъ, то здѣсь сочтено умѣстнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній объ этихъ источникахъ.

При Академіи наукъ два архива: въ одномъ, который извѣстенъ еще подъ стариннымъ названіемъ конференцъ-архива и, для краткости, обозначается при ссылкахъ въ настоящемъ трудѣ римскою цифрою I, хранится:

1) Вся переписка ученаго общества и его членовъ съ русскими и иностранными учеными и вообще любителями наукъ и просвѣщенія. Письма первыхъ, т. е. Академіи и академиковъ, собраны въ фоліанты, на переплетахъ которыхъ вытиснены заглавія: Исходящія письма или Ausgehende Briefe. Письма лицъ, непринадлежащихъ къ Академіи, посылавшіяся въ нее, также переплетены въ фоліанты съ вытисненными заглавіями: Входящія письма или Angekommende Briefe. Всѣ эти бумаги расположены по годамъ и при бóльшей части изъ нихъ есть азбучные указатели именъ. Въ прошломъ столѣтіи еще не существовало множества журналовъ и спе-

ціальныхъ изданій, при помощи которыхъ въ настоящее время такъ быстро сообщаются извѣстія объ открытіяхъ, дѣлаемыхъ по разнымъ отраслямъ знаній, и такъ облегчены всѣ способы къ постоянному обмѣну взглядовъ и наблюденій. Недостатокъ подобныхъ журналовъ и изданій въ XVII и XVIII столѣтіяхъ восполнялся обширною и постоянною перепискою ученыхъ между собою, и эта переписка въ настоящее время дорого цѣнится тѣми, кого занимаютъ судьбы наукъ и вообще умственнаго развитія въ Европѣ. Письма иностранныхъ ученыхъ, хранящіяся въ архивѣ академической конференціи, начинаются со временъ, предшествовавшихъ учрежденію Академіи, именно съ 1715 года. Лейбъ-медикъ Петра Великаго Арескинъ, завѣдывавшій также кунсткамерою и императорскою библіотекою, сначала долженъ былъ вступить въ переписку съ европейскими учеными вслѣдствіе пріобрѣтенія царемъ разныхъ коллекцій для названныхъ учрежденій. Посѣщеніе Парижа въ 1717 году дало Петру Великому возможность лично узнать многихъ изъ французскихъ ученыхъ, и на Арескина была возложена обязанность поддерживать сношенія съ ними. Поѣздка библіотекаря Шумахера заграницу именно съ цѣлью завязать, для пользы наукъ въ Россіи, ближайшія сношенія съ тамошними учеными знаменитостями, еще болѣе умножила эту переписку. Она приняла обширные размѣры, когда Петръ Великій, утвердивъ проектъ объ учрежденіи Академіи, сдѣлалъ распоряженіе о приглашеніи въ Петербургъ иностранныхъ ученыхъ. Въ первые годы существованія Академіи, въ особенности любопытна переписка президента Блюментроста съ гр. Головкинымъ, посланникомъ нашимъ въ Берлинѣ, Вольфомъ, Менке и другими лицами, касательно ученыхъ, которымъ предлагались мѣста во вновь обра-

зованной Академіи. Потомъ для исторіи собственно Академіи въ первый періодъ ея существованія заслуживаетъ вниманія переписка Блюментроста съ Шумахеромъ, когда первый находился въ Москвѣ въ 1728—30 годахъ, и потомъ переписка 1742—44 годовъ Штелина, академика и наставника великаго князя, впослѣдствіи императора Петра III; также письма Шумахера къ гр. Воронцову, Лестоку и другимъ, того же времени. Съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія возникаетъ настоящая ученая переписка съ нашею Академіею, и здѣсь можно встрѣтить всѣ европейскія знаменитости XVIII вѣка. Въ особенности архивъ конференціи богатъ матеріалами для исторіи физико-математическихъ наукъ, которыя процвѣтали въ Академіи съ самыхъ первыхъ годовъ ея учрежденія.

2) Протоколы академическихъ засѣданій переплетены также погодно въ фоліантахъ. Къ нимъ составленъ обстоятельный азбучный указатель именъ, много облегчающій пользованіе ими. Въ протоколахъ заключаются извѣстія объ ученыхъ занятіяхъ академиковъ и въ тоже время о старинныхъ обычаяхъ и распорядкахъ ученаго общества. Протоколы эти впервые были начаты и продолжались на латинскомъ языкѣ академикомъ Гольдбахомъ до 1728 года, на которомъ прерываются, вѣроятно, по случаю назначенія этого ученаго въ наставники къ императору Петру II и отъѣзда его съ дворомъ въ Москву. Въ октябрѣ 1730 года протоколы возобновились на латинскомъ языкѣ, и веденіе ихъ было возложено конференціею на академика Крафта. Въ 1734 году короткое время писалъ ихъ Медеръ на латинскомъ же языкѣ. Со вступленіемъ въ должность начальника Академіи барона Корфа протоколы начали составляться на нѣмецкомъ языкѣ. Съ 1735 г. продолжалъ ихъ нотаріусъ Тидеманъ; въ

1735 и 1742 годахъ, вмѣсто него, короткое время писали протоколы Юберкампфъ и Мессеръ. Эти три лица, равно какъ и вышепомянутый Медеръ, не были членами Академіи, но состояли при ней для письмоводства. 7 іюля 1742 г. Тидеманъ умеръ, и веденіе протокола, вмѣстѣ съ архивомъ конференціи, перешло къ академику Винцгейму, при чемъ латинскій языкъ снова вошелъ въ употребленіе. Съ 1 января по 11 іюля 1746 г., т. е. до назначенія президентомъ графа Разумовскаго, протоколы писали всѣ академики поочередно, за исключеніемъ одного астронома Николая Делиля, который отъ того отказался по непривычкѣ писать по латини. Потомъ они составлялись по латини тѣми изъ членовъ Академіи, кои исполняли обязанности конференцъ-секретаря. Съ 20 октября 1766 года протоколы стали опять писать по нѣмецки по тому уваженію, что тогдашній директоръ Академіи наукъ, графъ В. Орловъ не зналъ по латини.

3) Рукопись исторіографа Мюллера, съ продолженіемъ писаннымъ Стриттеромъ, которая озаглавлена: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg. Рукопись эта въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Тотъ, на который дѣлаются ссылки въ настоящемъ трудѣ, перенумерованъ и имѣетъ 856 страницъ. Подробности объ этомъ сборникѣ сообщены въ жизнеописаніи Мюллера, на стр. 397—399, 428—429.

4) Пачка бумагъ, съ надписью: Lebens Nachrichten von dem Staats-Räth Blumentrost, vom Staats-Rath G. F. Müller und vielen bei der Academie gewesenen Professoren. Здѣсь, кромѣ подробныхъ записокъ о разныхъ академикахъ, есть также краткіе отзывы, по бо̀льшей части собственноручные, Ломоносова, Тредіаковскаго, Крашенинникова, Попова и другихъ.

5) Портфель подъ заглавіемъ: «Біографіи академиковъ», № 11. Здѣсь находятся болѣе или менѣе краткія біографиче-

скія свѣдѣнія о президентахъ и членахъ Академіи съ основанія ея до временъ императрицы Екатерины II.

6) Разныя представленія, статьи и черновыя бумаги академиковъ, поступавшія для храненія въ архивъ или по опредѣленію конференціи, или же послѣ кончины ученыхъ. Этотъ отдѣлъ размѣщенъ въ нумерованныхъ связкахъ, которымъ имѣется особенная опись.

7) Бумаги исторіографа Мюллера, составлявшія часть собранія, пріобрѣтеннаго Екатериною II для московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Бумаги эти содержатъ въ себѣ всю обширную переписку, веденную Мюллеромъ со времени возвращенія его изъ Сибири, а также множество черновыхъ бумагъ, записокъ и представленій по академическимъ дѣламъ. Здѣсь письма къ Мюллеру отъ Эйлера и другихъ знаменитостей нашей Академіи заслуживаютъ особеннаго вниманія по своему обилію и разнообразію содержанія, а записки, представленія и пр. по академическимъ дѣламъ писаны по бо́льшей части рукою самого Мюллера и особенно важны для исторіи Академіи наукъ, въ которой онъ долгое время былъ дѣятельнымъ членомъ. О томъ, какъ достались ученому обществу эти бумаги, говорится въ настоящемъ трудѣ, на стр. 401—402.

8) Рукописный сборникъ (въ двухъ конволютахъ) матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ первые восемь лѣтъ ея существованія, составленный К. Ѳ. Свенске. Почтенный собиратель избралъ для своихъ изысканій дѣятельность президента Академіи Блюментроста и составилъ на нѣмецкомъ языкѣ обстоятельное жизнеописаніе его; къ нему приложено болѣе семисотъ писемъ изъ обширной переписки Блюментроста и въ особенности библіотекаря Шумахера. Ссылки на этотъ сборникъ въ настоящемъ трудѣ дѣлаются

съ показаніемъ нумеровъ, подъ которыми отмѣчены означенныя письма самимъ собирателемъ.

Архивъ академической канцеляріи, при ссылкахъ въ настоящемъ трудѣ обозначаемый, для краткости, цифрою II, до нынѣ отдѣленъ отъ сейчасъ описаннаго конференцъ-архива. Здѣсь бо́льшая часть дѣлъ переплетены помѣсячно и погодно въ фоліантахъ, а нѣкоторыя, по важности и обширности ихъ содержанія,—отдѣльно, и въ такомъ случаѣ на корешкѣ фоліантовъ вытиснено ихъ заглавіе. Въ этомъ архивѣ нѣтъ описей, а потому, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ хранящихся здѣсь матеріаловъ или найти какія-либо нужныя извѣстія, необходимо долгое и кропотливое разсмотрѣніе значительнаго количества фоліантовъ, писанныхъ по бо́льшей части дурною скорописью XVIII вѣка. Академическая канцелярія есть то самое учрежденіе, на самовластіе и придирки котораго такъ часто слышались жалобы отъ старинныхъ академиковъ. Она существовала съ первыхъ годовъ основанія Академіи наукъ, и ея дѣятельность была пріостановлена, 31 октября 1766 года, распоряженіемъ графа В. Орлова. «Во оной канцеляріи (записано въ отвѣтѣ сенату 14 декабря 1745 года), всѣ президенты.... присутствовали, и къ профессорамъ ордеры, а во всѣ подчиненныя мѣста указы посылывались. И всѣ дѣла происходили изъ канцеляріи; контракты съ профессорами, адъюнктами и съ прочими служительми заключаетъ, профессоровъ выписываетъ, отпущаетъ и жалованье имъ даетъ канцелярія»... Изъ этого краткаго перечня занятій академической канцеляріи можно уже понять о значеніе архива ея, въ которомъ дѣйствительно находится много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи не только просвѣщенія, но даже искусствъ и ремеслъ въ Россіи XVIII столѣтія.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Жизнеописанія президентовъ и членовъ Академіи наукъ, вступившихъ въ нее въ 1725—1742 годахъ.

I.

Обзоръ предположеній по части распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Въ 1724 году, по порученію Петра Великаго, Татищевъ отправлялся въ Швецію, и лейбъ-медикъ Блюментростъ, встрѣтившись съ нимъ тогда, просилъ его узнавать не будетъ-ли въ Швеціи ученыхъ, которыхъ можно было бы пригласить оттуда во вновь открывавшуюся въ Петербургѣ Академію наукъ: „Напрасно ищите сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда земли, на которую сѣять, не приготовлено". Императоръ, замѣтивъ этихъ лицъ, и узнавъ, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь, отвѣтилъ Татищеву такимъ апологомъ: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно началъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили"[1]).

Въ апологѣ Петра Великаго слышится мысль, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя высказалъ Шиллеръ: „просвѣщеніе есть медленно развивающееся растеніе — чтобы созрѣть

---

[1]) Апологъ Петра Великаго дословно взятъ изъ письма В. Татищева къ Шумахеру 11 августа 1747 года, I, Входящія письма 1744—1747 годовъ.

ему необходимы благодатное небо, много ухода и длинный рядъ веснъ". Что касается до иносказательнаго возраженія Татищева — этого безспорно передоваго человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходилось бывать правителемъ, т. е. тогда, когда онъ нисколько не отличался отъ воеводы временъ всеобщей неурядицы и грубаго произвола—то справедливость его возраженія получаетъ особенное значеніе, когда вспомнить въ какомъ положеніи находились въ тѣ времена науки въ европейскихъ государствахъ и что засталъ Петръ Великій въ Россіи относительно просвѣщенія и знаній.

Въ исторіи почти всѣхъ наукъ на Западѣ вторая половина XVII вѣка не даромъ считается блестящею эпохою. Тогда философія окончательно одержала верхъ надъ схоластикою, изслѣдованія сущности природы — надъ авторитетомъ и преданіями. Въ концѣ этого столѣтія является новое философское ученіе Лейбница, которое, въ продолженіе почти ста лѣтъ, было исходною точкою для германскихъ мыслителей и служило посредствующимъ звеномъ между ученіями Спинозы и Канта. Наука исторіи все еще слѣдовала старой рутинѣ и по прежнему оставалась лишь сборникомъ оффиціальныхъ бумагъ, дипломовъ и т. п., но и при такомъ направленіи Пуффендорфъ, въ своихъ историческихъ трудахъ, уже сталъ обращать вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на причины возвышенія и упадка ихъ и т. п., чѣмъ самымъ наметилъ для исторіи путь, болѣе вѣрный и соотвѣтственный важности задачи ея. Юридическія науки, съ появленіемъ сочиненій Пуффендорфа De jure naturae et gentium и De officio hominis et civis, стали также покидать схоластику и старинную рутину. Сейчасъ названный писатель яснѣе Гуго Гроція сознавалъ идею науки, которая, независимо отъ вліянія положительнаго права или теологіи, должна опредѣлять юридическія отношенія на основаніи законовъ разума. Томазій стремился мирить науку съ жизнію и первый осмѣлился доказывать нѣлѣпость судебныхъ и религіозныхъ преслѣдованій противъ волшебниковъ и чародѣевъ. Въ медицинскихъ наукахъ великое открытіе Гарви законовъ кровеобращенія было поводомъ

къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ ихъ. Но надъ всѣми науками въ описываемое время безспорно первенствовала математика. Въ области ея, послѣ Коперника и Кеплера, не прерывался рядъ великихъ открытій, которыя въ исходѣ XVII столѣтія заканчиваются почти одновременнымъ изобрѣтеніемъ Ньютономъ и Лейбницемъ дифференціальнаго исчисленія и объясненіемъ первымъ изъ нихъ законовъ движенія небесныхъ тѣлъ, опредѣленіемъ орбиты планетъ, раскрытіемъ причинъ бóльшаго или мéньшаго удаленія ихъ отъ солнца и т. п.

Въ Россіи со второй половины XVII вѣка тоже замѣчается небывалое до того времени стремленіе къ просвѣщенію и наукамъ, но онѣ стали распространяться исключительно почти подъ вліяніемъ Кіева, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе сосѣдственнымъ польскимъ школамъ, бывшимъ въ полномъ распоряженіи іезуитовъ. Ученіе Аристотеля, или лучше сказать искаженное въ средніе вѣка изложеніе мыслей этого мудреца особенно процвѣтало здѣсь. Философіи суждено было исключительно служить требованіямъ теологіи, а послѣдняя имѣла дѣло только съ истинами, нетребовавшими научныхъ доказательствъ или же неудобными къ тому. Чрезъ кіевскихъ уроженцовъ такое направленіе перешло въ концѣ XVII столѣтія въ Москву, и ему, вѣроятно, предстояла бы особенная удача, если бы не явился въ главѣ правленія такой государь, какъ Петръ Великій. Впрочемъ, было бы ошибочно думать, что онъ совершенно уничтожилъ вліяніе іезуитскихъ школъ въ русскомъ просвѣщеніи, такъ-какъ это вліяніе было еще замѣтно во все продолженіе его царствованія и гораздо послѣ него.

Слѣды преобладанія религіозныхъ воззрѣній на науки можно встрѣтить въ такихъ русскихъ книгахъ начала XVIII столѣтія, въ которыхъ всего менѣе можно бы было ожидать этого. Такъ въ Треязычномъ лексиконѣ 1702 года составитель его считалъ необходимымъ предупредить читателя, что изученіе языковъ (лексиконъ былъ словено-латино-греческій) не значило выдумывать новую вѣру и что, напротивъ, это одобряетъ самъ Спаситель; для бóльшаго же подтвержденія вспо-

мянуты притомъ и семдесятъ толковниковъ. У тогдашнихъ книжниковъ считалось грѣховнымъ читать иностранныхъ писателей на томъ-де основаніи, что они были неправославные. Въ правилахъ юношеству, напечатанныхъ въ Москвѣ при Заповѣдяхъ Божіихъ и церковныхъ, 1702 года, и въ Букварѣ, 1704 года, именно преподавалось: „не чести книгъ еретическихъ, ниже слушати вредословнаго ученія тѣхъ неискусныхъ о божественномъ и святомъ писаніи и вѣдѣніи священнаго благочестія, но ниже съ таковыми разглагольствовати, ниже сообщатися“... Послѣ этого неудивительно, что старинный русскій человѣкъ смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ и даже враждебно на истины, добытыя наукою. Аврамовъ, современникъ петровскихъ преобразованій, и человѣкъ, для своего времени далеко не невѣжественный, прямо называлъ великія открытія Коперника кознями врага рода человѣческаго и сатанинскимъ коварствомъ. При Петрѣ Великомъ переведено и даже издано въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, но принесли-ли они ожидаемую пользу, это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ-какъ для усвоенія ихъ надобно было владѣть основательными свѣдѣніями въ математикѣ, а между-тѣмъ, въ тогдашней Россіи не существовало еще ни одного, сколько нибудь сноснаго учебника этой науки. Въ печатномъ кіевскомъ календарѣ на 1714 годъ толковалось весьма обстоятельно, что имѣющія быть въ томъ году затмѣнія грозятъ людямъ бѣдами, но что, впрочемъ, русскимъ ихъ бояться нечего, на томъ лишь основаніи, что затмѣнія тѣ не будутъ видимы въ Россіи. Не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ, именно въ 1717 году, у насъ вдругъ является переводъ сочиненія въ свое время славнаго астронома Гюйгенса, подъ заглавіемъ: „Книга мірозрѣнія“, гдѣ принимаются всѣ выводы, которые такъ высоко поставили астрономію въ началѣ XVIII столѣтія. Появленіе у насъ въ печати такого сочиненія можно пожалуй считать за доказательство быстраго распространенія въ Россіи научныхъ свѣдѣній, но это будетъ несправедливо, потому что лѣтъ сорокъ спустя у насъ подверглось цензурнымъ урѣзкамъ одно стихотворческое переводное произведеніе по тому соображе-

нію, что въ немъ признавалась за истинную система Коперника.

Наивный лѣтописатель дѣтства Петра Великаго утверждалъ, что онъ еще въ малыхъ лѣтахъ „вся въ совершенство изучи... книжное же ученіе толико имѣя въ твердости, что вся Евангеліи и Апостолъ наизусть или памятію остро прочиталъ“... А между-тѣмъ самъ государь впослѣдствіи сознавался, что только въ четырнадцать лѣтъ отъ роду, онъ въ первый разъ услыхалъ объ астролябіи, и что никто изъ окружавшихъ его тогда не могъ разъяснить ему этого инструмента до тѣхъ поръ, пока не выискался одинъ голланецъ, знавшій на столько математику, что былъ въ состояніи преподавать Петру геометрію и фортификацію. Какъ и отъ кого этотъ государь узналъ о другихъ наукахъ, неизвѣстно. Есть много данныхъ предполагать, что въ этомъ случаѣ ему не мало помогали иноземцы, жившіе издавна въ Россіи и съ которыми онъ особенно любилъ проводить время въ своей юности. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: Вейде, Брюсъ, Виніусъ были знакомы не по наслышкѣ съ европейскими науками. Послѣдній даже занимался переводами на русскій языкъ и владѣлъ замѣчательною библіотекою. Только въ перепискѣ съ этимъ Виніусомъ Петръ примѣшивалъ иногда сравненія изъ миѳологіи, упоминалъ о Вулканѣ, Марсѣ и т. п.[1]).

По возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ въ первый разъ высказалъ о необходимости распространенія въ Россіи знаній въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ (въ 1698 или 1698 г.). „И здѣ (т. е. въ Москвѣ), говорилъ тогда царь, порадѣть мощно, но мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, неназираетъ“... И далѣе: „хотя бы послати колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы“... Петръ разсуждалъ съ патріархомъ, а потому прежде всего высказывалъ: „евангельское ученіе и свѣтъ его, сіе есть знаніе божеское человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобно“, и потомъ уже приба-

---

[1]) Исторія Петра Великаго, Н. Устрялова, II, 407, 408, 430.

вилъ: „и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“... [1]).

Въ 1703 году плѣнный шведскій пасторъ Глюкъ, съ разрѣшенія царя, завелъ въ Москвѣ школу въ домѣ Нарышкина на Покровкѣ и надѣялся преподавать въ ней не только картезіанскую философію, но и языки, кромѣ европейскихъ, еврейскій, сирскій и халдейскій (самъ Глюкъ былъ оріенталистъ). Но пасторъ вскорѣ умеръ, и школа перешла въ завѣдываніе магистра философіи іенскаго университета Іоганна-Вернера Паузе, которому по этому случаю, въ началѣ 1706 года, дана была особая инструкція [2]). Тогда предполагалось въ этой школѣ

---

[1]) Ibid., III, 511, 512.

[2]) Паузе родился въ Турингіи въ 1670 г. и прибылъ въ Россію на основаніи патента Паткуля, приглашавшаго иностранцевъ въ русскую службу. Во второмъ отдѣленіи академической библіотеки сохраняются до нынѣ его бумаги, между которыми замѣчательнѣйшія озаглавлены Monumenta qua de vitae ac studiis meis testabantur. Здѣсь есть нѣсколько печатныхъ стихотвореній Паузе на разные случаи и въ честь ему. Для исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности любопытны письма и записки Паузе 1706 года, относящіяся до московской школы. Такъ, въ одномъ русскомъ отрывкѣ, Паузе писалъ, что съ мая до конца 1705 года ученики въ школѣ были раздѣлены на четыре класса: «съ тѣми всѣми, особно же съ ночющивающими у насъ (т. е. съ тѣми, которые и ночевали въ школѣ), утро рано начало наученія учинилъ молитвами, нѣкогда же пѣсньми; потомъ же читаніемъ само лучшія книги, изъ устъ Спасителя нашего истекающія, сирѣчь Новаго Завѣта, понеже тоя пособственная суть, чѣмъ благословеніе и умножество отъ Бога получимъ и души добрѣ предуготовляюща изряднія ученія, добрыхъ наукъ наказаніе и мудрость во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ принимати»... 20 мая 1706 года Паузе писалъ длинное письмо къ родственнику князя Меншикова, дьяку Анисиму Щукину: «Въ премногихъ болѣзнѣхъ, которія на меня напали, не меньшая есть, что я отъ нѣкоторыхъ своевольныхъ и своеправныхъ учениковъ, отъ сыновъ Весселовскихъ и Грамотина досслѣ страждалъ. Они бо, или преидущіи училище мое, или на дворѣ играющія, или на иномъ мѣстѣ гуляющіи очюнь много меня поругали, и хулили, и безчестили. Въ прошлой недѣли тоеждо титло шуркъ, сирѣчь по нѣмецки бл..... синъ, приложили мнѣ, которое непокорный учитель Глюкъ, непокаянный человѣкъ и неподобный синъ отца своего, мнѣ недавно придалъ.... Прошу убо милость вашу, чтобъ изволилъ средствомъ своимъ и повелѣніемъ учениковъ молчати и наказывати, чтобъ впредь мнѣ тако не сдѣлали, да недруговъ учениковъ на тое дѣло, на дурное безчестіе не приводили, но чтобъ снова училися долженственное послушаніе и похвальную честность изъявити. Также и помощь твою покорно возжелаю противъ Грамотина, подъячего отъ посольскаго при-

имѣть шесть классовъ, и здѣсь слѣдовало преподавать языки: латинскій, французскій, итальянскій, шведскій, еврейскій, греческій; также обучать: стилистикѣ, орѳографіи, счетоводству, исторіи, геометріи, географіи, астрономіи, музыкѣ, грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, физикѣ, политикѣ, наконецъ пристойному

каза, который недавно меня бл..... сииъ, с..... сииъ и муракъ бранилъ: сегодня ко мнѣ пришедъ, такожде сотворилъ и зѣло дурно безчестилъ меня, егда я сына его немножко отдержалъ отъ хуленія его. Такъ худо со мною дѣлается, такъ житіе мое вседневно наипаче огорчается!... Рубежи школьнаго моего чина зѣло узкіи суть, чтобъ мнѣ не подобаетъ паче любити человѣкоугодіе, нежели богоугодіе. И для того не дивно, что нѣкоторіи неиріятели гораздо притискали. Понеже учители чаютъ, яко ихъ съ помощію и подъ ласканіемъ г. дьяка и надзирателя стану озлобляти. Господинъ же дьякъ и другіе русскаго народа люди чаютъ, яко ихъ презираю и безъ указа или повелѣнія вся сотворю. Однако; какъ бы вся внутренняя сердца моего мысленія видѣли, никако да судили бы»...

Паузе впослѣдствіи занимался переводами на русскій языкъ и, между прочимъ, перевелъ, какъ видно изъ помянутыхъ бумагъ его, трудъ Гюйгенса Cosmoteoros, подъ заглавіемъ Книга мірозрѣнія, напечатанный два раза въ 1717 и 1724 годахъ. Послѣдніе годы жизни онъ былъ переводчикомъ при Академіи наукъ, и, въ мартѣ 1735 года, описывалась тамъ оставшаяся послѣ смерти его библіотека. Многія изъ рукописей Паузе, по этому описанію, заслуживаютъ вниманія, такъ-какъ онъ, между прочимъ, собиралъ и произведенія русскаго народнаго творчества. У него, напр., были: Ernesti Glück russische und teutsche Geographie Alexei Petrowitz dediciret, in 8°.—Teutsch-lateinisch und russisch Lexicon von M. Pause, gut und wieder vermehret. — Allerlei collectanea das Buch Kamen weri auctore Stephano Javorsky betreffend, bestehen theils in Nachrichten von diesem Buch, theils in Remarquen darüber. — Nachrichten von dem teutschen Gymnasio in Moscau. — M. Pause Reisebeschreibung aus Sachsen nach Moscau. — Praepositi Glück Praxis pietatis melica, oder evangelische Lieder russisch übersetzet. — Unterschiedliche Rätsel russisch und teutsch. — Extractum ruthenicum ex libris scriptionis et mensurae Basilii Beklemischew, de S. Trinitate, de divinae misericordiae etc. — Fabulae de heroe Bova Corolewitz. — Fabel von einem Helden gegen den Todt. — Redicula supplicatio ad episcopum Twerensem monachorum quod nimis stricte cogantur in monasterio vivere et prescribunt modum quomod fieri possit.—M. Pause zur Erlehrnung der slavonisch-russischen Sprache.—H. Petri Mulleri Tractatus de monetis ex russico conversus.—Allerhand Lieder in das russische übersetzet von praeposito Glück.—Allerlei Schriften die Kirchen und Schulen in Moscau angehend. — D. Lutheri Cathechismus von H. praeposito Glück ins russische übersetzt.—Das 2te imgleichen 4te Buch von Arendi Christenthum ins russische wertiret von M. Pausis. — Probst Glücks russische Predigt, Hochzeits-Carmen und andere Briefe. — General project von Aufrichtung der Schulen im russischen Reiche, russisch und teutsch. — Merkwürdige Schrifren das Gymnasium in Moscau betreffend. — Ausführliche Beantwortung des pasquils von den jetzigen conjucturen in Moscau gedruckt, 1706. Ridicula narratio de lite inter pisces, и проч. (I, Протоколы академическихъ засѣданій за 1735 годъ).

обхожденію и страху Господню. Въ февралѣ 1706 года Паузе представлялъ, что для русскихъ необходимо изученіе языковъ турецкаго и персидскаго, для чего надобенъ учитель и ученики особливо изъ благороднаго сословія, и что русская школа, заведенная папистами въ Нѣмецкой слободѣ должна быть уничтожена, такъ-какъ тамъ совращаются молодые русскіе въ ущербъ государству и господствующей вѣрѣ. Вскорѣ потомъ Паузе разсорился съ своими учителями, учениками и родителями послѣднихъ. 20 апрѣля 1706 года онъ жаловался князю Меншикову на непріятелей своихъ. „И тогда, писалъ онъ между прочимъ по-русски, три ученики, предпоученни на тое дѣло, лжесвидѣтельствовали, сирѣчь дѣтскія басни и сказки нѣкоторыя приносили, яко противъ святыхъ образовъ говорилъ. Не во единой школѣ обычай есть, что ученики власть имѣютъ противъ учителя своего свидѣтельствовати, для того и недостовѣрни суть со нѣкоторыми учительми, ненавистью, завистью, солганіемъ и лукавствомъ исполненними"... Школа эта вскорѣ за тѣмъ исчезла, но несмотря на краткое существованіе изъ учениковъ ея извѣстны нѣсколько образованныхъ людей, какъ то: Исаакъ и Ѳедоръ Веселовскіе, Иванъ Келлерманъ, Иванъ Грамотинъ, Лаврентій Блюментростъ.

Около того же времени, когда существовала въ Москвѣ школа Глюка, представленъ былъ Петру Великому проектъ о мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи. Неизвѣстный составитель его, очевидно иностранецъ[1]), является здѣсь поборникомъ греческаго языка, называя его главою про-

---

[1]) Проектъ хранится въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго, II, № 92, л.л. 520—535. Время его составленія можно приблизительно опредѣлить по упоминаніямъ: объ изданныхъ въ Москвѣ—Букварѣ, который вышелъ 1701 г., и славено-греко-латинскомъ Лексиконѣ, напечатанномъ въ 1704 г.: также объ иноземческихъ школахъ въ Москвѣ, существовавшихъ тамъ, какъ видѣли выше, въ 1703—1706 годахъ. По нѣкоторымъ выраженіямъ въ проектѣ, онъ кажется писаннымъ грекомъ. Въ 1704 году былъ въ Москвѣ грекъ Серафимъ, хлопотавшій о заведеніи тамъ греческихъ школъ. Это самое лицо при императрицѣ Аннѣ было судимо по подозрѣнію въ шпіонствѣ и потомъ послано въ ссылку въ Охотскій острогъ. Исторія москов. славено-греко-латинской Академіи, г. Сергѣя Смирнова (М., 1855 г.), 82, 83; Сборникъ отдѣленія русскаго яз. и словесности Академіи наукъ, IV, 416—424.

чихъ языковъ, которые раздѣляетъ одни на избранные для благочестивой вѣры, другіе же — для ученій богомерзкія, еретическія вѣры. За тѣмъ отдается преимущество латинскому языку, который должно преподавать во всѣхъ классахъ, начиная съ фары и кончая богословіемъ. Въ руководство рекомендуется приснопамятный въ іезуитскихъ школахъ учебникъ латинскаго языка Альвара. Весь проектъ написанъ подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній: главнѣйшая цѣль ученія прославленіе св. Троицы и т. п. Между прочимъ, тамъ упоминается, что въ современныхъ московскихъ школахъ съ учащихся не берется никакой платы и несмотря на то охотниковъ тамъ учиться является мало „и то съ мелкихъ чиновъ"; а между тѣмъ въ другихъ государствахъ родители не жалѣютъ платить большія деньги за образованіе своихъ дѣтей и посылаютъ ихъ въ дальнія страны для обученія. Любопытно, что составитель проекта воображалъ, что установленіе въ Москвѣ платы съ учащихся отъ 30 до 10 рублей, смотря по званіямъ ихъ отцевъ, размножитъ желающихъ учиться; сверхъ того, впрочемъ, предлагался и штрафъ отъ 100 до 30 рублей съ тѣхъ, кто не будетъ отдавать дѣтей своихъ въ школы. Сроки пребыванія въ школѣ для свѣтскихъ назначался шестилѣтній, а для духовныхъ — двѣнадцатилѣтній. Замѣчательно также, что въ поощреніе изучившихъ богословіе и философію предполагалось „опредѣляти въ какой нибудь свой государевъ чинъ", что́, какъ извѣстно, введено было потомъ и существуетъ у насъ по нынѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ проектъ не имѣлъ, впрочемъ, въ петровскія времени никакого примѣненія.

Великій германскій мыслитель Лейбницъ также представилъ нѣсколько замѣтокъ о томъ, что бы слѣдовало сдѣлать для распространенія наукъ и просвѣщенія въ Россіи. Онъ думалъ, что, кромѣ ученыхъ разысканій по разнымъ наукамъ, надобно было основать академію, разумѣя подъ этимъ словомъ высшее учебное заведеніе для образованія юношества, и потомъ учредить Gelehrt-collegium, или „коллегію наукъ", по современному переводу лейбницевскаго проекта. Можно съ достовѣрностью сказать, что мысли Лейбница объ этомъ учреж-

деніи дошли до Петра Великаго, такъ-какъ съ представленія знаменитаго ученаго сдѣланъ былъ тогда же переводъ, который до нынѣ хранится въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго[1]). О членахъ ученаго учрежденія Лейбницъ разсуждалъ: „Что касается до достоинства тѣхъ особъ, которыя въ оной коллегіи быть имѣютъ, то надлежитъ имъ совершенно и основательно дѣло свое разумѣть, ибо отъ мало-дѣло свое знающихъ земля никакой пользы не можетъ получить... Должность и чинъ оныхъ въ томъ состоять имѣетъ: 1) науки свои наилучшимъ образомъ описать и оныя еще ежедневно въ искусство производить, дабы что новаго еще въ оныхъ инвентовали. 2) Смотрѣть, чтобъ младенчество въ государствѣ во всякихъ добрыхъ наукахъ воспитано было. 3) Когда младенчество въ состояніи есть въ чюжіе краи ѣхать, всякаго испытать, къ чему который способнѣе, и о томъ его величеству донесть, который тогда всемилостивѣйше укажетъ, чтобъ такой молодой человѣкъ того смотрѣлъ, для чего оный въ чюжіе краи посланъ“...

Это мѣсто изъ представленія Лейбница есть единственное во всей извѣстной его до нынѣ перепискѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ учрежденіи такой коллегіи, гдѣ члены исполняли бы обязанности, обыкновенно налагаемыя на ученыя общества, которыя принято называть Академіями, и въ то же время имѣли бы надзоръ за ходомъ просвѣщенія во всемъ государствѣ. Представленіе Лейбница, поданное между 1712—1716 годами, оставлено Петромъ Великимъ безъ осуществленія, но о немъ не разъ вспоминали и у насъ, и за границею, такъ-что потомъ утвердилась мысль, что наша Академія наукъ основана императоромъ по мысли и внушеніямъ Лейбница[2]).

---

[1]) Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, № 38, л.л. 183—190.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что проектъ Лейбница объ учрежденіи въ Петербургѣ Академіи наукъ затерялся; но въ опроверженіе этому служитъ письмо самого Лейбница къ Шафирову, писанное за пять мѣсяцевъ до смерти перваго изъ нихъ (22 Іюня 1716 года) и заключающее въ себѣ подробный перечень представленій философа царю; здѣсь, однако, не находится никакого указанія на упомянутый проектъ. Въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ № 307, есть слѣдующее свѣдѣніе о письмахъ Лейбница, бывшихъ въ прошломъ вѣкѣ въ Академіи наукъ и извѣстныхъ и нынѣ: «Съ комисской резо-

При учрежденіи въ Россіи коллегій, по примѣру Швеціи, не могли не понадобиться лица съ инымъ образованіемъ и иными взглядами, чѣмъ тѣ, которые до сихъ поръ сидѣли по разнымъ приказамъ. Поэтому должна была зайти рѣчь о необходимости достать новыхъ людей. Въ одномъ изъ подобныхъ предположеній о коллегіяхъ, представленномъ Петру Великому, безъ обозначенія и подписи составителя его[1]), находится такое заключеніе: „И понеже къ прежде помянутымъ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такія достойныя персоны имѣть можетъ, къ чему же лучшій есть способъ, дабы ваше царское величество про свою шляхетную юность повелѣть соизволили академіи уставить, въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ. И чрезъ такія академіи потомъ и польза послѣдуетъ: 1) можетъ такой младой шляхтецъ малыми коштами и гораздо меньшими иждивеніями, нежели въ чюжихъ

люціи августа 24 числа 1767 года. Его сіятельство графъ Володиміръ Григорьевичъ Орловъ изволилъ отдать пять писемъ на иностранныхъ языкахъ съ переводами, которыя его сіятельство получилъ изъ библіотеки, писанныя отъ Лейбница къ государю императору Петру I и къ бывшему вицеканцлеру барону Шафирову о заведеніи въ Россіи наукъ и художествъ и о учрежденіи коллегій, и приказалъ оныя письма отдать для сохраненія въ конференцъ-архиву при копіи съ сего.

«Aus der Commission der keyserlichen Academie der Wissenschaften sind zum Conferenz-Archiv nachstehenden Schriften des H. von Leibnitz nebst den russischen Übersetzungen derselben abgeliefert worden, als: 1. Copia eines Schreibens an Petrum den Grossen, betreffend die Einrichtung derer Collegien, 2 Bog.; 2. Copia eines an den Reichs-Vice-Cantzler B. von Schafiroff von H. von Leibnitz erlassenen Schreibens, in welchen er um eine Resolution auf verschiedene Anträge anhält. Piermont, 22 Junii, 1716, 1 Bog.; 3. Observationes über die Magnet Nadel, 1 Bog.; 4. Weiterer Vorschlag zur Beförderung der Künste und Wissenschaften in Russland, 1 Bog., französisch; 5. Copia eines Schreibens an Petrum den Grossen von den H. von Leibnitz, welches eine eclaircissement der Künste und Wissenschaften in Russland enthalt, 1 Bog.

Worüber hiemit quittire. S.-Petersburg, d. 4 Sept. 1767, Archivarius I. I. Ungebauer.»

[1]) Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, № 90, л. л. 456—463.

земляхъ, въ здѣшней землѣ учиться. 2) Въ чюжихъ земляхъ меньше, нежели въ своей землѣ, учиться можетъ, понеже тамо надзиранія добраго не имѣетъ, но въ великой своей вольности живетъ. 3) Деньги, которыхъ въ чюжихъ земляхъ имѣли издержать, въ своей землѣ остаются. 4) На такихъ академіяхъ можно каждаго поятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чюжихъ земляхъ бо́льшей части юности удается. А вышепомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ са́намъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ. 5) Когда же юности, по достигшей поятности, изъ Академіи вышедше, во чюжія земли для совершеннаго доученія пожелаютъ выѣхать, тогда въ единъ годъ больше, нежели иначе въ десять лѣтъ пользовать могутъ, и гораздо меньшими харчьми, нежели за моремъ, внегда ихъ очень младыхъ высылаютъ, достигнуть могли. А сицевыя академіи вашему царскому величеству ни во что не станутъ, а юности шляхетской больше не станетъ, нежели нынѣ за едину пищу свою принуждены платить".

Въ докладѣ Генриха Фика, поданномъ царю 11 іюня 1718 года, онъ упоминалъ, между прочимъ, что составилъ записку „о нетрудномъ обученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ людей, чтобъ оныхъ въ малое время въ такое совершенство поставить, дабы ваше величество всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ и магистратахъ и прочая своими природными подданными наполнить, такожъ и собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ получить могли"... На этомъ-то докладѣ Петръ Великій, конечно имѣя въ виду учебное заведеніе для молодыхъ русскихъ, писалъ: „сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія, кто (?) сіе учинитъ сего году начало [1]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, V, № 3208.

Въ 1720 году баронъ Магнусъ-Вильгельмъ Ниродъ[1]) подалъ Петру прошеніе[2]) въ которомъ объяснялъ, что онъ по духовному завѣщанію, составленному 28 мая 1717 года, имѣнія свои Альпъ, Седелькауленъ и Кукферъ отказалъ на содержаніе устроеннаго имъ училища и что въ это заведеніе выписаны наставники изъ Германіи, имѣется докторъ и болѣе двадцати „шляхетныхъ и нешляхетныхъ учениковъ". Въ школѣ, писалъ Ниродъ, обучены будутъ дѣти нѣмецкому, латинскому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, философіи, ариѳметикѣ, землемѣренію (геометріи) и фортификаціи, архитектурству и живописному. Они жъ обучены будутъ политикѣ, морали (граждано-нравіямъ) и въ политичныхъ дѣлахъ; такожъ и танцовать, на шпагахъ битца и на лошадяхъ ѣздить"... Ниродъ предлагалъ царю свое училище для образованія и русскихъ: „понеже государство вашего царскаго величества и младенчество многочисленно, то обѣщаюсь всепокорнѣйше толикое число школъ пристроить, чтобъ по вся годы двѣсти или триста дѣтей для обученія вышеписаннымъ же договоромъ (Ниродъ полагалъ взимать въ годъ за каждаго ученика на пол-

---

[1]) Родъ Нироловъ владѣлъ землями въ Эстландіи съ XVI столѣтія. Магнусъ-Вильгельмъ Ниродъ служилъ маіоромъ въ шведской службѣ и, 5 февраля 1687 г., пожалованъ въ бароны; потомъ, въ 1710 году, онъ, вмѣстѣ съ другими, подписалъ сдачу русскимъ войскамъ города и крѣпости Ревеля, былъ ландратомъ въ Эстляндіи и, наконецъ, вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи (Nordische Miscellaneen von Hupel, XVIII и XIX, 287—290; Русскій Архивъ г. Бартеньева, 1869 г., О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ, г. Д. Полѣнова, стр. 1744, 1760.

[2]) Въ современныхъ переводахъ съ прошенія Нирода и указа по этому поводу Петра Великаго (Кабинетныя дѣла этого государя, II, № 39, л. л. 205—212) не обозначено времени написанія ихъ; но это узнаемъ изъ письма Макарова къ государю изъ Петербурга, отъ 10 марта 1720 года: «прошеніе Нdatabodо о школахъ послалъ я къ г. Девіеру и писалъ къ нему, чтобъ онъ вашему величеству объ ономъ донесъ»... 14 марта 1720 года, Девіеръ сообщалъ «отъ водъ марціальныхъ» Макарову: «Письмо ваше и притомъ меморіалъ и привилегію барона Нирода о школахъ я исправно получилъ, и какъ объ оныхъ, такъ и о другихъ письмахъ его царскому величеству доносилъ. Противъ чего его величество изволилъ на нѣкоторыя дѣла учинить рѣшеніе, о чемъ и указы отъ его величества къ кому надлежитъ при семъ посылаются, для извѣстія вамъ, за отворчатою печатью; а о другихъ дѣлахъ изволилъ отложить до другова времени.» Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, № 47, л. л. 258, 259, и № 46, л. 3.

номъ содержаніи по 100 руб.) могли приняты быть; но понеже для произведенія такого великаго строенія довольнаго числа людей не имѣю, того ради прошу нижайше, да соблаговолитъ ваше царское величество отъ обрѣтающихся полоненниковъ такое число, сколько понадобится къ экономіи и для всякой потребы при школѣ, такожъ и мастеровыхъ людей для строенія школъ всемилостивѣйше повелѣть мнѣ опредѣлить, егда они къ тому добровольно похотятъ и присягу вѣрности прежде учинятъ"... Надобно замѣтить, что училище барона Нирода еще прежде обратило на себя вниманіе архіепископа Ѳеофана Прокоповича, и онъ писалъ о немъ къ Марковичу 10 мая 1720 года: „... чрезъ Ливонію, на пути въ Дерптъ, я посѣтилъ село Альпъ, чтобы взглянуть на семинарію, которую тамъ содержитъ баронъ Нироды, владѣлецъ этого и другихъ селъ: самъ онъ служитъ здѣсь въ Петербургѣ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи, управляемой княземъ Голицынымъ. Въ школѣ его четыре учителя и до ста воспитанниковъ, бо́льшею частію ливонцы, но есть нѣсколько и русскихъ. Я увеличилъ число ихъ, пославъ туда трехъ молодыхъ людей (которые прибыли вмѣстѣ съ родителями изъ Кіева) для изученія греческаго, еврейскаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи"...[1]).

При помянутомъ прошеніи барона Нирода приложенъ проектъ указа отъ имени царя, въ силу котораго имѣнія, завѣщанныя на пользу училища, освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, а окончившимъ тамъ курсъ ученикамъ обѣщалось всякое покровительство и поощреніе. Въ указѣ, обращенномъ къ ревельскому губернатору и прочимъ властямъ, сказано, что имѣнія тѣ предназначены „къ споможенію славы Божіей и на созиданіе и присное содержаніе для обученія сиротъ одного дому, въ которомъ шляхетскія и нешляхетныя сироты и убогія дѣти въ страсѣ Божіи и въ христіанскихъ добродѣтеляхъ обу-

---

[1]) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, IV, 49, 50.

чены и воспитаны быть имѣютъ". Неизвѣстно, состоялся-ли на дѣлѣ этотъ указъ, а также, какая судьба постигла учебное заведеніе барона Нирода, о которомъ есть свѣденіе, что оно было учреждено по образцу сиротскихъ домовъ въ Галле, стало-быть въ немъ была введена метода извѣстнаго въ свое время піетиста Августа-Германа Франка. Изъ нироловскаго училища извѣстенъ только одинъ ученикъ Шилингъ, который потомъ учился при Академіи наукъ и былъ впослѣдствіи русскимъ придворнымъ врачемъ [1]).

Таковы были предположенія о мѣрахъ къ распространенію и водворенію просвѣщенія въ Россіи, которыя представлялись Петру Великому и которыя дошли до нашего времени. При разсмотрѣніи теперь этихъ предположеній не трудно замѣтить, что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ. Такимъ образомъ просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощію его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Нельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, несомнѣнно заключало въ себѣ что-то случайное и непрочное, и это необходимо долженствовало неблагопріятно вліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ-какъ при такомъ направленіи капризный произволъ, а также поверхностность, отсюда легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукѣ, наконецъ равнодушіе къ ея успѣхамъ, если только не имѣла она тотчасъ же понятнаго для многихъ примѣненія на дѣлѣ, — все это могло быть явленіями, прямо вытекавшими изъ такого взгляда на просвѣщеніе.

---

[1]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 115.

II.

Учрежденіе Академіи наукъ Петромъ Великимъ. Двоякое назначеніе ея. Заботы объ устройствѣ хозяйственной части Академіи. Особенное благоволеніе къ ней Императрицы Екатерины I. Публичныя собранія и ученыя засѣданія академиковъ въ старину.

Секретарь Петра Великаго, Алексѣй Макаровъ, состоявшій при немъ много лѣтъ, сохранилъ для потомства одну „присловицу", которую часто говаривалъ государь: „легче-де всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать" [1]). Эту присловицу Петръ Великій осуществилъ при основаніи въ Петербургѣ Академіи наукъ: онъ не обратился къ исправленію, улучшенію или распространенію существовавшихъ до того времени русскихъ училищъ, но рѣшился создать такое новое заведеніе, которое и по назначенію своему — преслѣдованіе въ одно и то же время цѣлей ученаго общества и учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ—и по составу—въ нихъ должны были быть приглашены иноземцы, незнакомые ни съ языкомъ, ни съ нравами такого особеннаго отъ прочихъ европейскихъ странъ государства, какъ Россія—представляло безспорно единственный примѣръ въ исторіи европейскаго просвѣщенія.

Намѣреніе Петра Великаго учредить на такомъ основаніи Академію наукъ въ Петербургѣ должно отнести никакъ не позже 1720 года, такъ-какъ германскій мыслитель Вольфъ, 11 января 1721 года, уже писалъ къ царскому лейбъ-медику Блюментросту: „Его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣ-

---

[1]) Въ Государственномъ архивѣ докладъ Алексѣя Макарова о камеръ-коллегіи, около 1732 года.

стѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣлъ передъ тѣмъ"... [1]).

Въ февралѣ того же 1721 года, государь уже отправилъ Шумахера хлопотать между прочимъ „для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ"... [2]).

Въ 1722 и 1723 годахъ Петръ, отвлечённый вѣроятно государственными дѣлами, не приступалъ ни къ какимъ распоряженіямъ для осуществленія намѣренія, о которомъ такъ положительно заявилъ въ 1720 году Вольфу. По современнымъ разсказамъ оказывается, что императоръ вспомнилъ о томъ при докладѣ лейбъ-медика Блюментроста о приглашеніи нѣсколькихъ ученыхъ для императорской библіотеки и кунсткамеры и приказалъ вызвать въ Петербургъ спеціалистовъ по важнѣйшимъ наукамъ, чтобы составить Академію, къ чему государь считалъ себя какъ бы обязаннымъ въ качествѣ члена Парижской Академіи наукъ [3]).

---

[1]) Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 3, 4.

[2]) Наука и летература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 534.

[3]) См. стр. 4, 5, 19 и 20 настоящаго труда. О парижской Академіи наукъ признано было умѣстнымъ упомянуть въ предисловіи къ первому тому періодическаго изданія Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae. Здѣсь послѣ разсказа объ изученіи Петромъ Великимъ мореходнаго искусства въ Англіи и Голландіи, и—военной науки въ Германіи, слѣдуетъ: «In Gallia copia rerum et ingenio atque humanitate incolarum mirum in modum delectatus est, occurentibus veluti eruditis atque invicem certantibus ut bonarum artium studia hospiti commendarent: Academiam vero parisinam, perspecta ejusdem utilitate meritisque academicorum, ita delexit, ut insolito quidem sed memorabili exemplo isti Societati nomen daret. Non enim a Majestate sua alienum putavit, in eorum collegium adoptari, quorum opera atque vigiliis, pacis bellique artes ab ignorantia pristinorum saeculorum vindicantur et naturae scientia, qua nihil pulchrius, nihil excellentius humanum ingenium novit, his nostris temporibus incredibiliter aucta atque perfecta est.... Postea vero quam bellum difficile et pertinax memorabili ac gloriosa pace composuerat, ad nutriendas excolendasque in regnis suis artes praecipue curam intendit, et consilium condendae Petropoli Academiae, quod jamdiu presserat, exequendum duxit. Fuit ille quidem ita de salute ac fama gentis suae solicitus, ut nihil domi omitterit, quod, sive ad extruendam urbem suo nomine dignam, sive ad classem navium amplissimam et cum instructissimmis quibusque comparandam requireretur, sed multo magis armis requiescentibus imitandam putavit illustrem Gallorum, quam paulo ante diximus, Academiam, et cum mineme ignoraret, quantis difficultatibus obnoxium

Мысль Петра Великаго, высказанная имъ въ письмѣ къ Вольфу, была потомъ развита и обработана въ докладѣ объ Академіи наукъ лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, и этотъ докладъ разсматривался государемъ 22 января 1724 г. Въ началѣ представленія ясно обозначено различіе Академіи, — высшаго ученаго общества, отъ университета — высшаго учебнаго заведенія, а потомъ говорится, что оба эти учрежденія, если будутъ основаны въ Россіи, по примѣру другихъ государствъ, отдѣльно, то не принесутъ пользы, такъ-какъ хотя отъ Академіи „художества и науки въ своемъ состояніи производятся, однакоже оныя не скоро въ народѣ расплодятся. А при заведеніи университета и меньше того: ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ... то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ“. Поэтому академики обязывались, кромѣ прямой своей должности объ усовершенствованіи тѣхъ наукъ, которымъ себя посвятили, читать публичныя лекціи и приготовлять молодыхъ людей къ наставнической обязанности. По мнѣнію составителя доклада, такое умноженіе и усложненіе обязанностей академиковъ давало будто бы преимущество петербургской Академіи предъ парижскою. Она должна была состоятъ изъ трехъ классовъ: „въ первомъ классѣ содержались бы всѣ науки математическія и которыя отъ оныхъ зависятъ; во второмъ всѣ части физики (сюда входили, кромѣ физики, анатомія, химія и ботаника); въ третьемъ, гуманіора, гисторія и права“. Члены этихъ трехъ классовъ Академіи въ то же время дѣлались профессорами установленнаго при ней университета, который дѣлился на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Далѣе предполагалось, чтобы каждый академикъ написалъ на латинскомъ языкѣ систему науки, для которой онъ призванъ, и чтобы эти ученые приготовляли одного или двухъ молодыхъ людей, которые могли бы со временемъ заступать ихъ мѣста. Противъ этого пункта Петръ Великій написалъ: „над-

---

esset negotium, tantum abest, ut a proposito desisteret, ut potius, quae erant obstacula mirabili benignitate expugnaret.»

лежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить". Это повелѣніе императора не было оставлено безъ вниманія, и тогда же писано въ Вѣну къ нашему дипломатическому агенту Ланчинскому о пріисканіи тамъ двѣнадцати студентовъ, способныхъ, хорошаго поведенія и знающихъ по славянски или по чешски. На это нашъ дипломатъ отвѣчалъ (въ іюнѣ 1724 г.), что въ вѣнскомъ университетѣ не процвѣтаютъ математическія науки и только по части humaniora и медицины можно найти такихъ людей, въ какихъ нуждается Академія. Впрочемъ, по словамъ Ланчинскаго, славянскій языкъ весьма мало въ употребленіи у студентовъ, такъ-какъ имъ пренебрегаютъ даже тѣ, которые происходятъ изъ славянъ [1]).

Въ концѣ проекта говорится, что Академія не можетъ быть учреждена, не имѣя двадцати тысячъ на свое содержаніе, а государь противъ этого мѣста написалъ: „Доходъ на сіе опредѣляется 24.912 р., которые сбираются съ городовъ Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга таможенныхъ и лицентныхъ".

Послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ проекта академическаго устава, началась обширная переписка о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ. Бо́льшая часть тогдашнихъ ученыхъ, къ которымъ относились по этому предмету, отвѣчали похвалами монарху за стараніе водворить науки въ своемъ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выражали и сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Такъ напр. Петръ фонъ-деръ-Аа изъ Лейдена писалъ къ Блюментросту 25 апрѣля 1724 г.: „учрежденіе Академіи его императорскимъ величествомъ есть дѣло образцовое и достойное осуществленія и исполнененія такимъ великимъ государемъ и героемъ — это увѣковѣчится въ памяти людей. Со временемъ его императорское величество, при помощи очень значительнаго жалованія, найдетъ людей знаменитыхъ въ литературной республикѣ, но въ настоящее время, не угодно-ли вамъ, милостивый государь, обратить вниманіе на то, что тѣ, которые уже пріобрѣли себѣ извѣстность,

---

[1]) Briefe von Christian Wolff, (S.-Petersburg, 1860), 244, 245.

имѣютъ хорошія мѣста и не покинутъ ихъ для того, чтобы ѣхать такъ далеко. Непріобрѣвшіе же себѣ извѣстности должны поступать весьма осмотрительно, чтобы не быть отосланными назадъ, если не будутъ соотвѣтствовать требованіямъ его императорскаго величества относительно искусствъ и наукъ..."[1]). Впрочемъ было получено нѣсколько и такихъ отвѣтовъ, въ которыхъ требовались дальнѣйшія разъясненія объ условіяхъ.

Существованіе въ первое время Академіи наукъ тѣсно связано съ двумя учрежденіями, основанными въ Петербургѣ также Петромъ Великимъ, но гораздо прежде — это библіотекою, замѣчательною какъ первое, доступное для общественнаго пользованія книгохранилище, и кунсткамерою. Первая начала составляться изъ книгъ, которыя попадались нашимъ войскамъ при завоеваніи городовъ въ остзейскомъ краѣ, потомъ увеличилась нѣсколькими собраніями, поступавшими въ нее послѣ смерти или опалы разныхъ вельможъ. Кунсткамера въ особенности обогатилась послѣ пріобрѣтеній царемъ, во вторую его поѣздку по Европѣ, самыхъ разнообразныхъ коллекцій[2]). Въ 1719 году библіотека на столько умножилась, что не могла помѣщаться въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ находилась до того времени, и потому перенесена въ домъ Кикина, находившійся близь Смольнаго двора, на берегу Невы, прямо противъ охтенскихъ слободъ[3]). Въ 1722 году уже строилось зданіе на Васильевскомъ островѣ, предназначавшееся для помѣщенія кунсткамеры: Петръ Великій, будучи въ Астрахани, писалъ 22 декабря 1722 года, чтобы домъ для кунсткамеры непремѣнно окончить къ будущему лѣту[4]). Это зданіе есть то самое, въ которомъ и теперь помѣщаются библіотека и обсерваторія Академіи наукъ, противъ дворцоваго моста. По преданію сохранилось, что до сооруженія кунсткамеры на мѣстѣ, гдѣ она построена, росли

---

[1]) Входящія письма 1723—1724 годовъ.

[2]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 46—58.

[3]) Въ этомъ домѣ долгое время потомъ находились церковь и канцелярія лейбъ-гвардіи коннаго полка; впослѣдствіи же времени туда переведена канцелярія петербургскаго гарнизоннаго батальона.

[4]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 55.

двѣ сосны, у которыхъ сукъ одной вросъ въ другую такъ, что нельзя было узнать, которой изъ сосенъ обязанъ онъ своимъ происхожденіемъ. Это обстоятельство и подало Петру Великому мысль устроить на этомъ мѣстѣ хранилище рѣдкостей и въ числѣ ихъ помѣстить также отрубокъ съ помянутымъ сукомъ, который дѣйствительно хранится въ академическомъ музеѣ и до нынѣ.

Послѣ кончины Петра Великаго, Екатерина I поспѣшила заявить чрезъ русскихъ дипломатовъ при европейскихъ дворахъ и посредствомъ газетныхъ статей, что она твердо намѣрена довершить предпринятое покойнымъ государемъ намѣреніе учредить въ Петербургѣ Академію наукъ, а потому приглашенные при жизни императора ученые во второй половинѣ 1725 года стали съѣзжаться въ Петербургъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, именно 30 апрѣля 1725 года, лейбъ-медикъ Блюментростъ, назначенный потомъ новою императрицею въ президенты Академіи, ходатайствовалъ, чтобы для вновь ожидаемыхъ членовъ и взятыхъ ими студентовъ былъ очищенъ отобранный въ казну домъ Шафирова, (на Петербургской сторонѣ, по берегу Невы близь мыса къ большой Невкѣ). Лейбъ-медикъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о достройкѣ вышеупомянутаго зданія на Васильевскомъ островѣ для библіотеки и кунсткамеры, а также объ отдачѣ Академіи находящагося рядомъ, съ лѣвой стороны этого зданія, дома царицы Прасковьи Ѳедоровны, который тогда былъ отдѣланъ только вчернѣ [1]). Домъ этотъ впослѣдствіи уступленъ таможенному вѣдомству, и въ настоящее время въ немъ, между прочимъ, помѣщается рисовальная школа для приходящихъ [2]). Въ докладѣ Блюментроста императрицѣ невольно останавливаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто, которое, пред-

---

[1]) Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, № 71, л. л. 235, 236. Въ іюлѣ 1725 г. о достройкѣ этого дома есть вѣдѣніе архитектора Гаетано.

[2]) Въ Наукѣ и литературѣ при Петрѣ Великомъ, I, 63, помѣщено невѣрное извѣстіе, что это зданіе донынѣ принадлежитъ Академіи наукъ. Что касается до большаго ея дома по правую сторону теперешней библіотеки и напротивъ университета, то онъ начатъ постройкою директоромъ Академіи, княгинею Дашковою въ 1783 г., а оконченъ въ 1787 г.

ставляя образчикъ взглядовъ и нравовъ добраго стараго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, въ какія мелкія подробности входилъ Петръ Великій при осуществленіи разъ задуманныхъ имъ предпріятій: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество именно приказалъ, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостачить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ не взачетъ кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ Академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ, дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли учинили"....[1])

Докладъ Блюментроста былъ утвержденъ вполнѣ: дома, о которыхъ онъ ходатайствовалъ, переданы въ вѣдѣніе Академіи; кромѣ того, нанято было нѣсколько домовъ частныхъ лицъ для временнаго помѣщенія членовъ Академіи и служившихъ въ ней[2]). Первое время пріѣхавшіе въ Петербургъ академики не имѣли никакихъ заботъ ни о помѣщеніи, ни о содержаніи, такъ-какъ все было заготовлено заранѣе къ ихъ пріѣзду и притомъ

---

[1]) II, книга № 1.

[2]) Изъ примѣрнаго разсчета о помѣщеніи академиковъ въ 1726 году можно видѣть слѣдующія подробности: «Всякому профессору надлежитъ на послѣднюю мѣру четыре камеры; одну поварню съ кладовою камерою; одну людскую избу, одинъ ледникъ и погребъ; такожде, ежели возможно, дабы сдѣланы были конюшни... Всякому студенту надлежало бъ имѣть по двѣ камеры.... Между оными суть двое женатые, которымъ надлежало бъ имѣть по четыре камеры»... II, книга № 2. Что касается до жалованья, назначеннаго академикамъ, то оно было довольно значительно, если не забывать тогдашнюю дороговизну денегъ. Двое изъ ученыхъ членовъ Делиль и Германъ получали первый 1800 р., второй—1500 р. Затѣмъ бо́льшая часть остальныхъ имѣли по 800 р.; нѣкоторые по 600 и 500 руб.; адъюнкты — по 300 р. Впослѣдствіи цѣны въ Петербургѣ быстро дорожали на всѣ предметы, но академикамъ назначалось съ квартирою по 660 р., адъюнктамъ 330 р.; исключенія дѣлаемы только были для нѣкоторыхъ или давно находившихся на службѣ, или же по особымъ уваженіямъ. Въ такихъ случаяхъ содержаніе увеличивалось до тысячи рублей.

въ изобиліи [1]). „Однимъ словомъ, говоритъ современникъ [2]), старались всѣми способами сдѣлать жизнь въ Петербургѣ пріятною для новопріѣзжихъ. Еще немного съѣхалось сюда профессоровъ, однако императрица, которой докладывалось о прибытіи каждаго, приказала лейбъ-медику Блюментросту представить ей ученыхъ. Это происходило 15 августа 1725 года въ лѣтнемъ дворцѣ.... При входѣ въ садъ г. Блюментростъ встрѣтилъ академиковъ увѣреніями, что ихъ присутствіе будетъ пріятно ея величеству. Онъ повелъ ихъ по саду и показывалъ прекрасныя мраморныя статуи и фонтаны, придававшія великолѣпіе саду, и въ особенности прелестный гротъ, украшенный Венерою, ни въ чемъ не уступавшею медиційской. Академикъ Байеръ считалъ и описалъ ее какъ произведеніе древняго греческаго искусства. Здѣсь находился гофмаршалъ Олсуфьевъ, любезно привѣтствовавшій ученое общество отъ имени императрицы. Затѣмъ пришелъ князь Меншиковъ и, поздравивъ ученыхъ съ счастливымъ прибытіемъ, представилъ имъ бывшаго при немъ юнаго сына своего, какъ будущаго слушателя ихъ.... Нѣкоторое время спустя, взошелъ камеръ-президентъ баронъ фонъ-Левенвольдъ съ объявленіемъ, что общество можетъ явиться на аудіенцію къ ея величеству, и повелъ ихъ въ императорскіе покои. Императрица стояла около стола, окруженная обѣими цесаревнами, герцогомъ голштинскимъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ. Послѣ почтительнаго поклона, академикъ Германъ произнесъ краткую рѣчь на французскомъ языкѣ, которую переводилъ г. Блюментростъ. За тѣмъ говорилъ по нѣмецки академикъ Бильфингеръ: этотъ языкъ императрица понимала очень хорошо, и потому г. Блюментростъ не имѣлъ надобности передавать рѣчь въ переводѣ. Императрица отвѣчала сама очень милостиво, выразивъ притомъ, что ей чрезвычайно пріятно прибытіе изо всѣхъ странъ ученыхъ, и что она будетъ заботиться всѣми способами выказывать къ нимъ свое благоволеніе. За

---

[1]) См. письмо о томъ Байера, напечатанное въ Leipziger gelehrte Zeitung, 1726, № XXXVIII, 383.

[2]) Исторіографъ Мюллеръ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 79, 83.

тѣмъ академики при отпускѣ были допущены къ рукѣ императрицы и всѣхъ особъ императорской фамиліи, а потомъ ихъ угощали императорскимъ столомъ въ одномъ изъ смежныхъ покоевъ. Таковъ былъ почетъ, оказанный Академіи при ея началѣ, на аудіенціи, которой великолѣпнѣе и благосклоннѣе не могли желать и важнѣйшіе изъ посланниковъ!"...

Послѣ этого представленія тотчасъ же начались въ вышеупомянутомъ шафировскомъ домѣ засѣданія, называвшіяся конференціями, въ которыхъ академики, какъ и нынѣ, предлагали на судъ сочленовъ свои сочиненія, мысли и открытія. Впрочемъ первое, записанное въ протоколъ извѣстіе о томъ, что происходило въ конференціи, относится только къ 12 ноября 1725 года: въ это засѣданіе происходило чтеніе статьи, касавшейся высшей математики — науки, занятіями которой наша Академія въ короткое время пріобрѣла особенный блескъ и значеніе въ ученомъ мірѣ [1]).

Выше было уже говорено, что собственно основаніе Академіи было признано дѣломъ рѣшеннымъ послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ доклада о томъ Блюментроста. Между-тѣмъ ученое общество не имѣло еще устава, въ которомъ бы точно и опредѣлительно изложены были всѣ относящіяся до Академіи постановленія. Блюментростъ, какъ только прибыли въ Петербургъ ученые, поспѣшилъ составить такой уставъ, въ который, въ распространенномъ видѣ, вошли всѣ статьи первоначальнаго доклада.

Представляя этотъ уставъ, въ сентябрѣ 1725 года, императрицѣ Екатеринѣ I, Блюментростъ писалъ: „всепокорно прошу ваше императорское величество, да повелитъ изслѣдовать сей регламентъ, что въ немъ есть исправить и что согласно

---

[1]) Вотъ начало академическихъ протоколовъ: Privatae consultationes multo ante publicum conventum coeptae sunt, in iis autem disseruerunt viri clarissimi: A. 1725, d. 13 Nov. Herrmannus de figura telluris sphaeroide cujus axis minor sit intra polos a Newtono in Principiis Philosophiae mathematicis synthetice demonstratam annalytica methodo deduxit. Opposuit Bulfingerus has demonstrationes locum habere, si terra ante quam circa axem rotaretur sphaerica fuisset, sed de hoc ipso dubitari posse. (I, Протоколы 1725 г.).

въ народъ объявить[1]).“ Впрочемъ, представленіе осталось неутвержденнымъ, отчего Академія наукъ была съ перваго года своего существованія предана безотчетному произволу лицъ, которымъ поручено было ея управленіе, что́ и было потомъ главнѣйшею причиною разстройства хозяйственной части ея управленія, а также внутреннихъ нескончаемыхъ раздоровъ между учеными и лицами, считавшими себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами этого учрежденія.

Одною изъ первыхъ заботъ Блюментроста было также назначеніе торжественнаго засѣданія въ Академіи. Сначала его предполагали устроить на другой день тезоименитства императрицы Екатерины I, но такъ-какъ по Невѣ шелъ ледъ и сообщеніе Васильевскаго острова съ остальнымъ городомъ прекратилось, то это засѣданіе могло состояться только 27 декабря 1725 года. Тогда къ петербургскому обществу было обращено особое печатное приглашеніе съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ засѣданіе. Приглашеніе было напечатано на латинскомъ и русскомъ языкахъ, и оно должно считаться первымъ заявленіемъ о себѣ Академіи предъ русскимъ обществомъ. Замѣчательно, что въ этотъ только разъ Академіи приданъ былъ титулъ россійской, такъ-какъ впослѣдствіи она уже называлась петербургскою, а первое названіе усвоило себѣ другое учрежденіе, основанное въ позднѣйшія времена, именно при Екатеринѣ II[2]).

---

[1]) Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, книга № 71, л. 231. Уставъ Блюментроста напечатанъ по списку, доставленному изъ Москвы П. Ивановымъ, въ Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ, II, 173—184, и въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, V, смѣсь, стр. 1 — 18. Въ дѣлахъ академической канцеляріи есть рукописный экземпляръ того же устава болѣе исправный, чѣмъ печатные.

[2]) Вотъ это приглашеніе, передаваемое здѣсь съ соблюденіемъ правописанія подлинника: «Академія наукъ россійская чітателю здравіе. Чітаемъ, яко Римляне древле, и другіе народы обычаи имѣли, въ тѣ самые дни, въ которые Боговъ и Богінь праздиества творяхуся, ихже наче иныхъ благополучны и щастлівы быти разсуждали, о главнѣйшіхъ дѣлѣхъ Государственныхъ совѣтовати, и иные вящшіе важности дѣла дѣлати и оттуду начінати. Колми наче, мы правѣе въ сіе время, ДЕРЖАВНѢЙШІЯ ІМПЕРАТРІЦЫ ВЫСОКОСЛАВНОМУ ИМЕНИ посвященное, еже ты, сящекратно въ радости да возвращается-

Празднованіе екатеринина дня подало императрицѣ Екатеринѣ I новый случай выказать свое благоволеніе къ академикамъ: 24 ноября передъ обѣднею они поздравляли государыню съ праздникомъ, при чемъ академикъ Гольдбахъ произнесъ краткую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ. По приказанію императрицы, президентъ угощалъ потомъ въ своемъ домѣ обѣдомъ отъ императорскаго двора всѣхъ академиковъ и адъюнктовъ; при чемъ было объявлено о возведеніи императрицею двухъ молодыхъ ученыхъ Гросса и Мейера въ академики.

Первое торжественное засѣданіе Академіи происходило 27 декабря 1725 года. Потомъ оно неизмѣнно повторялось въ

желаемъ: первые Академіи нашея творімъ празднества, которыи бо когда Музамъ нашімъ благополучнѣйшіи? которыи къ просвѣщенію празднственнаго дѣйства сего знаменитѣйшіи день былъ бы? яко сеи, воньже Августѣйшія ПОКРОВІТЕЛНІЦЫ нашея, на славу и благосостояніе ученіи, смотреніемъ Божіимъ рожденныя, празднственное торжество совершается.

«Сімъ тако сущымъ, устроену уже нынѣ Академіи нашея состоянію, и множаишеи Академіковъ части собравшеися, сопзволяющеи благодати Божественнои, за благополучнымъ ВСЕМІЛОСТІВѢИШІЯ ПІТАТЕЛНІЦЫ нашея управленіемъ, въ день, иже ЕКАТЕРІНЫ ИМЕНИ посвященъ есть, первое наше публічное собраніе сотворіти уставіхомъ. И понеже уставы Академіи нашея тако требують, да бы во всякомъ публічно бывати опредѣленномъ собраніи, кто либо изъ Профессоровъ по премѣнамъ слово имѣлъ, о знатномъ нѣкоемъ изъ наукъ предложеніи, и Академіи къ верховнымъ своімъ основателемъ благовѣінство, знаменітая ихъ дѣиства, и Іроіческіе дѣла прославляя, публічне изъявлялъ: въ семъ первомъ собраніи Профессоръ Фѵзики Экспе
ріменталныя и Ѳеоріческія Господінъ Георгіи Бернгардъ Білфінгеръ, не токмо віны сего самаго Устава Академіческаго Господамъ слушателемъ тако изъявітъ, что во ономъ изчисленіи лѣтъ будетъ, велію Блаженныя и Вѣчподостойныя памяти Основателя и велікодержавныя Покровітелніцы мудрость и щедроту о ползѣ же и славѣ Россінскаго народа, попеченіе уразумѣти, и покорнѣіше почітати, но къ тому и изслѣдованіе сотворітъ. Ужели досслѣ ученые люди, толикая въ Ѳеоріи Магнетіческои возъимѣли преуспѣянія? да бы лѣтъ было полное оттуду, труднѣішаго вопроса о изобрѣтеніи долготы мѣстъ на земли и на мори, восприяти рѣшеніе? Оное убо собраніе наше, да пречестнымъ своімъ украсятъ прісутствіемъ, всѣхъ наукъ патроновъ и благодѣтелеи съ должнымъ почтеніемъ упіженно просімъ. Дано во Петрополи 1725 Года, въ Празднственныи день Святыя Екатеріны. Печатано въ Санктпетербургскои Тѵпографіи.» Внизу имѣющагося у меня экземпляра находится такая приписка: «Понеже сіе публичное собраніе на назначенный день за препяттіемъ льда быть не могло, того ради отложено сего декабря къ 27 дню по утру отъ девятаго часа до одинадцатаго.» О томъ, что это приглашеніе первоначально сочинено было на латинскомъ языкѣ академикомъ Іоганномъ-Петромъ Колемъ, указано на стр. 78 настоящаго труда.

этотъ день до 1776 года, когда, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать въ засѣданіи и назначила день собранія 29 декабря, послѣ чего до нынѣ, въ воспоминаніе посѣщенія Екатерины II, наши торжественныя годовыя собранія происходятъ въ этотъ день.

Нынѣшній Петербургъ далеко не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ въ 1725 году. Полузабытая теперь Петербургская сторона около Троицкой площади тогда могла считаться аристократическою частью города. Тамъ, въ сосѣдственныхъ съ Троицкою площадью улицахъ, жили многія изъ историческихъ личностей петровскихъ временъ; церковь св. Троицы посѣщалъ каждый праздникъ царь съ своимъ семействомъ; не далеко отъ нея, въ небольшой мазанкѣ, началъ впервые въ Петербургѣ работать печатный станокъ. Самая Троицкая площадь была свидѣтельницею всѣхъ торжественныхъ входовъ и шумныхъ празднествъ, которые любилъ устроивать государь въ ознаменованіе радостныхъ для него событій. Не далеко отъ этой площади возвышался великолѣпный по тому времени домъ Шафирова, въ которомъ и происходило первое торжественное собраніе Академіи наукъ. Къ десяти часамъ утра, въ одну изъ залъ этого дома собрались всѣ значительнѣйшія лица города. Въ числѣ ихъ былъ герцогъ голштинскій, мужъ старшей дочери Петра Великаго. Изъ высшаго духовенства присутствовалъ покровитель многихъ изъ академиковъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Между царедворцами, тамъ бывшими, виднѣлись князь А. Меншиковъ, графъ Ѳ. Апраксинъ и др. Члены Академіи помѣщались за полукруглымъ столомъ, и изъ нихъ Бильфингеръ, любимый и талантливый послѣдователь германскаго мыслителя Вольфа, произнесъ рѣчь объ учрежденіи Академій и ихъ назначеніи, а потомъ разсуждалъ о магнитѣ. Бильфингеру отвѣчалъ Германъ, котораго такъ уважалъ Лейбницъ. По окончаніи засѣданія, герцогъ голштинскій пригласилъ къ себѣ академиковъ на обѣдъ и здѣсь они видѣли привѣтливую цесаревну Анну Петровну, которую одинаково любили и русскіе, и иноземцы.

На основаніи первоначальнаго доклада Блюментроста, ака-

демическія засѣданія долженствовали происходить по одному разу въ недѣлю; впрочемъ это съ самаго начала не выполнялось, такъ-какъ собирались то чаще, то рѣже, смотря по накопленію предметовъ для сообщенія въ собраніи. Потомъ вошло въ обычай собираться по два раза въ недѣлю въ конференціи по вторникамъ и пятницамъ. Старинныя засѣданія проходили невсегда въ мирныхъ собесѣдованіяхъ для преуспѣянія наукъ, и иногда тамъ возникали споры, въ которыхъ, по занесенному изъ нѣмецкихъ университетовъ обычаю при диспутахъ, допускались горячія выходки другъ противъ друга, уже не относившіяся до наукъ. Изъ замѣтокъ, уцѣлѣвшихъ до нынѣ о нашихъ первоначальныхъ академическихъ засѣданіяхъ, можно видѣть, что президентъ Академіи употреблялъ въ такихъ случаяхъ свое вліяніе и останавливалъ спорящихъ замѣчаніями и даже выговорами. Однажды ему привелось высказать свое неудовольствіе нѣкоторымъ академикамъ [1]), для чего было назначено особое засѣданіе 14 мая 1726 года. Въ протоколѣ о немъ было занесено, что однажды президенту было сообщено, что нѣкоторые изъ академиковъ, войдя въ русскую церковь, когда отправлялась божественная служба, вели себя тамъ не такъ, какъ того требовали достоинство Академіи и уваженіе къ святости мѣста. Тогда президентъ, на сколько это возможно было, извинялъ тѣхъ, которые были въ томъ обвиняемы, и выражалъ притомъ огорченіе отъ происшедшаго; но теперь онъ снова получилъ свѣдѣніе отъ одного лица, облеченнаго въ знатнѣйшее званіе, что подобный же проступокъ былъ совершенъ въ храмѣ не только при людяхъ изъ простаго народа, но и при многихъ знатнѣйшихъ лицахъ. Такъ-какъ Академія подвергается отъ того нареканіямъ и опасности, если русскіе начнутъ питать къ ней ненависть, то президентъ не считалъ болѣе за нужное скрывать этого и, собравъ академиковъ, серьезно изложилъ имъ о томъ

[1]) Изъ замѣтки исторіографа Мюллера оказывается, что провинившимися тогда академиками были Коль и Мартини, которые, впрочемъ, оставались не долгое время членами Академіи. См. рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, стр. 8.

въ строгой рѣчи. Тогда же онъ замѣтилъ, о неприличіи для академиковъ ходить въ трактиры и харчевни (in cauponis atque tabernis), съ людьми низкаго званія [1]).

Въ маѣ же 1726 года Блюментростъ хотѣлъ назначить новое торжественное собраніе Академіи наукъ, но императрица объявила, что она тогда не можетъ присутствовать сама, а между тѣмъ желаетъ посѣтить Академію, почему собраніе было отложено до 1 августа. Собраніе началось въ три часа по полудни, и вотъ какъ происходило по разсказу очевидца [2]): „изъ правительствующаго сената, который еще помѣщался тогда на Петербургской сторонѣ, принесли въ шафировскій домъ тронъ съ балдахиномъ, съ котораго обыкновенно Петръ Великій принималъ иностранныхъ пословъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, и помѣстили его въ залѣ передъ среднимъ окномъ. У дома поставили роту солдатъ, долженствовавшихъ встрѣчать высокихъ посѣтителей съ распущеннымъ знаменемъ и музыкою; на балконѣ дома стояли барабанщики и литаврщики. Императрица прибыла въ сопровожденіи своихъ двухъ дочерей-цесаревенъ и герцога голштинскаго. Они была приняты президентомъ и академиками при сходѣ съ баржи, потому что тогда на Невѣ еще не существовало мостовъ. Многіе изъ дамъ и мущинъ находились въ свитѣ императрицы; многіе же и прежде того прибыли. Почти никого не доставало изъ знатнѣйшихъ придворныхъ, сенаторовъ, высшаго духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и иностранныхъ посланниковъ. Когда императрица помѣстилась на тронѣ, а около нея сѣли цесаревны и герцогъ, тогда началось пѣніе придворной капеллы, находившейся въ смежной комнатѣ, которой двери были раскрыты. При этомъ была пропѣта кантата, сочиненная г. академикомъ Бекенштейномъ. Онъ сочинялъ стихи, какъ могъ, и они казались тогда хорошими, потому что въ немъ одномъ проглядывало дарованіе къ нѣмецкой поэзіи. На противоположной

---

[1]) I, Протоколы 1726 года.

[2]) Разсказъ о томъ исторіографъ Мюллера можно прочесть въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 120—122.

отъ трона сторонѣ зала, гдѣ также были окошки и помѣщался дворъ, поставленъ былъ небольшой круглый столъ, за который всходили три оратора. Прочіе академики и адъюнкты помѣщались въ полукругѣ по обѣимъ сторонамъ стола. Никто не сидѣлъ. Президенту былъ данъ съ трона знакъ приблизиться. Императрица, во время произнесенія рѣчей, спрашивала его много разъ о разныхъ предметахъ. Въ началѣ академикъ Байеръ произнесъ похвальное слово въ честь императрицы на нѣмецкомъ языкѣ. Готшедъ считалъ ее потомъ образцовымъ произведеніемъ нѣмецкаго краснорѣчія. Такъ-какъ она продолжалась нѣсколько долговато, и боялись, чтобы императрицѣ не показалась скучною латинская рѣчь, то г. Германъ изъ нея предложилъ только важнѣйшее вкратцѣ, а г. Гольдбахъ отвѣчалъ ему также коротко. Извѣстно, изъ печатнаго изданія, что г. Германъ избралъ предметомъ своей рѣчи именно исторію геометріи и замѣчательнѣйшихъ математическихъ открытій... По окончаніи рѣчей продолжалась опять музыка. Затѣмъ императрица съ высшимъ обществомъ введена была президентомъ въ другую комнату, гдѣ былъ приготовленъ столъ съ разными сластями и буфетъ со всякаго рода винами. Сюда послѣдовали и всѣ члены Академіи. Ея Величество приказала представить себѣ академика Бернулли, братъ котораго за нѣсколько дней предъ тѣмъ скончался. Она сожалѣла объ его потерѣ, которую произнавала чувствительною и для Академіи, и увѣрила ученаго въ своемъ благоволеніи къ нему. Потомъ она выпила покалъ вина съ пожеланіемъ, чтобы Академія могла всегда преуспѣвать, процвѣтать и приносить государству существенную пользу. Увѣривъ всѣхъ академиковъ въ своемъ высокомъ покровительствѣ, она допустила ихъ къ рукѣ и при наступленіи ночи возвратилась во дворецъ. Въ Академіи прошла вся ночь въ пированіи, такъ-какъ тамъ было приготовленъ ужинъ. Въ этомъ празднествѣ участвовали лица и непринадлежащія къ Академіи, но приглашенныя ею“...

III.

Академія наукъ въ забвеніи съ отъѣздомъ двора въ Москву. Промедленія въ отпускѣ назначенныхъ на нее денегъ. Долги отъ заведенія при Академіи разныхъ художествъ и ремеслъ. Безплодныя представленія о новомъ штатѣ. Мнѣніе академика Гольдбаха о мѣрахъ къ возвышенію Академіи наукъ и поправленію ея хозяйственной части.

Екатерина I скончалась въ день прибытія въ Петербургъ Эйлера, т. е. 6 мая 1727 года, и знаменитый математикъ сохранилъ извѣстіе, что онъ нашелъ тогда всю академію въ величайшемъ страхѣ [1]). Предчувствіе не обмануло ученое общество, потому что дѣйствительно съ кончиною императрицы окончилось то значеніе, которое государыня желала придать Академіи. Впрочемъ, въ первые мѣсяцы царствованія Петра II, когда князь Меншиковъ не подвергался еще опалѣ и ссылкѣ, для Академіи не замѣчалось перемѣнъ къ худшему: напротивъ, изъ среды ея сочленовъ былъ избранъ воспитатель императора, а нѣкоторымъ изъ академиковъ было поручено составить руководства для преподаванія разныхъ наукъ молодому государю. Представители Академіи, по прежнему, являлись ко двору, и не было еще помину о тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ между ними и правителями Академіи, которыя существовали потомъ.

Все это продолжалось весьма не долго. Едва Петръ II отправился со дворомъ въ Москву, Академія наукъ съ опустѣвшею гимназіею, такъ-какъ всѣ, кто только имѣлъ малѣйшую возможность выѣхать изъ нелюбимаго тогда Петербурга, покидали его съ семействами своими [2]), была предоставлена на произволъ

---

1) Записки Академіи наукъ, VI, 76.

2) Объ этомъ обстоятельствѣ есть извѣстіе въ письмѣ Байера къ Шумахеру 30 декабря 1728 года: «отъѣздъ императорскаго двора въ Москву нанесъ здѣшней гимназіи великій ударъ, потому что ея ученики и особенно изъ знатныхъ всѣ почти уѣхали туда же съ

судьбы и усерднаго, но деспотическаго секретаря президента Шумахера. Самъ же Блюментростъ послѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Первымъ послѣдствіемъ такого положенія для ученаго общества былъ недостатокъ въ деньгахъ. Проходили мѣсяцы, а назначенная на Академію сумма не выдавалась, отчего происходила задержка въ выдачѣ жалованья и въ уплатѣ необходимыхъ расходовъ. Испуганный Шумахеръ умолялъ Блюментроста похлопотать о деньгахъ, но къ его напоминаніямъ были глухи въ Москвѣ: еще въ августѣ 1728 г. въ Академіи не было получено ни копейки изъ денегъ, слѣдовавшихъ ей на тотъ годъ, и Шумахеръ писалъ президенту: „я почти не смѣю сказать никому слова — всѣ недовольны. Назначеніе денегъ, ожидаемое этими господами, опять успокоитъ ихъ“ [1]). Только въ ноябрѣ сказаннаго года стали получать академики ассигновки на слѣдующія имъ деньги, но и тутъ дѣло не обошлось безъ затрудненій: ассигновки были написаны на имя торговаго дома Люпса, который, по рѣдкости тогда денегъ, затруднялся въ платежахъ [2]). Задержки въ выдачѣ денегъ на Академію продолжалась все время пребыванія двора въ Москвѣ [3]). Въ какомъ

своими родителями».... (Рукописный сборникъ г. Свенске, № 450). Здѣсь кстати замѣтить, что по возвращеніи двора въ Петербургъ, послѣ вступленія на престолъ Анны Іоанновны, академическая гимназія не имѣла уже столько учениковъ, сколько было ихъ въ началѣ учрежденія ея. Причиною тому, по свидѣтельству исторіографа Мюллера, было основаніе въ Петербургѣ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, куда родители стали отдавать своихъ дѣтей, такъ-какъ имъ давались потомъ преимущества въ военной службѣ, а въ нее поступали тогда всѣ дворяне; между-тѣмъ какъ воспитанники академической гимназіи не получали никакихъ льготъ. (Рукопись Мюллера, Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 117).

[1]) Изъ письма 8 августа 1728 г. въ рукописномъ сборникѣ г. Свенске, № 363.

[2]) Ibid., № 419.

[3]) Такъ, 12 мая 1729 г., Шумахеръ писалъ къ Блюментросту, послѣ просьбъ похлопотать о деньгахъ: «мы теперь не въ состояніи платить наши долги и удовлетворять академиковъ. Одно слово, одно только слово ваше, милостивый государь, возстановитъ насъ»... Или, 29 марта 1731 года: «до сихъ поръ я утѣшеніями побуждалъ къ исполненію обязанностей и работъ какъ академиковъ, такъ и прочихъ, зависящихъ отъ Академіи лицъ. Такимъ образомъ не было ни малѣйшаго замедленія. Но теперь это прошло. Вслѣдствіе задержекъ въ полученіи денегъ каждый недоволенъ и бранчивъ, и я дѣйствительно опасаюсь, что нельзя будетъ скоро поправить такого несча-

тогда положеніи была хозяйственная часть Академіи можно судить по тому, что канцелярія ея, для уплаты жалованья, заняла однажды желѣзо изъ бергъ-коллегіи, подъ предлогомъ надобности его на академическія постройки, и потомъ продавала это желѣзо въ частныя руки. 26 іюня 1729 года тамъ же было записано такое постановленіе: „для необходимыхъ академическихъ, нетерпящихъ времени, надлежащихъ въ кунсткамерѣ (потребностей?), также для покупки къ типографіямъ и къ словолитному дѣлу и къ кузницѣ матеріаловъ и прочаго, безъ которыхъ пробыть невозможно, — взять у кого пристойно взаемъ на счетъ академической 500 рублей [1]).

Кромѣ несвоевременныхъ выдачъ денегъ, Академію наукъ постигла другая, гораздо сильнѣйшая невзгода: съ перваго года ея существованія у ней ежегодно оказывался дефицитъ, который росъ все болѣе и болѣе, и, наконецъ, въ 1732 году составлявшій потому времени значительную сумму, именно: 35.818 р. 39⅓ к. [2]). Правители Академіи объясняли постоянныя передержки противъ назначенной на нее Петромъ Великимъ суммы тѣмъ, что при Академіи были вновь заведены: стоившая большихъ расходовъ типографія съ словолитнею, переплетная, мастерская для рѣзьбы на камняхъ. Кромѣ того, опредѣлены были граверы и живописцы и даны имъ ученики, отчего образовались палаты гравировальная и рисовальная. Такое учрежденіе мастерскихъ и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ были поводомъ къ постояннымъ и сильнымъ жалобамъ академиковъ на Шумахера, такъ-какъ они видѣли въ этихъ именно учрежденіяхъ единственную причину разстройства хозяйственной части Академіи. Конечно, съ точки зрѣнія ученыхъ, терпѣвшихъ отъ недостатка въ деньгахъ и лично, и еще по тому, что вслѣдствіе поддержанія посторонних учрежденій, они постоянно встрѣчали отказы, напр., въ покупкѣ нужныхъ инструментовъ, въ учрежденіи лабораторіи и пр. При всемъ томъ нельзя, однако,

---

стія, а также предупредить всеобщаго возстанія и полнѣйшаго распаденія Академіи.» См. I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[1]) II, книга № 419.

[2]) II, книга № 791.

учрежденіе всѣхъ подобныхъ мастерскихъ при Академіи не помянуть иногда добрымъ словомъ, если вспомнить, что тогда въ Петербургѣ, да и во всей Россіи не было еще достаточнаго количества искусныхъ и опытныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, которые между-тѣмъ были дѣйствительно надобны для ученаго общества. Теперь, при бо́льшемъ знакомствѣ съ старинными академическими бумагами, оказывается, что существованіе при Академіи разныхъ заведеній и мастерскихъ имѣло вліяніе на распространеніе разныхъ ремеслъ и промысловъ не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ русскихъ городахъ. Такъ напр., типографія Академіи, устроенная въ такихъ размѣрахъ, которыхъ никогда не достигала ни одна изъ прежде существовавшихъ въ Россіи книгопечатней, до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частными лицами, снабжала всѣ казенныя типографіи станками, шрифтами и прочими типографскими принадлежностями; даже типографщики въ послѣднихъ или обучались своему ремеслу при Академіи, или же поступали изъ нея. Такимъ образомъ пользовались подобнымъ содѣйствіемъ и помощью въ прошедшемъ вѣкѣ казенныя типографіи: морскаго вѣдомства, московскаго университета, сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, артиллерійская, сенатская. Въ 1764 г. изъ Академіи были отправлены въ Астрахань корректоръ съ тремя мастеровыми для заведенія тамъ книгопечатни [1]). Въ 1736 году, по требованію грузинскаго игумена іоанно-предтечинскаго монастыря, отливался при Академіи грузинскій шрифтъ и дѣлался печатный станъ со всѣми принадлежностями [2]).

Заботы Академіи наукъ о вызовѣ искусныхъ европейскихъ граверовъ и содержаніе значительнаго числа учениковъ, обучавшихся этому искусству, также остались далеко не безплодными. Въ этомъ случаѣ можно смѣло сослаться на авторитетъ такого знатока по исторіи русской гравюры, какъ г. Д. Ровин-

---

[1]) «Академическая типографія въ старину и нынѣ», статья въ изданіи: «Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни императорской Академіи наукъ (Спб., 1870 г.). стр. XI—XIV.

[2]) II, книга № 435.

скій: въ его трудѣ указаны дѣйствительно замѣчательные русскіе граверы, изучавшіе свое искусство при Академіи наукъ и оставившіе множество произведеній, которыя любопытны или для исторіи своего времени, или какъ произведенія искусства. Внѣ Академіи въ тогдашнее время издавались въ Россіи только однѣ лубочныя картинки или такія гравюры, которыя, по исполненію, не много отличались отъ нихъ. Особенно замѣчательно заключеніе г. Ровинскаго, что впослѣдствіи Академія художествъ, учрежденная исключительно съ цѣлью развитія искусствъ, „не создала въ продолженіе долгаго періода времени ни одного дѣйствительно замѣчательнаго русскаго гравера“ [1]).

У насъ еще мало обнародовано матеріаловъ для исторіи разныхъ ремеслъ въ Россіи, но со временемъ можетъ-быть откроется, что и въ этомъ отношеніи придется вспоминать о существовавшихъ при Академіи наукъ мастерскихъ въ родѣ переплетной, или объ устройствѣ въ Петергофѣ въ 1736 — 1740 годахъ академическимъ механикомъ Исаакомъ Брюкнеромъ мельницы для шлифованія и обдѣлки камней — той самой, въ которой потомъ обучались ученики, нарочно присланные изъ Екатеринбурга, гдѣ нынѣ, какъ извѣстно, помянутое мастерство производится въ широкихъ размѣрахъ [2]).

Само собою разумѣется, что академики, не получая своевременно содержанія, что̀ было особенно чувствительно въ чужомъ для нихъ городѣ, не старались утѣшать себя въ этомъ случаѣ ожидаемыми въ будущемъ плодами отъ подобныхъ учрежденій при Академіи наукъ, а потому при всякомъ удобномъ слу-

---

[1]) Русскіе граверы и ихъ произведенія, изслѣдованіе г. Д. Ровинскаго (Москва, 1870 года), 36—46.

[2]) II, книга № 170, о назначеніи Брюкнера къ постройкѣ шлифовальной мельницы въ Петергофѣ; въ книгахъ №№ 450 и 56, о передачѣ мельницы въ 1740 г. въ канцелярію отъ строеній, потому что это заведеніе «въ такое состояніе Академія привела, что... нынѣ всякихъ сортовъ каменные сосуды и прочее на оной мельницѣ шлифовать и оную ко всякимъ въ семъ художествѣ потребностямъ употреблять можно»... Объ ученикахъ на этой мельницѣ изъ Екатеринбурга: Филиппѣ Тупылевѣ, Хрисанфѣ Некрасовѣ, Ѳедорѣ Бирюковѣ, Зиновіи Мингалевѣ, Тимофѣѣ Лавдановѣ и Семенѣ Вагановѣ можно найти нѣкоторыя подробности въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ о финансахъ Россіи.

чаѣ возставали противъ ихъ основателя и покровителя — Шумахера. Въ 1729 г. ученые подавали прошеніе на имя императора Петра II, въ которомъ объясняли, что они считаютъ для себя унизительнымъ распоряженіе президента, въ силу котораго Академія въ отсутствіе его поручена Шумахеру, а этотъ распоряжается академическими деньгами такъ, что жалованье получается не своевременно, и Академія въ долгахъ. Для избѣжанія всѣхъ неустройствъ, академики между-прочимъ предлагали выбрать изъ среды ихъ директора и ходатайствовали объ утвержденіи академическаго регламента [1]). Прошеніе ученыхъ было оставлено безъ послѣдствій, и при воцареніи императрицы Анны Академія оставалась въ прежнемъ положеніи. Для показанія своей заботливости о ней, а также и для поддержанія ученаго учрежденія въ предѣлахъ подчиненности, Блюментростъ, конечно по внушенію Шумахера, далъ составленныя послѣднимъ инструкціи, въ которыхъ подробно излагались всѣ обязанности какъ ученыхъ, такъ и служившихъ при Академіи лицъ [2]).

Сомнительно, чтобы такая мѣра принесла въ свое время значительную пользу Академіи; но какъ бы то ни было, президентъ ея придумалъ скоро другую, состоявшую въ томъ, чтобы академики прислали въ Москву ходатайство къ любимцу импе-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 35—38. Просьба ученыхъ была сочинена академикомъ Байеромъ и переведена по русски переводчикомъ Паузе. I, связка № 92, гдѣ это указано въ надписи, сдѣланной Н. I. Делилемъ.

[2]) Еще при письмѣ 23 января 1729 года, Шумахеръ посылалъ на утвержденіе президента инструкціи для типографщиковъ и продавца академическихъ книгъ. (Г, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.) Упоминаемыя здѣсь инструкціи напечатаны въ Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленію, II, 185—196. Здѣсь онѣ отнесены ко временамъ Екатерины I и списаны изъ дѣла сенатскаго архива. Въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ № 8, можно видѣть одинъ списокъ этихъ инструкцій съ нѣкоторыми отмѣнами противъ печатныхъ и съ обозначеніемъ «25 октября 1731 года». За тѣмъ тамъ же сохраняются подтвержденія объ исполненіи тѣхъ правилъ въ 1732 г., и притомъ приложены списки инструкцій, одинаковыхъ съ печатными. Замѣтить также слѣдуетъ, что книгопродавецъ Клапперъ, которому есть подобная инструкція между напечатанными въ Ученыхъ запискахъ, не былъ еще при Екатеринѣ I.

ратрицы Анны, Бирону, чтобы онъ принялъ званіе протектора Академіи. Шумахеръ хлопоталъ объ этомъ предметѣ и, чрезъ своихъ пріятелей изъ академиковъ, доставилъ въ конференцію проектъ ходатайства, который, однако, не нашелъ тамъ одобренія, почему это предположеніе и осталось безъ осуществленія[1]).

По возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, Блюментростъ подавалъ, 25 іюля 1732 г., на имя императрицы представленіе, въ которомъ въ первыхъ статьяхъ говорилось обстоятельно о необходимости и пользѣ обученія молодыхъ людей; также—о полученіи въ Академію изъ коллегій свѣдѣній, касающихся наукъ, и о присылкѣ геодезистовъ для сочиненія карты Россіи. Далѣе президентъ находилъ нужнымъ просить о дозволеніи безпошлиннаго привоза изъ заграницы бумаги для типографіи; объ обязательной покупкѣ присутственными мѣстами С.-Петербургскихъ вѣдомостей; о запрещеніи привоза иностранныхъ календарей; о прощеніи долга бергъ-коллегіи въ 11.200 рублей за вышепомянутое, занятое у нея желѣзо. Въ представленіи высчитывалось, что Академія издержала на заведеніе типографіи, печатаніе книгъ, гравированіе, рисовальную палату, переплетное мастерство 44.320 р. 99 коп., а потому Блюментростъ считалъ справедливымъ, чтобы на 1732 годъ были выданы дважды назначенныя Петромъ Великимъ на содержаніе ея деньги. Послѣдняя же статья представленія касалась при-

---

[1]) Когда Шумахеръ получилъ письмо Блюментроста о протекторствѣ Бирона, то былъ вполнѣ увѣренъ, что академики не осмѣлятся отказаться отъ такого предложенія, почему, 29 ноября 1731 года, поспѣшилъ увѣдомить президента, что академики въ восторгѣ отъ такой мысли и благодарятъ за его хлопоты и старанія объ Академіи, а также за такое *славное и выгодное предпріятіе*. Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ, отъ 2 декабря 1731 года, Шумахеръ увѣрялъ уже президента, что будто бы просительное письмо къ Бирону о протекторствѣ не подписано за спорами о старшинствѣ, а потому лучше это дѣло оставить впредь до приведенія въ порядокъ Академіи, или же ходатайствовать одному Блюментросту отъ имени Академіи о протекторѣ, «потому что, желчно прибавлялъ Шумахеръ, гг. профессора не спрашиваютъ особенно, кто имъ покровительствуетъ, лишь бы только давали имъ деньги!» (I, Исходящія письма, 1728—1742 годовъ). Исторіографъ Мюллеръ, разсказывая объ этомъ предложеніи, положительно говоритъ, что оно не состоялось, такъкакъ академики не одобрили письма къ Бирону. (Рукопись Zur Geschichte der Academie der Wissenchaften zu S.-Petersburg, 280, 281).

бавки на Академію къ отпускаемымъ на нее 24.912 рублямъ еще 10.618 рублей [1]).

Сенатъ видимо съ недовѣрчивостью отнесся къ представленіямъ Блюментроста объ Академіи, а потому и требовалъ мнѣнія по этому предмету отъ академиковъ. Трое изъ нихъ, Н. І. Делиль, Дювернуа и Д. Бернулли, 9 января 1733 года, жаловались сенату на самовольное управленіе Академіею библіотекаря Шумахера и просили: „чтобъ онаго Шумахера впредь отъ ихъ совѣтовъ выключить и выпрашивать особливо, и впредь указы изъ сената мимо академической канцеляріи прямо къ нимъ (т. е. академикамъ) посылать, на которое бъ мимо той же канцеляріи имъ, профессорамъ, отвѣтствовать, понеже оная канцелярія единою онаго Шумахера властію учреждена; также отъ него одного такимъ образомъ управляется, что которыя въ оной дѣла до сего времени подъ именемъ Академіи случивались, оныя рѣдко имъ, профессорамъ, сообщены“...

Вслѣдъ за тѣмъ, 6 февраля 1733 г., академики (за исключеніемъ родственниковъ Шумахера—Аммана и Крафта) подали въ сенатъ „Разсужденіе о состояніи Академіи наукъ, по силѣ сенатскаго указу чрезъ профессоровъ Академіи наукъ сочиненное“. Здѣсь прежде всего излагалось о необходимости для Академіи устава, который долженъ быть извѣстенъ всѣмъ членамъ ея: „а безъ таковаго регламента никакое твердое и постоянное состояніе быть не можетъ; а для сочиненія онаго, чтобъ у нихъ, профессоровъ, впредь принять мнѣніе ихъ“. Обученіе молодыхъ людей наукамъ академики признавали только тогда полезнымъ, когда бы ихъ подвергали предварительному испытанію, годны-ли будутъ они къ ученію? Что же касается до художествъ и ремеслъ, то это отвергалось какъ дѣло, вовсе непринадлежащее до Академіи наукъ.

Безпошлинный привозъ типографской бумаги былъ одобренъ съ условіемъ назначенія притомъ ежегодной смѣты о

---

[1]) II, книги №№ 9 и 422.

томъ, сколько ея понадобится, что̀ признавалось необходимымъ для отвращенія подлоговъ. Объ обязательной подпискѣ на Вѣдомости, академики отозвались, что они „о томъ оставляютъ въ волѣ ея императорскаго величества, понеже какая отъ того коллегіямъ польза быть можетъ, того они, профессора, еще усмотрѣть не могли. А въ привозѣ иностранныхъ календарей запрещеніе чинить полезно и потребно быть не признаваютъ, понеже академическимъ календарямъ и такъ походъ въ продажѣ будетъ, ежели настоящій распорядокъ учиненъ и въ надлежащее время напечатаны будутъ"... О желѣзѣ, взятомъ изъ бергъ-коллегіи, замѣчено: „сожалѣютъ о томъ, что такіе чрезобычайные способы учинены, дабы на имя Академіи деньги достать"...

Требованную въ представленіи президента прибавку къ ежегодному содержанію Академіи въ десять тысячъ рублей, ученые находили недостаточною, такъ-какъ тамъ еще не были устроены такія заведенія, какъ: обсерваторія, физическій кабинетъ, химическая лабораторія, анатомическій театръ. Далѣе слѣдовали доказательства, какъ вредно присоединеніе къ Академіи разныхъ художествъ и ремеслъ: „ни въ которой Академіи въ свѣтѣ толь различныхъ дѣйствъ вмѣстѣ не совокуплено". По мнѣнію академиковъ, книжный торгъ можно было бы такъ устроить, чтобы онъ приносилъ выгоду. Словолитня при типографіи излишня: „хотя въ Германіи до тридцати и болѣе типографій имѣется, точію оныя полезно быть не разсудятъ единое словолитіе содержать, но выписываютъ литеры изъ Голландіи и другихъ мѣстъ, гдѣ подешевле достать могутъ".

Академики находили, что академическая канцелярія устроена въ слишкомъ большихъ размѣрахъ и требуетъ большихъ расходовъ, а между-тѣмъ отъ нея нѣтъ особенной пользы для ученаго общества. При этомъ было указано подробно, какія должности при канцеляріи излишни, и какъ сократить огромное количество работниковъ при кунсткамерѣ и библіотекѣ. Въ примѣчаніяхъ, которыя президентъ счелъ нужнымъ присоединить къ разсужденіямъ академиковъ, проводилась въ особенности та мысль, что „весьма не полезно, чтобъ всѣхъ профессоровъ къ

управленію Академіею брать, для того-что они чрезъ то въ своихъ наукахъ подлинно остановку возымѣютъ [1])“.

Какъ предположенія Блюментроста, такъ и разъясненія академиковъ остались безъ осуществленія, потому что 18 іюля 1733 года назначенъ въ Академію наукъ новый президентъ баронъ Германъ Кейзерлингъ, бывшій нѣкогда, по увѣренію Рюльера [2]), самъ профессоромъ кёнигсбергскаго университета. Пользуясь значительнымъ вліяніемъ при дворѣ императрицы Анны, онъ поспѣшилъ употребить его въ дѣло для Академіи наукъ и, 17 сентября 1733 года, представлялъ этой государынѣ, что затрудненія по хозяйственной части ученаго общества произошли отъ учрежденія при ней Академіи художествъ, „которая, кромѣ показанныхъ по сіе время Академіи наукъ услугъ, особливо нѣсколько учениковъ россійской націи представить можетъ, которые уже многія похвалы достойныя пробы своего искусства учинили... но понеже, кромѣ полной выдачи впередъ денегъ, всѣ другія учрежденія какъ профессоровъ, такъ и прочихъ при Академіи обрѣтающихся служителей, которые на сей годъ еще ничего не получили, удовольствовать и ихъ жалобъ прекратить не могутъ, то принужденъ я ваше императорское величество о состоящей въ тридцати тысячахъ рубляхъ суммѣ всенижайше просить, дабы всякому подлежащее его жалованье выдано и по

---

[1]) II, книга № 791 и I, № 92, гдѣ есть проекты академическаго устава одинъ, писанный Н. I. Делилемъ и Дювернуа въ 1730 и 1731 годахъ, а другой—Байеромъ 1732 года. Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что нѣкоторыя изъ объясненій Блюментроста и академиковъ въ 1732 и 1733 годахъ, напечатаны въ Запискахъ Академіи по первому и третьему отдѣленіямъ, III, 566—568, 672—668, гдѣ этимъ документамъ дано не совсѣмъ точное заглавіе оправданій: сенатъ въ 1732 и 1733 годахъ ни въ чемъ не обвинялъ Академіи, а требовалъ дополнительныхъ извѣстій, необходимыхъ при разсмотрѣніи вновь представленнаго штата.

[2]) Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république par Cl. Rulhière, II, 23. Здѣсь есть довольно характеристичное описаніе наружности Кейзерлинга: Il avait quitté, pour servir la cour de Russie, une chaire de professeur dans l'université de Koenigsberg. Quoique la petitesse de sa taille et son extrême grosseur lui donnassent un aspect assez ridicule, sa figure ne laissait pas d'être imposante, par un certain air magistral qu'il avait retenu de son premier état. Il conservait la réputation d'un des plus savants hommes de l'Europe dans le droit public et dans les langues anciennes; et son extérieur épais cachait un esprit très fin et une conduite très rusée»....

нынѣ происходившія жалобы вдругъ пресѣчены были". Кейзерлингъ былъ въ бо́льшей силѣ при дворѣ, чѣмъ Блюментростъ, который просилъ единовременное пособіе Академіи въ ме́ньшихъ размѣрахъ и не получилъ его: императрица на докладѣ Кейзерлинга написала „вышеозначенную сумму 30.000 рублей отпустить изъ штатсъ-конторы" [1]).

Кейзерлингъ, получивъ въ концѣ того же 1733 г. другое назначеніе, оставилъ Петербургъ, и мѣсто его занялъ, съ 18 сентября 1734 года, баронъ Корфъ съ титуломъ главнаго командира Академіи наукъ. И этотъ начальникъ, подобно своимъ предшественникамъ, пытался о приведеніи хозяйственной части Академіи въ лучшее положеніе. Первое представленіе его по этому предмету сдѣлано сенату 7 марта 1735 года. Противъ петровскаго проекта устава Академіи главнѣйшая разница заключалась въ прибавкѣ „ѳдного профессора древностей восточныхъ, потому что, ради сосѣдства и великаго союза восточныхъ народовъ съ нами, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стараться надлежитъ". Что касается до штата, то, по исчисленію барона Корфа, на содержаніе Академіи было необходимо 64.086 рублей. При сравненіи различныхъ статей, на которыя исчислены были эти деньги, оказывалось, напр., что на академическую канцелярію предполагалось 4.900 руб., а на гимназію 3.840, на библіотеку и кунсткамеру 2.350 р.; химическая лабораторія, физическій кабинетъ и анатомическій театръ не упомянуты вовсе, а потому на всѣ эти заведенія, необходимыя для ученаго учрежденія и во всякомъ случаѣ болѣе важныя, чѣмъ обширная канцелярія со множествомъ служителей, полагалось расходовать изъ 1000 рублей, назначенныхъ въ примѣрномъ штатѣ „на прочіе расходы".

Любопытно, что въ объяснительной запискѣ, приложенной при штатѣ, баронъ Корфъ косвенно опровергаетъ мнѣніе академиковъ на счётъ ненадобности при Академіи заведеній по части художествъ и ремеслъ, а также обширной канцеляріи.

---

[1]) II, книга № 12.

„Для управленія толь многихъ людей и для содержанія всего въ добромъ порядкѣ, требуются къ тому конечно особливые люди, чего ради надлежитъ быть канцеляріи и при оной подчиненнымъ служителямъ. Хотя нѣкоторые и объявляютъ, что въ Парижѣ находится Академія, въ Лондонѣ и Берлинѣ—соціететы наукъ, однакожъ всѣ оные три корпуса ни особливой типографіи, ни гридировальнаго художества, ни другихъ мастеровъ не имѣютъ, и будто того ради оные и здѣсь не надобны; но они въ своемъ разсужденіи весьма погрѣшаютъ, ибо въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Берлинѣ, гдѣ науки и знанія уже чрезъ толь многія лѣта процвѣтаютъ, какъ типографіи, такъ гридировальщики и прочіе искусные мастера и художники находятся въ великомъ изобиліи, но здѣсь мы тѣмъ похвалиться еще не можемъ" [1])...

Сенатъ, разсмотрѣвъ представленіе барона Корфа, 30 іюля 1735 г., подалъ докладъ императрицѣ Аннѣ, въ которомъ сократилъ исчисленія начальника Академіи болѣе чѣмъ на десять тысячъ рублей: „разсуждается, сказано въ концѣ сенатскаго доклада, отпускать на содержаніе той Академіи по 48.900 руб.; на содержаніе семинаристовъ 4.398 р. 25 коп., и того на 53.298 руб. 25 коп., въ чемъ и онъ, дѣйствительный камергеръ баронъ Корфъ, согласенъ"... Докладъ этотъ оставался неутвержденнымъ, а потому начальникъ Академіи, 22 октября 1736 года, снова напоминалъ о томъ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ: „ежели Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее и опредѣленное состояніе, то имѣетъ она безъ сомнѣнія разрушиться, и толь многія тысячи купно съ оною честію, которую Академія у иностранныхъ себѣ получила, пропадутъ безъ всякія пользы"... Послѣ этого ходатайства хотя не послѣдовало опредѣленія о штатѣ Академіи, однако ей было выдано единовременно 10.000 рублей [2]). Это пособіе не попра-

[1]) I, книги №№ 791 и 16. Здѣсь всѣ черновыя бумага переведены съ нѣмецкаго Адодуровымъ.

[2]) II, книга № 791. Здѣсь кстати упомянуть, что въ донесеніи барона Корфа, 22 октября 1736 г., между прочимъ говорилось: «опредѣленныя на Академію наукъ деньги надлежало употреблять и на Академію художествъ, которую его императорское величество Петръ Первый.... вмѣстѣ съ оною учредить хотѣлъ, но за скорою своею кон-

вило хозяйственной части ея, такъ-что въ половинѣ слѣдующаго 1737 года слѣдовало выдать въ жалованье и на содержаніе заведеній 34.125 руб. 28 коп., но ихъ не имѣлось, почему въ томъ году дѣйствительно уплачено было только 3001 руб. 40⅔ коп. Баронъ Корфъ повторилъ прежнія представленія въ императорскій кабинетъ, который, по прежнему, не предпринявъ ничего рѣшительнаго въ отношеніи академическаго штата, разрѣшилъ 30 іюля 1737 года выдать единовременно еще 20.000 рублей[1]).

Въ апрѣлѣ 1740 года, баронъ Корфъ пересталъ быть начальникомъ Академіи, не дождавшись утвержденія составленнаго при немъ устава ея. Назначенному вмѣсто него президенту Бреверну возвращенъ былъ изъ кабинета проектъ его предмѣстника со всѣми слѣдующими приложеніями, съ тѣмъ, чтобы „наипаче всего смотрѣть, дабы оный (штатъ) въ порядочное состояніе приведенъ и довольною на содержаніе Академіи суммою снабденъ былъ, а никакихъ бы излишнихъ расходовъ не было“[2]).

По предписанію Кабинета, Бревернъ потребовалъ мнѣній объ академическомъ уставѣ отъ академиковъ, и старѣйшій и опытнѣйшій изъ нихъ Гольдбахъ (который исполнялъ долгое время обязанности конференцъ-секретаря), представилъ отзывъ, тѣмъ болѣе любопытный, что въ немъ есть много тонкихъ чертъ, рисующихъ тогдашнее академическое управленіе. Несмотря на краткое существованіе Академіи, правители ея, изъ личныхъ разсчетовъ, старались водворять тамъ канцелярскіе

чиною того учинить не могъ, и мастеровъ, изъ которыхъ оная состоять имѣла, собственною своею рукою назначить изволилъ, какъ сіе отъ приложенной при семъ копіи... видѣть можно»... За тѣмъ при представленіи барона Корфа слѣдуетъ такое приложеніе: «Копія съ подлинной руки государя императора Петра Великаго. 1. Живописна. 2. Скульпторна. 3. Штыховальна. 4. Тушевальна. 5. Грыдоровальна. 6. Граверна. 7. Столярна. 8. Токарное. 9. Плотничное. 10. Архитектуръ цивилисъ. 11. Мельницъ всякихъ. 12. Слюзовъ. 13. Фонтановъ и прочаго что до гидролики надлежитъ. 14. Оптическихъ. 15. Инструментовъ математическихъ. 16. Инструментовъ лекарскихъ. 17. Слесарное. 18. Мѣднаго дѣла. 19. Часовое. Декабря 1 дня 1724 году.»

[1]) II, книга № 791.

[2]) II, книга № 791.

взгляды на науку и ея представителей, тогда-какъ ученое общество и по цѣли, и по назначенію своему должно быть освобождаемо отъ оковъ бюрократизма именно потому, что послѣдній, требуя безмолвнаго повиновенія и распложая бумагомараніе, охотно благопріятствуетъ бездарности и посредственности и смотритъ враждебно на дарованія и заслуги, какъ на качества, дающія право стоять выше притязаній самовластія и произвола.

Въ началѣ письма, Гольдбахъ выражаетъ признательность императрицѣ за то, что проектъ штата Академіи, который прежде не сообщался на разсмотрѣніе академиковъ, нынѣ велѣно изслѣдовать имъ: „недостатки учрежденія, поясняетъ притомъ скромно Гольдбахъ, никому не могутъ быть лучше замѣтны, какъ тѣмъ лицамъ, изъ которыхъ оно состоитъ."

„Такъ-какъ въ настоящее время, продолжаетъ ученый, каждому члену Академіи надлежитъ честно и отложивъ всѣ стороннія побужденія, высказать свое мнѣніе объ устройствѣ Академіи, то не могу не сознаться, что Академія наукъ въ 1726 и 1727 годахъ была также хорошо устроена если не лучше, чѣмъ нынѣ, а что касается до наукъ, то могла она славиться столь же много, если не болѣе, чѣмъ теперь, несмотря на то, что число лицъ и расходы со временемъ увеличились гораздо болѣе".

„При самомъ возникновеніи нашей Академіи тогдашій президентъ обращалъ достойное похвалы вниманіе избирать въ члены ея такихъ лицъ, которыя почти всѣ сдѣлались извѣстными въ свѣтѣ своими остроумными сочиненіями и другими specimina и основательно надѣялись на себя, что могли исполнять возложенное на нихъ званіе со славою. По моему убѣжденію, эта надежда достаточно была осуществлена въ бо́льшей части случаевъ.

„На этотъ конецъ президентъ распредѣлялъ ежегодное жалованье не такъ, какъ принято въ обычаѣ въ университетахъ, сообразно должностямъ, на извѣстные разряды, но — одному болѣе, другому менѣе, смотря по тому, какъ требовали того достоинства каждаго. Это вносилось въ контрактъ, и каждый членъ сначала принималъ обязательство на пять лѣтъ.

„Такимъ образомъ я не вижу теперь никакой причины, по-

чему хотятъ обойти этотъ способъ дѣйствій, столь разумно введенный и утвердившійся пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Академіи. Напротивъ того, я не могу не признавать чрезвычайно вредною для Академіи ошибкою въ представленномъ въ 1735 г. въ сенатъ штатѣ, который не былъ предварительно извѣстенъ академикамъ, назначеніе молодымъ профессорамъ ежегоднаго жалованья не болѣе 660 рублей, потому что такимъ образомъ будетъ считаться чудомъ, когда бы пріобрѣвшіе уже въ иностранныхъ земляхъ большую извѣстность согласились вступить въ обязательство съ Академіею съ такимъ малымъ жалованьемъ, такъ-какъ имъ небезызвѣстно, что профессора, получавшіе здѣсь 800, 1200 и до 2000 рублей съ казенною квартирою, чѣмъ они могли пользоваться и далѣе, возвращались однако на родину, гдѣ довольствовались едва пятою частью, а иногда даже десятою частью прежняго ежегоднаго содержанія.

„Я не отрицаю, что можно выискать изъ множества бѣдныхъ студентовъ въ нѣмецкихъ университетахъ довольное количество не совсѣмъ бездарныхъ людей, и въ числѣ ихъ найдутся, по качествамъ здѣшнихъ студентовъ, способные читать хорошія лекціи, и каждый изъ нихъ согласится сдѣлаться профессоромъ за двѣсти рублей ежегоднаго жалованья, и такъ за 20.000 рублей можно было бы получить сто профессоровъ; но какъ объ этомъ будутъ думать разумные люди, которымъ небезызвѣстно, что требуется для Академіи, то угадать легко.

„Члены Академіи наукъ должны быть таковы, чтобы они или: 1) могли искусно отправлять, каждый по своей наукѣ, дѣла поручаемыя ему ея императорскимъ величествомъ, и о предметахъ, касающихся до наукъ и часто требуемыхъ по высочайшимъ повелѣніямъ, представлять основательныя мнѣнія; или 2) открывать въ своихъ наукахъ новыя истины и приносить пользу государству своими открытіями, или 3) быть въ состояніи читать юношеству лекціи, какъ это въ обычаѣ въ университетахъ“.

Для послѣдней потребности Гольдбахъ считалъ достаточнымъ имѣть или доцентовъ съ посредственною ученостью, или адъюнктовъ; что же касается до академиковъ, то, по мнѣнію

его, избирать ихъ слѣдовало съ крайнею осторожностью и только тогда, когда къ тому существовали бы убѣдительныя побужденія, при томъ всегда изъ лицъ, обладающихъ необыкновенною ученостью. Поэтому Гольдбахъ полагалъ, что дѣйствительныхъ членовъ въ Академіи не должно быть болѣе двѣнадцати человѣкъ, которымъ жалованье назначать, смотря по достоинству и ученымъ заслугамъ ихъ, отъ 1000 до 2000 рублей въ годъ, не включая сюда квартиры, а двѣнадцати адъюнктамъ—отъ четырехъ сотъ до шести сотъ рублей. Далѣе, Гольдбахъ, признавая пользу для Россіи отъ учрежденія Академіи живописи, скульптуры и архитектуры, считалъ вреднымъ и безполезнымъ для Академіи наукъ, когда при ней еще существуютъ Академія художествъ и ремеслъ [1]).

Бревернъ, очевидно находившійся подъ вліяніемъ Шумахера, большаго охотника до канцелярскихъ порядковъ въ Академіи, оставилъ безъ вниманія мнѣніе Гольдбаха; напротивъ того, въ представленіи своемъ о новыхъ штатахъ, 16 марта 1741 года, прежде всего доказывалъ императорскому Кабинету о полезности, необходимости и удобствѣ для Академіи отъ присоединенія къ ней художествъ и ремеслъ, а также отъ множества канцелярскихъ служителей. О мѣрахъ, чтобы возвысить значеніе Академіи въ ученомъ свѣтѣ и облегчить ей возможность имѣть въ средѣ своей людей дѣйствительно ученыхъ и извѣстныхъ своими заслугами, объ этомъ Бревернъ, подобно своимъ предшественникамъ, не распространялся, но краснорѣчиво доказывалъ, что Академіи наукъ на содержаніе слѣдуетъ ассигновать не менѣе пятидесяти тысячъ въ годъ и, сверхъ того, двадцать тысячъ единовременно для расплаты долговъ [2]).

Представленіе Бреверна осталось безъ исполненія. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ званія президента Академіи наукъ, а въ концѣ года на престолъ вступила императрица Елисавета Петровна.

---

[1]) Рукопись исторіографа Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 738—745.

[2]) II, книга № 791.

IV.

Заботы при основаніи Академіи наукъ о приглашеніи въ члены ея лицъ, извѣстныхъ своими трудами въ ученомъ мірѣ. Вредъ отъ избранія потомъ въ Академію по соображеніямъ, постороннимъ для науки. О затрудненіяхъ, встрѣчавшихся въ старину для представителей нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи высказывать добытыя ими истины въ современномъ обществѣ.

Если теперь обратиться отъ внѣшней исторіи Академіи наукъ къ ученой ея дѣятельности въ разсматриваемый періодъ времени, то и здѣсь найдется много такихъ явленій, которыя состояли болѣе или менѣе въ связи съ окружавшею ученое общество дѣйствительностью, а иногда даже принуждены были подчиняться ей. Для безпристрастнаго сужденія о прошедшемъ, давно уже отжившемъ, не лишне указать на подобныя явленія тѣмъ болѣе, что они рѣдко принимаются въ соображеніе при общей оцѣнкѣ дѣятельности Академіи наукъ.

Когда изъ Петербурга просили Христіана Вольфа содѣйствовать къ приглашенію ученыхъ во вновь открывавшуюся здѣсь Академію наукъ, то германскій мыслитель, понимая всѣ трудности, неизбѣжно имѣвшія встрѣтиться при добросовѣстномъ выполненіи такого порученія, откровенно писалъ (26 іюня 1723 года) Блюментросту, что было бы легче и можетъ быть полезнѣе для Россіи основать вмѣсто Академіи наукъ университетъ, такъ-какъ скорѣе можно отыскать способныхъ наставниковъ, чѣмъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своими трудами, и что если настаивать на учрежденіи именно Академіи, то можетъ то же случиться, что случилось уже съ берлинскою, которая въ ученомъ свѣтѣ извѣстна только по имени. Но это предложеніе Вольфа не нашло себѣ сочувственнаго отголоска въ Петербургѣ, и тогда германскому философу ничего не оставалось, какъ заботиться о вызовѣ ученыхъ людей, изъ которыхъ должна была составиться Академія. Какъ добросовѣстно исполнялъ онъ принятое имъ на себя порученіе, то лучше всего видно

изъ письма графа А. Головкина въ январѣ 1724 г.: „г. Вольфъ, писалъ онъ тогда, чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить въ учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами [1])“. Послѣ этого неудивительно, что ученые, приглашенные въ петербургскую Академію наукъ Вольфомъ, какъ напр. Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Органъ ея дѣятельности — академическіе Комментаріи [2]), при появленіи своемъ, встрѣтилъ лестный пріемъ у европейскихъ ученыхъ. Въ 1734 году, когда вышло только три тома этого изданія, Даніилъ Бернулли писалъ къ Эйлеру: „Не могу вамъ довольно объяснить, съ какою жадностью повсюду спрашиваютъ

---

[1]) Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753 (S.-Petersburg, 1860), 19, 20, 181.

[2]) Первый томъ этого изданія, подъ заглавіемъ Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae вышелъ въ свѣтъ въ 1728 г. Сообщаемъ здѣсь мелочную, но характеристичную подробность о томъ, какія происходили толки о заглавіи изданія въ засѣданіи 9 апрѣля: «Fuerunt qui vocabulum Acta etc. probarunt, at fuerunt etiam quibus cocophonia deprehensa fuit, si haec vocabula Acta Academiae se invicem proxime subsequantur. Acta societatis ideo non placuit, quia hac ratione nomen huic Collegio ab Imperatore C. M. concessum immutaretur. Hanc ob causam titulus Commentarii Academiae etc. plerisque magis congruere visus est, maxime cum et significatus vocis Commentarii hic intentus ad antiquitatem proxime accedat. Vox scientiarum cl. Bayero displicuit, quia nullibi apud veteres scriptores tali in sensu usurpata deprehenditur, sed unice habitus animi in intellectu designat. Reliqui vero Academiae socii usum hodiernum allegantes retineri vocem posse existimarunt. Imperatorius an Imperialis dicendum sit? inter se disputabant Bayerus et Bulfingerus, hoc pro prima voce, illo pro altera pugnante. Cum Bulfingero tum ei plerique alii senserunt, ac simul ratione moti, quod vox Imperialis jam usurpata sit ab Academia in titulo sermonibus publicis praefixo. Tandem an Academia Petropolitana, an vero Russica vocanda sit? Deliberantes prius epitheton anteferendum alteri censuerunt Academiae socii, omnia vero censurae illustris Academiae praesidis subjicienda esse decreverunt.» (I, Протоколы 1728 года).

о петербургскихъ мемуарахъ... Желательно было бы, чтобы поспѣшили печатаніемъ ихъ [1])"...

Первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были проникнуты тѣмъ же самымъ сознаніемъ въ важности назначенія Академіи, какимъ руководился Вольфъ при избраніи ихъ въ члены ея, и это лучше всего выразилось въ томъ, что молодые люди, которыхъ сочли нужнымъ пригласить съ собою первые члены Академіи, въ качествѣ адъюнктовъ, на столько были далеки въ избранныхъ ими наукахъ и обладали такими дарованіями, что нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлавшись членами нашей Академіи, они, въ свою очередь, пріобрѣли себѣ извѣстность въ ученомъ свѣтѣ, конечно не въ равной степени, но имена всѣхъ ихъ невозможно и нынѣ пройти молчаніемъ въ исторіи тѣхъ наукъ, которымъ посвящены были ихъ труды. Говоря такимъ образомъ, я разумѣю академиковъ Эйлера, Мюллера, Гмелина, Крафта и Вейтбрехта.

Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Академіи наукъ стали руководствоваться не тѣмъ взглядомъ, который такъ блистательно примѣнилъ на самомъ дѣлѣ Христіанъ Вольфъ, но другими, посторонними для науки соображеніями, отчего первоначально пріобрѣтенную извѣстность ученаго общества пришлось долгое время потомъ поддерживать только тѣмъ членамъ его, которые были вызваны къ открытію его или же избраны этими изъ своихъ учениковъ. Какъ на исключеніе изъ этого должно указать на двухъ ученыхъ, вступившихъ въ позднѣйшее время и съ честью носившихъ званіе академиковъ—это Стеллеръ и Рихманъ: одинъ былъ рекомендованъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, другой—графомъ Остерманомъ. Менѣе строгая разборчивость при избраніи въ члены Академіи стала являться прежде всего отъ того, что при этомъ не требовалось мнѣній ученыхъ, что̀ было дѣйствительно и излишне при случаяхъ въ родѣ назначенія въ академики такихъ лицъ, которыя были въ состояніи писать бойко нѣмецкіе стихи на иллюминаціи и фейерверки и сочинять аллегоріи и надписи

[1]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres, éd. par P. H. Fuss, II, 415, 416.

(Юнкеръ и Штелинъ). Академиковъ, неимѣвшихъ никакой самостоятельности, разумѣется не было надобности спрашивать, что они думали при объявленіи имъ въ конференціи, что число ихъ увеличено, по волѣ начальства, лицами, хотя и не пріобрѣвшими никакихъ правъ на ученыя заслуги, но бывшими одинъ секретаремъ, другой учителемъ дѣтей тогдашняго временщика Бирона (Штрубе де-Пирмонъ и Ле-Руа).

Нельзя не замѣтить, что увеличеніе числа академиковъ посредственностями, иногда впрочемъ полезными, началось изъ личныхъ разсчетовъ правителей Академіи; при чемъ пользовалось не малымъ значеніемъ желаніе угодить сильнымъ міра сего, и чрезъ то пріобрѣсть болѣе права на бюрократическое распоряженіе ученымъ учрежденіемъ. Такое желаніе казалось въ тѣ времена столь естественнымъ, что даже не считалось нужнымъ скрывать о томъ. Сигезбекъ назначенъ былъ на каѳедру ботаники потому только, что этого желалъ Лестокъ, имѣвшій какъ извѣстно огромное значеніе при дворѣ Елисаветы въ первые годы ея царствованія, и Шумахеръ наивно писалъ о томъ Эйлеру. Послѣ Сигезбекъ пользовался печальною для нашей Академіи извѣстностью, какъ противникъ открытій Линнея.

При оцѣнкѣ событій болѣе или менѣе удаленнаго времени, гораздо легче рѣшать вопросы о томъ, какъ должно было бы поступать при такихъ-то обстоятельствахъ, чѣмъ объяснять, можно-ли было тогда дѣйствовать такъ, какъ теперь по нашему мнѣнію слѣдовало бы дѣйствовать. Въ первомъ случаѣ обыкновенно болѣе всего имѣются въ виду современные взгляды и убѣжденія, хорошо извѣстные, такъ-какъ не требуютъ большихъ усилій и трудовъ для ознакомленія съ ними. Совсѣмъ иное дѣло при сужденіяхъ о возможности или невозможности осуществленія какой нибудь мысли въ данную эпоху: здѣсь уже необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство съ этою эпохою, которое иногда ведетъ къ тому, что позднѣйшія, можетъ-быть очень возвышенныя соображенія оказываются просто невозможными для старины.

Переписка о вызовѣ ученыхъ для петербургской Академіи наукъ началась прежде всего приглашеніемъ въ нее самого Воль-

фа; переписка эта продолжалась довольно долго, но тѣмъ не менѣе кончилась неудачно, такъ-какъ германскій философъ постоянно уклонялся принять такое приглашеніе. Суровый климатъ, иная пища, питье—обо всемъ этомъ, кромѣ разныхъ вопросовъ о вознагражденіи и пр., можно встрѣтить упоминанія въ каждомъ письмѣ Вольфа въ Петербургъ. „Кромѣ того, писалъ онъ, наконецъ, 3 іюля 1722 года, еще одинъ главный вопросъ: долженъ-ли я приниматься за осуществленіе моихъ мыслей касательно наукъ только въ той степени, въ какой будетъ это угодно современнымъ русскимъ? Въ такомъ случаѣ я можетъ быть буду вынужденъ оставить безъ осуществленія то, что здѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, осуществилъ бы, а между-тѣмъ другой на моемъ мѣстѣ не можетъ продолжать здѣсь мною покидаемаго"... Вопросъ этотъ становится очень понятнымъ, когда вспомнить, что вскорѣ за тѣмъ даже въ Германіи Вольфъ подвергся преслѣдованіямъ суевѣрныхъ піетистовъ, видѣвшихъ въ немъ христіанина, непохожаго на созданный ими, подъ вліяніемъ религіозной нетерпимости, идеалъ. Быть-можетъ по этимъ отчасти соображеніямъ мыслитель этотъ, несмотря на увѣренія изъ Россіи, что Петербургъ, въ отношеніи просвѣщенія, не уступитъ никакому германскому городу, уклонился вовсе отъ предложенія пріѣхать туда [1]), что́, впрочемъ, не помѣшало ему, какъ сказано уже выше, оказать существенныя услуги нашему ученому обществу.

Извѣстно, что въ петербургской Академіи наукъ съ самаго основанія ея наиболѣе процвѣтала высшая и прикладная математика и даже въ такой степени, что безошибочно можно сказать, что нынѣшнее преуспѣяніе математическихъ наукъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ много обязано Академіи наукъ, такъ-какъ Эйлеръ, умирая, оставилъ семь даровитыхъ послѣдователей своихъ, считавшихъ за честь себѣ называться его учениками и бывшихъ не только кабинетными учеными, но и лучшими наставниками въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Этотъ успѣхъ математическихъ наукъ въ Россіи,

[1]) Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753 (S.-Petersburg 1860), 60, 165.

кажется, не слѣдуетъ приписывать случайностямъ въ родѣ того, что Вольфу удалось убѣдить братьевъ Бернулли ѣхать въ Петербургъ, а эти, въ свою очередь, хлопотали за Эйлера о принятіи его въ нашу Академію, и что, благодаря такому стеченію обстоятельствъ, положено было начало процвѣтанію математическихъ наукъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ цѣлой Россіи. Математика, имѣя дѣла съ умозаключеніями, которыхъ первое условіе опредѣленность и очевидность, въ тоже самое время поставлена въ такое счастливое положеніе, что въ ея области можно дѣлать великія открытія, производить перевороты и пр. — все это безъ малѣйшаго соотношенія къ послѣдовательному развитію идей политическихъ и религіозныхъ, которыя имѣютъ такое преобладающее значеніе въ наукахъ политическихъ и историческихъ. Этимъ самымъ легко объяснить, почему величайшіе изъ когда либо бывшихъ математиковъ, Ньютонъ и Эйлеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не только оставались вѣрными преданіямъ и мистицизму, но даже печатали произведенія, въ которыхъ пытались защищать ихъ. По этому не удивительно, что у насъ математическимъ наукамъ въ прошломъ столѣтіи, не могло представляться внѣшнихъ препятствій къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ-какъ эти науки, не касаясь ни умственнаго, ни политическаго строя современнаго общества, могли даже и въ средѣ, не особенно цѣнившей науки вообще, иногда наглядно показать существенную пользу отъ примѣненія математическихъ знаній на дѣлѣ. И дѣйствительно знаменитый Эйлеръ, когда былъ въ Россіи, то, по порученію начальства, отрывался отъ геніальныхъ выкладокъ, чтобы писать разсужденіе о чувствительности вѣсовъ для взвѣшиванія монетъ; подавалъ мнѣніе, какъ бы удобнѣе поднять большой московской колоколъ на колокольню; работалъ также надъ картами русскихъ областей и пр. Кромѣ того, въ математикѣ нуждались наши моряки, въ механникѣ — нашъ монетной дворъ и т. д. Все это, въ соединеніи съ изумительными успѣхами математическихъ наукъ въ прошломъ столѣтіи въ Европѣ, было не маловажными причинами къ особенному преуспѣянію у насъ этой важнѣйшей отрасли человѣческихъ знаній. Но, едва эти же самыя науки какимъ нибудь образомъ ка-

сались такихъ истинъ, которыя опровергали уже утвердившіяся съ вѣками воззрѣнія, то распространеніе ихъ встрѣчало непреодолимыя затрудненія. Рѣчь Делиля, гдѣ разрѣшался утвердительно вопросъ вертится или нѣтъ земля, по русски печатать нашли невозможнымъ въ 1728 г. Въ 1731 г. рѣшительно не смѣли издать, безъ разрѣшенія высшаго начальства, сочиненія о множествѣ міровъ Фонтенеля. Кромѣ этой осторожности въ храненіи утвердившихся, хотя бы и ложныхъ убѣжденій, замѣчалась въ описываемое время подозрительность, которая хотѣла, чтобы и истины, добываемыя путемъ научныхъ изслѣдованій, составляли государственную тайну. Такъ обвиненія астронома Делиля въ сообщеніи за границу астрономическихъ наблюденій доходили даже до сената, а между-тѣмъ извѣстно, что достовѣрность и полезность подобныхъ наблюденій получается именно чрезъ сравненіе того, что наблюдаемо астрономами въ разныхъ земляхъ[1]).

Въ описываемую эпоху подозрительность къ наукѣ и ея представителямъ простиралась такъ далеко, что тѣ самыя лица, которыя, по самому положенію своему, обязаны были стараться содѣйствовать ученымъ въ облегченіи добывать свѣдѣнія, необходимыя при разработкѣ научныхъ вопросовъ, эти лица считали, напротивъ, священною обязанностью созидать въ этихъ случаяхъ препятствія для академиковъ.

„Понеже Академіи, записано въ протоколѣ академической канцеляріи 21 февраля 1735 года[1]), не безъ опасности есть, ежели что въ Россійскомъ государствѣ какія описанія или извѣстія учинятся, а въ иностранныя государства чрезъ нѣкакіе виды произнесутся, а о томъ еще не публиковано, о чемъ и указами запрещается, того ради обрѣтающійся главный командиръ, дѣйствительный камергеръ, баронъ фонъ-Корфъ приказалъ въ государственную иностранныхъ дѣлъ, въ военную, адмиралтейскую и коммерцъ коллегіи и въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи и отъ строеній послать промеморіи и объявить,

---

[1]) См. стр. 145, 146, 215 и 135 настоящаго труда.

[2]) II, книга № 15.

дабы изъ оныхъ коллегій и канцелярій какія въ которой имѣются, а именно разныя провинціальныя описанія, извѣстія, книги, ландкарты и прочее по вопросамъ Академіи наукъ профессорамъ и адъюнктамъ ни подъ какимъ видомъ отпущены бы не были, развѣ по письменному требованію Академіи наукъ изъ канцеляріи.“

Академикъ Байеръ, извѣстный знатокъ множества восточныхъ языковъ, неустрашившійся даже предъ трудностями китайскаго языка, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, не принялся, однако, за изученіе русскаго языка и ограничился только тѣмъ, что убѣдилъ Мюллера, тогда еще молодаго человѣка, заниматься имъ въ видахъ изученія потомъ русской исторіи. Многихъ удивляетъ это равнодушіе Байера къ языку страны, въ которую онъ переселился. Но едва-ли со стороны извѣстнаго оріенталиста и филолога это не было слѣдствіемъ простаго разсчета, именно, что потративъ время и усилія на изученіе русскаго языка, онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, чтобы это знаніе когда-нибудь ему пригодилось, такъ-какъ занятіе въ тѣ времена русскою исторіею для русскихъ сопряжено было не только съ трудностями, но и опасностями. Мюллеръ гораздо позднѣе Байера явился съ своимъ разсужденіемъ о происхожденіи русскаго народа и все-таки не избѣгъ обвиненія едва не въ политическомъ преступленіи. Тотъ же Мюллеръ далъ на нѣкоторое время знакомцу своему Крекшину рукописную тетрадь съ выписками изъ иностранныхъ писателей о Россіи. Такъ-какъ въ этихъ выпискахъ былъ между прочимъ разсказъ о томъ, какъ наши великіе князья должны были унижаться передъ татарами, то Крекшинъ подалъ доношеніе на академика съ обвиненіемъ его въ преступленіи по второму пункту, т. е. въ оскорбленіи величества.

Въ разсматриваемую эпоху въ Академіи наукъ было очень немного обнародовано матеріаловъ по русской исторіи, но будетъ несправедливо думать, чтобы это происходило по винѣ ученаго общества. 25 апрѣля 1734 г. Академія представляла въ сенатъ, что она „имѣетъ намѣреніе, чтобъ по прикладу другихъ народовъ, которые о исправленіи исторіи отечествъ своихъ

тщаніе имѣютъ, обрѣтающихся россійскихъ древнихъ лѣтописцевъ, по приложенной при семъ формѣ, въ печать выдать, не перемѣняя во оныхъ ни нарѣчія, ни матеріи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя со исторіею свѣтскою никакого союза не имѣютъ, но токмо до духовности касаются, и о которыхъ святѣйшій правительствующій синодъ впредь разсмотрѣть можетъ. А понеже можно надѣяться, что чрезъ сей способъ россійская исторія будетъ приведена со временемъ въ лучшую ясность, къ тому жъ и типографіи истая будетъ польза и народу чтеніемъ оныхъ пріятное упражненіе, того ради правительствующаго сената Академія наукъ покорно проситъ, дабы соблаговолено было вышереченныхъ россійскихъ древнихъ хронографовъ нынѣ и впредь при Академіи наукъ въ россійской типографіи печатать, также и продавать по настоящей цѣнѣ".

Сенатъ препроводилъ ходатайство Академіи на заключеніе синода, и вотъ, какое состоялось тамъ по этому предмету опредѣленіе: „Разсуждаемо было, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже во оныхъ писаны лжи явственныя. Въ которыхъ-де писано то, будто-де царь Иванъ Васильевичъ посылалъ къ цесарю Максимиліану посольство за тѣмъ только, какъ писать къ нему, и какъ тотъ цесарь славно живетъ. Стоитъ градъ Виденъ надъ превеликимъ моремъ; а тотъ-де градъ стоитъ не надъ моремъ — надъ рѣкою Дунаемъ. И будто все у него золотое. Тотъ же цесарь, посадя будто бы того посла въ карету съ собою, говорилъ о нашемъ государствѣ пророческія слова и пр. И другія многія неимѣющія истины, отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна". Далѣе слѣдуютъ разсужденія о томъ, что не опредѣлено заранѣе, въ сколькихъ томахъ будетъ заключаться изданіе: „А изъ приложеннаго для аппробаціи видится, что ихъ будетъ не мало; къ тому же иное и внесть въ нихъ не должно. И если напечатаны, чтобъ были многіе къ покупкѣ того охотники, безнадежно, понеже и штиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту и возымѣли, то первому тому покупку учиня, до послѣдующихъ

весьма не приступятъ. Того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущерба“ [1]).

Очень можетъ быть, что Мюллеръ, когда бы узналъ о такомъ опредѣленіи, тотчасъ бы покинулъ свои занятія русскою исторіею и принялся бы за что-нибудь другое, но къ счастію онъ во время составленія такого опредѣленія былъ уже въ Сибири и усердно изслѣдовалъ тамошніе архивы. По независящимъ отъ него обстоятельствамъ, которыя можно видѣть изъ жизнеописанія исторіографа въ настоящемъ трудѣ, онъ не воспользовался при жизни своимъ громаднымъ собраніемъ матеріаловъ по русской исторіи, такъ-что они еще не изчерпаны всѣ и до настоящаго времени.

Впрочемъ, подробности объ отношеніяхъ Академіи наукъ къ современному русскому обществу будутъ изложены въ слѣдующихъ томахъ настоящаго труда, гдѣ сообщатся извѣстія о Тредіаковскомъ и Ломоносовѣ.

---

[1]) Временникъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, книга 24 (М., 1856 г.), смѣсь, 49, 50.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ПРЕЗИДЕНТОВЪ И ЧЛЕНОВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ВСТУПИВШИХЪ ВЪ НЕЕ ВЪ 1725—1742 ГОДАХЪ.

БЛЮМЕНТРОСТЪ, ЛАВРЕНТІЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ, президентъ академіи наукъ.

Печатныя извѣстія о Блюментростѣ: A. F. Büsching's Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 6, 7; краткое жизнеописаніе отца и старшаго брата, Іоганна-Деодата, а также его самого въ Исторіи медицины въ Россіи Рихтера, II, 242 — 259; приложенія, 119 — 128; III, 108 — 112, 165 — 173. Въ академической конференціи хранятся въ рукописяхъ: 1) жизнеописаніе Л. Блюментроста, гдѣ болѣе мелочныхъ подробностей, напр., о происхожденіи, наставникахъ его и о томъ, что онъ умеръ христіаниномъ; 2) примѣчанія на это жизнеописаніе, составленныя, какъ мнѣ кажется, Мюллеромъ, и дополненія, вызванныя этими примѣчаніями; 3) проповѣдь, произнесенная при погребеніи Блюментроста, и описаніе его погребенія. О Блюментростѣ есть также рукописный трудъ на нѣмецкомъ языкѣ К. Ѳ. Свенске, нынѣшняго хранителя академическихъ архивовъ: здѣсь собраны матеріалы временъ президентства Блюментроста, какіе найдены г. Свенске въ архивѣ конференціи, и къ тому присовокупленъ біографическій очеркъ Блюментроста.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пользовался особенною благосклонностью двора пасторъ Нѣмецкой слободы въ Москвѣ Іоганнъ-Готфридъ Грегоріусъ[1]): онъ перелагалъ въ театральныя мистеріи разныя библейскія событія, какъ напр. приключенія Есѳири и Мардохея, и ставилъ ихъ, при помощи нѣкото-

[1]) Чтó онъ, какъ пасторъ, былъ рекомендованъ царю Алексѣю Михайловичу отъ герцоговъ саксонскихъ въ 1662 г., см., A. F. Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, XI, 525 — 528.

рыхъ сыновей бояръ, на сцену въ царскомъ дворцѣ[1]). Грегоріусъ былъ пасынкомъ доктора Лаврентія Блюментроста, пользовавшагося извѣстностью въ своемъ родномъ городѣ Мюльгаузенѣ[2]), и когда царь, будучи однажды боленъ, спросилъ Грегоріуса, не можетъ-ли онъ рекомендовать ему хорошаго нѣмецкаго медика, то тотъ указалъ на Блюментроста. Въ уцѣлѣвшей до нынѣ пригласительной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, отъ 12 марта 1667 года, написано къ Блюментросту: „вѣдомо намъ учинилось, что ты хощешь нашіе государскіе милости и жалованья къ себѣ поискати, пріѣхать къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, и тебѣ бы, дохтуру, ѣхати къ намъ... вскорѣ съ пасторомъ со Іоанномъ Гофритомъ...“ Блюментростъ-отецъ, прибывъ въ Москву въ 1688 г., не покидалъ ее до смерти своей (1705 г.). Живя уже въ Россіи, онъ былъ женатъ два раза, и отъ послѣдняго брака у него родились сыновья: въ 1679 г. Іоганнъ-Деодатъ, въ послѣдствіи архіатеръ и начальникъ медицинской части въ Россіи, и въ 1692 г. Лаврентій, которому суждено было открыть Академію наукъ въ Петербургѣ и быть ея первымъ президентомъ.

Лаврентій Блюментростъ, въ бытность свою въ Москвѣ, учился языкамъ латинскому и греческому сначала у отца своего, который былъ не только докторомъ, но и свѣдущимъ, какъ говорилось тогда, въ гуманіорахъ, а потомъ ему между прочимъ преподавалъ науки магистръ Паузе. Послѣдній управлялъ нѣ-

---

[1]) Въ рукописныхъ примѣчаніяхъ о Блюментростѣ сказано объ этомъ такъ: Pastor Gregorius beym Czaaren in besonderen Gnaden stand, weile er verschiedene Biblische Historien in Comoedien gesetzet und selbe mit einigen Bojars Söhnen am Hoffe vor dem Czaaren agiret... Въ сочиненіи г. Забѣлина, Домашній быть русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, приведено нѣсколько современныхъ извѣстій объ этомъ Грегоріусѣ (стр. 471, 477, 482), напр., что ему царь велѣлъ сочинить комедію изъ книги Эсѳирь и что онъ обучалъ «комедійному дѣйству» учениковъ изъ дѣтей мѣщанъ и подъячихъ. Тамъ же высказано предположеніе, что Грегоріусъ управлялъ нѣмецкою странствующею труппою; но это едва ли было совмѣстимо съ его званіемъ пастора.

[2]) Сочиненіе Блюментроста отца Pharmacopea domestica et portalis напечатана въ Мюльгаузенѣ въ 1668 г., и другой разъ по нѣмецки тамъ же въ 1716 году.

которое время извѣстною въ Москвѣ школою пастора Глюка, гдѣ также учился и молодой Блюментростъ. У него рано развились способности, такъ что, будучи пятнадцати лѣтъ, онъ уже слушалъ медицинскія лекціи въ гальскомъ университетѣ. Изъ Галле Блюментростъ отправился продолжать занятія въ оксфордскій университетъ, но скоро потомъ переѣхалъ въ Голландію, привлеченный славою Бургаве. Блюментростъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію медицины подъ руководствомъ этой знаменитости и получилъ при немъ въ Лейденѣ званіе доктора.

По возвращеніи въ Россію въ 1714 г., Петръ Великій назначилъ его лейбъ-медикомъ при любимой сестрѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ. Въ 1715 г. Блюментросту поручено было сдѣлать описаніе болѣзни (statum morbi) государя, которое онъ и долженъ былъ потомъ лично сообщить извѣстнѣйшимъ медикамъ въ Европѣ, чтобы лично узнать ихъ мнѣнія по этому предмету. Со времени этого порученія, Блюментростъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ онъ дѣлается замѣтнымъ при царскомъ дворѣ. Отъ этой поѣздки молодаго доктора сохранились два любопытныя письма его, одно отъ 18 февраля, другое 29 мая 1716 г., гдѣ идетъ рѣчь объ отзывахъ тогдашнихъ медицинскихъ знаменитостей de morbi quocum conflictatur campidux illustrissimus [1]). 12 января 1717 г. онъ писалъ царскому лейбъ-медику Арескину, что уже пять мѣсяцевъ изучаетъ въ Парижѣ анатомію у того же самаго наставника, у котораго учился и Арескинъ — Дювернуа [2]).

Въ томъ же 1717 г. въ Амстердамѣ Блюментростъ хлопоталъ о заключеніи условій съ знаменитымъ Рюйшемъ касательно пріобрѣтенія для Россіи его анатомическаго кабинета, славившагося во всей Европѣ. Способъ Рюйша сохранять въ цѣлости анатомическіе препараты тогда хранился еще въ величайшей тайнѣ, а потому Арескинъ былъ не совсѣмъ доволенъ, что молодой подчиненный включилъ въ условія, чтобы эта тайна

[1]) I, Входящія письма 1716 года. | [2]) I, Входящія письма 1717 года.

была также открыта и ему[1]). Для успокоенія подозрительности своего покровителя (а имъ былъ для Блюментроста Арескинъ, какъ видно изъ его писемъ къ нему), послѣдній писалъ къ нему, 26 апрѣля 1717 г., что онъ это сдѣлалъ единственно на тотъ случай, когда бы Арескину невозможно было самому пріѣхать въ Амстердамъ для узнанія способа; что впрочемъ онъ всегда старается дѣйствовать такъ, чтобы это согласовалось съ приказаніями Арескина, и что, наконецъ, Рюйшъ передастъ ему описаніе способа въ запечатанномъ конвертѣ. Далѣе изъ переписки Блюментроста видно, что онъ занимался описаніемъ въ рюйшевскомъ кабинетѣ всего, что относилось къ анатоміи животныхъ. Подъ наблюденіемъ Блюментроста, собранія Рюйша были доставлены въ Петербургъ, а 13 декабря 1717 г. молодой лейбъ-медикъ уже писалъ изъ Петербурга къ доктору Брейну, что отправляется въ Олонецъ для описанія тамошнихъ водъ и произведенія надъ ними разныхъ опытовъ[2]).

Арескинъ умеръ въ 1718 г., и Лаврентій Блюментростъ тотчасъ же вступилъ въ званіе лейбъ-медика при царѣ, и, кромѣ того, ему было ввѣрено управленіе императорскою библіотекою и кунсткамерою. Ближайшимъ его помощникомъ по исполненію этой послѣдней должности былъ Іоганнъ-Даніилъ Шумахеръ, который коротко зналъ Блюментроста, а потому слѣдующій разсказъ его о первой мысли къ учрежденію Академіи въ Петербургѣ нельзя не считать за достовѣрный. Блю-

---

[1]) Въ тѣ времена тайна Рюйша занимала умы многихъ. Пажо графъ д'Озамбре (Pajot d'Osembray) въ 1718 году благодарилъ очень Арескина за сообщеніе ему, 14 сентября того же года, рюйшевскаго способа; его только удивляло, что онъ обходится дорого, а это несовмѣстно съ голландскою бережливостью (Входящія письма 1718 г.). Въ другомъ конволютѣ архива академической конференціи (Исходящія письма 1713 — 1727 гг., стр. 92, 93) хранится черновое письмо къ неизвѣстному, изъ котораго видно, что Арескинъ, чтобы избавиться отъ докучливыхъ просьбъ одного знатнаго господина (д'Озамбре?), занимающагося натуральною исторіею, но совершеннаго невѣжды, сообщилъ ему, 14 сентября 1718 г., выдуманный рецептъ жидкости, выдавъ ее за знаменитый составъ Рюйша.

[2]) I, Входящія письма 1717 года. Изслѣдованія Блюментроста никогда не были обнародованы вполнѣ, но главное изъ его описанія заимствовано докторомъ Ремусомъ въ его Epistola de aquis martialibus Olonizensibus ad cel. Breynium. Lipsiae, 1722.

ментростъ, по словамъ Шумахера, представлялъ однажды Петру, что библіотека и кунтскамера мало принесутъ пользы, если для нихъ не будутъ вызваны способные ученые люди, которые бы исключительно занимались науками. Вслѣдствіе того государь повелѣлъ сдѣлать такой вызовъ тѣмъ болѣе, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ онъ, какъ членъ парижской Академіи наукъ, считалъ это въ высшей степени необходимымъ. Между тѣмъ Блюментростъ замѣтилъ, что если по каждой наукѣ будетъ вызванъ особенный ученый, то изъ нихъ можно составить цѣлую Академію, о чемъ и сдѣлалъ докладъ царю, который велѣлъ ему составить предположеніе по этому предмету [1].

Въ февралѣ 1721 года библіотекарь Шумахеръ посланъ былъ за границу, между прочимъ „для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.“ Тогда же на него возлагалось отвезти въ парижскую Академію наукъ грамоту Петра Великаго съ картою Каспійскаго моря и письмомъ Блюментроста. Русскій текстъ грамоты поправлялъ самъ царь, и въ ней говорилось, что на лейбъ-медика возложено увѣдомлять Академію „что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго и разсужденія Академіи достойнаго случится, и намъ, продолжаетъ государь, зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корресподенцію содержать и отъ времени до времени оному взаимно сообщать будете, какіе новые декуверты отъ Академіи учинены будутъ.“ Блюментростъ въ своемъ письмѣ просилъ приказаній и наставленій Академіи, говоря, что онъ за честь сочтетъ трудиться подъ руководствомъ такого знаменитаго общества [2].

Проектъ объ учрежденіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, составленный Блюментростомъ вмѣстѣ съ Шумахеромъ, былъ утвержденъ Петромъ только въ началѣ 1724 года, и скоро послѣ того Шумахеръ начинаетъ отъ имени Блюментроста

---

[1]) Записки Акад. наукъ, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, стран. 5, 6.

[2]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I, 533, 45.

обширную переписку съ разными европейскими учеными, а также нашими министрами при иностранныхъ дворахъ касательно приглашенія членовъ во вновь учрежденную Академію наукъ. Различныя затрудненія, возникшія или вслѣдствіе опасенія отправиться въ далекую и мало еще вѣдомую тогда Московію, или отъ чрезмѣрныхъ требованій нѣкоторыхъ ученыхъ, или, наконецъ, просто отъ желанія ихъ затянуть дѣло изъ личныхъ разсчетовъ—все это отчасти можно видѣть изъ обнародованной переписки Блюментроста съ германскимъ философомъ Вольфомъ, но еще болѣе слѣдовъ подобныхъ затрудненій осталось въ академическихъ архивахъ въ неизданной перепискѣ по этому поводу. Неожиданная кончина Петра Великаго, казалось, еще болѣе замедлитъ осуществленіе его намѣренія объ учрежденіи Академіи. Но, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, рѣшимость Блюментроста довести дѣло до конца и притомъ къ чести и славѣ вновь основываемаго учрежденія произвела то, что къ концу 1725 года, хотя оффиціально и не было еще признано существованіе Академіи наукъ, однако начались уже академическія засѣданія. На нихъ собирались тѣ изъ ученыхъ, которые ранѣе прочихъ своихъ собратій успѣли прибыть въ Петербургъ. По этому Блюментростъ былъ правъ, сообщая, 4 декабря 1725 года, знаменитѣйшему изъ современныхъ ученыхъ, Вольфу: „хотя Академія могла бы имѣть болѣе славнаго и ученаго президента, однако не знаю, нашла ли бы она болѣе усерднаго, который бы съ такою ревностью, какъ я, хлопоталъ о ея благосостояніи“...[1]).

Академикъ Мюллеръ[2]), очевидный свидѣтель всего, что ни происходило въ первые годы существованія нашей Академіи наукъ, оставилъ нѣсколько извѣстій, рисующихъ Блюментроста, какъ человѣка, а потому свидѣтельство Мюллера не можетъ не имѣть особеннаго значенія въ описаніи дѣятельности пер-

---

[1]) Briefe von C. Wolf aus den Jahren 1719 — 1753 (изданіе Академіи наукъ, Спб., 1860 г.), 194.

[2]) Нѣмецкое рукописное сочиненіе Мюллера въ архивѣ академической конференціи: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 27, 28, 83, 84.

ваго президента Академіи. Говоря съ похвалами объ образованности Блюментроста, Мюллеръ скромно замѣчаетъ, что онъ далеко уступалъ старшему своему брату въ домовитости, и что можетъ быть по этому самому прозорливый государь поручилъ именно послѣднему управленіе всею медицинскою частію Россіи, а въ Академіи наукъ хозяйственную часть предполагалъ предоставить завѣдыванію не президента, но особаго директора съ двумя помощниками. „Потому что несомнѣнно, продолжаетъ Мюллеръ, въ управленіи общественными дѣлами, гдѣ требуется бережливость, разсчетливый въ собственномъ хозяйствѣ болѣе заслуживаетъ довѣрія чѣмъ тотъ, который не бережетъ его.... Но что могло говорить въ пользу лейбъ-медика, то это его навыкъ въ четырехъ, необходимыхъ въ Академіи языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, на которыхъ онъ также свободно говорилъ, какъ и писалъ".

„Если разсматривать его лицо, то оно было привлекательно, обхожденіе вѣжливое и дружеское; онъ никогда не давалъ замѣтить академикамъ, что онъ былъ или сдѣлается ихъ президентомъ. Когда прибыли первые ученые въ Петербургъ, онъ не имѣлъ еще этого званія, но былъ уже считаемъ за президента... Когда же дѣйствительно сдѣлался имъ, то не перемѣнился, однако, въ отношеніи академиковъ и былъ всѣми уважаемъ и любимъ, пока находился въ Петербургѣ и посѣщалъ Академію... Въ первые мѣсяцы Блюментростъ всегда присутствовалъ въ конференціяхъ, и тогда считалось законнымъ предлогомъ, чтобы отложить засѣданіе, когда президентъ принужденъ былъ оставаться при дворѣ долѣе обыкновеннаго или задерживался другими какими либо дѣлами отъ присутствія въ засѣданіи. Онъ часто высказывалъ свои мнѣнія на счетъ предметовъ, предлагавшихся на обсужденіе, и тогда можно было видѣть его истинную склонность споспѣшествовать процвѣтанію наукъ, а также и обширныя его познанія въ нихъ. Онъ говорилъ по латыни, какъ другіе, и очень искусно. Въ конференціяхъ рѣдко объяснялись по нѣмецки и по французски, по крайней мѣрѣ, когда рѣчь шла объ ученыхъ предметахъ; однако потомъ уступили Делилю, говоря съ нимъ по

французски[1]). Адъюнкты, также какъ и профессора, могли посѣщать конференціи и читать тамъ. Большой круглый столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ, а вокругъ стояли стулья. Садился каждый тамъ, гдѣ находилъ мѣсто, не соблюдая при томъ никакого порядка, кромѣ того только, что старѣйшіе профессора помѣщались ближе около президента. Президентъ же занималъ всегда ближнее къ дверямъ мѣсто, котораго онъ никогда не перемѣнялъ. Этимъ предупреждалъ онъ споры о старшинствѣ.... Также не было еще тогда никакихъ особыхъ креселъ для президента, да онъ и не желалъ того. Можно сказать, что Блюментростъ не присвоивалъ себѣ никакого преимущества, когда онъ находился между академиками. Байеръ писалъ въ письмѣ своемъ въ Кёнигсбергъ: „академическая юрисдикція зависитъ отъ президента и отъ насъ". Онъ не могъ иначе писать, потому что каждый этому вѣрилъ, а изъ вѣжливыхъ поступковъ Блюментроста можно было только заключить, что Академія учреждалась по примѣру иностранныхъ Академій.... Что̀ Шумахеръ впослѣдствіи сдѣлается всемогущимъ, о томъ тогда никто не думалъ. Хотя онъ приходилъ въ конференціи, чтобы утвердить за собою право члена, однако какъ авскультантъ...."

Такимъ былъ Блюментростъ для Академіи въ короткое царствованіе императрицы Екатерины I, оказывавшей всегда большія милости и особенное вниманіе къ ученому обществу. Съ возшествіемъ на престолъ Петра II, у престола явились новые люди, съ иными взглядами и съ другими направленіями, чѣмъ тѣ, которые были въ силѣ въ петровское и екатериненское царствованія: Академію стали забывать, и президентъ ея, увлеченный общимъ потокомъ, предоставилъ ее въ полное распоряженіе библіотекаря Шумахера. Нельзя спорить, что послѣдній оказалъ несомнѣнныя услуги Академіи при ея основаніи, какъ единственный пособникъ въ этомъ дѣлѣ Блюментроста, но по этой причинѣ онъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться

---

[1]) Астрономъ Делиль не былъ силенъ въ латинскомъ языкѣ.

всѣмъ въ Академіи, отчего вскорѣ и сталъ во враждебныя отношенія къ бо́льшей части академиковъ.

Уѣзжая въ Москву за дворомъ, Блюментростъ подписалъ, 4 января 1728 г., распоряженіе, въ силу котораго завѣдываніе всѣми академическими дѣлами возлагалось на Шумахера. Онъ только въ дѣлахъ особенной важности обязывался испрашивать разрѣшенія президента, а въ помощь ему были назначены на каждые четыре мѣсяца попеременно три академика Германъ, Бильфингеръ и Бекенштейнъ. Ученые такое распоряженіе считали для себя „пониженіемъ и крайнимъ презрѣніемъ“[1]), и не болѣе какъ годъ спустя послѣ отъѣзда президента они уже просили, чтобы управленіе Академіею и состоящими при ней гимназіею и типографіею ввѣрено было особому директору, выбранному самими академиками, и чтобы послѣдній въ тоже время завѣдывалъ и денежною суммою, такъ-какъ иные служащіе въ Академіи жалованье за 1728 г. получили только въ ноябрѣ того года, а другимъ и въ 1729 г. его не было выдано. Шумахеръ, съ своей стороны, разными внушеніями и навѣтами возстановлялъ президента противъ академиковъ. Блюментростъ, какъ видно изъ переписки съ нимъ Шумахера, замѣтнымъ образомъ охладѣлъ въ Москвѣ къ Академіи: медлилъ разрѣшеніями на посылаемыя касательно ея представленія[2]) и всегда давалъ приказанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это нужно было для библіотекаря. Такъ въ письмѣ 14 іюля 1729 г. Шумахеръ внушалъ президенту: „я увѣренъ что академики сдѣлаются болѣе сговорчивыми, когда будутъ съ ними обходиться съ бо́льшею властію. Дайте инструкцію: надобно, чтобы каждый ей слѣдовалъ — я въ этомъ случаѣ буду первый“[3]). Блюментростъ исполнилъ въ точности эти внушенія и

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, Отчетъ о занятіяхъ въ 1863 — 64 годахъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 35 — 38.

[2]) Филиппъ Гмелинъ въ письмѣ къ Шумахеру, 23 мая 1728 г., писалъ, что давать скорыя рѣшенія по академическимъ дѣламъ президентъ не имѣетъ никакой возможности по случаю внезапной болѣзни старой царицы (Евдокіи Θеодоровны), также по нездоровью разныхъ другихъ высокихъ лицъ. См. Рукописный сборникъ г. Свенске, № 320.

[3]) I, Исходящія письма 1728 — 42 годовъ.

прислалъ строгую инструкцію, которою не могли не обидѣться академики. Бо́льшая часть изъ нихъ, въ данныхъ по этому поводу отзывахъ, писали противъ инструкціи возраженія, а академикъ Лейтманъ прямо высказалъ, что „присоединенныя тамъ въ концѣ угрозы наказаній для честныхъ людей тѣмъ болѣе огорчительны, чѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы люди благоразумные, сами наблюдающіе aequum atque justum, въ томъ нуждались". Но тѣмъ не менѣе торжество Шумахера было полное, и онъ не считалъ нужнымъ скрывать его. Тогда академики: Германъ, Бильфингеръ и Дюверну̀а обратились къ президенту съ жалобами на высокомѣріе и самовольство библіотекаря. Блюментростъ всѣмъ троимъ далъ рѣзко почувствовать, что онъ только ихъ можетъ считать виноватыми[1]). Такъ напр., онъ писалъ къ Дюверну̀а: „могу увѣрить васъ, милостивый государь, что я не находилъ никакихъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію г. Шумахера, такъ-какъ все дѣланное имъ согласуется съ данными ему приказаніями. Хотя я вовсе не желаю оправдывать выказываемаго имъ высокомѣрнаго обращенія, однако не удивляюсь этому, такъ-какъ вы вынуждаете его къ тому, надсмѣхаясь надъ властію, которую, какъ вы предполагаете, онъ себѣ присвоиваетъ. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, что онъ секретарь и библіотекарь его императорскаго величества. Слѣдовательно ему достоитъ сообщать повелѣнія его величества и наблюдать за исполненіями ихъ..." Далѣе къ Бильфингеру: ...„позвольте сказать вамъ, что въ мое отсутствіе я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами. Сверхъ того, г. Шумахеръ не есть секретарь Академіи, но самый старшій изъ членовъ ея и секретарь его величества по дѣламъ Академіи, назначенный по особому повелѣнію съ самаго начала учрежденія ея. Эта должность не была съ него слагаема, и, слѣдовательно, онъ состоитъ въ ней до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новыхъ повелѣній, которыя уничтожатъ первое...."

---

[1]) Всѣ три отвѣта президента отъ 25 августа 1729 г. въ 1-мъ портфелѣ Мюллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1728 по 1748 годъ,» находящемся въ архивѣ академической конференціи.

И Германъ, и Бильфингеръ поспѣшили уѣхать изъ Петербурга, какъ только кончился срокъ ихъ контрактовъ.

Со смертію Петра II, Блюментростъ потерялъ прежнее свое значеніе при дворѣ. Въ кончинѣ нѣсколькихъ лицъ царской фамиліи въ короткой промежутокъ времени съ 1725 по 1731 года общественное мнѣніе, не обращая вниманія на образъ жизни, веденный скончавшимися, видѣло неискусство главнаго врача. Тѣмъ не менѣе, однако, казалось, что Блюментростъ сдѣлался необходимымъ при мекленбургской герцогинѣ, такъ-что, по свидѣтельству Мюллера, ему было отведено помѣщеніе во дворцѣ герцогини подлѣ комнатъ съ каждымъ днемъ слабѣвшей въ силахъ Екатерины Іоанновны. Тамъ и представлялись ему академики и поздравляли его съ возвращеніемъ въ Петербургъ.

Побывавъ разъ въ Академіи, гдѣ ко всѣмъ обращался съ вѣжливыми увѣреніями и обѣщаніями, Блюментростъ не вступилъ, однако, въ управленіе Академіею, и предоставилъ ее въ распоряженіе Шумахера. Въ постановленіи, составленномъ по этому случаю 12 января 1732 г.[1]), президентъ писалъ, „что ему.... завсегда въ Академію наукъ отъ двора ея высочества государыни царевны Екатерины Іоанновны отъ повелѣннаго дѣла отлучиться, и пріѣзжать и исправлять дѣла время не допускаетъ. А ежели въ Академіи случатся какія новыя или важныя дѣла, то ему, библіотекаріусу Шумахеру, предлагать ему, г. президенту, и требовать резолюціи“.... Что касается до ученыхъ засѣданій академиковъ въ конференціи, то президентъ назначилъ присутствовать тамъ вмѣсто себя (11 января 1732 года) академика Гольдбаха[2]). Съ тѣхъ поръ въ академической канцеляріи всѣ постановленія подписывалъ одинъ Шумахеръ. Только 6 марта 1732 г. Блюментростъ самъ постановилъ, что „ея императорское величество всемилостивѣйше повелѣла, чтобъ всѣ г.г. профессора и прочія, отъ Академіи зависящія особы, ежели они что при нынѣшнемъ оныя правленіи, или къ общей, или же къ собственной ихъ пользѣ объявить имѣютъ,

---

[1]) II, книга № 9.

[2]) II, книга № 422.

оное бы письменно предлагали"....[1]). „Я, замѣчаетъ объ этомъ распоряженіи Миллеръ вь своей рукописи Zur Geschichte der Academie, стр. 306, 309, помню очень хорошо, что тогда между академиками было вообще убѣжденіе, что было бы излишне заявлять президенту свои неудовольствія, потому что по поступкамъ его съ учеными нельзя было надѣяться на то, чтобы онъ склоненъ былъ устранить эти неудовольствія. На президентское предложеніе смотрѣли какъ на попытку привлечь на свою сторону академиковъ въ виду слабѣющаго вліянія Блюментроста и удержать ихъ, по прибытіи императорскаго двора, отъ жалобъ высшимъ властямъ. По этому-то ни отъ кого не подано было какихъ либо представленій президенту.... Это его очень разсердило, такъ-что онъ не хотѣлъ болѣе видѣть академиковъ. Онъ не приглашалъ ихъ болѣе къ себѣ на засѣданія, не ходилъ и самъ въ Академію, а удовольствовался считать за хорошее то, что ему предлагалъ г. Шумахеръ къ подписанію изъ канцеляріи. Уваженіе къ нему соотвѣтствовало уменьшавшемуся значенію его при дворѣ... Онъ не смѣлъ показываться на глаза императрицѣ: она питала недовѣріе къ его медицинскому искусству, потому что много особъ императорскаго семейства умерло на его рукахъ. Только одна герцогиня мекленбургская до конца не хотѣла разстаться съ нимъ"....

Въ іюнѣ 1732 года Блюментростъ подтвердилъ о непремѣнномъ выполненіи вышепомянутаго его распоряженія, назначивъ для того срокъ отъ двухъ до трехъ дней[2]). Изъ отзывовъ академиковъ, данныхъ впослѣдствіи сенату, можно замѣтить, что они не исполнили и помянутаго распоряженія Блюментроста, потому что не надѣялись, чтобы ихъ сужденія были приняты во вниманіе. Между тѣмъ сенатъ, 15 іюня 1732 г., потребовалъ отчета объ академическихъ суммахъ и управленіи Академіею со смерти Петра Великаго. При такомъ положеніи дѣлъ президентъ послалъ отъ себя въ сенатъ донесеніе 25 іюля 1732 г., гдѣ, высчитывая всѣ учрежденія, заведенныя при Академіи

[1]) II, книга № 421.

[2]) II, книга № 422.

со времени ея основанія, ходатайствовалъ о прибавкѣ денегъ на ея содержаніе, по тому уваженію, что назначенная Петромъ Великимъ сумма оказалась недостаточною. Въ этомъ донесеніи легко замѣтить, что на тѣ учрежденія, которыми завѣдывалъ непосредственно Шумахеръ, какъ напр. библіотека, кунсткамера, канцелярія, испрашивалась наибо́льшая сумма, а на ученыя потребности — сравнительно незначительныя деньги[1]). Сенатъ недовѣрчиво отнесся къ донесенію Блюментроста и потребовалъ объясненій и дополнительныхъ извѣстій не только отъ президента, но и отъ академиковъ[2]). Послѣдніе въ отдѣльныхъ отъ себя отзывахъ болѣе всего возставали на самовластіе канцеляріи въ управленіи академическими дѣлами, на безполезность множества лицъ, состоявшихъ на жалованьѣ и числившихся при канцеляріи и библіотекѣ и пр.[3]). Всѣ эти бумаги были поданы въ сенатъ въ началѣ 1733 года, а 14 іюня того же года послѣдовала кончина герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны.

Это событіе имѣло важныя послѣдствія для Блюментроста, какъ придворнаго медика скончавшейся: императрица Анна приказала чрезъ извѣстнаго А. И Ушакова подвергнуть его допросу и требовать у него отчета въ леченіи сестры[4]). Объясненія Блюментроста въ этомъ случаѣ были таковы, что послѣ нихъ не было ни малѣйшаго повода считать его почему либо виновнымъ въ кончинѣ герцогини; однако это не помѣшало объявить Шумахеру, 6 іюля 1733 года, въ императорскомъ кабинетѣ, что „президентъ-де Академіи наукъ Лаврентій Блюментростъ больше въ Академіи наукъ не будетъ, а пришлется по указу на мѣсто онаго другой.....“[5]) 19 іюля 1733 года Блюментростъ былъ высланъ въ Москву, а въ сентябрѣ послѣдовало повелѣніе императрицы Анны не производить ему съ 1-го мая

---

[1]) II, книга №№ 9 и 791.

[2]) Отвѣты Блюментроста въ Ученыхъ запискахъ Академіи по I и III отдѣленіямъ, III, 672 — 688.

[3]) II, книга № 791.

[4]) Рихтеръ, Исторія медицины, III, 169, говоря объ этомъ, цитуетъ Commercium Noricum ab a. 1733, II, 281.

[5]) II, книга № 12.

того года жалованья, которое онъ получалъ по званію лейбъ-медика герцогини мекленбургской (3000 рублей въ годъ).

23 ноября 1738 года, Блюментростъ опредѣленъ снова на службу начальникомъ въ московскій гошпиталь, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ. Въ томъ же году возникла въ академической канцеляріи переписка объ обстоятельствѣ, о которомъ, конечно, не могъ не вѣдать Шумахеръ прежде: въ бытность въ Москвѣ въ 1728—1731 годахъ, Блюментростъ удержалъ, изъ выдававшихся тамъ на содержаніе Академіи денегъ, 5061 рубль 76 коп., велѣвъ ихъ выписать въ расходъ и обѣщаясь дать въ нихъ отчетъ. Однако, до 1738 г. онъ его не представлялъ, а въ этомъ году (31 іюля) отвѣчалъ на требованіе академической канцеляріи, что онъ бралъ „означенныя деньги на счетъ при Академіи отъ его императорскаго величества блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра Великаго словесно обѣщанной прибавки къ его жалованью на годъ по 1000 рублей...“ По наведеннымъ справкамъ, никакого подобнаго указа Петра Великаго не отыскалось, а потому впослѣдствіи этотъ долгъ Академіи вычитался по частямъ изъ получаемаго Блюментростомъ жалованья[1]).

Вскорѣ послѣ возшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, Блюментростъ подалъ на имя ея прошеніе, въ которомъ, напоминая свои службы родителямъ государыни, просилъ какъ о награжденіи его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, такъ и о прибавкѣ жалованья. Первый лейбъ-медикъ императрицы Лестокъ, въ докладѣ объ этомъ прошеніи, полагалъ удовлетворить ходатайство Блюментроста о чинѣ и прибавить къ его прежнему жалованью еще 1000 рублей, по тому, между прочимъ, уваженію, что „въ бытность Блюментроста при гошпиталѣ, онъ довольное число учениковъ лекарской наукѣ достаточно изучилъ, и, ко удовольствію арміи вашего императорскаго величества, многіе произведены лекарями и подлекарями, каковаго въ томъ отъ него плода и впередь, яко отъ искуснаго и рачительнаго доктора, безъ сомнѣнія уповать

[1]) II, книга №№ 82, 34 и 138.

можно.“ Указъ объ исполнеіии ходатайства Блюментроста данъ сенату 17 февраля 1742 г.[1]).

Въ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ біографіи Блюментроста есть извѣстіе, что онъ старался объ образованіи одного своего служителя, который потомъ вышелъ изъ крѣпостнаго званія, что́ для того времени было особенною рѣдкостью, и получилъ мѣсто, сообразное его знаніямъ. Въ Исторіи медицины Рихтера питомцемъ Блюментроста, наслѣдовавшимъ его библіотеку, названъ лекарь Адріанъ Татариновъ, получившій званіе доктора изъ геттингенскаго университета in absentia.

Въ февралѣ 1755 года Блюментростъ былъ вызванъ въ Петербургъ для обсужденія съ И. И. Шуваловымъ мѣръ касательно вновь учрежденнаго въ Москвѣ университета, кураторомъ котораго Блюментростъ былъ назначенъ еще въ 1754 г., конечно въ память его заслугъ при учрежденіи Академіи наукъ. Въ Петербургѣ Блюментростъ скончался 27 марта 1755 г. отъ водянки въ груди и похороненъ при церкви Самсона Страннопріимца на Выборгской сторонѣ. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Ефремовой, отъ которой имѣлъ дочь Анну; какъ жена, такъ и дочь умерли прежде него.

ШУМАХЕРЪ, ІОГАННЪ-ДАНІИЛЪ, библіотекарь, членъ академіи и совѣтникъ академической канцеляріи.

Краткія извѣстія о Шумахерѣ и объ отношеніяхъ его къ Мюллеру у Бюшинга: Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 19 — 21, 45, 46, 49, 199; здѣсь Шумахеру придается титулъ директора Академіи, котораго онъ никогда не имѣлъ; о личномъ знакомствѣ Бюшинга съ Шумахеромъ о. с. VI, 165, 166; описаніе заграничнаго путешествія Шумахера по повелѣнію Петра: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I, 49 — 52; 533 — 558; нѣмецкій переводъ этого описанія съ дополненіями и объясненіями г. Шифнера: Baltische Monatsschrift, 1863, 8 Bandes 2 Heft, 127 — 155; современное извѣстіе о праздкованіи свадьбы Шумахера въ Дневникѣ Берхгольца, пер. г. Аммана, изд. 1, III, 87—91; тамъ же, на стр. 124, 125, объ угощеніи Шумахеромъ герцога голштинскаго, осматривавшаго кунст-

---

[1]) Доклады Лестока въ государственномъ архивѣ.

камеру. Отчетъ Шумахера о состояніи Академіи въ 1726 и 1727 годахъ въ Запискахъ Академіи, VII, прил. № 4, 12—28; тамъ же, на стр. 35 — 72, донесенія и жалобы академиковъ на самоуправство Шумахера. Въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 795, есть рукописное «Житіе совѣтника Шумахера», гдѣ онъ говоритъ отъ себя въ первомъ лицѣ; поправки въ слогѣ и заключеніе писаны рукою Тауберта. Отсюда видно, что статья написана вскорѣ послѣ вступленія въ президенты Академіи графа Разумовскаго. Рукописная біографія Шумахера, писанная Мюллеромъ, въ архивѣ академической конференціи; извѣстія объ этой рукописи и нѣкоторыя извлеченія въ Дополнительныхъ извѣстіяхъ для біографіи Ломоносова въ Запискахъ Академіи, VIII, прил. № 7, стр. 1, 2. Изъ слѣдствія, производившагося надъ Шумахеромъ въ 1742—1743 годахъ, напечатаны отрывки въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и древностей 1860, III, смѣсь, 64—122. Дѣлопроизводство академической канцеляріи по этому слѣдствію заключается въ четырнадцати фоліантахъ подъ №№ 783 — 796; изъ нихъ на книгѣ № 785 хотя и вытиснено заглавіе: «1742, 1743, коммисскія дѣла о совѣтникѣ Шумахерѣ», однако это невѣрно, потому что здѣсь переплетены текущія академическія дѣла за 1744 годъ. Книга подъ № 795 занята отчасти перепискою по жалобамъ академиковъ на Шумахера въ 1745 и 1746 годахъ. Объ этомъ же предметѣ есть бумаги въ государственномъ архивѣ. Враждебные отзывы о всей вообще дѣятельности Шумахера въ сборникѣ: Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, г. Ламанскаго, М. 1865 г., 26—72; здѣсь записка Ломоносова объ академической канцеляріи полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ у Билярскаго въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова (Спб., 1865 г.); см. также у Билярскаго, стр. 442, 443. Объ отношеніяхъ Шумахера къ Ломоносову и прочимъ академикамъ: Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7.

Шумахеръ (род. 5 сентября 1690 года) сначала учился въ гимназіи роднаго своего города Кольмара, въ Эльзасѣ, а потомъ, въ 1707 году, поступивъ въ страсбургскій университетъ, сталъ преимущественно заниматься словесностью (die schönen Wissenschaften), потому что чувствовалъ въ себѣ особенное призваніе къ поэзіи. Философскія лекціи онъ посѣщалъ неохотно, а математическія науки изучалъ мимоходомъ, такъ какъ главнѣйше обращалъ вниманіе на юриспруденцію и богословіе, въ надеждѣ занять современемъ въ университетѣ каѳедру по предмету которой либо изъ этихъ наукъ. Въ 1711 году, Шумахеръ защищалъ представленную имъ на полученіе степени диссертацію De Deo, mundo et anima и удостоился званія магистра и laurea poëtica. Затѣмъ онъ продолжалъ посѣ-

шать юридическія и богословскія лекціи, но вдругъ долженъ былъ покинуть Стразбургъ, вслѣдствіе огорченія за какіе-то стихи, признанные тамъ вольными. Шумахеръ поступилъ тогда въ наставники къ дѣтямъ графа Лейнингенъ-Гартенбургъ, а потомъ отправился въ Парижъ. Здѣсь Шумахера пригласилъ на службу въ Россію Лефортъ, племянникъ любимца Петра Великаго, перешедшій впослѣдствіи изъ русской въ саксонскую службу и бывшій долгое время потомъ посланникомъ при нашемъ дворѣ[1]). Въ сентябрѣ 1714 г. Шумахеръ прибылъ въ Петербургъ и поступилъ подъ начальство лейбъ-медика Петра Великаго, завѣдывавшаго также и всею врачебною частью въ Россіи, Арескина, въ качествѣ секретаря по иностранной перепискѣ и библіотекаря книжнаго собранія, пріобрѣтеннаго царемъ во время походовъ въ Лифляндіи, Курляндіи и Польшѣ, а также небольшаго кабинета рѣдкостей. Здѣсь Шумахеръ выказалъ неутомимую дѣятельность, расторопность и ловкость: на его рукахъ было веденіе обширной переписки съ подвѣдомственными Арескину лекарями; онъ представлялъ ему подробные отчеты не только о медицинскихъ, но и хозяйственныхъ его дѣлахъ, а потомъ, когда помянутыя собранія книгъ и рѣдкостей стали увеличиваться отъ новыхъ пріобрѣтеній, усердно хлопоталъ о помѣщеніи и приведеніи ихъ въ порядокъ, объ уплатѣ слѣдующихъ за нихъ суммъ и т. п. При такихъ разнообразныхъ заботахъ, у Шумахера доставало еще времени поддерживать сношенія съ знакомыми Арескина, писать, напримѣръ, о петербургскихъ новостяхъ къ князю Куракину въ Парижъ, къ Биньону о миссіонерахъ въ Китаѣ, къ доктору Шоберу о его путешествіи внутри Россіи и пр. Тогдашній кругъ дѣятельности Шумахера былъ еще не обширенъ, но онъ, какъ видно изъ его писемъ, уже успѣлъ овладѣть расположеніемъ своего начальника, и въ то время попадаются черты, предсказывавшія будущаго академическаго совѣтника: онъ не щадилъ ничего для угожденія Арескину при устройствѣ его хозяйства,

---

[1]) Депеши его часто приводятся въ четвертой части сочиненія іенскаго профессора Германа: Geschichte des Russischen Staates.

хлопоталъ даже о его попугаѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ мастеръ, выписанный изъ-за границы для переплета царскихъ книгъ, то Шумахеръ прежде всего велѣлъ ему сдѣлать великолѣпные переплеты на книги лейбъ-медика, а потомъ уже далъ работу въ казенной библіотекѣ. Любопытно, что онъ самъ съ особенною торжественностью даетъ о томъ отчетъ своему начальнику.

О томъ, чтó случилось послѣ смерти Арескина съ Шумахеромъ, онъ такъ разсказываетъ самъ въ рукописномъ „Житіѣ": „Послѣ смерти Арескина въ 1719 году, просилъ я абшита, но г. Блюментростъ, что нынѣ статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и который тогда опредѣленъ былъ на мѣсто доктора Арескинá первымъ лейбъ-медикомъ и директоромъ библіотеки и кунсткамеры его величества, не хотѣлъ меня отпустить, либо по тому пріятству, которое ко мнѣ имѣлъ, либо для знанія моего обо всемъ, чтò въ библіотекѣ и кунсткамерѣ находилось, или больше для того, что секретъ о сохраненіи анатомическихъ препаратовъ, который государь императоръ Петръ Великій у доктора Рюйша вмѣстѣ съ его анатомическимъ кабинетомъ купилъ, въ моихъ рукахъ бывалъ, и того ради предложилъ мнѣ весьма полезныя кондиціи для удержанія меня въ службѣ его императорскаго величества. Увидѣвши онъ, что я своего намѣренія перемѣнить не хотѣлъ, предложилъ онъ мнѣ, чтобъ вмѣсто абшиту взялъ на шесть мѣсяцевъ позволеніе. Я на то согласился и подалъ его императорскому величеству свое прошеніе, на которое его величество не токмо всемилостивѣйше соизволилъ, но еще сверхъ того три коммиссіи мнѣ поручилъ: 1) чтобъ въ парижскую Академію наукъ отвесть благодарительное его величества письмо и новосочиненную карту Каспійскаго моря[1]); 2) чтобы сыскать ученыхъ людей, которые бы желали опредѣлиться въ службу его величества для корреспон-

[1]) Памятникомъ пребыванія Шумахера въ Парижѣ осталось его извѣстіе о калмыкахъ и о древнихъ вещахъ, находимыхъ въ могилахъ нхъ. Оно помѣщено въ Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie en Perse et aux Indes Orientales, Paris, 1735, III, 473—475: «Mémoire de M. Chumaeker (sic), bibliothécaire de Sa Majesté Czarienne, de mois d'Octobre 1721.»

денціи, которую его величество намѣренъ былъ содержать съ помянутою Академіею, яко членъ оныя, и 3) чтобъ осмотрѣть какъ публичныя, такъ и приватныхъ людей библіотеки и кунсткамеры для лучшаго расположенія и умноженія собственной его величества библіотеки и кунсткамеры, для которой его величество приказалъ особливыя и изрядныя палаты на Васильевскомъ острову построить. Получивши все, что мнѣ на дорогу надобно было, такожъ письма, карту и инструкцію, намѣренъ я былъ на другой день отъѣхать; но сей великій монархъ, для показанія мнѣ явнѣйшихъ знаковъ своей особливой милости, соизволилъ изъ своихъ рукъ пожаловать мнѣ невѣсту, которыя родителей его величество тогда отмѣнною милостію призирать изволилъ, а именно его величество сговорилъ за меня въ самый тотъ день большую дочь своего оберъ-кюхенмейстера Яна Фельтена....

„Когда его величество, будучи въ персидскомъ походѣ, увѣдомленъ былъ о возвратномъ моемъ прибытіи въ Санктпетербургъ, то немедленно присланъ былъ отъ его величества къ тогдашнему интенданту надъ строеніями Ульяну Якимовичу Синявину собственноручный указъ, чтобъ строенія и украшенія кунсткамеры исполнить по моему указанію. Толикое было сего монарха желаніе, чтобъ видѣть немедленно въ совершенствѣ то, что онъ началъ!

„По прибытіи его величества въ Санктпетербургъ, учинилъ я его величеству обстоятельный репортъ о моемъ пути, и по разсмотрѣніи онаго, его величество приказаль г. Блюментросту подать себѣ вѣдомость о тѣхъ ученыхъ людяхъ, которые по его мнѣнію надобны къ исполненію принятаго отъ его величества намѣренія. Онъ представилъ его величеству пять человѣкъ а именно: одного для астрономіи, одного для географіи, одного для анатоміи, одного для ботаники и исторіи натуральной и одного для химіи. Его величество, разсуждая о семъ числѣ, спросилъ у г. Блюментроста: сколько еще надобно людей для учрежденія Академіи наукъ? И какъ онъ объявилъ, что надлежитъ токмо къ прежнимъ прибавить еще четырехъ или пять человѣкъ, то его величество приказалъ ему сочинить

о томъ проектъ, который и аппробованъ былъ отъ его величества въ 1724 году. Сіе есть подлинное начало санктпетербургской Академіи!“...

Съ одной стороны желаніе видѣть во вновь основывавшейся Академіи людей, извѣстныхъ учеными заслугами, а съ другой неохота и нерѣшительность отправиться въ далекій, малоизвѣстный еще тогда край, порождали множество затрудненій при учрежденіи ученаго общества. Надобно было имѣть много силы воли и рѣшимости, чтобы устранять и побѣждать разнородныя препятствія, разрѣшать сомнѣнія, отыскивать новые способы и пути для поправленія разныхъ неудачъ и несбывшихся ожиданій — и все это главнымъ образомъ выпало на долю Шумахера. Онъ, какъ видно это изъ уцѣлѣвшей черновой переписки, веденной имъ отъ имени Блюментроста, а иногда и прямо отъ себя съ Вольфомъ, Менке, гр. А. Головкинымъ и многими другими, занимался осуществленіемъ этого дѣла съ замѣчательною настойчивостью и ловкостью. Наконецъ, благодаря содѣйствію сейчасъ названныхъ лицъ, Академія наукъ получила свое начало, не смотря на то, что Петръ Великій уже скончался.

Шумахеръ, кромѣ того, сумѣлъ также, съ самыхъ первыхъ годовъ существованія Академіи, завести довольно оживленную переписку съ тѣми изъ немногихъ лицъ тогдашняго русскаго общества, которые, по своему образованію, склонностямъ и занятіямъ, не оставались безучастными къ тому, что происходило въ Академіи наукъ. Можно пожалуй замѣтить, что въ сношеніяхъ съ этими лицами Шумахеръ, оказывая имъ разныя услуги и предупреждая ихъ желанія, иногда руководился посторонними для науки разсчетами и побужденіями, но, какъ бы то ни было, польза отъ такого сближенія представителей русскаго общества съ Академіею была несомнѣнна: съ одной стороны оно много облегчало средства къ ученымъ разысканіямъ, а съ другой давало возможность пріобрѣтеннымъ истинамъ не оставаться въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ, а дѣлаться извѣстными по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Благодаря ловкости и услужливости Шумахера,

такіе люди, какъ Кириловъ, Татищевъ, Ѳеофанъ Прокоповичь, кн. Антіохъ Кантемиръ нерѣдко обращались къ нему то съ просьбами по части наукъ и искусствъ, то съ своими сообщеніями. Письма ихъ сохраняются донынѣ въ Академіи наукъ: они, при небрежности, съ какою у насъ обращались еще недавно со всѣми вообще памятниками старины, составляютъ нынѣ если не единственный, то навѣрное важнѣйшій матеріалъ для уясненія себѣ личности русскаго просвѣщеннаго человѣка въ XVIII вѣкѣ.

Президентъ Академіи Блюментростъ оставилъ ее въ 1728 г. въ распоряженіи Шумахера, когда въ ней не было заведено ни типографіи, ни другихъ учрежденій по части художествъ, какъ напр. рисованія, гравированія, а также и по части ремеслъ, въ родѣ словолитнаго, рѣзьбы на металлахъ и камняхъ, отдѣлки камней и проч. Шумахеръ особенно дѣятельно занялся устройствомъ всего этого, нисколько не обращая вниманія на то, что назначенныхъ на Академію денегъ далеко не достанетъ на покрытіе огромныхъ издержекъ, которыхъ требовали подобныя учрежденія. Такъ-какъ бо́льшая часть изъ нихъ не составляли существенной принадлежности ученаго общества, то члены его, видя, что финансовое положеніе Академіи все болѣе и болѣе запутывается, пришли въ негодованіе на Шумахера. Послѣдній, считая себя главнымъ распорядителемъ судебъ учрежденія, въ основаніи котораго онъ принималъ такое дѣятельное участіе, и твердо увѣренный въ поддержкѣ со стороны президента, рѣшительно сталъ во враждебныя отношенія къ академикамъ и старался возстановить противъ нихъ и Блюментроста, представляя ему всѣхъ ученыхъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Переписка его съ президентомъ, съ отъѣзда послѣдняго въ Москву въ 1728 г., оставила не мало матеріаловъ для ознакомленія съ тѣми пріемами, которыя употреблялъ Шумахеръ, враждуя съ академиками.

Сначала онъ въ своихъ письмахъ довольствовался тонкими намеками и насмѣшками, которые не могли не повредить нѣкоторымъ изъ академиковъ въ глазахъ президента. Напри-

мѣръ, 4 марта 1728 года, Шумахеръ писалъ къ Блюментросту о приглашеніи Мюнихомъ на обѣдъ членовъ Академіи: „всѣ эти господа были тамъ, кромѣ Бильфингера, Бекенштейна и Байера, которые — я не знаю почему — не хотѣли воспользоваться этою честью. Могу васъ увѣрить, что г. генералъ всѣми способами отличалъ Академію. Онъ часто вспоминалъ о васъ и выпилъ большой бокалъ за ваше здоровье....“ Или 6 іюня 1728 года: „статья г. Вейтбрехта, которую имѣю честь представить вамъ въ подлинникѣ, очень разсердила въ прошедшую конференцію доктора Дювернуа тѣмъ, что молодой человѣкъ думалъ сдѣлать столь важное открытіе въ предметѣ, котораго онъ не зналъ. Докторъ сердился, магистръ плакалъ, а профессора потѣшались тѣмъ....“

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ до такой степени позабыли объ Академіи, что ассигнованныя на нее Петромъ Великимъ деньги въ 1728 году остались невысланными, почему всѣ служащіе въ ней до августа мѣсяца не получили ни копейки жалованья. Въ такихъ обстоятельствахъ академики придумали подать прямо просьбу въ верховный тайный совѣтъ. Шумахеръ поспѣшилъ представить (22 августа 1728 года) все дѣло Блюментросту въ такомъ видѣ, какъ будто бы академики возмутились противъ его власти: „третьяго дня (20 августа), послѣ обыкновенной конференціи, между гг. профессорами поднятъ былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли отнестись прямо въ верховный тайный совѣтъ касательно денегъ, должныхъ Академіи? Всѣ они единодушно согласились, что это даже весьма необходимо. Четверть часа спустя послѣ такого рѣшенія, г. Бильфингеръ посылаетъ своего лакея позвать меня въ залу, гдѣ собрались господа. Хотя такой поступокъ г. Бильфингера былъ не слишкомъ вѣжливъ, однако я явился въ помянутую залу, спокойный и покорный, какъ будто всегда обязанъ быть внимательнымъ и готовымъ къ ихъ приказаніямъ. Едва только вошелъ я, какъ г. Бильфингеръ, будучи въ главѣ собранія, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой: „здѣсь, милостивый государь, идетъ дѣло о деньгахъ. Мы согласились писать къ г. лейбъ-медику и въ верховный совѣтъ о нашемъ жалованьѣ.

Какъ вы думаете объ этомъ?“ — „Теперь уже поздо, отвѣчалъ я, дѣло кончено, и протоколъ подписанъ въ верховномъ совѣтѣ“. Бильфингеръ — замѣтьте, что никто не говорилъ кромѣ его и Бекенштейна — спросилъ меня: откуда имѣю я это свѣдѣніе, писалъ ли о томъ г. лейбъ-медикъ, или нѣтъ? Я отвѣчалъ, что г. Гмелинъ (однофамилецъ извѣстнаго впослѣдствіи академика, зинимавшійся письмоводствомъ при Блюментростѣ) передалъ мнѣ его повелѣнія. Соскучившись отъ многихъ другихъ глупыхъ вопросовъ, я раскланялся и ушелъ. Не знаю, на что они рѣшились, только хранятъ это въ тайнѣ. Не правда ли это прекрасная конференція? Терпѣніе! вы узнаете еще много другихъ вещей....“

Изъ отвѣта Блюментроста видно, что онъ послѣ письма Шумахера рѣшительно возсталъ противъ Бильфингера. Послѣдній въ это время получилъ приглашеніе вступить на службу къ герцогу вюртембергскому и потому писалъ къ президенту, что для него выгодно только тогда остаться при Академіи, когда будетъ увеличено его содержаніе. Блюментростъ переслалъ письмо на обсужденіе Шумахера, и этотъ совѣтовалъ рѣшительно отказать. „Всѣ профессора, писалъ онъ, послѣ предварительнаго изображенія Бильфингера человѣкомъ безпокойнымъ, будутъ просить объ увеличеніи жалованья. Каждый воображаетъ, что онъ этого заслуживаетъ и даже болѣе — такимъ образомъ все ученое собраніе будетъ въ волненіи. Вы знаете, что значитъ скряга, а они таковы почти всѣ[1]). Бильфингеръ не будетъ отъ того болѣе благодарнымъ вамъ, также какъ и не успокоете вы его — онъ всегда будетъ что нибудь выпрашивать, и я, напротивъ, убѣжденъ, что вы его сдѣлаете болѣе несноснымъ....“

Предоставленіе Шумахеру рѣшенія на письмо Бильфингера и совѣты по этому поводу перваго изъ нихъ достаточно показываютъ, какимъ онъ пользовался вліяніемъ въ Академіи не далѣе какъ три года спустя послѣ ея основанія.

---

[1]) Повидимому Шумахеръ любилъ упрекать всѣхъ въ этомъ порокѣ. Впослѣдствіи онъ въ томъ обвинялъ и Ломоносова.

И Германъ, и Бильфингеръ, считавшіеся почетнѣйшими изъ членовъ новой Акедеміи, поспѣшили уѣхать изъ Петербурга какъ только кончился срокъ ихъ контрактовъ. Шумахеръ зналъ, что они пользуются извѣстностью въ ученомъ мірѣ и въ то же время боялся, чтобы они не распространили за границею невыгодныхъ слуховъ объ Академіи, почему въ письмѣ къ Блюментросту, 6 іюля 1730 года, предлагалъ такую мѣру: „пенсіонъ каждому въ 200 талеровъ или рублей былъ бы конечно достаточнымъ для Германа и Бильфингера, чтобы поощрить ихъ къ доставленію сюда статей, а также для удержанія ихъ отъ порицанія Академіи...“[1]). Характеристично также коротенькое письмо Шумахера къ президенту отъ 14 января 1731 года: „Les sieurs Herman et Bülfinger partiront demain sans faute. Dieu soit loué et béni!“

По отъѣздѣ этихъ ученыхъ, первенство въ нашей Академіи несомнѣнно принадлежало Даніилу Бернулли, знаменитѣйшему математику своего времени. Когда Бильфингеръ былъ еще въ Петербургѣ, то Шумахеръ видимо благоволилъ къ Бернулли, писалъ о немъ въ лестныхъ выраженіяхъ къ президенту и дружески называлъ его notre Daniel. Но едва Бильфингеръ оставилъ Петербургъ, Шумахеръ измѣнилъ свои отношенія къ его сопернику. 8 февраля 1731 г. онъ уже писалъ къ Блюментросту: „г. профессоръ Бернулли присоединилъ къ подписанному имъ контракту прилагаемое здѣсь заключеніе не по иной какой причинѣ, какъ только изъ желанія жеманничать, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ пострапцать. Впрочемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно догадываться, что онъ очень будетъ смущенъ, если нарушить заключенный съ нимъ контрактъ, почему и полагаю, что вы ничѣмъ лучше не накажете неумѣстную бойкость и заносчивость этого господина, какъ приказавъ передать ему въ отвѣтъ на его требованія прилагаемыя здѣсь условія. Этимъ онъ смирится, а другіе, напротивъ, сдѣлаются осторожнѣе и, можетъ быть, признательнѣе. Если имъ (т. е. академикамъ) не показать во-

---

[1]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

время примѣра, то вы скоро узнаете на опытѣ, что все снова придетъ въ прежнюю безурядицу. Я предсказываю это..." [1]). 15 февраля того же года: „Касательно Бернулли и Дювернуа прошу васъ не стѣсняться, потому что теперь настало время привести ихъ въ надлежащій порядокъ.." [2]). Съ другою знаменитостію нашей Академіи — Эйлеромъ Шумахеръ, въ письмахъ къ президенту, поступалъ не лучше. Такъ, 1 февраля 1731 года, онъ писалъ къ Блюментросту: „Хотя гг. Эйлеръ и Гмелинъ не подписали еще контрактовъ, однако я твердо убѣжденъ, что они не будутъ далѣе откладывать этого, когда имъ пошлются прилагаемыя здѣсь письма. Если имъ сдѣлать только малѣйшую уступку, то они тотчасъ же, подобно прочимъ, становятся наглыми. И такъ, прошу васъ не откладывать ни одной почты для возвращенія съ вашею надписью означенныхъ писемъ..." [3]).

Изъ дальнѣйшей переписки Шумахера видно, что Блюментростъ въ точности исполнилъ и эти совѣты библіотекаря, который продолжалъ настаивать, что такое обращеніе съ академиками принесетъ несомнѣнную пользу.

Бернулли, по своему характеру, не имѣлъ никакой охоты вступать въ борьбу съ библіотекаремъ и потому въ 1735 году, подъ предлогомъ слабаго здоровья, вышелъ изъ Академіи и уѣхалъ изъ Россіи. Другъ его, Эйлеръ, весь погруженный въ свои геніальныя выкладки, держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ дрязгъ, не приставая повидимому ни къ которой сторонѣ, но и онъ въ 1741 году, какъ только ему открылась возможность получить въ Берлинѣ мѣсто, обезпечивающее существованіе его съ семействомъ, поспѣшилъ также покинуть Россію.

Извѣстно, что въ первые годы прибытія изъ-за границы Герарда-Фридриха Мюллера, Шумахеръ былъ къ нему особенно благосклоненъ, но въ 1732 году такое расположеніе перемѣнилось въ непримиримую вражду, о которой самъ Мюллеръ разсказывалъ Теплову, въ письмѣ 25 октября 1748 г., слѣдующимъ

---

[1]) II, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

образомъ: „я такъ давно близко знаю г. Шумахера. Онъ никогда не прощаетъ, если сочтетъ себя оскорбленнымъ, а наклонность его характера къ мстительности всегда увлекаетъ его въ крайности. Его ненависть противъ меня началась съ 1732 года, когда сенатъ прислалъ указъ профессорамъ разсмотрѣть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этомъ разсмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ-какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе, къ чему меня обязывала и присяга вѣрноподданаго имперіи. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня... Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ. Кто бы могъ подумать, что въ продолженіи столь долгаго путешествія и такого большаго промежутка времени, гнѣвъ его противъ меня не могъ утихнуть?...[1]).

По возвращеніи Блюментроста со дворомъ изъ Москвы, Шумахеръ продолжалъ управлять Академіею. О посѣщеніи въ это время Академіи императрицею Анною сохранилось слѣдующее извѣстіе Мюллера[2]): „Когда государыня осматривала Академію и въ особенности кунсткамеру, то всѣ художники съ ихъ работами были выставлены на показъ подъ предводительствомъ Шумахера. Г. президентъ при томъ не присутствовалъ, потому что ни на минуту не могъ оставить герцогини мекленбургской. Не замѣтно было, чтобы императрица выразила на что нибудь неудовольствіе; она болѣе смѣялась надъ Шумахеромъ, когда слышала его ломаный русскій языкъ при объясненіи предметовъ въ кунсткамерѣ. Не смотря на работы свои въ канцеляріи, у него было мало бѣглости въ этомъ языкѣ. Профессора не были при этомъ созваны. Я не берусь разъяс-

[1]) Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1743 по 1751 годъ историографа Миллера, портфель 2-й въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Рукопись исторіографа Мюллера zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 313.

нять причины тому, но г. Ригеръ, (лейбъ-медикъ) бывшій при этомъ, далъ очень замѣтить потомъ, что императрица была тѣмъ удивлена"...[1]).

Въ 1733 году на мѣсто Блюментроста президентомъ былъ назначенъ Кейзерлингъ. Онъ носилъ это званіе короткое время, а потому не успѣлъ произвести никакихъ перемѣнъ по Академіи, хотя по оставленной имъ передъ отъѣздомъ своимъ инструкціи, можно думать, что Кейзерлингъ намѣревался дать болѣе простора академикамъ. Въ концѣ 1734 г. баронъ Корфъ вступилъ въ должность „главнаго командира" Академіи. Въ первый же разъ присутствія его въ академическомъ засѣданіи, астрономъ Николай-Іосифъ Делиль, въ привѣтственной къ нему рѣчи[2]), рѣшился объяснить довольно обстоятельно весь вредъ для Академіи отъ того, что члены ея были въ полной зависимости отъ канцеляріи и подчинены ей даже по такимъ дѣламъ, по которымъ рѣшеніе могли дать только спеціалисты и ученые. „А что больше жалобы достойно, говорилъ между прочимъ Делиль, оная канцелярія неправеднымъ образомъ взяла команду и надъ Академіею наукъ и во всемъ опредѣляетъ сама собою. Къ сему, якобы вышнему суду, надлежитъ идти просить милости для вспомоществованія во всякихъ потребностяхъ и выходатайствовать выдачу жалованья и прочихъ расходовъ и иждивеній, которые часто для Академіи учинить надобно, которой выдачѣ только тогда и имѣть можно, когда деньги послѣ расходу на ремесленныхъ людей останутся за излишествомъ и пр...." Изъ дальнѣйшихъ поступковъ барона Корфа легко замѣтить, что онъ не внялъ представленіямъ Делиля. При немъ,

---

[1]) Что это посѣщеніе имѣло мѣсто 15 января 1732 г. и что императрица, во изъявленіе своего удовольствія, прислала на другой день для храненія въ кунсткамерѣ нѣсколько медалей и иконостасъ, рѣзанный изъ кипариса кіевскими монахами — о томъ у Іоганна Бакмейстера въ Essai sur la Bibliothèque et le cabinet des curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg (SPb., 1776), 164. Но въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1732 года, № 20, стр. 85, сказано, что императрица посѣтила библіотеку и кунсткамеру 6 марта того года, что справедливѣе, такъ-какъ 15 января она только-что пріѣхала въ Петербургъ изъ Москвы. Ср. Спб. Вѣдомости 1732 г., № 5, 22.

[2]) Записки Академіи наукъ, т. VII, приложеніе № 4, стр. 38 — 43.

какъ и при Блюментростѣ, практическій Шумахеръ одерживалъ верхъ. Это видно особенно изъ того, что разныя мастерскія и заведенія, на которыя такъ жаловались академики, какъ на излишнее бремя для ученаго учрежденія, были размножены, а Делиль, осмѣлившійся открыто возстать противъ Шумахера, впалъ въ рѣшительную немилость у президента и подъ конецъ вовсе прекратилъ посѣщеніе академическихъ засѣданій.

Изъ немногихъ писемъ Корфа къ Шумахеру видно, что онъ не иначе титуловалъ совѣтника какъ „Hochedler Herr, insonders hochzuehrender Herr Bibliothecarius und Cantzley Director“[1]).

23 сентября 1737 г. баронъ Корфъ подалъ въ императорскій кабинетъ представленіе, въ которомъ говорилось, что онъ, какъ президентъ, желаетъ заняться пересмотромъ академическаго регламента, между тѣмъ переписка по Академіи умножается, а ему необходимы два помощника, почему онъ ходатайствовалъ о назначеніи „въ товарищи двухъ старшихъ членовъ изъ Академіи наукъ, а именно юстицкаго совѣтника Гольдбаха.... да ея императорскаго величества библіотекаря Шумахера, который при отправленіи академическихъ дѣлъ съ начала учрежденія сей Академіи находился и чрезъ свое доброе смотрѣніе и неусыпное во всемъ прилежаніе къ содержанію оныя не мало способствовалъ и который еще и по нынѣ при управленіи канцелярскихъ дѣлъ съ похвалою присутствуетъ, и притомъ ихъ — въ разсужденіе, что Гольдбахъ еще при державѣ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти императора Петра II назначенъ юстицкимъ совѣтникомъ, а Шумахеръ уже 23 года ея императорскому величеству вѣрно и прилежно служилъ, — тѣми же рангами всемилостивѣйше наградить, которые даны опредѣленнымъ при государственныхъ коллегіяхъ совѣтникамъ“. Черновой нѣмецкій подлинникъ этого доклада любопытенъ тѣмъ, что онъ писанъ самимъ Шумахеромъ[2]). На докладѣ Корфа, 21 октября 1737 г., послѣдовало разрѣшеніе императрицы Анны: „учинить по сему безъ

---

[1]) II, книга № 439.

[2]) II, книга № 32.

прибавки жалованья". Съ тѣхъ поръ Гольдбахъ назначенъ совѣтникомъ въ академической конференціи, а Шумахеръ — въ ту же должность въ академической канцеляріи.

По распоряженію барона Корфа, 31 декабря 1738 г. всѣ денежныя суммы по Академіи велѣно хранить Шумахеру подъ ключемъ и за своею печатью. Въ томъ же году особенное значеніе академическаго совѣтника замѣтно еще и по разнымъ льготамъ, которыя не замедлили получить его родственники и свойственники. Такъ зятю его, академику Амману прибавлено жалованья подъ предлогомъ, что онъ опредѣленъ при кунсткамерѣ „къ вспомоществованію въ исторіи натуральной". Любимецъ Шумахера и впослѣдствіи также его зять, студентъ Таубертъ произведенъ въ адъюнкты, а академикъ Крафтъ, женатый на сестрѣ Тауберта, получилъ должность инспектора гимназіи, отчего также сталъ пользоваться прибавкою къ жалованью [1]).

Въ апрѣлѣ 1740 г. Корфъ получилъ дипломатическое назначеніе и уѣхалъ изъ Петербурга, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шумахеръ отнесся въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о взысканіи съ бывшаго президента 4.339 руб. 40 коп., которые онъ остался должнымъ академической книжной лавкѣ, куда, въ тогдашнія времена, выписывалось на продажу значительное количество иностранныхъ книгъ. Корфъ былъ великій охотникъ до книгъ и собралъ огромную библіотеку. Нельзя думать, чтобъ Шумахеръ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи всѣ денежныя дѣла по Академіи, не зналъ о легкомъ способѣ составлять обширныя библіотеки въ долгъ. Замѣчательно то обстоятельство, что гораздо послѣ своего президентства, именно въ 1755 и 1756 годахъ, баронъ Корфъ въ письмахъ къ Бюшингу говорилъ о канцеляріи, какъ ярмѣ для Академіи, а Шумахера называлъ неученымъ сочленомъ и канцелярскимъ деспотомъ [2]). Изъ вышеприведенныхъ извѣстій не видно, чтобы таково было мнѣніе Корфа, когда онъ стоялъ въ главѣ управленія Академіею.

---

[1]) II, № 442.

[2]) A. F. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 199.

Во время краткаго президентства Бреверна положеніе и значеніе Шумахера въ Академіи, сколько видно изъ тогдашней академической переписки, остались неизмѣнными: онъ продолжалъ распоряжаться тамъ по своему усмотрѣнію.

24 ноября 1741 г. на престолъ вступила императрица Елисавета, и въ началѣ 1742 г. весь дворъ находился въ Москвѣ по случаю коронаціи государыни. Уцѣлѣвшая отъ этой эпохи переписка Шумахера съ разными лицами, находившимися въ Москвѣ[1]) можетъ представить обильный запасъ примѣровъ ловкости и находчивости Шумахера, его умѣнія прилаживаться къ обстоятельствамъ и извлекать изъ всѣхъ и всего выгоды для себя. Главнѣйшая переписка его была съ Штелинымъ. Этотъ академикъ былъ отправленъ въ Москву, по высочайшему повелѣнію, для постановки на сцену оперъ и для сочиненія фейерверковъ. Шумахеръ зналъ, что Штелинъ въ сношеніяхъ съ вліятельмыми придворными, а потому постоянно напоминалъ ему, чтобы онъ заботился объ Академіи, раздавалъ посылаемыя изъ Петербурга академическія изданія, кому это слѣдуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не предпринималъ бы ничего въ отношеніи академическихъ дѣлъ безъ совѣта Лестока. Извѣстно, какое дѣятельное участіе принималъ этотъ медикъ въ возведеніи на престолъ Елисаветы, и что въ первые годы царствованія онъ пользовался большимъ значеніемъ при дворѣ. Шумахеръ уже въ 1742 г. успѣлъ завязать съ нимъ сношенія: посылалъ къ нему академическія изданія и гравюры; въ Академіи поправляли гербъ недавняго игрока и кутилы, а теперь могущественнаго лейбъ-медика. Кромѣ того, Шумахеръ, никого не спросясь, единственно въ угоду Лестоку[2]), поспѣшилъ дать вакантную каѳедру ботаники лекарю Сигезбеку, ничѣмъ неизвѣстному въ ученомъ свѣтѣ, такъ-что этотъ новый академикъ, по вступленіи въ Академію, отличился единственно тѣмъ, что объявилъ себя противникомъ открытій и системы

---

[1]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[2]) Объ этомъ самъ Шумахеръ писалъ къ Эйлеру, 17 апрѣля 1742 года. I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

знаменитаго Линнея. Не забытъ былъ также Шумахеромъ и камергеръ Воронцовъ (впослѣдствіи графъ и канцлеръ), другой участникъ въ переворотѣ 24 ноября: къ нему посылались также изданія и обращались ходатайства о покровительствѣ.

Положеніе Академіи въ описываемое время было печальное отъ множества долговъ, которые росли болѣе и болѣе, потому что расходы ея далеко превышали сумму, выдававшуюся на ея содержаніе. Кромѣ того, съ возшествіемъ на престолъ Елисаветы, вражда русскихъ къ иноземцамъ сдѣлалась на столько явною, что Академія, гдѣ всѣ мѣста, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ, были заняты нѣмцами, не могла надѣяться на большое къ ней сочувствіе и въ правительственныхъ сферахъ. Шумахеръ понималъ, что при такомъ направленіи онъ, какъ иноземецъ и притомъ никогда не имѣвшій значенія внѣ академической канцеляріи, сдѣлать ничего не въ состояніи, а потому ему было необходимо важное лицо, которое бы только по имени было президентомъ и за которымъ онъ бы могъ, по прежнему, самовластно распоряжаться судьбами ученаго общества.

„Вы должны убѣдиться болѣе и болѣе, писалъ онъ къ Штелину 1 іюля 1742 года, что Академія не можетъ существовать безъ могущественной защиты и подпоры, стало-быть самое благоразумное держаться съ академическими дѣлами въ отдаленіи до назначенія намъ новаго президента. Повидимому къ тому же склоняется мнѣніе его превосходительства, г. тайнаго совѣтника Лестока. Съ ближайшею почтою я буду имѣть честь переслать къ вамъ прошеніе къ ея императорскому величеству[1]). Вы можете передать его вмѣстѣ съ печатными рѣчами[2]) если признаетъ это за благо г. тайный совѣтникъ, такъ-какъ безъ его вѣдома покорнѣйше прошу ничего не предпринимать касательно академическихъ дѣлъ. Я имѣю достаточныя доказательства его благорасположенія къ намъ. Кромѣ сегоднишъ-

---

[1]) Отъ имени академиковъ о назначеніи президента.

[2]) Онѣ были произнесены въ публичномъ засѣданіи Академіи Крафтомъ и Вейтбрехтомъ въ апрѣлѣ 1742 года.

нихъ экземпляровъ, я не назначаю никому особенно, не зная тамошняго положенія, почему и предоставляю раздачу вашему собственному усмотрѣнію. Прошу не забыть г.г. статскихъ совѣтниковъ Черкасова и Веселовскаго[1]). Въ послѣднемъ я увѣренъ, что онъ мнѣ другъ, а первому засвидѣтельствуйте отъ меня, гдѣ найдете удобнымъ, почтеніе. Vade, liber, verbisque meis loca grata saluta"....

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ осторожный Гольдбахъ сообщалъ неопредѣленно Шумахеру, что въ президенты прочатъ знатнаго господина въ большомъ чинѣ и котораго достоинства и знанія извѣстны Шумахеру. Совѣтникъ вообразилъ, что это должно быть непремѣнно тайный совѣтникъ Мюнихъ, братъ сосланнаго тогда въ Сибирь фельдмаршала, и потому поспѣшилъ написать къ нему письмо, гдѣ увѣряя, что въ цѣломъ мірѣ, кромѣ его, тайнаго совѣтника Мюниха, нѣтъ болѣе достойнаго лица для занятія мѣста президента, просилъ въ тоже время принять его, Шумахера, подъ свое покровительство. Прошло нѣсколько недѣль, слухъ не подтвердился, а между тѣмъ Шумахеръ получаетъ письмо отъ камергера Воронцова, и вотъ совѣтникъ, немедля, обращается къ нему (29 іюля 1742 г.): „Вашего превосходительства милостивое письмо отъ 19 іюля нѣкоторымъ образомъ воскресило Академію при тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она находится. Безъ всякаго сомнѣнія она бы скоро достигла цвѣтущаго состоянія и доставила славу и пользу русскому государству, когда бы смѣла льстить себя надеждою на продолженіе вашего милостиваго покровительства. Изъ прилагаемой копіи[2]) достаточно видно, какъ сильно желаніе Академіи имѣть президента. Я обѣщаю вашему превосходительству отъ имени всѣхъ членовъ усердіе, послушаніе и вѣрность. Но еслибы судьбѣ угодно было сдѣлать иначе, то покрайней мѣрѣ покорнѣйше прошу дозволить сообщать вашему превосходиству академическія новости и издаваемыя отъ времени до времени сочиненія"....

[1]) Первый былъ кабинетъ-секретаремъ императрицы, а второй — церемонмейстеромъ двора ея.

[2]) Вѣроятно это списокъ съ вышеупомянутаго прошенія академиковъ.

Не смотря на всѣ подобные хлопоты сыскать себѣ знатныхъ покровителей, Шумахеръ не могъ предупредить непріятности, которая хотя временно, однако показала, что и самовластные распорядители канцелярій иногда подвергаются ударамъ судьбы, какъ и всѣ прочіе смертные. Съ самаго начала 1742 года Шумахеръ во всѣхъ своихъ письмахъ въ Москву къ придворнымъ упоминалъ кстати и не кстати о томъ, какой вредной для Академіи человѣкъ академикъ Делиль. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ раннихъ письмахъ того же года попадаются у Шумахера намеки, что на него поданы донесенія въ сенатъ. 29 іюля онъ прямо писалъ къ Штелину: „поступокъ г. секретаря (сенатскаго?) Замятина мнѣ очень хорошо извѣстенъ, а равно и донесеніе, сдѣланное въ правительствующій сенатъ г.г. Делилемъ и Нартовымъ. Я съ удовольствіемъ ожидаю, когда дойдетъ до меня дѣло, и сумѣю тогда раскрыть злостныя намѣренія этихъ людей. Оба они обманщики и дураки, за каковыхъ слывутъ у всѣхъ, кто ихъ знаетъ"…. Наконецъ, 26 августа, къ Штелину же: „г. совѣтникъ Нартовъ получилъ изъ сенатской конторы паспортъ на проѣздъ въ Москву, безъ сомнѣнія, для подтвержденія переданныхъ Делилемъ пунктовъ и своихъ собственныхъ клеветъ. Я не обращаю на то вниманія, потому что у меня совѣсть чиста. Кромѣ нѣкоторыхъ негодяевъ, и большіе, и малые подтвердятъ, что намѣреніе обоихъ клонится единственно къ тому, чтобы разрушить Академію и извлечь пользу изъ ея разрушенія. Можно припомнить при томъ и нѣчто смѣшное. Делиль уже болѣе двухъ лѣтъ не имѣетъ сношеній съ Академіей, а теперь сенатская контора, по представленію Нартова, безъ вѣдома Академіи, передала этому Делилю экспедицію инструментальныхъ и лабораторныхъ наукъ—такъ титулуется теперь инструментальная мастерская. Это позоръ, какъ все идетъ!…"

Выше было уже говорено, что академикъ Делиль, при вступленіи въ управленіе Академіею барона Корфа, высказалъ ему прямо, какъ много терпитъ Академія отъ того, что она отдана была въ полное распоряженіе канцеляріи. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ, и Делиль, продолжая враждовать съ Шумахе-

ромъ, прекратилъ сношенія съ самою Академіею. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императрицы Елисаветы, именно въ январѣ 1742 г., онъ представилъ въ сенатъ донесеніе, въ которомъ обвинялъ Шумахера въ томъ, что при Академіи, въ ущербъ ея процвѣтанію какъ ученаго общества, заведены разныя учрежденія по части художествъ и ремеслъ, отчего съ самыхъ первыхъ годовъ учрежденія не доставало опредѣленныхъ на содержаніе ея денегъ и всѣ представленія для споспѣшествованія наукъ оставались безъ исполненія. „Россійскій народъ, прибавлялъ Делиль, также отъ того не мало претерпѣлъ для того, что профессора власти не имѣютъ Академіею по намѣренію Петра Великаго управлять; притомъ же не старались русскихъ обучать и произвесть въ наукахъ, а употреблено и произведено токмо почти нѣмцевъ (sic), которые государству не много пользы учинили".

При Академіи состоялъ съ званіемъ совѣтника бывшій токарь Петра Великаго, Андрей Константиновичъ Нартовъ, въ вѣдѣніи котораго была инструментальная мастерская. Онъ лично считалъ себя обиженнымъ отъ Шумахера, о чемъ откровенно объяснялъ въ своемъ донесеніи: въ изданномъ Шумахеромъ описаніи, подъ заглавіемъ „Палаты Академіи" имени Нартова не было помѣщено въ числѣ академиковъ, тогда-какъ, по его мнѣнію, онъ состоялъ въ ней членомъ. Кромѣ того, Шумахеръ не давалъ жалованья на служившихъ при Нартовѣ канцеляристовъ и противился опредѣленію къ нему секретаря. Нартовъ поэтому долгомъ счелъ подать въ сенатъ въ 1742 году донесеніе на Шумахера, гдѣ главныя обвиненія изложены были или неопредѣленно, или же такъ, что доказать ихъ положительно не было никакой возможности; притомъ же онъ примѣшалъ сюда много такого, что, нисколько не вредя Шумахеру, выказывало только личную вражду противъ него Нартова. Онъ неудовольствовался однимъ донесеніемъ въ сенатъ и отправился самъ въ Москву въ іюлѣ 1742 г., взявъ съ собою жалобы на Шумахера академическихъ служителей: коммиссара Михаила Камера, канцеляриста Дмитрія Грекова, копіиста Василія Носова. Кромѣ нихъ, послали къ императрицѣ прошеніе на

Шумахера студентъ Иванъ Пухортъ, ученикъ гравера Андрей Поляковъ, переводчики Иванъ Горлицкій и Никита Поповъ, студенты Прокофій Шишкаревъ и Михаилъ Ковринъ. Всѣ они утверждали, что Шумахеръ присвоилъ себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей изъ денегъ, назначенныхъ на Академію; что онъ былъ врагомъ русскаго народа и что, наконецъ, умышленно старался объ уничтоженіи намѣреній Петра Великаго, высказанныхъ въ проектѣ объ Академіи наукъ. Каково было тогдашнее настроеніе всѣхъ лицъ, жаловавшихся на Шумахера, лучше всего видно изъ слѣдующаго мѣста письма одного изъ нихъ, Горлицкаго, къ Нартову въ Москву 14 сентября 1742 г.: „Что же о насъ—благодатію Божіею до сего числа здравы пребываемъ, ожидая тщаніемъ вашимъ милости всещедраго Бога, чрезъ помазанницу его получить, а супостатовъ[1] ходатайствомъ Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ подъ ноги вѣрныхъ рабовъ и сыновъ россійскихъ покорить дай Боже!....“

Нартовъ возвратился изъ Москвы торжествующимъ: 30 сентября 1742 года императрица Елисавета подписала указъ о назначеніи слѣдственной коммиссіи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Н. Ѳ. Головина, изъ петербургскаго коменданта генералъ-лейтенанта Игнатьева и президента коммерцъ-коллегіи, князя Бориса Юсупова. 7 октября, въ день полученія этого указа въ Петербургѣ, были арестованы „со всѣми ихъ имѣніями“ Шумахеръ, контролеръ Гофманъ, книгопродавецъ Прейсеръ и канцеляристъ Паули; тогда же вмѣсто Шумахера всѣ академическія дѣла поручены Нартову[2]).

---

[1]) Такъ Горлицкій называлъ Шумахера и всѣхъ нѣмцевъ въ своемъ офиціальномъ донесеніи.

[2]) 16 Октября 1742 г. академикъ Крафтъ, сторонникъ Шумахера, такъ писалъ къ Эйлеру: «Теперь у меня пропала всякая охота къ занятіямъ, отчасти потому, что дѣлаю приготовленія къ моему отъѣзду, отчасти же и главнѣйше отъ того, что въ нашей Академіи случился казусъ, который всѣхъ насъ привелъ въ отчаяніе, печаль и ужасъ, именно: ночью 7 октября совѣтникъ Шумахеръ посаженъ подъ строгій домовый арестъ; при чемъ опечатаны его комнаты, вся Академія, также архивъ академической конференціи, вслѣдствіе жалобъ гг. Нартова, Делиля и нѣсколькихъ другихъ ничтожныхъ людей изъ академической челяди. День спустя, начала свои дѣйствія въ Академіи коммиссія, которая состоитъ изъ графа Головина, князя Юсупова и Игнатьева. Между тѣмъ

21 октября 1742 года произведенъ былъ первый допросъ Шумахеру. Не смотря на всю изворотливость, онъ въ началѣ, какъ видно, струсилъ и потому откровенно сознался: „бралъ-де онъ, Шумахеръ, изъ той Академіи изъ погребовъ казенное французское и прочее вино въ домъ свой для домашняго своего расходу.... взирая на то, что и президенты, бывшіе въ той Академіи наукъ, себѣ брали-жъ....“ Тогда же въ протоколѣ коммиссіи замѣчено, что Шумахеръ „россійскому языку недоволенъ и противъ вопросныхъ пунктовъ довольно отвѣтствовать не умѣетъ“, почему допросы и велѣно перевести на нѣмецкій языкъ.

Впрочемъ, приведенное показаніе было единственнымъ чистосердечнымъ сознаніемъ Шумахера. При послѣдующихъ допросахъ онъ видимо ободрился и самоувѣренно приводилъ въ свое оправданіе, что онъ во всемъ былъ только исполнителемъ приказаній президентовъ и въ подтвержденіе тому беззастѣнчиво ссылался даже на словесныя приказанія ихъ; не рѣдко также отзывался незнаніемъ, забвеніемъ или же неопредѣленно указывалъ на академическія дѣла. Впослѣдствіи, одумавшись, онъ и къ первому своему показанію о казенномъ винѣ, которое пріобрѣталось подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія анатомическихъ препаратовъ, сдѣлалъ такое добавленіе: „взирая на то, что и бывшіе въ Академіи президенты Блюментростъ для того, что у него въ домѣ была анатомія; памятно, что и г. Корфъ на содержаніе монстровъ бралъ-же. А сколько того вина имъ, Шумахеромъ, и президентами забрано ведръ и на сколько по цѣнѣ и какого именно, того онъ, Шумахеръ, не

какъ я былъ въ огорченіи отъ неполученія въ теченіи цѣлаго года жалованья и, при такой бѣдности, еще въ притѣсненіи отъ нашихъ доносителей, арестъ г. Шумахера былъ облегченъ: каждый можетъ приходить къ нему; ему разрѣшено бывать во всѣхъ покояхъ Академіи и, когда онъ захочетъ, въ присутствіи караульнаго маіора, распечатывать и опять запечатывать дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Шумахеръ не смѣетъ никуда выходить. Онъ утѣшается, полагаясь на правоту своего дѣла. Вся Академія въ превосходнѣйшемъ порядкѣ. Доносители съ давняго времени враги ему и Академіи и пр. Уже нѣсколько дней поговариваютъ, что г. Нартовъ будетъ директоромъ Академіи. Sed desimo plura, dabit Deus hic quoque finem» (I, Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744).

упомнитъ.... Монстры отъ двора и отъ разныхъ мѣстъ не только къ нему, но и къ президентамъ присылывались въ ночное время и требовали въ то время необходимо налитія тѣмъ спиртомъ, чтобъ не могли испортиться. А изъ которыхъ мѣстъ и въ которыхъ годахъ оные присланы были, о томъ онъ не упомнитъ и записки не имѣлъ; а на содержаніе ихъ то вино бралъ не напрасно"....

Грековъ, Камеръ и Носовъ начали съ обвиненія, что деньги, предназначенныя для содержанія Академіи, Шумахеръ расходовалъ на собственныя нужды. Въ подтвержденіе тому приводилось: ежегодно, начиная съ 1727 г., при кунсткамерѣ показывались четыре работника, которымъ и шло казенное жалованье по 24 р. въ годъ каждому; но эти работники никогда не были при кунсткамерѣ, въ которой находились свои служители, а жили въ лакеяхъ у Шумахера. Такимъ образомъ на прислугу его было истрачено въ продолженіе 15 лѣтъ казенныхъ денегъ 1.440 руб. Шумахеръ отвѣчалъ, что Блюментростъ назначилъ ему четырехъ деньщиковъ. На это возражали, что при гражданскихъ чиновникахъ деньщиковъ не полагается. Шумахеръ же продолжалъ утверждать, что четыре лакея ему назначены Блюментростомъ, а что указа о неимѣніи гражданскимъ чиновникамъ деньщиковъ у него не было. Доносители показывали, что домъ, который сначала нанимался отъ казны, а потомъ купленъ на академическія деньги, и въ которомъ постоянно проживалъ Шумахеръ, всегда принадлежалъ ему, а не Мараксѣ, какъ это показывалось въ денежныхъ отчетахъ и что этотъ Маракса лицо подставное и въ Петербургѣ никогда не жилъ [1]). Это обстоятельство нѣсколько лѣтъ спустя подтверждали всѣ академики, но Шумахеръ отзывался, что это неправда, а въ доказательство снова ссылался на приказаніе

---

[1]) Этотъ домъ въ болѣе раннихъ бумагахъ академической канцеляріи показывался въ 3-ей линіи Васильевскаго острова, «отъ Невы рѣки на углу;» нанимаемъ онъ былъ для Шумахера съ 20 января 1727 г. Два плана этого дома въ архивѣ академической канцеляріи, книги №№ 3 и 117. О покупкѣ этого дома для Академіи въ 1741 г. и объ уплатѣ за него Мараксѣ 1.200 р., см. тамъ же, книга № 60.

президента Блюментроста. Въ обвиненiяхъ говорилось также, что Шумахеръ, для своихъ прихотей, завелъ при Академiи шестивесельную шлюбку, которой содержанiе въ годъ обходилось казнѣ 200 руб., а между тѣмъ никто изъ академическихъ служителей на ней не ѣздитъ; когда же имъ приходится переѣзжать рѣку по казенной надобности, то имъ даются особыя деньги. Послѣднее не отвергалъ Шумахеръ, но въ тоже время не сказалъ, кто же, кромѣ его и семейства, ѣздилъ на шлюбкѣ.

Одинъ изъ доносителей Горлицкiй свои обвиненiя писалъ весьма витiевато, и Шумахеръ, подмѣтивъ смѣшную сторону этого, отвѣчалъ на нихъ съ иронiею. Такъ напр., Горлицкiй выражался, что „явное Шумахера на Россiю скрежетанiе", когда изъ „россiйцевъ" нѣтъ еще ни одного профессора, а Шумахеръ возражалъ только, что онъ на Россiю „скрежетанiя не имѣлъ". На слова Горлицкаго. что „онъ же, Шумахеръ, заглажая свой ядъ, не хотѣлъ открыть науки", Шумахеръ отвѣчалъ: „науки закрывать никакого яду онъ, Шумахеръ, не имѣлъ, и науки открывали и открываютъ профессора"....

Въ обвиненiяхъ переводчика Никиты Попова главнѣйше обращалось вниманiе на то, что академическое начальство заставляетъ русскихъ, знающихъ иностранные языки, вмѣсто переводовъ по части науки, переводить канцелярскiя дѣла; что нѣмцамъ даютъ больше жалованья, чѣмъ русскимъ, и что „нынѣ при Академiи на жалованьѣ множество нѣмцевъ, изъ которыхъ многiе при оной быть не надобны.... а жалованье получаютъ, въ разсужденiе ихъ должностей, великое..." Въ подтвержденiе этому, Поповъ называлъ русскихъ студентовъ при Академiи, которые были въ состоянiи преподавать языки въ гимназiи и переводить научныя сочиненiя: Коврина, Чадова, Шишкарева, Старкова, Голубцева, Лебедева и себя. Что же касается до ненужныхъ нѣмцевъ, получавшихъ при Академiи жалованье, то Поповъ привелъ довольно длинный списокъ разныхъ смотрителей и мастеровыхъ; между ними не забытъ былъ и „академическiй псарь Карлъ Фридрихъ", который получалъ 200 р. въ годъ за то, что обязанъ былъ стрѣлять птицъ для зоологическаго отдѣла кунсткамеры. „Кунсткамера приращенiе

получаетъ, писалъ Поповъ, и безъ сего псаря, и онъ опредѣленъ совсѣмъ для того одного, чтобы ему дать мѣсто и пропитаніе, и труды его такъ великаго жалованья совсѣмъ недостойны"... Въ концѣ Поповъ перечисляетъ нѣмцевъ при академической типографіи, которые, къ обидѣ русскихъ, получали болѣе жалованья, чѣмъ они. „Отъ сего порядку, продолжаетъ Поповъ, что нѣмцамъ содержаніе двойное противъ русскихъ или противъ должностей ихъ очень довольное дается, происходитъ то, что нѣмцы понятнѣе и трудолюбивѣе русскихъ почитаются за тѣмъ, что они ни о чемъ домашнемъ попеченія не имѣютъ, все въ довольствѣ къ содержанію своему имѣя. И то есть истинное раченіе о обученіи всякимъ наукамъ, въ чемъ они и самымъ дѣломъ много успѣваютъ. Тоже бы самое и русскіе учинили безъ всякаго сомнѣнія, ежели бы и ихъ также содержали, и они бы не имѣли причины признавать себя передъ нѣмцами за обиженныхъ, и нынѣ бы уже половину цѣлую профессорскаго комплекту россіяне составляли"....

Шумахеръ возражалъ, что Поповъ и его товарищи еще не совершенно обучились языкамъ и наукамъ, безъ поправокъ переводить не могутъ и, какъ студенты, „смотря по ихъ способности въ наукахъ и по прилежанію, отъ времени до времени награждаются прибавкою жалованья". Жалованье нѣмецкимъ копистамъ, довольно по тому времени значительное, дается по примѣру прочихъ присутственныхъ мѣстъ; вообще же иноземцы служатъ при Академіи по контрактамъ и принуждать ихъ исполнять другія обязанности нельзя, потому имъ и назначается прибавка къ жалованью, когда они отправляютъ другія должности. Сверхъ того, Шумахеръ, будучи увѣренъ, что академики поддержатъ его, ссылался на нихъ относительно обученія русскаго юношества. На запросъ слѣдственной коммиссіи, академики дѣйствительно отвѣчали, что ни Поповъ, ни его товарищи еще не въ состояніи работать по части наукъ самостоятельно; что слушать лекціи имъ никто не воспрещалъ, а самъ же Поповъ, напр., приходя на лекціи къ Крафту, смѣялся; что въ проектѣ объ Академіи наукъ Петра Великаго не

сдѣлано исключенія въ пользу однихъ русскихъ, но дозволено обучаться при ней всѣмъ, безъ различія народностей; что́ учителей нѣмцевъ болѣе чѣмъ русскихъ, то это происходитъ отъ того, „что бо́льшая часть русскихъ какъ родителей, такъ и дѣтей ихъ къ продолженію наукъ особливой охоты и терпѣливости не имѣютъ, чего ради при всѣхъ экзаменахъ въ гимназіи случается, что когда нѣкоторые изъ учениковъ въ русскихъ классахъ уже такъ далеко произошли, что они въ латинскіе произведены быть могутъ, то они сами или ихъ родители, когда имъ о томъ объявлено бываетъ, отъ того отговариваются"....

При чтеніи всего дѣлопроизводства, возникшаго по слѣдствію о Шумахерѣ и продолжавшагося съ 7 октября 1742 г. по 14 декабря 1743 года, нельзя не примѣтить, что Шумахеромъ и его сторонниками выказаны были въ этомъ случаѣ и изворотливость, и умѣніе представлять все въ благопріятномъ свѣтѣ даже и при такихъ обстоятельствахъ, когда повидимому приходилось проиграть дѣло. Прежде всего, Шумахеръ воспользовался поддержкою значительныхъ придворныхъ. Такъ изъ свидѣтельства современника[1]) видно, что къ одному изъ членовъ коммиссіи кн. Юсупову „писалъ за Шумахера сильной тогда при дворѣ человѣкъ иностранной". Конечно здѣсь рѣчь идетъ о Лестокѣ; но, кромѣ этого иноземца, сами вліятельные придворные чисто русскаго происхожденія, тщеславные и чувствительные къ похваламъ иноземцевъ, помогали, какъ это будетъ виднѣе дальше, вывернуться изъ бѣды Шумахеру. Его приверженцы и будущій зять Таубертъ работали также неутомимо: съ самыхъ первыхъ засѣданій коммиссіи, послѣдній уже сдѣлался пріятелемъ секретаря ея, Андрея Иванова; приглашалъ его къ себѣ въ домъ, а Ивановъ показывалъ ему всѣ бумаги. Почти съ начала существованія Академіи бо́льшая часть членовъ ея видѣли въ Шумахерѣ личнаго себѣ непріятеля, между тѣмъ когда началось слѣдствіе о немъ, онъ сумѣлъ употребить въ свою пользу промахи Нартова, и академики дѣйствовали

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 057.

такъ, какъ будто отъ оправданія Шумахера зависѣло спасеніе всей Академіи и ихъ самихъ.

Противники Шумахера главою своею имѣли Нартова, которому велѣно было править Академіею. Онъ, по отзыву слѣдственной коммиссіи, былъ „хотя состоянія добраго, однакожъ повидимому въ тѣхъ дѣлахъ недостаточенъ.... и въ пристойныхъ ко оной Академіи ученіяхъ не былъ, ибо кромѣ токарнаго художества ничего незнаетъ“.... Нартовъ приносилъ, между прочимъ, жалобы на самовольное управленіе Шумахера; когда же вступилъ самъ въ распоряженіе дѣлами, то сталъ, въ свою очередь, поступать не менѣе самовольно и притомъ грубѣе и часто невѣжественнѣе[1]). Безъ всякой нужды, по одной просьбѣ доносителей, онъ запечаталъ архивъ академической конференціи, гдѣ не могло ничего быть, кромѣ переписки и статей, касающихся исключительно наукъ. Когда Нартова спросила коммиссія, зачѣмъ это сдѣлано, то онъ отвѣчалъ: для того, что доносители ему объявили, что въ архивной палатѣ „находятся переписки съ иностранными государствами до корреспонденціи (sic) и о камчатской экспедиціи дѣла и обсерваціи“.... Грубое обращеніе Нартова съ академиками и опечатаніе ихъ архива произвели то, что исконные враги Шумахера — академики стали подавать на вопросы коммиссіи благопріятные для него отзывы, а нѣкоторые выхлопотали даже его возвращеніе къ управленію академическими дѣлами. Доносители, не успѣвъ еще доказать своихъ обвиненій, уже заранѣе ликовали и выражали это, какъ напр. Ломоносовъ, „позорною нѣмецкою бранью“, показываніемъ кукиша или шумнымъ приходомъ толпою въ

[1]) 25 декабря 1742 г. академикъ Крафтъ въ письмѣ къ Эйлеру сообщалъ, что Шумахеръ скоро будетъ освобожденъ: «Однако какъ бы то ни было, прибавляетъ онъ, академическому учрежденію этимъ случаемъ нанесенъ великій ударъ, потому что всѣ добрыя предначертанія остановились, и Нартовъ, съ своимъ токарнымъ усердіемъ, чрезвычайно плохъ, чтобы быть въ состояніи продолжать прежній порядокъ.... Оба покровители доносчиковъ, Нартовъ и Делиль перессорились сами между собою, потому что одинъ не хочетъ уступить другому. Послѣдній желалъ бы теперь охотно перейти на нашу сторону, но мы нехотимъ его пускать къ себѣ, какъ pecus scabiosum, потому что онъ уже три года какъ насъ оставилъ и презиралъ à la française...» (I, Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744).

академическое засѣданіе, подъ предлогомъ осмотра цѣлости печатей, наложенныхъ на невинныя архивскія дѣла. Не только академики-иноземцы не хотѣли слушаться Нартова, но напр. и Ломоносовъ, за котораго онъ стоялъ, показывалъ ему презрѣніе. Делиль, дѣйствовавшій съ Нартовымъ въ началѣ за-одно, послѣ сталъ высказываться противъ него. Враждебная Шумахеру сторона являлась защитницей русскихъ интересовъ въ Академіи, а между тѣмъ, служившіе въ ней русскіе, какъ-то Адодуровъ, Тредіаковскій и Тепловъ подали отзывы въ пользу владычества надъ Академію Шумахера. Между доносителями еще въ самомъ началѣ слѣдствія явился предатель, который все разсказалъ Шумахеру, а этотъ заранѣе принялъ мѣры для отвращенія готовившагося ему удара. Это положеніе обѣихъ сторонъ представляетъ много поучительнаго и имѣетъ значеніе въ исторіи не только Академіи, но и вообще всей новой исторіи Россіи.

Неудивительно поэтому, что еще 24 декабря 1742 г. слѣдственная коммиссія представляла объ освобожденіи изъ подъ ареста Шумахера, такъ-какъ она „по нынѣ никакого важнаго преступленія его не видитъ". 28 декабря 1742 г. Шумахера уже освободили изъ подъ ареста, и всѣ его пожитки были распечатаны.

Во второй половинѣ 1743 года академики рѣшились подать прошеніе правительству съ объясненіемъ жалкаго положенія Академіи, такъ-какъ тамъ въ то время не было еще выдано жалованья за 1742 г., и съ ходатайствомъ о назначеніи президента. Академикъ Штелинъ, состоявшій уже тогда наставникомъ при наслѣдникѣ престола, совѣтовался, касательно подачи этого прошенія императрицѣ, съ Лестокомъ и Михаиломъ Воронцовымъ. Послѣдній обѣщалъ переговорить о томъ съ оберъ-егермейстеромъ графомъ Разумовскимъ, которому, 7 ноября 1743 г., было передано помянутое прошеніе, а 4 декабря того же года императрица подписала указъ сенату, въ которомъ повелѣвалось: „Шумахеру быть у дѣлъ въ Академіи по прежнему, и за которое время жалованья онъ не получалъ, оное ему выдать"....

Такой исходъ дѣла не слѣдуетъ приписывать прошенію академиковъ, такъ-какъ въ немъ ни слова не упоминалось о Шумахерѣ, но надобно думать, что о томъ были его собственные происки, или же словесно ходатайствовалъ при дворѣ Штелинъ. Послѣднее предположеніе подтверждаетъ записка этого академика къ Шумахеру[1]), писанная вечеромъ 4 декабря 1743 г. Здѣсь сначала говорится, что о помянутомъ повелѣніи на счетъ Шумахера ему передалъ М. Воронцовъ, а потомъ слѣдуютъ поздравленія и изъявленія горячаго участія. 22 марта 1744 г. Шумахеръ, въ письмѣ къ этому Воронцову, такъ извиняется за позднее принесеніе ему благодарности: „Не писавъ къ вамъ, я нарушилъ уваженіе. Простите, милостивый государь, этотъ проступокъ — послѣдствіе моего несчастія, подъ тяжестью котораго я бы палъ, если бы ваше превосходительство не оказывали мнѣ чести продолженіемъ вашего покровительства“[2]). Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ къ Лестоку, предлагая ему въ печатномъ академическомъ каталогѣ растеній дать названіе доставленной изъ медицинской канцеляріи коллекціи травъ — Herbarium lestokianum, чтобы чрезъ то „имѣть случай обезсмертить имя вашего превосходительства“...[3]). Въ апрѣлѣ 1744 г. до Шумахера дошелъ изъ за границы слухъ, что Кирилъ Семеновичъ Нарышкинъ будетъ президентомъ Академіи наукъ[4]). Шумахеръ 12 апрѣля поспѣшилъ отправить къ нему письмо, гдѣ, напоминая ему, что онъ показывалъ ему когда-то кунсткамеру, писалъ: „Академія разорена — это правда, но ей необходимъ такой человѣкъ, какъ вы, такихъ же превосходныхъ качествъ, знаменитый родомъ, любящій литературу, искусства и науки, который бы имѣлъ вѣсъ при дворѣ, чтобы возстановить Академію и возвратить ей прежній блескъ. Ваше отечество — а ему каждый гражданинъ обязанъ жертвовать своимъ спокойствіемъ — нечувствительно

---

[1]) Входящія письма 1744 — 1747 годовъ, л. 171.

[2]) Исходящія письма 1743 — 1747 годовъ.

[3]) Ibid., письмо 26 марта 1744 г.

[4]) О назначеніи Нарышкина въ президенты Академіи наукъ было напечатано въ Genealogisch-Historische Nachrichten, 1743 года, LX, 1124.

извлечетъ для себя пользу, и вы не премините пріобрѣсти себѣ за то славу. Всѣ академики съ удовольствіемъ постараются трудится подъ вашимъ покровительствомъ. Что же касается до меня, то я обѣщаю вамъ это исполнять съ горячностью и вѣрностью"....

Въ половинѣ 1744 г. слѣдственная коммиссія признала виновнымъ Шумахера только въ употребленіи казеннаго вина на свои нужды, за что онъ и былъ приговоренъ къ уплатѣ 109 р. съ копейками; но въ то же время найдено умѣстнымъ представить Шумахера — за то, что онъ „претерпѣлъ не малый арестъ и досады", — въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ въ директоры Академіи, а товарищами къ нему придать Тауберта и Адодурова. Представленіе это, впрочемъ, не было утверждено свыше. Что же касается до обвинителей Шумахера, то ихъ приговорили къ наказанію иныхъ плетьми, а иныхъ батожьемъ. Горлицкій, тотъ самый, который съ такимъ риторскимъ увлеченіемъ описывалъ козни „супостатовъ нѣмцевъ", найденъ былъ достойнымъ даже смертной казни, и только изъ человѣколюбія положено было ограничиться плетьми, послѣ которыхъ слѣдовало его сослать на вѣчно съ семьею въ Оренбургъ. 15 іюля 1744 г., состоялось однако, повелѣніе императрицы [1]) объ отпущеніи винъ этимъ легковѣрнымъ обвинителямъ и опредѣленіи ихъ при Академіи по прежнему. Когда объ этомъ повелѣніи дано было знать Шумахеру, то онъ, 20 сентября 1744 г., донесъ сенату, что еще до состоянія высочайшаго повелѣнія всѣ упомянутыя въ немъ лица, за исключеніемъ Никиты Попова, уже отрѣшены имъ, Шумахеромъ, отъ Академіи, какъ излишніе, и ихъ мѣста заняты другими. Только нѣсколько лѣтъ послѣ, гр. Разумовскій, изъ состраданія, опять принялъ въ Академію Горлицкаго переводчикомъ.

Такой благополучный для Шумахера исходъ слѣдствія не могъ не усилить его значенія, и оно дѣйствительно стало таковымъ, что академики рѣшились возстать противъ него. Въ 1741 г. Шумахеръ распорядился выпустить въ свѣтъ книгу съ

---

[1]) II, книга № 90.

гравюрами, которая заключала въ себѣ перечневые списки лицъ, находившихся при Академіи, и краткое обозрѣніе учрежденій, состоявшихъ при ней, подъ заглавіемъ „Палаты санктпетербургской Академіи наукъ, библіотеки и кунсткамеры"[1]). Академическій совѣтникъ, подобно многимъ современникамъ, жившимъ въ Петербургѣ, не подозрѣвалъ о томъ, чтобы на престолъ могла вступить Елисавета и сослать въ заточеніе правительницу и мать императора Іоанна VI, Анну Леопольдовну, а потому не далѣе какъ за двѣнадцать дней до воцаренія Елисаветы въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ была помѣщена статейка по случаю выхода въ свѣтѣ „Палатъ", изданныхъ съ витіеватымъ посвященіемъ отъ Шумахера Аннѣ Леопольдовнѣ. Послѣ вступленія на престолъ новой императрицы, Шумахеръ, предполагая выпустить эту книгу въ продажу, распорядился уничтожить въ ней все, что могло напоминать предшествовавшее царствованіе императора Іоанна VI, но назначеніе слѣдственной коммиссіи помѣшало тому. Въ мартѣ 1744 г., въ конференціи поднятъ былъ вопросъ о посвященіи этого изданія императрицѣ Елисаветѣ, причемъ Гмелинъ и Мюллеръ замѣтили, что въ книгѣ пройдено молчаніемъ о привезенныхъ первымъ изъ нихъ чрезвычайно рѣдкихъ ископаемыхъ герцогства вюртембергскаго, а также о тѣхъ коллекціяхъ, которыя были собраны въ продолженіи десятилѣтняго путешествія по Сибири. Въ засѣданіи всѣ, кромѣ Крафта, согласились сообщить о томъ Шумахеру. Послѣдній оскорбился этимъ и въ письмѣ къ исполнявшему обязанности конференцъ-секретаря, академику Винцгейму заявилъ, что академики не имѣютъ права заносить о немъ что-либо въ своихъ протоколахъ, не испросивъ на то предварительнаго его согласія, а потому и протоколъ, гдѣ помѣщено помянутое рѣшеніе, долженъ быть уничтоженъ. „Если же этого не будетъ исполнено, прибавилъ Шумахеръ, то покорнѣйше прошу приложить настоящее письмо къ протоколу, и на будущее время не заносить туда ничего для меня

---

[1]) Библіографическія разысканія объ этой книгѣ въ Запискахъ Академіи по I и III отдѣленію, т. I, 341 — 346; 531 — 533.

оскорбительнаго прежде сообщенія этого надлежащимъ образомъ мнѣ, потому что если каждому позволить помѣщать въ протоколы всѣ свои фантазіи, то въ него войдутъ много безобразныхъ вещей, а притомъ главная цѣль — именно поспѣшествовать развитію наукъ, что̀ въ особенности принадлежитъ гг. академикамъ въ ихъ обычныхъ засѣданіяхъ — была бы удалена"....[1]).

Это событіе подало поводъ къ началу пререканій между Шумахеромъ и академиками, пререканій, продолжавшихся до самаго вступленія гр. Разумовскаго въ званіе президента Академіи, т. е. до мая 1746 года. Всѣ свои неудовольствія на Шумахера академики изложили сенату въ нѣсколькихъ, иногда очень длинныхъ прошеніяхъ, которыя впрочемъ оставлялись безъ послѣдствій, вѣроятно потому, какъ объяснялъ однажды Ломоносовъ. что ученые „пріобыкли быть всегда при наукахъ и, не навыкнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ, не могли себѣ сыскать защищенія"....

„Никогда г. совѣтникъ Шумахеръ, писали академики въ сенатъ 7 августа 1745 г., такъ самовластно не поступалъ, какъ съ того времени, когда бывшая надъ нимъ слѣдственная коммиссія въ его пользу рѣшена была. Во время правленія канцеляріею совѣтника Нартова, когда мы жаловались на него, Нартова, въ коммиссіи, что пишетъ къ намъ указомъ, чего и прежніе президенты никогла не дѣлали, и коммиссія отъ насъ требовала извѣстія, какимъ образомъ совѣтникъ Шумахеръ къ намъ писалъ, то мы для того и не могли инако какъ въ Шумахерову пользу отвѣтствовать, что никогда онъ такой власти надъ нами себѣ не взялъ, чтобъ насъ указами ордеровать. А послѣ отрѣшенія Нартова отъ правленія канцеляріею, онъ, Шумахеръ, ду̀мая, что теперь всѣ его бояться должны и въ канцеляріи, и въ профессорскомъ собраніи публично намъ грозилъ, ежели по его указамъ исполнять не будемъ"....

Бо́льшая часть обвиненій, изложенныхъ въ жалобахъ академиковъ на Шумахера, какъ то: его самовластіе въ Академіи,

---

[1]) I, протоколы 1744 года.

малые успѣхи тамъ по учебной части, безотчетное употребленіе академическихъ денегъ въ пользу свою или пріятелей и свойственниковъ — все это было высказано и раскрыто Горлицкимъ и другими обвинителями Шумахера въ 1742 г., а потому послѣднему, когда онъ уже былъ оправданъ слѣдственною коммиссіею по прежнимъ подобнымъ обвиненіямъ, не представлялось особенныхъ затрудненій опять отвѣчать противъ извѣтовъ академиковъ, когда это было предложено ему отъ гр. Разумовскаго въ 1747 году.

Въ отвѣтахъ своихъ (они писаны по нѣмецки по бóльшей части рукою Тауберта, а потомъ переведены по русски съ его же исправленіями) Шумахеръ прежде всего описываетъ подробно всѣ мелкія личныя неудовольствія, вслѣдствіе которыхъ каждый изъ академиковъ, по словамъ Шумахера, питалъ на него злобу. „По ихъ мнѣнію, писалъ онъ, надлежитъ меня штрафовать по силѣ государственныхъ правъ и отрѣшить отъ чину, а правленіе Академіи поручить господамъ профессорамъ Ломоносову, Тредіаковскому, Рихману, Сигизбеку, Леруа, Штелину, Мюллеру, Вейтбрехту и Делилю для того, чтобъ одинъ другому тѣмъ свободнѣе жалованье прибавливать и въ прочихъ намѣреніяхъ наровить могъ.... Не я, но профессоры достойны штрафа по силѣ указовъ, ибо гдѣ подчиненные не слушаютъ своей команды, тамъ и порядку никакого быть не можетъ.... Я ни мало за то не досадую, что они меня за неученаго почитаютъ, потому что я по справедливости ни отъ кого требовать не могу, чтобъ онъ меня выше почиталъ и ежели чего я, по его мнѣнію, достоинъ, а особливо, что они сами себя такъ высоко почитаютъ; но ежели бы мнѣ сіе сказано было отъ безпристрастныхъ и разумныхъ людей, то бы я о томъ нѣсколько печалился. Но положимъ, что я не столько искусенъ въ наукахъ, какъ гг. профессора о себѣ думаютъ, то однако я чувствую въ себѣ внутреннее удовольствіе, что я моими трудами государству и народу показалъ полезныя и пріятныя услуги. Примѣры тому: Академія наукъ, библіотека, кунсткамера, типографія, словолитня, грыдоровальная палата и прочіе департаменты“.... Вообще въ отвѣтахъ своихъ Шумахеръ слѣдовалъ

прежней системѣ, т. е. всю отвѣтственность съ себя слагалъ на президентовъ, которыхъ будто бы волю онъ исполнялъ, благоразумно обходя въ то же время молчаніемъ такія обстоятельства, которыя опровергнуть ссылкою на президентскія приказанія было бы уже черезъ чуръ неловко. Замѣчательно особенно то, что Шумахеръ, составляя свои отвѣты для новаго президента Академіи, при всякомъ удобномъ случаѣ старался дѣло представить такъ, что будто академики возстаютъ не противъ него, Шумахера, а противъ власти президентовъ, которымъ не хотятъ повиноваться.

По выслушаніи такихъ отвѣтовъ, президентъ Академіи гр. Разумовскій, 27 іюля 1748 г., постановилъ, что академикамъ за нанесеніе обидъ, какъ Шумахеру, такъ и прежнимъ президентамъ, только потому не налагается наказанія, что „они люди чужестранные и правъ россійскихъ совершенно не вѣдаютъ.... однако, о всемъ ихъ непорядствѣ учинить въ собраніи выговоръ и притомъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ они всѣ свои прежнія затѣи отложили“.... О Шумахерѣ же представлено было въ сенатъ, что онъ виновнымъ не оказался, а за напрасныя обвиненія заслуживаетъ „быть взысканнымъ высочайшею монаршею милостію“[1]).

Положеніе Шумахера, со вступленіемъ въ президенты Академіи наукъ графа Кирила Разумовскаго, казалось, должно было измѣниться къ невыгодѣ совѣтника: къ управленію академическими дѣлами былъ пріобщенъ человѣкъ умный, вкрадчивый, не менѣе Шумахера властолюбивый, и, что̀ главное, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на своего начальника, братъ котораго такъ высоко поставленъ былъ при дворѣ императрицы Елисаветы. Григорій Тепловъ, вскорѣ по вступленіи графа Разумовскаго въ президенты, получилъ мѣсто ассессора академической канцеляріи. Зная молодость и равнодушіе къ наукѣ молодаго графа, не трудно было догадаться, что его недавній наставникъ будетъ играть важную роль въ Академіи. Въ началѣ Шумахеръ постарался войти въ пріятельскія

---

[1]) II, книга № 457.

отношенія съ Тепловымъ. Слѣдовъ этого нельзя не видѣть въ составленномъ послѣднимъ новомъ академическомъ уставѣ 1747 года. При сочиненіи его не требовалось ни мнѣній, ни совѣтовъ академиковъ, и весь онъ отъ перваго до послѣдняго параграфа написанъ къ поддержанію неограниченной власти президента и академической канцеляріи, а стало быть къ конечному подчиненію имъ академиковъ и всей ихъ дѣятельности, такъ какъ никто изъ нихъ не смѣлъ ничего дѣлать и ни о чемъ такомъ представлять, что могло не согласоваться съ желаніями и волею президента, а въ отсутствіи его—академической канцеляріи. Чтó Тепловъ, а слѣдовательно и гр. Разумовскій были уже преклонены на сторону ловкаго совѣтника, это видно и изъ того, что 3 сентября 1748 г. Шумахеру къ прежнему его жалованью 1.200 руб. прибавилъ гр. Разумовскій еще 600 р. на томъ основаніи, „что онъ, г. совѣтникъ, человѣкъ иностранный и неимѣющій деревень“[1]).

Отношенія академическаго совѣтника къ ассессору особенно ясны изъ переписки, возникшей между ними въ 1749 г.[2]). Въ концѣ 1748 г., графъ Разумовскій отправился за дворомъ въ Москву, взявъ съ собою и Теплова. Шумахеръ началъ писать къ нему льстивыя письма, послалъ подарокъ Тепловой, разрѣшившейся отъ бремени, и вообще видимо заискивалъ въ ассессорѣ. Въ письмѣ къ будущему зятю своему Тауберту, 7 января 1749 г., Шумахеръ, послѣ извѣстія, что у Теплова крестили дочь графъ Бестужевъ-Рюминъ съ графинею Разумовскою и С. Ѳ. Апраксинъ съ графинею Шуваловою, прибавилъ: „хорошо, когда вы будете часто писать къ г. Теплову, даже и тогда, когда не получите отъ него отвѣтовъ“. Послѣдній, однако, не сдавался и, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, возбудилъ вопросъ: должна-ли Академія быть управляема президентомъ и въ бытность его въ Москвѣ? Понятно, что здѣсь дѣло шло о подчиненіи Теплову петербургской академической канцеляріи, въ которой, при отлучкѣ президента, совѣтникъ оставался старшимъ.

---

[1]) II, книга № 145.

[2]) I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

„По истинѣ я, писалъ Шумахеръ 12 января 1749 года, незнаю, какой дать вамъ отвѣтъ на письмо, которымъ вы меня почтили отъ 5 января, касательно названія мѣста, откуда я посылаю академическія бумаги. Когда я разсматриваю уставъ Академіи, то мнѣ кажется, что канцелярія должна быть при учрежденіи, потому что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится объ управленіи, стоитъ: „а въ отсутствіе президента — канцелярія“. Мнѣ кажется, что вы всегда были того же мнѣнія. Но съ другой стороны, когда обращаю вниманіе, что президентъ имѣетъ полную власть управлять Академіею, какъ ему угодно, и что въ сущности мы ничто иное какъ совѣтники помощники, я не вижу, почему бы его сіятельство не могъ перенесть канцелярію въ Москву, оставивъ здѣсь контору, или раздѣливъ ее на двѣ. Если рѣчь идетъ только о порядкѣ веденія переписки, то это ничего не значитъ: президенту стоитъ только приказать опредѣленіемъ, что на будущее время петербургская канцелярія должна входить съ рапортами въ московскую, которая волю ея императорскаго величества будетъ сообщать чрезъ указы. Вотъ мы и контора безъ всякой перемѣны, потому что для измѣненія вдругъ порядка, введеннаго уже нѣсколько лѣтъ, и къ которому публика и даже академики привыкли, нужны мѣры, стоящія въ зависимости отъ времени и зрѣлаго обсужденія. Я работаю подъ начальствомъ его сіятельства по склонности и охотно, стало быть эта перемѣна, на сколько касается она меня лично, мнѣ совершенно ничего не значитъ. Я буду работать въ конторѣ съ тѣмъ же усердіемъ и готовностью, съ какими я работалъ прежде въ канцеляріи, но не съ такимъ удобствомъ и пользою...“

Предложеніе Шумахера было принято, и затѣмъ онъ началъ въ своихъ письмахъ къ Теплову систематически преслѣдовать всѣхъ академиковъ, часто не гнушаясь при томъ ни извѣтомъ, ни сплетнею, и отсюда всего лучше видно, въ какое печальное положеніе поставлены были всѣ безъ изъятія члены ученаго общества во времена совмѣстнаго владычества надъ Академіею Шумахера и Теплова. Въ настоящемъ жизнеописаніи приводятся только тѣ выписки изъ этой переписки, изъ которыхъ

видны отношенія Шумахера къ академикамъ, и потомъ мнѣнія и образъ его дѣйствій по дѣлу о диссертаціи Миллера — событіи, какъ извѣстно, надѣлавшемъ много шума.

23 января 1749 г. Шумахеръ писалъ къ Теплову: „посылаю къ его сіятельству огромное дѣло объ университетскомъ уставѣ. Гг. профессора работали надъ нимъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и я сообщаю его въ томъ видѣ, въ какомъ г. профессоръ Тредіаковскій представилъ его канцеляріи съ присоединеніемъ русскаго перевода. Какое ничтожество! Вы подивитесь, милостивый государь, чувствамъ гордости и заносчивости этихъ педантовъ, которые отъ души одобряютъ вздоры г. Крузе. Haec clarissimi Crusii omnium unanimi consensu sunt approbata. Asinus asinum fricat.... Хорошо дѣлаете, милостивый государь, работая съ жаромъ для Академіи: вы, подобно мнѣ, современемъ пожнете плоды своихъ трудовъ, которые будутъ заключаться не въ богатствахъ, но въ спокойствіи души — плодѣ чистой совѣсти....“

9 февраля 1749 года: „очень бы я желалъ, чтобы кто нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее торжественное засѣданіе, но не знаю такого между нашими академиками. Вы сами, милостивый государь, знаете, что ни голосъ, ни наружность гг. Винцгейма и Рихмана, которыхъ бы слѣдовало предпочесть ему, не дозволяютъ довѣрить имъ первую публичную рѣчь, къ которой критики непремѣнно придерутся. Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ, чтобы имѣть силу для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у насъ, милостивый государь, есть кто нибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его (конечно Ломоносова) въ этихъ качествахъ? Если бы г. Мюллеръ былъ въ числѣ академиковъ[1]), то такъ-какъ онъ довольно хорошо произноситъ по русски, обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень близко къ нахальству, то мнѣ бы хотѣлось предложить его. Г. Бургаве, находясь въ затруд-

[1]) По тогдашнему академическому уставу, члены Академіи историческаго класса не принадлежали къ числу академиковъ, но числились при университетѣ и назывались профессорами. Между ними былъ Мюллеръ.

нительномъ положеніи по случаю любовнаго процесса, который не кончится пока онъ не удовлетворитъ плута и пьяницу отца, не будетъ имѣть смѣлости произносить публично рѣчь, также какъ и г. Кратценштейнъ, влюбленный, какъ говорятъ въ городѣ, въ женщину низкаго происхожденія. Я примѣтилъ, что во всѣ времена гг. наши профессора эманципировались въ дѣлахъ любви и брака..."

11 февраля 1749 года: „какъ я доволенъ, что начинаютъ понимать истинныя чувства гг. профессоровъ! Имъ не я, Шумахеръ, отвратителенъ, а мое званіе. Они хотятъ быть господами, въ знатныхъ чинахъ, съ огромнымъ жалованьемъ, безъ всякой заботы обо всемъ остальномъ!..."

Оффиціальныя свои донесенія къ графу Разумовскому Шумахеръ начиналъ всегда одинаково: „За помощію Божіею корпусъ академической обстоитъ благополучно". Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ донесеніи помѣщались жалобы на академиковъ, эта фраза пропускалась. Въ поводахъ къ тому у Шумахера не было недостатка. Такъ въ 1749 году на масляницѣ и первой недѣли поста академики не собирались въ засѣданіи и не читали лекцій. Шумахеръ тотчасъ потребовалъ объясненія тому и, получивъ въ отвѣтъ, что это сдѣлано на основаніи генеральнаго регламента, написалъ по этому случаю слѣдующее рѣшеніе, тогда же переведенное съ нѣмецкаго на русскій:

„Всѣ справки въ оригиналѣ послать въ Москву и потребовать на оныя отъ его графскаго сіятельства указу, понеже изъ поступокъ гг. академиковъ и профессоровъ довольно явствуетъ, что они еще всегда съ членами прочихъ государственныхъ коллегій сравниваются и хотятъ, чтобъ ихъ за то почитали, хотя имъ явственно показано было какъ изъ академическаго регламента, такъ и по здравому разсужденію, что имъ такія мысли и разсужденія строгимъ указомъ отнять надлежитъ, и притомъ повелѣть имъ должность свою ревностно отправлять, а особливо, что они изъ самовольной власти противу повелѣнія г. президента праздники себѣ дѣлаютъ, то я думаю, что ихъ за такую продерзость штрафовать надлежитъ, а паче обоихъ ректоровъ (Мюллера и Фишера) и тѣхъ, которые въ конференціяхъ сіе

намѣреніе предложили, вычетомъ мѣсячнаго жалованья, а прочихъ, которые въ томъ согласились, вычетомъ за полъмѣсяца въ пользу и въ прибыль академическаго лазарета. Понеже, ежели за таковыя продерзости штрафованы не будутъ, то опасаться надобно, чтобъ старые непорядки опять вездѣ не показались"... [1]).

Во время пререканій академиковъ съ Шумахеромъ, въ нападеніяхъ на него первое мѣсто принадлежало Мюллеру. Совѣтникъ помнилъ это, что̀ видно изъ частыхъ выходокъ противъ академика въ письмахъ къ Теплову. Что́ эти выходки не оставались безплодными, о томъ будетъ говорено въ жизнеописаніи Мюллера. 16 марта 1749 года Шумахеръ счелъ нужнымъ сдѣлать Теплову такія внушенія насчетъ Мюллера: „Когда г. профессоръ Мюллеръ прочиталъ въ историческомъ собраніи предисловіе, которое хочетъ помѣстить въ началѣ своей сибирской исторіи, то его товарищи ничего не отвѣчали на то. Основываясь на пословицѣ qui tacet consentire videtur, онъ имъ сказалъ: „и такъ, милостивые государи, я отошлю предисловіе къ его сіятельству, чтобы получить отъ него разрѣшеніе". Я не знаю, дѣйствовалъ-ли онъ добросовѣстно съ товарищами, но увѣренъ, что если онъ исполнитъ это, то поступитъ въ противность приказаній, данныхъ его сіятельствомъ Академіи при отъѣздѣ его отсюда. По какой причинѣ онъ это дѣлаетъ, если не въ насмѣшку надъ нами, или же изъ опасенія какихъ нибудь замѣчаній, несогласныхъ съ его намѣреніями, и изъ гордости не представить, какъ обязанъ, предисловія въ петербургскую канцелярію? Прошу васъ, милостивый государь, не спѣшить этимъ дѣломъ, но сообщить мнѣ предисловіе или чрезъ канцелярію, или же подъ рукою. Какъ бы это ни сдѣлали вы, я представлю мое мнѣніе безъ утайки и какъ слѣдуетъ честному человѣку"... Эти внушенія Шумахера имѣли полный успѣхъ, и предисловіе Мюллера было послано изъ Москвы къ Шумахеру, который отозвался, что все предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной его (Мюллера) славы, нежели къ чести

---

[1]) II, книга № 803.

президента и Академіи"[1]), а потому Тепловъ измѣнилъ всю эту статью академика[2]).

27 марта 1749 г. Шумахеръ въ письмѣ къ Теплову выставляетъ Мюллера и Гмелина плутами и совѣтуетъ вызвать въ Академію для занятія должности конференцъ-секретаря свойственника своего Крафта, который тогда уже былъ въ Тюбингенѣ: „пусть еще будетъ сдѣлана попытка, чтобы уговорить г. профессора Крафта. Онъ свѣдущъ и въ литературѣ, и въ математикѣ — качества, необходимыя для секретаря Академіи. Но онъ твердъ въ своей рѣшимости: если его не прельстятъ 1.500 руб., то повѣрьте, милостивый государь, что какая бы большая сумма ни была ему предложена, она не поколеблетъ его"...

30 марта 1749 г.: „Все, что вы почтили сообщить мнѣ касательно торжественнаго собранія, которое должно быть 5 сентября, будетъ исполнено въ точности. Я не счелъ нужнымъ говорить о томъ г. Ломоносову, у него голова еще полна разнородныхъ паровъ, которые его сильно безпокоятъ, ни г. Мюллеру, чтобы не возбудить зависти въ г. Ломоносовѣ"...

10 апрѣля 1749 г. Шумахеръ отдаетъ отчетъ Теплову о его племянникѣ Васильѣ Тепловѣ, говоря, что онъ его помѣстилъ къ адъюнкту Модераху, но не къ академику Фишеру: „послѣдній великій латинистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великій педантъ, циникъ и, кромѣ того, лѣнтяй"[3]).

17 апрѣля 1749 г.: „Письмо г. Крузе забавно. Теперь, когда онъ разсорился скандалезнымъ образомъ съ г. Мюллеромъ, то спрашиваетъ васъ, найдете ли вы кстати примиреніе его со мною? Прекрасный вопросъ! какъ будто бы его дружба приноситъ мнѣ честь. Я не хочу имѣть дѣла ни съ нимъ, ни съ его

[1]) II, книга № 819.

[2]) I, 2-й портфель Мюллера, Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1743 по 1751 годъ.

[3]) Въ книгѣ архива академической канцеляріи подъ № 459, Шумахеръ преподалъ, 5 іюля 1749 г., такія правила Модераху на счетъ В. Теплова: «смотрѣть, чтобъ онъ поутру въ настоящую пору вставалъ, ввечеру въ настоящее жъ время спать ложился, и особливо стараться о томъ, чтобъ онъ, Тепловъ, съ неизвѣстными или подозрительными людьми необходился, но жилъ бы тихо, уединенно, честно, добронравно и добродѣтельно...»

товарищами, которые не имѣютъ чести заслуживать моего одобренія"...

Въ письмѣ 22 іюня 1742 г. жалобы на Протасова, который впослѣдствіи былъ академикомъ: по отзыву Шумахера, онъ былъ и лѣнивъ, и развратникъ, и боленъ венерическою болѣзнію, однако изъ него можетъ выйти если не профессоръ, то годный переводчикъ. Все письмо 3 іюля 1749 г. наполнено жестокими выходками противъ Мюллера: „гордость и самонадѣянность до того ослабили его разсудокъ, что онъ почти отупѣлъ"... Вокругъ его паразиты, которые у него ѣдятъ, пьютъ, курятъ табакъ и льстятъ, отчего у Мюллера будто бы вскружилась голова.

10 іюля не пощаженъ и Эйлеръ за то, что осмѣлился напомнить о должныхъ ему академическою канцеляріею деньгахъ: „прошу васъ прислать скорое рѣшеніе на нынѣшнее представленіе, такъ-какъ г. Эйлеру слѣдуетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее его расположенію: point d'argent, point de suisse[1])! А какъ деньги теперь рѣдки въ Академіи, то пусть его наградятъ книгами"...

Какъ на образчикъ нравовъ той эпохи можно указать на распоряженіе Шумахера 21 іюля 1749 г.: академическіе копіисты Нефедьевъ и Братковскій два дня не являлись къ занятіямъ въ академическую канцелярію. По генеральному регламенту ихъ бы слѣдовало наказать вычетомъ изъ жалованья, но такъ-какъ они были люди бѣдные, то совѣтникъ приказалъ „при собраніи прочихъ приказныхъ служителей учинить наказаніе — батоги"[2]).

Въ письмѣ 31 іюля 1749 г. Шумахеръ спрашивалъ, зачѣмъ президентъ продолжилъ вакаціонное время до 5 сентября, такъ-какъ академики нисколько не обременены засѣданіями. Шумахеръ догадывался, что такое распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе просьбы ихъ прямо къ президенту, а потому доказывалъ Теплову, что академикамъ слѣдуетъ сдѣлать выговоръ

---

[1]) Извѣстно что Эйлеръ былъ родомъ швейцарецъ.

[2]) II, книга № 459.

за то, что они въ этомъ случаѣ прямо обратились въ Москву, миновавъ петербургскую канцелярію, т. е. его: „если вы, милостивый государь, прибавлялъ онъ, допустите ихъ поступать такимъ образомъ, то дѣла Академіи непремѣнно впадутъ въ прежнюю безурядицу, въ которой находились до вступленія его сіятельства въ президенты Академіи"... И это требованіе Шумахера было уважено, такъ-что онъ, 31 августа 1749 года, имѣлъ удовольствіе постановить, что хотя президентъ разрѣшилъ академикамъ вакаціонное время до 5 сентября, но такъ-какъ они уже пользовались роздыхомъ отъ 12 іюля до 12 августа, то гр. Разумовскій отмѣнилъ свое прежнее разрѣшеніе: „а по какому указу и по которому регламента академическаго пункту они сами собою безъ воли главнаго ихъ командира опредѣляютъ себѣ гуляющіе дни, такъ-какъ то уже неоднократно учинили, требовать о томъ... немедленно за ихъ руками отвѣта"...[1]).

Съ августа мѣсяца въ письмахъ Шумахера значительное мѣсто отведено разсужденіямъ о приготовленной Мюллеромъ къ торжественному собранію рѣчи о происхожденіи русскаго народа. Шумахеръ обращаетъ вниманіе Теплова, что авторъ избралъ для своего разсужденія предметъ скользкой и что рѣчь надо отдать на предварительный просмотръ академиковъ, безъ упоминанія притомъ объ академическихъ совѣтникахъ. При разсмотрѣніи рѣчи въ академическомъ собраніи, у Мюллера съ товарищами вышли разногласія, по этому торжественное собраніе было отложено по приказанію гр. Разумовскаго, а рѣчь Мюллера велѣно было снова разсматривать академикамъ[2]). По этому случаю Шумахеръ съ замѣтнымъ удовольствіемъ сообщалъ Теплову, 19 октября 1749 г.: „гг. профессора и адъюнкты теперь трудятся надъ диссертаціею г. Мюллера и въ понедѣльникъ начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ-какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, милостивый государь, то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертаціи г. Мюл-

---

[1]) II, книга № 459.

[2]) Записки Академіи наукъ, VIII, № 7, стр. 46, 51.

лера. Помню, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ Комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо́льшимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отыскать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе, тогда-какъ г. Мюллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи. Я бы изложилъ такимъ образомъ: происхожденіе народовъ весьма неизвѣстно. Каждый производитъ ихъ то отъ боговъ, то отъ героевъ. Такъ-какъ я буду говорить о происхожденіи русскаго народа, то изложу вамъ, милостивые государи, различныя мнѣнія писателей по этому предмету и потомъ выскажу мое собственное мнѣніе, поддерживая его доказательствами, довольно — покрайней мѣрѣ по моему разсужденію — убѣдительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидѣтельствахъ, сохраненныхъ шведскими писателями, представляю себѣ, что русская нація ведетъ свое начало отъ скандинавскихъ народовъ. Но, откуда бы ни производили русскій народъ, онъ былъ всегда народомъ храбрымъ, отличавшимся геройскими подвигами, которымъ слѣдуетъ сохраниться въ потомствѣ. По краткости времени, мы коснемся только замѣчательнѣйшихъ, отложивъ прочіе до другаго случая. Здѣсь бы онъ могъ говорить о подвигахъ князей, великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ. Но онъ хотѣлъ умничать! Habeat sibi — дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!“

30 октября 1749 г.: „профессоръ Мюллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею De origine gentis russicae, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать. Мнѣ сказывали, что когда Поповъ говорилъ Мюллеру: tu, clarissime autor, nostram gentem infamia afficias, то тотъ почти лишился чувствъ. Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на

страницахъ 18 и 19 диссертаціи Рихмана: Et nos feliciter incidimus etc. приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматья г. Мюллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ".

Въ 1750 году Шумахеръ, выдавая дочь свою за Тауберта, просилъ академическую канцелярію о дачѣ впередъ за годъ жалованья: „понеже пришелъ я, говорилъ онъ, въ такія печальныя обстоятельства, что не имѣю чѣмъ выдать дочери своей Елеоноры, которая сговорена за г. ассессора и унтеръ-библіотекаря Тауберта"... Гр. Разумовскій разрѣшилъ это ходатайство, при чемъ поручителемъ въ уплатѣ денегъ на случай смерти Шумахера былъ Таубертъ [1]).

11 сентября 1750 года Шумахеръ подалъ въ канцелярію Академіи наукъ предложеніе, въ которомъ, указывая на нѣкоторыя несообразности академическаго регламента и говоря о исправленіи академическихъ зданій, объ устройствѣ на новомъ мѣстѣ ботаническаго сада, въ концѣ прибавляетъ: „Въ 50-мъ академическаго регламента пунктѣ канцеляріи накрѣпко повелѣвается смотрѣть, чтобъ всѣ академики, профессора и адъюнкты должность свою надлежащимъ образомъ исправляли. А изъ нихъ, вмѣсто исполненія сего повелѣнія, нѣкоторые такъ неучтивы, что они нетокмо повелѣннаго имъ не исполняютъ, но еще и непотребныя слова говорятъ противъ того, который именемъ или по указу ея императорскаго величества указы подписываетъ. Сей непорядокъ, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ того, что на таковыхъ преслушниковъ не положено никакого штрафа, чего ради, по моему мнѣнію, надлежитъ во всѣхъ департаментахъ, не обходя никого, объявить: 1) чтобъ всякой свою должность наблюдалъ исправно; 2) чтобъ каждый о полученіи присланныхъ изъ канцеляріи къ нему указовъ и ордеровъ подавалъ въ канцелярію репорты, а ежели кто сіе преступитъ, то оному за первый разъ въ канцеляріи учинить выговоръ, за другой штрафовать вычетомъ за мѣсяцъ жалованья, а за третій лишить его всего жалованья; 3) чтобъ никто не дерзалъ при-

---

[1]) II, книга № 145.

сутствующихъ по указу ея императорскаго величества въ канцеляріи персонъ ни явно, ни заочно поносными и безчестными ругать словами. А ежели кто въ семъ явится виновенъ и подлинно изобличенъ будетъ, тотъ штрафованъ быть имѣетъ по указамъ"...[1]).

Предложеніе это оставлено было безъ вниманія.

Теща Шумахера въ 1752—54 годахъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и онъ сильно хлопоталъ въ это время, чтобы аренда, которая была пожалована еще мужу ея, осталась въ его семействѣ и въ случаѣ кончины вдовы Фельтенъ. Въ мартѣ 1753 г., Шумахеръ получилъ отъ гр. Разумовскаго разрѣшеніе для своего зятя Тауберта пріѣхать въ Москву для подачи императрицѣ просьбы о семейномъ дѣлѣ, а къ графу Воронцову (9 апрѣля 1753 г.) сообщалъ, что Таубертъ ѣдетъ въ Москву по приказанію президента для академическихъ дѣлъ. „Моя теща, присовокуплялъ Шумахеръ, такъ плоха, что мы каждую минуту ожидаемъ ея смерти. Г. Таубертъ... намѣренъ... представить ея величеству просьбу въ пользу мою и моего семейства..."[2]). Затѣмъ слѣдуетъ ходатайство о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ.

Для успѣха своего домогательства, Шумахеръ придумалъ представить императрицѣ чрезъ Тауберта выгравированный при Академіи наукъ планъ Петербурга. Исполненіе этой работы Шумахеръ приписывалъ себѣ съ Таубертомъ, причемъ, чтобы понравиться императрицѣ, не забыто было упоминаніе, что планъ работанъ исключительно одними русскими учениками[3]). Не смотря на эту уловку, дѣло объ арендѣ не подвигалось. „То, что вы сообщили мнѣ, писалъ Шумахеръ къ Тауберту 22 апрѣля 1753 года, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, я уже давно

---

[1]) I, связка № 70.

[2]) I, Исходящія письма 1752 — 1753 г. Фельтенъ-вдова умерла 7 августа 1753 г. II, книга № 214.

[3]) 8 іюня 1753 г., Шумахеръ писалъ къ своему пріятелю Ивану Штелину въ Базель, при посылкѣ плана: «г. гетманъ вызвалъ г. Тауберта въ Москву, чтобы имѣть честь представить планъ ея величеству отъ имени Акедеміи наукъ. Трудъ этотъ очень понравился ея величеству, и я думаю по тому, что его исполнили русскіе академическіе ученики, за что они и удостоились милостиваго благоволенія. Г. Таубертъ и я приняли это также на свой счетъ — вы знаете, что лестное слово, исходящее отъ трона, стоитъ сокровища...» I, Исходящія письма 1752 — 1753 годовъ.

предчувствовалъ и почти убѣжденъ, что планъ очень мало поможетъ для нашей цѣли, такъ-какъ каждый заботится только о себѣ. И такъ я вамъ совѣтую, немедля, возвратиться сюда и выжидать болѣе удобнаго времени. Купите въ Москвѣ хорошую дорожную коляску. Академія всегда имѣетъ въ таковой нужду (?!) и уплатитъ вамъ за то деньги...“[1]).

Въ то самое время, когда Таубертъ вотще хлопоталъ въ Москвѣ о ливонской арендѣ, Ломоносовъ также отправился туда и также по частному дѣлу, именно съ просьбою о пособіи ему отъ казны для устройства мозаичнаго завода, и между прочимъ жаловался тамъ на Шумахера, который не хотѣлъ его отпустить изъ Петербурга[2]).

По случаю пребыванія Ломоносова въ Москвѣ, о немъ не разъ заходила рѣчь у Шумахера въ письмахъ къ Тауберту.

„Я, писалъ Шумахеръ 11 марта 1753 г., совершенно равнодушенъ, у кого г. Ломоносовъ въ милости и какія пріобрѣтаетъ онъ противъ другихъ выгоды; также не могу проникнуть ни къ кому въ сердце и стало быть не могу знать, какъ одинъ расположенъ къ другому. Равнымъ образомъ не таковъ я отъ природы, чтобы сталъ завидовать полученнымъ имъ выгодамъ. Не все то золото, что блеститъ. Многіе такого мнѣнія, что чрезвычайныя преимущества, которыхъ онъ достигъ, умножая его счастье, послужатъ также и къ погибели его. Правда, что боязливый и скромный нейдетъ далеко, но за то онъ идетъ тверже. Напротивъ отважный и гордый быстрѣе стремится къ цѣли, однако часто, при смѣлыхъ скачкахъ, падаетъ въ пропастъ, гдѣ погибаетъ. Я въ этомъ случаѣ ссылаюсь на Соломона[3]), который мудро говоритъ: въ бѣгѣ не помогаетъ быстрота, въ борьбѣ—сила; для пропитанія недостаточно быть способнымъ, а для богатства—благоразумнымъ. Быть пріятнымъ не помогаетъ успѣху въ дѣлахъ, но все это зависитъ отъ времени и счастья“.

„Если извѣстное дѣло (т. е. объ арендѣ), какъ видно, не

---

[1]) I, Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 066.

[3]) Экклез. 9, 11.

подвинется, а между тѣмъ у меня плохая надежда на представленіе министерства, не смотря на всѣ обѣщанія и чрезвычайное уваженіе, то я бы совѣтовалъ вамъ предпринять, послѣ 25 апрѣля, возвратный путь...“.

15 марта 1753 года: „г. совѣтникъ Ломоносовъ весьма несправедливъ, когда на меня жалуется: не я съ нимъ, а онъ со мною поступилъ невѣжливо. Если онъ подъ невѣжливымъ обхожденіемъ разумѣетъ то, что не все дѣлается по его волѣ, въ нарушеніе права и справедливости, въ такомъ случаѣ я долженъ согласиться, что поступилъ съ нимъ невѣжливо. Его лабораторъ подалъ въ канцелярію доношеніе съ просьбою объ отпускѣ его въ Москву, по своимъ дѣламъ, на 29 дней. Канцелярія разрѣшила его отпустить. День спустя, является въ канцелярію г. совѣтникъ Ломоносовъ и передаетъ мнѣ на словахъ, чтобъ я выдалъ лаборатору прогоны на двѣ лошади, такъ-какъ онъ посылаетъ его въ Москву по своимъ мозаическимъ работамъ. Я возразилъ ему, что этого не можетъ быть сдѣлано, потому что лабораторъ въ своемъ доношеніи объяснилъ, что отправляется въ Москву по собственнымъ домашнимъ дѣламъ. „Это должно сдѣлать, отвѣчалъ г. совѣтникъ Ломоносовъ, и вы узнаете, какъ это будетъ сдѣлано!“ А я говорилъ, что этого не будетъ. „Не очень гордитесь (nicht so hoch), сказалъ Ломоносовъ, я самъ такой же полковникъ, какъ и вы!“ Я возразилъ, что я не полковникъ, а совѣтникъ канцеляріи, гдѣ онъ ничѣмъ не можетъ повелѣвать. Затѣмъ онъ внѣ себя вышелъ вонъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не говорилъ, а лабораторъ поѣхалъ на свой счетъ. Г. Ломоносовъ можетъ дѣйствовать противъ меня, какъ онъ хочетъ, но я всегда скажу, что у него былъ бы хорошій умъ (gutes Genie) и что онъ высоко стоялъ бы по своей наукѣ (dasz er es in denen Wissenschaften würde hoch gebracht haben), когда бы притомъ оставался вѣжливымъ. Надменность, скупость и пьянство такіе пороки, которые многихъ довели до несчастія[1])“.

---

[1]) I, Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

Въ слѣдующемъ 1754 году, мая 13, Шумахеръ получилъ чинъ статскаго совѣтника[1]).

Подъ конецъ служебной дѣятельности Теплова по академической канцеляріи, у него вышелъ изъ за чего-то разладъ съ Шумахеромъ, что́ видно изъ письма послѣдняго къ Сергѣю Волчкову отъ 2 января 1755 г.: „я имѣю счастіе не быть въ милости у г. совѣтника Теплова, поэтому при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не нахожу удобнымъ говорить ему что нибудь касательно переноски глобуса, потому что не безъ основанія опасаюсь, что это скорѣе послужило бы ко вреду, чѣмъ къ пользѣ. Всего лучше и легче, когда вы сами объ этомъ скажите"…. Въ этомъ же году Мюллеръ писалъ къ Гейнзію, что Шумахеръ уже становится слабъ и два мѣсяца какъ не ходитъ въ канцелярію[2]). 13 февраля 1757 г. гр. Разумовскій назначилъ Ломоносова и Тауберта присутствовать въ академической канцеляріи; „дабы въ отсутствіи моемъ въ случаѣ иногда болѣзни г. статскаго совѣтника Шумахера или иного приключенія, которому онъ, по дряхлости и старости лѣтъ своихъ, подверженъ быть можетъ, канцелярія академическая праздна не осталась." Первое время присутствованія въ академической канцеляріи Ломоносова, кажется, нагнало панику и на дряхлаго Шумахера, и на зятя его Тауберта, который на первыхъ порахъ видимо не совсѣмъ еще освоился съ новымъ сочленомъ. „Тѣ, которые бываютъ въ канцеляріи, писалъ Мюллеръ къ гр. Разумовскому 13 марта 1757 г., говорятъ мнѣ, что г. Шумахеръ не произноситъ ни одного слова, а г. Таубертъ выказывается несмѣющимъ противорѣчить тому, что предлагаетъ г. Ломоносовъ. Писцы въ полномъ распоряженіи послѣдняго"….

Въ 1758 г. Мюллеръ сообщалъ Краценштейну, что „Шумахеръ такъ старъ и слабъ, что вовсе не ходитъ въ Академію".

15 сентября 1759 г. изъ императорскаго кабинета было объявлено сенату высочайшее повелѣніе, въ силу котораго Шумахеру пожалована „за его долговременныя ея императорскому

---

[1]) II. книга № 206, справка для сената 1756 года.

[1]) I, 1-ый портфель писемъ Мюллера 1754 — 1756 годовъ.

величеству и предкамъ ея величества службы, въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ мыза Укипихтъ и къ ней девять съ одною восьмою долею гака съ принадлежащими къ тому угодьями въ вѣчное и потомственное его владѣніе ему, Шумахеру, женѣ, дѣтямъ и наслѣдникамъ его [1]).

3 іюля 1761 года Анна Доротея Шумахеръ писала въ академическую канцелярію: „мужъ мой статскій совѣтникъ и Академіи наукъ членъ Даніилъ Шумахеръ сего іюля 2 дня волею Божею умре, а для пристойнаго по чину погребенія тѣла его имѣю въ деньгахъ крайнюю надобность", почему и просила о выдачѣ заслуженнаго имъ жалованья [2]). Мюллеръ, увѣдомляя о томъ же Гебенштрейта, прибавилъ, что Шумахеръ долгое время велъ только vitam vegetativam.

Въ іюлѣ 1762 года женѣ Шумахера выданъ окладъ жалованья его, какъ сказано въ опредѣленіи, „за долговременную и усердную мужа ея службу, которую оказалъ онъ во первыхъ при... Петрѣ Великомъ въ учрежденіи государственной библіотеки и кунсткамеры, а потомъ въ правленіи дѣлъ при Академіи наукъ съ самаго ея начала и заведеніемъ при оной Академіи разныхъ художествъ, которые съ толь бодрымъ успѣхомъ и знатною казенною прибылью почти всѣ природными русскими производятся"... Изъ дѣтей Шумахера, достигшихъ совершеннолѣтія, были двѣ дочери: одна Анна-Елизавета вышла замужъ за академика Аммана и умерла вскорѣ послѣ свадьбы, а вторая Елеонора была въ первомъ бракѣ за Таубертомъ, а во второмъ за Ступишинымъ [3]).

---

[1]) О пожалованіи въ Государственномъ архивѣ.

[2]) II, книга № 263. У Мюллера день смерти означенъ 3 іюля.

[3]) При Академіи служилъ братъ Шумахера — Іоганнъ-Яковъ. Въ 1730 году онъ былъ принятъ въ архитекторы по артиллерійскому и инженерному корпусу, такъ-какъ тогда графъ Минихъ въ немъ «усмотрѣлъ надлежащія науки и потребное къ тому искусство.» Въ апрѣлѣ 1740 г. академическая канцелярія опредѣлила выдать этому Шумахеру 400 руб. «понеже... при Академіи наукъ съ нѣсколькихъ лѣтъ въ сочиненіи многихъ и знатныхъ рисунковъ академическимъ палатамъ и внутреннему украшенію оныхъ, также изобрѣтеніемъ заглавныхъ къ разнымъ книгамъ листовъ, виньеттовъ, картушей и другихъ къ грыдоровальной работѣ потребныхъ вещей особливыя услуги показалъ и донынѣ въ томъ ревностно трудится...» Вмѣстѣ съ тѣмъ было тогда же постановлено обучать по прежнему молодыхъ людей архитек-

Подъ ближайшимъ надзоромъ и стараніями Шумахера напечатаны при Академіи наукъ, кромѣ вышепомянутой книги „Палаты Академіи", слѣдующее, достопримѣчательное въ разныхъ отношеніяхъ изданіе:

Musei imperialis petropolitani vol. I pars prima, qua continentur res naturales ex regno animali. Typis Academiae scientiarum petropolitanae. CIƆIƆCCXLII, (въ малую 8°), 755 стр.

Musei imperialis petropolitani vol. I pars secunda, qua continentur res naturales ex regno vegetabili. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. CIƆIƆCCXLV, въ 8° 636 нум. и 16 ненум. страницъ.

Musei imperialis petropolitani vol. I pars tertia qua continentur res naturales ex regno minerali. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. CIƆIƆCCXLV, въ 8°, 227 стр.

Musei imperialis petropolitani vol. II, pars prima qua continentur res artificiales. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. CIƆCCXLI. (Здѣсь описаны машины, инструменты и пр.) Въ 8°, 212 страницъ.

Musei imperialis petropolitani vol II pars secunda qua continentur nummi antiqui. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae CIƆIƆCCXLV. Здѣсь нумерація есть продолженіе предыдущей: 213—796 страницъ.

турѣ съ назначеніемъ за то І. Я. Шумахеру 200 р. въ годъ. По указанію Мюллера (Zur Geschichte der Acad. der Wissensch. zu St.-Petersburg, 299) первою его работою въ украшеніи книгъ были виньетты, вырѣзанныя на мѣди при русскомъ и французскомъ изданіяхъ «Сокращеніе математическое ко употребленію его величества императора», 1728. Такъ-какъ по штату 1747 г. назначенъ былъ при Академіи архитекторъ, то І. Я. Шумахера и назначили въ эту должность съ 600 р. жалованья въ годъ; но въ 1755 г. гр. Разумовскій его уволилъ «за неприлежное отправленіе должности.» Въ 1758 г. Шумахера, однако, снова приняли вслѣдствіе доклада, въ которомъ Таубертъ витіевато объяснялъ, что для Академіи архитекторомъ необходимъ такой теоретикъ и знатокъ въ художествахъ, каковъ этотъ Шумахеръ. Въ инструкціи, данной ему при этомъ второмъ назначеніи, значилось, чтобы «при Академіи особливо примѣчать, порядоченъ ли онъ въ своихъ поступкахъ,» въ противномъ случаѣ его тотчасъ же уволить. Въ 1767 г. Шумахера за слабостію и старостію оставили при Академіи на половинномъ жалованьѣ; хотя же его и слѣдовало бы уволить, однако этого не сдѣлали во уваженіе его «довольной службы при Академіи.»

Musei imperialis petropolitani, vol. II pars tertia, qua continentur nummi recentiores. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. CIƆIƆCCXLV, 477 страницъ.

Чтó это изданіе было сдѣлано по личному распоряженію Шумахера и подъ его надзоромъ, то доказывается тѣмъ, что начатое въ 1741 г., оно тотчасъ прекратилось, когда совѣтникъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, и докончено въ слѣдующемъ году послѣ возвращенія его въ Академію.

Кромѣ того, при Шумахерѣ, между 1742 — 1747 годами, напечатанъ при Академіи первый подробный каталогъ книгъ, хранившихся въ ея библіотекѣ. Онъ заключется въ четырехъ частяхъ, подробно описанныхъ г. Соболевскимъ въ Литературѣ русской библіографіи г. Геннади (Спб., 1858), 178—182.

ГЕРМАНЪ, ІАКОВЪ, академикъ по каѳедрѣ высшей математики.

Извѣстія о Германѣ его современника, академика Мюллера въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg, 33, 34, 80—82. Elogium Jacobi Hermanni philosophi et mathematici excellentis въ Acta eruditorum 1735, стр. 380—384. Здѣсь указаны его статьи и сочиненія; но не всѣ изъ тѣхъ, кои помѣщены въ Commentarii Academiae Petropolitanae. Nouveau Dictionnaire historique et critique pour servir de supplément ou de continuation du dictionnaire de Bayle, par J. G. de Chaufepié, II, 100—101. Здѣсь изъ сочиненій Германа подробнѣе описана Phoronomia, чтò заимствовано изъ Bibliothèque ancienne et moderne par le Clerc, IV, 189. Въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, 2 Sect., VI Theil, 264—265, помѣщены подробности, заимствованныя изъ тѣхъ же источниковъ. Въ рукописи есть записка г. академика Буняковскаго подъ заглавіемъ: «Ученыя заслуги Якова Германа».

Германъ родился 16 іюля 1678 года, въ Базелѣ; сначала изучалъ богословіе и, имѣя уже степень магистра, въ 1701 г. дѣйствительно было вступилъ въ духовное званіе, но оставилъ его, увлекшись особенною склонностью къ математикѣ, которою и началъ заниматься подъ руководствомъ знаменитаго Якова Бернулли. Первымъ его сочиненіемъ было опроверженіе нападеній Ньёвентеита, голландскаго математика, на дифференціальное исчисленіе Лейбница: Responsio ad cl. Nieuwen-

teyt considerationes secundes circa calculi differentialis principia, Basileae, 1700[1]). Это сочиненіе доставило Герману расположеніе Лейбница, по предложенію котораго онъ сдѣланъ былъ въ 1701 году членомъ только-что основанной тогда берлинской Академіи наукъ. Въ 1702 году имъ изданъ Methodus inviniendi radios osculi in curvis ex focix descriptis — Acta eruditorum, Lipsiae, 1702, а вслѣдъ затѣмъ Demonstratio germinae formulae a Joh. Bernoulli pro multi sectione anguli, vel arcus circularis sine demonstratione exhibitae (Acta eruditorum, Lipsiae, 1703) Это послѣднее обратило на себя особенное вниманіе математиковъ своего времени.

По рекомендаціи Лейбница, Германъ былъ приглашенъ въ 1707 году Венеціанскою республикою на каѳедру математики въ падуанской университетъ, гдѣ пользовался большимъ уваженіемъ. Сочленъ его, метеорологъ Фарделло говорилъ о немъ, что у него il cervello impestato di Geometria. Мураторн помѣстилъ Германа въ числѣ своихъ Arconti della republica litteraria d'Italia, а болонская Академія приняла его въ свои сочлены. Хотя онъ, какъ протестантъ, возбуждалъ неудовольствіе итальянскихъ католиковъ, однако его весьма жалѣли, когда въ 1713 году, онъ, по рекомендаціи опять Лейбница, принялъ предложенную ему каѳедру во Франкфуртѣ на Одерѣ. Здѣсь окончено Германомъ главнѣйшее изъ его сочиненій о силахъ и движеніи тѣлъ: „Phoronomia, seu de viribus et motibus corporum solidorum et fluidorum, in 4°, Amstelod.[2]). Въ свое время сочиненіе это пользовалось большою извѣстностью, хотя тогда же въ немъ замѣтили нѣкоторыя неправильности.

Въ началѣ 1723 года, когда Блюментростъ просилъ извѣстнаго германскаго философа Вольфа содѣйствовать къ приглашенію ученыхъ въ основывавшуюся въ Петербургѣ Академію наукъ, то послѣдній, въ отвѣтѣ своемъ, указалъ Германа, какъ хорошаго геометра во Франкфуртѣ на Одерѣ[3]). По этому Блюментростъ обратился къ послѣднему, предлагая ему отъ имени

---

[1]) Разборъ этого сочиненія въ Acta eruditorum, Lipsiae, 1701, стр. 28.

[2]) См. Acta eruditorum 1716, Januar страница 1.

[3]) Briefe von Christian Wolff (S.-Petersburg, 1860), стр. 14.

Петра Великаго вступить въ русскую службу. Германъ сначала отклонилъ это предложеніе, а потомъ вступилъ въ переписку касательно условій, на которыхъ могъ бы пріѣхать въ Петербургъ. 1 декабря 1724 года онъ уже писалъ къ русскому посланнику въ Берлинѣ, графу Головкину, что готовъ вступить въ петербургскую Академію, если только ему дадутъ содержаніе, равное тому, которое было предложено Вольфу, такъ-какъ послѣдній моложе его лѣтами. „Многіе, прибавляетъ Германъ, стараются отклонить меня отъ принятаго мною рѣшенія (отправиться въ Петербургъ); но я мало обращаю на это вниманія, такъ-какъ его императорское величество превосходно, съ истинно императорскою щедростью учреждаетъ общество для возвышенія и бо́льшаго преуспѣянія искусствъ и наукъ въ своемъ государствѣ, почему для меня невообразимо, чтобы при такомъ могущественномъ и благодѣтельномъ монархѣ могло случится что-нибудь худое съ благонамѣреннымъ академикомъ, который, по возможности, будетъ стараться выполнять свои обязанности“[1]).

8 января 1725 года подписалъ Германъ контрактъ о вступленіи на службу въ Россію[2]). Это былъ первый ученый, при-

[1]) Рукописный сборникъ матеріаловъ г. Свенске, № 155, a.

[2]) Вотъ этотъ контрактъ, сохранившійся въ современномъ русскомъ переводѣ въ архивѣ академической конференціи, въ портфелѣ Мюллера № 11, Біографіи академиковъ, л. 128: «какъ его россійское императорское величество, яко милостивѣйшій отецъ отечества, въ пользу своего государства и подданныхъ высокое намѣреніе воспріялъ въ своемъ императорскомъ столичномъ городѣ Петербургѣ Академію свободныхъ наукъ и знаній завести, и того ради своему совѣтнику и при королевскомъ прусскомъ дворѣ полномощному министру, господину графу Александру Головкину такую инструкцію далъ, чтобъ онъ съ искусными людьми, которые въ помянутую Академію вступить хотятъ, о томъ договоръ учинилъ; то между помянутымъ господиномъ гр. Головкинымъ и господиномъ профессоромъ Германомъ слѣдующій договоръ заключенъ, а именно: вступаетъ помянутый господинъ профессоръ Германъ при императорской Академіи наукъ въ члены высшей математики на пять лѣтъ, и обѣщаетъ въ оное время о приращеніи Академіи генерально стараніе имѣть, особливо же части высшей мететатики въ совершенство приводить, о томъ систему написать и ежедневно по оной, выключая праздники, въ пользу учащагося юношества по одному часу читать, и въ своей наукѣ одного или двухъ студентовъ въ совершенство привесть. Напротивъ того, обѣщаетъ именемъ его императорскаго величества, помянутый господинъ графъ Головкинъ ему, г. профессору Герману,

нявшій на себя обязанности члена Академіи наукъ въ Петербургѣ, а потому его называли тамъ proffessor primarius et Matheseos sublimioris[1]). Того же 8 января онъ писалъ къ Блюментросту о контрактѣ: „еслибы можно было получить его императорскаго величества утвержденіе собственноручною подписью, то это было бы гораздо лучше; но, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ промедленій, можно отложить ходатайство о томъ до моего прибытія въ Петербургъ[2])".

8 же января Германъ писалъ къ Шумахеру: „Вотъ, наконецъ, я совершенно вашъ, такъ-какъ только что отослалъ графу Головкину подписанное мною обязательство. Вы были столь добры, что принимали участіе во мнѣ, а потому справедливость требуетъ принести вамъ за то мое нижайшее благодареніе, что я симъ и исполняю, увѣряя васъ, что всегда буду стараться имѣть честь поддерживать вашу дружбу, если вы сочтете меня отнынѣ достойнымъ ея, и всегда изыскивать случай представить убѣдительныя тому доказательства[3])".

чрезъ два первые года на каждый по тысячѣ по пяти сотъ рублевъ, а чрезъ три послѣдніе и прочіе годы по двѣ тысячи рублевъ на каждый годоваго жалованья; такожде свободную квартиру, дрова и свѣчи, которыя ему изъ академической суммы по четвертямъ или по третямъ года сполна выдаваны быть имѣютъ. И сначала его прибытія въ Санктпетербургъ сія дача произведена будетъ. Сверхъ сего, дадутся ему 300 рублевъ на проѣздъ. Еще жъ обѣщаетъ его императорское величество его ни за болѣзнію, ни за старостію не оставить, но во время его договора полное его жалованье выдавать. Ежели онъ, по прошествіи пяти лѣтъ, больше быть не пожелаетъ, то долженъ о своемъ отпускѣ за годъ напередъ письменно просить, въ которомъ случаѣ оный ему безъ всякой остановки данъ будетъ. Во увѣреніе сочинены сего договора два экземпляра и отъ обоихъ сторонъ подписаны и печатями запечатаны. Учинено въ Франкфуртѣ при Одерѣ, января 8 дня, 1725 года. Якобъ Германъ, математики и философіи натуральной профессоръ публичный и ординарный.

[1]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 34.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 158. Отсюда видно, что Мюллеръ ошибся въ сейчасъ названной, рукописной исторіи Академіи (стр. 33), говоря, что Германа контрактъ былъ подписанъ самимъ императоромъ, такъ-какъ, вскорѣ послѣ подписанія Германомъ обязательства, Петра Великаго уже не было на свѣтѣ; но въ Исходящихъ письмахъ 1713 — 1725 годовъ сохраняется патентъ на латинскомъ языкѣ, данный Герману 4 мая 1725 года, съ подписью Екатерины I и скрѣпою графа А. Головкина.

[3]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 159.

Послѣ кончины Петра Великаго, скоро стало извѣстно, что Академія наукъ въ Петербургѣ будетъ открыта совершенно согласно видамъ и желаніямъ ея основателя, а потому Германъ отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ Бильфингеромъ. 14 августа 1725 года, Блюментростъ писалъ Вольфу: „столь давно и тоскливо ожидаемые господа профессора Германъ и Бильфингеръ прибыли сюда благополучно“...[1]).

$^{15}/_{26}$ августа 1725 г., пріѣхавшіе въ Петербургъ академики представлялись императрицѣ въ лѣтнемъ дворцѣ, и Германъ произнесъ при этомъ случаѣ привѣтствіе Екатеринѣ I на французскомъ языкѣ[2]). По свидѣтельству Мюллера, „для Академіи рѣчь Германа произвела хорошее впечатлѣніе, такъ-какъ этотъ, столь уважаемый ученый имѣлъ почтенную и въ то же время пріятную наружность; ему также были извѣстны обычаи большаго свѣта. Его важный и соотвѣтствующій обстоятельствамъ способъ изложенія заслужилъ одобреніе какъ императрицы, такъ и всѣхъ присутствующихъ“. Первое засѣданіе академиковъ происходило 13 ноября 1725 г., и его открылъ Германъ чтеніемъ своей статьи De figura telluris sphaeroide.

Кромѣ ученыхъ сочиненій Германа, помѣщенныхъ въ академическихъ Комментаріяхъ и исчисленныхъ ниже, онъ написалъ также одинъ педагогическій трудъ для императора Петра II, который напечатанъ подъ заглавіемъ: „Abrégé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. T. I, contenant l'Arithmétique, la Géométrie et la Trigonométrie. Потомъ тоже заглавіе: T. III, contenant la Fortification et l'Architecture civile[3]).

---

[1]) Briefe von Christian Wolff (Спб., 1860), 191.

[2]) Оно было напечатано въ Nova literaris и Acta eruditorum 1725 годъ, стр. 732.

[3]) Это сочиненіе переведено на русскій языкъ академическимъ переводчикомъ Иваномъ Горлицкимъ и напечатано подъ заглавіемъ: «Сокращеніе математическое ко употребленію его величества императора всея Россіи (Спб., 1728 и 1730, 8°). О французскомъ подлинникѣ говорится въ Acta eruditorum 1728, стр. 289 и 1731, стр. 29. Въ русскомъ переводѣ не было почему-то переведено посвященіе Германа барону Остерману, по требованію котораго составлялись въ Академіи наукъ разные учебники для императора Петра II.

По отъѣздѣ президента Академіи Блюментроста въ Москву въ 1728 г., начались раздоры между Шумахеромъ и бо́льшею частію академиковъ. Германъ былъ на сторонѣ послѣднихъ, и въ жалобѣ, поданной академиками на имя императора Петра II, они ходатайствовали, чтобы Германъ былъ назначенъ директоромъ Академіи, для огражденія ея отъ произвольныхъ дѣйствій Шумахера [1]). Послѣдній въ письмахъ къ президенту представлялъ, что Германъ враждовалъ противъ него по наущеніямъ Бильфингера, съ которымъ вмѣстѣ жилъ. „Ничто меня такъ не сердитъ, писалъ Шумахеръ къ Блюментросту 29 августа 1728 года, какъ положеніе добраго старика (Германа), котораго этотъ господинъ (Бильфингеръ) такъ сказать проводитъ. Прежде онъ убѣдилъ его, что жить въ сараѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ домѣ; а въ эту минуту принуждаетъ его вѣрить, что 200 флориновъ въ Базелѣ стоятъ столько же, сколько 2.000 руб. въ Россіи“ [2]).

Германъ и Бильфингеръ не посѣщали конференцій съ сентября 1730 г. Въ протоколѣ 22 декабря этого года отмѣчено: Ad finem hujus conventus cl. Hermannus brevi et nervosa oratione latina toti Collegia valedixit; quod idem quoque fecit cl. Bulfingerus. Respondet utrique eleganti allocutione latina extemporali, nomine totius Collegii cl. Beckenstenius. Отъѣздъ обоихъ академиковъ доставилъ не мало удовольствія Шумахеру, который видѣлъ въ нихъ главныхъ враговъ себѣ и притомъ такихъ, за которыми была ученая извѣстность, и которыхъ, стало быть, унижать было не особенно легко. Наканунѣ отъѣзда ихъ 14 января 1731 г. Шумахеръ самодовольно извѣщалъ Блюментроста: „господа Германъ и Бильфингеръ завтра непремѣнно уѣзжаютъ: да будетъ восхваленъ и благословенъ Господь!“ [3]).

Германъ оставилъ Петербургъ 14 января 1731 года съ званіемъ почетнаго академика и съ пенсіономъ въ 200 руб. Черезъ

---

[1]) Записки Академіи наукъ VII, прилож. № 4, 36, 37.

[2]) Рукописный Сборникъ г. Свенске, № 378.

[3]) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, страница 14.

два года по возвращеніи въ Базель онъ скончался, именно 14 іюля 1733 года.

Лейбницъ, какъ было замѣчено выше, оказывалъ постоянное вниманіе къ трудамъ Германа и старался объ устройствѣ его судьбы. Въ письмахъ его къ Іоганну Бернулли очень часто упоминается имя нашего перваго академика, а также высказываются мнѣнія о его трудахъ, см. Virorum celeberr. Got. Guil. Leibnitii et Iohannis Bernoullii commercium philosophicum et mathematicum. Tomus II, Lausannae et Genevae, MDCCXLV.

Мюллеръ оставилъ объ этомъ ученомъ слѣдующія извѣстія: „Германъ, по своему тѣлосложенію, казался старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Его видъ всегда возбуждалъ почтеніе: онъ былъ важенъ, говорилъ мало; когда былъ одинъ, то никогда не покидалъ ученыхъ занятій и охотно предоставлялъ веденіе хозяйства другимъ, почему очень радовался, когда это принялъ на себя Бильфингеръ. Если бы не было послѣдняго, то быть можетъ онъ не вмѣшивался бы, по своему миролюбивому характеру, ни въ какія академическіе споры“. Вотъ, какой отзывъ объ ученой дѣятельности Германа, какъ математика, дѣлаетъ г. академикъ Буняковскій: „труды Германа несомнѣнно свидѣтельствуютъ о плодовитости этого писателя, о разносторонности его знаній и, конечно, также о великомъ его математическомъ дарованіи. Эпоха, въ которую онъ жилъ, эпоха первоначальной разработки новаго анализа, была одною изъ самыхъ блестящихъ для науки: современнику Ньютона, Лейбница, Іоганна Бернулли и уже выступавшаго на поприще, великаго Эйлера, не легко было внести свое имя въ лѣтописи точныхъ знаній. Герману удалось, однакожъ, пріобрѣсти извѣстность между современниками, и имя его можетъ быть поставлено на ряду съ первоклассными математиками начала прошлаго столѣтія, если назначимъ особое мѣсто для первыхъ геометровъ — сейчасъ названныхъ корифеевъ науки“.

Въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ № 425, сохранилось письмо, написанное Эйлеромъ, къ брату Германа, 18 августа 1733 года, гдѣ онъ говоритъ отъ имени президента объ Германѣ, какъ объ математикѣ, пользовавшемся все-

общею извѣстностью и славѣ нашей Академіи; далѣе—что Академія желаетъ пріобрѣсти оставшіяся послѣ него рукописи, въ особенности начатую имъ работу De calculo integrali, и проситъ также о присылкѣ каталога библіотеки покойнаго. Это письмо хотя и написано на-бѣло, однако не было отправлено. Свѣдѣнія объ оставшихся послѣ Германа рукописныхъ сочиненіяхъ можно найти въ письмѣ Мюллера къ Эйлеру, 29 ноября 1754 года, въ 1-мъ портфелѣ писемъ исторіографа къ разнымъ лицамъ. Здѣсь есть списокъ этихъ сочиненій, присланный отъ брата покойнаго академика, Германа Германа (Germann Hermann), и упоминаніе, что у него же до 20 собственноручныхъ писемъ Лейбница, „съ которыхъ списки во время спора Мопертюи съ Кёнигомъ попали въ Берлинъ".

Въ книгѣ, изданной нашею Академіею, подъ заглавіемъ: Sermones in secundo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die I Augusti Anni MDCCXXVI publice recitati (Petropoli, typis Academiae scientiarum, въ 4°, 120 стр.), есть латинская рѣчь Германа: De ortu et progressu Geometriae, на которую кратко отвѣчалъ Гольдбахъ. Въ началѣ текста небольшая гравюра съ подписью B. (sic) Picart del. et sculp. 1728 — изображеніе съ аллегоріями коронованія Петромъ Великимъ Екатерины I. На русскомъ языкѣ были напечатаны въ сокращеніи двѣ статьи Германа въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728): стр. 28—40 „О щетѣ интегралномъ"; 41 — 48 „О кеплеріановомъ предложеніи".

Слѣдующія статьи Германа напечатаны въ изданіи Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae:

T. I, 1—42, De mensura virium corporum. 142—148, Geminus modus directus dividendi semicirculum in data ratione: quibus Keplerianum problema de inveniendis planetarum locis ad datum quodvis tempus, solutum exhibetur. 149—167, De calculo integrali. 210—217, De epicycloidibus in superficie sphaerica descriptis. II, 1—12, De constructione aequationis differentialis primi gradus. 139—173, Theoria generalis motuum qui nascuntur a potentiis quibusvis in corpora indesinenter agentibus, sive haec corpora in vacuo ferantur sive in medio resistenti.

188—199, De constructione aequationum differentialium primi gradus per viam separationis indeterminatarum. III, 1 — 12, Nova ratio deducendi regulam jam passim traditam pro centro oscillationis penduli cujusque compositi. IV, 15—25, De locis solidis ad mentem Cartesii concinne construendis. 37—46, Consideratio curvarum in punctum positione datum projectarum, et de affectionibus earum inde pendentibus. 46 — 49, De ellipsi conica cujus axis alteruter datus est, angulo positione et magnitudine dato ita inscribenda, ut centrum ejus intra datum angulum sit etiam positione datum. 94—97, Problema ex observatis tribus altitudinibus alicujus stellae immutabilem habentis declinationem, et intervallis temporis inter primam et secundam observationem, et inter secundam et tertiam, invenire altitudinem poli et declinationem stellae. VI, 36—67, De superficiebus ad aequationes locales revocatis, variisque earum affectionibus. 189 — 200, De quadratura curvarum algebraicarum, quarum aequationes locales coordinatas sibi invicem permixtas involuunt; 200 — 216, Supplementum ad schedam in mense Augusto Actorum eruditorum 1719 circa problema a Tayloro mathematicis non anglis propositum, editam.

МАРТИНИ, ХРИСТІАНЪ, академикъ сначала по каѳедрѣ физики, а потомъ логики и метафизики.

Біографическія извѣстія о немъ: Grosses universal Lexicon aller Wissenschaften und Künste (изд. Цедлера), 1739, XIX, 1837 — 1839. Если обратить вниманіе, что статья здѣсь наполнена разными благочестивыми сентенціями и множествомъ мелочныхъ подробностей, которыя могли имѣть значеніе только для самого Мартини, то можно думать, что эти извѣстія есть автобіографія его. Извлеченіе изъ нихъ въ Adelung's und Rotermund's Fortsetzung und Ergäntzungen zu Jocher's Gelehrten Lexicon, IV, 843. Свѣдѣнія современника—Мюллера въ рукописи его Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, стр. 30, 215, 216.

Мартини родился въ Бреславлѣ въ 1699 году; во время пребыванія въ Верхней Силезіи выучился польскому языку; слушалъ лекціи философіи, богословія и математики въ іен-

скомъ и лейпцигскомъ университетахъ. Въ Виттенбергѣ онъ съ особенною любовью занялся изученіемъ сочиненій Вольфа и написалъ въ защиту его, подъ псевдонимомъ Арини, небольшое сочиненіе противъ Буддея. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что въ 1724 г. Вольфъ, не зная лично Мартини, писалъ о немъ Блюментросту, что онъ можетъ быть адъюнктомъ въ учреждавшейся Академіи наукъ въ Петербургѣ по каѳедрѣ физики или математики[1]). Блюментростъ обратился къ Мартини съ предложеніемъ профессорскаго званія, и онъ безъ затрудненія принялъ его, присовокупляя при томъ, что знакомство съ польскимъ языкомъ облегчитъ ему путь къ *московскому* языку и къ удобному обученію *московитскаго* юношества[2]). Контрактъ съ Мартини былъ заключенъ чрезъ русскаго посланника, графа Головкина 13 января 1725 года: Мартини былъ принятъ академикомъ по каѳедрѣ физики, съ жалованьемъ въ 600 руб. и при томъ казенная квартира, отопленіе и освѣщеніе[3]). По желанію Мартини, въ контрактѣ именно было упомянуто, что онъ обязуется „физику преподавать по началамъ Вольфа" — это упоминаніе было данью признательности ученика учителю. Изъ всѣхъ приглашенныхъ ученыхъ Мартини первый прибылъ въ Петербургъ, именно въ іюнѣ 1725 года. Въ академическихъ засѣданіяхъ онъ прежде всего сдѣлалъ заявленіе, о которомъ такъ записано въ современномъ протоколѣ: 1725, 23 Nov. Martini viam ad perpetuum mobile a se inventum putavit. Вообще Бильфингеръ затмѣвалъ Мартини, и первымъ слѣдствіемъ того была перемѣна между ними каѳедръ. Мартини поручена была логика и метафизика, а Бильфингеру — физика. Однако это не помогло: Мартини, по отзыву Мюллера, не былъ способенъ къ званію академика, а Бильфингеръ преслѣдовалъ его при всякомъ удобномъ случаѣ въ академическихъ засѣданіяхъ. 11 октября 1727 года, Шумахеръ писалъ къ Мартини: „за нѣсколько времени передъ симъ я поручалъ

---

1) Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719 — 1753 (St.-Petersburg, 1860), 24.

2) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 152.

3) I, Eingekommende Briefe pro anno 1725.

г. профессору Бернулли внушить вамъ подъ рукою, что такъ-какъ г. профессоръ не способенъ къ тому, къ чему онъ приглашенъ, и такъ-какъ въ Академіи нѣтъ надобности въ особенномъ профессорѣ метафизики и логики, то вы бы хорошо сдѣлали, потребовавъ сами увольненія. Между тѣмъ до сихъ поръ этого не исполнено, а потому я считаю за нужное объявить заблаговременно, что вамъ не будетъ впредь выдаваться жалованья. Вы можете держать это втайнѣ, а между тѣмъ подумайте о средствѣ, какъ бы выйти изъ такого положенія съ честію."[1]) Не смотря на такое письмо, Мартини оставался въ Академіи болѣе года, а въ концѣ 1728 года сталъ уже самъ просить объ увольненіи, которое ему было дано 25 января; уѣхалъ же онъ изъ Петербурга 2 мая 1729 года[2]). Мартини, конечно, не могъ остаться довольнымъ своею карьерою въ Академіи, а потому и печатно, и словесно отзывался объ упадкѣ ея, и о томъ, что при ней болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся и проч. 19 сентября 1730 г, Шумахеръ писалъ къ Гейнцельману: „если бы г. профессоръ Мартини былъ человѣкъ способный и хорошаго поведенія, то мнѣ было бы досадно, что онъ, какъ узнаю я изъ вашего почтеннаго письма, распространяетъ, что здѣшніе профессора выходятъ одинъ за другимъ, и Академія, слѣдовательно, обращается въ ничто; между тѣмъ это совсѣмъ неправда: Академія содержится по прежнему, а увольняютъ изъ нея только тѣхъ профессоровъ, безъ которыхъ можно спокойно обойтись"...[3])

Мюллеръ говоритъ, что Мартини, по возвращеніи изъ Россіи, сдѣлался аудиторомъ какого-то полка, но въ печатной нѣмецкой біографіи его сказано, что онъ получилъ мѣсто въ архигимназіи въ Брюгенѣ. Послѣ 1739 года свѣдѣній о Мартини не имѣется, и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Изъ сочиненій, напечатанныхъ Мартини по возвращеніи въ Германію, одно относится до Россіи и носитъ такое заглавіе: „Nachricht aus Russland, (Frankfurt und Leipzig, 1731, 8°,

[1]) II, Исходящія письма 1713 — 1727 годовъ.

[2]) II, книга № 5.

[3]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

14 ненум. и 240 стр.). Исторіографъ Мюллеръ лаконически отзывается объ этомъ трудѣ: „книга эта... показываетъ, какъ мало зналъ Мартини Россію..." Между тѣмъ, при бѣдности тогдашней литературы для изученія русскаго государства, сочиненіе Мартини считалось въ свое время однимъ изъ источниковъ по русской исторіи. Оно есть не что иное какъ сборникъ по бо́льшей части переводныхъ статей, составленный на скорую руку, безъ всякаго опредѣленнаго плана и системы. Первый отдѣлъ, названный „Русская церковная исторія," заимствованъ изъ извѣстнаго сочиненія Томаса Консетта The present State and Regulations of the Church of Russia. Въ этотъ отдѣлъ включенъ не кстати и переводъ изъ предисловія Краткаго описанія Комментаріевъ петербургской Академіи наукъ (Спб., 1728). На стр. 30—33 напечатано нѣсколько люнебургско-вендскихъ словъ сравнительно съ нѣмецкими и русскими (послѣднія написаны иногда очень ошибочно). За тѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ Камня вѣры Яворскаго и изъ Розыска о раскольникахъ св. Димитрія Ростовскаго; также есть разсказъ Ѳеофана Прокоповича о смерти Петра Великаго. Второй отдѣлъ занятъ извѣстіями о ботикѣ Петра Великаго, подавшемъ поводъ къ основанію русскаго флота, что́ заимствовано изъ предисловія къ морскому петровскому уставу, а въ концѣ переводъ реляціи о походѣ государя къ Каспійскому морю и въ Дербентъ въ 1722 году. Третій отдѣлъ посвященъ политическимъ заговорамъ, открытымъ въ Петербургѣ въ 1727 году. Здѣсь, между переводами, есть и личные разсказы автора (справедливы ли они — это еще подлежитъ сомнѣнію, но во всякомъ случаѣ ихъ нельзя не принимать во вниманіе, какъ отголосокъ современныхъ слуховъ и взглядовъ) объ Антонѣ Девіерѣ, его враждебныхъ отношеніяхъ къ князю Меншикову, о генералъ-адмиралѣ Апраксинѣ, о паденіи князя Меншикова. Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщены объясненія разныхъ примѣчательныхъ словъ и предметовъ: здѣсь въ самомъ началѣ авторъ не усумнился войти въ обстоятельныя толкованія непечатной брани русскаго народа, а закончилъ переводомъ надгробнаго слова Ѳеофана на смерть Екатерины I.

КОЛЬ, ІОГАННЪ-ПЕТРЪ (KOHL), академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія и церковной исторіи.

Свѣдѣнія о немъ и его сочиненіяхъ: Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, VII, 234 — 240. Lexicon der Hamburgischen Schriftsteller bis zur Gegenwart, XIII Heft, oder IV Band, 1 Heft, 136 — 145. Здѣсь особенно подробно указаны всѣ источники для біографіи Коля и перечислены всѣ его литературные и ученые труды. Мюллеръ, котораго Коль уговаривалъ пріѣхать въ Россію, говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ коротко ему знакомомъ, въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, стр. 31 — 33, 250, 251, 261,

Коль родился въ Килѣ, гдѣ отецъ его былъ ректоромъ школы. До 1725 года онъ жилъ въ Лейпцигѣ. Въ 1723 году въ Любекѣ у Петра Бёкмана издано сочиненіе его Ecclesia graeca lutheranizans. Книга Коля принадлежала къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка стали появляться за границею, когда сдѣлались извѣстными домогательства католическихъ духовныхъ изъ Сорбонны о возсоединеніи русской Церкви съ западною. Коль сначала говоритъ о существѣ греческой и тождественной съ нею русской Церкви, преимущественно на основаніи сочиненія Гейнекція Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche, 1711, трактатовъ Буддея 1719 года: Ecclesia romana cum ruthenica irreconciliabilis; Erörterung der Frage: ob eine Vereinigung der Römisch-Cathol. und Russischen Kirchen zu hoffen sey? также книги Н. Берга Exercitatio de statu ecclesiae et religione Moscoviticae. Далѣе у Коля слѣдуютъ извѣстія о попыткахъ католиковъ, лютеранъ и роформатовъ о возсоединеніи съ греческою Церковью, и здѣсь есть нѣсколько полезныхъ ссылокъ на малоизвѣстныя сочиненія, касающіяся этого предмета; въ концѣ сочиненія Коля находится подробное изложеніе догматовъ, въ которыхъ сходятся или разнорѣчатъ между собою Церкви православная и лютеранская. Помѣщенное при той же книгѣ разсужденіе Квисторпа направлено противъ сочиненій Леона Аллація, написавшаго въ половинѣ XVII вѣка въ духѣ папизма

нѣсколько сочиненій о греческой церкви[1]). Когда редакторъ Acta eruditorum Менке получилъ отъ Блюментроста приглашеніе пріискивать ученыхъ для вновь открывавшейся въ Петербургѣ Академіи, то онъ долгомъ счелъ рекомендовать Коля. Контрактъ съ нимъ заключенъ 7 февраля 1725 года: въ силу его онъ приглашенъ былъ профессоромъ краснорѣчія и церковной исторіи на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ и казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ[2]).

Коль прибылъ въ Петербургъ въ томъ же 1725 году и, какъ видно изъ представленныхъ имъ въ академическую конференцію статей, намѣревался заняться русскою словесностью и исторіею. Такъ имъ было сообщено въ засѣданіяхъ: De manuscriptis bibliothecae mosquensis, De origine linguae russicae, De lexico slavonico conficiendo. Свидѣтельствомъ тому, что Коль былъ хорошимъ латинистомъ осталась латинская пригласительная программа на первое торжественное засѣданіе Академіи въ 1725 году.

Въ Петербургѣ онъ охотно читалъ лекціи и безъ всякаго вознагражденія принялъ на себя наблюденіе за гимназіею при Академіи; при всемъ томъ Колю не посчастливилось въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ впалъ въ задумчивость, которая походила на сумасшествіе[3]), а потому Шумахеръ распорядился отправить его въ августѣ 1727 года въ Германію. Это было сдѣлано на скоро, такъ-что даже слѣдовавшее ему за восемь мѣсяцевъ жалованье было удержано[4]).

Въ 1731 году Мюллеръ въ Гамбургѣ видѣлся съ Колемъ: давая уроки и занимаясь изданіемъ разныхъ книгъ, этотъ уче-

---

[1]) Разборъ сочиненій Коля, см. въ Acta eruditorum 1729 г., стр. 500.

[2]) I, Eingekommende Briefe 1725 г.

[3]) Шлецеръ въ Öffentliches und privat Leben von ihm selbst beschrieben, стр. 36, оставилъ такое извѣстіе: Die nun (1761 г.) entschlafne Elisabet (русская императрица) war, nach dem Urtheil aller Sachkundigen, die sie als Prinzessin gekannt hatten, eine der vollkommensten Schönheiten ihres Zeitalters. Ein deutscher Professor Kohl verlor über ihrem Anblick den Verstand, und musste nach Hamburg deportirt werden (wo er aber wieder zu sich kam.).

[4]) Въ контрактѣ Коля, какъ и всѣхъ первыхъ членовъ нашей Академіи, именно упоминалось, что русское правительство, въ случаѣ болѣзни или старости ученаго, приметъ мѣры къ обезпеченію его положенія.

ный успѣлъ достигнуть безбѣднаго состоянія. Когда дѣла Академіи поправились, то Колю было выдано удержанное у него жалованье.

Въ 1729 году г. Коль издалъ въ Альтонѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: Johannis Petri Kohlii, in Academ. scientiar. petropolitana histor. eccles. et human. literar. professoris Introductio in historiam et rem literariam slavorum imprimis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Accedunt duo sermones Ephremi Syri nondum editi, de sacra coena, fidei lutheranae testes ac vindices. Въ предисловіи обращаетъ на себя особенное вниманіе списокъ сочиненій, которыя, по словамъ Коля, приготовлены или приготовляются имъ къ печати. Отсюда видно, что этотъ ученый, не смотря на короткое пребываніе въ Россіи, успѣлъ на столько ознакомится съ исторіею русской Церкви, что умѣлъ выбирать для ученой разработки наиболѣе любопытныя событія изъ нея. Такъ Коль называетъ латинскій переводъ русскихъ извѣстій объ отлученіи патріарха Никона; исторію о раскольникахъ съ примѣчаніями изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ; переводъ чрезвычайно уважаемой раскольниками „Книги о вѣрѣ" и проч. Изъ предисловія же узнаемъ, что Колемъ написано помѣщенный въ Acta eruditorum (1729 годъ, 509) разборъ системы мухамеданской религіи князя Дмитрія Кантемира, которая была издана въ Петербургѣ въ 1722 году. Въ трудѣ Коля объ исторіи и литературѣ славянъ описываются изданія библій въ Острогѣ 1581 и въ Москвѣ 1663 г. Первое и тогда въ Россіи было чрезвычайно рѣдко, почему Коль заимствовалъ описаніе его изъ Bibliotheca sacra Ле Лона (Le Long); московскую библію ученый видѣлъ у Ѳеофана Прокоповича, Анастасія Кондоиди и Познякова. Далѣе помѣщено изслѣдованіе, въ которомъ доказывается, что переводили священное писаніе на славянскій языкъ не Іеронимъ, а братья Кириллъ и Меѳодій, при чемъ приложено жизнеописаніе ихъ на основаніи извѣстій Стредовскаго (Sacra Moraviae historia—Solisbaci, 1710) и Степенной книги. Потомъ говорится о подлиникѣ, съ котораго

переводили на славянскій языкъ Ветхій и Новой завѣтъ, образчики переводовъ и разныя изданія Новаго завѣта и псалтыря. Вторая книга заключаетъ въ себѣ подробное разысканіе о жизни и сочиненіяхъ Ефрема Сирина, переводахъ послѣднихъ на разные языки и въ особенности о славянскомъ изданіи. Въ концѣ приложены русскій текстъ (латинскими буквами) съ латинскимъ переводомъ двухъ словъ Ефрема Сирина, не помѣщенныхъ въ иностранныхъ изданіяхъ сочиненій этого писателя. Вторая часть труда Коля составлена такъ обстоятельно, что и нынѣ можетъ быть прочтена съ пользою спеціалистомъ. Вообще сочиненіе Коля для своего времени имѣло несомнѣнное достоинство въ томъ отношеніи, что изъ него видно, что авторъ зналъ русскій языкъ и былъ довольно знакомъ съ славянскими и русскими рукописями. Къ чести автора слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ въ трудѣ своемъ говоритъ о Россіи, русскихъ и о Шумахерѣ безъ малѣйшаго намека на недовольство, на которое имѣлъ бы право; напротивъ, того съ большими похвалами отзывается о лицахъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ въ Петербургѣ, и даже выразилъ признательность Шумахеру за сообщеніе ему каталога московской синодальной библіотеки, составленнаго Скіадою и изданнаго въ 1722 году. Любопытно свидѣтельство Коля, доказывающее, что и въ его время въ Россіи еще существовалъ обширный классъ переписчиковъ разныхъ рукописей. Nullum credo, говоритъ Коль (на страницѣ 16), populum in describendis libris tam laboriosum ac frequentem esse quam Rutheni sunt; hinc plurimos apud eos homines videas qui per totum diem nihil aliud agunt, quam ut libros Russicos describant, nulla alia re victum quaeritantes: hisque non tantum manuscriptos et nondum editos, cujus generis sunt libri historiam patriam complectentes, annales dicti, sed impressos etiam rariores ac pretiosiores describendos tradunt; ac saepe tabernas mercatorum Petropoli ingressus in quosdam sermones Chrysostomi vel Ephremi Syri, vel Sacrae Scripturae libros descriptos incidi....

Въ 1738 году онъ помѣстилъ въ Parerga Gottingensis, I, № 4, Consultatio de Scribenda Bibliotheca Slavonica. Прочіе

его сочиненія и изданія перечислены въ указанныхъ въ началѣ жизнеописанія источникахъ.

Кромѣ сейчасъ описанной книги, въ Acta eruditorum 1729 года, стр. 359, помѣщено Narratio epistolica ad J. B. Menken de epistolis a Jo. Hevelio et ad ipsum scriptis. Въ предисловіи къ Introductio in historiam et rem literariam slavorum Коль писалъ, что онъ приготовилъ къ печати Vita Johannis Hevelii, mathematici superiori seculo celeberrimi, ex commercio ipsius epistolico, septendecim in folio tomis constante, autographo aliisque fide dignis monumentis hausta. Матеріалы для этого жизнеописанія сообщилъ Колю, по его свидѣтельству, членъ нашей Академіи, астрономъ Николай-Іосифъ Делиль, который, по выраженію Коля, былъ fautor et amicus noster maximopere colendus.

Коль умеръ 9 октября 1778 года. Онъ былъ женатъ на Доротеѣ-Елисаветѣ Пичманъ. Свою обширную и богатую рукописями библіотеку онъ подарилъ гимназіи въ Альтонѣ.

БИЛЬФИНГЕРЪ, ГЕОРГЪ-БЕРНГАРДЪ, академикъ сначала по каѳедрѣ логики, метафизики и морали, а потомъ — физики.

О немъ извѣстія: Fortsetzung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöcher's allgemeinem Gelehrten-Lexicon von J. C. Adelung, I, 1862 — 1864. Какъ источникъ для біографіи, здѣсь указанъ Schmersahls Zuverl. Nachr. II, 265, и есть перечень сочиненій и статей Бильфингера. Статья въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, IX, 185—186, составлена по сочиненіямъ: Tafingers Leichen-Rede auf Bilfengern, in fol., Tübin., 1750. Beitrag zu Bilfingers Geistes und Lebens Geschichte (von Abel) in Mosers Patriot. Archiv IX, 359 — 402. Извѣстія Мюллера о Бильфингерѣ приведены въ Ученыхъ Запискахъ Академіи по I и III отд., III, 693, 694.

Бильфингеръ родился въ Канштадтѣ на Нѣманѣ, 23 января 1693 г. При рожденіи онъ имѣлъ на рукахъ двѣнадцать, а на ногахъ одинадцать пальцевъ, чтó было не рѣдкость въ его родѣ, отчего предки его и получили названіе Bilfinger, или лучше сказать Bielfinger. Родители его велѣли еще въ дѣтствѣ

его отнять излишніе пальцы. Послѣ изученія наукъ въ Тюбингенѣ, онъ, пристрастившись къ сочиненіямъ Вольфа, отправился нарочно въ Галле, чтобы слушать его лекціи. Здѣсь, въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія, образовалась между наставникомъ и ученикомъ тѣсная связь, и послѣдній самъ свидѣтельствовалъ, что онъ многимъ обязанъ Вольфу въ направленіи и опредѣленности своихъ идей. По возвращеніи въ Тюбингенъ, Бильфингеръ получилъ мѣсто экстра-ординарнаго профессора философіи; сверхъ того, былъ наставникомъ математики въ Collegium illustre (особое заведеніе, существовавшее самостоятельно при тюбингенскомъ университетѣ и исключительно предназначенное для воспитанія дѣтей аристократовъ). Изъ сочиненій его, изданныхъ въ бытность его въ Тюбингенѣ, въ свое время обратили въ особенности вниманіе слѣдующія:

1) De harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita, commentatio hypothetica. Accedunt solutiones difficultatum a Foucherio, Baylio, Lamio, Tourneminio, Newtono, Clarkio atque Stahlio motarum, 1723 г., въ 8°. Эта книга въ 1734 году въ Римѣ попала въ Index librorum prohibitorum: въ ней доказывалась несостоятельность прежнихъ теорій о соотвѣтствіи тѣла съ душею, развивалась теорія Лейбница и оспаривались сомнѣнія, высказанныя Фуше, Бэлемъ, Ньютономъ, Кларкомъ и др.

2) Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo et generalioribus rerum affectionibus. 1726, (4°). Этотъ трактатъ выдержалъ нѣсколько изданій. Кромѣ того, были извлеченія и передѣлки его. Здѣсь Бильфингеръ, согласно принятому имъ плану чтеній, обстоятельно излагалъ лейбнице-вольфіанскую метафизику и защищалъ ее противъ ея порицателей. Какъ ни много пріобрѣлъ онъ извѣстности этими сочиненіями, однако она не защитила его отъ ненависти черезъ-чуръ православныхъ сотоварищей, которые съ такимъ успѣхомъ прокричали его атеистомъ, что всѣ отъ него удалялись и зала во время его лекцій была почти пустою.

По отзыву Клюпфеля, Бильфингеръ, „съ свѣтлымъ миросо-

зерцаніемъ и тонкимъ умомъ былъ замѣчательнѣйшимъ изъ послѣдователей Лейбница. Какъ преподаватель, онъ встрѣчалъ огромное сочувствіе живымъ, яснымъ изложеніемъ и природнымъ даромъ во всякомъ предметѣ обращать вниманіе на практическую его сторону. Этотъ способъ казался господствующимъ у него какъ въ математическомъ, такъ и философскомъ ученіи. Въ послѣднемъ онъ скоро вступилъ въ столкновеніе съ теологами, полагавшими, что надобно бояться его, всѣмъ доступной ясности, съ которою онъ старался примѣнять начала новой философіи къ религіознымъ истинамъ. Богословы предостерегали студентовъ отъ его неологіи, отсовѣтовали имъ его слушать и замедляли его возвышеніе въ ординарные профессора"[1]).

Поэтому для него пришло въ высшей степени кстати приглашеніе вступить въ члены основывавшейся тогда въ Петербургѣ Академіи наукъ.

Въ 1724 году, Христіанъ Вольфъ не преминулъ обратить вниманіе Блюментроста на Бильфингера, о которомъ, 7 мая, отзывался: „онъ въ математикѣ былъ моимъ слушателемъ и очень свѣдущъ въ философіи — голова съ огромными способностями; ученый, пріобрѣвшій особенное уваженіе своими сочиненіями. Бильфингеръ проникнутъ величайшимъ почтеніемъ къ его императорскому величеству, всегда выказываетъ его и меня самого побуждаетъ вступить въ русскую службу. Поэтому должно предполагать, что его можно будетъ уговорить. Онъ способенъ быть профессоромъ морали и политики, каковую должность имѣетъ въ Тюбингенѣ вмѣстѣ съ преподаваніемъ математики... Хотя ему за 30 лѣтъ, однако онъ еще не женатъ, а такіе люди могутъ свободнѣе располагать собою, чѣмъ тѣ, у которыхъ есть препятствія отъ семействъ"[2]).

Блюментростъ воспользовался этою рекомендаціею, и графъ Головкинъ велъ, чрезъ посредство самого Вольфа, переговоры о вызовѣ въ Россію Бильфингера. При этомъ случаѣ герман-

---

[1]) Klüpfel's Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen, стр. 154, 155.

[2]) Briefe von Cristian Wolff (St.-Petersburg 1860), 24, 25.

скій философъ крѣпко отстаивалъ матеріальныя выгоды бывшаго своего ученика. „Г. Бильфингеръ, писалъ онъ, такой же великой философъ, какъ г. Гейстеръ анатомъ, а г. Германъ математикъ; между тѣмъ первому изъ нихъ предложено 1.500 р., а другому 2.000 р.... Хорошаго философа труднѣе найти, чѣмъ хорошаго математика, и онъ во всѣхъ странахъ рѣдкость“[1]).

Контрактъ съ Бильфингеромъ былъ заключенъ 1 марта 1725 года: въ силу его, онъ былъ принятъ на пять лѣтъ на каѳедру логики, метафизики и морали, съ обязательствомъ привезти съ собою одного или двухъ студентовъ[2]). Отправляя своего послѣдователя въ Петербургъ, Вольфъ съ особенною заботливостью рекомендовалъ его Блюментросту: „вы увидите, писалъ онъ, что его отпустили очень милостиво и что очень дорожатъ его способностями[3]). Вы также убѣдитесь изъ обращенія его, что онъ искусенъ не только въ тѣхъ наукахъ, для которыхъ принятъ, но также въ физикѣ и математикѣ. Поэтому я еще разъ ходатайствую предъ вами быть ему патрономъ и покровителемъ и въ особенности на то обратить вниманіе, что онъ уступитъ только одному г. Герману, потому что считается славнѣйшимъ германскимъ профессоромъ, и вы сами найдете, что у него есть заслуги“[4]).

Бильфингеръ во все время своего пребыванія въ Петер-

---

[1]) Briefe von C. Wolff, 29 — 30.

[2]) I, Eingekommende Briefe pro Anno 1725.

[3]) Здѣсь Вольфъ намекаетъ на отпускъ, данный Бильфингеру отъ вюртембергскаго герцога въ чрезвычайно лестныхъ для него выраженіяхъ: тамъ онъ названъ ученымъ, основательно изучившимъ теологію, философію и особенно математику, и уже занявшимъ въ ученомъ мірѣ высокое мѣсто различными сочиненіями и проч. Записки Академіи наукъ по I и III отдѣленіямъ, I, статья г. акад. Куника: «Историко-литературная Лѣтопись Академіи», 529.

[4]) Briefe von Christian Wolff. 50. Предъ отъѣздомъ изъ Тюбингена, Бильфингеръ произнесъ рѣчь «De reductione Philosophiae, speciatim Logicae, Metaphisicae et moralium disciplinarum oratio recitata in Collegio illustri, cum Tubingensibus Musis valediceret, ad Academiam Scientiarum Petropolitanam evocatus, Georgius Bernhardus Bülfinger, antehac Moralium et Matheseos prof. Ord. in colleg. Principum illustri Tubingae, nunc Academiae Scientiarum Petropolitanae sodalis et Prof. Log. Metaph. et Moral. Ordinarius. Рѣчь эта приложена къ вышепомянутымъ Dilucidationes philosophicae. Ученыя записки Академіи наукъ по I и III отд., I, 529. 530.

бургѣ жилъ вмѣстѣ съ Германомъ. При первомъ представленіи академиковъ императрицѣ Екатеринѣ I, $^{15}/_{26}$ августа 1725 г., онъ, послѣ Германа, сказалъ предъ этою государынею рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ. По словамъ Мюллера, „въ этой рѣчи охуждали тогда, что Бильфингеръ произносилъ ее съ многими, слишкомъ рѣзкими жестами, а при имени Петра черезъ-чуръ замѣтно, хотя и съ прекрасными намѣреніями, возвышалъ свой голосъ".

26 сентября 1725 года, Вольфъ писалъ къ Блюментросту: „Г. Бильфингеръ очень мнѣ хвалитъ, какъ хорошо ему въ Петербургѣ, а гр. Головкинъ сообщаетъ, какъ милостиво всѣ академики были приняты. Я, съ своей стороны, легко могу предвидѣть, что Бильфингеру будетъ тамъ пріятнѣе жить, чѣмъ въ Германіи, гдѣ каждый другъ друга преслѣдуетъ и другъ другу завидуетъ; если онъ пожелаетъ отличиться, то въ Петербургѣ у всѣхъ вмѣстѣ эта цѣль, и ни одинъ не имѣетъ причинъ завидовать другому. Желаю, чтобы скоро заграницею услышали еще болѣе славное для Академіи"[1]).

Въ первомъ публичномъ засѣданіи нашей Академіи, 27 декабря 1725 года, Бильфингеръ произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, которая напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ: Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII decembris anni MDCCXXV publice recitati. Petropoli, sumptibus Academiae scientiarum. 120 стр. въ 4°[2]). Предъ началомъ текста виньетта съ надписью Rosb. sc., Lips.; находящееся здѣсь посвященіе принадлежитъ, по свидѣтельству Мюллера, также перу Бильфингера. Содержаніе этой рѣчи такъ объяснено въ современномъ русскомъ объявленіи, напечатанномъ о торже-

---

[1]) Briefe von Christian Wolff, 64.

[2]) Хотя на заглавіи выставленъ Петербургъ, но сохранился разсказъ Мюллера (Zur Geschichte der Academie der Wischenschaften, 106, 107), что книга напечатана въ Ревелѣ, куда нарочно былъ посыланъ академикъ Гроссъ для держанія корректуръ. Виньетта же вырѣзана въ Лейпцигѣ, что можно видѣть изъ надписи Rosb. sc., Lips. На ней изображенъ двуглавый орелъ съ большимъ щитомъ на груди, гдѣ представлены три человѣка: одинъ просѣваетъ, другой сѣетъ, а третій кладетъ въ мельницу сѣмена; кругомъ надпись: secernit falsum, verum auget et usibus aplat. Это первое эмблематическое изображеніе Академіи возбудило въ современникахъ разныя насмѣшки и шутки, а потому оно и было употреблено только этотъ одинъ разъ.

ственномъ собраніи Академіи: „въ семъ первомъ собраніи профессоръ Фѵзіки Ѯперіментальныя и Ѳеоріческія Господінъ Георгіи Бернгардъ Білфінгеръ, не токмо віны сего самаго устава Академіческаго Господамъ слушателемъ тако изъявітъ, что въ ономъ изчісленіи лѣтъ будетъ, велію Блаженныя и Вѣчнодостоиныя памяти Основателя, и Веліkодержавныя Покровітелніцы, мудрость и щедроту о ползѣ же и славѣ Россійскаго народа, попеченіе уразумѣти, и покорнѣіше почітати, но къ тому и изслѣдованіе сотворітъ. Уже ли доселѣ ученые люди, толікая въ Ѳеоріи Магнетіческои возъімѣли преуспѣянія? да бы лѣть было полное оттуду, труднѣішаго вопроса о изобрѣтеніи долготы мѣстъ на земли и на мори, воспріяти рѣшеніе?“...

По желанію Остермана, Бильфингеру было поручено написать инструкцію для обученія юнаго императора Петра II. Эта самая инструкція, по свидѣтельству Мюллера, напечатана на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а подлинникъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ самимъ Бильфингеромъ, хранится нынѣ въ государственномъ архивѣ и найденъ между бумагами графа А. И. Остермана, главнаго воспитателя Петра II. Кромѣ того, Бильфингеръ обязанъ былъ составить для императора учебникъ новой исторіи. Изъ писемъ Бильфингера видно, что имъ были составлены уже статьи о Швеціи, Польшѣ и Даніи[1]).

Въ жизнеописаніи Шумахера (стр. 22 — 24) было уже говорено о враждебныхъ отношеніяхъ его къ Бильфингеру. Когда Блюментростъ спросилъ мнѣнія Шумахера о письмѣ Бильфингера, гдѣ онъ сообщалъ, что ему предлагается мѣсто отъ герцога вюртембергскаго, но что онъ остался бы въ петербургской Академіи наукъ, когда бы ему было увеличено жалованье до 1.200 руб., а послѣ отъѣзда изъ Россіи Германа до 2.000 руб., то библіотекарь отвѣчалъ 29 августа 1728 года:

„Письмо, сообщеніемъ съ котораго копіи вы сдѣлали мнѣ честь, совершенно утвердило во мнѣ мнѣніе о писавшемъ его:

---

[1]) Мюллеръ (въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg) говоритъ, что этотъ трудъ Бильфингера начали печатать и было уже готово до 12 полулистовъ, но они остались безъ употребленія и въ свѣтъ не были изданы.

это ученый, но съ умомъ безпокойнымъ, неспособнымъ остановить свои желанія. Цѣль его письма клонится къ полученію ежегодно 1.200 рублей нынѣ, и двухъ тысячъ рублей послѣ смерти или отъѣзда г. Германа. Онъ основываетъ свои притязанія: во 1-хъ на томъ, что онъ исполняетъ все, что представляетъ ему случай; во 2-хъ на преміи, полученной имъ въ Парижѣ, и въ 3-хъ на потерѣ, которую понесетъ, отказавшись отъ должности, предлагаемой ему, въ уваженіе его заслугъ, при вюртембергскомъ дворѣ. Такъ-какъ вы дѣлаете мнѣ честь, требуя отъ меня мнѣнія по этому предмету, то я вамъ выскажу его откровенно. Притязаніе этого господина несправедливо, неосновательно, дерзко. Если онъ работаетъ, то исполняетъ только свою обязанность, будучи долженъ въ силу контракта употреблять всѣ свои силы для славы Академіи и преуспѣянія наукъ. Что касается до преміи, то въ этомъ, мнѣ кажется, онъ скорѣе обязанъ Академіи, а не Академія ему, потому что я увѣренъ, если бы онъ оставался въ Вюртембергѣ, или послалъ бы свое сочиненіе изъ другаго мѣста, только не изъ Петербурга, или въ другое время, когда не было рѣчи о медаляхъ[1]), тогда бы не было ему случая къ поступку, на который скромному человѣку было бы трудно рѣшиться... Не опасайтесь, милостивый государь, чтобы въ случаѣ отказа проситель уѣхалъ. Напротивъ, если вы покажете видъ, что покидаете его, то онъ будетъ затрудненъ. Отвѣтьте ему, что теперь не время дѣлать просьбы такого рода; по истеченіи же контракта, когда онъ пожелаетъ остаться долѣе въ службѣ его императорскаго величества, тогда обратятъ всевозможное вниманіе на его заслуги и прибавятъ къ его жалованью все, что будетъ въ состояніи его удовлетворить въ томъ случаѣ, если онъ предпочтетъ прибыльной и почетной должности, предназначенной ему его свѣтлостью (герцогомъ вюртембергскимъ), свою любимую

---

[1]) Здѣсь Шумахеръ имѣетъ въ виду медали, посланныя въ парижскую Академію наукъ изъ петербургской и выбитыя на кончину Петра Великаго. Фонтенелль, тогдашній секретарь парижской Академіи, писалъ къ Блюментросту, что медали эти, которыя были золотыя, ont fait un extrême plaisir à toute la Compagnie... Рукописный сборникъ г. Свенске, № 445.

науку. Ему не откажутъ и въ отставкѣ, хотя и будутъ имѣть съ нимъ переписку для преуспѣянія наукъ. Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, если вы, говорю я, отвѣтите ему такимъ образомъ, то онъ перемѣнитъ мнѣніе, особенно если въ тоже время напишите къ г. Эйлеру, которому онъ завидуетъ, чтобы онъ занимался опытною физикою. — Вотъ мое мнѣніе о помянутомъ письмѣ, впрочемъ остаюсь и проч.[1]).

Во все продолженіе пребыванія Бильфингера въ Петербургѣ, онъ, вмѣстѣ съ Германомъ, былъ въ открытой враждѣ съ молодыми братьями Бернулли. Въ іюлѣ 1729 г., ученые споры съ младшимъ изъ нихъ, Даніиломъ, дошли-было даже до разбирательства особой коммиссіи, учрежденіе которой присовѣтовалъ Шумахеръ[2]). Въ это время въ письмахъ библіотекаря къ президенту особенно часто попадаются выходки противъ Бильфингера. Такъ въ письмѣ, 14 августа 1729 года, послѣ разсказовъ „что академикъ обратилъ въ смѣшное приказанія, данныя президентомъ“ прибавлено: „г. Германъ не одобряетъ его поступковъ, а всѣ прочіе его ненавидятъ, за исключеніемъ г. Дювернуа, у котораго онъ идоломъ“... 18 августа: „приказывайте, милостивый государь, вы, что вамъ угодно, я буду повиноваться, но, ради Господа и во имя спокойствія общества, не предоставляйте насъ ярости г. Бильфингера“[3]).

Бильфингеръ оставилъ Россію, вмѣстѣ съ Германомъ, въ январѣ 1731 года. По возвращеніи въ Тюбингенъ, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ богословія, а со вступленіемъ на престолъ вюртембергскаго герцогства Карла Александра, который ему оказывалъ личное расположеніе, пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла этой страны; имѣлъ тамъ званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и исполнялъ обязанности президента консисторіи. Въ эту эпоху своей жизни онъ заслужилъ упреки

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 378.

[2]) Всѣ протоколы объ этихъ спорахъ сохранились въ 1-мъ портфелѣ Мюллера: Матеріалы для Исторіи Академіи наукъ съ 1728 по 1748, въ статьѣ подъ заглавіемъ Zankereyn zwischen Herren Bielfinger und Bernoulli 1729 года». Всѣ бумаги, 75 листовъ, писаны вчернѣ Мюллеромъ.

[3]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

современниковъ за раздачу мѣстъ исключительно своимъ родственникамъ. Что касается до сношеній съ нашею Академіею, то Бильфингеръ, сдѣлавшись при отъѣздѣ изъ Петербурга почетнымъ членомъ ея съ пенсіею по 200 рублей въ годъ, не прерывалъ ихъ до конца своей жизни и велъ весьма любезную переписку съ Шумахеромъ, съ которымъ такъ воевалъ въ бытность при Академіи. Въ первый же годъ своего возвращенія въ Тюбингенъ, Бильфингеръ произнесъ тамъ рѣчь о достопримѣчательностяхъ города С.-Петербурга. Она была потомъ напечатана [1]), и о ней Шумахеръ отозвался къ Блюментросту въ письмѣ, отъ 11 октября 1731 года: „изъ прилагаемой при семъ рѣчи можно чрезвычайно узнать геній г. Бильфингера: она полна живости и путаницы, а также и себялюбія“. [2])

Другой трудъ Бильфингера, имѣющій соотношеніе съ полемическою церковною литературою нашею, любопытенъ по обстоятельствамъ, которыя вызвали его.

Испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, дюкъ де Лиріа, по родственнымъ связямъ своимъ, усердный сторонникъ Стюартовъ, праздновалъ въ Москвѣ, 20 іюля 1729 года, тезоименитство претендента на англійскій престолъ, Іакова III. По этому случаю посольскій проповѣдникъ, испанскій монахъ Бернгардъ Рибера произнесъ рѣчь, и дюкъ де Лиріа просилъ Блюментроста напечатать ее въ типографіи при Академіи наукъ. Президентъ, не просмотрѣвъ рѣчи, передалъ ее Шумахеру, а этотъ поспѣшилъ сдать въ типографію. Между тѣмъ въ этой рѣчи присоединена была молитва за претендента и въ началѣ помѣщено посвященіе ему. Заглавіе этому произведенію дано было такое: Nomenclatura Boanergica, sive oratio panegyrica, quam in festo S. Jacobi Maioris Apostoli celebrato per Exc. D. D. Jacobum Stuardum Ducem de Liria et Xerica etc. Legatum Catholici Regis Hispaniarum in Russiam, in templo Catholicorum Moscuae dixit, et Sacr. Reg. Maiest. Jacobo Tertio, Magnae Britaniae Regi, Defensori fideï etc. offert R. P. Fr.

[1]) Русскій переводъ ея сообщенъ г. Куникомъ въ Ученыхъ запискахъ Академіи по I и III отдѣленіямъ III, стран. 694 — 713.

[2]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

Bernardus Ribera Barchinonensis, ex, ord. Praed. S. Theol. D. et Regius Professor, Missionar. Aposto. apud eundem D. Legatum etc (въ 4°). Корректуру этой рѣчи держалъ студентъ Мюллеръ (впослѣдствіи извѣстный исторіографъ), и ему пришло въ голову выставить на заглавіи фантастическую типографію, а именно: „Romae cum permissu superiorum apud haeredes Francisci Morinelli". Сдѣлано это было для того, чтобы не навлечь хлопотъ русскому правительству со стороны англійскаго, которое могло бы потребовать объясненій на счетъ претендента и проч. Однако Мюллеръ этимъ не удовольствовался и сказалъ о содержаніи рѣчи Шумахеру, этотъ — президенту Академіи, а послѣдній просилъ разрѣшенія русскихъ министровъ, которые объявили, что такой проповѣди выпускать въ свѣтъ нельзя. Это было исполнено, но Рибера, доставъ украдкою два экземпляра запрещенной книги, перепечаталъ ихъ въ Варшавѣ съ обозначеніемъ въ заглавіи: Petropoli jussu D. de Blumentrost, Praesidis Academiae Imperialis, cura D. Schumacher Bibliothecarii"! Рибера тѣмъ не удовольствовался и издалъ въ Вѣнѣ Responsum antapologeticum, гдѣ между доводами въ защиту Камня вѣры Стефана Яворскаго противъ письма, приписаннаго Буддею, написалъ на стр. 145, что будто Шумахеръ получилъ за печатаніе проповѣди 40 руб., но не выдалъ экземпляровъ, изъ которыхъ на двухъ, тайно полученныхъ Риберою изъ типографіи, стояло выдуманное мѣсто печати — Римъ. „Nec mirandum, прибавляетъ Рибера, lutherani siquidem omnes sunt de hoc eorumdem justitia et fide etiam civili, hoc sentiendum, quod tales alat et honoret viros Monarchia Russica! [1]) Противъ этой книги Риберы Бильфингеръ сталъ писать возраженіе, о чемъ такъ сообщалъ Шумахеру въ 1732 году: „все, что я могу сообщить вамъ на этотъ разъ, касается одного предмета. Я работаю первые дни надъ Apologia evangelico-lutherana ad Augustam Russiae Dominam, и это противъ Яворскаго и Риберы. Я, наконецъ, досталъ книгу изъ Вѣны съ великимъ трудомъ, заплативъ за нее вде-

[1]) Мюллеръ обстоятельно разсказываетъ все это въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 234 — 239.

сятеро, и съ изумленіемъ увидалъ безстыдство патера. Предпринятый мною трудъ клонится къ слѣдующему: онъ долженъ быть представленъ императрицѣ, и, если вы съ г. президентомъ заблагоразсудите, посвященъ ея величеству, стало-быть мнѣ не слѣдуетъ браниться, но дѣйствовать скромно и основательно. Поэтому полагаю прежде всего въ первой части объясниться вкратцѣ по 12 главамъ Яворскаго, изъ которыхъ у меня есть извлеченіе, основательно доказывать и скромно защищать, а въ другой отразить вѣжливо и серьезно нападки и лжи патера Риберы. На этотъ конецъ хочу между прочимъ включить въ своемъ мѣстѣ, если вамъ будетъ угодно, рукопись, сообщенную мнѣ г. Гроссомъ, и защищеніе, составленное противъ грубаго обвиненія на страницѣ 145 вашего высокоблагородія, высокороднаго г. президента, также его превосходительства знатнѣйшаго министра. Только прошу я васъ увѣдомить, напечатается-ли это въ Петербургѣ или нѣтъ? Въ случаѣ къ тому у меня нѣтъ недостатка. Кромѣ того, я писалъ въ Данцигъ касательно изложеннаго на 223 страницѣ, въ Берлинъ—къ г. Яблонскому о страницѣ 204, въ Іену—къ г. Вольдену касательно подозрѣнія, не Буддей-ли написалъ сочиненіе, которое напечатано отъ его имени; также г. Пфафъ сообщитъ мнѣ документъ, что приводимые на страницѣ 68, 69 доводы ложны. Такимъ образомъ думаю я подлинными доказательствами такъ отдѣлать патера, что ему не по сердцу придутся споры съ лютеранами. Нужно-ли и полезно-ли будетъ, сообразуясь съ обстоятельствами въ Россіи, идти еще далѣе, о томъ прошу вашего благосклоннаго увѣдомленія. Въ отвѣтѣ патеру Риберѣ въ особенности я старался такъ представить положеніе нашей религіи въ отношеніи къ гражданскимъ властямъ, чтобы сдѣлать очевиднымъ ея преимущества и достаточно разъяснить par contre coup притязанія папистовъ на высшую власть правителей. Работу я надѣюсь кончить въ пять недѣль, но изъ нея ничего не напечатаю, пока не получу на это письмо отвѣта и рѣшенія отъ вашего высокоблагородія и г. Гросса“.[1])

---

[1]) II, Входящія письма 1729 — 1735 года.

Работа Бильфингера, о которой онъ писалъ такъ подробно Шумахеру, издана въ Тюбингенѣ въ 1735 году, подъ заглавіемъ: „Stephani Javorskii Metropolitae resanensis et muromiensis discursus de poena haeriticorum, noviter ab Ecclesia se avellentium, ex opere illius polemico, quod non ita pridem ruthenico sermone prodiit, in latinum idioma translatus et notulis adauctus, opera Georgii Bernhardi Bülfingeri ss. theol. prof. publ. ord. et illustris stip. supperattendentis. (4⁰, 85 стр.). Но въ этомъ трудѣ нѣтъ вовсе возраженій противъ Риберы, стало быть Бильфингеръ ихъ выпустилъ по какимъ нибудь соображеніямъ; что касается до его полемики съ Яворскимъ, то онъ въ предисловіи прямо говоритъ, что Яворскій извлекъ свои доводы изъ Беллармина, а онъ, Бильфингеръ, заимствовалъ свои возраженія изъ Θедора Туммія, противника Беллармина.

Въ угоду герцогу вюртембергскому Карлу Александру, Бильфингеръ занимался также фортификаціею. Нѣсколько статей его по этой наукѣ пересланы были имъ въ нашу Академію. Такъ, 7 и 11 марта 1737 года, читана была въ академическихъ засѣданіяхъ записка его касательно военной архитектуры, но въ ней замѣчательнаго ничего не найдено.

21 мая 1739 году, президентъ Академіи баронъ Корфъ представлялъ въ Кабинетъ, что Бильфингеръ сдѣлалъ своимъ иждивеніемъ медаль, представляющую новый его способъ укрѣпленія городовъ, съ надписью въ честь ея императорскаго величества, и прислалъ сюда нѣсколько экземпляровъ ея, вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ находятся разныя фортификаціонныя модели; что изъ медалей золотая поднесена императрицѣ, серебряная же съ фортификаціонными моделями хранится въ кунсткамерѣ, а потому ходатайствовалось о награжденіи Бильфингера, „дабы какъ онъ, такъ и другіе ученые люди впредь возбуждены были новыми своими изобрѣтеніями распространять славу ея императорскаго величества“. Сенатъ, 22 февраля 1740 года, далъ знать, что императрица велѣла выдать Бильфингеру 1000 рублей[1]). Изъ протокола академическаго

---

[1]) II, книга № 53.

засѣданія 1 сентября 1740 года видно, что Бильфингеръ, 6 іюня 1740 года, прислалъ статью объ укрѣпленіяхъ для представленія отъ свего имени старшему сыну Бирона.

Подъ конецъ жизни Бильфингеръ занимался также ботаникою: въ Комментаріяхъ нашей Академіи напечатаны три его статьи по этой наукѣ. Въ первые годы царствованія Елизаветы были прекращены пенсіи нѣкоторымъ изъ почетныхъ членовъ Академіи въ томъ числѣ и Бильфингеру. Со вступленіемъ графа Разумовскаго въ должность президента, вюртембергскій дѣйствительный тайный совѣтникъ усердно ходатайствовалъ о продолженіи выдачи ему изъ русской казны пенсіона по 200 рублей въ годъ, что̀ было исполнено, какъ видно изъ письма самого Бильфингера, отъ 24 декабря 1747 года, гдѣ онъ приноситъ за то благодареніе графу Разумовскому и говоритъ: „я Россіи обязанъ своимъ состояніемъ, поэтому судите о признательности, которую я къ ней чувствую, что̀ болѣе всего должно относится къ знаменитому начальнику Академіи“[1]. Въ 1749 г. Таубертъ, бывшій за границею, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ: „Г. тайный совѣтникъ Бильфингеръ при всякомъ случаѣ оказывалъ къ нему, асессору Тауберту, свое усердіе къ Академіи и Россіи, сожалѣя токмо, что нынѣшнія его министерскія упражненія не позволяютъ ему въ учебныхъ дѣлахъ трудъ свой такъ прилагать, какъ бы онъ то для Академіи охотно учинить хотѣлъ. Между тѣмъ онъ, будучи великой охотникъ до виноградныхъ садовъ и имѣя въ своихъ садахъ около Стутгардта и Канштадта почти всѣ сорты винограду изъ всей Европы, принялъ отъ того поводъ разсуждать о томъ, не возможно ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны и около Оренбурга завести виноградъ, потому что сіи мѣста подъ тѣми же градусами лежатъ, подъ которыми въ другихъ мѣстахъ наилучшія вина растутъ. И понеже заведенной около Астрахани виноградъ по нынѣ не великой успѣхъ имѣлъ, то онъ сообщилъ ему, г. профессору,.. вопросы, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оные туда послать и требовать на то отвѣту, дабы узнать тѣ

---

[1]) I, Входящія письма 1744 — 1747 годовъ.

недостатки, отчего худой успѣхъ въ размноженіи астраханскаго винограда и въ дѣланіи изъ него хорошаго вина происходитъ. Притомъ же просилъ онъ, г. Бильфингеръ, чтобъ въ вышеписанныхъ мѣстахъ, а именно на Украйнѣ, въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ навѣдаться, есть ли такія гористыя ситуаціи, которыя бы способнѣе были къ заведенію виноградныхъ садовъ и какого состоянія тамошній климатъ, дабы разсмотря всѣ сіи обстоятельства сочинить изъ того проектъ и послать оный къ.... г. президенту". [1])

Бильфингеръ умеръ холостымъ 18 февраля 1750 г. О смерти его такъ писалъ къ Эйлеру Крафтъ, 21 февраля 1750 г.: „вашему высокоблагородію съ огорченнымъ сердцемъ долженъ объявить, что нашъ дорогой г. тайный совѣтникъ Бильфингеръ 18 числа этого мѣсяца скончался послѣ болѣзни, продолжавшейся около десяти недѣль. Она состояла изъ неправильной лихорадки (irregulairen Fieber), обратившейся наконецъ въ родъ спячки. Его всѣ очень жалѣютъ и высшіе, и низшіе. Когда его братъ, лейбъ медикъ, очень опечаленный, принесъ герцогу извѣстіе о томъ, то его высочество былъ тѣмъ весьма растроганъ и отвѣчалъ: не печальтесь такъ г. лейбъ медикъ, я теряю при этомъ болѣе, чѣмъ вы".... [2])

W. Drugulin's Allgemeiner Portrait-Catalog, подъ № 1550 указываетъ сдѣланный черною манерою, грудной портретъ Бильфингера, рисованный В. Д. Мейеромъ и гравированный I. I. Гаидомъ.

Слѣдующія статьи Бильфингера помѣщены въ академическомъ изданіи Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: I, 43—120, De viribus corpori moto insitis et illarum mensura, demonstrationes mechanicae; 245—261, De directione corporum gravium in vortice sphaerico et figura nuclei, dissertatio experimentalis; 317—341, De variis barometris sensibiliribus et eorum nova specie ac usibus. II, 233—287, De tubulis capillaribus dissertatio experimentalis; 403—414, De frictionibus

[1]) II, книга № 120.

[2]) I, L. Euler's Briefwechsel v. a. 1749 — 1755.

corporum solidorum. III, 196—213, De thermometris et eorum emendatione; 230—241, An aer sanguini pulmones transeunti, misceatur; 242—246, De effectu caloris vel frigoris subitanei in expansionem vel contractionem vitrorum experimentum; 281—292, Disquisitiones physicae de tubulis capillaribus a Jacobo Jurino ad Academiam transmissae ut ejusdem Commentariis insererentur, una cum notis a Georgio Bernhardo Bülfingero, ad quem id negotium pertinuit, adjectis (cons. Comm. II, 233 et seqq.). IV, 144—156, Solutio problematis de vi centrifuga corporis sphaerici in vortice sphaerico gyrantis; 164—181, De solidorum resistentia specimen; 182—187, De tracheis plantarum ex melone observatio. V, 198—212, De radicibus et foliis cichorii disquisitio academica.

Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: VI, 407 — 424, Observationes botanicae et una iridis multiplicis.

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ здѣсь статей переведены на нѣмецкій языкъ Мюмлеромъ и напечатаны въ первой части сборника Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1782).

На русскомъ языкѣ напечатаны въ извлеченіи въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728) двѣ статьи Бильфингера: стр. 100—108, О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей и 109—120, О исправленіи барометровъ.

БЕРНУЛЛИ, НИКОЛАЙ, академикъ по каѳедрѣ механики.

Біографія Николая Бернулли, составленная вскорѣ послѣ смерти его академикомъ Гольдбахомъ, Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae, II, 482. Notice biographique sur Nicolas Bernoulli par son frère Daniel помѣщена: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, publiée sous les auspices de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg par P. Fuss (St.-Pétersbourg, 1843), II, 266—270; тамъ же о дружбѣ между собою братьевъ Николая и Даніила Бернулли, 229, 230, 239 — 291, 294, 295, 298, 299. Извѣстія современника о Николаѣ Бернулли въ рукописи Мюллера Zur Ge-

schichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 47 48. Позднѣйшія біографіи: Acta eruditorum 1731, 306; Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, IX, 206; Die Mathematiker Bernoulli, von Peter Merian (Basel, 1860), 3, 40, 41.

Николай Бернулли родился въ Базелѣ 27 января 1695 г. Родъ Бернулли замѣчателенъ въ лѣтописяхъ наукъ тѣмъ, что въ теченіе ста пяти лѣтъ изъ членовъ его восемь ученыхъ стяжали себѣ почетную извѣстность, а трое были первоклассные математики. Отецъ Николая, Іоганнъ Бернулли, изобрѣтатель изчисленія показательныхъ функцій, не щадилъ ничего для воспитанія его, такъ-какъ сынъ уже съ дѣтства выказывалъ необыкновенныя дарованія. Къ языкамъ у него была такая способность, что онъ, будучи восьми лѣтъ, бѣгло говорилъ по голландски, по нѣмецки, по французски и по латыни.

Въ 1711 году, Николай Бернулли получилъ званіе магистра философіи, а потомъ, уступая желанію отца, принялся за изученіе юриспруденціи и въ 1715 году уже публично защищалъ свою диссертацію de jure detractionis. Въ январѣ 1716 года, Іоганнъ Бернулли, представивъ рѣшеніе задачи, предложенной Лейбницемъ для англичанъ о прямоугольныхъ траекторіяхъ, задачи, которую удалось рѣшить сыну его, Николаю, для одного частнаго случая, требовалъ оглашенія этого обстоятельства въ доказательство англичанамъ, что въ сущности задача не трудна даже для начинающаго, если только извѣстенъ ему настоящій методъ [1]). По свидѣтельству Даніила Бернулли, братъ его Николай, будучи еще шестнадцати лѣтъ, могъ считаться не только хорошимъ, но превосходнымъ для своего возраста геометромъ. Въ его рукописяхъ отъ этого періода времени сохранились отрывки, свидѣтельствовавшіе совершенное знаніе новыхъ тогда исчисленій дифференціальнаго, интегральнаго и показательныхъ функцій, съ рѣшеніями задачъ, самыхъ трудныхъ и бывшихъ особенно въ ходу съ тѣхъ

---

[1]) Статья Н. Бернулли помѣщена въ Acta eruditorum 1716, VII, 248, и имѣетъ такое заглавіе «De trajectoriis curvas ordinatim positione datas ad angulos rectos, vel alia data lege secantibus etc.

поръ, какъ изобрѣтены помянутыя изчисленія. Отецъ Николая Бернулли возложилъ на него веденіе большей части своей обширной переписки.

Послѣ путешествій по Италіи и Франціи и двухлѣтняго пребыванія въ Венеціи для поправленія разстроеннаго здоровья, Николай Бернулли принужденъ былъ, исполняя волю отца, принять сначала въ базельскомъ университетѣ, а потомъ въ бернскомъ каѳедру по юридическимъ наукамъ. Въ 1724 г., по внушеніямъ германскаго философа Вольфа, началась переписка между Іоганномъ Бернулли и лейбъ-медикомъ Блюментростомъ о приглашеніи въ петербургскую Академію наукъ Даніила Бернулли, младшаго брата Николая. Живя дружно между собою, братья не хотѣли разставаться, а потому когда ученый, первоначально изъявившій согласіе занять въ Академіи каѳедру механики, отказался, то вмѣсто него и былъ вызванъ Николай Бернулли.

Оба брата прибыли въ Петербургъ 27 октября 1725 года, и Блюментростъ въ письмѣ къ отцу ихъ сообщилъ о нихъ чрезвычайно лестный отзывъ[1]). Изъ краткихъ замѣтокъ объ академическихъ засѣданіяхъ въ первое время существованія нашей Академіи[2]) можно замѣтить, что Бернулли часто вступали въ горячіе споры съ товарищами своими по Академіи, Германомъ и Бильфингеромъ. Можетъ быть причиною нерасположенія Германа къ первымъ надобно искать въ томъ, что Николай Бернулли еще въ 1720 году высказалъ очень рѣзкій приговоръ о трудахъ Германа[3]).

Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, Николай Бернулли занемогъ и умеръ 29 іюля 1726 года отъ нарыва во внутренностяхъ, какъ это оказалось по вскрытіи трупа. Три дня спустя происходило торжественное засѣданіе въ Академіи,

[1]) Это письмо, отъ 26 февраля 1726 года, и отвѣты на него Іоганна Бернулли, 15 іюня того же года, въ рукописномъ сборникѣ г. Свенске №№ 205, 259.

[2]) Эти записки, обнимающія 1725—1727 годы, помѣщены въ началѣ рукописнаго труда Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg.

[3]) Histoire des Mathématiques par Montucla, III, 336.

на которомъ присутствовала императрица Екатерина. Узнавъ о кончинѣ академика, она подозвала къ себѣ его брата и въ милостивыхъ выраженiяхъ утѣшала его въ понесенной имъ утратѣ [1]).

Рукописи Николая Бернулли перешли въ руки брата его Данiила, а слѣдующiя двѣ статьи напечатаны въ Commentarii Academiae petropolitanae: I, 121—126, De motu corporum ex percussione; 198—207, Analysis aequationum quarundam differentialium.

БЕРНУЛЛИ, ДАНIИЛЪ, академикъ сначала по каѳедрѣ физiологiи, а потомъ высшей математики.

Краткiя извѣстiя современника Данiила Бернулли, Мюллера въ рукописномъ трудѣ его: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 48 — 50; 223—233; чрезъ годъ послѣ смерти Бернулли издана Vita Danieli Bernoulli, Basileae, 1783, (4°). Похвальное слово, написанное Кондорсе, въ Histoire de l'Académie royale des sciences de Paris. Anneé MDCCLXXXII, 82—107. Die Mathematiker Bernoulli von Peter Marian (Basel, 1860), 42, 43. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, IX, 206—208. Краткiя свѣдѣнiя изъ предыдущихъ сочиненiй въ: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle.... publiée sous les auspices de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg par P. H. Fuss. Здѣсь во второмъ томѣ, на стр. 171—406 письма Бернулли къ Гольдбаху 1723—1730 годовъ; на стр. 407—655, къ Эйлеру 1726—1755 годовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ напечатаны съ пропусками. Кромѣ того, я нашелъ неизданныя вовсе письма этого математика, могущiя имѣть значенiе для тѣхъ, которые будутъ интересоваться подробностями о немъ, почему помѣщаю здѣсь указанiе о томъ. Ненапечатанныя письма Д. Бернулли къ Эйлеру находятся въ архивѣ академической конференцiи: Eingekommende Briefe von anno 1736, листъ 34, нѣмецкое письмо безъ означенiя времени, но очевидно не ранѣе 1739 года, такъ-какъ тамъ упоминается о князѣ Антiохѣ Кантемирѣ, живущемъ въ Парижѣ, а онъ туда прiѣхалъ въ концѣ 1738 года. Eingekommende Briefe von anno 1737—28 октября 1737 г. Eingekommende Briefe von anno 1738, л. 41 — отъ 8 ноября 1738 года; здѣсь же л. 34—къ барону Корфу, 9 августа 1738 г. Въ Eingekommende

[1]) Письмо по этому случаю отца Бернулли къ Блюментросту, 7 сентября 1726 года, въ рукописномъ сборникѣ г. Свенске, № 218.

Briefe von anno 1739 подлинное письмо 7 марта 1739 г., которое Фуссъ (II, 453) считалъ утраченнымъ; тамъ же: на листѣ 33, 16 мая; л. 44—29 августа и л. 53—14 ноября 1739 года. Eingekommende Briefe von anno 1740, къ Эйлеру на л. 2, 2 января; л. л. 13—12 марта; л. 37—25 іюня 1740 года; тамъ же л. 43, къ Крафту—6 августа 1740 г. Eingekommende Briefe 1741—1749, л. л. 46, 48, 113—къ Крафту и Вейтбрехту 2 сентября 1741 года; Въ Ausgehende Briefe 1736—1737, 1738—1739, 1740—1742 есть отвѣтныя письма Эйлера къ Д. Бернулли. Во всѣхъ, здѣсь поименованныхъ книгахъ, а также въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 52, встрѣчаются письма отца Бернулли Іоганна, которыя также должны были бы найти мѣсто въ I-мъ томѣ изданія Фусса.

Даніилъ Бернулли, второй сынъ Іоганна Бернулли, младшій братъ Николая, родился 29 января 1700 г. въ Грёнингенѣ. Подъ руководствомъ своего отца и брата, онъ рано началъ изучать математику; лекціи слушалъ сначала въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ въ Базелѣ, гдѣ въ 1716 г. получилъ степень магистра философіи. Отецъ его хотѣлъ, чтобы онъ посвятилъ себя торговлѣ, однако двукратная попытка доставить ему мѣсто прикащика не удалась, и это обстоятельство было причиною, что Даніилъ Бернулли остался вѣренъ своему врожденному призванію къ служенію наукамъ. Онъ занялся медициною сначала въ базельскомъ университетѣ, потомъ въ 1718 г. въ Гейдельбергѣ, наконецъ въ Стразбургѣ, откуда вернулся въ Базель въ 1720 г. Въ сентябрѣ 1721 г. онъ держалъ тамъ медицинскій экзаменъ, при чемъ напечатана была его диссертація De respiratione. Во все время изученія медицины, Д. Бернулли однако не переставалъ усердно работать надъ усовершенствованіемъ себя въ любимой имъ математикѣ. Въ 1723 г. онъ поѣхалъ въ Венецію, чтобы изучать тамъ практическую медицину подъ руководствомъ Михелотти. Здѣсь также было напечатано первое математическое произведеніе его Exercitationes quaedam mathematicae, 1724[1]). Сочиненіе это написано съ цѣлью защитить своего отца и дядю противъ нападокъ нѣкоторыхъ итальянскихъ ученыхъ. Впрочемъ, Д. Бернулли неохотно издалъ этотъ трудъ въ свѣтъ, такъ-какъ онъ считалъ

[1]) Acta eruditorum 1725 г., страница 113.

недостойнымъ вступать печатно въ ученые споры, что сохранилось у него въ продолженіе всей жизни. Еще въ 1724 г. онъ отправился въ Падуа, чтобы продолжать занятія медициною подъ руководствомъ Морганьи (Morgagni), и въ бытность свою здѣсь получилъ приглашеніе вступить въ петербургскую Академію. По этому случаю у него завязалась переписка съ Гольдбахомъ, который уже былъ въ Петербургѣ, и въ одномъ изъ писемъ, именно 28 января 1728 г., Даніилъ Бернулли такъ описываетъ самого себя: „Если вамъ будетъ угодно сообщить этимъ господамъ (Блюментросту и гр. Головкину, русскому посланнику въ Берлинѣ) какія нибудь свѣдѣнія о моей личности и моихъ силахъ въ математикѣ, то вы почти знаете quid valeant humeri, quid ferre recusent. Я прошу васъ только не льстить мнѣ по дружбѣ, и сказать откровенно ваше мнѣніе, хотя бы оно было и не въ мою пользу. Впрочемъ, я молодой человѣкъ 25 лѣтъ, которыхъ даже не дадутъ мнѣ по нѣкоторымъ чертамъ лица и малому росту, почему и думаютъ, что я моложе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Я только что въ эту минуту получилъ письмо отъ брата: онъ изъ дружбы, истинно братской, говоритъ, что не рѣшается отпустить меня въ Московію, а ежели я уже непремѣнно хочу отправиться туда, то и онъ готовъ пожертвовать своими выгодами (у него каѳедра, которая ему приноситъ по крайней мѣрѣ 150 луидоровъ) и сопутствовать мнѣ. Я полагаю, что было бы легко найти обоимъ намъ мѣсто въ Петербургѣ тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего обширнѣе математики. Если вы можете способствовать осуществленію этого предположенія, то окажите услугу, устранивъ разлуку двухъ братьевъ, которыхъ такъ сильно соединяетъ самая тѣсная дружба“....

Даніилъ Бернулли прибылъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, въ октябрѣ 1725 года, и въ Академіи наукъ сначала занялъ каѳедру физіологіи съ примѣненіемъ къ ней математическихъ законовъ. Первымъ его чтеніемъ въ академической конференціи, 4 декабря 1725 г., было De secretione humorum in corpore animali contra Pitcarnium.

Въ 1726 г. наша Академія обязана ему приглашеніемъ въ

число ея сочленовъ девятнадцатилѣтняго юноши, скоро сдѣлавшагося знаменитѣйшимъ изъ бывшихъ когда либо математиковъ—Леонарда Эйлера, о чемъ будетъ подробнѣе говорено въ жизнеописанiи послѣдняго.

Данiилъ Бернулли, и послѣ смерти брата своего въ 1726 г., продожалъ считаться профессоромъ по каѳедрѣ физiологiи, хотя это не мѣшало ему въ академическихъ засѣданiяхъ читать иногда статьи, по содержанiю своему чисто математическiя. 15 сентября 1728 г. онъ писалъ къ Блюментросту: „узнавъ чрезъ г. Мюллера, что вы приказали, чтобы каждый изъ профессоровъ составилъ вкратцѣ какой нибудь трактатъ, я имѣю честь испрашивать для себя въ частности вашего рѣшенiя по этому предмету, чтобы мнѣ можно было тѣмъ лучше сообразоваться съ нимъ. Поэтому умоляю васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать, обязанъ-ли я составить какой нибудь трактатъ изъ физики, математики или же систему физiологiи. Я сознаюсь, что послѣдняя возметъ у меня несравненно болѣе времени чѣмъ первые, но трудность не устрашитъ меня, и я думаю, что сдѣлалъ довольно много новыхъ наблюденiй касательно кровеобращенiя, движенiя мускулъ, дыханiя, питанiя, зрѣнiя, образованiя голоса и пр. Сдѣлайте, милостивый государь, мнѣ одолженiе, удостоивъ меня вашими приказанiями сколь возможно скорѣе, потому что подобнаго рода работы требуютъ много времени, а между тѣмъ срокъ приближается“....[1])

Въ первые годы своего пребыванiя въ Петербургѣ, Бернулли пользовался расположенiемъ Шумахера. Послѣднiй въ письмахъ къ Гольдбаху называетъ его notre Daniel[2]), а 26 декабря 1728 г. писалъ къ Блюментросту: „я не знаю, милостивый государь, помните-ли вы, что не достаетъ еще одного сокращенiя для его императорскаго величества, именно о навигацiи. Г. Бернулли желаетъ съ величайшимъ удовольствiемъ взять это на себя, если вамъ будетъ угодно дать на то приказанiе. Прошу васъ, милостивый государь, сдѣлайте это, чтобы

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 389.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 330.

имѣть ему какое нибудь занятіе. Онъ говоритъ, что любитъ работу. Если вамъ угодно, онъ хочетъ также представить переписку и книгу г. л'Опиталя о обезконечно малыхъ, надъ которою трудился его отецъ"....[1]) Причину такого расположенія Шумахера надобно искать въ томъ, что Бернулли съ самаго пріѣзда въ Петербургъ не ладилъ, равно какъ и братъ его Николай, съ академиками Германомъ и Бильфингеромъ, главными врагами Шумахера. Какъ ни кратки извѣстія о первоначальныхъ академическихъ засѣданіяхъ въ рукописи Мюллера съ матеріалами для исторіи Академіи, однако тамъ находимъ указанія на разладъ между собою названныхъ ученыхъ. Такъ, напр., читаемъ тамъ: 1726 г. февраля 22, Бернулли предложили нѣчто изъ механики; противъ него сильно возражалъ Бильфингеръ.... 1 марта, Бернулли и Бильфингеръ продолжали начатой споръ.... 4 марта, Даніилъ Бернулли предложилъ доказательство одной задачи изъ механики, которое онъ считалъ лучшимъ, чѣмъ помѣщенное въ Ѳорономіи Германа. Послѣдній защищалъ свое доказательство. Такъ-какъ оба вели себя другъ противъ друга запальчиво, то президентъ напоминалъ это имъ обоимъ, почему гг. Бернулли и Германъ просили извиненія.... Апрѣля 29, Бильфингеръ началъ чтеніе своей Dissertatio de estimatione virium, и по поводу ея вступилъ въ жестокій споръ съ Даніиломъ Бернулли. Послѣдній въ гнѣвѣ, наконецъ, сказалъ: errasti, errasti! Дювернуа благодушно хотѣлъ вмѣшаться, но Николай Бернулли возразилъ ему, что онъ не понимаетъ этого предмета.... 3 іюня предлагалъ нѣчто Даніилъ Бернулли, ему возражали Германъ и Бильфингеръ, но Бернулли не хотѣлъ слушать никакого противорѣчія, за что и получилъ выговоръ отъ г. президента"....

Разсказывая о Бернулли, Мюллеръ прибавляетъ: „у него

---

[1]) Ibid. № 448. Замѣтимъ здѣсь, что Іоганнъ Бернулли, въ бытность свою во Франціи въ 1690 г., познакомилъ маркиза л'Опиталя съ диференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіями. Впослѣдствіи маркизъ написалъ Traité des infiniment petits, который современники несправедливо приписывали Іоганну Бернулли. Послѣдній былъ на столько себялюбивъ, что не опровергалъ самъ слуховъ, пятнавшихъ память уже умершаго тогда л'Опиталя. Histoire des Mathématiques par Montucla, III, 336.

были непріятныя отношенія съ Бильфингеромъ, который имѣлъ привычку въ диспутахъ выражаться съ нѣкоторою ѣдкостью. Развѣ не легко университетскому ученому дозволить себѣ обидное выраженіе, которое, по законамъ о диспутахъ, особенно будучи произнесено на латинскомъ языкѣ, не считается таковымъ; однако не каждый могъ это стерпѣть. Такъ напр., atqui hoc est absurdum принадлежитъ къ подобнаго рода выраженіямъ, и оно-то было началомъ непримиримой вражды". Гораздо послѣ описываемаго времени, именно въ 1742 г., Бернулли вспоминалъ такимъ образомъ о своихъ спорахъ: „г. Бильфингеръ прежде меня упрекалъ, что у меня все отцовское и нѣтъ ничего своего, между-тѣмъ какъ по совѣсти я не заимствовалъ у него ни одного слова". [1])

Въ 1729 году парижская Академія наукъ предложила на рѣшеніе задачу: найти лучшій способъ опредѣленія высоты полюса на морѣ. Бернулли уговорился съ Шумахеромъ, что онъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи изъяснитъ таковой способъ, чтобы, при помощи изобрѣтеной имъ машины, производить помянутое наблюденіе, несмотря на качку корабля. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія академической конференціи 10 іюня, и Германъ взялся отвѣчать Бернулли въ торжественномъ засѣданіи отъ имени Академіи; также положено было прочесть тогда и жизнеописаніе покойнаго Николая Бернулли. Времени до публичнаго засѣданія оставалось немного, почему Бернулли удовольствовался тѣмъ, что набросалъ на бумагѣ только то, что имѣло соотношеніе ко дню тезоименитства императора Петра II (29 іюня); объясненіе же своего способа онъ хотѣлъ сдѣлать на словахъ при показаніи машины, а для составленія помянутаго отвѣта Бернулли далъ Герману на бумагѣ коротенькое объясненіе. Наканунѣ публичнаго засѣданія Бернулли показывалъ собравшимся академикамъ машину и сообщилъ о своемъ способѣ. Бильфингеръ не пропустилъ случая сдѣлать возраженіе, котораго Бернулли не принялъ терпѣливо. Тогда Бильфингеръ объявилъ, что рѣчь Бернулли не

[1]) Correspondance mathématique.... par Fuss, II, 505.

можетъ быть читана въ публичномъ засѣданіи, потому что не была предварительно сообщена конференціи, и что и жизнеописанія Николая Бернулли также не слѣдуетъ читать тамъ на томъ основаніи, что въ царскій день неприлично напоминать такое событіе, какъ смерть частнаго лица.

Несмотря на эти заявленія Бильфингера, публичное засѣданіе осталось неотмѣненнымъ, такъ-какъ программа его съ приглашеніями была уже отпечатана и разослана по городу. Въ засѣданіи Бернулли объяснилъ свой способъ, показывая машину; Германъ отвѣчалъ ему въ сомнительныхъ, но вѣжливыхъ выраженіяхъ, а Байеръ прочелъ жизнеописаніе Николая Бернулли. Адмиралъ Сиверсъ, присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, вмѣстѣ съ Мюнихомъ и другими знатными, былъ противъ мнѣнія Бернулли и, сомнѣваясь, чтобы его способъ удался при качкѣ корабля, обѣщалъ дать фрегатъ, если только Академія пожелаетъ послать кого нибудь произвести опыты съ новоизобрѣтенною машиною. Казалось, что дѣло было кончено, но оно кончилось только для публики. Въ первомъ же академическомъ засѣданіи послѣ торжественнаго собранія 1 іюля споръ между Бернулли и Бильфингеромъ возобновился, и оба они отправили другъ на друга пространныя жалобы къ президенту въ Москву.[1])

Блюментростъ, исполняя желаніе Шумахера, поручилъ Делилю и Мейеру быть въ коммиссіи для изслѣдованія вопросовъ, о которыхъ возникла распря между Бернулли и Бильфингеромъ; но вскорѣ затѣмъ Мейеръ умеръ, и такимъ образомъ назначенная коммиссія не состоялась. Какъ огорченъ и даже раздраженъ былъ Бернулли этимъ происшествіемъ, тому свидѣтельство осталось въ слѣдующемъ письмѣ его къ Шумахеру, писанномъ гораздо послѣ событія именно 10 сентября 1729 г.:[2])

„.... Боже мой, къ какимъ крайностямъ вынуждаютъ меня?

---

[1]) Эти длинныя жалобы и выписки всѣхъ обстоятельствъ дѣла сохранились въ архивѣ академической конференціи связка № 64, тетрадь № 11.

[2]) I, Входящія письма 1729 — 1735 г.

Обвиняютъ меня прямо въ ложныхъ выводахъ, и это обвиненіе дѣлаетъ г. Бильфингеръ. Еще болѣе: онъ меня выдаетъ за преступика, сообщая свѣдѣнія de vita et moribus meis. Я могу только оплакивать мое несчастіе... Конечно наши усилія совершенно различны: г. Бильфингеръ старается лишь уничтожить меня, а я хочу только доказать мою невинность, не желая ему ни малѣйшаго зла. Это видно изъ моего письма къ г. Блюментросту, въ которомъ имѣлъ честь писать къ нему въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ день спустя послѣ катастрофы въ нашемъ торжественномъ засѣданіи, а также и изъ письма г. Бильфингера, написаннаго гораздо послѣ и наполненнаго оскорбленіями. Онъ хочетъ уничтожить мою извѣстность, а между тѣмъ не въ состояніи доказать ни одного ложнаго вывода, и мнѣ легко обличить и опровергнуть его вздорное злорѣчіе. Мнѣ онъ не оказывалъ ни малѣйшаго одолженія, а между тѣмъ я, какъ истинный другъ, часто исправлялъ его статьи, которыя онъ не хотѣлъ печатать, не показавъ ихъ мнѣ три или четыре раза для исправленія. Онъ этимъ умѣлъ очень хорошо воспользоваться, что̀ свидѣтельствуютъ его диссертаціи de viribus corpori moto insitis; de tubis capillaribus и пр."... Въ письмѣ къ Гольдбаху $\frac{22 \text{ сентября}}{3 \text{ октября}}$ 1729 г. Бернулли, разсказывая подробности объ обвиненіи его въ заимствованіяхъ изъ посланной въ Парижъ диссертаціи Мейера, еще-въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ отзывается о Бильфингерѣ. [1])

Къ чести этихъ ученыхъ, надобно замѣтить, что скоро непріязненныя между ними отношенія стали сглаживаться, что видно изъ письма Шумахера къ Бернулли 23 апрѣля 1730 года. „Вѣроятно у васъ очень короткая память, писалъ тогда первый, когда вы находите удовольствіе въ такомъ долгомъ путешествіи въ сообществѣ съ двумя лицами (конечно Германомъ и Бильфингеромъ), которые стоили вамъ столькихъ слезъ (qui vous ont couté tant de larmes). Какъ вы можете довѣряться людямъ, осмѣлившимся съ такою наглостью нападать на вашу честь, которую вы, однако, цѣните болѣе, чѣмъ всѣ

---

[1]) Correspondance mathématique, pas Fuss, II, 319 — 323.

сокровища міра? Подумайте объ этомъ, мой любезнѣйшій, и сдѣлайте намъ честь вашею дружбою"[1]).

Внушенія такого рода не имѣли вліянія на Бернулли, и Мюллеръ въ своей рукописи оставилъ слѣдующее извѣстіе подъ 1730 годомъ: „Я не хочу пройти молчаніемъ одного обстоятельства, касающагося Бильфингера и Бернулли. Пріятно знать подробности о великихъ ученыхъ и ихъ нравственномъ характерѣ, особенно когда они оказали вліяніе на усовершенствованіе наукъ и могутъ быть поставлены въ назиданіе или примѣръ другимъ. Разлука Бернулли и Бильфингера положила конецъ всякому раздору между ними, потому что причина къ зависти — страсть, впрочемъ, полезная для наукъ—прекратилась. Г. Бильфингеръ, который сдѣлался очень вѣжливымъ по своемъ возвращеніи въ Тюбингенъ, написалъ очень дружеское письмо къ г. Бернулли въ Петербургъ, а послѣдній не замедлилъ отвѣтить такимъ же образомъ".

Къ 1729 г. относится начало самаго обширнаго изъ трудовъ Даніила Бернулли — его Гидродинамики, о чемъ онъ писалъ къ Шумахеру 5 іюня того года, прося его довести до свѣдѣнія президента: „Мѣсяцевъ съ шесть какъ я приступилъ къ сочиненію очень полнаго трактата о законахъ движенія воды, который будетъ около сорока листовъ. Одна эта работа займетъ у меня почти день и ночь въ продолженіе всего времени, которое у меня остается по моему обязательству... У меня теперь мысли такъ наполнены этимъ предметомъ, что я весьма бы желалъ имѣть возможность, не отрываясь новыми занятіями, окончить работу такъ, какъ она представляется теперь въ моемъ умѣ. Я обязуюсь въ такомъ случаѣ окончить ее прежде моего отъѣзда. Я не думалъ, чтобы это сочиненіе потребовало столько труда, а потому намѣревался присоединить къ нему вторую часть, для примѣненія этихъ открытій къ кровеобращенію, движенію воздуха при вдыханіи и другихъ жидкостей человѣческаго тѣла"...[2]).

---

[1]) Рукописный сборникъ, г. Свенске, № 508.

[2]) I, Входящія письма 1729 — 1735 годовъ.

Изъ переписки Шумахера съ Блюментростомъ по поводу заключенія новаго контракта съ Бернулли видно, что библіотекарь уже успѣлъ охладѣть къ академику. Такъ 23 іюля 1730 г. Шумахеръ писалъ: „Контрактъ г. Бернулли почти уже составленъ, но онъ мнѣ кажется нѣсколько высокомѣрнымъ. Съ первою почтою я сообщу его съ моими предварительными замѣчаніями“[1]). 8 февраля 1731 года: „г. профессоръ Бернулли представилъ къ подписанному уже имъ контракту прилагаемое при семъ заключеніе не по иной какой причинѣ, какъ только потому, что хочетъ поломаться и вмѣстѣ съ тѣмъ попугать. Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно догадаться, что онъ будетъ очень смущенъ, если нарушится заключенный съ нимъ контрактъ, почему полагаю, что вы не можете лучше наказать неумѣстную бойкость и заносчивость этого господина, какъ приказавъ передать ему прилагаемыя при семъ условія въ отвѣтъ на его требованія. Этимъ онъ смирится, а другіе, напротивъ, сдѣлаются осторожнѣе и, можетъ-быть, благодарнѣе. Если имъ не показать во время примѣра, то вы скоро испытаете, что все снова обратится въ прежнее настроеніе (намекъ на неудовольствія съ Германомъ и Бильфингеромъ). Я предвижу это впередъ“[2]).

3 мая 1731 года библіотекарь писалъ, что Бернулли съ Эйлеромъ наняли домъ Курбатова: „эти господа, прибавляетъ Шумахеръ, порой бываютъ одержимы причудами, которыя ничѣмъ инымъ прогнать нельзя, какъ скорымъ рѣшеніемъ[3]).

Въ іюнѣ того же года Эйлеръ просилъ о прибавкѣ жалованья въ 100 руб. въ томъ случаѣ, если онъ, по отъѣздѣ Бернулли, займетъ каѳедру высшей математики[4]), а 22 ноября послѣдній писалъ къ президенту Академіи: „Вторымъ моимъ контрактомъ, подписаннымъ 1 сентября 1730 года, я обязанъ за шесть мѣсяцевъ предварить, что желалъ бы покинуть Россію. Состояніе моего слабаго здоровья не дозволяетъ мнѣ испол-

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 532.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 576.

[3]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 626.

[4]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 646.

нять мои обязанности съ тою точностію, съ какою бы я хотѣлъ, ни оставаться долѣе въ этомъ климатѣ, котораго воздухъ кажется вреднымъ для моего теперешняго нездоровья, а потому долгомъ считаю обратиться къ вамъ съ предувѣдомленіемъ, что я рѣшился уѣхать въ іюнѣ 1732 года. При этомъ будетъ излишне здѣсь выражать предъ вами, милостивый государь, то чрезмѣрное сожалѣніе, съ которымъ я вижу себя вынужденнымъ къ этому поступку, столь противорѣчащему моимъ желаніямъ провести съ нѣкоторою пользою остатокъ моей жизни въ здѣшнемъ государствѣ на службѣ величайшей и милостивѣйшей въ мірѣ государыни. Благодѣянія и знаки уваженія, которыми былъ я осыпанъ и которыми, милостивый государь, мнѣ всегда пріятно было быть обязаннымъ вамъ, будутъ свидѣтельствовать о моей горести предъ лицомъ всего свѣта. Меня утѣшаетъ, что если Богъ сохранитъ мнѣ жизнь, то я не буду внѣ возможности оказывать услуги Академіи и заслужить нѣкоторымъ образомъ званіе почетнаго профессора, на которое заранѣе мнѣ всемилостивѣйше было соизволено. Объ этомъ я еще буду имѣть честь говорить съ вами по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ"[1]).

Послѣ этого письма, Бернулли оставался въ Петербургѣ еще полтора года. Въ этотъ промежутокъ времени, онъ писалъ сначала къ президенту Академіи наукъ о своемъ отъѣздѣ изъ Россіи или же о назначеніи его безсмѣннымъ деканомъ съ титуломъ и рангомъ какой нибудь гражданской должности (doyen perpétuel de l'Académie avec un titre et rang de quelque emploi civil quel qu'il soit)[2]). Блюментростъ отвѣчалъ, что возведеніе въ чины отъ него не зависитъ. Тогда Бернулли, 19 іюля 1732 г., подалъ прошеніе на имя императрицы Анны объ увольненіи его изъ Академіи, съ званіемъ почетнаго члена и ежегодною пенсіею по 200 руб., и въ концѣ прибавилъ: „однакожъ подвергаюсь я съ глубочайшею покорностію всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу, ежели сіе за полезно разсуждено будетъ, чтобъ мнѣ при Академіи еще чрезъ нѣкоторое время быть, то нижайше прошу, чтобы ваше

---

[1]) II, книга № 422.

[2]) II, книга № 10.

императорское величество соблаговолили за честь моей фамиліи (которая въ швейцарской нашей республикѣ первый чинъ всегда имѣла) мнѣ титулъ придворнаго совѣтника, которымъ и отъ другихъ монарховъ уже нѣкоторые профессоры пожалованы, чиномъ и преимуществами здѣшнихъ совѣтниковъ государственныхъ коллегій, или другой какой чинъ, о которомъ я, яко старшій профессоръ, нѣкоторую надежду имѣть могу"....

Блюментростъ, при докладѣ этой просьбы императрицѣ (31 іюля 1732 г.) отозвался: „сія отмѣна (пожалованіе чина) прочимъ профессорамъ, изъ которыхъ иные ему первенство оспориваютъ, зѣло досадна будетъ и къ великому несогласію поводъ подастъ, также и Академія въ немъ необходимой нужды не имѣетъ для того, что на его мѣсто профессоръ Эйлеръ, а на мѣсто сего профессора, профессоръ Крафтъ свободно опредѣлены могутъ" [1]).

Въ началѣ 1733 г. Даніилъ Бернулли просилъ уже только объ отпускѣ за границу съ званіемъ почетнаго члена и ежегодною пенсіею въ 200 рублей. Въ тоже время предлагалъ свои услуги Академіи прибывшій въ Петербургъ третій братъ Даніила Бернулли, Іоганнъ: онъ брался или заступить мѣсто своего брата по каѳедрѣ высшей математикѣ, или же занять имѣвшую быть свободною каѳедру юриспруденціи [2]). Блюментростъ въ отвѣтахъ своихъ на письма Бернулли говорилъ неопредѣленно о пенсіи старшему изъ нихъ, и о томъ, что о назначеніи Іоганна въ Академію можетъ послѣдовать только послѣ утвержденія академическаго штата [3]).

24 іюня 1733 года Бернулли съ братомъ оставилъ Петербургъ. По возвращеніи своемъ въ Базель, онъ въ 1733 году за-

---

[1]) II, книга № 10.

[2]) Этотъ Іоганнъ Бернулли родился въ 1710 году, изучалъ юриспруденцію и былъ докторомъ правъ, что не мѣшало ему заниматься и математикою. По отзыву Даніила Бернулли, онъ когда бы былъ прилежнѣе, то легко превзошелъ бы всѣхъ Бернулли, какъ математикъ. Іоганнъ Бернулли нѣсколько разъ получалъ преміи за рѣшенія математическихъ задачъ, предлагавшихся отъ парижской Академіи наукъ, и умеръ въ 1790 г. профессоромъ математеки въ базельскомъ университетѣ (Die Mathematiker Bernoulli von P. Merian, 49 — 51.

[3]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

нялъ тамъ каѳедру анатоміи и физіологіи, а въ 1750 г. читалъ курсъ физики. Эти занятія не мѣшали ему посвящать все свободное время чистой математикѣ, и ему много разъ удавалось получать преміи за рѣшеніе задачъ, предлагавшихся парижскою Академіею наукъ.

Послѣ отъѣзда Бернулли изъ Россіи, у него началась оживленная переписка съ Эйлеромъ, какъ во время бытности его въ Петербургѣ, такъ и нѣкоторое время по переѣздѣ его оттуда въ Берлинъ. Бо́льшая часть этой переписки посвящена разнымъ вопросамъ изъ высшей математики; но есть также въ ней мѣста, касающіяся состоянія петербургской Академіи наукъ, и здѣсь-то нерѣдко видны взгляды Бернулли на управленіе и управлявшихъ ея въ ту эпоху[1]). Въ 1733 году Даніилъ Бернулли предлагалъ свои услуги для сближенія нашей Академіи съ парижскою. Онъ радовался назначенію въ 1734 году президентомъ Академіи ученаго барона Корфа и говорилъ по этому случаю: „хорошій генералъ долженъ быть хорошимъ солдатомъ... Однако, было бы очень жалко, если бы математическій отдѣлъ, по словамъ вашимъ, пришелъ въ упадокъ. Можно говорить, что хочешь, однако почетъ Академіи отъ иностранцевъ по бо́льшей части въ зависимости отъ математическихъ и физическихъ наукъ. Въ этомъ я достаточно убѣдился по моемъ возвращеніи сюда. Надобно постараться достать изъ Парижа молодаго Клеро[2]). Я не могу вамъ довольно выразить, съ какою жадностью повсюду спрашиваютъ о мемуарахъ петербургскихъ. Желательно по этому, чтобы поспѣшали печатаніемъ ихъ. Если бы современемъ былъ недостатокъ въ статьяхъ, а моими не

[1]) Correspondance mathématique par Fuss, II, 411, 412, 415, 416, 419, 420, 421, 422, 423, 425, 426, 428, 429, 431, 432, 450, 471, 474, 498, 505, 607, 608, 651, 652, 671, 672, 673, 674, 675, 677.

[2]) Это предложеніе Клеро въ члены Академіи показываетъ, какъ удачно и осмотрительно дѣлалъ свои рекомендаціи Бернулли: Алексѣй Клавдій Клеро былъ въ XVIII столѣтіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ математиковъ. Особенною извѣстностью пользуется его сочиненіе Théorie de la figure de la terre. Въ 1750 г. его изслѣдованія для составленія лунныхъ таблицъ, основанныя на законахъ тяготѣнія, были увѣнчаны преміею отъ нашей Академіи наукъ и напечатаны ею подъ заглаіемъ Théorie de la lune etc.

пренебрегутъ, то я готовъ прислать нѣкоторыя изъ нихъ. Жалко мнѣ, что тѣ, которыя послалъ я къ президенту за годъ передъ симъ, затерялись"...

Въ 1734 г. Бернулли сообщалъ Эйлеру, что печатаніе его Гидродинамики взялъ на себя Дульзекеръ въ Страсбургѣ съ уплатою автору 100 талеровъ и выдачею тридцати экземпляровъ. Такъ скудно вознаграждались геніальные труды ученыхъ въ Европѣ первой половины XVIII столѣтія! Въ 1735 году Бернулли писалъ: „моя Гидродинамика еще не готова. Для меня было бы очень пріятно, если бы г. камергеръ Корфъ представилъ ее, когда она будетъ готова, отъ моего имени ея императорскому величеству и похлопоталъ, чтобы это сочиненіе было всемилостивѣйше принято въ знакъ моей всеподданнѣйшей и совершенно чуждой разсчетовъ признательности. Благодарю васъ за оказанную мнѣ услугу касательно моего пенсіона и увѣряю васъ, что я о томъ никогда не забуду. Я охотно приму всѣ условія, которыя угодно будетъ г. камергеру предложить мнѣ, потому что для меня истинное удовольствіе всю жизнь состоять въ русской императорской службѣ; все же прочее я считаю за ничто... Вашу механику я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ пріятно, что печатается также IV-й томъ Комментаріевъ. Дѣйствуйте всячески на г. камергера, чтобы Комментаріи печатались правильно и рачительно: вамъ извѣстно, какъ важно это для чести Академіи. Радуюсь, что мои статьи заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе... Недавно я былъ въ Гюнингенѣ съ профессоромъ Шёпфлиномъ, и мы хотѣли осмотрѣть фортъ, сооруженный на Рейнѣ, на что и просилъ г. Шёпфлинъ дозволеніе коменданта, который, увидавъ меня въ экипажѣ, спросилъ, кто я такой? Какъ только г. Шёпфлинъ назвалъ меня, то одинъ офицеръ подошелъ къ коменданту и сказалъ: милостивый государь, берегитесь, онъ еще состоитъ на жалованьѣ царицы. Комендантъ очень хорошо меня зналъ и тѣмъ не менѣе приказалъ показать намъ все"... 4 іюня 1735 г.: „я читалъ въ журналѣ, что гг. Крафтъ и Делиль производятъ почти ежедневно опыты предъ ея императорскимъ величествомъ. Когда подумаю, что писалъ вамъ отецъ объ изобиліи, которое, какъ

прежде, еще царствуетъ въ Петербургѣ, то кажется тамъ играютъ по маленькой въ ожиданіи бо́льшей игры. Однако, Россія съ своею игрою по маленькой порѣшитъ все дѣло... Вы уже знаете, что гг. Моцертюи и Клеро назначены къ отправленію въ Ботническій заливъ для произведенія тамъ опытовъ и наблюденій преимущественно для опредѣленія вида земли. Можетъ-быть г. Делиль имѣетъ повелѣніе отъ французскаго двора находиться тамъ. Очень жаль, что оба эти двора не состоятъ въ полномъ согласіи, потому что ничто не было бы такъ полезно для наукъ, какъ тѣсная связь между собою обѣихъ Академій, которыя теперь только двѣ и заслуживаютъ это названіе. Можетъ-быть, что несмотря на то (т. е. на политическое разногласіе между Россіею и Франціею) кто-нибудь будетъ посланъ въ Ботническій заливъ на счетъ Академіи, чтобы произвести соединенными силами нѣкоторыя наблюденія. Я бы желалъ, чтобы вы были посланы: никто не можетъ лучше васъ исполнить этого. Для васъ было бы очень пріятно познакомиться съ г. Клеро; быть можетъ они (французскіе ученые) прибудутъ въ Петербургъ, если имъ будутъ въ томъ благопріятствовать... Русскія войска, находящіяся въ сосѣдствѣ у насъ, дѣлаютъ много чести своему народу. Всѣ, проѣзжавшіе чрезъ ихъ лагерь, разсказываютъ о доброй дисциплинѣ, хорошей наружности и вѣжливости офицеровъ. Я также можетъ-быть съѣзжу туда... Я теперь такъ-сказать совсѣмъ другой человѣкъ относительно здоровья съ тѣхъ поръ, какъ наслаждаюсь нашимъ прекраснымъ швейцарскимъ воздухомъ“...

Въ 1736 году Даніилъ Бернулли изъявлялъ готовность прислать свои статьи для Комментаріевъ и жалѣлъ, что они такъ долго не выходили. 18 марта 1737 г., Корфъ постановилъ производить Д. Бернулли пенсію съ 1 января 1735 г. по 200 руб. и слѣдующіе за первые два года 400 р. выдать Эйлеру для пересылки Бернулли[1]). Въ 1738 г. Бернулли прислалъ въ Академію Гидродинамику, которую, по совѣту барона Корфа, посвятилъ Бирону, и просилъ Эйлера уничтожить рукопись этого

[1]) Ц, книга № 438.

сочиненія, оставленную имъ въ 1733 г. въ Академіи, такъ какъ она, по словамъ автора, была неполна и не безъ ошибокъ.

Въ 1741 г., Эйлеръ перешелъ въ берлинскую Академію наукъ, и Бернулли еще до отъѣзда его изъ Петербурга писалъ къ нему: „Я прошу васъ до вашего отбытія устроить дѣло такъ, чтобы Академія назначила мнѣ корреспондента, подобно тому какъ стараются завести это въ Парижѣ. Я желалъ бы, чтобы въ Петербургѣ были медики, знающіе начала математики, въ особенности же механики и гидравлики, такъ-какъ я по этимъ предметамъ, при нынѣшнихъ моихъ занятіяхъ, сдѣлалъ очень много наблюденій"…. Около этого времени Бернулли не разъ изъявлялъ Эйлеру свое неудовольствіе на своего отца, что онъ самопроизвольно присвоивалъ себѣ его сочиненія и печаталъ ихъ какъ свои собственныя[1]).

Съ отъѣздомъ за границу барона Корфа, Академія лишилась дѣятельнаго и энергическаго начальника; притомъ же, при всей своей доброй волѣ, этотъ президентъ оказался не въ силахъ привести въ порядокъ финансовую часть ученаго учрежденія, отчего и при немъ, и послѣ него чувствовался постоянный недостатокъ въ деньгахъ на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ Академіи, въ которой, кромѣ наукъ, отведено было важное мѣсто художествамъ и ремесламъ. Временное удаленіе совѣтника Шумахера отъ академическихъ дѣлъ не уменьшило, но еще болѣе усилило замѣшательства въ Академіи. Заступившій мѣсто Шумахера Нартовъ не понималъ ничего въ управленіи ученымъ учрежденіемъ. Полагая поправить хозяйственную часть, онъ придумалъ прекратить производство пенсіоновъ тѣмъ изъ заграничныхъ ученыхъ, которые за сообщеніе статей и поддержаніе сношеній съ Академіею получали отъ нея пенсіоны. По этому и Бернулли лишился назначенныхъ ему 200 р. По выхо-

[1]) Іоганнъ Бернулли, отецъ Даніила, человѣкъ самолюбивый и неукротимый въ спорахъ даже съ братомъ своимъ Яковымъ, который былъ наставникомъ его въ математикѣ, былъ также несправедливъ и къ своему сыну: «онъ видѣлъ въ немъ, говоритъ Кондорсе, только соперника, а въ его успѣхахъ недостатокъ уваженія къ себѣ, что долго выговаривалъ ему съ горечью»...

дѣ Нартова, Шумахеръ въ 1744 году представлялъ въ сенатъ, что для чести Россіи слѣдовало бы продолжать пенсіоны иностраннымъ ученымъ, которые уже ихъ получали; при чемъ о Бернулли былъ сдѣланъ такой отзывъ: „онъ за опредѣленную ему годовую пенсію по 200 рублей обязался труды и услуги свои показывать.... Оное свое обѣщаніе исполнялъ онъ съ такимъ тщаніемъ, что академическіе Комментаріи учеными его сочиненіями почти наполнены. Съ Академіею содержалъ онъ не только прилежную корреспонденцію, но и другихъ ученыхъ людей изобрѣтенія и труды всѣми мѣрами въ пользу здѣшней Академіи обращать старался; а сверхъ того онъ, яко членъ здѣшней Академіи, и напечатанною въ Германіи собственнымъ своимъ иждивеніемъ книгою о гидростатикѣ не малую Академіи учинилъ славу.“[1]) Однако и послѣ этого представленія Бернулли много лѣтъ потомъ не получалъ пенсіи, хотя за него въ 1742 году ходатайствовалъ нашъ посланникъ при версальскомъ дворѣ, князь Антіохъ Кантемиръ.[2]) Еще прежде Даніилъ Бернулли сообщалъ Эйлеру, что ему сказывалъ Мопертюи, что въ Парижѣ князь Кантемиръ снискалъ себѣ у всѣхъ чрезвычайное уваженіе[3]). Любопытно, что изъ письма Бернулли отъ 20 октября 1742 г. видно, что князь просилъ его тогда сообщить ему свои изслѣдованія de sono laminarum liberarum, такъ-какъ онъ разсуждалъ о подобныхъ предметахъ у Клеро. Бернулли притомъ присовокупилъ: „князь Кантемиръ въ чрезвычайно вѣжливомъ письмѣ предлагаетъ мнѣ свои услуги касательно пенсіона, и это самъ отъ себя. Онъ даже предложилъ (между нами) войти съ необходимыми представленіями къ министрамъ или къ самой императрицѣ; но я его просилъ ходатайствовать за меня только у г. Шумахера, что̀ имъ и исполнено — не знаю только, съ какимъ успѣхомъ.“

Письма Бернулли къ Эйлеру отъ описанной сейчасъ эпохи показываютъ, какъ близко принималъ къ сердцу первый изъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи Академіи наукъ въ государственномъ архивѣ.

[2]) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, изд. подъ редакціею г. Ефремова (Спб. 1868), II, 334, 335.

[3]) I, Eingekommende Briefe von a. 1736, л. 34.

нихъ все происходившее тогда въ Академіи. Замѣтно, что его не мало огорчало при томъ и лишеніе пенсіона. Издатель его писемъ П. Фуссъ выключилъ, при печатаніи ихъ, нѣкоторыя мѣста, вѣроятно казавшіяся ему рѣзкими и сто лѣтъ спустя послѣ того какъ были они писаны. Здѣсь рѣчь шла объ упадкѣ Академіи, недоброжелательствѣ Шумахера и надменности и ничтожествѣ товарища его по управленію Академіею Гольдбаха и т. п. Въ примѣръ тому, какія иногда исключались мѣста изъ писемъ Бернулли при изданіи ихъ въ свѣтъ, привожу здѣсь пропускъ изъ письма отъ 4 января 1746 года: „Если до меня еще доходитъ что нибудь изъ Петербурга, то всегда нечаянно, и это тѣмъ болѣе доставляетъ мнѣ радости. Между-тѣмъ я не вижу, какъ было бы возможно снова возстановить Академію на прочномъ основаніи. Отличиться бы можно было физикою механическою и экспериментальною, а вы бы и изъ заграницы были въ состояніи дѣлать хорошія предложенія, быть полезнымъ нѣкоторымъ академикамъ и, сверхъ того, заниматься согласно нынѣшнему направленію. Теперешнихъ академиковъ я не на-столько знаю, чтобы судить, достаточны-ли собственныя ихъ умозрѣнія для внушенія уваженія къ Академіи, о чемъ я прошу вашего мнѣнія, такъ-какъ убѣжденъ, что вы не сомнѣваетесь въ моей скромности и благонамѣренности“...

Назначеніе президентомъ Академіи графа Разумовскаго возбудило въ Бернулли надежду на улучшеніе академическихъ дѣлъ. „Боюсь только, говоритъ онъ въ письмѣ 9 іюля 1745 года, что уже будетъ невозможно привести Академію въ прежнее цвѣтущее состояніе, но это бы осуществилось, когда бы вы рѣшились отправиться туда года на два. Дѣло можно бы такъ устроить, что король, по сосѣдству и изъ дружбы къ императрицѣ, отпустилъ бы васъ въ Россію, и въ такомъ случаѣ конечно не можетъ возникнуть никакихъ неудобствъ. Я вызываюсь исправлять въ продолженіе двухъ лѣтъ ваши обязанности въ Берлинѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы получали берлинское жалованье“....

Въ 1747 году изъ петербургской Академіи было сдѣлано

Даніилу Бернулли приглашеніе снова вернуться туда.[1]) Сначала ему предложено было жалованья 1200, а потомъ 1600 руб. Шумахеръ, съ своей стороны, старался уговорить Бернулли, предлагая ему мѣсто секретаря конференціи и говоря, что это удобный для него случай войти въ милость къ графу Разумовскому, который, по его выраженію, „est un seigneur de conséquence à la cour"…. Тогда же предложена была Іоганну Бернулли каѳедра механики съ 860 р. жалованья. Въ одномъ письмѣ изъ академической канцеляріи, 26 марта 1748 года, Бернулли было сдѣлано даже нѣчто въ родѣ угрозы: „если вы будете, сказано тамъ, настаивать въ своемъ отказѣ послѣ предложенныхъ вамъ, столь выгодныхъ условій, то вы, милостивый государь, введете г. президента въ подозрѣніе, которое можетъ повредить многимъ"….

Подробности о приглашеніи Бернулли возвратиться въ Петербургъ сохранились также въ слѣдующемъ письмѣ Эйлера, отъ 9 апрѣля 1748 года, вѣроятно къ Теплову, письмѣ любопытномъ и потому, что оно все написано великимъ математикомъ по русски:[2]) „Я вамъ покорнѣйше благодарствую, что дѣло Гдна Бернуллія ныне къ его удовольствію почти окончано. Я тѣмъ толь болше радуюсь, что Гднъ Бернулли на меня гораздо сердится сталъ, и мнѣ всю причину сихъ ему противныхъ случаевъ приписалъ, потому что онъ думалъ, аки бы я очень твердое обнадеженіе о его намѣреніи Вамъ давалъ, и для того онъ о мнѣ ни мало у Г. Графа фонъ Кейзерлинга и Г. де Мопертуисъ жаловался. Онъ своимъ гнѣвомъ на меня такъ далеко поступалъ, что меня о смерти отца его не извѣстилъ, и едва не теперь еще его утолить не могъ, хотя ему доказалъ что всегда къ Вамъ не наикрѣпчайше о его намѣреніи писалъ. О чемъ у Васъ мнѣ не надобно оправдатся, потому что онъ самъ своею резолюціею доволно показалъ, что я ни въ чемъ ему не погрѣшилъ, понеже онъ не позволеніемъ отца своего отказался, а не жаловался, что я ложно Вамъ о его намѣреніи доносилъ. Я также не

[1]) Объ этихъ предложеніяхъ: I, Исходящія письма 1743 — 1747 годовъ, и такія же 1748 года.

[2]) I, Eingekommende Briefe von 1745 bis 1769. Въ приведенномъ письмѣ сохранено правописаніе подлинника.

сумнѣваюся, что онъ въ ту пору, какъ онъ мнѣ в' первѣ о томъ писалъ подлинно намѣренъ не былъ вокацію к' Імператорскои Академіи принять; потому что я знаю, что онъ в' то время очень чувствително былъ обиженъ отъ Магистрата Базелскаго, ибо в' публичномъ о нѣкоторомъ бунтовщикѣ изданномъ указѣ, о Гднѣ Бернулли упомянуто было, что онъ съ онымъ бунтовщикомъ обхожденіе имѣлъ: и симъ онъ тотчасъ такъ былъ недоволенъ, что онъ необходимо свое отечество оставить хотѣлъ. А потомъ Магистратъ базелскіи к' нему болше склонности показалъ, такъ что онъ свое намѣреніе совсѣмъ смѣнялъ. А теперь по смерти отца своего нарочито богатъ сталъ, и понеже онъ теперь в' почтеніи имѣется, то легко причину можно догадать, для чего такъ великое перемѣненіе воспріять не хочетъ. Между тѣмъ ему съ нынѣшнею почтою пишу что Его Сіятелству весма удивително показалося, что онъ намѣренъ былъ прежде ангажироватся, а послѣ свое намѣреніе такъ нечаянно отмѣнилъ, однакожъ его пензія не пропадетъ, токмо надобно чтобы все то что приготовилъ для посылки въ Імператорскую Академію прислалъ немедленно, что онъ безъ сумнѣнія скоро учинитъ. Сію резолуцію я также, аки бы и до меня казалось, принимаю и съ симъ Вамъ присылаю восемь піесы моеи работы, и впредь ежегодно столко я готовъ переслать, сколко Его Сіятелство Господинъ Президентъ приказать изволитъ. Я чаю что еще доволное число моихъ піэсъ в' архиве лежитъ, которыя съ сими, которыя теперь прислать честь имѣю, для наполненія Комментаріевъ до сіе время будутъ доволны"....

Что касается до Бернулли, то онъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ письмахъ къ Эйлеру, выпущенныхъ Фуссомъ въ печатномъ изданіи, нодовѣрчиво смотрѣлъ на всѣ эти предложенія и подъ предлогомъ слабости здоровья отклонилъ ихъ. Бернулли, въ письмѣ 15 мая 1748 года, прямо говоритъ напримѣръ о томъ, что Шумахеръ есть единственная причина недовѣрія заграницею къ петербургской Академіи; что его „verfluchte Aufführung", не принесло ничего, кромѣ стыда ученому обществу, и что огромныя суммы растрачены даромъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ переписка Бернулли съ Эйлеромъ прекратилась и едва-ли не вслѣдствіе какого нибудь неудовольствія между ними, такъ-какъ послѣднія письма передъ прекращеніемъ переписки замѣчательны по своей холодности и сдержанности, которыхъ не замѣчалось въ прежнихъ письмахъ.

Тотчасъ же по назначеніи графа Владиміра Орлова директоромъ Академіи, когда управленіе ею поручено было коммиссіи, составленной изъ академиковъ, и самовластіе Тауберта, наслѣдника Шумахера, кончилось, было постановлено производить Даніилу Бернулли съ 1 января 1767 г. пенсіонъ въ 200 рублей. По этому поводу академикъ Штелинъ, тогдашній конференцъ-секретарь, писалъ къ Бернулли:[1]) „его сіятельство графъ Орловъ и члены коммиссіи, не имѣя права входить въ подробности за прошедшее время, когда, Богъ знаетъ почему, нѣкоторымъ почетнымъ членамъ прекратили пожалованныя имъ пенсіи, назначили снова обыковенный пенсіонъ въ 200 рублей нѣкоторымъ изъ нашихъ иностранныхъ членовъ, поименованнымъ въ академическомъ регламентѣ, а именно тѣмъ, кои отличались до сихъ поръ своими достоинствами и въ состояніи исполнять условія, соединенныя съ этою обязанностью, какъ-то: присылать отъ времени до времени статьи въ наши Комментаріи, вести переписку съ Академіею и принимать на себя нѣкоторыя порученія ея. Между такими членами вы, милостивый государь, считаетесь первымъ, почему, согласно опредѣленію нашей Академіи, имѣю честь увѣдомить васъ настоящимъ письмомъ, что съ 1 января текущаго 1767 года вы будете получать пенсіонъ въ 200 рублей ежегодно“....

Переселеніе въ 1773 г. изъ Базеля въ Петербургъ ученика Бернулли, Николая Фусса, дало возможность первому изъ нихъ получать подробности объ Академіи. 7 іюня 1777 года. Даніилъ Бернулли, писалъ къ Фуссу: „то, что вы сообщаете мнѣ о вашемъ механикѣ самоучкѣ г. Кулибинѣ, по поводу деревяннаго моста чрезъ Неву, шириною въ 1057 англійскихъ

---

[1]) I, Исходящія письма 1765 — 1768 годовъ.

футовъ, даетъ мнѣ высокое мнѣніе объ этомъ искусномъ строителѣ и плотникѣ, воспитанномъ между простыми крестьянами и обязанномъ своимъ высшимъ знаніямъ только нѣкотораго рода инстинкту.... Вы, конечно, видѣли работу г. Андрее (Andreae), изданную въ формѣ писемъ въ Цюрихѣ 1776 года: тамъ вы найдете очень подробное описаніе деревяннаго моста въ Шафгаузенѣ, длиною въ 364 англійскихъ фута: но здѣсь воспользовались устоемъ, устроеннымъ самою природою и находящимся посрединѣ, такъ-что длиннѣйшая часть имѣетъ только 200 футовъ, очень ничтожныхъ въ сравненіи съ 1057. Эта длина Невы мнѣ кажется чрезмѣрною, и признаюсь, что я не имѣлъ бы смѣлости одобрить постройку такого моста, развѣ можно было бы утвердить два или три устоя, чтобы раздѣлить весь мостъ на три или четыре почти равныя части. У меня составилось это мнѣніе только послѣ внимательнаго чтенія всего описанія г. Андрее. Я ни мало не слушаюсь чистой теоріи въ этихъ работахъ, потому что невозможно достаточно изчислить всѣхъ обстоятельствъ, которыя непремѣнно должны быть приняты въ разсчетъ: необходимо работать ощупью надъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ, недопускающихъ никакихъ точныхъ опредѣленій. Главный строитель обязанъ чаще всего обращаться къ своей врожденной сообразительности. Въ этомъ-то я признаю все преимущество, которымъ можетъ владѣть такой человѣкъ, какъ Кулибинъ.[1] Я проникнутъ уваженіемъ къ нему, но не въ состояніи побѣдить своего скептицизма въ отношеніи моста, о которомъ идетъ рѣчь. Пожалуйста увѣдомьте меня, какова высота модели въ своей срединѣ сравнительно съ ея оконечностями и какимъ образомъ этотъ великій артистъ размѣстилъ 3500 пудъ тяжести на своей модели? Если она въ состояніи удержать еще 500 пудъ, которые предположилъ онъ наложить на нее, то это увеличеніе будетъ сильнымъ доказательствомъ самаго счастливаго успѣха, какой только можно было обѣщать. Въ прежнія времена я дѣ-

[1] Кулибинъ съ 1769 г. былъ механикомъ при Академіи наукъ. Его контрактъ, заключенный съ нимъ на эту должность, см. II, книга № 322.

лалъ много разысканій о силѣ и сопротивленіи деревьевъ, обдѣланныхъ разнообразными способами; эти разысканія всегда подтверждались на опытѣ, но я еще колеблюсь на счетъ сопротивленія бревна извѣстной длины“ и пр.

Даніилъ Бернулли пользовался въ Базелѣ всеобщимъ уваженіемъ, и тамъ на улицѣ каждый долгомъ считалъ поклониться при встрѣчѣ съ геніальнымъ математикомъ. Несмотря на блестящіе успѣхи и огромныя заслуги, этотъ ученый былъ простъ въ обхожденіи, безъ тщеславія, а также и безъ поддѣльной скромности. Онъ любилъ разсказывать своимъ друзьямъ, какъ одинъ неизвѣстный путешественникъ, послѣ разговора съ нимъ въ дорогѣ, спросилъ его имя. Я Даніилъ Бернулли, отвѣчалъ онъ. Путешественникъ, видя въ своемъ собесѣдникѣ совсѣмъ молодаго и очень простой наружности человѣка, вздумалъ, что онъ надсмѣхается надъ нимъ и возразилъ: ну, такъ я Исаакъ Ньютонъ! Бернулли стоило много труда увѣрить незнакомца, что онъ точно назвалъ себя своимъ именемъ. Въ другой разъ Кёнигъ, талантливый математикъ, обѣдая у Даніила Бернулли, разсказывалъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ объ одной трудной задачѣ, которую ему удалось рѣшить послѣ долгихъ усилій. Бернулли продолжалъ угощать гостя и, не выходя еще изъ за стола, представилъ ему рѣшеніе его задачи и гораздо болѣе изящное чѣмъ то, которое стоило Кёнигу стольких усилій.

Бернулли никогда не былъ женатъ; въ молодости ему представлялась выгодная партія, но онъ отъ нея отказался, такъ-какъ замѣтилъ, что дѣвица, на которой онъ хотѣлъ жениться, была очень скупа. Хотя онъ уважалъ религію своей родины, какъ въ разговорахъ, такъ и въ сочиненіяхъ, и исполнялъ всѣ обряды ея, далеко впрочемъ необременительные, однако его подозрѣвали только въ наружномъ исполненіи религіозныхъ постановленій. Духовные упрекали его въ свободомысліи. Если Бернулли не поступалъ такъ, чтобы подтвердить о себѣ подобное мнѣніе, то въ то же время и не предпринималъ ничего для опроверженія его. Благодаря правильной и однообразной жизни, онъ, несмотря на нѣжность своего сложенія, сохранилъ

почти до 80-ти лѣтъ свѣжесть мысли—его послѣдніе труды въ томъ возрастѣ, когда другіе такъ часто осуждены на совершенную безплодность, были бы въ состояніи составить славу всякому другому геометру. За нѣсколько лѣтъ до кончины, онъ отказался отъ общества и являлся каждый вечеръ только въ одно семейство, гдѣ собиралось пять или шесть человѣкъ его давнишнихъ знакомыхъ. Въ послѣдніе годы онъ страдалъ одышкою, отнимавшею у него сонъ и силы. Въ мартѣ 1782 г. его недуги усилились и 17 марта этого года слуга его, войдя къ нему утромъ въ комнату, нашелъ его мертвымъ въ постелѣ: нѣсколько часовъ спокойнаго сна передъ кончиною избавили его отъ лишнихъ страданій.

Кондорсе подробно описалъ заслуги Бернулли по части математики. Многочисленныя, всегда почти отличающіяся своею краткостію статьи этого ученаго помѣщались преимущественно въ изданіяхъ нашей Академіи, а также парижской и берлинской. Изъ нихъ мало такихъ, которыя не останавливали бы на себѣ вниманія спеціалистовъ. Онѣ касаются чистой математики и въ особенности механики, гидродинамики, акустики и теоріи вѣроятностей.

В. Другулинъ, въ своемъ Allgemeiner Portrait-katalog, подъ № 1404 указалъ портретъ Д. Бернулли, рисованный І. Р. Губеромъ и гравированный Гаидомъ. Кромѣ того гравированный же портретъ этого ученаго помѣщенъ во II-мъ томѣ изданія нашей Академіи: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géometres du XVIII siècle...

Вотъ перечень сочиненій и изслѣдованій Даніила Бернулли, помѣщенныхъ въ изданіяхъ петербургской Академіи наукъ:

Commentarii Academiae Petropolitanae: I, 126—142, Examen principiorum mechanicae et demonstrationes geometricae de compositione et resolutione virium; 297—313, Tentamen novae de motu musculorum theoriae; 314—317, Experimentum circa nervum opticum. II, 111—125, Theoria nova de motu aquarum per canales quoscunque fluentium; 208—216, De mutua relatione centri virium, centri oscillationis et centri gravita-

tis demonstrationes geometricae; 304—342, Dissertatio de actione fluidorum in corpora solida et motu solidorum in fluidis. III, 62—69, Methodus universalis determinandae curvaturae fili a potentiis quamcunque legem inter se observationibus extensi, una cum solutione problematum quorundam novorum eo pertinentium; 85—100, Observationes de seriebus quae formantur ex additione vel substractione quacunque terminorum se mutuo consequentium, ubi praesertim earundem insignis usus pro inveniendis radicum omnium aequationum algebraicarum ostenditur; 214—229, Dissertationis de actione fluidorum in corpora solida et motu solidorum in fluidis continuatio (ср. выше, II, 304). IV, 89—101, Problema astronomicum inveniendi altitudinem poli una cum declinatione stellae ejusdemque culminatione ex tribus altitudinibus stellae et duobus temporum intervallis brevi calculo solutum; 136—143, Theorema de motu curvilineo corporum, quae resistentiam patiuntur velocitatis suae quadrato proportionalem una cum solutione problematis in Act. Lips. in Nov. 1728 propositi; 194—201, Experimenta coram societate instituta in confirmationem theoriae pressionum quas latera canalis ab aqua transfluente sustinent. V, 63—82, Notationes de aequationibus, quae progrediuntur in infinitum, earumque resolutione per methodum serierum recurrentium: ut et de nova serierum specie. 106—125, Dissertatio brevis de motibus corporum reciprocis seu oscillatoriis, quae ubique resistentiam patiuntur quadrato velocitatis suae proportionalem. Ubi ostenduntur Theoremata, quorum ope expedite ad calculum revocantur motus pendulorum in mediis perfecte fluidis praesertim aere ceu medio tenuissimo; 126—141; Additamentum ad theoremata de motu corporum curvilineo in mediis resistentibus, in quo resistentiae considerantur quae partim quadratis velocitatum partim momentis temporum proportionales sunt; 175—192, Specimen Theoriae novae de mensura sortis. VI, 108—122, Theoremata de oscillationibus corporum filo flexili connexorum et catenae verticaliter suspensae. VII, 162—173, Demonstrationes theorematum suorum de oscillationibus corporum filo flexili connexorum et catenae verticaliter suspensae. VIII, 99—127, De legi-

bus quibusdam mechanicis, quas natura constanter affectat, nondum descriptis, earumque usu hydrodynamico, pro determinanda vi venae aqueae contra planum incurrentis. Ab Auctoribus, fallaci inductis experimento, falso aestimata. IX, 189—206, De variatione motuum a percussione excentrica. X, 147—163, Commentationes de statu aequilibrii corporum humido insidentium. XI, 100—115, De motibus oscillatoriis corporum humido insidentium. XII, 97—108, Commentationes de oscillationibus compositis praesertim iis quae fiunt in corporibus ex filo flexili suspensis. XIII, 94—99, De motu mixto, quo corpora sphaeroidica super plano inclinato descendunt; 105—120. De vibrationibus et sono laminarum elasticarum commentationes physico-geometricae; 167—196, De sonis multifariis quos laminae elasticae diversimode edunt disquisitiones mechanico-geometricae experimentis acusticis illustratae et confirmatae.

Novi Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: XII, 87—98, De usu algorithmi infinitesimalis in arte coniectandi specimen; 99—126, De duratione media matrimoniorum, pro quacunque conjugum aetate, aliisque quaestionibus affinibus. XIII, 242—256, Commentatio de utilissima ac commodissima directione potentiarum frictionibus mechanicis adhibendarum. XIV, pars I, 1—25, Disquisitiones analyticae de novo problemate coniecturali; 26—45, Mensura sortis ad fortuitam successionem rerum naturaliter contingentium applicata; 249—269, Commentationes physico-mechanicae de frictionibus variis illustratae exemplis. XV, 3—28, Continuatio argumenti de mensura sortis ad fortuitam successionem rerum naturaliter contingentium applicata; 361—413, Examen physico-mechanicum de motu mixto qui laminis elasticis a percussione simul imprimitur. XVI, 71—139, De summationibus serierum quarundam incongrue veris earumque interpretatione atque usu; 257—280, De vibrationibus chordarum ex duabus partibus, tam longitudine quam crassitie, ab invicem diversis, compositarum. XVII, 3—23, De indole singulari serierum infinitarum quas sinus vel cosinus angulorum arithmetice progredientium formant, earumque summatione et usu; 251—271. Expositio theoretica singularis ma-

chinae hydravlicae tiguri helvetiorum exstructae. XVIII, 3—23, Theoria elementaria serierum, ex sinibus atque cosinibus arcuum arithmetice progredientium diversimode compositarum, dilucidata; 247—267, Vera determinatio centri oscillationis in corporibus qualibuscunque filo flexili suspensis ejusque ab regula communi discrepantia. XIX, 239—259, Commentatio physico-mechanica generalior principii de coexistentia vibrationum simplicium haud perturbatarum in systemate composito; 260—284, Commentatio physico-mechanica specialior de motibus reciprocis compositis. Multifariis nondum exploratis qui in pendulis bimembribus facilius observari possint in confirmationem principii sui de coexistentia vibrationum simpliciorum. XX, 3—23, Adversaria analytica miscellanea de fractionibus continuis; 24—47, Disquisitiones ulteriores de indole fractionum continuarum.

Acta Academiae scientarum petropolitanae pro anno MDCCLXXVII, pars I, 3—23, Dijudicatio maxime probabilis plurium observationum discrepantium atque verisimillima inductio inde formanda. Pars posterior, 109—128, Specimen philosophicum de compensationibus horologicis et veriori mensura temporis.

Двѣ статьи Бернулли изъ академическихъ Комментаріевъ въ нѣмецкомъ переводѣ помѣщены Мюмлеромъ въ I-ой части Physikalische und medicinische Abbandlungen der kayserlichen Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1782). На русскомъ языкѣ статья Д. Бернулли напечатана въ Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728), стр. 57—62, „О движеніи мышицъ“.

ДЕЛИЛЬ, (DE L'ISLE), ІОСИФЪ-НИКОЛАЙ, (въ современныхъ русскихъ письмахъ назывался Осипъ Николаевичъ), академикъ-астрономъ.

О жизни и заслугахъ Делиля писано Лаландомъ: въ Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCLXVIII (Paris, 1770) — Eloge de M. de l'Isle, 167 — 183; Le Nécrologe des hommes célèbres de France, (Paris, 1770), V, 1 — 86. Обѣ статьи написаны съ большимъ участіемъ и теплотою; во второй впервые

высказано о громадности собранныхъ Делилемъ извѣстій не только по части астрономіи, но и вообще о Россіи; впрочемъ, у Лаланда есть невѣрныя извѣстія, когда онъ говоритъ о пребываніи Делиля въ Россіи, и, по французскому обычаю, исковерканы русскія имена; наприм., Татищевъ названъ Latischef. Сокращеніе изъ этихъ статей Лаланда помѣщено въ Allgemeine Encyclopädie von Ersch und Gruber, erste Section, XXIII, 379—380. Краткое обозрѣніе трудовъ Делиля по астрономіи въ Россіи сдѣлано Васильемъ Струве въ Déscription de l'observatoire astronomique de Poulkowo (S.-Pétersbourg, 1848), 6 — 8, 15. Изображеніе обсерваторіи, на которой наблюдалъ Делиль, тамъ же рисунокъ № XXXIX. Свѣдѣнія для ознакомленія съ дѣятельностью Делиля по части составленія картъ Россіи собраны г. Свенске и напечатаны подъ заглавіемъ: «Матеріалы для составленія атласа россійской имперіи, изданнаго... въ 1745 году», въ Запискахъ Академіи наукъ, IX, приложеніе № 2. Въ Запискахъ русскаго географическаго общества 1849 г., III, 50—67, О рукописи астронома Делиля, статья Василья Струве, содержащая извѣстія о путешествіи Делиля въ Березовъ. О томъ же предметѣ въ Запискахъ Академіи наукъ, VI, прилож. № 3. Жалобы Делиля на самовластіе академической канцеляріи въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, прил. № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 35 — 37. О прикосновенности Делиля къ слѣдствію надъ Шумахеромъ въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей 1860 года, III, смѣсь, 64 — 122. О предоставленіи петербургской Академіи наукъ рукописныхъ собраній Делиля въ Recueil des actes des séances publiques de l'Académie des sciences de S.-Pétersbourg, tenues le 28 décembre 1847 et 29 décembre 1848, извѣстіе Василья Струве на стр. 77—78; тамъ же, на стр. 82—98, статья г. Оттона Струве: «Sur les manuscrits de Joseph De l'Isle. conservés à l'observatoire de Paris». Въ рукописяхъ: характеристика Делиля, написанная Мюллеромъ въ его Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 56—60. Собраніе представленій Делиля, гдѣ есть черты для его біографіи, въ архивѣ академической конференціи конволютъ, подъ заглавіемъ Delisliana, подъ № 35. Объ увольненіи его изъ Академіи въ архивѣ академической канцеляріи фоліантъ, подъ № 799.

Делиль родился въ Парижѣ 4 апрѣля 1688 года. Отецъ его Клавдій Делиль пользовался въ свое время извѣстностью какъ искусный преподаватель исторіи и географіи, а старшій братъ — Вильгельмъ былъ королевскимъ географомъ и членомъ парижской Академіи. Его лично зналъ Петръ Великій въ бытность свою въ Парижѣ, и это обстоятельство могло имѣть вліяніе на приглашеніе въ Петербургъ младшаго брата — Николая Іосифа Делиля [1]). Послѣдній, оставивъ на реторикѣ ученіе въ

[1]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, I, 43, 347.

мазаринской коллегіи, предался съ 1706 года исключительно изученію астрономіи, любовь къ которой пробудилась у него, по разсказу Лаланда, при видѣ полнаго солнечнаго затмѣнія, происходившаго 12 марта 1706 года. Случай не единственный въ жизни астрономовъ: такъ Тихо-де-Браге почувствовалъ впервые свое призваніе къ астрономіи, увидавъ затмѣніе 21 августа 1560 г., и самъ Лаландъ окончательно посвятилъ себя этой наукѣ послѣ затмѣнія 25 іюля 1748 года.

Молодой Делиль не замедлилъ выказать удивительную смѣтливость, соображеніе и дарованіе въ вычисленіяхъ. Въ 1708 году, онъ посѣщалъ обсерваторію знаменитаго астронома Кассини и пользовался до смерти его бесѣдами и наставленіями. Недостаточность средствъ Делиля къ своему содержанію принудили его не только давать уроки математики, но даже исполнять астрологическія порученія графа Буленвиля, славившагося тогда своими предсказаніями и гороскопами[1]). 24 марта 1714 г. парижская Академія наукъ приняла Делиля въ свои адъюнкты, которые тогда носили странное для члена ученаго общества названіе élève, и молодой астрономъ помѣстилъ въ академическихъ изданіяхъ нѣсколько замѣчательныхъ статей. Въ 1724 году онъ ѣздилъ въ Англію, гдѣ имѣлъ случай познакомиться съ величайшими знаменитостями своего времени Ньютономъ и Галлеемъ. Успѣхи Делиля въ астрономіи доставили ему почетную извѣстность, но не обезпечивали его существенно, такъ-что онъ, будучи въ Парижѣ, нуждался и въ инструментахъ, и въ удобномъ помѣщеніи для своихъ наблюденій. Разсказывая о томъ, Лаландъ замѣчаетъ, что по этой причинѣ для Делиля было особенно кстати приглашеніе на службу въ Россію: „пора было Делилю воспользоваться плодами своихъ трудовъ и получить покрайней мѣрѣ отъ иностраннаго монарха вознагражденіе, котораго не могъ достигнуть въ своемъ отече-

---

[1]) Покойный академикъ Василій Струве, по поводу свидѣтельства Лаланда, что Делиль однако не вѣрилъ астрологіи, замѣтилъ, что онъ, какъ видно изъ его переписки, не былъ чуждъ астрологическихъ предразсудковъ (Записки русскаго географическаго общества, 1849 года, III, 65). Ниже будетъ приведено подтвержденіе тому изъ письма Делиля о кометѣ 1742 года.

ствѣ, гдѣ науки на столько были распространены, что государство не имѣло болѣе надобности въ поощреніи ихъ".

Исторіографъ Мюллеръ даетъ замѣтить, что Делиль обязанъ приглашеніемъ въ петербургскую Академію наукъ бывшему посланнику въ Парижѣ, кн. Куракину, а также и тому обстоятельству, что французскій астрономъ будто бы успѣлъ сойтись съ библіотекаремъ Шумахеромъ въ бытность его въ Парижѣ. Это извѣстіе не подтверждается современными свидѣтельствами: еще до отправленія Шумахера въ Парижъ, Петръ Великій приказывалъ ему, между прочимъ, пригласить въ Россію Делиля, который, по словамъ Шумахера въ отчетѣ о заграничной поѣздкѣ своей, въ 1721 г. „оную милость съ радостью принялъ и опредѣленіе жалованья въ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее изволеніе полагаетъ"...[1]). Здѣсь будетъ также кстати замѣтить невѣрность словъ Лаланда, когда онъ говоритъ, что четыре года прошли прежде, чѣмъ Делиль рѣшился принять приглашеніе отправиться въ Петербургъ. Напротивъ того, изъ уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи писемъ его къ Блюментросту видно, что астрономъ съ самаго 1721 года сильно желалъ поскорѣе отправиться въ Россію и нѣсколько разъ напоминалъ о томъ[2]). Такъ напр., 4 апрѣля 1724 г., астрономъ писалъ къ будущему президенту основывавшейся Академіи: „я очень огорченъ, что важныя дѣла мѣшаютъ его величеству осуществить прекрасныя предположенія, которыя задуманы имъ для преуспѣянія наукъ: вся ученая Европа въ ожиданіи, что изъ этого выдетъ, такъ-какъ убѣждена, что выдти можетъ только великое. Лично я увѣренъ, что его императорское величество можетъ во многомъ содѣйствовать успѣхамъ астрономіи, когда учредитъ наблюденія на всемъ пространствѣ своихъ владѣній и, особенно, когда назначитъ главнымъ мѣстомъ для астрономіи Москву, которая, судя по тому, что я слышалъ, ка-

---

[1]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 534, 538.

[2]) Письма Делиля къ Блюментросту и отвѣты послѣдняго вошли въ рукописный сборникъ г. Свенске, въ которомъ они помѣщены подъ №№ 82, 92, 107 и 128. Изъ нихъ видно, что къ посредничеству князя Куракина астрономъ прибѣгнулъ только въ 1723 году.

жется удобною, по своему положенію, для астрономическихъ наблюденій. Въ предыдущихъ моихъ письмахъ къ вамъ я описывалъ удовольствіе, съ которымъ взялся бы основать тамъ обсерваторію и учредить наблюденія такимъ образомъ, чтобы заставить желать прочихъ европейскихъ астрономовъ войти съ нею въ сношенія. Она была бы центромъ, куда стекались бы всѣ наблюденія, произведенныя, по приказанію его величества, въ различныхъ мѣстахъ его владѣній чрезъ посредство людей, обученныхъ въ московской обсерваторіи... Изъ моихъ писемъ и словесныхъ объясненій съ г. Шумахеромъ вамъ извѣстно, милостивый государь, какъ расположенъ я содѣйствовать этому намѣренію, предпринявъ путешествіе въ Петербургъ; но меня очень удивляетъ, что не получаю болѣе извѣстій оттуда. Я это главнѣйше приписываю важнымъ дѣламъ, которыми вы заняты; но если это будетъ отлагаться еще долѣе, то не отвѣчаю, чтобы я остался при прежнемъ намѣреніи: вы знаете, милостивый государь, что въ жизни есть только одна пора и одинъ возрастъ, когда въ состояніи совершить подобное предпріятіе. Нѣсколько времени спустя я могу думать иначе, нежели теперь, или быть можетъ я буду только въ состояніи помогать моими совѣтами и указаніями безъ возможности самому работать надъ осуществленіемъ"...[1])

Въ томъ же году, когда писано это письмо, начались съ Делилемъ рѣшительные переговоры чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, князя Куракина; но тогда встрѣтились затрудненія со стороны астронома, который сталъ требовать себѣ назначенія жалованья въ размѣрахъ, превышавшихъ предложенное ему отъ Блюментроста. Наконецъ, 8 іюня 1725 г., Делиль подписалъ контрактъ на поступленіе въ члены петербургской Академіи наукъ, а 27 іюля того же года князь Куракинъ, увѣдомляя Блюментроста, что Делиль, съ братомъ Людовикомъ и механикомъ Виньономъ, получили деньги и отправятся въ августѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, присовокуплялъ: „признаюсь вамъ, мнѣ много было хлопотъ и затрудненій съ этими господами!"[2]).

[1]) Сборникъ г. Свенске, № 128.

[2]) I, Eingekommende Briefe von 1725 anno.

Прибывъ въ Петербургъ въ февралѣ 1726 года, Делиль, несмотря на то, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи только небольшой квадрантъ Шапото, привезенный съ собою изъ Парижа, началъ однако тотчасъ дѣлать наблюденія. Потомъ число его инструментовъ постепенно умножалось: такъ ему отданы были купленные еще Петромъ Великимъ въ поѣздку его въ Англію астрономическіе инструменты, а въ 1735 году, по предложенію астронома, былъ выписанъ изъ Парижа квадрантъ, устроенный по его собственной мысли. Съ этими-то инструментами Делиль, до самаго отъѣзда своего изъ Россіи, производилъ наблюденія на академической обсерваторіи при помощи разныхъ лицъ, работавшихъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ.

Только во время десятимѣсячнаго отсутствія Делиля изъ Петербурга въ 1740 г., когда онъ ѣздилъ въ Сибирь для наблюденія прохожденія Меркурія черезъ солнце, астрономическіе журналы велъ самостоятельно второй астрономъ при Академіи Геинзіусъ. Въ продолженіе двадцати одного года Делиль успѣлъ сдѣлать въ Россіи столько наблюденій, что они изумили Лаланда, имѣвшаго случай видѣть журналы нашего астронома. Въ Комментаріяхъ петербургской Академіи наукъ изъ нихъ помѣщено весьма ограниченное количество, именно наблюденія относительно затмѣній и въ особенности спутниковъ Юпитера. Полагали, что всѣ оригинальные журналы Делиль вывезъ потомъ съ собою изъ Россіи въ Парижъ, но впослѣдствіи оказалось, что они сохранялись въ старой академической обсерваторіи, а Делиль взялъ съ собою, при отъѣздѣ изъ Россіи, только извлеченія или копіи.

Первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ Делиль жилъ въ дружбѣ съ Шумахеромъ [1]), но потомъ сдѣлался рѣшительно врагомъ его, и по этому поводу написано было съ обѣихъ сторонъ, и въ особенности самимъ Делилемъ, огромное количество бумагъ, наполненныхъ взаимными жалобами и пререканіями.

---

[1]) Но не такъ долго какъ полагаетъ Мюллеръ, который говоритъ, что дружба астронома съ Шумахеромъ существовала до 1740 года.

Въ 1733 и 1734 годахъ онъ уже просилъ объ увольненіи своемъ изъ Россіи. Въ оба раза ему отвѣчали, что удерживать его при Академіи никто не въ правѣ, а потому онъ только долженъ назначить срокъ, когда намѣренъ уѣхать изъ Россіи. На такой отзывъ Делиль отвѣчалъ (3 іюля 1734 г.): „такъ-какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ для прочнаго и совершеннаго устройства императорской обсерваторіи, то не покину Россіи, пока не приведу обсерваторіи въ лучшее, какое мнѣ только возможно будетъ положеніе, и пока не озабочусь о томъ, чтобы, послѣ моего отъѣзда, наблюденія продолжались по начатому мною способу и согласно намѣреніямъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ преуспѣянію астрономіи“...

Какъ только баронъ Корфъ вступилъ въ управленіе Академіею, то Делиль, 11 ноября 1734 г., встрѣтилъ его рѣчью, въ которой рѣзко обвинялась въ самовластіи, дурномъ управленіи и пр. академическая канцелярія. „Почти вѣрить не можно, говорилъ между прочимъ Делиль, что Академія до сего времени отъ лишней власти, которую надъ нею управляющіе до сихъ поръ себѣ взяли, претерпѣла, не спрашивая совѣту ни у кого и учиня сами собою всѣ учрежденія, которыя въ ней нынѣ находятся“...

При баронѣ Корфѣ, Делиль получилъ возможность производить наблюденія съ инструментами болѣе совершенными, что можно замѣтить изъ его астрономическихъ журналовъ. Любопытно то обстоятельство, что императрица Анна Іоанновна, въ мартѣ 1735 года, приказывала явиться во дворецъ Делилю, и онъ, въ вечеру показывалъ... „разныя астрономическія обсерваціи, при чемъ ея величество между прочими на Сатурна съ его кольцомъ и спутниками чрезъ невтоніанскую трубу, которая на 7 футовъ длиною была, смотрѣть изволила. Ея императорское величество объявила о семъ свое всемилостивѣйшее удовольствіе и приказала, чтобъ какъ Фvзическія, такъ и Астрономическія інструменты, для продолженія такихъ обсервацій, при дворѣ Ея Величества оставлены были“...[1]) Въ декабрѣ 1735 года, Делиль подалъ барону Корфу слѣдующій проектъ,

---

[1]) Санктпетербургскія вѣдомости 1735 года, № 18, 142.

тогда же переведенный на русскій языкъ Тредіаковскимъ (ореографія подлинника): „Полезный проэктъ, чтобъ дать каждому С.Петербургскому обывателю способъ, какъ исправно заводить по солнцу стѣнные и карманные часы. Понеже находятся исправные меридіаны въ обсерваторіи, чрезъ которые всегда можно знать на всякой день прямой часъ, когда солнце придетъ на полдень, такъ же и чрезъ посредство вѣрныхъ часовъ, которые въ обсерваторіи, можно всегда вѣдать прямой же часъ, хотя бы не видно было солнца цѣлой мѣсяцъ; того ради надлежало бы однажды выстрѣливать изъ пушки точно въ самый полдень, и для того надобно бы было приказать тѣмъ, которые имѣли стрѣлять съ адмиралтейскаго бастіона, что противъ обсерваторіи, чтобъ они на каждый день были готовы не много прежде полудня къ выстрѣлу въ самую ту минуту, какъ съ обсерваторіи дается имъ сігналъ, каковъ опредѣленъ быть имѣетъ. Можно объявить о семъ и въ вѣдомостяхъ, что выстрѣлъ сей чинится на всякой день токмо для выше объявленныя причины"... Баронъ Корфъ представлялъ о томъ въ императорскій кабинетъ; но докладъ его остался безъ отвѣта[1]).

Въ 1737 г., при пособіи Академіи, Делиль приступилъ къ измѣренію одного градуса меридіана около Петербурга для содѣйствія къ рѣшенію вопроса о видѣ земли; впрочемъ это намѣреніе осталось только попыткою[2]).

Несмотря на исполненіе требованій Делиля академическою канцеляріею, онъ не жилъ въ мирѣ съ начальствомъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного письма барона Корфа къ графу Остерману оказывается, что географическій департаментъ учрежденъ при Академіи въ 1739 году отчасти по недовѣрію къ Делилю,

[1]) Записки Академіи наукъ, XII, 85, 86.

[2]) Въ 1738 г. коммиссія о учрежденіи вѣсовъ и мѣръ обращалась въ Академію съ просьбою «опредѣлить искуснаго профессора, который бы могъ въ кубическіе вершки положить изысканные отъ коммиссіи древній хлѣбный четверикъ и винное ведро раздѣленіемъ съ приложеннаго аршина, который назначенъ на деревѣ и съ тѣми мѣрами посылается.» Академическая канцелярія возложила это на Делиля и Винцгейма, по разысканіямъ которыхъ открылось, что «четверикъ содержитъ въ себѣ $286^{421}/_{1000}$, а ведро $136^{297}/_{1000}$ кубическихъ вершковъ.

котораго подозрѣвали, что онъ, имѣя въ полномъ распоряженіи всѣ карты, присылаемыя въ Академію, приказывалъ копировать ихъ съ цѣлію передачи потомъ за границу [1]). Изъ словъ президента можно также примѣтить, что и рѣзкія выходки противъ него астронома, и высказанная имъ въ отношеніи Корфа самостоятельность были также немалымъ поводомъ къ неудовольствію барона противъ Делиля.

Въ февралѣ 1740 г., Делиль отправился въ Сибирь для наблюденія прохожденія Меркурія черезъ солнце. Вмѣсто Обдорска, астрономъ остановился въ Березовѣ, такъ-какъ далѣе, за трудностію пути, ѣхать съ тяжелыми астрономическими инструментами не представлялось никакой возможности. Облачная погода не дозволила Делилю наблюдать помянутаго явленія, о чемъ онъ подробно писалъ не только барону Корфу, но также и членамъ Кабинета, который окончательно разрѣшилъ поѣздку Делиля въ Сибирь. Между этими членами былъ и Артемій Волынскій: астрономъ, нисколько не подозрѣвая, что онъ въ его отсутствіе подвергся опалѣ, написалъ письмо, въ которомъ обращался къ Волынскому какъ покровителю трудовъ по части усовершенствованія русской географіи и пр. [2]). Письмо это попало въ слѣдственную коммиссію, наряженную надъ бывшимъ кабинетъ-министромъ, и разсматривалось въ ней, что̀ свидѣтельствуетъ современный переводъ письма Делиля [3]). Вообще во время отсутствія астронома изъ Петербурга случились одно за другимъ нѣсколько событій, имѣвшихъ важное значеніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи: смерть импера-

[1]) Что̀ такое подозрѣніе было несправедливо, о томъ писалъ Даніилъ Бернулли къ Эйлеру изъ Базеля, 4 іюня 1735 года: «прежде были весьма неправы къ г. Делилю, когда думали, что онъ все посылаетъ въ Парижъ, потому что я знаю, что онъ не давно извинялся предъ парижскою Академіею, что ничего еще не сообщилъ ей.» Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géometres du XVIII siècle (S.-Pétersbourg, 1843) II, 426.

[2]) Другое письмо Делиля къ Волынскому 2 января 1740 года напечатано въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1867 г., книга III, смѣсь, 1—3.

[3]) Слухъ о томъ, что Делиль былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о Волынскомъ распространился и за границею. Такъ изъ Вѣны писалъ къ Гольдбаху Маринони, 1 января 1741 года: «благодарю васъ за извѣстія о Делилѣ, потому что я долго былъ въ волненіи и опасеніяхъ какого либо несчастія.» (I, Eingekommende Briefe 1741 — 1749).

трицы Анны, превозглашеніе императоромъ ея внука, малолѣтняго принца Іоанна регенство Бирона и скорое за тѣмъ паденіе его. 29 декабря 1740 г. Делиль вернулся въ Петербургъ и, слѣдуя совѣтамъ своей жены, намѣревался явиться прежде всего къ всесильному тогда графу Миниху, но и значеніе послѣдняго продолжалось не долго.

Послѣ отъѣзда Делиля въ Сибирь, обсерваторія была поручена второму астроному Геинзіусу. Къ нему Делиль, по возвращеніи въ Петербургъ, не могъ относиться, особенно дружественно: Геинзіусъ, въ представленіи президенту, не одобрилъ предложеній Делиля, какимъ образомъ слѣдовало безъ него продолжать астрономическія наблюденія; кромѣ того, Корфъ распорядился отдать въ распоряженіе Геинзіуса всѣ предшествовавшія наблюденія Делиля. Послѣдній, 1 мая 1741 г., подалъ въ императорскій Кабинетъ представленіе, въ которомъ, описавъ подробно, что и какъ слѣдовало дѣлать для усовершенствованія русской географіи, высказывалъ также, что для приведенія всего этого въ исполненіе необходимо завѣдываніе всѣми географическими работами поручить одному способному лицу, съ званіемъ перваго географа и космографа, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императорскаго Кабинета. Нетрудно было замѣтить, что Делиль хлопоталъ о совершенномъ отдѣленіи отъ Академіи занятій русской географіей. Кабинетъ оставилъ это предложеніе безъ вниманія.

2 сентября 1741 г., у Делиля произошла ссора съ Геинзіусомъ на обсерваторіи[1]): войдя туда послѣ полудня, Делиль увидѣлъ, что Геинзіусъ измѣряетъ стѣнной секстантъ. Делиль и прежде нѣсколько разъ и теперь объявлялъ ему, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, такъ-какъ онъ, Делиль, никогда не потерпитъ, чтобы Геинзіусъ предупредилъ его въ обнародываніи астрономическихъ наблюденій. Послѣдній, не обращая вниманія на такія заявленія, отзывался, что онъ не подчиненъ ему.

---

[1]) Тогдашнія пререканія и жалобы обоихъ астрономовъ можно читать: I, Входящія письма 1740 — 1743 годовъ и Eingekommende Briefe von 1705 bis 1744; также въ портфелѣ исторіографа Мюллера, подъ № 11, Біографіи академиковъ, именно Делиля.

Тогда Делиль, вырвавъ изъ его рукъ бумагу, изорвалъ ее, а также изломалъ деревянную мѣру, которою его противникъ мѣрилъ секстантъ. Геинзіусъ, въ свою очередь, собравъ куски отъ мѣры, бросилъ ихъ въ Делиля. По жалобѣ Геинзіуса, о ссорѣ этой доходило до разбирательства въ академической конференціи, гдѣ, какъ видно изъ современныхъ протоколовъ, академики держали сторону Геинзіуса; однако дѣло это оставлено безъ послѣдствій.

Въ началѣ 1742 г., Делиль подалъ донесеніе въ сенатъ на Шумахера и потомъ дѣйствовалъ противъ него за одно съ совѣтникомъ Нартовымъ (см. выше стр. 33—35). Любопытно для характеристики эпохи письмо Делиля къ неизвѣстному царедворцу, котораго онъ титулуетъ Monseigneur, писанное вскорѣ послѣ подачи помянутаго донесенія въ сенатъ, именно 25 февраля 1742 года: Делиль сообщалъ здѣсь о появившейся тогда кометѣ для доклада о томъ императрицѣ—„comme de l'avis d'un bon présage pour sa gloire et l'élevation de son regne [1])“—и въ тоже время просилъ исполнить его представленіе касательно Академіи.

3 августа 1742 г., Делиль просилъ въ сенатѣ о выдачѣ ему жалованья, котораго онъ не получалъ за весь 1741 и 1742 г., также какъ и находившійся при немъ переводчикъ Грёнингъ. Когда контора сената (который былъ въ Москвѣ) спросила о причинѣ тому Шумахера, то онъ отвѣчалъ въ августѣ же 1742 года, жалобами на астронома въ слѣдующемъ: 1) Делиль сообщаетъ свои наблюденія за границу безъ вѣдома Академіи, вопреки указа сената 13 января 1733 года [2]), и въ доказательство тому приведено письмо Эйлера, изъ котораго видно, что послѣдній получилъ отъ Делиля его наблюденія о кометѣ; 2) онъ третій годъ какъ не посѣщаетъ конференціи и не сообщаетъ о своихъ трудахъ канцеляріи; 3) астронома Геинзіуса не допускаетъ до наблюденій въ обсерваторіи; 4) своихъ наблюденій,

---

[1]) Подлинникъ и современный русскій переводъ письма Делиля въ государственномъ архивѣ.

[2]) Этимъ указомъ воспрещалось ученымъ, посланнымъ для разысканій въ камчатскую экспедицію сообщать кому бы то ни было, кромѣ сената и Академіи, собранныя ими свѣдѣнія.

дѣланныхъ въ продолженіе 15 лѣтъ не приводитъ въ порядокъ, отчего они могутъ остаться безполезными, если онъ умретъ, или возвратится, какъ увѣдомлялъ Эйлера, во Францію; 5) выдралъ нѣсколько листовъ съ самыми важнѣйшими наблюденіями изъ журнала своего брата; 6) братъ его де-ла-Кройеръ болѣе пяти лѣтъ не присылаетъ вовсе своихъ наблюденій изъ Сибири, а потому надо думать, что онъ ихъ передаетъ тайно къ брату, а этотъ — во Францію. Такъ и карта путешествій Беринга вырѣзана на мѣди во Франціи Дюгальдомъ прежде появленія въ Россіи; 7) не имѣлъ старанія объ изданіи генеральной карты Россіи и сказалъ, что академики ее составить не въ состояніи, а между тѣмъ они безъ него сочинили ее и „напечатанное оной ландкартѣ описаніе прилагается при семъ". (Это брошюра въ 4°, на 23 стр.: „Атласъ россійской, состоящей изъ двадцати и болѣе спеціальныхъ картъ.... 1742 года.)

На эти обвиненія Делиль отвѣчалъ конторѣ сената, 13 сентября 1742 года, чрезвычайно многорѣчивымъ донесеніемъ. Такъ здѣсь противъ перваго пункта астрономъ объяснялъ: „ни одного разумнаго человѣка, хотя онъ и малое знаніе въ астрономіи и обсерваціяхъ имѣетъ, не находится, который бы извѣстенъ не былъ, что сіи обсерваціи другъ другу сообщать надлежитъ, ибо достовѣрность и польза, которую отъ того получить можно, токмо отъ сравненія, учиненнаго въ разныхъ земляхъ, происходитъ." 2) Делиль отчетъ о своемъ путешествіи въ Сибирь представилъ въ Кабинетъ, а послѣ того не посѣщалъ конференцій оттого, „что я, по силѣ моего контракта, тому не обязанъ и, кромѣ того, на онаго Шумахера знатныя вины имѣю, который, къ моему вреду, думаетъ всею Академіею управлять". 3) Геинзіуса не допускалъ до обсерваторіи потому: „хотя отъ самаго моего пріѣзда довольно требовалъ русскихъ студентовъ отъ Академіи, однако получить не могъ, для того-что помянутый Шумахеръ всегда, сколько ему возможно было, россійскаго народа отъ всякого произвожденія отдалялъ, а напротивъ того старался онъ, Шумахеръ, лучше нѣмцевъ употреблять и производить. Того ради въ нѣмецкую землю для полученія какого ни есть молодаго студента писано, и выше-

объявленный Геинзіусъ, который тогда въ Лейпцигѣ учителемъ философіи обрѣтался, имѣвши охоту сюда пріѣхать для астрономическихъ трудовъ подъ моею дирекціею, принятъ былъ въ службу сверхъ числа профессоровъ въ астрономіи.... Въ самомъ началѣ вѣрилъ я, продолжаетъ Делиль, ему во всемъ, не тая ему ничего отъ моихъ трудовъ и отъ того, что тридцатилѣтнее искусство меня научило; а помянутой Геинзіусъ, далекій отъ того, чтобъ подъ моею дирекціею или покрайней мѣрѣ согласно бы со мною трудиться, въ скоромъ времени показалъ, что онъ только отъ меня и отъ моихъ трудовъ обучиться намѣреніе имѣлъ, старался не токмо меня изданіемъ и употребленіемъ нашихъ общихъ обсерваціевъ предупредить, но еще тѣми, которыя я задолго времени до его пріѣзда въ С.-Петербургъ учинилъ"... Геинзіусъ жаловался на Делиля конференціи, а та, подъ вліяніемъ Шумахера, приняла его сторону „что есть одна изъ причинъ, для чего я, говоритъ Делиль, больше одного году въ профессорскихъ конференціяхъ въ Академіи не находился... Тому больше пятнадцати лѣтъ какъ я, продолжаетъ астрономъ, въ Санктпетербургѣ всѣ астрономическія обсерваціи дѣлаю и всегда послѣ того, какъ онѣ учинены, въ добромъ порядкѣ набѣло въ переплетныя книги вписываю, и то въ такомъ порядкѣ, въ какомъ бы ихъ печатать надлежало, для того-что, когда обсерваціи такъ слѣдуются и въ такомъ большомъ числѣ какъ тѣ, которыя мною сочинены, то всегда полезнѣе цѣлой журналъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ находится, въ печать издать, нежели изъ него партикулярныя обсерваціи вынуть"... Делиль отозвался незнаніемъ причины, почему въ копіи журнала наблюденій брата его въ архангельской губерніи оказалось нѣсколько вырванныхъ листовъ, а между тѣмъ копія эта лежала долгое время у академика Крафта. Отъ брата его нѣтъ извѣстій только 17 мѣсяцевъ: послѣднее письмо къ Делилю 21 августа 1741 года. Что касается ландкарты перваго путешествія Беринга, то Дюгальдъ прямо въ своемъ собраніи пишетъ, что она ему сообщена отъ польскаго короля (томъ IV, стр. 452), и Корфъ и Шумахеръ напрасно подозрѣвали въ томъ его, Делиля. Послѣ подробностей о томъ,

что предпринималъ онъ для географіи Россіи, присовокуплено: „Такимъ образомъ старался я, сколько возможно было, географію наилучшимъ образомъ учредить, но всѣ геодезисты, которыхъ я въ географическомъ департаментѣ употреблялъ, отъ меня одинъ за другимъ, для разной потребы, отняты были. И вышеобъявленный секретарь Иванъ Кириловъ получилъ при командѣ надъ уфскою (sic) экспедиціею и генеральную дирекцію надъ всѣми геодезистами, которая команда послѣ смерти онаго Кирилова отдана была тайному совѣтнику Татищеву. И, видя себя такимъ образомъ отъ помощи тѣхъ геодезистовъ лишенна, не имѣлъ я другаго способа всѣ ландкарты и обсерваціи, которыя мною до того времени собраны были, въ дѣйство произвесть въ генеральную ландкарту такъ вѣрно, какъ возможно сочинить, какъ токмо камергера барона фонъ-Корфа письмомъ отъ 3 августа 1739 г., просилъ, дабы онъ для вспоможенія мнѣ въ рисованіи трехъ иностранцевъ въ академическую службу, а именно: Шварца, Кенигсфельса и Трускоте принялъ, однакожъ они только апрѣля 15 дня 1740 г. полтора мѣсяца послѣ моего отъѣзда въ Сибирь въ академическую службу приняты“. По возвращеніи изъ Сибири, географическій департаментъ былъ уже не въ его вѣдѣніи [1]).

Во время слѣдствія надъ Шумахеромъ въ 1742 — 1743 годахъ бо́льшая часть академиковъ приняли его сторону и потому ратовали противъ Делиля. Такъ они всѣ подписали 4 марта 1743 г. пространное возраженіе противъ высказаннаго Делилемъ въ приведенномъ сейчасъ отвѣтѣ его [2]). Слѣдственная коммиссія о Шумахерѣ, оправдавъ послѣдняго отъ взведен-

[1]) II, книга № 788.

[2]) II, книга № 790. Делиль очень хорошо зналъ нерасположеніе къ себѣ тѣхъ товарищей по Академіи, которые держали сторону Шумахера. Такъ, когда двое изъ нихъ Крафтъ и Гейнзіусъ поѣхали изъ Россіи въ Германію чрезъ Берлинъ, то нашъ астрономъ, 30 іюня 1744 года, писалъ къ жившему тамъ Эйлеру: «такъ какъ я съ ними и съ остальною Академіею въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ вы меня видѣли въ послѣднее время, то весьма прошу васъ не вѣрить тому, что они будутъ передавать вамъ касательно меня. Я льщу себя надеждою, что послѣ выказанной вами ко мнѣ дружбы и уваженія, ничто изъ переданнаго вамъ ими не измѣнитъ вашихъ чувствъ ко мнѣ. Архивъ академической конференціи, Euler's Briefwechsel, von 1732 bis 1744.

ныхъ на него обвиненій, присудила, между прочимъ, Делиля уволить изъ Академіи.

Въ 1744 г. дѣйствительно шла переписка объ этомъ увольненіи Делиля. Возвращеніе въ Петербургъ французскаго посланника маркиза де-ла-Шетарди, вліяніе котораго, какъ сначала предполагали, могло быть очень значительнымъ при русскомъ дворѣ, подало Делилю мысль обратиться къ нему. Объ этомъ не безъ нѣкотораго опасенія писалъ Шумахеръ къ Штелину 14 іюня 1744 года: „г. Делиль ходатайствуетъ о подорожной, чтобы ѣхать въ Москву для совѣта съ г. маркизомъ де-ла-Шетарди. Такъ-какъ г. маркиза скоро ожидаютъ сюда, то можетъ быть г. Делиль не будетъ имѣть въ томъ надобности. Боже, избави насъ отъ всякія напасти“[1])! Впрочемъ, опасеніе Шумахера было напрасно, такъ-какъ скоро послѣ того маркиза выслали изъ Россіи.

Изъ современнаго дѣла объ увольненіи Делиля изъ Академіи видно, что окончательнаго рѣшенія по этому предмету не послѣдовало скоро за невыдачею Делилю причитающагося ему за нѣсколько лѣтъ жалованья. Наконецъ, 19 августа 1745 г., объявлено было въ Академіи именное повелѣніе императрицы Елисаветы заключить въ Академіи новый контрактъ съ астрономомъ на четыре года и выдать, согласно ходатайству его, для снабженія обсерваторіи нужными инструментами до шести тысячъ рублей. По этому случаю Эйлеръ писалъ изъ Берлина къ Шумахеру, 29 марта 1746 года: „О пожалованіи г. Делиля я хотя и радуюсь, но еще больше удивляюсь, что великіе и излишніе его расходы такой аттенціи удостоились. По нынѣ довольно усмотрѣно, какая чрезъ всѣ употребленныя иждивенія прибыль получена, и что число обсервацій отчасу умножать, не употребляя ихъ къ настоящей пользѣ, то противно намѣренію Академіи. Ежели бы г. Делилю случилось умереть, то бы всѣ оные труды и толь ужасное иждивеніе совсѣмъ напрасно было. Обсерваторія въ Санктпетербургѣ можетъ по справедливости похвалиться, что отъ толь многихъ лѣтъ къ приготовле-

---

[1]) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

нію всѣхъ нужныхъ инструментовъ ничего не жалѣла, и, сверхъ того, она такъ способно для астрономіи построена, что мы здѣсь лучшаго образца показать не умѣемъ. Все, что при оной съ великимъ иждивеніемъ перемѣнено будетъ, неинако какъ вредительно быть можетъ"...[1]).

Между тѣмъ Делиль, несмотря на напоминанія академической канцеляріи, не торопился заключеніемъ контракта, но началъ опять посѣщать академическія засѣданія. Въ это время академики, выведенные изъ терпѣнія Шумахеромъ, подавали на него жалобы правительству (см. выше стр. 45—48). Делиль не преминулъ присоединиться къ академикамъ и дѣйствовалъ съ ними заодно противъ общаго врага. Вскорѣ послѣ назначенія въ президенты графа Разумовскаго, именно 4 августа 1746 г., Делилю было объявлено, что всѣ его представленія останутся безъ движенія до тѣхъ поръ, пока онъ не заключитъ новаго контракта съ Академіею. Въ отвѣтъ Делиль написалъ длинное письмо (23 ноября) къ гр. Разумовскому, гдѣ онъ распространялся о своихъ неудовольствіяхъ противъ Шумахера и грозилъ жалобою въ императорскій Кабинетъ. Гр. Разумовскій, въ январѣ 1747 г., постановилъ: „отрѣшить Делиля отъ Академіи". но потомъ въ другомъ опредѣлепіи, 26 марта 1747 г., онъ сдѣланъ былъ почетнымъ членомъ Академіи, съ обязательствомъ „будучи во отечествѣ своемъ.... академическія дѣла отправлять," и съ производствомъ за то пенсіи по 200 рублей въ годъ.

По поводу отъѣзда Делиля, Эйлеръ писалъ къ Шумахеру, 18 іюля 1747 года, изъ Берлина:[2]) „Г. Делиль здѣсь не проѣзжалъ, но, какъ я слышалъ, предпріялъ онъ путь свой чрезъ Швецію и Данію, чего ради я не мало удивляюся, что въ Петербургѣ о томъ не вѣдаютъ. Между тѣмъ пишетъ ко мнѣ г. профессоръ Крафтъ, что ему за пересылаемыя обсерваціи въ годъ по 200 руб. опредѣлено, въ которомъ случаѣ онъ наблюдать будетъ ничего противъ Академіи не писать. И ежели дѣло оное не такова состоянія (sic), то

---

[1]) Письмо въ современномъ русскомъ переводѣ въ государственномъ архивѣ.

[2]) Письмо въ современномъ русскомъ переводѣ, II, книга № 109.

кредитъ его какъ во Франціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ такъ слабосиленъ, что о его жалобахъ и оклеветаніяхъ нечего опасаться. Защищеніе Академіи я всегда на себя беру; ибо когда онъ противъ того ничего другаго вопреки сказать не можетъ, какъ карты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправнѣе быть могли, то я ему въ семъ безъ затрудненія уступлю, когда, кромѣ Франціи, почти ни одной земли нѣтъ, которая бъ лучшія карты имѣла. Я ему и въ семъ уступаю, что ежели бы россійскую имперію по треугольникамъ вымѣрять, то несравненно исправнѣйшія карты сдѣлать можно; но ежели разсудить, что такое дѣло и въ пятьдесятъ лѣтъ исправить нельзя, то каждый разумный человѣкъ уступить принужденъ, что публикованныя карты несравненно лучше, нежели никакимъ не быть. Сверхъ того, изданіемъ сихъ картъ точнѣйшее измѣреніе не прекращается, но паче еще оно къ тому способствуетъ, понеже легче имѣющіяся уже карты исправить, нежели вновь дѣлать. И такимъ образомъ сіе поправленіе отъ времени до времени предпріять можно; а по Делилеву проекту можетъ быть еще чрезъ пятьдесятъ лѣтъ ничего бъ на свѣтъ не вышло. Сіи причины должны во всемъ свѣтѣ свою силу имѣть, хотя бъ публикованныя карты толь недостаточны были, какъ Дилиль объясняетъ; однако я ему и въ семъ не вовсе уступаю, но наипаче утверждаю, что оныя не токмо гораздо исправнѣе всѣхъ прежнихъ русскихъ картъ, но еще многія нѣмецкія карты далеко превосходятъ"....

Положеніе Делиля въ Парижѣ, куда онъ прибылъ 15 сентября 1847 года, было далеко не такъ блестяще, какъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ получалъ значительное для того времени содержаніе (1800 руб., квартиру, отопленіе и освѣщеніе), съ которымъ могъ задавать пиры, въ родѣ устроеннаго имъ въ 1729 г., по случаю рожденія дофина, когда кромѣ бала и ужина на 150 человѣкъ, передъ домомъ его горѣла иллюминація съ разными декораціями какъ внутри, такъ и снаружи [1]). Сначала прибытія своего во Францію, Делиль принужденъ былъ жить однимъ

[1]) Этотъ праздникъ подробно описанъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1729 г. въ прибавленіи къ № 87, подъ заглавіемъ: «Описаніе радостнаго торжествованія, которое г. Іосифъ Николай Делиль императорскій астрономъ

жалованьемъ отъ мѣста въ королевской коллегіи въ 900 ливровъ[1]). Впрочемъ, у него оставалась еще нѣкоторая сумма денегъ, привезенная изъ Россіи. Первое, изъ нея сдѣланное употребленіе было устройство обсерваторіи съ большимъ пассажнымъ инструментомъ на платформѣ отеля Клюни въ улицѣ des Mathurins. Здѣсь началъ онъ снова свои наблюденія, которыя не прерывались также въ продолженіе многихъ лѣтъ. Несмотря на шестьдесятъ лѣтъ, Делиль ходилъ въ свою обсерваторію днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ; спалъ онъ мало; былъ всегда готовъ дѣлать наблюденія, въ какое угодно время; могъ отдыхать днемъ, если ночь проводилъ безъ сна. По разсказамъ Лаланда, это было для него рѣшительно все равно, и потому часто онъ укладывалъ Лаланда спать, когда тотъ приходилъ къ нему для наблюденій слишкомъ въ позднюю ночную пору.

Въ 1748 г., по порученію Теплова, докторъ Санше обращался къ Делилю съ просьбою дать объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ, предложеннымъ академикомъ астрономомъ Винцгеймомъ и на которыя Делиль обязанъ былъ, по мнѣнію Теплова, отвѣчать, согласно заключенному съ Делилемъ предъ отъѣздомъ его изъ Петербурга контракту. Такое требованіе разсердило Делиля: онъ вспомнилъ старую вражду къ академической канцеляріи, и въ отвѣтѣ своемъ Санше запальчиво объявилъ, что онъ не желаетъ вовсе имѣть какія либо сношенія съ академическою канцеляріею, какъ съ презрѣннымъ учрежденіемъ, которое съ злорадствомъ соединяетъ самое жалкое невѣжество, и что если онъ будетъ писать въ петербургскую Академію, то не къ тѣмъ, которые взялись быть начальниками ея

и профессоръ здѣшнія Академія наукъ ради счастливаго рожденія Дофіна во Франціи здѣсь въ Санктпетербургѣ въ среду, т. е. 29 дня октября 1729 г. отправлялъ.» Г. Соловьевъ, въ своей Исторіи Россіи, XIX, 183, не обративъ вниманіе, что это празднество было дано французскимъ подданнымъ Делилемъ и притомъ на собственный его счетъ, такъ укоряетъ въ томъ нашу Академію наукъ: «29 октября, Академія удивила праздникомъ не въ честь какого нибудь русскаго счастливаго событія, но въ честь рожденія дофина во Франціи...»

[1]) Докторъ Санше писалъ въ 1748 году къ Теплову, что положеніе Делиля въ Парижѣ въ денежномъ отношеніи было тогда незавидно: кромѣ плохой квартиры, онъ получалъ на русскія деньги не болѣе 120 р. въ годъ. (I, Входящія письма 1748, 1749 годовъ).

или же которые постыдно подчинились имъ, но къ академикамъ, которыхъ онъ всегда уважаетъ и помнитъ съ удовольствіемъ. Этотъ отзывъ въ подлинникѣ Санше доставилъ тогдашнимъ властителямъ судебъ Академіи Шумахеру и Теплову. Они уговорили гр. Разумовскаго и написали отъ его имени требованіе въ парижскую Академіи наукъ и ко всѣмъ почетнымъ членамъ петербургской Академіи о прекращеніи всякихъ сношеній съ Делилемъ. Тогда же въ русское посольство при версальскомъ дворѣ сообщено было, чтобы оно домогалось: 1) о возвратѣ Делилемъ всѣхъ матеріаловъ, вывезенныхъ имъ изъ Россіи касательно географіи и исторіи; 2) о недопущеніи его печатать что-либо о Россіи безъ вѣдома петербургской Академіи и, наконецъ, 3) о неопредѣленіи Делиля никуда до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ онъ того, что обѣщано имъ въ контрактѣ. Изъ дальнѣйшей переписки съ Санше видно, что эти требованія найдены были рѣшительно неудобоисполнимыми въ парижской Академіи наукъ, и даже посольство наше предвидѣло неуспѣхъ подобныхъ настояній у французскаго правительства. Необычайная притязательность къ Делилю, по отзыву Эйлера, произвела дурное впечатленіе въ кружкахъ европейскихъ ученыхъ. Что же касается до академической канцеляріи, то ей пришлось ограничиться тѣмъ, что она только сама была сдѣлать въ силахъ: вмѣсто исключеннаго Делиля, почетнымъ членамъ Академіи назначенъ былъ д'Анвиль, который не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Делилемъ, а пенсію послѣдняго раздѣлили между Крафтомъ, свойственникомъ Шумахера и Геинзіусомъ его пріятелемъ.[1])

Въ 1752 году Делиль издалъ: Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud. Извѣстія, здѣсь напечатанныя, не отличаются ни полнотою, ни особенною вѣрностію, но они примѣчательны тѣмъ, что это было первое печатное свѣдѣніе о результатахъ, добытыхъ въ многотрудную камчатскую экспедицію, снаряженную подъ начальствомъ Беринга. Въ Россіи продолжали еще держать въ тайнѣ все,

---

[1]) I, Входящія 1748, 1749 годовъ, и Исходящія 1748 года.

что ни относилось къ этой эспедиціи, а потому неудивительно, что графъ Германъ Кейзерлингъ, русскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, прочитавъ названную выше статью Делиля, писалъ изъ Вѣны къ гр. Разумовскому, 26 декабря 1752 года: „но понеже такія попытки (Делиля), да и самыя поѣздки его брата де-ла-Кройера сдѣланы по указу и на казенномъ иждивеніи, слѣдовательно никакой партикулярный человѣкъ сдѣланныя примѣчанія себѣ присвоивать и оныя отъ себя и своимъ именемъ издать въ печать обнародыванія права не имѣетъ, то поступокъ Делиля всемѣрно продерзостенъ. Да и сія его продерзость есть тѣмъ важнѣе, ибо всѣ таковыя извѣстія по его чину, въ которомъ онъ при Академіи въ Санктпетербургѣ находился для вѣрнаго сохраненія и содержанія поручены были" и т. д. Гр. Разумовскій писалъ къ Шумахеру (13 марта 1753 года), чтобы поручить исторіографу Мюллеру написать опроверженіе, въ которомъ „по содержанію реляціи гр. Кейзерлинга показать всѣ нечестные въ семъ дѣлѣ Делилевы поступки и главныя его карты и изъясненія неисправности"....[1]) Мюллеръ исполнилъ порученіе, и его возраженіе напечатано въ томъ же 1753 г. на разныхъ языкахъ подъ заглавіемъ Lettre d'un officier de la marine russienne à un seigneur de la cour. Здѣсь много жесткихъ выходокъ противъ несовершенства географическихъ трудовъ Делиля, а также язвительныхъ порицаній его брата Людовика Делиля де-ла-Кройера. Современники, какъ напр. Бюашъ, не встрѣтили съ одобреніемъ такихъ личныхъ выходокъ, и самъ Мюллеръ впослѣдствіи раскаявался въ нихъ.[2])

Въ 1754 году Делиль получилъ мѣсто географа-астронома французскаго флота, и, сверхъ того, король велѣлъ купить его богатое собраніе рукописей вмѣстѣ съ огромною его библіотекою. Съ 1758 года Делиль сталъ замѣтно слабѣть, такъ-что съ 1763 года онъ уже окончательно удалился отъ занятій и весь предался исполненію обрядовъ религіозной набожности. Онъ скончался 11 сентября 1768 года отъ апоплексическаго

---

[1]) II, книга № 175 и I, Входящія письма 1752—1754 годовъ.

[2]) Sammlung Russischer Geschichte III, 273, 274.

*

удара. Делиль былъ женатъ на Маріи Магдалинѣ Ле-Дануа, женщинѣ тонкаго ума и большаго образованія; отъ брака этого дѣтей не осталось.

По свидѣтельству исторіографа Мюллера, Делиль былъ усердный собиратель всего, что ни попадалось ему подъ руки, и въ этомъ случаѣ онъ не ограничивался одною астрономіею, но пріобрѣталъ, напр. греческія и римскія медали, русскія рукописи и пр. Изъ послѣднихъ дѣлались для него въ Петербургѣ переводы, а чаще извлеченія, которыми потомъ пользовался Дегинь въ своей Histoire de Huns. Ѣдучи изъ Парижа въ Петербургъ, въ Данцигѣ Делиль пріобрѣлъ рукописи, принадлежавшія знаменитому Гевеліусу, въ которыхъ было много рѣдкихъ автографовъ. Переписку Гевеліуса Делиль передалъ академику Колю, о чемъ говорено выше на стр. 81.

Лаландъ сдѣлалъ такой отзывъ о Делилѣ:[1]) „никто болѣе его не трудился надъ исторіею и всѣми отраслями астрономіи; никто не содѣйствовалъ ея успѣхамъ своими разысканіями, перепискою, наблюденіями и своими учениками, въ числѣ которыхъ я желаю, чтобы и меня считали. Я всегда изумлялся удивительному множеству сдѣланныхъ Делилемъ наблюденій и вычисленій; ни у кого не было болѣе обширной литературной переписки и никто не умѣлъ собрать болѣе богатой коллекціи книгъ, картъ и астрономическихъ наблюденій"....

По свидѣтельству того же Лаланда, привезенныя Делилемъ во Францію бумаги заключались въ портфеляхъ числомъ около двухъ сотъ и хранились въ парижской обсерваторіи и въ депо военнаго флота (depôt de la marine)[2]). Г. академикъ О. Струве, въ бытность свою въ Парижѣ, обратилъ на это извѣстіе особенное вниманіе и, съ позволенія Араго, просмотрѣлъ всѣ рукописи Делиля, хранившіяся въ названной обсерваторіи и сдѣлалъ обстоятельное описаніе имъ. Во время ученаго путешествія Василья Струве, французское Bureau de longitudes согласилось уступить нашей Академіи наукъ на неопредѣленный

---

[1]) Astronomie, par Jérôme le François Laland (3-me édit), 1792, I, 184.

[2]) Bibliographie de Lalande, 1803, p. 385.

срокъ помянутыя рукописи для ученаго пользованія ими. Такимъ образомъ шестнадцать портфелей изъ собранія Делиля поступили въ Академію, а оттуда переданы въ центральную пулковскую обсерваторію. Между прочимъ, въ портфелѣ 16, обозначенномъ нумеромъ 146-мъ, помѣщенъ перечень литературной переписки Делиля съ 1709 по 1768 годъ. Самая переписка теперь хранится въ парижскомъ депо военнаго флота, куда она поступила отъ Делиля послѣ пріобрѣтенія ея на счетъ короля. Здѣсь находится 2606 писемъ, изъ нихъ 1514 писано къ Делилю, а 1092 черновыхъ его отвѣтовъ. Въ числѣ лицъ, съ которыми Делиль находился въ сношеніяхъ, встрѣчаются такія, которыя прославили нашу Академію: Даніилъ Бернулли, Эйлеръ, Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ.

Делиль въ исторіи географіи памятенъ тѣмъ, что предложилъ особый, извѣстный до сихъ поръ подъ его именемъ способъ черченія географическихъ картъ, по которому и были составлены первыя карты Россіи. Этому способу посвящена статья знаменитаго Эйлера — De projectione geographica Delisliana in mappa generali Imperii Russici usitata[1]).

Слѣдующія произведенія Делиля напечатаны нашею Академіею наукъ отдѣльно:

а) Discours lu dans l'assemblée publique de l'Académie des sciences le 2 Mars 1728, par Mr de L'Isle avec la réponse de Mr Bernoulli. A S.-Péterbourg, de l'imprimerie de l'Académie des sciences. 1728. (Въ 4°, 24 стр.). Въ началѣ объяснено, что содержаніемъ рѣчи были вопросы: si l'on peut démontrer par les seuls faits astronomiques, quel est le vrai système du monde? Et si la terre tourne ou non? Любопытно то обстоятельство, что рѣчь Делиля предполагалось также напечатать при Академіи и по русски, для чего она и была переведена на русскій языкъ переводчикомъ Степаномъ Коровинымъ; но осторожный Шумахеръ нѣсколько разъ обращался къ президенту Академіи Блюментросту съ испрашиваніемъ дозволенія на печатаніе рѣчи по русски, говоря, что объ этомъ долженъ рѣшить синодъ. „Это

[1]) Acta Academiae scientiarum petropolitanae pro Anno MDCCLXXVII, pars prior, pag. 143 — 153.

такой предметъ, писалъ Шумахеръ 12 іюля 1728 г., который подлежитъ разсмотрѣнію синода. Если онъ дастъ разрѣшеніе на это, то въ такомъ случаѣ будутъ спокойны на счетъ другихъ философскихъ предметовъ, о которыхъ появятся разсужденія современемъ"... Однако, русскій переводъ остался ненапечатаннымъ, потому что секретарь при Блюментростѣ, Ф. Гмелинъ написалъ изъ Москвы Шумахеру 11 іюля 1728 года: „г. лейбъ-медикъ велѣлъ объявить, что его превосходительство (вѣроятно Остерманъ, къ которому часто обращались въ то время по академическимъ дѣламъ) не находитъ нужнымъ печатать русскій переводъ рѣчей г.г. Делиля и Бернулли"...[1])

b) Abregé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. Tome II contenant l'Astronomie et la Géographie. A St.-Pétersbourg, de l'imprimerie de l'Académie impériale des sciences. 1728 (въ 8°, 7 ненум. и 83 нум. стр.). Въ началѣ посвященіе канцлеру графу Головкину. Русскій переводъ Ивана Горлицкаго напечатанъ въ томъ же 1728 году, безъ посвященія, подъ заглавіемъ: Сокращеніе математическое для употребленія его величества Імператора всея Россіи. Часть вторая, содержащая астрономію и географію (въ 8°, 2 нен. и 89 нумер. страницъ).

c) Projet de la mesure de la terre en Russie, lu dans l'assemblée de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg le 21 Janvier 1737 par M. de l'Isle premier professeur d'Astronomie. A St.-Pétersbourg, de l'imprimerie de l'Académie des sciences. MDCCXXXVII (въ 4°, 20 стр.). По нѣмецки тогда же, подъ заглавіемъ: Vorschlag welchergestalt durch einige im Russischen Reiche zu unternehmende Abmessungen, das Maas und die wahre Gestalt der Erd-Kugel ausfündig zu machen sey, vorgelesen etc. (въ 4°, 23 стр.). По русски: Предложеніе о мѣряніи земли въ Россіи, чтенное въ конференціи санктпетербургскія імператорскія Академіи наукъ, генваря 21 дня, 1737 года, чрезъ господина де л'Иля, перваго профессора астрономіи. Печатано при Імператорской Академіи наукъ, 1737 года (въ 4°, 22 стр.).

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, №№ 281, 346, 348, 349.

Корректуру французскаго и русскаго изданій этой брошюры держалъ извѣстный Тредіаковскій, которымъ сдѣланъ русскій переводъ брошюры. 27 февраля 1737 г. Делиль писалъ по этому поводу къ Шумахеру: „Корректура (нѣмецкая?) моей диссертаціи объ измѣреніи земли въ хорошихъ рукахъ — у г. Винцгейма. Г. Тредіаковскій предложилъ себя для корректуры французскаго текста. Не знаю, не будетъ-ли лучше для бо́льшей точности въ разстановкѣ знаковъ препинанія, удареніяхъ и правописаніи обращаться къ лицамъ, которыя лучше изучали французскій языкъ, чѣмъ я самъ"...[1]) Въ 1763 г. по повелѣнію Екатерины II, исторіографъ Мюллеръ и академикъ Епинусъ дали свои отзывы объ этомъ предложеніи Делиля измѣрить Россію треугольниками[2]). Первый изъ нихъ писалъ: „Г. Делиль, какъ чрезвычайно честолюбивый, хотя, впрочемъ, искусный и въ астрономіи прилежный человѣкъ, вздумалъ о семъ предложеніи уже послѣ того, какъ парижская Академія наукъ въ 1735 и 1736 годахъ посылала нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ лежащія подъ экваторомъ и къ полярнымъ кругамъ мѣста, чтобъ чрезъ измѣреніе на одинъ или нѣсколько градусовъ полуденныхъ круговъ рѣшить важный и до того времени спорный вопросъ о фигурѣ или подлинномъ видѣ земли: продолговата-ли она къ полюсамъ, или сжимается подъ оными на подобіе померанца? Отъ того возбудилось въ немъ ревнованіе: онъ желалъ въ Россіи предпринять такое же измѣреніе, дабы писали о немъ въ ученыхъ вѣдомостяхъ, запискахъ и журналахъ. А предложилъ на сей конецъ, что въ Россіи, по величинѣ сего государства, есть больше къ тому способности, чтобъ измѣрить меридіаны на 20 и больше градусовъ, и что сіе служить будетъ къ отвращенію всѣхъ сомнѣній, кои, по его мнѣнію, чрезъ измѣренія посланныхъ въ Перу и Лапонію французскихъ астрономовъ произойти могутъ. Въ семъ послѣднемъ онъ ошибся, ибо чрезъ оба измѣренія французскихъ астрономовъ вопросъ о подобномъ померанцу видѣ земли рѣшенъ такимъ образомъ, что никакого о томъ со-

---

[1]) II, книга № 28.

[2]) I, въ портфелѣ Мюллера, подъ заглавіемъ: Біографіи академиковъ, № 11, и въ Государственномъ архивѣ.

мнѣнія не осталось. Что же касается до способности къ измѣренію меридіановъ на 20 и больше градусовъ, то оное отчасти излишне; отчасти же для многихъ непроходимыхъ и пустыхъ странъ въ Россіи съ непреодолимыми препятствіями сопряженное дѣло... При всемъ томъ ничего больше не учинилось, какъ только, что г. Делиль въ апрѣлѣ 1737 г.[1]) протянулъ отъ Петергофа къ Дубкамъ на льду прямую линію и ее смѣрилъ. Сію линію хотѣлъ онъ треугольниками соединить съ колокольнею новыя церкви въ Кронштадтѣ, съ обсерваторіею санктпетербургскою и Дудоровскою горою, что̀ безъ многаго труда учиниться могло бы; но кажется, что оное отложилъ онъ до того времени, когда прочія свои предложенія приведетъ въ совершенство"...

Мнѣніе Эпинуса сходилось съ мюллеровскимъ въ томъ, что исполненіе предложенія Делиля соединено съ непреодолимыми трудностями: „Ежели кто хочетъ, говоритъ этотъ академикъ въ концѣ, вымѣрять градусъ меридіана въ Россіи, то совѣтую я довольствоваться мѣстами, лежащими около Санктпетербурга и измѣреніемъ двухъ или трехъ градусовъ проходящей чрезъ обсерваторію полуденной линіи. Сей трудъ сносенъ бы былъ нашимъ силамъ и принесъ бы дѣйствительную пользу. Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ одного полюса къ другому проведенные меридіаны за круги почесть не можно; но какую-жъ они имѣютъ кривизну? Всѣ ли они имѣютъ одинаковую кривизну?... И какая подлинная кривизна земной поверхности въ томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ обсерваторія? Такіе вопросы можно почесть за нерѣшимые, однако ихъ должно рѣшить, а особливо послѣдній, ежели кто хочетъ имѣть благополучный успѣхъ въ разысканіи лучшаго теченія луны".

d) Mémoires pour servir à l'histoire et au progrès de l'Astronomie, de la Géographie et de la Physique etc. à St. Pétersbourg, 1738.

Слѣдующія наблюденія Делиля напечатаны въ академическомъ изданіи Commentarii Academiae scientiarum Petropolita-

[1]) Изъ подлиннаго дѣла видно, что это происходило въ мартѣ.

nae: I, 467—474, Eclipses satellitum Jovis, observatae Petropoli, a fratribus Josepho Nicolao de l'Isle et Ludovico de l'Isle de la Croyere. II, 491 — 494, Continuata relatio eclipsium satellitum Jovialium, Petropoli observatarum; 495—515, Observationes altitudinis Poli in observatorio Imperiali quod Petropoli est habitae. III, 425 — 432, Tertia series observationum satellitum Jovis in observatorio imperiali Petropoli factarum. IV, 317 — 321, Continuata relatio eclipsium satellitum Jovis Petropoli observatarum. V, 451 — 457, Eclepsium Jovis satellitum in observatorio Petropolitano observatarum continuatio. VI, 395 — 400, Eclipses satellitum Jovis, observatae in Imperiali specula astronomica quae Petropoli est, per integrum annum 1738. XI, 349—362, Observationes astronomicae in specula Academiae scientiarum ab anno 1739 — 1745 a J. N. Delilio cum sociis institutae.

ДЕЛИЛЬ ДЕ-ЛА-КРОЙЕРЪ, ЛЮДОВИКЪ, экстраординарный академикъ-астрономъ.

Извѣстія о жизни его у Мюллера, который говоритъ, что онъ коротко узналъ Делиля де-ла-Кройера во время сибирскаго путешествія, въ рукописи: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, стр. 60—62, 356, 363, 567—570. О поѣздкѣ его для астрономическихъ наблюденій въ Колу и Архангельскъ въ Запискахъ Академіи наукъ, IX, прил. № 2, г. Свенске: Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изданнаго въ 1745 году, стр. 70—72, 77, 87—89. О путешествіи де-ла-Кройера по Сибири и поѣздкѣ его къ берегамъ Америки съ капитаномъ Чириковымъ напечатано Іосифомъ-Николаемъ Делилемъ въ 1752 году: Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud. Возраженія противъ Делиля, принадлежащія перу исторіографа Мюллера: Lettre d'un officier de la marine russienne à un seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud et le mémoire qui y sert d'éxplication publié par M. de L'Isle. Въ Запискахъ гидрографическаго департамента, 1851 г., IX, Соколова: «Сѣверная экспедиція 1733—43 года», 372, 374, 398—407. Въ Allgemeine Encyclopädie von Ersch und Gruber, erste Section, XXIII, 380, краткія свѣдѣнія о де-ла-Кройерѣ, перепечатаны изъ Adelung's Fortsetzung und Ergäntzungen zu Jöcher's Gelehrten Lexicon, II, 2340, вмѣстѣ съ невѣрнымъ извѣстіемъ, что де-ла-Кройеръ составилъ Abregé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale, Tome II, contenant l'Astronomie et la Géographie.

Годъ рожденія Людовика Делиля де-ла-Кройера неизвѣстенъ; по свидѣтельству исторіографа Мюллера, онъ былъ старѣе нѣсколькими годами брата своего Іосифа-Николая, жизнеописаніе котораго помѣщено выше. Отецъ ихъ, Клавдій Делиль былъ въ первый разъ женатъ на Шарлотѣ де-ла-Кройеръ, прозваніе которой перешло къ ея сыну, вѣроятно, для отличенія его отъ другихъ братьевъ. Сначала де-ла-Кройеръ готовился въ духовное званіе, но потомъ отецъ, видя, что онъ ведетъ безпорядочную жизнь, отправилъ его въ Канаду, гдѣ онъ прослужилъ въ военной службѣ семнадцать лѣтъ. По возвращеніи оттуда, братъ его Іосифъ придумалъ взять его съ собою въ Россію, почему доставилъ ему званіе élève парижской Академіи наукъ, въ Запискахъ которой въ 1724 и 1727 годахъ помѣщены статьи подъ его именемъ. По ходатайству Іосифа Делиля, Блюментростъ принялъ Людовика Делиля де-ла-Кройера въ петербургскую Академію[1], и онъ прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ въ февралѣ 1726 года. Изъ современныхъ астрономическихъ журналовъ видно[2], что де-ла-Кройеръ долженъ былъ помогать въ наблюденіяхъ брату своему, но въ 1727 году онъ отправленъ былъ въ Архангельскъ и Колу для опредѣленія географическаго положенія тамошняго порта и наблюденія надъ длиною маятника и надъ астрономическою рефракціею, которую считали измѣняющеюся съ широтою. Въ 1730 году, де-ла-Кройеръ вернулся изъ Архангельска, но медлилъ представленіемъ своихъ, наблюденій въ Академію, почему Шумахеръ, въ письмѣ къ Блюментросту 27 августа 1730 года, высказывалъ, что астрономъ немного сдѣлалъ въ свое путешествіе, а потомъ въ 1731 году библіотекарь даже подозрѣвалъ, не отсылаетъ-ли де-ла-Кройеръ своихъ наблюденій въ Парижъ[3]. Мюллеръ утверждаетъ, что де-ла-Кройеръ отъ того

---

[1]) Постановленіе о томъ, что де-ла-Кройеръ произведенъ въ экстраординарные академики, состоялось въ 1727 году, а конференціи о томъ объявлено 9 февраля 1731 г. (Протоколы этого года).

[2]) Recueil des actes des séances publiques de l'Académie des sciences de S.-Pétersbourg, tenues le 28 Décembre 1847 et le 29 Décembre 1848, Sur les manuscrits de J. de l'Isle, par M. O. Struve, страница 93.

[3]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

медлилъ представленіемъ своихъ наблюденій, что они были плохи, и ихъ исправлялъ уже въ Петербургѣ его братъ. По возвращеніи изъ Архангельска, де-ла-Кройеръ продолжалъ астрономическія наблюденія на обсерваторіи при своемъ братѣ, а въ 1733 г. поѣхалъ въ камчатскую экспедицію въ качествѣ астронома-географа. Предъ выѣздомъ двухъ другихъ товарищей де-ла-Кройера, академиковъ Мюллера и Гмелина, Іосифъ Делиль предлагалъ имъ взять съ собою въ спутники нѣкоего иностранца, который назывался тогда Рокфоромъ, а потомъ оказался графомъ Францискомъ Локателли. Свѣдущій въ языкахъ и наукахъ, онъ не имѣлъ никакого свидѣтельства о своей личности, также неизвѣстно было, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Россію и что намѣревался въ ней дѣлать. Несмотря на всѣ увѣренія Делиля въ знатности его новаго знакомца, и что онъ удалился въ Россію вслѣдствіе непріятностей. Мюллеръ и Гмелинъ на-отрѣзъ отказались принять его въ спутники себѣ; но де-ла-Кройеръ взялъ этого иностранца съ собою и довезъ его до Казани безъ приключеній. Въ Казани Локателли познакомился съ маіоромъ русской службы Ламотомъ и выразилъ ему желаніе отправиться въ Персію къ принцу Гессенъ-Гомбургскому. Когда Ламотъ узналъ, что у новаго знакомца не было никакого вида на проѣздъ, то арестовалъ его, а казанскій губернаторъ отправилъ его подъ карауломъ обратно въ Петербургъ [1]). Послѣ онъ былъ высланъ заграницу, и тамъ въ 1736 г. напечаталъ довольно желчную книгу противъ Россіи подъ заглавіемъ Lettres Moscovites. Здѣсь были почти всѣ и все обруганы, за исключеніемъ, впрочемъ, Іосифа Делиля: о немъ и женѣ его Локателли говоритъ съ похвалами. Книга эта въ свое время обратила на себя вниманіе многихъ и въ Россіи, и заграницею [2]).

---

[1]) Такъ разсказываетъ Мюллеръ; но самъ Локателли говоритъ, что онъ, пріѣхавъ въ Казань, являлся къ губернатору (графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину) и откровенно ему признался, что онъ хотя и имѣетъ паспортъ купца, однако на самомъ дѣлѣ человѣкъ знатный и хочетъ ѣхать въ Персію. Губернаторъ разговаривалъ съ нимъ очень любезно, но когда Локателли отъ него ушелъ, то велѣлъ тотчасъ же его арестовать.

[2]) Даніилъ Бернулли писалъ въ Петербургѣ 12 сентября 1736 года: «Видѣли-ли вы безстыдныя Lettres Moscovites Рокфора? Въ прошедшее

Путешествіе де-ла-Кройера по Сибири не принесло пользы наукамъ, успѣху которыхъ онъ обязанъ былъ содѣйствовать. По отзыву Мюллера, тому причинами были какъ ограниченность знаній, такъ и невоздержная жизнь де-ла-Кройера. Впрочемъ, при немъ находился подчиненный ему геодезистъ, Андрей Дмитревичъ Красильниковъ, о заслугахъ котораго по части опредѣленія географическаго положенія мѣстъ въ Сибири указывалъ Мюллеръ, а въ наше время упоминалъ съ похвалою покойный академикъ В. Струве[1]).

Въ 1737 году, де-ла-Кройеръ былъ въ Якутскѣ и, отправляясь оттуда далѣе по дорогѣ въ Камчатку, 18 августа, писалъ къ Шумахеру: „имѣю честь писать къ вамъ нѣсколько строкъ,

---

воскресенье г. маркграфъ дурлахскій, въ присутствіи г. посланника маркиза де-Пріе и многихъ другихъ знатныхъ лицъ, спрашивалъ меня о нихъ съ намѣреніемъ надсмѣхаться; но мнѣ нетрудно было доказать смѣшное безстыдство автора.» (I, Eingekommende Briefe von 1736). Въ томъ же 1736 году князь Кантемиръ, тогдашній русскій министръ въ Лондонѣ, получилъ извѣстіе изъ Парижа «что Локателли въ томъ городѣ за плута былъ давно знаемъ, и, какъ онъ въ Санктпетербургѣ въ своихъ сказкахъ показалъ, подлинно имѣлъ полюбовныя интриги съ одною госпожею; но онную не за свадьбою, но за своими долгами оставя, бѣжалъ изъ Парижа... Если онъ во Францію возвратился, то не можетъ быть въ другомъ мѣстѣ, развѣ въ деревнѣ помянутой госпожи своей полюбовницы, которая по ево побѣгѣ съ печали въ деревню ретировалась».... 23 мая 1738 года тотъ же князь Кантемиръ доносилъ, что Локателли явился въ Лондонѣ, но его невозможно преслѣдовать за непріязненное Россіи сочиненіе Lettres Moscovites, почему нашъ посланникъ предлагалъ болѣе простую мѣру: «къ наказанію его, Локателля, одинъ способъ остается, чтобы своевольнымъ судомъ чрезъ тайно посланныхъ гораздо побить, и буде ваше императорское величество тотъ способъ аппробовать изволите, то я оный въ дѣйство произведу».... Къ сожалѣнію, издателямъ депешъ князя Кантемира не посчастливилось отыскать отвѣтъ на это предложеніе, и теперь только извѣстно, что помимо кулачной расправы, нашъ дипломатъ написалъ возраженія на Lettres Moscovites, напечатанныя въ нѣмецкомъ переводѣ его секретаря, Генриха Гросса. Разысканія объ авторѣ Lettres Moscovites были дѣлаемы княземъ М. Оболенскимъ: Библіографическія записки 1859 года, 545 — 553; Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1860 — 1861 г.г., кн. III, Дополнительныя разысканія о судьбѣ книги Lettres Moscovites, 1 — 14. Также «Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира» (Спб., 1868), изд. подъ редакціею г. Ефремова, II, 97 — 102.

[1]) Записки Русскаго географическаго общества 1849 г., книга первая I, «Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи.» страницы 24 и 25.

чтобы поблагодарить васъ за добрую память обо мнѣ. Прошу васъ о продолженіи ея: теперь это будетъ не только долгъ дружбы, но и христіанское дѣло. Увы! кто знаетъ, не пишу-ли я къ вамъ въ послѣдній разъ, такъ-какъ нынѣ предпринимаю опасное путешествіе, въ которое уже погибло такъ много людей? Да сохранитъ Господь въ добромъ здоровьѣ васъ, а также и меня, чтобы я могъ, по возвращеніи, сообщить объ успѣхѣ моей поѣздки"[1]).

Съ тѣхъ поръ о де-ла-Кройерѣ въ Академіи не было прямыхъ извѣстій, а между тѣмъ, 19 декабря 1741 г., иркутская провинціальная канцелярія доносила, что на него поступилъ отчасти подтвердившійся доносъ отъ геодезистскаго ученика Ивана Шевырина, что „оной-де профессоръ де-ла-Кройеръ имѣетъ при себѣ торговыхъ и промышленныхъ людей, подъ именемъ служителей — города Томска обывателя Семена Оленева да Филипа Минина, которые-де, подъ прикрытіемъ живучи при немъ многіе годы и переѣзжая съ города на городъ, торгуютъ заповѣдною мягкою рухлядью: соболями, лисицами, песцами, горностаями, бѣлкою и всякими товарами безпошлинно тайно, обще съ нимъ, профессоромъ. Да они жъ-де, Ѳленевъ и Мининъ, имѣющійся при себѣ его профессорскій и свой заповѣдной китайской шаръ (т. е. табакъ) воровски мѣняютъ якутамъ на мягкую рухлядь" и пр. Въ 1742 году Шумахеру было хорошо извѣстно, что братъ де-ла-Кройера, Іосифъ Делиль подалъ на него жалобу въ сенатъ и вообще дѣйствовалъ за одно съ его врагомъ Нартовымъ, по этому неудивительно, что 25 марта того года академическій совѣтникъ написалъ къ де-ла-Кройеру такое письмо: „Милостивый государь. Мнѣ досадно входить въ такое непріятное дѣло, которое вы себѣ навязали. Если бы вы заботились съ бо́льшимъ усердіемъ о вашихъ академическихъ занятіяхъ, то можетъ быть теперь не имѣли бы неудовольствія быть въ раздорѣ съ людьми, которые въ состояніи вамъ повредить. Берегитесь, милостивый государь, чтобы и Академія не начала противъ васъ судебнаго преслѣдованія,

---

[1]) I, Входящія письма 1736—1739 годовъ.

потому что вы совсѣмъ пренебрегаете ею. Позволительно-ли это не писать въ Академію въ продолженіи шести лѣтъ? Гдѣ ваши наблюденія? Повѣрьте, что сумѣютъ заставить васъ дать отчетъ въ вашихъ работахъ. Впрочемъ, съ особеннымъ уваженіемъ, остаюсь и пр. [1]).

Это жесткое письмо писано Шумахеромъ, когда де-ла-Кройера уже не было на свѣтѣ: отправившись, въ іюнѣ 1741 года, на пактетботѣ „св. Павелъ" вмѣстѣ съ капитаномъ Чириковымъ для отысканія береговъ Америки, онъ въ это тяжелое плаваніе захворалъ цынгою и въ день возвращенія пакетбота въ Камчатку, 10 октября 1741 г., умеръ, не успѣвъ даже сойти на берегъ. Изъ переписки академиковъ Мюллера и Гмелина можно видѣть, что де-ла-Кройеръ постоянно былъ въ долгахъ и терпѣлъ униженіе отъ Беринга и другихъ морскихъ командировъ.

Въ 1747 г. студентъ Горлановъ составилъ опись бумагамъ де-ла-Кройера, привезеннымъ въ Академію Красильниковымъ [2]). Нынѣ бумаги эти хранятся въ архивѣ академической конференціи подъ № 35 а: здѣсь, кромѣ краткихъ донесеній о проѣханныхъ де-ла-Кройеромъ мѣстахъ по Сибири въ 1734—1740 годахъ, есть нѣсколько отрывковъ изъ его переписки и инструкцій.

Нѣкоторыя изъ его наблюденій, переведенныя на русскій языкъ, помѣщены въ Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728), стр. 218, а въ нѣмецкомъ переводѣ Мюмлера напечатаны въ I-ой части сборника: Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in Petérsburg. Слѣдующія статьи де-ла-Кройера напечатаны въ изданіи Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: I, 467—472, Eclipses Satellitum Iovis, observatae Petropoli a fratribus Josepho Nicolao de l'Isle et Ludovico de l'Isle de la Croyere. III, 433—437, Observationes primi Satellitis Jovis habitae Archangelopoli cum deducta exinde longitudine

---

[1]) I, Исходящія письма 1728 — 1742 годовъ.

[2]) II, книга № 813.

hujus urbis; 438 — 464, Determinationes latitudinum variorum locorum Ruthenici Imperii in quibus partim altitudines solis meridianas, partim quascumque fixarum tam australes quam boreales altitudines. IV, 322 — 328, Observatio longitudinis penduli simplicis facta Archangelopoli.

Въ бытность де-ла-Кройера въ Сибири, онъ женился на Марьѣ Дмитріевнѣ Татариновой[1]). Красильниковъ доносся Академіи 25 іюня 1746 г. о бумагахъ де-ла-Кройера, прибавлялъ: „а иныя дѣла и книги оставлены имъ, профессоромъ, въ Якутскѣ у жены его, которая нынѣ вышла замужъ якутскаго полка за капитана Максима Лебедева"...[2]). Есть сибирское извѣстіе, что сынъ де-ла-Кройера, Николай Дмитріевичъ (?) былъ опредѣленъ, по ходатайству покровительствовавшей будто бы его отцу княгини Дашковой, въ шляхетной корпусъ и служилъ потомъ по горному вѣдомству въ Сибири[3]). Здѣсь должно быть какое-нибудь недоразумѣніе: Людовику де-ла-Кройеру никакъ не могла покровительствовать княгиня Дашкова, такъ-какъ она родилась спустя три года послѣ его смерти и была стало-быть моложе и его сына. Далѣе, изъ сибирскихъ разсказовъ видно, что дочь Николая Дмитріевича де-ла-Кройера была замужемъ за Аистовымъ, а единственный сынъ его умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Грузіи.

ГОЛЬДБАХЪ, Христіанъ, академикъ по каѳедрѣ высшей математики, конференцъ-секретарь и совѣтникъ Академіи наукъ.

Извѣстія о немъ A. F. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 10—19. Въ рукописи Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 37, 45, 143, 145, 175, 177, 307, 311, 375, 387, 413, 679, 701, 702, 738, sqs, 748, 749, 771. Изъ мюллеровскихъ отзывовъ

---

[1]) Она приходилась двоюродной теткой Прасковьѣ Петровнѣ, урожденной также Татариновой, графинѣ Санти, которая вышла замужъ за графа въ Сибири, когда онъ былъ тамъ въ ссылкѣ. Записки Академіи наукъ, VI, приложеніе № 3, Путешествіе Н. І. Делиля въ Березовъ въ 1740 году, 12, 35, 36.

[2]) II, книга № 813.

[3]) Сибирскій Вѣстникъ 1823 г, II, 15 — 20.

заимствованы извѣстія о Гольдбахѣ въ предисловіи П. Фусса въ Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, I, стр. XXX—XXXIV. Въ первомъ томѣ этого изданія помѣщена переписка Гольдбаха съ Эйлеромъ 1729—1764 годовъ почти исключительно математическаго содержанія, а во второмъ томѣ—переписка его 1723—1730 годовъ съ Даніиломъ Бернулли. О занятіяхъ Гольдбаха въ иностранной коллегіи при графѣ Алексѣѣ Бестужевѣ-Рюминѣ есть указаніе въ Geschichte des russischen Staats, von E. Herrmann, V, 79.

Гольдбахъ, сынъ пастора, родился въ Кёнигсбергѣ 8 (18) марта 1690 года. Въ тамошнемъ университетѣ онъ слушалъ лекціи по юридическому факультету, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и математическими науками. Почти всю молодость Гольдбахъ провелъ въ путешествіяхъ по Германіи, Франціи, Италіи, Голландіи и Англіи, заводя сношенія съ разными учеными, а въ Лейпцигѣ, въ 1711 году, познакомился съ Лейбницемъ, отъ котораго потомъ получилъ нѣсколько писемъ.[1]) Въ 1725 году Гольдбахъ отправился въ Россію и, прибывъ въ Ригу, написалъ, 4 іюля н. ст. слѣдующее письмо къ Блюментросту:[2])

„Рѣшимость гг. Германа и Бильфингера поселиться въ Петербугѣ такъ понравилась мнѣ, что и я вознамѣрился присоединиться, если возможно, къ этимъ ученымъ, и смѣю думать, что они сами не сочтутъ меня безполезнымъ для Академіи наукъ.... (За тѣмъ слѣдуетъ ссылка на Доппельмейера, который могъ доставить о немъ свѣдѣнія). Еще быть можетъ г. Брюсъ, генералъ ея императорскаго величества, вспомнитъ обо мнѣ: болѣе семи лѣтъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей сообщилъ ему нѣкоторыя соображенія мои по поводу довольно

---

[1]) Напечатаны въ Leibnitii epistolae ad diversos, divulgavit C. Kortholtus, Lipsiae, 1734, I, 238—244. Между прочимъ въ письмѣ 6 октября 1712 г. Лейбницъ говоритъ Гольдбаху о его надписяхъ въ Теодицеѣ Германа: «Elegantis tui in Theodicaeam epigrammatis, sed erga me paullo faventioris, D. D. Hanschius me participem fecit.» Ср. тамъ же II, 161, 162.

[2]). Это письмо доказываетъ, что Гольдбахъ отправился въ Россію съ цѣлію поступить въ русскую службу; но Мюллеръ (Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg) увѣряетъ, что Гольдбахъ поѣхалъ въ Петербургъ изъ любопытства и остался тамъ только вслѣдствіе настояній людей, узнавшихъ его рѣдкія достоинства.

страннаго опыта, о которомъ сообщено отцомъ Мерсенномъ въ одномъ изъ его писемъ къ г. Декарту, а именно, что ядро, пущенное изъ пушки, нацѣленной вертикально, должно бы падать по перпендикулярной же линіи, а оно изчезаетъ совсѣмъ. Г. Брюсу угодно было тогда въ письмѣ изъ Або почтить мои незначительныя соображенія замѣчаніями, которыя я принялъ столько же съ почтеніемъ, сколько и съ удивленіемъ. Онъ присовокуплялъ, что, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, ему будетъ любопытно произвести этотъ опытъ со всевозможнымъ стараніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы его превосходительство имѣлъ потомъ досугъ думать объ этомъ".

„Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, король прускій, котораго я подданный, пожаловалъ мнѣ титулъ совѣтника, но онъ сдѣлался такъ обыкновеннымъ, что я думаю о чемъ нибудь болѣе существенномъ. Въ Acta eruditorum (1717 и слѣд. годовъ) напечатано съ подписью буквъ C. G. нѣсколько статей изъ ариѳметики и алгебры; онѣ были благосклонно приняты знатоками и мнѣ неловко помѣщать здѣсь то, что снисходительно было сказано о нихъ въ томъ же журналѣ за 1719 годъ, стр. 274; въ Nouvelles Littéraires, Гага, мѣсяцъ сентябрь 1717 или 1718 гг. (гдѣ разсказываются многія подробности о жизни покойнаго г. Лейбница) и въ другихъ мѣстахъ Лейпцигскихъ литературныхъ извѣстій, или въ 1723 году по поводу одного нѣмецкаго журнала (Historie der Gelehrsamkeit, VI, № 6) приводятъ догадку, сдѣланную мною касательно опухолей, которыя вылечиваются горячею золою. Правда, что я не имѣлъ преимущества слушать медицины, но хвалюсь тѣмъ, что много пользовался сужденіями нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ европейскихъ врачей, какъ то: Валлиснери, Рамацини, Бургаве, Веделя, Бона, Сталя и др."....[1])

Блюментростъ отвѣтилъ было (2 іюля стар. ст. 1725 года) отказомъ на томъ основаніи, что въ то время всѣ мѣста въ Академіи были уже заняты,[2]) однако вскорѣ за тѣмъ, именно 1 сен-

[1]) I, Eingekommende Briefe von a. 1725.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 179.

тября 1725 года, заключенъ былъ съ Гольдбахомъ контрактъ, въ силу котораго онъ обязывался за 600 рублей въ годъ, съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ, заниматься математикою и, по желанію Академіи, писать ея исторію изъ собираемыхъ въ ней записокъ. Съ самаго начала академическихъ засѣданій до 1728 года Гольдбахъ велъ на латинскомъ языкѣ протоколы всего происходившаго тамъ.[1])

„Мы пригласили г. Гольдбаха, писалъ Блюментростъ 18 сентября 1725 года къ русскому посланнику при прусскомъ дворѣ графу Головкину, чтобы составлять исторію Академіи, которая будетъ составляться по мемуарамъ ея. Сдѣлано это во уваженіе къ его качествамъ, а также потому, что онъ первый рѣшился на путешествіе съ цѣлью быть принятымъ въ это ученое общество. Но такъ-какъ онъ подданный прусскаго короля и желалъ бы имѣть его разрѣшеніе, то и обращается къ нему съ прилагаемымъ при семъ прошеніемъ. Осмѣлюсь-ли я просить ваше сіятельство о подкрѣпленіи его ходатайства?“[2])

Въ 1726 году изъ писемъ Гольдбаха къ Блюментросту видно, что велись переговоры о назначеніи перваго въ наставники къ великому князю Петру Алексѣевичу.[3]) Мюллеръ, въ своемъ рукописномъ сборникѣ для исторіи Академіи наукъ[4]) оставилъ объ этомъ слѣдующія извѣстія, любопытныя какъ свидѣтельства современника:

„Не слѣдуетъ вѣрить народному слуху, будто Петръ Великій не радѣлъ о воспитаніи своего внука, или будто въ царствованіе Екатерины молодому принцу было отказываемо въ образованіи, соотвѣтственномъ его возрасту и состоянію. У Петра II одинъ наставникъ былъ Мавринъ, гвардейскій капитанъ, человѣкъ очень острый, не невѣжда и благонравный, а другой Зееманъ, о которомъ по справедливости можно сказать, что это былъ способный и прилежный учитель. Онъ могъ обучать его языкамъ и наукамъ также основательно и съ та-

[1]) I, Исходящія письма 1713 — 1727 годовъ.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 188.

[3]) I, Входящія письма 1726, 1727 годовъ.

[4]) Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg.

кимъ же успѣхомъ, съ какимъ принцъ отличался у другихъ учителей въ рыцарскихъ упражненіяхъ. Принцъ назывался великимъ княземъ, а его сестра, старѣе его однимъ годомъ, но слабая здоровьемъ, Наталья — великою княжною. Они получали одинаковое воспитаніе съ принцессами Анною и Елисаветою. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что великому князю, рѣдко показывавшемуся въ обществѣ, были приданы въ товарищи молодые знатные господа его возраста, а принцессѣ — знатныя дѣвицы.

„Императрица Екатерина I, 5 апрѣля 1726 года вступила въ 39-й годъ возраста. Она еще пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ, однако какъ будто заглянули въ будущее и не хотѣли откладывать дальнѣйшаго наставленія великаго князя въ высшихъ наукахъ, образующихъ настоящаго государя. Хотя ему 12 октября того же года исполнилось только одинадцать лѣтъ, однако онъ, по своимъ великимъ способностямъ, былъ въ состояніи все понимать.

„Г. Гольдбахъ былъ избранъ императрицею къ этой важной должности, и г. Блюментростъ могъ подкрѣпить ея величество въ этомъ выборѣ, потому что ему положительно было извѣстно, что ей никто не могъ болѣе понравиться изъ всѣхъ, предназначенныхъ къ тому ученыхъ, которые были въ Академіи. Но кажется, что князь Меншиковъ еще взялъ на себя узнать по короче г. Гольдбаха. Къ этому представился случай, или его намѣренно приготовилъ г. Блюментростъ, потому что, 11 августа 1726 года, г. Гольдбахъ, въ обществѣ г. Шумахера, предпринялъ прогулку въ одинъ изъ загородныхъ домовъ на петербургской дорогѣ, откуда на слѣдующее утро прибыли они въ Петергофъ, а послѣ обѣда въ Ораніенбаумъ. Это былъ княжескій увеселительный замокъ, гдѣ онъ тогда жилъ. Въ этотъ же день въ дневникѣ г. Гольдбаха записано: „я имѣлъ честь играть въ шахматы съ его свѣтлостью княземъ Меншиковымъ.“ И затѣмъ слѣдуетъ: „вечеромъ ужинали за столомъ его свѣтлости.“ Этого было достаточно князю, чтобы составить себѣ прекрасное мнѣніе о г. Гольдбахѣ. 24 августа г. Блюментростъ сдѣлалъ г. Гольдбаху предложеніе о томъ, къ чему его назна-

чали. За тѣмъ въ его дневникѣ находится слѣдующая замѣтка: 5 сентября (онъ всегда употреблялъ новый стиль) г. лейбъ-медикъ говорилъ мнѣ впервые о приглашеніи къ великому князю, „но я отказался". Онъ такъ поступилъ, потому что у него не было никакой склонности къ устному преподаванію. Имѣть надзоръ за воспитаніемъ и ученіемъ его императорскаго высочества—вотъ въ чемъ онъ тогда считалъ себя свѣдущимъ, а потому его обязанности послѣ были, по его желанію, ограничены. Между тѣмъ г. Гольдбахъ пріобрѣлъ также расположеніе великаго министра, вице-канцлера, барона, а послѣ графа, Остермана, который въ октябрѣ и декабрѣ два раза приглашалъ его къ своему столу.

„Послѣ новаго года, именно 11 января 1727 года, когда здоровье императрицы находилось еще въ отличномъ состояніи, г. Блюментростъ долженъ былъ повторить свое предложеніе г. Гольдбаху. Такъ-какъ и на этотъ разъ оно осталось безъ послѣдствій, то надобно полагать, что и эта попытка, быть можетъ заключавшаяся опять въ предложеніи наставнической обязанности, осталась безплодною. Но когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица впала въ тяжкую болѣзнь, исходъ которой ожидался самый дурной, то г. Блюментростъ, 26 апрѣля, снова сталъ неотступно просить г. Гольдбаха. Если затрудненія были устранены, то повидимому этому обязаны г. вице-канцлеру, такъ-какъ въ дневникѣ г. Гольдбаха занесено: „7 мая г. баронъ Остерманъ сдѣлалъ мнѣ такое же предложеніе." Потомъ г. Гольдбахъ получилъ и подписалъ составленный 1 мая (ст. стиля) контрактъ.[1])

„Затѣмъ, 4 мая, г. Гольдбахъ былъ представленъ княземъ Меншиковымъ и барономъ Остерманомъ великому князю и великой княжнѣ. Съ этого времени былъ онъ постоянно при дворѣ, обѣдалъ за великокняжескимъ, а вскорѣ потомъ за императорскимъ столомъ и жилъ въ домѣ близь зимняго дворца.

[1]) На основаніи этого контракта Гольдбахъ былъ опредѣленъ для надзора за воспитаніемъ великаго князя, съ званіемъ юстицъ-рата, жалованьемъ въ двѣ тысячи рублей въ годъ, также съ казенною квартирою и отопленіемъ. Именной указъ о томъ Екатерины I, см. II, книга № 3.

Когда же императоръ перемѣнилъ свое жительство и переѣхалъ въ домъ князя Меншикова, то и Гольдбахъ послѣдовалъ туда за нимъ[1]). 21 мая академикъ Бильфингеръ производилъ физическіе опыты во дворцѣ предъ его императорскимъ величествомъ. Государь высказывалъ при томъ милостивое удовольствіе и соизволилъ, какъ напечатано въ современныхъ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ, вмѣстѣ съ молодымъ князямъ Меншиковымъ, прикасаться руками къ воздушному насосу. 25 мая, послѣ обѣда, было торжественное обрученіе императора съ княжною Марьею Александровною Меншиковою, дочерью князя Меншикова, который теперь достигъ высочайшей вершины своего счастія. Благословлялъ обрученныхъ Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій. Когда кончился обрядъ, то Академія наукъ была представлена въ полномъ составѣ для поднесенія всеподданнѣйшихъ поздравленій императору и его невѣстѣ. Г. Гольдбахъ, въ качествѣ академика, произнесъ при этомъ случаѣ рѣчь къ императору на латинскомъ языкѣ, а академикъ Бекенштейнъ—императорской невѣстѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Потомъ были поднесены отъ имени Академіи печатныя нѣмецкія и латинскія поздравительныя оды гг. Байера и Бекенштейна[2]). Князь Меншиковъ былъ нездоровъ. 2 и 21 іюня Санктпетербургскія вѣдомости извѣщали, что императоръ утромъ по бо́льшей части занятъ изученіемъ тѣхъ наукъ, которыя приличествуютъ великому монарху, а послѣ обѣда охотится и предается другимъ развлеченіямъ. Въ послѣдніе дни началъ также его величество посѣщать верховный тайный совѣтъ".

[1]) II, Входящія письма 1726—1727 годовъ заключаютъ между прочимъ и слѣдующій указъ юнаго императора: «мы, Божіею милостію, Петръ II и пр., симъ объявляемъ, что такъ-какъ въ бозѣ почившая бабка наша, императрица Екатерина намѣревалась поручить надзоръ надъ нашимъ воспитаніемъ Христіану Гольдбаху, съ производствомъ его въ юстицъ-раты и назначеніемъ жалованья по 2 т. руб. въ годъ съ казенною квартирою и отопленіемъ, то мы все это признаемъ и подтверждаемъ, повелѣвая, чтобы означенное жалованье въ 2 т. руб. выдавать ему по четвертямъ года изъ соляной конторы съ 1 мая этого года. С.-Петербургъ іюля 1727 года.»

[2]) Краткая рѣчь Гольдбаха сохранилась въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ съ надписью: «Біографіи академиковъ, № 11, а оды напечатаны и помѣщены въ академическомъ сборникѣ Orationes panegyricae de regno Petri I, Catharinae I et Petri II.

„Я, продолжаетъ Мюллеръ, привожу эти подробности потому, что они относятся къ ученію, которое дѣйствительно началъ тогда императоръ съ г. Гольдбахомъ, хотя послѣдній по своему контракту не былъ къ тому обязанъ. Нѣкоторые профессора писали для употребленія императора начальныя основанія разныхъ наукъ, и эти основанія, какъ скоро приводимы были къ окончанію, то печатались въ академической типографіи. Впрочемъ, устнаго преподаванія императору ни отъ одного изъ академиковъ, кромѣ Гольдбаха, не было, потому что на это не было изъявлено желанія. Быть можетъ предвидѣли, что ученіе не долго продолжится при вѣтреной юности императора и при обхожденіи съ любимцами, которые не выказывали себя очень склонными къ наукамъ. Вице-канцлеръ баронъ Остерманъ сдѣлался главнымъ наставникомъ императора. Онъ велѣлъ напечатать наставленіе, какъ и что въ наукахъ долженъ былъ изучать императоръ. Тоже самое сдѣлалъ архіепископъ Ѳеофанъ ве отношеніе преподаванія закона Божія. Однако, есть-ли возможность стѣснять верховнаго государя во времени? Въ особенности частыя охоты были противны князю Меншикову: Петръ Великій смотрѣлъ на эту забаву какъ на безполезную трату времени, почему Меншиковъ никогда не присутствовалъ на нихъ. Онъ страшился, чтобы сильныя движенія и часто неблагопріятная погода не повредили здоровью молодаго государя. Однажды онъ выговаривалъ барону Остерману, что тотъ допускаетъ это. Но удерживали-ли монарха внушенія самого князя или ласки его дочери? Что же могъ въ такомъ случаѣ сдѣлать баронъ Остерманъ?

„Такъ-какъ г. Гольдбахъ прилежно являлся къ императору въ часы, назначенные для ученія, и обѣдалъ почти ежедневно за императорскимъ столомъ, то изъ этого заключали, что его величество не имѣлъ къ нему никакого отвращенія, однако развлеченія и охота все болѣе и болѣе отклоняли императора отъ ученія. Случалось, что не безъ великихъ со стороны Гольдбаха затрудненій онъ иногда верхомъ сопровождалъ императора на охоту. Въ сентябрѣ, когда послѣдовало паденіе князя Меншикова, прекратилось вовсе ученіе.

„Г. Гольдбахъ могъ бы возвратиться въ Академію, потому что въ его отсутствіе никто не велъ протокола въ конференціи, и онъ былъ бы тамъ очень полезенъ, однако великая княжна Наталья желала удержать его въ своемъ обществѣ. И такъ онъ остался при дворѣ, и когда императоръ изъ Петергофа вернулся въ лѣтній дворецъ, не въѣзжая болѣе въ домъ Меншикова, то г. Гольдбахъ, за тѣснотою помѣщенія въ означенномъ дворцѣ, занялъ компату въ старомъ зимнемъ дворцѣ"....

Въ январѣ 1728 года Гольдбахъ поѣхалъ за дворомъ въ Москву, гдѣ должно было происходить коронованіе императора.[1]) Въ перепискѣ съ Шумахеромъ Гольдбахъ иногда заводилъ рѣчь о великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ императора. Такъ, напр., 29 іюля 1728 года, онъ писалъ: „ея императорское высочество великая княжна спрашивала у меня вчера о рѣчи г. Делиля касательно движенія земли, которой бóльшую часть уже прочла, и я не сомнѣваюсь, что она примется опять за чтеніе ея сегодня. Въ тоже время сообщу вамъ и непріятную новость: потерялось нѣсколько листовъ изъ перваго тома Les journées amusantes, о чемъ очень сожалѣетъ ея императорское высочество. Если эта книга есть въ Петербургѣ, то прошу васъ купить ее для ея высочества, а я не премину похвалить при этомъ случаѣ ваше усердіе. Увѣренъ, что ея высочество будетъ тѣмъ очень довольна".[2])

23 августа: „Геометрическія задачи сдѣлались любимымъ занятіемъ ея императорскаго высочества, и мнѣ тяжело видѣть, что употребляемые ею математическіе инструменты никуда не годятся. Впрочемъ, я думаю, что въ Петербургѣ въ кунсткамерѣ есть таковые, почему я не сомнѣваюсь, что вы не откажите въ присылкѣ тѣхъ изъ инструментовъ, которые означены въ приложенной при семъ запискѣ. Если вы ихъ скоро

---

[1]) О прибытіи туда Гольдбаха извѣщалъ Шумахера Филиппъ Гмелинъ 28 января 1728 года, замѣчая въ тоже время: «квартиры здѣсь такъ дороги, что вы не можете себѣ о томъ представить: г. Гольдбахъ за двѣ комнаты въ деревянномъ домѣ и маленькую кухню долженъ платить 12 руб. въ мѣсяцъ!» Рукописный сборникъ г. Свенске, № 271.

[2]) I, Eingekommende Briefe 1727. О рѣчи Делиля см. выше, стр. 145.

вышлите ея высочеству, то она будетъ тѣмъ пріятно изумлена. Увѣряю васъ, милостивый государь, что она сначала спроситъ, откуда достали эти инструменты, съ любопытствомъ, равнымъ удовольствію, съ какимъ буду имѣть честь отвѣчать объ этомъ предметѣ"....[1])

7 сентября 1728 г., Ф. Гмелинъ писалъ къ Шумахеру: „Не въ состояніи вполнѣ описать, какъ сильно желаетъ г. лейбъ-медикъ имѣть глобусы, тѣмъ болѣе, что великая княжна ежедневно по нѣскольку разъ о томъ спрашиваетъ"....[2])

Послѣ кончины великой княжны, Гольдбахъ хотя не имѣлъ занятій въ Москвѣ, однако оставался тамъ при дворѣ, и только со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны, когда она отправлялась изъ Москвы въ Петербургъ, онъ вернулся туда и вступилъ снова въ Академію. Блюментростъ, не имѣя времени или не желая принимать участія въ академическихъ засѣданіяхъ, поручилъ занимать тамъ его мѣсто Гольдбаху. Во время президентства Корфа на Гольдбахѣ лежала вся переписка Академіи съ иностранными учеными. Черновыя бумаги, писанныя его красивымъ почеркомъ, легко узнать въ фоліантахъ исходящихъ писемъ въ архивѣ академической конференціи. 17 февраля 1735 года, Гольдбахъ представилъ въ академическомъ засѣданіи мысли свои о составленіи исторіи Академіи наукъ. Здѣсь онъ говорилъ, что эта исторія необходима, такъ-какъ событія, касающіяся Академіи и достойныя сохраненія въ памяти, могутъ остаться или неизвѣстными, или не подтвержденными достовѣрными свидѣтельствами. Прежде всего, по мнѣнію Гольдбаха, слѣдовало собрать извѣстія о состояніи просвѣщенія въ Россіи при Петрѣ Великомъ до учрежденія Академіи, о чемъ лучше всего обратиться къ архіепископу новгородскому „который уже давно съ отеческою любовью слѣдитъ за нашими работами и оказываетъ всякаго рода благоволеніе". Далѣе объ основаніи Академіи Петромъ Великимъ надобно было просить Блюментроста и Шумахера, какъ лицъ, которыя привели въ

---

[1]) I, Входящія письма 1728 года.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 386.

исполненіе мысль августѣйшаго основателя. Предложеніе это не было, впрочемъ, осуществлено[1]),

Въ 1737 году баронъ Корфъ представлялъ въ Кабинетъ о необходимости имѣть ему двухъ помощниковъ при занятіяхъ академическими дѣлами, почему просилъ назначить ему „въ товарищи двухъ старшихъ членовъ изъ Академіи наукъ, а именно юстицкаго совѣтника Гольдбаха, который какъ въ высочайшихъ, такъ и въ прочихъ полезныхъ наукахъ великое искусство имѣетъ и по сіе время должность секретаря при академическихъ конференціяхъ съ совершенною исправностью отправляетъ, да ея императорскаго величества библіотекаря Шумахера... и при томъ, въ разсужденіе, что Гольдбахъ еще при державѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра II назначенъ юстицкимъ совѣтникомъ...“ пожаловать его чиномъ коллежскаго совѣтника. Императрица Анна утвердила это ходатайство 21 октября 1737 года, и баронъ Корфъ постановилъ при томъ, чтобы Гольдбаху „въ конференціи при собраніи профессоровъ... присутствовать“...[2])

Гольдбахъ въ свое время считался отличнымъ латинистомъ, и потому на него возлагалось сочиненіе латинскихъ стиховъ и надписей по случаю иллюминацій и фейерверковъ, что имъ и исполнялось въ соучастіи съ извѣстнымъ по этой части знатокомъ — Штелинымъ[3]). Кромѣ того, извѣстна другая подобная работа Гольдбаха — это сочиненіе медалей и къ нимъ надписей на разныя событія изъ царствованія императрицы Анны. Поводомъ къ тому было представленіе графа Михаила Головкина „монетнаго правленія главнаго директора“, который въ декабрѣ 1739 года доносилъ Кабинету, что по примѣру медалей, битыхъ при Петрѣ Великомъ на разные случаи изъ его царствованія, необходимо тоже самое сдѣлать и для событій временъ императрицы Анны, потому что „для высокихъ и слав-

[1]) Записки Академіи, VII, прилож. № 4. Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи, 28, 29; Ученыя записки Академіи по I и III отд., II, 137.

[2]) II, книга № 32.

[3]) Въ мюллеровскомъ рукописномъ сборникѣ Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg сохранено нѣсколько подобныхъ произведеній Гольдбаха.

ныхъ ея императорскаго величества дѣлъ, т. е. о войнѣ съ разными потенціями никакихъ медалей не сочинено. А понеже оное весьма надобная вещь... ибо уже въ нѣкоторыхъ государствахъ въ печатаніи о бывшихъ баталіяхъ медалей зачинъ дѣлается, какъ въ печатныхъ на нѣмецкомъ языкѣ вѣдомостяхъ, на которыхъ двѣ медали изображены, явствуетъ... И дабы россійскимъ подданнымъ впредь отъ прочихъ не могло въ слабость причтено быть того, что въ прочихъ государствахъ о россійскихъ славныхъ дѣлахъ медали для памяти печатаются, а въ самомъ россійскомъ государствѣ оное пропущено"... Описаніе двухъ медалей помѣщено было въ Sammlung merkwürdiger Medallen, anno 1737, 44 Woche, на взятіе Очакова, и 1738, 13 Woche на изгнаніе турокъ изъ Очакова. Кабинетъ распорядился, чтобы гр. Головкинъ о сочиненіи медалей вошелъ въ сношеніе съ Академіею наукъ. По этому-то случаю Гольдбахъ сочинилъ проекты девятнадцати медалей на разныя событія изъ царствованія Анны. Представляя ихъ, онъ заявилъ, что ему при этой работѣ служило образцомъ лучшее, по его мнѣнію, руководство въ этомъ родѣ Medailles sur les principaux évenèmens de Louis le Grand. Въ августѣ 1741 года проекты Гольдбаха отосланы были въ канцелярію монетнаго правленія [1]). Бюшингъ напечаталъ подписи къ этимъ медалямъ, какъ образчикъ хорошаго вкуса и латинскаго слога Гольдбаха [2]). Въ февралѣ 1740 года происходили при дворѣ въ Петербургѣ различныя празднества по случаю заключенія мира съ турками. Между прочимъ 14 числа того мѣсяца первые чины государства поздравляли императрицу Анну съ окончаніемъ войны. Причемъ произносилъ рѣчь на русскомъ языкѣ кабинетъ-министръ князь Черкасскій. Рѣчь эта была сочинена на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ Гольдбахомъ и тогда же напечатана при Академіи наукъ [3]).

Въ 1740 году Гольдбахъ просилъ барона Корфа уволить его отъ совмѣстныхъ съ Шумахеромъ занятій по канцеляріи,

---

[1]) II, книга № 49.

[2]) Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 11 — 15.

[3]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 698.

на томъ основанiи, что онъ, по его словамъ, „канцелярскими дѣлами обязаться не можетъ, которыя до членовъ и до адъюнктовъ не касаются, для того что онъ россiйскаго языка не знаетъ, да и того ради, что онъ, кромѣ академическихъ, другими дѣлами отягченъ"... Эта просьба была исполнена, и баронъ Корфъ, оставляя Академiю, 15 апрѣля 1740 г. постановилъ объ увольненiи академика отъ помянутыхъ занятiй[1]).

$\frac{\text{29 iюля}}{\text{9 августа}}$ 1740 года Гольдбахъ подалъ бывшему послѣ барона Корфа президенту Бреверну мнѣнiе свое относительно академическихъ штатовъ, о которыхъ рѣчь шла еще съ 1732 года. Мнѣнiе Гольдбаха, близко знакомаго съ дѣлами Академiи съ самаго ея основанiя, заключалось въ томъ: 1) что штаты эти необходимо передавать на предварительное разсмотрѣнiе самихъ академиковъ, какъ лицъ, до которыхъ такое дѣло ближе всего касается, а между тѣмъ всѣ бывшiе президенты вовсе устраняли въ этомъ дѣлѣ академиковъ; 2) что Академiя находится въ цвѣтущемъ состоянiи не отъ бóльшаго числа академиковъ, а отъ заслугъ ихъ наукамъ, и потому лучше назначить значительное содержанiе сообразно значенiю академиковъ въ ученомъ свѣтѣ, чѣмъ небольшое, одинаковое для многихъ, что благопрiятствуетъ только одной посредственности; и 3) что Академiя наукъ должна быть отдѣлена отъ Академiи художествъ, покрайней мѣрѣ по денежнымъ счетамъ.

Въ 1742 г. сенатъ далъ знать Академiи, что „сего 1742 г. марта 18 дня ея императорское величество... пожаловала обрѣтающагося при Академiи наукъ юстицъ-рата Гольдбаха въ статскiе совѣтники съ годовымъ жалованьемъ по тысячѣ по пятисотъ рублей въ годъ и быть ему при коллегiи иностранныхъ дѣлъ, а отъ Академiи наукъ его отставить[2]).

Въ депешахъ иностранныхъ министровъ при русскомъ дворѣ елисаветинскихъ временъ иногда упоминается о Гольдбахѣ, какъ человѣкѣ очень способномъ по своей спецiальности. Что тогдашнiй канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ также цѣнилъ Гольдбаха, то доказательствомъ этому служитъ

---

[1]) II, №450.

[2]) II, книги №№ 64 и 452.

слѣдующее письмо его, въ февралѣ 1746 года, къ барону И. А. Черкасову: „Понеже при послѣднихъ докладахъ ея императорскому величеству, за краткостію времени, не могло быть доложено объ изготовленномъ для г. Гольдбаха указѣ о пожалованіи ему деревни, къ чему предъ нѣсколькимъ временемъ и ея императорское величество всемилостивѣйшую склонность оказать соизволила, а при настоящемъ отъѣздѣ онъ здѣсь остается, и ему отъ меня уже наставленіе дано, какимъ образомъ ему съ нѣкоторыми секретнѣйшими письмами поступать надобно; но между тѣмъ не безъ опасенія есть, чтобъ во время нынѣшняго отсутствія какимъ либо образомъ баронъ Мардефельдъ (при этомъ имени рукою канцлера приписано: „по нѣкоторому дѣлу нынѣ зѣло преогорченный“) сего нужнаго человѣка изъ здѣшней службы не подговорилъ, и ежели-бъ онъ по такому подзыву иногда склонился къ выѣзду, то уже и удержать его, яко вольнаго человѣка, не можно будетъ. Того ради весьма потребно было бы нынѣ его такимъ пожалованіемъ деревни повеселить и тѣмъ его въ здѣшней службѣ еще утвердить. И для того помянутый изготовленный указъ при семъ прилагая, покорно ваше превосходительство прошу, когда только случай возымѣть можете, объ немъ ея императорскому величеству доложить и къ подписанію поднести“. Баронъ Черкасовъ увѣдомилъ гр. Бестужева-Рюмина 25 февраля 1746 года, что Гольдбаху пожалована въ дерптскомъ уѣздѣ мыза Вольмарсгофъ съ чистымъ доходомъ въ 916 ефимковъ.

Въ 1760 г. Гольдбахъ представилъ свое мнѣніе о воспитаніи великаго князя Павла Петровича. Помѣщаемъ его внизу страницы, какъ любопытный матеріалъ для изученія взглядовъ ученыхъ прошлаго столѣтія на образованіе дѣтей царскаго семейства[1]).

---

[1]) Переводъ съ сочиненія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гольдбаха, присланнаго отъ его сіятельства въ коллегію въ 8 день августа 1760 года для перевода.

Не въ указъ предложеніе, какимъ образомъ при обученіи молодаго принца языкамъ и наукамъ поступать надобно.

Все, касающееся до наставленія принца въ Божіей службы и духовныхъ правилахъ предается въ волю святѣйшему синоду, а для обученія языкамъ и наукамъ напоминается слѣдующее, а именно:

Состоя на службѣ въ иностранной коллегіи, Гольдбахъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника (1760 г.), имѣлъ 3.000 руб. годоваго жалованья и умеръ $^{10}/_{20}$ ноября 1764 года. По свидѣтельству Бюшинга, лично его знавшаго, „это былъ ученый, очень начитанный и опытный мужъ, великаго ума и удивительной памяти, благодаря которой онъ былъ въ состояніи прочитывать

Изъ иностранныхъ языковъ обучать нынѣ только нѣмецкому и французскому, а по высшей мѣрѣ еще немного и латинскому, дабы при обученіи наукамъ знать случающіяся въ оныхъ техническія званія.

Обоимъ же языкамъ вмѣстѣ или же чрезъ день обучать не надобно, ибо натурально сдѣлается замѣшательство, но можно сперва полгода или больше одному нѣмецкому языку обучать, а когда примѣчено будетъ, что принцъ станетъ читать и писать нѣсколько по исправнѣе, то послѣ такимъ же образомъ поступать и во французскомъ языкѣ.

При семъ весьма полезенъ былъ бы уже давно ожиданный лексиконъ на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, еслибъ для обоихъ послѣднихъ языковъ въ основаніе взяли извѣстный Пассажеровъ лексиконъ.

Въ учители необходимо надобно брать такихъ людей, которые бы собственный свой языкъ основательно знали и смотрѣли прилежно, дабы принцъ слова худо не выговаривалъ и потому въ произношеніи имъ оныхъ крѣпко наблюдатъ. А если какое слово нѣсколько трудно ему покажется, то оное нѣсколько разъ повторять ему ясно, пока онъ безъ ошибки выговорить можетъ.

При обученіи языковъ можно ему, такъ-какъ бы въ забаву, показывать первыя правила ариѳметики и геометріи самыми легкими и нетрудными примѣрами: также и мѣста на глобусѣ и ландкартахъ, кои больше извѣстны.

По обученіи языкамъ, можно показывать и науки, а особливо исторію, географію, фортификацію и нѣсколько морской и гражданской архитектуры, также народныя и нравоучительныя правилы и пр., къ чему выбирать искусныхъ въ каждой наукѣ учителей, кои бы знали изданныя въ Германіи нарочно для того многія сокращенныя сочиненія. А поneже въ сихъ наукахъ натуральнаго порядку не имѣется, то нужды нѣтъ, которую бы сперва или послѣ ни начать, но только надобно принцу о всякой вещи ясно показывать и потому учителямъ особливо смотрѣть, чтобъ ему вдругъ не весьма много предлагать, но выученное повторять на другой день и далѣе не поступать до тѣхъ поръ, пока принцъ прежнее совсѣмъ не понялъ.

Не безполезно было бы, еслибъ каждый учитель въ опредѣленную на сіе особливую книгу вносилъ то, чему на всякой день обучилъ. Также надлежитъ все, что принцъ собственною рукою ни напишетъ, собирать и хранить.

Что касается до учителей наукамъ, то генерально примѣтить надобно, что нѣкоторые изъ оныхъ хотя и много учены, но не имѣютъ дара учениковъ своихъ обучать; напротивъ того другіе, правда и гораздо меньше учены, но имѣютъ искусство легкимъ и пріятнымъ способомъ предлагать то, чему обучаютъ, и сихъ-то послѣднихъ надлежитъ лучше всего выбирать. Переводилъ секретарь Семенъ Страшновъ.

На оберткѣ: Въ секретную экспедицію. По переводѣ прислать съ чистою копіею, не замедливъ.»

наизусть цѣлыя мѣста изъ классическихъ писателей и другихъ сочиненій. Въ молодости своей онъ велъ переписку со многими знаменитыми учеными“. Бюшингъ подробно разсказываетъ также о странностяхъ Гольдбаха, напр., что онъ не любилъ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было въ присутствіи третьяго и пр. По духовному завѣщанію, онъ оставилъ свое имущество постороннимъ ему людямъ, въ томъ числѣ академикамъ: Мюллеру 150 червонцевъ и Брауну 100; но бо́льшая часть (15.000 руб.) досталась камеррату Боку, человѣку, совсѣмъ чужому для Гольдбаха и только изрѣдка посѣщавшему его. Мюллеръ въ своемъ рукописномъ сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ отзывается о Гольдбахѣ съ великими похвалами. Между ними попадается и слѣдующее: „Зная свѣтъ, Гольдбахъ былъ сдержанъ, однако пріятенъ въ обращеніи. Онъ умѣлъ приспособиться къ каждому и, если это было нужно, разговаривать цѣлые часы о незначительныхъ пустякахъ, также какъ и о важныхъ предметахъ. Онъ только тогда принималъ участіе въ часто случавшихся академическихъ спорахъ, когда видѣлъ, что обстоятельства требовали, чтобы онъ объявилъ себя на сторонѣ сильнѣйшей партіи. Его основное правило было: если предвидѣтся что такое-то обстоятельство непрѣменно случится, то напрасно и несогласно съ благоразуміемъ хотѣть плыть противъ теченія. Другое его правило было еще общнѣе: такъ-какъ онъ старался пріобрѣсти дружбу каждаго, то по этому старательно избѣгалъ случаевъ становиться съ кѣмъ бы то ни было во враждебныя отношенія. Этого онъ держался безъ исключенія“. Такъ писалъ о Гольдбахѣ Мюллеръ; однако у нашего ученаго были и недруги: напр., Даніилъ Бернулли, въ молодости бывшій съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ перепискѣ, отзывался о немъ далеко неодобрительно и, 20 января 1742 года, вотъ что писалъ къ Эйлеру: „Я вамъ очень благодаренъ за доставленныя мнѣ извѣстія о петербургской Академіи. Что г. Гольдбахъ, въ силу различныхъ обстоятельствъ, есть вліятельнѣйшій членъ петербургской Академіи—это я очень хорошо зналъ; но чтобы онъ имѣлъ не совсѣмъ обыкновенныя заслуги — это мнѣ было неизвѣстно, хотя у меня было столько же, сколько и у васъ,

случаевъ узнать ихъ. И такъ все должно приписать моей неспособности, если въ вашихъ гласныхъ приговорахъ и способѣ цитировать ученыхъ не вкралось пристрастія. Въ этомъ случаѣ жалокъ добрый Ньютонъ, такъ-какъ онъ не только не находитъ мѣста между изящнѣйшими Гольдбахами, Бильфингерами и пр., но съ нимъ обходятся даже съ презрѣніемъ[1])!...

Заслуживаетъ вниманія отзывъ о Гольдбахѣ, сдѣланный покойнымъ академикомъ Фуссомъ уже въ наше время. „Переписка Гольдбаха, говоритъ онъ, показываетъ, что если онъ не прославился ни въ какой наукѣ, то это надобно приписать громадной универсальности его знаній. То онъ обсуждаетъ кропотливые вопросы классической и восточной филологіи; то пускается въ нескончаемые археологическіе споры съ знаменитымъ Стошемъ; здѣсь Бильфингеръ увлекаетъ его въ метафизическія измышленія, бывшія тогда въ модѣ и не приведшія ни къ чему; тамъ Эйлеръ и Бернулли заставляютъ его толковать о математикѣ и посвящаютъ его въ таинства высшаго анализа и науки чиселъ. Во всякомъ случаѣ за его перепискою съ жадностью ухаживаютъ самые знаменитые ученые XVIII вѣка, и его замѣчательныя дарованія, въ какую бы сторону ни направилъ онъ свои изысканія, заставляютъ всегда современниковъ почитать его за нѣкоторый родъ авторитета“[2]).

Первый томъ Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae начинается посвященіемъ императору Петру II и предисловіемъ, принадлежащими перу Гольдбаха. Въ этомъ же академическомъ изданіи помѣщены слѣдующія его статьи: I, 185—197, De casibus quibus integrari potest aequatio differentialis $ax^m dx + byx^p dx + cy^2 dx = dy$; 207 — 209, Methodus integrandi aequationem differentialem $aydx + bx^n dx + cx^{n-1} dx + ex^{n-2} dx + etc = dy$. II, 30—34, De transformatione serierum; 174 — 179, De divisione curvarum in partes quotcunque

[1]) Бернулли это писалъ по поводу статьи Эйлера de aestu maris. Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, éd. par Fuss, II, 479, 480.

[2]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géométres du XVIII siecle. éd. par Fuss, I, въ предисловіи, гдѣ помѣщенъ обзоръ переписки Эйлера, Бернулли и Гольдбаха, стр. XXXIII, XXXIV.

quarum subtensae sint in data progressione; 482 — 488, Nicolai Bernoulli Joh. fil. vita. III, 164 — 174, De terminis generalibus serierum. VI, 98—102, Criteria quaedam aequationum quarum nulla radix racionalis est.

Слѣдующія бумаги, оставшіяся послѣ Гольдбаха, хранятся нынѣ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: 1) Chaos observationum quarundam, 4 тома, 1707—1763 годовъ. 2) Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, 1704—1720 годовъ. 3) Дневникъ на нѣмецкомъ языкѣ, 1710—1761 годовъ. 4) Нѣсколько мелкихъ стихотворныхъ пьесъ, между которыми есть латинскіе стихи къ бронзовой статуѣ императора Петра I въ Петербургѣ. 5) Прозаическія сочиненія, девизы на разныя празднества и пр. 6) Рѣчи императрицѣ Екатеринѣ I, Петру II и Аннѣ Іоанновнѣ. 7) Письма къ Эйлеру и другимъ ученымъ въ десяти томахъ. 8) Письма къ исторіографу Мюллеру. Послѣдними еще не пользовались изслѣдователи.

БЮРГЕРЪ, МИХАИЛЪ, академикъ по каѳедрѣ химіи и практической медицины.

Бюргеръ былъ родомъ изъ Курляндіи, образовывался въ одномъ изъ европейскихъ университетовъ, въ которомъ учился и Лаврентій Блюментростъ; получилъ тамъ степень доктора медицины и потомъ занимался медицинскою практикою въ одномъ изъ приморскихъ курляндскихъ городовъ, кажется, говоритъ Мюллеръ, въ Либавѣ [1]). Дружественныя отношенія къ президенту Академіи были едва-ли не единственнымъ побужденіемъ къ приглашенію Бюргера занять каѳедру въ ученомъ обществѣ. 4 сентября 1725 года Блюментростъ сообщилъ Бюргеру, что въ Петербургѣ открывается Академія наукъ; что члены ея обязуются содѣйствовать успѣхамъ избранныхъ ими наукъ, посѣщать два раза въ недѣлю ученыя засѣданія и четыре часа еженедѣльно посвящать чтенію лекцій. Послѣ изчисленія

---

[1]) Рукопись: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 62.

тѣхъ знаменитостей, которыя уже согласились вступить въ Академію, и извѣстія, что остается только незанятою каѳедра химіи и практической медицины, Блюментростъ присовокуплялъ: „такъ-какъ у меня къ вамъ чрезвычайное уваженіе, и я увѣренъ, что вы со славою можете занять эту каѳедру, то я докладывалъ ея императорскому величеству о васъ, и государыня всемилостивѣйше повелѣла предложить вамъ каѳедру химіи и практической медицины съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Исполняю это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что я уже часто хлопоталъ о возобновленіи съ вами старой дружбы. Если васъ нѣсколько затруднитъ химія, то можно ее откинуть, такъ-какъ вы, какъ сказано, будете въ особенности прилежать къ практической медицинѣ"...[1])

Контрактъ съ Бюргеромъ, безъ обозначенія времени, хранится въ бумагахъ, относящихся къ октябрю 1725 г.[2]). Бюргеръ прибылъ въ Петербургъ 13 марта 1726 г. какъ бы только для того, чтобы тамъ найти себѣ смерть. 22 іюля того же года, возвращаясь домой изъ гостей отъ Блюментроста, онъ упалъ изъ коляски и разшибся до смерти. Вдова его, получивъ годовой окладъ ея мужа, что послужило примѣромъ для подобныхъ единовременныхъ выдачъ вдовамъ академиковъ въ послѣдующія времена, возвратилась въ Либаву. Бюргеръ, по словамъ Мюллера, на видъ казался лѣтъ сорока. Что касается до его ученыхъ трудовъ, то о нихъ не было никакихъ извѣстій даже и въ то время, когда легче было о немъ собрать свѣдѣнія. Такъ во II-мъ томѣ комментарій, на стр. 482, читаемъ: De Burgeri quidem vita nihil admodum dicendum habemus, donec certiora nobis documenta offerantur"... Но этихъ документовъ въ Академіи получено не было, по крайней мѣрѣ ихъ не нашлось въ академическихъ архивахъ. В. Рихтеръ[3]) оставилъ извѣстіе, что

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 187.

[2]) I, Исходящія письма 1713—1727 годовъ.

[3]) Исторія медицины въ Россіи (Москва, 1820), гдѣ помѣщено не полное біографическое извѣстіе о Бюргерѣ въ III-ей части, стр. 207.

Бюргеръ получилъ степень доктора въ Кенигсбергѣ, представивъ dissertatio inauguralis sub presidio Finkenau de lumbricis. Regiomonti, 1716.

ДЮВЕРНУА, ІОГАННЪ-ГЕОРГЪ, академикъ по каѳедрѣ анатоміи и зоологіи.

Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ: A. F. Bocks Geschichte der herzoglich würtenbergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen (Tübingen 1774), 161, 162. Исторія медицины въ Россіи, В. Рихтера, III, 202—205. Въ рукописи исторіографа Мюллера: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaft zu S.-Petersburg, 5, 50—52. Оцѣнка трудовъ Дювернуа въ статьѣ академика Бранта: Versuch einer kurzen Uebersicht der Forschritte, welche die Kenntniss der thierischen Körper den Schriften der Kaiserlichen Academie der Wissenschaft zu S.-Petersburg verdankt. Recueil des actes de la seánce publique de l'Académie des sciences de 1831, стр. 104.

Дювернуа родился въ Мюмпельгардѣ 1691 года; слушалъ медицину въ тюбингенскомъ университетѣ и получилъ тамъ степень доктора, представивъ диссертацію de colenda cito tuto et jucunde Lucina in puerperio (Tubing. 1716); въ 1722 году издалъ въ Тюбингенѣ же сочиненіе по части ботаники подъ заглавіемъ Designatio plantarum circa Tubingensem arcem florentium, а въ 1725 году тамъ же: De ductu salivali Conschwiziano. Когда гельмштадтскій профессоръ Гейстеръ не принялъ приглашенія отправиться въ петербургскую Академію для занятія каѳедры анатоміи, то извѣстный философъ Вольфъ вмѣсто сейчасъ названнаго профессора предложилъ Блюментросту Дювернуа, „который, по отзыву германскаго философа, могъ сдѣлаться вторымъ Гейстеромъ въ Петербургѣ, если будетъ ему тамъ дана возможность заниматься анатоміею“[1]). Блюментросту однако хотѣлось, чтобы Академія, при своемъ основаніи, состояла изъ извѣстныхъ уже своими трудами ученыхъ, а потому отклонилъ-было предложеніе Вольфа; но по прибытіи

---

[1]) Briefe von Christ. Wolff (Spb., 1860), 35.

въ Петербургъ Бильфингера, земляка Дювернуа, этотъ послѣдній получилъ мѣсто въ нашей Академіи по каѳедрѣ анатоміи. Контрактъ его состоялся 3 ноября 1725 года: въ силу его, онъ получалъ 800 руб. въ годъ жалованья, казенную квартиру, дрова и освѣщеніе.

Дювернуа отправился въ Петербургъ въ концѣ 1725 года; корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе близъ острава Наргена, и академикъ изъ Ревеля пріѣхалъ въ Петербургъ сухимъ путемъ. Въ первый разъ онъ явился въ засѣданіе 4 января 1726 года.

Предметъ, которымъ занимался Дювернуа, былъ близко знакомъ тогдашнему президенту Академіи, и въ этомъ могъ скоро убѣдиться на опытѣ новый академикъ. 11 января 1726 года, онъ показывалъ въ засѣданіи сердце анатомированнаго имъ трупа и полагалъ, что открылъ въ немъ новыя отверстьицы, но Блюментростъ увѣрилъ, что это было не что иное, какъ надрѣзъ, происшедшій нечаянно при разсѣченіи трупа. Въ февралѣ 1728 года Дювернуа подробно сообщалъ президенту результаты своихъ наблюденій надъ сердцемъ и легкими слона, и замѣчалъ при томъ: „такъ-какъ нынѣ случай не помогаетъ болѣе дѣлать анатомическія открытія, то ихъ теперь можно ожидать только послѣ трудовъ и терпѣнія почти героическихъ, а не отъ преждевременныхъ умозрѣній, которыя стоитъ лишь составить, чтобы вообразить, что въ природѣ не существуетъ уже ничего сокрытаго"... Въ другомъ письмѣ, въ іюлѣ того же года, Дювернуа обратилъ вниманіе Блюментроста на кости допотопныхъ животныхъ, находимыхъ въ Сибири. Онъ говорилъ, что при разсмотрѣніи ихъ необходимы свѣдѣнія: „въ какой провинціи ихъ находятъ? Какое ихъ положеніе и на какой глубинѣ земли онѣ находимы? Съ какого времени начали открывать ихъ? Какое свойство земли, въ которой онѣ лежали? Не осталось-ли такихъ животныхъ, которыя бы имѣли сходство съ ископаемыми?"... [1]).

Въ торжественномъ собраніи Академіи 28 іюня 1728 года

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, №№ 284 и 335.

Дювернуа произнесъ рѣчь о настоящемъ состояніи науки анатоміи и ея пользѣ [1]).

Шумахеръ, замѣтивъ, что Дювернуа держитъ сторону главнаго его непріятеля изъ академиковъ, Бильфингера, неблагопріятствовалъ анатому. Прежде всего онъ старался выставить его въ смѣшномъ видѣ предъ президентомъ; такъ напр., 6 іюня 1728 года, онъ писалъ къ послѣднему: „посылаемая къ вамъ въ подлинникѣ статья г. Вейтбрехта разгнѣвала въ прошедшее засѣданіе доктора Дювернуа за то, что этотъ молодой человѣкъ вообразилъ, что сдѣлалъ важное открытіе въ предметѣ, котораго онъ не понималъ. Докторъ сердился, магистръ плакалъ, а профессора смѣялись надъ нимъ“ [2]). 14 августа 1729 года Шумахеръ, жалуясь президенту на Бильфингера, прибавлялъ, что Дювернуа почитаетъ его, какъ своего идола [3]). Когда Бильфингеръ уѣхалъ, то Шумахеръ касательно заключенія новаго контракта съ анатомомъ, писалъ къ Блюментросту: „Относительно Бернулли и Дювернуа прошу не церемониться, потому что теперь наступило время, когда ихъ слѣдуетъ привести въ надлежащій порядокъ“...

Въ засѣданіи 8 сентября 1735 года Дювернуа сообщалъ академикамъ сдѣланныя имъ при вскрытіи кита изслѣдованія о дыхательныхъ органахъ этого млекопитающаго. Въ 1737 году этотъ академикъ вскрывалъ трупъ монстра Якова Васильева, находившагося восемнадцать лѣтъ при кунсткамерѣ и отданнаго туда еще по приказанію Петра Великаго.

Дювернуа уволенъ изъ Академіи, по прошенію его, 25 мая 1740 года, но окончательно оставилъ ее 22 іюня 1741 года. Императорскій кабинетъ, при увольненіи его, назначилъ ему

---

[1]) Въ протоколѣ 14 іюня 1728 года объ этой рѣчи записано: De proxime habendo conventu Academiae publico deliberatum est, et statum cl. Duvernoy hac vice oratoris munus demandandum esse, cui nomine Academiae cl. Bulfingerus respondeat. Materiam de tmonis desumendam esse a nupera Anatomiae elephantis et novis in ea factis observationibus. Cui praemitti possit de hodierno statu Anatomiae cum hominis, tum brutorum tractatio, et simul inseri comparatio ossum mamontis cum ossibus elepantis.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 327.

[3]) Тамъ же, № 488.

пенсію по 200 руб. въ годъ съ условіемъ, если онъ будетъ оказывать Академіи полезныя услуги, „дабы отъ произведенія такихъ лишнихъ дачъ казнѣ напрасный расходъ не былъ“[1]). Впрочемъ Дювернуа только разъ получилъ 200 руб., а въ ежегодной выдачѣ ему было потомъ постоянно отказываемо и Шумахеромъ, и вступившимъ съ 1746 г. въ управленіе Академіею графомъ Разумовскимъ, по тому уваженію, что Дювернуа, кромѣ двухъ незначительныхъ статей, ничего не доставлялъ для помѣщенія въ академическія изданія[2]).

Любопытно, что въ одномъ письмѣ къ Шумахеру, 17 іюня 1746 года, Дювернуа чрезвычайно сожалѣлъ, что покинулъ Петербургъ, гдѣ, по его мнѣнію, и воздухъ, и вода гораздо лучше, чѣмъ въ Штутгардтѣ. Послѣ описанія дороговизны во всей Германіи отъ войны, неурожая и голода, онъ прибавляетъ: „такимъ образомъ я утверждаю, что въ отношеніе здоровья и удобствъ жизни всѣ преимущества на сторонѣ Петербурга. И если находящіеся тамъ друзья мои вѣрятъ мнѣ, то пустъ тамъ и остаются, не подражая моему примѣру, когда хотятъ быть благоразумными. Меня заставила выѣхать изъ Петербурга моя несчастная звѣзда“...[3])

Извѣстій о Дювернуа въ академическихъ дѣлахъ не нашлось далѣе 1751 года. Въ этомъ году Крафтъ писалъ къ Шумахеру 4 апрѣля: „г. Дювернуа до сихъ поръ безъ мѣста, занимается частною практикою, предается меланхоліи, переѣзжаетъ изъ одного города въ другой и куда ни пріѣдетъ, съ нимъ случается тоже, что и въ Россіи, т. е. изъ многихъ городовъ ни одинъ ему не нравится. Вамъ, какъ и мнѣ, легко догадаться: города или мѣняющій ихъ причиною такого постояннаго недовольства?“[4])

„Дювернуа, по отзыву исторіографа Мюллера, былъ способный и прилежный анатомъ, чему доказательствомъ служатъ

[1]) II, книга № 57. Здѣсь же есть подробный перечень всѣхъ статей, оставленныхъ Дювернуа при его отъѣздѣ за границу и переданныхъ въ архивъ академической конференціи.

[2]) II, книга №№ 113, 146.

[3]) I, Входящія письма 1744—1747 годовъ.

[4]) I Входящія письма 1750—1751 годовъ.

его статьи, напечатанныя въ академическихъ Комментаріяхъ. Первый президентъ Блюментростъ заботился, чтобы изъ полиціи доставляли въ Академію попадавшіяся такъ часто на улицахъ мертвыя тѣла, а также изъ домовъ трупы людей, погибшихъ отъ угара, неумѣреннаго употребленія вина и вообще всѣхъ скоропостижно умершихъ. Поэтому въ анатомической каморѣ никогда не было недостатка въ человѣческихъ трупахъ. Полиція же имѣла отъ того ту выгоду, что Академія извѣщала ее о причинахъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Кромѣ того, Дювернуа посчастливилось тѣмъ, что ему удалось анатомировать въ Петербургѣ умиравшихъ въ то время разныхъ рѣдкихъ звѣрей, которыхъ содержали на счетъ двора: слона, льва, леопарда, рысь, виверу (zibeth Katze, la civette) и др. Онъ сравнивалъ внутреннее сложеніе всѣхъ этихъ животныхъ, а также нерѣдкихъ въ Петербургѣ тюленей съ человѣческими трупами и выводилъ изъ того заключенія, достойныя внимательнаго естествоиспытателя. Въ первые годы существованія Академіи, изъ Сибири въ Петербургъ перевезли почти цѣлый остовъ одного изъ такъ называемыхъ мамонтовъ, которыхъ до тѣхъ поръ только гадательно считали за слоновъ. Дювернуа, чрезъ сравненіе костей и въ особенности головы (изъ слона онъ также сдѣлалъ скелетъ), возвелъ эту догадку въ неподлежащій сомнѣнію фактъ. Президентъ Блюментростъ, будучи самъ любитель и знатокъ дѣла, не могъ достаточно нахвалиться способностями Дювернуа и его умѣніемъ выбирать тѣ части, которыя именно заслуживали вниманія. Однако анатомъ принималъ участіе въ академическихъ распряхъ: Бильфингеръ былъ его другомъ, и ему кидалась въ глаза неправота Шумахера. Онъ бы возвратился въ Тюбингенъ съ Бильфингеромъ, когда бы уже не былъ тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ экспектантомъ. У него была семья, а жалованье небольшое. Тогда еще въ Петербургѣ нельзя было много получать отъ медицинской практики, хотя въ ней Дювернуа былъ довольно счастливъ. Съ чѣмъ же ему было предпринять далекое путешествіе? Однако жъ въ 1741 году рѣшился онъ вернуться въ Тюбингенъ, но и тамъ ему не повезло"...

Дюверну умеръ въ 1759 году въ вюртембергскомъ городѣ Амштадтѣ, гдѣ онъ занимался частно медицинскою практикою и пользовался извѣстностью своимъ состраданіемъ къ бѣднымъ больнымъ.

Слѣдующія статьи Дюверну напечатаны въ академическомъ изданіи, Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: I, 262—296, Descriptio vasorum chyliferorum; 342—350, Catopardi phocae et elephanti cisterna et canalis thoracicus primum detectus a J. G. Devernoi; 379 — 386, Observationes anatomicae. II, 288—304, De glandulis cordis; 372—403, De pinguedine, prostata, musculis, nervis vasis sanguineis, corporibus nerveo spongiosis eorumque septo, balano penis, urethrae bulbo, ejusque corpore spongioso; 415—416, Observatio anatomica. III, 177—187, Monstrum casanense; 188—195, Monstrum petropolitanum; 274 — 281, Observationes anatomicae. IV, 130 — 135, De senibus cerebri; 156—163, De liene. V, 187—194, De glandulis renalibus evstachii; 213—218, Aer intestinorum tam sub extima quam intima tunica inclusus observationes anatomicae; 218 — 234, De quadrupede volatili Russiae observationes. VI, 249—267, De mutilatione brachiorum in puero, cujus Tom. III. Comment. facta est commemoratio; 302— 321, Aortae et spinae dorsalis mira corruptio praemittuntur animadversiones generales super spinae dorsalis structuram. VII, 203—210, Circa structuram thymi, novae observationes; 211 — 215, De aspectu et conformatione varia vasorum sanguineorum in diversis particulis ventriculi observationes; 216 — 221, Continuatio observationum anatomicarum. XIII, 361—373, De glandulis renalibus eustachii. XIV, 199—206, Animadversiones variae in erinaceorum terrestrium anatomen: quarum nonnullae nunc ad structuram vesicularem viscerum: nonnullae ad novorum renum succenturiatorum illustrationem pertinent.

На русскомъ языкѣ напечатаны двѣ статьи Дюверну въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728): стр. 63 — 78, Описаніе анатомическое сосудовъ млечныхъ, и 79—83, О мѣху (cysterna), въ которомъ первопитательный сокъ

отвсюду скопляется, и его протокѣ грудномъ въ катапардѣ, фокѣ и въ слонѣ усмотрѣнномъ.

Нѣмецкій переводъ статей Дювернуа изъ Комментарій сдѣланъ Мюмлеромъ и напечатанъ въ трехъ частяхъ сборника: Physikalische und medicinische Abhandlungen der Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1782, 1783, 1785).

БАЙЕРЪ (BAYER) ГОТЛИБЪ (ТЕОФИЛЪ) ЗИГФРИДЪ, академикъ по каѳедрѣ греческихъ и римскихъ древностей.

Біографія Байера: Klotz, Opuscula philologica et oratoria, T. II, предисловіе, стр. XIII—XXXVIII; здѣсь есть также обстоятельное исчисленіе его трудовъ. Jocher's Allgemeines Gelehrten Lexicon, I, 872—873. Bibliothèque germanique, L, 99, и Arnoldt's Historie der Königsbergischen Universität, II, 440 et sqs. Dictionnaire historique et critique par Chaufpié, II, 490. Sammlung von merkwürdigen Lebensbeschreibungen, V, 832 sqs. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, VIII, 234—236. Указатель его трудовъ напечатанъ Шарпомъ: Appendix de linguis sinica et tatarica къ II тому Syntagma dissertationum quas Th. Hyde edidit, 507. Извѣстіе о Байерѣ ученика его, а потомъ товарища по Академіи — Мюллера въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 52—56, 645—651, 316. Объ отношеніяхъ Байера къ Ѳеофану, архіепископу новгородскому, въ Тридцать четвертомъ присужденіи демидовскихъ наградъ (Спб., 1866), 139, 140. Но самый важный источникъ для жизнеописанія Байера составляютъ его, до сихъ поръ неизданныя три статьи о себѣ на нѣмецкомъ языкѣ, хранящіяся въ архивѣ академической конференціи, въ мюллеровскомъ портфелѣ «Біографіи академиковъ, № 11», и писанныя рукою самого Байера. Въ началѣ ихъ помѣщены извѣстія о дѣдѣ его Іоганнѣ Байерѣ (который въ Encyclopädie von Ersch und Gruber смѣшанъ съ аугсбургскимъ астрономомъ Іоганномъ Байеромъ), ревностномъ протестантскомъ проповѣдникѣ въ Венгріи, а потомъ слѣдуетъ статья, озаглавленная «De vita mea» и прерывающаяся на событіяхъ 1716 года. Во второй, съ заглавіемъ «Theophilus Sigefridus Bayer Regiomontanus», событія доведены до марта 1733 года; и наконецъ третья редакція, также неоконченная, заключаетъ въ себѣ болѣе подробностей о годахъ ученія, съ подписью «Gottlieb Siegfried Bayer».

Готлибъ-Зигфридъ Байеръ родился 6 января 1694 года въ Кёнигсбергѣ, гдѣ поселился отецъ его Іоганъ-Фридрихъ послѣ удаленія своего изъ Венгріи вслѣдствіе религіозныхъ пре-

слѣдованій. Старикъ Байеръ жилъ въ бѣдности, доставая пропитаніе себѣ съ семействомъ живописью. Сначала сынъ его учился у домашняго учителя, а потомъ въ одной изъ кёнигсбергскихъ школъ. Замѣчательна слѣдующая черта изъ школьныхъ воспоминаній Байера: нѣкоторые изъ богатыхъ его товарищей иногда подарками, а иногда и угрозами, заставляли его писать за нихъ классныя упражненія. Чтобы не быть въ такихъ случаяхъ пойманнымъ, Байеръ старался всѣми силами употреблять слова и выраженія, отличныя отъ тѣхъ, которыя были въ его собственныхъ тетрадяхъ, „что было для меня, говоритъ онъ, полезнымъ упражненіемъ ad copiam verborum acquirendam". Родители Байера признали полезнымъ отдать его въ фридрихову коллегію (collegium Fridericianum). Здѣсь онъ сдѣлалъ хорошіе успѣхи подъ руководствомъ способнаго гуманиста Эгерса (Egers), который первый возбудилъ въ немъ охоту къ чтенію римскихъ классиковъ. Упоминая о смущеніи другаго наставника, заступившаго мѣсто Эгерса и менѣе его свѣдущаго, Байеръ по этому случаю высказываетъ: „я неохотно говорю о томъ, такъ-какъ признаюсь сожалѣлъ этого человѣка и даже любилъ его, однако объ этомъ долженъ разсказать въ назиданіе наставникамъ, потому что они не должны считать достаточнымъ для объясненій какого-либо автора нѣкоторое знаніе латини и умѣніе отыскивать въ лексиконѣ. Безъ обширныхъ знаній, въ особенности древностей, невозможно съ пользою объяснять авторовъ, напротивъ надо опасаться, что юношество станетъ скучать или ничего не дѣлать". Слова эти поучительны и для нашего времени. Байеръ, будучи въ школѣ, такъ сдѣлался твердъ въ латини, что сталъ, сначала противъ воли учителя, безъ приготовленій (ex tempore) писать по латини нѣмецкую диктовку. „Чрезъ это, замѣчаетъ при томъ Байеръ, я отвыкъ мало по малу мыслить по нѣмецки и началъ думать по латини, когда писалъ". Въ этотъ же періодъ времени Байеръ познакомился съ начальными основаніями еврейскаго языка. Въ XVII и началѣ XVIII столѣтій умѣніе изящно выражаться по латини высоко цѣнилось между учеными, и Байеръ, разсказывая о своей юности, дѣлаетъ слѣдующее ха-

рактеристическое замѣчаніе: „старались съ давняго времени измѣнять или улучшать методы преподаванія. Я не хочу высказывать своего мнѣнія, только часто меня удивляетъ, какъ это случалось, что во времена реформаціи и потомъ, почти всѣ, при тогдашнихъ тяжелыхъ методахъ, писали по латини лучше, и что чѣмъ болѣе облегчалась метода, тѣмъ хуже становился вообще стиль. Тѣ, которые по видимому нѣсколько работали, чтобы пріобрѣсти его, не имѣютъ однако настоящаго вкуса, кромѣ весьма немногихъ, которыхъ умѣю я уважать. По моему мнѣнію, метода можетъ быть какая угодно, но все зависитъ отъ способности и усердія наставника, и онъ обязанъ, конечно, знать въ наукѣ, которую берется преподавать, гораздо болѣе того, чему долженъ учить".

Въ 1709 году въ Кёнигсбергѣ открылась чума, и collegium Fridericianum была закрыта. Впрочемъ это не помѣшало Байеру заниматься прилежно древними классиками, еврейскимъ языкомъ, исторіею церкви и литературы, а также старательно посѣщать королевскую библіотеку. Онъ предпринялъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе философскихъ книгъ и переработку прочитаннаго.

По окончаніи чумы, Байеръ, 23 апрѣля 1710 года, записался въ кёнигсбергскій университетъ. Любовъ къ исторіи литературы и книгамъ развилась въ молодомъ студентѣ отъ безпрерывнаго посѣщенія библіотекъ. Для статьи de Sibyllis et oraculis sibyllinis онъ было сдѣлалъ обширныя выписки и принялся за обработку ихъ, но потомъ все уничтожилъ, не надѣясь превзойти появившейся по этому предмету книги. Однако Байеръ остался тѣмъ доволенъ, что, работая надъ статьею, успѣлъ узнать многое. Между тѣмъ ему было предложено мѣсто учителя въ низшемъ классѣ фридриховой коллегіи со столомъ, помѣщеніемъ и жалованьемъ по 20 талеровъ. Байеръ согласился на это (въ іюлѣ 1711 года) изъ желанія сдѣлать угодное своему отцу. Ежедневно семь часовъ проходило у него въ классѣ за уроками чистописанія и латини болѣе чѣмъ 160-ти ученикамъ. Хотя это было для него очень тяжело, однако онъ исполнялъ добросовѣстно свои обязанности, былъ въ хорошемъ

расположеніи духа и свободное время посвящалъ наукамъ, читая усердно Аристотеля и находя еще довольно досуга, чтобы удѣлять ежедневно одинъ часъ на изученіе еврейской библіи.

Эти усиленныя занятія были причиною, что Байеръ въ 1711 году подвергся особеннаго рода нервнымъ припадкамъ. Онъ самъ разсказываетъ, что несмотря на множество занятій, онъ былъ бодръ и здоровъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ получилъ способность угадывать впередъ и довольно точно почти все, что должно было съ нимъ случиться. Послѣ припадковъ, во время которыхъ всѣ члены его тѣла приходили въ содроганіе, ему внезапно представлялось какое нибудь событіе такъ явственно, какъ будто онъ дѣйствительно видѣлъ его самъ. По свидѣтельству Байера, то, что ему представлялось, всегда сбывалось: въ подтвержденіе онъ привелъ въ своей автобіографіи нѣсколько примѣровъ подобнаго ясновидѣнія своего, присовокупивъ, что оно исчезло у него мало по малу; но позднѣе возобновилось въ Лейпцигѣ (въ 1717 году), хотя гораздо въ меньшей степени.

Въ 1713 году, получивъ мѣсто частнаго учителя, Байеръ досталъ себѣ сочиненія о востокѣ Целларіуса и Томаса Гейде (Hyde) и сталъ заниматься семитическими языками, которые были для него довольно легки при его знаніи еврейскаго. Отнынѣ всѣ его ученыя занятія были направлены на историко-литературное обозрѣніе наукъ. „Я, говоритъ при томъ Байеръ, зналъ, какъ далеко зашелъ и что еще оставалось мнѣ сдѣлать. Я никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что изучилъ, и думалъ всегда идти далѣе“. Онъ читалъ біографіи знаменитѣйшихъ оріенталистовъ, Сансона описаніе Азіи и при этомъ впервые обратилъ вниманіе на Китай. Со скудными свѣдѣніями, какія только можно было почерпнуть изъ Гейде, началъ Байеръ въ 1713 году (слѣдовательно 19-ти лѣтъ) писать китайскій лексиконъ и грамматику. Впослѣдствіе онъ самъ смѣялся, вспоминая свой восторгъ и прилежное чтеніе Конфуція. Хотя классики и нѣкоторые изъ отцевъ церкви не были притомъ забыты, однако главнѣйшее вниманіе его было обращено на восточныя древности и церковную исторію. Свою тогдашнюю латинь,

которую Байеръ называлъ напыщенною, онъ старался усовершенствовать изученіемъ Тита Ливія. Неумѣренныя занятія снова отозвались на его здоровьѣ: онъ не давалъ себѣ необходимаго отдыха, почему впалъ въ тяжкую ипохондрію, отъ которой сталъ походить болѣе на скелетъ, чѣмъ на человѣка; лицо сдѣлалось у него желтымъ, и онъ не могъ переносить воздуха. „Душевная тоска, которая иногда овладѣвала мною, говоритъ Байеръ, удерживала меня до тѣхъ поръ отъ ученія, пока она продолжалась. Тогда я пѣлъ обычныя похоронныя пѣсни, предавался въ волю Божію и, въ потокѣ слезъ находя себѣ облегченіе, начиналъ послѣ того хвалебную пѣснь и снова принимался за работу. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что ожидалъ отъ Господа всякаго блага; что онъ видѣлъ мою душу, а также то, что всѣ мои работы клонятся къ тому, чтобы я всѣми силами могъ довѣрчиво достигнуть того, къ чему Онъ меня предназначалъ“.

Болѣзненное состояніе здоровья принудило Байера искать перемѣны воздуха и бо́льшаго движенія. Осенью 1714 года онъ отправился въ Данцигъ къ родственнику своему, профессору краснорѣчія Іоганну Сарторію. Здѣсь онъ надѣялся найти совѣты и дальнѣйшее руководство для своихъ занятій, однако профессоръ-родственникъ оказался эгоистомъ и даже ни разу не хотѣлъ показать Байеру своей богатой библіотеки. Какъ бы взамѣнъ того, въ Данцигѣ Байеръ получилъ доступъ въ одну книжную лавку, гдѣ пользовался рѣдчайшими и новѣйшими авторами и, между прочимъ, сочиненіями Монфокона и Corpus Byzantinum, который позднѣе былъ такъ важенъ для него въ изысканіяхъ по русской исторіи. Въ Данцигѣ же, 1 декабря 1714 года, Байеръ имѣлъ случай видѣть царевича Алексѣя Петровича.

Байеръ изъ своей поѣздки возвратился въ Кёнигсбергъ лѣтомъ 1715 года. Здѣсь онъ написалъ противъ Олигера Паули диссертацію о словахъ на крестѣ Христа: Eli, Eli Lama Asabthani (Матѳей, 27, 46), которыя Паули толковалъ противно христіанскому ученію. Байеръ говорилъ, что онъ очень долго писалъ это сочиненіе, потому что не хотѣлъ ссылаться ни на

одного автора, котораго не изучилъ совершенно, „чего, прибавляетъ онъ, я держался и въ другихъ случаяхъ". Защита Байеромъ диссертаціи происходила публично и доставила ему извѣстность. Онъ познакомился съ Христіаномъ Гольдбахомъ, который впослѣдствіи имѣлъ вліяніе на поступленіе его въ петербургскую Академію. Другіе покровители Байера выхлопотали молодому ученому стипендію отъ кёнигсбергскаго магистрата для путешествія по Германіи. Между его спутниками въ дорогѣ былъ одинъ армянинъ по имени Марута Паули, купецъ, котораго братъ находился въ Москвѣ армянскимъ консуломъ; далѣе—нѣкто Родде, впервые сообщившій Байеру тунгузскую и монгольскую азбуки и разказывавшій многое о Россіи. Такъ Байеръ узналъ отъ него, что въ Черниговѣ было напечатано извѣстное сочиненіе Гергарда Meditationes sacrae[1]). Родде указалъ также Байеру на славянскую этимологію названій нѣмецкихъ народовъ и городовъ. Каковы были этимологическія толкованія Родде, можно судить по тому, что онъ, по словамъ Байера, monebat Slavice multas voces exponi: Померанія—Поморье, потому что лежитъ при морѣ; Stargard, древній Neugart — новый городъ; Ростокъ — отпрыскъ, потому что на мѣстѣ другаго города построенъ; Calbas—колбаса, такъ-какъ померанская хроника сообщаетъ, что онъ такъ названъ отъ того, что выстроенъ кругами; Кашубовъ отъ шубы и ка (?), т. е. люди въ шубахъ (!!).... Оставаясь долгое время въ Берлинѣ, Байеръ подружился съ извѣстнымъ оріенталистомъ Матюриномъ Вейсьеромъ Лакрозомъ[2]), котораго уже давно Лейбницъ побуждалъ заниматься китайскимъ языкомъ, и слѣдовательно ему было пріятно, что Байеръ изучалъ этотъ самый языкъ. Лакрозъ сдѣлалъ для него доступнымъ все, чѣмъ владѣла берлинская

---

[1]) Записки Академіи наукъ, V, Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго, 57—61.

[2]) Съ тѣхъ поръ у Байера съ Лакрозомъ завязалась ученая переписка, касавшаяся восточныхъ языковъ и которая помѣщена въ Thesavri epistolici Lacroziani, tomus I. p. p. 3—64; tomus III, p. p. 5—65. Обнародыванію ихъ въ свѣтъ содѣйствовала наша Академія наукъ, что видно изъ письма президента ея Бреверна къ Лиліенталю, 16 мая 1741 года. См. I, Ausgehende Briefe von 1740 bis 1742 и Eingekommende Briefe 1741—1749.

библіотека касательно сочиненій и рукописей о Китаѣ, и Байеръ съ алчностью кинулся на новые для него источники. Въ Берлинѣ же онъ узналъ Яблонскаго, Фриша и другихъ ученыхъ. Познакомившись со всѣми учеными берлинскими знаменитостями, онъ отправился оттуда въ Галле, гдѣ изучалъ арабскій языкъ, рукописи и восточныя древности у Саломона Ассади, или Негри, бывшаго родомъ изъ Дамаска. Іоаннъ Генрихъ Михаэлисъ руководилъ его въ изученіи еѳіопскаго языка, а Гейнекцій—въ греческой церковной исторіи. Въ Лейпцигѣ, Байеръ 11 февраля 1717 года получилъ степень магистра. Здѣсь онъ сошелся съ тамошними учеными гуманистами; пользовался книжными сокровищами; приготовилъ каталогъ восточныхъ рукописей городкой библіотеки (Raths Bibliotheck), что̀ было въ особенности ему полезно въ занятіяхъ сирійскомъ языкомъ. Сверхъ того, по предложенію Іо. Бурхарда Менке, писалъ Байеръ разборы въ Acta eruditorum[1]). Менке старался удержать его навсегда въ Лейпцигѣ, а между тѣмъ кёнигсбергскій магистратъ написалъ къ нему, что если онъ желаетъ предпринять путешествіе въ Голландію и Англію, то магистратъ принимаетъ на себя издержки. Болѣзненное состояніе помѣшало, однако, Байеру принять эти предложенія, и онъ поѣхалъ чрезъ Іену, Галле, Виттенбергъ, Берлинъ и Штетинъ, въ Кёнигсбергъ въ концѣ осени 1717 г.

По возвращеніи сюда, онъ началъ чтенія лекцій о Гомерѣ, Платонѣ, Теокритѣ, продолжая въ тоже время свои ученыя занятія, именно просматривая вмѣстѣ съ римскими греческихъ писателей и схоластиковъ. Въ это же время онъ приготовилъ къ печати по альдинскому изданію сочиненія греческихъ писателей Антифора и Андокидеса. При этомъ долженъ былъ печататься новый переводъ съ примѣчаніями профессора Іо. Ма. Геснера, но это предпріятіе осталось неисполненнымъ за отъ-

[1]) По указаніямъ рукописной біографіи Байера, въ Acta eruditorum за 1717 годъ принадлежатъ ему слѣдующіе разборы: Dantzii (J. A.) inauguratio Christi ad docendum haud obscurior Mosaica, ad Exod. XIX, 337; Leibnitzii—Collectanea etymologica, 317; Relandi (Hadriani) De spoliis templi Hierosolymitani in arcu Titiano Romae conspicuis, liber singularis, 69; Wilkins (Dav.) Novi Testamenti coptici versio latina, 433, и проч.

ѣздомъ Байера въ Петербургъ. Между тѣмъ магистратъ сдѣлалъ его библіотекаремъ альтштадтской городской библіотеки, которую онъ открылъ для общаго пользованія 22 марта 1718 года и въ программѣ на этотъ случай изложилъ исторію самаго учрежденія. 18 марта 1720 года сдѣлали Байера конректоромъ въ каѳедральной кенигсбергской школѣ, а 1 декабря 1721 года тамъ же—проректоромъ. Эти обязанности, нѣсколько отвлекавшія его отъ сидячей жизни, а также заботливость его жены (онъ женился въ 1720 году), способствовали, по словамъ Байера, поправленію его здоровья. Въ описываемую эпоху онъ снова принялся за изученіе средневѣковыхъ и сѣверныхъ писателей и, какъ говорилъ самъ, для своего освѣженія занимался въ альтштадтской библіотекѣ исторіею Пруссіи.

Плодами этихъ занятій было нѣсколько статей въ Erläuterte Preuszen и въ Gelehrte Tornsche Preuszen[1]). Правила, уставы и обычаи тевтоническаго ордена онъ собралъ изъ многихъ старинныхъ рукописей и приготовилъ совсѣмъ къ печати. У него постепенно накоплялось также значительное количество матеріаловъ для жизнеописаній прусскихъ ученыхъ, которыя онъ думалъ составить, для чего и велѣлъ дѣлать копіи съ хорошихъ оригинальныхъ портретовъ.

Во время вызова ученыхъ въ учреждавшуюся въ Петербургѣ Академію, Блюментростъ много хлопоталъ о замѣщеніи каѳедры исторіи. 5 іюня 1725 года онъ писалъ къ Вольфу: „намъ еще необходимъ при Академіи извѣстный историкъ, который бы могъ быть облеченъ, если пожелаетъ, въ званіе исторіографа“. 14 августа 1725 года: „мы нуждаемся въ способномъ историкѣ, пусть онъ прибудетъ откуда хочетъ“.[2])

---

[1]) Мюллеръ въ рукописной исторіи Академіи указываетъ слѣдующія статьи Байера: Gelehrte Preuszen, I, pars IV, De originibus ordinis Teutonici; Leben Hermanns von Salza, Grossmeisters des deutschen Ordens, Contin: Gel: Preuszen, I Quartal. Acta Boruss., III, De varia vocis Borussiae Ortographia. Описаніе каѳедральной кёнигсбергской школы Erläuterte Preuszen T: III. Тамъ же, I, 417 sqqs., переводъ его статьи De numis Romanis in agro prussico repertis.

[2]) Briefe von Cristian Wolff aus den Jahren 1729 — 1753 (S.-Petersburg 1860) 189, 191, 192.

Въ автобіографіи Байера сказано, что первая мысль о поѣздкѣ его въ Петербургъ подана Христіаномъ Гольдбахомъ. При предложеніи мѣста въ петербургской Академіи, Байеру предоставлена была свобода избрать каѳедру или древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или же, наконецъ, сдѣлаться исторіографомъ ея императорскаго величества. Онъ избралъ древности и восточные языки, согласно чему и состоялся съ нимъ контрактъ 3 декабря 1725 года, въ силу котораго онъ получилъ 600 рублей въ годъ, съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ.[1])

Байеръ прибылъ въ Петербургъ 17 февраля (нов. ст.) 1726 года.

Объ ученой дѣятельности Байера въ нашей Академіи онъ самъ разсказываетъ слѣдующее: „такъ-какъ главная задача Академіи состояла въ томъ, чтобы каждый сочленъ ея былъ въ состояніи дѣлать новыя открытія по своей наукѣ, то Байеръ просилъ предоставить ему греческія и римскія древности. Однако онъ, по бо́льшей части, обращалъ вниманіе на восточныя древности, которыя окружены были еще мракомъ, а между тѣмъ заслуживали разысканій столько же, какъ и другія. Байеръ питалъ надежду найти въ Россіи много пособій для изученія Китая; но это не осуществилось, а потому онъ рѣшился сообщить публикѣ то, что было уже собрано имъ со многимъ стараніемъ и огромными издержками. Чтобы другимъ предоставить въ будущемъ дальнѣйшія изслѣдованія и усовершенствованія, онъ желалъ облегчить для нихъ тѣ многіе труды, которые потратилъ самъ“. Къ этому въ особенности поощрялъ его Ѳеофанъ Прокоповичъ, тогдашній великій покровитель ученыхъ. Сношенія его съ нимъ приносили академику огромную пользу, что́ имъ и высказано въ посвященіи къ его Museum sinicum (см. объ этомъ далѣе въ жизнеописаніи Гросса). Когда это сочиненіе было издано въ свѣтъ, то вице-канцлеръ гр. Остерманъ, по собственному побужденію, сообщилъ ему изъ своей библіотеки не только печатные китайскіе лексиконы Çu gvéy и Hai pien,

---

[1]) I, Исходящія письма 1713—1726 годовъ и II, книга № 791.

но также очень полный китайско-латинскій рукописный лексиконъ отца Паренина (Parenin); кромѣ того Остерманъ оказалъ содѣйствіе Байеру въ начатіи переписки съ находящимися въ Пекинѣ іезуитами, вслѣдствіе чего онъ принялся за составленіе большаго словаря и за переводъ различныхъ книгъ, къ чему онъ особенно былъ потомъ поощренъ богатыми присылками отъ іезуитовъ Кеглера (Koegler), Перейра, Славичека, Паренина и Гобиля. Окончанію лексикона помѣшали иныя порученія, которыя возлагались на Байера отъ Академіи. Въ бытность въ Петербургѣ китайскаго посольства, Байеръ, какъ сказано въ его автобіографіи „имѣлъ счастіе видѣть настоящихъ китайцевъ" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Байеръ, на сколько то было ему возможно, занимался изслѣдованіями по части литературъ манжурской и монгольской. Въ Петербургѣ находился одинъ индѣецъ именемъ Зонгбара (Sonhbara), и Байеръ все свободное свое время употреблялъ на изученіе браминскаго языка (санскрита). Онъ предался этому съ тѣмъ большею ревностію, что замѣтилъ какъ много при томъ можно было извлечь пользы изъ древнихъ греческихъ писателей, писавшихъ объ Индіи.

Байера очень хорошо зналъ въ Петербургѣ исторіографъ Мюллеръ, который оставилъ слѣдующія о немъ подробности въ своей рукописи о нашей Академіи наукъ (стр. 52 — 56):

„Скоро по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Байеръ оказался человѣкомъ, который повидимому былъ созданъ для классическихъ древностей; при томъ же у него было желаніе заниматься русскою исторіею. Обхожденіе его не сдѣлалось суровымъ отъ неутомимаго усердія къ ученымъ работамъ и отъ преподаванія. Доказательствомъ его невѣроятныхъ трудовъ служитъ множе-

[1]) Объ этомъ такъ писалъ Байеръ къ Гесверу: «Sinici legati apud nos sunt: puta me dicere, aliquos ab Athenis Atticis aut a Quiritibus, et tecum deinde rationem ineas, si tu hic esses, quam tibi vel primo nuncio bene futurum sit et pancratice. Nunc contra ego ille, quem nostri honorificentissimo decreto senatus Populique critici (cui scribendo nemo, quod sciam praeter te adfuit) semi barbarum virum, at paene triumphalem tamen, incedere per ora hominum in hac mea palmata veste Sinica, velim, tecum consideres, quam mihi rex regum sim visus, ubi adeundi legatos, comiter colloquendi scribendi quoque cum iis et commentandi potestas fuit. Clotzii Opuscula philologica et oratoria, II, стр. XVI.

ство статей въ академическихъ Комментаріяхъ: историческій отдѣлъ ихъ, пока онъ былъ живъ, наполнялся исключительно только одними его трудами. Во многихъ изъ нихъ объяснялись древняя русская, сѣверная и скиѳская исторія; другія же были общаго антикварнаго содержанія. Чтобы работать съ добрымъ успѣхомъ надъ русскою исторіею, ему не доставало только знанія русскаго языка, которымъ заняться не допустили его лѣта и иныя занятія. Въ недавнія времена (писано около 1776 года) ему приписывали ошибки, въ которыхъ была виновата неточность его переводчика; приэтомъ удивляться надобно, что тотъ самый, который передавалъ ему неосновательныя словопроизводства и объясненія именъ, сильнѣе всѣхъ оспаривалъ эти словопроизводства[1]).

„Но какъ ни много писалъ онъ для Комментаріевъ, однако это не изчерпывало всего того, что производилъ плодовитый умъ его. Байеромъ, кромѣ статей для названнаго изданія, напечатаны въ Петербургѣ отдѣльно разныя книги. Его Museum sinicum можетъ быть не многимъ полезенъ, но за то тамъ чрезвычайно много превосходныхъ литературныхъ указаній. Похвальное слово, произнесенное имъ въ Академіи въ присутствіи императрицы Екатерины, не напечатанное въ Петербургѣ, можно найти между образцовыми произведеніями нѣмецкаго краснорѣчія въ третьемъ изданіи Redekunst Готшеда... Байеръ поссорился съ библіотекаремъ Шумахеромъ, потому что не былъ въ состояніи поставить свою извѣстность въ зависимость отъ благорасположенія библіотекаря[2]). Онъ былъ самъ библіотекаремъ въ Кёнигс-

---

[1]) Здѣсь, по видимому, Мюллеръ намекаетъ на Тредіаковскаго, который въ напечатанной въ 1773 году книгѣ: «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ» часто опровергаетъ словопроизводства Байера. Въ бытность послѣдняго при Академіи наукъ, тамъ же переводчикомъ былъ Тредіаковскій.

[2]) Недовольство Шумахера Байеромъ высказывалось не разъ въ письмахъ перваго къ президенту Академіи Блюментросту. Такъ, 14 октября 1728 года, Шумахеръ доносилъ, что Байеръ въ домахъ генерала Гохмута и Вольфа, при многихъ почтенныхъ особахъ, жаловался, что у него много дѣла по Академіи, и что, сверхъ-того, онъ обязанъ завѣдывать гимназіею, а между тѣмъ ему даютъ гораздо менѣе жалованья, чѣмъ нѣкоторымъ изъ его сочленовъ. Шумахеръ предлагалъ отнять у Байера, въ наказаніе ему, наблюденіе надъ гимназіею и поручить ее въ

бергѣ и обладалъ библіотекарскими знаніями, не похожими на тѣ, которыя имѣлись у Шумахера. Это дѣлало послѣдняго ревнивымъ къ первому. Повѣрятъ ли, что Байера не допускали описывать находившихся въ академической библіотекѣ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ, особливо тѣхъ, которыя были еще неизвѣстны ни одному нумизмату? Однако это справедливо. Байеръ никогда не могъ достать изъ библіотеки или кунсткамеры ни одной монеты. Нѣкоторыя, имъ описанныя въ Комментаріяхъ и въ его Historia osrhoëna, были ему сообщены, какъ самъ указываетъ, Буксбаумомъ и Делилемъ. Введеніе въ древнюю исторію для употребленія императора Петра II есть также трудъ Байера. Онъ безъ сомнѣнія нравился бы болѣе, когда бы былъ написанъ по латини. Однако сочиненіе велѣно было писать на нѣмецкомъ языкѣ, къ чему Байеръ не былъ привыченъ; притомъ же исторію непремѣнно должно было излагать въ вопросахъ и отвѣтахъ. Книга была готова нѣсколько позднѣе того времени, когда императоръ могъ ею воспользоваться...

„По отъѣздѣ Коля, Баейръ принялъ на себя надзоръ надъ учрежденною при Академіи школою, которая называлась гимназіею, и надобно сознаться, что при немъ она находилась въ хорошемъ состояніи. За это было увеличено ему жалованье, въ чемъ онъ, какъ имѣвшій семейство, очень нуждался. Мнѣ не помнится, справедливо ли извѣстіе, помѣщенное въ Іохеровомъ Gelehrten Lexicon, что будто Байеръ въ 1731 году получилъ приглашеніе занять каѳедру краснорѣчія въ Галле[1]). Знаю

завѣдываніе академической канцелярія. Надобно замѣтить, что поданная отъ имени всѣхъ академиковъ въ январѣ 1729 года жалоба въ верховный тайный совѣтъ на самоуправство Шумахера сочинена была Байеромъ. Переводъ ее напечатанъ въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, 35—38.

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ въ жизни Байера есть упоминаніе въ автобіографіи его, хранящейся въ академическомъ архивѣ конференціи: «его величество король прусскій 10 ноября 1731 года предлагалъ Байеру, чрезъ посредство своего посланника фонъ Мардефельда, должность профессора краснорѣчія въ галльскомъ университетѣ, вмѣсто доктора Гундлинга. Хотя Байеръ и желалъ принять это приглашеніе, но дѣло не состоялось, и помянутое мѣсто было занято извѣстнымъ докторомъ Шульцомъ. Тѣмъ не менѣе желаніе семейства Байера возвратиться на родину побудило его ходатайствовать объ увольненіи. Однако тогдаш-

только (потому что имѣлъ съ Байеромъ частыя сношенія), что онъ изъ недовольства академическимъ уставомъ и не будучи въ состояніи выносить самовластіе Шумахера, постоянно хлопоталъ о возвратѣ на родину. Наконецъ, Байеръ, не зная самъ, что станется съ нимъ въ Пруссіи, выхлопоталъ себѣ увольненіе изъ Петербурга въ 1737 г. Отославъ впередъ въ Кёнигсбергъ свою библіотеку, состоявшую изъ превосходныхъ и рѣдкихъ книгъ, онъ рѣшился слѣдующею зимою уѣхать съ семействомъ изъ Петербурга. Но это намѣреніе не осуществилось, потому что Байеръ скончался въ Петербургѣ отъ горячки $^{10}/_{21}$ февраля 1738 г."... Послѣднимъ предсмертнымъ трудомъ Байера было обширное письмо къ Моклерку, 21 января 1738 года. Оно содержитъ въ себѣ подробный отвѣтъ на строгую критику въ Journal des savans его Museum sinicum, въ которой Фурмонъ нападалъ на него за то, что китайскія слова печатаются по латини и безъ удареній.

Въ Allgemeine Encyclopädie, von Ersch und Gruber, VIII, 235—236, сдѣлана такая характеристика ученой дѣятельности этого академика: „Байеръ былъ такой изслѣдователь по части языкознанія, такой ученый разыскатель по части исторіи, что только немногіе могутъ быть сравнены съ нимъ. Владѣя богатымъ запасомъ ученаго языкознанія и будучи надѣленъ геніальною сообразительностью, онъ пользовался этимъ для разъясненія темныхъ мѣстъ древней и средней исторіи. Всѣ его сочиненія, отличающіяся вкусомъ и классическою латинью, полны новыхъ открытій и возникли изъ рѣдкой даровитости совокуплять во взаимно связное цѣлое незначительныя историческія данныя и намеки. Многіе, отчасти совсѣмъ неизвѣстные народы, которыхъ исторію онъ объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ, и которыхъ онъ какъ бы воскресилъ изъ мертвыхъ, дали поводъ Гесперу надѣлять его почетными прозваніями Sinicus, Osrhoeus, Bactrius, Achaicus secundus и Mogolicus. Это были въ особенности народы сѣверовосточной Азіи: ихъ

ній президентъ Академіи Кейзерлингъ уговорилъ его остаться нѣкоторое время въ Россіи и доставилъ ему при томъ прибавку къ жалованью»...

исторію онъ изъяснялъ изъ неизвѣстныхъ дотолѣ источниковъ, памятниковъ, монетъ и пр. Въ особенности онъ болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, разъяснилъ основныя начала китайской исторіи и литературы"...

Послѣ смерти Байера возникла переписка въ академической канцеляріи со вдовою его относительно передачи въ Академію оставшихся послѣ него рукописей. Такъ-какъ послѣднія не всѣ поступили въ Академію, то баронъ Корфъ не приказалъ выдавать вдовѣ слѣдующаго ей, по опредѣленію императорскаго Кабинета, годоваго оклада жалованья ея мужа. Наконецъ, 29 января 1740 года, вдова Байера была удовлетворена окончательно [1]).

У Байера было двое сыновей и нѣсколько дочерей. По случаю смерти одного изъ нихъ Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ къ отцу краснорѣчивое письмо съ утѣшеніемъ въ потерѣ [2]).

Въ архивѣ академической конференціи до нынѣ хранится подъ №№ 71, 72 переписка Байера съ разными лицами. Въ жизнеописаніи академика Гросса я помѣстилъ нѣкоторыя изъ его писемъ къ Байеру, находящихся въ этой перепискѣ. Въ ней, кромѣ того, есть нѣсколько любопытныхъ писемъ Ѳеофана Прокоповича, которыя никогда не были изданы и которыми надѣюсь воспользоваться, когда придется говорить объ отношеніяхъ нашей Академіи наукъ къ современному русскому обществу. Байеръ занимался біографіею князя Константина Кантемира, которая въ 1783 году была издана въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ „Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира... съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ" (въ 8, XXXII и 407 страницъ). Когда Байеръ препроводилъ свой трудъ въ рукописи къ извѣстному потомъ русскому писателю князю Антіоху Кантемиру, то онъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ, которое до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ его біографамъ:

---

[1]) I, Ausgehende Briefe 1736, 1737 и II, книга № 35.

[2]) Труды Кіевской духовной Академіи 1865 г., III, 268, 269.

Theophilo Sigefrido Bayero
Συφώτατω Antiquitatum Professori
S. P. D.
Antiochus Cantemir P. M.

Si non frequentius ad Te litteras scribo, id, Vir clarissime, non pigritiae meae adscribas. Ita enim Te amo, ut nil lubentius facio, quam quae Tibi, vel parum grata novi. Ideo vero tam parce scribo, quod dum Latine scribere vollo, Haereo; ignarus et artis et facundiae quae Tibi tam usitatae sunt. Hinc ne tuas aures offendam vereor. Scribam tamen post hac saepius, ne tuis litteris frustrer, quae mihi semper fuerunt gratissimae.

Pauca, quae de Patris mei Majorum que vita elegantissime conscripsisti, beneficio Domini Ilinski perlegi, quae omnia ita bene, erudité, ac secte scripta esse video et judico, ut nihil habeam, quod desiderim, nisi operis finem. Interim veneror propensum tuum erga Patris memoriam animum, et, quos possum, summas referro Tibi gratias. Iterum atque, iterum officia mea, si quae grata sunt, Tibi offerens.

Effigies Patris, quam desiderasti, jam ut pingatur curavi: inchoavit eam Pictor, postque tres septimanas finitam fore promisit, quam statim ad Te mittam. Sic vale.

Moscuae, A° MDCCXXX, Julij die XVI.

Отдѣльныя сочиненія Байера, напечатанныя въ петербургской Академіи наукъ[1]):

1) Ad Petrum II Augustum Imperatorem, cum insignia imperii sanctissimis caeremoniis Moscouae capesseret, Academia Petropolitana, 1728. 2) Auszug der ältern Staatsgeschichte zum Gebrauch Petri II, Petersburg, 1728. 3) Th. S. Bayeri Museum sinicum, in quo sinicae linguae et literaturae ratio explicatur, Petrop., 1730. 4) Theoph. S. Bayeri Regiomontani Historia Osrhoëna et Edessena, ex numis illustrata, in qua Edessae urbis Osrhoëni regni, Abgarorum regum, praefectorum Graecorum,

---

[1]) Указанія на прочія сочиненія Байера можно найти въ источникахъ, перечисленныхъ въ началѣ настоящаго жизнеописанія.

Arabum, Persarum, Comitum Francorum, successiones, fata, res aliae memorabiles, a prima origine urbis ad extrema fere tempora explicantur, Petrop., 1734. 5) T. S. Bayeri Regiomontani de horis Sinicis et cyclo horario commentationes: accedit ejusdem auctoris Parergon Sinicum de calendariis Sinicis: ubi etiam quaedam in doctrina temporum Sinica emendantur. Petrop., 1735. 6) Historia regni Graecorum Bactriani in qua simul Graecorum in India coloniarum vetus memoria explicatur, auctore T. S. Bayero, Academico Petropolitano et Antiquit. P. P. Soc. Reg. Berol. Sodale: accedit Christophori Theodos. Waltheri, Missionarii Regii Danici, Doctrina temporum Indica, cum Paralipomenis, Petrop. 1738.

Слѣдующія изслѣдованія и статьи Байера помѣщены въ академическомъ изданіи Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: I, 387—399, De origine et priscis sedibus scytharum; 400—424, De Scytiae situ, qualis fuit sub aetatem Herodoti; 425—463, De muro Caucaseo. II, 419—433, De Cimmeriis; 434—458, Numi decem Erythraeorum in Ionia illustrati; 459—469, Numus gyrtones urbis thessalicae illustratus; 470—481, Vetus inscriptio prussica. III, 295—350, Chronologia scythica vetus; 351—388, Memoriae scythicae ad Alexandrum Magnum; 389—422, Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae. IV, 289—301, Elementa brahmanica, tangutana, mungalica; 302—314, Numi duo Ptolomaei Lagidae explicati; 315—330, De Venere Cnidia in Crypta conchyliata horti imperatorii ad aulam aestivam et in duobus numis cnidiis; 331—369, De Varagis. V, 297—358, Conversiones rerum scythicarum temporibus Mithridatis Magni et paullo-post Mithridatem; 361—373, Numus aegiensis illustratus; 374—381, Fasti Achaici; 382—448, Fasti Achaici illustrati. VI, 325—338, De litteratura mangiurica; 339—364, De lexico sinica çù gvéy; 365—391, De russorum prima expeditione constantinopolitana. VII, 345, Elementa calmucica; 346—361, De Venedis et Eridano fluvio; 362—426, De Confucii libro Ch'ūn çieu. VIII, 343—377, De numo musei imperatorii amideno; 378—387, De duobus diadematibus in museo imperatorio; 388—436, Origines

russicae. IX, 367—422, Giographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Porphyrogenneta. X, 371—419, Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. DCCCCXLVIII. Ex scriptoribus septemtrionalibus. XI, 311—329, De vestritio spurinna lyrico et ejus fragmentis; 330—348, De Hyperboreis.

Нѣкоторыя изъ изслѣдованій Байера переведены и напечатаны на русскомъ языкѣ, а именно:

Въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728): 125—138, О начаткѣ и древнихъ пребывалищахъ скѵѳовъ, чего издатель есть Ѳеофилъ Зигефридъ Баѵеръ кениксбергецъ; 139—166, О мѣстоположеніи Скѵфіи, каково было въ лѣта Геродотовы; 167—207, О стѣнѣ Кавказскои.

Отдѣльныя изданія: Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ І. К. Тауберта, Академіи наукъ адъюнкта. Спб., 1738.

Ѳеофила Сигефра Беера бывшаго профессора восточной исторіи и языковъ, Географія россійская изъ Константина Порфирогенета, т. е. багрянороднаго или порфиророднаго. Переведено Киріякомъ Кондратовичемъ въ 1747. Спб. 1767.

Географія россійская и сосѣдственныхъ съ Россіею областей около 947 году изъ книгъ сѣверныхъ писателей выбрана. Автора Беэра, бывшаго оріентальной исторіи и языковъ профессора при императорской Академіи наукъ. Комментаріевъ санктпетербургскихъ въ томѣ десятомъ отъ страницы 371 печатано на латинскомъ языкѣ 1747 году. Переводилъ Киріакъ Кондратовичъ того же года. Спб. 1767.

Сочиненіе о варягахъ автора Феофила Сигефра Беэра бывшаго профессора восточной исторіи и восточныхъ языковъ при Императорской Академіи Наукъ. Переводилъ съ латинскаго языка Киріякъ Кондратовичъ 1747 въ генварѣ. Спб., 1767.

Объ изданіи сочиненія Байера Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря, князя Константина Кантемира и пр. было уже говорено выше, на стр. 193.

БЕКЕНШТЕЙНЪ, ІОГАННЪ-СИМОНЪ, докторъ правъ, академикъ по каѳедрѣ правовѣдѣнія.

Ни о годѣ рожденія, ни о времени смерти Бекенштейна не сохранилось извѣстій. Въ Adelung's Fortsetzung und-Ergäntzungen zu Jöchers Gelehrten Lexicon, I, 1582, замѣчено о немъ только, что онъ былъ родомъ нѣмецъ, жилъ въ Петербургѣ и издалъ тамъ сочиненіе о гербахъ. Исторіографъ Мюллеръ совѣтовалъ обратиться по этому предмету къ сочиненію Арнольда Historie der Königsbergischen Universität, однако и тамъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Бекенштейнѣ. Подробности о жизни и трудахъ Бекенштейна въ бытность его при Академіи наукъ въ Петербургѣ въ рукописи Мюллера: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg, 62, 65, 267, 509, 510, 653, 280, 283, 284, 443.

При первоначальномъ замѣщеніи каѳедръ исторіи языковъ и правовѣдѣнія въ петербургской Академіи наукъ было испытано гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ по каѳедрамъ физико-математическихъ наукъ. Только въ концѣ 1725 года былъ приглашенъ для греческихъ и римскихъ древностей Байеръ, и при его посредствѣ, началась переписка о вызовѣ Бекенштейна, уроженца г. Данцига, который былъ тогда doctor legens при кёнигсбергскомъ университетѣ. Контрактъ съ нимъ на поступленіе его въ петербургскую Академію наукъ заключенъ 3 декабря 1725 года: въ силу его онъ былъ назначенъ профессоромъ правовѣдѣнія, срокомъ на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ, съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ[1]). Въ Петербургъ онъ прибылъ 24 іюня 1726 года.

Изъ отчета о занятіяхъ академиковъ въ первый годъ существованія Академіи видно, что Бекенштейнъ кромѣ чтенія лекцій и составленія „исторіи права публичнаго", „вмѣсто диссертацій или разсужденій академическихъ, по приказу превосходительнаго господина барона Остермана, толкованія и призначеніе на россійское Уложеніе написалъ, которыя въ краткомъ време-

---

[1]) I, Eingekommende Briefe pro anno 1726.

ни разсужденію его превосходительства предложить"....[1]) Въ 1727 году послѣдніе шесть мѣсяцевъ Бекенштейнъ былъ занятъ составленіемъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, которыя начаты были въ этомъ году академикомъ Гроссомъ.[2])

„Бекенштейнъ, разсказываетъ Мюллеръ, прибылъ въ Петербургъ увѣренный, что найдетъ здѣшнюю Академію учрежденною на такихъ же началахъ, какъ нѣмецкіе университеты; но онъ встрѣтилъ отмѣны, по его мнѣнію, очень значительныя: здѣсь не было юридическаго факультета и никакого предпочтенія одной науки передъ другой; здѣсь ученые не принимали какого либо участія въ управленіи дѣлами своего общества, а все зависѣло отъ произвола президента и, что̀ было для Бекенштейна несноснѣе, отъ библіотекаря, котораго никогда не хотѣлъ признавать ученымъ. Бекенштейнъ еще изъ Кёнигсберга привезъ съ собою значительный, по видимому, запасъ гипохондріи, отъ долгаго тамъ ожиданія назначенія себѣ мѣста, и такое настроеніе у него еще болѣе усилилось въ Петербургѣ.

„Когда онъ представлялъ что-нибудь письменно по своей должности или по хозяйственной части, то никогда не подписывалъ своихъ бумагъ ни на имя президента, ни канцеляріи, за которыми онъ не признавалъ на то никакихъ правъ, но, по обычаю нѣмецкихъ университетовъ, обращался къ профессорскому собранію слѣдующимъ образомъ: „высокоблагородные, высокоученые, и пр. господа! нижеподписавшійся представляетъ"..... Шумахеръ хотя не былъ тѣмъ доволенъ, однако не рѣшался прекословить, а напротивъ старался, когда до него доходило подобное представленіе, исполнять желанія Бекенштейна.[3]) Послѣ Блюментроста президентомъ Академіи

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 20.

[2]) Рукопись Мюллера: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 129.

[3]) Что̀ Шумахеръ относился дружелюбно къ нашему юристу, то это можно замѣтить изъ переписки перваго съ Блюментростомъ. Такъ, напр., 6 іюля 1730 года библіотекарь писалъ къ президенту: «г. докторъ Бекенштейнъ опять настаиваетъ на своемъ увольненіи. Такъ-какъ по контракту онъ обязанъ пробыть еще одинъ годъ, то можно къ нему написать, что онъ

наукъ былъ назначенъ человѣкъ, который слушалъ въ Кёнигсбергѣ лекціи у Бекенштейна. Онъ старался всѣми способами сдѣлать бывшему своему наставнику, а теперь подчиненному жизнь пріятною. Бекенштейнъ былъ бы очень прилежный и полезный преподаватель, если бы только у него были слушатели"...[1]). Далѣе Мюллеръ описываетъ характеръ Бекенштейна, что онъ былъ врагъ сплетней, поборникъ справедливости и пр. Черта прямодушія его сохранилась въ оффиціальномъ отзывѣ, данномъ имъ Сенату въ 1732 году. Здѣсь, упомянувъ, что онъ уже просилъ Академію о своемъ увольненіи, прибавлялъ: „а тотъ абшитъ между другими причинами просилъ я и для того: надѣюсь, что отъ меня здѣсь малая происходить можетъ польза, чего ради и даванный мнѣ къ прежнему моему жалованью прибавокъ принять не хотѣлъ".[2]) Тоже подтверждаетъ и Мюллеръ, разсказывая, что Бекенштейнъ при каждомъ случаѣ говорилъ, что онъ не заслуживаетъ получаемаго имъ изъ Академіи жалованья, такъ-какъ лишенъ средствъ преподавать свою науку устно русскому юношеству, къ чему однако обязанъ въ силу заключеннаго контракта.

Съ октября 1731 года Бекенштейнъ долженъ былъ заниматься юридическою практикою, такъ-какъ бывшій его слушатель, а тогда вице-президентъ департамента эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ въ юстицъ-коллегіи, Кейзерлингъ выхлопоталъ, чтобы онъ участвовалъ въ занятіяхъ этого департамента.[3])

Члены Академіи наукъ не значились въ табели о ран-

получить отставку, между тѣмъ мнѣ желательно попытаться расположить его къ другимъ мыслямъ»... 26 января 1731 года: «я убѣдилъ г. доктора Бекенштейна остаться (въ Академіи) долѣе. Однако ему слѣдуетъ прибавить жалованья, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ». I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[1]) 14 іюля 1729 г. Шумахеръ жаловался въ письмѣ къ Блюментросту: «профессора обязаны читать лекціи, а между тѣмъ это только исполняютъ докторъ Бекенштейнъ, Бернулли и Мейеръ. Другіе даже не помышляютъ о томъ»... I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[2]) Ученыя записки по I и III отдѣленіямъ Академіи наукъ, III, 682; тамъ же, стр. 680, 681, есть изчисленіе предметовъ, которые преподавалъ онъ немногимъ, бывшимъ у него слушателямъ изъ иностранцевъ.

[3]) II, книга № 8.

гахъ, составленной при Петрѣ Великомъ, а потому въ засѣданіяхъ коллегіи Бекенштейнъ, по проискамъ ея ассессоровъ, бывшихъ его слушателей, считался самымъ младшимъ членомъ, на что академикъ не обращалъ, однако, вниманія. Исторіографъ Мюллеръ разсказываетъ, что по обычаю, введенному въ судахъ, мнѣнія подаются, начиная съ младшихъ членовъ, почему Бекенштейна спрашивали всегда перваго. Тогда онъ высказывалъ свое мнѣніе какъ-бы съ каѳедры, пространно и основательно, что̀ свидѣтельствовало о его обширныхъ свѣдѣніяхъ. Самые запутанные вопросы излагались имъ ясно; при этомъ приводилъ онъ всѣ идущія къ дѣлу постановленія какъ римскаго права, такъ и областныхъ законовъ. Все это было назидательно, но трудно для внесенія въ протоколъ, потому что иногда случалось, что Бекенштейнъ говорилъ въ продолженіе часа.

Въ дѣятельности академика въ Петербургѣ какъ юриста-практика, встрѣтился случай, заслуживающій упоминанія по отношенію къ русской исторіи первой половины прошедшаго столѣтія. Извѣстно по многимъ печатнымъ сочиненіямъ и статьямъ, что при возшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны нѣкоторые изъ вельможъ задумали-было ввести разныя ограниченія въ существовавшей дотолѣ формѣ правленія въ Россіи. Генрихъ Фикъ, посыланный Петромъ Великимъ въ Швецію, чтобы добыль тамъ извѣстія по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, пристрастился, какъ разсказываетъ Манштейнъ, къ шведскому, почти республиканскому правленію и, послѣ смерти императора Петра II, вошелъ тотчасъ въ переписку съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ относительно ограниченія самодержавія въ Россіи[1]). Послѣ полнѣйшей неудачи верховниковъ, Фикъ былъ арестованъ, и 30 декабря 1731 года дѣло о немъ было передано на сужденіе департамента эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ юстицъ-коллегіи, гдѣ по этому поводу составилась коммиссія, въ которую назначенъ былъ и Бекенштейнъ. Такимъ образомъ, по стеченію

---

[1]) Mémoires historique sur la Russie par Manstein (Lyon, 1772), I, 85, 86.

обстоятельствъ, членъ Академіи наукъ долженъ былъ участвовать въ произнесеніи приговора надъ человѣкомъ, имя котораго имѣло нѣкоторое значеніе въ основаніи ученаго общества: на проектѣ, представленномъ Фикомъ Петру Великому объ учрежденіи въ Россіи коллегій, въ 1718 году государь написалъ противъ мѣста, гдѣ рѣчь шла объ образованіи молодыхъ людей изъ русскихъ для новыхъ присутственныхъ мѣстъ: „сдѣлать Академію“[1]).

Первоначально Бекенштейнъ рѣшительно отказался участвовать въ судѣ надъ Фикомъ, отговариваясь тѣмъ, что онъ, Бекенштейнъ, иностранецъ, почему ему не должно быть извѣстно дѣло, заключающее государственную тайну; что онъ не принадлежитъ къ юстицъ-коллегіи, а временно числится при ней, и что, наконецъ, онъ уже подалъ просьбу объ увольненіи его изъ Россіи и вмѣшательствомъ въ новое судное дѣло мо-

[1]) Дѣятельность Фика въ царствованіе Петра Великаго чрезвычайно любопытна: во время стоянки русскихъ войскъ въ Мекленбургъ-Шверинѣ, Адамъ Вейде, по порученію царя, говорилъ «пространно» о коллегіяхъ съ Бассевичемъ, «который, писалъ Вейде къ царю изъ Гюстрова 13 ноября 1715 года, тотчасъ отозвался, что онъ къ тому дѣлу вѣдастъ голстинца, который былъ у владѣтельнаго князя тайнымъ секретаремъ, зѣло способнаго человѣка; о свѣйскихъ коллегіяхъ и правахъ весьма искусенъ, и чаетъ въ службу пойдетъ»... Это былъ Генрихъ Фикъ. 13 декабря 1716 года Вейде уже писалъ къ царю, что Фикъ «не точію возвратился изъ Стокгольма счастливо, но съ собою все, что коллегіямъ надобно, всякіе порядки вывезъ; тожъ и иныя многія годнѣйшія вещи о зѣло полезныхъ порядкахъ съ собою же присовокупилъ. Точію то учинено, сказываетъ, съ великимъ страхомъ и не зналъ, какъ лучше сдѣлать: бралъ того ради свою жену съ собою и тѣ письма вшивалъ ей подъ юпки, а иныя роздалъ для сохраненія шкиперамъ»... (Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, книга № 26, л. л. 193—201). Самъ Фикъ въ одной изъ просьбъ, по возвращеніи уже изъ ссылки при императрицѣ Елисаветѣ писалъ: «Въ 1715 году блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорское величество Петръ Первый его, Фика, изъ Голштиніи и на нѣкоторыя письменныя кондиціи въ службу опредѣлить, а въ 1716 и 1717 годахъ въ разныхъ и отчасти ему и фамиліи его весьма опасныхъ посылкахъ; да въ 1718 году, ко учрежденію вновь коллегій; послѣ жъ того три года сряду даже до скончанія шведской войны къ важнымъ, тайнымъ корреспонденціямъ употреблять, а потомъ же въ разныхъ временахъ тайныя коммиссіи ему поручатъ и для разныхъ дѣлъ въ кабинетъ свой призывать и мнѣнія его требовать и оныя апробовать... соизволилъ».... Извѣстія о службахъ Фика можно найти въ Русскомъ Архивѣ 1869 года, № 11, г. Полѣнова ст. О присягѣ иноземцевъ, принятыхъ въ русскую службу при Петрѣ Великомъ, страница 1738—1742.

жетъ подать поводъ къ невѣрному предположенію, что онъ уже болѣе не желаетъ такого увольненія. Такъ-какъ дѣло о Фикѣ было передано въ юстицъ-коллегію вслѣдствіе изустнаго повелѣнія императрицы Анны, объявленнаго Мюнихомъ, то послѣднему былъ переданъ протестъ академика, но генералъ кратко отвѣтилъ, что дѣло производится по высочайшему повелѣнію, а потому Бекенштейнъ не въ правѣ отказываться отъ участія въ судѣ надъ Фикомъ. Академикъ дѣйствительно подписывалъ потомъ изслѣдованіе и притоворъ о Фикѣ вмѣстѣ съ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи Кейзерлингомъ и ассессоромъ Глюкомъ.

Допросы Фика производились 11 января 1732 г., и подсудимый началъ съ того, что выразилъ признательность императрицѣ за то, что его дѣло повелѣно разсматривать „нѣмецкимъ судомъ". Предложенные ему допросы сперва состояли въ томъ, во 1) откуда и когда узналъ онъ о кончинѣ Петра II и избраніи императрицы Анны; во 2) откуда и когда ему сдѣлалось извѣстно, что форма правленія въ Россіи измѣнена нѣкоторыми ограничительными условіями; и въ 3) не велъ-ли онъ съ кѣмъ-либо изъ находившихся въ Москвѣ лицъ переписки относительно этихъ условій? Фикъ отвѣчалъ, что первое извѣстіе о кончинѣ Петра II распространилось отъ купца, пріѣхавшаго изъ Москвы и скупавшаго въ Петербургѣ всѣ траурныя принадлежности; что объ ограничительныхъ условіяхъ была въ Петербургѣ всеобщая молва, но кѣмъ именно распространенная—не знаетъ; что самыя условія онъ выписалъ изъ иностранныхъ газетъ и разсуждалъ о нихъ безъ всякаго опасенія, такъ-какъ въ Петербургѣ былъ распространенъ слухъ, что императрица совершенно одобрила тѣ условія. Отказываясь отъ какого бы то ни было участія въ дѣлѣ составленія ограниченій въ правленіи, Фикъ сознался, что при Петрѣ Великомъ ему никогда не нравилось республиканское правленіе, но въ послѣдовавшія за тѣмъ два царствованія онъ всегда желалъ его, такъ-какъ надѣялся, что всѣ безпорядки, виновниками которыхъ были князья Меншиковъ и Иванъ Долгорукій, будутъ прекращены при вошареніи императрицы Анны.

Далѣе Фика допрашивали „не состояли-ли ограничительные пункты въ слѣдующемъ: a) ея императорское величество не вступаетъ въ бракъ безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта; b) не распоряжается никакими государственными деньгами; c) не назначаетъ въ должности; d) не награждаетъ помѣстьями; e) не лишаетъ никого жизни и имущества, кромѣ случаевъ по преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ?“ Фикъ отвѣчалъ, что очень хорошо помнитъ эти пункты, но забылъ, какъ были они изложены. Когда его спрашивали, сколько было пунктовъ—шесть или восемь, онъ говорилъ, что о восьми не слыхалъ, а говорили о четырехъ, пяти и даже двѣнадцати.

Надобно замѣтить, что Фикъ до арестованія занималъ должность вице-президента коммерцъ-коллегіи, президентомъ которой нѣкогда былъ князь Дмитрій Голицынъ, принимавшій самое дѣятельное участіе при предложеніи новой императрицѣ ограничительныхъ условій. Неназванные въ дѣлѣ свидѣтели показывали, что Фикъ, когда до Петербурга дошла вѣсть о происшедшемъ въ Митавѣ и Москвѣ, говорилъ знакомымъ, что теперь князь Голицынъ высоко подниметъ голову и что онъ, Фикъ, собирается писать къ нему касательно ограниченія правленія. Послѣднее обстоятельство обвиненный положительно отвергалъ, но признавался, что онъ нѣкогда говорилъ князю, что въ прежнія времена было хуже въ Россіи; что теперь она стала просвѣщеннѣе и лучше съ учрежденіемъ коллегій, и что этотъ давній разговоръ подалъ ему мысль, что князь Голицынъ вспомнилъ о немъ и намѣревался улучшить то, въ чемъ грѣшили въ предшествовавшія времена. Такіе отвѣты подали поводъ изслѣдователямъ потребовать подробностей отъ Фика о сношеніяхъ его съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, и обвиненный отвѣчалъ: „князь Голицынъ былъ его покровителемъ, охотно допускалъ его къ себѣ и находилъ удовольствіе толковать съ нимъ по вечерамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, о новой и древней исторіи, также о разности вѣръ. Иногда это продолжалось до полуночи, и тогда князь, по своему обыкновенію, приказывалъ набивать и подавать трубку за трубкою ему и прочимъ своимъ пріятелямъ. Часто въ такихъ случаяхъ Фикъ

очень желалъ откланяться и уѣхать домой, но это было бы нарушеніемъ здѣшняго обыкновенія, по которому гость такого званія, какъ обвиненный, не смѣетъ уѣзжать отъ знатнаго господина прежде, чѣмъ этотъ не скажетъ о томъ самъ своимъ гостямъ и не произнесетъ adieu. Побужденіемъ къ посѣщенію князя Голицына для Фика служило то, что тотчасъ же по учрежденіи государственныхъ коллегій блаженныя памяти его величество назначилъ въ 1718 году этого князя президентомъ въ коллегію, въ которой обвиненный состоялъ совѣтникомъ. Послѣдній слышалъ отъ разныхъ лицъ, что князь Голицынъ не особенно любилъ иноземцовъ и подтверждалъ это при многихъ случаяхъ въ бытность свою губернаторомъ въ Кіевѣ, а потому Фикъ считалъ для себя чрезвычайно необходимымъ пріобрѣсти его расположеніе, въ чемъ такъ успѣлъ, что князь Голицынъ принялъ сторону Фика, когда у него въ 1719 или 1720 годахъ возникли большія непріятности съ княземъ Меншиковымъ... Фикъ при разныхъ случаяхъ старался внушать князю Голицыну лучшее расположеніе къ лифляндцамъ и эстляндцамъ, также убѣждать его въ пользѣ вновь учрежденныхъ коллегій— все это было причиною, почему Фикъ старался часто бывать у князя. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ онъ поступалъ такимъ образомъ и по смерти Петра Великаго, когда князь получилъ мѣсто во вновь основанномъ верховномъ совѣтѣ. Съ того времени обвиненный сталъ замѣчать, что Голицынъ сдѣлался болѣе расположеннымъ къ лифляндскимъ правамъ и привиллегіямъ"...

Фика спрашивали также, что ему было извѣстно о замыслахъ послѣ кончины Петра Великаго, и онъ отвѣчалъ слѣдующее: „Что знатнѣйшіе государственные чины, въ послѣднюю болѣзнь государя, постоянно собирались во дворецъ для совѣщаній — о томъ Фикъ тогда слышалъ отъ голштинскаго двора, увѣреннаго въ то время, что тотчасъ послѣ кончины Петра Великаго наслѣдникомъ престола будетъ объявленъ внукъ его, великій князь. Такъ-какъ герцогу голштинскому было извѣстно, что Фикъ былъ вхожъ къ Дмитрію Голицыну и могъ бывать у другихъ русскихъ знатныхъ, которые его знали, то Бассевичъ уговаривалъ его внушать этимъ лицамъ какъ будто бы отъ

себя, что въ случаѣ, если будетъ рѣшено по смерти царя объявить его молодаго внука императоромъ, то по его несовершеннолѣтію превозгласить вдовствующую императрицу опекуншею его. Вслѣдствіе того Фикъ ѣздилъ къ князю Голицыну и спрашивалъ его или сына его издалека, чтобы не дать имъ примѣтить настоящей причины: при кончинѣ императора, не будутъ-ли иноземцы въ опасности отъ матросовъ и черни? Получивъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, Фикъ ничего не могъ, однако, узнать о наслѣдствѣ. Когда Фикъ вернулся назадъ къ герцогу и хотѣлъ передать ему чрезъ Бассевича о маломъ успѣхѣ, то нашелъ перваго блѣднымъ, въ волненіи и замѣшательствѣ... Часъ спустя послѣ того къ герцогу пришло извѣстіе изъ дворца; тогда онъ съ Бассевичемъ удалился на короткое время къ себѣ въ комнату, и когда потомъ оттуда вышелъ, то объявилъ Фику, что нѣтъ болѣе нужды безпокоиться, такъ-какъ императрица, послѣ кончины императора, уже утвердилась крѣпко на тронѣ и признана самодержавною государынею"...

Свидѣтельскихъ показаній противъ Фика отбиралось весьма немного. Главнѣйшее изъ нихъ принадлежитъ ассессору коммерцъ-коллегіи Рудаковскому, который писалъ: „Увѣдомился я перво о смерти его императорскаго величества Петра Втораго и о избраніи на престолъ ея императорскаго величества государыни Анны Іоанновны коммерцъ-коллегіи отъ вице-президента Фика въ январѣ мѣсяцѣ 1730 года, а въ которомъ числѣ того сказать не упомню, только вскорѣ послѣ смерти его величества, пріѣхавъ оный вице-президентъ и объявилъ о томъ членамъ, которые въ то время присутствовали, и приказывалъ о томъ до подлиннаго извѣстія ни съ кѣмъ не говорить. А оные разговоры говорилъ по нѣмецки, при которомъ разговорѣ былъ совѣтникъ Кассигъ. Увѣдомился я, что въ Россіи самодержавству не быть, перво отъ него жъ, вице-президента Фика, въ томъ же январѣ мѣсяцѣ, а котораго числа того не упомню, понеже оный вице-президентъ по разговорамъ о томъ читалъ пункты по нѣмецки, а отъ кого онъ тѣ пункты получилъ, того я не знаю. На что я и отвѣтствовалъ ему, что въ Россіи безъ самодержавства быть невозможно, понеже Россія, кромѣ единаго Бога и одного

государя, у многихъ быть подъ властію не пожелаетъ. Вице-президентъ Фикъ разсуждалъ такъ, что имперія россійская нынѣ стала сестрица Швеціи и Польшѣ; на что я ему вопреки отвѣтствовалъ, что никакъ тому статься невозможно, и сказалъ я: такихъ рѣчей больше слушать не хочу и прошу о томъ не говорить—не наше дѣло! Оный вице-президентъ ко уничтоженію самодержавства уповаю, что склоненъ былъ, понеже при тѣхъ разговорахъ, что россійская имперія будетъ сестра Швеціи и Польшѣ, былъ веселъ и притомъ говорилъ, что россіяне нынѣ умны, понеже не будутъ имѣть впредь фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій, отъ которыхъ все зло происходило"...

Секретарь коммерцъ-коллегіи Малыгинъ показывалъ, что Фикъ „объявилъ мнѣ обще съ протоколистомъ Степаномъ Ѳедоровымъ, что на престолъ всероссійскій изобрана ея императорское величество государыня Анна Іоанновна, и притомъ упоминалъ о учиненныхъ тогда кондиціяхъ, что оные-де учинены къ пользѣ, понеже-де во всей россійской имперіи министровъ разумныхъ обрѣтается довольное число, которые государственныя правленія содержать могутъ и безъ чужихъ иностранныхъ фаворитовъ"...

Составленная надъ Фикомъ коммиссія не долго медлила, и не далѣе какъ 12 января 1732 г. состоялся приговоръ, въ которомъ въ началѣ объяснялось, что бывшій вице-президентъ коммерцъ-коллегіи подозрѣвался въ участіи въ перемѣнахъ, которыя намѣревались произвести по кончинѣ Петра II; въ разговорахъ онъ хвалился, что далъ къ тому поводъ; одобрялъ и защищалъ ограничительныя условія, приводя въ подтвержденіе воображаемые безпорядки предшествовавшихъ царствованій и приписывая ихъ фаворитамъ. „Хотя онъ, продолжаетъ потомъ приговоръ, какъ человѣкъ, давно жившій въ государствѣ и получившій знаки столь многихъ милостей отъ предшествовавшихъ государей, долженъ бы былъ разсудить, что это непозволительно и противно его присягѣ самодержавію, неограниченной власти, силѣ и преимуществамъ россійской монархіи, въ особенности же праву фамиліи нынѣ благополучно царствую-

щей государыни, такъ-какъ изъ таковаго премѣненія правленія могли возникнуть безпокойства, междоусобіе и распаденіе государства; при чемъ не слѣдовало ему порицать дѣйствія предшествовавшихъ самодержавныхъ государей и выводить изъ того дурныя послѣдствія. Чрезъ все это сдѣлался онъ достойнымъ наказанія, виновнымъ и жестокимъ преступникомъ противъ ея императорскаго величества и вреднымъ для государства. При этомъ ему не можетъ служить въ оправданіе, что онъ хвалился вышеписанными словами изъ хвастовства и въ шутку, потому что этого не допускается въ такихъ важныхъ дѣлахъ, а тѣмъ менѣе признавать умѣстнымъ при тогдашнихъ временахъ и обстоятельствахъ изъясняться вольно по своимъ видамъ и страстямъ и на сколько ему нравились или не нравились тѣ предметы, такъ-какъ ему надлежало подумать, что подобными разсужденіями могли быть возбуждены и подкрѣплены люди злонамѣренные, а благонамѣренные — впасть въ заблужденіе“... По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и принимая во вниманіе, что преступленіе Фика не имѣло никакихъ послѣдствій, коммиссія приговорила его къ вѣчной ссылкѣ и лишенію всѣхъ пожалованныхъ имѣній, какъ ingratus donatarius et primus acquisens. Фикъ дѣйствительно былъ сосланъ въ Сибирь, откуда возвращенъ съ награжденіемъ чиномъ и возвращеніемъ имѣнія по вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы.

Бекенштейнъ былъ уволенъ изъ Академіи по прошенію въ маѣ 1735 года, а въ іюнѣ того же года назначенъ, по распоряженію академической канцеляріи, почетнымъ членомъ съ ежегоднымъ жалованьемъ по 100 рублей; въ томъ же году онъ отправился въ Кенигсбергъ, а въ 1738 году ему былъ выданъ на помянутое званіе дипломъ, о полученіи котораго онъ отвѣчалъ 5 декабря того же года. Въ представленіи Шумахера о почетныхъ членахъ Академіи, писанномъ въ маѣ 1744 года, о Бекенштейнѣ вовсе не упоминается, а потому надобно думать, что онъ уже тогда скончался.

Мюллеръ упоминаетъ только одну извѣстную ему статью Бекенштейна, напечатанную до его пріѣзда въ Россію — это De Helena Menelai въ изданіи Лиліенталя Selecti litterarii.

Въ Петербургѣ напечатаны его нѣмецкіе стихи на обрученіе Петра II съ княжною Меншиковою, поднесенные отъ имени Академіи и съ заглавіемъ: Unserem Grossen Kayser Petro II auf den glückseeligen Tag dessen Verlobnisses, внизу помѣта S.-Petersburg den 25 may 1727 (на оборотѣ одного листа [1]).

Онъ произнесъ въ 1731 году рѣчь, которая издана подъ заглавіемъ Sermo panegyricus in solenni Academiae scientiarum Imperialis conventu die V Maii anni MDCCXXXI publice recitatus. Petropoli typis Academiae scientiarum [2]). По отзыву Шумахера, въ письмѣ его къ Блюментросту 6 мая 1731 года [3]), Бекенштейнъ произнесъ ее съ огромнымъ ўспѣхомъ. Въ этой рѣчи, кромѣ похвалъ самодержавію и императрицѣ Аннѣ, есть намеки на неудавшіяся, при воцареніи этой государыни, попытки измѣнить форму правленія. Самая виньетта въ началѣ рѣчи изображаетъ императрицу на тронѣ окруженною придворными, а передъ трономъ нѣсколько лицъ, изъ которыхъ одинъ на колѣняхъ читаетъ рукопись. Виньетта, конечно, представляетъ событіе объ уничтоженіи Анною извѣстныхъ условій, которыя приняла-было при избраніи своемъ на царство.

Въ 1731 году вышелъ трудъ Бекенштейна: Kurtze Einleitung zur Wappen Kunst und zur Art des Blasonirens, in deutlichen Exempeln gezeigt und in drey Sprachen deutsch, französisch und lateinich erkläret. S.-Petersburg gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften. Это учебное руководство геральдики, расположенное въ вопросахъ и отвѣтахъ, предназначалось сначала для употребленія императора Петра II. По поводу этой книги Шумахеръ писалъ 29 іюня 1729 года къ Блюментросту: „у насъ будетъ скоро готова геральдика. Дѣло останавливается только за государственнымъ и провинціальными гербами, которые, по мнѣнію Бекенштейна,

---

[1]) 1-й Портфель исторіографа Мюллера подъ № 6, Стихи Академіи наукъ.

[2]) Въ 4°, 63 стр. Въ концѣ примѣчаніе: «Si quid homini peregrino, et rationum imperii aeque ac idiomatis Russici ignaro exciderit, quod minus dici debebat, id omne si benevola interpraetatione corrigi non potest, non dictum esto.

[3]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

должны быть непремѣнно въ подобномъ сочиненіи. Нельзя-ли при томъ достать гербы нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ родовъ: чрезъ это книга сдѣлалась бы значительнѣе и заманчивѣе". [1]) Такое предложеніе Шумахера не было осуществлено, и въ книгѣ Бекенштейна изложены только техническія выраженія, встрѣчающіяся въ геральдикѣ. [2])

„Общія правила науки о гербахъ, или, если хотите, теоретическая часть ея, говоритъ исторіографъ Мюллеръ, заняла у Бекенштейна порядочный томъ въ осьмушку. Здѣсь не пропущено ни одного, относящагося къ геральдикѣ техническаго выраженія, ни одной изъ отдѣльныхъ частей герба, какъ онѣ встрѣчаются въ сложныхъ гербахъ, которыя бы не были объяснены, описаны и представлены въ изображеніяхъ. Вторая часть долженствовала заключать практическую часть геральдики, т. е. сложные гербы знатнѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ. Продолжалъ-ли Бекенштейнъ обработывать ее — мнѣ неизвѣстно, въ печати же она не явилась" [3]). Блюментростъ съ Шумахеромъ хотѣлъ-было приложить къ книгѣ Бекенштейна посвященіе Бирону, но въ конференціи академики не одобрили проекта письма къ нему, предложеннаго Шумахеромъ, и книга вышла безъ посвященія.

---

[1]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[2]) Бекенштейнъ работалъ также и по части русской геральдики. Такъ сохранилось его обширное письмо 13-го февраля 1728 года съ замѣчаніями на присланные ему при запискѣ графа Санти нѣкоторые изъ лифляндскихъ гербовъ и здѣсь сказано въ заключеніи: «Впрочемъ очень основательно и справедливо написанное графомъ Санти въ концѣ, что русское дворянство можетъ по всей справедливости завести такіе же гербы, какъ и у лифляндскаго дворянства». I, Eingekommende Briefe von anno 1727 (sic). Въ сентябрѣ 1734 года военная коллегія требовала отъ Академіи, чтобы Бекенштейнъ сочинилъ новые гербы для знаменъ слободскихъ полковъ: сумскаго, ахтырскаго, харьковскаго, изюмскаго, и острогожскаго. Поэтому случаю Бекенштейнъ представилъ «Мнѣніе о учиненіи новыхъ гербовъ въ слободскіе полки по состоянію тамошнихъ мѣстъ». Здѣсь въ началѣ есть извѣстіе, что Бекенштейномъ составлены подобные гербы для знаменъ морскихъ полковъ (Изъ книгъ архива академической канцеляріи).

[3]) Книгу Бекенштейна принимались переводить два раза на русскій языкъ: въ первый разъ это началъ переводчикъ Паульсонъ, но исполнилъ плохо; въ 1746 году, по требованію герольдмейстерской конторы, то же было возложено на переводчика Голубцева (II, книга № 104); но о дальнѣйшей судьбѣ переводовъ свѣдѣній въ академическихъ архивахъ не отыскалось.

Въ 1734 году Бекенштейнъ, по порученію президента Академіи барона Корфа, составилъ изображеніе для академической печати: на ней былъ представленъ русскій двуглавый орелъ въ золотомъ полѣ; на груди его красный щитъ съ изображеніемъ Минервы съ копьемъ въ правой рукѣ, а лѣвая покоится на щитѣ съ надписью: sic tuta perennat. Баронъ Корфъ предложилъ только поставить вмѣсто sic — hic. 4 января 1735 года эта печать была утверждена императрицею, а 17 марта вырѣзана на стали рѣщикомъ Купи [1]).

Послѣднею работою Бекенштейна въ Академіи была представленная имъ въ 1735 году статья De horoscopo.

МЕЙЕРЪ, ФРИДРИХЪ-ХРИСТОФОРЪ, экстраординарный академикъ по каѳедрѣ математики.

Статья о жизни Мейера, составленная Бильфингеромъ, прочитана была при погребеніи перваго; она, въ двухъ экземплярахъ, хранится въ портфелѣ исторіографа Мюллера подъ № 11, «Біографіи академиковъ». Сравни также рукопись его Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 70, 71, 217.

Фридрихъ Мейеръ родился 9 октября 1697 года въ Кирхгеймѣ въ небольшомъ герцогствѣ Текъ, входившемъ въ составъ вюртембергскихъ владѣній. Отецъ его, княжескій бочарь въ монастырѣ близъ Кирхгейма, предназначалъ своего сына къ тому, чтобы онъ со временемъ наслѣдовалъ его занятія; однако какъ только молодой Мейеръ попалъ въ школу, то обнаружилъ, что его наклонности и дарованія готовили ему иное назначеніе. Имѣя руководителями одни школьные учебники, Мейеръ съ увлеченіемъ занялся разными математическими выкладками, на которыя у него уходило все свободное время, и это самое не разъ подавало поводъ къ неудовольствіямъ на него родителей. Побывавъ дважды въ полѣ съ землемѣромъ, онъ уже былъ въ состояніи указать ему новые, невѣдомые ему пріемы. Также бы-

[1]) О первой академической печати говорено выше, на стр. 85.

стро сталъ онъ снимать планы, копировать чертежи, уменьшать и увеличивать карты и т. д. Тогда заговорили о Мейерѣ какъ о мальчикѣ, одаренномъ удивительными способностями къ математикѣ; слухъ о немъ дошелъ до тотдашняго вюртембергскаго герцога, и онъ приказалъ воспитывать его на казенный счетъ. Отданный въ училище, Мейеръ въ одинъ годъ успѣлъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ скорѣе, чѣмъ другіе въ четыре, пять лѣтъ. Послѣ двухгодичнаго пребыванія въ гимназіи въ Штутгардтѣ, онъ поступилъ въ тюбингенскій университетъ, гдѣ, кромѣ математики, изучалъ еще богословіе и съ такимъ успѣхомъ, что потомъ около трехъ лѣтъ выполнялъ обязанности викарія. По словамъ Бильфингера, наставника его въ математикѣ и физикѣ, молодой Мейеръ былъ относительно успѣховъ противъ своихъ сотоварищей то же, что всадникъ на быстромъ конѣ въ сравненіи съ пѣшеходомъ; его смѣло можно было спрашивать все пройденное на лекціяхъ и непонятное для другихъ; а то, что иные едва понимали, ему было ясно вполнѣ.

Отправляясь въ Петербургъ для занятія мѣста во вновь учрежденной Академіи наукъ, Бильфингеръ взялъ съ собою талантливаго ученика своего въ качествѣ студента. Предъ отъѣздомъ его въ Россію, въ 1725 г., философскій факультетъ тюбингенскаго университета удостоилъ его званія магистра. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія при Академіи наукъ, президентъ ея Блюментростъ подписалъ, 29 января 1726 г., такое постановленіе: „понеже студентъ Мейеръ разныя пробы искусства своего объявилъ, того ради велѣно онаго въ Академію наукъ опредѣлить профессоромъ матезисъ чрезвычайнымъ и жалованья давать ему по 300 рублей на годъ“ [1]).

Бильфингеръ, разсказывая какъ увеличивались въ Мейерѣ его ученость и знанія подъ вліяніемъ общенія съ такими учеными и опытными въ дѣлѣ науки академиками, каковыми были Германъ, Делиль и другіе, упоминаетъ также и о педагогической заслугѣ молодаго ученаго: „въ похвалу Мейеру служитъ также и то, что ему выпала счастливая доля преподавать мате-

---

[1]) II, книга № 417.

матику младшему сыну валахскаго господаря Дмитрія Кантемира, князю Антіоху съ такимъ успѣхомъ, что онъ въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ сдѣлался знатокомъ геометріи и алгебры и нынѣ, предпринявъ путешествіе по Франціи, въ состояніи распространить въ Парижѣ славу о высшемъ русскомъ дворянствѣ и о высшемъ ученомъ учрежденіи. Письма, которыми въ продолженіе двухъ лѣтъ удостоивалъ этотъ князь Мейера изъ Москвы, суть лучшее доказательство его привязанности и образованія: на будущее время они послужатъ столько къ чести князя, сколько доставляли утѣшенія и радости Мейеру"...

Съ 1 января 1728 года ему было прибавлено 100 руб. къ получаемому имъ жалованью, съ обѣщаніемъ возвести при первомъ случаѣ въ званіе ординарнаго академика, но въ слѣдующемъ году Мейеръ впалъ въ тяжкую болѣзнь. При невыносимыхъ страданіяхъ, онъ находилъ себѣ облегченіе, углубляясь или въ рѣшенія труднѣйшихъ математическихъ задачъ, или въ чтеніе: по этому грифель не выходилъ у Мейера изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ силахъ онъ держать его. Академикъ этотъ, наконецъ, умеръ 24 ноября 1729 года отъ болѣзни легкихъ и сердца. По свидѣтельству Бильфингера и Мюллера, кончина его возбудила искреннее сожалѣніе всей Академіи. 1 декабря 1729 года Шумахеръ писалъ къ Блюментросту: „Приложенное при семъ письмо отъ г. Бильфингера извѣститъ васъ объ утратѣ, понесенной Академіею со смертью покойнаго профессора Мейера, о чемъ и я сердечно соболѣзную. Это былъ ученый безъ шарлатанства и честный человѣкъ[1]"...

Статьи Мейера, напечатанныя въ Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: I, 351 — 367, De luce boreali. II, 12 — 30, Trigonometrica; 82 — 90, De planetarum stationibus; 180 — 187, De usu interpolationis in solstitiorum momentis indagandis. III, 28—53, De Arithmetica figurata ejusque usibus aliquot; 53—62, Propositiones cyclometricae aliquot. IV, 3—15, De orbita solis definienda; 25—30, De aequinoctiorum et solstitiorum momentis, nec non de obliquitate eclipticae observandis;

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 485.

31—37, Problema trigonometrico sphaericum; 121—130, De luce boreali. V, 3—10, Nova Methodus calculandi eclipses lunares; 25—32, Problemata trigono-sphaerica tria; 33—35, Singularis modus observandi siderum declinationes et altitudinem poli; 57—62, Problematis de stationibus planetarum casus alter.

Статья Мейера о сѣверномъ сіяніи въ русскомъ переводѣ напечатана въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728) стр. 84—99; тоже на нѣмецкомъ языкѣ въ первой части сборника: Physikalische und medicinische Abhandlungen der Academie der Wissenschaften in Petersburg, übersetzt von Mümler (Riga, 1782).

Кромѣ того, Мейеромъ составленъ календарь на 1728 годъ, первый, изданный въ Россіи отъ Академіи наукъ, и примѣчательный въ особенности тѣмъ, что въ немъ вопреки обычая, крѣпко державшагося въ тогдашнихъ календаряхъ, не было вовсе помѣщено предсказаній, такъ-какъ они найдены были неприличными въ изданіи, сдѣланномъ отъ ученаго общества. Однако, въ послѣдующихъ академическихъ календаряхъ снова появились предсказанія по тому уваженію, какъ объясняетъ Мюллеръ, что въ современномъ обществѣ возникъ непріязненный говоръ по поводу исключенія изъ календаря на 1728 годъ предсказаній, и Академія долгое время и послѣ не рѣшалась въ этомъ случаѣ „плыть противъ потока“, по выраженію Мюллера [1]).

ГРОССЪ, ХРИСТІАНЪ-ФРИДРИХЪ, экстра-ординарный академикъ по каѳедрѣ правоучительной философіи.

Извѣстія о немъ находятся: въ рукописи исторіографа Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, стр. 69, 70, откуда заимствовано княземъ М. А. Оболенскимъ въ статьѣ «Дополнительныя разысканія о судьбѣ книги Lettres Moscovites», Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ (Спб., 1862 г.),

---

[1]) Рукопись: Zur Geschichte der Akademie der Wissenshaften 178.

III, 5, 6; Библіографическія записки, 1859 года, № 18, 545—553, «Свѣдѣнія объ авторѣ книги Lettres Moscovites»; также въ книгѣ «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ» (Спб., 1862 г.), 480—483 и 257.

Христіанъ Гроссъ, уроженецъ тогдашняго вюртембергскаго герцогства, тюбингенскій студентъ и слушатель лекцій Бильфингера, прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1725 г. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 29 января 1726 г., тогдашній президентъ Академіи наукъ Блюментростъ сдѣлалъ распоряженіе: „понеже студентъ Гроссъ разныя пробы искусства своего объявилъ, того ради велѣно онаго въ Академіи наукъ опредѣлить профессоромъ философіи нравоучительныя чрезвычайнымъ", съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ [1]).

Въ 1726 и 1727 годахъ Гроссъ представилъ нѣсколько диссертацій по своей наукѣ [2]) и объяснялъ на лекціяхъ объ обязанностяхъ гражданина и человѣка по Пуффендорфу. Кромѣ того, въ 1726 г. онъ былъ посланъ въ Ревель для наблюденія за печатаніемъ тамъ рѣчей, произнесенныхъ въ первомъ торжественномъ засѣданіи Академіи 27 декабря 1725 г., такъ-какъ въ то время академическая типографія въ Петербургѣ не была еще устроена (см. выше, стр. 85 и 86).

У Гросса слушалъ нѣкоторое время лекціи князь Антіохъ Кантемиръ. Нѣсколько времени спустя, онъ, будучи посланникомъ, изъ благодарности къ прежнему своему наставнику, принялъ на службу въ русское посольство брата его, Генриха Гросса, котораго, выучивъ потомъ по-русски, вообще поощрялъ своимъ покровительствомъ [3]). Въ 1727 г. при Академіи начали издаваться Санктпетербургскія Вѣдомости и, по свидѣтельству Мюллера, первые шесть мѣсяцовъ эту газету составлялъ Гроссъ [4]).

---

[1]) II, книга № 417.

[2]) Онѣ перечислены въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, «Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ по составленію исторіи Академіи наукъ», стр. 22.

[3]) Кантемиръ, въ бытность свою заграницею, переписывался съ Христіаномъ Гроссомъ. Два письма послѣдняго напечатаны въ Сочиненіяхъ, письмахъ и избранныхъ переводахъ князя Кантемира, издан. подъ редакціею г. Ефремова (Спб., 1868 г.), II, 431—433.

[4]) Рукопись Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 129.

Кромѣ занятій по Академіи, Гроссъ сдѣлался домашнимъ наставникомъ дѣтей графа Андрея Остермана, почему въ 1728 году отправился съ нимъ въ Москву. Отъ этого времени уцѣлѣло нѣсколько писемъ Шумахера къ Гроссу[1], который жилъ въ Москвѣ въ домѣ графа Остермана. Академическій библіотекарь обращался уже тогда къ Гроссу, какъ человѣку, имѣющему вѣсъ, такъ-какъ онъ передавалъ въ Академію приказанія графа Остермана касательно помѣщенія въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ разныхъ политическихъ извѣстій, также о печатаніи учебныхъ руководствъ для императора Петра II. Между прочимъ, Гроссъ просилъ о напечатаніи перевода бывшаго своего ученика, князя Кантемира, на что Шумахеръ, 30 сентября 1731 года, отвѣчалъ: „Если князю Кантемиру будетъ угодно переслать мнѣ свой переводъ книги Фонтенеля De la pluralité des mondes, то я тотчасъ же озабочусь о печатаніи. Только я бы предварительно желалъ знать, одобрилъ-ли это его графское сіятельство (Остерманъ), а также его преосвященство архіепископъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ), потому что книга такого содержанія, что ее нельзя напечатать безъ министерскаго разрѣшенія[2]).

Сейчасъ названный архіепископъ новгородскій былъ въ сношеніяхъ съ Гроссомъ и называлъ его своимъ пріятелемъ и другомъ[3]). Въ письмахъ Гросса къ Байеру[4]) нерѣдко упоминается объ этомъ іерархѣ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ своемъ письмѣ, отъ 3 февраля 1729 года, въ постскриптумѣ Гроссъ

---

[1]) Эти письма вошли въ рукописный сборникъ г. Свенске.

[2]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 778. Переводъ Кантемира переданъ Гроссомъ Шумахеру только въ 1738 г. (Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, изданные подъ редакціею г. Ефремова, II, 328). Что опасенія Шумахера о печатаніи этого труда Кантемира были не безосновательны, то доказываетъ доносъ, сдѣланный на переводъ, какъ на безбожное произведеніе, гораздо послѣ появленія его въ свѣтъ, именно въ 1757 году. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1867, книга I, смѣсь, 7, 8: «Докладъ синода императрицѣ Елисаветѣ о книгахъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности».

[3]) Тридцать четвертое и послѣднее присужденіе демидовскихъ наградъ (Спб., 1866 г.) «Разборъ сочиненія Ѳеофанъ Прокоповичъ», страница 139.

[4]) Они хранятся въ архивѣ академической конференціи, въ связкѣ, озаглавленной—Bayeriana, № 71.

упоминаетъ о сочиненіи, надѣлавшемъ въ свое время много шума — о Камнѣ вѣры: „О книгѣ Стефана Яворскаго три главныхъ мнѣнія: такъ много подраздѣленій въ религіозныхъ мнѣніяхъ между здѣшними, особенно знатными и духовными! Вы сами знаете, что многіе склоняются къ принципамъ E. R. P. (за тѣмъ слѣдующее слово зачеркнуто, но, кажется, нельзя ошибиться, что здѣсь рѣчь идетъ о Ѳеофанѣ = Episcopus reverendissimus Procopowitz) признать необходимость реформаціи Л., а наконецъ, есть такіе, которые заботятся объ одномъ не болѣе, какъ о другомъ. Haec tibi: eoram olim plura."

Гроссъ передавалъ письма Байера Ѳеофану Прокоповичу, который хлопоталъ о доставленіи доступа Гроссу въ патріаршую библіотеку для списанія первыхъ листовъ рукописи Гезіода. При объясненіи русскихъ монетъ, Гроссъ надѣялся пользоваться латинскимъ извлеченіемъ изъ Степенной книги, надъ которымъ давно работалъ архимандритъ Ѳеофилъ Кроликъ (котораго Гроссъ называетъ Grulik).

24 іюля 1730 г. Гроссъ писалъ къ Байеру: „предъ нѣсколькими днями появились въ Москвѣ годичные теологическіе тезисы здѣшней такъ называемой Академіи, то есть Спасскаго монастыря. Тезисы были вырѣзаны въ нижней части гравюры, которой верхняя часть занята была разными шутовскими фигурами. Лютеръ, Кальвинъ, Несторій, Македоній стоятъ на одной сторонѣ: ихъ имена подписаны подъ ними. Папа стоитъ на другой, между Магометомъ и Сабелликомъ; передъ устами каждаго основное положеніе (effatum) его религіи. Патеръ Рибера произнесъ по этому случаю очень остроумную рѣчь въ аудиторіи, такъ-какъ онъ долженъ былъ возражать, и господа архіереи говорили ему, какъ онъ разсказывалъ, что это произошло безъ ихъ вѣдома, и что они нисколько не одобряютъ пикантнаго изобрѣтенія архимандрита".

„Нашъ (sic) архіепископъ новгородскій будетъ имѣть честь угощать ея императорское величество въ субботу уже въ другой разъ, какъ я слышу, въ его небольшомъ помѣстьѣ и загородномъ домѣ близь Москвы — Владыкинѣ"...

4 февраля 1731 года: „передъ нѣсколькими днями я полу-

чилъ отъ его преосвященства ваше печатное посвященіе[1]) и передалъ г. Гмелину, чтобы онъ его переслалъ къ вамъ. Его преосвященство не только вполнѣ доволенъ имъ (за исключеніемъ развѣ похвалъ, которыя скромность его считаетъ черезчуръ преувеличенными), но и желаетъ, чтобы книгу скорѣе самому увидѣть"...

7 іюня 1731 года: „г. архіепископъ просилъ меня извинить его предъ вами, что онъ еще не отвѣтствовалъ на ваше прежнее письмо, а въ особенности, что не выразилъ должной благодарности за прекрасное посвященіе. Каждый день онъ хотѣлъ это исполнить, и каждый день были ему въ томъ препятствія по случаю дѣлъ и посѣщеній. Между тѣмъ онъ тотчасъ же, въ моемъ присутствіи, велѣлъ принести изъ своей библіотеки печатный экземпляръ Филона, а также древнюю рукопись его изъ патріаршей библіотеки. До сихъ поръ я не узналъ, удалось-ли послѣ статскому совѣтнику Татищеву (Гроссъ называетъ его Datischof) пріискать грека, который былъ бы въ состояніи сравнить ихъ между собою и отмѣтить варіанты чтенія. Можетъ быть объ этомъ онъ самъ написалъ къ вамъ, какъ обѣщалъ. Архіепископъ живетъ отъ меня очень далеко, такъ-что мнѣ нужно часъ ѣзды, еслибы я захотѣлъ къ нему ѣхать. И такое путешествіе я на этой недѣлѣ дѣлалъ два раза напрасно: одинъ разъ онъ былъ при дворѣ, другой разъ—въ своемъ имѣніи. Сколько мнѣ извѣстно, здѣсь въ Москвѣ нѣтъ такого грека, который бы достаточно разумѣлъ древній греческій языкъ и которому бы можно было поручить эту работу, за исключеніемъ бывшаго до сихъ поръ греческимъ профессоромъ въ Спасскомъ монастырѣ Алексѣя Барсова, который теперь директоромъ здѣшней типографіи—это человѣкъ скромный, прилежный и разумный. Я его уже предлагалъ г. статскому совѣтнику, такъ-какъ ему передалъ ваше письмо. Однако надобно узнать, есть-ли у Барсова время просмотрѣть и сравнить такую большую рукопись съ печатнымъ фоліантомъ. Можетъ быть вы знаете что-нибудь о томъ, что желаетъ оттуда имѣть г. архіепископъ Бензеліусъ

---

[1]) Посвященіе Ѳеофану помѣщено при сочиненіи Байера Museum Sinicum.

(польза указанія нѣкоторыхъ варіантовъ можетъ быть далеко неравною съ великимъ трудомъ, а стало-быть и съ слѣдующимъ за него вознагражденіемъ), и это бы включилъ въ уговоръ г. статскій совѣтникъ"...

$^{13}/_{24}$ іюля 1731 года: „... сегодня имѣлъ случай узнать отъ г. статскаго совѣтника, что онъ уже уговорился съ г. архіепископомъ, если только вамъ угодно будетъ въ двухъ строчкахъ одобрить предложенный имъ совѣтъ для окончанія къ вашему удовольствію дѣла о манускриптѣ: г. статскій совѣтникъ хочетъ оставить въ патріаршей библіотекѣ свою рукопись въ залогъ, а вамъ переслать самый манускриптъ".

12 іюля 1731 года: "... я еще не знаю, побѣдилъ-ли г. статскій совѣтникъ Татищевъ трудности касательно пересылки Филона, и дѣйствительно-ли послалъ его. Онъ думалъ, что ему необходимо для своей безопасности поручительство отъ Академіи; но я ему представлялъ, что когда только выбранъ вѣрный случай перевезти туда и обратно рукопись, то стало-быть нѣтъ никакой опасности, а слѣдовательно и надобности въ поручительствѣ: противъ пожара и подобныхъ тому несчастныхъ случаевъ, которые не въ человѣческой волѣ, никто не въ состояніи представить порукъ. Г. архіепископъ новгородскій безъ сомнѣнія отправится въ Петербургъ со дворомъ".

„Трудъ, который вы имѣете у себя въ рукахъ касательно русской исторіи, найдетъ великое одобреніе. Поощряемый многими любителями, я уже два года тому назадъ составилъ по русской исторіи краткія хронологическія таблицы и тѣмъ облегчилъ пользованіе Степенною книгою или русскими лѣтописями. Можетъ быть онѣ послужатъ къ тому, чтобы исправлять встрѣчающіяся тамъ ошибки. Я ихъ сегодня послалъ чрезъ г. Гмелина къ г. Шумахеру подъ академическою печатью.

„Русскія лѣтописи въ обозначеніи годовъ событій, случившихся за два или за три столѣтія, несходны иногда между собою, такъ-что необходимо тамъ, гдѣ нужна точность, прибѣгать къ помощи греческихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и шведскихъ историковъ"...

5 августа 1731 года: „что касается моихъ хронологическихъ

таблицъ, то дѣлайте изъ нихъ что вамъ угодно, если только получу ихъ назадъ. Когда г. Шумахеръ захочетъ прочесть ихъ въ конференціи, то не открывайте моихъ тамъ ошибокъ. Вѣроятно другихъ мнѣ нечего слишкомъ страшиться; но я не желалъ бы, хотя невѣрю тому, чтобы онъ (Шумахеръ) намѣревался ихъ издать въ свѣтъ, потому что для того потребовалось бы болѣе времени и книгъ, чѣмъ я имѣю ихъ въ Москвѣ".

20 сентября 1731 г. Гроссъ жалуется, что въ Москвѣ достать нельзя Museum sinicum Байера: было прислано всего пять экземпляровъ въ апрѣлѣ; они всѣ тогда же разошлись, и послѣ ихъ нельзя было никакъ достать.

„Я, продолжалъ Гроссъ, уже давно извѣщалъ г. Шумахера, что здѣсь найдется много любителей, какъ на эту, такъ и на другія академическія книги, которыя имѣли бы хорошій сбытъ, если бы каждый покупатель не принужденъ былъ посылать по двадцати разъ напрасно къ такъ называемому Василью Васильевичу Купріянову, которому поручена эта продажа: его никогда нѣтъ дома, такъ-какъ цѣлый день онъ занимается устроенными имъ кирпичными заводами и другими подобными промыслами.

$\frac{\text{21 октября}}{\text{1 ноября}}$ 1731 года: „... его сіятельство г. графъ Остерманъ выражалъ великое удовольствіе за присланный ему экземпляръ (Museum sinicum), напечатанный на прекрасной бѣлой почтовой бумагѣ и присланный ко мнѣ отъ г. библіотекаря Шумахера. Между тѣмъ мнѣ досадно, что есть, какъ я слышалъ отъ его сіятельства, въ нашей Академіи такіе, которые о немъ дурно отзываются и жалуются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что будто они не касаются нѣкоторыхъ непорядковъ, происходящихъ въ Академіи, и не смѣютъ о томъ жаловаться изъ опасенія его сіятельства. Онъ не знаетъ чѣмъ заслужилъ подобные отзывы, такъ-какъ, по своей возможности, всегда старался до сихъ поръ содѣйствовать пользамъ Академіи, почему тѣмъ менѣе предполагалъ такія рѣчи отъ членовъ Академіи"...

Въ тѣхъ же письмахъ Гросса нерѣдко заходила рѣчь о князѣ Антіохѣ Кантемирѣ, который намѣревался переслать Байеру рукописное сочиненіе князя Дмитрія Кантемира о его

отцѣ и дѣдѣ молодаго князя (см. выше, стр. 194). При этомъ Ильинскій обязанъ былъ передать Байеру болѣе двадцати мѣдныхъ досокъ, на которыхъ, подъ надзоромъ еще князя Дмитрія, вырѣзаны изображенія турецкихъ султановъ. Кромѣ того князь Антіохъ, собираясь ѣхать во Францію чрезъ Петербургъ (въ 1731 г.), хотѣлъ передать Байеру портретъ своего отца.

Въ 1731 году Гроссъ окончательно выбылъ изъ Академіи, получивъ званіе секретаря посольства брауншвейгъ-вольфенбюттель-бланкенбургскаго двора въ Петербургѣ, что было ему предложено отъ посланника при Петрѣ II, барона Крама. Изъ современныхъ извѣстій можно замѣтить, что Гроссъ продолжалъ пользоваться довѣренностью графа Остермана и иногда, по порученію его, писалъ разныя дѣловыя бумаги. Это самое было причиною его трагической кончины.

Весною 1741 года русскому правительству было передано чрезъ англійскаго министра извѣстіе, что Франція оказываетъ дѣятельное содѣйствіе Швеціи, готовившейся тогда вступить въ войну противъ Россіи; что она намѣрена, въ случаѣ успѣха, помогать вступленію на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны и что послѣдняя находится, при посредствѣ своего медика, въ тайныхъ сношеніяхъ съ французскимъ министромъ, маркизомъ де-ла-Шетарди. Изъ этого извѣстія Остерманъ составилъ извлеченіе и велѣлъ переписать его Гроссу для правительницы Анны Леопольдовны, а она хотѣла показать это цесаревнѣ Елисаветѣ[1]). Когда послѣдняя дѣйствительно вступила

[1]) Бумагѣ этой, при слѣдствіи надъ Остерманомъ, придавали такую важность, что въ современномъ дѣлопроизводствѣ отмѣчены измѣненія, сдѣланныя Остерманомъ въ извлеченіи противъ подлинника, а именно: «1) въ подлинномъ письмѣ значитъ, что онъ, министръ (англійскій — Финчъ), тѣ предосторги объявляетъ изъ партикулярной преданности къ принцессѣ мекленбургской (т. е. къ Аннѣ Леопольдовнѣ) и къ ея двору, а ты (Остерманъ) написалъ вм. принцессы—государю. 2) Въ подлинномъ изображено, что показанное въ томъ письмѣ дѣло производится по согласію ея императорскаго величества нынѣ счастливо владѣющей государыни императрицы (Елисаветы) и по сношенію съ французскимъ и шведскимъ министрами; которое-де сношеніе производилось чрезъ нѣкотораго французскаго лекаря, а въ экстрактѣ ты собою прибавилъ имя Лештока.. 3) Въ подлинномъ написано, что чрезъ то намѣреніе вся сѣверная страна шведамъ въ руки попасться можетъ, а въ экс-

на престолъ, то при начавшихся тогда изслѣдованіяхъ отыскалось и это извлеченіе, на которое обратили особенное вниманіе, такъ-что Остермана допрашивали: „профессора Гросса въ какихъ шпіонствахъ, къ какой тайной корреспонденціи и съ кѣмъ именно ты употреблялъ? съ чѣмъ его къ бывшему генералиссимусу повседневно посылывалъ и о чемъ съ нимъ долговременно конферировалъ?“ На это Остерманъ отвѣчалъ: „профессоръ Гроссъ жилъ въ домѣ его болѣе десяти лѣтъ для обученія дѣтей его, Остермана, а ни въ какую корреспонденцію не употреблялъ. А когда былъ онъ при герцогѣ Антонѣ браун-швейгъ-люнебургскомъ, тогда онъ употребляемъ былъ въ его дѣла и къ нему жъ, Остерману, присыланъ былъ для требованія на его предложенія и мнѣнія, на которыя съ нимъ мнѣнія письменно посылалъ и словесно приказывалъ, и токмо говаривалъ съ нимъ о тѣхъ дѣлахъ, съ чѣмъ онъ отъ герцога присыланъ былъ, а объ иномъ ни о чемъ съ нимъ не говаривалъ. Что же его, Гросса, руки письмо по касающемуся по тридцать пятому пункту дѣлу нашлось [1]), и то не по тому, чтобъ онъ, Гроссъ, съ такимъ дѣломъ къ герцогу отъ него, Остермана, посланъ былъ, но когда аглицкой министръ, будучи при дворѣ, ту вѣдомость сообщилъ, и тогда онъ, Гроссъ, который у герцога по всѣмъ дѣламъ былъ повѣренъ, списалъ копію своею рукою“...

Когда слѣдователи обратились по этому обстоятельству къ самому Гроссу, то онъ далъ такое показаніе: „у графа Остермана жилъ онъ по такой причинѣ, что когда онъ еще въ академіи профессоромъ, а г. Блюментростъ надъ оною президентомъ былъ, то онъ, Блюментростъ, приказывалъ ему, Гроссу, у графа Остермана дѣтей его учить. И такъ онъ съ того времени у графа Остермана жилъ. Между тѣмъ, въ бытность его, Гросса, у него случалось, что онъ Гроссъ, его собственныя письма и другія піесы, которыя онъ ему повелитъ, писывалъ; отъ него,

трактѣ тобою къ тѣмъ рѣчамъ еще прибавлено, что оное намѣреніе Россіи вредительно, которая де отъ того въ непріятельскія руки попасть можетъ».

[1]) Въ 35-мъ пунктѣ рѣчь шла о письмѣ, въ которомъ Совпланъ изъ Брюсселя сообщалъ о замыслахъ Елисаветы овладѣть престоломъ при помощи Швеціи и Франціи.

Остермана, къ бывшему генералиссимусу былъ часто посыланъ и отъ генералиссимуса къ графу Остерману отвѣтъ принашивалъ о разныхъ дѣлахъ, на примѣръ: скоро-ли начнется съ Швеціею война? тотъ или другой полкъ сюда или туда прибылъ или нѣтъ? о заплатѣ сложенныхъ по кончинѣ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны подушныхъ денегъ и въ другихъ дѣлахъ, о которыхъ все подробно сказать не упомнитъ, пересказывая мнѣнія отъ одного другому".

Между тѣмъ изъ отвѣтовъ бывшаго директора канцеляріи герцога Антона Брауншвейгскаго, Граматина сдѣлалось извѣстно, что Гроссъ совѣтовалъ однажды герцогу уничтожить прокуроровъ на томъ основаніи, что „генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой докладомъ своимъ о тѣхъ прокурорахъ представлялъ для своего облегченія, а въ нихъ-де кажется, что дальней нужды не имѣется". Генералъ-прокуроромъ и послѣ возшествія на престолъ Елисаветы оставался тотъ же князь Трубецкой, который принималъ усердное участіе въ розыскахъ надъ недавно бывшими его начальниками и сослуживцами, а потому неудивительно, что Гроссу не прошелъ даромъ помянутый совѣтъ. „Понеже ты, предложено было ему на допросѣ, всегда былъ у бывшаго генералиссимуса герцога Антона Брауншвейгъ-Люнебургскаго въ его тайныхъ совѣтахъ, и оные ему представлялъ не токмо по иностраннымъ дѣламъ, но и по всѣмъ, какъ по внутреннимъ, которыя касались до правленія россійской имперіи, такъ по его герцоговой походной канцеляріи, когда по оной случалось о какихъ дѣлахъ докладывать: о воинскихъ дѣйствіяхъ, о распорядкахъ полковъ и о прочемъ, что до того касалось; а особливо, когда отъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и генералъ-прокурора, князя Трубецкаго о опредѣленіи прокуроровъ поданъ былъ докладъ, тогда ты ему, герцогу, представлялъ, якобы при государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прокуроровъ не было, и генералъ-де прокуроръ о опредѣленіи ихъ представляетъ для своего облегченія, а въ нихъ дальней нужды не имѣется. По которому твоему представленію предложеніемъ означеннаго герцога опредѣленные въ прокуроры высланы въ прежнія команды и отъ настоящаго

своего правленія отлучены. А понеже тотъ чинъ по особливому, высочайшему соизволенію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества государя Петра Великаго учрежденъ, яко весьма нужный въ немалой повѣренности, и при жизни государыни императрицы Анны Іоанновны не токмо отставленъ, но именнымъ ея императорскаго величества указомъ возобновленъ, и какъ генералъ-прокуроръ, такъ и прокуроры имѣлись; а по тестаменту ея величества, регенту правленіе поручено, чтобъ поступать ему по государственнымъ правамъ и по указамъ ихъ величествъ; на такомъ основаніи, по низверженіи регента, и принцесса Анна въ правленіе имперіи вступила—того ради объявить тебѣ истинную правду, безъ всякаго закрывательства, въ каковыя, не подлежащія тебѣ, а особливо, яко незнающему внутреннихъ, государственныхъ дѣлъ человѣку, дѣла ты вступался, и особливо вышеописанными своими представленіями о опроверженіи въ свѣтѣ славнаго монарха его императорскаго величества Петра Великаго указовъ старался собою-ль, или по чьему наученію и для какого умысла?“

Гроссъ отвѣчалъ, что „такія слова о прокурорахъ онъ говорилъ или нѣтъ — не помнитъ. А по обличеніи на очной ставкѣ отъ Граматина, онъ, Гроссъ, въ тѣхъ словахъ признался, что оныя говорилъ. И тако въ томъ, что онъ, Гроссъ, во внутреннія дѣла, въ противность общихъ правъ мѣшался и въ томъ свою должность пренебрегъ, въ томъ признаваетъ себя винна и проситъ милостиваго помилованія. При томъ онъ, Гроссъ, сказалъ, что предъ нѣсколькими недѣлями, а именно въ первый день по арестованіи графа Остермана, имѣющіяся отъ него для корреспонденціи цифирныя азбуки и другія нѣкоторыя письма сжегъ, опасаясь себѣ чего противнаго. А имѣющіеся у него присланные къ нему отъ герцога брауншвейгскаго на чинъ легаціонсъ-рата кредитивы предъ тремя недѣлями отдалъ онъ пріѣзжающему къ нему для леченія болѣзни его доктору Кемфу, прося, чтобъ онъ оные кредитивы подалъ его свѣтлости ландграфу, принцу гессенъ-гомбургскому, чтобъ оный по тому ея императорскому величеству представилъ о томъ, по какой онъ, Гроссъ, причинѣ здѣсь обрѣтается. А прежде сего тѣхъ креди-

тивовъ для того онъ не подалъ, что для своей всегдашней болѣзни былъ намѣренъ здѣсь не остаться, но къ своему двору ѣхать".

Эти отвѣты Гроссъ давалъ 28 декабря 1741 г., а 2 января 1742 г. французскій посланникъ доносилъ своему двору: „нѣкто по имени Гроссъ (который былъ подъ карауломъ дома у себя, а прежде находился учителемъ дѣтей графа Остермана и его повѣреннымъ и получилъ, благодаря его покровительству, дипломъ на званіе секретаря брауншвейгскаго посольства, никогда не бывши его представителемъ) сознавалъ себя на столько виноватымъ (?), что страшась заслуженнаго (?) наказанія, застрѣлился изъ пистолета, выходя изъ-за стола". Между тѣмъ академикъ Крафтъ, сообщая о томъ же Эйлеру 7 января 1742 года, прибавлялъ: „такому отчаянному поступку, вѣроятно, была причиною у Гросса густота крови; потому что по всѣмъ признакамъ онъ былъ бы скоро освобожденъ"...[1])

Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ[2]) есть списокъ рукописей, принадлежавшихъ Христіану Гроссу. Изъ переписки академической канцеляріи видно, онѣ онѣ поступили въ академическую библіотеку. Между ними особенно любопытна донынѣ хранящаяся тамъ рукопись въ 4°: Institutiones Philosophiae rationalis seu Logicae, conscriptae in gratiam celsissimi Principis Antiochi Cantemirii. 1726. О наслѣдованіи послѣ Гросса братьями его писалъ князь Кантемиръ къ Шумахеру $\frac{\text{11 ноября}}{\text{31 октября}}$ 1742 г.[3]). 12 сентября 1748 г., согласно оцѣнкѣ рукописей академикомъ Мюллеромъ, за нихъ было выдано брату Гросса, который былъ въ службѣ герцога вюртембергскаго, 100 рублей[4]).

Братъ Гросса, Генрихъ, начавшій службу при князѣ Кантемирѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ Lettres moscovites, съ возраженіями противъ нихъ, писанными этимъ княземъ, что было

---

[1]) I, Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744.

[2]) Портфель исторіографа Миллера подъ № 240, статья 19.

[3]) Сочиненія, письма и избранные переводы Князя Кантемира, изданные подъ редакціею г. Ефремова, II, 334, 335.

[4]) I, Входящія письма 1744—1747 годовъ и II, книга №№ 73 и 121.

издано въ 1738 году, подъ заглавіемъ: Die so genannte Moscowitische Brieffe, oder die wider die löbliche Russische Nation von einem aus der andern Welt zurückgekommenen Italiäner ausgesprengte abendtheuerliche Verläumdungen und Tausend-Lügen aus dem französischen übersetzt, mit einem zulänglichen Register versehen, und dem Brieffsteller so wohl, als seinen gleichgesinnten Freunden, mit dienlichen Erinnerungen wieder heimgeschickt von einem Teutschen".

Жизнеописаніе Генриха Гросса составлено Бантышъ-Каменскимъ[1]). Этотъ Гроссъ умеръ бездѣтнымъ въ званіи русскаго полномочнаго министра въ Лондонѣ, а племянница его была замужемъ за барономъ Бюлеромъ. У одного изъ потомковъ его, гофмейстера барона Ѳ. А. Бюлера хранятся нынѣ портретъ Генриха Гросса и любопытныя замѣтки племянника его Ѳ. И. Гросса, который служилъ при своемъ дядѣ, когда тотъ былъ русскимъ резидентомъ при дворѣ Фридриха II, и написалъ въ этихъ замѣткахъ опроверженія противъ разныхъ невѣрностей, допущенныхъ послѣднимъ въ знаменитомъ его сочиненіи Histoire de mon temps.

ЛЕЙТМАНЪ, ІОГАННЪ-ГЕОРГЪ, академикъ по каѳедрѣ механики и оптики.

Краткія извѣстія о немъ: C. G. Jocher's Allgemeines Gelehrten Lexicon, II, 2412; J. C. Adelung's und H. W. Rotermund's Fortsetzung und Ergäntzungen zu Jocher's Gelehrten Lexicon, III, 1732, 1733; здѣсь перечислены печатныя сочиненія и статьи его. О приглашеніи Лейтмана въ петербургскую Академію наукъ: Briefe von Christian Wolf aus den Jahren 1719—1753 (см. тамъ въ указателѣ подъ именемъ: Leutmann). Въ архивѣ академической конференціи, есть собственноручная автобіографія его, подъ заглавіемъ: Curriculum vitae wie solches auf Begehren Herrn P. S. Marpurgers Hoff-und Commercien Raths in Dresden aufgesetzet und überschickt worden An. 1719 d. Februar. Мюллеръ занесъ нѣсколько подробностей о Лейтманѣ и его трудахъ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 65, 66, 221, 223, 284, 286, 317, 318.

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли (Спб., 1847), I, 452—458.

Лейтманъ родился въ Виттенбергѣ, принадлежавшемъ тогда Саксоніи, 30 ноября 1667 году и получилъ образованіе въ тамошнемъ университетѣ, который удостоилъ его званія магистра философіи. По желанію родителей, богословскія науки были главнымъ предметомъ его занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ еще время заниматься медициною, физикою, къ которымъ у него съ дѣтства была особливая склонность, и математикою. „Такъ-какъ я, говоритъ Лейтманъ съ своей автобіографіи, вовсе не былъ любителемъ большихъ обществъ, притомъ съ молодости не могъ пить пива, а отъ пьянства у меня до сей минуты природное отвращеніе, то искалъ я иныхъ развлеченій; между прочимъ, прилежалъ къ enchirises mechanicas и принялся обучаться работамъ изъ мѣди и стали"…. Въ 1694 году, онъ получилъ мѣсто пастора въ Дабрюннѣ не далеко отъ Виттенберга. Здѣсь, кромѣ занятій по должности, Лейтманъ сталъ изучать сельское хозяйство и земледѣліе, но скоро потомъ попеченіе о нихъ предоставилъ своей женѣ. „Я, говорилъ онъ, увидалъ, что земледѣліе и науки не очень уживаются другъ съ другомъ; но споспѣшествовать первому и оставить послѣднія не согласовалось съ моею природою. Такъ мнѣ крайне было досадно, что многіе духовные охотнѣе прилежали къ земледѣлію, чѣмъ къ наукамъ и потому мало уважили разумныя бесѣды и сами были неспособны посѣщать таковыя"… Передавъ хлопоты по хозяйству женѣ, Лейтманъ завелъ сношенія съ учеными, пользовавшимися извѣстностью по любимымъ имъ наукамъ, устроилъ у себя механичестую мастерскую, небольшую химическую лабораторію и пр. Первое печатное произведеніе Лейтмана Vollständige Nachricht von Uhren явилось въ 1718 году, и затѣмъ въ слѣдующихъ годахъ имъ напечатаны одно за другимъ нѣсколько сочиненій, которыя доставили извѣстность автору ихъ. По свидѣтельству самого Лейтмана [1]), о печатныхъ трудахъ его зналъ Петръ Великій чрезъ графа Брюса, и государь приглашалъ Лейтмана въ Россію, но на это

[1]) Ученыя записки Академіи наукъ по I и III отдѣленіямъ, III, 686.

не согласились саксонскіе тайный совѣтъ и коллегія оберъ-консисторіи.

Блюментростъ узналъ о Лейтманѣ, какъ объ ученомъ, свѣдущемъ въ механикѣ и оптикѣ, отъ академика Германа, а потому въ 1725 году просилъ Христіана Вольфа оказать содѣйствіе къ приглашенію Лейтмана въ Петербургъ во вновь учреждавшуюся Академію. Изъ переписки, возникшей по этому поводу, видно, что Лейтманъ не могъ скоро оставить Дабрюнна, такъ-какъ у него было большое хозяйство; кромѣ того явились нѣкоторыя съ его стороны затрудненія касательно содержанія. 8 марта 1726 года Блюментростъ, недовольный медленностью переговоровъ съ Лейтманомъ, писалъ къ Вольфу: „я очень хорошо вижу, что чѣмъ болѣе ему даютъ, тѣмъ болѣе онъ хочетъ имѣть“. Вольфъ на это отвѣчалъ, 12 апрѣля 1726 года: „г. Лейтманъ, сколько я его знаю, хорошій и честный человѣкъ, только не умѣетъ онъ пользоваться счастіемъ и, кажется, возымѣлъ о себѣ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ прежде“.... Наконецъ контрактъ съ Лейтманомъ былъ подписанъ 25 апрѣля 1726 года: въ силу его, онъ долженъ былъ получать 900 р. въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія, а въ случаѣ смерти, жена его имѣла получать по 250 рублей, если бы оставалась въ Россіи. Новый академикъ прибылъ въ Петербургъ моремъ изъ Любека 2 іюля 1726 года, и здѣсь началъ заниматься устройствомъ и усовершенствованіемъ разныхъ машинъ и инструментовъ, которые онъ, по свидѣтельству Мюллера, всегда дѣлалъ самъ. О подобныхъ работахъ и изобрѣтеніяхъ онъ въ академическихъ засѣданіяхъ сообщалъ своимъ сочленамъ. Кромѣ того, въ государственномъ архивѣ хранится статья его 1726 и 1727 годовъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и современный „Переводъ съ нѣмецкаго на русской съ поданнаго вѣдѣнія отъ г. профессора Ягана Георгія Лейтмана о пробѣ ефимочнаго серебра съ легатурою, новой инвенціи“. Въ 1727 г. ему отданъ былъ для обученія ученикъ Андрей Матвѣевъ. Лейтманъ, замѣтивъ въ немъ „къ механикѣ великую склонность и охоту“, кромѣ обученія его искусству точить и гранить стекла по его, Лейтмана, способу, преподавалъ Матвѣеву механику, геометрію и проч.,

такъ-что послѣдній могъ приготовлять, подъ надзоромъ академика, всѣ изобрѣтенныя имъ машины. Впослѣдствіе у Лейтмана учился другой ученикъ Петръ Ремезовъ [1]).

Въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ, 24 февраля 1729 года, Лейтманъ сообщилъ описаніе имъ изобрѣтенныхъ и самимъ приготовленныхъ вѣсовъ безъ стрѣлки, которые превосходили своей чувствительностью всѣ до того времени извѣстные вѣсы. Кромѣ того, онъ тогда показывалъ сработанный имъ же оптическій фокусъ—Polyedrum, въ которомъ видны были изображенія русскаго герба и императора Петра II. О послѣднемъ была также помѣщена статья въ академическихъ Комментаріяхъ, чѣмъ Лейтманъ однако былъ недоволенъ. Въ 1731 году Лейтманъ, въ собственноручной запискѣ [2]) о прибавкѣ ему содержанія, писалъ, что во время пребыванія его въ Петербургѣ имъ изобрѣтены и составлены:

„Пробирные вѣсы необыкновенной точности.

„Особенные вѣсы, названные отъ меня петербургскими.

„Въ высшей степени очищенное химическимъ способомъ серебро: чистота его доказана совершенно неизвѣстною до сихъ поръ пробою, и потомъ вѣрно отыскана gravitas specifica серебра.

„Проба, при помощи нивелировки, чтобы найти въ лотахъ и гранахъ точнѣйшее содержаніе серебра: чрезъ это монеты могутъ быть оцѣниваемы, безъ поврежденія чекана, что́ очень полезно при древнихъ и рѣдкихъ монетахъ.

„Исправленіе зажигательныхъ стеколъ съ большою параболическою линіею, что́ совершенно пришло въ упадокъ, и при исправленіи требуется бо́льшее искусство, чѣмъ при дѣланіи вновь.

„Портретъ Петра II per polyedrum.

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 16, 17; Ученыя записки Академіи наукъ по I и III отдѣленію, III, 685.

[2]) Хранится въ государственномъ архивѣ и озаглавлена «Das an Ihro Hochgräffl. Excellence H. General von Münnich insinuirte unterthänige Memorial meine künftige conditionem vitae atque fortunae betreffend. Бумага безъ года, но въ ней говорится, что прошло почти пять лѣтъ послѣ заключенія съ Лейтманомъ контракта.

„Ясное доказательство, что металлы въ холодѣ сжимаются, а въ теплотѣ расширяются.

„Фантазма, представляющая славу, которая несется надъ статуею помянутаго императора.

„И другія многія изобрѣтенія, которыя считались за невозможныя, но мною исполнены.... Такъ-какъ теперь приближается моя старость, и я силы тѣла и духа употреблялъ досихъ поръ, по возможнести, службѣ ея величеству, а жить мнѣ остается не долго; также мои обязанности тяжелѣе, чѣмъ у моихъ прочихъ сочленовъ, потому что они работаютъ только головою и перомъ, а я тружусь головою, перомъ и тѣломъ въ одно и тоже время надъ сталью, мѣдью, стекломъ и деревомъ“.... то Лейтманъ по этимъ уваженіямъ просилъ къ получаемому имъ жалованью прибавить 400 рублей, чтобы можно было завести себѣ пару лошадей, такъ-какъ на старости ходить ему пѣшкомъ было уже очень тяжело; потомъ вмѣсто квартиры, отопленія и освѣщенія выдавать 200 рублей и всѣ его инструменты математическіе, механическіе и для шлифованія стеколъ купить послѣ его смерти для Академіи за 1000 руб. въ пользу дочери. Все помянутое содержаніе продолжать ему до кончины, хотя бы Академія почему либо и уничтожилась, и онъ не могъ бы за старостью покинуть Россію.

Какія были послѣдствія этой записки, въ современныхъ дѣлахъ не видно.

Въ томъ же 1731 г., этотъ академикъ принималъ участіе въ составленіи чертежа и размѣровъ большаго московскаго колокола[1]). Императрица Анна хотѣла, чтобы снова отлитъ былъ большой московскій колоколъ — этотъ памятникъ царствованія Бориса Годунова. Колоколъ этого царя имѣлъ въ себѣ десять тысячъ пудъ вѣса, а новый долженъ былъ вѣсить двѣнадцать тысячъ пудъ. Пожелали имѣть изъ Парижа рисунокъ и размѣры

---

[1]) Въ брошюрѣ П. Иванова: Историческія свѣдѣнія о большомъ колоколѣ, лежащемъ въ московскомъ Кремлѣ близъ Ивановской колокольни (Москва, 1835 г., въ 8°, 55 стр.) вовсе умолчено о подробностяхъ, которыя сообщены здѣсь на основаніи академическаго протокола 20 августа 1731 года и извѣстій изъ часто упоминаемой рукописи исторіографа Мюллера, 284, 285.

его, чтобы по нимъ могли вылить русскіе колокольные мастера. Молодой графъ Мюнихъ, бывшій тогда въ Парижѣ, обратился за тѣмъ къ члену парижской Академіи наукъ Жерменю. Когда этотъ въ первые услыхалъ о вѣсѣ, который хотѣли дать новому колоколу, то думалъ сначала, что это была шутка, но потомъ, разувѣренный графомъ Мюнихомъ, составилъ требованные отъ него рисунокъ и размѣры. По полученіи ихъ въ Петербургѣ, скоро было примѣчено, что они были слишкомъ малы сравнительно съ предположеннымъ вѣсомъ колокола. Фельдмаршалъ Мюнихъ получилъ повелѣніе разслѣдовать дѣло. Это могло быть исполнено при помощи точнаго вычисленія, и оно было поручено Мюнихомъ Лейтману. Трудно повѣрить, чтобы парижскій ученый могъ сдѣлать такой крупной промахъ, однако оказалось несомнѣннымъ, что еслибы выливать по парижскому проекту колоколъ, то онъ бы вѣсилъ не болѣе 4125 пудъ 23 фунтовъ. Такъ было доказано вычисленіемъ Лейтмана, о чемъ онъ представилъ Академіи въ засѣданіи 20 августа 1731 года статью, подъ заглавіемъ: „Berechnung des Profils von der Glocke an cubischen Maassen der Soliditaet und Russischen Gewichte der Schweere. Потомъ этотъ колоколъ былъ вылитъ, по вновь составленнымъ размѣрамъ и чертежу, русскимъ колокольнымъ мастеромъ Иваномъ Моторинымъ. Рѣшеніе вопроса, какимъ способомъ слѣдовало поднять этотъ громадный по вѣсу колоколъ на ивановскую колокольню, было также предоставлено на рѣшеніе Академіи, и въ засѣданіяхъ 19 мая и 4 іюня 1732 года о машинѣ для поднятія его изъ земли было предложено академикамъ Даніилу Бернулли, Лейтману и Эйлеру. Первый изъ нихъ представилъ мнѣніе свое о томъ[1]; но колоколъ не успѣли еще поднять, какъ онъ былъ поврежденъ въ бывшій въ Москвѣ пожаръ въ 1737 году. По разсказу Мюллера, колоколъ тогда сильно накалился отъ горѣвшихъ вокругъ его лѣсовъ, а также и отъ головней, летѣвшихъ съ колокольни. Чтобы онъ не растопился, одинъ полицейскій служитель вздумалъ налить воды въ яму, въ которой лежалъ неподнятый колоколъ,

[1]) I, протоколы 1732 года.

отчего онъ треснулъ такъ, что отъ него отпалъ кусокъ, образовавшій отверстіе, въ которое безпрепятственно можетъ проходить человѣкъ.

12 іюня 1733 г. сенатъ далъ знать Академіи, что по именному указу Анны Іоанновны, „велѣно въ Москвѣ при сплавкѣ серебра и передѣлѣ въ монетѣ, подъ наказаніемъ (sic) генерала, и кавалера и оберъ-гофмейстера графа Семена Андреевича Салтыкова, быть профессору Лейтману“... Уѣзжая въ Москву, академикъ просилъ во время его отсутствія дать ему двухъ солдатъ, „для сохраненія въ домѣ его уборовъ, книгъ, инструментовъ и дому его“, что́ и было исполнено[1]). О дѣятельности Лейтмана въ исторіи русскаго монетнаго дѣла сохранились слѣды въ Полномъ собраніи законовъ IX, № 6635 и XII, № 8962. Кромѣ того, имъ написаны по этому предмету слѣдующія статьи, имѣющіяся въ современныхъ русскихъ переводахъ[2]): a) Предложеніе по требованію о установленіи россійскихъ вѣсовъ (здѣсь предлагается, чтобы въ русскомъ золотникѣ было 80 кёльнскихъ эшъ, а въ фунтѣ 7680 такихъ же эшъ). b) О исправленіи россійскихъ вѣсовъ (о томъ, чтобы русскіе червонцы вѣсомъ равнялись голландскимъ, т. е. имѣли бы 64 эши кёльнскаго вѣса). c) Правильное раздѣленіе пробовальной печи. О вымазкѣ печи. Глина для замазки печи.

Во второй изъ названныхъ здѣсь статей Лейтманъ, между прочимъ, писалъ: „я такіе пробовальные вѣсы весьма новаго и особливаго сочиненія изобрѣлъ и сдѣлалъ, которые какъ унцію, такъ и гораздо меньшую эши тягость и самое малое пробовальное зерно вѣсятъ, какъ то оба гварадейны г.г. Шлаттеръ и Габерманъ довольно видѣли, пробовали и утвердили и письменно засвидѣтельствовали“... Вѣроятно на основаніи такого отзыва, 20 марта 1734 г., монетная контора просила академическую канцелярію заказать Лейтману вѣсы, „понеже обрѣтающіеся при монетныхъ дворахъ вѣсы и дроби, на которыхъ вѣсятъ золото и серебро, имѣютъ другихъ мѣстъ съ вѣсами жъ несходство. А въ Академіи наукъ обрѣтается профессоръ ме-

---

[1]) II, книга № 11.

[2]) II, книга №№ 13 и 427.

ханики Лейтманъ, который вѣрные вѣсы сдѣлать можетъ"... Въ 1735 году Лейтманомъ были сдѣланы эти вѣсы, и ихъ свидѣтельствовали академики Делиль и Крафтъ, которые нашли ихъ удовлетворительными. Академическая канцелярія взяла съ монетной конторы 100 рублей за вѣсы Лейтмана, т. е. цѣну въ которую они были имъ самимъ оцѣнены [1]).

Лейтманъ умеръ 5 марта 1736 г. Жена его скончалась еще прежде, именно вскорѣ послѣ прибытія въ Петербургъ, и все свое имущество академикъ завѣщалъ единственной дочери, бывшей замужемъ за саксонскимъ дворяниномъ Барделебеномъ [2]). Переписка Лейтмана хранится въ архивѣ академической канцеляріи подъ № 74. Здѣсь встрѣчаются письма Лаврентія Блюментроста, графа А. Головкина, барона Корфа и Брюса.

О Лейтманѣ Мюллеръ оставилъ такой отзывъ: „Механика и оптика были науки, въ которыхъ онъ наиболѣе успѣлъ... Онъ изобрѣлъ много инструментовъ для объясненія механическихъ силъ. Въ Германіи Лейтманъ былъ почти первый, научившій производить точныя метеорологическія наблюденія и приготовлять нужные для того инструменты. Ему обязаны многими улучшеніями мастерства: часовое, шлифованіе стеколъ, оружейное. Онъ приготовилъ въ Петербургѣ (какъ всегда—все своими руками) на пользу пробирнаго искусства вѣсы, превосходившіе своею чувствительностью все, что можно было себѣ представить въ этомъ родѣ. У него былъ живой нравъ, веселое обхожденіе и обильный запасъ каламбуровъ. Онъ могъ оживить какое угодно общество. Всѣ знатные его принимали охотно; но въ Академіи къ нему были равнодушны, потому что онъ самъ выказывалъ равнодушіе къ академическимъ распрямъ, въ которыхъ не принималъ ни малѣйшаго участія"... Вѣроятно по этому Шумахеръ, не терпѣвшій вмѣшательства академиковъ въ академическія дѣла, называлъ Лейтмана „ce bon veillard [3]). Въ

---

1) II, книга № 13.
2) II, книга № 436.
3) I, Исходящія письма 1728—1742. Письмо Шумахера, писанное къ президенту Л. Блюментросту отъ 20 февраля 1729 года.

одномъ письмѣ къ Блюментросту, 10 ноября 1729 г., Шумахеръ писалъ къ президенту Академіи о партіяхъ въ Академіи и прибавлялъ: „Бекенштейнъ и Лейтманъ сохраняютъ нейтралитетъ: первый надъ всѣми смѣется, второй всѣмъ льститъ"... [1]).

По свидѣтельству Стриттера [2]), Лейтманъ представилъ въ академическомъ засѣданіи 23 января 1735 года статью свою Uber das Wachsthum der Pflanzen, которая была напечатана въ Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ въ №№ 19, 20.

Отдѣльно было издано при Академіи наукъ въ Петербургѣ одно изслѣдованіе Лейтмана на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ Nachricht von gezogenen Büchsen und etliche Anmerkungen vom Schiessen, 1733. Оно потомъ было перепечатано въ Нюрнбергѣ въ 1735 г. книгопродавцемъ Іоганномъ Адамомъ Шмитомъ безъ дозволенія нашей Академіи, почему и вслѣдствіе ходатайства барона Корфа, были выхлопотаны повелѣнія римскаго императора и курфюрста саксонскаго о конфискаціи помянутаго изданія и о воспрещеніи на будущее время подобной перепечатки книгъ, издававшихъ въ Петербургѣ. [3])

Слѣдующія статьи Лейтмана напечатаны въ академическомъ изданіи: Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae, II, 35—81, De bilancibus et novis inventis staticis, III, 138—155, Explicatio inventi hydrostatici de pondere argenti cupro mixti investigando, hactenus theoretice explicati in calculo demonstrati, sed praxin omnem eludentis, nunc ad praxin perducti et re ipsa ante oculos positi; 156 — 163, De sulcis cochleatis ad datam distantiam tubis sclopetorum recte inducendis. IV, 202 — 216, Anamorphoseos polyedricae constructionis methodus vera atque certa, notatis falsarum manuductionum passim propositarum anomaliis opticis; 216—233, Confirmatio dilatationis atque contractionis metallorum atque vitrorum momentaneae per experimenta et instrumenta noviter inventa; 265 — 278, Annotationes et experimenta quaedam rariora et curiosa ad rem sclopetariam

[1]) I, Исходящія письма 1828 — 1742 г.

[2]) Продолженіе мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 496.

[3]) Эти акты помѣщены въ извѣстномъ сборникѣ Мюллера Sammlung russischer Geschichte I, 516—517.

pertinentia. V, 273 — 276, Ad gravitatis liquorum differentiam cognoscendam.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей переведены на нѣмецкій языкъ Мюмлеромъ въ I и II-ой частяхъ его сборника Physikalische und medicinische Abhandlungen der Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1782, 1783).

Лейтманъ былъ хорошо принятъ въ домѣ Мюниха, и этимъ объясняется стихотворное произведеніе его, напечатанное въ академической типографіи въ f°, на 4 ненум страницахъ, подъ такимъ заглавіемъ: An dem höchst-erfreulichen Geburths-Tage Sr. Hoch-gräf. Excell. des hochgebohrnen Herrn, Herrn Burckhard Christoph Grafen von Münnich, Erbherrn auf Neu-Hunddorf und Münchenau, Sr. Russisch-Kays. Majest. Hochbestalten Chefs der Artillerie des Russischen Reichs, Commandirenden Generals en Chef, Ober-Directeurs aller Russishen Festungen, Obristen über ein Regiment zu Fuss, Rittern des Heil. Alexander-Ordens etc. Als Se. Excell. den 9 May 1730 das 49 Jahr ihres Alters, als das fatale Stuffen-Jahr, glücklich mit dem 50 verwechselte, sollte mit erfreueten und glückwünschenden Hertzen seine Schuldigkeit bezeugen J. G. Leutmann Acad. scient. Imp. P. P. O. Въ началѣ этихъ стиховъ есть Lusus cabbalisticus!

БУКСБАУМЪ (BUXBAUM) ІОГАНЪ-ХРИСТІАНЪ, академикъ по каѳедрѣ ботаники.

О жизни и трудахъ его въ Deutsche Acta eruditorum, CCV, 182—191: Michael Ranffts Schreiben an einen derer Verfasser der Deutschen Acta eruditorum von dem Leben und Schrifften des berühmten Botanici, Herrn J. Ch. Buxbaum. Отсюда въ сокращеніи въ Allgemeines Gelehrten Lexicon Іохера, I, 1521 — 1522. Извѣстія современника исторіографа Мюллера въ рукописи его: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 67, 68, 207, 249, 250. Отзывъ о заслугахъ Буксбаума ботаникѣ, въ Recueil des actes de la séance publique de l'Académie des sciences de S.-Pétersburg le 29 décembre 1834. Esquisse historique des travaux sur la Botanique entrepris en Russie depuis Pierre le Grand jusqu'à nos jours, 89.

Буксбаумъ родился въ октябрѣ 1694 года въ Мерзебургѣ, въ Прусской Саксоніи. Дѣтство его прошло въ Вермсдорфѣ, имѣніи отца Буксбаума, находившемся неподалеку отъ сейчасъ названнаго города, и здѣсь-то у него уже начала проявляться страсть къ занятіямъ ботаникою. Часто противъ воли отца, онъ долго бродилъ по кустарникамъ и безплоднымъ холмамъ для собиранія тамъ разныхъ растеній. Отецъ предназначалъ его къ докторскому званію, почему молодой Буксбаумъ и слушалъ лекціи медицины въ университетахъ лейпцигскомъ, виттенбергскомъ и іенскомъ. Впрочемъ, какъ здѣсь, такъ и въ бытность въ Лейденѣ въ 1717 году, онъ всего болѣе прилежалъ къ ботаникѣ. Въ 1721 году напечатано имъ: Enumeratio plantarum accuratior in agro halensi locisque vicinis crescentium. Cum praefat. Fr. Hoffmann de methodo compendiosa plantar. vires et virtut. in medendo indagandi, Halae, 1721, въ 8°, двѣ части.

Въ томъ же году, по рекомендаціи доктора Гофмана, Буксбаумъ былъ приглашенъ въ Россію, въ качествѣ ботаника при медицинской коллегіи, и первымъ занятіямъ его, по прибытіи туда, было отыскиваніе и описаніе растеній, находящихся въ окрестностяхъ Петербурга. Въ 1724 году его отправили докторомъ при посольствѣ Александра Ивановича Румянцева въ Константинополь. Въ это время уже было рѣшено основать въ Петербургѣ Академію наукъ, и Буксбаумъ посылался именно съ цѣлью, чтобы плодами его изысканій воспользовалось ученое учрежденіе. Вотъ инструкція, которая была дана Буксбауму при отправленіи его: „Онъ обязанъ преимущественно дѣлать тщательныя разысканія въ трехъ царствахъ природы и присылать сюда или привезти съ собою все, что можетъ быть сохранено, или описано, или же сбережено въ спиртѣ, если представится къ тому случай и время. Въ особенности долженъ онъ заниматься изслѣдованіемъ лекарственныхъ растеній и примѣчать, гдѣ они находятся въ изобиліи, чтобы можно было ими снабжать императорскую аптеку. Имѣетъ онъ срисовывать все, что покажется ему любопытнымъ. Также обязанъ онъ вести точный дневникъ всему, что съ нимъ случится и съ каждымъ курьеромъ присылать подробныя донесенія въ формѣ пи-

семъ къ начальнику Академіи. Кромѣ него онъ не можетъ никому сообщать своихъ наблюденій или открытій"[1]).

Изъ письма Буксбаума къ Блюментросту 6 февраля 1725 г. изъ Константинополя видно, что посольство Румянцова отправилось изъ Москвы 21 ноября 1724 г. на Тулу, Глуховъ, и Кіевъ. Наблюденій около Днѣпра Буксбаумъ не производилъ, потому что земля была покрыта снѣгомъ. 15 декабря путешественникъ вступилъ въ степи, которыми и ѣхалъ нѣсколько дней. Здѣсь иногда попадались селенія, построенныя на низменныхъ мѣстахъ, орошаемыхъ рѣками. Хотя эти поля не воздѣлывались, однако были чрезвычайно богаты растительностью; „Plantae frequentiores, писалъ Буксбаумъ, sunt: cichoreum, psyllium cytisus, genista scoparia et tinctoria, jaceae, cardui, campanulae, scabiosae, verbasci, hieracii variae species, lappa, artemisia, abrotanum, eryngium, verbena, stoechas citrina, filago, libanotis, laserpitium seu gentiana alba, gentiana cruciata, plantago, virga aurea, thlaspi, graminis species, et in primis circa pagos Stramonium ac ebulus aliaque quae ob hyemale tempus me latuerunt, hae omnes hic valde luxuriant et fertilitatem terrae satis produnt. Подъ Немировымъ встрѣчались Буксбауму лѣса и горы: in marginibus sylvarum sponte crescebat helenium et sphaerocephalus, in montibus frequens osteocolla. Около Бендеръ, Nisterus (Днѣстръ) in valle defluit amoenissima inter montes sylvosos et scopulosos. Scopuli conflati sunt ex variis conchiliis, imprimis ex selenite conchis variato, maxime vero lapides ex meris turbinibus eleganti spectaculo considerari merentur. Effodiuntur quoque ex terra turbines et cochleae in collibus glareosis, quae partim lapidea infarcta materia lapideam induerunt naturam, partim calcinatae saltem sunt. Incolae panem ex milio, potum vero ex muria brassicae conditae et succo decoctarum betae rubrae radicum, faucibus quidem non adeo ingratum, sed foetore naribus molestissimum parant. Далѣе описаніе путешествія состоитъ изъ перечня проѣханныхъ посольствомъ

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 137.

мѣстъ, съ обозначеніемъ разстояній между ними часами. 26 декабря 1724 г. оно прибыло въ Константинополь.

При этомъ письмѣ Буксбаумъ послалъ къ Блюментросту: мекскаго бальзама (Balsami de Meccha XII in lagena ex corio cameli confecta, ceu ex loco natali huc fertur), розоваго масла, котораго нѣтъ въ продажѣ, такъ-какъ оно приготовляется только для султана и знатныхъ. Говорили, что оно привозится изъ Египта, но Буксбаумъ видѣлъ у аптекаря князя Рогозы quod erat massa quaedam albicans odoris rosacei penetrantissimi и пр.

Къ Шумахеру Буксбаумъ писалъ 8 февраля 1725 г., что въ Подоліи, по случаю зимняго времени, онъ дѣлалъ мало наблюденій во время проѣзда, — только велѣлъ срисовать нѣсколько мшистыхъ и ноздреватыхъ камней. Зима въ Константинополѣ, судя по тамошнему климату, очень сурова: снѣгъ идетъ почти ежедневно, что́ препятствуетъ занятіямъ Буксбаума: онъ успѣлъ отыскать только нѣсколько морскихъ растеній; но чтобы живописецъ не оставался празднымъ, онъ велѣлъ ему срисовать красками одежды грековъ и турковъ, которыхъ, прибавляетъ Буксбаумъ, „нѣтъ у Турнефора". Онъ упоминаетъ также, что легко здѣсь пріобрѣсти разные предметы, въ особенности древнія монеты и камни, очень достойные занять мѣсто въ императорскомъ кабинетѣ, но у него нѣтъ денегъ на покупки ихъ.

15 іюля 1725 г. Буксбаумъ извѣщалъ изъ Константинополя, что девять недѣль пролежалъ въ постели: „этимъ лѣтомъ я много трудился, отыскивая здѣшнія растенія и нашелъ достаточное количество еще неизвѣстныхъ другимъ; но переслать ихъ теперь не могу, потому что за ежедневными экскурсіями не имѣю времени составлять обстоятельныя описанія, которыя придется сдѣлать по срисованнымъ и сушенымъ растеніямъ"... Буксбаумъ также пріобрѣлъ до 400 экземпляровъ древнихъ монетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, были очень рѣдкія и превосходныя, какъ напримѣръ, унего были монеты временъ Александра Великаго, Филиппа, также наслѣдниковъ Александра Лизимаха, Селевка, Антіоха, и особенно

всѣ древнія монеты изъ Антіохіи. Буксбаумъ жаловался притомъ, что у него нѣтъ никакихъ нумизматическихъ указателей и сочиненій, которые бы руководили его при подобныхъ покупкахъ.

18 августа того же года, онъ отдаетъ отчетъ Блюментросту о своихъ ботаническихъ экскурсіяхъ, которыя прекратились-было по случаю бывшей съ нимъ горячки. Онъ посѣтилъ Пропонтидскіе острова, въ 24 стадіяхъ отъ Константинополя, обитаемые монахами и рыбаками. „О, нихъ, если не ошибаюсь, прибавляетъ Буксбаумъ, не дѣлаетъ никакого упоминанія Турнефоръ: „montosae sunt et scopulosae (острова), multis tamen locis circa valles satis fertiles et plantarum feraces. Copiose imprimis ibi crescit cistus ladanifera et ferulae species quam pro galbanifera habeo, in littore vero crithmus qui sale conditus quotidie fere ab incolis comeditur, mihi tamen ob saporem therebintinaceum ingratus videbatur cibus. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда начались сильные жары, Румянцовъ переѣхалъ въ Боюкдере при заливѣ не вдалекѣ отъ Эвксинскаго Понта, и Буксбаумъ имѣлъ случай осмотрѣть почти всѣ мѣста, сосѣдственныя съ Анатоліею и Ѳракіею. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ барономъ Ренне, осматривалъ скалу, называемую Помпеевымъ столбомъ. Баронъ отмѣтилъ многія ошибки Турнефора, „о которыхъ я и самъ, прибавляетъ Буксбаумъ, внесъ въ свой дневникъ. Не раскаеваюсь въ трудахъ моихъ, потому что нашелъ новыхъ растеній свыше 70, и между ними нѣсколько новыхъ родовъ, которымъ не рѣшаюсь дать имена; но, если возвращусь, то предоставлю это усмотрѣнію Академіи. Эти растенія довольно чисто срисовалъ нашъ живописецъ, который, постоянно упражняясь въ этого рода живописи, ежедневно увеличиваетъ запасъ рисунковъ“. Буксбаумъ посылалъ образчики этихъ рисунковъ какъ масляными, такъ и водяными красками. Здѣсь были изображенія нѣкоторыхъ растеній, недостаточно описанныхъ у Турнефора; изъ новыхъ же онъ ничего не послалъ, потому что отчасти надобно было срисовывать еще плоды, а отчасти по не составленію описаній. Кромѣ того, онъ послалъ рыбъ scaris nempe phagrus, myrus elegantes et cancer hirsutus, нѣ-

сколько окаменѣлостей изъ Подоліи и Бендеръ; за тѣмъ изображенія греческихъ и турецкихъ одеждъ, нѣсколько лечебныхъ корней и травъ и 30 серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

19 августа Буксбаумъ писалъ къ Блюментросту: „22 іюля я снова уѣхалъ изъ Брусы и тогда же всходилъ, на сколько было то возможно, на гору Олимпъ, высочайшую въ этихъ странахъ, всегда покрытую снѣгомъ, который оттуда ежедневно привозится въ Константинополь для прохладительныхъ питей. Тамъ я отыскалъ dictamnum, mandragoram, styraces arborem panacem, verum graecorum marathrum, verum dioscoridis cuminum, tragoriganum, thymbram, tragacantham, cyperum longum, galegam и другія рѣдкія растенія, и во многомъ бы успѣлъ, если бы не препятствовала подозрительность турокъ, о причинѣ которой могу лучше передать на словахъ, чѣмъ на письмѣ“. Далѣе разсказываетъ о невѣжествѣ докторовъ изъ турокъ, грековъ и евреевъ. Въ концѣ просится въ Египетъ.

Слѣдующія потомъ два письма къ Блюментросту (всѣ по латини и къ Шумахеру по нѣмецки) 24 сентября 1725 и 25 января 1726 годовъ заключаются въ перечнѣ препровождаемыхъ въ Петербургъ растеній, окаменѣлостей и монетъ [1]).

Въ ноябрѣ 1726 г. Буксбаумъ былъ уже въ Москвѣ, откуда 28 числа того мѣсяца такимъ образомъ описывалъ свое путешествіе въ Персію: „Избѣгнувъ опять смерти, я прибылъ въ Москву здоровымъ, и теперь опишу вамъ кратко образъ жизни, веденный мною въ Персіи. Въ четырехдневное путешествіе къ Шемахѣ у меня открылась дизентерія; служитель мой за три дня умеръ, а у живописца была горячка и поносъ. При моей слабости, мнѣ было очень тяжело ѣхать верхомъ до Шемахи. Здѣсь изъ лагеря, вмѣстѣ съ барономъ Ренне, я отправился для лучшаго пользованія себя въ городъ, но какъ сказанный баронъ здѣсь скончался, то меня опять перевезли въ лагерь, и я, при плохомъ обо мнѣ попеченіи и дурномъ содержаніи, лежалъ

---

[1]) I, Входящія письма 1725 года; такія же письма 1726—1827 годовъ; Eingekommene Briefe betreffend die Kayserliche Academie der Wissenschaften pro anno 1725; Eingekommene Briefe pro anno 1726.

шесть недѣль, ожидая себѣ смерти подобно моимъ товарищамъ, которые умирали вокругъ меня ежедневно, чего въ моемъ печальномъ состояніи я себѣ всегда желалъ. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими больными, былъ перевезенъ въ Баку, гдѣ сдѣлалось мнѣ лучше. Изъ Баку поѣхалъ я водою въ Дербентъ, гдѣ совсѣмъ выздоровѣлъ, но ноги остались очень распухшими, такъ-что принужденъ былъ прибѣгнуть къ костылямъ. Въ Дербентѣ я уже не засталъ Румянцова, который, оставивъ мнѣ паспортъ и 30 р. денегъ на проѣздъ, сказалъ при томъ, что если я вернусь живымъ, то слѣдуетъ ихъ мнѣ отдать, и я могу съ Божіею помощію, ѣхать или оставаться гдѣ я захочу. Что было дѣлать? Тамъ оставаться было неблагоразумно, потому что у меня вовсе не было денегъ и, кромѣ того, въ продолженіе моей болѣзни я задолжалъ почти всѣмъ служителямъ, а расплатиться этими тридцатью рублями было трудно. Поэтому я былъ принужденъ обратить въ деньги мои турецкія вещи и отправиться въ Астрахань. Здѣсь мнѣ пришлось остановиться и ожидать денегъ, однако Богъ вдохновилъ лютеранскій приходъ въ Астрахани снабдить меня 30 руб., которые должны быть уплачены ихъ новому учителю школы на путевыя издержки. Такимъ образомъ, съ великимъ трудомъ и въ большой нуждѣ, прибылъ я сюда. Меня очень огорчаетъ, что за всѣ мои труды, претерпѣнные голодъ и жажду, холодъ и жаръ, также за ежедневныя опасности для жизни, я долженъ былъ еще умереть почти съ голоду и терпѣть величайшій недостатокъ, а между тѣмъ во всѣхъ моихъ письмахъ къ вамъ я ходатайствовалъ о деньгахъ и просилъ впередъ, потому что въ чужихъ земляхъ нельзя жить въ долгъ какъ въ Петербургѣ, особенно тому, кто долженъ дѣлать разныя поѣздки и что-нибудь наблюдать. Хотя вы можетъ быть думаете, что я получалъ много денегъ въ Константинополѣ, однако могу васъ увѣрить, что мое жалованье по бóльшей части опять обращалась на служеніе ботаникѣ, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, я былъ очень малое время въ Константинополѣ. Одному мнѣ путешествовать было нельзя, но во всякое время я принужденъ былъ таскать съ собою янычара, переводчика, слугу и часто живописца, на что конечно требова-

лись издержки. Хотя я это дѣлалъ, не имѣя повелѣнія, потому что могъ сидѣть дома, объѣдаться и напиваться въ посольствѣ — тогда бы у меня осталось не только нѣсколько сотенъ въ карманѣ, но и избѣгнулъ бы величайшей непріязни и преслѣдованій, нисколько не думая объ опасностяхъ и затрудненіяхъ—однако я, зная свое назначеніе, лучше считалъ употреблять такимъ образомъ мои деньги, чѣмъ возвратиться назадъ ни съ чѣмъ. Мнѣ встрѣчалось много затрудненій въ отправленіи моей обязанности, такъ-какъ въ путешествіи воспрещались поѣздки какъ отъ турокъ, такъ и отъ нашего генерала; часто я былъ лишенъ случая имѣть живописца, а въ Персіи уже было все сожжено, и я былъ смертельно болѣнъ. Впрочемъ, несмотря на все это, я исполнялъ свои обязанности, на сколько это было возможно, потому что у меня есть 11 новыхъ родовъ и 225 новыхъ видовъ, и они всѣ такъ обработаны, что я ихъ болѣе цѣню, чѣмъ 1500 растеній Турнефора, которыя мнѣ извѣстны по однимъ именамъ. Такимъ образомъ наши Акты (академическія изданія) могутъ быть снабжены на нѣсколько лѣтъ описаніями новыхъ растеній. И если бы каждый членъ заботился также много, какъ я, о своихъ обязанностяхъ, то навѣрное бы наше общество могло поспорить въ превосходствѣ съ другими. Дорогою я получилъ письмо профессора Байера, который занимается моими монетами. Здѣсь мнѣ приходится ожидать въ твердомъ убѣжденіи, что вы похлопочите о хорошемъ векселѣ, при помощи котораго могъ бы я скорѣе прибыть съ моими divitiis orientis"...[1])

Въ 1728 году въ письмахъ Шумахера къ Блюментросту нерѣдко заходила рѣчь о печатаніи трудовъ Буксбаума и гравированіи изображеній описанныхъ имъ растеній. Такъ, 7 марта 1728 года, Шумахеръ предлагалъ, не хочетъ-ли Блюментростъ, чтобы одно изъ новыхъ растеній было названо въ честь его Laurentia, а 13 мая 1728 года писалъ: „хотя я не получилъ вашихъ приказаній относительно печатанія византійскихъ растеній, однако признано умѣстнымъ сдѣлать тому начало по при-

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 233.

чинѣ плохаго здоровья автора. Г. Буксбаумъ такъ истощенъ въ своихъ силахъ, что можно одному держать противъ ста, что онъ не получитъ облегченія отъ этой болѣзни, почему надо опасаться, что мы вовсе лишимся его работы"... 16 мая: „Буксбаумъ по прежнему болѣнъ и въ дурномъ расположеніи, что замѣтно на 13 и 19 страницахъ, гдѣ онъ отзывается довольно рѣзко о Турнефорѣ, Вальянѣ и Дешизо. Эти мѣста мнѣ показались очень сильными, такъ-что я просилъ автора смягчить ихъ, но онъ на то не согласился, почему я пріостановилъ печатаніе сказаннаго листа до тѣхъ поръ, пока не получимъ на то вашего разрѣшенія"[1]). Президентъ отвѣчалъ 20 мая 1728 года: „Названія новымъ растеніямъ, представленнымъ отъ г. Буксбаума, я отдалъ на волю Академіи съ тѣмъ, чтобы мое имя не было тутъ упоминаемо. Господину же Буксбауму слѣдуетъ за его помянутыя растенія, во уваженіе употребленныхъ при отысканіи ихъ стараній и издержекъ, выдать поощреніе — 200 рублей"[2]). Что же касается до полемическихъ выходокъ Буксбаума, то Блюментростъ приказалъ исключить все, обличающее раздраженіе нашего ботаника, а если онъ на то не согласится, то предоставить членамъ Академіи замѣнить всѣ рѣзкія выраженія болѣе скромными[3]).

И Блюментроста, и Шумахера сильно озабочивало, что Буксбаумъ продолжалъ болѣть, такъ-какъ бумаги у него были въ безпорядкѣ и воспользоваться ими послѣ него не было никакой надежды. При этомъ Буксбаумъ сталъ просить объ увольненіи изъ Россіи по разстроенному здоровью и дурному климату въ Петербургѣ.

„Послѣ того какъ я, писалъ Шумахеръ къ Блюментросту, 14 апрѣля 1729 г., далъ понять г. Буксбауму, что вы никогда не согласитесь на увольненіе его прежде приведенія имъ въ порядокъ растеній, онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующія предложенія: 1) вызывается сообщать свои статьи въ продолженіе четырехъ

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, №№ 290, 312, 314.

[2]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[3]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 321.

лѣтъ; 2) напишетъ еще двѣ центуріи; 3) сдѣлаетъ описаніе двухсотъ африканскихъ растеній, которыхъ рисунки имѣются въ кабинетѣ и которыя еще не изданы. Все это выполнитъ онъ, если выдадутъ ему увольнительный видъ въ августѣ мѣсяцѣ и награжденіе 250 рублей во вниманіе его трудовъ. Такъ-какъ онъ уже истощенъ, и къ нему не возвратятся силы, необходимыя при переѣздѣ въ другое мѣсто, что̀ видно и по его лицу, и изъ отзывовъ медиковъ, то поэтому мнѣ кажется можно безъ затрудненій согласиться на его просьбу"...

14 августа 1729 г. Шумахеръ же къ Блюментросту: „Буксбаумъ уѣзжаетъ въ скоромъ времени. Такъ-какъ онъ кончилъ обѣщанныя работы, то ему выдано 200 рублей. Я надѣюсь, милостивый государь, что вы одобрите это распоряженіе тѣмъ болѣе, что, какъ всѣ говорятъ, если бы онъ остался и еще на шесть лѣтъ въ Россіи, то и тогда не написалъ бы столько, сколько написалъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ"...[1])

Въ октябрѣ 1729 г. Буксбаумъ былъ уже въ имѣніи своего отца — Вермсдорфѣ. Здѣсь онъ прочиталъ въ Acta eruditorum (1729 года, стр. 269 и слѣд.) неодобрительный отзывъ объ его Центуріяхъ, почему написалъ отвѣтъ на эту рецензію и послалъ его, 14 января 1730 г., при слѣдующемъ письмѣ къ Шумахеру:

„Препровождаю къ вамъ при этомъ отвѣтъ на лейпцигскій разборъ моихъ Центурій. Его писалъ Гебенштрейтъ, считающій себя величайшимъ ботаникомъ. Еще до моего прибытія, онъ часто хвалился, что отдѣлаетъ петербургцевъ; но я ему ясно доказалъ, какъ онъ ошибается, и потому каждый надъ нимъ будетъ смѣяться. Такъ-какъ здѣсь дѣло идетъ о чести нашей Академіи, то полагаю небезполезнымъ помѣстить этотъ отвѣтъ въ слѣдующемъ томѣ Комментарій. Если въ этомъ отвѣтѣ покажется что-нибудь рѣзкимъ, то вы можете это выпустить или измѣнить, что̀ предоставляю на волю Академіи. Впрочемъ, удерживаю за собою право напечатать все это при другомъ случаѣ"... Затѣмъ Буксбаумъ высказываетъ надежду, что будетъ заниматься ботаникою въ Штольбергѣ: надежда эта

[1]) Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

не осуществилась, потому что онъ скончался въ Вермсдорфѣ 7 іюля 1730 г. отъ чахотки, усилившейся послѣ паденія съ лошади. Что касается до помянутаго отвѣта его, то онъ остался ненапечатаннымъ и хранится до нынѣ, вмѣстѣ съ копіею послѣдняго письма его, въ архивѣ академической конференціи, въ книгѣ исходящихъ писемъ 1728 — 1742 годовъ.

По отзыву біографа Буксбаума — Ранфа, онъ въ суровомъ сѣверномъ климатѣ привыкъ къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Тоже подтверждаетъ знавшій его лично академикъ Мюллеръ, который говоритъ, что „дурное сообщество совратило его съ добродѣтели и религіи на достойный наказанія путь заблужденій"... Вообще Мюллеръ разсказываетъ о Буксбаумѣ, какъ о большомъ чудакѣ. Такъ, напр., возвращаясь изъ Россіи, онъ явился въ Лейпцигѣ къ одному знакомому въ овчинной шубѣ и шапкѣ и увѣрялъ его, что въ Петербургѣ такъ одѣваются всѣ академики. Довѣрчивый знакомый Буксбаума, повѣривъ ему на слово, очень удивился, когда впослѣдствіе увидалъ пріѣхавшаго изъ Петербурга академика Мюллера въ обыкновенной европейской одеждѣ, и послѣднему пришлось разувѣрять въ невѣрности разсказа Буксбаума.

Слѣдующій трудъ Буксбаума изданъ нашею Академіею отдѣльно: Plantarum minus cognitarum Centuria I. Complectens plantas circa Bysantium et in Oriente observatas per J. C. Buxbaum Acad. scient. socium. Petropoli ex typographia Academiae, 1728, въ 4°. Посвященіе князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому. Тоже заглавіе: Centuria II, 1728; Centuria III, 1729; Centuria IV, 1733; Centuria V, 1740 года.

Въ Комментаріяхъ Академіи напечатаны слѣдующія его статьи: томъ I, 241 — 245, Nova plantarum genera (Chamaedaphne, Potamopytis, Ceratocarpus). Томъ II, 343 — 347, Nova plantarum genera (Badiaga Lupinaster, Poliifolia, Serpillifolia). Объ этихъ новыхъ растеніяхъ I. Гмелинъ подробно извѣщалъ Галлера, см. Epistolarum ab eruditis viris ad Alb. Hallerum scriptarum pars I. Томъ III, 264—267, De propagatione fungorum per radices; 268 — 270, De periclymeno humili norvegico; 270—273, Observationes circa quasdam plantas ingricas. Томъ

IV, 277—278, De ocymophyllo novo plantarum genere; 279—281, De plantis submarinis observationes; 281—283, De fungoidibus pedicullo donatis. На русскомъ языкѣ изъ статей Буксбаума помѣщено въ Краткомъ описаніи Комментаріевъ Академіи наукъ (Спб., 1728) сокращеніе подъ заглавіемъ: „Ботаника", страница 49—56.

Нѣкоторыя изъ статей Буксбаума переведены на нѣмецкій языкъ Мюмлеромъ и изданы во II-ой части сборника: Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1783).

Кромѣ того, академикъ Амманъ пользовался, между прочимъ, трудами Буксбаума въ своемъ сочиненіи: „Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones (Спб., 1739). Здѣсь въ предисловіи упоминяется о трудахъ Буксбаума.

Въ 1724 и 1726 годахъ пріѣзжалъ въ Петербургъ французъ Петръ Дешизо, подписывавшійся conseiller du roi de France, substitut de son procureur général en son conseil et docteur en médecine en la faculté de Caen. Въ первый разъ онъ посѣтилъ Петербургъ съ цѣлію отправиться медикомъ при посольствѣ Румянцева въ Константинополь, а второй — въ надеждѣ получить мѣсто ботаника въ нашей Академіи. Оба раза попытки его были безуспѣшны. Этотъ Дешизо напечаталъ въ 1725 году Mémoire pour servir à l'instruction de l'histoire naturelle des plantes de Russie et à l'établissement d'un jardin botanique à Saint-Pétersbourg divisé en deux parties. Здѣсь, на стр. 4, авторъ пишетъ: M. Buxbau (sic), Botaniste de Sa Majesté a donné un manuscrit par ordre alphabétique des plantes qu'il a observées depuis trois ans et demi dans la Livonie, Finlande et dans la Ruislande, coste sur laquelle Pétersbourg est situé (sic!). Je ne tairai point que si j'ai quelque commencement de notion des plantes particulières qui croissent dans le pays—je la tiens de cet habile botaniste. Par l'essai de quelques mousses et fungus peints, qu'il a déjà envoyés de son voyage de Turquie et Perse, les ayant observés dans les campagnes de Moscovie, nous devons attendre qu'il procurera à la Botanique de nouvelles découver-

tes, et un supplément au Voyage du Levant de l'illustre M. Tournefort,..

Самъ Буксбаумъ былъ невысокаго мнѣнія о Дешизо, о чемъ такъ разсказываетъ исторіографъ Мюллеръ: „Г. Буксбаумъ увѣрялъ, что могъ убѣдить г. Дешизо въ чемъ угодно, и въ доказательство тому указывалъ на извѣстія, внесенныя имъ въ своемъ сочиненіи.... Я, продолжаетъ Мюллеръ, видалъ г. Дешизо только у г. Делиля, но изъ разговоровъ съ нимъ не могъ составить о немъ благопріятнаго мнѣнія.... Г. Буксбаумъ въ своей первой Centuria plantarum назвалъ-было одно растеніе, въ насмѣшку надъ Дешизо, schi sausiana, но я, надзирая надъ типографіею, нашелъ средство вовремя воспрепятствовать тому“...[1]).

Академикъ Рупрехтъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о заслугахъ Буксбаума: „Въ кратковременную бытность свою при Академіи онъ составилъ сочиненіе о 500 новыхъ или малоизвѣстныхъ растеніяхъ, собранныхъ имъ какъ въ путешествіяхъ по окрестностямъ Константинополя, въ Малой Азіи и около Каспійскаго моря, такъ и вблизи Петербурга... Исполненіе рисунковъ на 320 доскахъ было еще далеко не такъ исправно, какъ у Аммана, такъ-что многія растенія, особенно тайно-цвѣтныя, едва могутъ быть распознаваемы. На ряду съ крайнею небрежностію, говоритъ о нихъ Палласъ, тутъ можно встрѣтить самыя рѣдкія растенія и наиточнѣйшія наблюденія. Въ числѣ девяти небольшихъ диссертацій Буксбаума въ Комментаріяхъ Академіи находятся нѣкоторыя хорошія, нынѣ забытыя наблюденія надъ тремя здѣшними растеніями, коихъ родовые признаки были имъ узнаны впервые. Отвергая длинныя описанія растеній, какъ скучныя, Буксбаумъ держался того мнѣнія, что они должны быть коротки и имѣть въ виду только то, чего нельзя изобразить на рисункѣ“[2]).

---

[1]) Рукопись Мюллера: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 93, 94.

[2]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 3, Матеріалы для исторіи императорской Академіи наукъ по части ботаники, сочиненіе г. академика Ф. Рупрехта, стр. 3.

ЭЙЛЕРЪ, ЛЕОНАРДЪ, академикъ сначала по каѳедрѣ физіологіи, потомъ—физики, а наконецъ—высшей математики.

Въ годъ смерти Эйлера напечатано: Eloge de Monsieur Léonard Euler lu à l'Académie impériale des sciences de S.-Pétersbourg dans son assemblée du 23 octobre 1783 par Nicolas Fuss. Avec une liste complète des ouvrages de M. Euler (S.-Pétersbourg 1783. in 4°, 124). Указатель сочиненій и статей Эйлера, составленный Фуссомъ, потомъ перепечатывался нѣсколько разъ въ другихъ изданіяхъ, между прочимъ: у Аделунга, Fortsetzung und Ergäntzungen zu C. G. Iocher's Allgemeinen Gelehrten Lixico, II, 960—963; также Meusel's Lexikon der vom Iahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, III, 212—244. Въ Histoire de l'Académie royale des sciences, Année MDCCLXXXIII (Paris, 1783), Eloge de M. Euler, стр. 37—68. Авторъ этого похвальнаго слова Кондорсе сдѣлалъ здѣсь общую оцѣнку всего написаннаго Эйлеромъ, но, при передачѣ нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей, допустилъ, по обычаю французовъ, нѣкоторыя прикрасы. Похвальныя слова Фусса и Кондорсе долгое время оставались главными источниками для позднѣйшихъ жизнеописаній Эйлера; такъ статья о немъ въ Encyclopädie der Wissenschaften von Ersch und Gruber, Erste Section, XXXIX, 66—72, составлена исключительно по этимъ двумъ статьямъ. Біографическія подробности объ Эйлерѣ значительно пополнились послѣ изданнаго въ свѣтъ, по распоряженію нашей Академіи, П. Фуссомъ: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle (S.-Pétersbourg, 1843). Здѣсь въ первомъ томѣ помѣщена тридцатипятилѣтняя переписка Эйлера съ Гольдбахомъ, обнимающая годы 1729—1764; а во второмъ томѣ — письма къ Эйлеру отъ Іоганна Бернулли 1728—1746 и Даніила Бернулли 1726—1755 годовъ. При этомъ изданіи помѣщенъ систематическій указатель сочиненій и статей Эйлера съ краткими извѣстіями о его жизни. Разборъ изданія Фусса см. Journal des savants, juillet de 1844, p.p. 385 — 390; тутъ есть упреки Фуссу за пропуски изъ писемъ Эйлера. Въ томъ же Journal des savants, janvier de 1846, p.p. 56—61, напечатано нѣсколько писемъ Эйлера къ Лагранжу. Современныя извѣстія о трудахъ Эйлера по составленію картъ Россіи въ Запискахъ Академіи наукъ, IX, приложеніе № 2, г. Свенске: «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изд. Академіи наукъ въ 1745 году», стр. 164, 169—172, 173, 188, 189. Нѣсколько отзывовъ объ Эйлерѣ Вольфа и письма перваго къ Бильфингеру и Эхлеру въ Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753 (S.-Petersburg, 1860). Въ Запискахъ Академіи наукъ, VI, 59—92, при статьѣ: Екатерина II и Эйлеръ, напечатана въ первый разъ автобіографія его, на подлинникѣ которой подписано рукою его сына, Альбрехта: Meines Vaters Lebenslauf so wie er ihn mir selber in die Feder dictirt hatte, geschrieben zu S.-Petersburg den 1 December, 1767. Къ сожалѣнію здѣсь разсказъ прерывается на 1741 годѣ лаконической за-

мѣткою: «что со мною потомъ происходило — извѣстно». Вмѣстѣ съ автобіографіею изданы также въ первый разъ письма Эйлера, Екатерины II, Фридриха II, д'Аламбера и другихъ лицъ касательно увольненія великаго математика изъ берлинской Академіи наукъ и возвращенія его въ Россію. Два письма Эйлера и одно Тауберта нашли себѣ мѣсто въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей 1866 года, книга IV, смѣсь, 130 — 133, гдѣ этимъ матеріаламъ дано нѣсколько странное заглавіе: «Эйлерская переписка». Письма Эйлера къ Ломоносову см. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865); также въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Впрочемъ, изъ обширной переписки Эйлера понынѣ издано въ свѣтъ немного сравнительно съ тѣмъ, что остается еще въ рукописяхъ: ненапечатанныя письма его попадаются почти въ каждомъ фоліантѣ исходящихъ и входящихъ бумагъ архива академической конференціи. Тамъ же хранится собраніе его писемъ къ исторіографу Мюллеру въ одномъ изъ его портфелей съ цифрою 9 и надписью: Письма къ Мюллеру профессора Леонарда Эйлера разныхъ лѣтъ. Въ томъ же архивѣ, въ рукописномъ сборникѣ, въ 4°, съ заглавіемъ: Lettres de Frédéric le Grand, roi de Prusse, à M. L. Euler avec diverses pièces qui y ont quelque rapport также есть нѣсколько писемъ Эйлера. На этой рукописи есть отмѣтка: offert à l'Académie par les neveux d'Euler le 27 Octobre 1837. Далѣе: въ названномъ же архивѣ хранятся рукописные сборники, въ 4°, одинъ—Goldbach's Briefe an Euler, другой Der Bernoullis Briefe an Euler. Эти два сборника изданы Фуссомъ, о чемъ было говорено выше. Письма къ Эйлеру отъ разныхъ ученыхъ переплетены въ два квартанта и четыре фоліанта: въ первыхъ письма расположены въ алфавитномъ порядкѣ, а въ послѣднихъ, озаглавленныхъ: L. Euler's Briefwechsel — по годамъ, и въ каждомъ годѣ письма переплетены въ азбучномъ порядкѣ. Такимъ образомъ первый фоліантъ заключаетъ въ себѣ переписку 1732-1744; второй — 1745-1748; третій — 1749-1755; четвертый — 1756-1766 годовъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ есть поводъ думать, что въ академическомъ архивѣ сохраняется далеко не вся переписка знаменитаго геометра, и письма многихъ лицъ, несомнѣнно бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, или уничтожены, или же находятся въ чьихъ либо рукахъ внѣ Академіи.

Эйлеръ родился въ Базелѣ 15 апрѣля (н. с.) 1707 г. Въ то время отецъ его, Павелъ Эйлеръ, былъ назначенъ пасторомъ въ селеніе Рихенъ, отстоявшее отъ Базеля на одинъ часъ ходьбы. Мать его Маргарита была урожденная Брукеръ. Скоро послѣ рожденія Леонарда, семейство Эйлеровъ отправилось въ Рихенъ, гдѣ и прошли первые годы дѣтства сына ихъ. Отецъ его былъ ученикомъ знаменитаго математика Якова Бернулли,

а потому долгомъ счелъ познакомить сына съ началами математики, руководствуясь при томъ трудомъ Рудольфа Лоса (Losz) съ примѣчаніями Михаила Стифеля. Въ такихъ занятіяхъ молодой Эйлеръ упражнялся со всякимъ прилежаніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда онъ началъ подростать, то его перевезли къ бабушкѣ въ Базель для пріобрѣтенія въ тамошней гимназіи и дома познаній въ словесныхъ наукахъ, а также для усовершенствованія въ математикѣ. Въ 1720 году Эйлера допустили къ публичнымъ лекціямъ въ университетѣ, гдѣ скоро онъ нашелъ случай сдѣлаться извѣстнымъ брату помянутаго Бернулли, Іоганну, также одному изъ величайшихъ математиковъ своего времени. „Для него, говоритъ Эйлеръ въ автобіографіи, было особеннымъ удовольствіемъ помогать мнѣ въ дальнѣйшемъ изученіи математическихъ наукъ. Хотя онъ, по причинѣ своихъ занятій, отказался давать мнѣ частно уроки, однако высказалъ чрезвычайно полезный для меня совѣтъ, состоявшій въ томъ, чтобы я самъ принялся за нѣкоторыя труднѣйшія математическія книги и прочитывалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ; въ случаѣ же какого либо недоразумѣнія или трудности, я могъ свободно приходить къ нему по субботамъ послѣ обѣда, и тогда онъ былъ такъ добръ, что разъяснялъ мнѣ встрѣченныя затрудненія. Это приносило мнѣ такую пользу, что, по разъясненіи имъ одной трудности, десять другихъ вдругъ изчезали. Несомнѣнно, что это лучшій способъ дѣлать счастливые успѣхи въ математическихъ наукахъ“...

Въ 1723 году Эйлеръ имѣлъ уже степень магистра, а не за долго передъ тѣмъ получилъ, по существовавшему въ базельскомъ университетѣ обычаю, первую награду (primam lauream). Уступая желанію родителей, онъ записался потомъ въ богословскій факультетъ, гдѣ принужденъ былъ принятся за греческій и еврейской языки, къ которымъ, по собственному сознанію, у него не было большой охоты, такъ-какъ бо́льшая часть его времени проходила въ изученіи математики, и на его счастіе субботнія бесѣды съ Іоганномъ Бернулли продолжались по прежнему.

Въ это время два сына послѣдняго Николай и Даніилъ

Бернулли отправлялись въ Россію, куда были приглашены во вновь учреждавшуюся въ Петербургѣ Академію наукъ. „У меня, говоритъ по этому случаю Эйлеръ, явилось неописанное желаніе отправиться вмѣстѣ съ ними въ 1725 году въ Петербургъ. Дѣло, однако, не могло тогда скоро осуществиться, а между тѣмъ названные молодые Бернулли крѣпко обѣщали мнѣ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, похлопотать о пристойномъ для меня мѣстѣ, что́ скоро дѣйствительно и случилось съ тѣмъ, чтобы я свои математическія знанія примѣнялъ къ медицинѣ"....

Что́ Бернулли отецъ и его сыновья старались объ опредѣленіи Эйлера въ петербургскую Академію, о томъ осталось нѣсколько свидѣтельствъ. Такъ, напримѣръ, 18 сентября 1726 года президентъ Академіи Блюментростъ писалъ къ Іоганну Бернулли: „вы мнѣ такъ прекрасно изобразили г. Эйлера, что я надѣюсь, что онъ окажетъ добрыя услуги Академіи"...[1])

Въ томъ же году Даніилъ Бернулли такъ говорилъ въ письмѣ къ двадцатитрехлѣтнему Эйлеру:

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я писалъ къ вамъ по приказанію нашего президента г. Блюментроста и отъ его имени приглашалъ васъ занять мѣсто адъюнкта въ нашей Академіи съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ. Я очень зналъ, что оно гораздо ниже вашихъ достоинствъ, и хотя вы сами приняли такое предложеніе, однако я не преминулъ хлопотать о вашихъ выгодахъ и былъ на столько счастливъ, что нѣсколько успѣлъ въ томъ. Вы будете судить о томъ сами, милостивый государь, по письму, которымъ почтилъ меня г. Блюментростъ и которое посылаю вамъ въ подлинникѣ. Васъ ожидаютъ здѣсь съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и такъ поспѣшайте сколько возможно скорѣе и выѣзжайте еще этою зимою. Но если васъ устрашитъ позднее время года, то совѣтую воспользоваться малымъ промежуткомъ остающагося у васъ времени, чтобы изучить анатомію и прочесть книги, въ которыхъ излагается физіологія въ примѣненіи къ геометрическимъ нача-

---

[1]) Рукописный сборникъ г. Свенске, № 220.

ламъ, какъ-то Беллини, Борелли, Питкарна и другихъ. Между тѣмъ не оставьте прислать въ наискорѣйшемъ времени какую нибудь изъ вашихъ статей. Ею вы убѣдите, что сколько ни говорилъ я о васъ хорошаго, однако все еще не высказалъ довольно, такъ-какъ увѣренъ, что я тѣмъ оказалъ Академіи гораздо бо́льшую услугу, чѣмъ вамъ"....[1])

Извѣстіе о принятіи Эйлера въ петербургскую Академію дошло до него въ началѣ зимы 1726 года, и онъ рѣшился ѣхать не ранѣе наступающей весны, почему, слѣдуя совѣту Даніила Бернулли, записался въ медицинскій факультетъ базельскаго университета и прилежно принялся за изученіе медицинскихъ наукъ[2]). Между тѣмъ въ Базелѣ сдѣлалась свободною каѳедра физики, на которую явилось много желающихъ: въ число ихъ записался и Эйлеръ и по этому случаю читалъ свое разсужденіе о звукѣ.

Весною 1727 года Эйлеръ отправился изъ Базеля въ Любекъ, оттуда въ Ревель и, наконецъ, прибылъ въ Кронштадтъ. Въ то самое время скончалась императрица Екатерина I, великая покровительница Академіи наукъ, почему Эйлеръ, когда явился туда, всѣхъ засталъ тамъ въ величайшемъ уныніи.

Кромѣ Даніила Бернулли, Эйлеръ имѣлъ удовольствіе встрѣтить въ Петербургѣ академика Германа, который, будучи его землякомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приходился ему дальнимъ родственникомъ и оказывалъ ему всевозможное покровительство. „Жалованье мнѣ было назначено, разсказываетъ Эйлеръ, 300 руб. съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ, и такъ-какъ я чувствовалъ склонность только къ математическимъ наукамъ, то меня сдѣлали адъюнктомъ высшей математики, а предположеніе назначить меня къ занятіямъ медициною со-

---

[1]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, II, 409, 410.

[2]) Въ рукописномъ сборникѣ г. Свенске сохранилось два письма Эйлера отъ этой эпохи: одно къ Блюментросту благодарственное за принятіе въ Академію отъ 9 ноября 1726 года; другое къ Даніилу Бернулли, 18 января 1727 года, съ рекомендаціею механика Исаака Брюкнера, который потомъ дѣйствительно поступилъ въ петербургскую Академію въ качествѣ механика.

всѣмъ не состоялось. При этомъ мнѣ было дозволено присутствовать въ академическихъ засѣданіяхъ и читать тамъ мои статьи, которыя тогда же помѣщались въ академическихъ Комментаріяхъ".

Въ самомъ началѣ академическаго поприща, Эйлеръ едва было не покинулъ его для морской службы: кончина Екатерины I и начавшіяся тогда дворскія интриги не обѣщали блестящей будущности для только-что основанной Академіи, а между тѣмъ адмиралъ Сиверсъ предложилъ Эйлеру вступить въ морскую службу съ чиномъ лейтенанта и обѣщаніемъ быстраго повышенія въ будущемъ. Къ счастію это предложеніе не осуществилось, и Эйлеръ, съ отъѣздомъ Бильфингера, занялъ въ 1730 году каѳедру физики, а въ 1733 году послѣ Даніила Бернулли назначенъ академикомъ по высшей математикѣ.

Въ томъ же 1733 году Эйлеръ женился на дочери академическаго живописца, Екатеринѣ Гзель. Въ старину ни одна свадьба у зажиточныхъ нѣмцевъ не обходилась безъ стиховъ, сочинявшихся и печатавшихся услужливыми пріятелями. На свадьбу Эйлера напечатаны были также подобные стихи, подъ заглавіемъ: Die glückliche Verbindung des Hoch-Edlen, Grossachtbaren und Hochgelahrten Herrn, Herrn Leonhard Eulers der russisch-kayserl. Academie der Wissenschafften Mitglied und Professoris der höheren Mathematick mit der Wohl-Edlen viel-Ehr und Tugendsamen Jungfer, Jungfer Catharina Gsellin, welche den 27 Decembr. 1733 in S.-Petersburg vollzogen wurde feyerte mit diesem Braut-Liede ein dem wehrtesten Paare gantz ergebenster Freund Diener (въ f°, 2 ненум. листа). Выписываю здѣсь нѣкоторые стихи изъ этихъ свадебныхъ куплетовъ, наиболѣе носящіе на себѣ оттѣнокъ мѣстнаго колорита. Послѣ упоминанія о холодахъ и неизбѣжныхъ съ ними шубъ, мѣховыхъ шапокъ и т. п., слѣдуетъ:

Es scheint der Einfluss vom Polar
Vermehrt und stärckt der Teutschen Flammen,
Und zieht, was sonst zertheilet war
In eine Gluth der Brust zusammen.

Selbst mancher, der sonst nichts gefühlt,
Empfindet hier gantz fremde Triebe:
Da sieht man wie der Eindruck spielt;
Er denckt und schwatzt von lauter Liebe.

* * *

Wer hätt es ewig ausgedacht,
Dasz unser Euler lieben sollte?
Er sann ja immer Tag und Nacht,
Wie er die Ziffern mehren wollte.
Sein tiefgelehrter Sinn war frey,
Itzt dencket er auf Bund und Küssen;
Dasz zweymahl zwey nicht viere sey
Das hätt man eher glauben mussen.

* * *

Ist das der Zweck der Algebra,
Das *X* und *plus* der schwehren Zahlen,
Auf die er so mit Eifer sah
Und die er so geschwind kan mahlen:
So schwör ich bey der *Daphne* Blat,
Und dasz ich durch die Dicht-Kunst buhle,
Ich werde bald des Singens sat,
Und geh noch in die Rechen-Schule.

Со вступленіемъ Эйлера въ нашу Академію не появлялось ни одного тома Комментарій, въ которыхъ бы не было нѣсколькихъ статей его съ обширными выкладками по самымъ труднымъ въ наукѣ вопросамъ. Кромѣ этихъ статей, придающихъ и нынѣ важное значеніе нашимъ Комментаріямъ въ математической литературѣ, онъ успѣлъ напечатать при Академіи отдѣльно въ 1736 году Mechanica, sive Motus scientia analytice exposita и въ 1739 году Tentamen novae theoriae Musicae. Увлеченіе, съ которымъ работалъ Эйлеръ, и чрезмѣрное умственное напряженіе не могли не отозваться на его здоровьѣ. Однажды у него сдѣлалась горячка отъ чрезмѣрныхъ занятій и нарывъ, кончившійся тѣмъ, что Эйлеръ потерялъ

правый глазъ. Н. Фуссъ разсказываетъ, что это случилось послѣ того какъ Эйлеръ въ три дня кончилъ математическое вычисленіе, на которое другіе математики требовали нѣсколько мѣсяцевъ времени; но въ приводимомъ ниже письмѣ Эйлера онъ самъ потерю глаза приписываетъ своимъ занятіямъ по составленію картъ въ географическомъ департаментѣ при Академіи. Такая потеря не научила великаго математика большему попеченію о своемъ здоровьѣ, и онъ, по прежнему, скорѣе отказывался отъ пищи, чѣмъ отъ занятій, сдѣлавшихся для него насущною потребностью. Многочисленными статьями въ Комментаріяхъ и сейчасъ названными обширными сочиненіями, а также перепискою со всѣми знаменитыми математиками своего времени не ограничивалась дѣятельность Эйлера въ первое его пребываніе въ Петербургѣ.

Почти каждой годъ случалось, что ему, вмѣстѣ съ другими академиками, поручалось производить экзамены не только въ академической гимназіи, но и въ шляхетномъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1732 году онъ, съ академикомъ Даніиломъ Бернулли и Лейтманомъ, былъ обязанъ доставить мнѣніе о машинѣ для поднятія большаго колокола въ Москвѣ. Въ ноябрѣ 1737 году Эйлеръ выполнилъ указъ академической канцеляріи „сочинить на нѣмецкомъ діалектѣ ариѳметику", и книга была напечатана въ двухъ частяхъ въ 1738 году, подъ заглавіемъ Anleitung zur Arithmetic, а по-русски, въ переводѣ В. Адодурова, въ 1740—1760 годахъ [1]). Эйлеръ писалъ также популярныя статьи для примѣчаній къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. Такъ, въ 1738 г., въ выпускахъ 27—32, 103, 104 напечатанъ рядъ его статей о видѣ земли [2]). Въ 1738 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ коммиссіи о мѣрахъ и вѣсахъ, о чемъ слѣды остались въ старинномъ академическомъ дѣлѣ.

---

[1]) Въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, IV, № 9866, этотъ переводъ указанъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Руководство къ ариѳметикѣ для употребленія въ гимназіи санктпетербургской Академіи наукъ, соч. г. Эйлера, перев. В. Адодуровъ, 2 части, въ 8°. Тоже указаніе находится у Смирдина въ Росписи книгамъ (Спб., 1828), подъ № 3889.

[2]) Продолженіе Стриттера, въ рукописи Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 655.

Донесенія по этому предмету, 30 января и 26 февраля 1738 года, всѣ писаны рукою Эйлера, равно и обширное представленіе: „Vorschlag wie die Wagen examinirt und beurtheilet werden sollen", съ чертежами вѣсовъ и подробными объясненіями. Здѣсь Эйлеръ изложилъ свое мнѣніе о вѣсахъ, изобрѣтенныхъ Петромъ Крекшинымъ[1]). О трудахъ Эйлера въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, а также по коммиссіи о мѣрахъ вѣсахъ до сихъ поръ не было извѣстно его біографамъ.

Еще въ 1735 году Эйлеру поручено было помогать академику Делилю въ работахъ по географическому департаменту, за что прибавлено къ жалованью его въ 660 рублей еще 200 рублей, „понеже, сказано въ современномъ протоколѣ, оная должность не его, но чрезвычайная"[2]). Нынѣ извѣстенъ проектъ, написанный Эйлеромъ въ іюнѣ 1740 г., о составленіи генеральной карты Россіи[3]). Позднѣе, вспоминая о работахъ своихъ по русской картографіи и сознаваясь, что въ нихъ многое требовало исправленій, Эйлеръ прибавлялъ: „я увѣренъ, что географія россійская чрезъ мои и г. профессора Геинзіуса труды приведена гораздо въ исправнѣйшее состояніе, нежели географія нѣмецкой земли, и того бы довольно было до тѣхъ поръ, пока достальныя исправленія учинить возможно будетъ"[4]).

Впрочемъ, работы по географическому департаменту имѣли вредное вліяніе на здоровье Эйлера, и онъ, 21 августа 1740 года, такъ просилъ Гольдбаха объ увольненіи его отъ нихъ: „Географія мнѣ гибельна. Вы знаете, что я за нее поплатился глазомъ, а теперь опять нахожусь въ подобной опасности, когда мнѣ сегодня утромъ прислали часть картъ на просмотръ,

---

[1]) Какъ подлинныя бумаги Эйлера, такъ и современные переводы хранятся въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 24.

[2]) II, книга № 430.

[3]) Записки Академіи IX, приложеніе № 2, Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, г. Свенске, 169—172. Подлинникъ, весь писанный рукою Эйлера, хранится II, книга № 45, а современный русскій переводъ—II, книга № 101.

[4]) Записки Академіи IX, приложеніе № 2, 189. Здѣсь помѣщено извлеченіе изъ письма Эйлера къ Шумахеру, 29 марта 1746 года, въ современномъ русскомъ переводѣ.

то я тотчасъ же почувствовалъ новый припадокъ, потому что эта работа, требуя всегда разсмотрѣнія одновременно большаго пространства, сильнѣе утомляетъ зрѣніе, чѣмъ простое чтеніе или одно писаніе. По этой причинѣ я покорнѣйше прошу васъ быть ко мнѣ столько добрымъ, чтобы чрезъ усердное ходатайство у г. президента уволить меня отъ этой работы, которая не только мѣшаетъ моимъ обыкновеннымъ занятіямъ, но и легко можетъ меня сдѣлать совсѣмъ неспособнымъ"...[1]).

16 марта 1740 года, въ Академіи наукъ заключенъ былъ новый контрактъ съ Эйлеромъ, въ силу котораго онъ имѣлъ получать по 1200 рублей въ годъ и обязывался „сдѣлать высшую алгебру и трактатъ о морской наукѣ и въ Академію подать"[2]). Вскорѣ, однако, за тѣмъ у Эйлера возникла переписка о переходѣ на службу въ Пруссію. Изъ одного черноваго письма его къ неизвѣстному, сообщавшему Эйлеру о желаніи прускаго короля видѣть его въ прусской службѣ, видно, что бывшій въ Петербургѣ прусскій посланникъ Зумъ предлагалъ ему отъ имени короля 1200 экю, а преемникъ его Мардефельдъ подтвердилъ это съ обѣщаніемъ выдачи денегъ на путевыя издержки. „Единственная милость, писалъ Эйлеръ въ томъ же письмѣ къ неизвѣстному, которую я прошу отъ его величества, состоитъ въ томъ, чтобы мнѣ пожаловано было 480 экю на путевые расходы и чтобы состоялось повелѣніе касательно жалованья, которое было угодно ему мнѣ назначить. Впрочемъ, я не въ силахъ выразить всю великость моихъ желаній, клонящихся лишь къ тому, чтобы содѣлаться достойнымъ покровительства короля. Нѣтъ такихъ усилій, которыя бы не сдѣлалъ я для достиженія этой цѣли. Въ этихъ искреннихъ чувствахъ, я твердо рѣшился жить и умереть подъ славнымъ правленіемъ государя, который столько же благопріятствуетъ гражданамъ литературной республики, сколько и имѣющимъ счастіе быть его природными подданными. Г. фельдмаршалъ Мюнихъ, который оказывалъ мнѣ честь своимъ особливымъ расположе-

---

[1]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres, éd. par P. Fuss, I, 102, 103.

[2]) II, книга № 50.

ніемъ, могъ бы, въ случаѣ надобности, дать подлинное удостовѣреніе въ усердіи моемъ къ службѣ короля“... [1]).

Въ февралѣ 1741 года Эйлеръ обратился въ Академію съ просьбою объ увольненіи его изъ Россіи. Изъ писемъ его по этому поводу къ тогдашнему президенту Академіи Бреверну (23 февраля, 5 и 16 марта 1741 года), видно, что первый опасался, чтобы его ходатайство было не исполнено, почему заклиналъ президента согласиться на отпускъ по тому уваженію, что будучи на службѣ Россіи, онъ уже потерялъ одинъ глазъ, разстроилъ свое здоровье и т. д. Академія вошла съ представленіемъ въ императорскій Кабинетъ, въ которомъ объяснялось, что хотя Эйлеръ и обязанъ былъ по контракту сообщить названные два труда, но къ этому невозможно его принудить, такъ-какъ: во 1) Эйлеръ никогда не обязывался написать тѣ два сочиненія въ Петербургѣ; 2) онъ очень удобно можетъ пересылать ихъ изъ Германіи по мѣрѣ изготовленія; 3) обнародованныя имъ при Академіи въ продолженіе тринадцати лѣтъ многія открытія сами по себѣ такой важности, что можно удовольствоваться ими, не требуя отъ него другихъ, бо́льшихъ; 4) въ контрактѣ не опредѣлено срока, послѣ котораго онъ могъ получить отпускъ, какъ это въ обычаѣ въ контрактахъ другихъ академиковъ; 5) здоровье его въ такомъ плохомъ состояніи, что онъ находится въ опасности потерять зрѣніе и не въ силахъ писать какъ помянутыя два сочиненія, такъ и отправлять удовлетворительно свою должность; 6) оказаннымъ ему снисхожденіемъ при отставкѣ онъ будетъ болѣе побужденъ, когда поправится его здоровье и при бо́льшемъ спокойствіи духа, къ возвращенію изъ Германіи и служенію Академіи съ бо́льшею пользою, чѣмъ теперь. Представленіе это было уважено Кабинетомъ, и Эйлеръ получилъ просимое увольненіе 20 мая 1741 года, при чемъ ему назначена была пенсія по 200 рублей въ годъ съ званіемъ почетнаго члена [2]).

---

[1]) Письмо это хранится въ архивѣ академической конференціи въ сборникѣ въ 4°, подъ заглавіемъ «Lettres de Frédéric le Grand, Roi de Prusse, etc. à M. Leonhard Euler..... avec diverses pièces qui y ont quelque rapport».

[2]) Переписка объ увольненіи Эйлера изъ Россіи въ 1741 году, а также

Въ своей автобіографіи онъ объясняетъ причину своего отъѣзда изъ Россіи тѣмъ, что „послѣ кончины достославной императрицы Анны, при послѣдовавшемъ тогда регентствѣ, дѣла (въ Россіи) стали идти плохо"...

По пріѣздѣ въ Берлинъ, Эйлеръ писалъ къ Шумахеру очень любезныя письма, въ которыхъ не было ни малѣйшаго намека на прежнія взаимныя неудовольствія. Такимъ образомъ разлука великаго математика съ академическимъ совѣтникомъ, отъ котораго вполнѣ зависѣла исправная присылка пенсіоновъ заграничнымъ членамъ, водворила между ними миръ, о чемъ не безъ нѣкоторой ироніи писалъ Даніилъ Бернулли въ письмѣ къ Эйлеру 28 іюля 1742 года: „такъ-какъ нынѣ я съ удовольствіемъ вижу, что у васъ съ г. Шумахеромъ возстановилась совершенная дружба, то прошу васъ помочь мнѣ, чтобы и меня онъ удостоилъ ею" [1]).

Съ Нартовымъ, который временно правилъ Академіею, когда Шумахеръ находился подъ слѣдствіемъ, Эйлеръ переписывался по-русски. Такъ, 18 іюня 1743 года, онъ поздравлялъ Нартова со вступленіемъ его въ управленіе Академіею и просилъ о продолженіи „дражайшей друбы и склонности". Впрочемъ это не помѣшало Нартову извѣстить Эйлера, что пенсій заграничнымъ членамъ Академіи производиться болѣе не будетъ, на что этотъ отвѣчалъ 27 іюля 1743 года: „Благородный и почтеннѣишіи г-нъ Совѣтникъ Государь мой. Вашему благородію за благосклонный отвѣтъ на мое письмо покорно благо-

---

письма и прошенія его по этому поводу—II, книга № 58. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга лѣтомъ того же года, моремъ, съ женою Екатериною Гзель, сыновьями Іоганомъ-Альбрехтомъ и Карломъ, свояченицею Елисаветою-Паулиною Гзель и роднымъ своимъ братомъ Іогапомъ-Генрихомъ Эйлеромъ. Въ письмѣ 6 сентября 1746 года (II, книга № 104) Эйлеръ просилъ Шумахера дать отъ Академіи свидѣтельство, что этотъ братъ его съ 1735 по 1741 занимался живописью у мастера Георга Гзеля. При отъѣздѣ Эйлера, Академія пріобрѣла у него покупкою деревянный домъ его, находившійся близь Невы, въ 10-й линіи Васильевскаго острова и принадлежавшій прежде Князю Ивану Андреевичу Кольцову-Масальскому. Въ 1745 году этотъ домъ Академія продала механику своему Брюкнеру. (II, книга № 58).

[1]) Это мѣсто выпущено изъ напечатаннаго Фуссомъ письма 28-го іюля 1742 года въ Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, (S.-Petérsbourg, 1843), II, 495, 496.

дарствую; объ имянномъ указѣ Ея Імператорскаго Величества, чтобъ впредъ иностраннымъ членамъ Академіи Наукъ жалованія не производить, никакова извѣстія еще не получилъ, и для того нынѣ съ чиномъ почетнаго члена и безъ жалованія весма удоволствуюсь"....[1])

Когда Шумахеръ снова былъ возвращенъ къ управленію Академіею, то Эйлеръ поспѣшилъ увѣдомить о томъ Даніила Бернулли, который 9 февраля 1743 года отвѣчалъ: „мнѣ было пріятно узнать, что г. совѣтникъ Шумахеръ освобожденъ изъ подъ ареста и выпутался съ такою честью изъ этого лабиринта. Прошу васъ поздравьте его съ тѣмъ отъ меня... я также признаю, что дѣйствительно академическія дѣла только ухудшились со времени его удаленія"...[2])

Въ 1744 году было сдѣлано представленіе отъ Академіи о пенсіяхъ заграничнымъ почетнымъ членамъ, и здѣсь между прочимъ объ Эйлерѣ находится такой отзывъ: „Профессоръ Эйлеръ отпущенъ отъ Академіи въ 1741 году, и по резолюціи бывшаго тогда кабинета опредѣлена ему была пенсія по 200 рублей въ годъ. Какую онъ пользу и честь здѣшней Академіи учинилъ множествомъ присланныхъ отъ него ученыхъ сочиненій въ то уже время, когда отсюда отлучился, оное всѣ здѣшніе профессора тѣмъ наипаче признать имѣютъ, что онъ праведно за украшеніе ученаго свѣта почитается и въ состояніи математической классъ учеными сочиненіями одинъ наполнить, ежели бы нужда того требовала. Его двѣ книги — одна о навигаціи или мореплаваніи, а другая о счетѣ интегральномъ и дифференціальномъ той пенсіи уже достойны, которую онъ получать имѣлъ, хотя бы для Академіи, будучи въ отсутствіи, и ничего больше не дѣлалъ"....[3])

23 мая 1744 года императрица Елисавета подписала указъ

---

[1]) За тѣмъ въ письмѣ идетъ рѣчь о счетахъ съ книгопродовцами Брандмиллеромъ. Подлинники русскихъ писемъ Эйлера — II, Входящія письма 1740—1743 годовъ.

[2]) Это мѣсто не напечатано въ Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, II, 548.

[3]) Матеріалы для исторіи Академіи наукъ въ дѣлахъ Государственнаго архива.

о продолженіи пенсій почетнымъ членамъ Академіи по прежнему, и Эйлеръ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе Даніила Бернулли: ему Шумахеръ немедленно выслалъ причитавшійся пенсіонъ и продолжалъ это дѣлать потомъ, тогда-какъ въ отношеніи Бернулли именное повелѣніе императрицы оставалось болѣе двадцати лѣтъ невыполненнымъ.

Въ 1745—1746 годахъ въ Академіи происходили сильныя пререканія между Шумахеромъ и академиками, которые старались, какъ видѣли въ жизнеописаніи Шумахера, но тщетно освободиться отъ деспотическаго вліянія академическаго совѣтника. Любопытно, что Эйлеръ, живя въ Берлинѣ, успѣлъ забыть, что и онъ нѣкогда терпѣлъ отъ самовластныхъ распоряженій Шумахера, и въ письмахъ къ нему въ сказанные годы находилъ уже достойными порицанія поступки бывшихъ своихъ товарищей. Однимъ такимъ письмомъ Эйлера, именно отъ 29 марта 1746 года, Шумахеръ воспользовался и передалъ его въ русскомъ переводѣ въ императорскій Кабинетъ, какъ доказательство неосновательности жалобъ противъ него академиковъ. „Мнѣ, писалъ тамъ Эйлеръ, весьма пріятно было слышать, что ваши гг. профессора наконецъ начинаютъ отставать отъ прежняго своего намѣренія, которое склонялось къ разрушенію Академіи; но сверхъ той дѣйствительной обиды, которая вашему высокоблагородію чрезъ то паки учинена, я весьма опасаюсь, что не поздно-ли оная перемѣна отъ нихъ воспослѣдовала, ибо сколько я изъ разныхъ сообщенныхъ мнѣ извѣстій заключить могъ, то дворъ совершенно склоненъ былъ Академію опять въ доброе состояніе привести; но по происшедшихъ толь многихъ внутреннихъ несогласіяхъ, неудивительно, что и самыя лучшія диспозиціи высокихъ патроновъ безплодны учинились. Мы живемъ здѣсь въ иныхъ весьма обстоятельствахъ, но ежели бы такія ссоры у насъ случались, то бъ Академія конечно скоро разорилась. Ваше высокоблагородіе не токмо совершенно знаете состояніе Академіи, но и интересъ вашъ съ благополучіемъ Академіи такъ тѣсно соединенъ, что ваши представленія всѣмъ другимъ далеко предпочтены быть долженствуютъ. Но ежели бы при сихъ смутныхъ обстоятельствахъ

иностранными представленіями въ чемъ пособить возможно было, то я бы принялъ за особливое себѣ счастіе, ежели бы я случай получилъ въ чемъ къ пользѣ Академіи, а особливо къ удовольствію вашего высокоблагородія способствовать"....[1])

Когда въ 1744 году, молодой графъ Кирила Разумовскій, братъ бывшаго тогда въ особенной милости императрицы Елисаветы, графа Алексѣя, путешествовалъ по Европѣ для пріобрѣтенія навыка къ образованному обществу, то жилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ въ домѣ Эйлера. Молодому Разумовскому сопутствовалъ тогда адъюнктъ нашей Академіи Григорій Тепловъ, который въ одномъ французскомъ письмѣ къ Шумахеру говорилъ между прочимъ: „г. Эйлеръ, вполнѣ заслужившій пріобрѣтенную имъ извѣстность, дѣлаетъ наше пребываніе въ Берлинѣ чрезвычайно пріятнымъ и полезнымъ. Къ несчастію, мы принуждены покинуть его, потому что у него домъ и лѣтомъ, и зимою слишкомъ тѣсенъ для насъ; притомъ же очень отдаленъ отъ отеля его сіятельства графа Бестужева (Михаила, бывшаго тогда русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ). Мы, однако, не пропускаемъ продолжатъ пользоваться уроками г. Эйлера".[2]) Въ 1746 году этотъ самый Разумовскій былъ назначенъ президентомъ Академіи наукъ, и однимъ изъ первыхъ его дѣйствій въ новомъ званіи было приглашеніе Эйлера возвратиться въ нашу Академію. Въ жизнеописаніи Даніила Бернулли было говорено (стр. 115), что послѣдній также совѣтовалъ Эйлеру отправиться года на два въ Петербургъ для устройства академическихъ дѣлъ и даже вызывался ѣхать въ Берлинъ, чтобы безвозмездно исполнять въ тамошней Академіи обязанности его. Но Эйлеръ не принялъ тогда ни предложеній гр. Разумовскаго, ни совѣта Бернулли. Причина тому ясно видна въ письмѣ его къ Ветстейну[3]), писанномъ въ тотъ самый

---

[1]) Матеріалы для исторіи Академіи наукъ въ дѣлахъ Государственнаго архива.

[2]) I, Входящія письма 1744—1747 годовъ.

[3]) Wetstein былъ, какъ видно изъ переписки его съ Эйлеромъ, chapelain et bibliothécaire de S. A. R. de Prince de Galles à Londres.

годъ, когда дѣло шло о вызовѣ его снова въ Россію, именно 8 января 1746 года: „Оставивъ петербурскую Академію, я совершенно доволенъ своею судьбою. Король назначилъ мнѣ тоже жалованье, какое получалъ я въ Петербургѣ, что́ составляетъ 1600 экю, и я завишу только отъ его величества. Я воленъ дѣлать что хочу, и никто отъ меня ничего не требуетъ. Король называетъ меня своимъ профессоромъ, и я счастливѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ"....[1])

Шумахеръ, кажется, не очень сочувствовалъ тому, чтобы Эйлеръ возвратился въ нашу Академію, потому что дѣйствительно съ нимъ, какъ съ европейскою знаменитостью, академическому совѣтнику было бы нѣсколько труднѣе обходиться съ тою безцеремонностью, съ какой привыкъ онъ обращаться со всѣми прочими членами Академіи. Что́ Шумахеръ поддерживалъ въ Эйлерѣ рѣшимость оставаться въ берлинской Академіи, то замѣтно изъ письма послѣдняго 1 ноября 1746 г.[2]): „я не малую почувствовалъ о томъ радость, что ваше высокоблагородіе тѣ причины, которыя меня здѣсь удерживаютъ, за справедливыя признаваете. Хотя бы сихъ обстоятельствъ и не было, то бы однако не что иное какъ токмо разсужденіе о столь многихъ искреннихъ пріятеляхъ, которыхъ я въ С.-Петербургѣ оставилъ, меня къ перемѣнѣ склонить могло. Ежели же его высокографское сіятельство г. президентъ о силѣ показанныхъ мною резоновъ несовершенно увѣренъ, то прошу, чтобъ ваше высокоблагородіе своимъ обо мнѣ представленіемъ исходатайствовали у его сіятельства ко мнѣ продолженіе его благосклонности. Я съ великимъ желаніемъ ожидаю опредѣленія, какъ мнѣ впредь присылать свои сочиненія: оныхъ находится у меня въ готовности нарочитое число, которыми происходившее по сіе время упущеніе награждено быть можетъ"....

Отказъ Эйлера, а можетъ быть и совѣты его побудили президента Академіи обратиться къ Даніилу Бернулли съ просьбою занять каѳедру высшей математики, остававшуюся празд-

---

[1]) Изъ писемъ Эйлера къ Ветстенію въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Письмо въ современномъ русскомъ переводѣ, II, книга № 104.

ною съ отъѣзда Эйлера изъ Петербурга. Послѣдній взялся за то, чтобы уговорить Бернулли принять эти предложенія, но безъ успѣха, о чемъ уже говорено въ жизнеописаніи Даніила Бернулли, стр. 116, 117.

Въ 1747 году Эйлеръ вздумалъ издать въ свѣтъ трактатъ, имѣвшій цѣлью защиту христіанства противъ атеистовъ. Появленіе: Rettung der göttlichen Offenbahrung gegen die Einwürfe der Freygeister [1]) совпадаетъ съ тою эпохою въ прошломъ столѣтіи, когда нападки на христіанское ученіе были въ модѣ и когда прускій король Фридрихъ II былъ особенно благосклоненъ ко всѣмъ современнымъ esprits forts. Издать тогда разсужденіе, подобное тому, какое издано Эйлеромъ, было своего рода мужество, потому что противная сторона имѣла сильныхъ защитниковъ при прусскомъ дворѣ и въ высшихъ слояхъ европейскаго общества. Любопытно, что, вскорѣ послѣ напечатанія своей апологіи, Эйлеръ уже не высказывался столь довольнымъ своею жизнію въ Берлинѣ, какъ это описывалъ онъ въ 1746 году въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ письма къ Ветстенію. 5 марта 1748 г. онъ писалъ къ этому же лицу: „я замѣчаю, что наклонность къ изящной литературѣ начинаетъ здѣсь болѣе и болѣе брать верхъ надъ математикою, такъ-что у меня является опасеніе, чтобы моя личность скоро не сдѣлалась здѣсь лишнею. Въ такомъ случаѣ мнѣ не хотѣлось бы вернуться въ Петербургъ, потому что тамъ семья моя не можетъ надѣяться ни на какое прочное водвореніе, а такъ-какъ она очень многочисленна, то я не вижу для себя мѣста ни на родинѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ развѣ Англіи. Знаю, что тамъ я не способенъ для какого нибудь обыкновеннаго мѣста, и что мнѣ надобно будетъ дать особенное жалованье не меньше того, которымъ я пользуюсь здѣсь. Если вы думаете, что я могу надѣется на подобное прочное помѣщеніе, то въ такомъ случаѣ прошу васъ похлопотать за меня. Быть можетъ нѣкоторая, пріобрѣтенная мною извѣстность, вмѣстѣ съ вашими пред-

[1]) Berlin, in 8⁰, 48. Брошюра эта перепечатана въ Базелѣ Гагенбахомъ при его статьѣ: Leonhard Euler als apologet des Christenthums (4⁰, 1851).

ставленіями, можетъ побудить кого нибудь изъ знатныхъ доставить мнѣ содержаніе, достаточное для моего существованія съ семействомъ. Но какъ это дѣло чрезвычайно щекотливое, то прошу васъ употребить всѣ предосторожности, чтобы здѣсь никто не могъ подозрѣвать того. въ чемъ открылся я предъ вами"..... Отвѣтъ Ветстенія на предложеніе Эйлера перейти на службу въ Англію былъ неблагопріятный, и Эйлеръ 25 мая 1747 года писалъ къ нему: „я очень понимаю, что моя послѣдняя просьба, которою взялъ смѣлость безпокоить васъ, не можетъ быть исполнена, поэтому я не желалъ на нее никакого отвѣта и прошу у васъ въ томъ тысячу извиненій"....[1])

Между тѣмъ переписка Эйлера съ Шумахеромъ и Тепловытъ не прерывалась. Въ 1748 году была переслано имъ въ петербургскую Академію и печаталось тамъ его капитальное произведеніе Scientia navalis. Въ 1749 году Эйлеръ особенно хлопоталъ о смягченіи мѣръ, принятыхъ графомъ Разумовскимъ противъ академика Гмелина, который, уѣхавъ заграницу, не хотѣлъ болѣе возвращаться въ Россію, несмотря на данное при отъѣздѣ изъ Петербурга обязательство (о чемъ говорится въ біографіи Гмелина). Между тѣмъ, узнавъ, что на мѣсто Гмелина вызванъ Гебештрейтъ, Эйлеръ писалъ къ Шумахеру 29 августа 1749 года: „я слышалъ отъ всѣхъ, его знающихъ, что онъ по ботаникѣ не представилъ еще никакого пробнаго сочиненія и что вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него нельзя ожидать многаго, такъ-какъ онъ въ ботаникѣ держится тѣхъ же началъ, какъ и г. Сигезбекъ."[2])

Шумахеръ на это возразилъ, что слухи о Гебенштрейтѣ не вѣрны, и что самъ Гмелинъ, когда только что поступилъ въ нашу Академію, также былъ ничѣмъ неизвѣстенъ. Тогда Эйлеръ отвѣчалъ, 18 ноября 1749 года: „Меня не мало радуетъ, что мнѣніе, которое мнѣ старались внушить о г. Гебенштрейтѣ,

---

[1]) Изъ писемъ Эйлера къ Ветстенію въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Сигезбекъ, бывшій членъ Академіи, извѣстенъ былъ въ свое время только тѣмъ, что выказывался противникомъ началъ Линнея.

совершенно неосновательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя его винить въ томъ, что онъ еще не пріобрѣлъ никакой извѣстности, такъ-какъ есть твердая надежда, что онъ чѣмъ далѣе будетъ заниматься своею наукою, тѣмъ болѣе успѣетъ въ ней. Въ этомъ тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что эта наука будетъ у него главнымъ предметомъ, и онъ не будетъ отрываться отъ нея никакими другими занятіями. Такому вожделѣнному случаю не только докторъ Гмелинъ обязанъ всѣмъ, что̀ сдѣлало извѣстнымъ его имя, но и я, и всѣ прочіе, имѣвшіе счастіе состоять нѣкоторое время при русской императорской Академіи. Мы должны сознаться, сколько обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ только тамъ находились. Что собственно до меня касается, то въ случаѣ неимѣнія такого превосходнаго случая, я бы вынужденъ былъ главнѣйше прилежать къ другимъ наукамъ, отъ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, я бы отупѣлъ только. Его королевское величество недавно меня спрашивалъ: гдѣ я изучалъ то, что знаю? я, согласно истинѣ, отвѣчалъ, что всѣмъ обязанъ моему пребыванію въ петербургской Академіи наукъ"....[1])

Въ 1750 году было снова сдѣлано Эйлеру предложеніе возвратиться въ нашу Академію и, что̀ замѣчательно, отъ имени императрицы Елисаветы съ тѣмъ, чтобы самъ Эйлеръ объявилъ свои условія, на которыхъ захотѣлъ бы вернуться въ Россію. Къ сожалѣнію, остаются неизвѣстными побужденія, которыми руководствовались при этомъ приглашеніи. Оно шло не черезъ Академію, а коллегію иностранныхъ дѣлъ и писать письма къ Эйлеру просилъ графа Разумовскаго тогдашній канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.[2]) Это до сихъ поръ бывшее неизвѣстнымъ письмо къ Эйлеру, отъ 30 октября 1750 года[3]), сообщается здѣсь вполнѣ, такъ-какъ оно очень любопытно по своему содержанію:

---

[1]) Оба письма Эйлера, I, Входящія письма 1748, 1749 годовъ.

[2]) Семейство Разумовскихъ, соч. А. А. Васильчикова (Москва 1868 г.), 73.

[3]) Копія съ этого письма, писанная рукою Эйлера, хранится въ 9-мъ портфелѣ писемъ къ Мюллеру отъ Эйлера въ архивѣ академической конференціи.

"Благородный господинъ профессоръ,
Государь мой.

Ея императорское величество всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила вамъ объявить: не похотите-ли вы паки возвратиться въ санктпетербургскую Академію и принять службу ея императорскаго величества? При чемъ указала мнѣ васъ обнадежить своимъ императорскаго величества всевысочайшимъ благоволеніемъ и что всякія вамъ возможныя снисхожденія и выгодности дозволены будутъ въ Россіи, ежели только на то вознамѣритеся, и на какихъ кондиціяхъ поступить захотите, меня немедленно увѣдомите.

„Вы совершенно увѣрены быть можете, что сіе всевысочайшее соизволеніе ея императорскаго величества не токмо вамъ, но и вашей фамиліи (ежели бы Богу угодно было жизнь вашу пресѣчь) быть можетъ съ немалымъ авантажемъ, потому что вы теперь имѣете случай включить все то въ кондиціи, чего покой вашъ требуетъ. На прежнія же кондиціи, о которыхъ я вамъ неоднократно писалъ при вступленіи моемъ въ правленіе Академіи, прошу не взирать, а сочинить такія, которыя къ вашему и вашей фамиліи совершенному удовольствію служить бы могли.

„Сіе вамъ отъ меня предложеніе, а особливо что по указу особливому ея императорскаго величеста и съ ея особливымъ императорскимъ обнадеживаніемъ вамъ учененное, прошу наиприлежнѣйше содержать въ секретѣ и никому о томъ не открывать. А дабы вы и въ то самое время, когда сіе исполнится, за какимъ либо препятствіемъ не могли подвергнуты быть предосужденію въ вашей службѣ, то сіе письмо для лучшей безопасности посылается съ нарочнымъ курьеромъ и отвѣтъ вашъ, котораго ожидать имѣю, такимъ же образомъ ко мнѣ пересланъ будетъ, ежели вы только оный министру двора ея императорскаго величества, г. канцеляріи совѣтнику Гроссу вручите, ибо о семъ никто и у насъ въ самой Академіи знать не будетъ, а пишу вамъ изъ моего дому, пребывая

вашъ, государя моего,
охотный слуга
Графъ К. Разумовскій.

Эйлеръ сначала было высказался расположеннымъ принять на этомъ разъ приглашеніе; но потомъ написалъ къ графу Разумовскому, что съ огорченіемъ долженъ отказаться отъ столь милостивыхъ предложеній. Любопытно, что мотивомъ къ тому онъ приводилъ то обстоятельство, что онъ уже приближается къ пятидесятилѣтнему возрасту и не въ состояніи, въ слѣдствіе замѣтнаго упадка своихъ силъ, работать для Академіи со славою; что тоже самое замѣтно у всѣхъ великихъ математиковъ: Ньютонъ, Лейбницъ, Германъ, Вольфъ и Бернулли прославились своими превосходными открытіями прежде достиженія ими сорокалѣтняго возраста и все, написанное ими послѣ этой поры, далеко не можетъ равняться съ тѣмъ, что успѣли они сдѣлать въ молодости. [1])

На основаніи академическаго регламента, составленнаго при графѣ Разумовскомъ, наша Академія имѣла право предлагать задачи на рѣшеніе съ тѣмъ, чтобы представившіе удовлетворительные отвѣты на нихъ получали за то награжденіе. Такъ-какъ для нашей Академіи дѣло это было новое, то требовалось, при назначеніи въ первый разъ задачи, особой осмотрительности и осторожности, и потому графъ Разумовскій обратился къ Эйлеру съ просьбою доставить нѣсколько задачъ, которыхъ рѣшеніе могло имѣть значеніе для наукъ. Эйлеръ поспѣшилъ выполнить порученіе, и 15 іюля 1749 года писалъ о томъ къ Шумахеру: „въ приложенномъ письмѣ къ г. Теплову я предложилъ нѣсколько задачъ, о чемъ онъ просилъ меня по приказанію г. президента“. Въ письмѣ 21 августа 1749 г. Шумахеръ такъ разсказываетъ объ объявленіи эйлеровскихъ задачъ въ академическомъ засѣданіи: „какъ только гг. профессора прочитали задачи, то закричали, что ихъ составилъ Эйлеръ. Они утвердились въ своемъ мнѣніи, потому что г. Браунъ щедро расточалъ похвалы задачамъ. Однако я поколебалъ эту мысль, когда сказалъ, что вы были въ перепискѣ съ кавалеромъ Сакрамоза и что быть можетъ президентъ по-

---

[1]) Семейство Разумовскихъ. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья А. А. Васильчикова (Москва, 1868 года.) 73—76.

лучилъ ихъ этимъ путемъ"... Несмотря на недовольство Ломоносова, что назначеніе задачъ предоставлялось не самой Академіи, чѣмъ выразилось какъ бы недовѣріе къ членамъ ея, первая изъ предложенныхъ Эйлеромъ задачъ была предложена отъ Академіи на конкурсъ и должна была состоять въ изслѣдованіи теоріи Ньютона о движеніи луны[1]). Эйлеръ, 29 декабря 1750 года, писалъ по этому случаю Шумахеру: „Въ эту минуту я получилъ благосклонно сообщенное вами описаніе торжественнаго собранія при императорской Академіи наукъ. Я чрезвычайно радъ счастливому окончанію его и приношу вамъ покорнѣйшую признательность за сообщеніе. Предложенная публично при этомъ же случаѣ задача есть величайшей важности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нее поступятъ превосходныя статьи. Я приму всѣ мѣры, чтобы меня никто не счелъ виновникомъ этой задачи, хотя трудно будетъ совсѣмъ избѣгнуть подозрѣнія, такъ-какъ многимъ болѣе, чѣмъ достаточно извѣстно, что съ давняго времени этотъ вопросъ сильно меня занимаетъ"....[2]). 3 января 1750 году, Эйлеръ же къ Теплову послѣ похвалъ задачѣ: „...хотя я довольно долго работалъ надъ этимъ предметомъ, однако снова примусь за него, употребивъ притомъ всевозможныя старанія. Впрочемъ, при всей моей надеждѣ на успѣхъ и такъ-какъ мѣсто мое въ Академіи еще не занято, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ отказался отъ этой работы, когда его сіятельство г. президентъ сочтетъ умѣстнымъ назначить меня въ число коммиссаровъ для разсмотрѣнія представляемыхъ по этому предмету статей. Дѣло при этомъ состоять будетъ въ разсмотрѣніи самыхъ длинныхъ и сложныхъ изчисленій, и потому быть можетъ я буду въ состояніи оказать бо́льшую услугу Академіи, къ чему направлены всѣ мои заботы"....

Въ слѣдующемъ году графъ Разумовскій дѣйствительно просилъ Эйлера взять на себя разсмотрѣніе присылаемыхъ на

---

[1]) Записки Академіи, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, стр. 47, 48.

[2]) I, Исходящія письма 1748 года и Исходящія же письма 1748, 1749 годовъ.

конкурсъ статей. Выражая за то благодарность президенту въ письмѣ 26 января 1751 года, онъ писалъ: „задача, предложенная вашимъ сіятельствомъ, безспорно чрезвычайной важности, и никакая другая Академія не можетъ похвалиться, чтобы предложила когда нибудь подобный вопросъ, который бы имѣлъ такое огромное вліяніе на преуспѣяніе наукъ. Мнѣнія величайшихъ изъ нынѣшнихъ ученыхъ совершенно противорѣчатъ между собою относительно избраннаго вашимъ сіятельствомъ предмета: одни предполагаютъ, что знаменитая теорія Ньютона достаточна для объясненія всѣхъ явленій движенія небесныхъ тѣлъ; между-тѣмъ какъ другіе утверждаютъ, что эта теорія примѣняется только до нѣкоторой степени къ небу и что, стало быть, нуждается въ исправленіи. Такъ-какъ этой теоріи астрономія обязана всѣмъ великимъ успѣхамъ, сдѣланнымъ ею въ продолженіе столѣтія, то въ настоящее время это разногласіе такъ важно, что трудно надѣяться на дальнѣйшее преуспѣяніе этой науки прежде окончательнаго рѣшенія вопроса императорской Академіи“...

Изъ четырехъ, присланныхъ на конкурсъ статей одна обратила на себя особенное вниманіе Эйлера: „прекрасная французская статья на премію, писалъ онъ 3 марта 1751 года, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мнѣ нравится. Я сначала не раздѣлялъ мнѣнія, чтобы теорія Ньютона была достаточна, какъ доказывается въ этой статьѣ, для объясненія всѣхъ неравенствъ (Ungleichheiten) луны, однако нынѣ, послѣ разысканій объ этомъ предметѣ по своему способу, нашелъ дѣло инымъ и перемѣнилъ мое мнѣніе. Впрочемъ это разысканіе требуетъ чрезвычайнаго вычисленія (ganz erstaunliche Rechnung), которымъ я постоянно былъ занятъ впродолженіе четырнадцати дней, и еще буду занятъ нѣсколько недѣль“ [1]).

Французская статья, которая такъ понравилась Эйлеру, принадлежала математической знаменитости прошлаго вѣка — Клеро и увѣнчана отъ нашей Академіи наградою, о чемъ слѣдующимъ образомъ объявлено было въ отчетѣ о торжественномъ со-

---

[1]) Всѣ приведенныя письма Эйлера—I, Входящія письма 1750, 1751 годовъ.

браніи Академіи 6 сентября 1751 года: „Въ ономъ собраніи во первыхъ правящій секретарскую должность при Академіи г. профессоръ астрономіи, Августинъ Наѳанаиллъ Гришовъ, именемъ Академіи объявилъ, что предложенную въ 1749 году слѣдующую задачу: всѣ-ли неравности, которыя въ теченіи луны примѣчаются съ невтоновою теоріею сходны или нѣтъ? И буде не всѣ сходны, то которая самая справедливая теорія всѣхъ оныхъ неравностей, по которой бы мѣсто луны можно было опредѣлить на всякое заданное время по самой точности? По разсужденію ея между полученными въ отвѣтъ на объявленную задачу дисертаціями къ крайнему ея удовольствію рѣшилъ и удостоенъ за то обѣщаннаго ста червонныхъ награжденія славной господинъ Алексѣй Клеро, членъ парижской Академіи наукъ"...[1]).

Что касается до собственныхъ разысканій по этому предмету Эйлера, то они были также напечатаны на счетъ нашей Академіи, но въ Берлинѣ, гдѣ могъ наблюдать за корректурами самъ знаменитый авторъ ихъ. Заглавіе этого труда: Theoria motuum Lunae exhibens omnes corporum inaequalitates, cum additamento (1753, 4°); второе изданіе въ Петербургѣ: Theoria motuum Lunae, nova methodo pertracta, una cum tabulis astronomicis, unde ad quodvis tempus loca Lunae expedite computare licet (1772, in 8°).

Съ 1745 года, президентомъ берлинской Академіи наукъ былъ Мопертюи. Одно время онъ пользовался большою извѣстностью по тому, что отправленная подъ начальствомъ его ученая экспедиція въ Лапландію въ 1736 — 1737 годахъ подтвердила своими изслѣдованіями знаменитую гипотезу Ньютона, что земля у полюсовъ сплюснута. Когда восторги отъ результатовъ лапландской экспедиціи и разсказы о ней стали дѣлатся общимъ мѣстомъ, то Мопертюи вообразилъ, что онъ сдѣлалъ величайшее открытіе — законъ наименьшаго дѣйствія (la loi de la moindre action), будто бы основной въ математикѣ, физикѣ и философіи. Самуилъ Кёнигъ, ученый, пользовавшійся

---

[1]) Санктпетербургскія Вѣдомости 1751 года, № 73, 553.

въ свое время нѣкоторою извѣстностью, рѣшился замѣтить, что законъ, превозглашенной Мопертюи, не находитъ подтвержденія ни въ дѣйствительности, ни въ умозрѣніяхъ, и что если онъ имѣетъ какое-либо значеніе, то честь открытія его принадлежитъ Лейбницу. Мопертюи, давно уже не слыхавшій ничего кромѣ похвалъ, счелъ долгóмъ оскорбиться возраженіями Кёнига и свои неудовольствія противъ него передалъ на судъ берлинской Академіи наукъ, а эта въ лицѣ Эйлера и Меріана приняла весьма энергически сторону своего президента. Въ похвальномъ словѣ Эйлеру Фусса (стр. 44) объ этомъ обстоятельствѣ только замѣчено, что великій математикъ взялся защищать Мопертюи „съ жаромъ истиннаго друга". Кондорсе, авторъ другаго похвальнаго слова Эйлеру (стр. 59), говоритъ объ этомъ нѣсколько болѣе откровенно: „г. Эйлеръ, привязанный къ Мопертюи изъ признательности, счелъ себя обязаннымъ защищать начало наименьшаго дѣйствія... Мы желали бы, чтобы признательность г. Эйлера ограничилась покровительствомъ, столь благороднымъ и достойнымъ его; но нельзя скрыть, что онъ выказалъ слишкомъ много жесткости въ своихъ отвѣтахъ Кёнигу".

Берлинская Академія наукъ, чтобы сдѣлать болѣе угодное Мопертюи, не ограничилась одними рѣзкими приговорами противъ Кёнига, но пошла далѣе и исключила его изъ числа своихъ иностранныхъ сочленовъ. Судьбою, однако, было предопредѣлено, чтобы Мопертюи дорого поплатился за свою нетерпимость: неожиданно Вольтеръ принялъ сторону Кёнига и напалъ на президента берлинской Академіи не какъ геометръ, а сатирикъ. Благодаря его жгучему памфлету — Diatribe d'Akakia, Мопертюи сдѣлался посмѣшищемъ всей Европы, хотя памфлетъ и былъ сожженъ, по приказанію прускаго короля, рукою палача. Объ этомъ обстоятельствѣ Эйлеръ писалъ къ Шумахеру въ письмѣ 30 декабря 1752 года: „изъ газетъ вы узнали, что прошедшаго воскресенья сочиненіе г. Вольтера противъ нашего президента Мопертюи публично было сожжено палачемъ. Уже нѣсколько разъ въ небольшихъ печатныхъ сочиненіяхъ первый очень жестоко нападалъ на втораго, чтó было

весьма неблагосклонно принято его королевскимъ величествомъ, который строго воспретилъ на будущее время писать подобныя произведенія. Несмотря на то, г. Вольтеръ даже въ Потсдамѣ напечаталъ шутливое сочиненіе подъ заглавіемъ Diatribe d'Akakia médecin du pape, котораго все изданіе было уничтожено и сожженно; однако скоро явились экземпляры того же произведенія, напечатанные за границею. Они-то и были сожжены чрезъ палача. Теперь каждому любопытно знать, что будетъ далѣе съ г. Вольтеромъ. Много удивляются тому, что г. Мопертюи не подалъ ни малѣйшаго повода къ какому нибудь неудовольствію противъ себя, кромѣ того, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ былъ очень опасно болѣнъ и потомъ снова поправился, а г. Вольтеръ имѣлъ твердую надежду получить мѣсто президента. Тяжелый характеръ г. Вольтера достаточно извѣстенъ всему свѣту, и недавно здѣсь появилась слѣдующая прекрасная эпиграмма почти столѣтняго Фонтенелля:

Voltaire a de l'esprit, il est vrai; mais, mais, mais
Les mais à son égard ne finissent jamais...[1])

Шумахеръ долгомъ счелъ на это такъ отвѣтить (16 января 1733 г.): „Характеръ г. Вольтера намъ очень извѣстенъ. Его сумазбродство и развратныя мысли доставили ему дурную славу при здѣшнемъ дворѣ. Самъ онъ думаетъ покинуть тамошній (т. е. берлинскій) дворъ, но куда же онъ хочетъ? Во Францію онъ не смѣетъ; въ Англіи у него также нѣтъ друзей, а въ Голландіи всѣми безъ изъятія ненавидимъ“... Однако, въ концѣ письма Шумахеръ прибавляетъ, что ему бы очень было любопытно прочесть Diatribe d'Akakia[2]).

Въ 1750 — 1755 годахъ къ Эйлеру часто присылались изъ петербургской Академіи наукъ математическія статьи русскихъ

---

[1]) I, Входящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) Бывшій сочленъ Эйлера по петербургской академіи Георгъ Крафтъ чрезвычайно уважалъ Эйлера и писалъ къ нему, шутя (29 августа 1746 года), что Эйлеръ генералъ его и многихъ другихъ, и что Крафтъ за честь себѣ считаетъ быть у него поручикомъ. Крафтъ во время спора Мопертюи съ Кёнигомъ, подобно Эйлеру, принялъ сторону перваго и даже началъ было статью въ защиту Мопертюи, но оставилъ ее, такъ-какъ Эйлеръ уже напе-

студентовъ съ тѣмъ, чтобы онъ сообщалъ свое мнѣніе о нихъ. Замѣчательно, что геніальный ученый былъ весьма снисходителенъ къ этимъ юношескимъ опытамъ, и почти всегда отзывался о нихъ съ похвалами. Эйлеръ самъ вызвался, чтобы къ нему прислали въ Берлинъ для наставленія въ высшей математикѣ Котельникова. Когда этотъ прибылъ къ нему изъ Лейпцига, куда первоначально былъ посланъ, то Эйлеръ писалъ къ Шумахеру 22 іюля 1752 г.: „Имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, что въ прошедшій вторникъ сюда благополучно прибылъ г. Котельниковъ. Онъ остался совершенно доволенъ комнатою, которую мы ему приготовили; обѣдаетъ онъ также съ нами. Кажется, что онъ свое время въ Лейпцигѣ употреблялъ съ пользою, и я вижу, что въ математикѣ онъ уже пріобрѣлъ очень хорошія основанія и въ короткое время пойдетъ далѣе... Сколько замѣтилъ, у него прекрасныя способности и стало-быть я надѣюсь, что онъ мнѣ принесетъ честь"...

Въ 1752 и 1753 годахъ Эйлеръ постоянно отзывался съ похвалами о Котельниковѣ и просилъ, чтобы написанную имъ статью помѣстить въ Комментаріяхъ. Когда изъ нашей Академіи просили Эйлера рекомендовать ученаго для занятія тамъ каѳедры механики, то онъ, 7 августа 1753 года, отвѣчалъ: „я еще не имѣю никакихъ извѣстій о способномъ механикѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, найдется-ли такой, за котораго бы могъ заслужить признательность. Лучше всего будетъ замѣстить это мѣсто способнымъ русскимъ, для чего, конечно, потребуется время. Я такъ устроилъ свое домашнее хозяйство, что могъ бы удобно пріютить у себя еще одного. Для этой цѣли я купилъ очень пріятное имѣніе въ Шарлоттенбургѣ за 6 тысячъ талеровъ, въ которомъ много сбирается хлѣба и сѣна. Тамъ будетъ жить моя мать, золовка и всѣ дѣти съ учителемъ. Чрезъ это я могу уменьшить на половину мои, до сихъ

чаталъ свое мнѣніе о томъ. Разсказывая о томъ Шумахеру, въ письмѣ 4 іюня 1753 года, Крафтъ прибавляетъ: «Между тѣмъ Акакій г. Вольтера смѣшитъ до упаду, и если бы это было написано противъ меня, то и мнѣ бы ничего не оставалось дѣлать, какъ смѣяться самому со всѣми».... (I, Euler's Briefwechsel von 1745 bis 1748 и Входящія письма 1752, 1753 годовъ).

поръ очень значительные расходы по дому и получать изъ имѣнія все, что намъ нужно"...[1])

Эйлеръ въ особенности отзывался съ большими похвалами о присланныхъ къ нему пробныхъ статьяхъ студента Софронова. Въ 1754 г. этого молодаго человѣка и его товарища Румовскаго отправила Академія также въ Берлинъ къ Эйлеру, при чемъ послѣдній предупреждался, что Софроновъ замѣченъ былъ въ невоздержной жизни. Эйлеръ, 23 февраля 1754 года, писалъ къ Шумахеру: „Для г.г. Софронова и Румовскаго уже приготовлено въ моемъ домѣ помѣщеніе, которое они и могутъ занять тотчасъ же по ихъ пріѣздѣ. Надъ первымъ я, вмѣстѣ съ г. Котельниковымъ, буду имѣть бдительный надзоръ. Главное будетъ состоять въ томъ, чтобы мы его съ самаго начала удержали отъ подозрительныхъ знакомствъ. Ему тѣмъ болѣе въ томъ можно содѣйствовать, что не легко впасть въ распущенность: онъ обязанъ слѣдовать только примѣру Котельникова, который постоянно занятъ науками и не пользуется никакими развлеченіями, кромѣ того, что иногда прогуливается по нашему имѣнію въ Шарлоттенбургѣ"[2]).

Софроновъ и Румовскій пріѣхали въ Берлинъ 28 іюня 1754 года, а 27 августа того же года Эйлеръ писалъ: „хотя у г. Софронова хорошая голова, а сердце еще лучше, однако жалко, что онъ такъ сильно преданъ пьянству, что едва можетъ быть отъ того удержанъ"[3]). 12 октября 1754 г. онъ же къ Мюллеру: „г. Софроновъ долгое время велъ себя очень хорошо, однако недавно опять принялся за свои излишества; когда же я пригрозилъ отослать его назадъ, то онъ съ клятвою обѣщалъ отнынѣ не пить больше ни капли вина. Ради его другихъ хорошихъ дарованій, желалъ бы очень, чтобы онъ могъ сдержать

---

[1]) I, Входящія письма 1752, 1753 годовъ.

[2]) I, Входящія письма 1754—17.. (67?) годовъ. Въ другомъ письмѣ, 30 марта 1754 года, Эйлеръ просилъ Шумахера, чтобы ему прислать съ имѣющими отправиться къ нему въ Берлинѣ русскими студентами «russische Rechnung's Maschine — щоты», рысій мѣхъ рублей въ 30—40, русскаго меда около 5 пудовъ, «теплѣнное (sic) масло» около трехъ пудъ, восковыхъ свѣчъ 2 пуда.

[3]) I, Входящія письма 1754 — 17.. (67?) годовъ.

свое обѣщаніе"... Такимъ образомъ случалось нѣсколько разъ что Софроновъ начиналъ нетрезвую жизнь, а Эйлеръ нѣсколько разъ потомъ надѣялся, что онъ исправится: но, наконецъ, въ 1755 г. выведенный изъ терпѣнія, великій математикъ просилъ взять его обратно. Отправляя его изъ Берлина, онъ въ письмѣ 15 апрѣля 1755 г. повторялъ, что Софроновъ заслуживаетъ попеченій о немъ, такъ-какъ у него прекрасныя дарованія и чрезвычайное прилежаніе[1]).

Что касается до Румовскаго и Котельникова, то о нихъ Эйлеръ отзывался постоянно съ увлеченіемъ добраго наставника къ любимымъ ученикамъ и откровенно писалъ къ тогдашнему непремѣнному секретарю нашей Академіи Мюллеру, что Котельниковъ, по своимъ знаніямъ и дарованіямъ, гораздо выше ученыхъ въ родѣ Кюна, Кастильоне и Кестнера, которыхъ Академія хотѣла вызвать изъ Германіи на свободныя мѣста академиковъ.[2])

Когда Шумахеръ просилъ Эйлера пригласить изъ Германіи ректора и конректора для московской гимназіи при университетѣ, то получилъ отъ него въ отвѣтъ, 26 іюля 1755 г.: „г. Котельниковъ сказывамъ мнѣ, что по этой части трудно найти людей болѣе способныхъ, какъ два русскіе студента, слушающіе лекціи въ Лейпцигѣ[3]). Одинъ изъ нихъ, какъ думаетъ Котельниковъ, могъ бы удобно быть отданъ отъ Академіи университету. Это будетъ лучшій совѣтъ, когда Академія на счетъ этихъ студентовъ не имѣетъ особенныхъ видовъ, такъ-какъ, кромѣ того, что нѣмцы чрезвычайно требовательны, рекомендація можетъ также оказаться и неудачною"[4]).

Эйлеръ принялъ русскихъ адъюнктовъ за небольшую плату, потому что Шумахеръ, отправляя къ нему Котельникова, обѣщалъ, что за наставленіе его въ математикѣ будетъ Эйлеру выдаваться особое награжденіе. Между-тѣмъ этого не испол-

---

[1]) I. Портфель 9-й писемъ Эйлера къ Мюллеру.

[2]) Тамъ же письмо 31 декабря 1754 года.

[3]) Это были молодые малороссы изъ Кіева Козицкій и Мотонисъ, впослѣдствіе оба—адъюнкты нашей Академіи.

[4]) I, Входящія письма 1754 — 17 (67?) годовъ.

нялось, и Эйлеръ много разъ напоминалъ о томъ Шумахеру. Послѣдній, вмѣсто исполненія обѣщаннаго, отозвался, что если адъюнкты ему въ убытокъ, то пусть они доплачиваютъ ему недостающее изъ денегъ, которыя отпускаются имъ на содержаніе за границею (360 рублей въ годъ). Такой отзывъ разсердилъ Эйлера, тѣмъ болѣе, что за печатаніе Theoria motuum Lunae и другіе предметы Академія нѣкоторое время состояла ему должною болѣе 500 рублей. Описывая въ письмѣ къ Мюллеру, 29 іюня 1756 года, эти неудовольствія свои противъ Шумахера, Эйлеръ въ особенности негодовалъ на то, что жившихъ у него адъюнктовъ заставляютъ уплачивать слѣдующее ему вознагражденіе изъ ихъ скуднаго содержанія. „Но я, прибавлялъ онъ, не ограблю добрыхъ людей и удовольствуюсь тѣмъ, что рѣшительно договорился съ ними разъ навсегда“ [1]).

Эйлеръ нѣсколько разъ повторялъ свои жалобы въ письмахъ къ графу Разумовскому, Теплову и Мюллеру, и сами адъюнкты Котельниковъ и Румовскій писали Теплову, 29 ноября 1755 года, что „г. профессоръ во всѣхъ своихъ обхожденіяхъ крайнее неудовольствіе показываетъ.... Теперь, милостивый государь, сами извольте разсудить, сколь наши велики могутъ быть успѣхи и сколь намъ охотно обучаться, имѣя учителя, который на насъ негодуетъ и будто съ принужденіемъ обучаетъ“. [2])

Вслѣдствіе всего этого, Котельниковъ и Румовскій въ 1756 году были отозваны Академіею въ Петербургъ, а Эйлеръ 31 іюля того года писалъ къ Мюллеру: „вчера гг. Котельниковъ и Румовскій уѣхали отсюда въ Любекъ. Разставаніе для нихъ было тѣмъ болѣе горестно, что они очень близко принимали къ сердцу, что я не только не получилъ ничего за всѣ мои, употребленные на нихъ труды, но мое хозяйство потерпѣло немалый убытокъ отъ пребыванія ихъ здѣсь. Въ томъ виноватъ только одинъ г. статскій совѣтникъ Шумахеръ!“ [3]) 14 августа онъ же: „третьяго дня должны были выѣхать изъ Лю-

---

[1]) I, Портфель 9-й писемъ къ Мюллеру отъ Эйлера.

[2]) I, Eingekommende Briefe von anno 1750 bis 1755.

[3]) I, Портфель 9-й писемъ къ Мюллеру отъ Эйлера.

бека гг. Котельниковъ и Румовскій.... Я бы могъ по совѣсти рекомендовать ихъ наилучшимъ образомъ, если бы не боялся, что моя рекомендація можетъ имъ послужить во вредъ, въ особенности потому, что императорская Академія кажется очень равнодушна, выучились-ли они чему нибуть или нѣтъ?“[1])

Мюллеръ въ отвѣтахъ своихъ къ Эйлеру старался успокоить раздраженнаго метематика увѣреніями, что никто въ петербургской Академіи не имѣетъ противъ него вражды; что его требованія не исполняются скоро потому, что при выдачѣ значительныхъ денежныхъ суммъ требуются разныя формальности, и что, наконецъ, Шумахеръ становится старъ и слабъ, такъ-что часто забываетъ о чемъ пишетъ въ своихъ письмахъ. 3 августа 1756 года Мюллеръ извѣстилъ Эйлера, что должныя ему Академіею деньги посланы, а 17 августа того же года писалъ: „что́ будто бы здѣсь равнодушно примутъ, выучились-ли чему нибудь или нѣтъ гг. Румовскій и Котельниковъ, или же что́ ваши рекомендаціи могутъ повредить имъ—это рѣшительно заблужденіе. Его сіятельство графъ Разумовскій, основываясь на прежнихъ вашихъ письмахъ и свидѣтельствахъ, твердо убѣжденъ, что Академія отъ нихъ обоихъ можетъ имѣть себѣ пользу“....[2])

Уплата долга укротила неудовольствіе Эйлера на стараго Шумахера, и онъ 21 августа 1756 года писалъ къ нему: „по истинной дружбѣ вашего высокородія, которую вы постоянно мнѣ выказывали, я всегда былъ въ твердой увѣренности, что при вашемъ благосклонномъ содѣйствіи всѣ мои нынѣшнія дѣла будутъ приведены къ вожделѣнному концу“...[3]) 25 сентября 1756 г. къ Мюллеру послѣ благодаренія за удовлетвореніе его просьбъ: „какъ были для меня тяжелы прежнія запутанныя обстоятельства, такъ тѣмъ болѣе я опять обрадованъ милостивымъ пріемомъ гг. Котельникова и Румовскаго, которымъ я отъ души желаю

---

[1]) I, Входящія письма 1756—1759 годовъ.

[2]) I, Портфель 1-й, письмъ исторіографа Мюллера къ разнымъ особамъ 1754—1756 годовъ.

[3]) I, Входящія писема 1754 — 17 (69?) годовъ.

дальнѣйшихъ успѣховъ отъ этой милости. Во все продолженіе своего пребыванія здѣсь, они такъ себя вели, что я ихъ всегда ставилъ въ примѣръ моимъ дѣтямъ; въ изученіи же наукъ они постоянно выказывали такое усердіе, что навѣрное принесутъ честь и пользу Академіи". Въ это самое время уже начинались приготовленія къ походу русскихъ противъ Пруссіи, почему Эйлеръ такъ кончалъ свое письмо: „не хочу я вѣрить, чтобы общественныя безпокойства прервали нашу переписку и помѣшали моей преданности императорской Академіи.[1]) Въ октябрѣ того же года, по распоряженію графа Разумовскаго, Эйлеру выдано было 300 рублей въ награжденіе за обученіе обоихъ русскихъ адъюнктовъ.[2])

Переписка Эйлера съ нашею Академіею въ семилѣтнюю войну почти прекратилась, и немногія письма его за это время къ Мюллеру отличаются краткостью. 27 февраля 1759 года онъ писалъ къ Тауберту: „я.... по крайней возможности моей стараться буду должность свою къ императорской Академіи наукъ во всемъ исполнить. Хотя сумнительныя времена не допускали меня понынѣ продолжать корреспонденцію мою съ императорскою Академіею наукъ, однако я во все оное время сочинилъ много разныхъ диссертацій, которыя всѣ по первому требованію перешлю тою дорогою, коею мнѣ приказано будетъ, потому что я не знаю, какимъ трактомъ оныя могу отправить".[3]) 29 января 1760 года къ Мюллеру: „въ особенности я желаю скорѣйшей перемѣны нынѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы безъ опасенія продолжать съ вами прежнюю переписку и доказывать на дѣлѣ мое усердіе къ императорской Академіи."

„У насъ, писалъ Эйлеръ 18 октября 1760 года къ Мюллеру, здѣсь было посѣщеніе, которое въ другихъ обстоятельствахъ было бы чрезвычайно пріятно. Впрочемъ, я всегда желалъ, что если бы когда либо суждено было Берлину быть занятымъ

---

[1]) I, Портфель 9-й писемъ къ исторіографу Мюллеру отъ Эйлера.

[2]) I, Портфель 1-й писемъ исторіографа къ разнымъ лицамъ 1754—1756 годовъ.—Письмо его 19 октября 1756 года.

[3]) II, книга № 240, письмо въ современномъ русскомъ переводѣ.

иностранными войсками, то пускай это были бы русскія. И такъ я имѣлъ удовольствіе узнать многихъ храбрыхъ офицеровъ, особенно долженъ хвалиться знаками дружды г. полковника Маслова. Также доставилъ намъ величайшую радость своимъ посѣщеніомъ молодой г. Фишеръ[1]), котораго жена моя крестила: онъ чрезвычайно любезенъ и навѣрное будетъ служить утѣшеніемъ и радостью своему отцу. Г. докторъ Щепинъ[2]) равнымъ образомъ выказалъ къ намъ много дружбы, и мнѣ въ эти дни оказано было столько почестей, на сколько я никогда не могъ разсчитывать. Однако это посѣщеніе нанесло мнѣ очень значительные убытки, о чемъ всѣ означенные русскіе господа офицеры выражали мнѣ искреннее сожалѣніе, увѣряя при томъ, что по моему званію члена русской императорской Академіи можетъ быть исходатайствовано мнѣ, за претерпѣнные мною убытки, вознагражденіе отъ высочайшихъ императорскихъ щедротъ"…. Слѣдуютъ за тѣмъ подробности, сколько Эйлеръ уплатилъ контрибуціи и какія онъ понесъ потери отъ хозяйничанія въ его имѣніи казаковъ. „Такъ-что всѣ мои убытки, продолжаетъ далѣе Эйлеръ, я долженъ считать никакъ не ниже 1200 рублей. По этому принимаю смѣлость войти къ его сіятельству графу Разумовскому съ покорнѣйшимъ представленіемъ, при семъ прилагаемомъ, въ твердой увѣренности, что вы мнѣ окажите особенную дружбу, благосклонно передавъ прилагаемое, которое отправляю къ его сіятельству sub sigillo volante, и что вы поддержите мою просьбу. За эту особенную благосклонность и дружбу я буду вамъ обязанъ признательнѣйшею благодарностью во все продолженіе моей жизни. Какъ членъ императорской Академіи, я смѣю льстить себя надеждою на высочайшее покровительство ея императорскаго величества. Сверхъ того, я до сихъ поръ работалъ для императорской Академіи не какъ отсутствующій членъ, но навѣрное также много, какъ бы я состоялъ тамъ на лицо, что достаточно показываютъ всѣ томы Комментарій, почему надѣ-

---

[1]) Сынъ члена нашей Академіи, Іоганна Эбергарда Фишера.

[2]) Бывшій адъюнктъ петербургской Академіи наукъ.

юсь, что не представится большихъ затрудненій къ вознагражденію меня за потерпѣнныя мною, чрезвычайно чувствительныя потери милостивымъ пожалованіемъ 1200 рублей, которые именно равняются годовому жалованью, получаемому мною до отъѣзда изъ Россіи. Изъ этихъ денегъ бо́льшая уже часть поступила въ императорскую казну посредствомъ контрибуціи, а остальною воспользовались русскія императорскія войска".

„P. S. Господинъ поручикъ Фишеръ и нѣкоторые другіе офицеры говорили мнѣ, что въ Петербургѣ есть слухъ, что мнѣ будто бы было обѣщано 3000 рублей ежегоднаго жалованья, если бы захотѣлъ я туда пріѣхать. Вы также хорошо знаете, какъ и я, что этого не было на дѣлѣ, и что это можетъ мнѣ повредить, когда обо мнѣ станутъ думать, что я отклонилъ такія выгодныя условія, поэтому покорнѣйше васъ прошу положительно опровергнуть такой слухъ"...[1])

Дѣло объ этомъ вознагражденіи не подвигалось быстро, и Мюллеръ давалъ совѣты Эйлеру, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, а послѣдній отвѣчалъ на это 17 февраля 1761 года: „вслѣдствіе сообщеннаго вами добраго совѣта прилагаю при семъ рекомендательное письмо къ господину совѣтнику Ломоносову, надѣясь, что онъ не откажетъ мнѣ въ своемъ добромъ содѣйствіи"....[2])

По вступленіи на престолъ императора Петра III, Эйлеръ просилъ Мюллера передать отъ него почтеніе возвращенному тогда изъ ссылки графу Мюниху, а 18 мая 1762 года писалъ, что жена генерала фонъ-Винтерфельда, дочь графини Мюнихъ отъ перваго брака, намѣревается, по настоянію своей матери, отправиться въ Петербургъ и просила Эйлера сопутствовать ей. „Я бы, прибавлялъ Эйлеръ, исполнилъ это съ величайшею радостью, если бы только могъ надѣяться на полученіе необходимаго дозволенія всемилостивѣйшаго короля. Однако долженъ я еще считать такое счастіе очень отдаленнымъ, несмотря на то,

[1]) I, Портфель 9-й писемъ къ Мюллеру отъ Эйлера.

[2]) Ibid.

что ему возможно осуществиться ранѣе, чѣмъ я предполагаю, и потому въ этихъ видахъ прошу васъ покорнѣйше не умалять вашихъ добрыхъ стараній въ мою пользу, но еще болѣе похлопотать объ окончаніи, потому что иначе я никогда не буду въ состояніи покрыть издержекъ столь далекаго путешествія, хотя по бо́льшей части будетъ платить за меня госпожа Винтерфельдъ. Впрочемъ покорнѣйше прошу обстоятельство это содержать въ тайнѣ"...[1])

26 іюня 1762 года: „Здоровье госпожи Винтерфельдъ еще не окрѣпло на столько, чтобы она могла предпринять такое далекое путешестіе, и чрезъ это я лишенъ столь вожделѣннаго для меня удовольствія покрайней мѣрѣ нынѣшній годъ опять увидать великолѣпный Петербургъ и въ особенности свидѣться съ вами"....[2])

Когда воцарилась императрица Екатерина II, то Эйлеръ выражалъ свою радость, что Тепловъ пользуется при дворѣ новой государыни особеннымъ значеніемъ и, вѣроятно, не забылъ старую съ нимъ дружбу. Въ слѣдующемъ году Эйлеръ получилъ 1200 рублей за объясненные выше убытки при занятіи русскими войсками Шарлоттенбурга, почему 28 мая 1763 года писалъ къ Мюллеру: „о благосклонности ко мнѣ г. Теплова я снова убѣдился изъ того, что онъ первый увѣдомилъ меня за десять уже дней передъ тѣмъ объ этомъ всемилостивѣйшемъ рѣшеніи ея императорскаго величества"....[3])

Въ этомъ же 1763 году у Эйлера явилось мысль возвратиться въ Россію. Н. Фуссъ въ своемъ похвальномъ словѣ великому математику объясняетъ такое намѣреніе „замѣтнымъ пристрастіемъ къ странѣ, въ которой онъ провелъ первые годы своей молодости". Какъ ни лестно для насъ, русскихъ, такое предположеніе, однако долгъ справедливости требуетъ сказать, что мысль о возвращеніи въ Петербургъ рѣшительно заявлена Эйлеромъ вслѣдствіе слуховъ, что президентомъ берлинской Академіи будетъ назначенъ д'Аламберъ. Отношенія Эйлера къ

---

[1]) I, Портфель 9-й писемъ къ Мюллеру отъ Эйлера.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

этой знаменитности своего времени заслуживаютъ быть упомянутыми, такъ-какъ они занимаютъ непослѣднее мѣсто въ жизни величайшаго изъ геометровъ XVIII столѣтія, — въ жизни, вообще не богатой приключеніями чрезвычайными.

Эйлеръ въ первый разъ узналъ о д'Аламберѣ изъ письма Даніила Бернулли 23 декабря 1743 года, въ которомъ этотъ писалъ: „мнѣ изъ Парижа чрезвычайно хвалятъ одного совсѣмъ молодаго, прекраснаго математика въ особенности по механикѣ, я полагаю что его называютъ д'Аламберомъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ согласится на вызовъ въ Берлинъ, потому что не думаю, чтобы имѣлъ уже мѣсто. Если вы заблагоразсудите, то можете попытаться въ томъ, или же предварительно потребовать отъ г. Клеро подробнѣйшихъ извѣстій о немъ"... Года полтора послѣ, тотъ же Бернулли въ письмѣ къ Эйлеру (7 іюля 1745 г.) жаловался на Мопертюи, что онъ, по легкомыслію, часто проникается необыкновеннымъ уваженіемъ къ людямъ, совсѣмъ не стоющимъ того. „Такъ въ послѣдній разъ, продолжаетъ Борнулли, какъ былъ Мопертюи въ Базелѣ, то представлялъ мнѣ какъ miraculum miraculorum молодаго д'Аламбера, издавшаго въ свѣтъ механику и гидродинамику. Я ему наконецъ сказалъ, что въ двадцать лѣтъ возраста не возможно по этой наукѣ разсмотрѣть всѣ начала и дѣлать изумительные успѣхи. Между-тѣмъ это побудило меня добыть вышепомянутое сочиненіе, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ этой гидродинамикѣ, кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ вещей, все остальное показываетъ только наглое самодовольство; его критеріи иногда совсѣмъ дѣтскіе и свидѣтельствуютъ, что онъ не только удивительный человѣкъ, но даже никогда имъ и не будетъ, потому что самонадѣянность у него слишкомъ велика, чтобы учиться у другихъ людей, а собственные взгляды слишкомъ ничтожны, чтобы самому собою научиться чему нибудь особенному. Онъ также опровергаеть меня при reactione aquae ex vase erumpentis; равно de motu aquarum per plura foramina transfluentium онъ возражаетъ мнѣ и думаетъ, что velocitas будетъ eadem, ac si per simplex foramen efflueret. И во многихъ другихъ мѣстахъ онъ выражается противъ меня, но вмѣстѣ съ

тѣмъ нисколько не задумывается (что́ меня радуетъ) критиковать знаменитѣйшихъ мужей какъ мальчишекъ"... Однимъ словомъ возраженія д'Аламбера очень задѣли Бернулли, и онъ не разъ въ письмахъ къ Эйлеру отзывался весьма раздражительно о молодомъ ученомъ французѣ, что́ доказывало, что послѣдній далеко не былъ такъ ничтоженъ, какъ высказывалъ о немъ Бернулли [1]).

Что касается до Эйлера, то онъ о д'Аламберѣ съ самаго начала высказался очень одобрительно. Такъ, напримѣръ, 5 апрѣля 1746 года, онъ писалъ къ Гольдбаху: „я теперь занятъ чтеніемъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ рѣшеніе на заданный Академіею (берлинскою) вопросъ о причинѣ и направленіи вѣтровъ. Ихъ прислано по этому предмету десять: одна изъ нихъ заслуживаетъ предъ всѣми прочими быть принята во вниманіе. Девизъ, который находится въ концѣ ея, также прекрасенъ. Вотъ онъ:

Haec ego de ventis; dum ventorum ocyor alis
Palantes pellit populos Fridericus, et orbi,
Insignis lauro, ramum praetendit olivae [2]).

Вскорѣ за тѣмъ, Эйлеръ вступаетъ въ переписку съ д'Аламберомъ, бывшимъ пріятелемъ президента берлинской Академіи Мопертюи. 3 августа 1746 года д'Аламберъ писалъ къ Эйлеру: „г. Мопертюи взялъ на себя трудъ передать вамъ отъ моего имени экземпляръ моихъ двухъ сочиненій [3]), которыхъ, по его словамъ, у васъ нѣтъ. Это малѣйшій знакъ признательности, который могу я вамъ представить за то хорошее, что вы о нихъ высказали господину Мопертюи. Я бы желалъ, милостивый государь, что бы они были болѣе достойны васъ. Покрайней мѣрѣ буду очень доволенъ, когда заслужу ваше одобреніе относительно трехъ или четырехъ пунктовъ, въ которыхъ не согласенъ съ г. Даніиломъ Бернулли. Ученый геометръ написалъ

[1]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres, éd. par Fuss, II, 541, 577, 584, 594, 604, 621 и пр.

[2]) Ibid, I, 372.

[3]) Вѣроятно это были: Traité de dinamique (Paris, 1743) и Traité des fluides (Paris, 1744).

много личнаго, что я не правъ во всѣхъ отношеніяхъ; но признаюсь, что чѣмъ болѣе вдумываюсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я правъ, не соглашаясь съ его мнѣніями. Вы должны были видѣть, милостивый государь, въ моей статьѣ о вѣтрахъ, что я очень расхожусь съ нимъ относительно одного, очень важнаго обстоятельства. Пускай, говоритъ онъ, что я виноватъ—я соглашусь съ нимъ, когда онъ ясно докажетъ это, потому что хотя я и весьма уважаю его авторитетъ, но считаю обязанностью сдаваться только предъ очевидностью".

„Я слышалъ, милостивый государь что вы были столь добры, что въ торжественномъ собраніи вашей (берлинской) Академіи сдѣлали извлеченіе изъ моей статьи и похвалили ее. Позвольте выразить вамъ мою признательность за то. Я теперь ее печатаю по-латини такою, какою вы ее видѣли, и присоединяю къ тому французскій переводъ. Въ него включу много дополненій и предпошлю нѣчто въ родѣ введенія въ формѣ предисловія"... и т. д. У Эйлера велась съ д'Аламберомъ переписка исключительно математическаго содержанія: изъ нея, впрочемъ, не трудно замѣтить, что первый держалъ сторону послѣдняго противъ Даніила Бернулли[1]). Послѣдній въ 1748, 1749 и 1750 годахъ уже рѣдко писалъ къ Эйлеру, но почти всегда заводилъ рѣчь о д'Аламберѣ, въ разныхъ статьяхъ котораго постоянно находилъ что нибудь достойное охужденія. Наконецъ послѣ 1750 г. прекратилась вовсе переписка Бернулли съ Эйлеромъ, и одна полуоффиціальная записка Бернулли 1753 года, чрезвычайно холодная, была послѣднимъ слѣдомъ сношеній двухъ великихъ математиковъ; покрайней мѣрѣ въ бумагахъ Эйлера не находимъ дальнѣйшаго продолженія или возобновленія ихъ прежней дружеской переписки.

По странному стеченію обстоятельствъ, около того же почти времени прервалась у Эйлера переписка и съ д'Аламберомъ. Послѣ письма отъ 4 января 1751 г., въ которомъ д'Аламберъ благодарилъ его за присылку Scientia navalis, въ бумагахъ Эйлера не встрѣчается писемъ д'Аламбера до 1763 года. Раз-

---

[1]) I, L. Euler's Briefwechsel von 1745 bis 1748.

доръ Мопертюи съ Вольтеромъ, пріятелемъ д'Аламбера, и участіе Эйлера въ преслѣдованіи Кёнига за то, что этотъ осмѣлился сомнѣваться въ открытіи его президента, едва-ли не были тому причиною: покрайней мѣрѣ годъ, на которомъ кончилась переписка д'Аламбера съ Эйлеромъ можетъ служить подтвержденіемъ этой догадки. Здѣсь будетъ кстати привести слѣдующій отзывъ г. Бартольмеса, автора Исторіи берлинской Академіи: „Кому не извѣстны, говоритъ онъ, безчисленныя заслуги Эйлера? Онѣ, однако, менѣе проявлялись въ философіи, чѣмъ въ наукахъ точныхъ и естественныхъ. Если его философскія произведенія свидѣтельствуютъ также объ умѣ твердомъ и проницательномъ, о здравомъ смыслѣ, свѣтломъ и часто остроумномъ, объ удивительной ясности изложенія, о довольно обширной учености, то все-таки они не показываютъ ума, свободнаго отъ предубѣжденій и недоступнаго несправедливымъ обвиненіямъ. Чего не употреблялъ онъ, чтобы воспрепятствовать Академіи въ 1758 и 1760 годахъ присудить премію по механикѣ, потому что она слѣдовала д'Аламберу"[1]?

Въ 1763 году въ Берлинѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что д'Аламберъ пріѣдетъ туда для свиданія съ королемъ и что онъ, какъ пользующійся особенною милостію его, будетъ назначенъ президентомъ берлинской Академіи. Эти слухи до того встревожили Эйлера, что онъ вспомнилъ о прежнихъ приглашеніяхъ въ Россію. 17 мая 1763 года онъ писалъ къ Мюллеру въ Петербургъ, что намѣренъ продать свое имѣніе и домъ; что д'Аламберъ, отказываясь отъ президентства, предлагаетъ на это мѣсто кавалера де-Жокура; что курсъ прусскихъ талеровъ низкій. „Я, продолжалъ Эйлеръ, уже вездѣ представлялъ свои услуги, и гдѣ мнѣ больше дадутъ, туда и служить пойду; но какъ я не французъ, такъ и не могу надѣяться, чтобы кто нибудь меня здѣсь купить хотѣлъ, потому что дѣйствительно нѣкоторые молодые математики изъ Парижа уже сюда ѣдутъ, изъ коихъ каждому вдвое противъ меня жалованье обѣщано. Его

---

[1]) Histoire philosophique de l'Académie de Prusse, par Christian Bartholmess, II, 164, 165.

высокографское сіятельство г. гетманъ еще до войны дѣлалъ мнѣ такую выгодную пропозицію, которая весьма превосходила малыя мои заслуги; но обстоятельства были тогда такія, что я бы въ крайнее попалъ несчастіе, ежели бы къ принятію оныхъ склонился. И такъ опасаюсь, не прогнѣвалъ-ли я тогдашнимъ моимъ отвѣтомъ его сіятельства. Я бы желалъ, чтобъ его высокографскому сіятельству донесено было о причинахъ тогдашняго моего отказа"... Когда объ этомъ узналъ Таубертъ—этотъ наслѣдникъ Шумахера по управленію хозяйственною частію Академіи—то представилъ графу Разумовскому, что Эйлера слѣдуетъ пригласить возвратиться въ нашу Академію и предложить ему 1500 рублей, а сыну его—500 рублей годоваго жалованья. „Болѣе сего, прибавлялъ Таубертъ, ему и сыну его давать не совѣтую, вѣдая совершенно, что онъ, по нынѣшнему своему крайнему недовольствію, на сіи кондиціи сюда пріѣхать ни мало не отречется"... Какъ только было объ этомъ доведено до свѣдѣнія императрицы Екатерины II, то она тотчасъ же приказала Теплову пригласить Эйлера возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ управлять математическимъ классомъ, исполнять званіе конференцъ-секретаря и получать жалованья 1800 рублей; а сыну его обѣщано мѣсто ординарнаго академика, съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ, а на проѣздъ обоимъ предложено 500 рублей. Въ концѣ этихъ предложеній было добавлено, что Эйлеръ, если ему не понравятся таковыя условія, можетъ сообщить свои, лишь бы только не медлилъ своимъ пріѣздомъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ какъ Тепловъ, 26 мая 1763 года, отправилъ эти предложенія, Эйлеръ 7 іюля писалъ Мюллеру о дурномъ характерѣ, д'Аламбера. Любопытно, что онъ при этомъ случаѣ, въ подтвержденіе своего отзыва о д'Аламберѣ, приводитъ о немъ слова Даніила Бернулли изъ старинныхъ его писемъ именно той эпохи, когда Эйлеръ еще держалъ сторону д'Аламбера[1]). 28 іюня Эйлеръ сообщалъ Мюллеру: „г. д'Аламберъ уже десять

---

[1]) Всѣ письма, приводимыя здѣсь безъ ссылокъ, напечатаны въ Запискахъ Академіи наукъ, VI, Екатерина II и Эйлеръ, 59—92.

дней какъ въ Потсдамѣ, но объявилъ на-отрѣзъ, что никогда не вступитъ въ здѣшнюю службу и даже предложилъ меня на мѣсто президента берлинской Академіи; но я навѣрное знаю, что предложеніе будетъ отвергнуто, и, какъ бы дѣло ни пошло, мнѣ представится прекраснѣйшій случай осуществить мое намѣреніе".

Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ къ Мюллеру, 19 іюля, Эйлеръ замѣтнымъ образомъ отступается отъ своего намѣренія оставить Берлинъ. По его словамъ, самъ бы онъ очень желалъ возвратиться въ Петербургъ, но его жена очень боится тамошнихъ пожаровъ, которые за нѣсколько времени до ихъ отъѣзда изъ Россіи (въ 1737—1739 годахъ) приводили тамъ всѣхъ въ ужасъ. Потомъ его устрашали затрудненія извлекать пользу изъ сбереженныхъ денегъ: въ бытность его въ Петербургѣ, капиталы надобно было или отсылать заграницу для приращенія изъ процентовъ, или же держать у себя въ сундукѣ подъ замкомъ, такъ-такъ самая отдача денегъ въ ростъ была запрещена закономъ. Однажды академикъ Гришовъ писалъ къ Эйлеру, что онъ отдавалъ свои деньги за 10%, но Эйлеръ думалъ, что вѣроятно онъ это дѣлалъ тайно и въ нарушеніе закона. У Эйлера было сбережено въ то время нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, которые были у него розданы въ займы изъ платежа по 4% и 5%, и онъ желалъ, чтобы и въ Петербургѣ деньги эти не лежали втунѣ. Имѣніе свое въ Шарлоттенбургѣ онъ продалъ за 8500 рейхсталеровъ; но домъ еще не успѣлъ продать, на что требовалось время. [1])

1 августа Эйлеръ извѣстилъ Теплова, что д'Аламберъ не принялъ званія призидента берлинской Академіи и сверхъ того самымъ лучшимъ образомъ отзывался предъ королемъ объ Эйлерѣ; поэтому онъ считаетъ неловкимъ заводить теперь рѣчь объ увольненіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Эйлеръ намекалъ, что по случаю выхода въ замужество его дочери за богатаго голландскаго барона, онъ можетъ получить мѣсто профессора въ Гол-

---

[1]) I, Eingekommende Briefe von Anno 1750 bis 1763.

ландіи, гдѣ жалованья 5000 флориновъ, да столько же доходовъ отъ чтенія лекцій.

Нѣсколько дней спустя (6 августа) Эйлеръ писалъ къ Мюллеру, что, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, онъ никакъ не можетъ выбраться изъ Берлина: „Покорнѣйше прошу, говорилъ онъ извѣстить о томъ г. статскаго совѣтника Теплова, дабы этотъ мой, великій доброжелатель не пришелъ къ мысли, что будто я оставилъ безъ вниманія его прекрасныя предложенія и выказалъ тѣмъ мое непостоянство. Въ особенности прошу отклонять подозрѣніе, что я, какъ часто случается съ здѣшними и другихъ мѣстъ учеными, хотѣлъ этимъ предложеніемъ воспользоватся, чтобы здѣсь добиться улучшенія моего положенія. Я считаю такой образъ дѣйствій гадкимъ и, конечно, меня никогда нельзя въ томъ упрекнуть. Недавно г. д'Аламберъ сдѣлалъ мнѣ болѣе чѣмъ дружеское заявленіе, что онъ часто указывалъ его королевскому величеству на мои малыя заслуги и что для него было бы величайшимъ удовольствіемъ доставить мнѣ какую либо выгоду. Хотя я за такую благосклонность ко мнѣ очень былъ благодаренъ, однако на прямики объявилъ, что мнѣ вовсе нечего искать здѣсь"....[1])

Когда Мюллеръ извѣстилъ Эйлера, что Тепловъ причинилъ ему, Мюллеру, огорченіе по случаю новаго отказа Эйлера ѣхать въ Петербургъ, то послѣдній (10 сентября 1763 года) прямо отвѣчалъ, что онъ, по своимъ лѣтамъ и большому семейству, могъ бы только тогда отправиться въ Петербургъ, когда бы былъ побужденъ къ тому важными перемѣнами въ берлинской Академіи, а вовсе не изъ разсчетовъ на почести или выгоды.[2])

Изъ письма къ Гольдбаху, отъ 11 октября 1763 г., видно, что потомъ Эйлеръ окончательно успокоился на счетъ д'Аламбера: „когда здѣсь былъ нѣкоторое время г. д'Аламберъ, котораго его величество король осыпалъ своими милостями, то имѣлъ я случай лично узнать его послѣ того, какъ переписка

---

[1]) I, Портфель 9-й, письма къ исторіографу Мюллеру отъ Эйлера.

[2]) Ibid.

моя съ нимъ прекратилась вслѣдствіе ученыхъ разногласій, въ которыхъ мнѣ не хотѣлось уступить. Теперь наша дружба опять возстановлена совершенно, и невозможно довольно описать, съ какими похвалами онъ постоянно отзывался обо мнѣ"....[1])

Письма д'Аламбера къ Эйлеру того времени, когда первый изъ нихъ находился при дворѣ прусскаго короля, лучше всего доказываютъ, какъ далекъ былъ д'Аламберъ отъ мысли повредить въ чемъ бы то ни было Эйлеру во мнѣніи короля. Такъ напримѣръ 14 августа 1763 г. д'Аламберъ писалъ къ Эйлеру: „я, наконецъ, считаю себя столько счастливымъ, что сохранилъ королю и Академіи такого человѣка, какъ вы. Вы увидите изъ письма маркиза д'Аржана, что король назначаетъ хорошій пенсіонъ для вашего сына, и не отъ меня будетъ зависѣть, чтобы вы, милостивый государь, не получили все, чего можетъ желать человѣкъ такихъ рѣдкихъ достоинствъ, какъ ваши. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ о васъ королю"…. Въ другомъ письмѣ 20 августа 1763 года: „....я совершенно убѣдилъ его величество, что въ васъ Академія понесетъ невознаградимую потерю, которая нанесетъ ударъ славѣ короля"....

Въ 1765 году Фридрихъ II, замѣтивъ, что въ берлинской Академіи наукъ хозяйственная часть была въ запущеніи, назначилъ особую коммиссію изъ пяти академиковъ для изысканія средствъ къ увеличенію доходовъ Академіи и правильнаго употребленія ихъ. Эйлеръ былъ въ числѣ помянутыхъ пяти членовъ и представилъ королю подробности о доходахъ и расходахъ Академіи. „Je vous sais gré, отвѣчалъ король 16 іюня 1765 года, des details dont Vous m'avez informé par Votre lettre du 13-me de ce mois relativement aux revenus et dépenses de l'Académie. Et au sujet desquels je veux bien Vous faire observer, que comme les Almanacs sont un des principaux articles des revenus de l'Académie, il ne faut point de Koehler, mais plustôt mettre les Almanacs en ferme pour 16 m. écus.

[1]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII. siècle, éd. par Fuss, I, 668.

Cela est beaucoup plus sensé que Votre avis, et moi qui ne sais point calculer les courbes, je sais pourtant que 16 m. écus de recette en valent mieux que 13 m.“[1])

Кёлеръ, о которомъ упоминается въ письмѣ короля, былъ академическимъ казначеемъ. По словамъ г. Бартольмеса, Эйлеръ покровительствовалъ ему какъ креатурѣ канцлера, а между тѣмъ всѣ остальные члены коммиссіи были противъ Кёлера, потому что онъ позволялъ себѣ злоупотребленія. Это обстоятельство было причиною, что Эйлеръ, поссорившись окончательно съ коммиссіею, не подписалъ составленнаго ею представленія, а потомъ, когда оно было сообщено королю, объявилъ, что коммиссія не имѣла права этого дѣлать, такъ-какъ представленіе не было имъ подписано[2]). Въ перепискѣ Эйлера сохранилось любопытное письмо къ нему, 27 ноября 1765 г., по этому дѣлу академика Бособра, одного изъ членовъ коммиссіи. Какъ бы то ни было, но послѣ этихъ событій Эйлеръ твердо рѣшился оставить Берлинъ и тамошнюю Академію. На этотъ разъ онъ самъ предложилъ условія, а именно для себя онъ требовалъ мѣсто вице-президента Академіи и ежегодное жалованье въ три тысячи рублей съ квартирою, свободною отъ солдатскаго постоя[3]); для старшаго своего сына—каѳедру физики съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ; второму и третьему сыновьямъ —приличныя мѣста по артиллерійскому и медицинскому вѣдомствамъ.

---

[1]) Этотъ отрывокъ изъ письма короля помѣщенъ г. Бартольмесомъ въ его Histoire philosophique de l'Académie de Prusse, I, 209, но не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что написано въ подлинномъ письмѣ, изъ котораго здѣсь приведена точная выписка и которое хранится въ архивѣ нашей академической конференціи вмѣстѣ съ другими письмами Фридриха II къ Эйлеру. Г. Бартольмесъ приводитъ также слова короля: «права, дарованныя моей Академіи, должны служить на пользу ученыхъ, а не на откармливаніе безчестнаго казначея, который и безъ того получаетъ хорошія деньги». Къ кому обращены были эти слова короля, г. Бартольмесъ не указалъ, а въ письмахъ короля къ Эйлеру ихъ вовсе нѣтъ.

[2]) Histoire philosophique de l'Académie de Prusse I, 209, 210.

[3]) Въ 1738 году въ Петербургѣ въ домъ къ Эйлеру было поставлено на житье восемь солдатъ семеновскаго полка, «отъ которыхъ ему было не малое угнѣтеніе», какъ сказано въ современной перепискѣ. Впрочемъ, по ходатайству академической канцеляріи, солдаты были скоро выведены изъ дома Эйлера. II, книга № 34.

Императрица Екатерина II отозвалась, что письмо Эйлера доставило ей большое удовольствіе, и она на все согласилась, кромѣ пожалованія ему званія вице-президента, такъ-какъ у ней, сколько можно догадаться, имѣлся уже въ виду графъ Владиміръ Орловъ, который скоро потомъ сталъ управлять Академіею съ титуломъ директора ея.

Впослѣдствіе Эйлеръ прибавилъ нѣсколько новыхъ условій, о которыхъ доводилъ до свѣдѣнія императрицы тогдашній канцлеръ графъ Воронцовъ 9 февраля 1766 г.: о пенсіи женѣ, въ случаѣ смерти Эйлера, о чинѣ для него, о мѣстѣ для сына медика, наконецъ, три тысячи на путевыя издержки. „На послѣднюю статью, писала въ собственноручной запискѣ Екатерина, я отвѣчаю повелѣніемъ, даннымъ еще вчера г. Олсуфьеву, отослать вексель на эту сумму князю Долгорукому[1]). Я приказала также президенту медицинской коллегіи оставить въ мое распоряженіе хорошее мѣсто медика. Равнымъ образомъ я обезпечу часть пенсіона, о которомъ мы уговорились съ г. Эйлеромъ для его супруги, на случай ежели она переживетъ его. Я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ (зачеркнуто: коллежскаго совѣтника), если бы не опасалась, что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ г. Эйлера. По истинѣ, его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія“...

На первыя два прошенія, которыя представлялъ Эйлеръ Фридриху II объ увольненіи, послѣдній отвѣчалъ 7 марта 1766 г.:... „вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, когда откажетесь отъ такого ходатайства и не будете болѣе писать объ этомъ предметѣ“. Эйлеръ обращался къ д'Аламберу, прося его ходатайства предъ королемъ объ отпускѣ въ Россію. Д'Аламберъ старался отклонить Эйлера отъ этого намѣренія, говоря притомъ: „у меня никогда не достанетъ смѣлости просить за васъ у короля о дозволеніи вамъ уѣхать: онъ приметъ это весьма дурно — и справедливо“...

30 апрѣля 1766 г. Эйлеръ написалъ новое прошеніе къ ко-

---

[1]) Тогдашнему русскому посланнику въ Берлинѣ.

ролю, въ которомъ ссылался на блестящія предложенія Россіи и на свои права свободы швейцарскаго гражданина. 2 мая Фридрихъ II отвѣчалъ лаконической запискою: „я вамъ дозволяю по вашему письму отъ 30 минувшаго апрѣля уѣхать, чтобы отправиться въ Россію"...

Въ іюнѣ 1766 г. Эйлеръ покинулъ Берлинъ, и Фридрихъ II отмстилъ великому математику слѣдующей выходкой въ письмѣ къ д'Аламберу 25 іюля того же года: „г. Эйлеръ, до безумія любящій большую и малую Медвѣдицъ, приблизился къ сѣверу для бóльшаго удобства къ наблюденію ихъ. Корабль, нагруженный его x, z, его k, k, потерпѣлъ крушеніе — все пропало, а это жалко, потому что тамъ было чѣмъ наполнить шесть фоліантовъ статей, испещренныхъ отъ начала до конца цифрами. По всей вѣроятности Европа лишится пріятной забавы, которая была бы ей доставлена чтеніемъ ихъ"...[1])

Въ Петербургѣ, куда Эйлеръ прибылъ 17 іюля 1766 г., онъ былъ тотчасъ же представленъ императрицѣ, которая, вѣроятно при первомъ же представленіи, говорила съ нимъ объ Академіи, потому что 9 августа 1766 г. Эйлеръ уже писалъ къ Мюллеру: „я представлялъ ея императорскому величеству, что ни въ одной Академіи члены не назначаются исключительно для однихъ академическихъ занятій, что́, безъ сомнѣнія, было бы обременительно для государства; но что каждый изъ нихъ можетъ отправлять служебныя занятія на пользу общества, не нанося тѣмъ замѣтнаго ущерба цѣлямъ Академіи, что́ доказывается примѣрами вашимъ и г.г. Штелина и Епинуса"...

Съ помощію этого мѣста письма Эйлера, легко означить время записки на память Екатерины II, безъ года и числа, гдѣ она говоритъ[2]), что согласна съ мнѣніемъ Эйлера, что число ученыхъ не должно быть опредѣленное, также какъ и ихъ жалованье, но что долженъ быть только капиталъ, назначенный на Академію; что желательно, дабы академики занимали вмѣстѣ

[1]) Oeuvres complètes de Fréderic II, roi de Prusse, 1792, XIII, 47.

[2]) Подлинникъ на французскомъ языкѣ уже напечатанъ былъ въ статьѣ «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II», въ Запискахъ Академіи, III, приложеніе № 6, 73.

съ тѣмъ и другія должности; но затрудненіе здѣсь въ незнаніи бо́льшей части изъ нихъ русскаго языка; и что, наконецъ, Академія наукъ не должна воспитывать въ Академіи художествъ художниковъ, а въ случаѣ надобности въ нихъ нанимать того или другаго по взаимному уговору. Въ Государственномъ архивѣ сохранился составленный на французскомъ языкѣ проектъ объ улучшеніи положенія Академіи наукъ. Хотя онъ не подписанъ, однако, заключая въ себѣ предположенія, приписанныя Екатериною, въ сейчасъ приведенной запискѣ, Эйлеру, долженъ принадлежать перу этого геніальнаго ученаго, въ чемъ подтверждаютъ еще болѣе безпрерывныя ссылки на берлинскую Академію наукъ, которую только-что покинулъ тогда Эйлеръ. Такъкакъ эта статья имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи нашей Академіи, то я долгомъ счелъ помѣстить ее въ приложеніи къ настоящей біографіи. При подлинникѣ есть двѣ собственноручныя замѣтки императрицы: „1. Nommer une personne par laquelle l'Académie pourra s'adresser à moi et par qui elle recevra mes intentions. 2. L'Académie doit recommencer incessament des assemblées, deux par semaine."

Императрица приказала выдать Эйлеру изъ казны 8000 руб. на покупку дома. Едва онъ поселился въ немъ, какъ впалъ въ жестокую болѣзнь, о которой такъ извѣщалъ Мюллера въ письмѣ 15 октября 1766 года: „Мое нездоровье, о которомъ вамъ уже извѣстно, продолжалось нѣсколько дней, и отъ того мое зрѣніе такъ ослабѣло, что я въ одно утро, по прочтеніи и подписаніи купчей на мой домъ, нѣсколько часовъ спустя не только не могъ разбирать написаннаго, но даже различать бѣлой бумаги отъ писанной. Въ такомъ положеніи нахожусь и донынѣ, но не замѣчаю, чтобы становилось хуже. Между-тѣмъ это не препятствуетъ моимъ занятіямъ, потому что я указываю читать себѣ что мнѣ нужно и диктую что слѣдуетъ написать. Могу также дѣлать довольно обширныя вычисленія, которыя потомъ мой сынъ передаетъ на бумагу. Я прилежно посѣщаю академическія засѣданія, но въ обществѣ показываюсь неохотно, почему у меня остается тѣмъ болѣе времени для моихъ занятій.

Вотъ причина, почему въ настоящемъ письмѣ я пользуюсь стороннею рукою, чтó не примите въ дурную сторону"....[1])

Болѣзнь эта, однако, имѣла весьма неблагопріятный исходъ: образовавшійся на лѣвомъ глазѣ катарактъ лишилъ Эйлера органа, поврежденнаго чрезмѣрнымъ напряженіемъ: „какое несчастіе, говоритъ по этому поводу Н. Фуссъ, для человѣка, у котораго привычка обратила работу въ родъ потребности и котораго умъ, всегда направленный къ какимъ нибудь новымъ открытіямъ, вдругъ видитъ себя не въ состояніи продолжать своихъ работъ! Таково было бы положеніе всякаго другаго, но не Эйлера: его дивная память и изумительное воображеніе увеличились отъ сосредоточенности всѣхъ силъ ума, освободившагося отъ развлеченія внѣшними предметами, и скоро восполнили недостатокъ, который, казалось, долженствовалъ положить предѣлъ его ученой дѣятельности. Мальчикъ портной, привезенный имъ изъ Берлина въ качествѣ слуги и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія въ математикѣ, писалъ подъ диктовку Эйлера его Элементы алгебры: они возбудили всеобщее удивленіе, сколько по обстоятельствамъ, при которыхъ были написаны, столько же и по высокой степени ясности и методу своему.... Прибытіе въ Петербургъ академика Крафта дало Эйлеру возможность исполнить давно уже задуманное имъ намѣреніе — соединить въ одно сочиненіе все, что было имъ сдѣлано въ теченіе тридцати лѣтъ для усовершенствованія оптическихъ инструментовъ. Эйлеръ принялся за эту работу съ обычною своею живостію и въ 1769, 1770 и 1771 годахъ явились въ свѣтъ три объемистые тома Діоптрики"....

Въ тоже самое время, какъ издавался этотъ трудъ, академическая типографія была занята печатаніемъ другихъ сочиненій Эйлера: Lettres à une princesse d'Allemagne, Интегральнаго изчисленія, Элементовъ алгебры; вычисленій: кометы, солнечнаго затмѣнія и прохожденія Венеры въ 1769 году; новой теоріи луны, теоріи мореплаванія; сюда не включено огромное

---

[1]) I, Портфель 9-й писемъ къ исторіографу Мюллеру отъ Эйлера.

количество статей, помѣщенныхъ въ академическихъ Комментаріяхъ описываемой эпохи.

Посреди этихъ, по истинѣ изумительныхъ трудовъ, Эйлеръ въ 1771 году испыталъ новое несчастіе: пожаръ, въ который его самого едва успѣли спасти, уничтожилъ бо́льшую часть его достоянія. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, императрица Екатерина II пожаловала ему 6000 рублей. Вскорѣ послѣ того ему была сдѣлана операція извѣстнымъ тогда окулистомъ барономъ Венцелемъ. Она возвратила ему зрѣніе, но не надолго: небрежность въ продолженіе леченія и поспѣшность воспользоваться органомъ были причиною, что Эйлеръ во второй разъ потерялъ зрѣніе при нестерпимыхъ мученіяхъ.

Лѣтомъ 1777 года посѣтилъ Петербургъ Іоганнъ Бернулли[1]), который видѣлъ здѣсь Эйлера и оставилъ слѣдующія воспоминанія о немъ въ описаніи своего путешествія.

„Мнѣ пріятно было замѣтить, что по возвращеніи моемъ изъ Россіи вездѣ и высшіе и низшіе, хотя бы ничего не желавшіе знать объ этой странѣ, всякой разъ навѣдывались о г. Эйлерѣ и его обстоятельствахъ: въ такомъ почетѣ его знанія и его особенно честный характеръ! Здоровье его довольно хорошо, и этимъ онъ обязанъ очень умѣренному и правильному образу жизни. Зрѣніемъ, по бо́льшей части утраченнымъ, а одно время и вовсе потеряннымъ, онъ, однако, теперь лучше пользуется, чѣмъ многіе воображаютъ. Хотя онъ не можетъ узнать никого въ лицо, читать чернаго на бѣломъ и писать перомъ на бумагѣ, однако пишетъ на черномъ столѣ свои математическія вычисленія мѣломъ очень ясно и порядочно въ обыкновенную величину. Потомъ они вписываются въ большую книгу однимъ изъ его адъюнктовъ гг. Фуссомъ или Головинымъ[2]) (чаще первымъ изъ нихъ). И изъ этихъ-то матеріаловъ составляются подъ его руководствомъ статьи. Такимъ образомъ въ продолженіе пяти лѣтъ, которые прожилъ г. Фуссъ въ домѣ Эйлера, приведено къ окончанію 120 или 130 статей: онѣ ле-

[1]) Племянникъ знаменитаго Даніила Бернулли и сынъ его младшаго брата Іоганна Бернулли, о которомъ было уже упоминаемо выше, на стр. 109.

[2]) Головинъ, родной племянникъ Ломоносова.

жать готовыя къ печати, и изъ нихъ только немногія были прочтены въ Академіи. Г. Эйлеръ обѣщался, что двадцать лѣтъ послѣ его кончины статьи его такимъ же образомъ, какъ и при жизни его, могутъ быть читаны и помѣщаемы въ періодическомъ изданіи Академіи. Изъ того, что я разсказалъ, легко заключить, что когда этотъ достойный старецъ достигнетъ лѣтъ, которыхъ можно ожидать по его бодрости, то онъ бы могъ на двадцать лѣтъ вдвое исполнить такое добровольное обязательство.

„Чтобы было понятнѣе, какъ достаетъ у г. Эйлера времени на такія неутомимыя работы, долженъ я замѣтить, что онъ никуда болѣе не выѣзжаетъ, такъ-какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, съ потерею зрѣнія, слухъ у него значительно ослабѣлъ, и внѣ дома онъ менѣе находитъ развлеченій и менѣе можетъ ожидать занятій. Впрочемъ, у него бываютъ ежедневно посѣщенія, которыя для него сокращаютъ необходимое время отдыха, и онъ охотно принимаетъ во всякую пору, потому что теперь, какъ прежде, у него совершенно особенная или покрайней мѣрѣ необыкновенная способность отвлекаться безъ досады отъ самыхъ сложныхъ выкладокъ и потомъ опять также легко возвращаться къ нимъ и находить прежнюю нить къ нимъ. Для отдохновенія своего, когда Эйлеръ одинъ, занимается онъ очень опытами надъ магнитами. У него большой столъ покрытъ магнитными пластинками разныхъ величинъ; иныя есть въ 2½ дюйма, а другія въ 30 дюймовъ длины, а весь приборъ, со включеніемъ магнитовъ, сохраняемыхъ г. Фуссомъ въ своей комнатѣ, стоитъ 800 рублей [1]). Натираніе и усиленіе такихъ пластинокъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. Эйлеру полезнымъ упражненіемъ для тѣлодвиженія, и при томъ возникаютъ изъ того многіе новые опыты“ [2])...

Въ запискахъ княгини Дашковой есть разсказъ объ Эйлерѣ, который также полагаю нелишнимъ сообщить здѣсь. Надобно

[1]) Описаніе этого аппарата въ Journal Encyclopédique 1779, 1 февраля, стр. 522.

[2]) J. Bernoulli's Reisen durch Brandeburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778, IV, 10—15.

знать, что 28 января 1783 года императрица Екатерина назначила княгиню директоромъ Академіи наукъ, и она такъ разсказываетъ событія, послѣдовавшія за этимъ назначеніемъ:

„Я ознакомилась также съ именами примѣчательнѣйшихъ членовъ Академіи, и на другое утро, прежде нежели отправилась туда, посѣтила знаменитаго Эйлера, который зналъ меня уже нѣсколько лѣтъ и всегда оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе. Въ негодованіи на поступки Домашнева[1]), онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Академію, развѣ когда представлялась возможность противодѣйствовать за одно съ другими вреднымъ распоряженіямъ бывшаго директора, о которыхъ онъ не разъ письменно представлялъ государынѣ“.

„Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Сверхъ того, онъ былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ; а сила его духа и постоянная дѣятельность такъ были необыкновенны, что онъ, даже потерявъ зрѣніе, вовсе не ослабилъ своихъ умственныхъ трудовъ. Съ помощію г. Фусса, мужа его внучки, который читалъ ему вслухъ и писалъ по его диктовкѣ, онъ готовилъ множество матеріаловъ, служившихъ къ обогащенію изданій Академіи, даже въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти.

„Я просила его не оставлять меня въ то утро, чтобы мнѣ при первомъ вступленіи моемъ въ должность начальника ученаго общества имѣть нѣкоторую опору въ его сопутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщала, что если ему неудобно или тягостно сопровождать меня, то я въ случаяхъ обыкновенныхъ не буду его обезпокоить. Моя просьба, казалось, польстила ему. Его проводилъ до моей кареты сынъ его, непремѣнный секретарь академическихъ засѣданій, котораго я также пригласила съ собою. Къ намъ еще присоединился внукъ его, на которомъ лежала обязанность вести знаменитаго слѣпца.

„Вошедши въ залу засѣданій, я тотчасъ обратилась къ собравшимся тамъ професорамъ и членамъ и изъявила сожалѣніе

---

[1]) Домашневъ былъ директоромъ Академіи до поступленія въ это званіе княгини Дашковой и находился подъ конецъ своего директорства во враждебныхъ отношеніяхъ къ бо́льшей части членовъ Академіи наукъ.

о скудости собственныхъ моихъ ученыхъ заслугъ, но сослалась на глубокое уваженіе, какое питаю къ наукѣ, замѣтивъ, что самымъ вѣрнымъ залогомъ этого можетъ служить присутствіе г. Эйлера посреди тѣхъ, которыхъ я просила сопровождать меня при посѣщеніи Академіи.

„Послѣ этого краткаго привѣтствія, я заняла свое мѣсто и увидѣла, что г. Штелинъ, профессоръ аллегоріи, какъ его звали, сѣлъ на кресло рядомъ съ директорскимъ. Этотъ человѣкъ, котораго ученость, можетъ быть, согласовалась съ наименованіемъ, его отличавшимъ, получилъ свой необыкновенный титулъ въ царствованіе Петра III и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Гордясь чиномъ, соотвѣтствующимъ генералъ-маіорскому, онъ полагалъ, что имѣетъ право на первенство между членами Академіи. По этому я, обратясь къ г. Эйлеру, сказала: „сядьте, гдѣ вамъ угодно: какое мѣсто вы ни займете, ваше мѣсто вездѣ будетъ первымъ“. Эта неприготовленная дань почтенія къ его дарованіямъ произвела самое благопріятное дѣйствіе — и не на одныхъ его родственниковъ. Между присутствовавшими профессорами не было ни одного (за исключеніемъ профессора аллегоріи), который бы не раздѣлялъ ихъ удовольствія и со слезами на глазахъ не отдавалъ справедливости заслугамъ и превосходству благороднаго старца“ [1]).

Въ первыхъ числахъ сентября 1783 года, Эйлеръ почувствовалъ припадки головокруженія, но они не мѣшали ему заниматься вычисленіемъ движенія аэростатовъ, такъ-что онъ окончилъ очень трудную интеграцію, которой требовало это вычисленіе. Однако головокруженіе было предвозвѣстіемъ его кончины: 7 сентября его посѣтилъ академикъ Лексель. Съ нимъ Эйлеръ разсуждалъ о новой планетѣ, а съ домашними толковалъ о другихъ предметахъ съ своею обычною проницательностью и даже игралъ съ однимъ изъ своихъ внуковъ; но за чаемъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, успѣлъ только сказать окружавшимъ его: я умираю. Нѣсколько часовъ

---

[1]) Современникъ 1845 года, XXXV, 20—22.

спустя онъ дѣйствительно скончался, имѣя отъ роду 76 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 3 дня. Такимъ образомъ Эйлеръ, по прекрасному выраженію Кондорсе, пересталъ вычислять и жить!

Въ исторіи наукъ Эйлеръ представляетъ можетъ быть единственный примѣръ геніальной плодовитости: число сочиненій его, которыя всѣ высоко цѣнятся въ математической литературѣ, простирается до 756. Слава его, какъ величайшаго изъ математиковъ, признается всѣми; но въ исторіи нашей Академіи онъ имѣетъ еще то особенное значеніе, что, умирая, оставилъ восемь изъ своихъ учениковъ членами Академіи, которые служили украшеніемъ ученаго общества и притомъ бо́льшая часть изъ нихъ пользовались почетною извѣстностью, какъ преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній. Это были: Іоганнъ Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

Эйлеръ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что называется эрудиціею; онъ читалъ все, что уцѣлѣло отъ лучшихъ римскихъ писателей; Энеиду, напримѣръ, онъ зналъ всю наизусть отъ начала до конца. Но, вещь замѣчательная, читая Виргилія, онъ не терялъ изъ виду математики.

У Эйлера было великое искусство не выставлять на показъ своей учености, скрывать свое превосходство и быть на уровнѣ всѣхъ и каждаго. Всегда ровное расположеніе духа, веселость кроткая и естественная, нѣкоторая насмѣшливость съ примѣсью добродушія, разговоръ наивный и шутливый — все это дѣлало бесѣду съ нимъ столько же пріятною, сколько и привлекательною. Чрезвычайная живость иногда была причиною, что онъ легко раздражался, но гнѣвъ проходилъ у него также быстро, какъ появлялся, и онъ ни на кого не досадовалъ долго.

Въ великихъ людяхъ самыя странности невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и заслуживаютъ упоминанія, такъ-какъ все, что касается генія, возбуждаетъ невольное любопытство.

„Нашъ знаменитый Леонардъ Эйлеръ, говоритъ Формей,

знавшій весьма близко великаго геометра, былъ всегда исполненъ живости, у него постоянно сыпались остроты — онъ любилъ шутить. Однако, я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ цѣнилъ какое-нибудь произведеніе ума и вкуса, или чтобы ему нравилось какое-нибудь театральное представленіе, исключая маріонетокъ, самыхъ безсмысленныхъ. Онъ охотно спѣшилъ смотрѣть на нихъ; онѣ цѣлые часы привлекали его вниманіе и заставляли его помирать со смѣха. Такой великой человѣкъ, какъ Эйлеръ, можетъ не имѣть надобности въ умѣ, и по этому случаю можно сказать: de minimis non curat praeter, или: aquila non cepit muskas“ [1]).

Объ Эйлерѣ есть нѣсколько разсказовъ въ Запискахъ, служащихъ къ исторіи великаго князя Павла Петровича, состоявшаго при немъ С. Порошина. Такъ, тамъ есть слѣдующее извѣстіе подъ 22 ноября 1764 г., что во дворцѣ Тепловъ „между прочимъ упомянулъ, что славный профессоръ Эйлеръ до театральныхъ зрѣлищъ великій охотникъ. Его Высочество поспорилъ ему въ томъ, говоря, что онъ отъ меня слышалъ, что король прусскій, въ стихотворческихъ своихъ сочиненіяхъ: Oeuvres du philosophe de Sans-souci, представляетъ Эйлера совсѣмъ нечувствительнымъ къ такимъ зрѣлищамъ, и пишетъ, что какъ его въ одно время пріятели вытащили на трагедію, то онъ, посидѣвъ нѣсколько времени нахмурившись и вымѣривъ повидимому глазомѣромъ пространство и фигуру театра, и вычисливъ самъ въ себѣ, какъ голосъ до слуху человѣческаго доходитъ, хлопнулъ дверью и ушелъ, не дослушавши самаго прекраснаго мѣста въ трагедіи“... Другой разъ, 5 октября 1765 года, во дворцѣ же Порошинъ сказывалъ академику Эпинусу: „какъ у насъ иногда о наукахъ смѣшно разсуждаютъ: ежели человѣкъ умѣетъ фигуру какую математическую или планъ начертить и раскрасить, то кричатъ: c'est un grand ma-

[1]) Mémoires de l'Académie royale des sciences et belles lettres, Berlin 1783—1784, статья «Sur les rapports entre le savoir, l'esprit, le génie et le goût, страница 387.

thématicien! Г. Эпинусъ смѣялся тому и говорилъ, что Эйлеръ никогда чистой фигурки не черчивалъ, однако въ математикѣ всѣхъ чертильщиковъ нѣсколько лучше знаетъ"... [1]).

Мнѣ извѣстны слѣдующіе портреты Эйлера: въ 1768 году наша Академія наукъ опредѣлила вырѣзать на мѣди портретъ великаго математика съ оригинала, рисованнаго въ 1756 году Гандманномъ, что̀ и было исполнено граверомъ Штенглиномъ [2]). Гравюра эта нынѣ считается рѣдкостью. Въ 1780 году въ Митавѣ была вырѣзана гравюра Дарбесомъ (Darbes) съ портрета Эйлера, дѣланнаго Кютнеромъ. Этотъ портретъ, по свидѣтельству Николая Фусса, изъ всѣхъ наиболѣе сходный, но изображаетъ великаго математика въ старости. Гравюра съ этого портрета приложена при первомъ томѣ Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle. W. Drugulin's Allgemeiner Portrait Katalog указываетъ: подъ № 5612, портретъ Эйлера, работы Дюпэня (Dupin), сдѣланный съ петербургскаго медальона; подъ № 5613, съ портрета Гандманна грав. К. фонъ-Мехелемъ. Въ 1786 году А. Ф. Бюшингъ сообщилъ, что базельское правительство заказало въ Берлинѣ похожій портретъ Эйлера и съ торжествомъ поставило его въ базельской публичной библіотекѣ рядомъ съ портретомъ Данила Бернулли [3]).

Кромѣ того, въ залѣ обычныхъ засѣданій нашей Академіи помѣщенъ мраморный бюстъ Эйлера.

Эйлеръ былъ женатъ два раза: первая его жена, Екатерина Гзель, о которой упоминалось выше [4]), скончалась въ 1773 г. [5]).

---

[1]) Записки Порошина (Спб. 1844), 151, 449.

[2]) II, книга № 317.

[3]) Wöchentliche Nachrichten 1786, XIV Stück, 192.

[4]) Академическій живописецъ Георгъ Гзель былъ женатъ сначала на фонъ-Лоенъ (von Loen), отъ которой у него была дочь, вышедшая потомъ замужъ за Эйлера. Во второй разъ Гзель женился на дочери извѣстной въ свое время живописицѣ — Себиллѣ Меріанъ.

[5]) По случаю ея погребенія была произнесена проповѣдь, напечатанная подъ заглавіемъ: Gedächtnissrede auf die weiland hochedelgebohrne Frau Catharina Euler, gebohrne Gsell, des Hochansehnlichen und Hochgelehrten Herren Leonhard Euler.... gewesene Ehegattin am 14-tem November 1773 bey der Beerdigung derselben gehalten von S. L. Majewski. S.-Petersburg. (4°, 16 стр).

*

Вторая — Саломея Абигэль была внука Себиллы Меріанъ и дочь Маріи Графъ — обѣ извѣстныя живописицы. Эйлеръ вступилъ во второй бракъ въ 1776 году, имѣя отъ роду 69 лѣтъ. Отъ перваго брака у него было тринадцать дѣтей, изъ коихъ восемь умерли въ дѣтскомъ возрастѣ, а изъ оставшихся въ живыхъ старшій сынъ Іоганнъ-Альбрехтъ былъ академикъ; второй — Карлъ, состоялъ придворнымъ медикомъ, третій — Христофоръ служилъ въ артиллеріи и былъ директоромъ оружейнаго завода въ Сестребекѣ. Онъ извѣстенъ своими астрономическими наблюденіями прохожденія Венеры чрезъ солнце въ Орской крѣпости, и другими — произведенными въ Яицкомъ городкѣ. Изъ дочерей Эйлера одна была замужемъ за маіоромъ Белемъ, а другая за барономъ Деленомъ.

Леонардъ Эйлеръ погребенъ на смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ могилою его воздвигнутъ, на счетъ Академіи наукъ, памятникъ съ надписью: „Leonhardo Eulero Academia Petropolitana“.

Въ началѣ настоящаго жизнеописанія названы тѣ сочиненія, въ которыхъ помѣщены списки сочиненій и статей Эйлера. То, что напечатано геніальнымъ математикомъ въ періодическихъ изданіяхъ нашей Академіи или отдѣльно, но въ ея типографіи, указано въ изданномъ 1846 года: Registre alphabétique des noms des auteurs dont les pièces sont insérées dans les différents recueils publiés par l'Académie impériale des sciences de S.-Pétersbourg depuis sa fondation jusqu'à l'an 1846, стр. 18—21. Кромѣ разныхъ пропусковъ, здѣсь не указаны тѣ изъ произведеній Эйлера, которыя напечатаны въ русскомъ переводѣ. Вообще должно сознаться, что всѣ, сейчасъ поименованные указатели въ настоящее время требуютъ и исправленій, и дополненій, которыя, по огромному количеству произведеній Эйлера и ихъ разнообразію, могутъ быть сдѣланы только знатокомъ въ библіографіи математической литературы.

Въ заключеніе здѣсь помѣщается записка Эйлера, о которой говорилось выше, на стр. 292, 293.

PLAN D'UN RÉTABLISSEMENT DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

Réflexions générales sur le rétablissement de l'Académie impériale des sciences de S.-Pétersbourg.

I. Pour établir une Académie des sciences, il ne s'agit que d'assembler un certain nombre d'habiles gens capables de travailler à l'avancement des sciences. Il seroit bien à souhaiter qu'un tel établissement s'étendit à tous les différents genres des sciences; mais puisque le nombre des grands génies est trop petit, pour qu'on puisse exécuter ce dessein dans toute son étendue, on est obligé de se contenter d'un nombre très médiocre, selon que l'occasion se présente de trouver de telles personnes en quelque genre de sciences que ce soit.

II. Aussi voyons-nous que dans toutes les Académies, qui ont subsisté jusqu'ici, le nombre des grands génies, qui les ont fait fleurir, a toujours été très médiocre, et que c'étoit tantôt la mathématique, tantôt la physique, tantôt l'histoire naturelle, tantôt la chimie, ou quelqu'autre science, qui y a été cultivé avec le plus grand succès, quelque grand qu'ait été le nombre des membres qui ont composé ces Académies.

III. Par cette raison on ne sauroit fixer le nombre des académiciens, à moins qu'on ne soit déjà sûr de trouver pour chaque place un excellent homme; car dès qu'il y aura des places à remplir, on ne risque que trop, que tôt ou tard ces places ne soient occupées par des génies médiocres; ce qui causeroit infailliblement la décadence de toute l'Académie.

IV. Pour prévenir cet inconvénient, il faudroit établir les deux regles suivantes et les observer le plus rigoureusement:

1e toutes les fois que l'occasion se présente d'engager un excellent homme, qui se soit déjà acquis une réputation générale en quelque science que ce soit, il doit y avoir pour lui toujours une place vacante, quelque grand que puisse déjà être le nombre des académiciens actuels. Or il n'y aura certainement point de danger, que par ce moyen l'Académie devienne trop chargée.

2e Hors ce cas il ne doit point y avoir de places vacantes, quelque petit que puisse être le nombre des Académiciens; et il ne doit jamais être question de remplir quelque place puisqu'il seroit presque impossible de prévenir des abus.

V. Sur ce pied il est clair qu'on ne sauroit fixer d'avance les pensions des académiciens, ni en former un état, ce qui paroit troubler l'économie des fonds de l'académie; mais ayant destiné une certaine somme à l'entretien des académiciens, il arrivera ordinairement à cause de la disette des bons sujets, que la dépense ne montera pas si haut, et qu'il restera tous les ans un reliquat dans la caisse, qui pourra être employé à des besoins extraordinaires, lorsque l'occasion se présente de faire acquisition de quelque génie très excellent: auquel cas une partie de sa pension pourrait bien être assignée sur quelqu'autre caisse.

VI. Il en est ainsi de l'Académie de Berlin, où les fonds destinés à l'entretien des académiciens sont estimés de 1000 écus, quoique dans les dernières années cette dépense ait tantôt été de 7000, tantôt de 8000 jusqu'à 9000 écus. Mais si M-r d'Alambert avoit accepté la pension de 8000 écus qui lui a été offerte, la plupart auroit dû être payée d'une autre caisse. Cette inégalité ne causoit aucun dérangement dans l'état de cette Académie, vu qu'elle

est obligée de rendre compte tous les ans de l'emploi de ses fonds.

VII. On m'objectera sans doute que de cette manière le fond requis pour l'entretien des académiciens de notre Académie devroit être trés considérable et qu'il surpasseroit fort loin le peu d'utilité que l'empire retireroit d'un tel établissement: à quoi je reponds premièrement, que l'utilité d'une Académie des sciences ne se borne nullement au seul pays où elle est établie, mais que tous les autres pays en profitent toujours autant et souvent d'avantage; et il est toujours glorieux à un Prince de contribuer à l'avancement des sciences en général.

VIII. Mais il y a plus: quelque petit que puisse être le profit, qu'un état retire immédiatement de l'avancement des sciences, les académiciens peuvent outre cela être employés; en sorte qu'ils deviennent des membres très utiles sans troubler leurs travaux académiques, et que le fond destiné à leur entretien puisse être regardé comme très bien employé, même du côté de l'économie. Des génies supérieurs capables de porter les sciences à un plus haut degré de perfection peuvent être utilement employés en plusieurs occasions et même occuper des charges patriculières, outre celle qui les attache à l'Académie.

IX. Un tel emploi des académiciens à d'autres services utiles à l'état se pratique dans toute les autres Académies. Dans celle de Paris il n'y a presqu'aucun membre qui y soit uniquement attaché, tous étant encore chargés d'autres emplois qui les occupent plus ou moins. Il en est de même à Berlin, où les académiciens sont employés à d'autres services ou ordinaires, ou extraordinaires.

X. Ainsi quand l'Académie des sciences de Pétersbourg sera une fois bien établie, il n'y aura peut être aucun académicien qui ne puisse occuper utilement encore quelqu'autre emploi; si ce n'étoit que l'instruction de la jeunesse, ou au moins de quelques adjoints, qui les seroient particulièrement attachés; de sorte que l'Académie ou l'état profiteroit alors des gages destinés à ces emplois, et les reproches qu'on a fait jusqu'ici, que l'Académie des sciences était à charge à l'état, tomberaient d'eux même. M-r Aepinus fournit un bel exemple d'un très digne académicien employé à d'autres charges très importantes.

XI. Une telle société d'habiles gens étant formée, il ne reste qu'à les bien encourager en remplissant leur devoir, et en produisant dans les assemblées académiques leurs observations et découvertes pour l'avancement des sciences. Pour cet effet la haute protection de Sa Majesté impériale jointe à certaines immunités et à un rang convenable, est sans doute le plus fort aiguillon; et si quelques grands seigneurs voulaient se charger du titre de membres honoraires et assister aux assemblées ce seroit un bon moyen d'y maintenir le bon ordre et de prévenir toute sorte de confusion et de tracasseries.

XII. Outre ces membres honoraires, on pourroit accorder l'accès à plusieurs autres gens de lettres sous le titre d'associés, qui rendroient non seulement les assemblées plus nombreuses, mais qui par leurs vues et observations peuvent souvent contribuer beaucoup au but commun. Ensuite un certain nombre d'adjoints entretenus exprès pour s'appliquer aux sciences, et aux quels les académiciens devroient donner des instructions toutes particulières, pourra fournir avec le temps des sujets propres pour être élevés au dégré d'académiciens.

XIII. Une bonne correspondance avec les savants étrangers est aussi absolument nécessaire, et pour cet effet il sera bon d'accorder non seulement le titre d'académiciens à un certain nombre de savants étrangèrs, qui se sont rendus célèbres, mais de donner même à quelques uns des pensions annuelles,

qui par là seroient obligés d'entretenir une correspondance plus régulière, en envoyant à l'Académie de leurs productions et en l'informant de tout ce qui se passe dehors dans les autres Académies et parmis les gens de lettres.

Différents moyens de diminuer les dépenses de l'Académie.

I. Ce que je viens de remarquer sur l'emploi des académiciens à d'autres fonctions produira déjà une diminution assez considérable dans les dépenses de l'Académie. Car l'état présent fixe un certain nombre de professeurs pour l'université différents des académiciens; donc puisque plusieurs de ceux-ci peuvent remplir les fonctions d'un professeur en instruisant la jeunesse, l'Académie épargnera les pensions de ces professeurs; et si quelques académiciens sont chargés des emplois hors de l'Académie, la seule Académie des sciences sera d'autant moins à charge à l'état.

II. Dés la fondation de l'Académie, on a été obligé d'y joindre une Académie des arts, en y établissant des peintres, graveurs et d'autres artistes. Or comme maintenant Sa Majesté Impériale vient d'établir séparément une Académie des arts, l'Académie des sciences pourra être dechargée de ce département, ou entièrement, ou en grande partie; il semble qu'il suffira d'y conserver quelques graveurs pour les besoins de la géographie; et même ceux qui ne ne seroient pas propres pour l'Académie des arts, puisque la gravure des cartes ne demande qu'une nette écriture à la quelle les moins habiles graveurs peuvent être formés.

III. On m'objectera sans doute ici que l'Académie des sciences ne sauroit se passer en plusieurs occasions d'habiles artistes dans la peinture, gravure, et même l'architecture; mais il me semble qu'une bonne harmonie entre les deux Académies suppléera suffisameut à ces besoins, d'autant plus que la volonté de Sa Majesté y doit suffire, et que ces deux corps doivent toujours se prêter les mains l'un à l'autre.

IV. Ensuite l'Académie des sciences entretient dans ses gages tant d'autres, comme des relieurs etc., qui pouvant aujourd'hui subsister par eux mêmes, ce qui n'étoit pas possible autrefois; il semble beaucoup plus convenable de les établir dans la ville, et de leur bien payer les ouvrages dont on a besoin. A Berlin une longue expérience a appris qu'il est plus avantageux de payer doublement aux artistes leurs ouvrages, que de leurs donner des pensions fixes; pour l'imprimerie et la fonte des lettres, l'Académie doit bien en rester chargée, pourvu qu'une bonne économie y soit observée.

V. Il est de même de plusieurs sortes de mécaniciens qui ne sauroient subsister d'eux mêmes, et dont l'Académie a besoin; mais il semble que ces gens là pourroient être mis sur un tel pied, que l'Académie en tirât quelque profit. Le débit de ces sortes d'instruments, en y rapportant les baromètres, thermomètres, et les lunettes de différentes espèces paroit si considérale, que l'entretien de ces ouvriers ne devroit pas être onéreux à l'Académie.

Différents moyens d'augmenter les revenus de l'Académie.

I. La plupart des livres que l'Académie fait imprimer devroit produire tant que non seulement les frais en papier et les gages des ouvriers en fussent remboursés; mais qu'il en resultât même un profit assez considérable surtout par le commerce dont la librairie est chargée. Je crois que cet article mériteroit toute

l'attention, et qu'il vaudroit bien la peine d'établir une commission composée de gens entendus dans le négoce, pour mettre ce département sur le meilleur pied dont il est susceptible.

II. L'article des gazettes tant allemandes que russes semble aussi mériter une attention toute particulière. Les libraires de Berlin gagnent sur le privilége des gazettes jusqu'à 2000 écus, ce qui me fait penser qu'il seroit bien possible de mettre cet article pour un bon choix des matières et des arrangements propres pour en procurer un bon débit, sur un tel pied que l'Académie en retirât un profit assez considérable. Le meilleur moyen d'y réussir seroit peut être d'accorder à ceux qui y travaillent une certaine portion du profit.

III. Mais l'article des almanachs me paroit encore beaucoup plus important: le privilége exclusif pour tous les états du roy de prusse dont l'Académie de Berlin jouit, rapporte maintenant au delà de 20000 écus par an, déduction faite de tous les frais. Ce profit résulte de 250000 almanachs de différentes espèces qui s'y débitent annuellement. D'abord on ne croyoit pas que ce profit pût monter à 5000 écus, et c'est uniquement à l'industrie de l'administration, qu'on est redevable de ce grand avantage.

IV. Je ne sais pas jusqu'à quel point cet arrangement pourroit être imité ici, ni s'il conviendroit d'accorder à l'Académie un semblable privilége exclusif des almanachs; mais si la chose pouvoit réussir il en faudroit confier l'administration à un homme industrieux et intelligent non pensionné, mais auquel on accorderoit la dixième partie du profit net, qu'il procureroit à l'Académie. Celui-ci établiroit ses commissionaires dans les provinces et villes principales pour y débiter les almanachs qu'il jugeroit à propos de faire imprimer. On n'auroit qu'à prendre les mêmes précautions qu'à Berlin pour prévenir toute défraudation.

V. Les cartes géographiques dont l'Académie a déjá publié une bonne quantité et dont elle publiera encore plusieurs, conformement à la haute intention de Sa Majesté Imperiale, pourroit fournir aussi une belle branche de commerce, si l'on faisoit des arrangements propres pour les débiter tant dans l'empire, que dehors ; où jusqu'ici il a été presqu'impossible d'acheter les cartes de l'Académie quelques recherchées qu'elles aient été.

Sur le rétablissement de l'Académie des sciences.

I. Quoi qu'il soit très nécessaire d'engager quelques habiles académiciens pour l'anatomie, la botanique, l'histoire naturelle et la mécanique, les membres qui sont actuellement ici pourroient bien dès à présent recommencer leurs assemblées académiques, en y lisant chaque fois quelque mémoire qui pût trouver lieu en suite dans les Commentaires, qui se publient tous les ans, comme il a été de coutume autrefois. Mais aujourd'hui il me semble, qu'une telle assemblée par semaine pourroit suffire, et peut être même dans la suite, quand le nombre des académiciens sera devenu plus considérable, une seule assemblé par semaine seroit encore suffisante, eu égard aux autres fonctions dont la pluspart des académiciens pourroient être chargés.

II. Ces assemblées seroient composées:

1e des académiciens engagés exprès pour cela avec le secrétaire;

2e des associés élus tant des professeurs de l'université qui des autres savants établis dans la ville, qui par leurs lumières peuvent être utiles à l'Académie;

3e des adjoints engagés exprès pour être instruits des académiciens;

4e des membres honoraires élus d'entre les grands seigneurs qui ont du goût pour les sciences.

Le secrétaire tiendra régistre de tout ce qui se passe dans l'assembleé, et étant chargé de la correspondance étrangère, en communiquera à l'assemblée le résultat.

III. Dans chaque assemblée on annoncera celui qui lira dans la suivante et sur quel sujet. Jusqu'ici les mémoires qui devroient être lus, ont été communiqués auparavant aux autres membres, mais comme cela ne se pratique point aux autres académies, et qu'il en pourroit naître des inconvenients, rien n'empêche qu'on ne les lise d'abord, et ceux qui s'appliquent à la même science en jugeront aisement en l'éxaminant ensuite plus soigneusement selon les circonstances; où il faut surtout observer que tout se fasse à l'amiable sans aucune aigreur.

IV. Jusqu'ici les membres de l'Académie se sont assemblés deux fois par semaine, et ont déliberé surtout ce qui regardoit l'administration du département littéraire, comme l'impression des livres, l'édition des cartes géographiques etc. Mais quand l'Académie deviendra plus nombreuse, il vaudra peut être mieux de confier ces soins à des commissions particulières. Jusque là les deux assemblées par semaine pourroient continuer, tant pour la lecture des mémoires scientifiques, que pour administrer les affaires littéraires.

Sur les départements de l'Académie.

I. L'Académie renferme tant d'autres départements, comme la pépinière, le gymnase, l'université, la bibliothèque, la chambre des raretés, l'observatoire, l'anatomie, le jardin botanique, le laboratoire de chimie, la physique experimentale, le bureau de géographie, l'imprimerie, la librairie, la fabrique des instruments de plusieurs espèces, et enfin la chancellerie avec la caisse, dont il y a plusieurs qui semblent demander une reforme considérable, pour en tirer une meilleur part.

II. Ces différents départements sont trop compliqués, et leur liaison avec l'Académie trop importante, pour qu'un seul homme en puisse juger. Ce sera plutôt l'affaire d'une commission composée de quelques anciens membres de l'Académie qui par une longue expérience en ayent acquis une parfaite connaissance, pour pouvoir juger de quelle manière chaque département puisse être mis sur le meilleur pied, et que l'Académie en retire les plus grands avantages. Il seroit à souhaiter que cette commission eût à la tête un grand seigneur éclairé et revêtu d'une autorité nécessaire.

III. Cette commission éxaminera tous ces départements, et s'il s'y trouve quelque défaut, elle cherchera les moyens les plus propres pour les mettre sur un meilleur pied; surtout elle en réglera l'état des dépenses, qu'il ne faudra jamais excéder. Or en particulier par rapport à la librairie elle éxaminera très soigneusement les mesures à prendre pour que tous les livres et cartes géographiques puissent être bien débités tant dans que hors de l'empire au plus grand profit de l'Académie.

Des personnes à engager pour l'Académie des sciences.

Indépendamment des recherches de cette commission, l'Académie des sciences pourroit bien d'abord être rétablie sur un bon pied, il ne s'agit que d'engager quelques habiles personnes pour remplir les places suivantes.

1e Pour la mécanique un bon géomètre et physicien qui eût la direction de tous les mécaniciens et artistes de l'Académie. Pour cette place je voudrois proposer M. Lambert actuelement engagé à l'Académie de Berlin, qui peut être acceptera cette place moyennant une pension de 1200 roubles.

2e Pour l'anatomie, je puis proposer deux sujets: l'un est le docteur Wolf à Berlin, et l'autre le docteur Respinger à Basle. Le premier s'est déjà acquis une bonne réputation dans cette science; les mérites de l'autre m'ont aussi été fort loués. L'un et l'autre accepteroit une pension de 800, en leur accordant le logement franc.

3e Pour la botanique je puis aussi proposer deux sujets, l'un est M. Adamson de Paris, qui s'est déjà rendu célèbre dans cette science par son voyage d'Afrique; mais je ne sais pas sous quelles conditions on en pourroit faire l'acquisition. Mais l'autre qui est M. Gmelin à Tubingue s'est offert lui même et viendroit sous les mêmes conditions que les anatomistes.

4e Pour l'histoire naturelle, il y a apparence qu'il se trouve déjà ici un homme très habile pour occuper cette place.

5e Pour l'astronomie. Si l'on jugeroit à propos d'avoir deux astronomes comme autrefois, attendu que cette charge est trop onéreuse pour un seul homme, je pourrois recommander M. Reccard à Königsberg dont l'acquisition seroit toujours très importante pour l'Académie.

Quant aux membres externes pensionnés dont le nombre s'est déjà réduit à trois, je crois qu'il convient d'établir cette régle: que ceux des mebres externes, qui auront fournis à l'Académie trois bons mémoires savants y puissent aspirer.

Mais il sera très bon que l'Académie ait encore outre ceux-ci un ou deux correspondants, qui entretiennent une correspondance régulière en l'informant de tous ce qui se passe dans les autres Académies, et en général de tout ce qui regarde les lettres. Pour une telle place dont la pension seroit aussi de 200 roubles, je voudrois proposer le professeur Formey, dont l'exactitude et l'activité promettroit à l'Académie ses services très importants.

МЮЛЛЕРЪ, ГЕРАРДЪ-ФРИДРИХЪ (русскіе его звали Өедоръ Ивановичъ), академикъ, исторіографъ и непремѣнный секретарь Академіи.

Оффиціальное, коротенькое извѣстіе о немъ напечатано въ Nova acta Academiae scientiarum petropolitanae, I, Histoire, 215 — 217. Вскорѣ послѣ смерти Мюллера, издано въ свѣтъ подробное жизнеописаніе его, составленное въ хвалебномъ духѣ другомъ его Антономъ-Фридрихомъ Бюшингомъ и помѣщенное въ III-мъ томѣ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer (Halle, 1785), 1 — 160. Августъ Людвигъ Шлецеръ оставилъ нѣсколько подробностей о Мюллерѣ, у котораго онъ жилъ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ, въ своихъ запискахъ: A. L. Schlözer's öffentliches und privat Leben von ihm selbst beschrieben (Göttingen, 1802). Такъ-какъ Шлецеръ потомъ былъ недоволенъ поступками Мюллера въ отношеніи къ нему, то въ этой автобіографіи исторіографъ изображенъ не всегда въ томъ видѣ, въ какомъ представ-

лялъ его Бюшингъ. Ломоносовъ былъ давній и непримиримый врагъ Мюллера, а потому въ бумагахъ перваго о послѣднемъ только худые отзывы, въ чемъ достаточно убѣдиться изъ Матеріаловъ для біографіи Ломоносова, собранныхъ Билярскимъ (Спб., 1865), см. въ указателѣ — Мюллеръ. Порошинъ, также современникъ Мюллера, слыша похвалы исторіографу, опасался, чтобы чрезъ это не были унижены заслуги русскихъ. Онъ же оставилъ извѣстіе, что Мюллеръ былъ недоволенъ тѣмъ, что Гольдбахъ не ему завѣщалъ все свое состояніе; ср. выше, стр. 170 и Записки, служащія къ исторіи... великаго князя Павла Петровича, С. Порошина (Спб., 1844 г.) стр. 87, 88, 156. Въ позднѣйшихъ русскихъ, печатныхъ жизнеописаніяхъ говорили объ исторіографѣ съ похвалами и признательностью къ его, дѣйствительно большимъ заслугамъ русской исторіи: Новиковъ въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (Спб., 1772), 139 — 141; митрополитъ Евгеній — въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей (М., 1845), II, 54 — 89 (всѣ, помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія заимствованы изъ Бюшинга); г. Соловьевъ — въ Современникѣ 1854 года, XLVII, отдѣленіе II, 115 — 150. Рукописныя автобіографическія извѣстія Мюллера о себѣ въ двухъ краткихъ запискахъ на нѣмецкомъ языкѣ хранятся въ архивѣ академической конференціи и относятся къ 1743 и 1751 годамъ. Въ рукописи его Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, стр. 72, 73, 129, 130, 173, 263—265, 315—320, 344, 347, помѣщены любопытныя автобіографическія подробности о пребываніи въ Петербургѣ до отъѣзда въ Сибирь въ 1733 года и о путешествіи его по этой странѣ до 1735 г. включительно. Сверхъ того, объ этомъ же путешествіи сохранилась въ архивѣ академической конференціи черновая, собственноручная рукопись Мюллера на русскомъ языкѣ (въ f°, 117 листовъ), подъ заглавіемъ: «Описаніе путешествія, которое императорской Академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли, сочинено Г. Ф. Мюллеромъ». Рукопись прерывается на 3 марта 1736 года. О Мюллерѣ встрѣчаются частыя упоминанія въ описаніи того же путешествія спутника его І. Г. Гмелина Reise durch Sibirien, Гёттингенъ, 1751 — 1752. Переписка Мюллера съ Михаелисомъ 1762 — 1763 годовъ напечатана: Leterarischer Briefwechsel von Johann David Michaelis (Leipzig, 1795), II, 511 — 536. Невѣрности, сообщенныя Коксомъ о семействѣ Мюллера, въ его Reise durch Polen, Russland etc. замѣчены Бюшингомъ, Wöchentliche Nachrichten, 1785, 11 St., 82—85.

Мюллеръ родился 18 октября 1705 года въ Герфордѣ, гдѣ отецъ его Томасъ Мюллеръ, въ продолженіе сорока лѣтъ, былъ ректоромъ въ гимназіи [1]; учился сначала въ этомъ заведеніи, а

[1]) На смерть Мюллера-отца († 1729 года) напечатана Trauer Rede и Ode lugubris отъ имени сына. Въ первой есть латинскіе стихи Томаса Мюллера, которые онъ написалъ по случаю отъѣзда его сына въ Россію.

потомъ съ 1721 года — въ Ринтельнѣ, и съ 1724 года — въ университетѣ въ Лейпцигѣ. Здѣсь онъ былъ лично извѣстенъ издателю Acta eruditorum Менке и пользовался его библіотекою. При учрежденіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, Менке рекомендовалъ туда дѣятельнаго сотрудника своего по сейчасъ названному изданію, Іоганна-Петра Коля, который былъ принятъ академикомъ въ Петербургъ въ 1725 году (см. выше, стр. 77—81). Вскорѣ по пріѣздѣ сюда, Коль сталъ вызывать въ Россію и Мюллера. „Такъ-какъ я, писалъ къ нему Коль, обѣщалъ вамъ передъ моимъ отъѣздомъ сообщить нѣсколько извѣстій отсюда, то не хочу тѣмъ менѣе медлить этимъ, что тотчасъ примѣтилъ, что здѣсь при скоромъ открытіи Академіи потребуется еще нѣсколько студентовъ, изучавшихъ гуманіоры... я считаю васъ способнѣйшимъ къ тому передъ прочими и сильно желаю имѣть васъ около себя. Могу васъ увѣрить, что мнѣ въ Петербургѣ также хорошо, какъ и въ Германіи. Crede mihi: non poenitebit huc venisse. Библіотека здѣсь превосходная. Nihil deest hic ad altiora nitenti“... Въ другомъ письмѣ Коль радуется, что Мюллеръ рѣшился ѣхать въ Петербургъ и, называя Шумахера очень образованнымъ человѣкомъ, говоритъ Мюллеру: „вы можете современемъ сдѣлаться библіотекаремъ. Crede mihi!“...[1]).

При опредѣленіи Мюллера въ Академію въ званіе студента, ему назначено было 100 рублей на путевыя издержки и 200 рублей въ годъ жалованья. Въ Петербургъ онъ прибылъ 5 ноября 1725 года и 1726—1727 годы провелъ въ посѣщеніи академическихъ засѣданій и преподаваніи латинскаго языка, исторіи и географіи въ академической гимназіи.

По распоряженію президента Блюментроста, 6 января 1728 года, дѣятельность Мюллера должна была расшириться, такъ-какъ тогда постановлено: „надлежитъ опредѣлить къ архивѣ и для сочиненія нѣмецкихъ курантовъ изъ гимназіи студента Мюллера, а на его мѣсто опредѣлить профессора Мартинія или студента Вейтбрехта“[2]). За эти занятія Мюллеру было приба-

---

[1]) I, 4-й портфель писемъ къ исторіографу Мюллеру.

[2]) II, книга № 418.

влено 100 рублей къ прежнимъ 200 рублямъ жалованья. Въ началѣ слѣдующаго 1729 года, Мюллеръ ведетъ протоколы академическихъ засѣданій и канцеляріи, а также иностранную переписку, пишетъ Санктпетербургскія Вѣдомости и Примѣчанія къ нимъ, держитъ корректуру въ типографіи, въ особенности нѣмецкаго лексикона и выдаетъ книги изъ библіотеки [1]). Въ періодъ времени отъ 1728 до половины 1730 года, подъ наблюденіемъ Мюллера печатались разныя академическія изданія. Въ особенности заслуживаютъ вниманія тогдашніе труды Мюллера по русской журналистикѣ: составляя изъ иностранныхъ газетъ Санктпетербургскія Вѣдомости, онъ придумалъ прилагать къ нимъ Примѣчанія, заключавшіяся сначала въ подробныхъ объясненіяхъ тѣхъ мѣстъ въ Вѣдомостяхъ, которыя могли казаться темными или не совсѣмъ понятными для современныхъ читателей. Съ теченіемъ времени, въ составленіи такихъ Примѣчаній стали принимать участіе и другіе члены Академіи, и тогда появились тамъ и самостоятельныя статьи, изложенныя по возможности доступно для большинства читателей. „Съ наступленіемъ 1728 года, разсказываетъ самъ Мюллеръ, на меня было возложено составленіе Вѣдомостей. Я завѣдывалъ ими до половины 1730 года и вмѣстѣ съ тѣмъ издавалъ Примѣчанія къ Вѣдомостямъ, которыя въ первый годъ предназначалъ только для русскихъ читателей, но потомъ, убѣжденный въ хорошемъ пріемѣ этихъ Примѣчаній, не дѣлалъ болѣе никакихъ затрудненій къ печатанію ихъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Сначала Вѣдомости на обоихъ языкахъ печатались въ старой петербургской типографіи, а потомъ съ октября мѣсяца (1728 г.?) при Академіи, которая всегда пользовалась доходомъ съ нихъ. Эти Вѣдомости были встрѣчены съ великимъ одобреніемъ въ публикѣ: тогда сообщались тамъ изъ первыхъ рукъ важныя придворныя и государственныя извѣстія, которыхъ въ слѣдующихъ годахъ помѣщалось менѣе“...

Кромѣ того Мюллеръ занимался составленіемъ генеалоги-

---

[1]) I, Acta Academica pro anno 1729 въ 1-мъ портфелѣ Матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ 1728—1748 годовъ.

ческой таблицы рода графовъ Сапѣгъ: одинъ изъ нихъ, графъ Петръ пользовался особенными милостями Екатерины I и одно время считался женихомъ дочери князя Меншикова. Трудъ Мюллера, заимствованный, по его признанію, изъ печатнаго сочиненія о родѣ Сапѣги одного іезуита, былъ изданъ въ 1728 году во Франкфуртѣ на Майнѣ и 1730 г. профессоромъ Гебгарди. „Этимъ первымъ опытомъ я, говоритъ Мюллеръ, подготовилъ себя къ труднымъ, но полезнымъ работамъ представлять въ таблицахъ родословія изъ исторіи, а также знатнѣйшихъ русскихъ семействъ"....

Занятія Мюллера были таковы, что онъ сдѣлался какъ бы помощникомъ Шумахера, который въ это время оказывалъ ему безграничную довѣренность, такъ-что когда онъ въ концѣ 1729 года уѣхалъ въ Москву, то Мюллеръ, по управленію академическими дѣлами, занималъ его мѣсто, и это можно замѣтить изъ уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи писемъ Шумахера къ Мюллеру. Такъ-какъ первый изъ нихъ былъ уже не любимъ всѣми академиками, то эта нелюбовь легко могла перейти и на его пособника по управленію Академіею, а потому разсказъ Ломоносова, что Мюллеръ въ описываемое время въ Академіи получилъ прозваніе flagellum professorum можетъ быть не несправедливъ [1]). Неудивительно также, что по тѣмъ же причинамъ академики не хотѣли признать Мюллера достойнымъ званія профессора, тогда какъ прочіе три товарища его Эйлеръ, Крафтъ и Вейтбрехтъ были вполнѣ одобрены отъ академиковъ. Однако, по возвращеніи Шумахера изъ Москвы въ 1730 году, дѣло было такъ улажено, что Мюллеръ былъ назначенъ профессоромъ въ одно время съ сейчасъ названными молодыми учеными, о чемъ и было дано знать отъ президента собранію академиковъ 22 января 1731 года [2]).

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ (С.-Петербургъ, 1865), 050, 051.

[2]) Въ возраженіяхъ Шумахера противъ донесеній на него академиковъ въ 1745 году есть, между прочимъ, слѣдующее: «когда гг. профессора Эйлеръ, Крафтъ, Мюллеръ и Вейтбрехтъ въ 1730 г., будучи адъюнктами, просили о произведеніи ихъ въ профессоры, то бывшій тогда президентъ приказалъ гг. профессорамъ освидѣтельствовать помянутыхъ адъюнктовъ, достойны-ли они быть профессорами? Они призна-

Въ 1730 году Мюллеръ отправился заграницу для устройства домашнихъ дѣлъ послѣ смерти отца. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему даны были отъ Академіи, или вѣрнѣе сказать отъ Шумахера порученія касательно сбыта академическихъ изданій и гравюръ за границею, пріисканія на службу въ Россію ученыхъ, граверовъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ-какъ послѣдовавшее увольненіе нѣкоторыхъ академиковъ и предполагавшійся отъѣздъ другихъ внушали Шумахеру опасенія на счетъ распространенія неблагопріятныхъ слуховъ о нашей Академіи,—Мюллеръ обязывался дѣлать все возможное для разсѣянія за границею подобныхъ слуховъ и для того знакомиться съ извѣстными учеными и предлагать имъ званіе почетныхъ членовъ Академіи. Мюллеръ, выѣхавъ изъ Петербурга 2 августа 1730 года, посѣтилъ Германію, Голландію и Англію, пригласилъ въ Академію ботаника Аммана, вызвалъ въ Петербургъ Юнкера, который также получилъ званіе академика и, наконецъ, убѣдилъ пріѣхать въ Петербургъ извѣстнаго оріенталиста Кера[1]). 9 апрѣля

ли всѣхъ достойными, кромѣ г. Мюллера; но не взирая на то, что они его не удостоили, президентъ опредѣлилъ его профессоромъ, видя что они въ томъ поступили по пристрастію».... II, книга № 795.

[1]) Георгъ-Яковъ Керъ (Kehr) родился въ Шлейзингенѣ 1692 года, и изучалъ восточные языка въ Галле; въ 1722 году получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ званіе магистра; жилъ потомъ въ Польшѣ и, наконецъ, въ Лейпцигѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Кромѣ стихотвореній на арабскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ, имъ изданы въ Лейпцигѣ: Dissertatio de Saracenis, Hagarenis et Mauris, 1723; Monarchiae asiatico-saracenicae status, qualis VIII et IX post Christum natum saeculo fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura Kufica a Monarchis Arabicis Al-Mansor, Harum-Raschid, Al-Manon, aliisque in metropolibus Chaldeae, Persiae Transoxanacque cusis, et nuper in littore maris Balthici prope Gedanum effossis, 1724; Monarchae Mogolo-Indici vel Mogolis Magni Aurenz Szeb numisma Indo-Persicum argenteum quinque librale rarissimum.... et pretiosissimo Ducis Saxo Gothani gazophylacio latine recensitum, explicatum, examinatum et contra dubia quorundam vindicatum, 1725 (См. Adelung's und Rottermund's Fortsetzung und Ergänzungen zu Iocher's Gelehrten Lexico, III, 164, 165). По разсказамъ Мюллера, Керъ въ особенности славился свѣдѣніями въ арабскомъ языкѣ и первый доказалъ, что куфическія письмена были не что иное, какъ древнія арабскія; но, имѣя обширныя познанія, какъ оріенталистъ, онъ былъ большой чудакъ, почитавшій выше всего свою восточную ученость; притомъ у него была невзрачная наружность, малый ростъ и огромная голова, всегда прикрытая страннымъ allonge-perruque. Все это было причиною, что Керъ не рѣдко служилъ цѣлью для насмѣшниковъ. Нѣкоторые

1731 года онъ писалъ къ президенту Блюментросту:.... „не нахожу довольно словъ, чтобъ описать дурные слухи, повсюду распространенные о нашей Академіи. Я замѣтилъ, что тому виною въ особенности бывшій профессоръ Мартини. Г. Бургаве также очень былъ предубѣжденъ и главнѣйше дурно отзывался о Центуріяхъ Буксбаума“.... Въ Гагѣ онъ познакомился съ Руссе, „который какъ говоритъ въ томъ же письмѣ Мюллеръ, подъ именемъ барона Ивана Нестесуранова издалъ Mémoires du regne du czar Pierre I и также Mémoires de l'Imperatrice Catherine[1]). Онъ ходатайствуетъ у графа Остермана въ Москвѣ о русскихъ медаляхъ, въ намѣреніи издать въ свѣтъ о нихъ исторію. Но я бы желалъ, чтобы этимъ повременили до моего возвращенія, о чемъ покорнѣйше прошу благосклоннаго содѣйствія вашего превосходительства“[2]).

предполагали, что онъ въ Петербургѣ состоялъ членомъ нашей Академіи, но это невѣрно: онъ вызванъ былъ въ Россію, съ званіемъ профессора, графомъ Остерманомъ и служилъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, занимаясь переводами и обученіемъ молодыхъ людей въ восточныхъ языкахъ (Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 267—270). Впрочемъ, Керъ работалъ и для Академіи наукъ, почему съ 1 сентября 1735 года ему назначено оттуда вознагражденіе по 200 рублей въ годъ «за описаніе оріентальныхъ медалей, и что касается до оныхъ переводовъ, за чрезвычайные его въ томъ воспріятые труды».... (II, книги №№ 20 и 430). Керъ иногда бывалъ въ академическихъ конференціяхъ: такъ 25 іюня 1739 года онъ читалъ тамъ переводъ свой съ персидскаго на латинскій языкъ изъ астрономическихъ таблицъ Улугъ-бея (см. I, протоколы 1739 года). Въ академической библіотекѣ хранится его же нѣмецкій переводъ труда Абулъ-гази Багадуръ хана, съ поправками въ слогѣ академика Фишера (H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, IV, 558). Керъ умеръ 5 мая 1740 года. Бумаги его донынѣ находятся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Любопытный проектъ Кера объ учрежденіи въ Россіи Академіи восточныхъ языковъ — Academiae vel societatis scientiarum atque linguarum in Imperii Ruthenici emolumentum etc. — описанъ П. Савельевымъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1856 г., LXXXIX, отд. III, Предположенія объ учрежденіи восточной Академіи въ Петербургѣ 1733 и 1810 годовъ, 28—34.

[1]) Керaръ въ Supercheries littéraires, III, 325 называетъ автора этихъ изданій Roussel. Селлій, въ своемъ указателѣ Schediasma de scriptoribus qui Historiam politico - ecclesiasticam Rossiae siriptis illustrarunt (Revaliae, 1736 стр. 27), думалъ, что подъ Нестесурановымъ скрылъ свое имя нѣкій Limieres. Указаніе Мюллера такъ положительно, что послѣ него нельзя сомнѣваться, что Нестесурановъ и Руссе одно и тоже лицо.

[2]) I, Портфель съ заглавіемъ: Путешествіе исторіографа Мюллера по Англіи, Голландіи и Германіи въ 1730—1731 годахъ.

Во время путешествія Мюллера, Шумахеръ продолжалъ съ нимъ вести переписку, и въ одномъ письмѣ 2 января 1731 года, между прочимъ, сообщая ему, что безъ него Санктпетербургскія Вѣдомости составляются Крамеромъ, прибавлялъ: „но на мой вкусъ онѣ были бы пріятнѣе, когда бы проходили чрезъ ваши руки. Поэтому и для вашей выгоды я бы очень желалъ, чтобы вы поспѣшили какъ возможно скорѣе вашимъ возвращеніемъ, потому что велѣно нѣкоторымъ профессорамъ давать уроки ея высочеству принцессѣ мекленбургской и въ особенности въ исторіи и географіи, къ которымъ она чрезвычайно склонна, а потому васъ почти невозможно здѣсь обойти. Кромѣ того, Академія уже получила приказаніе издавать, въ угоду ея высочеству, каждую четверть года собраніе о знаменитыхъ женщинахъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ-какъ г. Крамеръ не совсѣмъ способенъ къ этой работѣ, то я взялъ въ помощь гг. Крафта и Вейтбрехта, и работа эта исполняется подъ наблюденіемъ г. доктора Бекенштейна“.... [1])

Мюллеръ вернулся въ Петербургъ не ранѣе 2 августа 1731 года. Тотчасъ по возвращеніи сюда, онъ примѣтилъ въ Шумахерѣ большую перемѣну въ отношеніе къ себѣ: вмѣсто прежней довѣрчивости, тотъ выказывалъ къ нему холодность и скрытность. Кромѣ того, Мюллеръ нашелъ въ казенной квартирѣ своей шкафъ, въ которомъ у него была заперта вся его переписка, вскрытымъ, и всѣ письма Шумахера, которыя онъ писалъ изъ Москвы, вынутыми. Мюллеръ объяснялъ эту перемѣну тѣмъ, что графъ Остерманъ, зная его лично, предложилъ его въ наставники къ племянницѣ императрицы, принцессѣ мекленбургской, Аннѣ Леопольдовнѣ, у которой до того времени была только нѣмецкая француженка (sic) госпожа Адеркасъ, учившая ее одному французскому языку. По мнѣнію Мюллера, Шумахеръ, желая добра Геннингеру, женатому на его сестрѣ, предложилъ его вмѣсто Мюллера. Но это предположеніе едва-ли справедливо, такъ-какъ изъ сохранившагося донынѣ черноваго отпуска съ письма Шумахера, приведеннаго выше, доста-

---

[1]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

точно видно, что Шумахеръ предлагалъ Мюллеру пріѣхать скорѣе въ Петербургъ, чтобъ занять мѣсто наставника при принцессѣ. Можно скорѣе предполагать, что это письмо Шумахера затерялось, и онъ, не получивъ отвѣта отъ Мюллера и не видя вскорѣ его возвращенія, разсердился и предложилъ своего зятя Геннингера [1]). Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ между

---

[1]) Геннингеръ, Іоганнъ-Конрадъ, былъ родомъ изъ Стразбурга и, стало быть, землякъ Шумахера. Изъ одного письма его къ послѣднему, 14 февраля 1723 года, видно, что онъ тогда еще желалъ пріѣхать въ Россію и просилъ Шумахера пристроить его куда-нибудь: «я васъ прошу, милостивый государь, писалъ притомъ Геннингеръ, дополнить вашею доброю рекомендаціею то, чего не достаетъ моимъ достоинствамъ. И если бы вамъ пришлось лгать, чтобы сказать обо мнѣ хорошее, то это въ такомъ случаѣ, я думаю, очень дозволительно»... Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе того, что зналъ Геннингеръ: онъ писалъ и говорилъ по-нѣмецки, французски, англійски и по латини; рисовалъ, игралъ на флейтѣ и другихъ инструментахъ; дѣлалъ очки, микроскопы, зажигательныя стекла. На все Геннингеръ соглашался, только не желалъ получить мѣсто лекаря или, по его выраженію, быть подлѣ ревеня (рукописный сборникъ г. Свенске, № 25). При основаніи Академіи, Шумахеръ помѣстилъ туда и Геннингера и даже показывалъ его одно время въ числѣ академиковъ, хотя когда рѣчь заходила о его занятіяхъ, приходилось отмѣчать только: «І. К. Геннингеръ надзиратель и учитель юношей всякой учтивости и пріятнаго обхожденія»... Сначала онъ былъ наставникомъ при дѣтяхъ графа Карла Скавронскаго, потомъ князь Меншиковъ взялъ его въ учители къ своему сыну, вмѣсто Музеліуса изъ Берлина. Въ этой должности Геннингеру было повезло: онъ жилъ въ княжескомъ дворцѣ, и знатные стали заискивать его расположенія. Но паденіе князя Меншикова испортило карьеру Геннингера: тогда онъ сдѣлался секретаремъ медицинской коллегіи и женился на сестрѣ Шумахера. Съ возшествіемъ на престолъ императрицы Анны, Геннингеръ получилъ мѣсто преподавателя племянницы ея, принцессы Анны Леопольдовны. «Кажется, говоритъ осторожный Мюллеръ, что онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ намѣреніяхъ госпожи Адеркасъ, оберъ-гофмейстерины принцессы, потому что около этого времени получилъ увольненіе отъ двора, однако безъ всякаго нареканія».... По разсказамъ Манштейна, Адеркасъ была выслана изъ Петербурга въ Германію за то, что содѣйствовала любви принцессы Анны Леопольдовны къ саксонскому министру графу Линару. Потомъ Геннингеръ былъ нѣкоторое время безъ мѣста, служилъ въ герольдіи и послѣ смерти императрицы Анны, когда его ученица сдѣлалась правительницею государства, тотчасъ получилъ чинъ статскаго совѣтника; однако, со вступленіемъ императрицы Елисаветы, снова потерялъ мѣсто. Въ 1752 г., по ходатайству фаворита Ивана Шувалова, Геннингеръ назначенъ былъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1763 году. Изъ статей Геннингера «Описаніе погребальнаго препровожденія и обрядовъ, какіе имѣли калмыки при сожженіи тѣла Чакуръ-Ламы не далеко отъ Санктпетербурга въ маѣ мѣсяцѣ 1736 г.» напечатано въ Мѣсяцословѣ на 1736 годъ и въ І-ой части Собранія

Мюллеромъ и Шумахеромъ возникла непримиримая вражда, продолжавшаяся до смерти послѣдняго. Въ первый разъ обнаружилась она, когда Мюллеръ сталъ просить о выдачѣ ему изъ казны 1000 рублей въ возмѣщеніе издержекъ, сдѣланныхъ имъ во время путешествія. Шумахеръ, при отправленіи его за границу, далъ ему порученія отъ Академіи и 200 рублей на путевые расходы. Мюллеръ при этомъ замѣтилъ, что этого будетъ мало ему. Шумахеръ отвѣчалъ, что счеты будутъ сведены по возвращеніи академика изъ за границы. Когда же Мюллеръ представилъ счетъ въ 1000 рублей, то Шумахеръ отвѣчалъ, что порученія Мюллеру отъ Академіи были даны только pro forma, и онъ ѣздилъ за границу собственно по своимъ домашнимъ дѣламъ, а потому и платить ему изъ Академіи ничего не слѣдуетъ. Мюллеръ возражалъ, что тогда бы онъ не поѣхалъ ни въ Англію, ни въ Голландію. Впрочемъ, его доводы не были приняты въ уваженіе, и ему было выдано въ прибавку къ прежнимъ только 200 рублей. Мюллеръ этимъ не удовольствовался и продолжалъ просить о додачѣ 600 рублей. Въ 1736 году баронъ Корфъ велѣлъ составить даже особую коммиссію для разбирательства этихъ притязаній Мюллера, и она ему въ нихъ отказала [1]).

Въ жизнеописаніи Шумахера (стр. 25, 26) было приведено свидѣтельство Мюллера о началѣ его вражды съ академическимъ библіотекаремъ, а здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что эта вражда подала Мюллеру поводъ обратиться къ занятіямъ русскою исторіею, о чемъ онъ самъ разсказываетъ такимъ образомъ:

„Съ молодыхъ лѣтъ до возвращенія моего изъ путешествія, сдѣланнаго по Англіи, Голландіи и Германіи, я болѣе прилежалъ къ полигисторіи Моргофа, къ исторіи учености, къ свѣ-

---

сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы» 181—189. Кромѣ того, въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ 1739 года №№ 3—5 напечатаны его статьи о гербахъ. См. Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 45—47; продолженіе той же рукописи Стриттера, 608, 686; Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie par Manstein, Lyon, MCCLXXII, I, 446

[1]) I, Портфель подъ заглавіемъ: Путешествіе исторіографа Мюллера по Англіи, Голландіи и Германіи въ 1730—1731 годахъ, и II, книга № 436.

дѣніямъ, требуемымъ отъ библіотекаря. Обширная библіотека моего отца воспитывала во мнѣ эту склонность. Я поддерживалъ ее въ университетахъ и путешествіяхъ. Быть можетъ въ Петербургѣ я сдѣлалъ бы съ нею мое счастье, когда бы дѣла не приняли иной видъ послѣ недовѣрія, которое показалъ г. Шумахеръ вскрытіемъ и расхищеніемъ моего шкафа. Тогда у меня исчезла надежда сдѣлаться его зятемъ и наслѣдникомъ его должности. Я счелъ нужнымъ проложить другой ученой путь—это была русская исторія, которую я вознамѣрился не только самъ прилежно изучать, но и сдѣлать извѣстною другимъ въ сочиненіяхъ по лучшимъ источникамъ. Смѣлое предпріятіе! Я еще ничего не сдѣлалъ въ этой области и былъ еще не совсѣмъ опытенъ въ русскомъ языкѣ, однако полагался на мои литературныя познанія и на мое знакомство съ тѣми изъ находившихся въ академической библіотекѣ книгами и рукописями, которыя я учился переводить при помощи переводчика. Г. Байеръ, объяснявшій древнюю русскую исторію и географію изъ греческихъ и сѣверныхъ писателей, подкрѣплялъ меня въ этомъ предпірятіи. Его намѣреніе было, чтобы я ему помогалъ въ составленіи статей и въ предварительной обработкѣ, когда бы мнѣ удалось изучить русскій языкъ, въ чемъ онъ не сомнѣвался, потому что я былъ молодъ и дѣятеленъ. Теперь, вотъ что изъ этого послѣдовало: я началъ предложеніемъ объ улучшенія русской исторіи посредствомъ печатанія выпусками сборника различныхъ извѣстій, относящихся до обстоятельствъ и событій въ россійскомъ государствѣ. Когда я послѣ того, 25 августа и 1 сентября 1732 года, прочелъ въ обычныхъ академическихъ засѣданіяхъ образчикъ тому, то онъ отъ всѣхъ былъ принятъ съ одобреніемъ, даже отъ г. Шумахера; тотчасъ же напечатанъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пущенъ въ обращеніе. Въ этомъ же году выданъ первый выпускъ сборника (Sammlung Russischer Geschichte). Въ слѣдующемъ 1733 году, до отъѣзда моего въ Сибирь, издалъ я второй и третій выпуски. Матеріалы, приготовленные на три слѣдующіе, передалъ я моему пріятелю адъюнкту Крамеру, который и закончилъ ими первый томъ. Первые три выпуска втораго тома при-

надлежатъ г. Байеру. Послѣ долгаго перерыва, въ которомъ не я былъ виновенъ, я снова предпринялъ продолженіе и закончилъ на девятомъ томѣ по причинѣ моего переѣзда въ Москву.

„Главное содержаніе этого сборника, по моему предположенію, должно было заключаться въ извлеченіяхъ и переводахъ изъ русскихъ лѣтописей и другихъ историческихъ рукописей. Несторъ, первый русскій лѣтописатель, былъ мнѣ не неизвѣстенъ; однако переводчикъ, котораго я избралъ для составленія извлеченій въ мой сборникъ изъ находящейся въ академической библіотекѣ древней лѣтописи, переписанной по повелѣнію Петра Великаго съ кёнигсбергской въ радзивиловской библіотекѣ, этотъ переводчикъ назвалъ Нестора Ѳеодосіемъ по недоразумѣнію, потому что имя Нестора не было помѣщено въ началѣ того списка лѣтописи, но только то, что онъ былъ монахомъ въ монастырѣ, основанномъ игуменомъ Ѳеодосіемъ. Я долженъ былъ нѣсколько довѣрять такому свѣдущему въ русскомъ языкѣ и литературѣ человѣку, каковымъ былъ г. Паузе. Черезъ посредство моего сборника промахъ распространился повсюду [1]); но я указалъ на это гласно въ 1754 году при случаѣ, когда излагалъ о двухъ бракахъ, которыми иноземные писатели хотѣли умножить родъ древнихъ великихъ князей русскихъ, стало быть гораздо ранѣе, чѣмъ нѣкоторый хулитель, снова возбудившій это дѣло. Если хотятъ бо́льшаго, то меня извиняетъ листъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ рукою г. Паузе и помѣщенный имъ, для изъясненія, въ началѣ рукописнаго его извлеченія, которое находится еще въ академической библіотекѣ“....

Между тѣмъ какъ Мюллеръ занимался своимъ сборникомъ извѣстій для русской исторіи, въ томъ же 1732 году въ Петербургѣ находился возвратившійся изъ дальняго странствованія

---

[1]) Ошибка Мюллера повторялась дѣйствительно довольно долго; такъ въ 1777 и 1778 годахъ нѣмецкій книгопродавецъ Ульрихъ Вейсъ въ Оффенбахѣ перепечаталъ Sammlung russischer Geschichte въ извлеченіи, въ которомъ, вѣроятно по незнанію поправки, сдѣланной самимъ исторіографомъ, вмѣсто Нестора остался опять-таки Ѳеодосій. Насмѣшки надъ этимъ можно читать у А. Ф. Бюшинга, Wöchentliche Nachrichten, 1778, XXXIX, 307, 308.

капитанъ Берингъ, и тогда шла рѣчь о новой посылкѣ его въ Камчатку: для поисковъ моремъ изъ Камчатки до береговъ Америки; для опредѣленія настоящаго положенія Японіи по отношенію къ Камчаткѣ, наконецъ, для учрежденія плаванія по Ледовитому морю къ Камчаткѣ, чтобы избѣгнуть труднаго переѣзда по Сибири сухимъ путемъ. „Главнѣйшимъ двигателемъ этого дѣла, говоритъ Мюллеръ въ нѣмецкой рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, былъ сенатскій оберъ-секретарь Иванъ Кириловичъ Кириловъ, великій патріотъ и любитель географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Онъ былъ знакомъ съ капитаномъ Берингомъ, который, вмѣстѣ съ двумя своими лейтенантами Шпангебергомъ и Чириковымъ, изъявилъ готовность предпринять второе путешествіе. Кириловъ составилъ записку о выгодахъ, которыя могла изъ того извлечь Россія, и присоединилъ притомъ другія предположенія о расширеніи русской торговли до Бухаріи и Индіи, что̀ потомъ подало поводъ къ возникновенію извѣстной оренбургской экспедиціи, которою онъ самъ начальствовалъ и при которой онъ умеръ въ 1737 году. Это сочиненіе Кирилова слѣдовало перевести на нѣмецкій языкъ для представленія оберъ-камергеру, графу фонъ Бирону, на поддержку котораго Кириловъ всего болѣе разсчитывалъ. Онъ выбралъ плохаго переводчика, почему капитанъ Берингъ посовѣтовалъ ему отдать мнѣ поправить переводъ. Чрезъ это я познакомился съ Кириловымъ, что̀ не осталось безъ послѣдствій“....

Когда окончательно было рѣшено о снаряженіи второй камчатской экспедиціи, то первоначально въ нее назначены были изъ Академіи наукъ два члена: астрономъ Людовикъ Делиль де-ла-Кройеръ и натуралистъ Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ. Послѣдній, однако, сдѣлался болѣнъ зимою 1732—1733 года, именно въ то время, когда уже начали дѣлать приготовленія къ дальнему странствованію.

„Капитанъ-командоръ Берингъ, съ которымъ я, продолжаетъ Мюллеръ въ той же рукописи, былъ очень хорошо знакомъ, возбудилъ во мнѣ охоту къ путешествію еще тогда, когда къ тому не представлялось для меня никакой вѣроятности. Оберъ-

секретарь Кириловъ, которому Берингъ передалъ о томъ, желалъ, чтобы я предложилъ себя въ Академіи вмѣсто Гмелина. Тамъ не встрѣтилось этому никакого противорѣчія. 26 февраля 1733 года дѣло было письменно представлено сенату, а 23 марта получено было оттуда разрѣшеніе. Я былъ этому радъ, потому что такимъ образомъ избавлялся на долгое время отъ неурядицы въ Академіи и, удаленный отъ ненависти и вражды, могъ наслаждаться покоемъ, завися только отъ самого себя.

„Никогда потомъ не имѣлъ я, продолжаетъ Мюллеръ повода раскаяваться въ моей рѣшимости даже и во время тяжкой моей болѣзни, которую выдержалъ въ Сибири. Скорѣе видѣлъ я въ томъ какъ бы предопредѣленіе, потому что этимъ путешествіемъ впервые сдѣлался полезнымъ россійскому государству, и безъ этихъ странствій мнѣ было бы трудно добыть пріобрѣтенныя мною знанія“....

Послѣ назначенія въ экспедицію Мюллера, Гмелинъ выздоровѣлъ, и сенатъ, согласно желанію этого академика, разрѣшилъ и ему также отправиться въ путешествіе, почему оба эти академика бо́льшую часть десятилѣтняго пребыванія своего въ Сибири провели вмѣстѣ.

8 августа 1733 года Мюллеръ выѣхалъ съ Гмелинымъ изъ Петербурга и, послѣ пребыванія въ Казани и Екатеринбургѣ, въ концѣ января 1734 года достигъ Тобольска. Здѣсь впервые Мюллеръ приступилъ къ архивнымъ разысканіямъ, о которыхъ такъ разсказываетъ самъ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg:

„Алексѣй Львовичъ Плещеевъ, тогдашній тобольскій губернаторъ, былъ человѣкъ отличныхъ качествъ и, казалось, поставилъ себѣ за правило споспѣшествовать всѣми возможными способами нашимъ ученымъ занятіямъ. Съ величайшею поспѣшностью приказалъ онъ сообщить мнѣ изъ губернской канцеляріи всѣ свѣдѣнія, которыя желалъ я получить относительно города и окрестныхъ странъ. Но сознаюсь притомъ, что я еще не очень зналъ все, что мнѣ слѣдовало требовать или о чемъ спрашивать. Для этого нужны практическія свѣдѣнія, которыя

пріобрѣтаются только опытомъ, даже если бы и даны были предварительныя наставленія, которыхъ мнѣ недоставало. Здѣсь я положилъ начало осмотра сибирскихъ архивовъ и велѣлъ списывать тѣ изъ дѣлъ, которыя могли объяснить исторію и географію страны. Тобольскій архивъ не восходитъ до временъ завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которыя въ передачѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой не возможно возражать. По возвращеніи моемъ, я приподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ оно разсказано мною въ первой части моей Сибирской исторіи [1]).

„Всѣ бумаги прошедшаго времени были щедро сообщены изъ архива: по бо́льшей части онѣ хорошо сохранились, и только нѣкоторыя потерпѣли порчу отъ пожара; но при этомъ

---

[1]) Рукопись эта хранится въ академической библіотекѣ, въ f⁰, подъ № 24; въ ней есть извѣстіе, что исторіографъ досталъ ее отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича. Послѣдній, съ братомъ своимъ Яковомъ, были сыновьями Ѳедора Иванова Мировича, бѣжавшаго послѣ полтавскаго сраженія съ Мазепою и жившаго потомъ за границею. Молодые Мировичи были опредѣлены въ академическую гимназію съ тѣмъ, чтобы ихъ не отпускать въ Малороссію. Въ 1727 г. Петръ Мировичъ сдѣлался секретаремъ при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны, а братъ его Яковъ служилъ у графа Потоцкаго, былъ съ нимъ въ Польшѣ и видѣлся тамъ съ своимъ отцемъ. Петръ Мировичъ писалъ къ послѣднему о притѣсненіяхъ народа въ Малороссіи правителями ея. Письмо это было перехвачено, и братьевъ Мировичей въ 1732 г. сослали въ Сибирь, для опредѣленія въ тамошніе дѣти боярскіе, въ видахъ предупрежденія переписки ихъ съ отцемъ о томъ, что случается внутри государства. Мировичи были прощены послѣ смерти Анны Іоанновны, о чемъ подтверждено тотчасъ по воцареніи императрицы Елисаветы указомъ 7 декабря 1741 г. Вскорѣ за тѣмъ Петръ Мировичъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора былъ енисейскимъ воеводою, но въ 1747 г. былъ уже подъ слѣдствіемъ за допущенныя имъ злоупотребленія по должности. Сынъ Якова Мировича — Василій казненъ при Екатеринѣ II за покушеніе возвести на престолъ заключеннаго въ Шлюссельбургѣ принца Іоанна Антоновича.

дѣла были разложены не въ отличномъ порядкѣ. Первоначальная работа моя заключалась въ томъ, чтобы старинные столбцы и книги каждаго мѣста расположить по годамъ, потомъ просматривать одни за другими и отмѣчать, что слѣдовало изъ нихъ для меня выписывать. Для бо́льшаго себѣ удобства, я былъ воленъ брать съ собою на домъ что́ хотѣлъ. Мнѣ только надобно было ставить знаки на поляхъ, а въ переписчикахъ, которые мнѣ давались здѣсь изъ губернской канцеляріи, а послѣ и изъ всѣхъ прочихъ канцелярій, не было недостатка, и я могъ быть увѣреннымъ, что все, мною отмѣченное, будетъ списано. Во многихъ мѣстахъ канцеляріи распорядились потомъ расположить архивныя дѣла по моему порядку"....

26 мая 1734 года академики отправились изъ Тобольска по Иртышу и 13 іюня были въ Тарѣ. „Я, пишетъ Мюллеръ въ русскомъ своемъ описаніи путешествія (л. л. 52, 54), заблагоразсудилъ, что для полученія о подлинномъ состояніи каждаго города, принадлежащаго къ одному уѣзду, обстоятельныхъ и достовѣрныхъ вѣдомостей, необходимо нужно оныхъ требовать отъ канцелярій въ каждомъ городѣ. И тако, по силѣ сего, положилъ я въ Тарѣ начало, и 14 іюня задалъ я тарской канцеляріи нѣсколько вопросныхъ пунктовъ и требовалъ на оные отвѣтствія. И хотя по прошествіи нѣсколькихъ дней присланное ко мнѣ отвѣтствіе по моему желанію не столь обстоятельно сочинено было, однако я на время и тѣмъ былъ доволенъ. Вопросные мои пункты были тогда не столь генеральны, какъ оные потомъ отъ меня въ другихъ городахъ задаваны были. Въ такихъ случаяхъ опытъ есть наилучшій учитель"....

Въ Омскъ Мюллеръ и Гмелинъ прибыли 27 іюня, а оттуда проѣзжали крѣпости: Желѣзенскую, Ямышевскую, Семипалатинскую и Устькаменогорскую. „Вообще сказать могу, замѣчаетъ Мюллеръ въ русской рукописи описанія своей поѣздки, (л. л. 54—56), что путешествіе по р. Иртышу и послѣ онаго предъ прочею въ Сибири ѣздою самое пріятнѣйшее было. Въ то время были мы еще въ первомъ жару, ибо неспокойствія, недостатки и опасности утрудить насъ еще не могли. Мы за-

ѣхали въ такія страны, которыя отъ натуры своими преимуществами многія другія весьма превосходятъ, и для насъ почти все, что мы ни видѣли, новое было. Мы подлинно зашли въ наполненной цвѣтами вертоградъ, гдѣ по бо́льшей части растутъ незнаемыя травы;—въ звѣринецъ, гдѣ мы самихъ рѣдкихъ азіатскихъ звѣрей въ великомъ множествѣ предъ собою видѣли; —въ кабинетъ древнихъ языческихъ кладбищъ и тамо хранящихся разныхъ достопамятныхъ монументовъ. Словомъ—мы находились въ такой странѣ, гдѣ прежде насъ еще никто не бывалъ, который бы о сихъ мѣстахъ свѣту извѣстіе сообщить могъ. А сей поводъ къ произведенію новыхъ испытаній и изобрѣтеній въ наукахъ служилъ намъ неинако какъ съ крайнею пріятностію"....

Заѣхавъ въ Колывань, потомъ въ Кузнецкъ, академики посѣтили Томскъ, Енисейскъ и Красноярскъ, гдѣ пробыли семь недѣль. „Однако, говоритъ Мюллеръ въ помянутой же рукописи, (л. 68), не имѣли тамъ никакой скуки, ибо между Томскомъ и калмыцкими улусами непрестанно калмыцкіе и бухарскіе купецкіе караваны туда и назадъ ходятъ, то нашли мы тогда много такихъ людей, у которыхъ каждый изъ насъ по своей наукѣ разныя чужестранныя извѣстія выспрашивалъ. Сверхъ того много я трудился въ пересматриваніи канцелярскихъ дѣлъ, не принимаясь еще за старинные архивскіе подлинники, потому что они по большей части уже сгнили".... Въ мартѣ 1735 года Мюллеръ съ Гмелинымъ пріѣхалъ въ Иркутскъ. Здѣсь отнесся къ нимъ очень недружелюбно тогдашній вице-губернаторъ Андрей Григорьевичъ Плещеевъ. Когда академики отправили къ нему впередъ студента съ просьбою о доставленіи имъ разныхъ свѣдѣній, „то онъ, по словамъ Мюллера, не зная и не видавъ насъ никогда, посланному отъ насъ студенту сказалъ: что-де онъ свою голову потерять хочетъ, буде-де профессоры все то разумѣютъ и отправить могутъ, чего они въ своей промеморіи требуютъ!".... За тѣмъ Плещеевъ медлилъ доставленіемъ требованныхъ отъ него извѣстій, а наконецъ прислалъ, но не полныя. Когда академики хлопотали о снаряженіи къ путешествію по р. Ленѣ Делиля де-ла-Кройера, „то

г. вице-губернаторъ сими словали отказалъ, что-де онъ намъ не слуга, чтобъ ему по насъ работать". Требуя съ академиковъ платы за взятыя ими, добавочныя подводы, Плещеевъ говорилъ: „что-де онъ къ намъ еще не такiя промеморiи присылать будетъ: чтобъ-де мы знали, что онъ насъ какъ хочетъ сжать можетъ!"....[1])

1735 годъ прошелъ у нашихъ путешественниковъ въ поѣздкахъ въ Селенгинскъ, Кяхту и Нерчинскъ, аргунскiе серебряные промыслы, Цурдхайту и Удинскъ, откуда они вновь вернулись въ Иркутскъ 20 сентября 1735 года. 21 января слѣдующаго 1736 года они выѣхали изъ этого города, а 27 февраля прибыли въ Илимскъ. „Здѣсь нашелъ я, говоритъ Мюллеръ въ русскомъ рукописномъ описанiи своего путешествiя (л. л. 116, 117), перемѣну въ томъ порядкѣ, по которому прежде сего въ пересматриванiи канцелярскихъ архивовъ поступалъ, а именно: прежде сего требовалъ я токмо реестры архивнымъ дѣламъ и по онымъ замѣчалъ, что мнѣ потребно было; а гдѣ реестровъ не было, то переводчикъ и студенты дѣла читали и, ежели они по своему разсужденiю къ моему намѣренiю и къ выпискѣ въ мои книги что находили полезнаго, оное особо откладывали и потомъ мнѣ для пересмотру приносили. Въ разсужденiе небольшаго числа въ илимской архивѣ книгъ принялъ я такiя мѣры: понеже архивнымъ письмамъ реестру еще не сдѣлано было, то я самъ трудился въ перекладыванiи оныхъ по годамъ, и между тѣмъ временемъ какъ реестры изготовлялись, одну книгу за другою пересматривалъ и что къ моему намѣренiю прилично было, оное приказывалъ выписывать. Сей трудъ подалъ мнѣ великую ясность въ обстоятельномъ познанiи подлиннаго архивы состоянiя. Притомъ же удостовѣрился я, какъ то впредь на чужiе глаза не надлежитъ надѣяться. Потомъ хотя архивы сколь велики ни были, однако я въ пересматриванiи оныхъ поступалъ всегда вышепоказаннымъ

[1]) Выписка изъ письма, 10 апрѣля 1735 г., академиковъ къ тобольскому губернатору, начальнику иркутскаго вице-губернатора, въ связкѣ бумагъ по камчатской экспедицiи, въ архивѣ академической конференцiи.

образомъ и имѣлъ отъ того такую великую пользу, которая можетъ быть въ послѣдующія времена явна будетъ"....

Зиму 1735—1736 годовъ Мюллеръ провелъ съ Гмелинымъ въ Якутскѣ, гдѣ въ это же время жили начальникъ экспедиціи Берингъ, астрономъ Делиль де-ла-Кройеръ и морскіе офицеры, отправлявшіеся въ дальнѣйшій путь въ Камчатку. Это дало возможность Мюллеру и Гмелину ближе узнать взаимныя отношенія всѣхъ участвовавшихъ въ экспедиціи, и они пришли къ такому заключенію, что Берингъ, обходясь съ академикомъ Делилемъ де-ла-Кройеромъ, какъ съ своимъ подчиненнымъ, хотѣлъ точно также поступать и съ ними. Мюллеръ и Гмелинъ въ чрезвычайно многословномъ донесеніи (6 октября 1736 года) доводили до свѣдѣнія президента Академіи наукъ барона Корфа объ ущербѣ, который могли потерпѣть ученыя разысканія и изслѣдованія отъ самовластнаго начальствованія Беринга надъ академиками.[1]) Можно легко замѣтить, что во время пребыванія въ Якутскѣ у Мюллера и Гмелина явилась впервые мысль уклониться отъ поѣздки съ Берингомъ въ Камчатку.

Въ 1737 году, подъ предлогомъ неопредѣлительности отзывовъ, какъ о припасахъ, на которые они могли разсчитывать въ Камчаткѣ для себя и находившихся при нихъ студентовъ, живописцевъ и служителей, такъ и о судахъ, на которыхъ могъ совершиться переѣздъ ихъ изъ Охотска въ Камчатку, академики рѣшились не ѣхать туда, и, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ извѣстій по этому предмету, отправились для изслѣдованій по рѣкѣ Ленѣ. Въ тоже самое время они послали въ Камчатку находившагося при нихъ студента Степана Петровича Крашенинникова, который этимъ путешествіемъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ.[2])

3 сентября 1737 года Мюллеръ и Гмелинъ прибыли въ Киренскій острогъ, гдѣ послѣдній изъ нихъ остался зимовать, а

---

[1]) I, книга подъ заглавіемъ: «Камчатскія дѣла 1736 — 1739 годовъ».

[2]) I, книга подъ заглавіемъ: Приходящія канцелярскія дѣла 1737 года.

первый поѣхалъ въ Иркутскъ, такъ-какъ сдѣлался болѣнъ. „Сія его болѣзнь, писалъ Гмелинъ къ барону Корфу, еще прошлаго году въ Якутскѣ началась, при чемъ какъ онъ самъ, такъ и я надѣялся, что она отъ многихъ, въ семъ городѣ бывшихъ противностей приключилась и съ оными недовольствами вскорѣ окончается.... Сія болѣзнь состоитъ въ жестокомъ біеніи сердца и превеликомъ страхѣ, который по перемѣнамъ приходитъ, а иногда три и четыре дня не перестаетъ съ такимъ движеніемъ пульса, что я часто обмороковъ опасался".... 10 декабря 1737 года Мюллеръ послалъ въ Петербургъ прошеніе объ увольненіи его отъ дальнѣйшаго пребыванія въ Сибири по разстроенному здоровью.[1])

Въ мартѣ 1738 года къ Мюллеру пріѣхалъ опять Гмелинъ, и они отправились вмѣстѣ для изслѣдованій быта бурятовъ и тунгузовъ, а осенью прибыли въ Енисейскъ, гдѣ и провели всю зиму. Въ донесеніи ихъ сенату 6 октября этого года было, между прочимъ, написано: „я, профессоръ Мюллеръ, нынѣ имѣющіяся въ архивѣ при енисейской провинціальной канцеляріи старинныя приказныя дѣла пересматривать началъ, токмо еще нахожусь въ прежней моей болѣзни.... и кажется, будто оная болѣзнь отъ осенняго воздуха паки хуже становится, такъ-что еще мнѣ препятствуетъ собранныя по сіе время историческія и географическія извѣстія о иркутскомъ, илимскомъ и якутскомъ уѣздахъ въ порядокъ привесть"....[2])

Въ 1739 году, академики ѣздили изъ Енисейска въ Мангазею, а оттуда чрезъ Енисейскъ и Красноярскъ слѣдовали къ Абаканскимъ палатамъ[3]). Отъ послѣдняго мѣста повернули они къ рѣки Енисею и, посѣтивъ новый Омайскій рудникъ, Саянскій острогъ и Луганскій и Ирбанскій заводы и пр., вернулись въ Красноярскъ 7 октября. Между тѣмъ Академія на-

---

[1]) II, книга № 810.

[2]) I, книга, подъ заглавіемъ: Приходящія канцелярскія дѣла 1738 года.

[3]) Ко времени этой поѣздки относится письмо Мюллера къ тобольскому вице-губернатору Алексѣю Юрьевичу Бибикову, который поручалъ ему купить бѣлыхъ волковъ и голубыхъ песцовъ. Письмо это писано въ іюлѣ 1739 года и напечатано въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей, 1865, III, смѣсь, 186—189.

укъ, по полученіи помянутаго прошенія Мюллера объ увольненіи, три раза представляла о томъ сенату, въ которомъ только 31 марта 1739 года состоялся указъ: „обрѣтающагося въ камчатской экспедиціи профессора Мюллера отъ камчатской поѣздки, за показанною его болѣзнію, уволить и для излеченія быть ему въ Санктпетербургѣ; и, ѣдучи чрезъ тѣ мѣста, гдѣ онъ еще не былъ или въ бытность свою довольнаго времени не имѣлъ, надлежащія ко обстоятельному описанію натуральной исторіи изслѣдованія чинить. А для произведенія ко окончанію въ оной экспедиціи обсервацій быть прежде отправленнымъ въ экспедицію профессору Гмелину, адъюнкту Стеллеру; да къ нимъ въ помощь отправить нынѣ адъюнкта жъ Фишера“....

Когда дошло до Мюллера и Гмелина извѣстіе о такомъ рѣшеніи, то они оба написали, 30 іюля 1739 года, въ Академію пространныя письма съ ходатайствами о дозволеніи и Гмелину вернуться также въ Петербургъ. Мюллеръ въ своемъ письмѣ, послѣ описанія горести Гмелина отъ распоряженія остаться въ Сибири для продолженія ученыхъ разысканій, объяснялъ: „...Мнѣ больше злыхъ обстоятельствъ думать и кромѣ худа надѣяться нечего, для того что уже я Сибирь довольно знаю. Путешествіе съ трудными поѣздками въ такой землѣ должно по собственной охотѣ и отъ доброй воли съ саможелаемымъ усердіемъ безъ всякаго принужденія быть; а ежели того нѣтъ, то и наукамъ надежды не будетъ. Печаль день ото дня прибываетъ, а съ нею уныніе съ разслабленіемъ часъ отъ часу натуральнымъ образомъ и такъ умножается, что ихъ, безъ надежды скораго возвращенія, ничѣмъ прогнать и излечить не возможно“.... Кромѣ того, Мюллеръ возражалъ противъ распоряженія президента барона Корфа, который велѣлъ было Мюллеру отдать всѣ собранные имъ во время путешествія матеріалы назначенному вмѣсто него въ Сибирь адъюнкту Фишеру. Мюллеръ отзывался, что ему никакъ не возможно обойтись безъ этихъ бумагъ, иначе все его путешествіе останется безплоднымъ, „неупоминая того, что чужая рука въ недовольнымъ знаніи россійскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ. А къ тому жъ сія

работа другому тѣмъ не легче покажется, что оная въ тридцати фоліантахъ, или рукописныхъ моихъ книгахъ, состоитъ"....[1])

Въ февралѣ 1740 года Мюллеръ, оставивъ Красноярскъ, поѣхалъ въ Томскъ; изучалъ потомъ бытъ остяковъ; посѣтилъ Нарымъ, гдѣ осматривалъ тамошній и кетскій архивы; далѣе — Сургутъ (21 іюня), въ которомъ встрѣтился съ вышеназваннымъ адъюнктомъ Фишеромъ; наконецъ прибылъ въ Березовъ. Здѣсь, по словамъ Мюллера, „имѣлъ онъ счастіе, при разысканіяхъ въ архивѣ, открыть много старинныхъ и полезныхъ извѣстій, которыя всѣ вмѣстѣ велѣлъ списать для будущаго пользованія, а также, на основаніи устныхъ показаній, составилъ описаніе тамошнихъ странъ до Ледовитаго моря". [2]) Осенью Мюллеръ пріѣхалъ въ Тобольскъ, откуда писалъ въ Академію наукъ (по нѣмецки): „Это путешествіе было мнѣ весьма полезно для полнѣйшаго изученія остяцкихъ и вогульскихъ инородцевъ, ихъ образа жизни и обычаевъ, а равнымъ образомъ для составленія по разсказамъ замѣтокъ о всемъ, касающемся самоѣдовъ.... Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Тобольскъ, я снова принялся за просмотръ здѣшняго архива; но онъ, во время моего отсутствія, пришелъ въ такой безпорядокъ, что многіе volumina, или такъ называемые старинные столбцы, находившіеся тамъ прежде и изъ которыхъ я намѣревался велѣть дѣлать выписки, вовсе не отыскиваются. При этомъ, также какъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, о которыхъ, по своимъ занятіямъ, письменно и словесно предлагалъ канцеляріи, я встрѣчалъ холодность и медленность въ исполненіи дѣлъ. Хотя это меня не мало огорчаетъ, потому что чрезвычайно препятствуетъ моимъ занятіямъ, однако не хочу дойти до жалобъ, и все еще питаюсь надеждою побѣдить возникшее противъ меня и моихъ занятій раздраженіе умѣренностью, уступчивостью и просьбами"...[3]) Впрочемъ Мюллеръ впослѣдствіи не утерпѣлъ и, въ донесеніи сенату 28 марта 1741 года, жаловался на сибирскую губернскую канцелярію[4]).

---

[1]) II, книга № 810.

[2]) Изъ донесенія 7 октября 1740 г.; II, книга № 811.

[3]) Ibid.

[4]) II, книга № 812.

24 марта 1741 года, Мюллеръ прибылъ въ Тюмень, оттуда въ Ирбитъ, изъ котораго отправлялся вверхъ по рѣкѣ Ирбитѣ „до Писанца—Камени"; потомъ 8 іюля пріѣхалъ въ Екатеринбургъ. Выдержавъ здѣсь тяжкую болѣзнь, онъ, по выздоровленіи, выѣхалъ изъ Екатеринбурга 18 августа чрезъ казенные заводы въ Далматовъ монастырь, и чрезъ новыя тогда крѣпости Міасскую, Челябинскую и Еткульскую къ такъ называемой „Чюдцкой палаткѣ". На возвратномъ пути, Мюллеръ соединился съ Гмелинымъ на рѣкѣ Исетѣ и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Тобольскъ.

Въ январѣ 1742 года академики отправились изъ Тобольска въ Туринскъ, изъ котораго Мюллеръ писалъ въ Академію (по нѣмецки) 1 марта 1742 года:

„Время, проведенное мною, согласно высочайшему императорскому повелѣнію, въ Сибири, дозволяло мнѣ въ особенности прилежать къ приведенію въ полную ясность Сибирской исторіи собраніемъ всѣхъ, до нея принадлежащихъ актовъ, и я имѣлъ счастіе извлечь изъ архивовъ подробныя извѣстія о всѣхъ главныхъ происшествіяхъ, случившихся съ 7101 года по греческому времесчисленію. Но о годахъ предшествовашихъ, а также о первыхъ отправленіяхъ, которыя были учреждены и приказаны изъ Россіи послѣ начатаго Ермакомъ Тимофѣевымъ въ 7085 покоренія Сибири,—въ сибирскихъ архивахъ никакихъ старинныхъ извѣстій не попадалось, хотя города Тюмень и Тобольскъ — какъ свидѣтельствуютъ обыкновенныя сибирскія лѣтописи—построены въ 7094 и 7095 годахъ. Изъ тѣхъ же лѣтописей явствуетъ, что еще прежде въ 7091 и 7093 годахъ въ Сибири были воеводы изъ Москвы. Такъ-какъ архивы въ Тюмени начинаются съ 7102 года, въ Тобольскѣ—съ 7133, въ Пелымѣ, Березовѣ, Тарѣ—съ годами ихъ постройки 7101 и 7102, то обо всемъ этомъ ничего нельзя узнать обстоятельнѣе, кромѣ того, что содержится вкратцѣ въ сказанныхъ лѣтописяхъ. Также нѣтъ никакой надежды что-либо найти о томъ въ архивахъ, которые мнѣ слѣдуетъ еще осматривать въ городахъ Туринскѣ и Верхотурьѣ, потому что они основаны въ 7107 и 7109 годахъ. Напротивъ того надѣюсь, что въ пермскихъ го-

родахъ казанской губерніи Соликамскѣ и Чердыни, такъ-какъ чрезъ нихъ совершались проѣзды первыхъ воеводъ и прочія отправленія въ Сибирь, можетъ встрѣтиться многое, относящееся къ этимъ предметамъ, тѣмъ болѣе, что въ Пелымскомъ архивѣ нашлось извѣстіе, что древнѣйшій путь изъ Россіи въ Сибирь пролегалъ чрезъ Чердынь, и на этомъ пути за горами въ верховьяхъ рѣки Лосвы, впадающей въ Павду, а эта—въ Тоболъ, имѣлся городъ, называвшійся Лосвинской городъ, откуда производилась перевозка провіанта и всякой амуниціи, а также людей, отправляемыхъ въ Сибирь водою внизъ по названной рѣкѣ. Но этотъ городъ былъ оставленъ послѣ открытія болѣе удобнаго пути отъ Соликамска къ верховьямъ рѣки Туры въ 7107 году, и вмѣсто него былъ построенъ городъ Верхотурье"....

Мюллеръ надѣялся проѣздомъ чрезъ Соликамскъ осмотрѣть тамошній архивъ, но такъ-какъ въ Чердынь ѣхать было далеко, то онъ просилъ дозволенія перевезти на время въ Соликамскъ изъ чердынскаго архива тѣ хранящіеся въ немъ столбцы и книги, которые писаны до 7120 года. Шумахеръ отвѣчалъ изъ академической канцеляріи, что если о ходатайствѣ Мюллера представить въ сенатъ, то дѣло это затянется, но что Мюллеръ можетъ рѣшить это на основаніи данныхъ ему инструкцій [1]). Въ современныхъ академическихъ бумагахъ не нашлось дальнѣйшихъ извѣстій, какъ рѣшено ходатайство Мюллера о чердынскомъ архивѣ, также не видно, чтобы онъ ѣздилъ въ Чердынь, только въ привезенныхъ имъ бумагахъ есть списки изъ дѣлъ чердынскаго архива, а въ Государственномъ архивѣ хранится въ бумагахъ, поступившихъ изъ императорскаго кабинета, „Опись чердынской архивы". (Начало: 1. 7114 году мая 10 дня отъ царя....) въ двухъ спискахъ, и здѣсь описано 174 различныхъ акта отъ 7114 по 7171 годъ.

Въ Туринскѣ Мюллеръ захворалъ простудною горячкою, которая тогда свирѣпствовала по всей Сибири, почти какъ повальная болѣзнь. По выздоровленіи онъ рѣшился провести

---

[1]) II, книга № 812.

лѣто въ Верхотурьѣ. Пребываніе его въ этомъ городѣ было тѣмъ примѣчательно для него, что онъ женился здѣсь на вдовѣ одного нѣмецкаго хирурга. Изъ Верхотурья Мюллеръ поѣхалъ на Соликамскъ, Устюгъ великій, Вологду, Бѣлоозеро, Старую Ладогу, Путилово, Тосну и Ижору и 14 февраля 1743 года прибылъ въ Петербургъ послѣ почти десятилѣтняго путешествія, въ которое, по его разсчету, онъ проѣхалъ 31.362 версты.

Мюллеръ издалъ, по возвращеніи изъ Сибири, нѣсколько изслѣдованій, основанныхъ на добытыхъ имъ во время путешествія матеріаловъ; но это было незначительная часть того огромнаго запаса извѣстій, которыя онъ успѣлъ собрать. Ими пользовались прежде и пользуются даже въ наши времена.

Въ 1770 г., князь М. Щербатовъ, издавая первый томъ своей Исторіи россійской, писалъ въ предисловіи: „я при семъ случаѣ не могу удержаться, чтобы должнаго благодаренія не принести г. совѣтнику Мюллеру, уже толь знаемому многими его трудами о россійской исторіи, что въ успѣхѣ сего труда многую отъ него получилъ помощь, какъ чрезъ сообщеніе мнѣ разныхъ списковъ, такъ и отъ его совѣтовъ. Я долженъ признаться, что онъ не токмо вложилъ мнѣ охоту къ познанію исторіи отечества моего; но, увидя мое прилежаніе, и побудилъ меня къ сочиненію оной. И тако, если исторія сія будетъ стоить нѣкоего уваженія, то справедливо почитаю сію честь съ симъ почтеннымъ мужемъ раздѣлять“....

Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ, когда и какимъ способомъ успѣлъ Новиковъ собрать и приготовить къ изданію столько превосходныхъ, древнихъ и старинныхъ актовъ, какія помѣщены имъ во второмъ, умноженномъ изданіи Древней россійской вивліоѳики, печатавшейся въ 1788—1791 годахъ, стало-быть послѣ того, какъ Новиковъ предался всецѣло розенкрейцерскимъ мечтаніямъ и думалъ объ открытіи тайны, какъ дѣлать золото и пр. Недоумѣніе это разъясняется послѣ прочтенія слѣдующаго мѣста въ предисловіи ко второму изданію Вивліоѳики: „Не могу я, говоритъ тамъ Новиковъ, пройтить въ молчаніи, чтобъ не засвидѣтель-

ствовать предъ читателями моими объ отличномъ усердіи покойнаго г. Мюллера въ ревностномъ споспѣшествованіи сему изданію. Сей отличный и знаменитый ревностью и усердіемъ своимъ мужъ ко всему тому, что могло только споспѣшествовать пользѣ исторіи россійской, доставилъ ко мнѣ множество не только что изъ архивы государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но и изъ своей собственной книгохранительницы, которую собиралъ онъ съ великимъ тщаніемъ во всю жизнь свою"....

Голиковъ, въ предисловіи къ X-ому тому Дѣяній Петра Великаго (Москва, 1788), при перечисленіи лицъ, содѣйствовавшихъ ему въ собраніи извѣстій объ этомъ государѣ, сообщилъ слѣдующее: „покойный статскій дѣйствительный совѣтникъ и кавалеръ Ѳедоръ Ивановичъ Мюллеръ, многими же своими полезными изданіями ознаменовавшій себя мужъ, доставилъ мнѣ цѣлое собраніе грамотъ и министерскихъ писемъ, писанныхъ монархомъ къ цесарю, къ королямъ, къ султану, къ разнымъ иностраннымъ и своимъ при дворахъ европейскихъ министрамъ и польскимъ господамъ, также инструкціи и разные доклады. Число сихъ важныхъ пьесъ простирается до пятисотъ".

Въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, изданномъ въ 1819 — 1828 годахъ, напечатаны многіе изъ собранныхъ Мюллеромъ актовъ, о чемъ во второй части этого изданія, стр. III, говорится; „Между актами есть нѣсколько списковъ, и въ новѣйшія времена снятыхъ историографомъ Мюллеромъ съ подлинниковъ, которые отыскалъ онъ, путешествуя по Сибири, въ архивахъ тамошнихъ городовъ. Сіи то самые акты, едва-ль кому свѣдомые, обогащаютъ своею рѣдкостію вторую часть Собранія государственныхъ грамотъ и придаютъ ей вящшую цѣну предъ первою: ибо всѣ принадлежатъ къ смутнымъ временамъ, и бывъ, по тогдашней политикѣ, истреблены внутри Россіи, сохранились только въ отдаленныхъ ея областяхъ"...

Въ 1836 году въ предисловіи къ первому тому Актовъ, собранныхъ археографическою экспедицею, было сообщено, что это учрежденіе не сочло нужнымъ посылать кого либо въ Си-

бирь для приведенія въ извѣстность и извлеченія изъ библіотекъ и архивовъ отечественной исторіи, по тому уваженію, что этотъ край въ прошломъ столѣтіи былъ осмотрѣнъ академикомъ Мюллеромъ.

Словцовъ, посвятивъ въ 1837 году свое Историческое обозрѣніе Сибири „достопамятному имени Мюллера, какъ писателю сибирской исторіи", говоритъ при томъ — правда нѣсколько въ семинарско-риторскомъ тонѣ, но тѣмъ не менѣе справедливо — слѣдующее: „Сто лѣтъ въ расходѣ, какъ по разсѣяннымъ городамъ и слободамъ Сибири странствовалъ ты, достойный другъ Сибирской исторіи! Сто лѣтъ, какъ ты помышлялъ о первыхъ дняхъ нашей родины, какъ сличалъ годы полутора вѣка съ лѣтописями городовъ нашихъ, и повѣрялъ ихъ иногда со столбцами архивовъ. Вѣчная тебѣ память! Безъ твоего прихода Кліо Гиперборейская донынѣ перешептывалась бы съ дьякомъ Есиповымъ и съ сыномъ боярскимъ Ремезовымъ, потому что архивы наши сгорѣли, рукописныя лѣтописи рѣдѣютъ, а въ обителяхъ и благородныхъ сословіяхъ не замѣтно ни Нестора, ни Болтина!"...

Наконецъ въ X-омъ томѣ Дополненій къ актамъ историческимъ, вышедшемъ не далѣе какъ въ 1867 году, въ предисловіи, стр. VII, читаемъ: „Между документами, вошедшими въ составъ настоящаго тома, первое мѣсто, какъ и въ предыдущихъ томахъ этого изданія, принадлежитъ актамъ, относящимся къ исторіи Сибири. Болѣе тридцати рукописныхъ фоліантовъ такъ называемыхъ портфелей Мюллера, наполненныхъ исключительно актами, писанными съ подлинныхъ столбцовъ по распоряженію этого академика, во время путешествія его по Сибири, даютъ неизчерпаемый матеріалъ для исторіи этого края... Кромѣ того въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находится еще нѣсколько такихъ же фоліантовъ. Археографическая коммиссія, въ засѣданіи своемъ 16 января 1866 года, положила приступить къ отдѣльному изданію сибирскихъ актовъ, лишь только представится къ тому возможность"... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же предисловіи упомянуто, что къ сожалѣнію многія изъ бумагъ, собранныхъ Мюл-

леромъ, переписаны съ ошибками безграмотными переписчиками. Въ этомъ отношеніи, кажется, можно быть снисходительнымъ къ иноземцу Мюллеру, особенно если вспомнить, что въ переписчики ему давали мѣстныя власти, конечно, самыхъ плохихъ изъ своихъ подъячихъ, повѣрять которыхъ, по громадности переписаннаго, едва-ли представлялась возможность. При томъ развѣ нѣтъ иногда промаховъ и ошибокъ въ изданіяхъ старинныхъ памятниковъ весьма неудаленнаго отъ насъ времени и при томъ русскими, знакомыми не по наслышкѣ съ палеографіею? [1])

Мюллеръ возвратился въ Петербургъ въ то самое время, когда въ Академіи наукъ, послѣ удаленія отъ дѣлъ Шумахера, назначенъ былъ вмѣсто него Нартовъ; когда вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ недовольныхъ Шумахеромъ переводчиковъ, студентовъ и канцелярскихъ служителей старались выказывать при всякомъ удобнымъ случаѣ презрѣніе къ академикамъ, и когда эти послѣдніе занимались обсужденіемъ поступковъ адъюнкта Ломоносова, который безъ всякой причины разругалъ академика Винцгейма. Мюллеръ вообще былъ человѣкъ нрава крутаго и самолюбивый, не терпѣлъ противорѣчій и никогда не спускалъ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, такъ или иначе унижалъ его званіе академика. Послѣднее онъ достаточно доказалъ въ бытность свою въ Сибири: тамъ онъ съ товарищемъ своимъ Гмелинымъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного обстоятельства, которое нарушало какимъ бы то ни было обра-

---

[1]) Долгъ справедливости требуетъ здѣсь замѣтить, что не всегда съ похвалою отзывались печатно о Мюллерѣ и его благородной страсти къ собиранію извѣстій по русской исторіи. Елагинъ, напримѣръ, въ Опытѣ повѣствованія о Россіи, на стр. 101, увѣряя, что Крекшинъ будто владѣлъ Іоакимовою лѣтописью, которая потомъ пропала, присоединилъ къ тому, что «сей глубочайшій древности кладезь... утратился или у наслѣдниковъ Крекшина, или между хищныхъ нѣмецкихъ рукъ Тауберта и Мюллера, которые, бывъ при Академіи, яко тогдашніе знатоки, всѣ бывшія въ книгохранилищѣ академическомъ рукописи захватили для корысти и, какъ слышно, чужеземцамъ предали: наемникъ бо не радитъ о стадѣ, по писанію»... Объ этомъ именно отзывѣ Елагина, митрополитъ Евгеній, который высоко цѣнилъ заслуги Мюллера Россіи, выразился такъ: «Въ числѣ клеветъ, постыдную больше для написавшаго ее, можно видѣть въ Опытѣ повѣствованія о Россіи Елагина, стр. 101».... Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей (Москва, 1845), II, 68.

зомъ ихъ самостоятельность. Такъ, замѣчали-ли они, что Стеллеръ, будучи адъюнктомъ, посылалъ отчеты о своихъ наблюденіяхъ помимо ихъ сенату; испытывали-ли отъ Беринга притязанія начальствовать надъ ними; получали-ли отъ Татищева бумагу, написанную въ повелительномъ тонѣ; видѣли-ли медленность въ исполненіи ихъ требованій мѣстными властями,— все это тотчасъ же описывалось въ весьма пространныхъ и многословныхъ донесеніяхъ по начальству, чѣмъ въ особенности отличался Мюллеръ.

Присутствіе Мюллера въ академическихъ собраніяхъ ознаменовалось тѣмъ, что тамъ, на пятый день послѣ его пріѣзда, состоялось опредѣленіе не допускать болѣе Ломоносова въ академическія засѣданія, а потомъ какъ въ слѣдственную коммиссію, такъ и на имя императрицы составлялись прошенія, въ которыхъ ходатайствовалось „въ показанномъ намъ отъ Ломоносова несносномъ безчестіи и неслыханномъ ругательствѣ повелѣть учинить надлежащую праведную сатисфакцію, безъ чего Академія болѣе состоять не можетъ"... Чтó Мюллеръ во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ дѣятельное участіе, то подтвердилъ онъ самъ, разсказывая послѣ, что Ломоносовъ однажды объявилъ, что никогда не проститъ ему именно этого участія [1]). Вражда Ломоносова къ Мюллеру длилась до самой смерти перваго изъ нихъ и имѣла большое значеніе въ жизни Мюллера, когда Ломоносовъ сталъ пользоваться особеннымъ вліяніемъ на академическія дѣла. Что касается до отношеній Мюллера къ Шумахеру, то вотъ какъ говоритъ о нихъ первый во французскомъ письмѣ къ Теплову, 25 октября 1748 года: „...По моемъ возвращеніи изъ Сибири, я засталъ г. Шумахера въ такомъ состояніи, что онъ опасался за свою честь, имѣніе и даже жизнь, и меня сильно уговаривали присоединиться къ г. Нартову, чтобы нанести г. Шумахеру послѣдній ударъ, долженствовавшій низвергнуть его; однако я состраданіе предпочелъ моей собственной пользѣ и вмѣсто того, что бы вредить ему, дѣлалъ все отъ меня зависящее, содѣйствуя ему противъ обви-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, 20.

ненiй, тяготѣвшихъ надъ нимъ. Не хочу приводить въ доказательство этому то, что я передъ всѣми, которыхъ тогда посѣщалъ, всегда хорошо отзывался о г. Шумахерѣ. Жалобы, поданныя нами на управленіе г. Нартова, и прошеніе, которое намѣревались мы подать непосредственно ея императорскому величеству, чтобы она соизволила поставить Академію въ иное положеніе, что́ и дошло до ея величества,—все это дѣлалось по моимъ совѣтамъ. Я писалъ всѣ представленія и просьбы. Все это, говорю я, не мало содѣйствовало возстановленію г. Шумахера. Этими услугами я думалъ достаточно искупить то, въ чемъ я обидѣлъ его прежде. Сначала онъ и дѣлалъ мнѣ всякія обѣщанія, какія только могъ я желать отъ него; но его прежнее негодованіе на меня продолжалось, что́ я скоро потомъ примѣтилъ изъ того, что онъ нисколько не благопріятствовалъ полученію требованной мною прибавки жалованья, а также и изъ сдѣланнаго гг. профессорамъ географическаго департамента запрещенія пользоваться моею помощію при исправленіи картъ ихъ сочиненія. Сверхъ того, его нельзя было убѣдить напечатать нѣкоторыя изъ моихъ работъ для того, чтобы я не могъ ничего показать публикѣ изъ своихъ трудовъ... Что́ онъ никогда не присвоивалъ себѣ до своего ареста, то считалъ для себя дозволеннымъ послѣ своего освобожденія, чтобы показать всему свѣту, что все зависитъ отъ его распоряженій и что онъ можетъ деспотически править Академіею. Я взялъ смѣлость замѣтить ему сначала частно, а потомъ и въ полномъ засѣданіи, что ему не дано права поступать такимъ образомъ съ нами, потому что его должность, ему предназначенная, касалась дѣлъ канцеляріи, но что въ предметахъ, принадлежащихъ до наукъ, онъ обязанъ дѣйствовать сообща съ нами. Вслѣдствіе этого онъ сталъ поступать съ нами, какъ съ бунтовщиками. Онъ приносилъ самыя грубыя жалобы на меня и прочихъ профессоровъ его сіятельству князю Трубецкому, генералъ-прокурору сената, въ надеждѣ тайно добыть повелѣніе, которое бы отдало насъ въ его распоряженіе. Но этого ничего не случилось — сенатъ не хотѣлъ насъ осудить, не выслушавъ нашихъ оправданій. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, какимъ образомъ мы

были также вынуждены подавать на него жалобы въ сенатъ, чего не сдѣлали бы, когда бы г. Шумахеръ не началъ первый и когда бы сенатъ намъ именно не приказалъ того"... [1]).

Всѣ, сейчасъ упомянутыя жалобы писались очень длинно и съ мельчайшими подробностями: сохранившіяся черновыя бумаги академика свидѣтельствуютъ, что всѣ онѣ писаны въ подлинникахъ по нѣмецки и въ переводахъ по русски рукою Мюллера [2]). Само собою разумѣется, что этого не могъ не знать Шумахеръ, а потому онъ и является непремиримымъ врагомъ Мюллера; передаетъ эту вражду своему родственнику Тауберту и успѣваетъ внушить то же чувство къ Мюллеру Теплову, имѣвшему вліяніе на академическія дѣла при графѣ Разумовскомъ. Всѣ эти взаимныя непріязненныя отношенія не могли не отразиться неблагопріятно на послѣдующихъ предположеніяхъ и работахъ Мюллера, и именно здѣсь надо искать причинъ тому, что этотъ ученый, несомнѣнно даровитый и притомъ одаренный необыкновеннымъ прилежаніемъ, настойчивостію и любовью къ занятіямъ, успѣвалъ менѣе тамъ, гдѣ требовалось не только его собственное усердіе, но и стороннее содѣйствіе. Не надобно также упускать изъ виду и того обстоятельства, что его враги одерживали надъ нимъ верхъ и потому еще, что опирались на чрезмѣрную строгость тогдашнихъ цензурныхъ воззрѣній и особливую щекотливость самой русской публики въ случаяхъ, когда дѣло заходило о рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ по русской исторіи хотя бы изъ отдаленныхъ временъ.

Годъ спустя послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Мюллеръ представилъ Предложеніе объ учрежденіи при Академіи наукъ историческаго департамента для сочиненія исторіи и географіи Россійской имперіи [3]). Произведеніе это въ высшей степени

---

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ 1743 — 1751 годовъ.

[2]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, 72.

[3]) Черновой, собственноручный подлинникъ Мюллера помѣченъ имъ 16 марта 1744 г. и хранится въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ исторіографа, озаглавленномъ «Жалобы Академіи на канцелярію въ сенатъ съ 1744 по 1746 годъ». Бѣловое предложеніе въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ подъ № 103, безъ обозначенія времени, но на оберткѣ надпись: «1746, августа 7 дня». Списокъ съ предложенія хранится также въ Государственномъ архивѣ.

любопытно, какъ profession de foi Мюллера въ русской исторіи, и потомъ оно наглядно показываетъ, какое имѣли вліяніе десятилѣтнее пребываніе внутри Россіи, основательное знаніе русскаго языка и ознакомленіе съ старинными письменными памятниками въ архивахъ на того самаго иностранца, который двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ считалъ Нестора, монаха Ѳеодосіева монастыря, за самого Ѳеодосія.

По мнѣнію Мюллера, исторія необходима каждому человѣку, какого бы онъ ни былъ званія. Она есть „зерцало человѣческихъ дѣйствій, по которому о всѣхъ приключеніяхъ нынѣшнихъ и будущихъ временъ, смотря на прошедшія, разсуждать можно". По этому во всѣхъ европейскихъ государствахъ не только существуетъ много ученыхъ, посвятившихъ себя этой наукѣ, но и учреждена особая должность исторіографа, который имѣетъ право дѣлать разысканія въ государственныхъ и городскихъ архивахъ. Только въ Россіи не сдѣлано еще никакихъ учрежденій на пользу науки русской исторіи, а потому она и находится еще во младенчествѣ. Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи безполезны, потому что бо́льшая часть ихъ не знали вовсе страны, а иногда описывали ее пристрастно. Такіе историки, по словамъ Мюллера, „совершеннаго и достовѣрнаго написать не могли, но паче всего сожалѣнія достойно, что они разумный свѣтъ толикими неправдами ослѣпили, между которыми малое число правдивыхъ извѣстіевъ чуть познать можно"....

Географія Россіи не въ лучшемъ состояніи: написанное по этой наукѣ иностранцами наполнено пропусками, ошибками, искаженіями. Но за то картографія Россіи, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Петра Великаго, чрезъ посылку по губерніямъ геодезистовъ и труды оренбургской экспедиціи „приведена къ такому совершенству, что почти уже мало къ нимъ прибавленія потребно, ибо и въ чужестранныхъ государствахъ, гдѣ науки уже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ процвѣтаютъ, чуть могутъ похвалиться такимъ прилежнымъ раченіемъ въ сочиненіи своихъ ландкартъ".... Также точно, для собранія историческихъ и географическихъ свѣдѣній о Сибири, потра-

чено не мало времени и издержекъ, но за то „сія отдаленная земля, въ разсужденіе всѣхъ ея обстоятельствъ, учинилась извѣстнѣе, нежели самая средина Нѣмецкой земли тамошнимъ жителямъ быть можетъ"…. Поэтому, для чести и пользы государства, было бы въ высшей степени нужно обратить такое же вниманіе на исторію и географію Россіи. Затѣмъ Мюллеръ переходитъ къ изчисленію источниковъ русской исторіи. По его мнѣнію ихъ слѣдуетъ искать: 1) въ степенныхъ книгахъ, лѣтописцахъ, хронографахъ какъ цѣлой Россіи, такъ и областей ея; 2) въ рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ татарскую исторію на турецкомъ, татарскомъ и персидскомъ языкахъ; 3) въ дѣлахъ, хранящихся по архивамъ столичнымъ и провинціальнымъ; 4) въ житіяхъ русскихъ святыхъ, преимущественно происходящихъ отъ великокняжескаго и царскаго родовъ; 5) въ рукописныхъ извѣстіяхъ о построеніи разныхъ монастырей и церквей; 6) въ надгробныхъ и другихъ надписяхъ по монастырямъ и церквамъ; 7) въ родословныхъ книгахъ; 8) въ разныхъ русскихъ древностяхъ, „изъ которыхъ о древнихъ временахъ и приключеніяхъ, хотя несовершенное, однакожъ не совсѣмъ отметное свидѣтельство получить можно"; 9) въ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ памяти простыхъ людей, и такъ-какъ въ нихъ „много баснословнаго, того ради оныя съ осторожностью принимать должно"; 10) въ иностранныхъ историческихъ сочиненіяхъ о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею государствахъ „для тѣхъ случаевъ, по которымъ сосѣдственныя государства чрезъ войны, трактаты, союзы и чрезъ прочее съ россійскою исторіею соединеніе имѣютъ".

Далѣе Мюллеръ продолжаетъ, что Академія наукъ приступить на собственныя средства къ собиранію всѣхъ подобныхъ источниковъ не въ состояніи, а потому слѣдуетъ учредить особый „департаментъ россійской исторіи", который составлялъ бы часть Академіи и въ главѣ котораго былъ бы назначенъ исторіографъ. Кромѣ этого начальника, въ департаментѣ долженствовали быть: одинъ адъюнктъ для вспоможенія исторіографу въ сочиненіи исторіи. „Ежели будетъ онъ русскій, говоритъ Мюллеръ, то надлежитъ ему главнѣйшіе европейскіе языки

знать, также и въ наукахъ имѣть нѣкоторое искусство. А когда будетъ онъ иностранный, то должно ему россійской языкъ знать, или по крайней мѣрѣ о изученіи его весьма стараться". Другому адъюнкту слѣдовало непремѣнно быть изъ русскихъ для ученыхъ поѣздокъ по Россіи. „Ежели будетъ онъ искусенъ только въ латинскомъ языкѣ и притомъ въ наукахъ имѣть нарочитое основаніе, то сего довольно. Впрочемъ же должно быть ему человѣку здраваго и бодраго разума, хорошаго состоянія и тихаго съ людьми обхожденія, безъ которыхъ дарованій онъ своею ѣздою никакой пользы принести не можетъ". Далѣе въ историческомъ департаментѣ предполагалось имѣть одного переводчика и двухъ переписчиковъ: „а они бы числились не подъячими, но какъ студенты, и притомъ бы при Академіи обучались языкамъ и наукамъ, дабы современемъ на упалыя мѣста въ адъюнкты произведены быть могли." Наконецъ— канцеляристъ, копіистъ и сторожъ. Всѣ издержки какъ на жалованье этимъ лицамъ, такъ и на непредвидѣнные расходы по департаменту Мюллеръ изчислялъ въ 3500 рублей. Учрежденіе это долженствовало помѣщаться въ каменномъ, безопасномъ отъ пожара домѣ и притомъ въ Москвѣ: „ибо сей городъ, по словамъ Мюллера, за центръ всего государства почесть можно, гдѣ всякія извѣстія способнѣе и скорѣе получены быть могутъ, также и въ разсужденіе того, что тамошніе архивы самъ исторіографъ пересматривать имѣетъ. Однакожъ надобно ему нѣсколько времени пробыть въ Санктпетербургѣ, дабы то, что въ петербургскихъ архивахъ находится и что коллегіи и канцеляріи сообщать будутъ привесть въ порядокъ"...

Мюллеръ предлагалъ двоякій способъ для приведенія въ извѣстность и для собранія источниковъ по русской исторіи: во первыхъ, правительствующій сенатъ могъ издать во всеобщее извѣстіе указъ о доставленіи въ историческій департаментъ всѣми русскими присутственными мѣстами рукописей историческаго содержанія для снятія съ нихъ копій. „А сооообщеніе такихъ рукописей должно происходить добровольно, ибо ежели строгими указами повелѣно будетъ оныя отбирать, то иные объявятъ, что такихъ книгъ у нихъ не находится". Во вто-

рыхъ посылать адъюнкта въ путешествія по разнымъ мѣстамъ, гдѣ онъ долженъ собирать не только русскія рукописи, но также историческія книги на татарскомъ языкѣ у казанскихъ, касимовскихъ и романовскихъ татаръ. Для чтенія ихъ, по неимѣнію при Академіи людей, знающихъ татарскій, турецкій и персидскій языки, требовать переводчиковъ изъ иностранной коллегіи. Осмотръ архивовъ въ Петербургѣ и Москвѣ лежитъ на обязанности исторіографа, и этимъ должны открыться дѣйствія департамента. „Потомъ освѣдомиться, гдѣ изъ прежде бывшаго разряду и посольскаго приказу архивы нынѣ находятся, потому что они къ сочиненію исторіи весьма нужны будутъ; но при семъ не должно быть совсѣмъ безнадежнымъ, хотя по бо́льшей части такія архивныя письма отъ древности и мокроты погнили, мышами и червями съѣдены, или разодраны и поброшены въ кучи. По прилежномъ пересматриваніи оныхъ всегда что нибудь найдется, которое къ объясненію исторіи служить можетъ. Изъ губерній, провинцій и городовъ можно собрать самыя лучшія извѣстія изъ тѣхъ архивъ, которыя отъ прежнихъ четвертныхъ приказовъ московскихъ остались“...

Когда это предложеніе дошло до Шумахера, то онъ увидѣлъ въ немъ только то, что Мюллеръ хочетъ высвободиться изъ зависимости Академіи, а стало быть—и его, и что это произведетъ „излишніе, по шумахеровскому выраженію, расходы и убытки“. Точно также взглянулъ на это предложеніе и назначенный въ 1746 году президентъ Академіи, графъ Разумовскій, который, 7 августа того года, отклонивъ представленіе Мюллера объ историческомъ департаментѣ, предписалъ ему заниматься исключительно сибирскою исторіею [1]).

При отправленіи Мюллера въ путешествіе по Сибири ему, какъ и прочимъ его товарищамъ, было назначено двойное содержаніе, т. е. 1320 рублей въ годъ, и, сверхъ того, обѣщано награжденіе по возвращеніи. Когда онъ вернулся въ Петербургъ, то ему снова назначили прежній окладъ 660 рублей, не упоминая о награжденіи за понесенные труды, и не придвидѣ-

---

[1]) II, книга № 103.

лось вовсе, чтобы намѣревались издать въ свѣтъ его работы. Все это чрезвычайно обижало Мюллера, и онъ писалъ объ этомъ къ графу Разумовскому 23 іюля 1746 года: „... болѣзнь у меня ипохондрическая, которая начало обыкновенно имѣетъ отъ многихъ трудовъ, а потомъ и часто приключается отъ досады и отъ печали. И у меня она много прибыла отъ того, что по возвращеніи моемъ сюда обѣщаннаго намъ по сенатскому указу награжденія я по сіе время не получилъ, и дается мнѣ жалованья самый молодшій окладъ“... Или 12 октября 1746 года: „Великое мнѣ побужденіе будетъ къ прилежанію, ежели я увижу, что мои описанія ученому свѣту, а паче россійскому государству въ пользу, въ печать изданы будутъ, дабы мнѣ не остаться въ сомнѣніи, въ которомъ я понынѣ нахожуся, что мои труды токмо червямъ на пищу или другимъ людямъ, которые оными послѣ меня пользоваться будутъ, въ похвалу служить имѣютъ такъ, какъ сдѣлалось съ описаніями покойнаго доктора Мессершмидта, которые и понынѣ лежатъ не печатаны“... [1]).

Въ этотъ неблагопріятный для Мюллера періодъ времени, съ нимъ случались безпрестанныя непріятности: въ 1746 году онъ давалъ извѣстному собирателю свѣдѣній о Петрѣ Великомъ Петру Крекшину рукопись съ выписками своими изъ иностранныхъ сочинителей о Россіи. Этотъ, когда услыхалъ, что Мюллеръ далъ неодобрительный отзывъ о составленномъ имъ родословіи великихъ князей, царей и императоровъ, захотѣлъ отмстить ему, а потому донесъ сенату, что академикъ въ одной изъ своихъ рукописей дѣлаетъ выписки, унизительныя для русскихъ великихъ князей. Дѣло разсматривалось, по распоряженію сената, въ Академіи наукъ, и назначенная тамъ коммиссія оправдала Мюллера, почему Крекшинъ намѣревался уличить въ государственномъ преступленіи и его, и членовъ коммиссіи, однако дѣло въ сенатѣ было оставлено безъ послѣдствій [2]).

---

[1]) II, книга № 813.

[2]) Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 22—24, и Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865 года) 88 — 93. Любопытенъ позднѣйшій отзывъ Мюллера о Крекшинѣ и

Въ 1745 и 1746 годахъ Мюллеръ работалъ надъ составленіемъ новой карты Сибири, почему въ географическомъ департаментѣ находились разные матеріалы, собранные во время сибирскаго ученаго путешествія. Вдругъ, 8 апрѣля 1746 года, послѣдовало повелѣніе изъ императорскаго кабинета: „имѣющіяся при Академіи карты камчатской экспедиціи черныя и бѣлыя и на почтовой бумагѣ сдѣланныя, всѣ какія есть письменныя-ли или печатныя, не оставливая ничего, также и недавно присланныя въ Академію отъ адъюнкта Стеллера репорты и описанія той же экспедиціи, каковы оные есть и съ реестромъ, съ чѣмъ отъ него присланы, — взнесть въ кабинетъ ея императорскаго величества“... Затѣмъ Мюллера допрашивали, не было-ли сообщаемо кому изъ постороннихъ чего-нибудь изъ помянутыхъ матеріаловъ и зачѣмъ къ одной печатной картѣ сдѣлана была приклейка съ изображеніемъ новооткрытыхъ мѣстъ? Мюллеръ отвѣчалъ, что онъ никому не сообщалъ никакихъ матеріаловъ, а приклейка къ картѣ сдѣлана безъ вѣдома Мюллера, по приказанію Шумахера, и вмѣстѣ съ картою отдана къ нему въ канцелярію. Тоже подтвердилъ адъюнктъ географическаго департамента Трюскоттъ, сказавъ, что онъ карту съ приклейкою, сдѣланною по распоряженію Шумахера, отдалъ послѣднему въ канцеляріи, „а приказу его Шумахерова, яко командирскаго, онъ, Трюскоттъ, преслушать за невозможное признавалъ. Чтожъ оная ландкарта съ приклейкою по отдачѣ отъ него, Трюскотта, имѣлась въ академической канце-

---

его писаніяхъ, сдѣланный въ письмѣ къ Бакмейстеру 1773 г.:... «Если рукопись о воспитаніи Петра Великаго и проч. современна тѣмъ событіямъ, то она безъ сомнѣнія замѣчательна; но я боюсь, чтобы та, которой вы доставили экземпляръ, не была новой руки, напр., Крекшина — тогда она теряетъ свою достовѣрность. Крекшинъ сочинялъ что хотѣлъ, чтобы только можно было сказать что нибудь о Петрѣ Великомъ на каждый день, хотя бы это состояло лишь въ томъ, что государь ходилъ въ церковь или обѣдалъ съ своею супругою и дѣтьми. Крекшинъ былъ удивительный человѣкъ. Я не думаю, чтобы читатели узнали что-нибудь изъ его исторіи Петра Великаго, которая написана въ формѣ дневника и состоитъ изъ пятнадцати фоліантовъ. Генералъ Деденевъ, когда былъ поручикомъ, женился на дочери Крекшина. Быть можетъ онъ сдѣлался его наслѣдникомъ; впрочемъ возможно и то, что все было растаскано еще при жизни Крекшина». (I, 7-ой портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ, 1770—1783 годовъ.)

ляріи публично, а не секретно, того онъ, Трюскоттъ, не знаетъ, понеже самъ онъ, Шумахеръ, яко командиръ, довольно извѣстенъ что надобно содержать секретно и что публично"... За такими отзывами, Мюллера хотя оставили въ сторонѣ, однако онъ уже не могъ продолжать работъ по составленію карты Сибири. Причина переполоха въ кабинетѣ на счетъ сообщенія постороннимъ картъ, считавшихся тогда секретными, остается неизвѣстною.

Въ 1747 году у Мюллера шли переговоры въ академической канцеляріи о новомъ контрактѣ съ нимъ. Шумахеръ и Тепловъ предлагали ему именемъ президента 1000 рублей жалованья и по 200 рублей за каждый годъ по возвращеніи изъ Сибири; при чемъ полагалось непремѣннымъ условіемъ вступленіе въ русское подданство. Мюллеръ главнѣйше не соглашался на послѣднее условіе; кромѣ того, желалъ 1200 рублей въ годъ, а относительно обѣщанія награжденія въ будущемъ говорилъ, что ему и за сибирское путешествіе была обѣщана награда, но онъ и донынѣ еще ничего не получалъ [1]). Наконецъ 10 ноября 1747 года состоялось въ академической канцеляріи такое опредѣленіе:

„Понеже сочиненіе россійской исторіи и географіи требуетъ того, чтобъ россійской исторіи состояніе внутреннее не закрыто было передъ тѣмъ, кто долженъ подлинныя, до исторіи и географіи касающіяся извѣстія описать, того ради надлежитъ къ сему дѣлу употребить природнаго россійскаго и вѣрноподданнѣйшаго человѣка, котораго опредѣлить бы при Академіи надлежало исторіографомъ россійскаго государства. А понеже профессоръ Мюллеръ такъ, какъ профессоръ исторіи, употребленъ уже въ часть нѣкоторую исторіи россійской, т. е. посыланъ былъ въ Сибирь для собранія всѣхъ потребныхъ примѣчаній и для сочиненія сибирской исторіи и тамъ около десяти лѣтъ пробылъ на двойномъ жалованьѣ ея императорскаго величества противъ своего здѣшняго окладу, чего ради иному сіе дѣло ввѣрить не надлежитъ, какъ ему, Мюллеру; того ради,

---

[1]) II, книга № 111.

по указу ея императорскаго величества, канцелярія Академіи наукъ опредѣлила съ нимъ, Мюллеромъ, заключить контрактъ и во ономъ написать: 1) онъ, Мюллеръ, обязуется быть при Академіи наукъ профессоромъ въ университетѣ и для сочиненія генеральной россійской исторіи; къ тому же опредѣляется исторіографомъ, причемъ обѣщаетъ высокій ея императорскаго величества интересъ и Академіи честь и пользу всячески наблюдать. 2) Начатыя свои дѣла, на которыя уже столько иждивенія ея императорскаго величества употреблено, а именно сибирскую исторію, въ которой бы имѣть достовѣрное описаніе положенія всей Сибири географическаго, вѣры, языковъ всѣхъ тамошнихъ народовъ и древностей сибирскихъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ профессоромъ Фишеромъ производить, чтобъ всякой годъ издать можно было по одной книжкѣ путешествія его. 3) Когда окончается сибирская исторія, тогда онъ, Мюллеръ, употребленъ будетъ къ сочиненію исторіи всей россійской имперіи въ департаментѣ, который ему отъ Академіи показанъ быть имѣетъ по плану, который имъ самимъ сочиненъ въ то время быть имѣетъ и въ канцеляріи апробованъ. 4) Понеже онъ, Мюллеръ, отъ лекцій уволенъ, то вмѣсто того отправлять ему ректорскую должность при университетѣ по данной ему впредь инструкціи, когда ему приказано о томъ будетъ"... Далѣе, въ томъ же постановленіи назначено Мюллеру 1000 рублей жалованья, а въ концѣ милостиво обѣщано награжденіе или наказаніе „смотря по его заслугамъ" [1]).

Присяга на подданство дана Мюллеромъ 29 января 1748 года [2]). За два дня передъ тѣмъ учрежденъ былъ при Академіи историческій департаментъ, но уже совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тотъ, о которомъ было говорено выше. Между прочимъ, академическая канцелярія постановила, что Мюллеръ переписываться съ иностранными учеными можетъ не иначе, какъ чрезъ посредство ея для того, чтобы удобно было слѣдить за всею перепискою исторіографа. Послѣдній настаивалъ, чтобы Академія похлопотала пріобрѣсть отъ В. Н. Татищева

---

[1]) II, № 456.

[2]) II, № 111

всѣ собранныя имъ извѣстія, касающіяся русской исторіи „ибо, говорилъ Мюллеръ, когда ему смерть приключится, то опасаться должно, чтобъ много изъ оныхъ извѣстіевъ не потерялось". Это представленіе Мюллера канцелярія оставила безъ вниманія[1]). Всѣ занятія историческаго департамента заключались въ обработкѣ Мюллеромъ, вмѣстѣ съ академикомъ Фишеромъ, матеріаловъ, собранныхъ во время сибирскаго путешествія. Департаментъ этотъ не принесъ особенной пользы наукѣ: тотчасъ же по учрежденіи его, у Мюллера съ Фишеромъ возникло „партикулярное несогласіе" (см. далѣе Фишеръ). Тогда, 24 марта 1748 года, установлено было еще историческое собраніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ академиковъ, и въ которомъ слѣдовало просматривать то, что было приготовлено къ печати въ историческомъ департаментѣ[2]). Это историческое собраніе въ особенности извѣстно тѣмъ, что въ немъ часто происходили горячіе споры между членами, а о томъ, какъ оно разсматривало Сибирскую исторію Мюллера, можно судить по тому, что тамъ большинство членовъ возстало однажды противъ него за то, что въ Сибирской исторіи онъ выразился о Ермакѣ, что этотъ не считалъ преступнымъ, когда бывшіе съ нимъ козаки предавались грабежамъ и разбою. Ломоносовъ съ нѣкоторыми другими сочленами говорилъ, „что о семъ дѣлѣ должно писать осторожнѣе и помянутому Ермаку въ разсужденіе завоеванія Сибири разбойничества не приписывать", и т. д. Мюллеръ возражалъ, что это обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, а потому измѣнять его въ описаніи дѣлъ Ермака не возможно, а потому уже лучше совсѣмъ о томъ выключить[3]).

Въ 1748 году Мюллера снова занимала мысль о томъ, что Академія обязана непремѣнно принять мѣры для предупрежденія утраты рукописей Татищева, въ случаѣ кончины его. Исторіографъ какъ бы предчувствовалъ, что драгоцѣнное татищевское собраніе историческихъ матеріаловъ погибнетъ прежде

---

[1]) II, № 111.

[2]) Записки Академіи наукъ VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 25, 26.

[3]) Библіографическія записки 1861, III, 515—518.

чѣмъ имъ воспользуются ученые изслѣдователи русской исторіи. Въ черновыхъ бумагахъ Мюллера сохранилось два представленія его по этому предмету: одно 11 іюля пространное, другое 12 іюля сокращенное. Въ первомъ, напоминая о своемъ прежнемъ предложеніи касательно татищевскихъ извѣстій, Мюллеръ писалъ: „...А на сіе мое предложеніе еще резолюціи не воспослѣдовало, того ради разсуждая, что дѣйствительно много прибыли Академія, а наипаче департаментъ россійской исторіи отъ оныхъ извѣстіевъ получить можетъ, и великій будетъ убытокъ, ежели они въ чужія руки попадутъ, пріемлю я смѣлость о томъ еще воспомянуть и представить, не соизволено-ли будетъ кого къ нему, г. тайному совѣтнику Татищеву, отправить съ такимъ опредѣленіемъ, дабы всѣ, у него имѣющіяся историческія и географическія извѣстія и письменныя книги пересмотрѣть и изъ нихъ потребное выбрать и велѣть оное тамъ описать для Академіи, а иногда онъ и самъ изволитъ нѣкоторые оригиналы Академіи уступить. Сіе дѣло таково нужно мнѣ кажется, что самъ бы я не отговаривался для онаго въ Москву ѣхать, причемъ бы я могъ и другія нужныя дѣла для пополненія сибирской исторіи тамъ отправлять, потому что я еще на Москвѣ не былъ, а въ сибирскомъ приказѣ надлежитъ архиву пересмотрѣть и изъ оной надлежащіе до сибирской исторіи документы отдать списывать такъ, какъ во всѣхъ сибирскихъ городахъ отъ меня учинено. Пока сіе не дѣлается, то сибирская исторія будетъ неполная, потому что во многихъ сибирскихъ городахъ въ архивахъ великіе недостатки примѣчены индѣ отъ пожаровъ, а индѣ что дѣла отъ небреженія погнили или червями поѣдены были, которые недостатки уповательно изъ архивы сибирскаго приказа возвращены быть могутъ. Ежели же не соизволено будетъ меня туда отпустить, то по моему мнѣнію надлежитъ отправить г. профессора Фишера и ему все вышеписанное поручить. А для письма копіистовъ можно будетъ получить въ Москвѣ, ежели о дачѣ оныхъ, сколько человѣкъ потребно, изъ правительствующаго сената указъ пошлется"... Въ другомъ, краткомъ представленіи есть такая характеристика В. Н. Татищева: „онъ же, г. тайный совѣтникъ Татищевъ,

какъ извѣстно, человѣкъ незавидливый, но весьма откровенный въ дѣлахъ, до простиранія наукъ касающихся, и охотно онъ сообщать будетъ все, что у него есть, для списыванія Академіи"...[1]).

И на этотъ разъ Шумахеръ и Тепловъ не приняли во вниманіе ходатайства Мюллера, а нѣсколько лѣтъ спустя всѣ собранныя Татищевымъ письменныя сокровища погибли въ пожарѣ, случившемся вскорѣ послѣ смерти его въ принадлежавшемъ ему имѣніи. Но если академическая канцелярія была равнодушна къ ученымъ представленіямъ Мюллера, то въ замѣнъ того члены ея очень оказывались усердными въ изобрѣтеніи предлоговъ къ преслѣдованію исторіографа. Такъ, въ половинѣ 1748 года, Мюллеръ и Ломоносовъ, поручившіеся, по совѣту Шумахера, за академика Гмелина въ томъ, что онъ вернется изъ заграничнаго отпуска, подверглись взысканію, такъкакъ Гмелинъ не возвратился въ Петербургъ. Объ этомъ обстоятельствѣ будетъ говорено въ жизнеописаніи Гмелина, а здѣсь замѣтимъ только, что Тепловъ въ письмахъ къ Эйлеру намекалъ, чтобы Гмелинъ обвинилъ въ этомъ дѣлѣ Мюллера. Впрочемъ послѣднему, 20 апрѣля слѣдующаго 1749 года, возвращено прежнее его содержаніе.[2]) Другая непріятность въ томъ же 1748 году Мюллеру была еще тяжелѣе: 9 сентября 1748 года, Тепловъ сообщилъ Мюллеру, что президентъ требуетъ отъ него письма бывшаго академика Делиля, въ которомъ тотъ писалъ о возвращеніи ему портфеля съ бумагами, касающимися исторіи Академіи, съ тѣмъ, „чтобы сдѣлать изъ нихъ за границею употребленіе, какъ уговорились они о томъ между собою при прощаніи". Въ концѣ того же письма Делиль обѣщалъ сообщить французскимъ миссіонерамъ въ Китаѣ de ce corps phantasque, разумѣя подъ этимъ названіемъ Академію. Мюллеръ отвѣчалъ, что онъ затерялъ письмо Делиля, какъ неважное, и что не имѣлъ никакого уговора съ Делилемъ обнародовать что-нибудь за границею противъ Академіи. Далѣе ис-

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ 1743—1751 годовъ.

[2]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ 1743—1751 годовъ.

торіографъ увѣрялъ, что Делиль, по возвращеніи своемъ во Францію, намѣревался написать объ управленіи Академіею къ нѣкоторымъ знатнымъ русскимъ, и Мюллеръ не охуждалъ этого. Можетъ быть, по словамъ послѣдняго, Делиль и считалъ это за соглашеніе между ними, но Мюллеръ никогда не хотѣлъ въ томъ участвовать и, въ подтвержденіе, ссылался на свое усердіе къ Академіи и пр. Эти оправданія, однако, не были признаны уважительными, и Шумахеръ, 6 ноября 1748 года, писалъ къ Тауберту: „я не знаю, что побудило президента сдѣлать распоряженіе объ учиненіи въ канцеляріи допроса г. Мюллеру касательно письма г. Делиля. Его спрашивали въ присутствіи ассессора Теплова, надворнаго совѣтника Штелина, гг. Винцгейма, Струбе, Тредіаковскаго, Ломоносова и меня, но онъ отвѣчалъ плохо. Рапорты по этому дѣлу идутъ прямо къ г. президенту....“

Весь ходъ слѣдствія ясно показываетъ, что оно было начато по наущенію Теплова, къ которому Мюллеръ и посылалъ длинныя оправдательныя письма. Розыскъ о письмѣ Делиля всего лучше рисуетъ положеніе тогдашнихъ академиковъ: академическая канцелярія, или Тепловъ, успѣла добыть копію съ частнаго письма бывшаго при Академіи астронома къ старому своему товарищу, который оставался въ Петербургѣ. Тамъ Академія названа была corps phantasque, и притомъ было высказано намѣреніе писать что-то о ея управленіи. Это частное сообщеніе было поводомъ къ обвиненію получившаго письмо въ важномъ преступлѣніи: у Мюллера отобрали всѣ его бумаги; просматривали ихъ по листамъ, а самого его обязали не выходить изъ квартиры и ни подъ какимъ видомъ не являться къ президенту.[1]) Напрасно Мюллеръ увѣрялъ въ своей невинности и указывалъ, что нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи выраженіе phantasque невѣрно переводятъ словомъ глупый, тогда какъ оно значитъ воображаемый — всѣ подобныя показанія не помогали, и, 28 октября 1748 г., коммиссіею было постано-

---

[1]) I, «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Мюллера, съ 1743 по 1751 годъ», портфель 1-й; Исходящія письма 1748 г.; Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1868), 489.

влено: „требовать отъ него, Мюллера, завтрѣ вкратцѣ изъясненія на русскомъ языкѣ, ибо онъ, по мнѣнію всего собранія, больше разумѣетъ русскій языкъ, нежели французскій, и чтобы оное было сочинено позитивно и не было-бъ столь сумнительно, чтобъ двоякое изъ онаго заключить разумѣніе было можно“. На другой день Мюллеръ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ по русски „учрежденной коммиссіи для слѣдствія о перепискѣ съ профессоромъ Делилемъ“ тоже, что на многихъ листахъ изъяснялъ Теплову. Этимъ отзывомъ и кончается въ матеріалахъ Мюллера черновая переписка о письмѣ Делиля[1]).

Разборъ бумагъ Мюллера подалъ поводъ къ одному распоряженію, которое также даетъ понятіе о положеніи академика въ тогдашнія времена и его отношеніяхъ къ академической канцеляріи. Объ этомъ распоряженіи такъ разсказываетъ Мюллеръ въ своемъ объясненіи отъ 29 октября того же года:

„По приказу его графскаго сіятельства г. Академіи наукъ президента, которымъ объявлено, что найдено между моими дѣлами многія родословныя таблицы какъ великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ россійскихъ, такъ и многихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, и его сіятельство требуетъ, чтобъ я подписался подъ присягою: собою-ли я оныя родословія сочинялъ или по чьему повелѣнію или прошенію? Также въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ его сіятельство велѣлъ мнѣ объявить чрезъ ассессора г. Теплова, чтобъ я такихъ родословій впредь не сочинялъ, но трудился бы въ однихъ настоящихъ моихъ должностяхъ, о чемъ имѣется у меня отъ его сіятельства повелѣніе. И на сіе я отвѣтствую и подписуюсь подъ присягою, что я началъ сочинять родословныя таблицы всероссійской исторіи съ 1730 года по должности историка, который съ пользою въ своемъ дѣлѣ упражняться хочетъ, и генеральную такую таблицу я, при отъѣздѣ моемъ въ Сибирь, оставилъ академической канцеляріи. А съ того времени я всегда понемногу въ оныхъ родословныхъ дѣлахъ трудился, потому что исторія

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, страницы 32, 34.

и родословная наука такъ между собою связаны, что одна безъ другой быть не можетъ. А паче родословныя таблицы у меня умножились по имѣвшемся съ коммиссаромъ Крекшинымъ спорномъ дѣлѣ, для котораго я принужденъ былъ больше прежняго за ними трудиться. И сочинилъ я сперва родословіе высочайшей фамиліи ея императорскаго величества, а потомъ великихъ князей литовскихъ и происшедшихъ отъ нихъ фамилій и нѣкоторыхъ удѣльныхъ княжескихъ фамилій россійскихъ, съ которыхъ я и копіи иногда сообщалъ въ конференцію. А потомъ послѣдовали и прочія родословія иныхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, которыя я сочинилъ всѣ по извѣстнымъ родословнымъ книгамъ, и по разряднымъ и по лѣтописцамъ, какъ гдѣ я что нашелъ о которой фамиліи. А того не было, чтобъ кто къ сочиненію оныхъ меня побуждалъ, или повелѣлъ, или просилъ; но я все то дѣлалъ по собственной своей охотѣ къ исторіи и къ принадлежащимъ къ ней наукамъ и по своему трудолюбію. А когда иногда въ знатныхъ домахъ меня спрашивали о обстоятельствахъ фамилій, то я не усумнялся показать что у меня было собрано и при нихъ копіи пополни(я)лъ и копіи остави(ля)лъ. А послѣ того какъ мнѣ о несочиненіи впредь оныхъ родословій приказъ былъ отданъ, то я сіе дѣло и оставилъ, такъ-что вновь никакихъ родословныхъ таблицъ для партикулярныхъ случаевъ не дѣлалъ и прежде дѣланныхъ о нѣкоторыхъ фамиліяхъ у себя удержалъ; но въ старыхъ иногда что приписа(сыва)лъ къ пополненію, чтó по вышеписанному приказу я себѣ въ вину не ставилъ“.... [1])

Въ 1748 и 1749 годахъ печатался трудъ Мюллера Описаніе сибирскаго царства, при чемъ дѣло не обошлось безъ притѣсненій исторіографа неутомимыми въ преслѣдованіяхъ противъ него Шумахеромъ и Тепловымъ. Напр., 14 октября 1748 года, Мюллеру было объявлено изъ академической канцеляріи, что такъ-какъ онъ очень задерживаетъ корректурные листы названной книги, то по этому корректура ея поручена одному

---

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1743—1751 годовъ.

Ивану Голубцеву, который переводилъ съ нѣмецкаго Описаніе сибирскаго царства. Это распоряженіе подало Мюллеру поводъ отнестись съ длиннымъ французскимъ письмомъ къ Теплову, гдѣ пространно доказывалось, что онъ не задерживалъ корректуръ, а поправки въ нихъ происходили отъ плохаго перевода переводчиковъ. „Поистинѣ, писалъ, между прочимъ, Мюллеръ, такое распоряженіе въ другихъ странахъ было бы сочтено весьма несправедливымъ, потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычая всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать — вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія“... [1]).

Въ жизнеописаніи Шумахера были уже приведены нѣкоторые изъ его навѣтовъ на Мюллера Теплову, когда этотъ былъ въ Москвѣ при президентѣ графѣ Разумовскомъ (см. выше, стр. 54, 55). За то, что Мюллеръ осмѣлился послать въ Москву, минуя Шумахера, свое предисловіе къ Описанію сибирскаго царства и просилъ разрѣшенія помѣстить тамъ, въ видѣ приложенія, двѣ лѣтописи, академическій совѣтникъ убѣдилъ Теплова, что предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной славы“ Мюллера. Что же касается до помѣщенія лѣтописей, то и объ этомъ предметѣ такъ взялся разсуждать Шумахеръ: „Понеже изъ поступка г. Мюллера, который предлагалъ напечатать лѣтописцы при его исторіи и оную безъ нужды наполнилъ жалованными грамотами, довольно видно, что онъ никакого другаго намѣренія не имѣетъ какъ свою исторію увеличить и время провождать, то лучше бъ и безопаснѣе было, чтобъ лѣтописцы и жалованныя грамоты особенно напечатать, показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для аппробаціи,

---

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1743—1751 годовъ.

ибо оныя дѣла такія, о которыхъ разсуждать должны министры или правительствующій сенатъ"... Вмѣстѣ съ тѣмъ Шумахеръ предлагалъ еще послать книгу Мюллера на разсмотрѣніе Василья Татищева[1]).

Обо всѣмъ этомъ было послано къ президенту въ Москву 8 мая 1749 года, а 14 іюня того же года объявлено Мюллеру изъ академической канцеляріи:

„По прочтеніи самимъ г. президентомъ сея книги, усмотрѣно, что хотя, по разсужденію вашему, и потребны доказательства къ вашей Сибирской исторіи, однако находится при достопамятныхъ вещахъ не малое число во оной же лѣтописи лжебасней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона. А хотя же бы что и до закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ; тѣмъ больше съ здравымъ разсужденіемъ не сходно такую книгу напечатать вмѣсто доказательства подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла. И по опредѣленію главной канцеляріи Академіи наукъ велѣно показанную лѣтопись, для объявленныхъ и основательныхъ резоновъ, печатаніемъ оставить до того времени, когда оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства. Сіе разумѣется не о употребительномъ въ древнія времена складѣ (которымъ, конечно, таковыя книги для лучшаго удостовѣренія читателю и напечатать должно), но о матеріи, включенной во оныхъ книгахъ, чего ради и предисловіе къ сибирской исторіи, которое вы, сочинивъ, прислали для аппробаціи перемѣнено, на осно-

---

[1]) II, книги №№ 803 и 809. Татищевъ, по просьбѣ Теплова, написалъ нѣсколько замѣчаній на трудъ Мюллера, который далъ свое объясненіе на нихъ. Переписка объ этомъ хранится: II, книга № 817.

ваніи вышеписаннаго, вмѣстѣ съ обстоятельствами, до сибирской исторіи касающимися"...[1]).

Вслѣдствіе такого распоряженія, при Описаніи сибирскаго царства помѣщено коротенькое предисловіе, довольно безцвѣтное, какъ казенная отписка, и заключающее въ концѣ мысль, всецѣло принадлежавшую Теплову, а не Мюллеру, о необходимости издавать древніе памятники „очистивъ прежде оные отъ басней", т. е. другими словами исказивъ эти памятники внесеніемъ въ нихъ взглядовъ и мыслей издателя нѣсколько сотъ лѣтъ спустя послѣ написанія ихъ. Первоначально составленное Мюллеромъ предисловіе сохраняется до нынѣ въ рукописи[2]) и, по содержанію своему, гораздо любопытнѣе печатнаго. Такъ, напр., тамъ при описаніи сибирскихъ лѣтописей Мюллеръ сообщаетъ такое извѣстіе: „Первое основаніе къ сочиненію сихъ лѣтописей положилъ безъ сомнѣнія первый архіепископъ сибирскій Кипріанъ, который отправленъ былъ туда изъ Москвы въ 7129 (1621) году и, по показанію тѣхъ же лѣтописей, на другой годъ по прибытіи своемъ въ Тобольскъ, приказалъ созвать всѣхъ старыхъ казаковъ, бывшихъ съ Ермакомъ при завоеваніи Сибири и велѣлъ ихъ распросить о всемъ, что съ того времени по оное время въ Сибири происходило; причемъ онъ опредѣлилъ именно тѣхъ, которые показали отечеству знатныя заслуги, но во время службы своей отъ непріятелей побиты, или другими несчастными случаями жизнь свою скончали, внесть въ синодикъ соборной церкви въ Тобольскѣ для пѣнія имъ повсягодно вѣчной памяти. Сей ради причины упоминалъ я и объ ономъ синодикѣ неоднократно въ сей исторіи. Инако не можно думать, какъ что нѣкоторые изъ помянутыхъ старыхъ казаковъ во время сочинителей вышепомянутыхъ лѣтописей еще живы были и извѣстія къ сему достохвальному дѣлу сообщали. Въ простыхъ сибирскихъ лѣтописяхъ именно о томъ упоминается, и сочинитель Савва Ефимовъ самъ себя въ число оныхъ полагаетъ"...

---

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1743—1751 годовъ.

[2]) II, книга № 819.

Далѣе Мюллеръ высказываетъ сомнѣніе къ показанію этого Саввы Ефимова о существованіи татарскихъ лѣтописей и потомъ упоминаетъ, что въ подтвержденіе своихъ словъ онъ, Мюллеръ, часто дѣлаетъ обширныя выписки изъ рукописей: „Кто, говоритъ онъ притомъ, къ стариннымъ архивнымъ письмамъ и къ штилю оныхъ привыкнетъ, тотъ подлинно оныя читать будетъ со удовольствіемъ, какъ бы намѣреніе читателей или причины удовольствія различны ни были. Объ одной токмо пользѣ древнихъ архивныхъ писемъ здѣсь объявлю, которая хотя весьма случаемъ дѣлается, однако не малой есть важности. Сколько какихъ словъ и складовъ не покажется темныхъ и совсѣмъ незнаемыхъ тому, кто такихъ писемъ прежде не читывалъ? Онъ будетъ спрашивать, что то значитъ? И можетъ быть скажутъ ему для толкованія иностранное слово или складъ, по свойству чужестранныхъ языковъ украшенный, которые онъ лучше нежели старинное россійское слово или складъ разумѣетъ. Однакожъ самое сіе приведетъ его во удивленіе, что онъ природнаго своего языка совершенно не знаетъ. Онъ начнетъ размышлять, справедливо-ли то, чтобъ вводить чужестранные слова и склады, когда въ природномъ языкѣ недостатку не находится? Онъ будетъ сравнивать склады иностранные съ подлинными россійскими и узнаетъ, что каждый языкъ имѣетъ свое свойство и что изъ одного языка въ другой безъ крайней нужды ничего занимать не должно. Мое мнѣніе не въ томъ состоитъ, чтобъ мнѣ себя поставить общимъ защитникомъ древности языковъ. Примѣры тому, какъ языки въ чужестранныхъ государствахъ въ недавныя времена много перемѣнились, весьма извѣстны, и, конечно, должно обыкновенію временъ нѣсколько уступать, когда старинными словами и складами гнушаются; но сіе обыкновеніе не надлежитъ всегда почитать за узаконеніе и не должно отвергать всего стариннаго только для того, что оно старинное, а новое принимать для того, что новое“...

Въ іюнѣ 1749 года, Петръ Крекшинъ обратилъ вниманіе Академіи наукъ, что въ петропавловской крѣпости находятся бумаги бывшей походной канцеляріи князя Меншикова и что онѣ помѣщены такъ небрежно, что многія изъ нихъ уже по-

гнили. По сношенію съ военною коллегіею, графъ Разумовскій выхлопоталъ дозволеніе для Академіи наукъ приступить къ разбору и описи означенныхъ бумагъ, что̀ и было возложено на Мюллера, Штрубе де-Пирмона и Модераха, съ тѣмъ, чтобы дѣла, которыя имѣютъ значеніе для исторіи Петра Великаго, „и въ коихъ, какъ сказано въ современномъ указѣ, важности никакой не зависитъ", отобрать для храненія при Академіи[1]).

Разборъ и опись производились въ 1749 и 1750 годахъ, а 16 іюня послѣдняго года Мюллеръ въ письмѣ къ Теплову говорилъ: „Не хощу я вамъ здѣсь мои труды описать, что для разбору и принятія дѣлъ князя Меншикова я еждень (sic) въ осьмомъ часу ѣздилъ въ Академію... однако то не могу умолчать, что хотя въ указѣ написано было, чтобъ г. профессору Штрубе и адъюнкту г. Модераху быть со мной у той же коммиссіи, однако г. профессоръ Штрубе, за незнаніемъ россійскаго языка, почти ничего дѣлать не могъ, а г. адъюнктъ Модерахъ былъ только у перваго разбору, въ которомъ явно негодныя дѣла отброшены были, а другой разборъ дѣлъ, приличныхъ къ исторіи, я отправлялъ одинъ, разсмотря всѣ дѣла

---

[1]) Изъ дѣлъ, которыя сочтены были, при разборѣ ихъ, подлежащими отсылкѣ въ тайную канцелярію, мнѣ извѣстно одно, съ розыскомъ о легендѣ, разсказанной въ 1705 г. (бумаги подмочены, почему при выпискѣ изчезнувшія слова замѣнены точками). Каторжный Дмитрій Игнатьевъ сказалъ за собою слово и дѣло, и его распрашивалъ Романъ Вилимовичъ Брюсъ 6 марта того же года. Игнатьевъ показывалъ: «февраля въ послѣднихъ числахъ, а въ которомъ не упомнитъ, будучи въ гварнизонѣ въ казармѣ, лежалъ съ каторжнымъ же сидѣльцомъ, съ Иваномъ Кастоусовымъ... Рѣпою. И говорилъ онъ, Иванъ Кастоусовъ, съ нимъ про великаго государя непристойныя слова, что въ прошлыхъ годѣхъ царевичъ Алексѣй Петровичъ отпросился у него, государя, въ Суздаль въ монастырь Богу молитца. И онъ-де, великій государь, отпустя его, поѣхалъ за нимъ ночью самъ и хотѣлъ его, царевича, известь.... встрѣтился ему, государю, на встрѣчу старъ человѣкъ, борода.... и плѣшивъ. И сказалъ ему, государю, куды-де ты ѣдешь? воротись назадъ. И онъ-де, государь, назадъ возвратился....» Кастоусовъ показалъ, что онъ слышалъ отъ одного казака: «какъ-де въ прошломъ 209-мъ году царевичъ Алексѣй Петровичъ отпросился у великаго государя въ Суздаль въ монастырь, гдѣ мать его, царевича, Богу молитца, и въ то-де время, отпустя его, царевича, великій государь поѣхалъ за нимъ.... время встрѣтился ему.... борода велика. И онъ-де.... за бороду. И тотъ-де старой человѣкъ.... государя о землю и молвилъ: полно-де тебѣ.... И онъ-де государь, испужался того, и поворотилъ въ Москву....» Итакъ еще въ 1705 г. народъ зналъ о разладѣ между царемъ и его сыномъ.

листъ по листу, также и опись подъ моимъ одного надсмотромъ сочиняется такимъ образомъ, что описи студента Горланова и копіиста Барковскаго сличаю съ самыми дѣлами и исправляю что въ нихъ погрѣшено"...[1])

Бóльшая часть бумагъ такъ называвшейся походной канцеляріи князя Меншикова оказались при разборѣ сгнившими и обветшалыми: „Сіе мнѣ, писалъ по этому случаю Мюллеръ, въ память паки привело, что въ другихъ мѣстахъ при Санктпетербургѣ и въ Москвѣ находятся такія же важныя и къ исторіи россійской нужныя письма, которыя по тому жъ можно бъ было разобрать и надлежащее выбрать. А на то имѣются два сенатскія прежнихъ лѣтъ опредѣленія, въ которыхъ написано: въ первомъ, мая 20 дня 1740 года, докладывалъ секретарь Протасовъ по описи тайнаго приказу древнихъ писемъ, которыя по резолюціи Кабинета ея императорскаго величества велѣно въ правительствующемъ сенатѣ разсмотрѣть, которыя изъ оныхъ подлежатъ тайнѣ, тѣ отдать въ Кабинетъ, а другія приличныя къ сочиненію исторіи — въ де-сіансъ Академію, изволили разсудить для слушанія той описи съѣзжаться въ сенатъ послѣ полудни изъ сенаторовъ двумъ или тремъ персонамъ и притомъ быть изъ членовъ Академіи наукъ одному. Въ другомъ — февраля 16 дня 1742 года, по указу ея императорскаго величества, правительствующій сенатъ приказалъ: къ разбору и описи имѣющихся въ Санктпетербургѣ въ печатной конторѣ журналовъ, походовъ и писемъ прежнихъ лѣтъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великихъ государей царей опредѣлить статскаго совѣтника Василья Демидова и съ нимъ одного профессора изъ Академіи по разсмотрѣнію сенатской конторы, и изъ нихъ приличныя къ исторіи отдать въ Академію съ надлежащею описью, а прочія — въ сенатскій архивъ, изъ кото-

[1]) Академическая канцелярія, послѣ этого письма исторіографа, поручила одному Модераху разборъ бумагъ князя Меншикова. Онѣ были сданы окончательно въ архивъ академической конференціи 30 сентября 1750 года и до нынѣ хранятся въ Академіи. Впрочемъ въ казармѣ петропавловской крѣпости оставались еще неразобранныя бумаги, которыя продолжали гнить по прежнему, какъ видно изъ указа сената 9 января 1755 года. II, № 130.

рыхъ тайнѣ подлежащія имѣть за печатью. Того ради, не соизволено-ли будетъ сіе дѣло принять въ разсужденіе и о томъ представить куда подлежитъ, дабы безъ должнаго времени потерянія такія, къ исторіи весьма потребныя доказательства въ бережливое охраненіе отданы были и потомъ къ всеобщей пользѣ уже употреблены быть могли". И это представленіе Мюллера осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: на сохраненіе бумагъ Петра Великаго обратила вниманіе Екатерина II, и потому онѣ до нынѣшняго времени сохранились въ цѣлости. Что же касается до дѣлъ тайнаго приказа, то объ нихъ вспомнили въ весьма недавнее время, именно тогда, когда двѣ трети ихъ отъ наводненій въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ сгнили или такъ слиплись отъ подмочки, что сдѣлались совершенно негодными къ прочтенію [1]).

Въ мартѣ 1749 года, по предложенію Шумахера, президентъ Академіи наукъ распорядился, чтобы къ торжественному собранію Академіи 6 сентября того же года приготовили рѣчи Ломоносовъ и Мюллеръ. Любопытно, что Шумахеръ, предлагая послѣдняго при этомъ случаѣ, выставлялъ тому причиною: „у него довольно хорошее русское произношеніе, громкій голосъ и присутствіе духа, очень близкое къ нахальству!... По академическимъ обычаямъ, Мюллеръ обязанъ былъ предварительно прочитать свою рѣчь, озаглавленную „Происхожденіе народа и имени россійскаго", въ академическомъ засѣданіи, но онъ почему-то медлилъ этимъ, такъ-что менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до собранія (10 августа) Шумахеръ жаловался на то Теплову и просилъ, чтобы рѣчь Мюллера была прежде печатанія разсмотрѣна академиками. Когда это было, наконецъ, исполнено, то въ засѣданіи встрѣтились возраженія противъ высказанныхъ Мюллеромъ положеній, отъ которыхъ отступиться авторъ не пожелалъ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія графа Разумовскаго, а онъ приказалъ отложить торжественное соб-

[1]) О бумагахъ князя Меншикова см. II, книги №№ 130 и 820; I, 2-ой портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1743—1751 годовъ; Записки Академіи наукъ т. XII, стр. 79, 80.

раніе Академіи до 26 ноября, послѣ чего Шумахеръ распорядился поручить разсмотрѣніе рѣчи Мюллера тѣмъ изъ академиковъ, которые считали себя на столько свѣдущими въ избранномъ Мюллеромъ предметѣ, что могли высказать свои сомнѣнія и возраженія. Имъ именно вмѣнялось въ обязанность: рѣчь „освидѣтельствовать, не отыщется-ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго?"... Отзывы бóльшей части академиковъ были неблагопріятны для Мюллера, и тогда Шумахеръ предложилъ, чтобы назначенъ былъ другой академикъ для чтенія рѣчи въ собраніи 26 ноября. Это и было такъ сдѣлано, а между тѣмъ 15 сентября отосланы къ графу Разумовскому отзывы академиковъ. Тепловъ, въ отвѣтѣ на это представленіе, принялъ сторону большинства и писалъ, что Мюллеръ „во всей рѣчи ни одного случая не показалъ къ славѣ россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ, а именно: какъ ихъ многократно разбивали въ сраженіяхъ, гдѣ грабежемъ, огнемъ и мечемъ пустошили и у царей ихъ сокровища грабили. А напослѣдокъ удивленія достойно, съ какою неосторожностію употребилъ экспрессію, что скандинавы побѣдоносным своимъ оружіемъ благополучно себѣ всю Россію покорили"... Почему велѣно было отобрать всѣ экземпляры этой рѣчи, даже рукописные и корректурные, и хранить ихъ въ архивѣ до указа. Мюллеръ принесъ жалобу графу Разумовскому, что объ его диссертаціи спрашивали мнѣніе только тѣхъ, которые ему недоброхотствуютъ, вслѣдствіе чего президентъ велѣлъ снова разсматривать рѣчь академика „въ генеральномъ собраніи безъ всякаго пристрастія".

Это новое разсмотрѣніе злосчастной рѣчи продолжалось съ 23 октября 1749 по 8 марта 1750 года. Нельзя не замѣтить во многихъ возраженіяхъ противъ Мюллера, особеннаго къ нему нерасположенія, чтó можно объяснить отчасти его несовсѣмъ уживчивымъ нравомъ и язвительностью, доходившею въ спорахъ до грубости. Примѣромъ тому можетъ служить приведенный ниже неприличный отзывъ Мюллера о Крашенинниковѣ. Академическая канцелярія, принявъ въ основаніе отзывы Ло-

моносова, Крашенинникова и Попова, постановила рѣчь Мюллера уничтожить, „такъ-какъ она предосудительная Россіи“[1]).

Еще до этого постановленія, именно 3 мая 1750 года, Мюллеръ просилъ академическую канцелярію о помѣщеніи въ Комментаріяхъ изслѣдованія своего De inscriptionibus sibiricis falso et vere praedicatis. Оно было одобрено къ напечатанію историческимъ собраніемъ, но академическая канцелярія сочла нужнымъ, 19 іюня 1750 года, отвѣтить на это ходатайство такимъ указомъ: „понеже первыйнадесять, второйнадесять, третійнадесять и четвертыйнадесять томы Комментаріевъ уже за нѣсколько времени въ собраніи профессорами расположены и назначена обыкновенная имъ величина, а означенная ваша сочиненная диссертація есть не очень великой важности, того ради... велѣно оную диссертацію вамъ отдать обратно, которая при семъ и послана, и объявить, что отъ сего времени отъ васъ никакое сочиненіе кромѣ того, къ чему вы дѣйствительно контрактомъ обязалися, принято не будетъ. Такожъ усмотрѣно, что въ первомъ томѣ исторіи сибирской, который уже напечатанъ, бо́льшая часть книги не что иное есть, какъ только копія съ дѣлъ канцелярскихъ, а инако бы книга надлежащей величины не имѣла—то чрезъ сіе накрѣпко запрещается, чтобъ никакихъ копій въ слѣдующіе томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на сторонѣ цитировать, что оная дѣйствительно въ академической архивѣ хранится. Вамъ же продолженіе исторіи подавать на нѣмецкомъ языкѣ прямо въ канцелярію, когда что сочинено будетъ, а до переводовъ русскихъ дѣла никакого не имѣть, а стараться о переводахъ въ канцеляріи“...[2])

На другой день, т. е. 20 іюня, состоялось въ канцеляріи новое распоряженіе: подъ предлогомъ скорѣйшаго окончанія

[1]) Переписка Шумахера по этому дѣлу съ Тепловымъ сообщена выше въ жизнеописаніи перваго, стр. 53 — 55. Кромѣ того, см. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 131, 132, 763, 764, 144, 145. 24 января 1751 года Тауберту было предписано хранить при библіотекѣ экземпляры рѣчи Мюллера: 6 рукописныхъ, русскихъ 488 и латинскихъ 491. II, книга № 838.

[2]) II, книга № 460.

сибирской исторіи, Мюллеръ былъ уволенъ отъ должности ректора университета, и ему вмѣнено въ обязанность читать тамъ ежедневно историческія лекціи. Мюллеръ пробовалъ оправдываться предъ Тепловымъ въ длинномъ письмѣ, а канцелярію — убѣждать, что онъ не можетъ читать лекціи по нездоровью и потому, что онъ этого не дѣлалъ уже восемнадцать лѣтъ; но все это ни мало не подѣйствовало: 21 сентября 1750 года, исторіографу было объявлено именемъ президента, что онъ непремѣнно долженъ читать лекціи и что въ противномъ случаѣ у него будетъ вычитаться жалованье, для чего и не будетъ выдано ему таковое за сентябрскую треть. Тогда Мюллеръ подалъ графу Разумовскому рѣшительную жалобу на Шумахера и Теплова, обвиняя ихъ въ несправедливости и пр. „Каждому, говорилъ онъ притомъ, кто университетскія лекціи давалъ, извѣстно, что ко онымъ потребна нѣкоторая привычка, а къ историческимъ особливо изустное знаніе или память всѣмъ приключеніямъ съ начала свѣта по наши времена. Я же оную привычку не имѣю, потому что чрезъ осемнадцать лѣтъ, какъ въ Сибирь былъ отправленъ, никакихъ лекцій не давывалъ и книгъ иностранныхъ историческихъ, кромѣ касающихся до россійскаго государства, не читывалъ, по которымъ бы я могъ обновлять память вышереченнымъ историческимъ приключеніямъ; но только я упражнялся въ обстоятельномъ описаніи всея Сибири и въ познаніи россійской исторіи и всего внутренняго Россіи и пограничныхъ съ Сибирью азіатскихъ державъ состоянія, пріуготовляя тѣмъ себя къ исполненію должности россійскаго исторіографа и къ другимъ, россійскому государству полезнымъ службамъ... Когда гг. члены академической канцеляріи вашему высокографскому сіятельству доносили о мнѣ не такъ, то я оное приписываю зависти ихъ и ненависти для бывшихъ мнѣ съ ними въ государевыхъ дѣлахъ и въ партикулярныхъ частыхъ ссоръ. И я, за многими отъ нихъ мнѣ учиненными великими обидами, давно бы долженъ былъ на нихъ просить о сатисфакціи, ежели бы я не опасался тѣмъ ваше высокографское сіятельство обезпокоить. Нынѣ же, какъ дѣло до того дошло, что не токмо чести, но и жалованья госу-

даревого безъ всякой моей вины меня хотятъ лишить, то не могу преминуть, чтобъ вашего высокографскаго сіятельства не просить о вашей противъ ихъ непріятельскаго гоненія милостивой протекціи, на которой, кромѣ Господа Бога и всемилостивѣйшія государыни, одна моя надежда основана... Ежели первый томъ сибирской исторіи не отъ всякаго съ удовольствіемъ принятъ, то вашему высокографскому сіятельству не безызвѣстно, что сіе и съ самыми лучшими сочиненіями не рѣдко бываетъ для того, что разсужденіе у всякаго человѣка не одно; также иной разсуждаетъ по пристрастію. Г. ассессоръ Тепловъ мнѣ о томъ уже говорилъ, какъ едва книга была при дворѣ поднесена. А говорилъ тогда, какъ у меня съ нимъ споръ былъ о томъ, что моей дедикаціи, отъ которой я многія себѣ пользы надѣялся, при книгѣ не явилось, и какъ онъ мнѣ отказалъ отъ всего за сибирскіе мои труды награжденія. Я слышалъ потомъ, что во многихъ компаніяхъ онъ ту мою книгу хулитъ самъ, въ чемъ и не запирается, и можетъ-быть тѣмъ онъ причину подалъ, что и другіе съ нимъ въ согласіе вступили“ [1]).

6 октября 1750 года, академическая канцелярія разослала повѣстки академикамъ, что президентъ приказалъ, „чтобъ для нѣкотораго дѣла учинить чрезвычайное собраніе сего октября 8 числа... а какое то дѣло, и оное объявлено будетъ чрезъ секретаря канцеляріи“ [2]). Когда академики собрались 8 октября, то имъ было прочитано опредѣленіе графа Разумовскаго, въ которомъ послѣ напоминанія о его всегдашнемъ стараніи „чтобъ корпусъ академической въ произведеніи наукъ и художествъ время отъ времени въ лучшее приводить состояніе и распорядки“—было объявлено: „однакожъ оное не токмо къ пользѣ и приращенію, но совсѣмъ намѣренію моему отъ нѣкоторыхъ въ противность обращается, такъ-что я профессоровъ Делиля и Крузіуса за то безвременно принужденъ былъ, отъ Академіи отрѣшивъ, отослать. А нынѣ никто такъ тому не причиною, какъ

---

[1]) I, 2-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ 1743—1751 годовъ.

[2]) II, книга № 146.

профессоръ Мюллеръ"... За тѣмъ изчисляются его вины: 1) остался въ подозрѣніи по перепискѣ съ Делилемъ, которая „касается до ругательства академическаго корпуса". 2) Онъ не поѣхалъ въ Камчатку и послалъ вмѣсто себя Крашенинникова, „а самъ, претворя болѣзнь, какъ то извѣстно было тогда, остался въ Сибири, пользуяся напрасно чрезъ девять лѣтъ немалымъ иждивеніемъ ея императорскаго величества, и оттуда ничего инаго не привезъ, кромѣ собранныхъ изъ сибирскихъ архивъ по бо́льшой части копій съ грамотъ, лѣтописцевъ и другихъ канцелярскихъ дѣлъ, что́ все тамошними служителями учинено. А оные самымъ малымъ иждивеніемъ можно было получить чрезъ указы правительствующаго сената, не посылая его, Мюллера, на толь великомъ жалованьѣ содержащагося... Чтобъ привести все дѣло сибирской экспедиціи въ замѣшательство", онъ же уговорилъ Гмелина уѣхать заграницу и вступить въ службу герцога вюртембергскаго. 3) Сочинилъ диссертацію, разборъ которой много отнялъ времени у академиковъ, „и совсѣмъ тѣмъ онъ, Мюллеръ, ни въ чемъ не оправдался и оказалъ себя больше охотникомъ упражняться въ процессахъ"... О Крашенинниковѣ говорилъ Теплову и нѣкоторымъ профессорамъ, „что онъ, Крашенинниковъ, былъ у него подъ батожьемъ". 4) Называлъ въ лицо графу Разумовскому Теплова клеветникомъ и лжецомъ, „а между тѣмъ мнѣ жъ самому (графу Разумовскому) онъ, Мюллеръ, не закрылся, что Крашенинникова подъ батожьемъ онъ имѣлъ"... 5) Членовъ академической канцеляріи обвинялъ въ пристрастіи и несправедливости, „и тѣмъ онъ, Мюллеръ, гг. членовъ канцеляріи Академіи наукъ клевещетъ напрасно, да и меня самого за нечувствительнаго и неосмотрительнаго признаваетъ"... Сверхъ того, на Мюллера объявили неудовольствіе Шумахеръ, Ломоносовъ и Поповъ, считавшіе себя оскорбленными отъ него. „И въ разсужденіе сихъ его, мюллеровыхъ многихъ продерзостей и крайняго безпокойства, и ссоръ и нанесенныхъ обидъ своимъ командирамъ и товарищамъ, чѣмъ онъ не точію канцеляріи, но и мнѣ самому чинитъ недѣльными своими вымышленіями предосудительство и затрудненія, и тѣмъ отводитъ каждаго отъ

настоящаго дѣла, чрезъ что пропадаетъ академическая честь и польза и тратится напрасно время и интересъ“—за все это, по приговору графа Разумовскаго, Мюллеръ былъ тогда разжалованъ изъ академиковъ въ адъюнкты, съ жалованьемъ по 360 рублей въ годъ [1]).

Непристойный отзывъ Мюллера о Крашенинниковѣ, бывшемъ студентѣ во время путешествія академиковъ по Сибири, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Такой отзывъ служитъ доказательствомъ, что просвѣщенные иноземцы въ Россіи XVIII столѣтія поступали иногда нисколько не лучше тѣхъ, кому они придавали такъ охотно названіе варваровъ. Что же касается до прочихъ обвиненій, то, кажется, не нужно распространяться о томъ, что изъ нихъ видно только невѣжество канцелярскаго начальства и личная его вражда къ Мюллеру.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исторіографъ былъ прощенъ, но это было сдѣлано такъ, что онъ обязанъ былъ ходатайствовать о томъ у графа Разумовскаго. Послѣдній, 21 февраля 1751 года, подписалъ опредѣленіе такого содержанія; „Понеже адъюнктъ Мюллеръ, по собственному своему признанію, которое онъ учинилъ въ просительномъ своеручномъ письмѣ ко мнѣ сего 21 числа, что онъ чувствуетъ себя достойна тому штрафу, которому онъ самъ случай своими поступками подалъ, того ради, въ надеждѣ его надобности въ Академіи и ожиданіи многихъ отъ него дѣлъ, на которыя не малое уже иждивеніе ея императорскаго величества положено, возвращается ему чинъ его и достоинство по прежнему профессорское, а жалованье ему производить профессорское по тысячѣ рублевъ въ годъ, начавъ съ сего 21 числа февраля, и отъ всѣхъ дѣлъ его уволить, оставя токмо при одномъ сочиненіи сибирской исторіи, и сколько когда имъ оной на нѣмецкомъ языкѣ написано будетъ, оное подавать ему для переводу на русской языкъ въ канцелярію“ [2]).

Хотя послѣ этого событія въ дѣятельности Мюллера по Академіи не случалось болѣе невзгодъ, подобныхъ сейчасъ опи-

---

[1]) II, книга № 460.

[2]) II, книги №№ 149 и 461.

санной, тѣмъ не менѣе однако академическая канцелярія продолжала деспотически вмѣшиваться во все, что ни касалося обязанностей Мюллера, какъ академика. 28 сентября 1751 года Шумахеръ вздумалъ поручить Мюллеру составить разборъ напечатаннаго за границею сочиненія его пріятеля и сотоварища въ дальнихъ странствованіяхъ, Гмелина—Reisen durch Sibirien; причемъ Мюллеръ обязывался „объявить чтó въ немъ излишняго, непристойнаго и сумнительнаго находится". Исторіографъ отвѣчалъ на это, 2 октября 1752 года: „Чтó по моему разсужденію въ описаніи нашего сибирскаго путешествія быть надлежитъ, оное явствуетъ по моему того пути описанію, котораго первая часть въ 1746 году мною внесена въ архиву при конференціи, а другая часть на бѣло переписывается. Ежели же мнѣ о томъ, что въ гмелиновымъ описаніи излишнее, непристойное и сумнительное находится, объявить, то, какъ бы въ томъ дѣлѣ ни поступать, весьма сумнительно, возможно-ли будетъ избѣгать критическаго другихъ разсужденія, ибо когда мое мнѣніе будетъ по немъ, г. Гмелинѣ, то можно будетъ думать, что я ему наровлю по старой дружбѣ, или по любви къ моимъ собственнымъ сибирскимъ изобрѣтеніямъ. А когда я буду разсуждать его описанія въ похулку, то оное толковать можно, яко бы я то дѣлалъ, мстя ему за письмо, писанное къ г. профессору Эйлеру, или мои сочиненія его описанію предпочитая. Слѣдовательно, я къ поданію такого мнѣнія весьма неспособенъ, и я самъ при своихъ сочиненіяхъ на собственномъ моемъ мнѣніи не утверждаюся, но оные всегда подвергаю мнѣнію историческаго собранія"... [1]).

14 декабря 1752 года Мюллеръ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ составилъ изъ доведенной имъ, Мюллеромъ, по 1660 годъ сибирской исторіи сокращеніе, а потомъ бы продолжалъ ее до позднѣйшихъ временъ. „А мнѣ останется, писалъ Мюллеръ, за тѣмъ совершить слѣдующія сочиненія: 1) политическую географію; 2) потамо-

[1]) 3-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1751—1764 годовъ, хранящихся въ архивѣ академической конференціи.

графію; 3) описаніе народовъ; 4) описаніе путешествія, и 5) описаніе древностей сибирскихъ"... При этомъ онъ предлагалъ также свои услуги по составленію картъ Сибири и русскаго атласа. Ко всѣмъ этимъ предложеніямъ академическая канцелярія отнеслась недовѣрчиво, и 31 декабря 1752 года было занесено въ ея опредѣленіи: „хотя о такомъ, яко полезнѣйшемъ дѣлѣ, оный г. профессоръ Мюллеръ и представляетъ, но уже есть то извѣстно, что онъ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ; порученное же ему россійской и сибирской исторіи и географіи сочиненіе въ даль откладываетъ, и изъ многократныхъ его, противныхъ между собою представленій и проектовъ по видимому явствуетъ, что онъ ни мало не хочетъ сдѣлать когда нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина"... По этому полагалось передать Фишеру составленіе сокращенія изъ сибирской исторіи Мюллера, а послѣдняго обязать „подъ штрафомъ" о непремѣнномъ исполненіи имъ всего обѣщаннаго въ его представленіи.

Графъ Разумовскій утвердилъ это постановленіе 16 февраля 1753 года, почему канцелярія опредѣлила:

„Г. профессоръ Мюллеръ долженъ описаніе предпріятаго по высочайшему ея императорскаго величества указу при камчатской экспедиціи путешествія, до котораго мѣста онъ то путешествіе совершилъ, по имѣвшейся его при томъ должности, яко исторіографа, немедленно сочинить, и оное такожъ при реестрѣ для опредѣленія о томъ подать въ канцелярію; но дабы и сіе описаніе въ даль отложено не было, то назначить ему извѣстное же время къ сочиненію онаго, и ему приказать, чтобъ ничего во ономъ не писать какъ токмо то, что народу къ его удовольствію знать потребно, а именно: когда и какъ оное сочинено; ѣздили-ли они водою или сухимъ путемъ; ежели шли водою, то какими рѣками шли и что притомъ примѣчать надлежитъ; ежели ѣхали сухимъ путемъ, то какія проѣзжали села, деревни или городы; что притомъ достопамятнаго, а именно что касается какъ до состоянія земли, воздуха и погоды, такъ до нравовъ и обыкновеній жителей, до ихъ языка, вѣры и про-

мысловъ; чѣмъ себя содержатъ; какія еще другія достопамятныя вещи находятся, а именно: древности, фабрики, горные заводы, соляныя варницы, мануфактуры и прочее—то все на его разсмотрѣніе и расположеніе оставляется. А послѣ онаго и другія дѣла въ особливыхъ томахъ, ежели онъ, Мюллеръ, разсудитъ, выдать можно. О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ конторами и съ прочими мѣстами касаются и къ пользѣ народной вовсе не принадлежатъ, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто пріѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли-ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и что ѣли или пили, багажъ остался-ли позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо-ли или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро-ли ихъ отправляли и скоро-ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо народу въ томъ все равно учинено-ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ читатель не будетъ читать ненадобныхъ вещей, и намѣренія того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится"...

Въ отвѣтъ на это, Мюллеръ, 27 февраля 1753 года, представилъ 23 главы своей сибирской исторіи для сочиненія изъ нихъ сокращенія Фишеромъ. „Что же касается до путешественнаго моего описанія, прибавлялъ онъ тогда же, то оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло; а что переписано, то находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія что выключить или ко оному что прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить"....[1])

Въ описываемое же время Мюллеръ просилъ черезъ Теплова разрѣшенія графа Разумовскаго отвѣтствовать на нѣкоторые вопросы, предложенные ему Бюшингомъ по русской исторіи и географіи. „Его сіятельство, отвѣчалъ Тепловъ, не находитъ препятствій, которыя бы мѣшали вамъ отвѣтствовать г.

---

[1]) П, книга № 120.

Бюшингу, лишь бы только это дѣлалось законно, и чтобы вопросы, какъ равно и отвѣты оставались въ границахъ предметовъ обыкновенныхъ, которые могутъ быть извѣстны каждому. Однако графъ приказываетъ какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, когда дѣло будетъ касаться литературной переписки, относящейся до Академіи и Русскаго государства, чтобы вы читали ваши письма въ историческомъ собраніи и, послѣ передачи засвидѣтельствованныхъ съ нихъ копій въ академическій архивъ, передавали эти письма въ канцелярію, для избѣжанія платы за пересылку и для отсылки ихъ подъ академическою печатью. Это же правило должно быть соблюдаемо и прочими академиками". [1])

4 мая 1754 года Мюллеръ увѣдомилъ бывшихъ членовъ нашей Академіи Эйлера, Крафта и Геинзіуса, что графъ Разумовскій указомъ изъ Москвы, отъ 26 февраля 1754 года, назначилъ его на остававшееся нѣкоторое время незанятымъ мѣсто конференцъ-секретаря. Съ этого времени Мюллеръ началъ вести собственноручно обширную переписку съ разными заграничными учеными и литераторами. Она касалась приглашенія спеціалистовъ на вакантныя каѳедры въ Академіи; пребыванія молодыхъ русскихъ людей, получавшихъ образованіе за границею на счетъ ученаго общества; наконецъ—вызова профессоровъ для только что учрежденнаго тогда московскаго университета. Стараніями Мюллера, чрезъ посредство Готшеда [2]) и Геинзіуса, въ это заведеніе выписаны изъ Германіи профессора Дильтей, Рейхель, Кёльнеръ. По ходатайству Мюллера, Готшедъ выхлопоталъ для Сумарокова званіе члена лейпцигскаго литературнаго общества. [3])

Мюллеръ находилъ также время и обладалъ умѣньемъ завязывать и поддерживать переписку съ разными лицами вну-

---

[1]) I, 31-й портфель писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ.

[2]) Готшедъ охотно переписывался съ Мюллеромъ. Въ письмахъ къ послѣднему, отъ 3 ноября и 27 декабря 1757 г., есть любопытныя подробности о свиданіи Готшеда съ Фридрихомъ Великимъ и стихи этого государя, съ нѣмецкимъ переводомъ. I, 9-й портфель писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ.

[3]) Въ Москвитянинѣ 1842 г., № 3, матеріалы, 120, 121, есть указанія о перепискѣ, впрочемъ ничтожнаго содержанія, Сумарокова съ Мюллеромъ.

три Россіи. Въ особенности замѣчательна и по продолжительности, и по содержанію любопытная переписка Мюллера съ Петромъ Рычковымъ, длившаяся почти безъ перерывовъ въ теченіе двадцати лѣтъ и касавшаяся главнѣйше разныхъ вопросовъ по наукамъ и литературѣ въ Россіи[1]). Любопытны также учено-литературныя сношенія исторіографа съ Ѳедоромъ Соймоновымъ, при императрицѣ Аннѣ пострадавшимъ за дружбу съ Артеміемъ Волынскимъ, а при Елисаветѣ бывшимъ губернаторомъ въ Сибири. Сообщеніе Соймоновымъ сначала своихъ трудовъ по русской исторіи и географіи, а впослѣдствіе извѣстій объ успѣхахъ русскихъ промышленниковъ въ маловѣдомыхъ тогда земляхъ на Восточномъ Океанѣ составляло главное содержаніе переписки Мюллера съ Соймоновымъ.[2])

Веденіе протоколовъ академическихъ засѣданій и наблюденіе за изданіемъ органа ученой дѣятельности Академіи — Novi commentarii входили въ число обязанностей Мюллера, какъ конференцъ-секретаря; но, кромѣ того, онъ принялъ на себя заботы объ изданіи отъ Академіи перваго на русскомъ языкѣ учено-литературнаго журнала—Ежемѣсячныя сочиненія. Когда графъ Разумовскій дѣлалъ распоряженія о печатаніи этого изданія, то именно упоминалъ, что оно состоитъ въ полной зависимости Мюллера, почему, а также и по непріязни, обнаруженной Ломоносовымъ при самомъ возникновеніи этого предпріятія, можно предполагать, что оно затѣяно было исключительно однимъ Мюллеромъ. Дѣйствительно, при изданіи въ свѣтъ Ежемѣсячныхъ сочиненій, отъ редактора ихъ требовалось не одно исполненіе приказанія начальства, но много любви къ самому дѣлу и настойчивости, не совсѣмъ обыкновенной. Мюллеру не рѣдко приходилось испытывать непріятности отъ цензуры; отъ патріотизма, чрезвычайно притязательнаго

---

[1]) Письма Рычкова уцѣлѣли до нашего времени и хранятся въ архивѣ академической конференціи. Къ сожалѣнію, весьма немного извѣстно изъ отвѣтовъ на нихъ Мюллера. См. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, изд. Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, Спб. 1867 года.

[2]) Письма Соймонова съ отвѣтами Мюллера въ черновыхъ спискахъ хранятся: I, 29-й портфель писемъ къ Мюллеру разныхъ лицъ и 4-й портфель писемъ самого Мюллера 1761—1762 г.г.

иногда къ пустякамъ, наконецъ, просто иногда отъ придворныхъ сплетней и пр. Всѣмъ этимъ усердно пользовались враги Мюллера, желая мстить ему за разныя личныя столкновенія. Надо присовокупить къ тому, что ему мало помогали въ изданіи журнала его товарищи; переводчиковъ, корректоровъ и другихъ подобныхъ, невидныхъ, но необходимыхъ для періодическаго изданія сотрудниковъ, тогда было такъ мало, что редакторъ, кромѣ поправки переводовъ и держанія корректуръ, принужденъ былъ самъ составлять полугодичные алфавитные указатели къ Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ.

„Всѣ сіи неизчетные труды принялъ я на себя, писалъ Мюллеръ въ концѣ 1760 года, и исправлялъ уже близко шести лѣтъ не по моей должности, но только стараясь чрезъ то угождать вашему высокографскому сіятельству и для общей пользы, потому что я увидѣлъ, что при Академіи нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ такіе труды взять на себя, и ежели бы я оные не исправлялъ, то конечно было бы отъ того опасаться остановки въ толь полезномъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ лишенія пользы для читателей; также неминуемаго нареканія Академіи, ежели худые и съ оригиналами несогласные переводы, еще и съ прибавкою безчисленныхъ типографскихъ погрѣшностей въ свѣтѣ окажутся. Что же сіе дѣло не надлежитъ до настоящей моей должности, которою я Академіи обязанъ, оное явствуетъ по тому, что отъ иностраннаго человѣка требовать не можно, чтобъ онъ зналъ по русски въ такой градусъ, чтобъ издавать книги на русскомъ языкѣ, а меньше того, чтобъ онъ поправлялъ переводы, русскими переводчиками чиненные; да еще меньше, чтобъ человѣкъ моего званія исполнялъ должность типографскаго корректора“. Въ отвѣтъ на это представленіе президентъ Академіи приказалъ прибавить къ получаемому Мюллеромъ жалованью 200 рублей въ годъ. Послѣ отъѣзда Мюллера въ Москву, Ежемѣсячныя сочиненія прекратились, такъ-какъ при Академіи никто не взялся за продолженія изданія ихъ. [1])

[1]) Записки Академіи наукъ, XII, приложеніе № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ.

Въ прошедшемъ вѣкѣ академики и служившіе при Академіи не были включены въ табель о рангахъ, а потому полученіе чина названными лицами считалось особенною милостью, исключеніемъ изъ общаго правила. Знаменитый Ломоносовъ, для полученія чина, прибѣгалъ къ предстательству своихъ знатныхъ покровителей. Богдановъ, занимавшій болѣе чѣмъ скромную должность библіотекарскаго помощника при Академіи, о томъ же ходатайствовалъ предъ академической канцеляріей и въ прошеніи въ декабрѣ 1759 года писалъ, что въ это время, „кто не имѣетъ на себѣ достойнаго ранга, оный почитается, не взирая на лѣта службы, труды и положенную должность, тѣ яко отъ послѣднихъ человѣкъ вмѣняются быть“.[1]) Мюллеру также хотѣлось чина, и онъ еще въ 1753 году просилъ о томъ Теплова, который, не любя исторіографа, отвѣчалъ уклончиво, что награжденіе чиномъ зависитъ отъ высочайшей воли[2]). Рожденіе великаго князя Павла Петровича (20 сентября 1754 года) возбудило въ Мюллерѣ надежду достигнуть желаемаго, и онъ написалъ французское письмо къ неизвѣстному лицу, которое титулуетъ Monseigneur и Excellence. „Мнѣ, говоритъ тамъ Мюллеръ, не недостаетъ наградъ въ отношеніе средствъ къ существованію: отъ времени до времени мое жалованье было увеличиваемо, и теперь я получаю ежегодно 1500 рублей. Я былъ бы неблагодарнѣйшій изъ людей, если бы не сознавалъ всѣхъ милостей, которыми осыпалъ меня его сіятельство г. гетманъ. Однако, милостивѣйшій государь, мнѣ недостаетъ еще нѣчто, потому что я желалъ бы быть нѣсколько отличеннымъ со стороны моего самолюбія. До сихъ поръ профессора и члены Академіи не имѣютъ никакого ранга, такъ-какъ табель о рангахъ составлена до основанія Академіи. Тѣхъ, которыхъ хотѣли отличить, всегда жаловали чиномъ коллежскаго совѣтника, исключая одного, который именно просилъ о чинѣ надворнаго совѣтника[3]). Заслужу-ли порицаніе вашего сіятель-

---

[1]) II, книга № 250.

[2]) I, 31-й портфель писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ.

[3]) Здѣсь Мюллеръ конечно, имѣлъ въ виду Штелина, который, какъ будетъ указано въ его жизнеописаніи, просилъ себѣ въ 1743 г. именно чинъ «придворнаго совѣтника».

ства, когда я буду домогаться отличія, полученнаго многими изъ моихъ товарищей, хотя нѣкоторые изъ нихъ и моложе меня?"...[1]) Оставлено-ли было это письмо безъ послѣдствій, или же Мюллеръ не посылалъ бѣловаго—не извѣстно, только просимый имъ тогда чинъ исторіографъ получилъ гораздо позднѣе.

Въ августѣ 1759 года, Мюллеръ писалъ въ академическую канцелярію: „живучи въ деревянномъ домѣ и между сосѣдями, не весьма надежными, имѣю немалое опасеніе отъ пожарныхъ случаевъ, дабы великимъ трудомъ и иждивеніемъ собранные мои книги и манускрипты не утратились, отчего бы не токмо мнѣ, но и всему обществу великій и невозвратимый ущербъ воспослѣдовалъ".... Поэтому Мюллеръ просилъ заимообразно 2000 рублей на покупку пріисканнаго имъ каменнаго дома, принадлежавшаго крязьямъ Петру, Өедору и Алексѣю Алексѣевичамъ Голицынымъ на Васильевскомъ островѣ, въ 13-ой линіи, между набережной рѣки Невы и большимъ проспектомъ, противъ морскаго кадетскаго корпуса[2]). Канцелярія на это согласилась съ тѣмъ, чтобы Мюллеръ выплачивалъ ежегодно изъ жалованья въ погашеніе ссуды по 500 рублей, а въ обезпеченіе уплаты ея отъ исторіографа была взята къ канцелярскимъ дѣламъ купчая на домъ[3]).

22 октября 1761 года Мюллеръ, во французскомъ письмѣ къ графу Разумовскому, просилъ о разрѣшеніи ему завѣдывать учебною и типографскою частями въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ: „правда, писалъ онъ при томъ, мои занятія по Академіи таковы, что у меня мало остается времени, но какъ я привыкъ употреблять на нихъ не только день, но и бóльшую часть ночи; сверхъ того не посѣщаю почти никакихъ об-

[1]) I, 1-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1754—1756 годовъ.

[2]) Бюшингъ объясняетъ дешевую покупку Мюллеромъ дома съ большимъ мѣстомъ и обширными деревянными пристройками тѣмъ, что, по распоряженію Петра Великаго, на Васильевскомъ островѣ слѣдовало непремѣнно строить всѣмъ помѣщикамъ каменные дома. Только въ царствованіе императрицы Елисаветы послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій продавать такіе дома въ другія руки. Пріобрѣтенный Мюллеромъ былъ однимъ изъ таковыхъ, и его спѣшили продать князья Голицыны, чтобы поскорѣе покончить раздѣлъ.

[3]) II, книга № 247.

committee ществъ, то полагаю, что, удѣляя часа по два въ день морскому корпусу, я принесу ему столько пользы, что она будетъ замѣтна потомъ"…. 4 февраля 1762 года, Мюллеръ сообщалъ Соймонову: „въ прошедшемъ генварѣ мѣсяцѣ адмиральтейская коллегія поручила мнѣ дирекцію надъ классами въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и надъ своею типографіею, что́ мнѣ весьма податно, потому что живу близко; но при томъ остаюсь я и при прежней моей должности при Академіи наукъ, и такъ жалованье получаю отъ обѣихъ командъ. Окладъ конференцъ-секретаря 1200 рублей; окладъ исторіографа столькоже, но изъ онаго дается мнѣ по нынѣ только 300 рублей; да за изданіе Ежемѣсячныхъ сочиненій 200 рублей, и того отъ Академіи 1700 рублей; а отъ морскаго кадетскаго корпуса на первый случай—200 рублей, что́, по обнадеживанію гг. флагмановъ, впредь умножено быть имѣетъ. Сіе пишу къ вашему превосходительству, какъ къ истинному моему милостивцу, потому что по своей ко мнѣ благосклонности несомнѣнно участіе примите въ моемъ благополучіи"….[1])

Когда Мюллеръ получилъ, какъ говорено было выше, прибавку къ жалованью въ 200 рублей за изданіе Ежемѣсячныхъ сочиненій, то онъ сталъ пріискивать такого молодаго человѣка, который бы училъ его сыновей и въ то же время помогалъ ему въ ученыхъ работахъ. Желающихъ взять на себя эти занятія изъ нѣмецкихъ студентовъ онъ приглашалъ даже чрезъ газеты, какъ напримѣръ Königsberger Zeitung. О томъ же Мюллеръ просилъ и Бюшинга, который, по указанію извѣстнаго гёттингенскаго профессора Михаэлиса, рекомендовалъ Августа-Людвига Шлецера. Послѣдній въ это время думалъ заниматься ботаникою, изучалъ восточные языки и мечталъ о дальнихъ странствованіяхъ по Востоку. Мюллеръ отвѣчалъ Бюшингу 30 марта 1761 года, что все сообщенное имъ о Шлецерѣ, а также и то, что послѣдній самъ пишетъ о себѣ, убѣждаетъ его, что Шлецеръ именно такой человѣкъ, въ какомъ онъ имѣлъ надобность. Кромѣ того, Мюллеръ тогда же

[1]) I, 4-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1761—1762 годовъ.

писалъ и къ Шлецеру: „по видимому Россія есть поле, надъ которымъ работать предопредѣлено вамъ Провидѣніемъ. Естественная исторія тѣсно связана съ политическою исторіею и географіею, и ни въ какой другой странѣ невозможно дѣлать такъ легко новыхъ открытій какъ въ Россіи. Даже нашъ натуральный кабинетъ заключаетъ въ себѣ такое великое множество еще неизвѣстныхъ предметовъ; что ими можно заниматься цѣлую жизнь болѣе, чѣмъ одному естествоиспытателю. Здѣсь также болѣе, чѣмъ гдѣ либо, средствъ къ усовершенствованію какъ въ натуральной исторіи, такъ и въ восточныхъ языкахъ. Кто же имѣетъ охоту къ путешестіямъ, тотъ нигдѣ, кромѣ широкаго Русскаго царства, не найдетъ лучшаго случая и не удовлетворитъ ее при посольствахъ въ Турцію, Персію и Китай, для чего легко предоставляются пособія. Такъ-какъ все это сообразуется съ вашими склонностями, то безъ всякаго сомнѣнія вамъ будетъ у насъ выгодно“ [1]).

Вскорѣ послѣ этого предложенія, Бюшингъ, услыхавъ неблагопріятные отзывы о нравѣ Шлецера, не преминулъ написать о томъ Мюллеру; но этотъ, въ надеждѣ на дарованія молодаго ученаго, пренебрегъ этимъ предупрежденіемъ. Между тѣмъ изъ одного черноваго письма исторіографа, 16 іюля 1761 года, видно, что онъ готовъ былъ уступить Шлецера въ воспитатели къ дѣтямъ князя Куракина [2]), но это не состоялось, и Шлецеръ, въ ноябрѣ 1761 года прибывъ въ Петербургъ, поселился въ домѣ Мюллера, о которомъ оставилъ такія извѣстія въ своей автобіографіи:

„Мюллеръ, профессоръ исторіи, исторіографъ при Академіи наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ея непремѣнный секретарь, былъ тогда безспорно заслуженнѣйшимъ въ Россіи и извѣстнѣйшимъ за границею ученымъ. Въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ онъ собралъ невѣроятное множество извѣстій о древней и новой исторіи, географіи и политикѣ этого новосозданнаго государства, которое до того времени было terra incognita или,

---

[1]) I, 4-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ.

[2]) Ibid.

что́ еще хуже, описывалось совершенно ложно недовольными. Но, угнетаемый неслыханными каверзами и ябедами, Мюллеръ сдѣлался трусливымъ и долго не смѣлъ что-нибудь издавать изъ своихъ собраній въ свѣтъ. Только во время приближавшейся старости (1758 года) принялся онъ снова за продолженіе своего Sammlung russischer Geschichte, прерваннаго въ продолженіе двадцати одного года. Какъ только книга дошла до нѣмецкихъ книжныхъ лавокъ, то была принята въ Германіи съ классическимъ уваженіемъ... Мое первое вступленіе въ мюллеровскій домъ не задолго до обѣда, было для меня отраднымъ. Это былъ большой, очень помѣстительный, новый каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 13-ой линіи, предъ Невою; въ немъ все показывало если не великолѣпіе, то счастливое довольство. Мюллеръ держалъ хорошій нѣмецкій столъ и имѣлъ даже экипажъ: какъ профессоръ, исторіографъ и секретарь Академіи получалъ онъ ежегодно 1700 рублей и не имѣлъ притомъ долговъ, что́ тогда, когда не давалось еще ассигнацій, было рѣдкостью въ Петербургѣ у людей его званія.

„Мюллеръ, имѣвшій тогда 56 лѣтъ, былъ красивый мущина, чрезвычайно высокій и крѣпкій, и это побудило его отправиться изъ своей родины, прусской Вестфаліи, въ Россію для избѣжанія вѣчныхъ преслѣдованій прусскихъ вербовщиковъ. Даже шесть лѣтъ спустя, когда онъ, будучи русскимъ профессоромъ, путешествовалъ по Германіи, его—онъ мнѣ самъ разсказывалъ о томъ со смѣхомъ и самодовольствомъ—спрашивали на каждой прусской станціи, не хочетъ-ли онъ вступить въ службу? Въ первую же недѣлю я составилъ себѣ о характерѣ Мюллера понятіе, которое мнѣ не пришлось измѣнить при дальнѣйшемъ обхожденіи съ нимъ. Онъ могъ быть чрезвычайно бойкимъ, у него были остроты и колкія возраженія; изъ его маленькихъ глазъ проглядывала сатира, а въ образѣ мыслей было что-то великое, справедливое, благородное. Онъ былъ теплый патріотъ за честь Россіи, которая, однако, до сихъ поръ его очень оставляла въ пренебреженіи, и чрезвычайно воздержный относительно недостатковъ тогдашняго правительства, хотя никто лучше его не зналъ ихъ. И этотъ достойный человѣкъ, много

послужившій Россіи, послѣ тридцатишести-лѣтней службы, былъ только профессоромъ! Конечно, онъ не могъ ползать, а кто могъ идти тогда въ гору безъ ползанія? Но пренебреженію, въ которомъ онъ оставался, была еще другая причина—его чрезмѣрная запальчивость. Этого недостатка темперамента онъ ни разу не умѣлъ укротить въ себѣ при неслыханныхъ непріятностяхъ, испытанныхъ имъ въ Академіи по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія; напротивъ того казалось, что онъ дѣлался еще заносчивѣе въ глубокомъ сознаніи своего достоинства и низости своихъ преслѣдователей. Онъ надѣлалъ себѣ множество враговъ, могущественныхъ, тайныхъ и явныхъ между товарищами чрезъ свое властолюбіе, а между подчиненными — суровымъ обращеніемъ. Въ литературномъ кругу онъ былъ тоже, что Мюнихъ—въ военномъ (и съ такимъ же вознагражденіемъ). Самъ Мюллеръ, работавшій неутомимо и во всемъ точный, хотѣлъ также вынудить оба эти качества у всякаго другаго: каждое, имъ составленное предположеніе должно было во что бы то ни стало осуществиться, потому что оно казалось ему хорошимъ и по бо́льшей части дѣйствительно было таковымъ.... Жена его, вдова бывшаго въ Сибири нѣмецкаго хирурга, ухаживала съ чрезвычайною заботливостью за Мюллеромъ, когда онъ сдѣлался смертельно болѣнъ во время его путешествія по Сибири; но онъ женился на ней не изъ одной только благодарности — эта была превосходная и притомъ скромная женщина и отличная хозяйка. Несчастіемъ ея было то, что она была туга на ухо и въ непогоду не могла говорить съ другими безъ слуховаго рожка. Дѣти у Мюллера были: падчерица — добрая, тихая дѣвушка лѣтъ двадцати (года четыре потомъ она вышла за мужъ за лифляндца, капитана Шлюсселя); маленькой миленькой дочери и двухъ сыновей — 13-ти и 8-ми лѣтъ, но не одинъ изъ нихъ, казалось, не наслѣдовалъ ума своего отца. Вокругъ бѣгало множество слугъ: кучеръ — русскій; ключница — шведка; крѣпостная чухонка (русскихъ крестьянъ иноземцы, за исключеніемъ фабрикантовъ, не смѣли покупать, а только чухонъ) и еще — русская, отчасти для дѣтей. Еще я нашелъ здѣсь въ домѣ: двухъ молодыхъ, богатыхъ Кон-

доиди, состоявшихъ подъ опекою Панина, съ ихъ наставникомъ, магистромъ Урсинусомъ изъ Финляндіи; потомъ одинъ студентъ изъ Голштиніи Н—ръ, учившій младшаго сына Мюллера и послѣ сдѣлавшійся на короткое время при Петрѣ III аудиторомъ голштинскихъ войскъ, и еще третій, также нѣмецкій студентъ, котораго и имя, и занятія въ домѣ я забылъ. Какъ собралась въ мюллеровскомъ домѣ эта коллекція иностранныхъ штудирующихъ (къ которымъ присоединился я четвертый и не долго послѣ — Бакмейстеръ пятый), заслуживаетъ быть разсказаннымъ къ чести благороднаго человѣка. Передвиженіе изъ Германіи въ Россію, особливо между штудирующими, было тогда въ особенности сильно. Простаки мечтали, что нигдѣ лучше нельзя составить счастія, какъ тамъ: у многихъ на умѣ былъ выѣхавшій изъ Іены студентъ богословіи (Остерманъ), сдѣлавшійся впослѣдствіе государственнымъ канцлеромъ. Всѣ желали покрайней мѣрѣ найти осѣдлость, но это было трудно при огромной конкурренціи. Многіе отправлялись не только безъ всякихъ рекомендацій и аттестатовъ, но и съ послѣднимъ червонцемъ въ карманѣ, и здѣсь-то въ дорогомъ городѣ они должны были жить и ждать цѣлые мѣсяцы. Въ крайней нуждѣ своей, они обыкновенно обращались къ извѣстному своимъ великодушіемъ земляку ихъ Мюллеру. Онъ принималъ ихъ къ себѣ въ домъ, давалъ имъ столъ и, чтобы лучше узнать ихъ, поручалъ разныя занятія, уроки, переписку — все въ надеждѣ наконецъ найти человѣка, котораго бы можно было склонить къ своимъ ученымъ работамъ. Если онъ не избиралъ себѣ кого изъ нихъ, то доставалъ имъ мѣста домашнихъ учителей, или же они сами между тѣмъ находили себѣ занятія, отъ которыхъ можно было добыть себѣ хлѣбъ. Часто въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ они пользовались даровыми помѣщеніемъ и столомъ у Мюллера, безъ необыкновенной доброты котораго многимъ бы пришлось впасть въ отчаяніе"...

Шлецеръ не долго ужился съ Мюллеромъ: по словамъ Бюшинга, первый, разсердясь за что-то на служанку въ домѣ Мюллера, написалъ къ послѣднему дерзкое письмо, чрезвычайно опечалившее исторіографа. Изъ переписки его съ Ми-

хаэлисомъ отчасти видны слѣды его недовольства Шлецеромъ, который, несмотря на его убѣжденія, продолжалъ мечтать о путешествіи на Востокъ и не выказывалъ охоты остаться навсегда въ Россіи, что̀, по мнѣнію Мюллера, было необходимо тому, кто посвящаетъ себя русской исторіи: „Хотя званіе русскаго исторіографа, писалъ Мюллеръ къ Михаэлису 16 апрѣля 1762 года, не такого свойства, чтобы впутываться въ государственныя тайны, чрезъ что затруднилось бы возвращеніе въ Германію, однако согласитесь сами, что если кто желаетъ дѣйствительно сдѣлать что нибудь по этой части, то долженъ онъ всю свою жизнь посвятить на то и находиться въ Россіи при изданіи въ свѣтъ своихъ произведеній, потому что всегда накопляются новыя извѣстія, не попадавшіяся прежде окончательной обработки. Покрайней мѣрѣ я это испыталъ на опытѣ. Всякая, внѣ Россіи изданная русская исторія будетъ наполнена промахами и недостатками даже и въ томъ случаѣ, когда сочинитель знаетъ русскій языкъ и жилъ нѣкоторое время въ Россіи. По этой причинѣ я теперь дѣйствительно долженъ иначе распорядиться и стараться о замѣщеніи г. Шлецера другимъ, который не имѣлъ бы нерасположенія посвятить себя всецѣло русской исторіи. Для публики было бы неоцѣнимою потерею, когда бы значительное количество рукописей и рѣдкихъ книгъ, собранныхъ мною впродолженіе тридцати семилѣтняго моего прибыванія здѣсь, а также множество моихъ еще ненапечатанныхъ работъ, послѣ моей смерти, которую представляю себѣ очень близкою, не были употреблены въ пользу способнымъ и мною самимъ подготовленнымъ лицомъ“... [1])

Въ маѣ 1762 года Мюллеръ подалъ представленіе президенту Академіи объ опредѣленіи Шлецера адъюнктомъ къ себѣ, на что и послѣдовало тогда согласіе графа Разумовскаго, который, кромѣ того, взялъ Шлецера въ домашніе наставники къ своимъ дѣтямъ.

Выше было достаточно приведено примѣровъ послѣдствій личнаго нерасположенія къ Мюллеру Шумахера и Теплова.

---

[1]) Literarischer Briefwechsel von Johann David Michaelis, II, 518, 519.

Потомъ преслѣдованія ихъ, за старостью одного и за выбытіемъ изъ Академіи другаго, прекратились; но вмѣсто нихъ продолжалъ давать чувствовать при разныхъ случаяхъ свою непріязнь къ исторіографу Ломоносовъ, когда въ качествѣ академическаго совѣтника сталъ пользоваться вліяніемъ на дѣла Академіи. Обвиненія его противъ Мюллера главнѣйшее касались цензуры статей его, а также и вообще Ежемѣсячныхъ сочиненій. Ломоносову казалось, что исторіографъ былъ недостаточно патріотомъ въ своихъ статьяхъ по руской исторіи и этнографическихъ изслѣдованіяхъ. По мнѣнію Ломоносова, въ каждомъ произведеніи Мюллера „множество пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной"; вездѣ онъ „всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи" и „больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія". Ломоносову не нравилось и то, что Мюллеръ занимался изслѣдованіями о „смутныхъ временахъ Годунова и Разстриги—самой мрачной части россійской исторіи".... Подобныя обвиненія противъ Мюллера были собраны Ломоносовымъ въ статьѣ, озаглавленной: „Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ" и посланной имъ въ январѣ 1761 года къ президенту Академіи наукъ[1]). Но надо думать, что Ломоносовъ не считалъ достаточнымъ одного извѣщенія президента Академіи о томъ, что находилъ онъ непристойнымъ въ сочиненіяхъ Мюллера, потому что послѣдній чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца получилъ „жестокій выговоръ" отъ высшаго правительства за „нѣкоторыя въ его сочиненіяхъ о россійской исторіи находящіяся непристойности".... Мюллеръ оставилъ полунамекъ объ этихъ нападкахъ въ одномъ изъ черновыхъ писемъ своихъ къ Петру Рычкову, говоря неопредѣленно объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его погибели, а въ январѣ — мартѣ 1761 года „сильно трудился надъ этимъ" и „добился-таки, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи".[2])

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 488—492.

[2]) Записки Академіи наукъ, XII, приложеніе № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ

Въ черновыхъ письмахъ Мюллера[1]) уцѣлѣло одно письмо къ неизвѣстному, который сбирался уже во времена исторіографа писать исторію московскаго университета. Письмо это тѣмъ любопытно, что даетъ намъ понятіе о томъ, какъ понималъ Мюллеръ обязанности историка. „Я, писалъ онъ тамъ, весьма одобряю ваше намѣреніе составить исторію московскаго университета. Такъ-какъ вамъ угодно мнѣ довѣрить разборъ ея, то позвольте вамъ предварительно высказать мои мысли на счетъ составленія такой исторіи. Все заключается въ трехъ словахъ: быть вѣрнымъ истинѣ, безпристрастнымъ и скромнымъ. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя. Я не требую, чтобы историкъ разсказывалъ все, что онъ знаетъ, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которыя нельзя разсказывать и которыя быть можетъ мало любопытны, чтобы раскрывать ихъ предъ публикою; но все, что историкъ говоритъ, должно быть строго истинно и никогда не долженъ онъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести"...,

Извѣстно, что Мюллеръ, по желанію Ивана Шувалова, сообщалъ Вольтеру, для составленія исторіи Петра Великаго, разныя извѣстія и примѣчанія, Но послѣдними Вольтеръ не былъ доволенъ: такъ напримѣръ, когда Мюллеръ указывалъ, что русскія отчества слѣдуетъ писать Wasiliewitsch и пр., то Вольтеръ отвѣчалъ: L'écrivain, prodigue les l, c, k, h, allemands... Je souhaite à cet homme plus d'ésprit et moins des consonnes!... Когда Вольтеру указывалъ Мюллеръ на промахи въ русской географіи, то первый увѣрялъ, что онъ правъ, и въ подтвержденіе ссылался на словари Морери и Ла-Мартиньера, полные смѣшныхъ ошибокъ въ статьяхъ о Россіи. Въ перепискѣ Мюллера 1761 года встрѣчаются нѣкоторыя указанія касательно

1755—1764 годовъ, 51—55; Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб., 1867), 46, 47.

[1]) I, 3-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ разныхъ годовъ, но преимущественно 1760 года. Приводимое здѣсь письмо писано на французскомъ языкѣ, безъ обозначенія года, но на немъ сохранилась помѣта 24 апрѣля.

составленныхъ имъ примѣчаній на вольтеровскую Исторію Петра Великаго, которыя потомъ напечатаны въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, указанномъ въ концѣ настоящаго жизнеописанія. Но прежде чѣмъ говорить объ этой работѣ Мюллера, нелишнимъ считаю сообщить здѣсь нѣкоторыя извѣстія о томъ, какимъ образомъ Вольтеръ сдѣлался почетнымъ членомъ нашей Академіи и вызвался писать исторію Петра Великаго.

Изъ одного письма знаменитаго вольнодумца XVIII столѣтія къ французскому министру при петербургскомъ дворѣ д'Альону въ 1745 году видно, что о томъ и другомъ началъ добиваться Вольтеръ самъ, приславъ при томъ для академической библіотеки свое сочиненіе Sur la Philosophie de Newton[1]). 20 августа 1745 года книга эта была представлена академикомъ Штелинымъ въ академическомъ собраніи, и тогда взялъ ее для прочтенія астрономъ Николай-Іосифъ Делиль. Въ слѣдующемъ году, въ засѣданіи 24 февраля, этотъ академикъ заявилъ, что помянутый д'Альонъ передавалъ ему, что Вольтеръ многократно въ письмахъ къ нему заявлялъ о желаніи своемъ быть почетнымъ членомъ петербургской Академіи наукъ, а такъ-какъ ей довольно извѣстно, какою знаменитостью пользуется между учеными Вольтеръ не только въ изящной литературѣ, но и въ труднѣйшихъ наукахъ, благодаря своему соченению Philosophie de M-r Newton mise à la portée de tout le monde, то и слѣдовало бы Вольтера избрать единогласно въ почетные члены; но Штелинъ предложилъ предварительно спросить о томъ мнѣнія государственнаго канцлера, отъ котораго была прислана книга Вольтера. Въ протоколѣ засѣданія 28 февраля 1746 года было записано: „О дѣлѣ г. Вольтера академикомъ Штелинымъ сообщено слѣдующее: я освѣдомлялся у его сіятельства канцлера графа Алексѣя Бестужева-Рюмина о принятіи г. Вольтера въ члены нашей Академіи, и онъ мнѣ отозвался, что пусть профессора не рѣшаютъ объ этомъ прежде, чѣмъ не будетъ получено разрѣшенія отъ высочайшей власти, потому что французскій министръ г. д'Альонъ представилъ прежде сіятельному

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1807 г., № 7, 197 — 201.

графу прошеніе по тому же предмету, и о немъ доложено ея императорскому величеству, но на то еще не послѣдовало рѣшенія"....

17 марта того же года, Штелинъ сообщилъ собранію, что канцлеръ полагаетъ, что если Академія имѣетъ право выбирать почетныхъ членовъ, безъ предварительнаго испрошенія на то высочайшаго соизволенія, и желаетъ принять въ число ихъ г. Вольтера, который о томъ ходатайствуетъ, то не встрѣчается затрудненія исполнить это. Тогда Вольтеръ былъ избранъ въ почетные члены [1]), и Мюллеръ, какъ старшій изъ академиковъ, извѣстилъ его о томъ въ слѣдующемъ письмѣ:

Celeberrimo Voltario

S. D.

Gerardus-Fridericus Müller

Cum celebratissima nobis omni tempore fuerit Tui nominis fama, et meritorum Tuorum in universam fere rem litterariam memoria, nihil omnino ancipites nos tenere potuit, quo minus satisfaceremus Tuo, Vir doctissime, desiderio, quod illustris Dallionus, Galliarum Regis Legetus, nobis significavit, in deferenda Tibi Provincia socii nostrae Academiae honorarii. Gratulor mihi, id mihi muneris obtigisse, ut Te de unanimi collegarum voto certiorem facerem: sed magis gratulor Academiae, in quam non leve splendoris augmentum ex Tuis meritis redundabit. Si, quod exteri Academici solent, ut dissertationes quasque, momenti gravioris, ad nostram Academiam mittant, quae hic in Commentarios referuntur, et publice prodeunt, etiam Tibi, Vir celeberrime, Tuas symbolas reliquis adiicere lubitum fuerit, non aequiores usquam laudum Tuarum indices inenvies. Jam decimum volumen horum Commetariorum sub prelo est. Id quam primum absolvetur, ad Te mitti curabimus. Vale et nobis fave. Petropoli, die 14 Aprilis A. CDDCCXLVI. [2])

---

[1]) I, Протоколы академическихъ засѣданій 1745 и 1746 годовъ.

[2]) I, Ausgehende Briefe von 1736 bis 1767.

Въ 1747 г., 17/28 января д'Альонъ писалъ къ маркизу д'Аржансону: „Внимательный къ малѣйшимъ предметамъ, которые могутъ вамъ нравиться, я—только что императрица дала президента петербургской Академіи—заговорилъ снова о предположеніи г. Вольтера писать исторію Петра I. Такъ-какъ г. Вольтеръ, съ своей стороны, самъ писалъ объ этомъ къ графу Разумовскому, то послѣдній вручилъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо. Я просилъ также президента доставить мнѣ дипломъ въ подтвержденіе принятія г. Вольтера въ Академію. Дипломъ этотъ мнѣ присланъ три недѣли тому назадъ, и я его перешлю при первомъ вѣрномъ случаѣ"...[1])

Президентъ Академіи, графъ Разумовскій былъ въ переепискѣ съ Вольтеромъ. Одно изъ писемъ графа, писанное въ январѣ 1751 г.[2]), любопытно, потому что Вольтеръ сбирался въ Петербургъ, и Разумовскій отклонялъ его отъ этого намѣренія. Вотъ это письмо, которое сохранилось съ черновыми поправками Шумахера:

Monsieur

Je Vous suis bien obligé des complimens de congratulation que Vous me faites sur la dignité que Sa Majesté Impériale, ma gracieuse Souveraine, a eû la grace de me conférer. Le comble de mes souhaits seroit, Monsieur, que j'eusse bientôt la satisfaction de Vous faire les mêmes sur la recompense complète que Vous avez à ésperer du roy à qui Vous avez devoué si sagement Vos services. Il est connaisseur de arts et des sciences, et il sait recompenser ceux qui les possèdent comme Vous les possèdez, Monsieur, au plus haut degré.

Le libraire de l'Académie ayant envoyé l'année passée au mois de juin à Mr Briasson un bâllôt des livres de notre impression, y a mis par mes ordres entre autres paquets pour les membres de Paris attachés à notre Académie, un pour Vous, Monsieur, où il y a dix tomes de nos anciens Commentaires et le 1-r

[1]) Въ бумагахъ Государственнаго архива.

[2]) I, Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

tome des nouveaux avec le supplément de Scientia navalis en deux tomes, que j'espère que Vous aurez reçus, où que Vous les recevrez en son tems. Pour l'Atlas de Russie, il n'y est pas, parce que Vous ne me l'avez pas demandé. Mais à present sachant Vôtre sentiment là dessus je Vous l'enverrai ou par eau ou par terre à la première occasion qui se presentera.

Le voyage, que Vous dites que Vous souhaiteriez d'entreprendre encore, est à mon avis trop long et trop fatiguant pour un homme de Vôtre âge et de Vôtre constitution, et pour moi, pour Vous dire la verité, très inutile, parce qu'il y a apparence que je serai dans ce tems là bien eloigné d'icy et hors d'état de profiter de Vôtre conversation et c'est pourtant ce que je ne voudrais pas en etre privé.

Je suis avec beaucoup de zèle,
Monsieur,
Vôtre très humble et très obéissant,
serviteur.

Въ началѣ 1754 года, т. е. въ то время, когда еще происходили толки о скандалезномъ разрывѣ Вольтера съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, въ Москвѣ, гдѣ находился дворъ, почему-то понадобилось извѣстіе объ избраніи Вольтера въ почетные члены нашей Академіи. Шумахеръ повидимому былъ очень доволенъ, что могъ въ этомъ случаѣ все дѣло свалить на академиковъ, и 3 февраля 1754 года писалъ къ Фелькнеру, состоявшему для письмоводства при графѣ Разумовскомъ: „Безъ сомнѣнія, г. совѣтникъ (т. е. Тепловъ) знаетъ что нибудь о письмѣ на счетъ г. Вольтера. Въ такомъ случаѣ вы можете ему сообщить прилагаемыя здѣсь постановленія изъ протоколовъ академическаго собранія; если же — нѣтъ, то поберегите ихъ у себя до времени. Изъ этихъ бумагъ ясно видно, что профессора, которые тогда думали присвоить себѣ всю власть, сдѣлали помянутаго Вольтера почетнымъ членомъ, и г. профессоръ Штелинъ былъ въ этомъ дѣлѣ посредникомъ“ [1]).

---

[1]) I, Исходящія письма 1754—1766 годовъ.

Хотя канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ подалъ мнѣніе, что писать исторію Петра Великаго слѣдуетъ поручить Академіи наукъ, а не дѣлать тѣмъ честь иностранцу[1]), однако потомъ любимецъ Елисаветы, Иванъ Шуваловъ принималъ сильное участіе въ томъ, чтобы Вольтеръ составилъ исторію Петра Великаго. Первая ея часть явилась въ 1759, а 16 февраля 1761 года Мюллеръ писалъ къ Бюшингу касательно изданія нѣмецкаго перевода произведенія Вольтера, которое называетъ онъ das Woltairische Werkchen: „На этотъ конецъ я посылаю къ вамъ списокъ съ нѣкоторыхъ примѣчаній, которыя отсюда пересланы отъ г. V. V. (?). Я составилъ болѣе подробную критику. Будетъ принято хорошо, когда вы найдете возможнымъ воспользоваться этимъ. Если же, при полученіи списка, печатаніе уже будетъ далеко, то это можно сдѣлать при второмъ изданіи, которое вы можете выпустить еще до вашего отъѣзда изъ Германіи"‥‥ 12 мая 1761 года Мюллеръ убѣдительно просилъ Соймонова о присылкѣ его извѣстій касательно царствованія Петра Великаго: „Сіе въ нынѣшнее время очень будетъ кстати, потому что исторію Петра Великаго, по опредѣленію его превосходительства Ивана Ивановича, сочиняетъ славный г. Вольтеръ на французскомъ языкѣ, которому для того сообщено много до оной касающихся извѣстіевъ; но первая часть его трудовъ, которая уже напечатана, здѣсь весьма не аппробуется. Того ради, если ваше превосходительство соизволите ко мнѣ прислать помянутое ваше сочиненіе о приращеніяхъ и дѣлахъ Петра Великаго, то оное весьма полезно служить можетъ, особливо въ тѣхъ дѣлахъ, при которыхъ вы сами присутствовали или во оныхъ участіе имѣли, въ чемъ, конечно, великую услугу сдѣлаете помянутому его превосходительству Ивану Ивановичу, а буде прикажете, то и напечатано быть можетъ"... 14 іюля 1761 года, Мюллеръ, посылая свои примѣчанія на Вольтера помянутому Шувалову, писалъ: „Я видѣлъ тетради, сообщенныя вашимъ превосходительствомъ г. Тауберту. Здѣсь нахожу менѣе поправлять, чѣмъ въ

[1]) Вѣстникъ Европы l. c.

первомъ томѣ, такъ-какъ это по большей части анекдоты, о которыхъ я не знаю что сказать. Изъ примѣчаній, которыя сдѣлаетъ г. Таубертъ, я увижу, что останется мнѣ сказать послѣ него. Имѣю честь представить также вашему превосходительству первые листы нѣмецкаго перевода г. Бюшинга. Надѣюсь, что вы, разсмотрѣвъ трудъ, оправдаете меня отъ нареканій, которыя вамъ сдѣланы по этому предмету. Конечно, весь стыдъ долженъ падать на ихъ сочинителя, но какъ мнѣ прискорбно видѣть себя постоянно обвиняемымъ самымъ жестокимъ образомъ передъ особою, которую каждый долженъ признавать первымъ покровителемъ наукъ!"... [1])

Послѣ 1761 года, въ бумагахъ академической канцеляріи не встрѣчается случаевъ открытаго преслѣдованія Мюллера, или принятія какихъ либо стѣснительныхъ мѣръ противъ издаваемыхъ имъ Ежемѣсячныхъ сочиненій. Причину этому едва ли не слѣдуетъ искать въ томъ особенномъ вниманіи, которымъ удостоивала стараго академика и редактора журнала императрица Екатерина II. По свидѣтельству Шлецера, Мюллеръ отзывался о ней не иначе какъ съ энтузіазмомъ: она, еще будучи великою княгинею, много разъ разговаривала съ Мюллеромъ и удивляла его обширностью своихъ знаній о Россіи [2]).

1 сентября 1762 года, исторіографъ сообщалъ бывшему президенту Академіи наукъ барону Корфу: „Здѣсь мой Опытъ новой русской исторіи не встрѣтилъ вовсе благосклоннаго отзыва, почему я долженъ былъ отложить это въ ожиданіи лучшихъ временъ, что мнѣ легко при большомъ запасѣ архивныхъ рукописей. Теперь, кажется, наступило благопріятное время, потому что ея императорское величество, нынѣшняя всемилостивѣйшая государыня наша выказываетъ милостивое удовольствіе къ моимъ трудамъ. Сожалѣю только, что у меня слишкомъ много другихъ академическихъ занятій. Протоколы засѣданій, внѣшняя и внутренняя переписка, изданіе въ свѣтъ Комментаріевъ и русскаго журнала, надъ которымъ я, не имѣя

[1]) I, 4-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1761 — 1762 годовъ.

[2]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben, 36.

помощниковъ, работаю восьмой уже годъ, отнимаютъ у меня чрезвычайно много времени, а между тѣмъ силы меня покидаютъ, и я едва въ состояніи выносить работу до 12 и до часа ночи. Историкъ страны, о которой еще такъ мало писано, долженъ быть занятъ одною этою работою.

„Меня озабочивало, какъ это дѣло пойдетъ послѣ моей смерти, и потому въ прошломъ году выписалъ себѣ изъ Гёттингена адъюнкта, которому могъ дать нужное направленіе и показать пользованіе моимъ обширнымъ собраніемъ извѣстій. Это удалось довольно счастливо: г. Шлецеръ, о которомъ я говорю, вовсе не новичекъ. Нѣсколько лѣтъ до того онъ провелъ въ Швеціи и сдѣлался извѣстнымъ своимъ сообщеніемъ о новѣйшемъ положеніи учености въ Швеціи и шведскими жизнеописаніями. Я рѣшился на то, на что другой, быть можетъ, не рѣшился бы: выписалъ г. Шлецера безъ предупрежденія о томъ прочихъ. Его поѣздка сюда совершена на мои деньги. Я далъ ему у себя помѣщеніе и, сверхъ того, жалованье въ 100 рублей подъ условіемъ, чтобы онъ помогалъ мнѣ въ моихъ работахъ. Наконецъ, когда онъ очень навыкъ въ русскомъ языкѣ, то вступилъ въ академическую службу, и я считаю недурно затраченными мои деньги, потому что тѣмъ услужилъ обществу и положилъ основаніе счастію человѣка, полнаго надеждъ“...[1]).

Въ слѣдующемъ 1763 году, декабря 2, Мюллеръ писалъ къ Дюмареску[2]): „Здоровье мое сносно; но я очень заваленъ дѣлами, чт́о весьма часто мѣшаетъ моей перепискѣ съ друзьями. Я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ секретарства, будучи намѣренъ исключительно посвятить себя исторіи, но у меня мало надежды получить это увольненіе (зачеркнуто: вѣроятно было представлено, что не знаютъ, на кого наложить это бремя). Императрицѣ угодно было назначить меня помогать генералъ-фельдмаршалу Мюниху писать его мемуары. Это бу-

---

[1]) I, 4-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1761 — 1762 годовъ.

[2]) Даніилъ Дюмарескъ, докторъ богословія и пасторъ англиканской церкви, жилъ нѣкоторое время въ Россіи и былъ съ 24 мая 1762 года почетнымъ членомъ Академіи наукъ.

детъ очень любопытный трудъ. Какъ ни старъ фельдмаршалъ, однако у него прекрасная память, и по французски онъ пишетъ очень изящно. Мнѣ почти остается только исправлять даты. Хотя этотъ трудъ очень полезенъ для тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе, но я не жалалъ бы первый издавать его въ свѣтъ. Я пишу это по довѣренности къ вамъ"...[1]).

Записки графа Мюниха, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, явились въ 1774 году въ печати подъ заглавіемъ Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie. Это важный источникъ для исторіи царствованій Екатерины I, Анны и Елисаветы извѣстенъ каждому, занимающемуся русскою исторіею XVIII столѣтія. Бюшингъ раскрылъ, что хотя мѣстомъ печатанія записокъ и обозначенъ Копенгагенъ, однако, по русскимъ буквамъ, легко угадать, что изданіе вышло изъ лейпцигской типографіи Брейткопфа[2]).

21 октября 1764 года, Мюллеръ сообщилъ академическому совѣтнику Тауберту: „Вчера ввечеру я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часа милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ она спрашивала меня о продолженіи Sammlung Russicher Geschichte, и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-ая часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго возшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ, и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе"...[3]).

Несмотря на всю непріязнь Ломоносова къ Мюллеру, случилось однако событіе, въ которомъ они дѣйствовали за-одно,

---

[1]) I, 5-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1763—1764 годовъ.

[2]) Anton Friedrich Büsching's Wöchentliche Nachrichten, 1774, 40 Stück, 313—317.

[3]) Записки Академіи наукъ, XII, приложеніе № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 56. Также, I, 5-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ.

и тогда даже Ломоносовъ отзывался о Мюллерѣ если не дружелюбно, то по крайней мѣрѣ не бранчиво[1]).

Въ 1764 году Шлецеръ просился въ заграничный отпускъ, и въ тоже время рѣчь шла о возведеніи его въ званіе академика, чему явились противниками и Ломоносовъ, и Мюллеръ. Послѣдній, въ поданномъ по этому предмету мнѣніи, приводилъ тѣ же самые доводы, которые онъ сообщилъ Михаэлису въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ отъ 16 апрѣля 1762 года. Шлецеръ, по отзыву Мюллера, тогда бы могъ быть полезенъ Академіи и Россіи, когда бы навсегда остался въ ней, но какъ на это онъ не согласенъ, то краткое пребываніе его въ русской службѣ не принесетъ ни пользы, ни чести государству: „склонность къ вольности въ описаніи можетъ подать поводъ издавать въ печать много такого, что здѣсь будетъ непріятно"... [2]) Настоянія Ломоносова и Мюллера не увѣнчались успѣхомъ, и Шлецеръ указомъ Екатерины II назначенъ былъ ординарнымъ академикомъ по каѳедрѣ исторіи, а послѣ отпущенъ за границу.

Въ 1764 году Бюшингъ, на предложеніе Бецкаго принять на себя званіе главнаго надзирателя въ московскомъ воспитательномъ домѣ, предложилъ вмѣсто себя Мюллера, котораго и уговорилъ принять это званіе по тому болѣе, „чтобы освободиться отъ академической канцеляріи, отъ Ломоносова и подобныхъ ему людей, причинявшихъ ему почти ежедневно огорченія"... 1 января 1765 года, вслѣдствіе доклада Бецкаго, императрица Екатерина назначила Мюллера въ сейчасъ названную должность съ чиномъ коллежскаго совѣтника и съ оставленіемъ при Академіи въ званіи исторіографа.

До отъѣзда своего въ Москву, Мюллеръ, при письмѣ къ неизвѣстному 3 февраля 1765 года, хранившемся въ императорскомъ кабинетѣ въ бумагахъ Ивана Елагина, представилъ со-

---

1) Такъ, напр., прежде Ломоносовъ разсужденіе Мюллера о происхожденіи россійскаго народа называлъ «скареднымъ», и т. п., а когда рѣчь шла о Шлецерѣ въ 1765 г., то находилъ въ томъ же произведеніи только «сатирическія нѣкоторыя выраженія». Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 492, 735.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865) 705, 707.

ставленный имъ Plan zu Unterrichtung den Pagen am kayserlichen Hofe, при которомъ также сообщены примѣчанія по этому предмету академика Эпинуса и русскій переводъ мюллеровскаго представленія подъ заглавіемъ: Планъ для обученія пажей при императорскомъ дворѣ[1]). По этому проекту предполагалось отвести для пажей особый домъ, гдѣ они должны жить подъ наблюденіемъ „пажескаго гофмейстера“ и учиться у наставниковъ разумныхъ и добронравныхъ. Въ числѣ знаній, необходимыхъ для пажей, Мюллеръ полагалъ, между прочимъ латинскій языкъ и юриспруденцію.

16 февраля 1765 года Мюллеръ ходатайствовалъ, по случаю предстоявшаго отъѣзда своего въ Москву: 1) О выдачѣ ему лѣтописи Нестора съ продолженіями и нѣсколькихъ печатныхъ книгъ изъ академической библіотеки, потому что должность исторіографа „безъ книгъ и манускриптовъ, изъ которыхъ потребныя извѣстія черпать надлежитъ, отправлять не можно“... 2) Объ отправленіи съ нимъ въ Москву на академическомъ содержаніи бывшаго при немъ переводчика Самсона Волкова. 3) О производствѣ жалованья изъ московской книжной лавки. 4) О назначеніи на его мѣсто непремѣннаго секретаря. 5) Объ испрошеніи у президента Академіи наукъ рѣшенія касательно продолженія Ежемѣсячныхъ сочиненій, что́ „оспорилъ“ Ломоносовъ.[2]) 6) О бо́льшей пользѣ отъ печатанія будущихъ своихъ сочиненій въ Москвѣ при университетѣ, а не при Академіи въ Петербургѣ, такъ-какъ въ такомъ случаѣ онъ сталъ бы самъ наблюдать за печатаніемъ. 7) О дозволеніи ему взять съ собою въ Москву все, что имъ списано изъ архивовъ во время сибирскаго путешествія, такъ-какъ всего нужнѣе окончить ему сибирскую исторію. Далѣе исторіографъ просилъ инструментовъ для производства метеорологическихъ наблюденій, нѣсколько полныхъ экземпляровъ Ежемѣсячныхъ сочиненій, наконецъ, о присылкѣ къ нему въ Москву для прочтенія, періодическихъ изданій, получаемыхъ Академіею.

---

[1]) Письмо съ приложеніями хранится въ Государственномъ архивѣ.

[2]) Ломоносовъ противъ этого слова написалъ: «Опять грубость и клевета! Иное предложить, а иное оспорить». Матеріалы для біографіи Ломоносова, 737.

Въ выдачѣ лѣтописи Нестора академическая канцелярія Мюллеру отказала на томъ основаніи, что она нужна при Академіи, а въ Москвѣ можно много найти подобныхъ рукописей. Когда спрошенъ былъ Волковъ, желаетъ-ли онъ отправиться въ Москву съ Мюллеромъ, то онъ отвѣчалъ: „особливой охоты ѣхать въ Москву не имѣю, развѣ съ прибавкою жалованья. Что же касается до переводу присылаемыхъ г. коллежскимъ совѣтникомъ дѣлъ, то могу я и здѣсь оныя переводить. Впрочемъ, на благоразсужденіе канцеляріи Академіи наукъ отдаюсь"... Волковъ былъ посланъ съ Мюллеромъ, который возвратилъ его въ Академію въ іюлѣ 1766 года.

Что касается до другихъ пунктовъ ходатайства Мюллера, то академическая канцелярія отвѣчала: на 4-й „кому по отбытіи его, г. Мюллера, конференцъ-секретарскую должность отправлять, о томъ учинено будетъ особое опредѣленіе". На 5-й: „Изъ академическаго собранія требовать отъ каждаго письменнаго объявленія, намѣренъ-ли кто одинъ собою, или согласясь съ нѣкоторыми другими членами, продолжать Ежемѣсячныя сочиненія, или быть издавателемъ предложенныхъ вновь г. статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ экономическихъ и физическихъ сочиненій. А понеже, по справкѣ съ типографіею, г. совѣтникъ Мюллеръ пересталъ печатать Ежемѣсячныя сочиненія, то положеннаго ему за сей трудъ изъ книжныхъ доходовъ награжденія болѣе не производить". На 6-й: Продолженіе Замлунговъ (т. е. Sammlung Russischer Geschichte) непремѣнно печатать при Академіи такимъ образомъ, чтобъ все, что касается собственно до россійской исторіи, прежде напечатано было на россійскомъ, а потомъ уже въ тѣхъ Замлунгахъ на нѣмецкомъ языкѣ, а чтобъ опечатокъ не было, то присылать ему изъ Москвы исправленный манускриптъ, по которому бъ корректоръ по тому жъ, какъ и въ Коментаріи отсутствующихъ членовъ піесы вносятся, корректуры исправлять могъ". За тѣмъ всѣ прочія представленія Мюллера разрѣшены согласно его ходатайству [1]).

[1]) II, книга № 288 и Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 737, 738.

Въ мартѣ 1765 года Мюллеръ переселился въ Москву и въ письмахъ къ Бюшингу, напечатанныхъ послѣднимъ въ мюллеровскомъ жизнеописаніи, выражалъ довольство новымъ своимъ положеніемъ. Смерть Ломоносова не возбудила въ немъ охоты вернуться въ Петербургъ, и онъ писалъ къ Бюшингу 18 апрѣля: „Съ Ломоносовымъ не вымерли всѣ худорасположенные ко мнѣ. Что можетъ побудить меня вернуться опять къ борьбѣ, тогда-какъ я здѣсь могу жить въ мірѣ и спокойствіи? Москва мнѣ нравится; здѣшній воздухъ мнѣ полезенъ; мои занятія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мнѣ по сердцу“....

Въ этомъ послѣднемъ увѣреніи можно, однако, усумниться: въ короткое служеніе при воспитательномъ домѣ Мюллеръ писалъ къ какому-то графу письмо, сохранившееся въ его черновыхъ бумагахъ, и здѣсь въ началѣ высказываетъ убѣжденіе, что не считаетъ себя слишкомъ надобнымъ при воспитательномъ домѣ, такъ-какъ тамъ состоитъ значительное число опекуновъ. „Ваше сіятельство, продолжаетъ за тѣмъ исторіографъ, изволите обо мнѣ знать, что я люблю правосудіе и объ управленіи гражданскихъ дѣлъ не безъизвѣстенъ; что чувствую усердное удовольствіе отъ приращенія государственной экономіи; что природная ревность моя склоняется къ умноженію земледѣльства, мануфактуръ и купечества. Я представляю себѣ воронежскую губернію, которая нынѣ безъ губенатора, яко обширное поле, нарочно для такихъ склонностей устроенное, на коемъ бы мое любопытство и неусыпное къ государственной тользѣ стараніе нѣчто важное въ дѣйство произвесть могли бы. Мнѣ тамошнія мѣста знакомыя: земля всѣми полезными качествами одарена, но по бо́льшей части лежитъ въ пустѣ. Земледѣльство требуетъ возбужденія и наставленія къ лучшему производству; надлежитъ искать земнымъ продуктамъ, безъ дальняго провозу, прибыточнаго употребленія. Кромѣ желѣзныхъ, небольшихъ заводовъ, нѣтъ почти тамъ знатнаго другаго рукодѣлія. Темерниковскій портъ даетъ несумнѣнную надежду къ знатному распространенію россійскаго купечества, если на непоколебимыхъ основаніяхъ къ пользѣ россійскихъ подданныхъ и къ пріохочиванію иностран-

ныхъ купцовъ учрежденъ будетъ. Все сіе принялъ бы на себя, если бъ ваше сіятельство изволили меня къ тому почитать за способнаго, и сдѣлали бъ милость представить меня всемилостивѣйшей государынѣ въ воронежскіе губернаторы. Толикая повѣренность имѣетъ служить поощреніемъ къ употребленію всѣхъ силъ моихъ къ приращенію благосостоянія тамошнихъ странъ, къ умноженію государственныхъ доходовъ и къ облегченію вѣрноподанныхъ городовъ". [1])

Это ходатайство осталось безъ послѣдствій, а между тѣмъ, въ концѣ 1765 года, князь Голицынъ предложилъ Мюллеру мѣсто начальника московскаго архива иностранной коллегіи. Въ черновыхъ письмахъ Мюллера сохранились два французскія письма его къ неизвѣстнымъ (быть можетъ къ вице-канцлеру князю Голицину и канцлеру графу Панину), гдѣ онъ говоритъ въ одномъ, что съ назначеніемъ въ эту должность, „я вступлю въ мое первоначальное званіе писателя и не буду уже получать жалованья изъ Академіи, ничего не дѣлая для нея. Я буду давать наставленія нѣсколькимъ молодымъ людямъ, которыхъ дастъ мнѣ коллегія для продолженія изслѣдованій послѣ моей смерти"…. Въ другомъ, 6 марта 1766 года: „….устроивать архивъ, приводить его въ порядокъ и сдѣлать его полезнымъ для политики и для исторіи—вотъ занятія, совершенно сообразныя съ моими склонностями и познаніями. Я привелъ въ порядокъ и осмотрѣлъ до двадцати архивовъ въ Сибири для извлеченія изъ нихъ того, что пригодно было для исторіи. Я люблю уединенную жизнь и съ молодыхъ лѣтъ привыкъ къ ученымъ изысканіямъ. Познанія, мною пріобрѣтенныя въ продолженіе сорока лѣтъ на службѣ Россіи, заставляютъ меня надѣяться, что я не буду безполезенъ въ архивѣ. Мои побужденія истекаютъ не изъ самолюбія и не изъ выгодъ, но единственно изъ желанія посвятить мои способности государству и имѣть досугъ работать для Академіи, изъ которой получаю я жалованье"…. 20 апрѣля 1766 года, Мюллеръ увѣдомилъ Бюшинга, что 27 марта состоялось повелѣніе о назначеній его въ мос-

[1]) I, 6-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1765—1766 годовъ.

ковскій архивъ иностранной коллегіи, съ жалованьемъ по 1000 рублей сверхъ того, что получалъ онъ изъ Академіи; что этимъ обязанъ единственно князю Голицыну и графу Панину, и что онъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ, такъ-какъ вступилъ въ настоящую свою стихію"....[1]) 30 октября тогô же года исторіографъ умолялъ вице-канцлера оставить его на службѣ въ архивѣ, потому что разнесся слухъ, что его опять хотятъ вызвать въ Академію.[2])

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, Эйлеръ началъ переписку съ Мюллеромъ, и послѣдній, поздравляя перваго съ пожалованіемъ ему императрицею денегъ на покупку дома, писалъ къ нему, 3 октября 1766 года: „Но когда же я получу извѣстіе, что въ Академіи произошло дѣйствительное улучшеніе? Объ этомъ, конечно, я также сильно вздыхаю какъ и всякой, имѣющій случай видѣть ежедневно настоящее положеніе. Буду-ли я скоро имѣть случай и въ этомъ принести вамъ покорнѣйшее мое поздравленіе? Дѣло заключается не въ одной Академіи, но и въ рѣшительномъ преобразованіи такъ называемаго университета и гимназіи, и особенно въ доведеніи этой послѣдней до такого совершенства, чтобы и значительные родители отдавали въ нее воспитывать дѣтей своихъ. За тѣмъ главный предметъ заботъ—пріуготовительная школа, въ которой бы образовывались переводчики полезныхъ книгъ. Нынѣшній недоста-

[1]) Въ исходящихъ письмахъ 1754—1766 годовъ въ архивѣ академической конференціи есть письмо Тауберта къ Мюллеру безъ года и числа, но очевидно относящееся къ описываемому здѣсь времени: академическій совѣтникъ поздравляетъ Мюллера съ назначеніемъ въ московскій архивъ иностранной коллегіи и выражаетъ затрудненіе въ томъ, что въ указѣ объ этомъ назначеніи пройдено молчаніемъ о продолженіи жалованья изъ Академіи, а потому проситъ разъясненія, прибавляя: «повѣрьте мнѣ, что тутъ нѣтъ никакихъ крючковъ». Въ концѣ того же письма любопытная приписка объ извѣстномъ авторѣ записокъ, Семенѣ Порошинѣ, объ увольненіи котораго отъ двора великаго князя Павла Петровича наши изслѣдователи дѣлали разныя догадки, основанныя болѣе на собственныхъ соображеніяхъ. Вотъ эта приписка Тауберта въ нѣмецкомъ подлинникѣ: Der Obrist Poroschin ist dieser Tage wegen eines Donkischotischen Streiches, den er in Ansehung einer junger Comtesse Scheremeteff begangen, vom Grossfürsten Hofe removiret worden und soll als Obrister beym einem Regiment in der Ukraine placiret werden»...

[2]) I, 6-й портфель писемь Мюллера къ разнымъ лицамъ 1765 — 1766 годовъ.

токъ въ нихъ невѣроятенъ: сколько мучился я, издавая въ продолженіе десяти лѣтъ русскій журналъ! Безъ сомнѣнія по этой причинѣ никто не хочетъ взяться за продолженіе его, что́, конечно, не служитъ къ чести Академіи. Я часто совѣтывалъ сдѣлать распорядителемъ такой пріуготовительной школы г. профессора Модераха, котораго познанія въ русскомъ языкѣ чрезвычайно обширны; при чемъ обязать его, чтобы онъ показывалъ переводчикамъ какъ ихъ промахи, такъ и дѣйствительно хорошую сторону переводовъ. Однажды даже послѣдовало такое распоряженіе, но многія обстоятельства повредили пользѣ отъ того. Мой совѣтъ вамъ хорошенько переговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ безъ сомнѣнія очень способный человѣкъ и, если будетъ принужденъ оставить Академію, скоро можетъ найти себѣ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ"....[1]) Кромѣ сношеній съ Эйлеромъ, Мюллеръ велъ обширную переписку съ тѣми изъ академиковъ, которые путешествовали по Россіи и сдѣлались потомъ извѣстными своими изслѣдованіями разныхъ частей нашего отечества, какъ-то: Георги, Гюльденштедтомъ, Гмелиномъ младшимъ и Палласомъ. Письма этихъ ученыхъ знаменитостей къ Мюллеру сохраняются до нынѣ въ его бумагахъ.[2])

Зимою 1767 года императрица Екатерина II жила въ Москвѣ и въ это пребываніе свое тамъ была особенно милостива къ Мюллеру: въ мартѣ того года онъ извѣщалъ Бюшинга, что семь разъ былъ призываемъ къ императрицѣ, которая каждый разъ долго разсуждала съ нимъ о разныхъ ученыхъ предметахъ. Кромѣ того, она приказала ему выдать шесть тысячъ рублей на покупку каменнаго дома въ Москвѣ. Въ томъ же году Мюллеръ былъ назначенъ отъ Академіи депутатомъ въ коммиссію о составленіи уложенія и получилъ въ свое распоряженіе архивы прежняго разряда и сибирскаго приказа.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Мюллеръ продол-

---

[1]) I, 6-й портфель писемъ Мюллера къ разнымъ лицамъ 1765, 1766 годовъ.

[2]) I, портфели 11, 12 и 21 писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ.

жалъ неутомимо работать съ ранняго утра до ночи за исключеніемъ нѣкотораго времени послѣ обѣда, когда онъ немного отдыхалъ. Въ апрѣлѣ и маѣ 1772 года у него сдѣлался параличный ударъ, повторившійся въ слѣдующемъ году послѣ страшнаго пожара, отъ котораго въ сосѣдствѣ Мюллера сгорѣло отъ двухъ до трехъ тысячъ домовъ. Впрочемъ этотъ недугъ прошелъ у Мюллера, и въ 1774 году онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ.

По случаю приготовленій къ празднованію юбилея исполненія пятидесятилѣтія со дня основанія Академіи, Мюллеръ получилъ приглашеніе написать исторію ея. Въ письмахъ къ нему тогдашняго директора Академіи наукъ Домашнева встрѣчаются частыя напоминанія объ этомъ предметѣ. Первоначально Домашневъ ожидалъ исторіи къ академическому юбилею, говоря, напримѣръ въ письмѣ 31 января 1776 года, что она будетъ для него свѣтильникомъ въ лабиринтѣ, въ которомъ будто бы уже не было безъ нея никакихъ слѣдовъ о ея прошедшемъ, и что трудъ Мюллера необходимъ и для соображеній при составленіи новаго устава. Въ 1776 году работа, однако, не была окончена, и Мюллеръ, 15 мая 1777 года, сообщалъ Домашневу, что исторія Академіи остановилась у него за недачею ему во-время переписчика, о которомъ онъ просилъ. Между-тѣмъ ему было поручено писать исторію морскихъ путешествій по Ледовитому морю и на Камчатку. Такъ-какъ отъ Мюллера требовалась исторія Академіи къ ея юбилею, то онъ было принялся за нее; но вдругъ получилъ чрезъ генералъ-прокурора именное повелѣніе императрицы писать о древнемъ русскомъ дворянствѣ; по исполненіи чего снова принялся за исторію Академіи и довелъ ее до конца 1730 года. Тогда явилась надобность въ переписчикѣ, котораго ему не дали, и Мюллеръ снова принялся за продолженіе описанія помянутыхъ путешествій. За тѣмъ, князь Потемкимъ-Таврическій, предполагая издать въ свѣтъ исторію преображенскаго полка, велѣлъ Мюллеру написать изслѣдованіе о потѣшныхъ, а графъ Никита Панинъ приказалъ ему же составить извѣстіе о малолѣтствѣ Петра Великаго. Въ отвѣтъ на это письмо, Домашневъ, 27

іюля 1777 года, увѣдомилъ Мюллера, что онъ ожидаетъ отъ него написаннаго имъ изъ исторіи Академіи и что ее никто, кромѣ исторіографа, не можетъ написать, такъ-какъ онъ старѣйшій членъ Академіи, совершилъ дальнія путешествія, оказалъ много заслугъ, былъ долго непремѣннымъ секретаремъ и прочее. Должно быть все это не подѣйствовало на скорое доставленіе работы, потому что, 2 ноября 1777 года, Домашневъ уже рѣшительно требуетъ отъ Мюллера исторію Академіи, говоря при томъ, что нѣкоторые академики указываютъ на него, какъ на получающаго большое жалованье изъ Академіи и все-таки отказывающагося отъ выполненія порученій ея. „Мой долгъ, писалъ притомъ Домашневъ, напомнить вамъ ваши обязательства къ Академіи даже и для того, чтобы закрыть ротъ тѣмъ, которые такъ говорятъ не въ вашу пользу“... Послѣ того Мюллеръ выслалъ къ Домашневу часть написаннаго имъ изъ исторіи Академіи, за что получилъ отъ него благодарность въ письмѣ 29 января 1778 года.

Рукопись Мюллера, озаглавленная Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, должна быть извѣстна читателю настоящихъ жизнеописаній, по частымъ здѣсь ссылкамъ на нее. Для того, чтобы познакомить здѣсь о дальнѣйшей судьбѣ этого произведенія Мюллера, слѣдуетъ замѣтить, что продолжавшій потомъ трудъ Мюллера Стриттеръ былъ отправленъ къ нему въ Москву въ 1779 году и что, по вступленіи въ должность директора Академіи наукъ княгини Дашковой, и она напоминала Мюллеру объ окончаніи исторіи ученаго общества. Въ 1783 году, стало-быть въ годъ своей кончины, исторіографъ писалъ къ княгинѣ: „ваше сіятельство изволили принять первое письмо мое съ обыкновенною своею ласкою, за что покорнѣйше благодарствую и себя счастливымъ почитаю окончить жизнь мою подъ милостивою вашею дирекціею. Что же при томъ подверженъ я, по лѣтамъ моимъ, частымъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые не дозволяютъ толь усердно и прилежно, какъ бы я желалъ, исполнять должностей моихъ по Академіи, въ томъ уповаю милостиваго отъ вашего сіятельства получить прощенія. Однако не отчаяваюся окон-

чить начатую мною исторію Академіи, если только потребными извѣстіями снабденъ буду. При чемъ прошу ваше сіятельство, чтобъ изволили приказать въ академическую конференцію о сообщеніи г. ассессору Стриттеру не токмо конференцскихъ протоколовъ, но и всѣ ко онымъ принадлежащія приложенія, на которыя въ тѣхъ протоколахъ ссылаются. Равнымъ образомъ потребны и по академической канцеляріи всѣ канцелярскіе протоколы, указы, полученные и данные, доношенія, репорты и приходныя и расходныя книги, и съ учеными людьми переписки, что̀ все, по надлежащемъ употребленіи, безъ малѣйшей утраты возвращено быть имѣетъ. Не безполезно бы было перевесть для вашего сіятельства начатую на нѣмецкомъ языкѣ академическую исторію, мною сочиненную, дабы я могъ удостоиться вашего наставленія, повелъ-ли я себя въ семъ родѣ сочиненія съ должною осторожностію и не съ излишнею-ли поступилъ я откровенностью. Вашего сіятельства прошу увѣренною быть, что по приказаніямъ вашимъ точно послѣдовать имѣю“ и т. д.[1]).

О покупкѣ у Мюллера его рукописей и библіотеки для московскаго архива иностранной коллегіи Бюшингъ разсказываетъ, что будто директоръ Академіи наукъ Домашневъ намѣревался, въ случаѣ смерти Мюллера, завладѣть для Академіи его рукописями и библіотекою, но что князь Потемкинъ изъявилъ готовность купить ихъ у Мюллера, а этотъ, угадавъ въ томъ волю императрицы, представилъ ей о принятіи у него для помянутаго архива его рукописныхъ и печатныхъ собраній съ тѣмъ, чтобы за то было пожаловано имѣніе его семейству. На сколько справедливо такое извѣстіе, повѣрить теперь будетъ трудно, а потому здѣсь ограничимся тѣмъ, что извѣстно изъ оффиціальной переписки объ этомъ предметѣ.

20 апрѣля 1780 года Мюллеръ, представляя императрицѣ начатое по ея приказанію собраніе трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, писалъ, что при Петрѣ

[1]) Письма Домашнева и княгини Дашковой въ архивѣ академической конференціи: 6-й портфель писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ; отвѣты его тамъ же, въ 7-мъ портфелѣ его писемъ, 1770—1783 годовъ.

Великомъ былъ при иностранной коллегіи исторіографъ, аббатъ Кружали (съ 1716 по 1720 годъ); что эту должность слѣдуетъ учредить и на будущее время; что лицо, облеченное въ нее, обязано жить въ Москвѣ и въ тоже время можетъ быть и дѣйствительнымъ членомъ Академіи наукъ. А какъ для исторіографа необходима библіотека, то онъ и предлагаетъ свою съ тѣмъ, чтобы она навсегда находилась при московскомъ главномъ архивѣ иностранной коллегіи. За это Мюллеръ испрашивалъ, „чтобъ меня пожаловали небольшимъ числомъ недвижимаго деревенскаго имѣнія въ наслѣдство, чѣмъ бы жена моя и дѣти послѣ меня содержать себя могли, и чтобъ то было не въ весьма дальнемъ отъ Москвы разстояніи и съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ и въ томъ не укоснить, дабы щедротою вашего величества я самъ еще пользоваться могъ, ежели Господь жизнь мою на нѣкоторое время продлить изволитъ. Чрезъ то награждена будетъ и пятидесятилѣтняя моя въ Россіи служба, по коей во всей имперіи нѣтъ старѣе меня служителя, дѣйствительно въ службѣ находящагося. А дѣти мои, коихъ я воспиталъ для услуженія отечеству—и дѣйствительно они служатъ капитанами—прямые будутъ сыны отечества, потому что иностранный человѣкъ, пока онъ въ Россіи не испомѣщенъ, всегда будетъ иностранцемъ"....

По порученію графа Ивана Остермана, мюллеровскія книжныя и рукописныя собранія осматривалъ А. Обресковъ, который отозвался, что „сохраненіе сей его (Мюллера) архивы во всей цѣлости можно будетъ для государства почитать сущимъ сокровищемъ, и потомки наши во оной могутъ о государствѣ нашемъ почерпать знанія преобширныя"... Самъ Мюллеръ притомъ писалъ: „вообще разсуждая, во что библіотека моя могла стоить мнѣ покупкою, чего у меня не записано, и чрезъ оцѣнку книгъ и манускриптовъ того найти невозможно. Но извѣстно, что я снабденъ былъ всегда изобильнымъ жалованьемъ; что жилъ весьма умѣренно; время препроводилъ въ трудахъ, а не гуляніяхъ; слѣдовательно по пятидесятисемилѣтней службѣ должно бы было остаться у меня немалому капиталу, но онаго нѣтъ. Сбереженныя у меня деньги употребилъ я на книги и

манускрипты, дабы тѣмъ лучше исполнить по моей должности, потому что въ библіотекѣ академической многихъ весьма нужныхъ книгъ не доставало"....[1])

Императрица приказала выдать исторіографу за его библіотеку 20000 рублей, съ тѣмъ, чтобы она находилась при жизни Мюллера въ его пользованіи, а потомъ бы состояла при московскомъ архивѣ иностранной коллегіи.[2]) Она состоитъ при этомъ хранилищѣ и до нынѣ, несмотря на попытки о передачѣ ея другимъ, постороннимъ министерству иностранныхъ дѣлъ учрежденіямъ. Въ 1830 году управляющій московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ А. Малиновскій показывалъ бумаги Мюллера Гумбольдту, осматривавшему тогда этотъ архивъ. При этомъ находился тамъ же работавшій академикъ Гамель, который послѣ того представилъ Академіи, что въ московскомъ архивѣ хранится множество рукописей исторіографа Мюллера. Въ то время въ академическихъ архивахъ никто не работалъ, и существовало несправедливое убѣжденіе, что многихъ дѣлъ въ нихъ не сохранилось, а потому послѣ донесенія Гамеля явилась мысль, что хранящіяся въ московскомъ главномъ архивѣ бумаги Мюллера принадлежатъ Академіи, откуда онъ ихъ будто бы бралъ для составленіе исторіи ея и потомъ не возвратилъ. Въ такомъ положеніи дѣла, по ходатайству президента Академіи наукъ С. Уварова (впослѣдствіе графа), 9 марта 1831 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о передачѣ въ Академію наукъ рукописей Мюллера, относящихся частію къ ученому его путешествію по Сибири, частію же къ исторіи Академіи; но при этомъ были сдѣланы такія ограниченія, о которыхъ просилъ Малиновскій: 1) изъ бумагъ, которыя окажутся вдвойнѣ, оставить въ московскомъ главномъ архивѣ по одному экземпляру; 2) списанные въ разныхъ сибирскихъ городахъ старинные акты, изъ коихъ многіе внесены и напечатаны уже съ обозначеніемъ принадлежности ихъ архиву въ изданныхъ тогда четырехъ частяхъ Собра-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, XII, Матеріалы для исторіи библіотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, 92—98.

[2]) H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, VII, 554.

нія государственныхъ грамотъ и договоровъ, оставлены были въ библіотекѣ архива, равно историческія свѣдѣнія, собранныя Мюллеромъ, и вообще всѣ бумаги, не относящіяся собственно до Академіи.

Въ недавнее время возникло было предположеніе передать библіотеку сказаннаго архива, а стало быть и бумаги Мюллера въ другое вѣдомство, но къ счастію для этого старѣйшаго и важнѣйшаго изъ русскихъ архивовъ, при которомъ съ давнихъ временъ образовалась соотвѣтствующая его цѣлямъ библіотека книгъ и рукописей, предположеніе это осталось безъ осуществленія.

Въ 1783 году у Мюллера велась переписка съ Адамомъ Олсуфьевымъ по поводу печатанія четвертой части Исторіи россійской Татищева. Мюллеръ предполагалъ напечатать ее въ Москвѣ и притомъ не въ типографіи у Новикова, которую онъ находилъ дорогою, а у Мейера и Брейткопфа, которымъ, по мнѣнію Мюллера, слѣдовало дозволить завести двѣ частныя типографіи, съ подчиненіемъ ихъ по цензурной части московскому архиву иностранной коллегіи, для предупрежденія—какъ говорилъ Мюллеръ—всякаго столкновенія съ университетомъ и Новиковымъ. Исторіографъ желалъ также, чтобы при архивѣ издавались матеріалы по русской исторіи подъ надзоромъ Стриттера. Это представленіе осталось безъ послѣдствій, а 27 января 1783 года Олсуфьеву было объявлено, что императрица желаетъ, чтобы четвертая часть Исторіи Татищева печаталась на счетъ Кабинета въ Петербургѣ. Это не понравилось Мюллеру, однако, при именномъ повелѣніи государыни, ему оставалось только повиноваться, и дѣйствительно онъ взялъ на себя корректуру печатавшейся части, для чего корректурные листы высылались ему въ Москву. Въ одномъ изъ писемъ, посыланныхъ по этому случаю къ Олсуфьеву, именно 17 августа 1783 года, Мюллеръ, недавно получившій тогда чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, писалъ: „Осмѣлюсь-ли я покорнѣйше просить васъ напомнить обо мнѣ, когда рѣчь зайдетъ о принятіи новыхъ членовъ въ орденъ св. Владиміра? Чрезъ это мое честолюбіе удовлетворилось бы въ высшей степени, особенно когда

бы ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила пожаловать мнѣ орденъ третьяго класса"…. Олсуфьевъ, 2 октября того же года, поздравлялъ Мюллера „съ новымъ чиномъ—кавалеромъ св. Владиміра" и просилъ его о присылкѣ разныхъ рукописей изъ архива. Исторіографъ, отправляя ихъ, просилъ о скорѣйшемъ возвращеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ-какъ ихъ было нужно при составленіи извлеченія изъ исторіи для руководства училищъ [1]). Это писалъ онъ 10 октября, а на слѣдующій затѣмъ день, 11 октября, съ нимъ сдѣлалось сильное удушье, отъ котораго онъ скончался, прежде чѣмъ успѣли принять какія либо средства противъ недуга.

Послѣ Мюллера остались два сына: Карлъ служилъ ассессоромъ въ рязанскомъ намѣстничествѣ, а другой—Яковъ имѣлъ чинъ маіора и былъ женатъ на русской изъ рода Новокщеновыхъ. Единственная его дочь умерла въ дѣтскомъ возрастѣ. Кромѣ того, у исторіографа былъ въ Петербургѣ старшій братъ, долго служившій учителемъ при академической гимназіи, Генрихъ-Юстусъ Мюллеръ. Онъ умеръ 81 года, въ началѣ 1783 года.

О первыхъ печатныхъ литературныхъ работахъ Мюллера, именно о С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, Примѣчаніяхъ къ нимъ и генеалогіи рода графовъ Сапѣговъ было говорено выше на стр. 311, 312. Бюшингъ, а за нимъ и другіе біографы Мюллера повторяли, что онъ былъ главнымъ участникомъ при переводѣ и изданіи Нѣмецко-латинскаго и русскаго лексикона (Спб., 1731, въ 4°); но это извѣстіе опровергается самимъ Мюллеромъ, который, въ своей рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 206, 207, именно говоритъ, что выборъ для перевода на русскій языкъ Лексикона Вейсмана былъ самый неудачный; что для перевода на нѣмецкій языкъ пригласили пруссака Шванвица, недостаточно для того образованнаго, а переводившіе слова съ латинскаго на русскій Ильин-

[1]) Переписка Мюллера съ Олсуфьевымъ въ Государственномъ архивѣ. Записки Академіи наукъ, IV, приложеніе № 4, Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, 49—52; Татищевъ и его время сочиненіе г. Нила Попова (Москва, 1861), страницы 799—803.

скій, Горлицкій и Сатаровъ не знали по нѣмецки; что ошибки ихъ никто не поправлялъ, и что, наконецъ, „Шумахеръ, одинъ одинёшенекъ распоряжавшійся работою, чрезвычайно спѣшилъ ею, потому что его правило было: для начала все хорошо, а ошибки могутъ быть исправлены при второмъ изданіи"...

Въ 1732 году изданы Мюллеромъ первые три выпуска первой части Sammlung russischer Geschichte; приготовленные имъ четвертый и пятой выпуски той же части напечатаны, послѣ отъѣзда Мюллера въ Сибирь, Крамеромъ. Три выпуска второй части выпущены въ свѣтъ Байеромъ. За тѣмъ этотъ сборникъ въ продолженіе двадцати одного года не появлялся въ свѣтъ; наконецъ въ 1758 году Мюллеромъ же онъ снова возобновленъ, и тогда были изданы четвертый, пятый и шестый выпуски второй части, и потомъ до 1765 года исторіографъ выдалъ еще семь частей. 23 іюля 1759 года Мюллеръ такъ просилъ себѣ отъ академической канцеляріи вознагражденія за изданіе въ свѣтъ Sammlung russischer Geschichte: „ежели бы я издавалъ такую книгу гдѣ за моремъ, то бы я могъ за то получить знатное отъ книгопродавцевъ награжденіе, которое бы покрайней мѣрѣ состояло въ ста экземплярахъ. А здѣсь я доволенъ буду хоть половиннымъ числомъ, хотя и еще меньше, потому что не намѣренъ я корыстоваться продажею сихъ книгъ, но токмо пріятелямъ моимъ здѣшнимъ и корреспондентамъ въ иностранныхъ государствахъ оныя подарить"... Канцелярія разрѣшила выдать Мюллеру 24 экземпляра [1]). Выше приведенъ былъ отзывъ Шлецера объ этомъ изданіи, замѣчательномъ какъ первый въ свое время дѣльный сборникъ матеріаловъ для познанія Россіи.

Въ 1747 году въ академическомъ изданіи Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae, X, 420 — 468, напечатана статья Мюллера De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio. Русскій переводъ этой статьи былъ сдѣланъ Кирьякомъ Кондратовичемъ, но историческое собраніе 29 іюня 1748 года находило этотъ переводъ неисправнымъ [2]).

---

[1]) II, книга № 220.

[2]) II, книги №№ 118, 802.

Въ 1749 году была отпечатана его рѣчь: „Происхожденіе народа и имени россійскаго“ на русскомъ и латинскомъ языкѣ. О гоненіяхъ, претерпѣнныхъ Мюллеромъ вслѣдствіе этой рѣчи, а также и объ отобраніи, по распоряженію академическаго начальства, всѣхъ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ ея говорено на стр. 359—361. Въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собранныхъ Билярскимъ, стр. 768, невѣрно извѣстіе, что хранящійся въ дѣлахъ академической канцеляріи экземпляръ этой рѣчи съ поправками рукою Теплова: онѣ сдѣланы академикомъ Крашенинниковымъ. Списокъ съ этого произведенія Мюллера посланъ Шлецеромъ Гаттереру въ Гёттингенъ, помѣстившему его въ пятой части Allgemeine historische Bibliothek. Въ опроверженіе Шлецера, несправедливо утверждавшаго, что латинскій текстъ рѣчи написанъ Фишеромъ, а не Мюллеромъ, Бюшингъ помѣстилъ письмо Шерера въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 140—142.

Въ 1750 году напечатано при Академіи: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его россійской державѣ по сіи времена, сочинено Герардомъ Фридерикомъ Мюллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ университета Академіи наукъ и Социетета аглинскаго членомъ. Книга первая“. Объ этой книгѣ смотри выше, стр. 353—356. Съ нѣмецкаго она переводилась академическими переводчиками Васильемъ Лебедевымъ и Иваномъ Голубцевымъ[1]). В. Милютинъ такъ отозвался объ Описаніи сибирскаго царства: „Слѣдующихъ частей этого труда не удалось издать Мюллеру: онъ ограничился тѣмъ, что отрывки ихъ печаталъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung russischer Geschichte 1761 и 1763 годовъ, а на русскомъ—въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1763 и 1764 годовъ. Въ послѣднемъ изданіи онъ помѣстилъ краткій перечень сибирской исторіи (1763, октябрь), именно главъ шестой и седьмой, а впослѣдствіе напечаталъ тѣ же двѣ главы и цѣликомъ, присоединивъ къ нимъ и восьмую главу (1764, январь—іюнь). Главы эти содержатъ въ себѣ подробное изложе-

---

[1]) II, книга № 120.

ніе важнѣйшихъ событій, происходившихъ въ Сибири послѣ окончательнаго подчиненія ея русскому владычеству. Въ шестой главѣ говорится о сооруженіи въ сибирскихъ городахъ разныхъ церквей и монастырей, о заведеніи соляныхъ варницъ, объ основаніи нѣкоторыхъ слободъ и городовъ, о древнѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ при Енисеѣ и при Ледовитомъ морѣ, наконецъ о бунтахъ и военныхъ событіяхъ, происходившихъ въ этомъ краѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Седьмая глава содержитъ въ себѣ продолженіе обзора открытій и завоеваній при р. Енисеѣ, разсказываетъ о построеніи остроговъ и городовъ: Маковскаго, Енисейскаго, Мелесскаго и Красноярска, и представляетъ подробныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскаго правительства къ ордамъ киргизскимъ. Въ восьмой главѣ извѣстія о вновь построенныхъ городахъ, объ установленіи архіепископства въ Тобольскѣ, объ основаніи разныхъ монастырей и слободъ, наконецъ разныя измѣненія въ управленіи Сибири съ XVI до половины XVIII столѣтія"... [1]).

Къ этому можно прибавить, что изъ современной переписки по академической канцеляріи [2]) оказывается, что въ 1750 году главы: седьмая, восьмая и девятая переводились Голубцевымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года, Мюллеръ представилъ графу Разумовскому семь главъ, долженствовавшихъ войти во вторую часть мюллеровскаго труда о Сибири. Эти главы разсматривались въ томъ же году въ историческомъ собраніи, въ которомъ Ломоносовъ отказывался присутствовать именно по этой причинѣ и изъ опасенія, „чтобы обыкновенныхъ его (Мюллера) досадительныхъ рѣчей не претерпѣть напрасно"... 29 октября Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при свидѣтельствованіи сибирской исторіи Мюллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худыхъ поступкахъ, такъ-какъ, по мнѣнію Ломоносова, весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній

---

[1]) Современникъ 1851 года, XXV, отд. II, 161.

[2]) II, книга № 120.

имѣть можетъ"... Далѣе Ломоносову не нравилось даже упоминанія о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе „праздность всеросійскаго престола" въ междуцарствіе [1]).

Въ засѣданіи историческаго собранія 27 ноября 1751 года было заявлено, что Мюллеромъ сдѣланы исправленія въ его трудѣ согласно замѣчаніямъ Ломоносова [2]). Въ декабрѣ того же года донесено изъ историческаго собранія, что имъ одобрено къ печатанію шесть главъ сибирской исторіи Мюллера, а именно: шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая и одинадцатая, почему академическая канцелярія распорядилась, 20 декабря, печатать ихъ въ томъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и первую часть. Далѣе въ 1752 году одобрены были историческимъ собраніемъ главы того же сочиненія 12—17; а слѣдующія до 22-ой включительно велѣно, за болѣзнію Голубцева, переводить Модераху [3]). Почему именно не состоялось изданіе въ свѣтъ второй части „Описанія сибирскаго царства", извѣстій не отыскалось.

Въ 1752 году бывшій членъ нашей Академіи Николай-Іосифъ Делиль издалъ Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, на которое, какъ на невѣрное и требующее опроверженій, графъ Кейзерлингъ обратилъ вниманіе графа Разумовскаго. Послѣдній поручилъ написать опроверженіе противъ Делиля Мюллеру: „а во ономъ опроверженіи, писалъ президентъ, свѣту показать всѣ нечестивые въ семъ дѣлѣ Делилевы поступки и главныя его карты изъясненія неисправности" [4]). Мюллеръ исполнилъ это въ точности и помѣстилъ въ свои возраженія, вмѣстѣ съ дѣльными замѣтками, немало рѣзкихъ выходокъ не только противъ Делиля, но и брата его, Людовика, котораго уже давно не было на свѣтѣ. Шумахеръ, получивъ отъ Мюллера статью, писалъ, 30 марта 1753 года, къ Эйлеру: „Вамъ очень хорошо извѣстна карта

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 155, 159, 160.

[2]) II, книга № 98.

[3]) II, книга №№ 120 и 461.

[4]) I, 3-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1751—1764, и II, книга № 464.

Делиля и описаніе ея: чтобы вывести публику изъ заблужденія, одинъ морской офицеръ счелъ за нужное высказать о томъ свои мысли. Нашъ президентъ приказалъ перевести это на французскій языкъ и велѣлъ мнѣ такъ устроить, чтобы прилагаемая статья была негласно сообщена въ журналы безъ объявленія, отъ кого она доставлена. Если вы возмете на себя трудъ передать ее г. Формею, то надѣюсь, что не будетъ никакого затрудненія въ помѣщеніи ея въ Nouvelle bibliothèque germanique съ исправленіемъ предварительно стиля. Помянутая статья переводная, и авторъ ея иностранецъ, отъ котораго нельзя требовать, чтобы онъ писалъ по французски, какъ чистый французъ"...[1]) Эйлеръ взялъ на себя это порученіе, и въ 1753 году явилось отдѣльно и въ Nouvelle bibliothèque germanique, XIII, 46—87: Lettre d'un officier de la marine russienne à un seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, et le Mémoire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle. Впослѣдствіе Мюллеръ упоминалъ объ этой своей статьѣ и неодобрительныхъ отзывахъ, которые встрѣтили ее заграницею, въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1758 года, ноябрь, 304 и слѣд.; также Sammlung russischer Geschichte, III, 272—275. Русскій переводъ этого произведенія исторіографа, подъ заглавіемъ: „Письмо россійскаго морскаго офицера къ нѣкоторой знатной персонѣ" и пр., хранится въ академической библіотекѣ въ рукописяхъ въ f°, подъ № 146.

Въ апрѣлѣ 1754 года, Мюллеръ представлялъ академической канцеляріи свое разсужденіе О двухъ брачныхъ сочетаніяхъ, „которыя, говорилъ притомъ исторіографъ, иностранными писателями древнимъ великимъ княземъ Святославу и Всеволоду Ярославичамъ безъ основанія приписываются. А дабы иностранныхъ ученыхъ людей отъ такихъ напрасныхъ трудовъ унимать, также и для распространенія настоящей правды, можно будетъ сіе мое сочиненіе напечатать". Оно напечатано въ томъ же году въ числѣ 200 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: Bedenken über zwo Vermälungen, womit das Ge-

[1]) I, Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

schlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen. Въ русскомъ переводѣ оно помѣщено въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, февраль, 1755 г., 85—97. Здѣсь Мюллеръ разбираетъ и опровергаетъ извѣстія Іоганна Тобіаса Реннике и Трейера о женитьбѣ сейчасъ названныхъ великихъ князей на нѣмецкихъ графиняхъ Кунигундѣ и Одѣ.

Съ 1755 года въ продолженіе десяти лѣтъ Мюллеръ издавалъ Ежемѣсячныя сочиненія. О содержаніи этого періодическаго изданія есть три статьи В. Милютина въ Современникѣ 1851 года, томы XXV и XXVI, а подробности объ изданіи въ свѣтъ того же журнала — въ Запискахъ Академіи наукъ, XII, приложеніе № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г.; см. также выше, стр. 370—371. Въ нѣмецкой литературѣ о журналѣ Мюллера стало извѣстно послѣ подробной рецензіи, написанной Шлецеромъ въ Göttingische Zeitung, и 23 февраля 1767 года Безакъ изъ Германіи просилъ Мюллера извѣстить, нѣтъ-ли нѣмецкихъ переводовъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ русскомъ журналѣ: 1) 1755 г. письмо о русской торговлѣ (Рычкова). 2) 1759 года, сравненіе русскихъ мѣръ съ иностранными; сочиненія Рычкова въ этомъ и слѣдующихъ годахъ; также статья: почему на деревьяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ почти въ одно время созрѣваютъ плоды? 3) 1761 года, Россохина поправки извѣстій Дюгальда о китайской шелковой промышленности. О пословицѣ, что Сибирь есть золотое дно, вмѣстѣ съ продолженіемъ въ 1764 году. 4) 1762 года, Форбекрейтерна—о приготовленіи льна въ Лифляндіи. О бриліантахъ и кристалахъ въ Сибири. 5) 1763 года, Соймонова — о новоизобрѣтенной пильной машинѣ, дѣйствующей конскою силою. Рычкова—о рыбьемъ клеѣ. Лемана—о магнитномъ золотѣ. 6) 1764 года, Путешествіе въ Китай[1]).

„Извѣстіе о бывшемъ городѣ Ніэншанцѣ“ напечатано Мюллеромъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, мартъ 1755 г., 179 —

---

[1]) I, 4-й портфель писемъ къ Мюллеру отъ разныхъ лицъ.

187; нѣмецкій переводъ: Hannöversche nützliche Sammlung, 1756, Stück 62.

„О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ, преподобномъ Несторѣ и его лѣтописи и о продолжателяхъ оныя“ — въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755, апрѣль, 275—298; на нѣмецкомъ послана къ Готтшеду въ 1756 году по случаю избранія въ члены общества свободныхъ искусствъ.

„О первыхъ россійскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай“, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 г. іюль, 15—57. На нѣмецкомъ она же: Hannöversche nützliche Sammlung, 1757, 30 Stück и Sammlung russischer Geschichte, IV; здѣсь есть нѣкоторыя прибавки.

Von dem Ursprung der Kosaken помѣщено Готтшедомъ въ 1756 году въ мартѣ въ Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit. Сдѣланныя тамъ на стр. 386 и 439 примѣчанія не понравились Мюллеру, и онъ послалъ къ Бюшингу объясненіе о словахъ: фрязи и нѣмцы, которое этотъ напечаталъ въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 146—148. Статью о казакахъ въ сокращеніи помѣстилъ Бюшингъ въ первой части своего Erdbeschreibung, а Мюллеръ напечаталъ, съ нѣкоторыми прибавленіями, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1760 года, апрѣль, 291—334, и въ Sammlung russischer Geschichte, IV.

„О торгахъ сибирскихъ“ — въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 года, сентябрь, 195—250; декабрь, 525—537; 1756 года, февраль, 180—191; мартъ, 195—226; апрѣль, 339—360; май, 387—421. Это же изслѣдованіе — въ Sammlung russischer Geschichte.

Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей (Спб., 1847) III, 279, приписалъ эти статьи Ѳедору Соймонову. Ошибка эта перешла въ Пермскій сборникъ (М., 1860) прилож. ко 2-ой книжкѣ, стр. III. IV.

Во второе и третье изданія первой части Neue Erdbeschreibung Бюшинга (1756 и 1758 годовъ) вошли замѣчанія Мюллера, написанныя имъ обо всемъ, что касалось въ этомъ сочи-

неніи Россіи. См. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 157.

„Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ казанской губерніи, а именно: черемисовъ, чувашей и вотяковъ" — Ежемѣсячныя сочиненія 1756 года, іюль, 33 — 64; августъ, 119 — 145. Тоже въ Sammlung russischer Geschichte, III, и отдѣльно съ добавленіями и рисунками издано при Академіи въ 1791 году: Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то: черемисъ, чувашъ и вотяковъ (въ 8°, 101 стр. и 8 гравированныхъ изображеній).

„Роспись губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ Россійской имперіи, находящимся" — Ежемѣсячныя сочиненія 1757 года, январь, 1 — 49; февраль, 99 — 125; мартъ, 195 — 223. Эта роспись исправлена Мюллеромъ изъ той, которая прежде помѣщалась въ академическихъ календаряхъ; см. о томъ Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867), 38.

„Продолженіе переписки о комерціи. Письмо пятое" — въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1757 года, январь, 50 — 60. Первыя четыре письма сочинены Рычковымъ, а пятое написалъ Мюллеръ, чтобы вызвать его на продолженіе этихъ писемъ, см. Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867), 36, 37.

„Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о Россійскомъ государствѣ"—Ежемѣсячныя сочиненія 1757 года мартъ, 224—231. Чтó эта статья Мюллера, см. Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867), 37.

„Поправки погрѣшностей, учиненныхъ г. де-Бюфономъ въ первой части Натуральной его исторіи при объявленіи о разныхъ странахъ и мѣстахъ Россійскаго государства" — Ежемѣсячныя сочиненія 1757 года, мартъ, 232 — 244. Статья эта на нѣмецкомъ языкѣ была сообщена Бюшингомъ Кестнеру, который, сколько помнитъ первый, помѣстилъ ее въ Hamburgische Magazin; см. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 156.

„Изъясненіе сумнительствъ, находящихся при постановленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года"—Ежемѣсячныя сочиненія 1757 года, апрѣль, 305—321.

„О китовой ловлѣ около Камчатки"—Ежемѣсячныя сочиненія 1757 года, май, 470 — 479. На нѣмецкомъ эта статья въ Hannöverschen Beyträge zum Nutzen und Vergnügen, 1759, 71 Stück.

„Исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ" — Ежемѣсячныя сочиненія, 1757 года, іюль, 3—39; августъ, 99—130; сентябрь, 195—227; октябрь, 293—328. На нѣмецкомъ языкѣ это изслѣдованіе напечатано Бюшингомъ во второй части его Магазина и приписано тамъ генералу Киндерману. О томъ, что оно принадлежитъ Мюллеру и писано имъ для иркутскаго вице-губернатора Ланге, по приказанію правительства, см. письмо самого исторіографа: Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 151—152. Рукописная статья объ Амурѣ Мюллера въ русскомъ переводѣ хранится въ академической библіотекѣ въ рукописномъ сборникѣ въ f°, № 59, подъ такимъ заглавіемъ: „Вѣдомости о рѣкѣ Амурѣ и особливо о сторонѣ ея полунощной, такожде о положенныхъ между Россійскимъ и Хинскимъ имперіемъ въ границу горахъ, какъ и о сторонѣ рѣки Удо и другихъ между Удомъ и Амуромъ рѣкахъ, которыя въ Окіянъ впали, по ея императорскаго величества собственноручному указу отъ 11 февраля 1740 и по указу жъ высокоправительствующаго сената отъ 8 февраля того жъ году сочиненная" (Начало: Рѣка та).

„Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю съ россійской стороны учиненныхъ" — Ежемѣсячныя сочиненія 1758 года: январь, 5 — 27; февраль, 99—120; мартъ, 195—212; апрѣль, 291—325; май, 387—409; іюль, 9—32; августъ, 99—129; сентябрь, 195—232; октябрь, 309—336; ноябрь, 394—424. На нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung Russischer Geschichte, III.

Von den Kinderpocken—напечатано въ Hannöversche nützliche Sammlung, 1758, Stück 95.

„Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ, которыхъ имяна: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская"—Ежемѣсячныя сочиненія, 1760 года, январь, 3—54; февраль, 99—136. Здѣсь въ концѣ Мюллеръ ссылается на принадлежащую ему статью, De scriptis tanguticis in Sibiria repertis.

„Извѣстія о запорожскихъ казакахъ" —Ежемѣсячныя сочиненія 1760 года, май, 387—444.

„Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи"—Ежемѣсячыя сочиненія 1761 года, январь, 3—64; февраль, 99—154; мартъ, 195—244. Дальнѣйшее продолженіе этого труда было воспрещено Мюллеру, о чемъ говорено выше, стр. 380. Отзывъ о немъ г. Соловьева въ Современникѣ 1854 года, XLVII, отдѣленіе II, „Герардъ Фридрихъ Мюллеръ, 126—128. Нѣмецкій подлинникъ помѣщенъ въ Sammlung russischer Geschichte.

„Краткое извѣстіе о началѣ Новагорода и о происхожденіи россійскаго народа, о новгородскихъ князьяхъ и знатнѣйшихъ онаго города случаяхъ"—Ежемѣсячныя сочиненія 1761 года, іюль, 3—50; августъ, 99—158, сентябрь, 195—240; октябрь, 291—323; на нѣмецкомъ языкѣ есть въ Sammlung russischer Geschichte, V; французскій, сокращенный переводъ этого изслѣдованія, подъ заглавіемъ Essai abrégé de l'histoire de Nowgorod изданъ въ Копенгагенѣ нѣкіимъ Лизакевичемъ, который счелъ болѣе удобнымъ умолчать о томъ, что онъ былъ только переводчикъ, и выдать свой переводъ за собственное произведеніе. Отзывъ объ этомъ трудѣ у г. Соловьева, l. c., 123—126.

„Извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до россійскаго государства съ пограничными землями, также и о морскимъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россіею граничатъ"—Ежемѣсячныя сочиненія 1761 года, ноябрь, 387—448; декабрь, 483—527.

Въ VII-мъ томѣ Novi Commentarii Academiae scientiarum

petropolitanae, вышедшемъ въ 1762 году, въ отдѣлѣ Summarium dissertationum, 39—47 есть статья Мюллера Supplementum de ibice imberbi (russis Сайга), о чемъ указано въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1763 года, январь, 71—72.

Рѣчь, говоренная Мюллеромъ въ сентябрѣ 1762 года въ торжественномъ засѣданіи Академіи наукъ, о задачахъ отъ Академіи и сочиненіяхъ, получившихъ награжденія, напечатана въ Петербургѣ 1762 года.

„Задача" предлагавшая на рѣшеніе, откуда происходитъ названіе Бѣлый царь—въ Ежемѣсяныхъ сочиненіяхъ 1763 года, апрѣль, 381—384 и май, 478—480. Что́ эти задачи, а также и другія, которыя помѣщались въ названномъ періодическомъ изданіи въ 1763 и 1764 годахъ, писаны Мюллеромъ, о томъ см. Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова, (Спб., 1867), 69.

Бюшингъ приписываетъ Мюллеру статью „О рыбьемъ клеѣ", помѣщенную въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1763 года, декабрь, 483—496, но она ему была доставлена Рычковымъ, см. Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867), 96. Тоже невѣрное указаніе въ Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland, II, 408.

„Изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ" (въ Сибири и Новороссійскомъ краѣ)—въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1764 года, декабрь, 483—515. Тоже въ St. Petersburgische Journal, VIII.

Въ 1767 году составлена Мюллеромъ статья Nachricht von den Umständen der Erhebung des Zaren Michael Fedorowitsch auf den russischen Thron, которая помѣщена Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, II.

Во второй части, изданнаго 1770 года I. J. Haigold's (Шлецеръ) Beylagen zum neuveränderten Russland, 193—208 помѣщена статья, приписанная Мюллеру: Von den alten Gräbern in Sibirien.

По переѣздѣ въ Москву, Мюллеромъ составлена Записка объ учрежденіи въ Москвѣ школы для дѣтей бѣдныхъ родителей и дома для престарѣлыхъ и немощныхъ лицъ. Она напе-

чатана Бюшингомъ въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 79—97 и, по догадкѣ послѣдняго, написана въ отвѣтъ на вопросы, предложенные Мюллеру отъ вице-канцлера, князя Голицына.

Въ 1773 году напечатанъ въ Петербургѣ переводъ Ивана Долинскаго сочиненія Мюллера: О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ; второе изданіе вышло въ 1788 году, въ 8°, 2 нен. и 130 нум. страницъ. Нѣмецкій подлинникъ помѣщенъ Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, XVI. Ср. H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, IV, 548.

По указанію Бюшинга, въ его изданіи Wöchentliche Nachrichten за 1773 годъ помѣщена какая-то статья Мюллера въ защиту русскаго правительства противъ обвиненій Энгеля, а въ 1774 году въ томъ же изданіи Мюллеръ напечаталъ Anmerkungen über des Herrn Staatsraths von Stählin: 1) Abhandlung von der Musik und von der Schauspielkunst in Russland; 2) Charte von dem neuen nordischen Archipelagus und Erläuterung derselben. Къ сожалѣнію, я не видалъ этихъ статей, такъ-какъ выпусковъ Wöchentliche Nachrichten, гдѣ помѣщены онѣ, ни въ публичной библіотекѣ, ни въ академической не находится.

Въ 1774 году Шереръ издалъ G. W. Steller's Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, и здѣсь въ концѣ есть приложеніе, принадлежащее перу Мюллера, подъ заглавіемъ Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verchiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk, 1737; слѣдовательно эта статья о Камчаткѣ составлена исторіографомъ прежде изслѣдованія этого полуострова Крашенинниковымъ и Стеллеромъ.

Въ первой части Исторіи Малой Россіи Н. Бантыша-Каменскаго, стр. XI и XVI, въ первый разъ было указано, что въ портфеляхъ Мюллера, подъ №№ 308 и 309, хранятся собранныя имъ извѣстія о Малой Россіи, подъ заглавіемъ Cosacicca, и что есть его же двѣ рукописи о Малой Россіи, изъ которыхъ одна 1775 года. По этому указанію, впослѣдствіе, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей 1846 года, № 3, смѣсь, описаны на стр. IV—VI сказанные два портфеля, а на

стр. 1 — 23 напечатана записка исторіографа: О малороссійскомъ народѣ и о запорожцахъ. Въ томъ же изданіи: 1846 года, № 4, смѣсь, 57—68, его же Сокращенное увѣдомленіе о Малой Россіи (географическое описаніе); 1847 года, № 5, смѣсь, 58—74, Разсужденіе о запорожцахъ и краткая выписка о малороссійскомъ народѣ и запорожцахъ. При первомъ есть письмо Бакунина, 10 мая 1775 года, изъ котораго видно, что разсужденіе составлено для графа Никиты Панина; 1847 года, № 6, смѣсь, 41 — 76: Разные матеріалы, до исторіи запорожской касающіеся, собранные россійскимъ исторіографомъ Г. Ф. Мюллеромъ. Здѣсь въ предисловіи сказано, что все писанное имъ о Малороссіи на нѣмецкомъ языкѣ оставлено ненапечатаннымъ.

Въ 1777 году Мюллеръ писалъ, какъ уже было говорено выше, стр. 379, по порученію императрицы Екатерины, о русскомъ дворянствѣ. Этотъ трудъ его изданъ былъ въ 1790 году, подъ заглавіемъ: Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ; о ихъ древнемъ происхожденіи; о старинныхъ чинахъ, и какія ихъ были должности при государяхъ, царяхъ и великихъ князяхъ; о выборѣ доказательствъ на дворянство; о родословной книгѣ; о владѣніи деревень; о службѣ предковъ и собственной и о дипломахъ (8°, 4 нен., 494 нумер. и 4 ненум. страницъ).

Въ четвертой части Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ, вышедшей въ 1778 г., напечатаны статьи Мюллера: стр. 1—106. О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ на царство великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ (на нѣмецкомъ языкѣ въ S.-Petersburgische Journal, VII, 1779, стр. 107—144). Извѣстіе о началѣ преображенскаго и семеновскаго полковъ гвардіи (на нѣмецкомъ въ S.-Petersburgische Journal, VI; Бюшингъ указываетъ также на отдѣльное изданіе этой статьи на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, 1778 года); стр. 145—147, Прибавленіе къ предыдущей статьѣ о журналѣ генерала Гордона.

Въ S.-Petersburgische Journal, VII, 1779, находится

статья исторіографа Von des Zaren Iwan Wasiliewitsch Vermälungen[1]).

Бюшингъ и митрополитъ Евгеній указываютъ, что статья Мюллера о юности Петра Великаго будто бы напечатана въ той же четвертой части Опыта трудовъ, но ея тамъ нѣтъ, а она помѣщена въ пятой части названнаго изданія (1780 года), стр. 116—118, подъ заглавіемъ: Воспитаніе государя императора Петра Великаго, и на стр. 119—157, Первое воцареніе Петра Великаго (на нѣмецкомъ языкѣ — S.-Petersburgische Journal, IX, 1780).

Въ той же пятой части Опыта трудовъ, стр. 215—225, сообщено Мюллеромъ: Прибавленіе къ посольскому наказу, данному отправленнымъ въ 1618 году въ Персію посламъ князь Михаилу Петровичу Борятинскому, Ивану Ивановичу Чичерину и дьяку Михаилу Тюхину.

Въ XV части Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, 1781, 234 — 240, помѣщена статья Мюллера Von der Prinzessin von Wolfenbüttel, als vermählten russischen Kronprinzessin, въ которой опровергнута басня о супругѣ царевича Алексѣя Петровича, напечатанная въ Nouveau voyage dans l'Amérique septentrionale, par Bossu.

Въ томъ же изданіи Бюшинга принадлежатъ перу Мюллера: часть XVI, (1782), 349—354, Eclaircissemens sur une lettre du roi de France Louis XIII au Tzar Michel Fedorowitch de l'année 1635 (на нѣмецкомъ языкѣ въ S.-Petersburgische Journal, I, 1783); часть XVIII (1784), 71—82, Ueber Herrn

---

[1]) М. Евгеній (Словарь свѣтскихъ писателей, М., 1845, II, 85) и г. Соловьевъ (Современникъ, 1854, XLVII, отд. II, 146) приписываютъ Мюллеру статью «О россійскихъ границахъ», будто бы помѣщенную въ Nova acta Academiae scientiarum Petropolitanae pro anno 1778, Т. I; но въ 1778 году не выходило такого изданія, а есть Acta Academiae scientiarum petropolitanae на этотъ годъ, и въ первой его части помѣщенъ на стр. 3 — 37 «Prospectus d'une déscription générale topographique et physique de l'Empire de Russie projettée par l'Académie Impériale des sciences de S.-Pétersbourg. Этотъ планъ не принадлежитъ перу Мюллера, напротивъ онъ охуждалъ его какъ слишкомъ много обѣщающій и потому неудобоисполнимый. Объ этомъ обстоятельно разсказываетъ Бюшингъ въ жизнеописаніи Мюллера, см. Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 101, 102.

Linguet, die Knechtschaft überhaupt, und die russische insonderheit (писано въ 1780 году).

Въ 1778 году Мюллеръ представлялъ Академіи наукъ о дозволеніи ему сдѣлать поѣздку по московской губерніи для составленія географическаго описанія ея и просилъ выдать ему рублей 80—100 на покупку дорожнаго экипажа, а также на прогоны. Академія выдала исторіографу 80 рублей на экипажъ и 200 рублей на первый случай на путевыя издержки. Впослѣдствіе Мюллеръ представилъ отчетъ въ этихъ деньгахъ, изъ котораго оказалось, что экипажъ ему обошелся въ 30 рублей, а все путешествіе стоило только 160 рублей [1]). Описаніе путешествія исторіографа въ города Коломну, Можайскъ, Рузу, Звенигородъ, Переяславль-Залѣсской и монастыри: Савинъ-Сторожевскій и Сергіево-Троицкій помѣщены въ періодическомъ изданіи Арндта Petersburgische Journal 1782 и 1873 годовъ.

Кромѣ надзора за разными академическими изданіями, что́ Мюллеръ дѣлалъ сначала какъ помощникъ Шумахера, а впослѣдствіе какъ непремѣнный секретарь, онъ издалъ въ свѣтъ слѣдующія книги:

1) Описаніе земли Камчатки 1755 года. Авторъ этой книги Степанъ Петровичъ Крашенинниковъ умеръ прежде окончанія ея печатаніемъ; Мюллеру здѣсь принадлежатъ предисловіе и двѣ карты. См. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen III, 110.

2) „Антона Бюшинга изъ сокращенной его географіи три главы: о географіи вообще, о Европѣ и о россійской имперіи", Москва 1766 года. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ бывшимъ студентомъ Долинскимъ и потомъ просмотрѣнъ Мюллеромъ.

3) Ihro Kaiserliche Majestät Instruction für die zur Verfertigung eines Entwurfs zu einem neuen Gesetzbuche verordnete Commission. Moscau, 1767, in gr. 4°. Этотъ переводъ извѣстной инструкціи императрицы Екатерины II сдѣланъ сообща графомъ Мюнихомъ-сыномъ, Клингстедтомъ и Мюллеромъ. По

---

[1]) I, 4-й портфель матеріаловъ Мюллера для исторіи Академіи наукъ, 1764—1782 годовъ.

просмотрѣ перевода государынею, Мюллеръ наблюдалъ за изданіемъ его въ свѣтъ.

4) Собраніе нѣкоторыхъ проповѣдей, говоренныхъ съ 1719 по 1726 годъ въ присутствіи Петра Великаго и при гробѣ сего государя Гавріиломъ Бужинскимъ, издано въ 4°, въ Москвѣ, 1768 года, съ жизнеописаніемъ проповѣдника. Мюллеръ сдѣлалъ это изданіе по тому, что въ проповѣдяхъ Бужинскаго нашлись нѣкоторыя современныя историческія извѣстія. По свидѣтельству м. Евгенія, новиковское изданіе тѣхъ же проповѣдей (Москва, 1784) есть перепечатка мюллеровскаго, котораго мнѣ видѣть самому не удалось.

5) „Исторія россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и астраханскимъ губернаторомъ Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ". Первой книги двѣ части изданы въ 1768 и 1769 годахъ; вторая книга — въ 1773 году; третья книга въ 1774 году [1]). Изъ предисловія къ первой книгѣ можно видѣть, что московскій университетъ сначала было поручилъ изданіе произведенія Татищева доктору медицины и профессору Зыбелину, но потомъ, когда была замѣчена неисправность списка, съ котораго печаталась исторія, дальнѣйшій надзоръ за изданіемъ ея порученъ былъ Мюллеру. Исторіографъ напечаталъ въ Москвѣ помянутыя три книги, присовокупивъ отъ себя ко второй книгѣ: Роспись хронологическую съ обозначеніемъ годовъ отъ сотворенія міра и рождества Христова; реестры географическій и историческій и указанія о бракахъ, рожденіяхъ и преставленіяхъ великихъ князей. Сынъ Татищева, Евграфъ Васильевичъ мало заботился объ этомъ дѣлѣ, такъ-что посвященіе, помѣщенное при первой части, хотя и отъ его имени, однако написано безъ его вѣдома Мюллеромъ же. Между тѣмъ послѣдній услыхалъ, что болѣе исправный списокъ Исторіи россійской самимъ сочинителемъ

[1]) Всѣ книги въ 4°: I-ая, 7 ненум., XXVIII и 600 нумерованныхъ страницъ; II-ая, 6 ненум. и 536 нумерованныхъ страницъ; III-ья 4 ненум. и 530 нумерованныхъ страницъ. IV-ая, вышедшая въ Петербургѣ, также въ 4°, 595 страницъ, не имѣетъ никакихъ объясненій и приложеній.

ея былъ доставленъ Шумахеру и находится въ Академіи наукъ. Таубертъ, присвоивъ этотъ списокъ себѣ, дозволилъ, впрочемъ, Мюллеру пользоваться имъ при печатаніи труда Татищева и дополнять изъ него то, чего не доставало въ рукописи московскаго университета. Послѣ того, экземпляръ Тауберта былъ возвращенъ ему. Четвертая часть исторіи Татищева печаталась въ Петербургѣ, но также не безъ участія Мюллера, о чемъ говорено выше, на стр. 402, 403[1]). Замѣчанія и поправки, сообщенныя исторіографу отъ Рычкова на первую книгу Исторіи Татищева, помѣщены въ изслѣдованіи Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867) 85—87.

6) Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненные покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ, Москва, 1768, въ 4°, 2 нен., 138 нум. 14 нен. страницъ (алфавитный указатель). Въ предисловіи Мюллеръ оговаривается, что при изданіи Судебника „употреблена таже осторожность, которую при напечатаніи Россійской его Исторіи отъ императорскаго университета употребить опредѣлено: чтобъ не принимая участья ни въ слогѣ, ни въ разсужденіяхъ авторскихъ, все точно такъ напечатать, какъ имъ собрано и сочинено, а къ сему способствовалъ наипаче собственноручный покойнаго списокъ, остерегающій издателя какъ отъ невольныхъ ошибокъ, такъ и отъ произвольныхъ поправленій“...

7) „Ядро россійской исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ князь Андреемъ Яковлевичемъ Хилковымъ, въ пользу россійскаго юношества и для всѣхъ о россійской исторіи краткое понятіе имѣть желающихъ въ печать изданное съ предисловіемъ о сочинителѣ сей книги и о фамиліи князей Хилковыхъ. Печатано при императорскомъ университетѣ иждивеніемъ книгопродавца и универ-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, IV, приложеніе № 4, Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, 64 — 66, гдѣ объ изданіи татищевской исторіи помѣщена записка самого исторіографа, помѣченная 4 января 1783 года.

ситетскаго переплетчика Христіана Ридигера 1770 года". Въ 8°, 14 и 392 страницы. Книга эта потомъ была издана еще нѣсколько разъ. Посвященіе въ рукописныхъ экземплярахъ Ядра россійской исторіи показалось Мюллеру темнымъ и нескладнымъ, почему онъ и не напечаталъ его. Между тѣмъ, впослѣдствіе нашлись списки этого произведенія съ посвященіемъ, подписаннымъ настоящимъ сочинителемъ книги, именно находившимся при князѣ Хилковѣ, Алексѣемъ Ильичемъ Манкѣевымъ († 1723 году). О томъ въ первый разъ указано въ Обстоятельномъ описаніи славяно-россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстова (М., 1825 г.) стр. 629, № 27.[1])

8) „Россійской Целляріусъ, или этимологическій россійской лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ въ россійскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ, такожъ съ сокращенною россійскою этимологіею, изданный Францискомъ Гельтергофомъ, нѣмецкаго языка лекторомъ въ императорскомъ московскомъ университетѣ", 1771 года. Изъ предисловія къ этому изданію видно, что Мюллеръ не только поощрялъ Гельтергофа къ этой работѣ, но и принялъ на себя окончательный просмотръ ея. См. H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek I, 558, 559.

9) „Географическій лексиконъ россійскаго государства.... изъ достопамятныхъ извѣстій, собранныхъ коллежскимъ ассессоромъ и города Вереи воеводою Ѳедоромъ Полунинымъ, а съ поправленіями и пополненіями для пользы общества въ печать изданный трудами и съ предисловіемъ Герарда Фридерика Мюллера", 1773 года, въ 8°, 14 ненум, и 479 нумерованныхъ страницъ. Слѣдующія мѣста изъ предисловія Мюллера даютъ понятіе о томъ, какую значительную долю участія положилъ онъ въ этомъ изданіи:... „Ѳедоръ Аѳанасьевичъ Полунинъ первой есть сея книги сочинитель. Ему почтенный читатель одолженъ трудомъ собиранія и по сему порядку расположенія тѣхъ географическихъ извѣстій о Россіи, которыя напечатаны въ издан-

[1]) Свѣдѣнія объ авторѣ Ядра россійской исторіи А. И. Манкѣевѣ, см. Библіографическія записки 1858 года, 33—40.

ныхъ мною въ Санктпетербургѣ Ежемѣсячныхъ и другихъ на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ сочиненіяхъ, въ географическомъ Описаніи славнаго доктора богословіи и берлинской главной консисторіи совѣтника г. Бюшинга; а что до оренбургской губерніи надлежитъ,—въ Топографіи оренбургской г. статскаго совѣтника Рычкова; нѣкоторымъ же городамъ московской губерніи, предъ прочими больше г. Полунину извѣстнымъ, сочинилъ онъ и новыя описанія. Сей первымъ сочинителемъ называемой Географической лексиконъ россійскаго государства отданъ печатать при императорскомъ московскомъ университетѣ въ 1770 году на иждивеніи книгосодержателя г. Вевера, который, съ согласія отсутствующаго г. Полунина, когда уже первый листъ былъ въ корректурѣ, меня просилъ: не соглашусь-ли я листы прежде печатанія пересматривать и, въ случаѣ надобности, исправливать? На сіе дѣло, въ разсужденіе пользы, изъ того произойти имѣющей, охотно я склонился. Но какъ самыя тѣ извѣстія въ моихъ и г. Бюшинга сочиненіяхъ, изъ коихъ г. Полунинъ свои заимствовалъ, во многихъ мѣстахъ поправленія и пополненія требовали, то и многія статьи надлежало вновь прибавить, а мѣстами разсудилось привесть и историческія обстоятельства, ко удовольствію читателей служить имѣющія. Сего ради разсмотрѣлъ я рукописное сочиненіе г. Полунина прежде набору онаго, которое и привелъ въ такое состояніе, въ какомъ нынѣ представляется свѣту. Статьи о Москвѣ, Санктпетербургѣ, такожъ и о Россіи вообще, суть главнѣйшія изъ тѣхъ, кои сочинилъ я вновь, въ которую послѣднюю статью при случаѣ изъясненія имени Бѣлыя Россіи, внесъ я и знатнѣйшія мѣста двухъ новыхъ бѣлороссійскихъ губерній, потому что оныя, во время печатанія большой половины сего Словаря, къ Россіи еще не принадлежали. Прочія мои прибавленія по тому примѣтны, что содержаніе оныхъ не находится ни въ Ежемѣсячныхъ моихъ сочиненіяхъ, ни въ Собраніяхъ нѣмецкихъ, для пользы исторіи россійской мною изданныхъ, ниже въ Географіи г. доктора Бюшинга, о чемъ для того объявляю, дабы за тѣмъ не почтены были за неосновательныя. Всѣ оныя основаны на точныхъ, у меня находящихся

рукописныхъ извѣстіяхъ, или на собственныхъ моихъ путешественныхъ описаніяхъ"....

10) „Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу.... графу Борису Петровичу Шереметьеву".... 1774 г. въ большой f°, LXXVIII и 172 страницы; съ портретомъ графа Шереметьева, гравированнымъ на мѣди Антипьевымъ, а рисованнымъ Аргуновымъ, и четырьмя гравюрами. Въ обширномъ предисловіи Мюллеръ описалъ жизнь фельдмаршала и сообщилъ подробности о родѣ Шереметьевыхъ на основаніи разныхъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, такъ-что это изданіе можетъ считаться любопытнымъ и полезнымъ матеріаломъ для исторіи временъ Петра Великаго.

11) „Книга степенная царскаго родословія, содержащая исторію россійскую съ начала оныя до временъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріяна и Макарія, а напечатана подъ смотрѣніемъ.... Герарда Фридерика Мюллера". 1775 года, въ 4°, двѣ части: одна 580 стр., не считая предисловія, и другая—298.

Что касается до работъ по составленію географическихъ картъ Россіи, то, по извѣстіямъ Бюшинга, исторіографомъ сочинены: генеральная карта Сибири въ 1745 и 1746 годовъ и двѣ карты: странъ между морями Чернымъ и Каспійскимъ, а другая оренбургской губерніи. Эти карты остались неизданными. За тѣмъ вырѣзаны на мѣди карты его: 1) при описаніи Камчатки Крашенинникова, 2) русскихъ открытій въ морѣ между Америкою и Камчаткою 1754 года. Въ 1773 году было сдѣлано новое изданіе ея безъ вѣдома Мюллера, чѣмъ онъ былъ очень недоволенъ, такъ-какъ въ этотъ періодъ времени помянутыя мѣста сдѣлались болѣе извѣстными. Въ такъ-называемую почтовую карту европейской Россіи Мюллеръ внесъ много поправокъ, и она потомъ была издана въ 1772 году. Замѣчанія Мюллера на предложеніе академика Николая-Іосифа Делиля относительно Атласа Россіи, 19 іюня 1745 года, напечатаны въ Запискахъ Академіи, IX, приложеніе 2, изслѣдованіе г. Свенске: Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской

имперiи, 184—185. Отвѣты его на вопросы вице-канцлера, князя Голицына, 27 декабря 1767 года, о тринадцатой картѣ русскаго Атласа, на которой изображена уфимская провинцiя, см. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 78—81. Объ означенiи на русскихъ картахъ границъ и вообще о русскихъ картахъ Мюллеръ послалъ статью въ Академiю наукъ въ началѣ 1779 года. Она помѣщена Бюшингомъ въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 102—116.

Кромѣ сейчасъ перечисленныхъ печатныхъ сочиненiй и статей Мюллера, есть еще нѣкоторыя оставшiяся въ рукописяхъ, а именно: „Наблюденiя историческiя, географическiя и этнографическiя, писанныя Мюллеромъ во время путешествiя по Волгѣ отъ Твери до Казани въ 1733 году". Начинаются они сокращеннымъ житiемъ великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго (Блаженный великiй князь). За тѣмъ слѣдуютъ замѣтки объ Угличѣ (29 дня сентября бывъ), Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Чебоксарахъ и Казани. Тамъ же „Описанiе городамъ, селамъ, деревнямъ, островамъ, опокамъ и прочимъ достопамятнымъ, обрѣтающимся на и въ Волгѣ изо Твери до Казани" (Тверь городъ провинцiальный). Рукопись въ f⁰ хранится въ академической библiотекѣ, подъ № 59.

„Предложенiе объ учрежденiи при Академiи наукъ историческаго департамента для сочиненiя исторiи и географiи россiйской имперiи". Рукопись хранится въ академическихъ архивахъ. О содержанiи и значенiи ея уже говорено выше, стр. 338—342. Списокъ съ нея есть и въ Государственномъ архивѣ, подъ заглавiемъ: „Предложенiе, какимъ образомъ надлежитъ сочинять исторiю и географiю о россiйской имперiи" (Начало: „Доволно извѣстно есть, коимъ образомъ").

„Оглавленiе учиненныхъ въ новонапечатанной россiйской географiи погрѣшностяхъ". (Начало: „Сочинитель, приводя разныя мнѣнiя"...). Такъ названы примѣчанiя Мюллера на географiю, которую составлялъ академикъ Винцгеймъ, а поспѣшилъ издать Шумахеръ. Противъ послѣдняго возстали академики въ 1745—1746 годахъ, и къ этому перiоду времени отно-

сятся эти примѣчанія, которыя представлены были академиками въ сенатъ 15 января 1746 г., вмѣстѣ съ обвиненіями Шумахера въ изданіи въ свѣтъ неисправной книги. „О находящихся въ той книжкѣ, сказано между прочимъ въ томъ донесеніи, весьма многихъ погрѣшностяхъ и недостаткахъ предложено Академіи отъ профессора Мюллера, которому, яко въ россійской исторіи и географіи довольно трудившемуся, въ томъ вѣрить можно, и показанныя имъ погрѣшности отъ всей Академіи признаваются за весьма важныя, за которыми оную книгу никакъ въ продажу пустить не надлежитъ. А ежели оную исправить, то, за множествомъ тѣхъ, на всѣхъ листахъ находящихся погрѣшностей, надлежитъ оную книгу всю передѣлать и печатать снова. А въ томъ сочинитель той книги невиновенъ, потому что онъ ее сочинилъ по опредѣленію Академіи наукъ въ 1737 году, по лучшему своему знанію, сколько ему тогда о Россіи извѣстно было. А понеже онъ далѣе Петербурга самъ не бывалъ и о всѣхъ мѣстахъ сего толь пространнаго государства довольныхъ и достовѣрныхъ извѣстій не имѣлъ; къ тому жъ и маленькія весьма неисправныя ландкарточки ему для основанія служили, то болѣе того отъ него требовать не надлежитъ. А вся вина сего дѣла въ томъ состоитъ, что оная книга уже давно сочинена, и съ того времени много новѣйшихъ извѣстіевъ получено; а нынѣ она, прежде печатанія вновь, при Академіи не пересмотрѣна и не исправлена, которое, паче по прибытіи изъ Сибири профессора Мюллера, свободно учиниться могло“...

Въ настоящее время примѣчанія Мюллера любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ понятіе съ одной стороны, какъ ограниченны и невѣрны были свѣдѣнія о Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, а съ другой—какъ умножились эти свѣдѣнія послѣ совершенія путешествія по Россіи Мюллеромъ и его товарищами по Академіи. Какъ образчикъ опроверженій Мюллера, приводится здѣсь два мѣста изъ его примѣчаній.

„О множествѣ рыбы въ рѣкѣ Яикѣ написано весьма съ прибавкою, будто отъ нея въ теченіи рѣки запоръ дѣлается; будто

бы руками столько наловить можно, сколько кто хочетъ, и будто бы по множеству во оной рѣкѣ уснувшихъ и плавающихъ большихъ рыбъ почти такъ, какъ по мосту, ходить можно. Которые разсказы болѣе годны въ веселой компаніи, нежели чтобъ оные вносить въ учительную (т. е. учебную) книгу...

„Что въ Уфѣ по большей части живутъ поляки, которыми во время государствованія царя Алексѣя Михайловича не токмо сей городъ, но и другіе по Камѣ, Волгѣ и Бѣлонѣ (а прямо надлежало было написать Бѣлой) обрѣтающіеся города населены были—оное извѣстіе Страленбергово, которому не вовсе вѣрить должно. Царь Алексѣй Михайловичь, во время бывшей съ Польшею войны, привелъ въ Россію подлинно много поляковъ и литвы въ полонъ, токмо онъ цѣлыхъ городовъ и деревень ими не населялъ, но розослалъ ихъ въ дальніе города, чтобъ имъ тамъ отправлять по большей части военную службу, или и поселялъ по пашнямъ, какъ многіе сибирскіе города ими размножены. А того сказать не можно, чтобъ въ которомъ городѣ по большей части такіе люди жительство имѣли, а паче въ Уфѣ, который городъ гораздо старѣе и уже прежде населенъ былъ природно рускими жителями“..[1]) Другой отзывъ Мюллера о той же географіи помѣщенъ Бюшингомъ въ Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 116—121, подъ заглавіемъ: Bedenken über die von dem Herrn Professor Winsheim verfertigte geographische Beschreibung von Russland. Эта статья была представлена Мюллеромъ Академіи въ іюлѣ 1745 года.

„Извѣстіе о промыслѣ серебряной руды, который въ уѣздѣ города Томска, при рѣчкѣ Каштакѣ, съ 7205 по 7208 годъ производился“. (Начало: „Въ Томскомъ уѣздѣ есть рѣчка). Здѣсь преимущественно помѣщены современныя грамоты касательно добыванія серебряной руды при названной рѣчкѣ. Свѣдѣнія эти представлены изъ Академіи наукъ, 22 апрѣля 1751 года, въ императорскій Кабинетъ, который требовалъ, именно

[1]) Рукописныя примѣчанія Мюллера и донесеніе, при которомъ они представлены въ сенатъ, хранятся въ Государственномъ архивѣ, а также въ рукописи академической библіотеки, въ f°, № 138.

отъ Мюллера доставленія ихъ. Нынѣ извѣстіе Мюллера хранится въ Государственномъ архивѣ.

„Описаніе путешествія, которое императорской Академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли, сочинено Г. Ф. Мюллеромъ". Собственноручная черновая рукопись, не оконченная, хранится въ архивѣ академической конференціи. Нѣкоторыя выписки изъ нея сдѣланы въ настоящемъ жизнеописаніи.

„Мнѣніе на представленіе г. Делиля, учиненное о поправленіи картъ Россій, 30 ноября 1763 года". (Начало: „Парижская Академія старалась уже съ великою"...). Здѣсь Мюллеръ разбираетъ предположеніе астронома Николая-Іосифа Делиля, высказанное имъ въ печатной брошюрѣ его Projet sur la mesure de la terre, о чемъ было говорено уже выше, на стр. 146—148. Мюллеръ писалъ свое мнѣніе по приказанію императрицы Екатерины II, и оно на французскомъ языкѣ хранится въ бумагахъ Государственнаго архива, а на нѣмецкомъ и русскомъ въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ Мюллера, подъ заглавіемъ „Біографія Академиковъ, № 11".

„О предпріятіи войны съ Китайцами, именно: о законныхъ причинахъ къ оной, о способахъ пріуготовленія, о дѣйствіи, о пользѣ", составлено Мюллеромъ въ 1763 году.

„О посольствѣ въ Китай, и именно: о качествахъ посланника, о принадлежащихъ къ его свитѣ людяхъ, о его отправленіи и путешествіи и о его негоціаціяхъ, или переговорахъ", составлено исторіографомъ въ 1764 году. Обѣ сейчасъ названныя рукописи, по словамъ митрополита Евгенія (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, Москва, 1845 года, II, 871), хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и сочинены Мюллеромъ по секретному порученію императрицы Екатерины II.

„Проектъ объ учрежденіи школъ въ россійской имперіи". Г. Соловьевъ (Современникъ, 1854 года, XLVII, отдѣл. II, 148) говоритъ, что Мюллеръ занимался этимъ проектомъ въ 1764—1767 годахъ по порученію императрицы Екатерины II. Шевыревъ сообщилъ о содержаніи хранящейся въ портфеляхъ исто-

ріографа записки объ уставѣ московскаго университета въ Исторіи этого заведенія (Москва, 1855), 125 — 127.

О рукописи: „Планъ для обученія пажей при императорскомъ дворѣ“, 1765 года, говорено уже выше, на стр. 391.

Отвѣты на вопросы гёттингенскаго профессора Гаттерера о русскихъ древнихъ грамотахъ, ихъ письмѣ, бумагѣ, печатяхъ и пр. Эту работу исполнилъ Мюллеръ въ ноябрѣ 1766 года вслѣдствіе желанія графа Петра Панина, котораго просилъ о томъ Гаттереръ. Черновой подлинникъ отвѣтовъ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg“. Это неоконченный трудъ исторіографа; о составленіи его говорено выше, на стр. 397 — 399. Въ началѣ помѣщены здѣсь извѣстія объ Академіи съ 1725 по 1733 г., которыя написаны Мюллеромъ, а потомъ слѣдуютъ свѣдѣнія, извлеченныя, по порученію его, Стриттеромъ изъ академическихъ протоколовъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ источниковъ съ 1733 по 1743 годъ, на которомъ и оканчивается рукопись. Первая половина ея, принадлежащая перу Мюллера, заключаетъ въ себѣ такія подробности, которыя могъ сообщить только этотъ академикъ, такъ-какъ онъ принадлежалъ Академіи съ первыхъ дней ея учрежденія, лично зналъ всѣхъ членовъ ея въ продолженіе сорока лѣтъ и принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ ея. Поэтому жалѣть должно, что Мюллеръ не докончилъ своего труда. Передаваемыя Мюллеромъ свѣдѣнія носятъ характеръ личныхъ воспоминаній, а потому, отличаясь несомнѣнными достоинствами, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены недостатковъ, общихъ почти всѣмъ сказаніямъ современниковъ, такъ-какъ послѣднимъ рѣдко удается относиться къ описываемымъ имъ событіямъ съ безпристрастіемъ сторонняго свидѣтеля и съ спокойствіемъ изслѣдователя, котораго занимаютъ судьбы прошлаго не ради личнаго его участія въ немъ, но для открытія только истины. Узнавъ другіе источники для исторіи Академіи, пишущій эти строки имѣлъ случай подмѣтить въ иныхъ отзывахъ Мюллера болѣе страстность современника, чѣмъ прав-

дивость историка. Впрочемъ это нисколько не роняетъ несомнѣнныхъ достоинствъ этого труда, ссылки на который такъ часто встрѣчалъ читатель на страницахъ настоящихъ жизнеописаній. Что касается до работы Стриттера, то это не что иное какъ выборка извѣстій изъ протоколовъ и другихъ подобныхъ источниковъ.

„Geschichte der Schiffahrten nach Norden, aus authentischen Nachrichten des Admiralitäts-Collegiums in einem Auszuge mit vielen eingestreueten Anmerkungen. Здѣсь, кромѣ введенія, описаны путешествія изъ Архангельска къ Шпицбергену въ 1765—1766 годахъ, для чего матеріалы сообщилъ Мюллеру, по приказанію императрицы Екатерины II, графъ Иванъ Чернышевъ, вице-президентъ адмиральтейской коллѐгіи. Въ апрѣлѣ 1777 года, эта работа была Мюллеромъ кончена, и онъ послалъ ее государынѣ.

„Diplomatische Sammlung der Bündnisse und übrigen Staatsverhandlungen zwischen Russland und dem Römisch-Kaiserlichen Hofe 1486 – 1519. Подобное же собраніе переговоровъ между Россіею и Пруссіею съ 1517 по 1700 года и между Россіею и Даніею съ 1493 до 1562 года. Всѣ эти три сборника хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и къ составленію ихъ Мюллеръ получилъ повелѣніе императрицы Екатерины II въ 1779 году.

За тѣмъ слѣдуютъ здѣсь рукописныя статьи Мюллера, время составленія которыхъ неизвѣстно: a) Remarques sur le Dictionnaire de commerce de Savary. Мюллеръ писалъ ихъ по предложенію копенгагенскаго книгопродавца Филиберта, предпринявшаго въ 1757 году новое изданіе труда Савари. Мюллеръ къ этимъ примѣчаніямъ присовокупилъ цѣлыя статьи, напримѣръ: краткую исторію торговли между Россіею и Турціею, а также Персіею. b) Anmerkungen über Alexander Gordon History of Peter the great, vol. 1. Эта статья была въ рукахъ Бюшинга. c) Verbesserungen zu Peter von Haven Nachrichten von Russland. Поправки эти Мюллеръ написалъ для секретаря датскаго посольства въ Петербургѣ фонъ-Шумахера, который намѣревался издать въ свѣтъ сочиненіе фонъ-Гавена на нѣмец-

комъ языкѣ. И эту рукопись Мюллера имѣлъ Бюшингъ. d) Anmerkungen zu der vom Conrector Arndt herausgegebenen liefländischen .Chronik. По отзыву Бюшинга, имѣвшаго въ своихъ рукахъ эти примѣчанія, онѣ были весьма полезны и нужны. e) „О значеніи именъ россійскихъ буквъ"—здѣсь Мюллеръ въ названіи каждой буквы русской азбуки находилъ опредѣленное значеніе: азъ — я, вѣди — отъ глагола вести и т. п. f) „Извѣстіе объ изданныхъ противъ раскольниковъ книгахъ": a) Увѣтѣ духовномъ; b) Пращицѣ и c) Возраженіи. g) „Примѣчанія на сочиненіе Шобера — Memorabilia". h) „Примѣчанія на французскую рѣчь, говоренную г. Берландомъ де-ла-Бодельеромъ въ московскомъ университетѣ 30 іюня 1772 года". i) „Критика на Prospectus des lecons того же Бодельера". k) „Погрѣшность, или ошибка Христіана Шетгена въ сочиненіи его о началѣ россовъ". l) „Погрѣшности г. Газа въ переводѣ оренбургской исторіи (извѣстнаго произведенія П. Рычкова)". m) „Погрѣшности г. Трейера въ россійской исторіи". n) „Письмо французское и примѣчаніе нѣмецкое на азбуку, печатанную при московскомъ университетѣ". o) „Примѣчанія на извѣстія объ Астрахани — Рычкова". О нихъ говорится въ изслѣдованіи: Жизнь и литературная переписка Петра Рычкова (Спб., 1867) 79, 80. p) „Замѣчанія на 38-ю часть новѣйшей всеобщей исторіи, заключающую въ себѣ Исторію Россіи". q) „Записка о погрѣшностяхъ въ книгѣ Лакомба: Histoire des revolutions" etc. r) „Отвѣты на вопросы Клингштета о разныхъ обычаяхъ въ Россіи". s) „Проектъ объ учрежденіи Staats-Akademie". t) „Проектъ инструкціи депутату отъ Академіи при коммиссіи Уложенія".

Послѣднія пятнадцать статей хранятся въ портфеляхъ Мюллера въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.[1])

---

[1]) Современникъ 1854, XLVII, отдѣленіе II, Фридрихъ - Герардъ Мюллеръ, 147. 148.

ГМЕЛИНЪ, ІОГАННЪ-ГЕОРГЪ, академикъ по каѳедрѣ химіи и натуральной исторіи.

Жизнеописанія его: Kurze Nachricht von dem Leben und Reisen Herrn Doctoris I. G. Gmelins jetziger Zeit Professoris publici ordinarii der Botanic und Chemie auf der Universität zu Tübingen, so bey Gelegenheit der Besitznehmung seines nunmehrigen Lehr-Amtes daselbst verfasset worden. Göttingen (s. a., вѣроятно около 1750 года) въ 8°. Здѣсь болѣе извѣстій о проѣханныхъ Гмелинымъ мѣстахъ, чѣмъ подробностей о его жизни. Извѣстіе на латинскомъ языкѣ о жизни, трудахъ и путешествіи Гмелина напечатано въ Тюбингенѣ 21 августа 1749 года отъ имени ректора тюбингенскаго университета, въ f°, 12 ненум. страницъ, безъ заглавія. A. F. Böks, Geschichte der Universität zu Tübingen (Tübingen, 1774), 195, 196. Fortsetzung und Ergäntzungen zu C. G. Jocher's Allgemeinen Gelehrten Lexico von Adelung, II, 1491 — 1493. Meusel's Lexicon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, IV. 230 — 233. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ есть списки сочиненій и статей Гмелина. Краткія біографическія свѣдѣнія: Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, von Ersch und Gruber, erste Section, LXX, 394. Въ Исторіи медицины въ Россіи, соч. В. Рихтеромъ, (М., 1820), III, 217 — 223. Здѣсь есть также списокъ всѣхъ его статей и сочиненій. Въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, прилож. № 3, Матеріалы для исторіи Академіи наукъ по части ботаники, г. академика Рупрехта — оцѣнка его трудовъ, стр. 2 — 6. Кромѣ того, сохранились извѣстія о Гмелинѣ у современника и пріятеля его, исторіографа Мюллера въ рукописи: Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 74, 75, 311, 332, 344 — 347. Описаніе путешествія Гмелина по Сибири издано имъ самимъ въ 1751 — 1752 годахъ, въ четырехъ частяхъ: Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743; оно переведено на многіе языки, за исключеніемъ русскаго. Письма Гмелина къ Галлеру напечатаны въ Epistolae ab eruditis viris ad Alb. Hallerum scriptae. Часть переписки его съ Линнеемъ, Галлеромъ, Стеллеромъ и Мюллеромъ изданы, по распоряженію и на счетъ нашей Академіи наукъ, въ Штутгардтѣ въ 1861 году: I. G. Gmelini.... Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo, A. Hallero, G. Stellero et al.... publicandas curavit G. H. Th. Plieninger. Къ сожалѣнію сюда не вошли письма Гмелина, хранящіяся въ архивѣ конференціи Академіи въ фоліантахъ входящихъ бумагъ и заключающія въ себѣ любопытныя свѣдѣнія относительно пребыванія Гмелина въ Россіи и отношеній его къ нашей Академіи наукъ. Въ помянутомъ же архивѣ конференціи въ перепискѣ исторіографа Мюллера съ разными лицами цѣлый портфель, подъ цифрою 10, занятъ до сихъ поръ неизданными письмами къ нему Гмелина съ 1737 по 1755 годъ. Переписка объ увольненіи Гмелина изъ Россіи и нежеланіи его возвратиться туда, въ архивѣ академической канцеляріи занимаетъ цѣлый фоліантъ подъ № 798.

Гмелинъ родился 12 августа 1709 года[1]) въ Тюбингенѣ, гдѣ отецъ его былъ аптекаремъ, пользовавшимся извѣстностію знатока не только по своей спеціальности, но также химіи, металлургіи и пробирнаго искусства. Молодой Гмелинъ получилъ окончательное воспитаніе въ тюбингенскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1725 году онъ защищалъ тамъ свою диссертацію De glandularum mesenterii actione in chylum retardativa, а въ 1727 году—другое разсужденіе Examen acidularum deinacensium atque spiritus vitrioli volatilis ejusdemque phlegmatis per reagentia. За тѣмъ Гмелинъ, по совѣту академика Бильфингера, рѣшился отправиться въ Петербургъ, куда и прибылъ 30 августа того же года. Отецъ его послалъ съ нимъ письмо изъ Тюбингена (12 іюля 1727 года), въ которомъ писалъ къ президенту Академіи Блюментросту: „сюда (т. е. въ Петербургъ) отправляются два молодыхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мой сынъ, а другой — Христіанъ Готлибъ Швентеръ, родомъ изъ Дитфурта въ Паппенгеймѣ. Я покорнѣйше рекомендую ихъ обоихъ вашему превосходительству. Что касается до перваго, то я также почтительнѣйше приношу вамъ благодарность за показанную вами, по рекомендаціи г. Бильфингера, благосклонность къ нему, и желаю, чтобы ваше превосходительство нашли его достойнымъ принять съ признательностью высокую милость.... (За тѣмъ слѣдуетъ изчисленіе окаменѣлостей, посылаемыхъ имъ съ сыномъ для петербургской кунсткамеры). Такъ-какъ мнѣ извѣстно, что по смерти г. Бюргера нѣтъ при Академіи химика, то полагаю, что мой сынъ и г. Швентеръ очень въ состояніи занять это мѣсто, что̀ ваше превосходительство можете рѣшить лучше всего сами“[2]).

„Хотя послѣ смерти Бюргера, разсказываетъ Мюллеръ, каѳедра его оставалась незанятою, однако къ чему служитъ химія безъ лабораторіи? а къ учрежденію ея не было никакой на-

---

[1]) По свидѣтельству Мюллера — въ 1708 году.

[2]) I, Входящія письма 1726, 1727 годовъ. О дальнѣйшей судьбѣ Швентера въ Россіи свѣдѣній не отыскалось, и изъ современныхъ академическихъ дѣлъ не видно, чтобы онъ поступилъ на службу при Академіи.

дежды. Вмѣсто этого, Гмелинъ оказывалъ услуги по натуральной исторіи, въ которой онъ пріобрѣлъ хорошія знанія въ Тюбингенѣ. Императорскую кунсткамеру и натуральный кабинетъ надобно было привести въ порядокъ, къ чему Гмелинъ владѣлъ всѣми нужными свѣдѣніями, а это самое помогло ему снова еще тверже узнать натуральную исторію[1]). Буксбаумъ предложилъ его себѣ въ помощники при изданіи въ свѣтъ Centuriae plantarum и ботаническихъ статей для Комментарій. По отъѣздѣ Буксбаума, Гмелинъ одинъ имѣлъ попеченіе объ этомъ дѣлѣ, предпринималъ также поѣздки по окрестностямъ и изучалъ ближе сокровища природы въ Ингерманландіи.... Такъ-какъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на свой счетъ, то не требовалъ никакого жалованья. Его намѣреніе было служить вольноопредѣляющимся до тѣхъ поръ, пока не открылось бы для него то, къ чему могъ онъ себя употребить. Однако не хотѣли, чтобы онъ трудился совсѣмъ даромъ для Академіи: ему платили, до дальнѣйшаго распоряженія, въ возмѣщеніе его необходимыхъ издержекъ, по 10 рублей въ мѣсяцъ. Помѣщеніе и отопленіе онъ имѣлъ отъ Академіи. Такъ оставался онъ, покуда не произведенъ былъ въ профессора"...

Въ гёттингенской біографіи Гмелина, вышедшей при жизни его, есть извѣстія, что въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ онъ присутствовалъ также при анатомированіи академикомъ Дювернуа слона и занимался при анатомическихъ сѣченіяхъ труповъ, присылавшихся тогда въ Академію для освидѣтельствованія.

22 января 1731 года, по предписанію президента Академіи Блюментроста, Гмелинъ былъ объявленъ въ академическомъ засѣданіи профессоромъ химіи и натуральной исторіи. Еще прежде этого, именно 8, 11 и 15 декабря 1730 года Гмелинъ

---

[1]) Тогдашняя работа Гмелина — каталогъ минералогическаго музея Академіи сохранился до нынѣ; имъ воспользовался Ломоносовъ въ своемъ трудѣ, который изданъ Академіею подъ заглавіемъ: Musaei imperialis Petropolitani vol. I. Pars tertia qua continentur res naturales ex regno minerali. Сравненіе обоихъ каталоговъ сдѣлано г. Гебелемъ и помѣщено въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, 57—66: «О каталогахъ минералогическаго музея Академіи наукъ, составленныхъ Ломоносовымъ».

сообщилъ тамъ свою статью De historia lapidum figuratorum circa Duderhofium. Въ торжественномъ собраніи Академіи, 2 февраля 1732 года, онъ читалъ свою рѣчь De ortu et progressu Chymiae et quantum in examinandis metallis ea profecerit, et quid ex indagatione corporum chymica concludi queat, ad eorum delegenda principia; на эту рѣчь, по тогдашнимъ академическимъ обычаямъ, отвѣчалъ отъ имени Академіи Эйлеръ [1]). 6 марта 1733 года, Гмелинъ представилъ въ академическомъ засѣданіи Observatio de vermibus cum pluvia in terram lapsis Revaliae [2]).

При снаряженіи въ 1732 года камчатской экспедиціи, Академія наукъ назначила туда Гмелина въ качествѣ натуралиста, и зимою 1733 года онъ уже началъ было готовиться къ поѣздкѣ, какъ вдругъ у него сдѣлалось такое сильное разстройство печени, что окружающіе его скоро убѣдились, что онъ не въ состояніи будетъ предпринять такое дальнее странствіе. Тогда вмѣсто него вызвался ѣхать въ Сибирь академикъ Мюллеръ. Когда же всѣ приготовленія приходили почти къ концу, Гмелинъ неожиданно выздоровѣлъ [3]) и выразилъ желаніе участвовать въ экспедиціи. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія сената, послѣдовалъ оттуда, 11 іюня 1733 года, указъ, чтобы Гмелина отправить въ Сибирь на томъ же основаніи, какъ это было рѣшено прежде.

---

[1]) Какъ рѣчь Гмелина, такъ и отвѣтъ великаго математика остались не напечатанными, о чемъ сожалѣлъ еще Мюллеръ при составленіи своего сборника для исторіи Академіи. Въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1732 г. № 8, 36, въ объявленіи о торжественной ассамблеѣ сказано, что «г. профессоръ докторъ Гмелінъ будетъ читать въ оной о началѣ и произведеніи Хуміи, и во оноп особливо объявитъ, что по нынѣ помощію Хуміи въ изслѣдованіи металовъ учинено, и сколько по Хуміческому изслѣдованію тѣлесъ о изобрѣтеніи ихъ особливыхъ частицъ, изъ которыхъ они состоятъ, разсуждать можно. Г. профессоръ Эйлеръ будетъ на сію рѣчь именемъ Академіи отвѣтствовать».

[2]) Извѣстія объ этихъ статьяхъ находятся въ академическихъ протоколахъ указанныхъ годовъ въ архивѣ конференціи.

[3]) Мюллеръ разсказываетъ курьезную подробность объ этомъ выздоровленіи Гмелина: «Онъ, противъ всякаго чаянія, и, можно сказать, медицинскимъ чудомъ снова выздоровѣлъ и опять получилъ непреодолимую охоту предпринять путешествіе. Увѣренный по началамъ медицины, что сильное потрясеніе можетъ возбудить дѣятель-

3 іюля 1733 года отправлявшіеся въ путь академики Гмелинъ, Делиль де-ла-Кройеръ и Мюллеръ прощались въ академическомъ засѣданіи съ товарищами, и тогда же первый изъ нихъ передалъ для храненія слѣдующія свои работы: 1) Theses de Historia naturali studiosis Kamtschatkam proficiscentibus dictatae. 2) De salibus alcalibus fixis plantarum, cum prolixa tabula. 3) Praelectiones chymicae. 4) De augmento ponderis quod capirent quaedam corpora etc. 5) Von denen Vampyren. 6) Oratio publice recitata. 7) Figurae 5 pictae. 8) Catalogus mineralium in Museo imperatorio [1]).

О путешествіи Гмелина вмѣстѣ съ Мюллеромъ было говорено уже въ жизнеописаніи послѣдняго на стр. 321—332. Отправившись изъ Петербурга 19 августа 1733 г., они въ 1736 г. достигли Якутска. Здѣсь, 8 ноября, въ домѣ, въ которомъ жилъ Гмелинъ, случился пожаръ, когда академикъ былъ съ Мюллеромъ въ гостяхъ у Беринга. Объ этомъ событіи самъ Гмелинъ такъ разсказывалъ въ донесеніи къ президенту Академіи наукъ: „мы всѣ, сколько насъ ни было, къ тому дому побѣжали, но понеже того дома уже половина сгорѣла, того ради къ нему приступить никакъ не возможно было какъ бы что нибудь изъ огня выхватить; но ни слуга мой, который въ домѣ оставленъ былъ, ни солдатъ караульный, прежде моего прибѣгу, хотя бы маленькую какую вещь, которыя (sic) при мнѣ въ домѣ имѣлися, изъ дому унести могли, для того что такъ великій и скорый былъ пожаръ, что и то все, что въ сѣняхъ лежало, огнемъ сгорѣло, только едино платье, которое на мнѣ было, осталось. Однакожъ о семъ я не весьма печалюсь, но плоды сего года всѣ пропали, которые, ежели примѣнить къ плодамъ прежнихъ го-

---

ность въ опасно болѣзненномъ состояніи; или изъ желанія, которое иногда является также сильно, какъ и у женщинъ; или быть можетъ въ нетерпѣніи отъ болѣзни, такъ долго продолжавшейся и усиливавшейся; или, просто сказать, по слѣпому предчувствію, въ которомъ никакъ нельзя дать отчета, — однажды вечеромъ, Гмелинъ совершенно одинъ, свелъ дружбу съ бутылкою добраго рейнвейна, а можетъ быть и двумя, пока жажда его не прошла совершенно. Хотя его никто не видалъ въ этомъ состояніи, однако онъ не дѣлалъ изъ того тайны предъ своими друзьями. Чрезъ нѣсколько дней Гмелинъ выздоровѣлъ»..

[1]) I, протоколы 1733 года.

довъ, преизряднѣйшіе были первыхъ, не хвалючись говорю, но истинно похвальнѣйшіе были. Рисунковъ больше ста было, изъ которыхъ только восемнадцать осталось, т. е. которые у живописцевъ не отдѣланы были и у нихъ имѣлись; звѣри и птицы, бумагою набитые, всѣ въ пепелъ обратились. Исторія странъ забайкальскихъ, которую изъ Иркутска чрезъ письма обѣщалъ прислать, сгорѣла жъ. Также обсерваціи всѣ пропали, которыя чрезъ три года и больше о птицахъ, рыбахъ, четвероногихъ, зміяхъ и мухахъ съ прилежнымъ стараніемъ сочинилъ; такъ описи, какъ образцы грибовъ всѣ пропали. Оригиналы всѣхъ рисунковъ, какъ обсервацій писанныхъ, съ которыхъ копіи въ Петербургъ съ дороги посылали, всѣ погорѣли; протоколъ или записная книга наша дорожная згорѣла жъ; и ниже едина книга, до исторіи натуральной надлежащая, отъ огня уцѣлѣла". Въ заключеніе этого донесенія Гмелинъ просилъ о содѣйствіи къ продолженію наблюденій присылкою книгъ и инструментовъ, а въ концѣ высказывалъ надежду, что дальнѣйшими изысканіями можно будетъ вознаградить то, что утратилось изъ прежнихъ описаній и извѣстій [1]).

Какъ Сенатъ, такъ и Академія поспѣшили исполнить всѣ требованія Гмелина, что́ для него было не малымъ утѣшеніемъ въ понесенныхъ потеряхъ [2]).

Отправившись изъ Якутска по р. Ленѣ (см. выше жизнеописаніе Мюллера) осенью 1738 года, Гмелинъ и Мюллеръ прибыли въ Киренскій острогъ, гдѣ первый изъ нихъ остался зимовать, а второй поѣхалъ въ Иркутскъ. Гмелинъ писалъ изъ Киренска къ тогдашнему президенту Академіи наукъ, барону Корфу, 19 сентября 1737 года: „Вообще проволочки (chicanen) сибирскихъ канцелярій для насъ тяжелое обстоятельство въ

---

[1]) I, книга Камчатскія дѣла 1736—1739 годовъ, гдѣ современный русскій переводъ съ латинскаго донесенія Гмелина. Свидѣтельскія показанія объ этомъ пожарѣ—I, книга: Приходящія канцелярскія дѣла 1736 г. по сибирскому путешествію. Гмелинъ жилъ у посадскаго Егора Кремлева и, уѣзжая въ гости къ Берингу, заперъ свою комнату, у которой стоялъ часовой. Внутри этой самой комнаты и показался огонь. Хотѣли было ломать въ ней дверь, но дымъ и сильный жаръ къ тому не допустили.

[2]) I. G. Gmelin's Reise durch Sibirien, II, 448, 449.

этомъ путешествіи. Указы бываютъ только тогда грозны, когда изъ этого можетъ быть извлечена выгода для начальника; когда же должны быть исполнены важнѣйшія дѣла для государственной пользы, а на это нѣтъ яснаго повелѣнія или начальникъ не можетъ при томъ ничѣмъ попользоваться, то не дѣлается ничего. Г. профессоръ де-ла-Кройеръ пишетъ о своей поѣздкѣ къ устью Лены: „что касается до меня, то я обязанъ дѣлать все, что можетъ содѣйствовать наукамъ и служить къ выгодѣ воеводы“. А другія частныя письма сообщаютъ, что воевода въ Якутскѣ, со времени нашего съ г. профессоромъ Мюллеромъ отъѣзда, обходится en souverain съ лицами, оставшимися тамъ изъ академическихъ спутниковъ. Тѣмъ болѣе мы повторяемъ наше всеподданнѣйшее прошеніе, чтобы мы могли быть освобождены отъ всѣхъ проволочекъ. Существеннѣйшимъ для насъ освобожденіемъ былъ бы всемилостивѣйшій указъ о возвращеніи нашемъ назадъ“.... Татищевъ прислалъ къ Гмелину одного ссыльнаго, умѣвшаго дѣлать плавильные горшки, въ которыхъ нуждался академикъ при пробѣ рудъ. „Но ему, продолжаетъ Гмелинъ въ томъ же письмѣ, не было назначено ни малѣйшаго содержанія, и такимъ образомъ съ одной стороны намъ было неизвѣстно, на какія деньги его кормить, а съ другой—мы въ страхѣ отъ всѣхъ ссыльныхъ не ради ихъ злоумышленности, а потому что у нихъ укоренился обычай кричать при всякомъ случаѣ слово и дѣло. Если бы подобное случилось съ кѣмъ либо изъ нашихъ спутниковъ, то мы бы принуждены были его лишиться на нѣкоторое время, отчего нашимъ дѣламъ могла быть великая помѣха. Прошлою зимою въ Якутскѣ, болѣе чѣмъ сто человѣкъ объявляли за собою подобное слово и дѣло на разныхъ лицъ, которыхъ всѣхъ должно было отсылать для розыска. Разъ и мы были не въ малой печали, когда служитель живописца Беркана, въ пьяномъ видѣ, сказалъ слово и дѣло за своимъ господиномъ и живописцемъ Люрсеніусомъ. Если бы онъ это подтвердилъ и тогда, когда вытрезвился, то мы бы должны были, на основаніи императорскаго повелѣнія, обоихъ живописцевъ отослать въ Москву и въ продолженіе двухъ лѣтъ не имѣли бы возможности ничего срисовывать, хотя и не подлежало сомнѣ-

нію, что помянутые живописцы не имѣли и въ мысляхъ никакого преступленія и не знали, въ чемъ заключается слово и дѣло"....[1])

Изъ Киренска Гмелинъ писалъ рядъ писемъ къ Мюллеру, которыя сохранились въ бумагахъ послѣдняго въ архивѣ академической конференціи. Хотя здѣсь болѣе мелкихъ частностей, которыя имѣли цѣну только для его пріятеля, но тѣмъ не менѣе онѣ могутъ очень пригодиться при ознакомленіи съ описаніемъ путешествія Гмелина и Мюллера, такъ-какъ въ этихъ письмахъ разсѣяны тамъ-сямъ характеристичныя черты, меткіе разсказы и замѣтки Гмелина, который, кромѣ точности и умѣнія наблюдать, владѣлъ юморомъ, возбуждающимъ и теперь, при чтеніи его писемъ, невольный смѣхъ.

Мюллеръ въ Иркутскѣ заболѣлъ и, въ декабрѣ 1737 года, послалъ въ Петербургъ прошеніе объ увольненіи его отъ дальнѣйшаго путешествія по Сибири. Пріѣхавъ въ Иркутскъ весною 1738 года, Гмелинъ рѣшился послѣдовать примѣру своего товарища. „Охота видѣть много новаго побудила насъ, говоритъ онъ, къ этому дальнему и трудному путешествію. Мы были въ такихъ лѣтахъ, что могли надѣяться выдержать соединенныя съ тѣмъ непріятности. Охота еще не пропала, силъ было, по крайнѣй мѣрѣ у меня, достаточно. Только разныя мелкія непріятности, которыя невозможно было предвидѣть неопытнымъ, но которыя были неразлучны съ нашимъ путешествіемъ, порою останавливали насъ. Сперва это имѣло вліяніе на духъ, потомъ на тѣло, хотя не у всѣхъ людей одинаковымъ образомъ. На однихъ дѣйствуютъ такія непріятности быстрѣе, чѣмъ на другихъ. Я приписывалъ болѣзнь г. профессора Мюллера непріятностямъ, встрѣченнымъ имъ въ путешествіи. Мой духъ былъ менѣе чувствителенъ. Это произвело то, что я долѣе боролся съ непріятностями, и покрайней мѣрѣ тѣлесно не потерпѣлъ отъ нихъ никакихъ измѣненій. Однако, я не могъ ни разсчитать, ни измѣрить, какъ долго продолжится моя нечувствительность"....[2]) По этому Гмелинъ по-

[1]) I, Eingekommene Briefe, von Anno 1737.

[2]) I. G. Gmelin's Reise durch Sibirien III, 18, 19.

слалъ также прошеніе о разрѣшеніи ѣхать ему въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы на возвратномъ пути заниматься изслѣдованіями по натуральной исторіи въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ ещё не былъ[1]).

„Наши прошенія, разсказываетъ Гмелинъ, посланы въ маѣ мѣсяцѣ, но мы, конечно, никакъ не могли разсчитывать на скорый отвѣтъ на нихъ. Мнѣ уже было много радости отъ новыхъ растеній, которыя случалось встрѣчать ежедневно, и я, прежде отправки моего прошенія, часто помышлялъ о томъ, чтобы взять его обратно, потому что при видѣ новаго растенія у меня тотчасъ являлось опасеніе, что эта радость можетъ быть легко сокращена скорымъ разрѣшеніемъ моего ходатайства“....[2])

Въ августѣ 1738 года Гмелинъ съ Мюллеромъ отправились въ Енисейскъ, откуда въ 1739 году посѣтили Мангазею, или Туруханскъ. По возвращеніи оттуда въ Енисейскъ, они нашли здѣсь бумаги изъ Петербурга: Мюллеру было разрѣшено вернуться въ Петербургъ, а Гмелинъ долженъ былъ поспѣшать отъѣздомъ въ Камчатку. Горестное впечатлѣніе, произведенное на послѣдняго такимъ распоряженіемъ, описано имъ въ его Reise durch Sibirien (III, 241—244). Это замѣтно и въ письмѣ его къ президенту барону Корфу, 30 іюля 1739 года, гдѣ, послѣ доказательствъ, какъ долговременны будутъ сборы къ отъѣзду въ Камчатку, Гмелинъ пишетъ: „....А ежели мнѣ, на все сіе не взирая, конца сей экспедиціи дожидаться приказано будетъ, то я дальнѣйшую въ Сибири бытность за совершенную ссылку признаваю и никакого въ томъ различія не нахожу, а я сего здѣшними трудными путешествіями, ни шестилѣтними своими поступками и услугами въ Петербургѣ поистинѣ не заслужилъ.“[3]) Въ августѣ того же 1739 года Гмелинъ прибылъ въ Красноярскъ, гдѣ и провелъ всю зиму 1739 — 1740 г. г. Такъ-какъ Мюллеръ оставилъ уже тогда Красно-

---

[1]) II, книга № 810, на корешкѣ которой вытиснено: «Камчатскія дѣла 1736—1739 годовъ».

[2]) J. G. Gmelin's Reise durch Sibirien III, 20, 21.

[3]) II, книга № 810.

ярскъ, то Гмелинъ сталъ снова переписываться съ нимъ изъ этого города, а также изъ Томска и Тары, которые онъ посѣтилъ въ 1741 году. Указъ о разрѣшеніи Гмелину вернуться въ Петербургъ состоялся 24 іюля 1742 года, и въ этомъ году нашъ академикъ снова съѣхался съ Мюллеромъ въ Тюмени[1]). Объѣздивъ въ томъ же году мѣстности около башкирскихъ предѣловъ и побывавъ въ Течинской слободѣ, Краснослободскѣ, Далматовѣ монастырѣ, Верхнеяицкой крѣпости и другихъ мѣстахъ, Гмелинъ въ августѣ вернулся въ Екатеринбургъ. Отсюда онъ поѣхалъ въ Верхотурье, гдѣ снова свидѣлся съ Мюллеромъ, съ которымъ, отправившись оттуда, прибылъ въ Петербургъ 16 февраля 1743 года.

По возвращеніи въ столицу, Гмелинъ принялся за обработку добытыхъ имъ извѣстій и открытій по части ботаники, а въ слѣдующемъ году, именно 7 декабря, подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ Академіи. Въ іюнѣ 1745 года Шумахеръ представлялъ о томъ въ императорскій Кабинетъ. Разрѣшенія на это не послѣдовало, а между тѣмъ Гмелинъ съ апрѣля того же года сталъ испытывать затрудненія въ перепискѣ приготовленнаго имъ перваго тома сочиненія, сдѣлавшагося послѣ появленія своего въ свѣтъ классическою въ ботанической литературѣ — Flora Sibirica. Выведенный изъ терпѣнія, Гмелинъ представилъ академическому собранію, что Шумахеръ, несмотря на обѣщаніе дать ему переписчика, не исполняетъ этого, а потому академикъ просилъ разрѣшенія поручить эту работу какому нибудь частному переписчику, „такъ-какъ ясно видно, что г. Шумахеръ ни мало о томъ стараться не хочетъ.“ Исполнявшій тогда званіе конференцъ-секретаря Винцгеймъ сообщилъ о томъ, по порученію академиковъ, Шумахеру, а этотъ, 2 ноября 1745 года, написалъ въ отвѣтъ: „Докторъ Гмелинъ, въ представленіи своемъ г. г. профессорамъ о перепискѣ сибирскихъ своихъ травъ, яко неправедный и безсовѣстный человѣкъ поступилъ (gegen mich als ein ungerechter und unbilliger ohnverantwortlich gehandelt). Ежели ваше благородіе

---

[1]) II, книга № 812.

учителя Германа спросить о томъ изволите, то вы довольно усмотрите обманство сего доктора (die fourberie dieses doctors), которое тогда уже и явно будетъ. Между тѣмъ извольте ему объявить, чтобъ онъ описаніе свое сибирскимъ травамъ, какъ обыкновенно, прежде бы въ конференціи прочелъ, ежели то еще не учинено, и мнѣніе прочихъ господъ членовъ о томъ бытребовалъ, а потомъ уже для переписки онаго надлежащее стараніе употреблено будетъ". [1])

17 февраля 1746 года, Гмелинъ представилъ въ академическомъ засѣданіи оконченный имъ первый томъ Flora Sibirica съ XLIX таблицами, прося о напечатаніи его въ томъ же форматѣ, въ какомъ уже изданы отъ Академіи Центуріи Буксбаума. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы было ускорено печатаніе этого сочиненія, такъ-какъ можно было опасаться, чтобы неизвѣстныя дотолѣ сибирскія растенія не были обнародованы прежде иностранными учеными, чему были уже прежде примѣры; между тѣмъ честь обнародыванія наблюденій, добытыхъ въ Сибири, несомнѣнно принадлежитъ Россіи и ея правительству, которое употребило щедрыя иждивенія на то. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гмелинъ заявилъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Германію и просилъ о вознагражденіи за понесенные имъ труды [2]). О скорѣйшемъ печатаніи Flora Sibirica было сообщено Шумахеру, при чемъ прибавлено: „понеже извѣстно, что уже о нѣкоторыхъ сибирскихъ травахъ иностранные ученые публично объявили и опасно, чтобъ и больше еще не сдѣлалось, однакожъ то справедливость, что ея императорское величество столь великія иждивенія на такія обсерваціи всемилостивѣйше употребить соизволила, чтобъ Россія честь первою публикаціею получила". Шумахеръ приказалъ о скорѣйшемъ печатаніи книги, а рисунки къ ней поручено было рѣзать граверу Соколову [3]).

---

[1]) II, книга № 795; здѣсь отвѣтъ Шумахера есть и на нѣмецкомъ языкѣ, и въ современномъ русскомъ переводѣ, который здѣсь и сообщенъ.

[2]) I, протоколы 1746 года.

[3]) Первый томъ Flora Sibirica въ количествѣ 650 экземпляровъ обошелся Академіи съ гравированіемъ 1032 руб. 73 коп., а продавался каждый экземпляръ по 2 руб.

Что касается до увольненія Гмелина, то академики составили прошеніе въ сенатъ. Оно было написано по русски, и Ломоносовъ засвидѣтельствовалъ, что въ немъ вѣрно выражено ходатайство Гмелина и мысли о томъ академиковъ[1]). Въ прошеніи прописывалось, что „прошлаго 1744 года декабря 7 дня представлялъ Гмелинъ канцеляріи Академіи наукъ письменно, что ради часто приключающихся ему болѣзней принужденъ онъ перемѣнить воздухъ и ѣхать возвратно въ свое отечество ...А прошло-де уже четырнадцать мѣсяцевъ съ того времени какъ онъ о томъ канцеляріи представлялъ, а требованнаго-де абшида еще не получилъ. Да и нынѣ-де еще не слышно, чтобъ о томъ въ правительствующій сенатъ отъ канцеляріи предложено было, а между тѣмъ-де принуждаетъ его природный его государь, герцогъ вюртембергскій, присланною ему вокаціею, чтобы быть ему профессоромъ въ тубингенской Академіи, того ради требуетъ отъ собранія Академіи наукъ, дабы о томъ представить правительствующему сенату, чтобъ съ нимъ въ дачѣ абшида соизволено было поступить по силѣ вышепомянутаго контракта, въ чемъ онъ тѣмъ болѣе надеженъ, что профессія, которою онъ по сіе время правилъ, поручена уже прошлаго 1745 года въ іюнѣ мѣсяцѣ профессору Ломоносову, который къ тому отъ всего академическаго собранія удостоенъ“.... Прося объ увольненіи Гмелина, академики въ то же время писали и о жалованьѣ Гмелина. Въ продолженіе путешествія онъ получалъ двойное содержаніе 1200 руб., а по возвращеніи въ Петербургъ ему стали выдавать прежній окладъ 600 рублей. „А надлежало было, сказано въ представленіи, покрайней мѣрѣ сравнять его жалованье съ прочими профессорами, которые съ нимъ въ одно время опредѣлены, или послѣ его въ ея императорское величества службу вступили; а изъ первыхъ ни одного нѣтъ, которому бы давно не прибавлено было до осьмисотъ рублей, а одинъ получилъ и тысячу двѣсти рублей, и изъ послѣднихъ есть которые по осьмисотъ и болѣе получаютъ“....

---

[1]) Протоколы 1746 г., а прошеніе въ бумагахъ Государственнаго архива.

Послѣ назначенія президентомъ Академіи наукъ графа Разумовскаго, всѣ жалобы академиковъ на Шумахера, а также и разборъ ихъ взаимныхъ пререканій были представлены новому начальнику. Руководимый Тепловымъ, державшимъ тогда сторону Шумахера, и увѣряемый обоими этими лицами, что академики только хлопочутъ объ ограниченіи власти президента, графъ Разумовскій, съ самаго вступленія своего въ Академію, при каждомъ случаѣ, поддерживалъ Шумахера противъ академиковъ. Неудивительно по этому, что 28 января 1747 года въ академической канцеляріи было составлено опредѣленіе, въ силу котораго Гмелинъ былъ уволенъ изъ Академіи, а его жалобы на оскорбленія Шумахеромъ признаны неосновательными. Однако нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 1 іюля 1747 года, былъ написанъ контрактъ, въ силу котораго Гмелинъ обязывался пробыть четыре года въ званіи академика, съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ, и получилъ дозволеніе ѣхать на годъ заграницу съ тѣмъ, чтобы въ это время получать только половинное жалованье [1]).

При отъѣздѣ заграницу, Гмелинъ просилъ Шумахера поручиться за него въ исполненіи имъ, Гмелинымъ, заключеннаго контракта; но академическій совѣтникъ, какъ бы предчувствуя недоброе, отозвался, что лучше всего поручиться за Гмелина Мюллеру и Ломоносову, которые, какъ извѣстно, были главные враги Шумахера [2]). Эти послѣдніе согласились на просьбу товарища и дали слѣдующую подписку:

„Мы, нижеподписавшіеся, симъ ручаемся, что г. докторъ Гмелинъ, по учиненному своему въ канцеляріи Академіи наукъ письменному обѣщанію, касающемуся до его возвращенія и до ученыхъ сочиненій, во всемъ исполнять будетъ, и обѣщаемся, ежели онъ противъ чаянія поступитъ или назадъ не возвратится послѣ даннаго ему срока, выданныя ему деньги 215 рублей да половинное жалованье, которое впредь произведено будетъ по контракту за моремъ, 500 рублей, всего 715 рублей,

---

[1]) II, книга № 456.

[2]) Записки Академіи наукъ, VIII; прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 31.

заплатить и данные ему дѣла и рисунки поставить паки въ Академію безъ всякаго отлагательства, и чтобы оные нигдѣ въ свѣтъ не были изданы въ печать; которымъ его, Гмелина, рисункомъ за его рукою прилагается реестръ"[1]).

Гмелинъ, пробывъ за границею около года, 25 мая 1748 года, просилъ изъ Тюбингена объ острочкѣ ему отпуска еще на полгода и о присылкѣ слѣдовавшаго ему жалованья. Въ послѣднемъ ходатайствѣ академическая канцелярія рѣшительно отказала, а первое разрѣшила неохотно, напомнивъ при томъ Гмелину, что „все сіе требованіе нарушаетъ съ вашей стороны контрактъ"[2]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, до Шумахера дошелъ слухъ, что Гмелинъ не намѣренъ болѣе возвратиться въ Россію. Объ этомъ обстоятельствѣ писалъ къ нему изъ Тюбингена Крафтъ 26 августа 1748 года: „когда спрашиваютъ г. Гмелина, для чего онъ заключилъ въ Россіи новый контрактъ, то онъ отвѣчаетъ, что иначе nulla alia via не могъ оттуда выѣхать, и что въ противномъ случаѣ его бы насильно удержали въ Россіи, почему и принужденъ былъ nolens, volens заключить такой контрактъ"[3]).

30 августа 1748 года, самъ Гмелинъ, въ письмѣ къ графу Разумовскому, сообщилъ, что онъ съ утвержденія герцога вюртембергскаго, но безъ всякаго съ своей стороны домогательства, назначенъ профессоромъ медицины въ тюбингенскій университетъ. Академическая канцелярія приняла очень неблагопріятно такое извѣстіе, и въ отвѣтѣ ея Гмелину (въ черновомъ есть прибавка рукою Теплова) было писано между прочимъ: „честь высокая его свѣтлости вашего государя герцога, націи вашей и ваша собственная требуютъ того, чтобы вы конечно оставили такое непристойное предпріятіе и возвратились бы къ предписанному вамъ термину въ Санктпетербургъ, т. е. января къ 1 числу 1749 года, гдѣ вы дѣйствительно въ службѣ ея императорскаго величества находитесь по заключенному съ

---

[1]) II, книга № 798.
[2]) II, книга № 798.
[3]) I, Входящія письма 1748, 1749 годовъ.

вами добровольному контракту, какъ-то вамъ самимъ наипаче то извѣстно, и не уповательно, чтобъ его высококняжеская свѣтлость, по своему проницательству, соблаговолилъ въ такомъ случаѣ за васъ вступиться, въ которомъ онъ, по справедливости, себѣ ожидать долженъ совершеннаго отказу отъ ея императорскаго величества. Въ противномъ случаѣ, кромѣ того, что вы разорите людей тѣхъ, а именно профессора Мюллера и профессора Ломоносова, которые по васъ такъ, какъ по искреннемъ своемъ другѣ, поручились и пенсіи свои въ закладъ немалыя отдали,—представлено будетъ немедленно ея императорскому величеству, нашей всемилостивѣйшей государынѣ, дабы противу васъ надлежащія мѣры къ возвращенію убытковъ многихъ, а паче къ защищенію чести ея Академіи приняты были" [1]).

О поступкѣ Гмелина, для принятія разныхъ противъ него мѣръ, было писано изъ Академіи къ Эйлеру и Крафту. Оба эти лица, какъ видно теперь изъ ихъ переписки между собою, въ душѣ не были противъ рѣшимости Гмелина остаться за границею, но въ своихъ письмахъ въ Петербургъ показывали видъ, что не одобряютъ его поступковъ и въ тоже время старались убѣжденіями и разными доводами потушить все дѣло. Такъ Эйлеръ, 26 октября 1748 года, обѣщалъ Теплову уговаривать Гмелина возвратиться въ Россію; „но я, прибавляетъ Эйлеръ, сильно сомнѣваюсь, чтобы, при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился вернуться, потому что если у него были причины не сдержать своего слова въ то время, когда онъ былъ въ милости у его сіятельства, г. графа, то тѣмъ болѣе онъ не рѣшится на то теперь, когда знаетъ о гнѣвѣ его. Я полагаю, что истинная причина, почему онъ допустилъ прельстить себя, заключается въ томъ, что онъ помолвилъ за себя одну дѣвицу, свою соотечественницу, которая не захочетъ за нимъ слѣдовать, а въ такомъ случаѣ, сколько я знаю нѣмецкіе законы, никакой сановникъ не въ состояніи заставить ее ѣхать. Мнѣ чрезвычайно непріятно, что это скверное дѣло причинило столько огорченія его сіятельству и вамъ, милостивый госу-

---

[1]) II, книга № 798.

дарь, въ особенности послѣ тѣхъ важныхъ услугъ, которыя вы ему оказали; но я также думаю, что такая великая вѣтренность г. Гмелина происходитъ скорѣе отъ недостатка рузсудительности, потому что я поручился бы, что у него никогда не было намѣренія, какъ у Делиля, оскорблять Академію. Мнѣ весьма понятно, что настоянія его матери, родныхъ, а особливо его супруги могли такъ сильно повліять на его сердце, что рѣшимость покинуть свою родину сдѣлалась совершенно невозможною вещію для него"... За тѣмъ все остальное въ письмѣ Эйлера направлено къ тому, чтобы убѣдить Теплова не преслѣдовать Гмелина гнѣвомъ Академіи [1]).

21 декабря 1748 года, Эйлеръ написалъ къ Теплову новое письмо и, вѣроятно, для бо́льшаго умилостивленія его, по русски въ томъ же тонѣ, какъ и предыдущее, а Тепловъ отвѣчалъ (17 марта 1750 года), что дѣло о г. Гмелинѣ президентъ Академіи предоставляетъ на окончательное рѣшеніе Эйлера и что Гмелину слѣдуетъ просить прощенія у графа Разумовскаго и всю вину сложить на совѣты одного лица, которое не названо, но легко отгадать, что здѣсь дѣло шло о Мюллерѣ: и Шумахеру, и Теплову хотѣлось привлечь этого академика къ отвѣтственности за Гмелина. Къ чести послѣдняго, надобно замѣтить, что онъ не исполнилъ этого внушенія, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, написалъ извинительное письмо. 27 апрѣля 1750 года онъ прислалъ Эйлеру, для передачи въ Академію, свою статью: Vorschlag wie die Flora sibirica auszuführen, а 8 мая того же года писалъ къ нему же: „мое послѣднее письмо отъ 27 прошедшаго мѣсяца должно васъ убѣдить, что въ непріятномъ дѣлѣ, касающемся контракта, заключеннаго съ Академіею въ 1747 году, я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствую, что жестоко виноватъ противъ его графскаго сіятельства и для полученія полнаго прощенія не знаю ничего, кромѣ прибѣжища къ его высокой милости. Какъ охотно желалъ бы я просить прощеніе, когда бы зналъ, что буду услышанъ! Теперь пусть дѣло окончится, какъ можетъ, но увѣряю васъ, что я неизмѣнно остаюсь

---

[1]) II, книга № 126.

при сознаніи моей ошибки и прилежною обработкою того, что угодно его сіятельству и моими почтительнѣйшими и преданнѣйшими чувствами къ нему и ко всему Русскому государству докажу, что я такого прощенія не недостоинъ. Чего не сдѣлаетъ любовь къ родинѣ? Чего не пересилятъ настоянія любимой матери и сестеръ? Все побуждало меня къ рѣшимости хлопотать объ отпускѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, хотя тщетно. Если бы я могъ уѣхать по полученному отпуску, не оставаясь въ теченіе цѣлаго года въ Россіи, то бы конечно не подумалъ ни о какомъ новомъ контрактѣ; но любовь къ родинѣ не имѣла у меня предѣловъ. Я надѣялся утишить ее въ продолженіе года, однако она у меня усиливалась болѣе, когда я надѣялся объ утоленіи ея. Наконецъ случившаяся потомъ опасная болѣзнь здѣшняго (т. е. тюбингенскаго) профессора ботаники, а вскорѣ за тѣмъ и смерть его открыли мнѣ выгодное мѣсто, обезпечивающее меня на родинѣ"...[1])

Наконецъ оставленіе безъ послѣдствій нарушенія Гмелинымъ контракта было сдѣлано на слѣдующихъ условіяхъ, въ чернѣ сочиненныхъ Шумахеромъ и подписанныхъ Тепловымъ: 1) Его сіятельство прощаетъ г. Гмелину его проступокъ, лишь бы только онъ на будущее время сдержалъ свое слово и поступалъ съ Академіею добросовѣстно. 2) Такъ-какъ начало Flora Sibirica написано по методѣ Ро, то будетъ справедливо и продолжать ее такимъ же образомъ. Изъ заглавія книги видно, что въ ней предполагается описывать сибирскія растенія, по этому будетъ излишне и даже смѣшно помѣщать при этомъ растенія другихъ краевъ. Слѣдовательно растенія гг. Гербера, Лерхе, Генцельмана и китайскія не войдутъ туда; но только тѣ, которыя гг. Гмелинъ, докторъ Мессершмидтъ, Стеллеръ и Крашенинниковъ наблюдали въ Сибири, стало-быть для этого будетъ достаточно пяти томовъ. 3) Такъ-какъ г. Гмелинъ отзывается, что онъ не въ состояніи опредѣлить количества гравюръ для каждаго тома, то предоставляется это на его усмотрѣніе, однако съ тѣмъ, чтобы количество гравюръ не превышало пяти-

---

[1]) I, Входящія письма 1750, 1751 годовъ.

десяти или покрайней мѣрѣ шестидесяти; потому что такое количество, какъ девяносто девять гравюръ во второмъ томѣ слишкомъ велико; дѣлаетъ дорогимъ книгу и замедляетъ изданіе ея въ свѣтъ. 4) Г. Гмелину не будетъ ничего заплачено за первый томъ, такъ-какъ онъ издавалъ его въ то время, когда онъ, какъ академикъ, получалъ жалованье, но за второй и слѣдующіе три тома ему заплатятъ за каждый по 200 рублей и пр. [1]).

Въ письмѣ 20 августа 1740 года Гмелинъ послалъ къ графу Разумовскому благодарственное письмо за окончаніе дѣла. Все оно написано въ покорныхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ, какія только можно было придумать въ видахъ скорѣйшаго окончанія непріятнаго дѣла. „Во всю мою жизнь, я, писалъ между прочимъ Гмелинъ, не премину выражать при каждомъ случаѣ на словахъ и на бумагѣ мое уваженіе къ Россійской имперіи и въ особенности къ знаменитой Академіи наукъ, чести, пользамъ и славѣ которой я буду стараться споспѣшествовать, на сколько будетъ это въ моей возможности“.... [2])

Въ слѣдующемъ 1751 году Гмелинъ напечаталъ свое извѣстное путешествіе по Сибири. По множеству заключающихся тамъ подробностей о бытѣ сибирскихъ жителей, о тамошнихъ городахъ, промыслахъ, торговлѣ и пр. въ первой половинѣ XVIII столѣтія, а также по наблюдательности, точности и умѣнію придавать цѣну даже незначительнымъ повидимому обстоятельствамъ,—по всему этому сочиненіе Гмелина безспорно остается до сихъ поръ важнымъ, но къ сожалѣнію малоизвѣстнымъ русскимъ изслѣдователямъ источникомъ для ознакомленія съ Сибирью въ ту любопытную для нея эпоху, когда въ ней сохранялись еще на всякомъ шагу старинныя преданія; когда еще не совсѣмъ изгладилось изъ памяти завоеваніе Сибири русскими, и весьма понятный антагонизмъ между завоевателями и побѣжденными не успѣлъ еще сгладиться. При тѣхъ цензурныхъ понятіяхъ, которыя существовали въ тогдашней Россіи,

---

[1]) I, Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

[2]) I, Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

при невозможности высказывать мысли и сужденія относительно предметовъ, иногда самыхъ невинныхъ и безопасныхъ, можно положительно сказать, что путешествіе Гмелина, если бы онъ остался въ Россіи, никогда не могло бы быть напечатано въ томъ видѣ, въ какомъ оно же явилось въ Германіи въ 1751 году. Въ этомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что Гмелинъ уѣхалъ изъ Россіи, тѣмъ болѣе, что его товарищъ Мюллеръ, стѣсняемый Шумахерами, Тепловыми и средою, въ которой онъ жилъ, обнародовалъ едва сотую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, которыя были имъ собраны и оставались въ полнѣйшемъ его распоряженіи. Впрочемъ, отдавая должную справедливость достоинствамъ описанія Путешествія Гмелина, надобно сознаться, что въ немъ попадаются рѣзкіе приговоры о русскомъ народѣ, иногда встрѣчаются насмѣшливые отзывы о предметахъ, касающихся народныхъ убѣжденій, преданій. У Гмелина неблагопріятныя мнѣнія о русскомъ народѣ составились вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто во время камчатской экспедиціи. Тогдашняя малонаселенность Сибири и чрезвычайныя требованія, которыя приходилось удовлетворять народу по большей части даромъ и противъ воли, при слѣдованіи огромнаго количества людей и разныхъ припасовъ, которые везлись по Сибири для камчатской экспедиціи, были причиною многихъ отягощеній для сибиряковъ: они неохотно исполняли требованія и старались даже противодѣйствовать исполненію ихъ. Гмелинъ, увлеченный интересами науки и при томъ въ тѣ времена, когда не очень было распространено человѣколюбіе и снисхожденіе къ нижнимъ классамъ народа, все приписывалъ исключительно его грубости, лѣности, пьянству и проч.

Гмелинъ самъ чувствовалъ, что его сочиненіе, будучи напечатано, можетъ произвести толки въ Россіи, а потому, 22 октября 1751 г., онъ рѣшился предупредить о томъ Шумахера: „Когда я, писалъ къ нему Гмелинъ, за восемь дней передъ тѣмъ привелъ въ порядокъ три экземпляра дневника моего Путешествія для отсылки въ Петербургъ, то не разсчелъ, что они могутъ долгое время пробыть въ дорогѣ. Я не обдумалъ, что заглавіе

скорѣе дойдетъ по газетамъ и чрезъ это можетъ явиться подозрѣніе, которое въ состояніи повредить мнѣ прежде, чѣмъ будетъ узнано содержаніе сочиненія. Чтобы теперь же предупредить всякое ложное заключеніе, считаю необходимымъ отправить одинъ экземпляръ Путешествія по почтѣ, чтобы вы изъ него могли видѣть, что тамъ не содержится ничего непристойнаго для русскаго государства и его славы, а также и такого, что бы не относилось къ наукѣ—стало быть тамъ нѣтъ ничего чѣмъ бы я нарушилъ лежащія на мнѣ обязанности. По этому я желаю удачнаго окончанія и надѣюсь на благопріятный приговоръ, который отдаю на дальнѣйшую благосклонность и снисхожденіе“... и пр.[1]).

Получивъ это извѣщеніе, Шумахеръ написалъ къ Эйлеру: „....ваше высокоблагородіе скоро не безъ удивленія прочтете въ Göttinger Zeitungen о выходѣ тамъ въ свѣтъ Сибирскаго путешествія г. Гмелина. За нѣсколько дней передъ симъ онъ самъ меня о томъ увѣдомилъ, увѣряя, что тамъ содержатся только неважныя вещи и что, слѣдовательно, императорская Академія не приметъ того въ дурную сторону. Онъ думаетъ также, что настойчивыя просьбы его друзей тѣмъ болѣе подвигнули его къ тому, что послѣ его смерти это было бы все равно издано, и тогда вошли бы туда такія обстоятельства, которыхъ императорская Академія не допускаетъ въ своихъ изданіяхъ. И такъ я представляю себѣ это сочиненіе въ родѣ описанія путешествія статскаго совѣтника Ланге. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы г. Гмелину предварительно спроситься о томъ“....[2])

Что̀ изданіе въ свѣтъ Путешествія Гмелина возбудило разные толки тотчасъ по̀ выходѣ его въ свѣтъ, о томъ видно изъ слѣдующаго письма самого Гмелина къ Галлеру 22 октября 1751 г.:

„Cursor publicus nudius tertius Berolino duas epistolas attulit, alteram ab Authore. diss. petropolitanae, alteram ab amico ibi

---

[1]) I, Входящія письма 1750, 1751 годовъ.

[2]) I, Входящія письма 1750, 1751 годовъ.

degente, quorum uterque pericula indicavit et discrimina, in quibus ego versor propter editum iter meum. Fieri posse, ajunt, ut propter amicitiam, quae est inter aulas, Anglicam, Caesaream, et Russicam, a priore suppressio libri jubeatur, et ab altera extraditio meae personae per aulam Caesaream a Wurtenbergica desideretur, nisi vero id succedat, ut larvati homines veniant in regionem nostram, meque clam suscipiant, auctores mihi igitur esse, ut caveam a larvatis hominibus, inprimis autem a praefectis militum caesareis, aut me subducam in locum tutum, e. gr. Berolinum. Mira certe narrant, cum nesciam, quid in hoc libro contineatur, adversum Russico Imperio, aut ejus gloriae, et puto, totam istam rem ex solo rumore de libro, cujus contenta ignorantur, natum esse, nec ideo vel minimo metu perculsus sum, ut potius in incepto opere continuo pergere in animum induxerim, eo magis, cum Russi quidam juvenes Berolini degentes ejusmodi rumores sparserint, ex amore Patriae et ex ignorantia causae, cum ipsum librum nec viderint nec legerint unquam. Sana enim ratio cuilibet librum perlegenti dictitabit, nihil omnino ibi contineri, quod dignum sit tanto supplicio, quo auctorem afficere volunt. Nemini eorum hanc causam, indicavi, et potius spe alor, illam vanam esse et nihil mihi malorum imminere. Ita in tuum sinum totam hanc rem effundere volui, ut vel forti tuo consilio vel et auxilio, si quod malum imminet, sustineas. Optassem, ut vel unicum exemplar istius operis ad me misisset van den Hoeck, vel serenissimo nostro Duci offere vel Krafftio nostro tradere potuissem, ut uterque innocentia mea ante convictus fuisset, quam ex aula Russica vel Caesarea litterae pervenire possent. Secundo rogo, ut in recensione de opere isto instituenda, moneas, videri auctorem studio omisisse observationum innumerarum, quas feci, vel recensionem tantum dedisse, nihil tamen scripsisse, quod a veritate abhorreret, quod cum omne in gloriam Russici Imperii cedat, manifesto sit documento, quam reverenter et pie habet auctor regionem istam, in qua tot annos consumpsit etc.“.... [1])

Въ сентябрѣ 1752 года, академическая канцелярія сдѣлала

[1]) Epistolarum... ad Hallerum scriptarum pars I, vol. III, 240, 241.

распоряженіе, чтобы Мюллеръ и Ломоносовъ представили разборъ труда Гмелина: „по два экстракта сдѣлать на россійскомъ языкѣ, изъ которыхъ въ одномъ показать, что въ ономъ описаніи достопамятнаго и полезнаго имѣется, а въ другомъ объявить, что въ немъ излишняго, непристойнаго и сумнительнаго находится, и тѣ экстракты послать къ его сіятельству Академіи наукъ президенту, дабы о помянутомъ описаніи тѣмъ извѣстнѣе мѣры воспріять можно было“.... Мюллеръ отказался отъ этого порученія, и отвѣтъ его по этому обстоятельству сообщенъ выше въ жизнеописаніи его, на стр. 366; сдѣлано-ли было что Ломоносовымъ, неизвѣстно[1]).

„Описаніе путешествія по Сибири Гмелина, писалъ Шумахеръ къ Крафту, 27 апрѣля 1753 года, какъ ни мало имѣетъ оно значенія (sic!), обратило здѣсь на себя большое вниманіе. Въ особенности жалуются, что онъ насмѣшливо писалъ о русскомъ народѣ и его вѣрѣ, также распространялся о предметахъ (?), которые вовсе не касаются до его сочиненія“....[2])

„Что г. докторъ Гмелинъ, отвѣчалъ на это Крафтъ, 29 іюня 1753 года, въ своемъ Описаніи сибирскаго путешествія невездѣ писалъ съ должнымъ почтеніемъ о русскомъ народѣ и его вѣрѣ, то это мы здѣсь знаемъ очень хорошо, и не только я, но и многіе другіе въ томъ его упрекали. Но такъ-какъ сочиненіе печатается въ Гёттингенѣ безъ всякаго предварительнаго о немъ свѣдѣнія, такъ-что мы ничего не могли знать прежде окончанія печатанія, то надѣюсь, что это не будетъ поставлено въ вину ни мнѣ, ни другимъ, живущимъ въ здѣшнихъ мѣстахъ лицамъ, которыя, подобно мнѣ, расположены къ Россіи. Тутъ виноватъ одинъ г. докторъ, который и самъ теперь раскаявается“....[3])

Въ 1754 году здоровье Гмелина находилось уже въ незавидномъ положеніи, такъ-что изъ Академіи наукъ негласно

---

[1]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 179, 180.

[2]) I, Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

[3]) I, Входящія письма 1752, 1753 годовъ.

было поручено Крафту принять мѣры къ сохраненію матеріаловъ, имѣвшихся у Гмелина изъ Академіи для продолженія его ботаническаго труда. „Г. докторъ Гмелинъ, писалъ Крафтъ къ Шумахеру, 1 іюля 1754 года, снова поправляется, и на столько, что можетъ выходить, и нѣсколько дней тому назадъ, будучи у меня, завѣрялъ, что третій томъ Florae Sibiricae готовъ.... Но онъ еще слабъ и истощенъ: за нѣсколько дней у одного добраго пріятеля съ нимъ сдѣлался опять припадокъ, и его надобно было перенести домой. Онъ, какъ мнѣ сказывалъ его братъ, экстраординарный профессоръ, лежитъ еще, и должно опасаться, чтобы онъ не скончался внезапно отъ удара. Я никому не даю примѣтить о полученномъ мною полномочіи и въ случаѣ если, по волѣ Божіей, переживу ожидаемое съ опасеніемъ событіе, то сумѣю сдѣлать изъ полномочія надлежащее употребленіе въ пользу высокоуважаемой Академіи“.... Однако Крафтъ чрезъ двѣ недѣли послѣ этого письма самъ умеръ, а кончина Гмелина послѣдовала въ 1755 году.[1])

„Г. докторъ Гмелинъ скончался, писалъ Эйлеръ къ Шумахеру 10 іюня 1755 года: вчера я получилъ о томъ неожиданно извѣстіе отъ его опечаленной вдовы, которая увѣдомляетъ меня, что онъ умеръ, послѣ восьмидневныхъ страданій, 20 мая вечеромъ. Она надѣется, что третій томъ Florae Sibiricae дошелъ по назначенію и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно просила, чтобы я ходатайствовалъ въ ея пользу предъ императорскою Академіею. Я самъ въ полной надеждѣ, что теперь будетъ забыто все прошлое, и вдовѣ окажется всякая благосклонность. Конечно не представится никакихъ затрудненій въ обѣщанныхъ 200 рубляхъ за третій томъ Florae Sibiricae, но какъ матеріаловъ осталось еще на нѣсколько томовъ, то вдова охотно передастъ ихъ за небольшое вознагражденіе“....[2])

Вдова Гмелина и сама обращалась съ просьбою къ президенту Академіи наукъ объ оказаніи ей съ двумя дѣтьми пособія изъ Россіи за услуги ея мужа. „Не будетъ-ли мнѣ дозволено,

---

[1]) I, Входящія письма 1754—17(69) годовъ.

[2]) I, Входящія письма 1754—17(69) годовъ.

писала она между прочимъ, надѣяться на милость августѣйшей изъ государынь, на величіе души, которое такъ возвышаетъ прочія добродѣтели вашего сіятельства, чтобы вдова и дѣти истратившаго свои силы и дарованія на службѣ русской имперіи воспользовались милостями, которыя ему предназначались если бы смерть не похитила его посреди занятій"...[1])

„Пріѣзжайте къ намъ скорѣе, писалъ Мюллеръ 16 декабря 1755 года къ вновь вызванному въ Академію изъ-заграницы ботанику Гебенштрейту: дѣла много, а притомъ можно много пріобрѣсти и славы. Третій томъ Флоры сибирской присланъ докторомъ Гмелинымъ незадолго предъ его смертью. Матеріалы для четвертаго и пятаго томовъ, вмѣстѣ съ другими рукописями его, будутъ привезены изъ Тюбингена г. кандидатомъ Кёльрейтеромъ, который вступаетъ въ здѣшнюю службу въ званіи адъюнкта. Мы надѣемся также получить отъ вдовы г. Гмелина весь его Herbarium vivum, который онъ такъ много лѣтъ собиралъ въ Россіи и Тюбингенѣ, и который для васъ будетъ весьма полезенъ"....[2])

Гебенштрейтъ, 2 декабря 1756 года, далъ такой отзывъ о третьемъ томѣ Сибирской флоры: „сей третій томъ можно напечатать съ такою же похвалою, съ какою изданы первый и вторый томы Флоры сибирской.... Продолженіе сего ботаническаго сочиненія съ нетерпѣніемъ ожидаютъ; также и пресѣчется симъ оное подозрѣніе, которое многіе имѣютъ, будто помянутый г. Гмелинъ дѣлъ своихъ при жизни всѣхъ не окончилъ"....[3])

Что касается до бумагъ и рисунковъ Гмелина, то они были доставлены въ Петербургъ въ Академію Кёльрейтеромъ, который 26 іюня 1756 года представилъ подробный реэстръ имъ[4]) и оцѣнилъ гербарій покойнаго академика въ 600 руб-

---

[1]) I, Входящія письма 1754—17(69) годовъ.

[2]) I, первый портфель писемъ исторіографа Мюллера къ разнымъ лицамъ 1754—1756 годовъ.

[3]) II, книга № 217.

[4]) Подлинной реэстръ, за подписью Кёльрейтера, хранится II, книга № 217, а современный переводъ Голубцева — II, картонъ № 18.

лей. Эти деньги Академія уплатила вдовѣ Гмелина въ 1757 году, по доставленіи изъ Тюбингена гербарія.

Портретъ Гмелина, сдѣланный Гаидомъ черною манерою (Schwarzkunst), помѣщенъ Brücker's Bildersaal, dec. 8. Кромѣ того, есть этотъ же портретъ въ f°, указанный подъ № 7559 въ Allgemeiner Portrait-Katalog von W. E. Drugulin (Leipzig, 1860). При императрицѣ Екатеринѣ II членомъ нашей Академіи наукъ былъ другой Гмелинъ, Самуилъ-Георгъ, который приходился племянникомъ Іоганну-Георгу Гмелину.

Гмелинъ владѣлъ довольно хорошо русскимъ языкомъ и, кромѣ нѣсколькихъ писемъ и прошеній, сохранились до нынѣ два его собственноручныя представленія, писанныя по русски: одно, 1 апрѣля 1747 года, о червяхъ, заводящихся въ корнѣ ревеня, и другое, 13 сентября 1747 года, о сѣменахъ, посылаемыхъ въ подарокъ къ миссіонерамъ въ Китай[1]). Въ Государственномъ архивѣ есть статья Гмелина, представленная въ императорскій Кабинетъ 23 февраля 1746 года: „О алмазахъ", гдѣ есть извѣстія о мѣстонахожденіяхъ ихъ въ Сибири; „О горячихъ ключахъ по Сибири", составленная Крашенинниковымъ изъ наблюденій собственныхъ и Гмелина; „О повѣтріи, случающемся у живущихъ при рѣкѣ Иртышѣ народовъ, сочинено докторомъ Гмелинымъ". Кромѣ того, въ дѣлахъ академической канцеляріи, книга № 52, есть его же статья „Описаніе животнаго, мскусъ въ себѣ имѣющаго и называемаго Кабарга"; это описаніе сдѣлано въ Красноярскѣ.

Слѣдующія статьи Гмелина напечатаны въ изданіяхъ Академіи наукъ:

Commentarii Academiae petropolitanae: III, 246—264, De radiis articulatis lapideis (здѣсь, между прочимъ, говорится объ окаменѣлостяхъ, найденныхъ въ 29-ти верстахъ отъ Петербурга по берегамъ рѣки Славянки). V, 263—273, De augmento ponderis, quod capiunt quaedam corpora, dum igne calcinantur; 277—294, De salibus alcalibus fixis plantarum. X, 303—325, De frigore et calore glaciei, nivis et aquae.

---

[1]) II, книга № 107.

Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: IV, 373 — 388, Mus aquaticus exoticus clus. auctor Raii Syn. Quadrup. p. 217, Russ. выхухоль; 288 — 392, Rucicapra cornubus arietinis. Russ. степной баранъ; Calmuc. argali; 393 — 410, Descriptio animalis moschiferi, kabarga dicti, V, 338 — 372, Animalium quo rumdam quadrupedum descriptio. Кромѣ того упоминанія о его трудахъ: VI, 425, Observationes meteorologicae octo annorum in diversis Sibiriae locis ab a. MDCCXXXIV ad a. MDCCXLI factae. VII, Hist., 39, Supplementum de Ibice imberbi.

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ здѣсь статей Гмелина переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны Мюмлеромъ во II-й части его сборника: Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kayserlichen Academiè der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1783).

Академикъ Рупрехтъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику ученыхъ трудовъ Іоганна-Георга Гмелина:... „Крайности холода и зноя, которыя въ состояніи переносить человѣкъ и животныя и которыя далеко превышали назначенную тогда Бургавомъ мѣру, пониженіе изотермическихъ линій къ востоку, никогда не оттаивающая подпочва въ Якутскѣ и на Аргуни, распространеніе чернозема въ Сибири, пониженіе Каспійскаго моря, барометрическія опредѣленія высотъ и еще много другихъ наблюденій и открытій отчасти были впервые отмѣчены Гмелинымъ. Но здѣсь мы ограничимся только оцѣнкою единственнаго ботаническаго труда Гмелина, его Сибирской Флоры. Это, поистинѣ классическое твореніе заключаетъ въ себѣ описаніе 1178 растеній съ приложеніемъ 300 чертежей. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное для тогдашняго времени множество растеній. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1744 г.), что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ; но Линней еще далеко не видалъ всѣхъ растеній Гмелина. Въ его Flora Sibirica мы находимъ первыя шаткія попытки растительной географіи Сибири, основанной на обширной наглядности: граница обыкновенныхъ европейскихъ

растеній отодвинута до Енисея и уже подмѣчено сходство азіатскихъ и американскихъ породъ.... Гмелинъ былъ, правда, другъ Линнея, но отнюдь не слѣпой послѣдователь его системы. Его Сибирская Флора расположена по естественнымъ семействамъ Ро (Roy), исправленнымъ Ройеромъ (Royer), изъ которыхъ потомъ развилась система Жюссье. III-й и IV-й томы вышли въ 1768 и 1769 г.г., подъ редакціею его племянника и подъ корректурою Гертнера. Доказательствомъ тому, сколь важно это твореніе для россійской флоры вообще, служитъ то, что Ледебуръ составилъ къ нему комментаріи, къ которымъ важное дополненіе еще недавно издано нашею Академіею (Gmelini Reliquiae edit. Plieninger, 1861) вмѣстѣ съ ботаническою перепискою Линнея, Галлера и Штеллера. V-й томъ, содержащій въ себѣ тайноцвѣтныя растенія, остался въ рукописи и долго не могъ быть найденъ, такъ-что Георги считалъ его даже затеряннымъ. Гмелинъ младшій издалъ изъ него нѣсколько новыхъ сибирскихъ папоротниковъ; но другіе онъ оставилъ неприкосновенными, и они лишь 50—80 лѣтъ позже явились какъ бы за-ново, однако далеко не такъ описанные, какъ въ этомъ V-мъ томѣ“ [1]).

КРАФТЪ, ГЕОРГЪ-ВОЛЬФГАНЪ, академикъ сначала по каѳедрѣ общей математики, а потомъ физики.

Краткія біографическія извѣстія о немъ: Hamburgisches Magazin, oder gesammlete Schriften aus der Naturforschung und den angenehmen Wissenschaften überhaupt, 1756, XVI, 304—312. Здѣсь переводъ статьи Nouvelle bibliothèque germanique 1755, съ прибавленіемъ перечня статей Крафта, помѣщенныхъ въ изданіяхъ нашей Академіи. Das neue gelehrte Europa 1757, XII, 943—949. A. F. Böks, Geschichte der herzoglich würtenbergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen (Tübingen, 1774), 201—203. Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, VII, 299—303. Здѣсь полный списокъ всѣхъ сочиненій Крафта. Foztsetzung und Ergänzungen zu Jöcher's Gelehrten Lexiko von J. C. Adelung und Rottermund III, 779—780. По случаю смерти Крафта

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 3, Матеріалы для исторіи Академіи наукъ по части ботаники, стр. 4, 5.

напечатаны: латинское слово, безъ заглавія, отъ ректора тюбингенскаго университета 8 сентября 1754 года (въ f°, 4 нен. стр.) и Oratio funebris memoriae ac honori.... G. W. Kraftii.... qui die XVI jul. obtigit.... habita a C. F. Schott. Въ архивѣ академическомъ конференціи въ фоліантѣ «Біографіи академиковъ», № 11, есть самимъ Крафтомъ составленное обстоятельное извѣстіе о всѣхъ трудахъ своихъ въ бытность его въ петербургской Академіи. Это извѣстіе переведено на русскій И. Голубцовымъ и хранится въ архивѣ академической канцеляріи, книги №№ 125 и 786. Неизданныя письма Крафта къ Эйлеру въ архивѣ академической конференціи въ Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744; von 1745 bis 1748; von 1749 bis 1755.

Крафтъ родился 15 іюля 1701 года въ Дюттлингенѣ (бывшаго вюртембергскаго герцогства), гдѣ отецъ его былъ пасторомъ; окончательное образованіе получилъ въ тюбингенскомъ университетѣ, отъ котораго удостоенъ степени магистра. Бывшій его профессоръ Бильфингеръ, будучи приглашенъ въ Петербургъ для занятія каѳедры въ Академіи наукъ, предложилъ ѣхать туда и Крафту. Послѣдній прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Дюверну.

Сначала Крафтъ занимался преподаваніемъ въ академической гимназіи, а въ 1727 году онъ былъ приданъ астроному Делилю для производства астрономическихъ наблюденій на обсерваторіи, но не долго оставался здѣсь, такъ-какъ Делиль началъ съ нимъ обходиться слишкомъ самовластно [1]). 31 января 1731 года съ нимъ заключенъ былъ контрактъ, по которому онъ назначенъ академикомъ по каѳедрѣ „генеральной математики", а въ 1733 году, вмѣсто Эйлера, получилъ каѳедру физики теоретической и опытной. Съ 1730 года, по избранію академиковъ, на Крафта было возложено веденіе латинскихъ протоколовъ академическихъ засѣданій, что было имъ исполняемо съ большою точностью до конца 1733 года [2]). Послѣ смерти ака-

[1]) Мюллеръ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 277.

[2]) Въ примѣръ тому, какъ Крафтъ отчетливо писалъ протоколы можно привести случай 13 іюля 1731 года: академики Делили сдѣлали нѣкоторое измѣненіе въ протоколѣ въ томъ, что касалось ихъ докладовъ, и Крафтъ долгомъ счелъ отмѣтить, что это измѣненіе non ex ea causa, quod male mihi in ..... Gallice dictata in Latinum verterim, sed quod in quibusdam ipsi sententiam mutaverint.

демика Байера онъ былъ сдѣланъ, 29 мая 1738 года, инспекторомъ гимназіи [1]). Въ томъ же году ему поручено давать уроки сыну Бирона—Карлу [2]).

Крафтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ академиковъ, которые не ссорились съ Шумахеромъ и постоянно держались его стороны—это объясняется тѣмъ, что Крафтъ былъ женатъ на сестрѣ Тауберта [3]), пользовавшагося великою довѣренностью Шумахера. Въ 1743 году Крафтъ употреблялъ всѣ усилія и прибѣгалъ ко всевозможнымъ ходатайствамъ для возвращенія Шумахеру прежней власти въ Академіи. Какъ былъ огорченъ и разстроенъ этотъ академикъ случившимся съ Шумахеромъ, это видно изъ тогдашней его переписки съ Эйлеромъ [4]). Наконецъ Шумахеръ былъ возвращенъ съ прежнею властію къ академическимъ дѣламъ, а Крафтъ 29 мая 1744 года, по его просьбѣ, получилъ увольненіе изъ Академіи [5]). Въ слѣдующемъ же году Шумахеръ, не спросивъ никого, назначилъ ему, какъ почетному члену, пенсію, выдача которой продолжалась Крафту до смерти его [6]).

Во время пребыванія своего въ петербургской Академіи, Крафтъ написалъ значительное число сочиненій и статей, напечатанныхъ какъ въ Комментаріяхъ и Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ, такъ и отдѣльно. Всѣ они перечислены въ концѣ жизнеописанія, а здѣсь привожу собственныя слова Крафта о его занятіяхъ въ Академіи: „прежде моего въ Академію опредѣленія въ великомъ непорядкѣ и въ конфузіи находящіеся инструменты физическіе привелъ я въ изрядный порядокъ, что уже отъ многихъ персонъ какъ здѣшнихъ, такъ и чужестранныхъ, которыя въ Академіи для любопытства гуляли, похвалено и аппробовано. По сему порядку помянутыя

---

[1]) II, книга № 442.

[2]) Продолженіе Стриттера рукописи Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 651.

[3]) Аннѣ-Екатеринѣ, дочери академическаго эконома Матвѣя Фельтена, который былъ женатъ на вдовѣ Тауберта.

[4]) I, Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744, письма 16 октября и 25 декабря 1742 года.

[5]) Прошеніе Крафта объ увольненіи его въ 1742, 1743 и 1744 годахъ, II, книги №№ 68 и 87.

[6]) I, Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

инструменты физическіе всѣ и каждые порознь по ихъ шкафамъ и нумерамъ внесены мною въ исправный каталогъ, который при Академіи уже напечатанъ".

„Въ разныя времена представлялъ Академіи, когда деньги въ оной были, какіе полезные и новоизобрѣтенные инструменты физическіе изъ чужестранныхъ земель выписаны быть могутъ отчасти для того, чтобъ учинить онымъ куріозные эксперименты, а отчасти также ради и той причины, чтобъ такіе инструменты и здѣсь дѣлать можно было, какъ о томъ поданные отъ меня въ канцелярію Академіи репорты свидѣтельствуютъ. И какъ оное также въ Академіи по силѣ возможности дѣйствительно учинено, и такимъ образомъ чрезъ сіе корпусъ здѣшнихъ физическихъ инструментовъ вдругъ знатнѣйшимъ во всей Европѣ, моимъ стараніемъ, учинился. Помянутые физическіе инструменты употреблялъ я на публичныхъ моихъ лекціяхъ при обученіи въ Академіи россійскаго юношества, также и всѣхъ оныхъ, которые ту науку знать желаютъ. Въ физикѣ экспериментальной и теоретической со всякою вѣрностію и не похваляся могу сказать, что я первый профессоръ, который при Академіи наукъ полный курсъ экспериментовъ физическихъ имѣлъ и къ концу привелъ; причемъ я честь имѣлъ видѣть у себя также нѣкоторыхъ и знатныхъ персонъ".

„Обсерваціи метеорологическія отправлялъ я съ 1729 году, чрезъ которыя не безъ великаго, безпрестаннаго старанія и труда много новаго мною изобрѣтено что̀ надлежитъ до состоянія погодъ здѣшняго климата, и сіе все можно усмотрѣть изъ поданныхъ мною въ Академію надлежащихъ писемъ. По смерти профессора Мейера († 1729 г.), который первый здѣсь при Академіи календари сочинялъ, по указу Академіи наукъ, принялъ я на себя сіе дѣло и отправлялъ оное чрезъ нѣсколько лѣтъ [1]) съ общею похвалою"....

Какъ ни обстоятельно это извѣстіе Крафта о своихъ уче-

---

[1]) Календарь на 1735 г. уже составлялъ Винцгеймъ. Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Peterburg, 428.

ныхъ трудахъ въ Петербургѣ, однако онъ прошелъ молчаніемъ занятія астрологіею и свои предсказанія.

Въ шуточномъ стихотвореніи на свадьбу Эйлеру, о которомъ упомянуто уже было въ жизнеописаніи его (стр. 252—253), заключительный куплетъ указываетъ, что уже въ 1733 году Крафтъ славился какъ предсказатель, такъ-какъ здѣсь въ обращеніи къ Эйлеру говорится:

Ihr könnt von unserm wackern Krafft,
Dem hochberühmten Freund der Sternen,
Was diese Zeit für Einfluss schafft,
Nach meinem Wunsch, erkennen lernen.
Ihr habt es schon beglückt gewagt;
Fügt nun die Hertzen, wie die Hände;
Es macht, wie sein Calender sagt,
Auch Euch das Jahr ein schönes Ende!

Современникъ Крафта и товарищъ его по Академіи, Штелинъ сохранилъ извѣстіе, что императрица Анна чрезвычайно вѣрила въ астрологическія предсказанія съ тѣхъ поръ, какъ сочинитель курляндскихъ календарей, докторъ Бухнеръ удачно предсказалъ ей, что она вступитъ на русскій престолъ. Поэтому государыня часто обращалась въ Академію, требуя отвѣтовъ на свои вопросы и задачи. „Сіе дѣло, говоритъ Штелинъ, всегда касалось до тогдашняго профессора математики и экспериментальной физики г. Крафта, который по такому случаю на придворный вкусъ больше прилежалъ къ астрологіи и чрезъ принятыя въ ней правилы рѣшалъ удивительныя задачи, какъ напр. при заданномъ ему безыменномъ гороскопѣ несчастнаго принца Ивана и пр. Часто при долговременной ненастной погодѣ, посылала императрица въ Академію съ вопросомъ, когда перемѣнится погода? Профессоръ Крафтъ всегда отвѣтствовалъ по своему счисленію, какъ то самъ публично въ Академіи разсказывалъ, и отвѣты его всегда въ означенный день исполнялись для подкрѣпленія императорской благосклон-

ности къ Академіи“...[1]) Въ современныхъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ сохранились извѣстія, что Крафтъ былъ призываемъ во дворецъ для показыванія императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ разныхъ опытовъ, такъ напр., въ мартѣ 1735 г., Крафтъ „въ высочайшемъ присутствіи Ея Величества Чірнгаузенскимъ зажигательнымъ стекломъ нѣкоторыя опыты дѣлалъ“.... Или: „На прошедшей недѣлѣ учинены при дворѣ къ высочайшему удовольствію Ея Імператорскаго величества разные опыты Антліею Пневматіческою, такожде нѣкоторыя Гідроуліческія и Гудростатическія эξперіменты“....[2])

По возвращеніи въ Тюбингенъ, Крафтъ тотчасъ же былъ избранъ профессоромъ математики въ тамошнемъ университетѣ, о чемъ извѣщая Эйлера, 21 декабря 1744 года, Крафтъ присовокуплялъ, что онъ теперь „per Dei gratiam въ покоѣ, въ своей стихіи и въ великомъ почетѣ“.[3])

Въ 1746 году, по назначеніи графа Разумовскаго въ президенты Академіи наукъ, Крафту, также какъ и Эйлеру, было сдѣлано приглашеніе вернуться въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы онъ занялъ должность конференцъ-секретаря, „понеже должность сія столь важна и столь пространна, что для исправленія оной потребенъ особливой человѣкъ, которой бы какъ гуманіоры, такъ и науки основательно зналъ“.[4]) Поэтому поводу Крафтъ писалъ къ Эйлеру, 29 августа 1746 года: „конечно на землѣ нѣтъ такого мѣста, куда бы не отправился я съ радостью, если бы зналъ, что тамъ встрѣчусь съ вами. Однако я нѣсколько недовѣрчивъ и прошу васъ не очень спѣшить вашимъ согласіемъ по этому дѣлу. Что до меня касается, то я на прямики отклонилъ такое приглашеніе по многимъ причинамъ, изъ которыхъ немаловажная состоитъ въ томъ, что я не желаю находиться въ параллели съ господами Тредіаковскими, Тепловыми и другими, а также заискивать ихъ милость. Если мало по малу эти господа въ состояніи составить Академію, то

---

[1]) Stählin's Originalanecdoten von Peter dem Grossen (Leipzig, 1785), 357, и Москвитянинъ 1842 г., I, 50.

[2]) Санктпетербургскія Вѣдомости 1735 г. № 18, 142; № 20, 169.

[3]) I, Euler's Briefwechsel von 1732 bis 1744.

[4]) II, книга № 819.

я буду тому очень радъ, но знаю, что никогда дѣло не пойдетъ на ладъ особенно въ Россіи, когда выпущенный на волю подмастерье открываетъ лавку подлѣ лавки своего хозяина". [1])

Въ 1749 году Крафту снова было повторено предложеніе прибыть въ Петербургъ, при чемъ ему предлагалось званіе ректора университета, 1500 рублей жалованья и 300 рублей на путевыя издержки [2]). И въ этомъ случаѣ Шумахеръ принималъ дѣятельное участіе, а бывшій тогда заграницею Таубертъ лично убѣждалъ Крафта принять эти предложенія или даже назначить свои условія еще болѣе для себя выгодныя [3]). Крафтъ, 20 іюня 1749 года, писалъ къ Эйлеру: „нѣсколько дней тому назадъ г. Таубертъ прибылъ къ намъ чрезъ Парижъ изъ Лондона.... Онъ много употреблялъ усилій, чтобы склонить меня къ возвращенію въ Россію, однако я не могъ на то рѣшиться, не потому, чтобы не имѣлъ къ тому охоты, но отъ того, что меня сочтутъ здѣсь неблагодарнымъ".... [4])

27 января 1753 года, Крафтъ извѣщалъ Шумахера, что герцогъ вюртембергскій, его государь, велѣлъ построить при своемъ дворцѣ прекрасную обсерваторію, которая поручена будетъ Крафту, и онъ надѣялся заниматься тамъ по ночамъ астрогнозіею; однако ему недолго пришлось пользоваться этою обсерваторіею, такъ-какъ онъ, 16 іюля 1754 года, умеръ отъ чахотки. [5]) Портретъ Крафта черной манерой, дѣланный Гаидомъ, находится въ Brucker's Bildersaal 6—tes zehend. [6]) Впослѣдствіе времени сынъ его Вольфгангъ-Людвигъ Крафтъ, ро-

---

[1]) Weisz aber wohl, dasz es, sönderlich in Russland, niemahl wohl gehet, wan ein losz gestrochener Gesell seine Laden neben des Meisters Laden aufschlägt. I, Euler's Briefwechsel von 1745 bis 1747.

[2]) I, Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

[3]) I, Исходящія письма 1748 (sic) года, письмо Шумахера къ Тауберту 20 мая 1749 года.

[4]) L. Euler's Briefwechsel v. 1749 bis 1755.

[5]) II, книга № 465, протоколъ 19 августа 1754 года; но въ нѣмецкихъ біографіяхъ показывается ошибочно (см. выше, стр. 453), что Крафтъ умеръ 12 іюня 1754 г.

[6]) См. также W. Drugulin's Allgemeiner Portrait-Katalog (Leipzig, 1860), № 10, 910.

дившійся въ Петербургѣ, вернулся туда въ 1767 году и былъ также членомъ нашей Академіи.

Георгъ Крафтъ замѣчателенъ въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что кромѣ статей чисто ученаго содержанія, написалъ нѣсколько учебниковъ, которые и служили долгое время потомъ руководствами въ академической гимназіи. Слѣдующія сочиненія Георга Крафта изданы Академіею наукъ отдѣльно: Einleitung zur mathematische und natürlichen Geographie; nebst dem Gebrauche der Erdkugeln und Landkarten zum Nützen Russischen studirenden Jugend, 1738; ebend. 1739, 8°.; по ней читалъ лекціи Ломоносовъ, когда былъ адъюнктомъ[1]). Русскій переводъ ея Ивана Голубцева въ Росписи россійскимъ книгамъ Смирдина (Спб., 1828 г.), № 3953. Новое изданіе съ примѣчаніями Эпинуса въ 1764, in 8°. Kurze Einleitung zur Erkenntniss der einfachen Maschinen und derselben Zusammensetzung. 1738, in 8°. Русскій переводъ В. Адодурова, напечатанный въ 1738 и 1802 годахъ, въ Росписи россійскимъ книгамъ Смирдина (Спб., 1828 г.), № 4047. Einleitung zur Geometrie, по которому производилось много лѣтъ потомъ преподаваніе въ академической гимназіи. Русскій переводъ у Сопикова, III, № 5815. Experimentorum physicorum praecipuorum brevis descriptio in usum auditorum suorum, 1740, in 8°; русскій переводъ Гавріила Широкаго 1787 г., въ Росписи россійскихъ книгамъ Смирдина (Спб., 1828 г.), № 4357; тамъ же переводъ М. Ковалева 1779 года, подъ № 4358. Kurtzer Auszug der politischen Geographie. „Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ въ генварѣ мѣсяцѣ 1740 года ледяного дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ.... 1741 г.“. Это описаніе напечатано также на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Французскій переводъ сдѣланъ академикомъ Ле-Руа. Рѣчь на латинскомъ языкѣ 1742 года о clavecin oculaire Кастеля напечатана, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нее академика Вейтбрехта, подъ заглавіемъ: Sermones in solemni Academiae scientiarum imperialis conventu publice reci-

---

[1]) Билярскаго, Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб., 1865) 8.

tati — (1742, въ 4°). Русскій переводъ тогда же напечатанъ въ 4°, подъ заглавіемъ: Рѣчи, которыя въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ латинскаго языка чрезъ Григорья Теплова Натуральной Гісторіи Адъюнкта. 3 нен. и 31 ненум. страница. На страницѣ 3 здѣсь есть стихи, которые тогда не могли быть написаны никѣмъ другимъ, кромѣ Ломоносова. На первой страницѣ помѣщена виньетта съ изображеніемъ клавесина Кастеля.

Статьи, напечатанныя Крафтомъ въ Примѣчаніяхъ къ С.-Петербургскимъ вѣдомостямъ: 1) О квадратурѣ циркуля, о сѣченіи на три части угла и о двоеніи куба — семь статей. 2) Соединеніе Венеры и Луны — одна статья. 3) О сѣверномъ сіяніи—пять статей. 4) О времени и его размѣреніи—девять статей. 5) О зрительныхъ трубахъ — семь статей. 6) О санктпетербургскомъ календарѣ—пять статей. 7) О полѣ около солнца и луны — двѣ статьи. 8) О магнитѣ — двѣнадцать статей. 9) О необыкновенномъ сѣверномъ сіяніи 1733 года — три статьи. 10) О термометрахъ — десять статей. 11) О молніи и громѣ — одна статья. 12) О зажигательныхъ зеркалахъ и стеклахъ — семь статей. 13) О философіи — шесть статей. 14) Описаніе погодъ, бывшихъ здѣсь съ 1726 по 1736 годъ — шесть статей. 15) Краткое описаніе разныхъ машинъ — тринадцать статей. 16) О точномъ наблюденіи вѣтровъ — три статьи. 17) О необыкновенной стужѣ, бывшей зимою въ 1739 и 1740 годахъ — двѣ статьи. 18) О твердости разныхъ тѣлъ — двѣ статьи. 19) Описаніе сдѣланнаго изо льду дому — одна статья. 20) Краткое содержаніе изданнаго здѣсь сочиненія о строеніи императорской Академіи библіотеки и кунсткамеры — три статьи. 21) О содержаніи здоровья — четыре статьи.

Есть также извѣстіе, что въ 1735 г. Крафтомъ помѣщено въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ въ 23—27 нумерахъ статья О солнечныхъ пятнахъ [1]). Кромѣ того, онъ первый началъ ра-

---

[1]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 495.

ботать надъ планомъ Петербурга въ большихъ размѣрахъ, о чемъ такъ разсказываетъ Мюллеръ [1]): „въ январѣ 1729 года, г. Крафтъ приступилъ, безъ требованія или приказанія высшихъ властей, къ снятію плана или чертежа Петербурга. Невѣрности плана, помѣщеннаго Веберомъ при Veränderte Russland, кидалась въ глаза. Г. Крафтъ рѣшился сдѣлать лучшій и въ бóльшемъ масштабѣ, чтобы тѣмъ болѣе избѣжать можно было всѣхъ ошибокъ. Письмо изъ Парижа, что нѣкто, называвшійся abbé de la Grive et prêtre de l'oratoire, около того же времени сообщилъ Академіи о подобномъ трудѣ своемъ, казалось еще болѣе поддержало рѣшимость г. Крафта. На парижскомъ планѣ не должно было быть пропущено ни одного дерева въ тюльирійскомъ саду. Конечно г. Крафтъ не пошелъ такъ далеко; однакожъ на его планѣ Петербурга каждый домъ былъ узнаваемъ. Г. Шумахеръ далъ ему отъ академической канцеляріи нужныхъ для работъ людей и снабдилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что измѣренія г. Крафта производятся по распоряженію Академіи, чрезъ что онъ получилъ свободный доступъ ко всѣмъ мѣстамъ, по которымъ ходить прочимъ было не дозволено“. Крафтъ передалъ потомъ эти работы архитектору Шеслеру. Извѣстно, что первый обстоятельный планъ Петербурга изданъ потомъ Академіею наукъ въ 1745 году.

Слѣдующія статьи и изслѣдованія І.-В. Крафта помѣщены въ изданіяхъ нашей Академіи:

Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: II, 216—230, De lineis curvis, quae evolutae ipsae se generant. III, 101—109, Consideratio curvarum quarundam altioris generis, quae facile describi possunt. IV, 110—118, Solutiones quorundam problematum astronomicorum. V, 82—90, Solutio problematis catoptrico-geometrici. VI, 3—13, Observatio solstitii aestivi, facta anno MDCCXXX Petropoli; 13—27, De ungulis cylindrorum varii generis; 156—168, De lunulis quadrabilibus, e variarum curvarum combinatione ortis. VII, 3—7, De caustica cycloidis; 7—14, De numeris perfectis; 35—40, Problematis astrono-

---

[2]) Рукописъ Мюллера Zur Geschichte der Academie, 215.

mici a Clar. De L'Isle propositi enucleatio; 41—45, Observationes arithmeticae de septenario; 271—278, De duobus lapidibus figuratis; 279—282, De invenienda distantia macularum solarium a sole. VIII, 220—225, De figura terrae dissertatio 1; 253—260, De vi venae aqueae contra planum incurrentis experimenta. IX, 77—85, Specimen algebrae ad arhitecturam militarem applicatae; 241—248, De thermometris dissertatio experimentalis; 316—343, Observationum meteorologicarum ab anno 1726, usque in finem anni 1736 factarum comparatio; 344—357, Observationum meteorologicarum ab anno 1726 usque in finem anni 1736, praelectio secunda; 358—364, Observationes meteorologicae anno 1737 institutae. X, 56—66, Solutiones trium problematum astronomicorum; 183—199, De reflexione lucis, in transitu per medium diaphanum oriunda, experimenta et explicationes; 200—206, De novo oscillationum genere. XI, 233—240, De vi venae aqueae contra planum incurrentis experimenta; 241—253, Observationes meteorologicae 1738 institutae; 254—261, Observationes meteorologicae anni 1739; 262—273, Schediasma de ventorum observatione quotidiana, per integrum amplissimum imperium Russicum, instituenda, cum maximo scientiae meteorologicae emolumento; 274—287, Dissertatio de machinis simplicibus; 288—303, Specimen emendatioris theoriae ordinum architectonicorum. XII, 243—260, De loco imaginis puncti radiantis in speculum curvilineum, dissertatio catoptrica; 261—275, De corporum plano inclinato impositorum descensu; 276—237, De viribus attractionis magneticae experimenta. XIII, 100—104, Additamentum dissertationis praecedentis de corporum plano impositorum descensu; 121—123, Perepheria circuli mechanice dupliciter rectificata; 255—265, De methodis horologia solaria promte delineandi; 339—348, Observationes meteorologicae anni 1740; 374—381, Observationes meteorologicae anni 1741. XIV, 92—98, De superficie cylindri et coni scalenorum; 218—239, De calore ac frigore experimenta varia; 240—246, Observationes meteorologicae, institutae Petropoli anno 1742; 247—251, Observationes meteorologicae, institutae Petropoli anno 1743; 252—272, De densitate metallorum secum permixtorum.

Novi Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: I, 124—130, Dissertatio geometrica de problematibus aliquot conicis per analysin concinne solvendis; 131—136, Demonstrationes duorum theorematum geometricorum; 139—146, Observationes meteorologicae, factae An. 1745, Tubingae; 147—151, Observationes meteorologicae, factae An. 1746, Tubingae; 444—445, Observatio eclipseos solaris d. 25 Julii 1748 Tubingae facta. II, 39—48, Indagatio focorum in omnibus curvis possibilibus; 100—118, De numeris amicabilibus, atque aliis ad hanc doctrinam spectantibus; 231—256, De vegetatione plantarum, experimenta et consectaria. III, 109—124, De divisoribus numerorum indagandis; 386—392, Observationes meteorologicae factae Tubingae, annis 1747, 1748, et 1749; 423—426, Summarium observationis eclipseos solaris d. 8 januarii 1750 st. n. IV, 199—234, Resolutiones problematum spectantium ad architecturam civilem. V, 145—163, De curvis funiculariis et catenariis, vel illis, quae corporibus flexibilibus inducuntur, cum a potentiis quibusvis solicitantur; 238—256, Dissertatio de problematibus quibusdam calculi integralis; 400—406, Observationes meteorologicae, factae Tubingae annis 1750 et 1751; 407—414, Observationes meteorologicae factae Tubingae anno 1752. VI, 389—398, Explicatio experimenti paradoxi de ascensu coni duplicis in altum spontaneo.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей Крафта въ нѣмецкомъ переводѣ Мюмлера напечатаны во II-ой и III-ей частяхъ сборника Physikalische und medicinische Abhandlungen der Academie der Wissenschaften in Petersburg (Riga, 1783, 1785).

ВЕЙТБРЕХТЪ ІОСІЯ, академикъ по каѳедрѣ физіологіи.

Извѣстія о немъ: Исторія медицины въ Россіи В. Рихтера (Москва, 1820), III, 207—211. Recueil des actes de la séance publique de l'Académie impériale des sciences de S.-Pétersbourg tenue le 29 décembre 1831: Versuch einer kurzen Uebersicht der Fortschritte, welche die Kenntniss der thierischen Körper den Schriften der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg verdankt, von J. F. Brandt, 107, 108. Здѣсь перечислены

не только печатныя, но и рукописныя статьи Вейтбрехта по анатоміи, физіологіи и физикѣ. Въ архивѣ академической конференціи въ фоліантѣ Мюллера Біографіи академиковъ, № 11: Lebenslauf des seel. H. Doctoris und Professoris Weitbreicht, wie solcher dem H. Pastor Nazzius zugefertiget und von demselben in Leichen Parentation angeführt worden.

Вейтбрехтъ родился 20 октября 1702 года въ Шорндорфѣ въ тогдашнемъ вюртембергскомъ герцогствѣ и получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ, отъ котораго былъ удостоенъ званія магистра философіи. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ одно время съ Дюверну въ декабрѣ 1725 года и сначала находился при Академіи въ качествѣ студента съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ [1]). Здѣсь онъ въ 1726 году обучалъ гимназистовъ ариѳметикѣ, а съ 1727 исключительно началъ заниматься анатоміею подъ руководствомъ Дюверну; между прочимъ, въ 1729 году, работалъ надъ составленіемъ каталога рюйшевскаго музея и составилъ Compendium anatomicum, который служилъ вмѣсто введенія къ этому каталогу [2]). 22 января 1731 года Вейтбрехтъ былъ объявленъ академикомъ по каѳедрѣ физіологіи и въ этомъ званіи получалъ 460, потомъ 660, а съ 1739 года 860 рублей въ годъ. Свои лекціи физіологіи читалъ онъ по Бургаве.

Въ 1736 году Вейтбрехтъ получилъ степень доктора отъ кёнигсбергскаго университета за присланную имъ туда диссертацію De febrili constitutione petechizante, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ въ 1735 году. Онъ занимался также медицинскою практикою: когда въ 1736 году архіатеръ Фишеръ, желая подчинить себѣ академиковъ, занимавшихся медициною, выхлопоталъ высочайшее повелѣніе, чтобы они представляли къ нему, какъ главному начальнику медицинской части въ Россіи, донесенія о пользуемыхъ ими больныхъ, то этому подчинился только одинъ Вейтбрехтъ, а прочіе, какъ то: Дюверну, Амманъ и Вильде находили для себя унизительнымъ зависѣть отъ посторонняго для Академіи лица

---

[1]) II, книга №№ 101, 786. | Матеріалы для исторіи Академіи наукъ 1728—1748 годовъ.

[2]) I, Первый портфель Мюллера,

и потому лучше предпочли отказаться вовсе отъ медицинской практики [1]).

Въ академическихъ бумагахъ остались слѣды тому, что Вейтбрехтъ былъ довольно крутаго нрава и жилъ не всегда въ ладахъ съ своими товарищами. Въ особенности одно время пользовалось печальною извѣстностью его столкновеніе съ академикомъ Юнкеромъ въ засѣданіи 31 декабря 1733 года. Разбирательство о томъ тянулось довольно долго: писались съ обѣихъ сторонъ реплики и дуплики; наконецъ, баронъ Корфъ, вступивъ въ управленіе Академіею, кончилъ дѣло тѣмъ, что наложилъ денежный штрафъ на Вейтбрехта за разбитое въ канференцъ-залѣ зеркало. Оставляя потомъ Академію въ 1740 году, баронъ Корфъ велѣлъ уничтожить всѣ бумаги по этому щекотливому дѣлу; но послѣднее не было исполнено, и вся переписка до сихъ поръ сохраняется въ архивѣ академической конференціи [2]). По свидѣтельству Ломоносова, вся ссора произошла изъ того, что Вейтбрехтъ, знатокъ латинскаго языка, презрительно отзывался объ Юнкерѣ, писавшемъ нѣмецкіе стихи для знатныхъ, но плохо разумѣвшемъ латинскихъ писателей. Шумахеръ о такомъ отзывѣ передалъ Юнкеру и тѣмъ подбилъ его къ ссорѣ съ Вейтбрехтомъ [3]). Послѣдній также имѣлъ распри съ академикомъ-анатомомъ Вильде. Объ отношеніяхъ ихъ сохранился слѣдующій разсказъ Шумахера: „Когда докторъ Вильде хотѣлъ отсюда ѣхать, то я сказывалъ ему, чтобъ онъ находящіеся въ театрѣ анатомическомъ какъ отъ доктора Дювернуа, такъ и отъ него самого сдѣланные препараты отдалъ г. доктору Вейтбрехту; но онъ мнѣ отвѣтствовалъ: съ этимъ дуракомъ не хочу я никакого дѣла имѣть! Г. докторъ Вейтбрехта просилъ я, чтобы оные препараты принять, но и онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что съ такимъ игнорантомъ и грубіяномъ связываться онъ не хочетъ!...“ [4])

---

[1]) Стриттеръ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 602, 603.

[2]) I, связка № 64, статья 5; см. также продолженіе Стриттера въ мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 414, 701.

[3]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 052, 053.

[4]) I, портфель Мюллера Жалобы

Въ 1743 году окончился срокъ контракта, заключеннаго съ Вейтбрехтомъ, и тогда въ академическомъ засѣданіи данъ былъ о немъ отзывъ, что этотъ академикъ всегда отличался прилежаніемъ, и что кромѣ него некѣмъ въ Академіи замѣстить каѳедры анатоміи, въ которой онъ наиболѣе искусенъ; но Шумахеръ въ іюнѣ 1745 года, сердитый на Вейтбрехта за то, что онъ съ прочими академиками жаловался на него въ сенатъ, представлялъ императорскому кабинету, объ увольненіи Вейтбрехта и назначеніи вмѣсто него Авраама Каау-Бургаве; однако это представленіе осталось безъ послѣдствій [1]). До 1746 г., впрочемъ, съ Вейтбрехтомъ не было заключено контракта, и тогда онъ сталъ просить, чтобы ему было назначено 1200 рублей въ годъ жалованья и дозволено на годъ ѣхать за границу съ сохраненіемъ содержанія. Разумовскій, какъ видно изъ словъ самого Вейтбрехта, рѣшился ему отказать въ этомъ требованіи по внушеніямъ Шумахера и Теплова, и велѣлъ составить новый контрактъ на прежнихъ условіяхъ. Вейтбрехтъ медлилъ подписать его, и тогда академическая канцелярія постановленіемъ 23 сентября 1746 года уволила его вовсе изъ Академіи. Вейтбрехтъ, какъ человѣкъ семейный и недостаточный, принужденъ былъ обратиться къ графу Разумовскому съ изъявленіемъ покорной готовности подписать предложенный ему контрактъ, и тогда его снова сдѣлали академикомъ. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого произшествія, именно 8 февраля 1747 года, Вейтбрехтъ умеръ. Современники приписывали смерть его огорченію вслѣдствіе внезапнаго увольненія изъ Академіи [2]). Графъ Разумовскій, во вниманіе къ тому, что жена Вейтбрехта Екатерина-Софія (урожденная Дуронъ, изъ Копенгагена) послѣ смерти его осталась „въ великихъ долгахъ и недостаткахъ" велѣлъ ей, сверхъ обычнаго пособія, т. е. годоваго оклада мужа, выдать, какъ записано въ современномъ опредѣленіи, „въ милостыню" 100 рублей [3]). Семейство Вейт-

---

Академіи наукъ на канцелярію въ сенатъ съ 1744 по 1746.

[1]) Бумаги государственнаго архива.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. Билярскимъ (Спб., 1865), 289.

[3]) II, книга № 107.

брехта заключалось въ двухъ сыновьяхъ и двухъ дочеряхъ; кромѣ того, жена была беременна пятымъ ребенкомъ, когда мужъ умеръ. Одинъ сынъ Вейтбрехта, Іоганнъ-Генрихъ, еще въ 1744 году взятъ былъ академикомъ Крафтомъ въ Тюбингенъ [1]).

По показанію самого Вейтбрехта [2]), слѣдующія статьи, напечатанныя въ Примѣчаніяхъ къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, принадлежатъ ему: 1) О гидрофобіи, т. е. боязни отъ воды по угрызеніи бѣшенной собаки, 1729 г. 2) О симпатіи и антипатіи, 1731 г. 3) О годахъ степенныхъ, 1733 г. 4) О кофе, 1732 г. и 5) О шоколадѣ, 1733 г. Кромѣ того, Стриттеромъ приписаны ему въ Примѣчаніяхъ 1739 года №№ 49—59 и 77—84, Физическія извѣстія о нефти. Отвѣтъ Вейтбрехта на рѣчь Крафта о клавесинѣ Кастеля напечатанъ въ 1742 году, подъ заглавіемъ Sermones, in solenni Academiae scientiarum imperialis conventu publice recitati, въ 4°.

Въ томѣ же 1742 году изданъ Академіею главнѣйшій трудъ Вейтбрехта, который В. Рихтеръ называлъ классическимъ: Syndesmologia, sive historia ligamentorum corporis humani, quam secundum observationes anatomicas concinnavit et figuris ad objecta recentia adumbratis illusstravit Josias Weitbrecht (съ посвященіемъ Герману Лестоку). Вейтбрехтъ въ 1743 году говорилъ такъ объ этомъ сочиненіи своемъ: „чтобъ показать себя достойнымъ членомъ Академіи, для приращеніи анатоміи, наипаче старался я о точномъ изслѣдованіи лигаментовъ человѣческаго тѣла, чтобъ потомъ учинить ясное описаніе и оныхъ показать пользу. Для сего намѣренія анатомировалъ я чрезъ нѣсколько лѣтъ больше ста кадаверовъ отчасти въ Академіи, а отчасти въ гошпиталяхъ и притомъ описалъ мною учиненное изслѣдованіе и что вновь изобрѣтено было приказалъ срисовать и на мѣди вырѣзать, изъ чего произошелъ слѣдующій трактатъ, который въ академической типографіи прошлаго года напечатанъ: Синдезмологія, или исторія о лигаментахъ человѣческаго тѣла, которую по наблюденіямъ анатомиче-

---

[1]) II, книга № 87.

[2]) II, книга № 786.

скимъ и снятыми съ самыхъ натуральныхъ объектовъ фигурами изъяснилъ. Чрезъ сіе сочиненіе анатомія умножена цѣлою новою частію"... [1])

Въ іюлѣ 1760 г. грейфевальдскій книгопродавецъ Іоганнъ Яковъ Вейтбрехтъ просилъ Академію чрезъ Мюллера объ уступкѣ ему оставшихся нераспроданными экземпляровъ сочиненія его брата—Syndesmologia, и о дозволеніи издать ее вновь и перевести на нѣмецкій языкъ, такъ-какъ на французской языкъ она уже была переведена [2]). Оказалось, что сейчасъ названнаго сочиненія оставалось въ Академіи 504 экземпляра, стоившихъ каждый 1 руб. 60 коп. Постановлено было предложить Іоганну Якову Вейтбрехту 450 экземпляровъ по этой цѣнѣ, а также ему дозволено вновь издать Syndesmologia [3]).

В. Рихтеръ, перечисляя труды Вейтбрехта, замѣчаетъ: „Вейтбрехтъ первый утверждалъ всю важность силы артерій малыхъ и особенно жизненную силу тонкихъ вѣтвей сосудовъ, и показывалъ, что сила сердца недостаточна для обращенія крови въ мелкихъ сосудахъ кровеносныхъ. Онъ предполагаетъ особенную сжимательность малыхъ кровеносныхъ сосудовъ, посредствомъ коихъ приходитъ кровь въ движеніе"...

Статьи Вейтбрехта, напечатанныя въ изданіяхъ Академіи наукъ:

Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: IV, 234—254, De actione musculorum ab ipsorum directione pendente specimen; 255—258, Ligamenti clavicularum communis descriptio; 258—264, Observationes anatomicae. V, 194—198, De figura et situ vesicae urinariae; 234—262, De notis characteristicis ossium. VI, 268—275, De cordibus villosis; 276—301, De circu-

---

[1]) II, книга № 786. Здѣсь современный переводъ нѣмецкой автобіографіи, которая находится въ архивѣ академической конференціи въ фоліантѣ № 11: «Біографіи академиковъ».

[2]) На французскомъ языкѣ сочиненіе Вейтбрехта напечатано въ Парижѣ 1752 года, подъ заглавіемъ: Desmographie, ou déscription des ligamens du corps humain. На нѣмецкомъ этотъ же трудъ напечатанъ въ Страсбургѣ 1779 году: Syndesmologie, oder Bechreibung der Bänder des menschlichen Cörpers, in einem vollständigen Auszug gebracht und mit allen darzugehörigen Figuren versehen.

[3]) II, книга № 255.

latione sanguinis cogitationes physiologicae. VII, 235—270, De mutationibus caloris et frigoris aquae fluentis observationes; 283—330, De circulatione sanguinis cogitationes physiologicae; 331—342; Observationes anatomicae ad historiam et actionem musculorum frontalium, occipitalium, palpebrarum faciei pertinentes. VIII, 261—309, Tentamen theoriae, qua ascensus aquae in tubis capillaribus explicatur; 310—333, De thermometris concordantibus; 334—340, Cogitationum physiologicarum de circulatione sanguinis caput III, quantitate motus sanguinis. IX, 249—268, Observationes anatomicae ad historiam et actionem musculorum labiorum, ossis hyoidis, faucium, linguae, laryngis pertinentes; 269—274, Observata in sectione juvenis 1735, cujus manus et pedes monstrosi erant; 275—309, Explicatio difficiliorum experimentorum circa ascensum aquae in tubos capillares. X, 261—277, Solutio problematis physiologici. XIII, 349—360, Tentamen explicandi dilatationem et contractionem pupillae. XIV, 207—217, De pituita glutinosa laryngis; 276—285, De vera significatione processuum mamillarium cerebri.

Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: I, 337—352, De utero muliebri observationes anatomicae.

ВИНЦГЕЙМЪ, ХРИСТІАНЪ-НИКОЛАЙ, фонъ,—академикъ по каѳедрѣ астрономіи.

Онъ былъ родомъ изъ Анклама въ Пруссіи, и опредѣленіе его въ Академію наукъ состоялось по представленію Шумахера, который, 4 февраля 1731 года, писалъ къ президенту Блюментросту: „на мѣсто Шеслера [1]), я убѣдилъ вступить въ службу г. Винцгейма, человѣка свѣдущаго въ языкахъ и математикѣ. Онъ привыкъ къ преподаванію, понимаетъ по русски и умѣетъ изъ здѣшняго образа жизни извлечь пользу для себя и для другихъ. Если онъ съ годъ будетъ помогать г. Делилю въ его географическихъ и астрономическихъ работахъ, то сдѣлается на

---

[1]) Шеслеръ былъ учителемъ математики при академической гимназіи и архитекторомъ.

столько пригоднымъ, что его можно будетъ употреблять къ чему угодно“.... [1]).

Заключенный съ Винцгеймомъ контрактъ на должность адъюнкта по астрономіи, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, подписанъ 1 мая 1731 года, а 18 іюня того же года академикъ Николай Делиль ввелъ его въ академическое засѣданіе [2]). Современникъ Винцгейма, исторіографъ Мюллеръ оставилъ о немъ слѣдующія замѣтки: „по представленію г. Делиля, X. Н. фонъ-Винцгеймъ, сдѣланъ адъюнктомъ по астрономіи, не столько чтобы помогать въ астрономическихъ наблюденіяхъ, къ которымъ онъ не былъ привыченъ, но болѣе для производства необходимыхъ вычисленій, на которыхъ основываются наблюденія и которыя обратно изъ нихъ вытекаютъ. Г. Крафтъ, первоначально предназначавшійся для того и несравненно болѣе приспособившійся къ наблюденіямъ, съ нѣкотораго времени разошелся съ г. Делилемъ, который присвоивалъ себѣ надъ нимъ непристойное господство. Г. Винцгеймъ, старинный обитатель Петербурга, еще съ 1718 года занимался здѣсь частнымъ преподаваніемъ, а послѣ основанія Академіи познакомился со многими ея членами, полюбившими его за услужливое обхожденіе. Онъ понималъ по русски и иногда служилъ г. Делилю переводчикомъ съ русскаго на французскій. Не неопытный въ математикѣ, какъ ее преподаютъ въ университетахъ, г. Винцгеймъ безъ сомнѣнія могъ быть полезенъ Академіи. Г. Делиль предложилъ его; Шумахеръ, какъ старый пріятель г. Винцгейма, поддержалъ; г. Блюментростъ также его знавалъ — и такъ скоро послѣдовало утвержденіе“.... [3]).

Въ засѣданіи 20 января 1735 г. начальникъ Академіи баронъ Корфъ, съ согласія всѣхъ профессоровъ, превозгласилъ Винцгейма экстраординарнымъ профессоромъ, съ увеличеніемъ жалованья (660 р. въ годъ) и съ правомъ занять in continenti мѣсто за столомъ съ прочими академиками. При этомъ ему было поручено

[1]) I, исходящія письма 1728—1742 годовъ.

[2]) I, протоколы 1731 года.

[3]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 277.

по средамъ и суботамъ преподавать математическую географію и взять на себя раскрашиваніе одного экземпляра небольшаго атласа, приготовлявшагося въ Академіи [1]).

Въ первый разъ Винцгеймъ составилъ календарь на 1735 годъ [2]) и потомъ постоянно сочинялъ эту справочную книгу вмѣстѣ съ предсказаніями, которыя для тогдашнихъ читателей казались необходимыми.

По смерти нотаріуса Тидемана, который завѣдывалъ конференцъ-архивомъ и велъ на нѣмецкомъ языкѣ протоколы засѣданій, на Винцгейма, 20 іюля 1742 года, были возложены обязанности конференцъ-секретаря [3]), почему онъ имѣлъ наблюденія надъ помянутымъ архивомъ и велъ протоколы академическихъ засѣданій на латинскомъ языкѣ до назначенія въ сказанную должность академика Штрубе-де-Пирмона, т. е. до 2 іюля 1746 года.

Въ 1747 году, по случаю отъѣзда изъ Россіи перваго астронома Делиля, Винцгейму велѣно было принять отъ него обсерваторію и астрономическіе журналы, а также взять подъ свой надзоръ находившихся при обсерваторіи адъюнкта Трускота, учителя Ксиландера, переводчика Никиту Попова, студентовъ Попова, Коврина и Кузнецова [4]).

По увольненіи Штрубе-де-Пирмона отъ обязанностей конференцъ-секретаря, Винцгеймъ съ 1 марта 1749 года опять исполнялъ эту должность до кончины своей.

Винцгеймъ умеръ 4 марта 1751 года [5]), о чемъ Шумахеръ тогда же такъ извѣщалъ Эйлера: „за нѣсколько дней передъ симъ г. профессоръ Винцгеймъ умеръ послѣ непродолжительной болѣзни — стало быть г. профессоръ Гришау (астрономъ) пріѣхалъ кстати. Ея императорское величество всемилостивѣйше повелѣла выдать вдовѣ покойнаго на погребеніе 100 рублей и его годовое жалованье 1000 рублей [6])“....

Въ краткой автобіографіи своей, составленной въ январѣ

[1]) I, протоколы 1735 года.

[2]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 428.

[3]) II, книга 452.

[4]) II, картонъ № 10.

[5]) II, книга № 461.

[6]) I, исходящія письма 1749—1751 годовъ.

1743 г. [1]), Винцгеймъ разсказываетъ, что онъ помогалъ въ выкладкахъ первому профессору астрономіи; до прибытія Геинзіуса (въ 1736 году) производилъ астрономическія наблюденія, „а что онъ отъ того уволенъ, тому причина та, что ему, за тучностію его корпуса, не можно никакъ болѣе ходить на обсерваторію"; повѣрялъ присылаемыя изъ другихъ мѣстъ наблюденія; „счислялъ на каждый мѣсяцъ съ 1735 года съ мѣсяца іюля по сентябрь 1742 года кульминацію солнца и всѣхъ планетъ, также и время ихъ проходу чрезъ полуденную линію. Притомъ же съ 1739 года по вышеозначенное время смѣчалъ всѣ затмѣнія юпитеровыхъ спутниковъ; равнымъ же образомъ трудился онъ въ изчисленіи закрытій и приближеній планетъ и неподвижныхъ звѣздъ, и при семъ, сверхъ того, сочинилъ онъ знатное число таблицъ, которыя трудящемуся въ выкладкѣ повседневныхъ записокъ астрономическихъ, также и къ здѣшнимъ календарямъ весьма полезны быть могутъ. Такимъ же образомъ за два года принялъ онъ на себя трудъ изчисленія темныхъ часовъ для полиціи, т. е. въ которое время въ С.-Петербургѣ фонари засвѣчать и гасить надлежитъ".

Винцгеймъ принималъ участіе въ работахъ по составленію въ Академіи первыхъ картъ Россіи, о чемъ академическая канцелярія такъ доносила императорскому Кабинету въ 1741 году: „профессоръ Винцгеймъ служитъ при обсерваторіи калькулаторомъ (числителемъ), а при географическомъ департаментѣ въ томъ употребляется, чтобъ къ двумъ къ сочиненію генеральной ландкарты россійскаго государства опредѣленнымъ профессорамъ, а именно Эйлеру и Геинзіусу, помогать переводами и другими полезными географическими извѣстіями, которыя онъ со всякимъ прилежаніемъ сбиралъ. Онъ же обрѣтающимся въ географическомъ департаментѣ геодезистамъ къ сочиненію ландкартъ потребныя лекціи, наставленія даетъ, дабы они въ географіи и астрономіи отъ часу въ бо́льшее и лучшее совершенство приходили. А понеже профессоръ Эйлеръ изъ службы увольняется, а тѣ 200 рублей, которые онъ за сію чрезвычайную

[1]) II, книга № 786; современный ея переводъ сдѣланъ Голубцевымъ.

свою работу получалъ, нынѣ упалыми остаются, то помянутый профессоръ Винцгеймъ весьма того достоинъ, дабы ему оные 200 рублей за такую чрезвычайную географическую работу прибавить...." [1]).

Подъ надзоромъ Винцгейма составлёнъ былъ небольшой атласъ[2]), который изданъ въ 1742 году, въ 4°, съ такимъ заглавіемъ: „Атласъ россійской, состоящей изъ двадцати и болѣе спеціальныхъ картъ, представляющихъ все россійское государство съ пограничными землями для исправнѣйшаго изданія генеральной карты великія сея имперіи сочиненъ по правиламъ географическимъ и новѣйшимъ обсерваціямъ при Императорской Академіи Наукъ. Въ Санктпетербургѣ 1742 года". Здѣсь въ началѣ на 23 нумерованныхъ страницахъ краткое изложеніе хода работъ по составленію картъ въ Россіи и объясненіе принятаго правописанія, также толкованіе словъ и знаковъ.

Для объясненія этого атласа Винцгеймомъ сочинена краткая политическая географія, которая была издана въ 1745 году въ 8° [3]). Эта географія при самомъ появленіи своемъ была и Академіею признана недостаточною [4]), а въ маѣ 1756 года исторіографъ Мюллеръ о ней отозвался такъ: "... Краткая сія географія сочинена только для изъясненія изданнаго при Академіи на россійскомъ языкѣ небольшаго атласа, содержащаго ландкарты въ мѣрѣ не свыше какъ на четверть листа, на которыхъ всѣ достопамятныя мѣста каждаго государства быть изображены не могли; часто и поставлены на оныхъ ошибкою весьма неважныя мѣста съ пропущеніемъ больше важныхъ. Сочинитель же краткой географіи оному маленькому атласу послѣдовалъ точно и писалъ токмо о тѣхъ мѣстахъ, которыхъ имена онъ нашелъ на сихъ неисправныхъ ландкарточкахъ, а о прочихъ (не) упомянулъ ни слова".... [5]).

---

[1]) II, книга № 45.

[2]) Автобіографическія показанія его II, книга № 786.

[3]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften 625, 626.

[4]) Неблагопріятный отзывъ о ней Мюллера, см. A. F. Büsching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen insonderheit gelehrter Männer, III, 116—121.

[5]) II, книга № 194.

Послѣ отъѣзда изъ Россіи Эйлера, Винцгеймъ главнѣйше завѣдывалъ работами по составленію большаго Атласа Россіи, который имъ и академикомъ Геинзіусомъ окончень и изданъ отъ Академіи въ 1745 году.

Слѣдующія статьи, по указанію самого Винцгейма, принадлежатъ ему въ Примѣчаніяхъ къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ: 1. О измѣненіяхъ звѣздъ, 21 февраля 1734 года. 2. О солнечныхъ пятнахъ, 20 марта 1735 года. 3. О силѣ и дѣйствіи звѣздъ, 24 апрѣля 1735 года. 4. О мореплаваніи на сѣверъ, 16 марта 1738 года. 5. О млечномъ пути и о подобныхъ сему небесныхъ явленіяхъ, 19 января 1739 года. 6. Письмо къ сочинителямъ петербургскихъ Примѣчаній, касающееся до мореплаванія около сѣвера, 7 сентября 1739 года. 7. Извѣстіе о Калифорніи, 24 марта 1741 года. 8. Извѣстія о сѣверномъ ходѣ россіянъ изъ устій нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледяное море, 21 іюня 1742 года (послѣдняя статья составлена по свѣдѣніямъ, найденнымъ Мюллеромъ въ якутскомъ архивѣ).

Слѣдующія статьи Винцгейма напечатаны въ ученыхъ академическихъ изданіяхъ:

Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: XII, 222—224, Determinatio exactior graduum parallelorum aequatoris et meridiani in figura Telluris hypothetice sphaerica, aut (prouti per recentissimam dimensionem stabilitur) sphaeroide. XIII, 312—323, съ таблицами. De interpolatione simplici meditationes.

Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: I, 446—463, съ таблицами, De aberratione fixarum; II, 68—99, De numeris perfectis.

Нѣсколько связокъ черновыхъ бумагъ и наблюденій Винцгейма хранятся донынѣ въ архивѣ академической конференціи.

ЮНКЕРЪ, ГОТЛОБЪ-ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ, академикъ по каѳедрѣ поэзіи.

Свѣдѣнія о жизни Юнкера сообщены лично его знавшимъ исторіографомъ Мюллеромъ: Sammlung Russischer Geschichte, IX, 1—3; Аделунгъ не зналъ этого и въ своемъ трудѣ Fortsetzung

und Ergänzungen zu C. G. Jöcher's Allgemeinen Gelehrten Lexico, II, 2346, помѣстилъ о Юнкерѣ только, что будто онъ издалъ въ Петербургѣ нѣмецкую грамматику; самое имя Юнкера Аделунгу было неизвѣстно. Объ отцѣ Юнкера и годѣ рожденія краткія рукописныя замѣтки академика Мюллера и Ф. Л. Трефурта въ архивѣ академической конференціи. Подробности о Юнкерѣ у того же Мюллера въ рукописи: Zur Gechichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 257—259, 265—267, 304, 308, 310, и у продолжателя этой же рукописи—Стриттера 380, 388, 389, 414, 416, 420, 421, 423, 508, 509, 579—586, 620, 621, 771. Краткія біографическія извѣстія о Юнкерѣ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, издалъ А. А. Куникъ, I, стр. XXVI, XXVII.

Юнкеръ, сынъ директора гимназіи въ Альтенбургѣ Христіана Юнкера, родился въ 1702 году въ Шлейзингенѣ [1]), слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ въ одно время съ Герардомъ-Фридрихомъ Мюллеромъ и здѣсь былъ извѣстенъ какъ стихотворецъ-подражатель Гюнтера. Впрочемъ это самое было причиною, что Юнкеръ въ университетѣ не заботился о пріобрѣтеніи основательныхъ знаній и рѣдко бывалъ на лекціяхъ. Потомъ онъ былъ въ Дрезденѣ и обращался за покровительствомъ къ Кёнигу, носившему титулъ королевско-курфюрстскаго придворнаго поэта; но этотъ литераторъ только выказалъ къ молодому человѣку зависть и ненависть. Тогда Юнкеръ вернулся въ Лейпцигъ и изъ куска хлѣба принужденъ былъ ежемѣсячно поставлять разговоры въ царствѣ мертвыхъ для періодическаго изданія книгопродавца Амвросія Гауде. Въ этихъ занятіяхъ засталъ его въ 1730 г. въ Лейпцигѣ Мюллеръ, когда онъ ѣздилъ на нѣкоторое время изъ Петербурга за границу. Юнкеръ сильно упрашивалъ нашего академика достать ему какое-нибудь занятіе въ Россіи, и Мюллеръ, по возращеніи туда, сыскалъ ему мѣсто домашняго учителя, а помянутый книгопродавецъ снабдилъ Юнкера деньгами на путевые расходы.

„Г. Юнкеръ, разсказываетъ Мюллеръ, прибывъ въ Петербургъ съ послѣднимъ кораблемъ (въ 1731 году), не имѣлъ тамъ надобности сдѣлаться домашнимъ учителемъ: при пер-

---

[1]) Такъ говоритъ Мюллеръ, но по свѣдѣніямъ Трефурта, Юнкеръ-сынъ родился въ Альтенбургѣ въ Саксоніи 20 іюня (стараго стиля) 1705 года.

вомъ же посѣщеніи Шумахера, онъ такъ понравился ему, что мнѣ не пришлось ни разу представлять его семейству, для котораго я его выписалъ. Все хорошее, что было говорено мною прежде г. Шумахеру о стихотворческомъ дарованіи г. Юнкера, первый нашелъ въ послѣднемъ втрое болѣе. Онъ писалъ стихи, не приготовляясь, на всякій представлявшійся ему случай, даже старинными нѣмецкими виршами, а также застольные куплеты, если таковыхъ отъ него требовали, и всегда со множествомъ остротъ. Хорошій нѣмецкій стихотворецъ былъ чѣмъ-то новымъ въ Академіи. Хотя и пускались иногда на это поприще г.г. Бекенштейнъ и Байеръ, но они это дѣлали по необходимости. Съ появленіемъ Юнкера, нашелся для Академіи Гюнтеръ, Пичъ, Каницъ, стихотворецъ по призванію, а не сдѣлавшійся имъ искуственно и чрезъ прилежаніе, человѣкъ, хорошо писавшій прозою и могшій пригодиться при разныхъ случаяхъ“.....

Въ концѣ 1731 года въ Петербургѣ уже дѣлались приготовленія по случаю ожидаемаго туда прибытія императрицы Анны Іоанновны, и Шумахеръ тотчасъ же придумалъ воспользоваться при этомъ случаѣ новопріѣзжимъ стихотворцемъ, возложивъ на него сочиненіе иллюминаціи. Работу эту Юнкеръ представилъ академическому собранію 16 ноября 1731 года, а 26 числа того же мѣсяца онъ уже явился въ академическомъ засѣданіи въ званіи адъюнкта. О трудахъ Юнкера по этой иллюминаціи Мюллеръ оставилъ слѣдующія свѣдѣнія, также характеризующія ту эпоху:

„Изъ Москвы ожидали дворъ, и г. Шумахеръ желалъ отличиться прекрасною иллюминаціею передъ зданіемъ Академіи, которое называлось библіотекою и кунсткамерою. Для этого надлежало кому нибудь изобрѣсти изображенія и ихъ описать отчасти прозою, отчасти стихами. Г. Юнкеръ брался за все, что ему ни поручали: когда ему какой нибудь предметъ не былъ извѣстенъ, то умѣлъ онъ ознакомливаться съ нимъ при помощи неутомимаго прилежанія. По тогдашнему вкусу, когда иллюминовывали только окошки, его изобрѣтенія были найдены на столько хорошими, на сколько они могли быть таковыми; но объясненія

къ нимъ превзошли всѣ ожиданія[1]). Г. Шумахеръ велѣлъ ихъ старательно списать набѣло въ большую книгу royal folio, въ которой были прекрасно нарисованы изображенія. Произведеніе это предположено было подать императрицѣ, и отъ того ожидали пользы для Академіи. Г. Юнкеру самому слѣдовало представить книгу ея величеству, когда бы г. президентъ и Шумахеръ нашли къ тому случай; но его не представилось, и потому дорогое платье, обшитое широкимъ серебрянымъ галуномъ, заказывалось г. Шумахеромъ для г. Юнкера напрасно. Мнѣ неизвѣстно, прибавляетъ не безъ ироніи Мюллеръ, заплачено-ли было за него портному Роте, тому самому, который потомъ писалъ противъ гернгутеровъ, или же онъ обратно взялъ платье вмѣсто уплаты".

Съ тѣхъ поръ имя Юнкера встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о сочиненіи девизовъ и подписей для иллюминацій и фейерверковъ. Этого рода занятія дали ему случай сдѣлаться извѣстнымъ фельдмаршалу графу Миниху, который оказывалъ ему особенное покровительство, почему Мюллеръ сравнивалъ фельдмаршала, по отношенію къ Юнкеру, съ Меценатомъ.

Академическій стихотворецъ продолжалъ писать стихи, оды на новый годъ, именины и вообще на всѣ возможные случаи. Такъ онъ долгомъ счелъ воспѣть бракъ свояченицы Бирона съ Бисмаркомъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ: Die Bissmark- und Treydenische Vermählung, welche den 15 may 1733 vollzogen wurde, feyerte durch dieses kurtze Gedichte des hohen Braut-Paares gantz unterthäniger Diener Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker (въ f°, 2 ненум. листа). 1 ноября 1733 года, Академію посѣтилъ герцогъ брауншвейгскій Антонъ-Ульрихъ, и Юнкеръ поднесъ ему стихотворное привѣтствіе. Послѣ того въ Академію пріѣзжала племянница императрицы, принцесса Анна Леопольдовна, которой Юнкеръ также не преминулъ вручить слѣдующіе стихи[2]):

[1]) Описаніе Юнкера помѣщено въ современныхъ Примѣчаніяхъ къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ и издано отдѣльно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

[2]) Они тогда же напечатаны на оборотѣ одного листа. 1 экземпляръ въ 5-мъ портфелѣ Мюллера въ архивѣ академической конференціи — Программы академическія.

Printzessin! Die Verstand und Lust zur Weisheit schmücken,
Die Musen freuen sich, da sie Dich hier erblicken,
Allwo dein Augen-Strahl den Helikon beschaut,
Den Peter fest gesetzt, den Anna schön erbaut,
Du wirst mit lautem Ruf von ihnen aufgenommen:
Sey tausendmahl beglückt! sey tausendmahl willkommen!

При первой встрѣчѣ въ Академіи, 19 іюля 1733 года, вновь назначеннаго въ нее президента Германа Кейзерлинга, ему были поднесены печатные стихи Юнкера, съ пышнымъ заглавіемъ: Glückwünschende Zuruf an den Hochwohlgebohrnen Herrn, Herrn Hermann Carl Freiherrn von Kayserlingk auf Grendsen und Abünshof etc. Ihro Kayserl. Maj. von ganz Russland, Vice-Praesident des Lif- und Estlandischen Justitz-Collegii, als derselbe von Ihro Kayserl. Maj. zum Präsidenten bey Dero Akademie der Wissenschaften allergnädigst ernennet wurde am Tage seines Antrittes den 19-ten Jul. 1733 unterthänigst abgestattet von G. F. W. Junckern.

Въ инструкціи, которую Кейзерлингъ оставилъ Академіи при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, въ декабрѣ 1733 года, было упомянуто, между прочимъ, чтобы Юнкеру было поручено составлять „Штатскій и газетный лексиконъ" (т. е. Staats- und Zeitung Lexicon).

Въ 1734 году Юнкеръ сочинялъ по обыкновенію девизы къ фейерверкамъ и, кромѣ того, перевелъ на нѣмецкій языкъ тогда же изданную оду на взятіе Данцига Тредіаковскаго. Неразъ было высказываемо, что Юнкеръ за этотъ переводъ получилъ званіе профессора, а авторъ оды остался при прежнемъ жалкомъ содержаніи. Первое положительно невѣрно. Извѣстіе о сдачѣ Данцига пришло въ іюлѣ мѣсяцѣ 1734 года, т. е. болѣе чѣмъ два мѣсяца послѣ назначенія Юнкера въ профессора. Это повышеніе послѣдовало безъ участія Академіи, по именному повелѣнію императрицы 28 марта 1734 года, гдѣ было упомянуто

и о „надлежащемъ по чину жалованьѣ“.[1]) Любопытно, что въ академическомъ собраніи возникъ вопросъ: на какомъ основаніи Юнкеру въ печатномъ каталогѣ о лекціяхъ былъ приданъ титулъ профессора политики и морали?[2]) Вопросъ этотъ разрѣшилъ начальникъ Академіи, баронъ Корфъ тѣмъ, что въ засѣданіи 25 ноября 1734 года назначилъ Юнкера профессоромъ поэзіи [3]). Этотъ же Корфъ кончилъ длинную тяжбу Юнкера съ Вейтбрехтомъ, по поводу ссоры ихъ между собою въ академическомъ засѣданіи, тѣмъ, что послѣдній былъ обвиненъ и приговоренъ къ штрафу, а Юнкеръ оправданъ (см. стр. 470 и 521).

Въ 1735 году графъ Мюнихъ, получивъ начальство надъ русскою арміею противъ турокъ, исходатайствовалъ объ отправленіи съ нимъ въ походъ Юнкера въ качествѣ исторіографа, но съ оставленіемъ на академическомъ содержаніи.

Проѣздомъ черезъ Польшу съ графомъ Мюнихомъ, ловкій стихотворецъ написалъ въ честь польскаго короля и курфюрста саксонскаго Августа III оду, которая была напечатана въ Варшавѣ. Юнкеръ, какъ сейчасъ увидимъ, былъ щедро награжденъ Августомъ III, но не столько за красоту стиховъ, сколько въ надеждѣ на полезность его саксонскому правительству. Надежду эту Юнкеръ оправдалъ потомъ на дѣлѣ. Въ письмѣ Фишера къ Мюллеру, 8 мая 1736 года, такъ говорится объ этомъ успѣхѣ стихотворца въ Варшавѣ: „Г. Юнкеръ уже съ 1734 года (sic) уѣхалъ съ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Мюнихомъ въ Польшу и награжденъ отъ польскаго короля пожизненнымъ ежегоднымъ пенсіономъ въ 600 рейхсталеровъ. Онъ все еще въ свитѣ генералъ-фельдмаршала и теперь ближе къ Черному чѣмъ къ Балтійскому морю“[4]).

Памятникомъ исторіографской дѣятельности Юнкера остался Tagebuch des Feldmarchalls Grafen von Münnich, гдѣ

---

[1]) II, книга № 13.

[2]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 423.

[3]) I, протоколы 1734 года.

[4]) I, 8-й портфель писемъ къ исторіографу Мюллеру.

разсказаны военныя дѣйствія противъ турокъ въ 1735 и 1736 годахъ. Дневникъ этотъ, напечатанный потомъ Германомъ въ Beyträgen zur Geschichte des Russischen Reichs (Leipzig, 1843, 117—244), былъ сообщенъ Юнкеромъ, разумѣется подъ рукою, саксонскому легаціонсъ-секретарю Пецольду, а этотъ передалъ его своему правительству [1]).

Въ первомъ нумерѣ Примѣчаній къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ на 1736 годъ напечатано ода Юнкера императрицѣ Аннѣ съ поздравленіемъ съ новымъ годомъ, а 1 февраля того же года Юнкеръ такимъ образомъ описывалъ свои занятія въ письмѣ къ первому благодѣтелю своему въ Петербургѣ, Шумахеру: „я обязанъ вамъ сообщить по довѣренности, какъ моему отцу покровителю, котораго до могилы долженъ любить и чтить, что я, по приказанію г. фельдмаршала (Мюниха), написалъ статьи касательно различныхъ здѣшнихъ современныхъ обстоятельствъ нашихъ. Онѣ отосланы къ г. оберкамергеру и удостоились его милостиваго одобренія [2]). Его сіятельство (Мюнихъ) столько великодушенъ, что всегда пишетъ, будто мысли принадлежатъ мнѣ, а я, изъ теперешнихъ постоянныхъ бесѣдъ моихъ съ нимъ, такъ много воспользовался относительно основательныхъ предметовъ, что въ будущемъ въ состояніи оказать ея императорскому величеству еще болѣе важныя услуги. Вчера я вернулся съ соляныхъ промысловъ въ Торѣ и Бахмутѣ и теперь занятъ изложеніемъ на бумагѣ собранныхъ мною свѣдѣній и моихъ посильныхъ соображеній, по которымъ доходы ея величества съ небольшими издержками могутъ увеличиться, къ величайшему облегченію ея подданныхъ, отъ 500.000 до полутора милліона рублей ежегодно. Когда я передалъ его сіятельству только на словахъ мои мысли, то онъ находилъ ихъ удобопонятными и основательными;

---

[1]) Geschichte des Russischen Staates von Ernst Herrmann, IV, 575, 694, 695.

[2]) Въ Государственномъ архивѣ до нынѣ сохраняются изъ бумагъ Бирона политическія соображенія объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, Австріи и Польшѣ, подъ заглавіемъ Reflection des H. Professors Junckern, при чемъ есть черновое письмо къ нему отъ Бирона, 25 февраля 1735 года, о наймѣ за границею свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей.

при чемъ высказалъ гласно при всѣхъ присутствующихъ офицерахъ и генералахъ свое удовольствіе, сказавъ, что ея величество особенно милостиво приметъ мои услуги по этому предмету“ [1])....

Въ 1737 году Биронъ былъ избранъ въ герцоги курляндскіе, чтó подало случай Юнкеру написать новую оду, которой дано было такое заглавіе: Die allerwürdigste Wahl des durchlauchtigsten Fürsten und Herrn Ernst Johann Hertzogs in Liefland zu Curland und Semgallen, welche den 14 Junii 1737 in der Residentz-Stadt Mietau von einer wohl-gebohrnen Ritter und Landschafft einhellig vollzogen worden, bey Gelegenheit der auf dem Senatus consilio zu Fraustadt erfolgten Bestätigung in tiefster Unterthänigkeit frolockend erwogen von Gottlob-Friedrich-Wilhelm Junker Ihro russisch-kayserl. Majest. Hoff-Cammer-Rath und Mitglied der Academie der Wissenschaften. S.-Petersburg, gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften. Любопытно изданіе этой оды по своей типографической роскоши: подносный экземпляръ Бирону напечатанъ на бѣломъ атласѣ, на 4 ненум. листахъ; въ началѣ — гербъ Бирона, а въ концѣ виньетта вырѣзаны на мѣди Филиппомъ Маттернови и раскрашены.

25 августа 1737 года, графъ Левенвольдъ далъ знать Академіи, что императрица пожаловала Юнкера „надворнымъ камернымъ совѣтникомъ и надзирателемъ бахмутскихъ соляныхъ заводовъ, и жалованье производить ему изъ соляной суммы“, а изъ Академіи его уволила [2]). Такое назначеніе возбуждало нѣкоторую зависть въ товарищахъ Юнкера по Академіи. Такъ одинъ изъ нихъ, Фишеръ писалъ къ Мюллеру въ Сибирь, 20 ноября 1737 года: „Въ Россію привела Юнкера очень счастливая звѣзда: едва вернулся онъ изъ Крыма, куда за годъ передъ тѣмъ сопровождалъ генералъ-фельдмаршала Миниха, какъ ея императорское величество произвела его въ гофъ-камерраты и поручила надзоръ надъ соляною частію съ ежегоднымъ жало-

[1]) I, Входящія письма 1736 — 1739 годовъ.

[2]) II, книга № 31.

ваньемъ въ 1000 рублей. Вскорѣ потомъ онъ отправленъ въ Германію, съ дачею 1500 рублей на путевыя издержки, для узнанія и обозрѣнія тамошнихъ учрежденій по соляной части. Теперь онъ корчитъ изъ себя знатнаго господина, изучившаго искусство обращать на себя вниманіе при царскомъ дворѣ и находить тамъ себѣ счастіе". [1])

О Юнкерѣ въ описываемую эпоху оставилъ нѣсколько словъ Ломоносовъ. Такъ онъ писалъ, что камерратъ былъ „посланъ въ Германію осмотрѣть всѣ тамошніе соляные заводы для пользы здѣшнихъ, откуда онъ, въ 1739 году возвращаясь, былъ въ Саксоніи въ городѣ Фрейбергѣ для рудныхъ дѣлъ, гдѣ прилучились тогда россійскіе студенты для наученія металлургіи, въ коихъ числѣ былъ Михайло Ломоносовъ. Помянутый Юнкеръ употреблялъ его знаніе россійскаго и нѣмецкаго языка и химіи, поручая ему переводить съ нѣмецкаго нужные репорты и экстракты о соляномъ дѣлѣ, для поданія въ Санктпетербургѣ по возвращеніи; при коемъ случаѣ Ломоносовъ много въ четыре мѣсяца отъ него пользовался въ знаніи солянаго дѣла [2])"...

Сохранилось также письмо самого Юнкера къ барону Корфу изъ Фрейберга 11 августа 1739 года, гдѣ говорится о русскихъ студентахъ, что хотя они по одеждѣ казались неряхами, однако положили прекрасное основаніе въ указанныхъ имъ для изученія наукахъ и выказываютъ похвальную любознательность, а потому Юнкеръ уговаривалъ Корфа, что можно предать забвенію справедливый гнѣвъ, который имѣлъ на нихъ этотъ начальникъ Академіи за ихъ распущенность и долги [2]).

Въ 1740 и 1741 годахъ въ донесеніяхъ изъ Петербурга саксонскаго дипломата Пецольда не разъ встрѣчаются упоминанія о Юнкерѣ. Такъ, напр., 21 іюня 1740 года: „Милостивое письмо вашего превосходительства прошлаго мѣсяца я имѣлъ честь получить и приложеніе при немъ тотчасъ же передалъ

---

[1]) I, 8-й портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб. 1865), 4, 5.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изданный академикомъ Купикомъ, (Спб. 1865), часть II, 377.

г. Юнкеру, который каждый день ждетъ изъ Кабинета своего отправленія, чтобы предпринять путешествіе на соляные промыслы въ Украйнѣ для примѣненія тамъ своихъ наблюденій и собраній, сдѣланныхъ въ Германіи. У генералъ-фельдмаршала графа Мюниха онъ все еще пользуется хорошимъ довѣріемъ и притомъ имѣетъ счастіе нравиться его свѣтлости герцогу курляндскому, почему я тѣмъ менѣе упускаю случай поддерживать мою дружбу съ нимъ; притомъ онъ показываетъ великое усердіе къ нашему двору, и я надѣюсь получить чрезъ него разныя извѣстія о здѣшнихъ внутреннихъ дѣлахъ". 3 января 1741 года: „вчера послѣ обѣда, генералъ-фельдмаршалъ графъ Мюнихъ велѣлъ позвать къ себѣ гофъ-камеррата Юнкера, съ которомъ я живу въ одномъ домѣ, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора о соляныхъ дѣлахъ, разсказывалъ ему, что ея императорское величество вошла въ соглашеніе съ королемъ прусскимъ" и т. д. [1])

Между тѣмъ Юнкеръ не прерывалъ своихъ сношеній и съ Академіею, или, лучше сказать, съ Шумахеромъ. 31 декабря 1740 года тогдашній президентъ Бревернъ съ Шумахеромъ, несмотря на постоянно чувствуемый недостатокъ въ деньгахъ, при Академіи, постановили выдать Юнкеру 686 рублей за представленныя имъ „разныя къ библіотекѣ и къ кунсткамерѣ принадлежащія книги и куріозныя вещи" [2]).

Съ возшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, несмотря на паденіе покровителя Юнкера, графа Мюниха, паденіе которое тяжело отозвалось на нѣкоторыхъ другихъ изъ его приближенныхъ, камерратъ остался цѣлъ и невредимъ, и сочинилъ на коронацію императрицы оду, которая была читана въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ 29 апрѣля 1742 года, и тогда же напечатана in folio. Стриттеръ убѣжденъ, что по красотѣ своей это произведеніе Юнкера превосходитъ всѣ прежнія [3]). Переводъ оды, сдѣланный Ломоносовымъ, также

---

[1]) Ernst Herrmann's Geschichte des russischen Staates, IV, 695.

[2]) II, книга № 450.

[3]) Въ прошломъ столѣтіи оды Юнкера и даже его надписи къ фейерверкамъ и иллюминаціямъ находили достойными сохраненія отъ забвенія, для чего въ 1760 г. предполагалось издать ихъ въ свѣтъ въ отдѣльномъ сборникѣ. Это предпринялъ было кё-

изданъ въ 1742 году, подъ заглавіемъ: Вѣнчанная надежда россійскія имперіи въ высокій праздникъ коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія Государыни Елисаветы Петровны и пр. Здѣсь Юнкеръ титулуется надворнымъ камернымъ совѣтникомъ, интендантомъ соляныхъ дѣлъ и членомъ Академіи наукъ.

Ломоносовъ о Юнкерѣ во времена начала царствованія Елисаветы разсказываетъ слѣдующее: „Когда Ломоносовъ въ 1741 году въ Россію возвратился, нашелъ здѣсь Юнкера въ полномъ упражненіи о исполненіи солянаго дѣла въ Россіи; въ чемъ онъ съ реченнымъ Ломоносовымъ имѣлъ потому частое сношеніе и, сверхъ того, поручалъ переводить на россійскій языкъ всѣ свои извѣстія и проекты о семъ важномъ дѣлѣ. Оныя его старанія гдѣ нынѣ находятся неизвѣстно, для того что Юнкеръ, не дождавъ окончанія къ исполненію своихъ стараній, скончался.“ [1])

Когда Шумахеръ подпалъ подъ слѣдствіе и подвергнулся аресту, то Юнкеръ сдѣлалъ попытку къ оправданію предъ правительствомъ бывшаго своего покровителя: 19 (30) ноября 1742 года онъ подалъ вице-канцлеру графу А. Бестужеву-Рюмину записку, въ которой сначала описывалъ Шумахера, его заслуги Россіи и Академіи и его честность. По словамъ Юнкера, выходило, что не только Шумахеръ пользовался казенными деньгами, но закладывалъ драгоцѣнныя вещи жены, а въ 1742 году и домъ своей тещи, чтобы изъ полученныхъ такимъ образомъ денегъ удовлетворять бѣднѣйшихъ изъ академическихъ служителей, такъ-какъ Академія, по несоотвѣтствію своего штата съ нуждами ея, была всегда въ затрудненіи относительно денегъ. Послѣ такого описанія дѣйствій Шумахера, слѣдуетъ обозрѣніе заслугъ Академіи. Замѣчательно, что Юнкеръ о произведеніи бывшаго своего врага Вейтбрехта — De ligamentis упоминаетъ какъ о чрезвычайно замѣчательномъ трудѣ, рядомъ съ сочиненіями Даніила Бернулли и Эйлера [2]).

нигсбергскій профессоръ Бокъ, но смерть помѣшала ему осуществить такое предпріятіе.

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 4, 5.

[2]) Записка Юнкера въ отрывкахъ у

Въ январѣ 1746 г. Юнкеръ просилъ Шумахера о дозволеніи въ географическомъ департаментѣ двумъ, даннымъ ему геодезистамъ рисовать планы и чертежи для приложенія къ порученному ему отъ правительствующаго сената обстоятельному представленію о новыхъ украинскихъ соляныхъ промыслахъ. Сенатъ хотѣлъ также, чтобы для переводовъ Юнкеру былъ приданъ Ломоносовъ, но въ это время послѣдній былъ уже профессоромъ, почему Юнкеру предложено выбрать себѣ другого переводчика, работу котораго могъ потомъ просмотрѣть Ломоносовъ [1]).

Юнкеръ умеръ 10 ноября 1746 года. Для разсмотрѣнія оставшихся послѣ него бумагъ были назначены сенатомъ сенатскій секретарь Крокъ и переводчикъ, а со стороны Академіи — Таубертъ. Чтó сдѣлалось потомъ съ дѣловыми бумагами Юнкера неизвѣстно [2]), а изъ дѣлъ академической канцеляріи видно только, что въ 1747 году переписывалось для Академіи нѣмецкое сочиненіе „о соляныхъ заводахъ“ [3]). 6 мая 1754 года сенатъ прислалъ въ Академію слѣдующія бумаги Юнкера: 1) Описаніе Малороссіи, которое онъ подавалъ въ Академію 28 февраля 1737 года. 2) Географическіе и историческіе вопросы для описанія Украйны. 3) Описаніе земель и народовъ между рѣками Днѣпромъ и Дономъ, и, наконецъ, проектъ о умноженіи тамошнихъ доходовъ, который, по свидѣтельству Тауберта, принадлежалъ перу генералъ-маіора Вейсбаха. Всѣ эти рукописи тогда же отосланы для храненія въ академическую библіотеку [4]).

Изъ этихъ рукописей Юнкера напечатана только одна

г. Германа Geschichte des russischen Staats, V, 173—175; 239—240. Рукописная полная — переслана г. Германомъ въ Петербургъ къ А. А. Половцеву, секретарю русскаго историческаго общества.

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 75, 76.

[2]) Ibid, 6.

[3]) Объ этомъ произведеніи Юнкера Мюллеръ отозвался: «Бумаги г. Юнкера и въ особенности его важный трудъ о соляномъ дѣлѣ, который дошелъ до Академіи послѣ его смерти, показываютъ, что онъ былъ болѣе чѣмъ счастливый стихотворецъ, несмотря на то, что стихотворство болѣе всего содѣйствовало его счастью.» Sammlung Russischer Geschichte, IX, 3.

[4]) II, книги №№ 188 и 465; въ послѣдней протоколъ 17 октября 1754 г.

статья Мюллеромъ, а именно: Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr aus einer Handschrift des ehemahligen Hof-Cammer-Raths G. F. W. Juncker [1]).

Въ архивѣ академической конференціи въ связкѣ подъ № 98, съ заглавіемъ Hof-Cammer-Raths Juncker Schriften хранятся выписки изъ маршрутовъ, каталоговъ и пр. и одна статья Юнкера, представленная въ конференціи 27 января 1735 года: Unmaassgeblicher Vorschlag an Sr. Excellence des Herrn Cammerherrn von Korf als chef und die samtliche Glieder der Akademie des Wissenschaften die Einführung gleicher Bücher in die samtliche Schulen der Russischen Reichs betreffend. Изъ этого предложенія видно, что составленіе русской грамматики было возложено тогда на Тредіаковскаго, а о выборѣ классическихъ авторовъ, представленномъ Юнкеромъ, предлагали передать на обсужденіе новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича и академиковъ Гольдбаха и Байера.

КРАМЕРЪ, АДОЛЬФЪ-БЕРНГАРДЪ (Мюллеръ называетъ его Адольфъ-Іоганнъ), адъюнктъ по каѳедрѣ исторіи.

Извѣстія о немъ у Мюллера въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 71, 316 и 113.

Крамеръ былъ родомъ изъ Герфорда въ Вестфаліи; пріѣхалъ въ Россію съ академикомъ Мартини, который взялъ его съ собою изъ школы въ Любекѣ; въ началѣ своего пребыванія при Академіи значился между студентами, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ, а 17 октября 1732 года допущенъ въ академическія засѣданія съ званіемъ адъюнкта.

По свидѣтельству Мюллера, бывшаго съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Крамеръ помѣстилъ много хорошихъ статей въ Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ. Это былъ прилежный, способный человѣкъ, который сдѣлался бы

[1]) Sammlung Russischer Geschichte, IX, 1—94.

современемъ замѣчательнымъ изслѣдователемъ по русской исторіи, если бы не умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Когда Мюллеръ отправлялся въ путешествіе по Сибири, то передалъ Крамеру приготовленные имъ для Sammlung Russischer Geschichte матеріалы, и Крамеръ окончилъ три послѣдніе выпуска перваго тома этого собранія. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1734 года [1]), а въ февралѣ 1735 года Байеръ, Шумахеръ и Медеръ разбирали оставшіяся послѣ него бумаги, касающіяся Россіи и остзейскаго края [2]). Здѣсь, кромѣ статей Мюллера, были найдены: Portrait des durchlauchten Tzaren Ivan Wasilewitz des Grossen aus dem Hachlugt; Leben des verstorbenen Feld-Marchals Galizin von H. Adjunct Cramer beschrieben; Vita atque obitus divae santaeque Olgae, seu Helenae, ex manuscriptis antiquis menologiis variisque chronographis in compendium redacta; Series der Patriarchen und Metropoliten von Russland; Nachrichten von einigen russischen, schwedischen und polnischen Begebenheiten von A. 1709, и H-n Past. Rodde Catalogus librorum russicorum in 4°, wohl conditioneret $2^1/_2$ Bogen (подъ № 31). Послѣдняя рукопись оставлена при академической канцеляріи и не поступила въ академическій архивъ. 18 мая 1735 г. записано въ протоколѣ, что Байеръ изъ бумагъ Крамера Catalogus scriptorum (sic) russicorum пастора Родде (тотъ же № 31) обязывался отдать на разсмотрѣніе русскаго собранія (der Russischen Geselschaft). Авторъ этого каталога пасторъ Родде, какъ видно изъ входящихъ бумагъ академическаго архива, былъ въ перепискѣ съ Академіею, куда доставлялъ въ 1735 г. извѣстія о школахъ, находившихся въ остзейскомъ краѣ. Быть можетъ это тотъ самый Родде, который Байеру сообщилъ о переводѣ и изданіи на русскій языкъ Gerhardi Meditationes (См. выше на стр. 185).

Говоря о кончинѣ Крамера, Мюллеръ прибавляетъ: „да

---

[1]) Въ книгѣ № 428, II, записано, что 20 ноября 1734 г. канцеляристъ Паули репортовалъ, что онъ у Фельтена былъ и нашелъ, что Крамеръ умеръ. Мюллеръ смерть Крамера относитъ ошибочно къ 1739 году.

[2]) Протоколы 1735 года, февраля 25, 26 и 29.

простятъ мнѣ, что здѣсь я коснусь одного, случившагося при этомъ обстоятельства. Возникалъ споръ, имѣетъ-ли наша душа (быть можетъ не каждая) таинственную силу обладать предчувствіемъ объ отдаленныхъ событіяхъ или же всѣ подобные разсказы о томъ должны быть отвергаемы, какъ сказки? За вѣрность того, что хочу я здѣсь разсказать, могу по чистой совѣсти быть порукою. У Крамера была еще въ живыхъ мать въ Любекѣ, которая увѣдомляла его въ одномъ письмѣ, что въ указанную ею ночь и часъ видѣла страшный сонъ и что, вслѣдствіе того, разстроилось ея здоровье, почему она просила сына немедленно увѣдомить о себѣ и пр. Когда письмо это пришло въ Петербургъ и было распечатано однимъ изъ друзей покойнаго, то оказалось, что въ эту самую ночь и въ этотъ самый часъ, которые были указаны матерью, скончался сынъ. Я читалъ это письмо и можетъ быть оно сохранилось въ Петербургѣ. Можно вѣрить и не вѣрить подобнымъ вещамъ, но онѣ стоютъ того, чтобы быть замѣчеными. По этому уваженію я полагаю, что мнѣ будутъ благодарны за это отступленіе, хотя оно и не имѣетъ ни малѣйшаго соотношенія съ исторіею Академіи".

АММАНЪ, ІОГАННЪ, академикъ по каѳедрѣ ботаники.

Краткія извѣстія о немъ: Fortsetzung und Ergäntzungen zu C. G. Jocher's allgemeinem Gelehrten Lexico, I, 740; Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, III, 365.

Амманъ, сынъ доктора Іоганна-Конрада, родился въ Шафгаузенѣ въ 1707 году; слушалъ лекціи медицины въ лейденскомъ университетѣ и въ 1730 году, по особенной рекомендаціи знаменитаго Бургаве, былъ принятъ въ Лондонѣ въ домѣ Ганса Слона (Sloane) для надзора за его кабинетами натуральной исторіи. Въ слѣдующемъ 1731 году Амманъ былъ избранъ въ члены лондонскаго ученаго общества.

Съ отъѣздомъ изъ Россіи Буксбаума, каѳедра ботаники въ Академіи оставалась незанятою, а потому когда Мюллеръ от-

правился заграницу, то ему было, между прочимъ, поручено пріискать для Академіи способнаго ботаника. Находясь въ Голландіи, Мюллеръ, 9 апрѣля 1731 года, писалъ къ Блюментросту, что Бургаве и Грановіусъ предлагали Аммана для каѳедры ботаники, какъ ученаго весьма свѣдущаго во всей натуральной исторіи [1]). Въ бытность свою въ Лондонѣ, Мюллеръ часто посѣщалъ кабинетъ натуральной исторіи Ганса Слона (Sloane) и здѣсь познакомился съ Амманомъ. Отъ Мюллера не укрылось, что Амманъ не былъ въ ладахъ съ своимъ товарищемъ Кромвелемъ Мортимеромъ, а потому Мюллеръ предложилъ Амману поступить въ петербургскую Академію. Амманъ отклонилъ тогда это предложеніе, но потомъ, когда у него возникли недоразумѣнія съ самимъ Слономъ, написалъ къ Мюллеру о готовности своей принять прежнее его предложеніе [2]).

Контрактъ на поступленіе Аммана въ званіе академика по каѳедрѣ ботаники былъ подписанъ 27 февраля 1733 года, и въ силу его онъ получилъ 660 рублей въ годъ жалованья и 180 рублей на квартиру, отопленіе и освѣщеніе [3]).

Изъ протоколовъ академическихъ засѣданій видно, что Амманъ въ первый разъ явился въ академическія засѣданія 19 іюня 1733 года. Вскорѣ потомъ, онъ сталъ заниматься описаніемъ растеній, оставшихся послѣ Буксбаума, и расположилъ ихъ въ двѣ центуріи, которыя находилъ достойными къ печати, подобно первымъ, почему онѣ и были изданы въ 1733 и 1740 годахъ (см. выше стр. 244).

Въ 1734 году, когда было положено отправить Ивана Кириловича Кирилова въ экспедицію, получившую названіе оренбургской, то, по требованію его, сенатъ предложилъ Академіи послать въ эту экспедицію, въ званіи натуралиста, Аммана; но онъ отказался, почему на его мѣсто Кириловъ взялъ съ собою Гейнцельмана, бывшаго до того времени секретаремъ фельд-

---

[1]) I, портфель подъ заглавіемъ Путешествіе исторіографа Мюллера по Англіи, Голландіи и Германіи 1730, 1731 годовъ.

[2]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 381.

[3]) II, книги №№ 791 и 425.

маршала графа Мюниха[1]) и успѣвшаго потомъ своими разысканіями оказать услуги ботаникѣ.

24 января 1735 года Амманъ докладывалъ въ академическомъ засѣданіи, что онъ уже сдѣлалъ хорошее начало распредѣленію находившихся въ натуральномъ кабинетѣ Академіи тропическихъ растеній по системѣ Турнефора, и въ подтвержденіе тому показывалъ принесенное имъ, Амманомъ, новое ботаническое собраніе. Въ засѣданіи было постановлено продолжать начатую работу, а приведенныя уже въ порядокъ растенія были взяты обратно Шумахеромъ въ натуральный кабинетъ.

Къ 1736 году относятъ обыкновенно основаніе Амманомъ академическаго ботаническаго сада, который находился во второй линіи Васильевскаго отрова при домѣ генерала Бонна, гдѣ нынѣ садъ римско-католической духовной академіи [2]). Для исторіи этого учрежденія можетъ имѣть значеніе слѣдующая справка академической канцеляріи 5 января 1742 года: „Въ правительствующій сенатъ изъ Академіи наукъ требовано извѣстія, на Васильевскомъ острову деревянный домъ въ третьей (sic) линіи доктора Аммана какимъ образомъ къ оной Академіи и когда приписанъ и не имѣется-ль на ономъ какого постою? А по справкѣ въ Академіи наукъ означенный дворъ не доктора Аммана, но токмо онъ, Амманъ, какъ профессоръ ботаники, въ ономъ дворѣ жилъ. А оной дворъ купленъ подъ Академію наукъ въ 1739 году [3]) для содержанія академическаго ботаническаго огорода, на сохраненіе и ращеніе въ немъ разныхъ сѣ-

---

[1]) I, портфель 1-й писемъ къ исторіографу Мюллеру отъ разныхъ лицъ, письмо Аммана отъ 10 декабря 1734 года.

[2]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 3, статья академика Рупрехта «Матеріалы для исторіи Академіи наукъ по части ботаники,» 14.

[3]) Этотъ домъ «во второй линіи на малой преспективѣ» принадлежалъ Герману Іоганну фонъ-Бонну, который въ 1735 году подарилъ его Бреверну, а этотъ въ 1739 г. продалъ Академіи за 1500 рублей. До того времени наемная за него плата была 300 р. въ годъ. Главными причинами къ пріобрѣтенію этого дома Академіею, въ представленіи въ сенатъ барона Корфа 7 марта 1739 года, были выставлены слѣдующія: «1. усмотрѣно отъ Академіи, что отъ случающагося отъ (sic) морскаго наводненія къ ботаническому огороду въ домѣ Бреверна способное мѣсто, а особливо для присылаемыхъ изъ странъ сѣменъ и травъ для обученія молодыхъ людей ботаникѣ; 2.

менъ и травъ и для содержанія ботаническихъ книгъ на обученія молодыхъ людей. А постоя на томъ дворѣ нѣтъ для того, что оный домъ сталъ быть казенный. Къ тому жъ, какъ выше значитъ, что въ немъ вышеписанныя травы, деревья и другія, къ ботаникѣ принадлежащія вещи, за неимѣніемъ оранжереи, хранятся въ теплыхъ каморахъ, гдѣ и тому профессору ботаники жить, котораго Академія ежечасно сюда ожидаетъ, и слѣдственно на семъ казенномъ дворѣ, наполненномъ вышереченными вещми, никакому постою быть не возможно"....[1]).

Въ 1737 году Амманъ представилъ академическому собранію трудъ свой Stirpium rariorum in Imperio Ruthenico sponte provenientium icones et descriptiones, который былъ напечатанъ потомъ при Академіи [2]). Помѣщенныя здѣсь описанія составлены Амманомъ на основаніи того, что было доставлено въ Академію Мессершмидтомъ, Гмелиномъ и Гейнцельманомъ. Въ томъ же году 22 апрѣля, Амманъ заявилъ въ академическомъ засѣданіи о составленномъ имъ указателѣ, подъ заглавіемъ: Catalogus plantarum, quae in horto academico A. 1736 satae fuerunt.

29 мая 1738 г., Аммана назначила академическая канцелярія въ помощники къ Шумахеру при кунсткамерѣ, съ прибавкою 100 руб. къ ежегодному жалованью.

Амманъ умеръ 4 декабря 1741 года [3]). Оставшійся послѣ него травникъ, заключавшій въ себѣ до 5000 видовъ, а также переписка его поступили въ Академію [4]) и хранятся до нынѣ травникъ въ академическомъ ботаническомъ музеѣ [5]), а переписка — въ архивѣ академической конференціи.

Herbarium ammanianum описанъ Стеллеромъ и помѣщенъ

Къ томужъ во ономъ домѣ съ немалымъ отъ Академіи казеннымъ коштомъ ботанической огородъ съ посѣянными травами заведенъ, котораго уже трудно и интересу утратно вновь заводить».... II, книга №№ 48 и 447.

[1]) II, книга № 63.

[2]) О напечатаніи этой книги въ 1739 году въ 4°, въ количествѣ 750 экз. на обыкновенной бумагѣ и 63 на александрійской и любской, см. II, книга № 37.

[3]) II, книга № 77.

[4]) II, книга № 81.

[5]) Извѣстія о немъ см. Очеркъ исторіи ботаническаго музея, покойнаго академика Рупрехта въ Запискахъ Академіи наукъ, томъ V, стр. 139, 140.

во второй части I-го тома изданія Musei imperialis petropolitani (Спб., 1745), стр. 191 — 624.

Амманъ женатъ былъ на дочери Шумахера, которая умерла прежде мужа, вскорѣ послѣ своей свадьбы. Товарищи Аммана по Академіи говорили, что онъ получалъ значительное предъ нѣкоторыми изъ нихъ содержаніе, хотя и былъ моложе многихъ изъ нихъ, единственно потому, что онъ „зять совѣтнику Шумахеру былъ“ [1]).

Оставшіяся послѣ Аммана бумаги хранятся въ архивѣ академической конференціи подъ №№. 95 и 74. Въ первой связкѣ находятся тетради съ лекціями, а во второй—письма отъ разныхъ лицъ, между которыми встрѣчаются имена: Ганса Слона (Sloane) изъ Лондона, Альберта Себа, Клейна изъ Данцига, Гроновіуса изъ Лейдена, Гейнцельмана изъ Уфы и Самары, оріенталиста Кера, Риндера изъ Оренбурга и Самары и пр. Амманъ переписывался также съ Прокофьемъ Акинфьевичемъ Демидовымъ и доставлялъ рѣдкія сѣмена для его оранжереи.

Статьи Аммана, напечатанныя въ изданіи нашей Академіи Наукъ, Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: VIII, 193 — 196, De ficubus e trunco arboris enatis; 209—210, De meliloto siliqua membranacea compressa; 211—219; Quinque nova plantarum genera. IX, 310 — 313, De alsinanthemo thalii seu trientali herba Ioannis Bavhini; 314—315, De betula pumila folio subrotundo. X, 278—302, De filicastro novo plantarum genere, aliisque minus notis rariobus filicum speciebus; 326—368, Descriptio cameli bactriani binis in dorso tuberibus e scriptis D. G. Messerschmidii. XI, 304. De fungo insolitae magnitudinis observatio; 305—308, Descriptio et icon novae bermudianae speciei. XII, 288—292, Descriptio cassiae americanae procumbentis, herbaceae, mimosae foliis, floribus parvis, siliquis angustis, planis. XIII, 400 — 403, De lapatho orientali, frutice humili flore pulchro inst. R. H. Cor.

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, «Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ,» 60.

КЕЙЗЕРЛИНГЪ (KEYSERLING), ГЕРМАНЪ-КАРЛЪ, баронъ, а впослѣдствіи графъ, президентъ Академіи наукъ.

О родѣ Кейзерлинговъ: Stammtafeln Nachrichten und Urkunde von dem Geschlechte derer von Keyserlingk, Berlin, 1853, 47—53; здѣсь сказано, что въ графскомъ дипломѣ этого Кейзерлинга фамилія его написана безъ к на концѣ. Кромѣ печатныхъ источниковъ, тамъ цитуются девять портфелей бумагъ его, хранящихся въ фамильномъ архивѣ въ Раутенбургѣ. Россійская родословная книга, князя Петра Долгорукова, III, 143—156; о причинахъ значенія при дворѣ имератрицы Анны Германа-Карла Кейзерлинга, «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ», Спб., 1862, стр. 3, 8, 9. Дипломатическая карьера Кейзерлинга въ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго, М., 1836 г., III, 55—61. Объ управленіи его Академіею свидѣтельство Мюллера въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 384—387, 401—409.

Кейзерлингъ происходилъ изъ древняго германскаго рода, перешедшаго изъ Вестфаліи въ Курляндію и Лифляндію: родился въ 1696 или 1695 году; образованіе получилъ на столько основательное, что могъ считаться настоящимъ ученымъ. Бывшихъ своимъ наставниковъ въ Кёнигсбергѣ юриста Бекенштейна и Байера, занимавшагося древностями и языками, онъ встрѣтилъ потомъ членами въ нашей Академіи и выказывалъ имъ всегда особенное уваженіе и любовь, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько было ему возможно, объ улучшеніи ихъ положенія. По разсказамъ современниковъ, Кейзерлингъ содѣйствовалъ Бирону вступить на службу ко двору вдовствующей герцогини курляндской Анны Іоанновны, почему Биронъ и считалъ себя предъ Кейзерлингомъ обязаннымъ своимъ счастіемъ. По избраніи Анны на русскій престолъ, Германъ Кейзерлингъ прибылъ въ Россію для принесенія ей поздравленія отъ имени курляндскаго дворянства и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ постановленіе его о принятіи въ свою среду Бирона, о чемъ тщетно хлопоталъ прежде другой Кейзерлингъ, бывшій курляндскимъ канцлеромъ.

Германъ Кейзерлингъ вступилъ въ русскую службу въ званіи вице-президента юстицъ-коллегіи эстляндскихъ и лифляндскихъ

дѣлъ. Семейство Кейзерлинга состояло въ близкихъ отношеніяхъ къ Бирону: въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1732 года, № 48, стр. 220, объявлено какъ о весьма важномъ событіи, что „ея высокографское превосходительство госпожа оберъ-камергерша фонъ-Биронъ была въ прошедшій понедѣльникъ при крещеніи новорожденной дечери вице-президента государственной юстицъ-коллегіи г. фонъ-Кейзерлинга воспреемницею....“

Вскорѣ послѣ удаленія изъ службы президента Академіи Блюментроста, именно 18 іюля 1733 года, императрица Анна подписала бумагу такого содержанія: „Указъ нашему юстицъ-коллегіи вице-президенту барону фонъ Кейзерлингу. Пожаловали мы васъ въ нашу санктпетербургскую Академію наукъ президентомъ съ принадлежащимъ по оному чину жалованьемъ [1]), о чемъ и въ сенатъ указъ нашъ посланъ, того ради повелѣваемъ вамъ, какъ скоро возможно, дѣла той Академіи разсмотрѣть: въ какомъ состояніи оная нынѣ обрѣтается; въ какомъ порядкѣ до сего времени отправлялась; нѣтъ-ли въ чемъ какого упущенія какъ въ денежномъ расходѣ, такъ и въ прочемъ; и, разсмотря все подробно, намъ о томъ донесть съ приложеніемъ своего мнѣнія, какимъ образомъ тѣ непорядки поправлены и оная Академія наукъ въ наилучшее доброе состояніе и порядокъ приведена быть можетъ“ [2]). Въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1733 г., № 59, стр. 238, послѣ объявленія объ этомъ назначеніи, прибавлено: „отъ сего познавается особливая склонность и высокое попеченіе, которое ея императорское величество о приращеніи наукъ всегда показывала, и притомъ имѣется совершенная надежда, что Академія наукъ въ наибольшее свое благополучіе и въ цвѣтущее состояніе приведена будетъ“.

Утромъ 19 іюля, всѣ академики были собраны въ Акаде-

---

[1]) Предшественникъ Кейзерлинга Блюментростъ говорилъ, что ему было обѣщано отъ Петра Великаго жалованья, какъ президенту Академіи, 1000 р.; но письменнаго о томъ распоряженія никакого не было. Кейзерлингу, по указу сената, отъ 9 августа 1733 г., назначено было 3000 р. въ годъ.

[2]) II, книга № 12.

мію, куда прибылъ и Кейзерлингъ. Въ конференцъ-залѣ былъ прочтенъ сейчасъ приведенный рескриптъ въ нѣмецкомъ переводѣ академикомъ Крафтомъ, исполнявшимъ тогда обязанности конференцъ секретаря. По свидѣтельству Мюллера, всѣ академики были чрезвычайно обрадованы этимъ назначеніемъ, такъ-какъ предшественникъ Кейзерлинга предоставилъ Академію въ полное распоряженіе Шумахеру, бывшему въ постоянномъ разладѣ съ учеными. Въ тотъ же день, при осмотрѣ новымъ президентомъ всѣхъ учрежденій при Академіи, въ типографіи ея были отпечатаны привѣтственные латинскіе съ нѣмецкимъ переводомъ Гольдбаха и нѣмецкіе стихи Юнкера. Здѣсь воздавались хвалы и древнему роду президента, и его личнымъ качествамъ, а также прославлялась императрица за такое радостное для Академіи назначеніе.

Первыя распоряженія Кейзерлинга по Академіи касались введенія порядка въ отчетности по приходу и расходу академическихъ суммъ. Вскорѣ потомъ, онъ началъ вникать въ причины разстройства финансовой части и тѣхъ неудовольствій и пререканій, которыя такъ часто возникали въ Академіи между академиками и академическою канцеляріею. Ученое общество управлялось до Кейзерлинга съ такимъ произволомъ, что въ немъ даже не было засвидѣтельствованнаго списка съ проекта, утвержденнаго Петромъ Великимъ объ основаніи Академіи, почему, въ августѣ 1733 г., Кейзерлингъ просилъ Сенатъ доставить вѣрную копію съ этого важнаго для Академіи постановленія, такъ-какъ оно тогда было единственнымъ оффиціальнымъ выраженіемъ воли царя объ основаніяхъ, на какихъ учреждено въ Петербургѣ ученое общество. Подлинникъ проекта оказался тогда хранящимся въ московской сенатской конторѣ. 17 сентября 1733 г. президентъ писалъ въ докладѣ императрицѣ: „хотя оныя персоны, изъ которыхъ свойственно Академіи наукъ состоять, изъ опредѣленныхъ на то отъ Петра I... 25.000 руб. ежегоднымъ жалованьемъ удовольствованы быть и могутъ, однакожъ сначала сего основанія довольно примѣчено было, что къ надлежащему продолженію онаго нѣкоторое число гридоровальщиковъ, типографщиковъ, словолитчиковъ и

проч. потребно, откуда потомъ такъ называемая Академія художествъ произошла"…. Поэтому Кейзерлингъ исходатайствовалъ у императрицы 30,000 рублей для заплаты долговъ, въ которые вовлечена была Академія вслѣдствіе такихъ художественныхъ учрежденій и мастерскихъ. Докладъ свой по этому предмету такъ кончалъ Кейзерлингъ: „какъ я о всемилостивѣйшемъ рѣшеніи не сомнѣваюсь, то всячески съ крайнемъ тщаніемъ о томъ стараться буду, чтобъ какъ сіи, такъ и прочія на Академію употребленныя иждивенія, по всемилостивѣйшему намѣренію вашего императорскаго величества и по собственному мнѣнію въ бозѣ почивающаго блаженныя памяти основателя, къ пользѣ сего народа, наипаче же къ основательному наставленію россійскихъ отроковъ и на полезныя науки и знанія употреблены были"…[1]).

14 октября 1733 г. Кейзерлингъ принялъ на службу въ Академію переводчикомъ Василья Кириловича Тредіаковскаго, съ которымъ было заключено обязательство на французскомъ языкѣ, подписанное Кейзерлингомъ. Сохранился и русскій переводъ этой бумаги самимъ Тредіаковскимъ, который по второму пункту условій долженъ былъ „вычищать языкъ русской, пишучи какъ стіхами, такъ и не стіхами". Въ позднѣйшихъ прошеніяхъ своихъ, Тредіаковскій, изчисляя всѣ свои занятія по Академіи, между прочимъ, писалъ, что онъ при Кейзерлингѣ „упражнялся въ разныхъ переводахъ, а притомъ обучая его самого россійскому языку".

Къ сожалѣнію, которое выражали и академики послѣ отбытія Кейзерлинга изъ Академіи, онъ недолго пробылъ въ званіи президента, и въ концѣ 1733 года отправился въ качествѣ посланника за границу и съ тѣхъ поръ до самой смерти, послѣдовавшей 30 сентября 1764 г., не оставлялъ уже дипломатическаго поприща.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ далъ Академіи инструкцію, въ которой подробно изложены были правила, какъ поступать при веденіи дѣлъ въ академическихъ засѣданіяхъ,

---

[1]) II, книга № 12.

т. е. по части собственно ученой, и при управленіи хозяйственною частію. Инструкція эта составлена была не по внушенію Шумахера, что́ видно изъ того, что академическія суммы поручены были не ему, а секретарю Медеру и контролеру Гофману, а управленіе Академіею предоставлено академикамъ Гольдбаху, Байеру, Бекенштейну и Шумахеру. Впрочемъ это исполнялось только до вступленія новаго начальника Академіи барона Корфа.

Въ инструкціи Кейзерлинга помѣщено также въ числѣ настоятельныхъ потребностей, исполненіе которыхъ обязана выполнить Академія, сочиненіе русской грамматки, что́ взялъ на себя адъюнктъ Адодуровъ.

Какъ представитель Россіи при разныхъ европейскихъ дворахъ, Кейзерлингъ долженъ занять по всѣмъ правамъ почетное мѣсто въ исторіи русской дипломатіи XVIII вѣка. Въ бытность свою въ Польшѣ, онъ отличался особенною ревностію къ защищенію православныхъ, претерпѣвавшихъ притѣсненія отъ католиковъ въ Польшѣ. Въ его семейныхъ бумагахъ (въ Раутенбургѣ) есть извѣстія, что императрица Елисавета поручала ему оказывать существенныя облегченія православнымъ славянамъ, находившимся въ подданствѣ Австріи; также же не упускать изъ виду Сербіи и Иллиріи и препятствовать присоединенію Кроаціи къ Венгріи. Въ литографированномъ изданіи „Корректурные листы каталога иноязычныхъ сочиненій о Россіи, находящихся въ Императорской публичной библіотекѣ“ (Спб., 1860 г.), а также у г. Винкельмана Bibliotheca Livoniae historica (S.-Pbg., 1869) подъ № 6110, приписывается Кейзерлингу сочиненіе Brevis et succincta enarratio jurium Curlandiae et Semigalliae, Varsoviae, 1736, in 4°, два изданія. Въ петербургской публичной библіотекѣ есть Oratio Hermanni Caroli a Keyserling oratoris plena potentia Imp. Maj. Catharinae II ad rem publicam polonam 1764 habita. У графа Кейзерлинга было двѣ дочери и одинъ сынъ Генрихъ - Христіанъ, извѣстный какъ сочинитель нѣсколькихъ книгъ и который умеръ бездѣтнымъ въ 1787 году.

АДОДУРОВЪ, ВАСИЛІЙ ЕВДОКИМОВИЧЪ, адъюнктъ математическихъ наукъ.

Жизнеописанія его: Энциклопедическій лексиконъ, изд. Плюшара I, 208; Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, II, 58—60. Извѣстія о первыхъ годахъ его пребыванія въ Академіи наукъ въ Ученыхъ запискахъ по I и III отдѣленіямъ Академіи наукъ, три тома (см. въ указателяхъ при нихъ слово—Адодуровъ). О надзорѣ Адодурова за порученными ему учениками—Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 24—28, 87, 88. Объ отношеніяхъ къ графамъ Разумовскимъ въ статьѣ «Семейство Разумовскихъ», А. А. Васильчикова (Москва, 1868 г.), 14, 26, 28, 31, 32, 39, 40. (Здѣсь вкралась ошибка, что будто Адодуровъ довершилъ свое образованіе за границею, но онъ тамъ никогда не учился). Упоминанія о немъ императрицы Екатерины II въ ея Mémoires, 2-de édit. (Londres, 1859), 10, 31, 311. О кураторствѣ Адодурова въ московскомъ университетѣ въ Исторіи этого учрежденія С. Шевырева (М. 1855 г.), 103 — 213. Извѣстія о немъ его наставника, а потомъ знакомца, исторіографа Мюллера въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenchaften zu S.-Petersburg, 116, 117, 289, 290, 291.

Адодуровъ, сынъ новгородскаго дворянина [1]), родился 15 марта 1709 г. и сначала воспитывался въ духовномъ училищѣ въ Новгородѣ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторое знаніе латинскаго языка, а потомъ, по собственному побужденію, явился въ Петербургъ съ пламеннымъ желаніемъ быть принятымъ въ число академическихъ учениковъ. Въ 1727 году онъ уже значился при Академіи студентомъ и получалъ жалованья 72 р. въ годъ (студенты изъ иностранцевъ получали тогда по 200 р. въ годъ). Мюллеръ разсказываетъ, что Адодуровъ былъ его ученикомъ: сначала оба не могли объясняться другъ съ другомъ, такъ-какъ одинъ не зналъ еще по русски, а другой не имѣлъ никакого понятія о нѣмецкомъ языкѣ. Тогда учитель принялся за объясненія труднѣйшихъ латинскихъ писателей при помощи общеупотребительной латини, упражняя при томъ своего ученика въ писаніи на заданныя темы. Мюллеръ замѣ-

---

[1]) Адодуровъ на вопросъ о его происхожденіи отвѣчалъ въ 1737 году: «отецъ мой, Евдокимъ Адодуровъ испомѣщенъ въ Кромскомъ уѣздѣ, въ Рѣчицкомъ стану, въ деревнѣ Бугрѣевѣ». II, книга № 41.

тилъ, что такая трудность была скорѣе полезна, чѣмъ вредна для Адодурова; послѣдній притомъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Кондоиди, извѣстнымъ потомъ придворнымъ медикомъ, много также были обязаны своимъ собственнымъ врожденнымъ способностямъ и постоянному прилежанію, которыми они вознаграждали то, что недоставало имъ въ преподаваніи.

Въ 1728 году Адодуровъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе величайшаго изъ современныхъ математиковъ въ Европѣ, члена нашей Академіи Даніила Бернулли, который, 28 мая того года, писалъ изъ Петербурга къ Гольдбаху, жившему тогда съ дворомъ въ Москвѣ: „замѣтили ли вы это свойство numeri naturales: 1, 2, 3, 4, 5 etc., eorum cubi: 1, 8, 27, 64, 125 etc. erit summa cuborum semper = quadrato summae numerarum, id est v. gr. $1 + 8 + 27 + \text{etc.} = (1 + 2 + 3 + \text{etc.})^2$, Это замѣчаніе принадлежитъ Адодурову...“[1]). „И такъ, говоритъ по этому поводу г. академикъ Буняковскій, предложеніе состоитъ въ томъ, что квадратъ суммы натуральныхъ чиселъ, взятой до произвольнаго числа, равенъ суммѣ кубовъ этихъ самыхъ чиселъ. Бернулли говоритъ, что Адодуровъ замѣтилъ это свойство, не упоминая о доказательствѣ, которое, впрочемъ, очень не трудно“. По свидѣтельству Мюллера, въ 1729 году Адодуровъ переводилъ древнюю исторію Байера, Примѣчанія къ Вѣдомостямъ 1728 года и то, что случалось по канцеляріи; также держалъ корректуру печатавшагося лексикона нѣмецко-русскаго, именно русскихъ словъ [2]).

Около 1731 года онъ далъ пріютъ въ своей академической квартирѣ Василью Кириловичу Тредіаковскому, который ему былъ полезенъ своимъ знаніемъ французскаго языка. Оба они тогда считались студентами, а въ 1731 году получили званіе академическихъ переводчиковъ [3]). Пріобрѣтя основательныя познанія въ языкахъ, Адодуровъ продолжалъ усвоивать себѣ

---

[1]) Correspondance mathématique de quelques célèbres géomètres du XVIII siècle, éd par Fuss, II, 261.

[2]) I, портфель 1-й исторіографа Мюллера, Матеріалы для исторіи Академіи съ 1728 по 1748 годъ.

[3]) За переводъ съ нѣмецкаго Примѣчаній въ Вѣдомостяхъ Адодуровъ получалъ прибавочное жалованье. Такъ за подобную работу съ 1 сентября

высшія науки и 26 октября 1733 года былъ удостоенъ званія адъюнкта по каѳедрѣ высшей математики, которую занималъ тогда знаменитый Эйлеръ. Это былъ первый изъ русскихъ, получившій ученую степень въ нашей Академіи. Впрочемъ, и по достиженіи Адодуровымъ этого званія, занятія его по Академіи не ограничивались одною математикою: онъ обязанъ былъ переводить съ нѣмецкаго Примѣчанія къ петербургскимъ академическимъ вѣдомостямъ, календари, составляемые тогда академикомъ Крафтомъ, и вообще все, особенно важное въ академической конференціи, то на русской, то на нѣмецкій языки.

Въ 1735 году, когда Корфъ основалъ при Академіи собраніе, которое должно было заботиться объ усовершенствованіи русскаго языка и для того переводить замѣчательныя иностранныя произведенія, Адодуровъ, вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ, были въ числѣ членовъ этого учрежденія. 13 іюня 1735 года, академическая канцелярія приказывала архиву конференціи доставить академику Байеру для просмотра, можетъ-ли быть напечатана составленная адъюнктомъ Адодуровымъ записка, касательно предложенія перваго о продолженіи Sammlung Russicher Geschichte.

Въ 1736 года начальникъ Академіи баронъ Корфъ поручилъ Адодурову надзоръ за учениками, присланными для дальнѣйшаго образованія въ Академію изъ московской духовной школы. Въ числѣ учениковъ недолгое, впрочемъ, время находился Ломоносовъ. Эта молодежь, нуждаясь въ содержаніи и замѣтивъ недобросовѣстное расходованіе отпускаемыхъ на нихъ денегъ, выказывала недовольство и противъ Адодурова. Послѣдній, однажды, донесъ академической канцеляріи, что одинъ изъ учениковъ „въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ... нѣмцевъ поносилъ“... почему Шумахеръ велѣлъ ученика бить нещадно батожьемъ. Изъ росписанія занятій московскихъ учениковъ, представленнаго Адодуровымъ, видно, что главнѣйшее вниманіе было обращено на изученіе нѣмецкаго языка, потомъ

1731 г. по 31 декабря 1732 г. ему было выдано изъ академическихъ суммъ 133 р. 33 коп.

латинскаго, математики, реторики и, наконецъ, географіи, исторіи и танцованія. Изъ этихъ учениковъ извѣстны, кромѣ Ломоносова, два замѣчательные переводчика и одинъ академикъ.

Въ 1736 же году Адодуровъ наблюдалъ за изданіемъ въ свѣтъ печатаннаго при Академіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и тогда же „за прилежные труды" ему прибавлено жалованья 100 рублей къ прежнимъ 360 рублей [1]).

По сенатскому указу въ 1737 году, Адодурову было поручено два раза въ недѣлю обучать при сенатѣ сенатскихъ и коллежскихъ юнкеровъ „въ граматикѣ славянской и латыни читать", за что обѣщано ему особое вознагражденіе, въ счетъ котораго выдано 50 рублей [2]). Изъ протоколовъ академической конференціи того же года видно, что Адодуровъ занимался и грамматическими вопросами, такъ напр. 13 марта, вслѣдствіе письма Паули изъ Мемеля, онъ представилъ объясненія о буквахъ ъ и ь. Адодуровъ считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву ъ [3]). Изъ позднѣйшей переписки его съ Мюллеромъ, видно, что онъ обращалъ вниманіе на слогъ. Такъ, посылая къ Мюллеру Московскія вѣдомости шестидесятыхъ годовъ, онъ писалъ: „простите мнѣ, что я въ Вѣдомостяхъ кое-гдѣ причеркиваю. Невоздержаніе мое тому причиною, когда *всенародство* или иное что мнѣ не нравится, замѣчаю какъ неупотребительное и странное" [4]). 23 сентября 1737 года, Адодуровъ представилъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ донесеніе о своихъ ака-

---

[1]) II, книга № 25.

[2]) II, книга № 31.

[3]) Слѣдующее мѣсто изъ Разговора объ ортографіи (стр. 149) Тредіаковскаго въ 1748 г., когда Адодуровъ служилъ уже въ сенатѣ, кажется, должно относится къ нему: «Всѣ (о) во всемъ Россіискомъ произношеніи, проізглашается такъ, какъ того требуетъ звонъ. Но московской языкъ, і сімъ самымъ первенствуюшчій ізъ всѣхъ прочіхъ провінціальныхъ, проізносітъ всѣ (о) ударяемыі сілою, какъ (о); но которыі не ударяются сілою, тѣ оный главнѣйшій выговоръ проізносітъ какъ (а). Свойство сея буквы, врассужденіі московскаго произношенія, есть безъ всякаго ізъятія; а прімѣчено оно прежде всѣхъ ізъ нашіхъ отъ такóва человѣка, бывшаго нѣкогда прі Академіі, который нынѣ і не въ такіе проніцаетъ мѣлочі, такъ что мы велікую імѣемъ прічіну хваліться столько жъ ізрядствомъ его разума, сколько похваляемъ чесные его поступки, учтівое обхожденіе і добронравіе»....

[4]) Исторія московскаго университета, Шевырева, 175.

демическихъ занятіяхъ. Такъ-какъ Корфъ всѣмъ академикамъ предложилъ давать своимъ адъюнктамъ письменныя инструкціи для ихъ занятій, то послѣ объявленія Адодурова, что онъ желаетъ заниматься физикою и математикою, на сколько она примѣнима къ этой наукѣ, ему велѣно прилежнѣйшемъ образомъ слѣдовать наставленіямъ профессора физики Крафта.

Во время бытности Адодурова при Академіи, изданы слѣдующіе его переводы: въ Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи наукъ 1728 года: „О первыхъ ученія фисическаго фундаментахъ" и „О Кеплеріановомъ предложеніи"; въ томъ же году: „Расположеніе ученіи Его Імператорскаго Величества Петра Втораго, Самодержца Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая. По учрежденію Его Превосходительства Господина Вице-Канцлера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Барона Фонъ-Остермана Его Імператорскаго Величества Оберъ-Гофмейстера. Переведена съ нѣмецкаго языка чрезъ Василья Адодурова Адъюнкта при Академіи Наукъ", s. l. et a. Подлинникъ Расположенія этого ученія написанъ академикомъ Бильфингеромъ, о чемъ см. выше стр. 86, а въ концѣ приложены: мнѣніе Ѳеофана Прокоповича „Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ благороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ", и „Смѣшанныя рѣчи на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ сочиненныя". 1739 г.: „Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ" сочиненіе академика Крафта (Опытъ библіографіи Сопикова, III, № 5816), и 1740 г.: Краткое руководство Эйлерово къ ариѳметикѣ для употребленія въ гимназіи при Академіи наукъ (Опытъ библіографіи Сопикова, IV, № 9866). Въ архивѣ академической канцеляріи (книга № 787) показаны еще въ числѣ его переводовъ: Разсужденіе объ интегральной выкладкѣ и Лексиконъ на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. При этомъ Лексиконѣ, изданномъ въ 1731 году, есть въ концѣ краткая русская грамматика, которая заимствована изъ труда Смотрицкаго и которою потомъ пользовался Ломоносовъ [1]). По свидѣтельству академика

[1]) М. В. Ломоносова, г. А. Будиловича (Спб., 1869), стр. 65, 68, 70.

Куника въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ 1738 и 1739 годовъ, есть нѣсколько прозаическихъ переводовъ Адодурова одъ и поздравленій Штелина, переводовъ, подписанныхъ буквою А[1]).

Въ іюлѣ 1738 года Адодуровъ, прося объ освобожденіи его отъ участія въ экзаменованіи кадетъ, такъ писалъ о своихъ занятіяхъ: „по приказу главнаго Академіи командира Корфа, и по разсужденію Академіи наукъ, положена на меня сія должность, чтобъ во всякой вторникъ, среду, четвертокъ и субботу публично въ Академіи показывать надлежащія до россійскаго языка правила, и по совершеніи оныхъ толковать на томъ же языкѣ реторику, къ исполненію котораго дѣла принужденъ я все, что до того надлежитъ, самъ вновь сочинять и на то употреблять тѣмъ бо́льше времени, что въ семъ, какъ весьма новомъ дѣлѣ по сіе время еще никакого предводителя не имѣю, которому бы въ томъ можно было послѣдовать. Кромѣ же помянутыя порученныя мнѣ должности, бываю я и при физическихъ и математическихъ лекціяхъ, также и при учрежденныхъ для россійскихъ переводовъ собраніяхъ“... Вслѣдствіе этого ходатайства, Адодуровъ былъ уволенъ отъ экзаменованія кадетъ [2]).

Имя Адодурова было замѣшано въ извѣстное дѣло 1740 года о кабинетъ-министрѣ Артемьѣ Волынскомъ. Отъ Адодурова требовали показанія, именемъ бывшаго тогда президента Академіи фонъ Бреверна, и изъ нихъ оказывается, что въ апрѣлѣ 1739 года Адодурову приказано было переводить бумаги по указанію Волынскаго, къ которому нашъ адъюнктъ и долженъ былъ являться. Сначала Волынскій давалъ Адодурову переводить или поправлять переводы представленій о конскихъ заводахъ, объ Украйнѣ и объ увеличеніи таможенныхъ доходовъ Вейсенбаха; книги о конскихъ-же заводахъ Адлерфлигеля и экономическое искусство или пахатный ученикъ Саломона Губерта. Потомъ Адодуровымъ, по приказу Волынскаго, были написаны посвященія къ математической книгѣ, которую поднесъ

---

[1]) Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, издалъ А. А. Куникъ (Спб., 1865), I, 83.

[2]) II, книга № 40.

императрицѣ Аннѣ капитанъ Вильбуа, и къ сочиненіямъ Соймонова „Штурманское искусство“ и „Свѣтильникъ моря“. Въ послѣднихъ, по признанію Адодурова, посвященія явились въ печати съ такими измѣненіями, что они нисколько не были сходны съ тѣми, которыя написаны имъ. „Въ іюлѣ мѣсяцѣ, писалъ, между прочимъ, 27 апрѣля 1740 г. въ своихъ показаніяхъ Адодуровъ, приказалъ помянутый Артемій Петровичъ Волынскій переводить мнѣ въ своихъ покояхъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ челобитную къ ея императорскому величеству, въ которой предлагалъ онъ свое оправданіе противъ поданныхъ на него пунктовъ отъ нѣкоторыхъ отъ конюшенныхъ заводовъ отставленныхъ персонъ и просилъ себѣ награжденія подъ претекстомъ своей крайней бѣдности, и что онъ себя по своему чину содержать весьма не можетъ; а притомъ пріобщилъ на особливомъ листу и свои разсужденія о бываемыхъ при дворѣ поступкахъ. Все оное, т. е., какъ челобитную, такъ и соединенное съ оною прибавленіе сочинялъ онъ самъ, въ чемъ я, кромѣ переводу, не имѣю никакого участія. И хотя я переводилъ тогда съ подъяческой руки, однакожъ онъ всегда русское свое сочиненіе вновь переправливалъ и почти ежедневно дѣлалъ въ ономъ перемѣны, которыя потомъ и въ нѣмецкомъ переводѣ переправливать надлежало. Впрочемъ не можно мнѣ нынѣ ни всего содержанія оной его челобитной, ни имянъ тѣхъ персонъ, противъ которыхъ онъ себя тою челобитною оправдать надѣялся, совершенно упамятовать и, слѣдовательно, здѣсь обстоятельно того описать, потому что я всегда и переводъ и оригиналъ принужденъ былъ оставлять въ его домѣ; а когда оной переводъ уже окончанъ и по его приказу мною жъ и переписанъ былъ, то взялъ онъ какъ черное, такъ и бѣлое все опять къ себѣ и повезъ съ собою въ Петергофъ, гдѣ тогда ея императорское величество съ своимъ дворомъ находиться изволила.....“

„Въ заключеніе сего, прибавлялъ Адодуровъ, по совершенно чистой совѣсти, доношу, что я, кромѣ вышеобъявленнаго, ничего для Артемья Петровича Волынскаго не переводилъ и не сочинялъ, а къ нему въ домъ приходилъ, не токмо по его соб-

ственному приказу, но и по повѣсткѣ изъ академической канцеляріи. Что же касается до находящихся у меня вышеозначенныхъ книгъ и переводовъ, то оные немедленно тамъ представить не премину, гдѣ повелѣно будетъ; и во всемъ вышеобъявленномъ, что оное съ самою истиною совершенно согласно, подписуюсь".

Этого показанія не сочли достаточнымъ, а потому чрезъ нѣсколько дней, именно 2 мая 1740 года, Адодуровъ долженъ былъ представить новое, въ которомъ писалъ: „по сущей правдѣ и совершенно чистой совѣсти, чрезъ сіе всенижайше доношу, что Артемій Петровичъ со мною никакихъ совѣтовъ и разсужденій ни о комъ никогда не имѣлъ, и я, кромѣ того, что въ первомъ моемъ извѣстіи обстоятельно показано, ни въ чемъ не имѣю ни малаго участія. Ибо, когда я и бывалъ въ его домѣ, то или сидѣлъ надъ переводомъ помянутой челобитной въ одномъ изъ его покоевъ, или былъ при немъ, но только всегда при многихъ другихъ, а временемъ и знатныхъ людѣхъ, которые многократно къ нему пріѣзжали. И такъ онъ разговаривалъ всегда съ тѣми персонами, а со мною ни о какихъ дѣлахъ, ниже о персонахъ не говаривалъ. Однакожъ между всѣмъ онымъ временемъ, когда я бывалъ въ его домѣ, случилось однажды по утру, что онъ, пересматривая и переправливая частопомянутую свою челобитную, сказалъ, что *я уже-де не знаю какъ и быть: двое-де у меня товарищей, да одинъ изъ нихъ всегда молчитъ, а другой только-де меня обманываетъ.* Но понеже въ то время, кромѣ меня одного, при немъ ни постороннихъ, ни домовыхъ людей никого не случилось, то я въ томъ, кромѣ моей непорочной совѣсти и сердцевѣдца Бога, ни на кого не могу и послатца. А что опричь сихъ при такомъ, всякаго человѣческаго свидѣтельства лишенномъ случаѣ произнесенныхъ отъ него словъ онъ со мною ни тогда, ни прежде, ни послѣ, никакихъ разсужденій и разговоровъ, до какихъ либо дѣлъ или персонъ касающихся, не имѣлъ, оное доношу по самой истинѣ и несомнѣнной совѣсти."

Адодурова оставили свободнымъ отъ страшнаго суда надъ Волынскимъ и его знакомыми, и въ августѣ 1740 года ему

было поручено преподаваніе при академической гимназіи ариѳметики и геометріи въ нѣмецкомъ главномъ классѣ и въ помощь себѣ предоставлялось ему выбрать одного изъ русскихъ студентовъ [1]).

Въ апрѣлѣ 1741 года онъ оставилъ Академію и опредѣленъ ассесоромъ въ герольдмейстерскую контору [2]). Горлицкій, подавшій съ нѣкоторыми другими лицами жалобы на Шумахера, между прочимъ, сослался на Адодурова, что его академическій совѣтникъ не допускалъ къ должности секретаря при Академіи. Эта ссылка была сдѣлана неудачно Горлицкимъ, такъ-какъ Адодуровъ, когда его спросили въ слѣдственной коммиссіи, то онъ, 28 февраля 1743 года, далъ витіеватые отзывы, благопріятные для Шумахера. Между прочимъ на вопросъ: „у оного жъ Адодурова взять извѣстіе, чему онъ здѣсь научился въ Академіи“, онъ отвѣчалъ такъ: „На сіе, вѣдая свою малую понятность, не могу о такихъ прогрессахъ объявить, которые бы нѣкотораго разсужденія достойны были. Я бы охотно оставилъ разсмотрѣніе о томъ, что до малаго моего въ ученіи знанія касается, искусству другихъ персонъ, ежели бы высокоучрежденной коммиссіи не долженъ былъ въ томъ показать моей покорности. И такъ покорнѣйше доношу, что я при Академіи наукъ учился языкамъ латинскому, нѣмецкому и французскому и при томъ имѣлъ случай собственные мои недостатки въ правильномъ употребленіи природнаго нашего языка нѣсколько усмотрѣть и оные въ себѣ, по возможности, исправить. Кромѣ языковъ, обучался я при Академіи наукъ исторіи, географіи, философскимъ, математическимъ и физическимъ наукамъ, а именно: логикѣ, метафизикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи плоской и сферической, алгебрѣ и нѣкоторымъ другимъ. И можетъ быть, чтобъ въ оныхъ наукахъ не посредственное познаніе получить могъ, ежели бы для неискусства въ тѣхъ наукахъ академическихъ переводчиковъ, не принужденъ былъ

---

[1]) II, книга № 450 и 55.

[2]) II, книга № 60.

касающихъ до оныхъ наукъ переводовъ почти всегда отправлять, которые не малую часть времени у меня занимали“ [1]).

Слѣдственная коммиссія, разсматривавшая жалобы на Шумахера, признала его не только невиннымъ, но и достойнымъ награжденія чиномъ статскаго совѣтника и званіемъ директора Академіи. При этомъ предполагалось придать ему двухъ товарищей. Коммиссія, указывая, кто бы могъ исполнять эти послѣдніи должности, показала при этомъ свое благопріятство Шумахеру: по ея мнѣнію, товарищами ему могли быть Таубертъ, родственникъ Шумахера, пользовавшійся полною довѣренностію его, и Адодуровъ, который усердно возражалъ въ своихъ показаніяхъ противъ недовольнаго академическимъ совѣтникомъ Горлицкаго [2]). Впрочемъ, такое представленіе слѣдственной коммиссіи не было уважено.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, общественное положеніе Адодурова замѣтнымъ образомъ повысилось, такъ-какъ онъ былъ извѣстенъ любимцу императрицы, графу Алексѣю Разумовскому и велъ отъ его имени переписку съ разными лицами и, между прочимъ, съ младшимъ братомъ его, графомъ Кириломъ Григорьевичемъ, когда тотъ для образованія себя былъ посыланъ за границу. Свое повышеніе въ коллежскіе совѣтники въ 1744 году Адодуровъ прямо приписывалъ „милостивому предстательству его высокографскаго сіятельства“ т. е. старшаго Разумовскаго.

Шумахеръ не пропустилъ безъ вниманія увеличивающагося значенія Адодурова, который не разъ могъ ему пригодиться, почему завязалъ съ нимъ переписку, просилъ его содѣйствія, исполнялъ въ точности его совѣты и т. д. Такъ, 10 іюля 1749 года, онъ писалъ въ Москву къ Теплову: „Поздравьте отъ меня г. Адодурова со вступленіемъ въ бракъ. Полагаю, что онъ столько же счастливъ, сколько и затрудненъ. Вы мнѣ пишите, что онъ женится на госпожѣ, у которой 1500 душъ. У моей только одна, но и та часто

---

[1]) II, книга № 794.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1860 г. III смѣсь, 100.

кружитъ мнѣ голову: сколько же ему придется хлопотать съ 1500 душами! Сообщите мнѣ пожалуйста: вдова эта умна-ли, добраго-ли характера, тиха-ли? Красавица, молода или въ лѣтахъ? Есть ли у ней дѣти отъ перваго мужа или нѣтъ? Надо бы все это знать для того, чтобы радоваться или печалиться. Я считаю г. Адодурова въ числѣ моихъ друзей, и потому желаю ему отъ всей души благополучія". [1])

По прибытіи въ Петербургъ ангальтъ-цербтской принцессы Софіи, впослѣдствіи императрицы Екатерины II, Адодуровъ былъ назначенъ къ ней наставникомъ русскаго языка. По словамъ ея, она прилежно занималась съ своимъ учителемъ изъ желанія понравиться императрицѣ Елисаветѣ, къ которой писала русскія письма: они, впрочемъ, на черно сочинялись не ею, а Адодуровымъ. Судя по собственноручнымъ рукописямъ, во множеетвѣ сохранившимся послѣ Екатерины, не трудно убѣдиться, что она, подъ руководствомъ Адодурова, не успѣла ознакомиться съ теоріею русскаго языка.

Чрезъ Адодурова иногда передавались Шумахеру порученія великой княгини по части книгъ. Такъ академическій совѣтникъ писалъ къ Адодурову 8 февраля 1745 года: „ея императорское высочество великая княгиня соизволила приказать мнѣ прислать ей немедленно каталогъ книгъ, находящихся въ Академіи. Какъ ею не было притомъ объяснено, желаетъ-ли имѣть она каталогъ библіотеки или же книжнаго магазина, то имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, оба для употребленія ея высочества"... [2]).

Нѣсколько времени спустя, именно въ 1756—1758 годахъ, Адодурову суждено было исполнять не одни литературныя порученія великой княгини. По словамъ самой императрицы Екатерины II въ ея Запискахъ [3]), канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ составилъ планъ, по которому, въ случаѣ смерти императрицы, сильно недомогавшей тогда, великій князь Петръ Ѳе-

---

[1]) I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

[2]) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

[3]) Mémoires de l'Impératrice Catherine II, écrits par elle même, 2-de édition (Londres, 1859), 315, 316, 322 311—313.

доровичъ долженствовалъ вступить на престолъ, но съ тѣмъ, чтобы въ правленіи съ нимъ участвовала его супруга, которая и тогда отличалась умомъ и замѣчательною силою воли. Какимъ бы образомъ могъ быть осуществленъ такой планъ, Екатерина умалчиваетъ, замѣчая только, что она смотрѣла на это предположеніе не болѣе какъ на болтовню, хотя и не противорѣчила открыто канцлеру [1]). Далѣе въ Запискахъ ея разсказано, что она поспѣшила сжечь всѣ свои бумаги и счеты какъ только узнала, что графъ Бестужевъ-Рюминъ былъ арестованъ. Объ этомъ событіи великой княгинѣ стало извѣстно изъ тайно переданной ей записки графа Понятовскаго, въ которой сообщалось также объ арестованіи Бернарди, Елагина и Адодурова. Брильянщика Бернарди зналъ весь городъ, всюду былъ онъ вхожъ, а потому ему удобно было исполнять разныя порученія и украдкою передавать великой княгинѣ записки отъ канцлера и относить ему отвѣты. Елагинъ, бывшій адъютантъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, не любившаго Шуваловыхъ, которые тогда одни пользовались неограниченною довѣренностью государыни, Елагинъ былъ

---

[1]) Чтó Екатерина принимала не совсѣмъ пассивное участіе въ предположеніяхъ стараго канцлера и надѣялась на осуществленіе ихъ, тому находится прямое указаніе въ письмѣ ея, 19 Августа 1757 года, къ англійскому посланнику, которое напечатано уже Раумеромъ въ его Beyträge zur neueren Geschichte aus dem britischen Museum und Reichsarchive (Leipzig, 1836), II, 451, 452. Въ извлеченіяхъ депешъ англійскихъ и французскихъ дипломатовъ, которыя изданы въ свѣтъ въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: La cour de la Russie il y a cent ans, 1725—1783, стр. 144, 145, 151, 155, 156, 168, помѣщено нѣсколько свѣдѣній, изъ которыхъ оказывается, что англійскій посолъ при русскомъ дворѣ былъ такъ увѣренъ, что великая княгиня будетъ царствовать, что писалъ о ней своему правительству, 2 октября 1755 года: Comme Son Altesse Impériale est la personne qui en cas d'accident gouvernera ce pays.... Далѣе, что въ 1756 году великая княгиня, желала для привлеченія нѣкоторыхъ придворныхъ на свою сторону, имѣть въ своемъ распоряженіи деньги, для чего получила, въ видѣ займа, отъ англійскаго правительства двадцать тысячъ червонныхъ. Объ этомъ же предметѣ см. Geschichte des Russischen Staats von Ernst Herrmann, V, 223—227. Сама Екатерина разсказываетъ, что императрица Елисавета, во время распросовъ о сношеніяхъ ея съ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, замѣтила ей: vous vous mêlez dans bien de choses qui ne vous regardent pas. Je n'aurais pas osé en faire autant du temps de l'Impératrice Anne.... Mémoires de l'Impératrice Catherine II, 2-de édit., Londres, 1859, pag. 341.

приверженъ къ Разумовскимъ, считался другомъ графа Понятовскаго и горячимъ сторонникомъ великой княгини. Что касается до Адодурова, то о немъ Екатерина такъ отозвалась въ Запискахъ: „Онъ прежде былъ моимъ учителемъ русскаго языка и остался чрезвычайно преданнымъ мнѣ. Я его рекомендовала графу Бестужеву, но онъ сталъ довѣрять ему только года съ два или съ три, а прежде не любилъ его, потому что Адодуровъ держалъ сторону князь Никиты Трубецкаго, врага Бестужева". Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что Адодуровъ былъ извѣстенъ не одному канцлеру, но также и англійскому послу [1]), который, въ 1756 году, писалъ о немъ, что изъ числа туземныхъ произведеній онъ не видѣлъ еще ни одного, до такой степени образованнаго, какъ Адодуровъ: это человѣкъ умный, развитой, съ пріятнымъ обращеніемъ — однимъ словомъ русскій, соизволившій потрудиться нѣсколько, чтобы пріобрѣсть надлежащее образованіе.

Адодуровъ содержался подъ домашнимъ арестомъ съ 17 февраля 1758 года. Караулъ при его домѣ былъ изъ гвардейскихъ офицера и нѣсколькихъ солдатъ: первый письменно представлялъ, что арестантъ желаетъ обриться и проситъ цирюльника; или желаетъ говѣть, и потому нуждается въ священникѣ; также такого-то числа пріѣхали изъ деревни арестанта крестьяне; или жена арестанта проситъ ихъ отпустить обратно и т. д. Всѣ рапорты обращались къ извѣстному по своимъ Запискамъ Василью Александровичу Нащокину, который и писалъ на нихъ же свои рѣшенія. Въ именномъ указѣ сената, 5 апрѣля 1759 года, было, между прочимъ, постановлено: „бывшаго герольдмейстера Адодурова, переименовавъ статскимъ совѣтникомъ, опредѣлить въ Оренбургъ въ губернаторскіе товарищи, и отдавъ ему шпагу, отправить его отъ сената туда немедленно, давъ на указное число подводъ подорожную отъ ямской канцеляріи, а за бытность подъ арестомъ половинное жалованіе выдать изъ штатсъ-конторы".

[1]) О Карлѣ Ганбюри Вильямсѣ см. сочиненіе Вильяма Кокса Historical tour in Monmuthshire, illustrated with views and engravings, London, 1801, 2 vol. in 4°.

Изъ Оренбурга Адодуровъ велъ дѣятельную переписку съ непремѣннымъ секретаремъ Академіи, бывшимъ своимъ наставникомъ Мюллеромъ; посылалъ ему разныя рѣдкости для Академіи, а взамѣнъ просилъ о доставленіи ему современныхъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ сочиненій и особенно учебныхъ книгъ для воспитанія его одинадцатилѣтней дочери. Возшествіе Екатерины II на престолъ немедленно перемѣнило участь Адодурова: онъ былъ сдѣланъ кураторомъ московскаго университета и президентомъ мануфактуръ-коллегіи въ Москвѣ. И здѣсь у него продолжались сношенія съ академикомъ Мюллеромъ, съ которымъ переписывался, между прочимъ, касательно устава и штата московскаго университета [1]).

Адодуровъ, по свѣдѣніямъ г. Шевырева, умеръ въ 1778 году, а митрополитъ Евгеній говоритъ, что это случилось 5 ноября 1780 года. Василій Евдокимовичъ имѣлъ званіе сенатора и нѣсколько орденовъ первыхъ степеней. Кромѣ вышеизчисленныхъ переводовъ, въ 1768 году имъ изданы: „Правила россійской орѳографіи“ (Спб.).

КОРФЪ, БАРОНЪ ІОГАННЪ-АЛЬБРЕХТЪ, главный командиръ академіи наукъ.

Біографія его, составленная барономъ М. А. Корфомъ, напечатана въ Recuel des actes de la séance publique de l'Académie impériale des sciences de S.-Pétersbourg, tenue le 11 Janvier 1847, стр. 73—301, и отдѣльно, въ 4°, 29 стр.; здѣсь въ концѣ приложенъ подробный указатель печатныхъ и рукописныхъ источниковъ для жизнеописанія Корфа, извѣстныхъ во время составленія біографіи. Свѣдѣнія о Корфѣ современника въ книгѣ: Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862 г.), 87—92. Объ отношеніяхъ къ Тредіаковскому и россійскому собранію въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, г. Куника (Спб., 1865 г.) I, XVI—XVIII, 2—10. О заботахъ Корфа по воспитанію русскаго юношества въ Запискахъ Академіи, XII, прилож. № 5, 56—87. О дѣятельности барона въ академическихъ засѣданіяхъ есть свѣдѣнія въ рукописныхъ протоколахъ конференціи; они переплетены погодно и хранятся въ архивѣ академической конференціи. О

---

[1]) Исторія московскаго университета, С. Шевырева, стр. 123 и слѣд.

распоряженіяхъ Корфа касательно составленія русскихъ картъ и учрежденія географическаго департамента при Академіи наукъ въ Запискахъ ея, IX, прилож. № 2, г. Свенске «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской Имперіи, изданнаго въ 1745 году».

Баронъ Корфъ родился 30 ноября 1697 года въ Курляндіи въ мызѣ Ренгенгофъ; воспитывался сначала дома, а потомъ кончилъ курсъ наукъ въ іенскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Курляндію, онъ поступилъ на службу ко двору вдовствующей герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая поручила ему ходатайство по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Въ инструкціи, данной ему по этому случаю 24 августа 1728 года и подписанной самою герцогинею [1]), сказано, что дѣла ея требуютъ присутствія съ ея стороны „вѣрнаго, осторожнаго и прилежнаго человѣка“: „того для мы къ тому учредили благороднаго, намъ любезно вѣрнаго Іоганна-Альбрехта Корфа, камеръ-юнкера“... Онъ обязывался хлопотать о предоставленіи въ распоряженіе герцогини двѣнадцати тысячь рублей изъ выкупныхъ актовъ, а главное представить императору Петру II „о неправедныхъ и штрафу достойныхъ поступкахъ прежняго обергофмейстера нашего Петра Бестужева“, бывшаго, какъ извѣстно, врагомъ Бирона. Въ концѣ же инструкціи говорилось: „Мы повторно напоминаемъ упомянутому камеръ-юнкеру нашему Корфу интересамъ нашимъ какъ наиприлежнѣйше представленіе чинить; а все другое полагаемъ мы его извѣстному качеству... Къ сей дорогѣ его къ Москвѣ и ко всѣмъ тамо предпринимаемымъ управленіямъ желаемъ мы ему много счастія и будетъ ему не токмо на дорогу, но и на принадлежащее пропитаніе въ Москвѣ потребное дано; а по его здравомъ возвращеніи, со обѣщаніемъ нашей завсегда пребывающей милости, за трудъ его награжденіе учинимъ“. Съ избраніемъ герцогини на русскій престолъ, Корфъ сдѣлался русскимъ придворнымъ. По свидѣтельству французскаго посланника Шетарди, баронъ Корфъ содѣйствовалъ много тому,

---

[1]) Хранится подлинная въ Государственномъ архивѣ.

чтобы намѣреніе нѣкоторыхъ изъ князей Голицыныхъ и Долгорукихъ о введеніи ограниченной формы правленія въ Россіи не осуществилось. Тотъ же современникъ утверждаетъ, что Корфъ, разсчитывая на свои услуги и красивое лицо, надѣялся быть въ особенной милости императрицы Анны, почему Биронъ старался удалять его отъ вліянія при дворѣ; что, впрочемъ, государыня сама не жаловала Корфа, потому что онъ слылъ за вольнодумца въ дѣлахъ вѣры [1]).

Академикъ Гроссъ сообщалъ изъ Москвы къ Байеру 16 марта 1730 года: „г. фонъ-Корфъ уже болѣе года какъ постоянно живетъ здѣсь въ Москвѣ, такъ-какъ онъ былъ посланъ отъ ея императорскаго величества нынѣ царствующей всемилостивѣйшей государыни, когда она еще была герцогинею курляндскою, какъ ея камеръ-юнкеръ, чтобы при здѣшнемъ правительствѣ ходатайствовать по ея дѣламъ. Я, вмѣстѣ съ г. Фокеродтомъ, провелъ много пріятныхъ часовъ въ его обществѣ, и онъ очень часто вспоминалъ какъ о васъ, такъ и о г. Бекенштейнѣ изъ Кёнигсберга“... Корфъ и самъ писалъ къ Байеру 20 апрѣля 1730 г.: „ Ваша любезная приписка, которою вы почтили меня, можетъ служить мнѣ лучшимъ доказательствомъ вашей доброй памяти обо мнѣ. Я за то признателенъ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что прежнее знакомство, бывшее мнѣ всегда полезнымъ, положено здѣсь основаніемъ и, слѣдовательно, порукою, что это означаетъ болѣе чѣмъ пустой комплиментъ. Вы вовсе не ошиблись въ лицѣ, которое часто имѣло честь въ Кёнигсбергѣ посѣщать васъ въ библіотекѣ, а также никогда не уходить отъ васъ, не бывъ удовлетвореннымъ. Я бы самъ у себя похитилъ часть

---

[1]) Сенатъ требовалъ однажды свѣдѣній о лицахъ, присутствующихъ въ Академіи, и тогда Корфъ написалъ о себѣ по нѣмецки, а С. Волчковъ перевелъ это по русски такъ: «Въ 1730 г. вступилъ я въ службу ея императорскаго величества камеръ-юнкеромъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ по 518 р. 55 к. въ годъ Въ 1731 г. марта 22 числа, пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ съ опредѣленіемъ жалованья по 1390 р. 1734 году 18 сентября, по именному и собственноручно подписанному указу, поручено мнѣ правленіе Академіи наукъ и при томъ опредѣлено жалованья по 3000 р. на годъ; а я курляндскій шляхтичъ». I, книга, № 38.

удовольствія, возбуждаемаго признаніемъ истинныхъ заслугъ, если бы при представившемся случаѣ не отдалъ вамъ должной справедливости"... [1]).

Баронъ Корфъ уже въ 1731 году находился въ сношеніяхъ съ библіотекаремъ Шумахеромъ: изъ уцѣлѣвшихъ писемъ послѣдняго къ Корфу видно, что онъ и тогда былъ страстнымъ любителемъ книгъ, и онѣ-то, какъ видно, и составляли главный предметъ переписки [2]). Иногда заходила рѣчь и о печатавшихся при Академіи книгахъ, причемъ можно замѣтить, что въ этомъ случаѣ баронъ Корфъ передавалъ Шумахеру приказанія гр. Остермана. Такъ библіотекарь, 5 августа 1731 года, писалъ къ барону: „Наставленіе его преосвященства архіепископа Ѳеофана Прокоповича новгородскаго pro porphyrogenito puero (т. е. для Петра II) будетъ напечатано согласно переданному вами приказанію — только не извѣстно-ли вамъ позволяется ли намъ также напечатать это наставленіе по нѣмецки? Это такое произведеніе, которое доставитъ много удовольствія иностранцамъ"... Шумахеръ при этомъ случаѣ не упускалъ изъ виду, что Корфъ при дворѣ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе. Въ то время въ Академіи былъ краній недостатокъ денегъ и раздоръ между лучшими академиками и библіотекаремъ. Послѣдній, въ письмѣ 15 іюля 1731 года, писалъ къ Корфу, что для разсмотрѣнія академическихъ дѣлъ слѣдовало бы составить особую коммиссію и назначить туда генераловъ Гохмута и Любераса. „Чтобы предупредить конечное разрушеніе Академіи, прибавлялъ Шумахеръ, это будетъ единственное средство. Тогда окажется, что нѣкоторые изъ академиковъ ищутъ не чести и пользы государству, а тщеславнаго себялюбія и собственной выгоды. Мнѣ хочется плакать кровавыми слезами, когда всмоминаю о томъ, что за всѣ мои хлопоты и старанія мнѣ заплачено неблагодарностью. Представляю дѣло Богу и ея имераторскому величеству". 19 августа 1731 г.: „Тѣмъ лучше, что съ Академіею ничего не будетъ предпринято, пока

---

[1]) I, связка, гдѣ хранятся бумаги Байера—Bayeriana.

[2]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

мы не будемъ имѣть благополучія видѣть здѣсь ея императорское величество. Но одно слово, одно сильное слово можетъ все привести въ наисовершеннѣйшее положеніе; если вы пребудете къ намъ съ одинакимъ расположеніемъ, то у насъ ничего не будетъ кромѣ успѣха во всемъ хорошемъ"... Шумахеръ имѣлъ дѣло съ библіоманомъ, хорошо зналъ это и льстилъ Корфу. Такъ напр., 2 декабря 1731 года, онъ писалъ къ нему: „Если вы будете продолжать такъ покупать книги, то я убѣжденъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ найдемъ у васъ самую отборную библіотеку. Въ особенности тамъ будутъ удовольствованы тѣ, которые разумъ полагаютъ основаніемъ всякой вещи"... Эти выписки достаточно показываютъ, что Шумахеръ ознакомился съ барономъ Корфомъ, и этотъ съ своей стороны имѣлъ понятіе объ Академіи съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нее библіотекарь. Президентъ Академіи Кейзерлингъ, уѣзжая въ началѣ 1734 года за границу, не думалъ оставаться тамъ долго: инструкція, которую онъ далъ Академіи, и незамѣщеніе должности президента доказываютъ это. Даже и при порученіи Корфу управленія академическими дѣлами имѣлось въ виду, что Кейзерлингъ не былъ уволенъ формально отъ президентства, а потому въ рескриптѣ 18 сентября 1734 года Корфу приказано было „до указу вѣдать и управлять с.-петербургскую Академію наукъ", и здѣсь онъ не названъ президентомъ, но „главнымъ командиромъ".

По болѣзни, Корфъ не вступалъ въ должность до 11 ноября 1734 года. О его первомъ посѣщеніи Академіи такъ записано въ протоколѣ, тогда же переведенномъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ:

„11 ноября прибылъ его превосходительство г. камергеръ баронъ фонъ Корфъ впервые въ канцелярію, и какъ объ оной, такъ и о грыдоровальной извѣстившись, пошелъ въ конференцію, гдѣ всѣ г.г. профессоры и адъюнкты въ собраніи были. Потомъ отдалъ адъюнкту Адодурову ея императорскаго величества подлинной указъ на россійскомъ языкѣ, а переводъ съ онаго секретарю Медеру прочитать. И понеже по силѣ онаго отъ ея императорскаго величества высокопомянутому г. камер-

геру дирекція Академіи наукъ повѣрена, того ради говорилъ онъ о семъ изрядную и витійственную рѣчь ко обрѣтающемуся въ конференцной палатѣ собранію, увѣщевалъ г.г. профессоровъ къ согласію и пристойному имъ поведенію тѣмъ образомъ, чтобъ ихъ житіе ихъ ученію подобно было и пр., и обнадежилъ напослѣдокъ, что онъ всячески тщится будетъ всевысочайшее ея императорскаго величества намѣреніе [1]) въ порядокъ и приращеніе привести. Г. юстицкой совѣтникъ Гольдбахъ на оное именемъ всѣхъ членовъ поздравительную и благодарственную рѣчь къ его высокоблагородію (sic) учинилъ. Потомъ объявилъ его высокоблагородіе, г. камергеръ, чтобы впредь Академія наукъ отъ канцеляріи весьма отдѣлена и та бъ отъ экономіи и всѣхъ такихъ дѣлъ весьма свободна была. При чемъ (т. е. при академической канцеляріи) секретарь Мадеръ остался; напротивъ онаго секретарство при Академіи наукъ на г. юстицкаго совѣтника Гольдбаха положено быть имѣетъ. Такожъ упомянулъ его высокоблагородіе о тяжебномъ дѣлѣ между г.г. профессорами Юнкеромъ и Вейтбрехтомъ; при чемъ объявилъ, что при академическихъ дѣлахъ прежде ничего не можетъ, пока оное, такъ къ соблазну приводящее дѣло окончено не будетъ [2]), и для того бъ онъ хотѣлъ, чтобы въ будущей конференцій о такомъ предпріятіи, купно же и о обѣихъ партіяхъ напомянуто было, что ежели они о семъ дѣлѣ еще пріобщить имѣютъ, то бъ оное между тѣмъ чинить могли. При семъ объявилъ его высокоблагородіе, что въ оную Академію наукъ изъ Швеціи книга Эммануила Сведенборга Орега въ трехъ волюминахъ прислана. Его высокоблагородіе хочетъ, чтобъ г.г. профессоры Лейтманъ, Крафтъ и Амманъ оныя книги пересмотрѣли и объ оныхъ разсудили, не можетъ-ли въ

---

[1]) Это мѣсто невѣрно переведено съ подлинника «der allerhöchsten intention Ihro Kayserliche Majestät gemäsz».

[2]) У Юнкера съ Вейтбрехтомъ произошла жестокая ссора въ одномъ изъ академическимъ засѣданій, о чемъ уже упоминалось выше на стр. 470 и 484. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего вступленія въ Академію, Корфъ приговорилъ Вейтбрехта къ уплатѣ штрафа за оскорбленіе, при чемъ въ современномъ постановленіи замѣчено, что Вейтбрехтъ не исключенъ изъ Академіи единственно по уваженію къ его семейнымъ обстоятельствамъ.

*

разсужденіи минераловъ и горныхъ заводовъ, что въ оныхъ найтися, которое бы россійскому государству въ пользу было"... [1]). Вступленіе барона Корфа въ Академію привѣтствовалъ Тредіаковскій одою, гдѣ „россійская муза", которая, „и млада и нова", проситъ Корфа не отвращать отъ нея ухо, потому что можетъ чрезъ него сдѣлаться достойною „славны воспѣвать дѣла чрезъ стихи избраны" [2]).

Въ академической канцеляріи переписка по хозяйственнымъ дѣламъ велась на русскомъ языкѣ, такъ же какъ и протоколы: со вступленіемъ въ Академію барона Корфа, внизу этихъ протоколовъ выписывалось содержаніе ихъ по нѣмецки; подписывался президентъ подъ бумагами, также на этомъ языкѣ.

Съ самаго начала службы своей въ Академіи, Корфъ постоянно и прилежно посѣщалъ академическія засѣданія, протоколы которыхъ съ того времени стали вестись не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ обращалъ вниманіе даже на мелочныя подробности и давалъ приказанія: какъ вести протоколъ; какъ содержать въ порядкѣ архивъ; какъ подписывать статьи, снимать копіи и пр. Вообще онъ обходился съ академиками, какъ начальникъ съ подчиненными. 22 ноября 1734 года Корфъ приказалъ, чтобы всѣ издаваемыя въ свѣтъ отъ Академіи сочиненія, гравюры и проч. подвергались предварительному разсмотрѣнію академиковъ въ засѣданіяхъ. Черезъ три дня было обращено вниманіе академиковъ на недостатки въ Примѣчаніяхъ, издававшихся при тогдашнихъ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, и баронъ предложилъ ученымъ озаботиться о доставленіи статей для помѣщенія тамъ. Тогда же онъ сообщилъ, что въ Hamburgische Zeitung въ статьѣ изъ Лифляндіи упоминалось, что пасторомъ Родде въ Нарвѣ переведено на русскій языкъ сочиненіе Арндта объ истинномъ христіанствѣ. Такъ-какъ это извѣстіе невѣрно, то его долженствовало опровергнуть въ особой статьѣ въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, которую, однако, прежде печатанія слѣдуетъ от-

---

[1]) II, книга № 428.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, г. Куника (Спб. 1865) I, 3, 4.

дать на просмотръ новгородскому архіепископу Ѳеофану. 17 января 1735 г. начальникъ Академіи выразилъ сожалѣніе, что въ Россіи не печатается извѣстій, которыя бы сообщались отъ лицъ, находящихся въ русской службѣ и, слѣдовательно, имѣющихъ возможность дать вѣрныя свѣдѣнія, напр., объ осадѣ Данцига, завоеваніяхъ въ Персіи и т. п. Теперь же печально читать статьи о подобныхъ событіяхъ, наполненныя пристрастными и совершенно ложными разсказами, которыя, бывъ напечатаны въ удаленныхъ нѣмецкихъ и другихъ типографіяхъ, распространяются потомъ по цѣлому свѣту. Въ примѣръ тому, Корфъ привелъ ложное и досадное описаніе осады Данцига, изданное во Франкфуртѣ на Одерѣ. При этомъ случаѣ баронъ желалъ, чтобы статьи для Примѣчаній при С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ предварительно читались передъ академиками in pleno, и уже послѣ того отдавались въ печать, отчего статьи будутъ писаться съ большею основательностью, а не на скорую руку.

20 января 1735 года, Корфъ предложилъ академику по каѳедрѣ механики Лейтману, чтобы онъ на будущее время старался объ изобрѣтеніи такихъ машинъ и инструментовъ, примѣненіе которыхъ могло бы принести пользу Россіи.

24 января 1735 года баронъ Корфъ, представляя сенату, что по мысли Петра Великаго Академія наукъ учреждена не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, ходатайствовалъ объ основаніи при Академіи семинаріи на 30 воспитанниковъ. Сенатъ далеко невполнѣ удовлетворилъ представленіе Корфа, но вслѣдствіе этого ходатайства были присланы въ Академію, въ январѣ 1736 года, двѣнадцать молодыхъ людей изъ московской славено-греко-латинской школы: въ числѣ ихъ былъ Ломоносовъ, Поповъ, бывшій потомъ также академикомъ по астрономіи, и два извѣстныхъ въ свое время переводчика Василій Лебедевъ и Иванъ Голубцовъ.

7 февраля 1735 года, Корфъ постановилъ, чтобы на будущее время всѣ академики непремѣнно получали Петербургскія вѣдомости безплатно—постановленіе, дѣйствующее и до нынѣ.

Въ 1735 году, при Академіи учреждено россійское собраніе, и въ первомъ засѣданіи его, 14 марта 1735 года, Тредіаковскій произнесъ рѣчь, гдѣ высказано, что баронъ Корфъ принялъ на себя попеченіе объ усовершенствованіи русскаго языка. „Всѣ любители наукъ, говорилъ Тредіаковскій, учинятъ ему за меня сію справедливость, цѣлое оныхъ въ Россіи потомство, благодаря, не устанетъ никогда въ похвалахъ его“.... Россійское собраніе останется навсегда памятнымъ въ исторіи русской литературы тѣмъ, что въ немъ Тредіаковскій сообщилъ въ первый разъ свой „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“, который вытѣснилъ неуклюжій силлабической размѣръ въ русскомъ стихѣ и утвердилъ размѣръ, названный Тредіаковскимъ тоническимъ. Вскорѣ послѣ открытія россійскаго собранія (9 іюня 1735 года), Корфъ представлялъ въ императорскій кабинетъ (подлинникъ писанъ по нѣмецки, а переводъ сдѣланъ Адодуровымъ) слѣдующее: „Въ Академіи наукъ воспріято сіе попеченіе, чтобы такія книги, которыя здѣшнему народу пользу принести могутъ, въ печать произведены были. Но понеже искусные переводчики не въ такомъ числѣ находятся, какъ ежедневно умножающійся трудъ того видится требовать, а я отъ имѣющихся нѣсколькихъ пробъ усмотрѣлъ, что обрѣтающійся въ Берлинѣ Сергѣй Волчковъ всѣ оныя свойства имѣетъ, которыя къ доброму переводчику требуются, того ради я должности своей быть разсудилъ вашему императорскому величеству предложить и при томъ всенижайше просить, чтобъ онаго Волчкова, изъ Берлина сюда призвавъ, опредѣлить при Академіи наукъ. Полезные оные плоды, которые я отъ учрежденнаго россійскаго собранія въ исправленіи и приведеніи въ совершенство природнаго здѣшняго языка себѣ представляю, произведутъ первый свой корень въ обучающемся при здѣшней гимназіи юношествѣ, а отъ онаго потомъ и во всемъ народѣ распространится“ [1]).

Въ мартѣ 1735 года, баронъ послалъ въ сенатъ на утвержденіе составленный имъ новый штатъ для Академіи. Впрочемъ

---

[1]) II, книга № 19.

онъ былъ составленъ безъ всякаго участія академиковъ и правительствомъ утвержденъ не былъ.

Узнавъ о смерти графа Брюса, Корфъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы его дорогая библіотека и собранія разныхъ рѣдкостей достались Академіи, почему, 20 мая 1735 году, онъ вошелъ съ докладомъ въ императорскій кабинетъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „понеже о томъ весьма сожалѣть надлежитъ, ежели такое преизрядное собраніе расхищено будетъ или такимъ людямъ въ руки достанется, которые ни въ свою, ни въ общую пользу оныхъ употребить не могутъ, того ради я должности мои быти нахожу вашему императорскому величеству всенижайше предложить, не соблаговолено-ли будетъ такіе способы употребить, которыми бы то отвращено было. Ежели бы оныя дорогія и рѣдкія вещи въ кунсткамерѣ на особливомъ мѣстѣ сохранены были, то бъ сіе помянутому г. генералъ-фельдмаршалу и его потомкамъ въ честь и славу, а рачителямъ наукъ и знаній въ пользу и увеселеніе служило. Притомъ можетъ быть, чтобъ другимъ великимъ и знатнымъ людямъ, для полученія своему имени такими учрежденіямъ безсмертныя славы, поощреніе придало". Ходатайство это было уважено: брюсовское собраніе книгъ и разныхъ рѣдкостей привезено было 17 декабря 1735 года изъ Москвы въ Петербургъ и помѣщено въ Академіи [1]). Корфъ распорядился, чтобы академики Байеръ, Лоттеръ и Штелинъ составили новый подробный каталогъ брюсовскаго мюнцъ-кабинета, а Штелинъ, кромѣ того, обязывался сочинить жизнеописаніе графа Брюса, но это порученіе никогда не было потомъ исполнено [2]).

По приказанію Корфа, съ 26 августа 1735 года академики, посвящавшіе себя математическимъ наукамъ, стали собираться въ отдѣльныя отъ прочихъ засѣданія. Находившіеся въ ученомъ путешествіи по Сибири академики Мюллеръ и Гмелинъ просили президента о присылкѣ къ нимъ копій съ протоколовъ академическихъ засѣданій, на что баронъ Корфъ въ маѣ 1736 года отвѣчалъ: „что происходитъ новаго въ Академіи, то вы

---

[1]) II, № 16.

[2]) II, книга № 431.

легко узнаете изъ писемъ пріятелей; раздоровъ же между академиками, занимавшихъ бо́льшую часть прежнихъ протоколовъ, нынѣ, по милости Божіей, вовсе нѣтъ, а потому и не вижу, для чего вамъ можетъ быть нужно чтеніе тѣхъ протоколовъ"....

Въ 1736 году Корфъ уѣзжалъ на нѣкоторое время въ Курляндію, потому, какъ разсказываетъ Мюллеръ въ своей рукописи матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, что тамъ онъ долженъ былъ имѣть поединокъ съ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи барономъ Менгденомъ, котораго предпочла Корфу фрейлина императрицы Вильдеманъ. 20 октября 1736 года, было занесено, что президентъ, намѣреваясь уѣхать изъ Петербурга, приказалъ продолжать обычныя занятія и содержать въ порядкѣ архивъ, а 23 октября Гольдбахъ прочелъ академикамъ проектъ письма отъ ихъ имени къ уѣхавшему начальнику: въ началѣ посланія выражено сожалѣніе объ отъѣздѣ барона въ такое время, когда для академическихъ дѣлъ была въ особенности нужна его поддержка. Поводомъ къ отправленію письма было принято то, что многіе изъ академиковъ не могли лично пожелать ему счастливаго пути. „Несмотря на отсутствіе, сказано въ концѣ этого посланія, вы, милостивый государь, продолжаете присутствовать въ нашихъ сердцахъ. Они всегда тронуты великодушными чувствами, которыя вы при всѣхъ случаяхъ выказывали въ пользу Академіи, а потому мы надѣемся и смѣемъ обѣщать вамъ, милостивый государь, что наши засѣданія будутъ происходить въ прежнемъ порядкѣ и съ тѣмъ благоразуміемъ, столь приличествующимъ ученымъ, которое вы намъ всегда совѣтовали" [1]). Одинъ только академикъ Делиль возражалъ противъ такого письма отъ имени всей Академіи, говоря, что если кто изъ членовъ ея хочетъ выразить свои чувства отсутствующему, то никто не можетъ помѣшать ему въ томъ, когда онъ это сдѣлаетъ самъ отъ себя. Это возраженіе не было принято, и письмо Гольдбаха за подписями всѣхъ было отправлено къ Корфу. Въ отвѣтъ на него послѣдній пи-

---

[1]) I, Ausgehende Briefe 1736—1737.

салъ $\frac{19}{30}$ ноября 1736 года: „Милостивые государи. Изъ письма, которое вы послали ко мнѣ отъ имени всего вашего общества, я увидалъ, что мой поспѣшный отъѣздъ причинилъ вамъ нѣкоторое безпокойство касательно вашихъ дѣлъ. Хотя правда, что я покинулъ васъ на нѣкоторое время противъ моей воли, не простившись съ вами и не препоручивъ никому дѣлъ нашей Академіи; однако причина весьма уважительная побудила меня рѣшиться на скорый отъѣздъ. Я всегда былъ увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ расположеніи, по свойственному вамъ великодушію, сколько для сохраненія меня въ вашей памяти, столькоже и для поддержанія Академіи, которая такъ цѣнима нашею всемилостивѣйшею государынею. Вы, милостивые государи, окажите мнѣ чувствительное удовольствіе, когда будете продолжать ваши засѣданія въ прежнемъ порядкѣ и съ столь приличнымъ для ученыхъ благоразуміемъ, котораго вы сдѣлались достойными съ самаго начала. Я не премину свидѣться съ вами, какъ только одно приключеньице (un petit accident), задерживающее меня здѣсь, позволитъ мнѣ это. Думаю, что это случится менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли. Въ продолженіе этого времени вы будете такъ добры исполнять, какъ всегда, ваши обязанности и вѣрить тому, что я всегда преисполненъ уваженія и пр. [1]).

11 января 1737 года, Корфъ вернулся въ Петербургъ, а 14 января выразилъ въ академическомъ засѣданіи свое удовольствіе, что въ его отсутствіе засѣданія продолжались непрерывно. Академикъ Гольдбахъ при этомъ случаѣ высказалъ, что ни въ одно отбытіе прежнихъ президентовъ не было такъ спокойно въ Академіи, какъ въ нынѣшнее.

19 сентября 1737 года, въ концѣ засѣданія Корфъ замѣтилъ, что такъ-какъ видно мало работъ адъюнктовъ, то онъ вынужденнымъ находится приказать, чтобы каждый академикъ побуждалъ своего адъюнкта къ занятіямъ его наукою и потомъ доносилъ начальнику о порученныхъ адъюнкту работахъ, а также обо всемъ, что возложено на него и имъ будетъ

---

[1]) Eingekomende Briefe von anno 1736, листъ 83.

исполнено, дабы можно было видѣть, справедливо-ли расходуется на адъюнктовъ жалованье? При этомъ каждый академикъ имѣлъ письменно предложить приданному ему адъюнкту о томъ, что онъ долженъ обработывать; но это письменное предложеніе должно быть предварительно показано начальнику Академіи и занесено въ протоколъ.

29 октября 1739 года, баронъ Корфъ учредилъ при Академіи географическій департаментъ, поручивъ его завѣдыванію астронома Делиля. Онъ, однако, предписалъ при этомъ, чтобы новое учрежденіе находилось подъ его непосредственнымъ управленіемъ. Въ письмѣ [1]) къ графу Остерману объяснялось Корфомъ, что географическій департаментъ основанъ имъ сколько потому, что географія Россіи есть одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ Академіи наукъ, столько же и по недовѣрію къ Делилю, который, какъ узналъ баронъ, велитъ дѣлать для себя копіи со всѣхъ картъ и стало-быть хочетъ пользоваться ими для своихъ частныхъ цѣлей, а между тѣмъ въ Парижѣ явилась уже въ свѣтъ карта Беринга. Прежде того, именно 13 октября 1739 года, между начальникомъ Академіи и астрономомъ произошло столкновеніе изъ-за карты Кубани, объ окончаніи которой спрашивалъ Корфъ Делиля, а этотъ отвѣчалъ ему довольно рѣзко, что онъ не обязывался заниматься географіею. Тогда баронъ напомнилъ ему, что вся Академія поручена его управленію и что Делиль на будущее время обязанъ лучше исполнять обязанности свои, какъ членъ Академіи. Повидимому Делиль смирился, и чрезъ нѣсколько дней Корфъ, какъ видѣли выше, подписалъ объ учрежденіи географическаго департамента. Черезъ шесть лѣтъ послѣ, отъ этого департамента былъ изданъ первый научный атласъ Россіи.

Въ жизнеописаніи Шумахера было уже говорено, что въ послѣдніе годы управленія Академіи барономъ Корфомъ замѣтно увеличившееся значеніе академическаго совѣтника. При-

---

[1]) Въ Запискахъ Академіи наукъ, IX, прилож. № 2, 178 — 180, оно отнесено къ 1 іюлю 1741 года, но это невѣрно, такъ-какъ въ 1741 году баронъ Корфъ былъ уже въ Копенгагенѣ. Письмо это хранится въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 45, въ которой бумаги 1739 года.

чину тому едва-ли не нужно искать въ сильной страсти барона пріобрѣтать огромное количество книгъ. Шумахеръ и прежде зналъ объ этомъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи всю хозяйственную часть Академіи, стало-быть и заграничную торговлю книгами, поощрялъ этой страсти тѣмъ, что за покупаемыя для библіотеки Корфа книги не требовалъ своевременно слѣдующихъ за нихъ денегъ, такъ-что, послѣ выбытія изъ Академіи барона, онъ остался должнымъ академической книжной лавкѣ огромную для того времени сумму 4,339 р. 40 коп. [1]).

8 апрѣля 1740 года въ Академію было предписано изъ императорскаго кабинета: „оной Академіи президентъ, дѣйствительный камергеръ Корфъ имѣетъ отъѣхать немедленно въ Копенгагенъ для пребыванія при королевско-датскомъ дворѣ чрезвычайнымъ посланникомъ, того ради надлежитъ ему жалованье, по чину его при Академіи принадлежащее, выдать нынѣ за январскую нынѣшняго 1740 году треть [2]).

По свидѣтельству Шетарди, Биронъ всегда искалъ случая удалить барона Корфа отъ двора, почему и послалъ его на мѣсто Бестужева министромъ въ Данію; при этомъ Корфъ разсчитывалъ удержать за собою начальствованіе надъ Академіею, приносившее ему до 17 т. ливровъ, однако это не осуществилось. Любопытно, что Шетарди смотрѣлъ на отъѣздъ Корфа, какъ на великую для себя непріятность: „я бы могъ, говорилъ онъ, при помощи средства, о которомъ мнѣ говорили, извлечь изъ него современемъ, при осторожномъ обхожденіи, свѣдѣнія, очень полезныя для службы короля (французскаго)“.

Корфъ, отъѣзжая изъ Петербурга, оставилъ инструкцію для Академіи, которую онъ подписалъ 15 апрѣля 1740 г., а 16 числа того же мѣсяца выѣхалъ заграницу. 18 апрѣля, была прочитана въ засѣданіи эта инструкція, и тогда было поста-

[1]) О взысканіи ихъ съ Корфа переписка тянулась до 1746 года, а въ этомъ году Корфъ рѣшился возвратить Академіи забранныя имъ книги, которыя и были присланы изъ Копенгагена въ восьми ящикахъ; но и за тѣмъ Шумахеръ считалъ Корфа должнымъ 416 р. 67 к. Чѣмъ кончилась переписка о пополненіи этой суммы, въ академическихъ дѣлахъ не отыскалось слѣдовъ. II, книга № 58.

[2]) II, книга № 51.

новлено послать къ нему отъ имени академиковъ письмо, сочиненное Гольдбахомъ такого содержанія: „хотя мы отъ всей души желали, чтобы дѣла нашей Академіи производились въ продолженіе многихъ лѣтъ неизмѣнно подъ вашимъ предсѣдательствомъ, однако нынѣ ея величеству угодно было расположить это иначе. Эта перемѣна нисколько не умаляетъ того глубокаго уваженія, которымъ мы непоколебимо преисполнены къ вашимъ чрезвычайнымъ заслугамъ. Напротивъ того, мы будемъ стараться всѣми силами и въ отсутствіе ваше сообразоваться съ вашими приказаніями. Да поможетъ вамъ Богъ достигнуть въ высочайше повѣренномъ важномъ посольствѣ успѣха къ удовольствію русскаго народа, на пользу русскаго государства и къ собственной великой славѣ, чему Академія будетъ всегда чрезмѣрно сочувствовать“... [1]). Отвѣтъ на него Корфъ написалъ только 30 августа 1740 года:

„Высокоблагородные и высокоученые господа, мои особенно высокоуважаемые государи! Ваше письменное напоминаніе я принимаю какъ доброжелательство, которымъ вы намѣрены вознаградить меня за потерю, понесенную мною съ удаленіемъ отъ столь почтеннаго общества. Если бы я только это имѣлъ въ доказательство вашего расположенія, то этого было бы довольно для возбужденія во мнѣ признательности, которая вамъ слѣдуетъ отъ меня болѣе чѣмъ по одному обстоятельству.

„Что я сдѣлался извѣстнымъ въ разныхъ странахъ и можетъ быть пользуюсь тамъ нѣкоторымъ уваженіемъ, котораго не заслужилъ, то обязанъ единственно тому, что имѣлъ честь стоять въ главѣ столь знаменитаго общества. Вы трудились для пріобрѣтенія мнѣ извѣстности, и это обстоятельство я буду всегда считать пріятнѣйшимъ въ моей жизни; оно будетъ также всегда поддерживать къ вамъ мое расположеніе. Желаю только имѣть пріятный случай, чтобъ имѣть возможность доказать это на дѣлѣ, покрайней мѣрѣ буду слѣдить съ сильнѣйшимъ участіемъ за вашимъ возрастающимъ процвѣтаніемъ. Въ

---

[1]) I, Ausgehende Briefe von 1740 bis 1742.

настоящемъ случаѣ я не могу не высказать этого, такъ-какъ вы имѣете удовольствіе видѣть мое мѣсто занятымъ, по высочайшему попеченію ея императорскаго величества нашей всемилостивѣйшей государыни, способною особою—г. статскимъ совѣтникомъ фонъ-Бреверномъ. Процвѣтаніе Академіи не подлежитъ сомнѣнію въ рукахъ такого лица, при которомъ оно можетъ достигнуть дѣйствительной, давно желанной высоты.

„Въ заключеніе я долженъ просить извиненія, что такъ запоздалъ моимъ отвѣтомъ. Надѣюсь, что это не воспрепятствуетъ, чтобы вы были вполнѣ убѣждены, съ какимъ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь я и пр.“ [1]).

Во все время управленія Академіею, баронъ Корфъ поддерживалъ разными мѣрами всѣ заведенныя при ней стараніями Шумахера учрежденія по части искусствъ и ремеслъ. Это не нравилось академикамъ, и одинъ изъ нихъ Делиль въ 1742 году писалъ въ сенатъ, что Корфъ „все время его правленія токмо стараніе имѣлъ тѣ въ Академіи учиненныя зданія подтвердить, которыя наукамъ весьма вредительны есть, и такимъ образомъ непорядокъ и расходы еще болѣе умножилъ“ [2]). Шумахеръ, напротивъ того, видя, что Корфъ, дѣйствовалъ въ его духѣ, находилъ это прекраснымъ. Такъ, 3 іюня 1753 года, онъ писалъ къ нему: „планъ Петербурга съ его проспектомъ принятъ очень хорошо. Ея императорское величество выразила всемилостивѣйшее благоволеніе особенно за то, что все это было изготовлено русскими академическими учениками. Если возвратиться къ 1734, 35 и слѣдующимъ годамъ и посмотрѣть, какъ твердо ваше превосходительство благоволили тогда стоять за искусства, то окажется, что вы были причиною, почему ея императорское величество порадована своимъ народомъ. Поздравляя съ тѣмъ ваше превосходительство, представляю отъ имени сіятельнаго гетмана экземпляръ“ и пр. [3]).

Со времени отъѣзда изъ Россіи, баронъ Корфъ исполнялъ званіе русскаго посланника при дворахъ копенгагенскомъ и

[1]) I, Eingekommende Briefe 1740, л. 47.

[2]) Записки Академіи наукъ VII, прилож. № 4, 44.

[3]) I, Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

стокгольмскомъ. Онъ скончался въ Копенгагенѣ холостымъ 7 апрѣля 1766 года. По разсказамъ современниковъ, Корфъ былъ красивой наружности, сангвиническаго темперамента и великій любитель женскаго пола. Большіе долги, которые остались послѣ его смерти, главнѣйшее произошли отъ чрезмѣрныхъ расходовъ барона на женщинъ и на покупку книгъ. Библіотека его заключала въ себѣ до тридцати шести тысячъ томовъ. По свидѣтельству Бюшинга [1]), „ей, Корфъ посвящалъ все свободное отъ служебныхъ занятій и необходимыхъ выѣздовъ время. Систематическая установка книгъ и внесеніе ихъ собственноручно въ алфавитный каталогъ, составлявшій нѣсколько фоліантовъ, принадлежали тоже къ его любимымъ занятіямъ. У него была причуда украшать свои книги нарядными переплетами. Тѣ, которыя были покупаемы уже переплетенными, онъ размѣщалъ особо, а съ книжками меньшаго объема и брошюрами распоряжался довольно оригинально. Для составленія томовъ одинаковаго формата, онъ приказывалъ переплетать такія книжки и брошюры по нѣскольку вмѣстѣ не по однородности содержанія, которое иногда разнствовало какъ свѣтъ отъ тьмы, а единственно по сходству величины и формы. На корешкѣ такихъ томовъ надписывалось: Miscellanea, а разнородный составъ ихъ отмѣчался самимъ хозяиномъ въ каталогѣ“... Въ 1764 году библіотека его куплена была императрицею Екатериною для тогдашняго наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича за пятьдесятъ тысячъ рублей, но на такомъ условіи, чтобы Корфъ пользовался ею до своей смерти. Впослѣдствіи она принадлежала цесаревичу Константину Павловичу и была перевезена изъ Гатчины въ мраморный дворецъ въ Петербургѣ. Послѣ кончины цесаревича, эта библіотека досталась генералу Александрову, который бо́льшую часть ея пожертвовалъ въ гельсингфорскій александровскій университетъ [2]). Послѣ смерти Корфа, выбита была, въ честь ему и по распоряженію племянника его, Фиркса, се-

---

[1]) Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 198—209.

[2]) Баронъ Іоганнъ-Альбрехтъ Корфъ, соч. барона М. А. Корфа, 19, 20.

ребряная медаль въ Копенгагенѣ. На одной сторонѣ грудное его изображеніе, съ подписью вокругъ: Jo Alb. lib. Baro de Korff, съ означеніемъ года и числа его рожденія; на другой — колонна, у подножія которой женская фигура, чертящая на памятникѣ надпись: Animam non candidiorem terra tulit. Сзади восходящее солнце, а внизу годъ и число смерти Корфа. Медаль эту вырѣзывалъ Бауеръ. Остался также портретъ его, писанный Брадтомъ, который былъ потомъ выгравированъ въ Копенгагенѣ художникомъ Пило [1]).

Баронъ Іоганнъ-Альбрехтъ Корфъ можетъ считаться въ числѣ нѣмецкихъ писателей, хотя его имя не упоминается въ извѣстныхъ нѣмецкихъ словаряхъ. Въ 1733 году, когда умеръ отецъ Бирона отставной корнетъ, то изъ Петербурга было прислано приказаніе похоронить его по княжески, и вмѣстѣ съ тѣмъ оттуда явился баронъ Корфъ для произнесенія надгробной рѣчи скончавшемуся корнету. Объ этой рѣчи, не безъ ироніи, говоритъ Гемпель въ Merkwürdiges Leben des unter dem Namen eines Grafens von Biron weltbekanten Ernsts Johann etc. (2 изд., Bremen, 1742) стр. 19—30, а также приведено заглавіе ея: „Lob- und Abdankungs-Rede bey dem Grabe des Hochwohlgebornen Herrn, Herrn Carl Biron, königl. Cornets, Erb-Herrn auf Kalnzehm, mit Bezeugung eines aufrichtigen Beyleides und dero verpflichtesten Ergebenheit gehalten in der Mietauischen Heil. Dreyfaltigkeits Kirche den 24 April st. n. Anno 1733 von des hohen Trauer-Hauses demüthigsten und ergebensten Diener Joh. Albrecht Korf [2]). Для того, чтобы имѣть понятіе объ этомъ произведеніи, будетъ достаточно слѣдующаго мѣста въ концѣ рѣчи:

„Но можно-ли разсуждать о похвальныхъ качествахъ отца, не касаясь заслугъ столь великаго сына? Напротивъ, я думаю, что такой сынъ, при погребеніи его отца, есть наилучшее по-

---

[1]) Ibid., 25.

[2]) По свидѣтельству Гемпеля, рѣчь напечатана въ Петербургѣ при Академіи наукъ, съ разными украшеніями, рѣзанными на мѣди; но въ Публичной библіотекѣ экземпляръ этой рѣчи въ f°, на 8 нум. стр., съ обозначеніемъ, что печатанъ въ Митавѣ въ высококняжеской придворной типографіи Кёстера (I. H. Köster).

хвальное слово, и хотя я имѣю еще болѣе достойное привести о нашемъ высокопочившемъ, тѣмъ не менѣе однако прекраснѣйшимъ въ его жизни остается господинъ имперскій графъ. Поэтому я не могу рѣшиться шествовать далѣе. Этотъ пріятный предметъ увѣнчиваетъ славу нашего высокопочившаго и придаетъ моей рѣчи такой блескъ, какой я только желать въ состояніи. Яблоко гранатъ заканчиваетъ свой ростъ короною, и потому я не могу счастливѣе окончить, какъ нашимъ великимъ графомъ Бирономъ. Но, прежде чѣмъ покину это мѣсто, я обязанъ исполнить возложенное на меня приказаніе и выразить именемъ высокой, опечаленной фамиліи глубокую признательность высокоблагороднымъ присутствующимъ при погребеніи"...

Другое сочиненіе Корфа, безъ имени его, написано также въ угоду Бирону для приготовленія умовъ къ избранію его въ герцоги Курляндскіе и имѣетъ заглавіе: Gründlicher Beweis, dass das Recht einem Fürsten zu wählen, den Ständen der Herzogthümer Curland und Semgallen von ihren Urahnen angestammt, und dass sie solches Recht durch keine entgegenseiende Handlung verlohren, aus ungezweifelten Urkunden und Geschichten dargestellt von einem Patrioten. Книга эта s. l. et a. напечатана въ Петербургѣ при Академіи наукъ; латинскій переводъ этого произведенія принадлежитъ Гольдбаху, заглавіе его у г. Винкельмана Bibliotheca Livoniae historica подъ № 6112, а возраженіе противъ барона Корфа — подъ № 6113 [1]. Кромѣ этого, баронъ Корфъ написалъ въ апрѣлѣ 1737 года къ Руссе, издавшему въ Гагѣ Recueil historique d'actes, négotiations, mémoires et traitez depuis la paix d'Utrecht jusqu'à présent.

„Извѣстія изъ Курляндіи дѣлаются съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе интересными, почему я полагаю вамъ доставить

[1]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 594, прибавляетъ еще одну подробность объ этомъ сочиненіи: для распространенія его въ Германіи, былъ отправленъ апрѣля 1736 года въ Гамбургъ академическій корректоръ Шрёдеръ, которому было выдано при томъ 500 рублей. Потомъ этотъ Шрёдеръ никогда не возвращался въ Петербургъ, и что съ нимъ сталось — неизвѣстно.

удовольствіе сообщеніемъ прилагаемаго здѣсь мемуара, который изданъ въ прошедшемъ году однимъ курляндскимъ дворяниномъ. По моёму мнѣнію, это сочиненіе заслуживаетъ помѣщенія въ издаваемомъ вами Recueil. Если вы заблагоразсудите перевести его на французскій языкъ, то въ такомъ случаѣ я прошу васъ, милостивый государь, сказать просто, что вы получили его отъ одного изъ вашихъ друзей, не упоминая вовсе обо мнѣ. Знакомые съ правами и преимуществами курляндскаго дворянства очень одобряютъ доводы, приводимые авторомъ для установленія вольнаго избранія герцога въ томъ случаѣ, когда владѣнія остаются безъ владѣтеля. Что касается до меня, то я старательно читалъ все, что издавно написано по этому предмету, и вполнѣ убѣжденъ, что авторъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ успѣлъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. И такъ я, милостивый государь, надѣюсь, что, придавъ означенному сочиненію болѣе гласности, вы обяжите публику и въ тоже время окажите значительную услугу Курляндіи — моей родинѣ" [1]).

Въ XI-мъ томѣ Recueil, вышедшемъ въ 1737 году, Руссе, вѣроятно вслѣдствіе этого письма Корфа, помѣстилъ, на стр. 193—208 записку, приписываемую барону Герману Кейзерлингу: Brevis et succincta enarratio jurium Curlandiae et Semigalliae circa electionem novi principis, о которой уже было говорено въ жизнеописаніи Кейзерлинга, на стр. 502.

У Дрейера (Dreyer) въ Specimen juris publici Lubecensis (Butzow et Wismar, 1762), 305, есть статья барона Корфа, подъ заглавіемъ: Nachricht von dem Lithauischen Grossfürsten Gedimin.

ЛОТТЕРЪ, ІОГАНЪ-ГЕОРГЪ, академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія и древностей греческихъ и римскихъ.

Краткія и притомъ неточныя извѣстія о немъ Adelung's und Rotermund's Fortsetzung und Ergäntzüngen zu C. G. Jochers allgemeinem Gelehrten Lexico, III, 2171, 2172; въ архивѣ академиче-

[1]) I, Ausgehende Briefe 1736, 1737.

ской конференціи въ портфелѣ Мюллера съ надписью «Біографіи академиковъ» есть біографическія замѣтки о Лоттерѣ съ поправками и приписками лично его знавшаго академика Штелина. Въ сокращеніи эти замѣтки внесены Стриттеромъ въ продолженіе мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Pesersburg, 512—515.

Лоттеръ, сынъ аугсбургскаго купца въ Швабіи, родился 25 марта 1712 года; изучалъ философію, филологію и богословіе въ іенскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ обширныя познанія въ греческомъ, еврейскомъ языкахъ и въ особенности въ латинскомъ стилѣ; въ 1725 году отправился въ Галле для продолженія занятій и здѣсь много писалъ латинскихъ рѣчей и стиховъ для другихъ, которые ему за то платили. Въ 1728 году, въ Лейпцигѣ Лоттеръ получилъ степень магистра, написавъ диссертацію De Ottonibus litterarum restauratoribus in Italia и сотрудничалъ въ извѣстномъ періодическомъ изданіи Менке Acta eruditorum и у Іохера въ Deutsche Acta eruditorum.

Юбилейное торжество аугсбургскаго вѣроисповѣданія дало поводъ Лоттеру предпринять въ 1730 году поѣздку въ родной городъ, гдѣ онъ, по порученію городскаго магистрата, произнесъ Panegyricum pro augustana confessione. На возвратномъ пути изъ Аугсбурга, онъ, вмѣстѣ съ оріенталистомъ Керомъ, открылъ въ Нюренбергѣ, что считавшіеся до того времени за узоры на плащѣ Карла Великаго были не что иное, какъ куфическія письмена, которыя потомъ и описаны.

По возвращеніи въ Лейпцигъ, Лоттеръ принялъ на себя изданіе Gelehrten Zeitungen, начатое Краузе; напечаталъ нѣсколько изысканій о Пейтингерѣ и его таблицахъ; началъ вмѣстѣ съ Готшедомъ издавать въ 1731 году Beyträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit; выдержалъ диспутъ pro facultate legendi; читалъ лекціи о Struvii bibliotheca philosophica и Heumanni conspectum historiae litterariae, и, наконецъ, былъ ассесоромъ философскаго факультета. Все это доставило Лоттеру извѣстность, такъ-что онъ былъ избранъ въ члены берлинской Академіи наукъ и нѣмецкаго литературнаго общества въ Лейпцигѣ.

Такъ-какъ Байеръ неоднократно заявлялъ желаніе оставить

петербургскую Академію, то тамъ и старались пріискать на мѣсто его достойнаго преемника. Въ 1733 году Лоттеръ, получивъ приглашеніе къ занятію въ нашей Академіи каѳедры древностей и классическихъ литературъ, изъявилъ на то согласіе, но окончательное опредѣленіе, по причинѣ происходившихъ въ Академіи перемѣнъ, замедлилось. Въ это время, по отзыву Штелина, Лоттеръ началъ вести разгульную жизнь, разстроившую его здоровье и вовлекшую его въ долги. Наконецъ, 22 ноября 1734 года, академическая канцелярія постановила заключить съ Лоттеромъ контрактъ, какъ съ профессоромъ краснорѣчія и древностей греческихъ и римскихъ, между-тѣмъ какъ Байеръ долженъ былъ остаться профессоромъ восточныхъ древностей. Въ январѣ 1735 года высланы Лоттеру на проѣздъ до Петербурга 150 рублей и назначено ему жалованье 660 рублей въ годъ [1]).

По случаю отъѣзда Лоттера, была напечатана въ Лейпцигѣ Корвинусомъ Abschieds-Ode an tit. Herrn Johann George Lotter и пр. (Въ f°, 4 нен. стр.). Послѣ разныхъ похвалъ императрицѣ Аннѣ, стихотвореніе кончалось такъ:

Beglücktes Augspurg! Siehst du wohl,
Was dir dein Sohn vor Ehre bringet?
Wie hoch er sich zu ihrem Pol
Durch seiner Tugend Flügel schwinget?
Ruff bey der Fahrt ihm dieses zu:
Neptunus bringe Dich mit Ruh
Nach Wunsch zu Russlands Musen-Chören!
Helft-Najaden! das kein Orcan
Bey seinem Lauf ihn hindern kan,
So wird sein Ruhm sich einst vermehren!

Взываніе къ Нептуну и Наядамъ оказались преждевременными, такъ-какъ Лоттеру, еще прежде, чѣмъ достигъ онъ моря, пришлось испытать затрудненія, именно по дорогѣ изъ Любека

[1]) II, книга № 15.

въ Дюбенѣ задержалъ его заимодавецъ. Ѣхавшій съ нимъ адъюнктъ Академіи Штелинъ вступилъ въ Виттенбергѣ въ переговоры, кое-какъ уладилъ дѣло, и Лоттеру дозволили продолжать путь. Проѣздомъ чрезъ Потсдамъ, тогдашній прусскій король Фридрихъ I велѣлъ пригласить ученыхъ на вечеръ въ свою табачную коллегію повидимому съ цѣлію позабавиться надъ путешественниками: они пробыли тамъ полтора часа и должны были экзаменовать въ латинскомъ языкѣ графа Штеина и Пальница, а потомъ король велѣлъ Лоттеру написать безъ приготовленія пробную статью: въ чемъ заключается различіе между витійствомъ и краснорѣчіемъ?

Лоттеръ прибылъ въ Петербургъ 14 іюня 1735 года. Въ бытность его при Академіи, онъ, какъ видно изъ протоколовъ, приступилъ было къ составленію жизнеописанія царя Алексѣя Михайловича, которое предполагалось помѣстить при академическомъ изданіи Уложенія этого государя. Смерть помѣшала Лоттеру окончить этотъ трудъ, такъ-какъ онъ умеръ 1 апрѣля 1737 года[1]) отъ истощенія силъ и неумѣреннаго пристрастія къ женскому полу [2]). Бумаги Лоттера съ извѣстіями о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ хранятся до нынѣ во второмъ отдѣленіи академической библіотеки подъ №№ 5 и 6. Здѣсь есть, между прочимъ, въ числѣ матеріаловъ для царствованія Алексѣя Михайловича Дневникъ Кульчицкаго и историческія и генеалогическія таблицы русскихъ царей, выданныя Лоттеру изъ рукописнаго собранія графа Брюса [3]).

ШТЕЛИНЪ, ЯКОВЪ, академикъ по каѳедрѣ поэзіи и краснорѣчія и непремѣнный секретарь академіи.

Краткія свѣдѣнія о его жизни и трудахъ: Précis de la vie de M. de Stehlin, Nova acta Academiae scientiarum imperialis petropolitanae, 1788, III, 14—24. Замѣчательно, что здѣсь только вскользь упомянуто о бытности Штелина сначала наставникомъ Петра III, а потомъ — очень близкимъ лицомъ къ его двору.

---

[1]) II, книга № 99.

[2]) I, портфель 8-й изъ мюллеровскаго собранія, письмо Фишера къ исторіографу Мюллеру.

[3]) I, протоколы 1736 года, засѣданіе 17 января.

Въ архивѣ академической конференціи есть то же французское извѣстіе въ рукописи и съ подробностями, опущенными въ вышеуказанной печатной статьѣ о Штелинѣ. Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, XIII, 273—275, гдѣ онъ названъ Stählin-Storcksburg. Іоганна Бернулли: Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen, IV, 1719; V, 113—117. Въ Запискахъ Академіи наукъ, VII, 117—133: «О перепискѣ академика Штелина, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ». Здѣсь указано изъ этой переписки Штелина все, что имѣетъ значеніе для исторіи Россіи. Кромѣ того, въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 786, есть его краткая автобіографическая записка 1743 года въ современномъ русскомъ переводѣ, а въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ Мюллера «Біографіи академиковъ», № 11, та же записка на нѣмецкомъ языкѣ. Она напечатана подъ заглавіемъ «Донесеніе академика-профессора Штелина въ коммиссію» въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей, 1866 г., книга IV, смѣсь, 119—123. О заслугахъ Штелина по художественной части въ изслѣдованіи г. Д. Ровинскаго: Русскіе граверы и ихъ произведенія (см. тамъ указатель).

Штелинъ родился 10 мая 1709 года въ Меммингенѣ въ Швабіи; воспитывался сначала въ тамошнемъ лицеѣ, потомъ въ гимназіи въ Циттау, гдѣ, изучая иностранные языки, литературу и искусства, онъ пріобрѣлъ также отъ нѣкоего италіанца Монталлегро и свѣдѣнія о фейерверкахъ, надъ сочиненіемъ которыхъ ему привелось потомъ трудиться почти всю свою жизнь. Первымъ печатнымъ его произведеніемъ было Lobrede auf Johann Hommel, Kaisers Karl V Hofmathematicus, Memmingen, 1728. Передъ отъѣздомъ изъ Циттау въ 1731 г., онъ публично защищалъ тамъ напечатанную диссертацію De indole hominis et optimi principi, exemplo Traiani demonstrata. Образованіе свое Штелинъ докончилъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Въ бытность въ Лейпцигѣ, онъ напечаталъ Gedichte der Sapho — нѣмецкій переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника съ присоединеніемъ греческаго текста. На заглавномъ листѣ этой брошюры есть гравированная на мѣди виньетта, съ надписью: J. Staehlin del. Въ Лейпцигѣ же напечатана Штелиномъ: Die treue Schäferin, la fida Ninfa, переводъ съ италіанскаго подлинника Сципіона Маффеи, и въ три дня приготовленный нѣмецкій переводъ Saxe galante. При возшествіи на престолъ польскаго короля Августа III, Штелину пришлось изобрѣтать для тор-

жествъ въ Лейпцигѣ разныя аллегорическія представленія, которыя потомъ изданы въ Illuminirtes Leipzig.

Въ описываемую эпоху во всей Европѣ подобныя изображенія составляли необходимую принадлежность каждаго праздника, имъ придавалось важное значеніе, почему описанія ихъ съ болѣе или менѣе роскошными гравюрами были издаваемы отдѣльно. Въ подражаніе иностраннымъ дворамъ, въ Петербургѣ были также въ модѣ фейерверки и иллюминаціи съ аллегорическими картинами и подписями, и, по заведенному обычаю, сочиненіе ихъ возлагалось на Академію наукъ. Здѣсь, по недостатку спеціалиста, порученія по этой части должны были исполнять серьезные ученые въ родѣ Байера и Бекенштейна. Начальникъ Академіи, баронъ Корфъ, замѣтивъ имя Штелина подъ многими гравюрами аллегорическихъ представленій изъ Дрездена и Лейпцига, рѣшился пригласить его въ петербургскую Академію, потому-что отъ нея безпрестанно требовали сочиненія надписей и аллегорій для придворныхъ фейерверковъ и иллюминацій. Сначала Штѐлинъ колебался принять приглашеніе по причинѣ суровости климата въ Петербургѣ, но вскорѣ потомъ рѣшился ѣхать въ Россію въ званіи адъюнкта Академіи [1]). Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ академикомъ Лоттеромъ (см. выше, стр. 538), 25 іюня 1735 года. Въ Петергофѣ онъ въ первый разъ являлся барону Корфу, а этотъ тотчасъ же представилъ его Бирону.

Составленіе статей для вѣдомостей, сочиненіе одъ на случаи въ родѣ рожденія императрицы, возшествія ея на престолъ и т. п., наконецъ переводы на нѣмецкой языкъ итальянскихъ интермедій — таковы были занятія Штелина въ первые годы его пребыванія въ Петербургѣ. По смерти академика Лоттера, осталась свободною каѳедра краснорѣчія и поэзіи, и баронъ Корфъ, 2 сентября 1737 года, въ концѣ академическаго засѣданія, объявивъ адъюнкта Штелина ординарнымъ профессоромъ элоквенціи, во уваженіе его способностей и знаній, выра-

---

[1]) Въ январѣ 1735 года ему было назначены 100 руб. на проѣздъ, а жалованья положено 300 руб. въ годъ. II, книга № 15.

зилъ притомъ надежду, что прочіе академики будутъ довольны вновь предложеннымъ и избраннымъ профессоромъ и окажутъ ему дружбу, довѣренность и любовь [1]). Объ этомъ событіи Фишеръ сообщалъ Мюллеру въ письмѣ 20 декабря 1737 года:... „Мѣсто Лоттера по званію профессора занялъ г. Штелинъ, человѣкъ едва 23—24 лѣтъ.... Онъ слыветъ за изряднаго поэта или стиходѣя (Versmacher), знаетъ французскій и италіянскій языки, также умѣетъ играть на flûte traversière и гравировать. Впрочемъ идетъ по слѣдамъ г. Юнкера, потому что успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ и втереться при дворѣ и ко многимъ знатнымъ“... Въ другомъ письмѣ говорится, что Штелинъ бываетъ у посланниковъ и въ особенности у графа Линара [2]).

Самъ Штелинъ разсказываетъ [3]), что онъ, отправляясь въ Петербургъ получилъ рекомендательное письмо отъ перваго польско-саксонскаго министра графа Брюля къ покровительствуемому имъ графу Линару, который поэтому пригласилъ Штелина чаще бывать у него и познакомилъ его со многими изъ знатныхъ въ Петербургѣ.

Штелинъ, кромѣ офиціальныхъ стихотвореній въ честь императрицы на разныя торжества при дворѣ, писалъ стихи въ честь знатныхъ: такъ въ современныхъ дѣлахъ есть извѣстіе, что онъ сочинилъ „вирши“ по случаю бракосочетанія принца гессенъ-гомбургскаго, которыя печатались въ январѣ 1738 года въ количествѣ 87-ми экземпляровъ [4]).

Съ этимъ принцемъ, бывшимъ тогда генералъ фельдцейгмейстеромъ, по свидѣтельству Штелина [5]), онъ короче

---

[1]) I, протоколы 1737 года.

[2]) I, портфель 8-й писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

[3]) Въ предисловіи къ Анекдотамъ Петра Великаго.

[4]) II, книга № 442. Вирши эти въ печати носятъ такое заглавіе: Glückwünschungs-Ode auf das hohe Beylager Sr. Hochfürstl. Durchl. Ludwig Johann Wilhelm Landgrafens zu Hessen Ihro Russich-Keyserl. Majest. hochbetrauten General-Feld-Zeugmeisters und Majors des Preobraschinskischen (sic) Garde Regiments, Ritters des St. Andreas und Weissen Adler-Ordens etc. mit der Durchlauchtigen Fürstin und Frauen Anastasia gebohrner Fürstin Trubezkoy des weyland Durchlauchtigen Fürsten und Herrn Cantemir, Wallachischen Hospodars, und Russischen Reichs Fürsten, hinterlassenen Frau Wittwe. Von Stählin Prof. P. S.-Petersburg den 23 Januar, 1738.

[5]) Въ томъ же предисловіи къ Анекдотамъ Петра Великаго.

познакомился именно по случаю составленія проектовъ для фейерверковъ и иллюминацій при дворѣ. Черезъ принца Штелинъ послѣ былъ очень хорошо принятъ въ домѣ тестя его, стараго князя Ивана Юрьевича Трубецкаго. Этотъ вельможа послѣ обѣда, за трубкою табаку, любилъ разсказывать Штелину анекдоты о Петрѣ Великомъ, что̀ и подало первую мысль Штелину къ записыванію и собиранію ихъ.

Въ 1738 году, Штелину былъ порученъ надзоръ за академическими граверами, и тогда, для усовершенствованія ихъ въ рисованіи, былъ приглашенъ живописецъ Тарси, который и давалъ въ Академіи уроки рисованія по два раза въ недѣлю [1]).

Съ возшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, особенно любившей празднества, дѣятельности Штелина по части устройства зрѣлищъ представилось еще болѣе широкое поле. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ воцаренія этой государыни, именно 14 февраля 1742 года, принцъ гессенъ-гомбургскій присылалъ къ Шумахеру своего адъютанта Уньковскаго съ объявленіемъ, что императрица повелѣла „профессору Штелину ѣхать за дворомъ своего императорскаго величества въ Москву“. Когда о томъ было сообщено академику, то онъ объявилъ, что на путевые расходы ему нужно никакъ не менѣе 40 рублей [2]).

О трудахъ своихъ въ Москвѣ такъ распространялся Штелинъ въ одномъ прошеніи, поданномъ въ августѣ 1743 года [3]):

„.... завелъ я, всенижайшій, подъ главною дирекціею его высококняжеской свѣтлости (принца гессенъ-гомбургскаго) нижеслѣдующее, а именно: 1) Титову оперу для употребленія нашего оркестра. 2) Особливой, до вступленія вашего императорскаго величества на престолъ касающійся прологъ, названный бывшею въ печали, но потомъ паки обрадованною Россіею. 3) Выдумавъ и нарисовавши платья и сцены, какъ дѣлать указывалъ, ходя, до коего времени работа продолжалась, всякой день по два раза къ работникамъ для смотрѣнія за ними и по-

[1]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 729.

[2]) II, книга № 452.

[3]) Хранится въ Госуд. архивѣ.

нужденія ихъ къ поспѣшенію. 4) Просиживалъ я цѣлыя ночи надъ поправленіемъ напечатанныхъ на италіанскомъ и французскомъ языкахъ оперныхъ книгъ. 5) Обучалъ я мальчиковъ къ театральному поведенію. 6) А въ кое время были оперныя пробы и представленъ прологъ, то игралъ я при лютнѣ самъ на флейтѣ траверсе. Къ тому жъ учинилъ я: 7) не только планъ къ бывшему въ Москвѣ главному фейерверку и разнымъ иллюминаціямъ, а на оборотѣ сдѣланной для коронаціи вашего императорскаго величества медали фигуру, но притомъ и содержалъ по всевысочайшему указу, съ прибытія вашего императорскаго величества въ Москву даже до совершенія коронаціонныхъ церемоній и торжествъ, исправный придворный журналъ, внося почти всякую почту о вышеописанномъ обстоятельные артикулы въ здѣшнія Вѣдомости, съ которыхъ артикуловъ потомъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ находились копіи.

„А по вышеписанной моей должности надлежало мнѣ самому вездѣ присутствовать и для почтенія такихъ случаевъ себѣ приличное платье сдѣлать, другія жъ необходимыя чинить иждивенія, въ которыя я, всенижайшій, тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ вдался, что не токмо о возвращеніи мнѣ оныхъ, но сверхъ того и о награжденіи меня, всенижайшаго, чиномъ надежное учинено было обнадеживаніе, но по которому еще и по сіе время ничего не сдѣлалось и оставленъ я при толь многихъ бывшихъ произведеніяхъ“... Въ концѣ ходатайство: „въ придворные совѣтники всемилостивѣйше пожаловать соблаговолите, ибо къ тому и при всѣхъ прочихъ европейскихъ знатныхъ дворахъ оное достоинство за прилично и пристойно разсуждается, и опредѣлить у оберъ-гофмаршальскихъ и оберъ-церемонмейстерскихъ дѣлъ для вспоможенія и для расположенія публичныхъ при дворѣ церемоній и приличныхъ къ торжествамъ инвенцій, да и всего того, что обыкновенно бываетъ должность метера десъ инскрипціонсъ“...

Въ декабрѣ 1743 года Штелинъ повторилъ свою просьбу, но въ краткихъ выраженіяхъ и притомъ всю ее написалъ самъ по русски, но такъ правильно, что надо думать, что просьба сочинена русскимъ и только переписана академикомъ. Здѣсь

между прочимъ онъ говоритъ: „я, всенижайшій, можетъ быть послѣдній остался, который по нынѣ, когда уже почти всѣ высочайше пожалованы и награждены, единымъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ и уже нѣсколько разъ повтореннымъ обѣщаніемъ довольствуюсь“....

Въ бытность въ Москвѣ, Штелинъ познакомился съ пасторомъ тамошней лютеранской церкви I. Рейхмутомъ и женился на дочери его Елисаветѣ.

Въ 1742 году, по разсказу самого Штелина въ его Запискахъ о Петрѣ III, „императрица заботится о необходимомъ образованіи великаго князя-племянника и приказываетъ чрезъ своихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ прислать ей разные планы образованія и составить здѣсь другіе два. Составленіе послѣднихъ возложено на статскаго совѣтника Гольдбаха, бывшаго наставника Петра II, и профессора Штелина. Планъ послѣдняго кажется ей преимущественнымъ. (Почему? потому что онъ specialissime, согласно русскимъ государственнымъ потребностямъ, приспособленъ былъ для этого принца и никакого другаго). Вслѣдствіе того, 1 іюня (1742 года) профессоръ былъ представленъ молодому герцогу, какъ наставникъ его, и притомъ императрица выразилась, что она предвидитъ, что его высочеству придется не разъ учиться скучному, но еще болѣе прекрасному, а потому и выбираетъ для него человѣка, который бы занималъ его полезно и пріятно“.

По отзыву Штелина, ученіе вначалѣ шло успѣшно, но потомъ усиленныя заботы въ обученіи великаго князя танцамъ, а болѣе всего непреодолимая страсть его къ игрѣ въ солдаты съ лакеями, придворнымъ карлою и пр. сдѣлали то, что Штелинъ не могъ занести въ свои записки многаго по части успѣховъ своего ученика, хотя и распространяется о пріемахъ, которые онъ притомъ употреблялъ. Изъ словъ Штелина можно замѣтить, что онъ дѣлалъ уступки великому князю въ его страстномъ увлеченіи къ военнымъ упражненіямъ, а императрица Екатерина II говоритъ, что „профессоръ Штелинъ, обязанный преподавать великому князю математику и исторію, болѣе игралъ съ

нимъ и служилъ ему вмѣсто шута“ [1]). Самъ Штелинъ оставилъ одинъ разсказъ, по которому можно судить, что уступчивый наставникъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ своего ученика. Однажды Штелинъ выразилъ удивленіе великому князю, видя его курящимъ. „Narrische Teufel! отвѣчалъ тотъ, развѣ ты видалъ хоть одного храбраго и исправнаго офицера, который бы не курилъ трубки?“

Штелинъ состоялъ при великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ въ качествѣ наставника до бракосочетанія его съ великою княгинею Екатериною Алексѣевною, что̀ случилось 25 августа 1745 года, а 28 августа сенатъ далъ знать въ Академію, что императрица „всемилостивѣйше пожаловать соизволила Академіи наукъ профессора Штелина, который, сверхъ его должности при Академіи и при дворѣ ея императорскаго величества любезнѣйшаго племянника, его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳедоровича находится, за службу его, въ чинъ надворнаго совѣтника съ подполковничьимъ рангомъ и быть ему по прежнему при дворѣ его императорскаго высочества библіотекаріусомъ и при Академіи наукъ профессоромъ, а жалованье давать ему отъ оной Академіи по тысячѣ рублевъ на годъ“ [2]).

По разсказамъ Штелина, императрица ему именно приказала присутствовать при вставаніи и одѣваніи великаго князя, чтобы удерживать прислугу отъ непристойныхъ разговоровъ съ нимъ. При этомъ случаѣ Штелинъ упомянулъ, что Румбергъ, камердинеръ его высочества, былъ взятъ въ тайную канцелярію, а потомъ сосланъ въ Оренбургъ. Изъ современнаго дѣла видно, что Румбергъ обвинялся въ томъ, что старался поселить въ великомъ князѣ ненависть къ русскимъ и даже подговаривалъ его скрыться въ Швецію.

Подъ 1747 годомъ въ Запискахъ Штелина отмѣчено: „госпожа камергерша Чоглокова, урожденная графиня Гендрикова, назначается оберъ-гофмейстериною къ великой княгинѣ, а

---

[1]) Mémoires de l'Impératrice Catherine II, écrits par elle même. Londres 1859, стр. 6.

[2]) II, книга № 97.

ея мужъ, воспитанникъ танцмейстера Ланде, поступаетъ къ великому князю на мѣсто Репнина. Все измѣняется при ихъ дворѣ, а ничего не сдѣлалось къ лучшему. Штелинъ уволенъ (съ пенсіономъ) и передаетъ великокняжескую библіотеку лакеямъ и другимъ подобнымъ людямъ. 1748 годъ. Великій князь забываетъ все, чему учился, и забавляется игрушками съ невѣждами, подобными Чоглокову"....

Шумахеръ, всегда недовольный, когда академики получали какія либо преимущества по мимо его, писалъ, по случаю помянутаго назначенія пенсіона, къ Тауберту 18 февраля 1749 года: г. надворный совѣтникъ Штелинъ не глупъ: замѣтивъ, что ему стихи ничего болѣе не приносятъ, обратился къ другимъ средствамъ, которыя бы могли удовлетворить его страсти къ деньгамъ. Въ этомъ онъ успѣлъ, потому что дѣйствительно добился уже давно обѣщаннаго пенсіона отъ его императорскаго высочества"... [1])

Въ началѣ пребыванія Штелина при дворѣ, Шумахеръ часто обращался къ нему съ просьбами похлопотать у разныхъ вельможъ по академическимъ дѣламъ; но съ удаленіемъ академика отъ великаго князя, въ академической канцеляріи припомнили, что у него не было опредѣленныхъ занятій ни по Академіи, ни по университету. Поэтому въ 1748 году на него возложенъ надзоръ за изданіемъ Вѣдомостей. Въ томъ же году, 6 мая, академическая канцелярія постановила:

„Объявленный г. профессоръ Штелинъ, окромѣ того дѣла (надзоръ за изданіемъ Вѣдомостей), имѣетъ довольно свободнаго времени, то онъ долженъ предложенную отъ него въ прошломъ 1747 году іюня 16 числа эмблематическую, иконологическую книгу ко окончанію привесть. И понеже члены Академіи художествъ ему въ томъ немалую пользу оказать могутъ, то имѣетъ онъ въ собраніяхъ, когда потребно будетъ, присутствовать и какъ о семъ, такъ и о выдѣлкѣ по его проектамъ о фейерверкахъ, иллюминаціяхъ, и другимъ тому подобнымъ, художникамъ подавать свои совѣты. За благо же разсуждено, чтобы

---

[1]) I, Исходящія письма 1748 года.

члены историческаго класса по однажды въ недѣлѣ собранія имѣли, дабы о ученыхъ дѣлахъ совѣтовать и сочиняемыя ими дѣла въ своихъ собраніяхъ читать, то ему, г. надворному совѣтнику и профессору Штелину и во оныхъ собраніяхъ быть непремѣнно надлежитъ"... [1])

Около описываемаго времени вошло въ обычай, чтобы стихи, которые писалъ Штелинъ къ сочиняемымъ имъ фейерверкамъ и иллюминаціямъ, были переводимы Ломоносовымъ. Послѣдній былъ весьма недоволенъ такимъ обычаемъ и 22 апрѣля 1748 года выразилъ это чувство въ слѣдующемъ письмѣ къ Теплову: „хотя должность моя и требуетъ, чтобъ по присланному ко мнѣ ордеру сдѣлать стихи съ нѣмецково; однако я того исполнить теперь не могу, для того-что въ нѣмецкихъ виршахъ нѣтъ ни складу, ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобъ такую глупость перевесть на россійскій языкъ, и къ такому празднеству, и ежели бы я отъ нихъ отступить осмѣлился, то, не имѣя никакого къ тому плана, не знаю чего держаться. И все сего дѣла поведеніе очень чудно. Кто бы не засмѣялся той музыкѣ, когда бъ двое, согласившись пѣть, одинъ бы выпускалъ голосъ безъ всякаго движенія рта, а другой бы поворачивалъ губами, языкомъ и гортанью? Но почти тоже дѣлается, когда одинъ составляетъ изображенія для иллюминацій, а другой надписи"...

„Письмо ваше, отвѣчалъ Тепловъ Ломоносову, такихъ экспрессій наполнено, которыя предосудительны чести г. совѣтника Штелина. Берегитесь, чтобы вы ему не досадили: пишетъ всякъ, кто сколько можетъ, по разсужденію, кто какъ хочетъ [2]).

Въ послѣдствіе времени, именно съ 1752 года, академическая канцелярія поручала Штелину и Ломоносову писать порознь проекты иллюминацій и стихи къ нимъ. Это продолжалось до конца 1755 года, когда сочиненные Ломоносовымъ

[1]) II, книга № 117.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, 102. Подлинное письмо Ломоносова сохраняется въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 115: по этому письму здѣсь исправлены нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ печатное.

проекты иллюминаціи и фейерверка на 1755 годъ не были приняты и имъ предпочтены были штелиновскіе проекты. 24 марта 1755 года Ломоносовъ, кажется обиженный такимъ предпочтеніемъ, подалъ въ академическую канцелярію рапортъ:

„Его высокоблагородіе г. надворный совѣтникъ Стелинъ неоднократно жаловался, что я у него его должность отнимаю, дѣлая проекты къ иллюминаціямъ и фейерверкамъ; а я то чинилъ по ордерамъ канцеляріи Академіи наукъ. А чтобы помянутый г. надворный совѣтникъ Стелинъ не имѣлъ причинъ впредь на меня жаловаться, то канцелярію Академіи наукъ прошу, чтобъ меня впредь отъ того уволила, что я сверхъ моей профессіи и безъ того много дѣла имѣю“ [1]).

Съ тѣхъ поръ проекты иллюминацій и фейерверковъ сочинялъ одинъ Штелинъ, а нѣмецкіе стихи его перелагали академическіе студенты сначала Поповскій, а потомъ Адріанъ Дубровскій.

Въ 1753 году Штелинъ желалъ отправиться за границу и при этомъ вызывался исполнять порученія Академіи по части художествъ, а также окончить тамъ задуманное имъ сочиненіе объ иконологіи; для этого онъ полагалъ необходимымъ съѣздить въ Римъ и Неаполь и получить на то отъ Академіи, сверхъ годоваго жалованья, отъ 500 до 800 рублей на покупку для Академіи разныхъ предметовъ. Получивъ такое ходатайство, графъ Разумовскій, 1 февраля 1753 года, поручилъ Шумахеру потребовать отъ Штелина на счетъ его поѣздки болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній. „Памятуется однакожъ мнѣ, прибавлено съ замѣтною ироніею въ ордерѣ графа Разумовскаго, что г. профессоръ Штелинъ, при вступленіи моемъ въ Академію, принялъ на себя сочинить книгу въ пользу художествъ подъ именемъ Иконологіи, о чемъ тогда же и опредѣленіе въ канцеляріи было сдѣлано. И хотя при бывшемъ до меня президентѣ г. Корфѣ таковое же обѣщаніе онъ, г. профессоръ, учинилъ, однакожъ ни тогда, ни при мнѣ никакого начала трудовъ не выдалъ.

---

[1]) II, книга № 197. Письмо не собственноручное, а только одна подпись Ломоносова.

Сверхъ же того, ежели г. Штелинъ столь слаба въ здоровьѣ своемъ себя находитъ, что кромѣ цѣлительныхъ водъ никакое лекарство ему пособствовать не можетъ, то мнѣ весьма сумнительно, возможно-ли на него наложить столь тяжестный трудъ и одолжить его ѣхать даже до Неаполя, а притомъ сочинять таковыя извѣстія, которыя и здравому человѣку не мало труда принести могутъ"... Шумахеръ отвѣчалъ графу Разумовскому, что и онъ не думаетъ, чтобы Штелинъ исполнилъ „въ отлучкѣ и въ такомъ немощномъ состояніи" то, чего не могъ исполнить въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но что, впрочемъ, его уволить можно, „а его должность и другіе академики исправить могутъ". Графъ Разумовскій распорядился объ увольненіи за границу, но при томъ было пройдено молчаніемъ важная статья—о денежномъ содержаніи; Шумахеръ же съ своей стороны немедленно распорядился о порученіи занятій Штелина по Академіи другимъ. Все это произвело то, что академикъ, 19 іюня 1753 года, донесъ канцеляріи, что онъ не ѣдетъ за границу, но желаетъ исполнять по прежнему возложенныя на него дѣла [1]).

Въ 1754 году, какъ отмѣчено въ Запискахъ Штелина о Петрѣ III, великій князь, находясь въ Ораніенбаумѣ и занимаясь экзерциціями своихъ голштинцевъ, снова призвалъ Штелина и поручилъ ему перевезти и разставить свою библіотеку въ Ораніенбаумѣ.

Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ коммиссіи, „для отрѣшенія излишествъ отъ Академіи". Ломоносовъ жаловался тогда на Штелина, что онъ въ этой коммиссіи „за художества стоялъ больше, нежели за науки" [2]).

Со вступленіемъ на престолъ Петра III, Штелинъ сдѣлался еще болѣе близкимъ ко двору, что́ замѣтно и изъ его Записокъ объ этомъ государѣ, въ которыхъ, говоря объ этой эпохѣ, Штелинъ передаетъ часто разговоры государя и случаи, съ нимъ бывшіе, какъ очевидный свидѣтель. Тогда академикъ былъ по

---

[1]) II, книга № 464.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865 г.), стр. 070.

жалованъ статскимъ совѣтникомъ и завѣдывалъ библіотекою и кабинетомъ государя.

Однажды за обѣдомъ въ первые дни своего царствованія императоръ говорилъ: „Штелинъ! мнѣ хорошо извѣстно, что въ вашу Академію наукъ вкралось много злоупотребленій и безпорядковъ. Ты видишь, что я ежедневно много еще занятъ важнѣйшими дѣлами, но когда съ ними управлюсь, то мнѣ хочется также приняться и за вашу Академію, уничтожить тамъ злоупотребленія и привести ее въ лучшее положеніе“.

Послѣдніе дни царствованія Петра III, т. е. 28 и 29 іюня 1762 года, Штелинъ находился при немъ въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ; высказывалъ тамъ графу Мюниху и принцу голштейнъ-бекскому безполезность и вредъ распоряженія призвать изъ Ораніенбаума, для защиты Петергофа, горсть голштинскихъ войскъ; и, наконецъ, сопутствовалъ въ безуспѣшной поѣздкѣ государя въ ночь на 29 іюня къ Кронштадту. Подробности обо всемъ этомъ, переданныя весьма точно, Штелинъ занесъ въ особую записку, списки съ которой въ русскомъ переводѣ мнѣ извѣстны у нѣкоторыхъ любителей старины, а нѣмецкій подлинникъ едва-ли не хранится въ императорской публичной библіотекѣ. Записка эта тѣмъ болѣе любопытна, что во многомъ подтверждаетъ то, что разсказывается о помянутыхъ дняхъ Рюльеромъ въ его извѣстной Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762.

Несмотря на близкія отношенія ко двору бывшаго императора, Штелинъ понадобился и новому правительству: для приготовленія празднествъ и зрѣлищъ по случаю коронованія Екатерины II, академикъ былъ отправленъ въ Москву, а въ маѣ 1763 года онъ былъ утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника, который было получилъ при прежнемъ правительствѣ. 2 іюня того же года, президентъ Академіи, графъ Разумовскій приказалъ на счетъ Штелина: „въ канцеляріи Академіи наукъ засѣданія ему не имѣть, а имѣть такмо по прежнему въ дирекціи своей Академію художествъ и при собраніяхъ академическихъ такъ, какъ члену оной Академіи, присутствовать впредь до раз-

смотрѣнія"... [1]) По поводу производства Штелина, Мюллеръ, 16 мая 1763 года, писалъ къ Гебенштрейту:... „г. Штелинъ сдѣланъ статскимъ совѣтникомъ, но съ опредѣленіемъ, вѣроятно для него не очень пріятнымъ, чтобъ онъ на будущее время не принималъ никакого участія въ дѣлахъ канцеляріи, а исполнялъ бы только обязанность профессора"... [2]).

Въ 1765 году исторіографъ Мюллеръ, исполнявшій до того времени должность конференцъ-секретаря Академіи, получилъ новое назначеніе и переселился въ Москву, почему это званіе, 25 апрѣля 1765 года, было возложено на Штелина, который исполнялъ должность конференцъ-секретаря съ прибавкою 300 рублей къ 1500 руб. получаемаго имъ содержанія до 25 февраля 1769 года, т. е. до назначенія въ нее Альбрехта Эйлера [3]).

Въ 1766 году Штелинъ былъ избранъ въ члены вольнаго экономическаго общества, и въ первое послѣ выбора засѣданіе произнесъ рѣчь, въ которой послѣ восторженныхъ похвалъ учредительницѣ общества — Екатеринѣ II, такъ говорилъ о своей будущей дѣятельности по обществу: „Сколь мало я о искусствѣ и знаніи моемъ въ домостроительствѣ обѣщать могу, тѣмъ болѣе въ состояніи я напротиву того увѣрить васъ о неусыпномъ моемъ попеченіи и доброжелательствѣ. Ревность, чтобъ совсѣмъ не быть неспособнымъ сочленомъ сего общества, открываетъ воображенію моему уже поле отмѣнной моей охоты, въ которомъ я еще разные цвѣты найти надѣюсь, кои въ вѣнецъ вашихъ экономическихъ трудовъ вплетены быть могутъ. А какъ строеніе въ городахъ и въ деревняхъ въ экономическомъ дѣлѣ за важной предметъ почесть должно, въ хорошемъ расположеніи, котораго зависитъ отъ бóльшей части безопасное сохраненіе и сбереженіе трудами и потомъ собранныхъ плодовъ, имѣній и сокровищъ, и заведеніемъ потребныхъ каналовъ, прудовъ и плотинъ, неспособныя земли способными и полезными сдѣланы быть могутъ; къ чему однако требуется практическое познаніе и нѣкоторое свѣдѣніе въ такихъ нау-

[1]) II, книга № 289.

[2]) Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», Пекарскаго, 87.

[3]) II, книги №№ 289 и 317.

кахъ, то могу напередъ увѣрить сіе общество, что я и въ сихъ дѣлахъ услуги мои оказывать не премину, представляя иногда объ ономъ нѣкоторыя разсужденія и сообщая притомъ и свои прежде въ чужестранныхъ земляхъ, а нынѣ уже 30 лѣтъ въ сей странѣ сдѣланныя примѣчанія по мѣрѣ (sic) въ пользу экономіи. Есть-ли опричь сего, господа мои! угодно покажется нашему обществу, что въ нынѣшнихъ временахъ Италіи, Гельвеціи, Франціи, Англіи и Нѣмецкой области въ процвѣтающихъ экономическихъ собраніяхъ вновь полезно вымышленное и неопечатанное, то я буду представлять изъ выходящихъ отъ времени до времени тѣхъ обществъ сочиненій мѣсячные экстракты, предавъ оные на общее ваше разсужденіе, что вы изъ онаго по состоянію въ пользу здѣшнихъ земель выбрать благоволите"...[1]). Съ 1770 года Штелинъ тринадцать лѣтъ исполнялъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ обязанности секретаря по иностранной перепискѣ.

Съ 1768 года, по мысли Штелина, стали издавать при Академіи календари: историческій, географическій экономическій и, наконецъ, съ наставленіями. Объ одномъ случаѣ со Штелинымъ при печатаніи этихъ изданій сохранился слѣдующій разсказъ у А. Ф. Бюшинга: въ 1773 году тогдашній директоръ Академіи наукъ, графъ Владиміръ Орловъ хотѣлъ положить на Штелина штрафъ за то, что онъ подарилъ нѣсколько придворныхъ календарей на 1774 годъ, тогда-какъ графъ Орловъ не велѣлъ пускать ихъ въ обращеніе, находя, что-то сомнительнымъ въ виньеттѣ. Директоръ опредѣлилъ удержать у Штелина мѣсячное жалованье, но знаменитый Эйлеръ не хотѣлъ подписывать опредѣленія о томъ, считая его постыднымъ для Академіи. Тогда графъ Орловъ сказалъ, что въ учрежденную для управленія академическими дѣлами коммиссію посажены академики собственно для исполненія его приказаній: послѣ такого объявленія Эйлеръ съ сыномъ подали, 1 февраля 1774 года, прошенія объ увольненіи ихъ отъ участія въ дѣлахъ той

[1]) Труды вольнаго экономическаго общества 1766 года, IV, 187 — 196, Рѣчь статскаго совѣтника Штелина при вступленіи его въ вольное экономическое общество.

коммиссіи. Впрочемъ, 5 декабря 1774 года, самъ графъ Владиміръ Орловъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, вслѣдствіе извѣстнаго переворота, послѣ котораго при дворѣ Екатерины II, началось возвышеніе Потемкина, а значеніе Орловыхъ прекратилось [1]).

Въ 1778 году Іоганнъ Бернулли, при посѣщеніи Петербурга, познакомился и съ Штелинымъ, у котораго обѣдалъ съ академиками Крафтомъ и Фуссомъ. Бернулли называетъ Штелина пріятнымъ и ученымъ человѣкомъ. У него видѣлъ онъ небольшое, но хорошее собраніе картинъ Бассана, Либери, Ротари и другихъ; также разныя рѣдкости въ родѣ китайскихъ картъ и картинокъ, изъ которыхъ послѣднія по бóльшей части были соблазнительнаго содержанія. Штелинъ показывалъ также обширное собраніе ходячихъ денегъ изъ всѣхъ частей свѣта, медали преимущественно русскія, которыя Штелину было не трудно собирать, такъ-какъ бóльшая часть изображеній и подписей на нихъ сочинена имъ. Штелинъ не преминулъ прочесть Бернулли отрывки изъ своихъ анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, которые тогда еще не были изданы; равнымъ образомъ показывалъ путешественнику свой трудъ о медаляхъ на событія изъ царствованія Петра Великаго.

Со вступленіемъ въ управленіе Академіею наукъ княгини Дашковой, не имѣвшей высокаго мнѣнія о заслугахъ и дѣятельности Штелина, чтó видно изъ приведеннаго уже въ жизнеописаніи Эйлера, на стр. 298, мѣста изъ ея Записокъ, Штелину поручена была та самая должность, которую онъ выполнялъ въ первое время своего прибытія въ Россію—онъ наблюдалъ за изданіемъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей.

Штелинъ былъ нрава веселаго и ровнаго, и потому его принимали хорошо во всѣхъ обществахъ. Здоровье его казалось всегда чрезвычайно крѣпкимъ; только весною 1785 года онъ почувствовалъ разслабленіе: у него открылась водянка въ груди, и онъ скончался 25 іюня того же 1785 года.

---

[1]) Wöchentliche Nachrichten 1775, V, st., 39, 40.

Портретъ Штелина, гравированный на мѣди, съ подписью Jacob von Stählin и его гербомъ, помѣщенъ У. Г. Крюницомъ при изданіи: Oekonomisch-technologische Encyklopädie, X-ten Theil (Berlin, 1785). Кромѣ того W. Drugulin's Allgemener Portrait-Katalog (Leipzig, 1860) подъ № 20.054 показанъ его портретъ работы Бергера, а другой подъ № 20.054[a]—А. Зубова (?). Г. Ровинскій[1]) указываетъ на два портрета Штелина: одинъ — работы Штенглина, 1762 г., и другой — Василья Соколова.

У Штелина были двѣ дочери, которыя выданы замужъ еще при его жизни, и сынъ Петръ, бывшій сначала секретаремъ при русскихъ посольствахъ въ Копенгагенѣ, Дрезденѣ и Гаагѣ, а потомъ совѣтникомъ посольства въ Дрезденѣ. Онъ извѣстенъ какъ переводчикъ Краткаго россійскаго лѣтописца Ломоносова подъ заглавіемъ Kurtzgefassten Jahrbuch der Russischen Regenten; переводъ имѣлъ два изданія, изъ которыхъ второе напечатано въ Ригѣ въ 1771 году [2]). Іоганъ Бернулли[3]) ошибочно приписалъ этому Штелину напечатанное въ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften — Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte von russischen Theater [4]).

Что касается до литературныхъ произведеній Штелина, то изъ его автобіографіи, писанной въ 1743 году, видно, что онъ три года составлялъ по нѣмецки Санктпетербургскія вѣдомости, которыя потомъ печатались подъ его надзоромъ, а также

---

[1]) Русскіе граверы (М., 1870), 102, 114.

[2]) О немъ см. Backmeisters Russische Bibliothek, II, 74.

[3]) Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen, V, 120.

[4]) Были высказываемы не разъ догадки, кто могъ быть авторомъ этой статьи о русскихъ писателяхъ. Г. Сухомлиновъ (Записки Академіи наукъ, VI, 252—257), послѣдній изъ изслѣдователей этого вопроса, полагаетъ, что авторомъ статьи долженъ быть Дмитревскій. При сравненіи замѣтки, помѣщенной редакціею Neue bibliothek при статьѣ о русскихъ писателяхъ, съ тѣмъ, что тамъ говорится объ Елагинѣ и его секретарѣ Лукинѣ, который обвинялся въ лести своему начальнику, можетъ явиться предположеніе, не Лукинъ-ли написалъ эту статью? Онъ былъ посланъ Елагинымъ за границу въ 1767 году (Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, Пекарскаго (Спб., 1869 г.), стр. 127, а статья съ біографическими извѣстіями о русскихъ писателяхъ напечатана въ названномъ нѣмецкомъ журналѣ въ 1768 году.

переводились на русскій языкъ. Изъ своихъ статей въ Примѣчаніяхъ къ тѣмъ же вѣдомостямъ Штелинъ поименовываетъ слѣдующія:

„При случаѣ первой при императорскомъ россійскомъ дворѣ бывшей оперы: — О началѣ приращеніи и нынѣшнемъ состояніи оперы во всей Европѣ, 1738 года. О житіѣ и ученіи перваго такъ называемаго философа Пифагора, 1739. Тоже о Сократѣ [1]). О бывшихъ обрядахъ свадебныхъ древнихъ жидовъ, грековъ, римлянъ и другихъ народовъ, 1739. О бардахъ, или первыхъ поэтахъ древнихъ германцевъ. О разности великаго, высокославнаго и славнаго человѣка, или кому свойственно сей титулъ приличествуетъ, 1741 г. Любопытныя извѣстія о состояніи турецкаго государства и двора, и многія другія, 1739".

На Штелина было возложено исправленіе нѣмецкой грамматики для русскаго юношества прежняго изданія, что̀ онъ и исполнилъ, прибавивъ къ ней вновь правила для нѣмецкой просодіи согласно новѣйшимъ требованіямъ. Эта грамматика въ исправленномъ такимъ образомъ видѣ напечатана въ 1741 году.

Въ 1740 году Штелинъ получилъ приказаніе работать въ академической библіотекѣ. „Того ради я, прибавляетъ Штелинъ въ вышеупомянутой автобіографіи, привелъ въ надлежащій порядокъ библіотеку, русскія книги и рукописныя сочиненія и сдѣлалъ каталогъ такъ, какъ оной напечатанъ". Изъ этого извѣстія оказывается, что Штелинъ былъ авторомъ чрезвычайно рѣдкой росписи русскихъ книгъ академической библіотеки, помѣщенной на латинскомъ языкѣ, во второмъ томѣ четвертой части изданія Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars quarta, quae continet libros philosophicos; роспись эта издана и по-русски. Подробное описаніе этихъ росписей въ библіографическомъ отношеніи сдѣлано г. Соболевскимъ въ Литературѣ русской библіографіи г. Геннади (Спб., 1858 г.), 178—182.

Въ 1740 году „при случаѣ торжественнаго мирнаго заклю-

---

[1]) Въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей 1866 года, IV, смѣсь, 126, вмѣсто «*о Сократѣ*», напечатано «*еще въ секретѣ*».

ченія велъ я, продолжаетъ Штелинъ, исправный придворный журналъ и оному описаніе на 26 листахъ"... Онъ напечатанъ въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ 1740 года.

Ему же принадлежитъ описаніе торжественнаго погребенія императрицы Анны, напечатанное въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ 1741 года.

При возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, Штелинъ, послѣ постановки въ Москвѣ оперы Clemenza di Tito, съ прологомъ своего сочиненія La Russia afflita e reconsolato, занимался изданіемъ въ свѣтъ этой оперы въ Москвѣ же на итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. На послѣднемъ подъ такимъ заглавіемъ: „Милосердіе Титово опера съ прологомъ, представленная во время высокоторжественнаго дня коронаціи ея императорскаго величества Елисаветы Петровны самодержицы всероссійской въ Москвѣ 1742 года. Печатано въ Москвѣ въ типографіи императорской Академіи Наукъ". Здѣсь указано, что „рѣчи переводилъ съ италянскихъ виршей", переводчикъ Иванъ Меркурьевъ [1]).

Кромѣ вышеупомянутой рѣчи, изъ статей Штелина слѣдующія помѣщены въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества: 1767 г., VI 123—144: „Новоизобрѣтенный способъ къ размноженію рыбы крошицы, обыкновенно здѣсь ферель называемой, такожде и лососей". 1768 г., VIII, 221—243, О пріисканіи каменнаго уголья въ Россійской имперіи, а особливо въ новгородской губерніи. „Эта статья, какъ замѣчено въ рукописномъ французскомъ біографическомъ извѣстіи, подала поводъ къ открытію Гмелинымъ въ новгородской губерніи каменнаго угля". 1768 г., X, 97—114. Выпись, сочиненная статскимъ совѣтникомъ Штелинымъ изъ нѣмецкой книжки, присланной въ вольное экономическое общество подъ именемъ наставленія о гипсѣ. Въ Продолженіи трудовъ вольнаго экономическаго общества, V, 140 объ отводѣ молніи въ деревняхъ. Въ Алфавитномъ указателѣ статей, напечатанныхъ въ

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 7, «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломаносова», 18, 19.

Трудахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ вольнаго экономическаго общества, сост. В. Всеволодовымъ (Спб., 1849), стр. 419, академикъ Штелинъ смѣшанъ съ аптекаремъ Штелинымъ изъ Сарепты, доставлявшимъ свои статьи въ общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія; кромѣ того, въ томъ же указателѣ, стр. 296, вм. *рѣчь Шелина* слѣдуетъ читать рѣчь Я. Штелина.

Въ 1769 г. въ изданіи Шлёцера: Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland, I, 395—432 помѣщена статья Zur Geschichte des Theaters in Russland. Aus den noch ungedruckten Mémoires pour servir à l'histoire des beaux arts en Russie des russisch kaiserlichen Staatsraths und Sekretärs der petersburgischen Akademie der Wissenschaften Herrn Jakob von Stählin. Во второй части того же изданія 1770 года, стр. 1—36: Jacob von Stählin russisch kaiserl. Staatsraths und Mitglieds verschiedener Akademien, Nachrichten von der Tanzkunst und Balleten in Russland. Стр. 37—192: Jakob von Stählin.... Nachrichten von der Musik in Russland. Несмотря на краткость, въ собенности первой изъ приведенныхъ здѣсь статей, свѣдѣнія Штелина во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытны и могутъ до нынѣ служить полезнымъ источникомъ по части исторіи театра, пѣнія и музыки въ Россіи въ XVIII столѣтіи А. Ф. Бюшингъ говоритъ, что академикъ Мюллеръ составилъ на эти статьи Штелина примѣчанія, въ которыхъ заключается много поправокъ[1]), и помѣстилъ ихъ въ Wöchentliche Nachrichten, но въ Петербургѣ я не могъ отыскать этихъ примѣчаній. Въ Санктпетербургскомъ вѣстникѣ 1779 года, стр. 83—95: Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 года, сочиненное на нѣмецкомъ языкѣ его превосходительствомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Я. Я. Стелинымъ", и стр. 243—258: „Сокращенныя извѣстія о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи балетахъ, сочиненіе его превосходительства Я. Я. Стелина". Переводъ этотъ, впрочемъ, сдѣланъ съ пропусками нѣкоторыхъ любопытныхъ мѣстъ подлинника.

---

[1]) Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 159.

Въ 1679 году А. Ф. Бюшинъ помѣстилъ въ своемъ изданіи Magazin für die neue Historie und Geographie, III, 575 — 604: J. von Stählin.... Atlas von China nebst einer geographischen Erläuterung desselben. Abgefasset von einem gebohrnen Chinesen zu Pekin 1746, und aus der chinesischen Sprache zu S.-Petersburg 1756 von Rossochin in die russische, aus dieser aber nun in die deutsche übersetzt.

Въ историческомъ мѣсяцесловѣ на 1770 годъ помѣщена статья Штелина: „Краткое географическое описаніе княжества молдавскаго и лежащихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями земель и народовъ съ ландкартою сихъ земель". Она перепечатана потомъ въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы, III, 52 — 106, и помѣщена также въ Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland, II, 437 — 450.

Въ географическомъ мѣсяцесловѣ 1772 года статья Штелина О черкасской или кабардинской землѣ помѣщена и у А. Ф. Бюшина Magazin für die neue Historie und Geographie, VI, 457 — 472.

Въ мѣсяцесловѣ 1774 года статья его же „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ Архипелагѣ" (здѣсь описывается открытіе Алеутскихъ островов). Она перепечатана въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы, III, 335—362. Замѣчанія на эту статью помѣщены въ изданіи А. Ф. Бюшинга Wöchentliche Nachrichten, 1774, стр. 56, 65 — 70; 121 — 124; 129 — 132; 137 — 138, 421. Что нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній писаны академикомъ Мюллеромъ, о томъ извѣстіе A. F. Büching's Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen III, 159.

Въ изданіи Іоганна Георга Мейзеля Miscellaneen artistischen Inhalts, eilfter Heft, (Erfurt, 1782) на стр. 257—277, напечатана мало кому извѣстная статья Штелина: Verzeichniss der vornehmsten Künstler in Russland aus des Staatsraths von Stählin noch ungedruckten Nachrichten von der Mahlerkunst in Russland. Mitgetheilt vom Herrn Ober Konsistorialrath Büsching in Berlin. Какъ ни кратки сообщенныя здѣсь извѣстія,

однако и они могутъ пригодится при изслѣдованіяхъ объ исторіи художествъ въ Россіи.

Въ самый годъ смерти Штелина — 1785, изданы были въ первый разъ въ Лейпцигѣ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moscau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von Jacob von Stählin. Эти анекдоты были переведены на многіе языки и печатались много разъ потомъ. На русскомъ языкѣ они также выдержали нѣсколько изданій; но въ русскомъ переводѣ нашлись, однако, анекдоты, которые, по цензурнымъ соображеніямъ, были выпущены или сокращены, несмотря на всю невинность и благонадежность Штелина, страстнаго притомъ почитателя Петра Великаго [1]).

Изъ собственныхъ словъ Штелина въ предисловіи къ анекдотамъ о Петрѣ Великомъ, видно, что онъ, при множествѣ занятій и развлеченій, едва находилъ время записывать разсказы, которые удавалось ему слышать о Петрѣ Великомъ; стало быть, Штелинъ собиралъ ихъ безъ всякой критики и повѣрки, почему и достовѣрность бо́льшей части этихъ разсказовъ подлежитъ теперь сомнѣнію; тѣмъ не менѣе этотъ сборникъ анекдотовъ любопытенъ по тому, что по немъ историку можно слѣдить, какъ слагаются легенды о замѣчательныхъ людяхъ и какъ въ томъ часто участвуютъ даже ихъ современники, иногда даже не подозрѣвая, что въ своихъ разсказахъ примѣшиваютъ они болѣе вымысловъ и забываютъ истину.

Современники Штелина, за долго до изданія въ свѣтъ анекдотовъ, чрезвычайно интересовались этимъ трудомъ. Такъ Иванъ Шуваловъ просилъ у Штелина перевода ихъ на французскій языкъ для передачи Вольтеру, какъ матеріала для исторіи Петра Великаго. Графъ Никита Панинъ увѣрялъ Штелина, что онъ не читалъ ни одной книги съ такимъ удовольствіемъ, какъ его анекдоты о Петрѣ Великомъ и проч. [2]).

---

[1]) Объ этомъ замѣтилъ еще Бакмейстеръ въ Russische Bibliothek, X, 502—503, когда говорилъ о первомъ русскомъ изданіи этихъ анекдотовъ въ 1786 г. Здѣсь указано до дюжины вовсе выброшенныхъ въ переводѣ анекдотовъ.

[2]) Originalanekdoten von Peter dem Grossen, 376, 377, 380.

*

Вскорѣ послѣ изданія въ свѣтъ анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, явился довольно строгій разборъ ихъ, написанный тогдашнимъ знатокомъ новой русской исторіи Антономъ-Фридрихомъ Бюшингомъ въ его Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Schriften (Berlin, 1786), стр. 201—206. Бюшингъ прежде всего обращаетъ вниманіе, что вообще Штелину не счастливилось по части исторіи и географіи, и что онъ при Академіи былъ профессоромъ краснорѣчія и поэзіи, а не исторіи. Потомъ замѣчено въ разборѣ, что хотя и есть нѣкоторые анекдоты, очень замѣчательные, но много и всѣмъ извѣстныхъ и служащихъ болѣе для утолщенія книги; притомъ Штелинъ, обойдя молчаніемъ своего сотоварища и русскаго исторіографа Мюллера, который много доставилъ извѣстій для исторіи царствованія Петра Великаго, издалъ въ свѣтъ свои анекдоты только тогда, когда Мюллеръ уже сошелъ въ могилу. За тѣмъ Бюшингъ опровергаетъ нѣкоторые разсказы Штелина на основаніи извѣстнаго Дневника Берхольца. Касательно фрейлины Гамильтонъ Бюшингъ ссылается на стр. 224, III-го тома своего Magazin für die neue Historie und Geographie, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Петра Великаго къ дѣвицѣ Крамеръ. Въ разсказѣ Штелина о смерти этого государя Бюшингъ поправляетъ неправильную ссылку на него и указываетъ, что объ этомъ предметѣ имъ напечатано въ томъ же Магазинѣ, III, 188, IX, 373, XI, 496, и что его разсказы согласны въ томъ, что Петръ Великій скончался отъ худо залеченной венерической болѣзни, полученной имъ отъ Чернышевой. Въ концѣ разбора поправка извѣстія Штелина о Лестокѣ. „Но довольно объ этой книгѣ, заключаетъ Бюшингъ, которая стоитъ одинъ талеръ и четыре гроша!“.

Въ рукописной французской біографіи Штелина занесено, что въ 1783 году директоръ Академіи, княгиня Дашкова опредѣлила напечатать полное собраніе сочиненій Ломоносова, почему Штелинъ доставилъ ей на нѣсколькихъ листахъ анекдоты, которые онъ извлекъ изъ своихъ бумагъ о знаменитомъ русскомъ писателѣ. Этими анекдотами, должно полагать,

воспользовались при составленіи жизнеописанія Ломоносова, которое въ первый разъ помѣщено въ первомъ томѣ Полнаго собранія всѣхъ сочиненій Ломоносова, 1784 года. Кромѣ того, есть еще извѣстія Штелина о Ломоносовѣ, которыя имѣютъ отмѣны отъ помѣщенныхъ въ сейчасъ названномъ жизнеописаніи и напечатаны въ русскомъ переводѣ, въ Москвитянинѣ 1850, № 1, истор. матеріалы, 1—14. Въ томъ же журналѣ: 1851 года, № 2, стр. 205—212, помѣщенъ переводъ съ нѣмецкаго нѣсколькихъ изданій Штелина о современныхъ ему русскихъ писателяхъ; 1853 года, № 3, матеріалы для исторіи русской литературы, стр. 21—25, конспектъ неоконченнаго похвальнаго слова Ломоносову, написанный Штелинымъ [1]). Всѣ эти извѣстія перепечатаны, съ критическими примѣчаніями г. Куника, въ его Сборникѣ матеріаловъ для исторіи императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. II, 383—405.

Въ 1866 году явились въ свѣтъ Записки Штелина о Петрѣ Третьемъ, императорѣ всероссійскомъ [2]). Къ сожалѣнію этотъ очень важный матеріалъ для исторіи названнаго сейчасъ государя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, переданъ въ несовсѣмъ вѣрномъ переводѣ [3]).

Въ настоящее время остается неизданною записка Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, о которой уже упоминалось выше, на стр. 550.

---

[1]) Нѣсколько записокъ Ломоносова къ Штелину напечатаны въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности 1859 г., книжка II, отд. III, 193—197.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1866 года, IV, смѣсь, 67—118.

[3]) Чтобы этотъ отзывъ не показался голословнымъ, привожу въ подтвержденіе слѣдующія мѣста перевода, напечатаннаго въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, сравнительно съ рукописнымъ подлинникомъ: на стр. 77, «Въ это же время приставили къ его высочеству духовнаго наставника іеромонаха Ѳедоровскаго», а въ подлинникѣ Тодорскаго; на стр. 79 названъ капитанъ Горновъ, тогда какъ должно быть Горяиновъ; на стр. 86: «императрица приказала взять изъ передней великаго князя животное (Haiiuxondhul) и умертвить его»; въ подлинникѣ же нѣтъ такого слова Haiiuxodhul, а написано: Die Kaiserin lässt einen Neuetödter aus des Gross Fürsten Vorzimmern nehmen und umbringen, т. е. императрица приказала взять изъ передней великаго князя сорокопуда и умертвить его. На стр. 90: «все перемѣняется при дворѣ, но къ лучшему», а въ подлинникѣ напротивъ того это мѣсто выражено такъ: alles kehrt sich an seinem Hofe um, und nichts wird bessern, и т. п.

Перечисленные здѣсь труды Штелина не изчерпываютъ однако, всей дѣятельности этого трудолюбца. Главнѣйшими занятіями его были: писаніе одъ на разные случаи, составленіе фейерверковъ и иллюминацій, переводы театральныхъ пьесъ съ итальянскаго, наконецъ сочиненіе рисунковъ и надписей къ разнымъ медалямъ. На этомъ поприщѣ Штелинъ выказалъ особенную плодовитость. Для полноты библіографическихъ извѣстій о трудахъ академика, привожу перечень подобныхъ работъ его, помѣщенный во французскомъ рукописномъ извѣстіи, о которомъ говорено выше, на стр. 539.

Въ 1735 году, по повелѣнію двора, онъ доставлялъ два раза въ недѣлю нѣмецкія извлеченія изъ итальянскихъ комедій и интермедій, которыя раздавались при дворѣ до представленія пьесъ.

Въ 1736 году сочинена имъ на день рожденія императрицы Анны ода, которая представлена государынѣ президентомъ Академіи и такъ была одобрена, что съ тѣхъ поръ Штелинъ обязанъ былъ писать подобныя оды на всѣ случаи при дворѣ, какъ то: на коронацію (28 апрѣля); въ маѣ мѣсяцѣ—на взятіе Перекопа, въ іюнѣ—на взятіе Азова. По приказанію отъ двора, перевелъ нѣмецкими стихами первую итальянскую оперу Abiazaro, а въ слѣдующемъ году вторую Artaserse.

1737 года Штелинъ написалъ отъ имени Академіи оду поздравительную императрицѣ Аннѣ по случаю новаго года; въ августѣ—на взятіе Очакова. Также доставилъ чертежи для аллегорическихъ представленій при фейерверкѣ и иллюминаціи.

1738 года—подробно описалъ медальонъ императрицы Гедлингера (Hedlinguer) и помѣстилъ въ Примѣчаніяхъ къ петербургскимъ вѣдомостямъ: вступленіе; изъясненіе сочиненнаго имъ фейерверка и иллюминаціи на новый 1738 годъ; оду на тотъ же случай отъ имени Академіи; описаніе фейерверка и иллюминаціи на день рожденія императрицы 28 января; описаніе аллегорической иллюминаціи и трехъ плановъ фейерверковъ на день коронаціи (28 апрѣля). Истинное изображеніе

императрицы Анны въ поэмѣ отъ имени Академіи[1]). 1739 года, по случаю новаго года, составилъ аллегорическое представленіе для фейерверка и иллюминаціи; напечаталъ въ Примѣчаніяхъ къ вѣдомостямъ вступленіе въ стихахъ и Изображеніе Минервы — поэму на день рожденія императрицы отъ имени Академіи; оду на бракосочетаніе племянницы государыни, принцесы Анны Леопольдовны съ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ [2]).

1742 года изобрѣлъ аллегорію для фейерверка и иллюминаціи по случаю празднованія заключенія мира съ турками, а въ октябрѣ участвовалъ въ трудахъ траурной коммиссіи при погребеніи императрицы Анны; при чемъ имъ сочинены всѣ аллегорическія украшенія траурнаго зала, катафалка и надписи въ петропавловской церкви.

1741 года составлены имъ рисунки украшеній картушей къ картамъ для русскаго атласа и сочинена ода на 18 декабря —

---

[1]) Въ рукописномъ извѣстіи, быть можетъ не безъ намѣренія, умолчено, что плодовитая муза Штелина не забыла воспѣвать въ нѣмецкихъ стихахъ семейство Бирона. Слѣдующія три оды его были напечатаны при Академіи наукъ: a) Durchlauchtigsten Fürsten und Herrn Herrn Ernst Johann Hertzog in Liffland zu Curland und Semgallen überreicht zu Sr. Hoch-Fürstl. Durchlauht. neu erlangten Hertzoglichen Würde ihre eifrigste und unterthänigste Glückwünsche die Kayserliche Academie der Wissenschften. St. Petersburg den 12 Juny 1737. b) Da Graf Petern und Graf Carln nach so frühen Fürsten-Proben Curland freye Fürsten Wahl in den Printzen-Stand erhoben, legt zu Ihrer Durchlaucht Füssen den erfreuten Glückwunsch hin ein dem hohen Printzen Paare tieffstergebner Knecht Stählin. St. Petersburg den 12 Juny. 1737. c) An dem hohen Geburths-Feste der Durchlauchtigsten Fürstin und Fraue, Fraue Benigna Gottlieb Hertzogin in Lifland, zu Curland und Semgallen etc. den 4 Octobr. 1738 überreicht diesen unterthänigst - getreuen Glückwunsch Stählin, Prof. P. St. Petersburg, bey der Kayserl. Acad. der Wissenschafften.

[2]) Ода эта принадлежитъ нынѣ къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Вотъ ея полное заглавіе: Das hohe Beylager Ihro Hoheit der Durchl. Printzessin Anna und Sr. Hochfürstl. Durchl. Anton Ulrich Hertzogs zu Braunschweig und Lüneburg, Rittern des heil. Andreas-Ordens, Ihro Kayserl. Majestät hochbestalten Generals - Majors, und Major des Semenowkischen Garde Regiments etc. in einer Ode allerunterthänigst besungen von J. Stählin P. P. St. Petersburg den 3 July 1739. Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften. Въ f°, 4 ненумерованные листа. На заглавномъ листѣ рѣзанная на мѣди виньетта съ изображеніемъ колесницы, везомой по воздуху двумя голубками и окруженной амурами. Въ колесницѣ сидитъ богиня, которая держитъ соединенные гербы Россіи и Брауншвейга.

день рожденія императрицы Елисаветы, съ поздравленіемъ отъ Академіи по случаю возшествія на престолъ.

Стриттеръ[1]) говоритъ, что въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ 1741 года въ 1 и 2 выпускахъ помѣщено вступленіе Штелина in stilo lapidari о томъ, что подъ солнцемъ всегда есть что нибудь новое, и однако ничего нѣтъ новаго.

1742 года, въ Примѣчаніяхъ—объясненія аллегорическаго представленія для фейерверка и иллюминаціи на 1 января. Описаніе иллюминаціи и фейерверка на день рожденія герцога голштинскаго. Изъясненіе фейерверка и иллюминаціи по случаю коронаціи 25 апрѣля 1742 года. Сверхъ того, Штелинъ надзиралъ за печатаніемъ нѣмецкаго экземпляра описанія коронаціи Елисаветы и просматривалъ первые оттиски принадлежащихъ къ тому гравюръ. О трудахъ его въ бытность тогда въ Москвѣ, говорено выше на стр. 542—544.

1743 года Штелинъ сочинилъ аллегорію фейерверка и иллюминаціи по случаю заключенія мира со Швеціею, и при этомъ въ первый разъ ввелъ въ фейерверкахъ движущіяся фигуры, что̀ было принято съ похвалою при дворѣ.

1744 году онъ поставилъ подобный фейерверкъ въ Москвѣ на тотъ же случай, и здѣсь фигуры Россіи и Швеціи, пройдя до тридцати шаговъ къ храму Януса, подали другъ другу руки, послѣ чего храмъ закрылся. Въ Санктпетербургскія вѣдомости онъ посылалъ каждую недѣлю статьи съ придворными извѣстіями.

1745 года Штелину былъ порученъ надзоръ за академическими художниками, и онъ изобрѣлъ новыя виньетты для академическихъ Комментарій и изображеніе для академической медали въ награжденіе за рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ отъ Академіи.

1746 года въ петербургскомъ календарѣ прибавлена Штелинымъ генеалогическая таблица всѣхъ царствующихъ домовъ въ Европѣ, и, по предписанію императорскаго кабинета, сочи-

[1]) Продолженіе мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, стр. 754.

нены барельефы историческіе и аллегорическіе, а также надписи къ ракѣ св. Александра Невскаго; послѣднія были переведены на русскій Ломоносовымъ.

1754 года по проектамъ Штелина сдѣлана была серебряная рака для мощей св. Дмитрія Ростовскаго.

1755—1758 годы. На Штелина возложена была цензура всѣхъ стиховъ и статей, печатавшихся при Академіи на иностранныхъ языкахъ, и надзоръ за постройкою академическихъ зданій, истреблённыхъ пожаромъ 1747 года. По распоряженію сената, имъ сдѣланы рисунки для десяти медалей изъ царствованія императрицы Елисаветы. Также по указу сената, ему велѣно было присутствовать въ монетной канцеляріи для наблюденія за медальерами и ихъ учениками и доставлять рисунки для новыхъ медалей особенно на событія изъ царствованія Петра Великаго, чтó имъ было исполняемо до 1762 года; а послѣ смерти Елисаветы Штелинъ занимался сочиненіемъ погребальной медали и вообще всѣхъ украшеній по устройству погребенія государыни.

Въ 1762 году Штелинъ работалъ при устройствѣ аллегорическихъ представленій, фейерверковъ и иллюминацій въ Москвѣ при коронованіи Екатерины II.

1763 года, по его плану, былъ представленъ на Невѣ большой фейерверкъ по случаю возвращенія императрицы въ Петербургъ. Тогда же составлены имъ изображенія для медалей на возшествіе на престолъ Екатерины II, на учрежденіе колоній, на госпиталь, основанный его императорскимъ высочествомъ и пр.

1766 года составлены Штелинымъ рисунки для тріумфальной арки въ Твери.

1770 года онъ сообщилъ рисунки для многихъ медалей на побѣды русскихъ войскъ надъ турками, также для разныхъ фейерверковъ и иллюминацій, и между прочимъ для большаго фейерверка въ пяти актахъ, даннаго въ присутствіи Генриха, принца прусскаго.

Въ 1771 году и въ предыдущихъ занимался Штелинъ изданіемъ въ свѣтъ путешествія по Россіи Гмелина и Палласа;

кромѣ того, участвовалъ въ трудахъ комитета при сенатѣ, гдѣ продолжалъ сообщать изображенія для медалей на событія изъ царствованія Петра Великаго. Эту работу онъ кончилъ въ 1774 году; здѣсь было 125 изображеній для такихъ медалей, которыя и были представлены императрицѣ.

Въ 1773 году составилъ онъ фейерверкъ по случаю торжества бракосочетанія великаго князя Павла Петровича [1]).

1776 года съ мая по октябрь Штелинъ занимался приготовленіями покоевъ Академіи къ празднованію ея юбилея; сообщилъ всѣ рисунки для аллегорическихъ украшеній новой большой залы, которыя и были исполнены подъ его надзоромъ. Онъ также далъ мысль для двухъ большихъ картинъ и 27 медалей на событія изъ царствованія Екатерины II; сочинялъ изображенія медали для юбилея, жетоновъ и пр., также наблюдалъ за окончаніемъ по его рисунку бронзоваго ковчега, въ которомъ до нынѣ хранится въ Академіи собственноручный наказъ Екатерины II.

При празднествахъ, по случаю вторичнаго бракосочетанія великаго князя наслѣдника, Штелинымъ изобрѣтены фейерверкъ и иллюминація.

Въ 1778 году ему было поручено сочинить фейерверкъ для празднованія дня рожденія великаго князя Александра Павловича.

1779 года имъ составлены рисунки медалей на рожденіе великаго князя Константина Павловича и на прибытіе императрицы въ Полоцкъ.

Въ 1780, 1781 и 1782 годахъ продолжалъ работать надъ сочиненіемъ медалей на событія изъ царствованія Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы и Екатерины II.

1784 года Штелинъ сочинилъ рисунки для фронтисписа и виньеттку въ Словарь россійской Академіи, также для придворнаго мѣсяцослова.

1785 года доставилъ, по приказанію княгини Дашковой, рисунки трехъ картушей для большой генеральной карты Рос-

---

[1]) H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, II, 460—462.

сіи и по распоряженію генералъ-прокурора князя Вяземскаго десять новыхъ медалей: 1) на генеральное межеваніе во всей имперіи; 2) на учрежденіе ордена св. Георгія; 3) на учрежденіе о губерніяхъ; 4) на уничтоженіе многихъ налоговъ; 5) на систему вооруженнаго нейтралитета; 6) на расширеніе свободы заниматься рудокопствомъ, торговлею и пр. 7) на увеличеніе морскихъ силъ имперіи; 8) на учрежденіе ордена св. Владиміра; 9) на подданство Россіи Георгія, царя грузинскаго и карталинскаго; 10) на открытіе портовъ херсонскаго и севастопольскаго въ пользу торговли всѣхъ народовъ.

Переписка Штелина была пріобрѣтена г. Погодинымъ, который продалъ ее потомъ, вмѣстѣ со всѣми своими собраніями печатныхъ книгъ, рукописей и гравюръ въ императорскую публичную библіотеку. Долгое пребываніе Штелина при Академіи и его близкія отношенія съ дворомъ Елисаветы и Петра III заставляютъ предполагать, что въ его перепискѣ должно бы было быть много драгоцѣнныхъ подробностей для русской исторіи XVIII вѣка; но это предположеніе не оправдывается, если прочесть эту переписку въ томъ объемѣ, въ какомъ она находится въ публичной библіотекѣ. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ трехъ картонахъ, которые были доставлены на время изъ этой библіотеки въ Академію наукъ, не заключается еще всѣхъ писемъ къ Штелину и что часть ихъ, и притомъ быть можетъ самая любопытная, не попала въ эти три картона. Изъ писемъ Штелина, размѣщенныхъ въ помянутыхъ картонахъ, видно, что онъ находился въ сношеніяхъ со всѣми современными знатными въ Петербургѣ, но переписка ихъ не богата историческимъ содержаніемъ и касается болѣе обыденныхъ предметовъ.

ГЕЛЛЕРТЪ, ХРИСТЛИБЪ-ЭРГОТТЪ, адъюнктъ и конректоръ академической гимназіи.

Его сочиненія и статьи перечислены (не вполнѣ) въ Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, IV., 78, 79; а біографическія извѣстія въ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, von Ersch und Gruber, Erste section, LVII, 1, 2.

Геллертъ родился въ Гэйнихенѣ (Häynichen) въ Саксоніи 11 августа 1711 года и слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ званіе магистра. Въ 1735 году онъ принялъ приглашеніе поступить на службу при петербургской Академіи и пріѣхалъ въ Россію въ одно время съ академиками Лоттеромъ и Штелинымъ и магистромъ Іоганномъ-Филиппомъ Литке (прадѣдомъ нынѣшняго президента Академіи, графа Ѳ. П. Литке). Съ 16 іюня 1735 года Геллертъ получалъ жалованье изъ Академіи по 400 рублей въ годъ, исполняя должность проректора гимназіи. Въ слѣдующемъ 1736 году, 25 іюня, онъ возведенъ въ званіе адъюнкта Академіи и проректора гимназіи [1]. Съ этого времени Геллертъ имѣлъ случай войти въ ближайшія отношенія съ тогдашними академическими знаменитостями и въ особенности съ Эйлеромъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Геллертъ съ особеннымъ рвеніемъ сталъ заниматься химіею и физикою.

Изъ современныхъ протоколовъ видно, что имъ между прочимъ читаны были въ академическихъ засѣданіяхъ статьи: 10 іюля 1741 года, Delineatio pirometri chymici и 9 сентября 1743 года, Observationes crescentis et descrescentis altitudinis fluvii nostrae Nevae dicti annis 1740, 1741 et 1742 institutae. Кромѣ того, есть его статьи, которыя печатаны въ Примѣчаніяхъ къ петербургскимъ вѣдомостямъ, напр. 1739 года, въ 27—32 нумерахъ о Вампирахъ (съ подписью G) и 1741 года, №№ 47, 48, о возвышеніи и пониженіи воды въ Невѣ [2].

Въ іюлѣ 1744 года Геллертъ, по прошенію его, былъ уволенъ изъ Академіи и возвратился въ Германію [3].

Изъ запроса коммиссіи разбора бумагъ барона Шемберга видно, что Геллертъ состоялъ въ сношеніяхъ съ этимъ лицомъ, имя котораго встрѣчается въ исторіи горнозаводскаго дѣла въ Россіи [4].

Въ 1746 году Геллертъ поселился во Фрейбергѣ, гдѣ чи-

[1] II, книги №№ 21, 430, 436.

[2] Продолженіе мюллеровской рукописи Стриттера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 687, 755.

[3] I, Протоколы 1744 года, іюня 26, и II, книга № 77.

[4] II, книга № 74.

талъ металлургическую химію, и былъ потомъ оберъ-гюттенъ-фервальтеромъ и дѣйствительнымъ бергратомъ. Геллертъ пользовался почетною извѣстностью между современными металлургами и минералогами, и саксонское горнозаводское дѣло обязано ему многими значительными улучшеніями. Младшій братъ его, Христіанъ Фюрхтготтъ Геллертъ въ свое время былъ литературною знаменитостію Германіи; но старшій, считая себя не менѣе извѣстнымъ, обижался, когда въ печати, при упоминаніи о немъ, прибавляли, что онъ братъ знаменитаго лейпцигскаго Геллерта. Христлибъ Геллертъ умеръ въ глубокой старости 18 мая 1795 года. Изъ его статей три помѣщены въ изданіи Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: XII, 293—301, De phaenomenis plumbi fusi in tubis capillaribus; 302—311, De tubis capillaribus prismaticis. XIII, 382—399, De densitate mixtorum ex metallis et semimetallis factorum.

ЛЕ РУА (LE ROY), ПЕТРЪ-ЛЮДОВИКЪ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ АКАДЕМИКЪ ПО КАѲЕДРѢ НОВОЙ ИСТОРІИ.

Біографическія извѣстія о немъ въ Gazette littéraire de Berlin de 25 juillet 1774, стр. 539. Въ архивѣ академической конференціи въ мюллеровскомъ портфелѣ—Біографіи академиковъ—есть его донесеніе 20 января 1743 года въ коммиссію, учрежденную для изслѣдованія о Шумахерѣ; современный переводъ съ этого донесенія, сдѣланный Густавомъ Фрейгангомъ, въ книгѣ № 786. Здѣсь можно найти свѣдѣнія о его занятіяхъ въ Академіи и копію съ заключеннаго съ нимъ контракта.

Ле Руа родился 15 октября 1699 года въ Везелѣ (герцогствѣ клевскомъ) отъ французовъ, удалившихся изъ своего отечества вслѣдствіе отмѣны нантскаго едикта. Онъ учился въ Берлинѣ, а потомъ докончилъ свое образованіе во Франкфуртѣ и Галле. Въ 1731 году Ле Руа былъ вызванъ въ Россію для занятія мѣста наставника при старшемъ сынѣ Бирона, а 5 мая 1735 года баронъ Корфъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Ле Руа возведенъ въ званіе экстраординарнаго академика по новой исторіи, съ обязательствомъ имѣть надзоръ за храненіемъ картъ и статей географическаго департамента, за что

получалъ жалованье 660 р., включая сюда квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Баронъ Корфъ ввелъ его въ академическое засѣданіе 19 мая 1735 года и, рекомендуя академикамъ, выразилъ при томъ надежду, что изъ нихъ никто не станетъ возражать противъ такого назначенія. Послѣ краткой французской рѣчи Ле Руа занялъ мѣсто между прочими сочленами[1]).

Въ академическихъ засѣданіяхъ 21 февраля и 4 марта 1737 года Ле Руа представлялъ статью своего сочиненія De epitaphio Adami in insula Ceylo inviniendo, гдѣ доказывалось невѣроятность предложенія, чтобы на островѣ Цейлонѣ могла находится эпитафія прародителю человѣческаго рода. Это чтеніе было неудачно для автора: многіе изъ академиковъ возражали противъ него, а Байеръ даже просилъ, чтобы въ статьѣ не было упоминаемо его имени. Президентъ кончилъ диспуты объявленіемъ, что такъ-какъ обязанность историка подкрѣплять свои выводы точными свидѣтельствами, а Ле Руа въ своей статьѣ этого не выполнилъ, то она и не можетъ быть одобрена[2]).

1 мая 1738 года, баронъ Корфъ разрѣшилъ Ле Руа не присутствовать по пятницамъ въ академическихъ засѣданіяхъ по тому уваженію, что въ этотъ день онъ занимался съ сыномъ Бирона, Карломъ. Съ іюня 1739 года этотъ академикъ преподавалъ французскій языкъ въ академической гимназіи. 9 декабря 1743 года, онъ читалъ въ академическомъ засѣданіи Analecta de frigore maximo quo hyemes quaedem notabiles fuere; 9 февраля 1744 года — de hyemis asperitate; 28 сентября того-же года — Iridis insolitae Petropoli observatae brevis descriptio[2]).

Въ 1744 году ему было поручена должность инспектора гимназіи. 29 февраля 1748 году онъ былъ уволенъ отъ этой обязанности и сдѣланъ архиваріусомъ въ академической конференціи и помощникомъ конференцъ-секретаря[4]).

10 августа 1748 года академическая канцелярія постано-

---

[1]) I, протоколы 1735 года.
[2]) I, протоколы 1737 года.
[3]) I, протоколы 1738 и 1744 годовъ.
[4]) II, книги №№ 115 и 457.

вила: „понеже по отправленіи Герарда-Фридриха Мюллера, профессора исторіи, въ Камчатку, принятъ чрезвычайнымъ профессоромъ исторіи Петръ Ле Руа, дабы историческія лекціи остановлены не были, однако оный ординарный профессоръ исторіи Мюллеръ изъ Камчатки возвратился и въ свою должность по прежнему вступилъ, притомъ же — и въ дѣло профессора Фишера, а въ академическомъ регламентѣ нѣтъ экстраординарныхъ профессоровъ, да и высокому ея императорскаго величества интересу таковыхъ имѣть противно, чтобъ деньги напрасно давать, того ради опредѣлено помянутаго Петра Ле Руа изъ службы академической уволить и дать ему абшидъ“... [1])

По порученію президента и академической Канцеляріи, Ле Руа, въ бытность свою при академіи, дѣлалъ многіе переводы съ нѣмецкаго на французскій языкъ, какъ-то: La déscription d'un cadran solaire universel, composé par Isaac Brukner; La Déscription de la maison de glâce, composée par Krafft; Les remarques de M. le professeur Heinsius sur la comète apparue au commencement de l'année 1742, первые выпуски Sammlung Russischer Geschichte [2]); La déscription du plan de la ville de Moscou переведено имъ съ латинскаго на французскій и нѣмецкій, а трактатъ между Россіею и Англіею — съ французскаго на нѣмецкій; съ нѣмецкаго есть его же переводъ на французскій описанія иллюминаціи и фейерверка по случаю дня рожденія великаго князя Петра Ѳедоровича. Наконецъ, онъ же переводилъ на французскій языкъ, по требованію сената, разные указы, трактаты и всѣ реляціи о подвигахъ русскихъ войскъ противъ Турокъ.

По выходѣ изъ Академіи, Ле Руа принятъ былъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ въ гувернеры къ его двумъ сыновьямъ и его племяннику Хитрово. По возвращеніи его питомцевъ изъ заграничнаго путешествія, Ле Руа оставилъ

---

[1]) II, книга № 457.

[2]) Баронъ Корфъ намѣревался издать этотъ сборникъ на французскомъ языкѣ, и по этому предмету была у него переписка въ 1738 году съ Руссе. См. II, книга № 445.

Россію и жилъ заграницею, получая пенсію въ четыреста талеровъ отъ графа Андрея Петровича Шувалова. Ле Руа умеръ холостымъ 6 іюля 1774 года.

МУЛА, ФРИДРИХЪ, адъюнктъ по каѳедрѣ высшей математики.

Печатныхъ извѣстій о немъ не найдено; только въ Fortsetzung und Ergäntzungen von Jocher's Gelehrten Lexicon von Adelung und Rottermund, IV, 2197, есть упоминаніе, что нѣкто Moulac (sic) былъ въ петербургской Академіи, оставилъ ее въ 1745 г., а потомъ сдѣланъ членомъ (?) берлинской Академіи наукъ.

Мула, родомъ изъ Невштателя, пріѣхалъ въ Петербургъ съ графомъ Иваномъ Гавриловичемъ Головкинымъ. 3 ноября 1735 года онъ представилъ академической конференціи какія то свои пробныя сочиненія [1]), а 23 января 1736 года баронъ Корфъ назначилъ его адъюнктомъ, съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ, включая сюда квартирныя и пр. деньги [2]). Это опредѣленіе состоялось по ходатайству Эйлера, котораго просилъ за Мула Даніилъ Бернулли [3]).

13 октября 1737 года Эйлеръ писалъ къ барону Корфу: „получивъ милостивое приказаніе вашего превосходительства рѣшить съ г. Мула, какъ съ подвѣдомственнымъ мнѣ адъюнктомъ, о предметѣ, который онъ долженъ избрать себѣ для обработки, я предложилъ ему преимущественно предъ прочими Methodum maximorum et minimorum ad figuras rectilineas applicatum, потому что этотъ предметъ нигдѣ еще достаточно не обработанъ, а между тѣмъ для высшей геометріи онъ весьма полезенъ. Вслѣдствіе того г. Мула началъ уже работу и будетъ продолжать ее, если это ваше превосходительство одобрите“ [4]). Въ академическихъ засѣданіяхъ 5 ноября 1737 и 15 декабря

---

[1]) Въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 586.

[2]) II, книга № 434.

[3]) Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres geomètres du XVIII siècle publiée sous les auspices de l'Académie des scinces de S.-Pétersbourg par P. Fuss, II, 431 432.

[4]) Eingekommende Briefe von Anno 1737.

1738 года онъ читалъ статьи по избранному имъ предмету. Кромѣ того, Мула взялъ на себя 27 марта 1738 года переводъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ Schiffer-Reglement, о чемъ адмиралтейство просило Академію [1]).

Мула уволенъ изъ Академіи 10 іюля 1744 года [2]). Изъ письма къ нему Шумахера въ Москву 24 декабря 1744 года видно, что Мула рѣшился тогда сопутствовать камергеру графу Головкину въ поѣздкѣ его въ чужіе краи [3]). Въ академическомъ засѣданіи 6 мая 1745 года читано было письмо Мула къ Ле Руа о назначеніи его профессоромъ при гимназіи въ Берлинѣ [4]). Въ одной изъ жалобъ своихъ на Шумахера, 24 іюля 1745 года, академики, между прочимъ, писали: „адъюнктовъ онъ двухъ [5]) отпустилъ въ прошломъ году, безъ вѣдома Академіи, людей достойныхъ, изъ которыхъ одинъ, какъ только пріѣхалъ въ Берлинъ, отъ прусскаго короля опредѣленъ въ профессора, и они бы не поѣхали отсюда, ежели бы хотя малая имъ надежда была къ возвышенію въ чины или къ прибавленію жалованья, а мѣстъ при Академіи довольно“... [6]).

Въ архивѣ академической конференціи сохранилось письмо Мула, 2 августа 1747 года, изъ Венеціи, любопытное тѣмъ, что онъ здѣсь разсказываетъ объ открытіи Геркуланума, какъ о новости: „у подошвы Везувія открыли одну изъ ужасныхъ жертвъ — я хочу назвать городъ Геркуланумъ, который вмѣстѣ съ Помпеей провалился и былъ погребенъ отъ землетрясенія и одного изъ изверженій, довольно обыкновенныхъ въ Везувіѣ и Этнѣ“. Мула былъ на роскопкахъ и описываетъ нѣкоторые изъ найденныхъ при немъ предметовъ [7]). Въ 1749 году Мула является снова въ Россіи, и въ Санктпетербургскихъ

---

[1]) I, Протоколы академическихъ засѣданій 1737 и 1738 годовъ.

[2]) II, книга № 77.

[3]) Исходящія письма, 1743—1747 годовъ.

[4]) Протоколы 1745 года.

[5]) Другой адъюнктъ, о которомъ здѣсь намекаютъ академики, былъ Геллертъ.

[6]) Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 49, 50.

[7]) I, Eingekommende Briefe von 1747 bis 1779.

вѣдомостяхъ № 13, стран. 104, объявлялось о его отъѣздѣ изъ Петербурга.

Изъ напечатанныхъ статей Мула извѣстна одна, помѣщенная въ IX-омъ томѣ Comentarii Academiae scientiarum petropolitanae, стр. 138—157, De maximis in figuris rectilineis.

ЛИБЕРТУСЪ, ІОГАННЪ-ХРИСТОФОРЪ, академикъ по каѳедрѣ астрономіи.

Отправленные въ ученое путешествіе по Сибири академики Мюллеръ и Гмелинъ не разъ доводили до свѣдѣнія Академіи, что третій товарищъ ихъ Людовикъ Делиль де-ла-Кройеръ не въ состояніи принести большой пользы какъ для астрономіи, такъ и для географіи, почему Академія старалась о пріисканіи за границею другаго ученаго, который могъ бы замѣнить его. Германскіе астрономы Христофоръ Кирхъ и Вейдлеръ рекомендовали по этому случаю Либертуса, о которомъ Вейдлеръ отзывался, что онъ est egregium ingenium in inveniendis operationibus practicis, totius Matheseos maxime Mechanicae peritus, etiam Algebrae et Astronomiae [1]). На основаніи такихъ отзывовъ, тогдашній президентъ, баронъ Корфъ постановилъ: „выписать изъ за моря профессора астрономіи, а именно Либертуса“... [2]). Въ февралѣ 1736 года онъ прибылъ изъ Берлина, гдѣ жилъ до того времени, въ Петербургъ. Здѣсь ему было назначено 630 рублей до тѣхъ поръ, пока не отправится онъ въ путешествіе, и—1260 руб., когда онъ поѣдетъ въ Сибирь. Нѣсколько разъ потомъ академическая конференція спрашивала Либертуса: намѣренъ ли онъ, согласно заключенному съ нимъ контракту, ѣхать въ Сибирь? Опредѣлительнаго отвѣта канцелярія отъ Либертуса не получала, а „между тѣмъ, говоритъ Стриттеръ, скоро нашли, когда ближе узнали г. Либертуса, что онъ не владѣетъ потребною способностію для своего предназначенія“ [3]). 1 сентября 1737 года онъ былъ уво-

---

[1]) I, Eingekommende Briefe 1736.
[2]) II, книга № 17.
[3]) Продолженіе мюллеровской рукописи, Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 589.

ленъ изъ Академіи потому, какъ сказано въ опредѣленіи, что онъ, по слабости здоровья, не былъ въ состояніи предпринять путешествія въ Сибирь [1]). Либертусъ оставилъ послѣ того Россію, и о дальнѣйшей его судьбѣ извѣстій никакихъ не отыскалось.

ВИЛЬДЕ, ІОГАННЪ-ХРИСТІАНЪ, экстраординарный академикъ по каѳедрѣ анатоміи.

Извѣстія о его трудахъ въ Recueil des actes de la séance publique de l'Académie des sciences de S.-Pétersbourg, tenue le 29 décembre 1831, Versuch einer kurzen Uebersicht der Fortschritte, welche die Kenntniss der thierichen Körper den Schriften der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg verdankt, von J. F. Brandt, III, 112.

Вильде былъ родомъ изъ Цюллихау въ Пруссіи и опредѣленъ въ Академію наукъ адъюнктомъ по анатоміи и прозекторомъ, 27 февраля 1736 года, съ жалованьемъ по 460 р. въ годъ [2]). При этомъ эму была дана обширная инструкція, по полученіи которой онъ объявилъ, что за неимѣніемъ анатомическаго театра, а также книгъ, инструментовъ и слушателей, ему нѣтъ возможности выполнить такую инструкцію. Академическая канцелярія отвѣчала ему, что все это современемъ будетъ, а теперь ему слѣдуетъ заниматься анатоміею или тѣмъ, что поручено будетъ. Вслѣдствіе того, Вильде анатомировалъ трупы человѣческіе и животныхъ, присылаемые изъ разныхъ мѣстъ, дѣлалъ препараты, собиралъ скелеты [3]). Какъ образчикъ академическихъ обычаевъ стараго добраго времени, можно привести случай съ Вильде: 1 августа 1736 года онъ явился въ первый разъ въ академическое засѣданіе и сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ академиками. Замѣтивъ это, баронъ Корфъ, тогдашній президентъ, объявилъ ему, что онъ не въ правѣ сидѣть съ ака-

---

[1]) II, книга № 32.

[2]) II, книга № 436.

[3]) II, книга № 786. Здѣсь есть современный переводъ его автобіографическихъ показаній. Написанные на нѣмецкомъ языкѣ они хранятся въ архивѣ академической конференціи, въ томъ портфелѣ Мюллера, который озаглавленъ «Біографіи академиковъ, № 11».

демиками, такъ-какъ состоитъ только въ званіи адъюнкта и имѣетъ мѣсто позади креселъ академиковъ [1]).

2 мая 1738 года, академическая канцелярія постановила, по случаю болѣзненности академика Дювернуа и увольненія отъ службы академическаго лекаря Киснера, послать указъ къ доктору Вильде „что ему, кромѣ своей прозекторской должноkти, которую онъ по контракту исполнять обязался, публичныя лекціи держать и академическихъ больныхъ пользовать и осматривать, и для того быть оному де-Вильде при Академіи наукъ профессоромъ экстраординаріи (sic), а за показанный его трудъ прибавить къ прежнему жалаванью по 200 руб.“...[2]).

Вильде уволенъ изъ Академіи, по его прошенію, 5 іюля 1744 года [3]), отчасти потому, что у него были нерѣдко неудовольствія съ академикомъ Вейтбрехтомъ. О дальнѣйшей его судьбѣ и годѣ смерти свѣдѣній не имѣется.

Въ XII-омъ томѣ Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae помѣщены двѣ статьи Вильде, а именно: стр. 312—326, Observationes anatomicae rariores; 327—329, De renibus succenturiatis in puero disquisitis notata. Кромѣ этихъ статей, въ Палласовой Зоографіи напечатана его статья о зубрахъ, а слѣдующія остались въ рукописяхъ:

Liber actorum et relationum ex inspectis dissectisque hominum atque brutorum corporibus erutorum collectorumque; Observationes inter dissecandum occurrentes notabiliores; Exercitatio diagnoseos circa partes genitales, quae vitiales quatuor hominum Sibiricorum; De quatuor puerum urethrae orificio; De Hydrocephalo singulari; De gallina monstrosa; De elephante; De intestino colo; De concremento quodam echinato; De vertebra prima colli in dextro latere tegmine osseo instructo.

МЕРЛИНГЪ, (MEURLING) ГЕОРГЪ, адъюнктъ и проректоръ, а потомъ ректоръ академической гимназіи.

О происхожденіи и ученой дѣятельности Мерлинга не со-

[1]) Стриттеръ въ рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg.

[2]) II, книга № 38.

[3]) II, книга № 77.

хранилось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что 25 января 1736 года былъ заключенъ съ нимъ контрактъ, въ силу котораго онъ былъ возведенъ въ званіе адъюнкта, съ назначеніемъ въ тоже время проректоромъ академической гимназіи. 5 марта 1736 года, баронъ Корфъ подписалъ удостовѣреніе, что если Мерлингъ, отправившійся тогда въ Швецію, возвратится снова въ Петербургъ, то, въ уваженіе его основательныхъ знаній, будетъ опять принятъ въ Академію съ прежними званіями [1]). Въ ноябрѣ 1737 года печатались въ академической типографіи на счетъ Мерлинга „сочиненная на шведскомъ языкѣ предика", и „карменъ" на шведскомъ же языкѣ [2]). По отъѣздѣ адъюнкта Фишера въ ученое путешествіе по Сибири, въ 1738 году Мерлингъ былъ назначенъ ректоромъ академической гимназіи, въ каковомъ званіи онъ умеръ 25 августа 1741 года [3]).

ГЕИНЗІУСЪ (HEINSEUS) ГОТФРИДЪ, экстраординарный академикъ по каѳедрѣ астрономіи.

Извѣстія о немъ: Fortsetzung und Ergäntzungen zu C. G. Jocher's allgemeinen Gelehrten Lexico, von J. C. Adelung, II, 1877, 1878; J. G. Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, V, 308—310. Здѣсь довольно подробный указатель всѣхъ изданныхъ имъ сочиненій и брошюръ. О трудахъ Геинзіуса по составленію русскихъ картъ, см. Записки Академіи наукъ, IX, приложеніе № 2, статья г. Свенске «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изданнаго Академіею наукъ въ 1745 году,» стр. 149, 186—188. Отзывъ Геинзіуса касательно рѣчи Ломоносова объ электричествѣ—Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865 года), 252—256.

Геинзіусъ родился въ Наумбургѣ въ Заале въ апрѣлѣ 1709 года; слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ сначала богословія, но потомъ скоро посвятилъ себя исключительно математикѣ. Въ 1734 году, въ томъ же университетѣ онъ удостоенъ званія магистра философіи и получилъ мѣсто приватъ-

[1]) II, книга № 436.
[2]) II, книги №№ 33 и 439.
[3]) II, книги №№ 787 и 113.

доцента. Здѣсь онъ написалъ нѣсколько полемическихъ разсужденій въ защиту Картезія противъ Лейбница de viribus motricibus.

Геинзіуса рекомендовали нашей Академіи Вейдлеръ (изъ Виттенберга) и Кирхъ (изъ Берлина). Первому изъ нихъ казались очень удачными наблюденія, изданныя въ свѣтъ Геинзіусомъ о затмѣніяхъ, а второй сообщалъ, что этотъ молодой ученый, кромѣ практической астрономіи, очень свѣдущъ въ чистой математикѣ. 15 апрѣля 1736 года, Вейдлеръ извѣстилъ Николая-Іосифа Делиля, что Геинзіусъ принимаетъ предложенные ему изъ Петербурга: мѣсто профессора астрономіи съ жалованьемъ по 660 руб. въ годъ и 150 рублей на путевыя издержки. По словамъ Вейдлера, Геинзіусъ отправился въ Петербургъ главнѣйше для того, чтобы пользоваться свѣдѣніями и руководствомъ такого опытнаго астронома, каковымъ былъ Делиль, но что, впрочемъ, у Геинзіуса есть состояніе, и онъ могъ бы надѣяться хорошо устроить свою судьбу въ Лейпцигѣ [1]). По контракту его, хранящемуся въ бумагахъ 1736 года, онъ обязывался, въ качествѣ экстраординарнаго академика, производить астрономическія наблюденія и помогать въ работахъ старшему астроному Николаю-Іосифу Делилю [2]).

Геинзіусъ прибылъ въ Петербургъ 1 сентября 1736 года. По его собственнымъ показаніямъ [3]), онъ, кромѣ чтенія лекцій, дѣлалъ наблюденія на академической обсерваторіи или вмѣстѣ съ Делилемъ, или одинъ съ 17 сентября 1736 года по 2 сентября 1741 года, т. е. по день его ссоры съ первымъ астрономомъ, о которой было уже говорено выше въ жизнеописаніи Делиля, на стр. 133, 134. Когда послѣдній былъ устраненъ отъ работъ по географическому департаменту, то Геинзіусъ, вмѣстѣ съ Эйлеромъ и Винцгеймомъ, трудился надъ составленіемъ картъ Россіи, за что ему была назначена (15 апрѣля 1740 года) прибавка жалованья по 200 рублей въ годъ.

---

[1]) I, Eingekommenden Briefe von anno 1734 bis 1736, и Eingekommende Briefe von anno 1736.

[2]) I, Ausgehende Briefe 1736, 1737.

[3]) Они написаны въ январѣ 1743 года, переведены тогда же на русскій Голубцевымъ и хранятся II, книга № 786, а въ академической библіотекѣ перваго отдѣленія въ рукописи in f⁰, № 125.

Въ продолженіе пребыванія Геинзіуса въ Россіи имъ представлены были слѣдующія статьи для Комментарій и для храненія въ архивѣ Академіи [1]): a) О затмѣніи луны частномъ горизонтальномъ, примѣченномъ въ Санктпетербургѣ сентября 5 дня н. ст., съ изъясненіемъ, какимъ образомъ обсервація учинена, также и съ показаніемъ разныхъ слѣдствій, оттуда зависящихъ. b) О проходѣ луны чрезъ звѣзду Гіады января 2 дня 1738 года по н. ст., въ Санктпетербургѣ примѣченномъ, купно съ показаніемъ способа, какъ надлежитъ назначать мѣсто звѣзды въ разсужденіи луны, когда сія чрезъ оную проходитъ. c) О закрытіи звѣзды Палилиціума отъ луны октября 2 дня 1738 года по н. с., въ Санктпетербургѣ наблюденномъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями о величинѣ звѣздъ, отъ великаго свѣту показывающейся. d) О переходѣ луны къ звѣздѣ Палилиціумѣ марта 15 числа 1739 года по н. с., въ Санктпетербургѣ примѣченномъ. e) О солнечномъ затмѣніи августа 4 дня 1739 года по н. с., въ Санктпетербургѣ примѣченномъ, съ толкованіемъ, какимъ образомъ такія обсерваціи во время учинившагося затмѣнія исправлять надлежитъ. f) О переходѣ луны къ Сатурну, въ Санктпетербургѣ 1 дня 1740 года по н. ст. усмотрѣнномъ. g) О опредѣленіи склоненія звѣздъ безъ помощи точнаго знанія высоты экватора. h) О затмѣніи луны частномъ, января 1 дня 1741 года по н. ст. усмотрѣнномъ, съ нѣкоторыми слѣдствіями. i) О затмѣніяхъ спутниковъ юпитеровыхъ, съ мѣсяца марта 1740 году до самаго конца того года въ Санктпетербургѣ примѣченныхъ. k) О переходѣ луны къ Юпитеру, сентября 13 дня 1740 году по н. ст. усмотрѣнномъ. l) Журналъ астрономическихъ обсервацій, въ бытность г. Делиля въ Сибири, на императорской абсерваторіи мною учиненныхъ [2]). m) Разсужденіе о видимыхъ кругахъ планетныхъ.

---

[1]) Заглавія сообщены здѣсь какъ они сдѣланы были въ современномъ переводѣ Голубцева.

[2]) Ко времени управленія Геинзіусомъ обсерваторіею, по случаю отсутствія Делиля изъ Петербурга, относится представленіе перваго изъ нихъ, сдѣланное барону Корфу: Unterthänige Vorstellung wegen Übernahme des observatorii bei der Abreise des H. de l'Isle zu Ende des Februarii 1740. См. II, книга № 50.

n) Способъ, какъ надлежитъ, по силѣ параболическихъ линій, изъ данныхъ трехъ усмотрѣнныхъ кометы явшейся мѣстъ сыскать путь оныя. Сочиненъ по образцу г. Эйлера и въ августѣ 1742 года въ Академію поданъ (По латини Геинзіусъ выразилъ это такъ: Methodus per constructionem orbitam Cometae parabolicam inveniendi ex datis tribus ejus locis observatis, concinnata a me, etc.). o) О секстантѣ стѣнномъ императорскія обсерваторіи въ Санктпетербургѣ. За тѣмъ слѣдующія статьи Геинзіуса напечатаны въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ: О видимой величинѣ звѣздъ, 1838 года, №№ 7, 8, 9, 12 — 16. О свѣтѣ зодіака и о солнечной атмосферѣ, 1739 года №№ 45 — 48. О сѣверномъ сіяніи, 1740 года, №№ 80 — 86. О явившейся въ 1742 году кометѣ, №№ 33—40. О сочиненіи ландкартъ, 1742 года, №№ 85 — 89.

Кромѣ того, при Академіи издано было отдѣльно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ „Описаніе въ началѣ 1744 года явившейся кометы, купно съ нѣкоторыми учеными объ ней разсужденіями чрезъ Готфрида Геинзіуса, съ приложеніемъ сокращеннаго разсужденія о состояніи и свойствахъ всѣхъ кометъ, перевед. изъ Шамборовой Энциклопедіи“, С.-Петербургъ 1744 [1]).

Въ апрѣлѣ 1743 года Геинзіусъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ Академіи, на что послѣдовало рѣшеніе изъ сената въ указѣ 22 мая 1744 года [2]), и въ засѣданіи 26 іюня того же года онъ прощался съ академиками. Кончина профессора Гозена, бывшаго наставника Геинзіуса, доставила послѣднему случай занять каѳедру математики въ лейпцигскомъ университетѣ. Геинзіусъ былъ всегда сторонникомъ Шумахера, а потому съ 1747 года, вмѣстѣ съ свойственникомъ академическаго совѣтника Крафтомъ, получалъ исправно изъ Академіи пенсію въ качествѣ почетнаго члена ея.

Нѣкоторое время въ Лейпцигѣ былъ на попеченіи Геинзіуса академическій адъюнктъ Котельниковъ. Кромѣ того,

---

[1]) Русскій переводъ сочиненія Геинзіуса принадлежитъ Ломоносову, за что ему дано 6 экз. Описанія. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 55.

[2]) II, книга №№ 76, 87.

этотъ профессоръ обратилъ вниманіе Академіи на двухъ малороссіянъ, по собственной охотѣ слушавшихъ лекціи въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ лейпцигскомъ университетѣ, Козицкаго и Мотониса. Геинзіусъ о нихъ отзывался постоянно съ великими похвалами, и, благодаря этому обстоятельству, названные молодые люди окончили свое образованіе за границею на счетъ Академіи и послѣ были нѣкоторое время ея адъюнктами.

При содѣйствіи Геинзіуса, въ нашу Академію были приглашены академики Гебенштрейтъ [1]), Цейгеръ и адъюнктъ Шмидтъ, а для московскаго университета имъ же рекомендованы и отправлены въ Россію профессора: Рейхель и Кёлнеръ. Объ этихъ обстоятельствахъ сохранились подробности въ перепискѣ Геинзіуса съ исторіографомъ Мюллеромъ.

4 марта 1754 года, Геинзіусъ писалъ къ Шумахеру: „Іохеръ, по своей благосклонности, велѣлъ выгравировать на мѣди портреты здѣшнихъ (т. е. лейпцигскихъ) профессоровъ для своихъ Deutsche acta eruditorum. Онъ сдѣлалъ также и мнѣ эту честь, и я беру смѣлость приложить при семъ одного такого малаго Геинзіуса, почтительнѣйше поручая подлинникъ его дальнѣйшей высокочтимой благосклонности и воспоминанію [2]). Портретъ Геинзіуса, работы Штока значится также у W. Drugulin's Allgemeiner Portrait-Katalog (Leipzig, 1860), № 8740.

6 августа 1763 года Геинзіусъ писалъ къ Мюллеру: „по возвращеніи моемъ съ водъ, я, къ величайшему моему удовольствію, встрѣтилъ русскаго знакомца — это графа Орлова, достойнѣйшаго кавалера, который своимъ благонравіемъ и великимъ прилежаніемъ дѣлаетъ большую честь нашему университету. Онъ уже хорошо говоритъ по-нѣмецки, и я часто болтаю съ нимъ, примѣшивая русскія слова"... [3]).

Геинзіусъ умеръ 21 мая (н. ст.) 1769 года въ Лейпцигѣ.

---

[1]) См. письмо Шумахера къ Теплову 20 февраля 1749 года. I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

[2]) I, Входящія письма 1754—1769 годовъ.

[3]) I, Eingekommende Briefe von Anno 1760 bis 1763 г. Здѣсь Геинзіусъ разумѣлъ графа Владиміра Орлова, который отправленъ за границу послѣ возвышенія его брата, Григорія.

Слѣдующія статьи Геинзіуса напечатаны въ изданіяхъ нашей Академіи наукъ:

Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: IX, 425—452, Observatio eclipsis lunaris die 8 Septempris 1737 st. n. Petropoli habita. X, 469—509, De transito lunae per Hyades d. $\frac{\text{22 Decembr.}}{\text{2 Ianuar.}}$ an. 173$\frac{7}{8}$ et methodo determinandi locum stellae ad lunam, quando haec istam transit. XI, 363 — 373, Occultatio Palilicii a luna d. $\frac{\text{21 Septembr.}}{\text{2 Octobr.}}$ 1738 Petropoli observata; 374—378, Observatio transitus lunae ad Palilicium d. $\frac{4}{15}$ Martii 1739 Petropoli habita. XII, 333—348, Observatio eclipsis solaris d. $\frac{\text{24 Julii}}{\text{4 august.}}$ 1739, in observatorio imperiali petropolitano habita; 349 — 351, Observatio transitus lunae ad Saturnum die $\frac{\text{20 April.}}{\text{1 Maii}}$ an. 1740 Petropoli habita; 352—364, De declinationum syderum determinatione absque exacta elevationis aequatoris cognitione. XIII, 226 — 299, De orbitarum apparentiis; 461 — 470, Observatio eclipseos lunae partialis $\frac{\text{d. 21 Decembr 1740}}{\text{d. 1 Januar. 1741}}$ in observatorio imperiali petropolitano habita; 471, Eclipses satellitum Jovis a mense Martio usque ad finem an. 1740 Petropoli visae; 472—474, Transitus lunae ad Jovem d. $\frac{2}{13}$ Septembr. 1740 stylo astronomico Petropoli observatus. XIV, 385—392, De situ geographico Jakuti (Jakutsk) urbis Sibiriae ad fluvium Lenam sitae.

Novi Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: I, 464—471, Observationes aliquot coelestes Lipsiae habitae aestate an. 1746; 472—474, Continuatio observationum astronomicarum Lipsiae habitarum an. 1746 styl. nov. temp. vero; 475—481, Continuatio observationum Lipsiensium an. 1747 styl. nov. habitarum. II, 401—412, Observatio eclipsis lunae partialis d. 8 August. st. n. an. 1748 Lipsiae habita. III, 424—426, Observatio eclipsis lunae totalis d. 19 Junii st. n. 1750 Lipsiae habita; 427 — 443, Observationum Lipsiensium anno 1748 habitarum continuatio. IV, 477—494, Observationes Lipsiae habitae an. 1749, styl. nov. V, 467 — 472, Observationes astronomicae sub finem anni 1751 Lipsiae habitae. VI, 547 — 563, Mercurius in sole visus Lipsiae d. 6 Maii st. nov. anno 1753 horis matutinis tempore civili. VII, 411 — 444, De refractionibus in oris septentrionalibus. IX, 473 — 485, Observationes aliquot astronomicae

et meteorologicae Lipsiae habitae; 494—495, Eclipsis solis Lipsiae visa horis matutinis d. 13 Junii styl. nov. temp. civilis an. 1760; X, 473—500, De Venere in Sole visa Lipsiae an. 1761 d. 6 Junii styl. nov. horis matutinis temp. civili; 501—543, De effectu parallaxis in transitu Veneris per solem. XI, 539—540, Eclipsis solis insignis d. 1 april. an. 1764 styl. nov. temp. civ. observatio Lipsiae habita; 541—556, Ad observationem eclipsis solis d. 1 april. st. n. temp. civil. 1764 Lipsiae peractam additamentum; 557—566, Observationes aliquot coelestes ann. 1765 et 1766 Lipsiae habitae.

МИГЕНДЪ (MYGEND) ФРАНЦИСКЪ, адюнктъ химіи.

1 октября 1736 года былъ заключенъ въ Академіи наукъ съ студентомъ медицины Мигендомъ, родомъ изъ Ютландіи, контрактъ, по которому онъ былъ назначенъ адъюнктомъ химіи, съ правомъ присутствованія въ академическихъ засѣданіяхъ и жалованьемъ по 360 р., включая сюда квартиру, отопленіе и освѣщеніе [1]). Онъ былъ недолго при Академіи, и 20 мая 1737 года ему выдали паспортъ на отъѣздъ изъ Россіи [2]). Мигенда мало знали даже современные академики. Такъ Эйлеръ писалъ къ Шумахеру изъ Берлина 21 декабря 1748 года: „у здѣшняго вѣнскаго посланника секретаремъ Мигендъ, который мнѣ сказывалъ, что онъ прежде состоялъ въ службѣ императорской Академіи, но я его не помню“... [3]).

МАЛЯРДЪ, МИХАИЛЪ адъюнктъ, занимавшійся переводами.

Извѣстія о немъ: Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русск. яз. и словесности Академіи наукъ, IV, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, г. Чистовича, стр. 591—596; Русскій Архивъ, 1869 года, № 3, 578—581. Письмо къ Малярду Ѳеофана Прокоповича и отвѣтъ его касательно спорныхъ пунктовъ между Цер-

---

[1]) II, книга № 436.

[2]) II, книга № 30 и 438.

[3]) I, Входящія письма 1748—1749 годовъ.

квами восточною и западною въ книгѣ Theophanis Procopowitz Miscellanea sacra variis temporibus edita (Бреславль, 1744); а русскій переводъ этого письма указанъ Востоковымъ въ Описаніи рукописей Румянцовскаго музея (Спб., 1842), 793. Князь Антіохъ Кантемиръ въ письмѣ, напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ, называетъ его Мильярдомъ (?). Г. Стоюнинъ, полагая, что это имя нарицательное, писалъ про Малярда «какой-то Милордъ», см. Вѣстникъ Европы 1867 года, Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ», стр. 115.

Малярдъ былъ французъ, удалившійся въ Англію вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Въ Лондонѣ онъ получилъ мѣсто пастора и пользовался пособіемъ изъ суммы, назначенной англійскою королевою Анною на содержаніе неимущихъ протестантскихъ изгнаниковъ изъ чужестранцевъ. При распредѣленіи этой суммы поступили несправедливо, почему Малярдъ напечаталъ книгу въ обличеніе распорядителей по этому дѣлу. Въ 1733 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь изъявилъ желаніе быть присоединеннымъ къ православной Церкви. По этому поводу новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ къ нему письмо съ требованіемъ письменнаго отъ него изложенія преданій, принимаемыхъ православною Церковью, и опроверженія другихъ вѣроисповѣданій. Малярдъ это исполнилъ, и послѣ того былъ принятъ въ православіе 9 іюня 1734 года. Что́ потомъ дѣлалъ Малярдъ въ Россіи до 1736 года неизвѣстно, а 23 мая того года, изъ сената послѣдовалъ указъ въ Академію наукъ, въ которомъ дано было знать: „Михаилу Андреевичу сыну Малярдову [1]), который былъ пасторомъ и въ 1735 (sic) году воспріялъ вѣру греческаго исповѣданія, и по приговору правительствующаго сената апрѣля 2 дня сего 1736 года велѣно его опредѣлить въ Академію наукъ", съ жалованьемъ по 25 рублей въ мѣсяцъ и „до аппробаціи быть ему въ той Академіи конректоромъ латинскаго, французскаго и англійскаго языковъ". 11 октября 1736 года сенатъ, въ дополненіе къ предыдущему указу, извѣстилъ, что Малярду

---

[1]) У Малярда воспріемникомъ былъ извѣстный начальникъ тайной канцеляріи Андрей Ушаковъ. Въ собственноручныхъ подписяхъ Малярдъ называлъ себя «Михаилъ Андреевичь Малярдовъ». II, книга № 41.

быть при Академіи адъюнктомъ съ жалованьемъ по 350 рублей въ годъ. Вслѣдствіе послѣдняго указа, Шумахеръ, 3 декабря 1736 года, подписалъ въ академической канцеляріи такое постановленіе: „до прибытія Академіи наукъ главнаго командира, дѣйствительнаго камергера барона фонъ-Корфа ему, Малярдову, переводить съ англійскаго на французскій діалектъ книги"... [1]) Съ тѣхъ поръ Малярдъ значился въ спискахъ состоящихъ при Академіи адъюнктовъ и занимался переводами: такъ, 22 апрѣля 1737 года, онъ представилъ въ академическую конференцію переводъ статьи о селезенкѣ; 5 октяря 1737 года его же переводъ съ англійскаго на французскій Les monnaies, poids et mesures dont on se sert dans la Russie [2]). Въ 1738 году онъ переводилъ для коммерцъ-коллегіи „англійскія правы" на французскій языкъ.

17 августа 1739 года, сенатъ спрашивалъ Академію наукъ: „обрѣтающійся при той Академіи учитель (sic) Михайло Андреевъ сынъ Малярдовъ въ той Академіи какія книги, и на которыхъ языкахъ и исправно-ль переводилъ, и въ какое время оныя перевелъ?" Академическая канцелярія отвѣчала только, что Малярдъ съ нѣкотораго времени занимается переводомъ съ французскаго Richard Haklugt Voyage. Неизвѣстно, съ какою цѣлью сдѣланъ былъ этотъ запросъ; видно только, что въ спискѣ лицъ, получавшихъ жалованье изъ Академіи наукъ за декабрь 1739 года и въ слѣдующихъ годахъ имени Малярда болѣе не встрѣчается, также какъ и изчезаютъ всякіе слѣды о его дальнѣйшемъ существованіи [3]).

БРЕМЪ, ІОГАННЪ-ФРИДРИХЪ, адъюнктъ по каѳедрѣ исторіи.

Бремъ, уроженецъ г. Ревеля, былъ принятъ на службу въ Академію по распоряженію барона Корфа, 31 января 1735 года, въ качествѣ студента для занятій при изданіи Вѣдомостей и при разныхъ академическихъ учрежденіяхъ [4]). 1 сентября

---

[1]) II, книга № 435.
[2]) I, Протоколы 1737, 1738 г.г.
[3]) II, книги №№ 47 и 49.
[4]) II, книга № 431.

1737 года, онъ произведенъ въ адъюнкты „въ третьемъ классѣ, также и при библіотекѣ, и для исполенія корректуры и сочиненія Вѣдомостей“ [1]). Въ 1743 году о занятіяхъ его отмѣчено, что онъ „трудится при библіотекѣ и пишетъ здѣшнія Вѣдомости“ [2]). Во время производства слѣдствія надъ Шумахеромъ, одинъ изъ доносителей на послѣдняго, переводчикъ Поповъ писалъ, между прочимъ, въ своихъ показаніяхъ: «адъюнктъ исторіи Бремъ получаетъ жалованья по 360 р. въ годъ; при Академіи быть не надобенъ, для того что ни лекцій не читаетъ и въ гимназіи ни чему не учитъ, и никакихъ дѣлъ нынѣ не дѣлаетъ, а употребленъ прежде сего былъ при библіотекѣ сверхъ библіотекаря и подбибліотекаря (т. е. Шумахера и Тауберта). А при той библіотекѣ можно обойтися и оными двумя особами безъ того адъюнкта Брема [3])“.

Нѣкоторыя изъ статей Брема, напечатанныхъ въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ, подписаны буквою Б, такъ напр. 1738 г., №№ 54—69, Историко-политико-географическое описаніе Женевской республики; 1739 года, №№ 42—44, О спорахъ по наслѣдству юлихъ-клеве-бергскому; 1741 года, №№ 35—40, О реихсъ-викаріяхъ въ междуцарствіе въ Римской имперіи [4]).

Стриттеръ [5]) приписываетъ Брему составленіе каталога, печатаннаго въ 1742 году подъ надзоромъ Шумахера и содержавшаго въ себѣ опись книгамъ академической библіотеки. Между-тѣмъ, Штелинъ, какъ видѣли выше, на стр. 555, присвоиваетъ положительно этотъ трудъ себѣ.

Бремъ былъ уволенъ изъ Академіи 1 августа 1747 года, для опредѣленія въ секретари юстицъ-коллегіи лифляндскихъ дѣлъ [6]).

---

[1]) II, книга №№ 32 и 439.

[2]) II, книга № 787.

[3]) II, книга № 786.

[4]) Продолженіе мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 656, 687, 755.

[5]) Продолженіе Стриттера той же мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 778.

[6]) II, книга № 107.

СТЕЛЛЕРЪ, [1]) ГЕОРГЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ, адъюнктъ по каѳедрѣ натуральной исторіи.

Первыя печатныя извѣстія о немъ сообщены братомъ его, бывшимъ медикомъ герцогини саксенъ-эйзенахской, въ V-ой части Ergötzungen vernünftiger Seelen. Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія о жизни Стеллера въ Германіи до отъѣзда въ Россію заслуживаютъ вѣроятія. Что же касается до разсказа о пребываніи его въ Сибири и Камчаткѣ, то здѣсь братъ его слѣдовалъ единственно своей фантазіи. Такъ по его разсказу выходило, напримѣръ, что Стеллеръ, вмѣстѣ съ Берингомъ, открылъ островъ между Камчаткою и Японіею, на которомъ люди носили платье іезуитскаго покроя и кланялись въ землю при имени Іисуса. Потомъ будто Стеллеръ встрѣтилъ другихъ островитянъ, обросшихъ совсѣмъ волосами и похожихъ на звѣрей. По этимъ образчикамъ можно судить о другихъ выдумкахъ этого біографа. Между-тѣмъ статья его нашла лестный пріемъ въ тогдашней нѣмецкой журналистикѣ и была перепечатана: Hamburgische Beyträge zur Historie der Gelahrheit, I; Hamburgische Korrespondent, части 199, 200, 201 и 202; Frankfurtische Zeitung и, наконецъ, Beyträge zur Historie der Gelahrheit, worinnen die Geschichte der Gelehrten unserer Zeiten beschrieben werden. 1748, I, 111—124. Въ томъ же 1748 году явилась во Франкфуртѣ: Leben G. W. Steller's etc. worin die bisher bekanntgemachten Nachrichten von dessen Reisen, Entdeckungen und Tode theils widerlegt, theils ergäntzt und verbessert werden. Это жизнеописаніе тѣмъ любопытно, что приписывается перу Іоганна-Георга Гмелина (Beckmann's Physikalisch-ökonomische Bibliothek, VI, 193), лично знавшаго Стеллера въ Сибири. Подлинника этой брошюры не находится въ Петербургѣ въ извѣстныхъ библіотекахъ, и она мнѣ извѣстна по довольно плохому, современному русскому переводу, который хранится въ академической библіотекѣ. Заглавіе его: «Житіе г. Георга Вильгельма Штеллера, бывшаго адъюнкта при императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ. Сообщенныя по нынѣ извѣстія о его путешествіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и смерти, иное опровержено, иное дополнено и поправлено». Здѣсь опровергнуты какъ помянутые басословные разсказы, такъ и извѣстіе, что будто Стеллеръ погибъ жертвою вражды къ нему какихъ-то сильныхъ враговъ. Кромѣ того, серьезныя опроверженія разсказовъ Стеллера-брата помѣщены въ переводѣ Рейхарда: Die heutige Historie oder der gegenwärtige Staat aller Nationen in Europa. Aus dem englischen des H. Salmon und H. von Hoch ins deutsche übersetzt. Altona und Leipzig, 1752, стр. 574—578. Между прочимъ здѣсь Рейхардъ раз-

---

[1]) Имя Стеллера по нѣмецки писалось различно, а именно: Stoeler и Steller; о томъ, которое было правильнѣе, между собою спорили довольно запальчиво Бюшингъ съ Шереромъ и другіе.

сказываетъ, что Стеллеръ былъ его учителемъ и короткимъ пріятелемъ въ Галле, и что онъ будто бы владѣлъ нѣкоторымъ родомъ предвѣдѣнія, такъ-что, будучи еще кандидатомъ богословіи въ 1732 году, предсказывалъ уже о своихъ будущихъ дальнихъ странствіяхъ. І. Б. Шереръ при изданномъ имъ G. W. Stellers Beschreibung von dem Lande Kamtschatka (Frankfurt и Leipzig, 1774) помѣстилъ также біографію Стеллера. Объ опроверженіяхъ Палласомъ, Бюшингомъ и другими помѣщенныхъ Шереромъ вымысловъ будетъ указано ниже въ настоящемъ жизнеописаніи. Современныя извѣстія о путешествіи Стеллера къ берегамъ Америки въ Запискахъ Академіи наукъ, XV, прилож. № 1, Архивныя разысканія объ изображеніяхъ несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis.

Стеллеръ родился 10 марта 1709 года въ Винценгеймѣ въ Франконіи; учился сначала въ гимназіи роднаго города, уѣзжая откуда произнесъ рѣчь о пользѣ физики, съ изъясненіями о громѣ и молніи; въ Виттенбергѣ слушалъ богословіе и упражнялся въ произнесеніи проповѣдей, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимался анатоміею, ботаникою и естественными науками. По окончаніи курса наукъ, Стеллеръ ѣздилъ въ Лейпцигъ, Іену и Галле. Въ послѣднемъ городѣ онъ продолжалъ свои занятія медициною и давалъ уроки въ ботаникѣ и другихъ наукахъ. Въ 1734 году, по совѣту тайнаго совѣтника Гофмана, цѣнившаго его заслуги, Стеллеръ держалъ экзаменъ изъ ботаники у доктора и профессора Людольфа, который и выдалъ ему одобрительное свидѣтельство. Вскорѣ за тѣмъ нашъ ученый отправился къ Данцигу, подъ которымъ стояла тогда русская армія; отсюда графъ Ласси отправилъ его на кораблѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ больными и ранеными солдатами. По разсказу Гмелина, „немного спустя послѣ пріѣзда г. Стеллера въ Петербургъ, для веселаго его нрава, взялъ къ себѣ въ домъ бывшій архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ, и за пользованіе больныхъ его служителей опредѣлилъ ему годовое жалованье"...[1]).

---

[1]) У Іоганна Бекмана (Physikalisch-ökonomische Bibliothek, Göttingen, 1774, VI, 194) есть другое извѣстіе о томъ, какъ Стеллеръ прибылъ въ Россію; а именно: что онъ не былъ посланъ изъ Данцига отъ Ласси съ больными солдатами, а пріѣхалъ самъ въ Петербургъ искать счастья, съ немногими копейками въ карманѣ (mit wenigen kopeiken) и тотчасъ же от-

Ѳеофанъ Прокоповичь написалъ къ нему латинскіе стихи „In moram Stelleri medici, которые, впрочемъ, могутъ быть примѣнены ко многимъ врачамъ [1]), и, кромѣ того, былъ предстателемъ за Стеллера предъ Академіею наукъ.

Уже въ 1735 году императрица Анна разрѣшила послать, сверхъ отправленныхъ прежде трехъ академиковъ, еще двухъ ученыхъ для изслѣдованія и описанія Сибири: 28 іюля 1736 года исполнявшій въ академическихъ засѣданіяхъ обязанности конференцъ-секретаря Крафтъ писалъ къ Шумахеру: „нѣкто медикъ, по имени Стеллеръ, бывшій у его преосвященства архіепископа новгородскаго, выразилъ желаніе г. камергеру (барону Корфу), чтобы его послали въ Камчатку въ качествѣ ботаника, и ему отвѣчено, что если не выписанъ на это мѣсто кто другой, то онъ будетъ прянятъ во вниманіе къ рекомендаціи архіепископа“ [2]). Впрочемъ, контрактъ съ Стеллеромъ былъ заключенъ только 7 февраля 1737 года: онъ былъ тогда принятъ на службу въ Академію адъюнктомъ натуральной исторіи при камчатской экспедиціи, съ жалованьемъ по 660 рублей въ годъ. Изъ приложеннаго при контрактѣ свидѣтельства академика Аммана видно, что Стеллеръ не только хорошо зналъ основаніе ботаники и другихъ отдѣловъ натуральной исторіи, но и выказалъ необыкновенное прилежаніе въ изслѣдованіи растеній и другихъ

правился въ ботанической садъ. Здѣсь ему встрѣтился нѣмецъ-садовникъ, который, узнавъ о его бѣдственномъ положеніи, принялъ въ немъ участіе и тотчасъ рекомендовалъ его Ѳеофану Прокоповичу, а этотъ взялъ его къ себѣ въ домъ.

[1]) Вотъ эти стихи:

Dum bonus aegroto quaerit medicamina Steller,
Lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et siccantur amicis,
Riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratum,
Haerens, cur equidem, nescio, sulus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascit ipsis,
Praevertit reditum quod fera parca suum.

(Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, Ѳеофанъ Прокоповичь и его время, IV, 623).

[2]) I, Входящія письма 1736—1739 годовъ и Тридцать четвертое присужденіе учрежденныхъ Демидовыхъ наградъ (Спб., 1866), 141, 142.

предметовъ изъ естественной исторіи, встрѣчавшихся ему въ окрестностяхъ Петербурга [1]). Разрѣшеніе изъ сената объ окончательномъ отправленіи Стеллера въ Сибирь состоялось 8 августа 1737 года, и въ концѣ этого года нашъ натуралистъ выѣхалъ изъ Петербурга по дорогѣ на Москву въ Сибирь, вмѣстѣ съ приданнымъ ему живописцомъ Иваномъ Корнильевымъ Декерномъ, прежде состоявшимъ „живописныхъ дѣлъ мастеромъ" при инженерномъ корпусѣ [2]).

Осенью 1738 года, оба путешественники достигли Томска, и здѣсь Стеллеръ сильно занемогъ горячкою, такъ-что нѣкоторое время сомнѣвались въ его выздоровленіи. По полученіи облегченія отъ болѣзни, онъ отправился далѣе и, 20 января 1739 года, прибылъ въ Енисейскъ, гдѣ зимовали тогда академики Мюллеръ и Гмелинъ. Послѣдній оставилъ въ описаніи своего путешествія любопытное изображеніе оригинала-натуралиста: „мы, говоритъ Гмелинъ, остались при прежнемъ нашемъ рѣшеніи предназначить г. Стеллера къ тому, чтобы онъ, вмѣстѣ съ г. Крашенинниковымъ, о прибытіи котораго на Камчатку мы уже получили извѣстіе, привелъ къ окончанію полное описаніе этой страны. Мы очень обрадовались, что этотъ даровитый человѣкъ, послѣ краткаго пребыванія у насъ, достаточно показалъ, что онъ былъ въ силахъ совершить такое великое дѣло и добровольно самъ предложилъ себя къ выполненію его. Если бы мнѣ пришлось предпринять это путешествіе, то, долженъ откровенно сознаться въ томъ, оно обошлось бы гораздо дороже ея величеству. Для моихъ занятій я бы взялъ съ собою болѣе людей, а для нихъ потребовалось бы болѣе продоволь-

[1]) По свидѣтельству покойнаго академика Рупрехта, Стеллеромъ составленъ каталогъ гербаріевъ Рюйша и Аммана, напечатанный въ 1745 году въ книгѣ Musei imperialis Petropolitani vol. I, pars. 2. См. Очеркъ исторіи музеевъ императорской Академіи наукъ (Спб., 1865), 36.

[2]) II, книга № 439 и книга Камчатскія дѣла 1736—1739 годовъ. Не задолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Стеллеръ женился на Бригитѣ Еленѣ, урожденной Блеклеръ, вдовѣ Мессершмидта, совершившаго первое учёное путешествіе по Сибири. По разсказу Шерера, Стеллеръ вступилъ въ бракъ въ надеждѣ, что жена будетъ сопровождать его въ путешествіи; но она находила болѣе удовольствія остаться въ Петербургѣ окруженною своими обожателями. Steller's Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 21.

ствія и, слѣдовательно, значительнѣйшихъ издержекъ на переѣздъ. Мы могли сколько намъ было угодно представлять Стеллеру о всѣхъ чрезвычайныхъ невзгодахъ, ожидавшихъ его въ этомъ путешествіи,—это ему служило только большимъ побужденіемъ къ тому трудному предпріятію, къ которому совершенное имъ до сихъ поръ путешествіе служило только какъ бы подготовкою. Онъ вовсе не былъ обремененъ платьемъ. Если кто принужденъ возить съ собою по Сибири хозяйство, то оно должно быть устроено въ такихъ малыхъ размѣрахъ, въ какихъ только это возможно. У него былъ одинъ сосудъ для питья и пива, и меда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Онъ имѣлъ одну посудину, изъ которой ѣлъ и въ которой готовились всѣ его кушанья; при чемъ онъ не употреблялъ никакого повара. Онъ стряпалъ все самъ, и это опять съ такими малыми затѣями, что супъ, зелень и говядина клались разомъ въ одинъ и тотъ же горшокъ и такимъ образомъ варились. Въ рабочей комнатѣ Стеллеръ очень легко могъ преносить чадъ отъ стряпни. Ни парика, ни пудры онъ не употреблялъ, и всякой сапогъ и башмакъ были ему въ пору. При этомъ его нисколько не огорчали лишенія въ жизни; всегда онъ былъ въ хорошемъ разположеніи, и чѣмъ болѣе было вокругъ него кутерьмы, тѣмъ веселѣе становился онъ. У него не было печалей, кромѣ одной, но отъ нея онъ хотѣлъ отдѣлаться, и, слѣдовательно, она служила ему болѣе побужденіемъ предпринимать все, чтобы только забыть ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы примѣтили, что несмотря на всю безпорядочность, выказываемую имъ въ его образѣ жизни, онъ, однако, при производствѣ наблюденій былъ чрезвычайно точенъ и неутомимъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; такъ-что въ этомъ отношеніи у насъ не было ни малѣйшаго безпокойства. Ему было ни почемъ проголодать цѣлый день безъ ѣды и питья, когда онъ могъ совершить что нибудь на пользу науки“... [1]).

Стеллеръ оставилъ Енисейскъ 5 марта 1739 года и отправился въ Иркутскъ въ сопровожденіи живописца Беркана и

---

[1]) I. G. Gmelin's Reise durch Sibirien, III, 175—183.

студента Горланова. Послѣдній писалъ ему русскія и латинскія дѣловыя бумаги, а иногда исполнялъ порученія по собиранію разныхъ извѣстій. 23 марта, Стеллеръ прибылъ въ Иркутскъ, а 12 іюля того же года доносилъ оттуда барону Корфу, что, въ ожиданіи окончанія всѣхъ приготовленій для поѣздки въ Камчатку, онъ „намѣреніе принялъ чрезъ Байкалъ ѣхать для осмотру баргузинскаго дистрикта и по рѣкѣ Витиму лежащихъ горъ, а при томъ бы и обсерваціи предпріять для того, что гг. профессоры тамъ еще не были; а сія земля для многихъ травъ, металовъ и разныхъ родовъ фарбъ, теплыхъ водъ и другихъ натуральныхъ вещей весьма славна. И я уповаю, что сіе вашему превосходительству не противно будетъ, потому что при непродолжительномъ проѣздѣ въ Камчатку весь сей дистриктъ осмотрѣть и описать можно, ибо вся туда и обратная поѣздка больше 50 рублей не станетъ“. Въ Баргузинскій острогъ Стеллеръ пріѣхалъ 10 августа, а въ Иркутскъ возвратился 18 сентября. 15 января слѣдующаго 1740 года онъ ѣздилъ изъ Иркутска за Байкалъ въ Селенгинскъ и на Кяхту „для покупки китайской бумаги для вкладыванія травъ, которой бы достало до тѣхъ поръ, какъ долго камчатская экспедиція продлится“... 10 февраля Стеллеръ былъ снова въ Иркутскѣ [1]).

Въ началѣ 1740 года, у Гмелина съ Стеллеромъ вышли непріятности. Первый въ качествѣ профессора, считалъ себя начальникомъ Стеллера-адъюнкта, а потому не только вступилъ въ переписку съ иркутскою провинціальною канцеляріею, но и жаловался сенату, что Стеллеръ ни о чемъ къ нему не доноситъ, а посылаетъ разные предметы прямо отъ себя въ Петербургъ, и, наконецъ, отказывается ѣхать для наблюденій внизъ по р. Лекѣ, какъ *приказывалъ* ему Гмелинъ, а намѣренъ отправиться въ Якутскъ, а оттуда въ Охотскъ. Стеллеръ, съ своей стороны, въ письмѣ къ барону Корфу, 20 апрѣля 1740 года, жаловался, что Гмелинъ и Мюллеръ, по прибытіи его въ Енисейскъ, обходились съ

---

[1]) II, книга № 811.

нимъ, какъ съ находящимися подъ ихъ начальствомъ русскими студентами, и дали ему инструкцію, которой обязывался онъ слѣдовать въ путешествіи; но Стеллеръ, въ силу заключеннаго съ нимъ въ Академіи контракта, не думалъ быть подчиненнымъ названныхъ академиковъ: „я, писалъ онъ, имѣлъ честь публично преподавать въ Галле и Виттенбергѣ, не имѣя степени; мои успѣхи въ натуральной исторіи были испытаны и одобрены берлинскимъ обществомъ. Ея императорскаго величества Академія наукъ милостиво приняла меня къ таковой должности, и теперь не могу я понять, почему г. докторъ Гмелинъ хочетъ меня превратить въ подчиненнаго себѣ предъ необразованными людьми"... [1]).

Въ бытность на р. Ленѣ въ Киренскомъ острогѣ, Стеллеръ встрѣтился съ сотрудникомъ Беринга, капитаномъ Шпангебергомъ, которому велѣно было снова отправиться къ берегамъ Японіи, посѣщеннымъ имъ въ прошломъ году. У Стеллера явилось желаніе сопутствовать Шпангебергу, и онъ, 30 апрѣля 1740 года, вошелъ съ представленіемъ о томъ въ сенатъ, подробно изъяснивъ планъ будущихъ занятій въ этомъ путешествіи и присовокупивъ о себѣ: „я, какъ силою, здравіемъ, а паче несказаннымъ желаніемъ ко всякимъ трудностямъ и трудамъ, какъ водою влекомъ, и притомъ намѣренъ я въ тѣхъ новоизобрѣтенныхъ мѣстахъ побывать, понеже безъ того едва быть можетъ, чтобъ туда кто не былъ отправленъ"... Свое донесеніе сенату Стеллеръ оканчиваетъ такими ходатайствами: „Еще высокоправительствующему сенату не для моего недостатку, но для необходимой нужды слѣдующее предлагаю: понеже мнѣ, адъюнкту Стеллеру, жалованья 600 руб., а живописцу Беркану 500 руб. на каждый годъ впредь выдавано, и тѣмъ мы весьма довольны были, также и нынѣ довольны; а студенты, между которыми двое только находятся, о которыхъ

---

[1]) Гмелинъ о своемъ разладѣ съ Стеллеромъ хотя и распространяется въ Reise durch Sibirien, III, 361—366, однако проходитъ молчаніемъ то, что взаимныя пререканія свои они сочли нужнымъ доводить до свѣдѣнія сената и Академіи наукъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ сохранилась вся переписка въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 811.

особливомъ прилежаніи представить можно, а именно: Степанъ Крашенинниковъ и Алексѣй Горлановъ, какъ оные изъ С.-Петербурга отправились, то были еще въ молодыхъ лѣтахъ и малы, а нынѣ уже находятся въ совершенномъ возрастѣ, и изъ опредѣленнаго имъ жалованья ста рублей провіанту купить и лошадей нанять не могли бъ, ежели бъ онымъ я помощи не учинилъ изъ моихъ собственныхъ денегъ взаимъ, которыхъ и донынѣ отъ нихъ еще не получалъ, а морской провіантъ они, ради скудности, запасти не могутъ, и болѣе уже въ томъ помогать опасенъ, дабы отъ того и самому мнѣ въ скудность не придти, и оное я на милостивѣйшее разсужденіе высокоправительствующему сенату предаю".

„Также высокоправительствующаго сената я покорнѣйше прошу, чтобы я и прочіе милостивѣйше удостоены были патентами, по которымъ бы дано было на суднѣ мѣсто и морская порція давалась. А дабы мнѣ сіе въ гордость или чрезмѣрную смѣлость не вмѣнилось; но о томъ я токмо въ семъ намѣреніи прошу, дабы никакихъ ссоръ и непорядковъ не произошло, но каждый бы свое дѣло во всякомъ покоѣ отправлять могъ, какъ вѣрному ея императорскаго величества служителю надлежитъ, и оные патенты и прочимъ наипаче въ защищеніе противъ всѣхъ помѣшательствъ будутъ, а болѣе въ томъ, что каждый изъ морскихъ служителей мѣсто свое знаетъ"...[1]).

Всѣ эти предположенія Стеллера остались неприведенными въ исполненіе, и онъ, выѣхавъ изъ Иркутска 5 марта 1740 года, съ 24 мая по 15 іюня пробылъ въ Якутскѣ, откуда въ Охотскъ прибылъ 20 августа. 8 сентября Стеллеръ отправился изъ этого города въ Камчатку на новопостроенномъ суднѣ Охотскѣ, на которомъ и прибылъ въ Камчатку къ устью Большой рѣки 21 сентября того же 1740 года[2]).

Въ одномъ письмѣ Гмелина къ Мюллеру видно, что Стеллеръ, по прибытіи въ Камчатку, обращалъ вниманіе правитель-

---

[1]) II, книга № 811.

[2]) Эти свѣдѣнія о переѣздахъ Стеллера взяты изъ письма Алексѣя Горланова къ Мюллеру 25 ноября 1740 г. I, 9-ой портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

ства на управленіе Камчаткою, о чемъ Гмелинъ отзывался съ насмѣшкою: „Стеллеръ послалъ изъ Камчатки въ правительствующій сенатъ проектъ о лучшемъ способѣ управленія Камчаткою и о мѣстахъ, въ какихъ необходимо еще построить остроги, а въ синодъ имъ послано о легчайшемъ способѣ обратить камчадаловъ въ христіанскую вѣру, и какъ возможно сдѣлать, чтобы десятилѣтнее освобожденіе ихъ отъ ясака не принесло казнѣ убытковъ. Крашенинниковъ долженъ былъ одинъ одинёшенекъ отправиться на Авачинскую губу для перевода этихъ бумагъ, и ему на-крѣпко было запрещено говорить о томъ кому либо на Камчаткѣ, чтобы кто нибудь не предвосхитилъ такихъ прекрасныхъ мыслей и ими не воспользовался: sic vos non vobis. Всего смѣшнѣе тутъ то, продолжаетъ Гмелинъ, что онъ указалъ для постройки остроговъ такія мѣста, которыя, по недостатку въ лѣсѣ, совсѣмъ къ тому неудобны. Ему никто не смѣетъ противорѣчить, потому что въ противномъ случаѣ навлечетъ на себя несчастіе быть имъ преслѣдуемымъ“... [1]),

По вызову Беринга сопровождать его въ морскомъ путешествіи для отысканія береговъ Америки, Стеллеръ прибылъ во вновь устроенную Петропавловскую гавань 20 марта 1741 года, и остался весьма недоволенъ пріемомъ Беринга и морскихъ офицеровъ: „Во всемъ принятъ, писалъ Стеллеръ въ сенатъ, не такъ, какъ по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдатъ и за подлаго отъ него, Беринга, и отъ прочихъ трактованъ былъ, и ни къ какому совѣту я имъ, Берингомъ, призыванъ былъ какъ что касается до учрежденнаго морскаго вояжа, такъ что тогда касалося до слѣдствія бунтовщиковъ“...

4 іюня 1741 года пакетботъ св. Петръ подъ командою Беринга отправился въ морское плаваніе. На немъ находился Стеллеръ, который во все время путешествія и въ донесеніи сенату, и въ дневникѣ жаловался на Беринга и моряковъ, что

---

[1]) I, 10-ой портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру. Письмо 13 октября 1741 года изъ Туринска.

они обращались съ нимъ высокомѣрно и даже презрительно. Когда пакетботъ присталъ 20 іюля къ новооткрытому острову, названному островомъ Св. Иліи (по позднѣйшимъ разысканіямъ это оказался Каякъ), Стеллеръ сталъ проситься на берегъ для изслѣдованій, но по неизвѣстной причинѣ его туда не пустили. „Какъ я, доносилъ Стеллеръ сенату, усмотрѣлъ, что со мною такъ непорядочно поступлено, и я въ небреженіи и презрѣніи оставленъ, и что ласковыми словами ничего учинить не могъ, употребилъ уже жестокія слова ему, капитану-командору Берингу, по правдѣ говорить и публично засвидѣтельствовать, что я высокоправительствующему сенату на него, капитана-командора, подъ такими видами буду протестовать, чему онъ былъ достоинъ“... Наконецъ, Берингъ велѣлъ отвезти естество-испытателя на островъ; при чемъ въ насмѣшку приказалъ трубить въ трубы, когда Стеллеръ отваливалъ отъ пакетбота [1]). Стеллеръ оставался шесть часовъ на помянутомъ островѣ, и все, что было имъ замѣчено и собрано въ такой короткой промежутокъ времени, подробно описано въ изданномъ Палласомъ дневникѣ Стеллера.

Дальнѣйшее странствованіе Беринга было самое несчастливое: конецъ іюля и весь августъ мѣсяцъ прошелъ въ плаваніи между неизвѣстными тогда Алеутскими островами; въ сентябрѣ и октябрѣ наши мореплаватели сильно терпѣли отъ страшныхъ бурь, а 5 ноября пакетботъ разбило на берегу острова, куда и перебралась команда. Всю зиму и наступившія за нею весну и лѣто провели здѣсь спутники Беринга, перенося всѣ возможныя невзгоды на необитаемомъ, безлѣсномъ островѣ въ суровомъ климатѣ. Берингъ умеръ въ самомъ началѣ зимовки, и его товарищи назвали островъ, на которомъ нашли они пристанище, Беринговымъ. Въ числѣ переживившихъ всѣ невзгоды на этомъ островѣ находился и Стеллеръ.

Несмотря на стужу, голодъ, и всевозможныя лишенія, онъ

---

[1]) Записки Академіи наукъ, томъ XV, приложеніе № 1, Архивныя разысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis, П. Пекарскаго, стран. 15, 16, 18. Здѣсь помѣщено подлинное донесеніе Стеллера.

не унывалъ, исполнялъ должности то лекаря, то повара, таскалъ вмѣстѣ съ другими прибиваемый волнами лѣсъ для топлива и пр. При всемъ этомъ, Стеллеръ не оставлялъ ученыхъ занятій, и на Беринговомъ островѣ имъ написано знаменитое изслѣдованіе De bestiis marinis, которое до нынѣ такъ высоко цѣнится спеціалистами[1]). Сверхъ того, Стеллеръ составилъ физическое и топографическое описаніе Берингова острова и дневникъ путешествія изъ Камчатки къ западнымъ берегамъ Америки. Оба эти произведенія напечатаны Палласомъ долго спустя послѣ смерти автора ихъ [2]). Въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Академіи наукъ есть рукописный переводъ (по каталогу in f⁰, № 120), сдѣланный В. Лебедевымъ: „Изъ описанія Стеллерова путешествія г. капитана-командора Беринга“. Здѣсь изложеніе слѣдуетъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно издано Палласомъ, и, кромѣ того, въ рукописномъ переводѣ нашлось нѣсколько мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ нѣмецкомъ печатномъ текстѣ. Само собою разумѣется, что академическій переводчикъ Лебедевъ, никогда не занимавшійся естественными науками и небывавшій въ отдаленныхъ земляхъ, описанныхъ Стеллеромъ, не могъ добавлять отъ себя подлинника, а потому надобно предполагать, что при изданіи въ свѣтъ нѣмецкаго текста стеллеровскаго описанія допущены урѣзки, а можетъ быть и другія, теперь неизвѣстныя перемѣны.

Съ самыхъ первыхъ дней житья на Беринговомъ островѣ до апрѣля 1742 года странствователи еще не теряли надежды, что они живутъ на какомъ-либо необитаемомъ мѣстѣ камчатскаго берега; но весною эта надежда окончательно рушилась:

---

[1]) De bestiis marinis напечатано въ 1751 году, Novi Commentarii Academiae petropolitanae, II, 289—398. О подлинной рукописи этого произведенія Стеллера и объ утратѣ принадлежащихъ къ ней, сдѣланныхъ имъ рисунковъ: Записки Академіи наукъ XV, прилож. № 1, Архивныя разысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis, стр. 7—12.

[2]) Neue nordische Beyträge, II, 255—301: Topographische und physikalische Beschreibung der Bering Insel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt; V, 129—236; VI, 1—26: G. W. Stellers Tagebuch seiner Reise aus dem Petri-Pauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Rückreise.

островъ былъ обойденъ кругомъ, и тогда рѣшено было ломать старый пакетботъ и строить изъ остатковъ его новый, который былъ готовъ въ августѣ мѣсяцѣ. 14 числа этого мѣсяца новый пакетботъ, подъ командою лейтенанта Ваксeля, отплылъ отъ береговъ Берингова острова и, при тихой погодѣ, благополучно достигнулъ 26 числа того же августа Камчатки, гдѣ всѣхъ возвратившихся давно уже считали умершими.

По пріѣздѣ на Камчатку, Стеллеръ посылалъ по разнымъ мѣстамъ для собиранія извѣстій, а также для промыслу животныхъ, птицъ и рыбъ состоявшихъ при немъ: казачьяго сына Алексѣя Лузикова, студента Горланова, стрѣлка Петра Антонова, пищика Осипа Аргунова. Въ тоже время и самъ Стеллеръ дѣлалъ частыя поѣздки по камчатскимъ острогамъ и, между прочимъ, посѣтилъ Курильскіе острова. Замѣчательно, что изъ предписанія Стеллера большерѣцкой приказной избѣ 27 іюля 1743 года видно, что по его распоряженію, съ 1742 года былъ опредѣленъ „обрѣтающійся здѣсь при казачьей службѣ“ Иванъ Поповъ „при Большерѣцкѣ обучать казачьихъ и иноземческихъ новокрещенныхъ дѣтей русской грамотѣ“...

3 августа 1744 года, Стеллеръ отправился съ Камчатки на шхерботѣ Елисаветъ къ Охотску, куда прибылъ 19 числа того же мѣсяца. Здѣсь онъ просилъ канцелярію Охотскаго порта приложить казенныя печати къ его шестнадцати ящикамъ „съ разными натуральными вещами“, и потомъ сдѣлать допросъ квартирмейстеру Бѣляеву о томъ, что онъ говорилъ при всѣхъ на Камчаткѣ, что его, Стеллера, слушать не велѣно; что Бѣляевъ не пошелъ къ молебну по случаю тезоименитства великаго князя Петра Ѳедоровича, хотя Стеллеръ два раза призывалъ его для того; и что „онъ, Бѣляевъ, ему, Стеллеру, должнаго по указамъ не учинилъ респекта и такъ его почиталъ, какъ послѣдняго служиваго“.

Изъ Охотска Стеллеръ поѣхалъ чрезъ Юдомскій крестъ, по рѣкамъ Юдомѣ и Маѣ до Устьмайской крѣпости, а оттуда прибылъ 21 октября въ Якутскъ. Здѣсь, 4 апрѣля 1745 года, воеводская канцелярія спрашивала мнѣнія Стеллера,—„понеже онъ въ Охотскѣ и въ камчатскихъ острогахъ немалое время

обрѣтался и тамошнихъ жителей порядки довольно разсмотрѣлъ“ — о томъ, могутъ-ли русскіе въ Камчаткѣ существовать, не употребляя въ пищу хлѣба и что могло бы тамъ замѣнить его? Въ отвѣтѣ на это Стеллера есть нѣсколько чертъ, дающихъ понятіе о его собственной оригинальности. Такъ, напр., онъ писалъ, что русскіе на Камчаткѣ могутъ, подобно тамошнимъ туземцамъ, обойтись безъ хлѣба, питаясь вмѣсто него превосходною и здоровою рыбою, также корнемъ растенія сараны и пр.; что отвыкнуть отъ хлѣба очень легко и здоровье отъ того ничего не терпитъ. При этомъ Стеллеръ добавилъ: „Едва на Камчатку прибылъ, не для скупости, но для любопытства, самовольно чрезъ четыре недѣли опытъ учинилъ: держалъ себя отъ хлѣбнаго корму, нанявъ одного изъ тамошнихъ служивыхъ, чтобъ довольствовалъ меня тѣмъ кормомъ, который они сами имѣютъ, дабы я могъ знать, что у иныхъ видѣлъ, и самъ бы тожъ при случаѣ (какъ и нынѣ случилось) сказать могъ. И отъ употребленія по тамошнему обыкновенію корму никакой скуки себѣ не имѣлъ... Какъ въ 1743 году шелъ я изъ Большерѣцкаго въ Верхній Камчатскій острогъ пѣшъ, когда хотя хлѣбъ и имѣлъ, въ моемъ пути не ѣлъ, но рыбою, кореньями, травами и иными разными вещами питался; хотя и часто для пѣшаго ходу утружденъ бывалъ, однакожъ отъ того ни малаго силѣ моей вреда не имѣлъ, но еще при томъ ту себѣ пользу имѣлъ, что чаще и слаще вкусно было, и лучшаго аппетита до смерти не желаю, ибо аппетитъ изряднымъ есть здоровья признакомъ... Въ 1743 году, собрався нѣсколько служивыхъ, подражая камчадской экспедиціи, состроя судно собственными своими кошты при Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, не имѣя никакихъ хлѣбныхъ припасовъ, отправились въ морской путь и, бывъ на томъ острову, гдѣ капитанъ командоръ Берингъ умре, для своей собственной прибыли зимовали и, перезимовавъ 1744 годъ, въ началѣ іюля мѣсяца счастливо возвратились. А никто изъ оныхъ, будучи въ морѣ, на острову ни единаго куска хлѣба не токмо бъ имѣлъ, но ниже видѣлъ, съ голоду не умерли“...

11 октября 1745 года, иркутскій вице-губернаторъ Лангъ

писалъ къ Стеллеру, что возвращенный изъ камчадальскихъ остроговъ изъ ссылки еврей Измаилъ Абрамовъ, а въ крещеніи Иванъ Антоновъ подалъ ему въ январѣ 1745 года донесеніе объ обидахъ и притѣсненіяхъ русскими якутовъ и камчадаловъ, „и какими вымыслы при куреніи въ тамошнихъ мѣстахъ изъ травы вино цѣловальники, такожъ и въ собираніи съ ясачныхъ иновѣрцевъ ясаку сборщики чинятъ воровства“ и пр., почему Лангъ просилъ Стеллера, „по присяжной своей должности, на все мнѣніе свое объявить“. Стеллеръ отвѣчалъ на этотъ вызовъ, въ декабрѣ 1745 г., пространнымъ объясненіемъ, въ которомъ помянутаго еврея называетъ онъ Иваномъ Турчаниновымъ. Признавая справедливыми показанное имъ касательно притѣсненій служивыми и сборщиками въ особенности курильцевъ, нашъ естествоиспытатель бо́льшую часть прочихъ извѣтовъ Турчанинова считалъ ложными и опровергалъ ихъ не весьма хладнокровно, причиною чему быть можетъ было то, что въ Камчаткѣ Турчаниновъ былъ пріятелемъ мичмана Хметевскаго, личнаго врага Стеллера.

15 января 1746 года Стеллеръ былъ въ Красноярскѣ, въ мартѣ въ Тобольскѣ и Тюмени, а въ апрѣлѣ того же года въ Соликамскѣ[1]). Лѣто 1746 года Стеллеръ провелъ въ разъѣздахъ по Перміи для ботаническихъ изслѣдованій, нисколько не подозрѣвая, что ему въ это время готовились большія непріятности. Въ бытность свою на Камчаткѣ, Стеллеръ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ мичманомъ Хметевскимъ, имѣвшимъ вліяніе на тамошнее управленіе. Стеллеръ жаловался сенату, что Хметевскій не исполняетъ правительственныхъ распоряженій о нечиненіи обидъ и притѣсненій туземцамъ на Камчаткѣ и Курильскихъ островахъ; перемѣнялъ безъ всякой причины закащиковъ въ острогахъ; кромѣ того, въ частномъ письмѣ къ одному писарю говорилъ, что Стеллеръ „чинитъ многія пакости“ и т. п. [2]). Хметевскій, съ своей стороны, не преминулъ

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о пребываніи Стеллера въ Камчаткѣ и Сибири съ 1742 по 1746 годъ, II, книга № 800. Замѣтимъ здѣсь, что Стеллеръ съ 1745 года подписывалъ всѣ свои донесенія по русски *Стеллеръ* и по русски же помѣчалъ получаемыя имъ бумаги.

[2]) II, книга № 812.

посылать доносы на Стеллера. Одинъ такой доносъ — заключавшійся въ томъ, что Стеллеръ отпустилъ изъ Большерѣцка самовольно, никого не спросясь, камчадаловъ, главныхъ зачинщиковъ въ бунтѣ противъ русскихъ — дошелъ въ 1744 году до сената, который распорядился строго допросить о томъ Стеллера въ иркутской провинціальной канцеляріи. Въ 1745 году, когда Стеллеръ пріѣхалъ въ Иркутскъ, то далъ отъ себя объясненіе, что онъ велѣлъ отпустить помянутыхъ камчадаловъ потому, что ихъ въ Большерѣцкѣ было некому караулить и нечѣмъ кормить по недостатку тогда въ рыбѣ; притомъ же нѣкоторые изъ тѣхъ камчадаловъ привезены были совсѣмъ напрасно, такъ-какъ они были преданы русскому правительству. По всѣмъ этимъ причинамъ, Стеллеръ „письменное мнѣніе въ большерѣцкую приказную избу за своею рукою послалъ, дабы по мнѣнію той приказной избы привезенные якобы въ измѣнномъ дѣлѣ камчадалы отпущены были и дабы въ вѣрности ея императорскому величеству приведены были къ присягѣ, которые тогда еще хотя св. крещенія и приняли, а у присяги не были, и могли бъ-де знать, что есть присяга и въ чемъ оная состоитъ“...

Иркутская провинціальная канцелярія, послѣ такого отзыва, находила, что „винности Стеллеровой не признавается“, почему дозволила ему 24 декабря 1745 года продолжать возвратный путь и послала о томъ донесеніе сенату 30 января 1746 года. Донесеніе это не успѣло еще дойти до сената, какъ туда получено было изъ Сибирскаго приказа извѣстіе, что Стеллеръ проѣхалъ 25 марта 1746 года чрезъ Верхотурье по дорогѣ въ Петербургъ. Тогда въ сенатѣ велѣно было, 17 іюля 1746 года, немедленно послать нарочнаго на встрѣчу Стеллеру, чтобы его везти обратно въ Иркутскъ для производства о немъ слѣдствія по вышепомянутому сенатскому указу 1744 года. Курьеръ Захаръ Лупандинъ, посланный для приведенія въ исполненіе этого распоряженія, засталъ Стеллера въ Соликамскѣ, откуда и повезъ его обратно по дорогѣ въ Иркутскъ. Въ это время Стеллеръ успѣлъ написать изъ Краснаго села,

18 августа 1746 года, слѣдующее донесеніе въ Академію наукъ [1]):

„Императорской Академіи наукъ нижайше репортую, коимъ образомъ 16 числа августа, по указу правительствующаго сената, чрезъ курьера Захара Лупандина съ пути моего въ Петербургъ изъ Соликамска повезенъ я назадъ въ Иркутскъ, въ Сибирь. Тому причины я незнаю и съ нижайшею покорностью безпечально слѣдую волѣ Божіей и повелѣніямъ, куда ѣхать велятъ. Однако не могу преминуть, чтобъ императорской Академіи не объявить, что я опасаюсь, чтобъ сей нечаянный случай меня отъ моихъ дѣлъ и собраній и притомъ усердное мое къ императорской Академіи наукъ намѣреніе, касающееся до высокой чести Академіи и до пользы наукъ, буде не вовсе пресѣкъ, то однакожъ бы знатно не уменьшилъ. Многіе и долго продолжавшіеся осмотры собранныхъ мною вещей и моего багажу, такожъ и другія препятствія и досады причиною были, что я весною 1746 года въ Петербургъ прибыть не могъ. Великое множество рѣдкихъ моихъ растущихъ вещей и кустовъ, которые я по указу съ великимъ трудомъ собиралъ, на дорогѣ растаяли, и я весною принужденъ былъ ихъ либо всѣ бросить, либо въ Соликамскѣ остаться, къ чему мнѣ садъ г. Демидова и прилежное надзираніе сего саду способными казались. И такимъ образомъ выбралъ я сіе послѣднее, яко полезное для сада академическаго. При томъ вознамѣрился я со всякимъ прилежаніемъ изслѣдовать Пермію въ трoякомъ царствѣ натуры. Я исполнилъ сіе почти безъ всякаго казеннаго убытку, и сей трудъ есть наиполезнѣйшій для меня, особливо ежели бъ мнѣ нынѣшній случай не воспрепятствовалъ. Мои, за десять лѣтъ предъ симъ на догадкахъ основанныя положенія, касающіяся до растительности (Wachsthum) и до разныхъ мѣстъ плантъ теперь сдѣлались болѣе вѣрными и неопровержимыми, ибо около половины сибирскихъ и камчатскихъ плантъ на такихъ

---

1) II, книга № 813, гдѣ есть и подлинное донесеніе Стеллера на нѣмецкомъ языкѣ; сообщаемый здѣсь съ этой бумаги современный переводъ писанъ рукою академическаго переводчика Лебедева.

же мѣстахъ въ Перміи паки нашлись. Я больше 2000 верстъ сего лѣта переѣздилъ на своемъ коштѣ для изслѣдованія въ надеждѣ, что оное милостиво приметъ императорская Академіи, а теперь ѣду въ одномъ кафтанѣ всего съ шестидесятью рублями въ Иркутскъ въ такое время, когда я за три дня какъ пріѣхалъ домой измученный и усталый и хотѣлъ приводить въ порядокъ собранные мною предметы и свои мысли.

„Мои поведеніи и труды всѣмъ тѣмъ, которые меня знаютъ, извѣстны; и ежели моя свита съ г. профессоромъ Фишеромъ скоро въ Академію наукъ въ Петербургъ пріѣдетъ, то обстоятельнѣе донесть можетъ. Опредѣленный ко мнѣ въ дорогѣ приставъ не позволяетъ мнѣ императорской Академіи наукъ пространнаго рапорта послать; но я сей возвратный путь въ Сибирь намѣренъ въ пользу употребить и подлинно еще много въ Сибири забылъ, что на семъ пути паки исправить могу. Между тѣмъ отъ императорской Академіи наукъ прошу милостиваго защищенія тѣмъ надежнѣе, чѣмъ больше я съ великою опасностью для жизни и здоровья трудился для споспѣшествованія чести и пользы императорской Академіи наукъ. Сіе есть одна подпора моего уже упавшаго духа, что она также позаботится о ея маломъ сочленѣ, дабы онъ не пропалъ по напрасну“.

При этомъ донесеніи Стеллера былъ приложенъ:

„Реестръ разнымъ дѣламъ, надлежащимъ до императорской Академіи наукъ.

1. У меня флора Перміи со многими описаніями новыхъ травъ. Оную намѣренъ я теперь въ Сибири на бѣло переписать, и такимъ образомъ собственный мой манускриптъ съ собою взялъ, и ежели потребуетъ того императорская Академія наукъ, то я все въ цѣлости, такъ какъ оно есть, пришлю.

2. Волюменъ обсервацій ихтіологическихъ.

3. Волюменъ моего продолженія ориктографіи сибирской.

4. Дополненіе къ флорѣ р. Лены доктора Гмелина.

„Съ Берканомъ послано 163 рисунка и нѣкоторыя вещи, которыя въ скорости, при не маломъ замѣшательствѣ, порядочнѣе послать нельзя было.

„У г. Демидова въ саду стоятъ около 80 рѣдкихъ кустовъ и плантъ, но которые безъ меня съ трудомъ возрасти могутъ, особливо, что нѣкоторые отъ ѣзды прошлогодней въ болѣзненномъ состояніи находятся; но ежели оные тамъ еще зиму простоятъ, то безъ всякаго сумнѣнія возрастутъ“.

Кромѣ того, напечатано [1]) отношеніе Стеллера, отъ той же эпохи въ его жизни, къ Фишеру, въ которомъ говоритъ, что при немъ нѣтъ ни денегъ, ни пожитковъ. Послѣдніе имъ отправлены прежде въ Москву, и они не должны быть передаваемы его женѣ „потому что она въ Академіи не служила, а могла въ продолженіе его отсутствія довольствоваться выдачею части изъ его жалованья“ и пр.

Между-тѣмъ какъ Лупандинъ везъ Стеллера обратно въ Иркутскъ, до сената, наконецъ, дошло донесеніе иркутской провинціальной канцеляріи, отъ 30 января 1746 года, о невинности Стеллера. Получивъ эту бумагу, сенатъ, 20 августа 1746 года, распорядился о немедленной посылкѣ новаго курьера догонять Лупандина съ Стеллеромъ и, когда онъ ихъ достигнетъ, то „Стеллера изъ караула освободить, а ѣхать имъ какъ Стеллеру, такъ и курьеру въ Санктпетербургъ каждому особо и Стеллеру по его волѣ“...

Второй курьеръ настигъ адъюнкта въ Тарѣ и объявилъ ему послѣдній указъ о немъ сената. Стеллеръ снова отправился по дорогѣ къ Петербургу, но, доѣхавъ до Тюменя, заболѣлъ горячкою и здѣсь умеръ 12 ноября 1746 года при лекарѣ Теодорѣ Лау [2]).

Приведенное выше донесеніе Стеллера отъ 18 августа 1746 года, было послѣднею его бумагою въ Академію наукъ, которая получила его только 29 марта 1747 года, стало-

---

[1]) Physikalisch-ökonomische Bibliothek von Johann Beckmann, VIII, 461—463.

[2]) Переписка о задержаніи и освобожденіи Стеллера находится въ бумагахъ Сибирскаго приказа въ Государственномъ архивѣ и въ архивѣ академической конференціи книга № 812; краткія о томъ же свѣдѣнія у исторіографа Мюллера въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1758 года, октябрь, 133 — 135.

быть болѣе чѣмъ четыре съ половиною мѣсяца послѣ смерти этого замѣчательнаго ученаго.

Перечисленныя Стеллеромъ при томъ донесеніи рукописи не дошли до Академіи. Въ февралѣ 1747 года лекарь Теодоръ Лау привезъ нѣкоторыя изъ вещей, оставшихся послѣ Стеллера, но на вопросъ, не имѣется-ли у него его рукописей, отвѣтилъ отрицательно [1]).

Такъ-какъ свѣдѣніями, собранными Стеллеромъ, чрезвычайно дорожатъ естествоиспытатели, то здѣсь сочтено за полезное помѣстить въ концѣ настоящаго жизнеописанія составленную въ 1747 году академикомъ Крашенинниковымъ опись всѣмъ бумагамъ, которыя остались послѣ Стеллера и были представлены въ Академію спутникомъ его въ путешествіи по Камчаткѣ — живописцомъ Берканомъ.

Выше было уже говорено объ изданіи въ свѣтъ въ 1752 году замѣчательнѣйшаго изъ изслѣдованій Стеллера — De bestiis marinis. Кромѣ того, въ 1754 году о его другихъ двухъ статьяхъ далъ такой отзывъ академикъ Крашенинниковъ: Labor auctoris de differentiis piscium ut laude dignus est, ita et Commentariis inseri dignus fuisset, ni Artedus labores suos anticipasset, quem noster prae manibus habebat, cum dissertationem concinnabat. Quare et gloriae Academiae scientiarum et famae b. Auctoris melius consultum iri judico, si dissertatio de differentiis piscium suae Ichtiologiae olim edendae praemittatur eo modo quo Rajus in Ichtiologia Willoughb. usus est. Mantissa autem de ovis et nidis avium moretur inseri Commentariis, praesertim cum de rebus ejus modi pauci adhuc solliciti fuerint [2]). Упоминаемыя здѣсь статьи напечатаны Novis Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae: III, 405—420 Observationes generales universam historiam piscium concernantis; IV, 411—428. Observationes quaedam nidos et ova avium concernantes.

„Собранными Стеллеромъ во время его путешествія рукописными замѣтками, говоритъ г. академикъ Брандтъ, касав-

---

[1]) II, книга № 813.

[2]) I. протоколы 1754 года.

шимися всѣхъ родовъ животныхъ и даже паразитовъ ихъ, пользовались многократно надлежащимъ образомъ Палласъ и Тилезіусъ — и однако всѣ эти труды были результатомъ немногихъ лѣтъ. Чего бы не былъ въ состояніи выполнить такой человѣкъ, если бы ему было суждена лучшая судьба"[1])?

Въ 1774 году напечатано заграницею G. W. Stellers... Beschribung von dem Lande Kamtschatka; dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S. Издатель, скрывшійся подъ этими буквами, былъ Іоганъ-Бенедиктъ Шерeръ, сынъ страсбургскаго профессора восточныхъ языковъ. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, состоя консулентомъ при юстицъ-коллегіи, а потомъ лѣтомъ 1774 года отправился чрезъ Швецію, Данію и Гёттингенъ на свою родину и въ 1775 году служилъ уже въ Версали при дипломатической нѣмецкой канцеляріи [2]). Шерeръ счелъ долгомъ посвятить свое изданіе ученымъ обществамъ парижскому, лондонскому и стокгольмскому, вѣроятно, съ цѣлію задѣть петербургскую академію, которой Стеллеръ былъ членомъ. Кромѣ того, въ помѣщенной въ началѣ біографіи этого ученаго, Шерeръ помѣстилъ разныя выходки противъ Россіи, а вмѣстѣ съ ними и разныя ложныя свѣдѣнія, которыя — какъ мнѣ извѣстно — донынѣ принимаются за совершенно достовѣрныя многими, незнающими, что въ нѣмецкой журналистикѣ, тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ изданія Шерeра, явилось противъ него множество опроверженій.

Шерeръ довольно развязно разсказываетъ, что Стеллеръ былъ два раза отвозимъ въ Сибирь на возвратномъ пути въ Петербургъ: одинъ разъ его будто бы настигли въ 180 верстахъ отъ Москвы, а въ другой разъ уже за Новгородомъ; что

---

[1]) Recueil des actes de la séance publique de l'Académie des sciences de S.-Pétersbourg, tenue le 29 Décembre 1831: Versuch einer kurzen Übersicht der Fortschritte, welche die Kenntniss der thierischen Körper den Schriften der kaiserl. Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg verdankt, von I. F. Brandt, 74.

[2]) Physikalisch-ökonomische Bibliothek von Johann Beckmann (Göttingen, 1775), VI, 192.

причиною тому было какой-то ссыльный, служившій у Стеллера переводчикомъ и говорившій на всѣхъ восточныхъ языкахъ: онъ будто въ Петербургѣ доносилъ на Стеллера, что онъ снабжалъ порохомъ инородцевъ при сопротивленіи ихъ русскимъ; что когда Стеллера везли въ Сибирь, то на дорогѣ караульные зашли въ кабакъ, оставя его въ саняхъ, гдѣ онъ и замерзъ. Послѣ того Шереръ увѣряетъ читателя, что разсказъ, слышанный имъ отъ одного человѣка, что Стеллеръ велъ невоздерженную жизнь, и что это было причиною его смерти, несправедливъ, и онъ повѣритъ ему только тогда, когда ему будетъ это доказано математически. Сверхъ того, Шереръ говорилъ, что Крашенинниковъ былъ ученикомъ Стеллера, работалъ по его указаніямъ и въ сочиненіи своемъ о Камчаткѣ воспользовался главнѣйше тѣмъ, что было собрано объ этой странѣ его наставникомъ.

О задержкѣ на дорогѣ и возращеніи Стеллера въ Сибирь было уже выше разсказано по свѣдѣніямъ въ перепискѣ, уцѣлѣвшей въ современныхъ дѣлахъ сената, сибирскаго приказа и Академіи наукъ; что же касается до прочихъ разсказовъ Шерера, то считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя возраженія противъ него современниковъ.

Бюшингъ [1]), послѣ опроверженій невѣрностей Шерера въ біографическихъ подробностяхъ о Стеллерѣ, говоритъ: „На страницѣ 14, г. Шереръ глухо упоминаетъ объ одномъ человѣкѣ, опровергавшемъ разсказъ его о невозвращеніи Стеллера. Г. Шереръ могъ бы прямо сказать, что этотъ человѣкъ былъ я. Я ему передавалъ то, что было мнѣ извѣстно о родѣ смерти Стеллера. Онъ ссылается на добросовѣстнаго человѣка, отъ котораго имѣетъ свое извѣстіе, а я знаю моихъ свидѣтелей. Онъ намѣренъ вѣрить до тѣхъ поръ своему свидѣтелю, пока не убѣдятъ его математически въ противномъ. Математически! Это невозможно. О Стеллеровой смерти есть разныя извѣстія. Г. коллежскій совѣтникъ Мюллеръ—Sammlung russischer Ge-

[1]) A. F. Büsching's Wöchentliche Nachrichten, 1774, 21 Stück, 163—167; 24 Stück, 185—187.

schichte, III, 268, — говоритъ, что онъ умеръ въ Тюмени отъ горячки въ присутствіи хирурга Лау. Г. Мюллеръ, всегда отзывавшійся о Стеллерѣ съ похвалами, хотѣлъ обойти молчаніемъ о томъ, отчего умеръ Стеллеръ, или же не зналъ о томъ; но въ 1750 году одинъ родственникъ коллежскаго совѣтника, очень хорошо знавшій Стеллера, разсказывалъ мнѣ, что послѣдній легъ въ сани нетрезвый и заснулъ, а ямщикъ и провожатый, по случаю необычайно сильной стужи, отправились съ улицы, на которой стояли, на постоялый дворъ. Такъ-какъ Стеллеръ не звалъ ихъ, то они оставались тамъ долго; вернувшись же къ санямъ, нашли его окоченѣвшимъ отъ холода. Г. Шереръ хочетъ доказать, что Стеллеръ вовсе не употреблялъ много вина; но его доказательства тому не убѣдительны, напротивъ я изъ устъ Стеллерова пріятеля, который съ нимъ былъ въ Иркутскѣ, слышалъ, что онъ въ нетрезвомъ видѣ кричалъ на него и вице-губернатора Ланга такъ называемое слово и дѣло, и что они насильно уложили его въ постель, чтобы онъ проспался, а послѣ Стеллеръ очень раскаявался въ своемъ опасномъ проступкѣ. Само собою разумѣется жаль, что ученый и даровитый человѣкъ предавался этой страсти, доведшей его до смерти, о которой описано выше...... Въ посвященіи г. Шерера Крашенинниковъ представленъ ученикомъ Стеллера, приданнымъ ему въ качествѣ студента въ путешествіи по Камчаткѣ. Это несправедливо. Гмелинъ и Мюллеръ послали Крашенинникова на Камчатку изъ Иркутска еще въ 1736 года, а Стеллеръ поѣхалъ туда изъ Енисейска только въ 1739 году. Не подобаетъ хвалить нашего соотечественника въ ущербъ даровитому русскому. Г. коллежскій совѣтникъ Мюллеръ удостовѣряетъ, что Крашенинниковъ принималъ большое участіе въ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Камчаткѣ. Онъ проѣхалъ ее отъ одного конца до другаго, въ сопровожденіи казаковъ и переводчика; имѣлъ также разрѣшеніе просматривать всѣ дѣла въ острогахъ и входящія описи управителей и во всѣхъ потребныхъ случаяхъ былъ снабженъ отъ Гмелина и Мюллера наставленіями. Крашенинниковъ не искажалъ и не сокращалъ сочиненія Стеллера, но составилъ изслѣдованіе изъ своихъ

собственныхъ и стеллеровскихъ наблюденій, которое вышло на русскомъ языкѣ въ 757 страницъ въ большую четверку, тогда-какъ стеллеровское напечатано на 384-хъ страницахъ въ восьмую долю листа. Крашенинниковъ выбралъ изъ стеллеровской рукописи, что онъ находилъ хорошаго и часто ссылается на него, сообщая притомъ свои собственныя наблюденія и примѣчанія. Онъ многое взялъ изъ Стеллера, почему у нихъ встрѣчаются сходства, но у Крашенинникова есть также многое, въ чемъ онъ предупредилъ Стеллера. Къ важнѣйшему, чего нѣтъ у Крашенинникова, а есть у Стеллера, принадлежатъ вольные разсказы и сужденія объ алчности, развращенности, насиліяхъ и жестокости козаковъ и русскихъ, которые впервые открыли Камчатку и завладѣли ею, чему находимъ примѣры на страницахъ 21, 49, 50, 79, 80, 205, 225, 228, 232 и въ другихъ мѣстахъ. Они тѣмъ болѣ возбуждаютъ досаду въ безпристрастномъ читателѣ, что онъ въ тоже время находитъ, что жители страны очень охотно подчинились русскому владычеству, платили подати, и все таки въ теченіе сорока лѣтъ уменьшились въ 14 или 15 разъ (стр. 227). Но такъ происходитъ отъ давнихъ временъ донынѣ съ народами, которые подчиняются другимъ, покорившимъ ихъ силою оружія"...

Возраженія Палласа озаглавлены Zuverlässige Nachrichten von den letzten Schicksalen des Herrn Georg Wilhelm Steller [1]). Прежде всего здѣсь помѣщены рѣзкіе отзывы о Шерерѣ и его изданіяхъ: по словамъ Палласа, онъ допускалъ множество ошибокъ и промаховъ и печаталъ необдѣланные труды безъ всякой осмотрительности. „Всего болѣе чувствительны мнѣ, продолжаетъ Палласъ, злостные разсказы, которые изъ легко объясняемой ненависти къ Россіи сообщилъ г. Шереръ о смерти Стеллера... (слѣдуетъ свидѣтельство о томъ Фишера, совершенно согласное съ мюллеровскимъ и, слѣдовательно, съ приведеннымъ выше). Я самъ говаривалъ въ Тобольскѣ съ однимъ престарѣлымъ секретаремъ губернской канцеляріи, который

[1]) Physikalisch-ökonomische Bibliothek von J. Beckmann, 1775, VIII, 453—455; 459—460.

лично зналъ Стеллера и вспоминалъ о немъ съ дружескимъ умиленіемъ. Онъ мнѣ еще могъ разсказать, какимъ веселымъ возвращался Стеллеръ вторично изъ Тары въ Тобольскъ: тогдашній архіепископъ, великій покровитель Стеллера, великолѣпно угостилъ его. Стеллеръ, при своихъ почти нечеловѣческихъ трудахъ въ особенности на Беринговомъ островѣ, привыкъ пить и предавался этому уже слишкомъ, такъ-что еще въ Тобольскѣ у него обнаружились признаки горячки. Однако, несмотря на всѣ совѣты пріятелей, онъ не хотѣлъ медлить и поспѣшилъ своимъ возвратнымъ путемъ по хорошей санной дорогѣ, не какъ арестантъ, но по своей волѣ и съ намѣреніемъ опять заѣхать къ Демидову въ Соликамскъ; но онъ доѣхалъ только до Тюменя, гдѣ я самъ видѣлъ мѣсто его погребенія, очень еще извѣстное тамошнимъ старожиламъ, о чемъ и я упомянулъ во второй части моего путешествія, на стр. 366. Несомнѣнно, что хирурги, о которыхъ упоминалъ г. профессоръ Фишеръ (Лау и Шеферъ), поживились стеллеровскими пожитками и много содѣйствовали къ смутнымъ толкамъ о его смерти... Теперь еще слѣдуетъ сказать объ оставшихся послѣ Стеллера бумагахъ. Къ счастію, г. Шereръ не имѣлъ случая получить всѣ рукописи покойнаго. Observationes ornithologicae Стеллера, находятся полныя въ моихъ рукахъ, и это есть лучшее, что онъ оставилъ. Всѣ описанія сдѣланы, по его обычаю, очень пространно и, собственно говоря, это — descriptiones superfluae, стало-быть не могутъ быть напечатаны какъ они есть. Бóльшую часть родовъ птицъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, я видѣлъ самъ въ Сибири или получилъ изъ Камчатки, и описывалъ по подлинникамъ, а потому могу при своей фаунѣ, которой половина уже готова, воспользоваться къ славѣ покойнаго только немногимъ изъ Observ. ornithologicis. Но его ихтіологія въ высшей степени важна по многочисленности морскихъ и рѣчныхъ рыбъ, которыхъ никто кромѣ него не видалъ и не описывалъ. Отъ стеллерова путешествія въ Америку существуетъ черновая тетрадь дневника, изъ которой существенное уже напечатано г. статскимъ совѣтникомъ Мюллеромъ въ его Извѣстіяхъ о морскихъ путешествіяхъ, такъ-что

дѣлается почти излишнимъ обнародываніе самаго дневника. Ботаническими указаніями воспользовался Гмелинъ, и они по бóльшей части состоятъ изъ названій съ отрывочными примѣчаніями. Когда бы я окончилъ порученное мнѣ изданіе пятаго тома Florae Sibiricae, то могъ бы представить изъ стеллеровскаго собранія хорошее дополненіе къ восточнымъ горнымъ растеніямъ (östlicher Gebürgpflanzen). Observationes oryctographicae, оставленныя Стеллеромъ, едва заслуживаютъ упоминанія и нисколько не значительны уже и для старины: это не было областью Стеллера, также какъ и четвероногія животныя и насѣкомыя. О морскихъ животныхъ онъ только прилежно собиралъ, но почти вовсе не описывалъ"....

Нашлось еще одно нѣмецкое періодическое изданіе, которое, при разборѣ шереровскаго изданія Steller's Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, горячо приняло сторону униженнаго въ посвященіи Шерера—Крашенинникова, чтó тѣмъ болѣе замѣчательно, что этого ученаго въ то время давно не было въ живыхъ. Статья о томъ подписана двумя буквами Ре, и въ ней читаемъ [1]):

„Покойный профессоръ Крашенинниковъ, отъ котораго мы имѣемъ первое описаніе Камчатки, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и былъ снабженъ подробными наставленіями отъ даровитыхъ Мюллера, Гмелина и Делиля. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ имѣлъ досугъ и поддержку привести въ порядокъ свои рукописи. Въ тоже время ему переданы были бумаги умершаго Стеллера, такъ-что онъ могъ выработать полное, обстоятельное сочиненіе изъ его и своихъ собственныхъ наблюденій..... Издатель приходитъ въ восторгъ отъ заслугъ своего писателя и въ посвященіи восклицаетъ: „уже давно ученый свѣтъ не имѣлъ собранія превосходныхъ сочиненій знаменитаго Стеллера!" Чтобы доказать это, г. Шереръ не постыдился презрительно отзываться о Крашенинниковѣ и его Описаніи, называя его ученикомъ Стеллера и обвиняя, что онъ воспользовался собраніями послѣдняго, заимствовалъ его карты, ри-

[1]) Allgemeine deutsche Bibliothek, 1775, XXV, 537 — 543.

сунки и т. п. Что тутъ постыднаго, что Крашенинниковъ, въ званіи студента, признанъ былъ способнымъ къ выполненію возложенныхъ на него порученій? Онъ не былъ ни ученикомъ, ни подчиненнымъ Стеллера: каждый изъ нихъ имѣлъ свою собственную инструкцію. Крашенинниковъ скоро возвысился, благодаря своей учености, а въ Камчаткѣ не могъ пользоваться собраніями и рисунками Стеллера, потому что былъ тамъ гораздо прежде, чѣмъ Стеллеръ, который провелъ только зиму на Камчаткѣ, а слѣдующимъ лѣтомъ отправился въ морское путешествіе для отысканія американскихъ береговъ. Выгодный отзывъ Мюллера и собственное сознаніе Стеллера, такъ-какъ онъ часто ссылается на Крашенинникова, напр. на стр. 32, ясно показываютъ, какъ несправедливо и поспѣшно судилъ издатель. Онъ, въ жизнеописаніи Стеллера, напыщенно начинаетъ и кончаетъ мелочными придирками и хочетъ насъ увѣрить, что для Стеллера Камчатка представляла уже мало сокрытаго, почему онъ и согласился на морское путешествіе. Но, какимъ образомъ въ одну зиму могъ Стеллеръ такъ подробно изучить столь большую землю, для изслѣдованія которой посланы были два человѣка? Мы можемъ почти положительно сказать, что Крашенинниковъ, по своемъ возвращеніи, ни разу не заимствовалъ стеллеровскихъ рисунковъ, точно также какъ въ русскомъ подлинникѣ сообщено гораздо болѣе, чѣмъ мы находимъ у Стеллера. Съ бо́льшимъ основаніемъ спрашиваемъ мы издателя, не взялъ-ли онъ изъ нѣмецкаго извлеченія сочиненія Крашенинникова обѣ карты и другіе рисунки, именно лѣтнихъ и зимнихъ юртъ, гавани Петра и Павла и Охотска? При сравненіи ихъ между собою, оказывается несомнѣннымъ, что при изданіи описанія Стеллера́ помѣщены копіи съ гравюръ, въ которыхъ не взято даже труда измѣнить и малѣйшее украшеніе и по произволу расположенныя облака?...

„Книга Стеллера, продолжаетъ нѣмецкій журналъ, найдетъ читателей: они развлекутся довольно пріятно заключающимися въ ней извѣстіями, и она потому не требуетъ никакихъ уловокъ. Это говоримъ мы только издателю, а заслугъ Стеллера умалить не желаемъ, но не можемъ рѣшиться признать его за

рѣдкій геній, какъ желаетъ издатель: книга показываетъ противное... Стеллеръ былъ прилежный наблюдатель, но былъ-ли онъ опытный естествоиспытатель — рѣшить это мы на себя не беремъ“...

—

Въ заключеніе здѣсь помѣщается реестръ рукописямъ Стеллера, составленный Крашенинниковымъ (ср. выше стр. 605).

1. Реестръ всякимъ матеріаламъ, отданнымъ въ Якутскѣ геодезисту Красильникову, на нѣмецкомъ языкѣ, на 2 листахъ.

2. Описаніе нынѣшняго состоянія Камчатки на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненное профессоромъ Мюллеромъ, на 24 листахъ.

3. Обсерваціи, касающіяся до исторіи натуральной, на латынскомъ языкѣ, чиненныя докторомъ Гмелинымъ, на 78 листахъ; да при нихъ реестръ тѣмъ обсерваціямъ, которыя еще учинить надлежало, на четырехъ листахъ.

4. Латынской реестръ растущимъ по Ленѣ травамъ, описаннымъ отъ доктора Гмелина по алфавиту, на 4 листахъ.

5. Латынскія обсерваціи, до исторіи натуральной касающіяся, чиненныя студентомъ Крашенинниковымъ, на 24 листахъ.

6. Латынской реестръ травамъ, потребнымъ въ ботаническій садъ, сообщенный Стеллеру изъ конференціи, на пяти листахъ.

7. Русское географическое описаніе Камчатки и другихъ мѣстъ, сочиненное студентомъ Крашенинниковымъ, на 33 листахъ.

8. Русское описаніе сибирскихъ лекарствъ, сочиненное студентомъ Горлановымъ, на 33 листахъ.

9. Русское описаніе Кроноцкаго озера, сочиненное пищикомъ Аргуновымъ, на пяти листахъ.

10. Его же описаніе пути отъ Якутска до Вилюя, на 21 листѣ.

11. Его же описаніе Вилюя рѣки и живущихъ по оной якутовъ, на пяти листахъ; сверху все сгнило.

12. Его же русской реестръ звѣрямъ, птицамъ и рыбамъ, около Вилюя находящимся, на одномъ листѣ.

13. Реестръ дѣламъ, отъ доктора Гмелина сообщеннымъ адъюнкту Стеллеру, на одномъ листѣ.

14. Флора иркутская Стеллерова сочиненія и при ней на концѣ реестръ сѣмянамъ, на 90 листахъ [1].

15. Его же описаніе травъ, растущихъ между Якутскомъ и Охотскомъ, на 20 листахъ.

16. Его же описаніе травъ, растущихъ по Киренгѣ и Ленѣ рѣкамъ, на 5 листахъ, въ томъ числѣ половина бѣлой бумаги.

17. Реестръ собраннымъ на Камчаткѣ мускусамъ, на двухъ листахъ.

18. Описаніе морскихъ травъ на семи листахъ.

19. Черное описаніе травъ и реестры травамъ и сѣмянамъ камчатскимъ и американскимъ, безъ всякаго порядка писаннымъ, на 47 листахъ.

20. Черное описаніе травъ, которое все погнило и многіе нумеры въ ономъ утрачены, на 47 листахъ.

21. Реестръ травамъ, звѣрямъ, птицамъ и рыбамъ на двухъ листахъ.

22. Реестръ травамъ, собраннымъ на Камчаткѣ 1743 г., на трехъ листахъ.

23. Реестръ сѣмянамъ, собраннымъ на Камчаткѣ 1743 г., на полуторѣ листѣ.

24. Реестръ сѣмянамъ, собраннымъ около Кяхты 1739 г., на трехъ полулистахъ.

25. Описаніе и реестръ камчатскимъ травамъ на 7 листахъ.

26. Реестръ сѣмянамъ, собраннымъ около Иркутска и Байкала озера, на четырехъ листахъ.

27. Исторія о минералахъ, неоконченная, на четырехъ лист.

28. Реестръ минераламъ, накодящимся около Иркутска, на двухъ съ половиною листахъ.

29. Исторія о минералахъ, на 21 листѣ.

30. Описаніе морскихъ звѣрей, на 26 листахъ [2].

---

[1]) Въ архивѣ акад. конференціи, связка № 13ᵇ, литера L, съ заглавіемъ Flora Ircutensis, G. W. Stelleri, ad quam spectant XLI icones, но этихъ изображеній при означенной связкѣ нынѣ не нашлось.

[2]) Сохранилось въ архивѣ акад. конференціи въ связкѣ № 13ᵇ, лит. N.

31. Описаніе нѣкоторыхъ земныхъ звѣрей, на 2 листахъ.

32. Черное описаніе нѣкоторыхъ звѣрей на 11 листахъ.

33. Черное описаніе морскихъ и земляныхъ звѣрей, на 18 листахъ безъ всякаго порядка.

34. Реестръ травамъ за рукою доктора Гмелина на двухъ съ половиною листахъ, начала у онаго не имѣется.

35. Описаніе гнѣздѣ и яицъ птичьихъ на шести листахъ [1]).

36. Разныя обсерваціи, до описанія птицъ касающіяся, на двухъ листахъ.

37. Обсерваціи, до гнѣздъ и яицъ птичьихъ принадлежащія, на четырехъ листахъ.

38. Описаніе птицъ 1743 году, на 32 листахъ.

39. Дессертація о рыбахъ вчернѣ, на 19 листахъ.

40. Генеральныя обсерваціи о зарожденіи рыбъ, на 5 лист.

41. Описанія рыбъ 1743 и 1744 гг., на 44 листахъ.

42. Обсерваціи, до исторіи разныхъ рыбъ принадлежащія, на 11 листахъ.

43. Диссертація о рыбахъ и разныхъ рыбъ описанія вчернѣ, у которыхъ первые листы безъ порядку изодраны и погнили, на 56 листахъ.

44. Описаніе рыбы омуля, на трехъ листахъ, по большей части погнило.

45. Черныя описанія птицъ, на 29½ листахъ, изодраны и нѣсколько погнили. На первомъ листѣ писанъ журналъ отъ Большерѣцка до Авачи по-нѣмецки.

46. Описаніе пауковъ и другихъ насѣкомыхъ вчернѣ, на 17 листахъ.

47. Черныя обсерваціи на 19 листахъ, у которыхъ сначала описаніе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, на концѣ описаніе морскихъ травъ, а въ срединѣ бѣлые листы, или и писанные, но всѣ вымараны.

48. Описаніе насѣкомыхъ 1740 г., на 28 листахъ.

---

[1]) Въ архивѣ акад. конференціи связка № 13ᵇ, лит. M, «Mantissa de nidis et ovis ex abiorum observationibus collecta a. G. W. Stellero».

49. Описаніе сибирскихъ лекарствъ вчернѣ на шести листахъ, начала у оного не имѣется.

50. Вокабулярій разныхъ языковъ на 12 листахъ.

51. Нѣмецкое описаніе Коряцкаго народа на пяти листахъ.

52. Дополненіе къ исторіи о Камчадалахъ на нѣмецкомъ языкѣ безъ конца, а при немъ многія записки на полулистахъ, четверкахъ и цыдулкахъ, къ тому же принадлежащія.

53. Описаніе, какимъ образомъ какихъ звѣрей ловятъ, на нѣмецкомъ языкѣ, безъ начала и безъ конца, на 21 листѣ.

54. Книга, переплетенная въ красную кожу, а въ ней на нѣсколькихъ листахъ ботаническія обсерваціи написаны.

55. Реестры камнямъ и другимъ минераламъ, находящимся на Камчаткѣ, а при нихъ реестры травамъ, птицамъ и другимъ вещамъ безъ порядка на разныхъ полулистахъ, всего семь съ половиною листовъ.

56. Реестръ насѣкомымъ на 32 листахъ въ осьмуху.

57. Разныя записки, обсерваціи и географическія карты на лоскуткахъ покойнаго доктора Мессершмита и при нихъ жалованная грамота на пергаментѣ Детлофа Матиса.

58. Экстрактъ изъ Раіева сокращенія о морскихъ травахъ, на четырехъ тетрадяхъ, въ четвертую долю листа.

59. Экстрактъ изъ Комментарій парижской Академіи наукъ о травахъ, на девятнадцати тетрадяхъ, въ четверть листа.

60. Экстрактъ изъ Комментарія той же Академіи 1718 г., переплетенъ въ толстую бумагу, въ четверть листа.

61. Пакетъ изъ синей бумаги за печатьми адъюнкта Стеллера, а въ немъ письма покойнаго служиваго Климовскаго; да при ономъ же пакетѣ шнуровая книга, которая дана была помянутому Климовскому изъ якутской воеводской канцеляріи для записки плакатныхъ денегъ при раздачѣ служивымъ, отправленнымъ на судахъ съ профессоромъ Мюллеромъ и Гмелинымъ.

62. Пять пакетовъ изъ синей бумаги, а въ нихъ партикулярныя письма, присланныя отъ разныхъ людей къ адъюнкту Стеллеру [1]).

---

[1]) II, книга № 813.

ФИШЕРЪ, ІОГАНЪ-ЭБЕРГАРДЪ, академикъ по каѳедрѣ исторіи и древностей.

Извѣстія о немъ: H. L. C. Bacmeister's Russishe Bibliothek, I, 291, откуда безъ прибавленій заимствованы: I. X. Аделунгомъ — Fortsetzung und Ergäntzungen zu C. G. Jöchers allgemeinen Gelehrten-Lexico, II, 1118, и I. Г. Мейзелемъ — Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, III, 362, 363. Рукописная, краткая біографія Фишера на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Lebensumstände des H. Professors Johann Eberhard Fischer, и автобіографія хранятся въ архивѣ академической конференціи. Донесеніе въ академическую канцелярію о пребываніи въ Сибири, гдѣ былъ въ ученой экспедиціи — Nordische Nebenstunden, herausgegeben von I. B. Scherer, стр. XVI—XXIV.

Фишеръ родился 10 января 1697 года въ Эсслингенѣ тогдашняго Вюртембергскаго герцогства, гдѣ отецъ его, Георгъ-Авраамъ былъ директоромъ въ гимназіи. Въ 1730 г. Іоганнъ Фишеръ, имѣя ученую степень магистра, пріѣхалъ въ Петербургъ и получилъ здѣсь мѣсто проректора при академической гимназіи, съ жалованьемъ по 200 рублей; въ 1732 году тамъ же возведенъ въ ректора, съ жалованьемъ по 300 руб. и съ правомъ присутствовать въ академическихъ собраніяхъ. Въ 1733 году составленъ былъ Фишеромъ, по требованію президента Академіи наукъ барона Кейзерлинга, проектъ объ устройствѣ гимназіи и училищъ въ Петербургѣ (Vorschlag wie das Gimnasium und die Schulen zu S.-Petersburg einzurichten)[1], а въ 1733 году на Фишера было возложено исправленіе нѣмецкаго перевода сочиненія Абулгази-хана. Этотъ переводъ былъ сдѣланъ непосредственно съ татарскаго оригинала извѣстнымъ оріенталистомъ Керомъ очень близко къ подлинику, при чемъ были вѣрно переданы несовсѣмъ приличныя для европейскаго уха выраженія, за что Кера и винили какъ чудака[2].

Въ 1738 году въ академической канцеляріи было рѣшено

---

[1]) I, связка бумагъ, касающихся академической гимназіи, № 70.

[2]) Продолженіе мюллеровской рукописи Стриттера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 417. Ср. также Hartwig Ludwig Christian Bacmeister's Russische Bibliothek, IV, 558, 559.

на смѣну академика Мюллера, который ходатайствовалъ о возвращеніи его въ Петербургъ, по случаю разстроеннаго здоровья, и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, на что вызвался Фишеръ. 15 мая 1738 года, баронъ Корфъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Фишеръ обязывался отправиться въ камчатскую экспедицію въ званіи адъюнкта, на пять лѣтъ, съ жалованьемъ по 660 рублей въ годъ; при чемъ ему было обѣщано по возвращеніи званіе профессора исторіи и то содержаніе, какое назначалось ему на время путешествія его. Такъ-какъ всѣ распоряженія по камчатской экспедиціи зависѣли отъ сената, то контрактъ съ Фишеромъ былъ отосланъ туда на утвержденіе и возвращенъ не ранѣе марта 1739 года [1]).

Зимою того же года Фишеръ отправился изъ Петербурга въ Сибирь съ женою и нѣсколькими малолѣтними дѣтьми. Въ слѣдующемъ 1740 году онъ уже путешествовалъ по Сибири, откуда изъ писемъ его въ Петербургъ извѣстно только одно, отъ 17 октября 1740 года, къ барону Корфу изъ Томска. Здѣсь Фишеръ предполагалъ отправиться въ Иркутскъ, устроить тамъ свое семейство и потомъ зимнимъ путемъ отправиться въ Якутскъ, а весною—въ Охотскъ такъ, чтобы въ октябрѣ 1741 года быть въ Камчаткѣ. При этомъ случаѣ Фишеръ описывалъ свое затруднительное положеніе отъ того, что онъ до сихъ поръ надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ, а они теперь оба (Мюллеръ и Гмелинъ) уѣзжаютъ изъ Сибири и онъ остается одинъ. При немъ никого не остается кромѣ вѣтряннаго Линденау и пьяницы переписчика, а между-тѣмъ онъ, Фишеръ, такъ мало успѣлъ въ русскомъ языкѣ, что не въ состояніи на немъ объясняться безъ пособія переводчика [2]).

Что касается до извѣстій другихъ лицъ о путешествіи Фишера по Сибири, то они далеко не въ пользу этого ученаго: между прочимъ въ письмахъ академика Гмелина къ своему товарищу Мюллеру [3]) сохранились весьма неблагопріятныя по-

---

[1]) II, книги №№ 810 и 110.
[2]) II, книга № 811.
[3]) I, 10-й портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

дробности о новомъ ихъ собратѣ, котораго сибиряки изъ Фишера передѣлали въ Фиршела.

Въ Красноярскѣ, Гмелинъ, повидавшись съ статскимъ совѣтникомъ Ланге и однимъ пасторомъ, извѣщалъ, 10 іюня 1740 года, Мюллера: „г. Фишеръ въ продолженіе всего своего пути не пріобрѣлъ себѣ много похвалъ“. 4 октября того же года изъ Томска: „я здѣсь встрѣтилъ г. Фишера, жена котораго за двѣнадцать дней до моего пріѣзда родила мальчика. Мнѣ пріятно видаться съ нимъ у себя и у него, но не въ гостяхъ, потому что онъ обижается каждымъ словомъ и не умѣетъ объясняться хладнокровно. Что же касается до моихъ съ нимъ сношеній, то мнѣ бы желательно было, чтобы онъ по менѣе мѣшалъ въ моихъ занятіяхъ, а это было бы тогда, когда бы г. Фишеръ по болѣе имѣлъ дѣла. Людей, съ нимъ бывшихъ, я нашелъ въ полномъ противъ него возстаніи, и хотя я, послѣ многихъ просьбъ г. Фишера, наконецъ согласился сдѣлать имъ допросъ, однако съ недѣлю все стихло, и, кажется онъ нѣсколько убѣдился, послѣ многихъ уговариваній моихъ при каждомъ случаѣ, что ему необходима умѣренность въ душевномъ его настроеніи“. Около того же времени безъ числа: „г. Фишеръ чрезвычайно вспыльчивъ, и хотя онъ противъ меня собственно никогда не выказывался такимъ, однако мнѣ не приводилось еще ни разу быть съ нимъ въ большомъ обществѣ, гдѣ не выказался бы онъ въ отношеніи къ другимъ необычайно вспыльчивымъ. Такъ-какъ мнѣ всегда очень прискорбно слушать это и стоитъ великаго труда укрощать и горячаго человѣка, и другихъ, то сердечно желаю, чтобы положенъ былъ тому конецъ. Я ему совѣтовалъ не посѣщать болѣе никакого общества, и онъ хочетъ послѣдовать такому совѣту. Однако это еще не совсѣмъ помогло. Онъ задаетъ мнѣ часто вопросы, на которые проситъ отвѣтовъ для своего вразумленія, почему я иногда принужденъ марать отъ двухъ до трехъ листовъ. Не сдѣлай я этого, онъ бы сталъ моимъ врагомъ, чего я стараюсь сколько возможно избѣгать, потому что надѣюсь на кратковременность пребыванія его здѣсь“. Изъ Томска 3 ноября 1740 года, послѣ описанія воеводской вечеринки:... „только на ней не

было г. Фишера, потому что, я просилъ его не ходить туда послѣ того какъ онъ мнѣ объявилъ, что хочетъ при первомъ случаѣ вцѣпиться воеводѣ въ волоса"...

Наконецъ Фишеръ разсорился и съ Гмелинымъ за то, что этотъ отказался просить въ письмѣ къ Эйлеру о покупкѣ азбуки для дѣтей Фишера, такъ-какъ его брату было удобнѣе это выполнить. „Уже давно, писалъ Гмелинъ къ Мюллеру, 13 ноября 1740 года, къ нему не ходилъ ни единый человѣкъ кромѣ меня, а такъ-какъ теперь и я не хожу, то онъ остается совершенно одинъ. Невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачествъ. Полагаю очень безплодною для Академіи посылку его сюда: онъ ничего не дѣлаетъ и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде чѣмъ не получитъ инструкцію, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, что имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло".... Въ январѣ 1741 года Гмелинъ старался о дальнѣйшемъ отправленіи Фишера и по этому случаю извѣщалъ Мюллера, 7 января 1741 года: „не могу описать, какъ онъ утомилъ меня своими вопросами и хлопотами. Я почти ничего другаго не дѣлаю какъ только угождаю ему, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не спроважу его, о чемъ сильно хлопочу"...

14 февраля 1741 года Гмелинъ разсказывалъ Мюллеру, что послѣ отъѣзда Фишера узналъ, что онъ одному ремесленнику, который исполнялъ для него заказъ, вмѣсто расплаты, надавалъ оплеухъ, говоря, что съ него, Фишера, не слѣдуетъ брать денегъ, потому что онъ *„государевъ человѣкъ!"* Мяснику не заплатилъ онъ за пять пудъ мяса. „Наконецъ, прибавляетъ Гмелинъ, здѣсь въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы, если имѣлъ съ нимъ дѣло, не жаловался на него".... 11 марта 1741 года изъ Томска: „Объ излишествахъ г. школьнаго учителя (такъ называлъ Гмелинъ въ насмѣшку Фишера) ходитъ постоянно множество потѣшныхъ извѣстій. Онъ кажется хочетъ своимъ пребываніемъ въ Сибири дать сибирякамъ пищу для толковъ. Разсказываютъ о немъ повсюду: я даже видѣлъ, что о немъ и пишутъ. Изъ Красноярска, вмѣсто семи подводъ,

онъ взялъ съ своимъ писцомъ 52 лошади и десять служивыхъ для конвоя; но платилъ вездѣ только половину прогоновъ. Онъ издалъ манифестъ, по которому ямщикъ, опрокинувшій въ первый разъ его сани, долженъ быть битъ батогами; во второй — заплатить штрафу 50 копеекъ, а въ третій — наказывается кнутомъ"...

Послѣ такихъ отзывовъ Гмелина, не кажется невѣроятнымъ то, что писалъ, 12 ноября 1742 года, въ донесеніи къ Линденау, состоявшему также въ камчатской экспедиціи, солдатъ Григорій Ларихинъ „объ озлобленіяхъ и грабленіяхъ" какъ русскихъ, такъ и ясачныхъ инородцевъ отъ Фишера на пути его отъ Иркутска въ Якутскъ и отъ Якутска до Юдомскаго креста. По сказаніямъ Ларихина, Фишеръ отнималъ насильно у инородцевъ разныя вещи и мѣха; приказывалъ солдатамъ, бывшимъ у него для караула, сидѣть для себя вино; билъ ихъ нещадно за всякую малость и т. п. Вотъ образчикъ одной изъ многихъ продѣлокъ этого путешественника:... „онъ, г. профессоръ, выѣхалъ изъ Якутска на Ярмангу августа около 4 числа и жилъ на Ярмангѣ... а какъ отъ Ярманги онъ, г. профессоръ, отправился, то верьхомъ ѣхать на лошади не изволилъ, а велѣлъ сдѣлать колыбель, или качку, и на ней себя везти; и приказалъ, кромѣ проводниковъ, изъ служивыхъ по человѣку по сторонамъ итить пѣшкомъ и качку его со сторонъ держать, чтобъ не качало; а трость свою съ костылемъ велѣлъ напереди себя нести такимъ образомъ, якобы какъ передъ архіереемъ носятъ. А понеже какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, что оная дорога болѣе находится въ великихъ грязяхъ, не токмо чтобъ качку держать, но насилу съ великою нуждою и сами пѣшкомъ пройтить могутъ, и зато бьетъ палкою по чемъ ни попало, а выѣхавши изъ грязи, стегаетъ и батожьемъ немилостиво"... Въ заключеніе Ларихинъ просилъ, чтобы „впредь въ командѣ бъ его мнѣ не быть, понеже въ показанныхъ отъ него наглыхъ разореніяхъ надѣюсь я, что въ Якутску уже есть не безъ просьбы, и въ томъ боюсь я, чтобъ и мнѣ чего въ вину не причлось, понеже можетъ быть онъ, г. профессоръ, что ни чи-

нилъ, будетъ на насъ отводить“.... [1]). Предчувствіе Ларихина не обмануло: Фишеръ подпалъ подъ судъ, о чемъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи въ донесеніи академической канцеляріи (въ іюлѣ 1747 года):

„Interim accidere ea, quorum memoria etiam nunc animum horrore perstringit, sed de quibus in praesentia conqueri nihil attinet. Ut paucis absolvam: inimicorum ego acerbissimis iisque impudentissimis calumniis oppressus, sub primordia anni 1743 retractus Jakutum, sub custodia militum per sexaginta dierum spatium noctes diesque super glacie atque nivibus egi; tantum itineris emensus duobus renonibus, qui me meamque penum, vestimenta item et caeteram suppellectilem veherent. Patuit quidem brevi mendaciorum, quibus meam foedissimi accusatores onerarant famam vanitas; et Jakutensis cancellaria post institutam diligentissime cognitionem, me ab omni contagine criminum, quod intenderant adversarii, pronunciavit, remotis custodibus, integrum scelerisque purum. Tamen grave, acerbum, pessimique exempli fuerat, extitisse, qui bonis auderent vanissimis suis accusationibus pericula struere, neque tam laetum fuerat liberatum esse discrimine, quam adiisse discrimen triste atque miserum“... [2]).

По разсказу Палласа, у Юдомскаго креста, противъ Фишера одинъ солдатъ закричалъ „слово и дѣло“, почему тотъ и былъ привезенъ обратно въ Якутскъ [3]).

30 сентября 1743 года, сенатъ сдѣлалъ запросъ Академіи наукъ о находившихся въ Сибири ученыхъ и ихъ трудахъ. Когда было это сообщено собранію академиковъ, то оно отозвалось, что „профессоры не находятся въ состояніи дать свое мнѣніе, потому что отъ адъюнкта Фишера никогда... никакихъ репортовъ и описаній не получали“... [3]).

Фишеръ вернулся изъ Сибири въ Москву въ 1747 году и

---

[1]) II, книга № 812.

[2]) Nordische Nebenstunden, herausgegeben von J. B. Scherer, стр. XIX, XX.

[3]) Beckmann's Physikalisch-ökonomische Bibliothek, VIII, 455.

[4]) II, книга 812.

прожилъ тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, не представляя никакихъ донесеній о себѣ въ Академію, такъ-что академическая канцелярія, наконецъ, потребовала отъ него отвѣта, почему онъ не писалъ въ Академію въ бытность свою въ Сибири и не сообщалъ извѣстія о пріѣздѣ своемъ въ Москву? Фишеръ отвѣчалъ, 9 марта 1747 года, довольно многословнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ туманнымъ латинскимъ донесеніемъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что онъ посылалъ сначала изъ Сибири донесенія въ Академію, но не получалъ на нихъ отвѣта. Затѣмъ, онъ пришелъ въ страхъ и потерялъ будто бы всѣ свои пожитки вслѣдствіе ябедъ на него злобнаго человѣка. Потомъ по Сибири прошелъ слухъ, что Академія находится въ сомнительномъ положеніи, что́ поставило Фишера, по его словамъ, въ неизвѣстность, къ кому слѣдовало ему писать донесенія. Далѣе идутъ жалобы, что ему не давали мѣстныя власти писцовъ. Фишеръ счелъ нужнымъ помѣстить между своими оправданіями сѣтованіе о маломъ почетѣ, оказываемомъ въ Сибири ученымъ. „Ежели правду сказать, говорилъ онъ, то чинъ академиковъ отъ неискусныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вмѣняется. Ежели кто изъ нихъ или въ церкви, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ за обыклое оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное послышитъ слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда попротивиться, то ссоры и брани; ежели жъ умолчать и пропустить, то за истину признаютъ. И того ради весьма рѣдко какъ отъ обывателей, такъ и отъ офицеровъ академическаго человѣка, развѣ бы онъ полномочную власть имѣлъ, удостоиваютъ или собранія или разговора, или почитанія и напослѣдокъ какого либо знака доброжелательства“....

Въ заключеніи Фишеръ сознавался: „... Подлинно я виноватъ, да еще и не мало. Которая моя вина развѣ по милости императорскія Академіи наукъ прощена быть можетъ. Которое прощеніе ежели получу — ибо я за десять лѣтъ назадъ, прежде несчастливаго оного сибирскаго похода, прилежные и полезные труды мои Академіи оказалъ, — то съ крайнею возмож-

ностью и прилежаніемъ впредь тщиться буду, дабы по вашему жъ приговору прощенъ быть удостоился“ [1]).

28 іюня 1747 года, Фишеръ прибылъ въ Петербургъ, а въ сентябрѣ того же года представилъ въ академическую канцелярію привезенныя съ собою рукописи и бумаги, числомъ 28. Изъ нихъ бóльшая часть составлены и писаны не Фишеромъ, который почти вовсе не доставилъ никакихъ изслѣдованій послѣ своего девятилѣтняго путешествія. Даже бывшій при немъ переписчикъ Линденау, какъ человѣкъ прилежный и рачительный, хотя безъ образованія, собралъ извѣстій гораздо болѣе [2]).

Въ октябрѣ 1747 года Фишеръ напомнилъ академической канцеляріи объ обѣщаніи назначить его, по возвращеніи изъ Сибири, профессоромъ, и 28 ноября 1747 года съ нимъ заключенъ новый контрактъ, въ силу котораго ему дано жалованья 660 руб. въ годъ и мѣсто профессора въ университетѣ и ректора въ гимназіи при Академіи: „но понеже профессоръ исторіи уже имѣется, то давать ему такія лекціи, которыя президентъ за благо разсудить“; кромѣ того, онъ обязывался трудиться въ русской исторіи и приготовлять, вмѣстѣ съ Мюллеромъ, къ печати извѣстія, собранныя во время ученыхъ путешествій по Сибири [3]).

30 декабря 1747 года, академическая канцелярія постановила:... „исторіографу Мюллеру всѣ свои сочиненіи такъ расположить съ профессоромъ Фишеромъ, какъ они между собою о томъ согласятся, и, прежде нежели что ими подано будетъ въ канцелярію для напечатанія, должны они одинъ у другаго мнѣніе брать и, такимъ образомъ очистивши себя взаимно отъ всякаго сумнѣнія, должны, при поданіи своего сочиненія въ канцелярію, одинъ отъ другаго письменное приносить свидѣтельство. И прежде нежели они начнутъ обще въ семъ трудиться, должны жъ подать въ канцелярію планъ, по которому они поступать въ сихъ дѣлахъ намѣрены [4])“...

---

[1]) II, книга № 813. Современный переводъ этого латинскаго донесенія Фишера сдѣланъ весьма плохо Киріакомъ Кондратовичемъ.

[2]) Ibid.

[3]) II, книга №№ 110 и 456.

[4]) II, книга № 456.

Вслѣдствіе этого постановленія, Мюллеръ въ началѣ 1748 года обратился письменно къ Фишеру съ вопросомъ, какую часть сибирской исторіи избираетъ онъ для обработки? Отвѣта на это не послѣдовало, и Мюллеръ донесъ о томъ канцеляріи съ тѣмъ, чтобы „соблаговолено г. Фишера о томъ въ канцеляріи допросить, а что онъ скажетъ, о томъ меня увѣдомить“.

Въ мартѣ 1748 года, академическая канцелярія замѣтила между Фишеромъ и Мюллеромъ „партикулярное несогласіе“, отчего „не только по сіе время въ дѣлѣ, на нихъ положенномъ, чинится совершенная остановка, но и впредь уповательно время будетъ проходить напрасно и интересъ ея императорскаго величества знатный пропадать будетъ вотще“, а потому было учреждено историческое собраніе, въ которое, кромѣ названныхъ академиковъ, назначено было еще нѣсколько другихъ.

Въ историческомъ департаментѣ Фишеръ (18 апрѣля 1748 года) объявилъ, что онъ намѣренъ составлять реальный историко-географическій лексиконъ о Сибири, противъ чего Мюллеръ представилъ опроверженія, гдѣ объяснялъ, что подобные лексиконы составляются тогда, когда приведены въ извѣстность и обработаны всѣ матеріалы; а какъ о Сибири еще ничего не напечатано, то и къ составленію такого лексикона приступить невозможно. Изъ того, что собрано самимъ Фишеромъ, онъ не въ состояніи составить лексикона, развѣ думаетъ онъ воспользоваться его, Мюллера, собраніями, какъ это было уже разъ сдѣлано, когда въ географію, изданную отъ Академіи, заимствованы были доставленныя имъ свѣдѣнія безъ малѣйшаго упоминанія объ ихъ собирателѣ.

Фишеръ, съ своей стороны, упрекалъ Мюллера, что письмо его съ вопросомъ, какъ онъ намѣренъ разработывать исторію Сибири, было написано въ повелительномъ тонѣ; а пользоваться рукописными собраніями Мюллера послѣдній не можетъ запрещать Фишеру, потому что будто бы этимъ унижалась высочайшая власть, по повелѣнію которой собиралъ Мюллеръ свои матеріалы для пользы Россіи, а не для своей собствен-

ной. „А ежели онъ (Мюллеръ), писалъ Фишеръ, все дѣлать станетъ, а мнѣ останется честь послушанія, то напередъ видѣть можно, сколь бѣдное состояніе будетъ, когда я принужденъ буду взирать на лицо оное особистое, суровое, угрюмое и на мановенія оныя, которыми управлять онъ станетъ департаментомъ географическимъ и историческимъ". Фишеръ при этомъ также сознавался, что онъ, при составленіи своего лексикона, намѣревался пользоваться извѣстіями, которыя собраны были его товарищами по путешествію Гмелинымъ, Стеллеромъ и Мюллеромъ.

Должно предполагать, что споры и пререканія Мюллера съ Фишеромъ заходили далеко, потому что академическая канцелярія вынуждена была въ апрѣлѣ 1748 года составить такое опредѣленіе: „Понеже извѣстно учинилось чрезъ жалобу нѣкоторыхъ профессоровъ изъ собранія историческаго, въ которомъ положено освидѣтельствовать всѣ извѣстія и труды сибирской экспедиціи гг. профессоровъ Мюллера и Фишера, что въ помянутомъ собраніи вмѣсто того, чтобъ дѣло надлежащее производиться могло съ поспѣшеніемъ, происходятъ напрасные споры и досадительные разговоры, которые ученымъ людямъ непристойны.... И какъ г. президенту самому при всѣхъ такихъ собраніяхъ ученыхъ людей быть невозможно, того ради опредѣлено присутствовать во всякое то историческое собраніе канцеляріи академической члену, г. ассессору Теплову, и притомъ со всякою строгостію ему приказать, чтобъ онъ всѣ сибирскія дѣла .... какъ наискорѣе къ концу привести понуждалъ. Буде же кто изъ гг. членовъ историческаго собранія еще какимъ нибудь ссорамъ причину подастъ, то оному г. ассессору Теплову о томъ немедленно объявить канцеляріи, которая не оставитъ такія мѣры принять, чтобъ впредь никто столько дерзостенъ быть не отважился"...[1]).

Предположеніе Фишера составить историко-географиче-

---

[1]) II, книга № 802; тамъ же картонъ № 12; Чтенія общества исторіи и древностей, 1866 г., III, смѣсь, «Академики Мюллеръ и Фишеръ и описаніе Сибири», 5 — 24, и Записки Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 24—26.

скій лексиконъ о Сибири не было осуществлено, и его подготовительныя работы для того остались въ рукописи; но онъ издалъ впослѣдствіи составленную имъ изъ мюллеровскихъ матеріаловъ Сибирскую исторію, о которой будетъ говорено ниже, на стр. 632, 633.

Что касается до педагогической дѣятельности Фишера, то сверхъ надзора за гимназіею, на него было возложено (3 августа 1748 года) наблюденіе за нравственностію академическихъ студентовъ, для чего ему отведена была квартира въ томъ же домѣ бароновъ Строгоновыхъ, гдѣ помѣщались и молодые люди [1]). Несмотря на строгость данной инструкціи, студенты находили способы кутить и предаваться разнаго рода своевольствамъ. У Фишера были соглядатаи изъ отличнѣйшихъ студентовъ Николой Поповскій и Филипъ Яремскій, которыхъ товарищи, разумѣется, не терпѣли за то. 8 іюня 1749 Фишеръ доносилъ академической канцеляріи: „у бо́льшей части студентовъ имѣется такое между собою согласіе, чтобъ всѣми мѣрами гнать и обижать того, кто о худыхъ нѣкоторыхъ студентовъ поступкахъ мнѣ объявляетъ. Многіе студенты давно уже имѣли подозрѣніе на студента Филипа Яремскаго, что будто онъ тотъ, кто всѣ ихъ непорядки открываетъ. Студентъ Егоръ Павинскій нарочно пришелъ въ горницу студента Филипа Яремскаго и напалъ на него соннаго. А прочіе съ онымъ Филипомъ Яремскимъ вмѣстѣ живущіе студенты всѣ до единаго тогда разошлись, такъ-что никого въ горницѣ не оставалось“ [2]).

Однажды Фишеръ, для удержанія студентовъ отъ своевольства, просилъ академическую канцелярію назначить въ его распоряженіе особую команду изъ восьми солдатъ и двухъ „кустосовъ“. Вслѣдствіе такого ходотайства къ Фишеру отрядили одного академическаго солдата въ „безсмѣнные ординарцы“ и разрѣшили нанять двухъ кустосовъ [3]).

Впрочемъ, не всѣ донесенія Фишера заключались въ жало-

[1]) II, книга № 457.
[2]) II, книга № 13.
[3]) II, книга № 127.

бахъ на студентовъ. Такъ, 19 октября 1749 года, тотъ же Фишеръ, пользовавшійся славою отличнаго латиниста, не безъ нѣкотораго самодовольства, доносилъ канцеляріи: „что до студентовъ касается, и они довольный успѣхъ показали въ латинскомъ языкѣ.... Между ними такіе находятся, которые могутъ съ нѣкоторыми въ Академіи сравнятся, о чемъ я довольно извѣстенъ изъ повседневныхъ съ ними разговоровъ, потому что я по бóльшей части латинскій языкъ въ разговорахъ съ ними употребляю“...[1]).

18 іюня 1750 года Фишеръ былъ уволенъ отъ завѣдыванія гимназіею и наблюденія надъ студентами и въ томъ же году былъ посланъ въ Псковъ, гдѣ, какъ доводилъ до свѣдѣнія Академіи Петръ Крекшинъ, хранилось изъ завоеванныхъ шведскихъ городовъ болѣе двадцати тысячъ разныхъ книгъ. По разысканіямъ Фишера ничего не нашлось въ названномъ городѣ, кромѣ двухъ ящиковъ съ старыми газетами и календарями[2]).

Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 года (февраль, стр. 123—138) напечатано его Разсужденіе о гиперборейцахъ, или о народѣ, за Сѣверомъ находящемся. Въ томъ же изданіи за 1756 годъ, октябрь, 311—327, перу Фишера принадлежитъ разсужденіе О разныхъ именахъ Китайскаго государства и о ханскихъ титулахъ.

Въ 1757 году Фишеръ просилъ академическую канцелярію о прибавкѣ ему жалованья, говоря, что „разные изъ бывшихъ у меня учениковъ нынѣ дѣйствительно обрѣтаются какъ при здѣшней Академіи, такъ и при московскомъ университетѣ директорами и профессорами... а нынѣ сочиняю сокращеніе сибирской исторіи, которое сочиненіе мною почти и окончено.... Сверхъ же того, я, нижайшій, для засвидѣтельствованія моего къ россійской службѣ усердія, не токмо самъ обязался быть вѣчно подданнымъ вашего императорскаго величества, но и двухъ изъ моихъ сыновей, воспитанныхъ и обученныхъ, при невеликомъ моемъ жалованьѣ, на собственномъ моемъ коштѣ и содержаніи, записалъ въ высокославную россійскую

---

[1]) II, книга № 134.

[2]) II, книга № 139.

воинскую службу, въ которой они и дѣйствительно обрѣтаются, а именно: одинъ лейбъ-гвардіи въ семеновскомъ полку капраломъ, а другой въ ингерманландскомъ пѣхотномъ полку подпоручикомъ"[1]).

11 февраля 1759 года Фишеру была сдѣлана прибавка къ его жалованью 660 рублямъ — 200 рублей „за многолѣтнюю вѣрную службу и за понесенные въ дальныхъ посылкахъ великіе труды"...[2]).

7 декабря 1760 года кураторъ московскаго университета Иванъ Шуваловъ обращался въ Академію съ просьбою доставить ему мнѣніе членовъ ея: „въ которыхъ именно надлежитъ быть городахъ гимназіямъ и въ которыхъ школамъ; также какимъ должно въ оныхъ новоучреждаемыхъ гимназіяхъ и школахъ наукамъ и ученіямъ преподаваться?" На эти вопросы отвѣчали академики Браунъ, Эпинусъ, Протасовъ, Котельниковъ и Фишеръ. Послѣдній по этому поводу писалъ: „Если бы науки въ россійскомъ государствѣ бо́льшее приращеніе получили, и если бы подданнымъ совершенно было извѣстно, на какой конецъ учреждаемы бываютъ училища, то бы я совѣтовалъ стараться безъ упущенія времени о заведеніи во всѣхъ главныхъ городахъ каждой провинціи новыхъ школъ и гимназій. Но понеже подданные не подлинно еще вѣдаютъ, сколь великіе и полезные плоды науки приносятъ государству, то я заблагоразсуждаю не вдругъ сіе дѣло производить въ дѣйство, но сперва въ нѣкоторыхъ только городахъ учинить тому опытъ. И такъ, если новыя въ разныхъ городахъ россійскаго государства гимназіи употребить за потребно разсуждено, то, по моему мнѣнію, прежде всего надлежитъ гимназію основать въ Казани".... Далѣе Фишеръ полагалъ, что слѣдуетъ учреждать особенныя училища для каждаго сословія. Крестьянъ, по его мнѣнію, должно было учить только чтенію и письму: „а ежели захотятъ чему научиться изъ исторіи натуральной, оное, для недостатку учителей, собственнымъ трудомъ и прилежаніемъ пріобрѣсти должны"...[3]).

[1]) II, книга № 222.
[2]) II, книга № 240.
[3]) II, книга № 258.

Въ 1762—1765 годахъ Шлецеръ познакомился съ Фишеромъ, который выражалъ ему горячее участіе въ его столкновеніяхъ съ Мюллеромъ и Ломоносовымъ. „У профессора Фишера, разсказываетъ Шлецеръ, была жена, три взрослыхъ дочери и 600 рублей дохода, слѣдовательно онъ также былъ изъ недовольныхъ — старый, честный швабъ изъ Вюртемберга. Въ качествѣ адъюнкта, онъ совершилъ путешествіе по Сибири съ Мюллеромъ и подъ его начальствомъ, и жаловался на послѣдняго, что онъ уже и тамъ притѣснялъ его. Онъ тогда былъ единственнымъ въ русскомъ государствѣ человѣкомъ, обладавшимъ знаніемъ классическихъ литературъ и понимавшемъ критически латинь — но кто уважалъ это? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ не только опытный, но и ученый фортепіанистъ, который многое поразсказалъ мнѣ изъ того, что я не понималъ въ контръпунктѣ. Человѣкъ этотъ сдѣлался полезенъ и важенъ для моихъ тогдашнихъ историческихъ изслѣдованій. Основаніе Лейбница — отыскивать происхожденіе народовъ по ихъ языкамъ — я зналъ уже давно... Фишеръ, во время своихъ разъѣздовъ по Сибири, напалъ на мысль собирать повсюду слова неизвѣстныхъ народовъ; отсюда возникъ сборникъ словъ, единственный въ своемъ родѣ: Фишеръ охотно сообщилъ его мнѣ, потому что былъ радъ, видя, что его тяжелый трудъ, который никто не цѣнилъ въ Петербургѣ, былъ мною очень уважаемъ. Изъ этого сборника словъ я сперва составилъ классификацію всѣхъ русскихъ народовъ, которая перешла въ публику чрезъ мою Probe russischen Annalen und allgem. nord. Geschichte, и потомъ принята была всѣми писателями внутри и внѣ Россіи съ незначительными перемѣнами (какъ напр. что тунгузовъ не хотятъ признать за манжуровъ). Но такъ-какъ я этимъ словаремъ далеко еще не воспользовался, то просилъ его тогда (1767) у Фишера для историческаго института въ Гёттингенѣ: онъ охотно отдалъ оригиналъ, который теперь находится въ Гёттингенѣ для публики; имъ уже пользовались до сихъ поръ и, вѣроятно, со временемъ воспользуются еще прилежнѣе“....[1]).

---

[1]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben, 265, 187, 188.

Этотъ разсказъ знаменитаго ученаго требуетъ оговорокъ, которыя можно сдѣлать на основаніи другихъ современныхъ свидѣтельствъ, а именно: 1) въ то время, когда Шлецеръ познакомился съ Фишеромъ, послѣдній получалъ не 600, а 860 рублей жалованья, что̀ составляетъ, значительную разность, если притомъ не забывать тогдашнюю цѣнность денегъ. 2) Мюллеръ не могъ притѣснять Фишера во время путешествія по Сибири, потому что, послѣ кратковременнаго свиданія въ 1740 году въ Тобольскѣ, разъѣхался съ нимъ и потомъ былъ отъ него совершенно на другомъ концѣ этого обширнаго края. При томъ же каждому изъ бывшихъ въ этомъ путешествіи ученыхъ была дана полная возможность трудиться на пользу науки самостоятельно. Изъ переписки Гмелина, изъ которой приведены отрывки на стр. 619—621, ясно видно, что всѣ сношенія Мюллера съ Фишеромъ ограничивались сообщеніемъ перваго второму пространнаго наставленія для его дальнѣйшаго путешествія по Сибири. Фишеръ былъ недоволенъ этимъ наставленіемъ, находя его краткимъ, на что Гмелинъ отвѣчалъ, что Мюллеръ считалъ безполезнымъ писать для Фишера азбуку и обременять его излишними подробностями [1]). Во всякомъ случаѣ въ подобномъ обстоятельствѣ нельзя еще видѣть притѣсненій со стороны Мюллера, о которыхъ упоминаетъ Шлецеръ. 3) Что касается до сборника словъ изъ языковъ разныхъ сибирскихъ инородцевъ, то онъ не былъ трудомъ самого Фишера, и это видно изъ слѣдующихъ словъ Мюллера, свидѣтельство котораго, какъ знатока въ этомъ дѣлѣ, очень важно. Исторіографъ, разсказывая, что онъ составилъ для своего употребленія сборникъ словъ разныхъ инородцевъ, прибавляетъ: „Другой такой сборникъ былъ тогда у г. Татищева: когда онъ занимался сибирскими дѣлами, то разослалъ его ко всѣмъ воеводамъ и требовалъ переводовъ, которые и дѣлались въ городахъ также по приказанію воеводъ, какъ доказываютъ нѣкоторые образцы, привезенные съ собою г. профессоромъ

[1]) Письмо Гмелина 7 января 1741 года въ 10-мъ портфелѣ писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру, въ архивѣ академической конференціи.

Фишеромъ и потомъ имъ подаренные гёттингенскому историческому институту"...[1]).

Фишеръ умеръ 13 сентября 1771 года, оставивъ послѣ себя, кромѣ помянутыхъ дочерей, трехъ сыновей, которые всѣ находились въ русской военной службѣ. Жена его, Екатерина-Маргарита была дочь учителя академической гимназіи Стикса.

Въ 1768 году при Академіи была издана въ двухъ частяхъ, въ 8°: Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit Genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt von Johann Eberhard Fischer, Mitglied besagter Akademie, Professor der Alterthümer und der Geschichtkunde, und des historischen Instituts zu Göttingen ordentlichem Mitglied. Здѣсь въ началѣ помѣщено посвященіе тогдашнему директору Академіи наукъ, графу Владиміру Григорьевичу Орлову, а за тѣмъ въ предисловіи объяснено, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Мюллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія. Фишеръ окончилъ свой трудъ въ 1757 году, а въ слѣдующемъ — академическая канцелярія поручила переводчику Ивану Голубцеву переводить исторію Фишера на русскій языкъ [2]). Впрочемъ русскій переводъ вышелъ еще позднѣе подлинника, а именно въ 1774 году, подъ заглавіемъ: Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная членомъ С.-Петербургской Академіи наукъ и профессоромъ древностей и исторіи, такъ же членомъ историческаго Геттингенскаго собранія Іоганномъ Ебергардомъ Фишеромъ. (Въ С.-Петербургѣ при императорской Ака-

---

[1]) Рукопись Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 368. Тоже высказано Бюшингомъ, Beyträge zu der Lebensgeschichte denckwürdiger Personen, III, 144. О стараніи Татищева собирать словари разныхъ народовъ, см. В. Н. Татищевъ и его время, г. Нила Попова (М., 1861), 582—585.

[2]) II, книга № 236.

деміи наукъ 1774 года. Въ 4°, 631 стран. и двѣ карты). Русское изданіе хуже нѣмецкаго въ томъ отношеніи, что въ началѣ нѣтъ предисловія, въ которомъ заключается важное извѣстіе, что первоначальные источники для книги собраны Мюллеромъ, а въ концѣ не помѣщено подробнаго указателя, имѣющагося въ нѣмецкомъ изданіи. По свидѣтельству Шлецера-сына, нѣмецкое изданіе Сибирской исторіи Фишера сдѣлано было при Академіи только вслѣдствіе сильныхъ настояній его отца — Августа Шлецера. „Такимъ образомъ, прибавляетъ Шлецеръ-сынъ, нѣмецкая литература обязана ему произведеніемъ, правда многорѣчивымъ и лишеннымъ вкуса, но тѣмъ не менѣе очень поучительнымъ и важнымъ для историческихъ изслѣдователей"... [1]).

Въ 1770 году А. Л. Шлецеръ издалъ въ Гёттингенѣ: J. E. Fischeri... Quaestiones petropolitanae — I) de origine Ungrorum. II) de origine Tatarorum. III) de diversis shinarum imperotoris nominibus titulisque. IV) de Hyperboreis. Послѣдняя статья писана по нѣмецки и пользуется особенною извѣстностью у спеціалистовъ.

Въ Историческомъ мѣсяцословѣ на 1770 годъ есть статья Фишера: „О происхожденіи молдавцевъ, о ихъ языкѣ, знатнѣйшихъ приключеніяхъ, вѣрѣ, нравахъ и поведеніи" заимствована изъ академической рукописи князя Кантемира Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae [2]).

Въ Историческомъ мѣсяцословѣ на 1771 годъ Фишеръ помѣстилъ: Догадки о происхожденіи американцевъ [3]).

Въ жизнеописаніи Стеллера на стр. 606 и слѣдующихъ упомя-

---

[1]) A. L. von Schlözers öffentliches und privat Leben... beschrieben von dessen Sohne C. von Schlözer (Leipzig, 1828), I, 104.

[2]) Статья эта перепечатана въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцesлововъ на разные годы, III, 52—90. Ср. также: H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, I, 235—237.

[3]) Перепечатана въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцесловов на разные годы, III, 122 — 173. Бюшингъ высказалъ (Wöchentliche Nachrichten, 1783, XI Stück, 83), что Шереръ выдалъ за свою статью Фишера о происхожденіи американцевъ, помѣщенную въ Петербургскомъ мѣсяцесловѣ и у Палласа — Neue nordische Beiträge, III.

нуто объ Іоганнѣ-Бенедиктѣ Шерерѣ, который, въ бытность въ Петербургѣ, познакомился съ нѣкоторыми изъ академиковъ и, уѣхавъ потомъ заграницу, взялъ съ собою рукописныя сочиненія и статьи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Какимъ способомъ пріобрѣлъ Шереръ эти рукописи неизвѣстно, только въ 1774 году онъ издалъ въ Лейпцигѣ: Des heiligen Nestors... und der Fortsetzer desselben, älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte.... übersetzt und mit Anmerkungen versehen von I. B. Scherer. Какъ только появилась эта книга, то добросовѣстныи Г. Л. Х. Бакмейстеръ тотчасъ же указалъ на неправильности перевода и на то, что приписанныя Шереромъ себѣ примѣчанія преимущественно заимствованы изъ двухъ неизданныхъ сочиненій академика Фишера, именно: Noctes petropolitanae и изъ историко-географическаго лексикона о Сибири, или лучше сказать изъ матеріаловъ къ этому труду [1]). Бюшингъ отозвался также неодобрительно объ изданіи Шерера. Но ни категорическія заявленія Бакмейстера, ни замѣчанія такого знатока русской исторіи, каковымъ былъ Бюшингъ, не удержали Шерера отъ дальнѣйшаго печатанія чужихъ трудовъ подъ своимъ именемъ. Въ 1776 году, онъ, именуя уже себя пенсіонеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Версали, издалъ: Nordische Nebenstunden, das ist Abhandlungen über die alte Geographie, Geschichte und Alterthümer Nordens. Шереръ опять ни слова не сказалъ о настоящемъ авторѣ напечатанныхъ имъ статей, но за то все предисловіе наполнилъ довольно пошлыми выходками противъ Бюшинга. Бакмейстеръ и на этотъ разъ доказалъ весьма убѣдительно и со ссылками на страницы рукописей, что всѣ статьи, за исключеніемъ только двухъ, которыя перепечатаны изъ старинныхъ изданій, и одной именно Vita Theophanis Procopowitsch, авторъ которой Бакмейстеру остался неизвѣстенъ, заимствованы дословно изъ тѣхъ же рукописныхъ трудовъ Фишера: Noctes petropolitonae и изъ матеріаловъ къ его сибирскому лексикону [2]).

Бюшингъ, не отвѣчая на личныя выходки Шерера, выска-

---

[1]) Russische Bibliothek, IV, 95—106. | [2]) Ibid., 601—611.

залъ [1]) прямо, что Nordische Nebenstunden взяты изъ рукописныхъ трудовъ Фишера, и что въ этомъ заимствованіи легко убѣдиться, прочитавъ изданную Фишеромъ Сибирскую исторію. „Хотя г. Шереръ, замѣчаетъ Бюшингъ, хвалится въ предисловіи дружбою профессора Фишера и при томъ помѣстилъ разсказъ его о трудахъ и злоключеніяхъ, испытанныхъ имъ во время путешествія по Сибири, однако я не стану говорить о томъ читателю, какъ неблагодаренъ и ничѣмъ неизвиняемъ такой образъ дѣйствій.... Г. Шереръ отзывается въ предисловіи съ одобреніемъ о г. статскомъ совѣтникѣ Мюллерѣ, но очень холодно, и не только равняетъ его съ умершимъ профессоромъ Фишеромъ, но ставитъ послѣдняго гораздо выше перваго. Г. Фишеръ обладалъ начитанностью и писалъ хорошею латинью, но познаніями никакъ не равнялся съ Мюллеромъ. Онъ издалъ въ свѣтъ Сибирскую исторію Мюллера подъ своимъ именемъ (предисловіе, впрочемъ, написано имъ самимъ) точно также, какъ послѣ смерти Фишера принадлежавшія ему рукописи напечаталъ г. Шереръ подъ своимъ именемъ“...

„Въ концѣ книги, продолжаетъ Бюшингъ, помѣщена Vita Theophanis Procopowitsch. Кто бы могъ быть авторомъ этой статьи? Объ этомъ ничего не говоритъ г. Шереръ, но, вѣроятно, она написана профессоромъ Фишеромъ, какъ я это полагаю по латинскому языку статьи. Г. Шереръ не знаетъ также, что этотъ знаменитый человѣкъ (конечно — Ѳеофанъ Прокоповичъ) родился не въ 1677 и умеръ не въ 1728 году, какъ тамъ значится, а явился на свѣтъ въ 1681 году и оставилъ его въ 1736 году, что̀ можно видѣть изъ достовѣрныхъ извѣстій, сообщенныхъ г. статскимъ совѣтникомъ Мюллеромъ въ V-й части его Sammlung russicher Geschichte, согласно чему говоритъ и издатель прокоповичевскаго трактата о происхожденіи св. Духа въ предпосланномъ тамъ жизнеописаніи архіепископа“...

Касательно статьи Vita Theophanis Procopowitsch можно замѣтить, что изъ имѣющихся тамъ указаній видно, что она

[1]) Wöchentliche Nachrichten, 1776, XXIV Stück, 193—199.

писана по смерти Ѳеофана, послѣдовавшей въ 1736 году, но до переселенія Христіана Вольфа изъ Марбурга въ Галле, что случилось въ 1740 году [1]), слѣдовательно тогда, когда Фишеръ былъ въ дальней отлучкѣ въ Сибири. О томъ, что эта статья напоминаетъ сильно, по слогу и пріемамъ, посвященіе Ѳеофану Байера въ Museum Sinicum, см. Тридцать четвертое и послѣднее присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ (Спб., 1866), 139, 140.

Черновыя бумаги Фишера хранятся въ архивѣ академической конференціи подъ №№ 79, 80 и 81. Въ послѣдней подъ цифрою 7 есть довольно любопытная для спеціалистовъ статья Anmerkungen über Herrn Prof. Müllers sibiriche Geschichte, съ отвѣтомъ на поляхъ самого Мюллера. Тамъ же: подъ № 6 нѣмецкая статья Фишера съ современнымъ переводомъ Голубцова: Разсужденія о суевѣрномъ у язычниковъ употребленіи металла или литыхъ изъ онаго звонцовъ, яко нѣкоемъ способѣ къ отвращенію злыхъ духовъ. Подъ № 1, I. E. Fischeri Noctes petropolitanae tom II, при чемъ отмѣтка, что „T. I. in Bibliothek".

ТАУБЕРТЪ, ІОГАННЪ-КАСПАРЪ, адъюнктъ историческаго класса, библіотекарь и совѣтникъ академической канцеляріи.

Нѣмецкая рукописная біографія его въ архивѣ академической конференціи: Lebenslauf des Herrn Etats Rats von Taubert, написана послѣ смерти его, сколько можно судить по стилю и нѣкоторымъ намекамъ, пасторомъ лютеранской церкви Св. Екатерины для произнесенія при погребеніи Тауберта. Краткій некрологъ, H. L. C. Backmeister's Russische Bibliothek, I, 289, 290. Краткія и невѣрныя извѣстія о немъ: въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Н. Новикова (Спб., 1772), 215; въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей (Москва, 1845), II, 204, 205. Хвалебные отзывы о Таубертѣ у Шлецера въ его Oeffentliches und privat Leben von ihm selbst beschrieben, Göttingen, 1802. Порицаніе Ломоносовымъ всѣхъ дѣйствій Тауберта и

---

[1]) Въ Nordische Nebenstunden, 268, между прочимъ говорится: Wolfi professoris quondam Hallensis nunc Marburgensis Philosophiam novam tanquam nimis planam pro Tyronibus non pro eruditis scriptam ajebat....

взаимныя распри ихъ въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собранныхъ Билярскимъ (Спб., 1865), см. въ указателѣ имя Таубертъ.

Таубертъ родился въ Петербургѣ 31 августа 1717 года. Его отецъ Іоганнъ Таубертъ, мельничный строитель (Mühlen Bauer) при адмиралтействѣ, умеръ, когда сынъ его былъ еще ребенкомъ, а мать послѣ того вышла во второй разъ за мужъ за Матіаса Фельтена, внучатнаго брата придворнаго повара Петра Великаго — Фельтена, который свою дочь выдалъ за библіотекаря Шумахера [1]). Эти, хотя и дальныя родственныя отношенія имѣли большое вліяніе на послѣдующую судьбу Тауберта. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ, поступившихъ въ основанную при Академіи наукъ гимназію. Нѣмецкая рукописная біографія приводитъ, какъ доказательство прилежанія Тауберта, то, что онъ, будучи въ гимназіи, на пятнадцатомъ году возраста при осмотрѣ этого заведенія Эмануиломъ, принцомъ португальскимъ, произносилъ предъ нимъ привѣтственные латинскіе стихи, будто бы имъ написанные. Объ этомъ, однако, сохранилось такое извѣстіе самого Шумахера въ письмѣ къ Блюментросту, 7 сентября 1730 г., при описаніи посѣщенія сейчасъ названнымъ принцемъ Академіи: „латинскіе стихи, сочиненные проректоромъ, произнесъ довольно свободно ученикъ Таубертъ, а поднесъ ихъ ученикъ Бужаниновъ. Оба имѣли счастіе получить поцѣлуй его высочества. Нѣмецкіе стихи, написанные г. Вейтбрехтомъ, поднесли наборщики и печатники, когда его высочество осматривалъ типографію“ [2]).

[1]) Въ слѣдственной коммиссіи о Шумахерѣ въ 1742 году возникалъ вопросъ о родствѣ его съ Таубертомъ, и первый изъ нихъ отвѣчалъ: «вотчимъ-де его Таубертовъ, Шумахерову тестю былъ подлинно внучатный братъ, а не двоюродный». (II, книга № 789).

[2]) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ. Латинскіе стихи инфанту были напечатаны на оборотѣ одного листа съ заглавіемъ: Regiae celsitudini serenissimo principi ac Domino Domino Emanueli infanti Portugalliae etc. etc. etc. Europa tantum non universa peragrata, cum lustraret Petropolin, de adventu laetabunda gratulatur, cultusque devotissimi monumentum consecrat studiosa juventus Gymnasii imperatorii. Привѣтствіе въ два столбца: въ правомъ съ латинскими, въ лѣвомъ съ русскими силлабическими стихами. Нѣмецкіе стихи, также напечатанные на оборотѣ одного листа, сохранились въ 6-мъ портфелѣ исторіографа Мюллера «Стихи Академіи наукъ» въ архивѣ академической конференціи.

Въ іюнѣ 1732 года Таубертъ подалъ прошеніе въ академическую канцелярію, въ которомъ, называя себя иноземцомъ, просилъ объ опредѣленіи его на службу по Академіи. Эта просьба была тогда же исполнена, и онъ помѣщенъ „при кунсткамерѣ и библіотекѣ, и что до оныхъ касается какъ въ порядкѣ, такъ и въ чистотѣ обыкновенныхъ исправностей имѣть ему смотрѣніе. А что впредь на ту потребу надлежитъ, о томъ подавать съ требованіемъ въ академическую канцелярію репорты"... При этомъ Тауберту назначено было жалованья 50 рублей въ годъ.

14 марта 1735 года баронъ Корфъ сдѣлалъ такое распоряженіе: „Академіи наукъ переводчикамъ сходиться въ Академію дважды въ недѣлю, а именно въ среду и въ субботу по утру и послѣ обѣда, и имѣть межъ собою конференцію, снося и прочитывая все, кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи россійскаго языка случающихся переводовъ, чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать секретарю Тредіаковскому, адъюнкту Адодурову, а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту, и во вся понедѣльники онымъ предлагать его превосходительству г. камергеру" [1]).

Выше, въ жизнеописаніи барона Корфа (стр. 524, 525) было упомянуто объ открытіи этого собранія и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ ожидалъ отъ него этотъ начальникъ Академіи.

12 декабря 1735 года тотъ же Корфъ приказалъ: „гвардіи

---

[1]) II, книга № 16. Замѣчательно, что русскіе переводчики были недовольны такимъ учрежденіемъ, и одинъ изъ нихъ Ильинскій писалъ 18, іюня 1736 года, къ кн. Кантимиру... «Нынѣ работаю по домамъ, а наипаче тридневною по вся недѣли и по утру и по полудни въ Академію бродинею весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ розданныхъ намъ россійскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинской языкъ, а бродня въ уставленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русской переводъ читаетъ, а прочіе всѣ обще для лучшей чистоты разсуждать и исправлять должны, и потому малѣйшее насъ число собраніемъ наречено...» (Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Кантемира, изд. подъ редакціею г. Ефремова, II, 434.

полковъ оберъ-аудитору Ѳедору Эмме присутствовать при конференціи россійскаго собранія и за присутствіе его давать ему отъ Академіи въ годъ по 200 руб. прошедшаго апрѣля съ 16 дня, понеже Академіи отъ студента Тауберта экстрактомъ объявлено, что онъ съ того числа при оной конференціи имѣетъ присутствіе" [1]).

О дѣятельности этого учрежденія, которое называлось россійскимъ собраніемъ, кромѣ извѣстной рѣчи Тредіаковскаго и его же, „Новаго и краткаго способа къ сложенію россійскихъ стиховъ", до сихъ поръ мало отыскано свѣдѣній. Между тѣмъ изъ слѣдующей записки на нѣмецкомъ языкѣ Тауберта и такой же резолюціи Шумахера можно видѣть, что въ названномъ собраніи рѣчь шла о правилахъ, которымъ надобно было тогда слѣдовать при печатаніи русскихъ книгъ. Замѣтимъ кстати, что бо́льшая часть правилъ нынѣ принимаемаго русскаго правописанія придуманы и утвердились въ Академіи наукъ. когда въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ прошломъ столѣтіи для всей Россіи имѣлась одна только ея типографія, въ которой и печатались книги гражданскимъ шрифтомъ. Вотъ помянутая записка Тауберта: „Слѣдующія буквы приняты въ россійскомъ собраніи, а прочія, какъ не нужныя [2]), выключены: а, б, в, г, д, е, э, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, я, ô, ê, ѵ. За тѣмъ еще слѣдующія ударенія: ´, `, ^, ˘, какъ напр. à, á, й, â". При этой запискѣ Тауберта такое рѣшеніе Шумахера: „Съ этой, принятой россійскимъ собраніемъ азбукой должна сообразовываться типографія, а господамъ корректору Шредеру и Тауберту приказать ввести это постановленіе для того, чтобы лишнія буквы тотчасъ же были отброшены; вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, введены-ли уже новизны, которыя, при разныхъ случаяхъ, предлагало россійское собраніе, чтобы сдѣлать о томъ докладъ начальнику Академіи"... Рѣшеніе Шумахера объ-

---

[1]) II, книга № 430.

[2]) До 1736 года въ русскихъ гражданскихъ печатныхъ книгахъ, напр., встрѣчались ѕ, ѯ.

явлено Шредеру и Тауберту предписаніями, отъ 26 января 1736 года, съ тѣмъ, чтобы они представили подробныя донесенія, но ихъ при дѣлѣ нѣтъ[1]).

Въ 1736 году содержаніе Тауберта было увеличено до 100 рублей „за его прилежные труды“ [2]), а 29 мая 1738 года состоялось о немъ же въ академической канцеляріи слѣдующее опредѣленіе: „понеже студентъ Таубертъ при Академіи наукъ службу свою отправлялъ чрезъ многое время и какъ въ русскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ штилѣ искусство имѣетъ, того ради быть оному Тауберту при Академіи наукъ адъюнктомъ въ классѣ историческомъ и со всякимъ прилежаніемъ въ историческихъ наукахъ обучаться, а въ штилѣ себя въ наилучшее совершенство привесть и исполнять неотмѣнно все то, что ему изъ Академіи наукъ въ его наукахъ приказано будетъ“..... Жалованья тогда ему было назначено 360 рублей [3]).

---

[1]) II, книга № 436. Объ этомъ распоряженіи такъ, разсказывалъ потомъ Тредіаковскій: «Въ 1735 годѣ, буквамъ гражданскаго нашего тіпа не было хотя перемѣны; однако положено пісать вмѣсто (ѕ), всегда букву (з); буква (v) отставлена; знакъ сокрашченія (й) введенъ въ несказанную існправность выговору; буква (ѯ) выключенажъ; оборотная (э) введена і въ гражданскую, хотя форма сея буквы ешче съ повреждения Кіріловскаго Алфавіта началась, а намъ стала быть вѣдома, какъ скоро Мелетіевская грамматіка вышла на свѣтъ. Напослѣдокъ надъ словамі двоякаго знаменованія опредѣлено ставіть сілу. О сей прямому чтенію услугѣ, я ужé не знаю какъ сказать: велика она и выше моіхъ похвалъ».... Разговоръ между чужестраннымъ чѣловѣкомъ і россійскімъ объ ортографіі, стр. 360.

[2]) II, книги №№ 421, 9 и 25.

[3]) II, книга № 38. О дальнѣйшихъ судьбахъ россійскаго собранія мало встрѣчается упоминаній въ старинныхъ академическихъ дѣлахъ. Такъ, напр., 24 января 1737 года, туда были посланы изъ канцеляріи на размотрѣніе переводъ Исторіи Кромера, сдѣланный Кондратовичемъ. 7 іюля 1738 года Корфъ постановилъ: «понеже въ Академіи наукъ русской азбуки не имѣется, а оная необходима быть потребна, того ради членамъ россійскаго собранія показанную азбуку сочинить и къ печатанію подать въ Академію наукъ. 15 апрѣля 1740 года посланъ былъ въ то же собраніе «для подлиннаго свидѣтельства» препровожденный изъ генералъ-бергъ-директоріума переводъ Волчкова «нѣмецкой Линеисовой и Еркеровой о горныхъ дѣлахъ книги». 22 сентября 1743 года, по поводу исправленія словаря Іоганна Людвига Эгера, Нартовъ, между прочимъ, доносилъ сенату: «находившееся прежде сего и отъ бывшаго Академіи

Въ томъ же году при Академіи наукъ издано „Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ І. К. Тауберта, Академіи наукъ адъюнкта“ (8°, 284 стр.). Въ 1768 г. это описаніе напечатано во второй разъ.

5 марта 1741 года Таубертъ обратился въ академическую канцелярію съ просьбою о назначеніи его унтеръ-библіотекаремъ и о выдачѣ ему на будущее время тѣхъ 200 рублей, которые получалъ до того статскій совѣтникъ Эмме „вмѣсто пенсіону за свои труды въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ“.

„Служу я, нижайшій, писалъ по этому случаю Таубертъ, при Академіи наукъ уже десятый годъ и чрезъ все оное время безпрестанно упражнялся какъ въ сочиненіи на россійскомъ языкѣ, такъ и въ переводѣ разныхъ, до наукъ надлежащихъ и государству полезныхъ книгъ, о которыхъ моихъ трудахъ Академія наукъ довольно извѣстна и оные безпристрастно засвидѣтельствовать можетъ. А понеже я нынѣшнимъ своимъ жалованьемъ содержать себя весьма не въ состояніи; къ тому жъ какъ всегдашнее попеченіе было о распространеніи въ россійскомъ народѣ всякихъ наукъ и полезныхъ занятій, такъ и нынѣ намѣреніе есть, дабы упражняющіеся въ наукахъ для пользы народной передъ другими не оставлены, но наипаче ободрены были ревность свою и прилежаніе далѣе продолжать, того ради“ и пр.

26 марта 1741 года, было постановлено въ академической канцеляріи исполнить просьбу Тауберта; при чемъ въ журналѣ было прибавлено: „при семъ ему, г. Тауберту, накрѣпко рекомендовать, чтобъ онъ въ россійской исторіи отъ часу бо́льшее

наукъ президента барона фонъ-Корфа въ 1734 году учиненное россійское собраніе разрушилось, изъ котораго адъюнктъ Адодуровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1741 года взятъ правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору ассессоромъ; секретарь Волчковъ.... вступилъ секретаремъ въ канцелярію въ томъ же году; адъюнктъ Иванъ Таубертъ.... учиненъ въ началѣ 1741 г. унтеръ-библіотекаремъ, у котораго тамъ весь медальной кабинетъ, также кунсткамера и библіотека».... II, книги №№ 438, 443, 450 и 454.

знаніе и совершенство получить старался и притомъ бы и переводовъ по прежнему отнюдь не оставлялъ, а будучи при библіотекѣ, безъ спросу и позволенія г. совѣтника и библіотекаря, ничего не предпринималъ; также бы безъ воли и подписи руки его, г. библіотекаря, никакихъ книгъ, писемъ и вещей какъ изъ библіотеки, такъ и изъ куншткамиры не выдавалъ; но во всемъ по согласію и приказу г. библіотекаря поступалъ" [1]).

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, графъ Остерманъ былъ арестованъ, а бумаги его велѣно было первоначально разбирать генералъ-аудитору Лукину и В. Адодурову. Такъ-какъ они были въ отлучкѣ, то тогдашній генералъ-прокуроръ, князь Никита Трубецкой предложилъ назначить къ этому дѣлу вице-президента Эмме и кого нибудь изъ членовъ Академіи наукъ. Когда дано было знать о томъ въ академическую канцелярію, то Шумахеръ, 2 марта 1742 года, назначилъ къ разбору названныхъ бумагъ Тауберта [2]).

Во время производства слѣдствія надъ Шумахеромъ, понадобилось сенату въ декабрѣ 1743 года извѣстіе о трудахъ и службѣ Тауберта. Послѣдній сочинилъ самъ отвѣтъ на этотъ запросъ, и въ немъ такъ описывалъ свои заслуги:

„Труды Тауберта при Академіи были слѣдующіе: сначала опредѣленія его въ Академію употребленъ онъ былъ для вспоможенія при расположеніи въ порядокъ библіотеки и при сочиненіи каталоговъ, а сверхъ того переводилъ и канцелярскія дѣла. Въ 1733 году поручены были ему для переводу Санктпетербургскія вѣдомости, которыя онъ при прочей своей должности отправлялъ по 1736 годъ, а притомъ общее съ нынѣшнимъ ассессоромъ Адодуровымъ и Академіи наукъ секретаремъ Волчковымъ переводилъ Примѣчанія къ вѣдомостямъ; также и нѣмецкія Вѣдомости послѣ смерти бывшаго при Академіи адъюнкта Крамера, который прежде отправлялъ сіе дѣло, съ 1734 по 1736 годъ сочинялъ. Въ учрежденномъ для исправле-

---

[1]) II, книга № 56.

[2]) II, книги № 64 и 452. Работы по описи бумагъ графа Остермана, произведенныя Эмме и Таубертомъ, хранятся въ настоящее время въ Государственномъ архивѣ.

нія академическихъ переводовъ россійскомъ собраніи присутствовалъ безотлучно и ровно съ прочими данныя ему для переводу книги въ ономъ собраніи читалъ, а именно: Прейслерово руководство къ рисовольному художеству[1]), Азовскую исторію (см. стр. 641) и Житіе принца Евгенія [2]), которыя всѣ три напечатаны, такъ-какъ и россійской календарь, который онъ съ 1734 по 1741 годъ переводилъ. Сверхъ всего вышеписаннаго, отправлялъ присылаемые въ Академію для переводу съ россійскаго на нѣмецкой языкъ реляціи, посольскія церемоніи, манифесты, указы и другія симъ подобныя дѣла, которыя, для знанія иностранныхъ государствъ, на нѣмецкомъ языкѣ публиковать и печатать надлежало. И сіе дѣло ему, яко способнѣйшему при Академіи въ нѣмецкихъ переводахъ, по словеснымъ приказамъ бывшихъ кабинетныхъ министровъ, поручалось.... (Далѣе объяснялось, что онъ описывалъ бумаги Остермана и академическія библіотеку и кунсткамеру).

„При опредѣленіи его унтеръ-библіотекаремъ, поручено ему смотрѣніе надъ академическими молодшими переводчиками и притомъ велѣно ему всѣ отдаваемые въ печать ихъ переводы исправлять, что́ отъ него и учинено по сіе время и еще нынѣ чинится. И можно надѣется, что оные переводчики при такомъ его исправленіи отъ часу въ лучшее состояніе придутъ“.

„Россійскій лексиконъ съ толкованіемъ рѣчей на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ сочиняетъ онъ изъ собственной своей охоты, а не по указу, и, будучи о томъ спрашиванъ, въ канцеляріи объявилъ, что первыя литеры А и Б совершенно имъ окончены, а къ прочимъ слова и рѣчи уже всѣ собраны; токмо толкованія еще не приложено“[3]).

Въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ Шумахеромъ Таубертъ является замѣшаннымъ, какъ близкой къ нему человѣкъ, пользовавшійся его довѣренностью; но онъ съ самыхъ первыхъ дней

---

[1]) Издано въ первый разъ въ 1734 году, подъ заглавіемъ: Правила основательныя, или руководство къ рисовальному художеству.

[2]) Издано въ первый разъ въ 1740 году, подъ заглавіемъ: Описаніе житія и дѣлъ принца Евгенія герцога савойскаго. Въ 1770 году оно напечатано во второй разъ.

[3]) II, книга № 83.

слѣдствія нисколько не потерялся: угощалъ секретаря слѣдственной коммиссіи и читалъ у него всю переписку ея. Что же касается до Нартова, которому велѣно было, вмѣсто Шумахера, управлять академическою канцеляріею, то Таубертъ не хотѣлъ вовсе знать его. „Г. унтеръ-библіотекарь Таубертъ, писалъ Нартовъ, 12 іюля 1743 г., къ исправлявшему обязанности непремѣннаго секретаря Академіи, Винцгейму, сегодня словесно объявилъ въ канцеляріи, что онъ состоитъ членомъ Академіи наукъ и во всемъ равенъ съ г.г. профессорами; также имѣетъ мѣсто и голосъ въ достоуважаемой конференціи, почему не желаетъ и не обязанъ быть въ подчиненіи канцеляріи. Между-тѣмъ онъ, въ бытность въ канцеляріи совѣтника Шумахера, всегда подавалъ доношенія, зависѣлъ отъ канцеляріи и до нынѣ получаетъ оттуда жалованье. Вслѣдствіе того я покорнѣйше васъ прошу извѣстить канцелярію, дѣйствительно-ли г. Таубертъ состоитъ членомъ конференціи, и во всемъ-ли ровенъ съ гг. профессорами, также имѣетъ-ли онъ въ достоуважаемой конференціи мѣсто и голосъ, равные съ прочими г.г. профессорами и тотъ же рангъ, какъ они?“ [1]).

Едва только Шумахеръ опять вступилъ въ управленіе Академіею, какъ 15 декабря 1743 года поспѣшилъ уничтожить всѣ распорядки, введенные-было его предшественникомъ Нартовымъ. Въ началѣ постановленія, составленнаго по этому поводу, Шумахеръ говоритъ о безурядицѣ въ академическихъ мастерскихъ, въ которыхъ мастеровые только бездѣльничали „оставя дѣло, собравшись человѣкъ по десяти, разговоры и смѣхи имѣютъ, а нѣкоторые и на дворѣ праздно шатаются“... Для отклоненія всего этого на будущее время, академическій совѣтникъ счелъ за нужное принять, прежде всего, слѣдующую мѣру: „подъ дирекціею канцеляріи, главное надзираніе надъ обрѣтающимися при Академіи художественными департаментами и художниками поручить Академіи наукъ унтеръ-библіотекарю Тауберту“... Затѣмъ послѣ другихъ разныхъ мѣропріятій, Шумахеръ сдѣлалъ опять подтвержденіе: „Впрочемъ всѣмъ при

---

[1]) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

вышеписанныхъ департаментахъ обрѣтающимся служителямъ симъ накрѣпко повелѣвается: опредѣленному отъ Академіи наукъ для главнаго надзиранія надъ всѣми художественными департаментами унтеръ-библіотекарю г. Тауберту показывать должное почтеніе и послушаніе въ дѣлахъ, до ихъ должности касающихся"... [1]).

Не одинъ Шумахеръ чувствовалъ надобность въ Тауберте: послѣ коронаціи императрицы Елисаветы, было положено издать въ свѣтъ описаніе съ изображеніемъ этого обряда. Нартовъ, старый токарь Петра Великаго, потомъ показавшій „въ сверленіи пушекъ полезное искусство" [2]), не былъ въ состояніи заниматься подобнымъ изданіемъ, которому въ тѣ времена придавалось такое значеніе, что самъ генералъ-прокуроръ слѣдилъ за ходомъ работъ. Нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія Шумахера къ академическимъ дѣламъ, именнно 13 декабря 1743 года, князь Никита Трубецкой поспѣшилъ предложить Академіи о порученіи всего дѣла по изданію помянутаго описанія Тауберту, „ибо онъ, по его искусству, за наиспособнѣйшаго къ тому признавается".... Когда начали печатать русскій текстъ описанія (нѣмецкій, какъ видѣли выше, на стр. 564, издавалъ Штелинъ), то Таубертъ сдѣлалъ нѣсколько поправокъ, что́ съ первыхъ же листовъ было замѣчено генералъ-прокуроромъ, княземъ Трубецкимъ, который послалъ запросъ: „на какомъ основаніи допущены измѣненія противъ оригинала?" Таубертъ въ отвѣтъ на это писалъ, 17 октября 1744 года, слѣдующее: „я уповаю, что его свѣтлость не соизволитъ сіе почесть яко легкомысленное отъ меня предпріятіе, чтобъ чужія сочиненія поправлять, но за одно истинное желаніе и усердіе, дабы сія книга, исходящая на свѣтъ стараніемъ его свѣтлости, какъ великолѣпною печатью и изрядною работою чертежей, всѣ прочія въ томъ родѣ по нынѣ изданныя превосходила, такъ бы и въ самомъ слогѣ ничего не осталось, чтобы къ критикѣ случай подать могло"... За тѣмъ Таубертъ объяснялъ, что поправки имъ сдѣланы безъ испрошенія предварительнаго разрѣшенія вслѣд-

[1]) II, книга № 454.

[2]) II, книга № 60.

ствіе поспѣшности печатанія Описанія, и оправдывалъ сдѣланныя имъ исправленія. Отсюда оказалось, что Таубертъ поправлялъ иногда безграмотность, иногда раболѣпство автора присланнаго изъ сената Описанія. Напримѣръ: „*Такъ всерадостный* по правиламъ грамматики писать не можно, говоритъ Таубертъ, а надлежитъ писать, *такъ радостный,* или *толь радостный*, понеже *всерадостный* есть степень превосходительная, и частица *такъ* прикладывается токмо къ степени уравнительной. И понеже рѣчь *толь радостный*, ссылается на предыдущій манифестъ, въ которомъ высочайшее ея императорскаго величества намѣреніе изъяснено, то повтореніе титула въ двухъ одна за другою слѣдующихъ строкахъ казалось быть излишнее..... *Всемилостивѣйше*. Сіе слово ради двухъ причинъ выключено: 1) что то правиламъ грамматики противно, чтобъ два нарѣчія, яко: *благополучно всемилостивѣйше*, безъ союза при одномъ глаголѣ положить, какъ въ семъ случаѣ: *благополучно всемилостивѣйше на престолъ вступить изволила*“ и т. п. Могущественный генералъ-прокуроръ призналъ справедливость замѣчаній Тауберта и велѣлъ ему и въ слѣдующихъ листахъ описанія продолжать такія поправки, не касаясь текста только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о церковныхъ обрядахъ [1]).

Въ январѣ 1745 года Описаніе коронаціи было окончено печатаніемъ, а 22 іюня того же года подписанъ императрицею Елисаветою именной указъ сенату, въ силу котораго унтеръ-библіотекарь Таубертъ „за его особливую службу, о которой намъ извѣстно, не въ примѣръ другимъ“ произведенъ въ коллежскіе ассесоры [2]).

Въ августѣ того же года новому ассессору, по словамъ пасторской біографіи его, „при бракосочетаніи ея императорскаго величества нынѣ царствующей императрицы (Екатерины II), было повелѣно, ради пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній въ великолѣпіи дворскаго убранства, наблюдать за церемоніаломъ этого торжества въ казанскомъ соборѣ“....

---

[1]) II, книга № 71.

[2]) Въ Государственномъ архивѣ, въ бумагахъ, подъ заглавіемъ матеріалы для исторіи Академіи наукъ.

Въ ноябрѣ 1745 года, канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ поручилъ именно Тауберту „для лучшей исправности" перевести съ нѣмецкаго на русскій брошюру политическаго содержанія „Основательныя примѣчанія на печатный и публикованный въ 1745 году такъ называемый манифестъ его королевскаго величества прусскаго противъ курсаксонскаго двора въ Дрезденѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1745 года". Когда Таубертъ сдѣлалъ переводъ, то канцлеръ, одобривъ его, велѣлъ напечатать для продажи вмѣстѣ съ переводомъ прусскаго манифеста, что́ и было исполненно въ томъ же году.

Все это увеличивало значеніе Тауберта, а потому неудивительно, что оставляли безъ вниманія замѣчанія академиковъ въ родѣ того, что „Таубертъ только одно имя подбибліотекаря носитъ, получая жалованья 500 рублей, а опредѣленіе о томъ, чтобъ особливому подбибліотекарю быть съ такимъ великимъ жалованьемъ, сдѣлано во угожденіе только ему, потому что сію должность прежде его всегда адъюнкты отправляли безъ всякаго подбибліотекарскаго титула"... [1]).

Вступленіе графа Разумовскаго въ президенты Академіи наукъ не уменьшило тамъ значенія Тауберта, такъ-какъ Шумахеръ и онъ были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳепловымъ, имѣвшимъ рѣшительное вліяніе на президента.

Послѣ пожара академическихъ зданій, на Тауберта, 6 мая 1748 года, было возложено приведеніе въ извѣстность утратъ библіотеки и кунсткамеры, почему академическая канцелярія уволила его „отъ писанія С.-Петербургскихъ вѣдомостей", что́ возложено было на Штелина и Ломоносова. 8 марта 1751 года послѣдній отказался отъ Вѣдомостей, почему 23 числа тѣхъ же мѣсяца и года Таубертъ снова принялъ эти занятія на себя [2]).

Въ августѣ 1748 года, Таубертъ, просясь въ заграничный отпускъ для окончанія дѣла о наслѣдствѣ послѣ своего отца въ Саксоніи, а также для свиданія съ родственниками, хода-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, Отчетъ о занятіяхъ въ 1863 — 64 годахъ по составленію исторіи Академіи наукъ, П. Пекарскаго, 70.

[2]) II, книга № 117.

тайствовалъ объ оставленіи ему казеннаго содержанія и о выдачѣ пособія на проѣздъ, съ тѣмъ, чтобы ему отъ Академіи даны были порученія для исполненія за границею. Академическая канцелярія опредѣлила выдать Тауберту на путевыя издержки 200 рублей; при чемъ вмѣняла ему въ обязанность входить, для пользы Академіи, въ сношенія со всѣми извѣстными учеными обществами и писателями, „изъясняя имъ обстоятельно намѣреніе ея императорскаго величества при сочиненіи новаго академическаго регламента, уничтожать ложные слухи и мнѣнія, которые отъ злоумышленныхъ о Академіи разсѣяны"; затѣмъ — всматриваться въ порядки заграничныхъ Академій; обозрѣвать ученые кабинеты и другія подобныя учрежденія, замѣчая притомъ чего у насъ не достаетъ; пріискивать для Академіи искусныхъ художниковъ и граверовъ; знакомиться съ способами для улучшенія нашей книжной торговли; также разузнать о бумагѣ для печатанія книгъ, гравюръ и ландкартъ. Послѣднимъ 21-мъ пунктомъ инструкціи предписывалось Тауберту „въ Парижѣ освѣдомиться о состояніи цыплятной фабрики, заведенной отъ г. Реомюра, прилежно оную осмотрѣть и снять съ оныя планъ и профиль. Провѣдать о нововымышленномъ въ Парижѣ зажигательномъ зеркалѣ Бюффона"... [1]).

Въ академической канцеляріи были написаны отъ имени графа Разумовскаго рекомендательныя письма о Таубертѣ къ русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ. Такъ въ одномъ такомъ письмѣ къ барону Корфу писалось: „Достоинства г. Тауберта, который будетъ имѣть честь вручить настоящее письмо, такъ извѣстны вамъ, милостивый государь, что я увольняю себя говорить о нихъ. Хотя онъ уже пріобрѣлъ прекрасныя познанія, однако я счелъ нужнымъ послать его за границу для умноженія ихъ и доставить ему случай видѣть все замѣчательное въ литературной республикѣ. Я приму какъ

---

[1]) II, книга № 120. Изъ донесеній Тауберта къ графу Разумовскому изъ за границы мнѣ встрѣтились только два русскія 1748 года изъ Гамбурга и Копенгагена, въ которыхъ есть подробности о тамошнихъ библіотекахъ и сношеніяхъ съ учеными. I, Входящія письма 1748, 1749 годовъ.

одолженіе для себя, если вы, милостивый государь, соблаговолите облегчить ему достиженіе этого. Остаюсь“ и пр. [1]).

Въ бытность Тауберта за границею, Шумахеръ велъ съ нимъ непрерывную переписку, увѣдомляя его обо всѣхъ новостяхъ по Академіи и преподавая благіе совѣты почаще писать къ Теплову (см. выше, стр. 49). Въ концѣ 1748 года Таубертъ уже почувствовалъ надобность въ чрезвычайной денежной поддержкѣ для продолженія заграничнаго путешествія и писалъ о томъ къ Шумахеру, который отвѣчалъ 17 января 1749 года: „Теперь вы сами узнали на опытѣ, что имѣлъ я честь разсказывать вамъ много разъ, именно, что для путешествія необходимо здоровое тѣло, неутомимость и туго набитый кошелекъ. То, что было нажито при г. докторѣ Арескинѣ и скоплено мною, я все истратилъ на путешествіе. Ваше письмо я послалъ къ г. Теплову съ убѣдительнѣйшею рекомендаціею; но послѣдуетъ ли изъ того утѣшеніе Израилю — это покажетъ время. У меня же плохая надежда, а потому совѣтую вамъ, какъ добрый другъ, совершать ваше путешествіе, сообразуясь съ состояніемъ вашего кошелька. Президентъ будетъ смотѣрть не на инструкцію, которою васъ снабдили, а на дѣйствительныя послѣдствія вашего путешествія“... [2]).

„Здѣсь проѣзжалъ, писалъ изъ Базеля Даніилъ Бернулли къ Эйлеру, 16 августа 1749 года, г. ассессоръ Таубертъ. Всѣ, видѣвшіе его, восхищались имъ, какъ разумнымъ и образованнымъ человѣкомъ“... Бернулли признается при этомъ, что онъ съ запальчивостью выговаривалъ Тауберту, что ему не посылаютъ изъ петербургской Академіи пенсіона, и подъ конецъ прибавляетъ: „однако г. Таубертъ умѣлъ успокоить меня, увѣривъ, что онъ сдѣлаетъ все для удовлетворенія меня. Изъ вѣжливости я дѣлалъ видъ, что вѣрю ему, но впередъ знаю, что изъ этого ничего не выдетъ“... [2]). Бернулли не ошибся въ своемъ послѣднемъ предположеніи (см. выше, стр. 114, 118).

---

[1]) I, Исходящія письма 1748 года.

[2]) I, Исходящія письма 1748 года. Здѣсь же и прочія черновыя письма Шумахера къ Тауберту.

[3]) I, сборникъ писемъ Д. Бернулли въ Euleriana.

Таубертъ вернулся въ Петербургъ 4 октября 1749 года. Указывая на множество книгъ и предметовъ, привезенныхъ имъ для Академіи наукъ, а также на добросовѣстное исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него порученій, унтеръ-библіотекарь просилъ академическую канцелярію объ уплатѣ издержанныхъ имъ 720 рублей, сверхъ выданныхъ ему прежде, а также о прибавкѣ жалованья, за что онъ изъявлялъ готовность принять на себя „дирекцію академической книжной лавки и заморской оныя книжный торгъ“. Въ современныхъ бумагахъ мнѣ не попадалось свѣдѣній, какое послѣдовало рѣшеніе на такое ходатайство; сохранился только представленный тогда же Таубертомъ: „Проектъ о порядочномъ учрежденіи книжной лавки“, гдѣ болѣе говорится о сношеніяхъ съ заграничными книгопродавцами и о введеніи правильной притомъ отчетности [1]).

18 октября 1750 года Тоубертъ женился на дочери Шумахера — Елеонорѣ-Доротеѣ, а въ февралѣ слѣдующаго 1751 года вновь обратился въ академическую канцелярію съ ходатайствомъ о прибавкѣ жалованья. Здѣсь, упомянувъ, что въ службѣ при Академіи съ 1732 года, онъ продолжаетъ: „чрезъ все вышеписаннное время отправлялъ я со всякимъ усердіемъ не токмо унтеръ-библіотекарскую должность, но и сверхъ того упражнялся въ разныхъ другихъ трудахъ, до настоящей моей должности ни мало не касающихся, яко: въ сочиненіи санктпетербургскихъ газетъ, въ переводѣ всякихъ издаваемыхъ въ свѣтъ политическихъ и ученыхъ піесовъ, въ исправленіи переводовъ академическихъ переводчиковъ и въ другихъ симъ подобныхъ дѣлахъ, за которыя по нынѣ никакого особливаго награжденія не получалъ.

„Равномѣрно упражняюсь я нынѣ въ сочиненіи весьма пространнаго россійскаго лексикона съ толкованіемъ на трехъ другихъ языкахъ, который, не взирая на несказанный трудъ тѣмъ скорѣе къ концу привести потщуся, что напечатаніе онаго, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ превеликую поль-

---

[1]) II, книги № 803 и 120.

зу, а академической книжной лавкѣ знатную прибыль приносить имѣетъ[1]). Сверхъ же того, нынѣ дѣйствительно переправляю печатающійся россійскій переводъ Ансонова путешествія около свѣта и впредь издаваемые въ печать при Академіи переводы всякихъ книгъ свидѣтельствовать и исправлять обѣщаюсь". На этотъ разъ просьба Тауберта была исполнена: къ шестистамъ рублямъ получаемаго имъ жалованья прибавлено еще 200 рублей [2]).

Въ мартѣ 1753 года пріѣзжали изъ Петербурга въ Москву Ломоносовъ и Таубертъ. Оба они отправлялись туда ко двору по своимъ частнымъ дѣламъ (см. стр. 59—61), но не одинаково успѣли: Ломоносовъ въ этотъ разъ былъ счастливѣе Тауберта, которому не удалось выхлопотать для своего тестя аренды въ Ливоніи. Въ ту эпоху вражда Ломоносова къ Шумахеру и его зятю была уже въ полномъ разгарѣ. Такъ, 1 ноября 1753 года, Ломоносовъ писалъ къ тогдашнему любимцу императрицы Елисаветы, И. Шувалову: „.... Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: не дай Богъ, чтобъ Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой. Обоихъ ровна зависть и ненависть къ ученымъ, которыя отъ того происходятъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ и нынѣ профессоровъ одного на другаго подущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются"... [3]).

Въ августѣ 1754 года сенатъ далъ знать академической

[1]) О судьбѣ этого лексикона впослѣдствіи встрѣчается мало извѣстій. Такъ въ ноябрѣ 1751 года, по ходатайству Тауберта, «для сочиненія россійскаго лексикона» велѣно переводчикамъ Лебедеву, Фрейгангу и В. Теплову работать ежедневно, кромѣ почтовыхъ дней, «дабы сіе дѣло тѣмъ скоряе къ концу приведено быть могло» (II, книга № 159). Послѣ смерти Тауберта, жена его рукописный лексиконъ мужа присвоивала себѣ, почему въ дѣлахъ академической канцеляріи наводились справки: «не найдется-ли какого опредѣленія о сочиненіи россійскаго лексикона?..» Въ Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова (Спб., 1772), стр. 215, сказано, что подъ смотрѣніемъ Тауберта «трудился въ сочиненіи полнаго россійскаго словаря, котораго и было собрано со всякимъ раченіемъ и исправностію по литеру Р; но оный въ свѣтъ еще не изданъ».

[2]) II, книга № 150.

[3]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865 г.), 229.

канцеляріи объ учрежденіи особой коммиссіи для сочиненія новаго уложенія. При этомъ отъ каждаго присутственнаго мѣста была назначена сенатомъ „особливая персона“ для составленія измѣненій и дополненій въ существующихъ для каждаго учрежденія постановленіяхъ. По Академіи наукъ эта обязанность была возложена на Тауберта, которому академическая канцелярія и предписала 24 августа 1754 года „къ сочиненію принадлежащихъ по Академіи пунктовъ вступить отъ завтрешняго числа всеконечно“.

Таубертъ, получивъ это предписаніе, вошелъ съ представленіемъ въ сенатъ, что для Академіи наукъ существуетъ съ 1747 года высочайше утвержденный регламентъ, а потому слѣдуетъ-ли ему, Тауберту, „вступать въ разсмотрѣніе тѣхъ распорядковъ или вовсе до оныхъ не касаться?“ Сенатъ отвѣчалъ, что Таубертъ, по смыслу прежняго сенатскаго указа, непремѣнно долженъ представить „о всѣхъ недостаткахъ и излишествахъ“ при Академіи [1]). Въ 1755 году въ академическихъ собраніяхъ разсматривались составленныя Таубертомъ, вслѣдствіе вышеприведеннаго распоряженія сената, предложенія къ улучшенію состоянія Академіи. При этомъ случаѣ Ломоносовъ подалъ „Всенижайшее мнѣніе о исправленіи санктпетербургской Академіи наукъ“. Здѣсь, между прочимъ, рѣчь шла объ ограниченіи власти президента и академической канцеляріи. Противъ этого въ засѣданіяхъ возсталъ Тепловъ, и у него произошла ссора съ Ломоносовымъ, за что послѣднему былъ уже написанъ выговоръ въ академической канцеляріи, оставленный, впрочемъ, безъ послѣдствій едва-ли не вслѣдствіе вмѣшательства И. Шувалова [2]). Дальнѣйшая судьба предложеній Тауберта неизвѣстна, да и самая коммиссія при сенатѣ о сочиненіи новаго уложенія въ царствованіе Елисаветы не успѣла достигнуть цѣли, для которой была учреждена.

1 марта 1757 года Ломоносовъ объявленъ былъ совѣтникомъ академической канцеляріи, и первое время издавна имѣв-

---

[1]) II, книга № 191.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 283,288—291.

шіе тамъ власть и силу Шумахеръ и Таубертъ не смѣли противорѣчить новому, строптивому сотоварищу ихъ (см. выше, стр. 62); но это продолжалось недолго, и между Ломоносовымъ и Таубертомъ стали происходить безконечныя пререканія, при чемъ съ обѣихъ сторонъ было непреодолимое желаніе унизить какимъ бы то ни было образомъ другъ друга. Въ этой враждѣ приняли участіе и прочіе члены Академіи: одни держали сторону Тауберта, другіе Ломоносова. Что бы ни предлагалъ одинъ, то старался уничтожить другой и пр. Все это, разумѣется, имѣло печальныя послѣдствія для ученаго общества и нисколько не содѣйствовало его процвѣтанію, хотя въ этой борьбѣ часто шла рѣчь объ интересахъ науки, просвѣщенія и общественнаго блага.

По распоряженію графа Разумовскаго, 24 марта 1758 года, наблюденіе за ученою и учебною частію въ Академіи было предоставлено Ломоносову; на Штелина былъ возложенъ надзоръ за художествами, а Тауберту поручено завѣдываніе всѣми академическими мастерскими, также типографіею, книжною лавкою и пр. [1]).

Вскорѣ послѣ того, именно 13 мая 1758 г., Таубертъ былъ сравненъ въ чинѣ съ Ломоносовымъ, и ему назначено 1200 рублей жалованья [2]). Положеніе между двумя врагами Штелина, обладавшаго спокойнымъ и ровнымъ характеромъ, было иногда не лишено комизма: и Ломоносовъ, и Таубертъ обращались въ своихъ пререканіяхъ другъ съ другомъ къ третьему своему сотоварищу по управленію академическими дѣлами, каждый надѣясь найти въ немъ единомысленника себѣ. Такъ, напр., Ломоносовъ однажды писалъ Штелину: „г. Таубертъ вчера объявилъ (это занесено и въ протоколъ), что канцелярія нисколько не можетъ распоряжаться библіотекою. Если вы найдете какое нибудь основаніе къ тому, чтобы мы отдали г. Тауберту библіотеку и пр. въ приданое, то подпишите это постановленіе“.... [3]). Въ свою очередь Таубертъ сообщалъ въ

---

[1]) Ibid., стр. 368.
[2]) II, книга № 232.
[3]) Лѣтописи русской литературы и древности, 1859, II, отд. III, 196.

то же время Штелину, что онъ разсказалъ о всѣхъ поступкахъ противъ него Ломоносова Шувалову и прибавляетъ: „со вчерашняго дня, какъ мнѣ сказывали, нашъ первый писатель чувствуетъ себя неловко и начинаетъ предчувствовать, что все это дѣло (ревизія библіотеки) можетъ дурно кончиться для него [1]).

Кромѣ личныхъ выходокъ Ломоносова противъ Тауберта, главнѣйшія обвиненія перваго противъ послѣдняго сводились къ тому, что Ломоносовъ заподозрѣвалъ добросовѣстность Тауберта при многочисленыхъ и безотчетныхъ постройкахъ и передѣлкахъ по академическимъ зданіямъ, которыя особенно любилъ придумывать зять Шумахера. Далѣе Ломоносовъ часто упрекалъ Тауберта въ рѣшительномъ нежеланіи, чтобы въ Россіи были русскіе ученые, механики, лекаря и пр. Конечно, въ бо́льшей части обвиненій Ломоносова нельзя не примѣтить личностей и раздражительности; нѣкоторыя изъ его показаній не подтверждаются современными свидѣтельствами; при всемъ томъ слѣдуетъ замѣтить, что въ честности Тауберта сильно сомнѣвался не одинъ Ломоносовъ, о чемъ будетъ указано ниже.

Какъ образчикъ находчивости и изворотливости Тауберта, можетъ служить учрежденіе имъ при Академіи отдѣльной типографіи, совершенно независимо отъ первоначальной и которая называлась въ современныхъ бумагахъ „новозаведенная типографія въ домахъ Волкова и Лутковскаго“ [2]). Уже въ 1758 году въ старой типографіи приготовлялись для новой шрифты, а изъ предписанія графа Разумовскаго канцеляріи, въ іюнѣ 1759 года, видно, что новозаведенная типографія была устроена стараніями Тауберта и въ половинѣ февраля того же года въ ней начались работы. Она должна была и впредь „быть въ единственномъ вѣдѣніи“, Тауберта, который притомъ обязывался „всячески стараться умножить въ оной печатаніе книгъ какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной“. Выходившія изъ нея книги шли на продажу въ академи-

---

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, 122.

[2]) Эти дома находились на углу 7-й линіи и набережной р. Невы, гдѣ и нынѣ существуетъ принадлежащій Академіи домъ.

ческую книжную лавку, а на доходы отъ этой продажи содержалась типографія. Цензура такихъ книгъ также была возложена на Тауберта, и онъ былъ воленъ приглашать для разсмотрѣнія ихъ кого заблагоразсудитъ. Замѣчательно, что въ предписаніи упоминалось о вознагражденіи писателей и переводчиковъ за ихъ произведенія книгами или деньгами, что̀ опять-таки предоставлялось полному усмотрѣнію Тауберта. Въ предписаніи президента, конечно составленомъ распорядителемъ новой типографіи, было рѣшительно упомянуто, что она „отъ старой совсѣмъ отдѣлена быть имѣетъ“ [1]).

Типографія Тауберта примѣчательна тѣмъ, что въ ней печатались исключительно такія книги, при изданіи которыхъ можно было разсчитывать только на большой сбытъ ихъ, слѣдовательно тамъ не было и рѣчи о печатаніи сочиненій ученаго и вообще серьёзнаго содержанія. Такъ, въ новоучрежденной типографіи перепечатывались въ огромномъ количествѣ особенно любимыя грамотниками изъ простонародія кіевскій Синопсисъ, Исторія о разореніи града Трои, Исторія о разореніи послѣднемъ св. града Іерусалима и о взятіи славнаго столичнаго града греческаго Константинополя и т. п. Изъ литературныхъ произведеній для болѣе требовательныхъ изъ тогдашнихъ русскихъ читателей, Таубертъ печаталъ переводы разныхъ нѣмецкихъ и французскихъ романовъ въ родѣ Жилблаза и т. п. Нѣкоторыя изъ дѣлъ, возникавшихъ по случаю печатанія такихъ книгъ въ новой академической типографіи, любопытны для исторіи русской литературы того времени, также для изученія вопросовъ, являвшихся тогда у насъ впервые, о литературной собственности, объ оцѣнкѣ литературнаго труда и пр. Въ подобныхъ дѣлахъ встрѣчаются имена русскихъ писателей Фонвизина, Новикова, Елагина, Лукина и другихъ.

Въ 1761 году Таубертъ вздумалъ издать на свой счетъ сатиры Кантемира, о чемъ и состоялось слѣдующее постановленіе графа Разумовскаго, 26 февраля 1761 года:

„Представлялъ мнѣ словесно канцеляріи совѣтникъ г. Тау-

[1]) II, книга №№ 241, 244.

бертъ, что имѣетъ онъ у себя исправный манускриптъ всѣхъ покойнаго князя Антіоха Дмитріевича Кантемира сатиръ и прочихъ стихотворческихъ сочиненій съ примѣчаніями, присланный сюда отъ самого автора къ нѣкоторому его пріятелю, и просилъ, чтобы дозволено ему было оныя напечатать на его囧 коштѣ за указную плату, такъ-какъ отъ другихъ печатаются на ихъ же коштъ всякія книги. А понеже упомянутыя кантемировы сочиненія на разныхъ иностранныхъ языкахъ давно уже въ свѣтъ изданы, а россійскіе любители наукъ понынѣ принуждены оныя одинъ у другаго списывать и то съ недостаточныхъ и погрѣшностями наполненныхъ копій, того ради ему, канцеляріи совѣтнику Тауберту, въ печатаніи на его коштѣ оныхъ кантемировыхъ сочиненій симъ дозволяется"...

Это изданіе выпущено въ свѣтъ въ октябрѣ 1762 года. 1200 экземпляровъ было напечатано на такъ называвшейся комментарной бумагѣ, и 200—на любской, и обошлись они новой типографіи 499 рублей 86 копеекъ [1]).

Въ 1761 году въ академической типографіи начата была печатаніемъ лѣтопись несторова по кёнигсбергскому списку по непосредственному распоряженію Тауберта, о чемъ Шлецеръ, несмотря на всю дружбу къ нему, оставилъ такія замѣтки: „Мюллеръ за много лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлалъ предложеніе объ изданіи лѣтописей. Не должно-ли было быть ему чувствительно, что не ему, первому, высказавшему это предложеніе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ профессоромъ исторіи, а Тауберту поручено исполненіе? По этому онъ не принималъ здѣсь впослѣдствіи никакого участія.... Таубертъ вовсе не былъ ученымъ по профессіи и притомъ занятый дѣлами, несравненно важнѣйшими, а потому это не былъ человѣкъ, отъ котораго можно было бы требовать изданія средневѣковой лѣтописи. И такъ онъ возложилъ печатаніе, корректуру и все дѣло несвѣдущему, впрочемъ знающему латинь канцеляристу при Академіи Баркову..... Таубертъ дозволялъ или лучше сказать приказывалъ этому издателю: 1) измѣнять или подновлять ста-

---

[1]) II, книга № 267.

ринную орѳографію; 2) выпускать цѣлыя мѣста, неимѣвшія въ себѣ ничего историческаго, также проповѣди со множествомъ библейскихъ изреченій (которыя, однако, могли бы опредѣлять древность при собраніи разночтеній) и т. п.; 3) непонятныя мѣста дѣлать по догадкамъ ясными; старыя, вышедшія изъ употребленія слова замѣнять новыми ex ingenio, и 4) пропуски пополнять изъ другихъ сборниковъ"... Это изданіе Нестора было выпущено въ свѣтъ не ранѣе 1767 года. Въ одномъ заглавіи его стояло: Библіотека россійская историческая... часть I, а въ другомъ: Лѣтопись Несторова съ продолжателями по кёнигсбергскому списку до 1206 года. Помѣщенное здѣсь предисловіе Шлецеръ приписываетъ себѣ [1]); между тѣмъ какъ Шереръ и Новиковъ [2]) считали Тауберта его сочинителемъ, можетъ бы по тому, что дѣйствительно въ предисловіи хотя упоминается о Шлецерѣ, но какъ о лицѣ, представившемъ проектъ о занятіяхъ русскою исторіею, и что въ то же время подписавшій предисловіе „издатель" прямо говоритъ, что онъ предпринялъ изданіе Нестора по приказанію президента Академіи, гр. Разумовскаго въ 1761 г. (предисловіе, стр. 31), т. е. тогда, когда Шлецеръ не принадлежалъ Академіи и едва только пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ частный человѣкъ. По этому странными кажутся жолчные упреки Шлецера Новикову за то, что этотъ въ своемъ Опытѣ словаря предисловіе приписалъ Тауберту и какъ будто намѣренно умолчалъ о немъ, Шлецерѣ [3]).

27 іюня 1762 года княгиня Дашкова узнала чрезъ Григорія Орлова, что гвардейскій офицеръ Пассекъ, одинъ изъ сторонниковъ супруги Петра III, императрицы Екатерины, былъ арестованъ. И Дашкова, и братья Орловы были дѣятельными участниками въ подготовленіи переворота, имѣвшаго цѣлью возведеніе на престолъ этой государыни, а потому они, пони-

[1]) A. L. Schlözer's offentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben, 63, 65, 66, 163.

[2]) Scherer's des heiligen Nestors.... älteste Jahrbücher der russischen Geschichte (Leipzig, 1774), см. предисловіе; Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Николая Новикова, (Спб., 1772), 215.

[3]) A. L. Schlözer's offentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben, 163.

мая болѣе чѣмъ кто-либо всю опасность для ихъ дѣла отъ арестованія сказаннаго офицера, тогда же рѣшились дѣйствовать. Почтовая коляска была послана за Екатериною въ Петергофъ, а между тѣмъ въ измайловскомъ полку, которымъ командовалъ графъ Разумовскій, сдѣланы были приготовленія на случай пріѣзда императрицы. Она дѣйствительно прибыла изъ Петергофа, въ сопровожденіи только своей камеръ-юнгферы Екатерины Ивановны Шарогородской [1]), въ Петербургъ утромъ 28 іюня; прямо отправилась къ казармамъ измайловскаго полка, гдѣ впервые и была привѣтствована какъ императрица, вступившая на престолъ. Въ тоже утро государыня передъ отправленіемъ своимъ съ войскомъ къ Петергофу, во дворцѣ, окруженная знатнѣйшими изъ государственныхъ чиновъ, совѣтовалась объ изданіи въ народъ манифеста, для сочиненія котораго призванъ былъ Тепловъ. Таковы извѣстія, сохраненныя въ общихъ чертахъ княгинею Дашковою въ Запискахъ [1]).

Изъ современнаго академическаго дѣла видно, что означенные манифесты и присяги на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ начаты печатаніемъ въ академической типографіи съ 29 іюня 1762 года. О тисненіи тамъ русскихъ манифестовъ нѣтъ никакихъ упоминаній. При дѣлѣ хранится записка изъ сената: „Въ правительствующій сенатъ канцеляріи Академіи наукъ изъ типографіи прислать сейчасъ сколько есть готовыхъ на нѣмецкомъ языкѣ манифестовъ, такожъ переведя еще манифестовъ и присягъ и на французскій немедленно языкъ, потому жъ печатать. Экзекуторъ И. Татищевъ“. На этой запискѣ рукою Тауберта: „отпустить немедленно сколько есть готовыхъ и въ запасъ еще пе-

---

[1]) Шарогородская была племянницею духовника императрицы Елисаветы, который, по разсказу самой Екатерины, чрезъ эту племянницу удачно посовѣтывалъ однажды великой княгинѣ притвориться больною и потребовать его къ себѣ для исповѣди, чтобы потомъ все сказанное передать удобнѣе императрицѣ Елисаветѣ и возбудить ея участіе. Mémoires de Catherine II (Londres, 1859), 335—337.

[2]) Memoiren der Fürstin Daschkoff. (Hamb., 1757), I. 94—102, ср. также Histoire on anecdotes sur la révolution de Russie en 1762, par de Rulhière, 79, 80.

чатать. Таубертъ". Тогда было въ сенатъ отправлено 450 экземпляровъ [1]).

Событія, имѣвшія мѣсто при возшествіи на престолъ императрицы Екатерины, извѣстны по нѣсколькимъ разсказамъ современниковъ, несличеннымъ и непровѣреннымъ критически, а потому въ настоящее время трудно сказать, въ какой степени справедлива одна подробность о переворотѣ, сообщенная Шлецеромъ. Въ семь часовъ утра 28 іюня 1762 года, хозяйка дома, гдѣ онъ жилъ, войдя къ нему въ комнату холодно и спокойно сказала: „ея императорское величество вступила на престолъ". Болѣе онъ ничего не слыхалъ отъ нея. Затѣмъ Шлецеръ прибавляетъ: „Таубертъ принималъ много участія въ великомъ дѣлѣ: въ подземельяхъ академическаго дома, въ которомъ онъ жилъ, печатался ночью манифестъ, который уже раздавался на разсвѣтѣ дня. Я благодарилъ небо, что не имѣлъ чести играть роли въ этомъ опасномъ событіи: вѣроятно я избѣгнулъ этого, потому что былъ новичекъ и неизвѣстенъ. А какъ легко кому нибудь изъ нашихъ нечаянно быть втянутымъ въ водоворотъ, это доказываетъ слѣдующая исторія: одинъ нѣмецъ, состоявшій въ Академіи, былъ позванъ вечеромъ къ одному знатному, который ему объявилъ, что тамъ и тамъ засажены наборщикъ и печатникъ съ ихъ снарядами для печатанія ночью манифеста о переворотѣ, а онъ, нѣмецъ, долженъ быть съ ними, чтобъ наблюдать за корректурою и пр. Бѣднякъ отказывается отъ предложенія, противится, умоляетъ, кланяется въ ноги, чтобы избавиться отъ порученія.—Вы знаете уже много, отвѣчаютъ ему, тутъ идетъ дѣло и о моей, и вашей головѣ, когда что-нибудь откроется. Вы должны отправиться и не смѣете идти куда-либо кромѣ того мѣста, куда вамъ назначено. Нѣмецъ поплелся, и его смѣлый подвигъ, его смертельный страхъ наградили жалкими пятидесятью рублями!" [2]). Шлецеръ не назвалъ знатнаго, но при этомъ позволительно догадываться, что это былъ президентъ Академіи графъ Кирилъ Григорьевичъ Ра-

---

1) II, книга № 270.

2) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben, 106—108.

зумовскій, непосредственный начальника Тауберта: есть современныя свидѣтельства, что еще въ 1756—1757 годахъ онъ зналъ и одобрялъ замыслы Екатерины вступить въ управленіе государствомъ въ случаѣ ожидавшейся тогда кончины императрицы Елисаветы. Въ 1762 году онъ былъ участникомъ въ переворотѣ: это разсказываютъ и Дашкова, въ своихъ Запискахъ, и Екатерина II, въ извѣстномъ письмѣ къ Станиславу Понятовскому [1]).

Какъ бы то ни было, но только въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1762 г., № 65, было напечатано, что 28 іюня того года цалмейстеръ Григорій Орловъ пожалованъ въ камергеры, а 19 іюля Таубертъ произведенъ въ статскіе совѣтники и библіотекаріусы ея императорскаго величества, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ [2]). Это повышеніе особенно непріятно подѣйствовало на Ломоносова, такъ-какъ онъ остался въ прежнемъ чинѣ коллежскаго совѣтника, слѣдовательно сталъ ниже своего врага. Въ этомъ, по видимому ничтожномъ обстоятельствѣ надобно искать причины, почему взаимная вражда академическихъ совѣтниковъ съ этой поры еще болѣе усилилась. Ломоносовъ въ томъ же іюлѣ 1762 года долгомъ счелъ подать на имя императрицы Екатерины II прошеніе объ увольненіи его въ отставку съ награжденіемъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; при чемъ въ числѣ мотивовъ къ тому было выставлено: „я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ“... [3]).

Въ эту именно эпоху возвышенія Тауберта, узналъ его Шлецеръ, къ которому онъ съ самаго начала знакомства отнесся чрезвычайно дружелюбно и потомъ усердно ратовалъ за него противъ Ломоносова и Мюллера.

Шлецеръ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи громкую извѣстность какъ писатель и профессоръ, обладалъ немалою дозою самолюбія и былъ высокаго о себѣ мнѣнія, что, какъ извѣстно, не

---

[1]) Mémoires de l'Impératrice Catherine II, 2-de édit., (Londres, 1859, 361. См. также Voyage en Pologne, Russie etc. par W. Coxe, I, 312.

[2]) II, книга № 270.

[3]) Записки Академіи наукъ, XII, Прошеніе Ломоносова о пенсіи и чинѣ, 1762 г., 104—105.

рѣдкость въ писателяхъ какъ великихъ, такъ и самыхъ ничтожныхъ. Шлецеръ приписывалъ хлопоты за него Тауберта единственно желанію его пріобрѣсти для Академіи такаго замѣчательнаго ученаго мужа, какъ онъ, хотя можно подозрѣвать, что у Тауберта, при горячемъ его заступничествѣ за Шлецера, не мало входило въ разсчетъ желаніе подгадить своимъ исконнымъ врагамъ по Академіи—Ломоносову и Мюллеру.

Впрочемъ, говоря о Таубертѣ, во всякомъ случаѣ нельзя не привести сужденій о немъ такой замѣчательной личности, какъ Шлецеръ, который говоритъ: „Таубертъ! Грудь моя волнуется высокимъ чувствомъ искреннѣйшій признательности, какъ только я пишу и произношу это имя или даже только думаю о немъ. Михаелисъ Таубертъ, Струве — вы вѣчно останетесь дороги для меня! Творцы моего счастія, т. е. того, что я, довольный своею судьбою, называю счастьемъ!"

„Статскій совѣтникъ фонъ-Таубертъ, продолжаетъ Шлецеръ, петербургскій нѣмецъ, которому (въ 1762 г.) было 50 (40?) съ небольшимъ лѣтъ, прежде состоялъ адъюнктомъ, а теперь академическимъ библіотекаремъ и, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, начальникомъ академической канцеляріи, стало-быть онъ былъ регентомъ Академіи, потому что у гетмана Разумовскаго было мало времени заниматься академическими дѣлами, а бѣдная конференція ничего не смѣла. Тонкій и ловкій придворный, вовсе не ученый по обязанности, но однако человѣкъ со свѣтлымъ взглядомъ и со многими свѣдѣніями, въ особенности въ языкахъ (въ бытность адъюнктомъ онъ напечаталъ нѣкоторые свои переводы на русскій языкъ); при этомъ полный честолюбія и ревнивый къ тому, чтобы выказать себя блистательными предпріятіями — и dicier, hic est! Конечно съ великою наклонностью къ деспотизму, но у кого изъ русскихъ начальниковъ не было ея тогда? До него правилъ Академіею съ неограниченною властью статскій совѣтникъ Шумахеръ, о которомъ разсказывалъ такъ много дурнаго Бюшингъ, по большой части со словъ Мюллера, и много не несправедливаго. Дочь этого Шумахера была за Таубертомъ, прекраснѣйшая, образованнѣйшая, умнѣйшая изъ столичныхъ

дамъ. Такъ-какъ Мюллеръ и Бюшингъ были между собою искренніе друзья и взаимно другъ другу воскуряли фиміамъ, а Мюллеръ съ Таубертомъ сердечно презирали и ненавидѣли другъ друга, то госпожа Таубертъ мого разъ дѣлала остроумныя выходки на счетъ Бюшинга, о которыхъ узналъ послѣдній, и его месть достигла до такой высокой степени, что онъ еще при жизни ея дозволилъ себѣ печатно такое выраженіе: Таубертъ получилъ правленіе Академіею ради жены своей!"[1]). Чтобы судить о безпристрастіи Шлецера, здѣсь приводится вполнѣ то мѣсто изъ Бюшина, которое показалось такъ непристойнымъ академику. Въ біографіи Мюллера Бюшингъ говоритъ, что тѣ изъ товарищей исторіографа, которые были его моложе, достигли значительныхъ чиновъ, а онъ и позже все оставался профессоромъ: „Даже Таубертъ, который только въ 1738 году сдѣланъ адъюнктомъ исторіи и краснорѣчія, хотя при смерти Шумахера имѣлъ уже званіе коллежскаго совѣтника и унтеръ-библіотекаря, однако въ собственномъ смыслѣ не былъ вовсе ученымъ, получилъ правленіе Академіею, какъ говорили, ради жены своей, и Мюллеръ былъ его подчиненнымъ"[2]).

Шлецеръ, отзываясь вездѣ съ похвалами о своемъ покровителѣ, прибавляетъ также слѣдующую черту о немъ: „Таубертъ, знакомый съ бо́льшею частію президентовъ и сочленовъ коллегіи, былъ ими почитаемъ и любимъ (не такъ какъ Мюллеръ). Они считали его ученымъ, почему часто сообщали ему донесенія, записки, проекты и пр., которые имѣлись у нихъ. Изъ подобныхъ дѣлъ новѣйшаго времени у Тауберта было дѣйствительно болѣе, чѣмъ у Мюллера"... [3]).

Что́ Таубертъ имѣлъ знакомыхъ и покровителей не только между чиновниками, но и между придворными и знатными, то подтверждаетъ степень участія его при основаніи вольнаго экономическаго общества. Не выѣзжая никогда изъ Петер-

---

[1]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben, 98, 99.

[2]) Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III, 63.

[3]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben, 132.

бурга, и стало быть никогда не занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, Таубертъ, однако, какъ писалось въ современныхъ бумагахъ былъ „заводителемъ“ этого общества.

Еще въ 1763 году императрица Екатерина II приказала „учредить при Академіи классъ агрикультуры“, но это повелѣніе осталось почему-то безъ исполненія [1]). Конечно Тауберту не предвидѣлось возможности быть на первомъ планѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ осуществилась мысль государыни объ учрежденіи особаго класса по сельскому хозяйству при Академіи, а потому онъ явился ревностнымъ заводителемъ особаго внѣ Академіи общества, при чемъ, по словамъ г. Ходнева въ Исторіи императорскаго вольнаго экономическаго общества (Спб., 1865 года, стр. 4), „Таубертъ распоряжался въ собраніи какъ дома, хотя между прибывшими были особы далеко выше его по званію, богатству и значенію общественному“.

„4 апрѣля 1765 года, разсказываетъ Шлецеръ, умеръ Ломоносовъ, имѣя, какъ Петръ Великій, только 54 года... Его мѣсто въ канцеляріи медлили замѣстить, а потому Таубертъ одинъ остался директоромъ ея [2]), т. е. настоящимъ регентомъ всей Академіи, а мнѣ, прибавляетъ отецъ критической исторіи древней Россіи, его тайному совѣтнику, при этомъ новомъ положеніи дѣла было также не худо“ [3]).

Регентство Тауберта продолжалось, однако, не долго: то, что не могли сдѣлать усилія академиковъ и такихъ враговъ, какъ Ломоносовъ и Мюллеръ, то исполнила императрица Екатерина II, и, по своему обыкновенію, — не торопясь, безъ особенной огласки и шума, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и мѣтко. Слѣды неудовольствія этой государыни противъ Тауберта проявились, сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ по поводу изданія въ свѣтъ Адресъ-календаря. Еще въ октябрѣ 1763 года Екатерина II изустно приказывала Теплову, чтобы

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865 г.), 616.

[2]) Здѣсь Шлецеръ ошибается: Таубертъ не имѣлъ званія директора и оставался по прежнему совѣтникомъ академической канцеляріи.

[3]) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben, 302.

академическая канцелярія отнеслась съ требованіемъ въ присутственныя мѣста о доставленіи свѣдѣній о всѣхъ чинахъ въ государствѣ до секретаря включительно. Когда эти свѣдѣнія были собраны, то они нѣкоторое время не печатались, „за неконфирмованіемъ еще тогда новыхъ гражданскихъ штатовъ“ [1]). Наконецъ, 31 декабря 1764 года, Таубертъ, представивъ въ рукописи Адресъ-календарь императрицѣ, при томъ писалъ: „А какъ я сей трудъ принялъ на себя не по должности, но по одному собственному побужденію, будучи увѣренъ о пользѣ, какая изъ того можетъ быть россійской публикѣ, то всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество дозволить мнѣ упомянутой сочиненной мною Адресъ-календарь ежегодно издавать въ народъ печатаніемъ на собственномъ моемъ коштѣ; а къ произведенію его отъ часу въ бо́льшее совершенство всемилостивѣйше повелѣть сообщить мнѣ отвсюды требуемыя извѣстія“.

„Признаваюсь вашему императорскому величеству, что тягость моихъ долговъ и трудное содержаніе многочисленной фамиліи, которую стараюсь честно воспитать и сдѣлать полезными отечеству гражданами, наипаче понудили меня примыслить сей опытъ къ вспомоществованію нуждамъ моимъ и недостаткамъ. Какой имѣть буду я въ томъ успѣхъ, того не знаю, а только въ несомнѣнномъ надѣяніи остаюсь, что ваше императорское величество, поощряя всячески труды, къ общей пользѣ склоняющіеся, меня сей малой, отъ собственнаго моего труда чаемой выгоды лишить не соизволите“.

Надежда Тауберта не осуществилась, и хотя его просьбу докладывалъ императрицѣ давній пріятель его Тепловъ, однако рѣшеніе послѣдовало очень лаконическое: „отказать. Января 12 дня, 1765 года“ [2]). Въ томъ же году Адресъ-календарь велѣно было печатать на казенный счетъ.

Вскорѣ послѣ того, Екатерина II, спрашивала извѣстнаго

---

[1]) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи наукъ, I, стр. XXXVI.

[2]) Прошеніе въ дѣлахъ Государственнаго архива. Замѣтимъ кстати, что Таубертъ до 1765 года получалъ 1500 рублей при казенной квартирѣ и пр. 21 марта того же года графъ Разумовскій разрѣшилъ прибавить ему еще 375 рублей. Стало-быть Таубертъ

Авраама Ганнибала, не знаетъ-ли онъ о послѣдующей судьбѣ проекта временъ Петра Великаго касательно постройки канала между Петербургомъ и Москвою? Ганнибалъ отвѣчалъ, что онъ и не помнитъ о такомъ проектѣ, „хотя прежде сего счастіе имѣлъ при блаженныя и вѣчно достойныя памяти государѣ Петрѣ Великомъ въ смотрѣніи моемъ имѣть собственный его величества кабинетъ, въ которомъ всѣ чертежи, проекты и библіотека имѣлись"; но что, впрочемъ, всѣ бумаги и вещи этого государя хранятся или въ Академіи наукъ, или въ императорскомъ кабинетѣ. Тепловъ докладывалъ объ этомъ письмѣ императрицѣ 7 сентября 1765 года, и она собственноручно написала съ обычнымъ своимъ правописаніемъ или лучше сказать съ обычнымъ отсутствіемъ всякаго правописанія: „есть ли сіи планы в' Академіи то и спрашивать ихъ ни для чего, понеже верно украдены".

Въ томъ же 1765 году императрица чрезъ Теплова спрашивала отъ Тауберта опись бумагамъ, сохранявшимся въ Академіи наукъ изъ библіотеки фельдмаршала графа Брюса, и шесть нумеровъ изъ тѣхъ бумагъ потребованы были къ государынѣ. При исполненіи этого, слѣдующихъ двухъ нумеровъ не оказалось:

„Большой свертокъ россійскихъ книгъ, между которыми капитуляціи и пункты многихъ взятыхъ лифляндскихъ городовъ, на нѣмецкомъ языкѣ" (Отмѣтка Тауберта: сего свертка не отыскано; но какъ оный оцѣненъ только въ 50 к., то кажется въ немъ куріознаго не было).

„Разные письменные каталоги книгъ (отмѣтка Тауберта: оцѣнены всѣ только въ 5 копеекъ и, яко негодные ни къ какому употребленію, уничтожены)".

Противъ отмѣтокъ Тауберта Екатерина II собственноручно написала: „Тожъ выкралъ. У меня в канюшни отцепили и продали за трицать рублевъ Аглинскую лошадь которая стоитъ пять соть рублевъ, но то учинено незнающими людми".

„Видно, что у нихъ безпорядится не менѣе какъ въ послѣд-

выигралъ, потому что онъ бы не получилъ въ тѣ времена отъ продажи адресъ-календаря чистой прибыли 375 рублей.

ней воеводской канцеляріи, но таковыхъ воеводъ смѣняютъ ныне отчасти" [1]).

Изданный въ 1764 году, по мысли Екатерины II, планъ о воспитаніи и обученіи русскаго юношества заставилъ Тауберта приняться за это дѣло и при Академіи: онъ учредилъ особое тамъ училище, приведя въ числѣ доводовъ къ его основанію то обстоятельство, что прежде въ учебныя академическія заведенія „набираемы были всѣ изъ самой подлости" [2]). Педагогическіе проекты Ивана Бецкаго были тогда въ ходу, а потому Таубертъ долгомъ счелъ подражать ему, но такъ, что Бецкій, почитатель французскаго языка, въ училищѣ при Академіи художествъ обращалъ вниманіе на изученіе этого языка, а Таубертъ, болѣе наклонный, по происхожденію своему, къ Германіи, старался у себя о распространеніи знанія нѣмецкаго языка. Однажды въ покояхъ великаго князя Павла Петровича зашелъ разговоръ о педагогическихъ подвигахъ Бецкаго и Тауберта, и находившійся при томъ писатель Сумароковъ съ обычною своею рѣзкостію отозвался: „есть-де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ!" [3]).

Какъ бы то ни было, но Таубертъ поспѣшилъ напечатать въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ приглашеніе къ желающимъ отдавать дѣтей во вновь открытое имъ училище. Это объявленіе не укрылось отъ вниманія императрицы, и она поручила Теплову „взять у Тауберта отвѣтъ, по какому указу и на какомъ основаніи онъ то дѣлаетъ?" Тепловъ представилъ доненесеніе видимо съ желаніемъ оправдать Тауберта и похвалить его училище, которое, по отзыву Теплова, было сколкомъ съ

---

[1]) Докладъ съ отмѣтками Екатерины II хранится въ Государственномъ архивѣ.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 745.

[3]) Семена Порошина записки (Спб., 1844), 436.

заведеннаго Бецкимъ при Академіи художествъ, съ тою разницею, что дѣтей учили сначала нѣмецкому языку, а не французскому. „А нѣмецкій языкъ, писалъ Тепловъ, необходимо ученому человѣку надобенъ наипаче въ Россіи, потому въ подданствѣ вашего императорскаго величества цѣлыя провинціи нѣмецкія находятся, въ которыхъ удобнѣе бы было къ дѣламъ употреблять со временемъ россійскихъ ученыхъ съ совершеннымъ знаніемъ нѣмецкаго языка“.

На этомъ донесеніи императрица написала своею рукою: En un mot comme on cent je veut que le plan et le reglement de cet ecole soit dressé et qu' il me l'aporte pour l'eprouver, d'autant plus qu' il est tres different par sa destination de celui de l'Academie des arts, et qu' ainsi il n'y a absolumeut que la regie de la maison et de l'economie interieure qui peut servir, car pour le reste vous ne pouré pas me soutenir que s'est la meme chose de faire un sculpteur et un botanique et que le plan bon pour former l'un peut servir a perfectionner l'autre“ [1]).

Въ объясненіяхъ Тауберта, представленныхъ также Тепловымъ, есть между прочимъ, что академическое училище основано согласно регламенту Академіи художествъ „по колику оный и для наукъ служить можетъ основаніемъ“. Противъ этого замѣтка рукою Екатерины II: „въ чемъ же онѣ оное отмѣнили? Не можно ли мнѣ сей секретъ ведать“. Далѣе Таубертъ оправдывался, что училище заведено по совѣту съ нѣкоторыми академиками „и по согласію съ ними все въ дѣйство произвелъ“. Здѣсь опять приписка государыни: „Il est extrement singulier de dire произвелъ, chaqu'un qui viendra changera a cet etablissement tout ce qu'il voudra par ce que l'aprobation de Mr. Taubert ne fait pas loix et que s'est batir sur le sable que d'agir ainsi самовольно et sans апробаціон“ [2]).

---

[1]) Донесеніе Теплова и объясненія Тауберта напечатаны въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей 1866 года IV, смѣсь, 124—125; но здѣсь почему-то пропущена приведенная сейчасъ замѣтка императрицы, которая списана съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника, хранящагося въ Государственномъ архивѣ.

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1866, IV, 126, 127.

15 іюня 1766 года, императрица потребовала чрезъ Космина отъ Тауберта извѣстія: „сколько въ прошломъ году отъ книжныхъ доходовъ въ сборѣ денегъ было и на что именно употреблены, и каждой-ли годъ непремѣнно выходитъ по двѣ тысячи рублей на пріумноженіе библіотеки и кунсткамеры, и сколько какихъ чиновъ сверхъ штата при Академіи состоитъ; а напротивъ того нѣтъ-ли и въ штатное число какихъ чиновъ недостатка" [1])? Отвѣта Тауберта мнѣ не встрѣчалось; впрочемъ вскорѣ послѣ того въ управленіи Академіею произошли важныя перемѣны: 5 октября 1766 года директоромъ ея былъ назначенъ молодой человѣкъ, графъ Владиміръ Орловъ. Первымъ его распоряженіемъ, 12 октября, было назначеніе ревизіи и учета иностранной книжной лавки, которая была до того времени въ полномъ завѣдываніи Тауберта.

30 того же октября, послѣдовало повелѣніе императрицы Екатерины II объ учрежденіи при Академіи наукъ коммиссіи изъ академиковъ: Эйлеровъ, отца и сына, Лемана, Котельникова и Румовскаго, „разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе". Объявивъ это повелѣніе, графъ Орловъ, 31 октября, постановилъ напечатать во всеобщее извѣстіе, „что въ канцеляріи Академіи наукъ ничего впредь до указу производиться не будетъ, и для того кто имѣетъ дѣло до Академіи наукъ, тотъ адресоваться будетъ къ оной коммиссіи".... [2]).

Таубертъ такимъ образомъ остался не у дѣлъ, и ему нерѣдко приводилось потомъ испытывать ограниченія, тѣмъ болѣе для него невыносимыя, что до того времени онъ распоряжался всѣмъ въ Академіи вполнѣ самовластно. Сохранилось одно письмо, 19 марта 1767 года, къ неизвѣстному, въ которомъ Таубертъ такъ повѣрялъ свои тогдашнія огорченія [3]): „господа изъ академической коммиссіи опять нашли прекрасный случай выказать ко мнѣ свою злобу и возстановить противъ меня мо-

---

[1]) II, книга № 477.

[2]) II, книга № 477.

[3]) Въ архивѣ академической конференціи въ тетради, гдѣ хранятся краткія автобіографіи и другіе матеріалы, собиравшіеся для составленія жизнеописаній нѣкоторыхъ изъ академиковъ.

лодаго графа (Орлова). Ходъ дѣла вы узнаете изъ приложенныхъ копій съ письма графа и моего къ нему отвѣта. Всякому честному человѣку должно быть невыносимо, когда съ нимъ обходятся такимъ презрительнымъ образомъ. Я лучше желаю все потерять, чѣмъ преклоняться такъ унизительно и оставаться нечувствительнымъ къ грубостямъ и открытому оскорбленію моей чести. Если представится случай завести о томъ рѣчь, то вы конечно знаете, что объ этомъ говорить. Я изыскивалъ, не унижаясь, все, что было для меня возможнымъ, для снисканія милости и довѣренности этого молодого господина, однако до сихъ поръ вижу, къ крайнему моему огорченію, что мои старанія остались безплодными. Что сдѣлаете вы и прочіе мои друзья, чтобы разсѣять въ немъ внушенное ему противъ меня предубѣжденіе, я буду отъ того ожидать хорошаго успѣха. Коллежскому совѣтнику Мюллеру вы можете передать дѣло только на словахъ и, если только найдется случай, то также г. Панину для доказательства, какіе дурные люди гг. Эйлеръ и Штелинъ и какъ допускаетъ молодой человѣкъ управлять собою этимъ своекорыстнымъ и подлымъ льстецамъ".

Въ мартѣ 1767 года, ректоръ гимназіи Киницъ донесъ, что отецъ весьма дурнаго ученика Кохмана „за нѣсколько дней не устыдился нынѣшнія его сіятельствомъ сдѣланныя въ гимназіи учрежденія хулить, а именно будто теперь вредныя для юношества Ломоносова распоряженія введены, а Таубертовы—изрядныя отмѣнены, да и оставлено ученіе вѣры, которымъ гораздо лучше можно исправить нравы юношества, нежели побоями"... По этому состоялось опредѣленіе ученика Кохмана исключить „за его непорядки и за продерзости и нахальство отца его"[1]).

16 апрѣля 1767 года, вышепомянутая коммиссія при Академіи наукъ, по приказанію графа Орлова, постановила: „чтобы, безъ вѣдома оной коммиссіи, г. статскій совѣтникъ Таубертъ по библіотекѣ и кунсткамерѣ никакихъ работъ одинъ собою не подряжалъ, а если оныя безъ вѣдома коммиссіи дѣ-

---

[1]) II, книга № 304.

ланы будутъ, за оныя деньги не платить"... Въ томъ же году вышеозначенная новоучрежденная типографія присоединена къ старой академической, а Таубертъ вовсе устраненъ отъ типографскихъ дѣлъ, завѣдываніе которыми ввѣрено академику Протасову [1]).

Шлецеръ, разсказывая о своей признательности къ Тауберту за всѣ его одолженія, прибавляетъ: „его довѣренность ко мнѣ была безгранична: кто искалъ у него чего нибудь, тотъ долженъ былъ только обратиться ко мнѣ, и я истинно не злоупотреблялъ его довѣренностью. Когда палъ Таубертъ, то узналъ я множество недостойныхъ, которые прежде передъ нимъ ползали, а теперь его совершенно покинули и даже клеветали"... Шлецеръ, по его словамъ, не пропускалъ однако и послѣ ни дня рожденія Тауберта, ни одного большаго праздника, чтобы не явиться въ его пріемную, прежде всегда биткомъ набитую, а послѣ уже совсѣмъ пустую [2]).

28 апрѣля 1771 года Таубертъ подалъ императрицѣ прошеніе объ оставленіи за нимъ бывшей его аренды, но просьба осталась неисполненною [3]), потому что онъ умеръ отъ параличнаго удара 9 мая 1771 года. По современнымъ извѣстіямъ, для спасенія его употребляли всѣ средства и даже новое тогда леченіе посредствомъ электричества, но напрасно [4]).

По свидѣтельству нѣмецкой біографіи Тауберта, послѣ него осталось три сына, изъ которыхъ одинъ былъ уже офицеромъ, и одна дочь. Жена его (род. въ 1730 году) была во второй разъ замужемъ за артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ Ступишинымъ и умерла въ 1803 году [5]).

---

[1]) II, книга № 305.

[2]) A. L. von Schlözer's öffentliches und privat-Leben.... beschrieben von dessen Sohne C. von Schlözer (Leipzig, 1828), I, 113, 114.

[3]) Жена Тауберта повторила ходатайство о томъ же, но ей было отказано на основаніи законовъ объ арендахъ. Чтенія общества исторіи и древностей, 1867 г., III, смѣсь 4—7.

[4]) H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, I, 290.

[5]) Это извѣстіе сообщено мнѣ П. Н. Петровымъ, который нашелъ его въ бумагахъ лютеранской церкви св. Екатерины на Васильевсломъ островѣ.

ШТРУБЕ ДЕ-ПИРМОНЪ, ФРИДРИХЪ-ГЕНРИХЪ, академикъ по каѳедрѣ юриспруденціи и политики.

Неполный перечень его сочиненій: Lexikon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, von J. G. Meusel, XIII, 494, 495. Печатныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не отыскано.

Штрубе де-Пирмонъ родился въ 1704 году [1]); по академическимъ бумагамъ значился „изъ ганноверскія земли“ [2]); учился въ Галле [3]). Президентъ Академіи баронъ Корфъ, на просьбу Моклера о доставленіи свѣдѣній на счетъ Штрубе де-Пирмона, отвѣчалъ ему $^{1}/_{12}$ марта 1740 года: „Онъ нѣмецъ родомъ изъ Ганновера; съ 1730 года служилъ, въ качествѣ секретаря, во многихъ посольствахъ въ Вѣнѣ, Англіи и Польшѣ, а въ послѣднее время здѣсь, при его свѣтлости герцогѣ курляндскомъ... Его L'Examen des réflexions d'un patriote allemand au sujet de la garantie de la pragmatique impérial напечатанъ въ Амстердамѣ въ 1732 году и помѣщенъ въ первомъ томѣ Interets des Princes г. Руссе и въ Jus primo geniturae ассессора Людольфа въ приложеніи. La réponse à la lettre de l'auteur des réflexions d'un patriote allemand impartial au sujet de la demande de la garantie de la pragmatique impériale издано въ Ратисбоннѣ въ 1733 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, а потому не вошло ни въ одинъ, изъ извѣстныхъ мнѣ большихъ сборниковъ“... [4]).

4 сентября 1738 года баронъ Корфъ, въ академическомъ собраніи, объявилъ о назначеніи на каѳедру, которую до того времени занималъ въ Академіи Бекенштейнъ, Штрубе, бывшаго, какъ сказано въ протоколѣ, долгое время секретаремъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Мюллеру, 21 августа 1779 года, онъ писалъ, между прочимъ: «хотя я на исходѣ семдесятъ пятаго года моего возраста»... I, 27-й портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

[2]) Контрактъ 1738 г., II, кн. № 443.

[3]) О Галле, какъ мѣстѣ своего образованія, Штрубе упоминаетъ въ письмѣ къ Моклеру, 11 августа 1740 года. I, Ausgehende Briefe von anno 1740 bis 1742.

[4]) I, Ausgehende Briefe von anno 1740 bis 1742.

Бирона, герцога курляндскаго. 11 того же мѣсяца новый академикъ былъ введенъ президентомъ въ академическое засѣданіе [1]). Въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ, онъ названъ профессоромъ „юриспруденціи и политики“ [2]).

Первый, представленный Штрубе въ Академію трудъ, напечатанъ тамъ подъ заглавіемъ: Recherche nouvelle de l'origine et des fondemens du droit de la nature, par Frédéric Henri Strube de Piermont (S.-Pétersbourg, 1740, in 8°, XXXVI, 4 и 308 страницъ). Здѣсь въ предисловіи сочинитель говоритъ, что онъ въ особенности былъ привязанъ къ лекціямъ покойнаго Христіана Томазія. Оттуда же видно, что Штрубе пріобрѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ; такъ онъ говорилъ, напр., что только на этомъ языкѣ и на нѣмецкомъ можно выразиться: согласиться съ самимъ собою, mit sich selbst einig seyn.

Какъ только вышло это сочиненіе, то баронъ Корфъ, поспѣшилъ послать его къ Моклеру, издателю Bibliothéque Germanique, къ Менке, редактору Nova acta eruditorum, къ Руссе, печатавшему сборники по международному праву и пр., съ просьбою обратить вниманіе на это произведеніе академика. Моклеръ, прежде напечатанія разбора, просилъ барона Корфа доставить ему извѣстія о Штрубе де-Пирмонѣ, находя въ этомъ имени что-то таинственное и думая, что это долженъ быть псевдонимъ [3]). Тогда Корфъ отвѣчалъ о Штрубе то, что уже сообщено выше. Что касается до періодическаго изданія Менке, то въ помѣщенномъ тамъ подробномъ разборѣ названнаго сочиненія Штрубе замѣчено, что еще въ 1732 году Штрубе де-Пирмонъ издалъ брошюру Recherche de l'origine et des fondemens du droit de la nature, traduite d'un manuscrit anglais (Amsterdam, 1732, in 8°), и затѣмъ прибавлено: Que quidem tempore Autor a secretis erat illustrissimi Administri status primarii Wolfenbuttelani, Hieronymi de Münchhausen [4]).

---

[1]) I, Протоколы 1738 года.

[2]) II, книга № 443.

[3]) I, Eingekommende Briefe von anno 1740. Письмо Моклера отъ 24 февраля 1740 года.

[4]) Nova acta eruditorum anno

Въ маѣ 1740 года на Штрубе было возложено, подъ наблюденіемъ академика Гольдбаха, „сочинить настоящую исторію“ изъ реляцій и вѣдомостей о польскихъ и турецкихъ воинскихъ дѣйствіяхъ въ царствованіе императрицы Анны. Штрубе потребовалъ разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, встрѣтившихся при выполненіи этого порученія, а также доставленія дополнительныхъ свѣдѣній, но на этомъ и остановилось дѣло [1]), такъ-какъ въ 1741 году Штрубе былъ уже въ Копенгагенѣ, гдѣ находился въ качествѣ секретаря при графѣ Петрѣ Чернышевѣ, а въ 1743 году при этомъ же лицѣ— въ Берлинѣ. Въ письмахъ отсюда къ Шумахеру Штрубе извѣщалъ, что имъ написано, для помѣщенія въ академическихъ Комментаріяхъ, De actionibus et passionibus animae, также: — сокращеніе Логики; разсужденіе De la raison de la guèrre et du droit de convenience [2]) и Réflexion sur la nature et les principes du goût et de la beauté [3]).

Когда вмѣсто удаленнаго отъ академическихъ дѣлъ Шумахера назначенъ былъ управлять ими Нартовъ, то послѣдній распорядился, чтобы прекратить жалованье всѣмъ иностраннымъ почетнымъ членамъ Академіи. Такъ-какъ Штрубе, отправившись въ Копенгагенъ, выпросилъ себѣ званіе такого члена съ жалованьемъ [4]), то и попалъ въ число тѣхъ, которымъ было отказано отъ продолженія выдачи жалованья. Тогда ходатаемъ за него явился у Нартова графъ П. Чернышевъ, который, 19 іюля 1743 года, писалъ изъ Берлина, что Штрубе, находясь при немъ секретаремъ, не получаетъ никакого жалованья изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но имѣетъ изъ Ака-

---

MDCCXLI publicata, 209, 210. Неизвѣстно, былъ-ли этотъ Мюнхаузенъ родственникомъ тому Мюнхаузену, который при императрицѣ Аннѣ служилъ въ русской службѣ и былъ знаменитъ своими градіозно-лживыми розсказнями.

[1]) II, книга №№ 450 и 53.

[2]) Мёйзель (Lexicon der... verstorbenen teutschen Schriftsteller, l. c.) говоритъ, что диссертація подъ этимъ заглавіемъ издана была въ 1734 году, а потомъ переведена на нѣмецкой въ Sammlung auserlesener jurist. Abhandlungen das teutsche Staatsrecht betreffend, aus verschiedenen Sprachen ins teutsche übersetzt (Leipzig, 1768), № 2.

[3]) I, Входящія письма 1740—1743 годовъ.

[4]) II, книга № 788.

деміи жалованья по 200 руб. въ годъ съ оставленіемъ дѣйствительнымъ членомъ ея „и порученное ему отъ нея дѣло и корреспонденцію суще продолжаетъ“...

Въ настоящемъ случаѣ Штрубе пришлось писать къ Нартову русскія письма, съ русскою подписью „Ф. Г. Штрубъ“, какъ напр., 25 іюня 1743 года: „вашему высокоблагородію безъ сумнѣнія уже извѣстно, что я предъ пятью годами счастіе имѣлъ при императорской Академіи наукъ, яко профессоръ юрисъ и политицесъ, принятъ быть; предъ двумя же годами, по желанію его сіятельства графа Петра Григорьевича Чернышева, при отправленіи его министромъ къ королевско-датскому двору, отъ оной позволеніе получилъ при немъ туда слѣдовать. Однакожъ мое профессорское мѣсто при той Академіи, такъ какъ и прежде, для меня консервовано... Отъ помянутой же Академіи порученное мнѣ дѣло прилежно продолжая, отъ времени до времени готовое туда пересылалъ, яко и къ г. секретарю Волчкову въ недавнѣ Логика на латинскомъ языкѣ, которую мнѣ, ради академической гимназіи, сдѣлать было приказано, отъ меня адресована“... [1]).

Съ возвращеніемъ Шумахера къ управленію Академіею, Штрубе видимо ожилъ и, поздравляя академическаго совѣтника съ благополучнымъ окончаніемъ его дѣла, 9 февраля 1744 года, писалъ къ нему, что вышепомянутое сочиненіе его о естественомъ правѣ переведено на голландскій языкъ и, кромѣ того, перепечатано въ Амстердамѣ, въ чемъ Штрубе видѣлъ почему-то почетъ для Академіи; при томъ напечатаны за границею его Anmerkungen von den Thun und Leiden der Seele. „Теперь я, прибавлялъ Штрубе, тружусь, между прочимъ, Sur l'utilité des listes des morts (Todten-Listen), касательно которыхъ нашелъ прекрасныя и очень полезныя замѣтки въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и англійскихъ сочиненіяхъ. Однако это представляется вашему усмотрѣнію. Моя логика ожидаетъ вашихъ приказаній. Я сообщилъ ее г. Эйлеру, который остался ею очень доволенъ“... [2]),

---

[1]) I, Входящіи письма 1740—1743 годовъ.

[2]) I, Eingekommende Briefe von Anno 1705 bis 1744.

4 іюля 1744 года Штрубе уже благодаритъ Шумахера за возвращеніе ему жалованья и старается оправдать новое изданіе за границею своего сочиненія о естественномъ правѣ и напечатаніе тамъ же статьи, уже посланной въ Академію, а именно: de actionibus et passionibus animae, тѣмъ, что Нартовъ ему объявилъ, что въ немъ нѣтъ болѣе надобности въ Академіи. „Я, говоритъ далѣе Штрубе, могу легко исправить этотъ промахъ, какъ скоро буду имѣть поболѣе досуга, котораго у меня здѣсь нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь учить здѣсь г. Разумовскаго, который кажется столько же доволенъ мною, сколько я имъ"... [1]).

Практическій Шумахеръ такъ отвѣчалъ Штрубе 18 фев-

---

[1]) I, Входящія письма 1744—1747 годовъ. Здѣсь же сохранился отрывокъ письма Теплова къ Шумахеру того же времени и также изъ Берлина, любопытный тѣмъ, что изъ него видно, что Тепловъ разсорился съ Штрубе за Разумовскаго и потому описываетъ его не въ очень привлекательномъ видѣ: «Онъ, писалъ Тепловъ, сначала отклонилъ и казался презирающимъ мѣсто г. Гольдбаха (вѣроятно непремѣннаго секретаря Академіи) а хотѣлъ совсѣмъ другаго, и предлагалъ мнѣ хлопотать для него званіе русскаго резидента въ Гамбургѣ или Данцигѣ. Однимъ словомъ, онъ тысячу разъ докучалъ мнѣ своими проектами. Противъ меня его возстановило то, что я съ нѣкотораго времени сталъ противодѣйствовать его видамъ и намѣреніямъ и высказалъ, какъ мало имѣютъ основательности его мечтанія. Сверхъ того, когда онъ, вопреки моей воли, выигралъ значительную сумму у молодаго Разумовскаго въ карты, то я сдѣлалъ ему выговоръ за то. Вотъ, почему онъ осмѣлился дѣлать неблагоразумныя и дерзкія попытки предъ графомъ Разумовскимъ, чтобы меня очернить и уронить въ его мнѣніи до такой степени, что въ своихъ письмахъ говорилъ обо мнѣ какъ объ игрокѣ, ворѣ, пьяницѣ и имѣющемъ другіе пороки, въ которыхъ я не виненъ даже передъ Богомъ. Однимъ словомъ онъ подъ конецъ поступилъ со мною также безчестно, какъ съ своимъ тестемъ, г. Дювернуа, у герцога Курляндскаго Вотъ его ко мнѣ признательность, за 200 экю, которые доставилъ ему за ученіе г. Разумовскаго, за 200 руб., которые выхлопоталъ ему какъ почетному, но теперь безполезному члену нашей Академіи, и за милость и благосклонность его сіятельства графа Разумовскаго, которыхъ достигнулъ по моей рекомендаціи. Несмотря на всѣ эти важныя услуги, онъ старался о моей погибели, хотѣлъ оттереть меня и, не краснѣя, писалъ о томъ самому его сіятельству. Чтобы избавится отъ непріятнаго затрудненія и освободиться отъ подобнаго врага, я его спроваживаю, отнимая у него вознагражденіе тою же властію, которою зависѣло отъ меня назначить. Смѣю увѣрить васъ, милостивый государь, что этотъ человѣкъ будетъ только способенъ нанести безчестіе нашей Академіи, въ которой онъ принадлежалъ въ нѣкоторомъ родѣ къ постыдной сторонѣ по своей учености. Впрочемъ, его ученость не велика по мнѣнію всѣхъ ученыхъ»....

раля 1745 года: „Новое изданіе вашего Ebauche des loix naturelles et du droit primitif производитъ на меня разнообразныя впечатленія: когда я вижу отдѣлку и прибавки вашего, милостивый государь, труда, я очень радуюсь; но если вспомню о множествѣ экземпляровъ, остающихся въ нашей лавкѣ отъ перваго изданія, то страшусь значительныхъ потерь, которыя мы несемъ отъ новаго.

„Для избѣжанія этого, слѣдовало бы непремѣнно помедлить этимъ изданіемъ до тѣхъ поръ, пока не приняли бы мы предосторожностей. Но такъ-какъ дѣло уже сдѣлано, то прошу васъ, милостивый государь, подумать теперь со мною, какимъ бы образомъ поправить этотъ промахъ. И ваша выгода состоитъ въ томъ, чтобы мы были освобождены отъ бремени, которое насъ тяготитъ“[1]).

Въ скоромъ времени послѣ того, какъ графъ Кирилъ Разумовскій вступилъ въ отправленіе должности президента Академіи наукъ, именно въ іюлѣ 1746 года, съ Штрубе былъ заключенъ тамъ новый контрактъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: „понеже профессія его (юриспруденція) не такая, въ которой частыя должно дѣлать изобрѣтенія, которыя бы вносить можно было въ Комментаріи, того ради вмѣсто того, чтобъ надлежало приносить ему въ собраніе академическое новоизобрѣтенныя піесы, одолжается онъ содержать въ помянутомъ собраніи протоколъ ученыхъ дѣлъ безперемѣнно, пока о томъ новое опредѣленіе отъ г. президента учинено будетъ, и въ томъ совершенно должность секретарскую отправлять, якото: сочинять всѣ къ корреспонденціи надлежащія письма на латынскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; переводить съ одного изъ сихъ на другой языкъ таковыя же или же симъ подобныя піесы, къ должности секретарей принадлежащія. Ежели разсуждено будетъ за благо въ Академіи и опредѣлено отъ президента должность секретаря Академіи наукъ положить на кого иного, въ такомъ случаѣ онъ, профессоръ Штрубе де-Пирмонъ, обя-

---

[1]) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

зывается вмѣсто сего снятаго труда читать другія лекціи, которыя Академія наукъ за благо найдетъ положить на него"[1]).

Въ Государственномъ архивѣ сохранилось письмо Штрубе, отъ 5 іюля 1746 года, къ неизвѣстному, котораго онъ титулуетъ Monseigneur. Здѣсь нашъ юристъ выражаетъ свою признательность за то, что, благодаря его одобренію, президентъ Академіи назначилъ Штрубе не только профессоромъ, но и непременнымъ секретаремъ Академіи. При этомъ письмѣ приложены два финансовые проекта академика: въ одномъ предлагается ввести бумажныя деньги (papiers royaux) вмѣсто русскихъ пятикопеечниковъ, а въ другомъ — объ обязательномъ употребленіи въ Россіи мужской одежды новаго образца, болѣе соотвѣтствующей нашему климату, менѣе дорогой, чѣмъ французское платье, и притомъ съ условіемъ, чтобы носящіе новую одежду платили извѣстную пошлину.

Въ 1747 году Штрубе перевелъ съ латинскаго на французскій языкъ предисловіе къ Атласу россійскому, которое и велѣно было отпечатать въ томъ же году[2]).

Въ 1748 году была напечатана написанная въ январѣ этого года: „Программа, въ которой равную пользу военной и судебной науки показываетъ; и купно желающимъ упражняться въ основательнѣйшемъ ученіи на свои лекціи призываетъ Фридрихъ Генрихъ Штрубе, Императорской Академіи наукъ профессоръ". (Въ 4°, на русскомъ и латинскомъ языкахъ, 4 ненум. листа). Здѣсь послѣ доказательствъ, что не слѣдуетъ воинскія дѣла предпочитать изученію правъ, и послѣ объявленія, что при Академіи наукъ существуетъ коѳедра юриспруденціи, Штрубе говоритъ:

„И понеже должность сія на меня положена, то о точнѣйшемъ исполненіи оныя крайнее буду имѣть раченіе. А пока еще не могу пользоваться такимъ щастіемъ, чтобъ правы, и законы Россійскія имперіи, которымъ въ разсужденіи ихъ справедливости никакихъ другихъ предпочесть нельзя, имѣть въ одной книгѣ собранные, и надлежащимъ порядкомъ распо-

---

[1]) II, книга № 103.

[2]) II, книга № 107.

ложенные (чего желать весьма бы надлежало); то между тѣмъ, въ публичной авдиторіи, въ определѣнные часы со всякимъ прилѣжаніемъ буду обучать и изъяснять *первыя основанія натуральнаго и народнаго права,* ибо сіе должно почитать за источникъ всѣхъ правъ и законовъ гражданскихъ, потому что безъ онаго сихъ сочинить, разумѣть и надлежащимъ образомъ употреблять никакъ невозможно. А какъ я то время, которое мнѣ отъ академическихъ трудовъ оставаться будетъ, назначилъ къ наставленію благороднаго юношества, то я въ пользу тѣхъ, которые желаніе имѣютъ учиться тому, что принадлежитъ до отправленія при чужихъ дворахъ публичныхъ дѣлъ, дома учить и изъяснять намѣренъ. 1. *Знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ и республикъ состояніе, внутреннее ихъ расположеніе и политическое между ими соотвѣтствіе.* 2. *Должность и привилегіи тѣхъ,которые для отправленія публичныхъ дѣлъ отсылаются въ чужіе земли съ* такъ называемомъ *церемоніальнымъ правомъ,* по колику оно касается до такихъ дѣлъ. 3. *Сочиненіе писемъ и рѣчей, особливо въ означенныхъ дѣлахъ случающихся, на французскомъ языкѣ,* который нынѣ при оныхъ больше употребляется. — Того ради всѣхъ, которые охоту имѣютъ въ помянутыхъ наукахъ пользоваться моимъ наставленіемъ, съ благосклонностію прошу приходить ко мнѣ въ домъ, или подать мнѣ другой какой способъ, чтобъ я имъ пространнѣе объявить могъ о расположеніи моего ученія“.

10 декабря 1748 года, Штрубе писалъ въ своемъ представленіи академической канцеляріи: „Во всѣхъ чужестранныхъ университетахъ должность профессора юриспруденціи въ томъ состоитъ, чтобъ онъ обучалъ гражданскихъ правъ... А понеже въ Россійской имперіи гражданскаго права древнихъ римлянъ или какого нибудь другаго юношеству публично изъяснять не прилично, и, слѣдовательно, положенная на меня должность касается наипаче до гражданской юриспруденціи, по колику оная въ однихъ россійскихъ правахъ упражняется; но сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели напередъ сочинено не будетъ краткое руководство къ россійскимъ правамъ, которое бы какъ учащіе, такъ и учащіеся во основаніе ихъ

упражненія полагать могли. И такъ сіе дѣло на себя принять осмѣливаюсь, ежели токмо во ономъ я, какъ для покупки потребныхъ книгъ и писемъ, такъ и для награжденія такихъ людей, отъ которыхъ нужнѣйшія при такомъ сочиненіи извѣстія получить могу, безъ помощи оставленъ не буду"...

Вслѣдствіе этого представленія, Штрубе къ 860 рублямъ жалованья было прибавлено еще 140 рублей въ годъ [1]).

23 января 1749 года Штрубе доносилъ академической канцеляріи, что онъ готовъ составить краткое описаніе статей, помѣщенныхъ въ I-омъ томѣ Комментаріевъ (тогда такое описаніе называли исторіею), если только онъ будетъ произведенъ въ „дѣйствительный чинъ конференцъ-секретаря". Шумахеръ въ собственноручной резолюціи, переведенной В. Лебедевымъ, постановилъ представить графу Разумовскому: „въ соціететѣ нѣтъ хуже того, когда на одного человѣка наложены многія дѣла, которыхъ онъ либо не знаетъ, либо нѣтъ ему времени къ отправленію оныхъ... Ежели кто помянутую исторію сочинять хочетъ, тотъ долженъ искусенъ быть въ наукахъ, а въ оныхъ г. Штрубе не упражнялся"... Вслѣдствіе такого отзыва Шумахера, отъ графа Разумовскаго послѣдовало распоряженіе уволить Штрубе отъ обязанностей конференцъ-секретаря, „а ходить ему только, яко члену, въ историческое собраніе и притомъ излишнее свое время отъ университета съ крайнимъ тщаніемъ и поспѣшеніемъ полагать къ сочиненію обѣщаемой отъ него книги такъ, какъ онъ расположеніе объ оной къ г. президенту въ Москву прислалъ, дабы прибавка жалованья ему не вотще употреблена была".... На основаніи такого распоряженія въ февралѣ 1749 года академическая канцелярія уволила Штрубе отъ званія конференцъ-секретаря и поручила эту должность академику Винцгейму.

Изъ донесеній Штрубе въ академическую канцелярію 1749 года видно только, что онъ занимался выписками изъ сборниковъ печатныхъ указовъ, разсматривалъ законы Ярослава и „сносилъ" кормчую съ Номоканономъ [2]).

---

[1]) II, книга № 124.

[2]) II, книги №№ 803, 818 и 124.

17 іюля 1749 года Шумахеръ писалъ къ Теплову: „Не худо бы доставить г. Штрубе удовольствіе прочесть Уложеніе (въ подлинникѣ это слово по русски) г. статскаго совѣтника Сверчкова, котораго указатель вы мнѣ прислали. Я его сообщилъ г. Штрубе, но такъ-какъ указатель не одобренъ, то мнѣ кажется, что онъ немного послужитъ для его цѣли. Г. Штрубе обѣщалъ совершить свой трудъ въ два года. Если не станетъ онъ мѣшаться въ чужія дѣла, то кромѣ означенной работы, — повѣрьте, милостивый государь — дастъ намъ второй томъ Сибирской исторіи, а она никогда не кончится тѣмъ способомъ, какимъ за нее принялись. Поэтому вы бы хорошо сдѣлали, милостивый государь, приказавъ г. Штрубе писать Compendium juris ruthenici по запискамъ, имѣющимся у него нынѣ въ рукахъ, и обозначать мѣста, для которыхъ ему недостаетъ ихъ, чтобы дать намъ возможность современемъ сообщить ему то, чего у него нѣтъ“...[1]).

27 іюля 1749 года, Шумахеръ постановилъ послать къ Штрубе „пункты, которые проектовалъ оберъ-секретарь Сверчковъ“ [2]).

Въ августѣ 1749 года, Штрубе просилъ академическую канцелярію о доставленіи слѣдующихъ, нужныхъ для его работъ извѣстій:

1. Въ какой новгородской исторіи находятся ярославовы законы и имѣется-ли такая исторія въ академической библіотекѣ, или можно достать ее гдѣ индѣ? 2. Потребна исправная копія законовъ великой княгини Ольги и великаго князя Владиміра изъ Степенной книги и изъ другихъ лѣтописцовъ. 3. Извѣстны-ли и имѣются-ли еще какіе другіе старинные россійскіе законы, изданные прежде и послѣ Судебника царя и великаго князя Іоанна Васильевича. Потребна исправная копія императорскихъ указовъ, или жалованнымъ грамотамъ, даннымъ въ пользу чужихъ вѣръ. 5. Потребна копія съ указовъ, публикованныхъ о изгнаніи жидовъ и іезуитовъ. Всѣ эти свѣдѣнія ве-

---

[1]) I, Исходящія письма 1748 года. [2]) II, книга № 459.

лѣно было достать изъ академической библіотеки 15 сентября 1749 года[1]).

6 февраля 1750 года, Штрубе писалъ къ Шумахеру: „Я узналъ изъ примѣчаній г. тайнаго совѣтника [2]), которыя вы были такъ добры сообщить мнѣ, что законы великаго князя Ярослава находятся также въ лѣтописи Авраамія Ростовскаго (во французскомъ подлинникѣ это имя по русски). Не сомнѣваясь, что эта исторія есть въ академической библіотекѣ, осмѣливаюсь еще просить васъ, милостивый государь, подписать эту росписку, чтобы выдали рукопись моему служителю"... [3]).

Въ бумагахъ объ этомъ трудѣ Штрубе [4]) сохранилось слѣдующее, безъ обозначенія времени, оглавленіе, изъ котораго можно судить о томъ, какъ понималъ свою задачу Штрубе:

Реестръ краткаго руководства къ россійскимъ правамъ, сочиненнаго г. профессоромъ Штрубе.

Первая и общая часть, о правахъ и о законахъ вообще, также о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ, при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ. Глава 1. О правахъ и о законахъ вообще. Гл. 2. О различіи правъ и законовъ. Гл. 3. О правахъ и о законахъ сея имперіи. Гл. 4. О юриспруденціи и о способахъ, какъ основательно оной научиться. Гл. 5. О главнѣйшихъ правилахъ, при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ.

Вторая часть, о правахъ, касающихся до персонъ. Гл. 1. О персонахъ и о различіи ихъ вообще. Гл. 2. О христіанскихъ собраніяхъ и о особахъ духовнаго чина. Гл. 3. О супружествѣ и о бракосочетающихся персонахъ. Гл. 4. О фамиліи и о принадлежащихъ ко оной персонахъ. Гл. 5. О вольныхъ и невольныхъ людяхъ.

---

[1]) II, книга № 126.

[2]) В. Н. Татищева.

[3]) I, Входящія письма 1750, 1751 годовъ.... Упоминаемаго въ письмѣ Авраамія Ростовскаго не знали ни Мюллеръ, ни Шлецеръ. См. Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland, I, 336.

[4]) II, книга № 124. Другое подобное оглавленіе болѣе краткое находится въ бумагахъ 1749 года: II, книга № 818.

Часть третія о правахъ, касающихся до имѣнія. Гл. 1. О имѣніи и о правѣ владѣнія вообще. Гл. 2. О различіи имѣнія. Гл. 3. О персонахъ, которымъ позволено владѣть собственнымъ имѣніемъ. Гл. 4. О способахъ къ пріобрѣтенію имѣнія, а особливо о снисканіи имѣнія собственнымъ стараніемъ. Гл. 5. О ремеслахъ и о торговыхъ промыслахъ. Гл. 6. О способахъ, по которымъ другъ отъ друга получаютъ имѣніе, а особливо о договорахъ и крѣпостныхъ дѣлахъ. Гл. 7. О векселяхъ. Гл. 8. О приданомъ. Гл. 9. О духовныхъ. Гл. 10. О раздѣленіи имѣнія.

Четвертая часть о правахъ, касающихся до суда. Гл. 1. О судахъ вообще. Гл. 2. О разныхъ судахъ въ Россійской имперіи. Гл. 3. О дѣлахъ въ судахъ судимыхъ, а особливо о обидахъ и преступленіяхъ. Гл. 4. О таможенномъ и вексельномъ судѣ и о рѣшеніи дѣлъ по прошеніямъ. Гл. 5. О формѣ суда. Гл. 6. О рѣшеніи розыскныхъ дѣлъ. Гл. 7. О поступкахъ и о неправдахъ въ судныхъ мѣстахъ. Гл. 8. О подозрительныхъ судьяхъ и апелляціяхъ. Гл. 9. О полюбовныхъ примиреніяхъ и о третейскомъ судѣ.

Книга вторая о публичномъ правѣ. Первая часть о должностяхъ, касающихся до императорскаго величества. Гл. 1. О присяжной должности. Гл. 2. О титулахъ императорскаго величества. Гл. 3. О челобитчикахъ. Гл. 4. О великихъ дѣлахъ, такожъ и о безчинствахъ и о браняхъ въ государевѣ дворѣ. Гл. 5. О доносахъ о великихъ дѣлахъ.

Часть вторая. Объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ и прочихъ судныхъ мѣстахъ россійской имперіи, и о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ, также и о прокурорскомъ чинѣ. Гл. 1. О множествѣ и разности государственныхъ дѣлъ, и объ отправленіи оныхъ въ разныхъ коллегіяхъ и прочихъ судныхъ мѣстахъ сея имперіи. Гл. 2. О генеральныхъ должностяхъ.

Работу Штрубе переводилъ академическій переводчикъ Василій Лебедевъ [1]), и въ библіотекѣ Академіи наукъ до нынѣ хранится рукопись (въ folio, въ двухъ переплетахъ, № 98):

---

[1]) II, книга № 149.

„Штрубе краткое руководство къ россійскимъ правамъ“, съ отмѣткою, что списано въ 1750 году.

Въ январѣ 1753 года Штрубе представилъ академической канцеляріи „Гражданскихъ правъ часть вторую объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ коллегіяхъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ Россійской имперіи и о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ“ также и о прокурорскомъ чинѣ“ [1]).

17 мая 1755 года Штрубе была прекращена выдача прибавочнаго жалованья 140 рублей, за сочиненіе помянутаго руководства, по слѣдующимъ причинамъ, высказаннымъ въ протоколѣ академической канцеляріи: „А что имъ, г. Штрубе, того руководства сочинено и подано хранить до времени въ канцелярскомъ архивѣ, понеже при точнѣйшемъ разсмотрѣніи оказалось, что оная книга сочинена не тѣмъ образцомъ, какъ онъ обѣщался и ее назвалъ, т. е. краткимъ руководствомъ, ибо въ оной ничего болѣе не учинено, какъ только что подъ краткими заглавіями расположены матеріи и содержанія указовъ, регламентовъ и прочаго во всемъ ихъ пространствѣ отъ слова до слова, какъ напр. весь вексельный уставъ, весь воинской уставъ съ процессомъ; бóльшая часть Уложенья и указной книги и пр., почему упомянутая его книга къ тому намѣренію, для котораго приказано было ему оную сочинять, т. е. россійскому юношеству вмѣсто краткаго руководства, явилась неспособною и еще меньше того для внесенія въ оную отъ слова до слова всего того, что въ особливыхъ напечатанныхъ уже книгахъ содержится, — оную такимъ образомъ, какъ отъ него подано, въ печать произвесть за излишне признано“... [2]).

Въ 1754 году, по представленію графа Петра Шувалова, „о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ премѣненіи обычаевъ и нравовъ, по которымъ необходима перемѣна законовъ быть должна“ — учреждена была при сенатѣ, для разсмотрѣнія дѣйствующаго законодательства, особая коммиссія изъ восьми членовъ, въ числѣ которыхъ находился и Штрубе. При сенатскомъ указѣ

---

[1]) II, книга № 173.

[2]) II, книга № 215.

24 августа 1754 года былъ публикованъ „планъ къ сочиненію новаго уложенія“ [1]). Въ одномъ письмѣ позднѣйшаго времени, именно 15 іюня 1767 года, Штрубе увѣдомлялъ исторіографа Мюллера, что планъ тотъ былъ сочиненъ имъ, Штрубе, вмѣстѣ съ бывшимъ тогда вице-президентомъ юстицъ-коллегіи Эмме, согласно вышепомянутому руководству къ россійскимъ правамъ; при чемъ Штрубе добавлялъ, что онъ, въ подражаніе римскихъ христіанскихъ юрисконсультовъ, включилъ въ гражданскіе законы постановленія, касающіяся браковъ: „хотя мнѣ не безызвѣстно, что страны, исповѣдующія вѣры греческую и римскую, по случаю несчастливыхъ временъ, предоставили это церквамъ и каноническому праву, а между тѣмъ постановленія о бракѣ составляютъ основу гражданскаго общества“ [2]).

Дальнѣйшихъ подробностей о занятіяхъ этой коммиссіи пока еще не обнародовано. Только въ одной статьѣ современника-анонима [3]) есть замѣтка такого рода: „Елисавета, всегда старавшаяся поддержать и усовершенствовать созданное ея родителемъ, учредила въ 1754 году новую коммиссію для начертанія новыхъ законоположеній. Тогда въ Россіи имѣлись люди, которые были учеными правовѣдами и посѣдѣли въ судебныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ выбрали достойнѣйшихъ. Скоро коммиссія передала сенату планъ, потомъ напечатанный и обѣщавшій одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній въ Европѣ. Изъ этихъ новыхъ законоположеній теперь (около 1760 года) должны быть уже готовы три части: изъ нихъ двѣ одобрены сенатомъ и представлены къ подписанію императрицы [4]), а четвертая, какъ говорятъ, должна скоро за ними послѣдовать. Война сдѣлала остановку во многихъ политическихъ мѣропріятіяхъ“...

Въ 1754 году на Штрубе возложено было также перевести

---

[1]) Полное собраніе законовъ россійской имперіи XIV, № 10283.

[2]) I, 22-ой портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру

[3]) Haigold's Beilagen zum neuveränderten Russland, I, 393, 394 и 6. Статья эта была составлена для Вольтера, когда онъ писалъ о Петрѣ Великомъ; но знаменитый вольнодумецъ XVIII столѣтія не воспользовался ею.

[4]) См. Обозрѣніе историч. свѣдѣній о сводѣ законовъ (Спб., 1837), 23, 24.

на французскій языкъ извѣстное похвальное слово Петру Великому — Ломоносова [1]).

6 сентября 1756 года въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ Штрубе произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ Sur l'origine et les changements des lois russiennes. Она была тогда же напечатана при Академіи по французски, также какъ и по русски въ переводѣ Семена Нарышкина, подъ заглавіемъ: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ“ (въ 4°). Рѣчь эта замѣчательна, какъ первое печатное изслѣдованіе, касающееся исторіи русскаго законодательства [2]). Объ этой рѣчи г. Калачевъ говоритъ: „нашелся писатель, который рѣшился воспользоваться Русской Правдой, притомъ даже прежде изданія ея въ свѣтъ, для ученаго разсужденія о древнихъ законахъ нашего отечества: Штрубе де-Пирмонъ находилъ ихъ весьма сходными съ древними законами германскихъ народовъ, въ особенности датскими и шведскими, и старался доказать такое сходство различными примѣрами и сравненіями. Для того времени это было въ самомъ дѣлѣ новымъ открытіемъ, и самъ знаменитый Шлецеръ спѣшилъ имъ воспользоваться, какъ доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія о происхожденіи Руси“... [3]).

10 октября 1756 года, въ конференцію, учрежденную при дворѣ императрицы Елисаветы былъ позванъ Шумахеръ, и здѣсь ему велѣно было издавать при Академіи наукъ газету на французскомъ языкѣ. Академическая канцелярія постановила изданіе ея поручить Штрубе, который сначала отказывался отъ того болѣзнями и тѣмъ, что онъ не въ силахъ выполнить такое порученіе. Потомъ онъ подалъ записку, гдѣ просилъ прибавки жалованья; назначенія себѣ помощника въ изданіи французской газеты; именнаго повелѣнія о возложеніи на него, Штрубе, этого дѣла; наконецъ — права выбора по своему усмотрѣнію статей для газеты, такъ-какъ онъ рѣшительно не же-

---

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 277.

2) Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина. Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, III, 28, 32.

3) Изслѣдованіе о Русской правдѣ (Москва, 1846), 2.

лалъ быть простымъ переводчикомъ. Графъ Разумовскій, въ отвѣтѣ на это представленіе, пригрозилъ академику отставкою, и Штрубе принялся за изданіе газеты, но продолжалъ это только до 7 іюня 1757 года, когда отказался вторично. Вслѣдствіе этого академическая канцелярія уволила Штрубе изъ Академіи наукъ 12 сентября 1757 года. Тогда онъ подалъ въ сенатъ жалобу, гдѣ говорилъ, что онъ отъ такого распоряженія пришелъ въ убожество, а между-тѣмъ считаетъ себя въ правѣ получать жалованье, такъ-какъ онъ съ 1754 года трудится въ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія. Академическая канцелярія подробно донесла сенату (2 декабря 1757 года) о причинахъ увольненія Штрубе изъ Академіи, куда онъ впослѣдствіи не былъ никогда принятъ [1]).

Штрубе поступилъ потомъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, былъ тамъ совѣтникомъ и въ іюлѣ 1775 года, по случаю празднованія заключенія мира съ турками, получилъ чинъ статскаго совѣтника [2]). Изъ бумагъ Государственнаго архива, безъ означенія времени, но вѣроятно того же 1775 г., видно, что потомъ графы Н. Панинъ и И. Остерманъ представляли, между прочимъ, по коллегіи иностранныхъ дѣлъ: „статскій совѣтникъ Ѳедоръ Штрубе де-Пирмонъ служитъ сорокъ первый годъ усердно и похвально; отъ нѣкотораго уже времени, по глубокой старости своей, совершенно одряхлѣлъ и непроченъ болѣе къ дѣламъ. Не угодно-ли будетъ вашему императорскому величеству уволить его вовсе отъ службы съ жалованьемъ по 1200 рублей, которое онъ получалъ до нынѣ по прежнему своему чину канцеляріи совѣтника“.

Состоя на службѣ и живя въ отставкѣ, Штрубе не покидалъ учено-литературныхъ занятій и отъ времени до времени продолжалъ издавать свои произведенія.

Въ 1760 году напечатаны Штрубе: Lettres russiennes, съ эпиграфомъ изъ Кипріана Nedum tacemus, non verecundiae, sed diffidentiae causa, tacere videamur [въ 8°, 270 страницъ,

---

[1]) II, книга № 215.

[2]) Bacmeister's Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, III, 577.

мѣста печатанія не обозначено, но, по шрифту и мелкимъ украшеніямъ, легко примѣтить, что книга вышла изъ петербургской академической типографіи]. Книга эта замѣчательна если не даровитостью и не убѣдительностью доводовъ автора, то по цѣли, которую онъ преслѣдовалъ: въ Lettres russiennes опровергаются въ началѣ тѣ мѣста знаменитыхъ Lettres persannes Монтескьё, въ которыхъ говорится о деспотизмѣ и рабствѣ, а потомъ слѣдуютъ доказательства, что въ Россіи правленіе не деспотическое.

Въ 1767 году, въ Петербургѣ Штрубе издано Introduction à la jurisprudence naturelle, съ посвященіемъ великому князю Павлу Петровичу (въ 8°, 8 нен. и 153 нум. стр.).

Въ этомъ же году у него возникла любопытная переписка съ исторіографомъ Мюллеромъ, который, по желанію императрицы Екатерины II, особенно занятой тогда законодательными проектами, просилъ у Штрубе его рукописныхъ юридическихъ работъ. Штрубе, 12 марта 1767 года, отвѣчалъ Мюллеру, что посылаетъ къ нему для передачи императрицѣ Les loix de Jaroslaf, трудъ не благосклонно принятый Академіею наукъ, почему и оставленный безъ продолженія. Introduction aux loix modernes de l'emprire de Russie Штрубе обѣщалъ переписать въ три недѣли. При этомъ онъ присовокуплялъ, что сейчасъ помянутая книга Introduction à la jurisprudence naturelle только-что вышла изъ печати и написана собственно въ руководство для кадетскаго корпуса.

22 марта 1767 года, онъ же писалъ къ Мюллеру: „удовольствіе, которое соизволила выразить наша всемилостивѣйшая государыня вслѣдствіе моей поспѣшности повиноваться ей, доставило мнѣ самую истинную и живѣйшую радость, когда-либо мною испытанную въ жизни. Судите, милостивый государь, о степени моей радости, когда благосклонность ея величества будетъ простираться до того, что мнѣ доставится слава содѣйствовать великому труду, исполненіе котораго Провидѣніе, повидимому, предопредѣлило ей, послѣ того какъ всѣ ея предшественники, начиная съ Петра Великаго, вотще употребляли на то свои усилія. Опытъ, пріобрѣтенный мною въ двухъ

коммиссіяхъ, на которыя въ прошлыя времена возложена была редакція новаго Уложенія, можетъ сдѣлать полезными мои свѣдѣнія для той, которую предположено учредить, и доставить возможность представить туда предположенія для достиженія необходимаго успѣха. Зная, впрочемъ, что ея императорское величество слишкомъ просвѣщенна для того, чтобы сдѣлать самой наилучшій выборъ, я говорю вамъ это только по довѣренности, чтобы не оставлять васъ въ невѣдѣніи касательно моихъ плановъ“ [1]).

Въ 1774 году въ Петербургѣ же Штрубе издалъ: Catéchisme de la nature, ou l'on a taché de mettre dans un plus grand jour les fondemens de la jurisprudence naturelle, de la morale strictement dite et de la politique privée. Nouvelle édition, revue et accompagnée d'une lettre à M. L. C. G. V. sur les principes de la morale renouvellés en nos jours (въ 4°, 36, 150, 60 и 12 страницъ). Здѣсь перепечатанъ первый трудъ Штрубе, явившійся въ 1732 году [2]).

Въ 1779 году Штрубе занимался вопросомъ о происхожденіи руссовъ и въ письмѣ 21 августа того года просилъ исторіографа Мюллера о разъясненіи нѣкоторыхъ затрудненій, встрѣченныхъ имъ по этому предмету. При этомъ случаѣ онъ такъ писалъ о себѣ: „хотя я на исходѣ семьдесятъ пятаго года моего возраста, однако почти во все продолженіе моей жизни не помню, чтобы былъ когда-нибудь нездоровъ такъ, чтобы слечь въ постель и чтобы это заслуживало названія болѣзни. Уже четыре года, какъ я, не находя болѣе удовольствія въ должности при департаментѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, испросилъ себѣ разрѣшеніе уѣхать въ мое имѣніе, состоящее изъ пяти деревенекъ въ окрестностяхъ Петербурга и пожалованное мнѣ графомъ Панинымъ [1]), и съ тѣхъ поръ, живя въ уединеніи, могу по истиннѣ сказать: Deus nobis haec otia fecit“...

---

[1]) I, 27-ой портфель писемъ разныхъ лицъ къ исторіографу Мюллеру.

[2]) H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, V, 408—410.

[3]) Было уже извѣстно, что графъ Панинъ дарилъ крѣпостныхъ людей своимъ подчиненнымъ: такъ до четырехъ тысячъ душъ крестьянъ отдано имъ своимъ секретарямъ Фонъвизину, Бакунину и Убри. См. Фонъвизинъ, сочиненіе князя П. А. Вяземскаго (Спб., 1848), стр. 248.

Изслѣдованіе Штрубе о руссахъ было послѣднимъ изданнымъ въ свѣтъ произведеніемъ его. Оно напечатано въ Петербургѣ въ 1785 году, подъ заглавіемъ Dissertation sur les anciens Russes par F. H. S. D. P. (въ 4°, 76 страницъ), а русскій переводъ Льва Павловскаго явился въ 1791 году: Разсужденіе о древнихъ россіянахъ сочиненное Ф. Г. Д. П. (въ 8°, 6, VIII, и 192 стр.). Здѣсь, изъ предисловія Штрубе оказывается, что къ изслѣдованію означеннаго вопроса онъ приступилъ еще въ 1749 и 1750 годахъ, когда въ Академіи производилось слѣдствіе о рѣчи Мюллера „Происхожденіе народа и имени россійскаго“ (см. выше стр. 359—365). „Около сорока лѣтъ назадъ, говоритъ Штрубе въ предисловіи, какъ разсужденіе, представленное императорской Академіи наукъ, въ которомъ сочинитель предлагаетъ о началѣ россіянъ понятія, совсѣмъ несходныя съ краткими и ясными показаніями нашихъ лѣтописцевъ и съ извѣстіями чужестранныхъ историковъ, которые, зная сей древній народъ, первые объ ономъ писали, побудило меня изслѣдовать обстоятельнѣе пунктъ исторіи, о которомъ и доселѣ еще спорятъ, и собрать все то, что кажется достовѣрнѣйшимъ въ семъ случаѣ. Я, будучи опредѣленъ къ должности, не позволяющей упражняться въ таковыхъ изслѣдованіяхъ, единственно обязанъ милости августѣйшей нашей монархини, давшей мнѣ свободу въ такихъ лѣтахъ, которыхъ столь рѣдко достигаютъ, приняться за сіе дѣло и осмѣлиться отдать его на судъ особъ, удостоивающихъ искать истины въ тѣхъ познаніяхъ, которыя по видимому служатъ только къ тому, чтобъ довольствовать разумъ и дѣлать его пространнѣйшимъ“...

Годъ смерти Штрубе неизвѣстенъ съ точностію: Мёйзель полагаетъ, что Штрубе умеръ около 1790 года.

КРУЗІУСЪ, ХРИСТІАНЪ, профессоръ при академическомъ университетѣ по каѳедрѣ «древностей и исторіи литеральной».

Біографическія извѣстія о немъ въ предисловіи Хр. Ад. Клотца при изданіи его Opuscula ad historiam et humanitatis litteras spectantia, IV, 32—57, откуда заимствованія: Fortsetzung und

Ergäntzungen zu C. G. Jochers allgemeinen Gelehrten Lexico, von J. C. Adelung, II, 561—564; Lexicon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen Schriftsteller, von J. G. Meusel, II, 244—247; во всѣхъ этихъ изданіяхъ перечислены статьи и разсужденія Крузіуса.

Крузіусъ родился 1715 года въ Вольбахѣ въ Фогтландѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ; первыя основанія наукъ и въ особенности латинскій и греческій языки онъ изучалъ дома подъ руководствомъ отца, а потомъ слушалъ лекціи въ Галле и Лейпцигѣ. Извѣстный своею ученостью правовѣдъ І. І. Масковъ обратилъ на него особенное вниманіе, и Крузіусъ усердно посѣщалъ его лекціи въ Лейпцигѣ, отчего у него, при склонности къ древнимъ писателямъ, развилась также любовь къ исторіи нѣмецкаго права и пр. По рекомендаціи Маскова, онъ давалъ уроки богатой молодежи, образовывавшейся въ Лейпцигѣ, а знаменитый Менке принялъ его въ сотрудники періодическаго изданія своего Acta eruditorum, въ которомъ Крузіусъ помѣстилъ нѣсколько разборовъ. По отзыву его біографовъ, это былъ очень искусный латинистъ, писавшій неохотно по нѣмецки и даже видимо затруднявшійся, когда ему приходилось выражаться на своемъ родномъ языкѣ.

Въ 1738 году Крузіусъ былъ въ Дрезденѣ, гдѣ познакомился съ бывшимъ тамъ тогда академикомъ-стихотворцемъ Юнкеромъ, по рекомендаціи котораго Крузіусъ и былъ приглашенъ въ петербургскую Академію наукъ. Пробнымъ сочиненіемъ, приложеннымъ къ дѣлу о вызовѣ его въ Петербургъ, было: Henrici de Bunav Historia Germaniae Imperatorum et Imperii primi voluminis primus liber. A cimbrico ad marcomannicum bellum ab. A. V. C. DCXL ad A. P. N. CLX latine conversa a Christiano Crusio. Контрактъ съ Крузіусомъ заключенъ 28 марта 1740 года. На основаніи его, онъ обязывался въ продолженіе пяти лѣтъ заниматься при нашей Академіи греческими, римскими и русскими (sic) древностями, а также исторіею этихъ государствъ и преподавать ее въ званіи адъюнкта историческаго класса съ жалованьемъ по 360 руб-

лей. Онъ прибылъ въ Петербургъ 17 іюня 1740 года [1]). Замѣчательно, что Гольдбахъ въ 1740 и 1741 годахъ протестовалъ противъ дѣйствительности этого контракта на томъ основаніи, что Крузіусъ принятъ былъ однимъ президентомъ, барономъ Корфомъ, безъ согласія его двухъ совѣтниковъ; впрочемъ этотъ протестъ остался безъ послѣдствій [2]).

Едва-ли не первымъ произведеніемъ Крузіуса, по прибытіи его въ Россію, было латинское стихотвореніе, написанное имъ къ академику Крафту и напечатанное въ началѣ сочиненія послѣдняго: „Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ ледяного дома" (Спб., 1741 года). 17 декабря 1740 года Крузіусъ читалъ въ первый разъ въ академическомъ засѣданіи статью свою Observatio de ludis quos Octavium Victoriae Caesaris edidisse Suetonius scripsit, et diversis nominibus alii auctores nominant [3]).

Кромѣ того, въ началѣ своего нахожденія при Академіи, Крузіусъ принималъ участіе въ составленіи описанія академическихъ собраній медалей и монетъ, которое было напечатано въ 1741—1745 годахъ, подъ заглавіемъ Musei imperialis Petropolitani. Въ этомъ изданіи трудъ Крузіуса вѣроятно заключается во второмъ томѣ, второй части „qua continentur nummi antiqui (1745 года). Здѣсь, стр. 214—280: Familiae Romanae; 281—740, Imperatores, 743—764 Reges et viri illustres; 767—790, urbes et populi. Ни Іохеръ, ни Мёйзель не могли сообщить точнаго заглавія этого изданія и полагали, что оно вышло на латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Причиною тому должно почитать то, что бо́льшая часть экземпляровъ описанія погибла въ пожаръ, бывшій въ академическихъ зда-

---

[1]) II, книга №№ 51 и 450. У Клотца, а за нимъ у Іохера и Мёйзеля время прибытія Крузіуса въ Россію несправедливо отнесено къ 1738 году, также какъ и его рѣчь, будто бы изданная въ Петербургѣ въ тоже самое время: Oratio de multiplici usu studiorum humanitatis.

[2]) Стриттеръ въ продолженіи Мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 749, 750.

[3]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 714.

ніяхъ въ 1747 году, почему оно и сдѣлалось библіографическою рѣдкостью.

Въ 1742 году, Крузіусъ, по порученію академической канцеляріи, занимался составленіемъ надписей и эмблемъ къ тріумфальнымъ воротамъ для въѣзда императрицы Елисаветы въ Петербургъ послѣ коронаціи [1]). Эта работа Крузіуса напечатана въ изданномъ 22 декабря 1742 года: Описаніе обоихъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ въ честь... Елисаветѣ первой по воспріятіи въ Москвѣ короны, шведовъ побѣдившей, всю Финляндію державѣ своей покорившей и торжественно въ Санктпетербургъ возвратившейся"... (въ f^{0}, 18 стр.). Въ концѣ есть извѣстіе: „Изобрѣтеніе статуй, картинъ и подписей поручено было императорской Академіи наукъ, въ которой трудился именемъ всея Академіи адъюнктъ тоя же Академіи X. Крузіусъ".

Въ 1743 году, по ходатайству академика Штелина, Крузіусъ помогалъ послѣднему при составленіи эмблемъ и украшеній къ тріумфальной аркѣ въ Москвѣ [2]).

3 мая 1745 года, Крузіусъ и Ломоносовъ подали прошенія въ академическое собраніе о возведеніи ихъ въ званіе профессоровъ, перваго — по каѳедрѣ древностей, а втораго — химіи. Не сомнѣваясь въ знаніи ихъ, академики постановили однако, чтобы оба эти адъюнкты представили пробныя сочиненія на избранныя ими самими темы, и Крузіусъ взялся написать по части греческихъ и римскихъ древностей. Около этого же времени онъ сочинилъ на латинскомъ языкѣ Epithalamium на бракосочетаніе великаго князя Петра Ѳедоровича, но оно не было напечатано, такъ-какъ на этотъ же случай уже были написаны стихотворенія русское и нѣмецкое Ломоносовымъ и Штелинымъ. 6 сентября того же 1745 года, Крузіусъ представилъ собранію разсужденіе свое: De originibus pecuniae. 20 сентября академики признали автора достойнымъ званія профессора, о чемъ и было представлено въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) II, книга № 813.

[2]) I, Протоколы 1743 г. за сентябрь.

Крузiуса назначить на остававшуюся свободною послѣ смерти Байера каѳедру греческихъ и римскихъ древностей. Отвѣта на это представленiе изъ сената не было получено и въ 1746 году, почему Крузiусъ 6 марта того года просилъ объ увольненiи его изъ Академiи, такъ-какъ, по его словамъ, ему предлагалось въ Германiи болѣе выгодное мѣсто. Академики опредѣлили извѣстить Крузiуса, „что имъ будетъ прискорбно его удаленiе, а потому они просятъ, терпѣливо ожидать рѣшенiя сената“ [1]). 6 октября 1746 года въ академической канцелярiи было постановлено опредѣлить Крузiуса „профессоромъ антиквететовъ и исторiи литеральной“; но о жалованьѣ оставлено тогда впредь до новаго распоряженiя [2]). Наконецъ, 24 iюля 1747 года съ нимъ былъ заключенъ на четыре года контрактъ, какъ съ университетскимъ профессоромъ древностей и исторiи литеральной, съ жалованьемъ по 660 рублей въ годъ [3]).

По случаю женитьбы президента Академiи на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной, Крузiусъ напечаталъ латинскiе стихи, съ такимъ заглавiемъ: Epithalamion in nuptias ab illustrissimo atque excellentissimo comite, Cyrillo Gregorii fil. Rasumovsky, augustissimae imperatricis totius Russiae a cubiculo, Academiae scientiarum praeside, atque ordinum s. Alexandri et s. Anni equite cum generosissima virgine Catharina Joannis fil. Nariscina, auspicato contractas A. P. C. N. CIƆIƆCCXLVI. D. VI. Cal. Nov. Chistianis Crusius, prof. P. O. antiquit. et hist. litt. bene ominandi devotique animi testandi caussa canit. Petropoli, typis Academiae scientiarum (въ f°, 2 ненум. листа).

Въ современныхъ дѣлахъ сохранились образчики тому, какого былъ высокаго мнѣнiя Крузiусъ о собственныхъ познанiяхъ въ латинскомъ языкѣ. Въ 1747 году на него было возложено разсмотрѣть и поправить латинскiй переводъ, сдѣланный Тредiаковскимъ съ нѣмецко-французскихъ разговоровъ Плацена, и по этому поводу Крузiусъ счелъ умѣстнымъ писать къ только-что назначенному президенту Академiи, графу Разумовскому слѣдующее:

---

[1]) I, Протоколы 1745 и 1746 года и II, книга №№ 25, 99.

[2]) II, книга № 105.

[3]) II, книга № 109.

„Онаго перевода править нельзя, понеже вездѣ складъ онаго есть не такого состоянія, чтобъ молодыхъ людей по оному чистому латинскому языку обучать можно было; но и во многихъ мѣстахъ противъ простѣйшихъ грамматическихъ правилъ явно погрѣшено. А понеже нѣтъ ни одной строки, гдѣ бъ чего поправить нельзя было, то я уже началъ самъ вновь переводить, который переводъ, по чистотѣ и красотѣ латинскаго языка, способенъ быть можетъ, чтобъ молодымъ людямъ безъ сумнѣнія предложить. И хотя сія по себѣ не великая работа, а именно переводъ школьныхъ разговоровъ, никакой особливой заслуги для профессора Академіи наукъ учинить не можетъ, однако я не токмо для исполненія воли вашего высокографскаго сіятельства, но и для поспѣшествованія общей пользѣ къ доброму наставленію юношества оный трудъ охотно на себя принялъ, а другія дѣла, изъ которыхъ какъ Академіи наукъ, такъ и мнѣ самому честь произойти можетъ, до тѣхъ поръ отложилъ, пока сію пробу моего прилеженія и ревности во всемъ, что̀ публичной пользѣ поспѣшествовать можетъ, окажу“... [1]). Крузіусъ не удовольствовался этимъ объясненіемъ, но когда окончилъ переводъ разговоровъ, то нашелъ нужнымъ еще донести графу Разумовскому, въ іюнѣ 1747 года, что онъ это сдѣлалъ „понеже переводу г. Тредіаковскаго, профессора элокvенціи русской и латинской, для худаго латинскаго языка и для многихъ погрѣшностей противъ грамматики, совсѣмъ поправить нельзя было“ [2]).

Въ іюлѣ 1747 года, Крузіусъ, представляя графу Разумовскому рѣчь свою, произнесенную при назначеніи его профессоромъ, и вышеупомянутое сочиненіе свое De originibus pecuniae, довольно беззастѣнчиво увѣрялъ президента, что эти произведенія его написаны прекраснымъ латинскимъ слогомъ, заключаютъ въ себѣ много новаго и, наконецъ, непремѣнно принесутъ честь и славу и автору, и Академіи. Эти произведенія Крузіуса были напечатаны при Академіи (въ числѣ 600 экз.) въ апрѣлѣ 1748 года, подъ заглавіемъ: Commentatio de origi-

---

[1]) II, книга № 106.

[2]) II, книга № 108.

nibus pecuniae a pecare ante numum signatum; accedit ejusdem Oratio habita in conventu academico, cum auspicaretur munus professoris (Petropoli, in 8°) [1]). Замѣчательно то, что въ Acta eruditorum (іюль 1749, стр. 431), при разборѣ этого трактата и рѣчи Крузіуса, замѣчены были промахи его противъ чистой латини. Шумахеръ, бывшій въ разладѣ съ профессоромъ, съ особеннымъ торжествомъ выписалъ, въ письмѣ къ Теплову 9 ноября 1749 года, это мѣсто изъ Acta eruditorum, прибавивъ „и такъ, г. Крузіусъ не непогрѣшимъ въ латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что всегда этимъ хвастался“... [2]).

Въ 1748 году, Крузіусъ трудился надъ составленіемъ университетскаго устава, и его работа была одобрена академиками, но Шумахеръ, какъ указано уже выше, на стр. 51, былъ противнаго мнѣнія и въ письмѣ къ Теплову, въ январѣ 1749 года, даже привелъ по этому случаю латинскую поговорку: asinus asinum fricat...

Увольненіе Крузіуса изъ Академіи послѣдовало неожиданно и для него самого, и для его сочленовъ. Въ 1749 году президентъ графъ Разумовскій былъ въ Москвѣ, при немъ находился Тепловъ, и бумаги отправлялись отъ нихъ въ Петербургъ какъ изъ главной московской канцеляріи. Въ ней-то 20 апрѣля 1749 года состоялось опредѣленіе: „понеже поступки профессора Крузіуса весьма худы и Академіи очень предосудительны, того ради по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію главной канцеляріи Академіи наукъ велѣно: произвесть ему жалованье только по 1 мая мѣсяца сего 1749 году, изъ службы его отпустить, а профессору Фишеру велѣть учить въ университетѣ элоквенціи, а исторіографу Мюллеру — исторіи“... [3]). Объ этомъ увольненіи сообщалъ Шумахеръ Тауберту 13 мая 1749 года: „г. профессоръ Крузіусъ, противъ всякаго ожиданія, изъ Москвы получилъ увольненіе. Теперь онъ въ величайшемъ смущеніи“... [4]).

---

[1]) II, книга №№ 108 и 116.
[2]) I, Исходящія письма 1749 года.
[3]) II, книга № 128.
[4]) I, Исходящія письма 1748 (sic) г.

Сначала Крузіусъ пробовалъ не слушаться сообщеннаго ему изъ академической канцеляріи распоряженія объ отставкѣ, но потомъ подалъ туда доношеніе, въ которомъ просилъ прощенія „если въ чемъ провинился“, и говорилъ, что онъ находится въ крайней бѣдности. Изъ одного письма Мюллера къ Теплову, 1 мая 1749 года, видно, что Крузіусъ былъ съ нимъ въ ссорѣ и по уши въ долгахъ [1]). Когда главная московская канцелярія спросила Шумахера, можно-ли будетъ снова принять Крузіуса въ профессора, какъ о томъ ходатайствовали его товарищи, то академическій совѣтникъ отвѣчалъ, что Крузіуса можно принять снова въ Академію только нѣкоторое время спустя, и притомъ обязавъ подпискою, что онъ будетъ заниматься единственно своими обязанностями, ни во что не вмѣшиваясь, и главное *не клевеща ни на кого, а тѣмъ паче на цѣлый народъ*“ [2]). Что значили послѣднія слова — разгадки въ современныхъ бумагахъ не нашлось.

26 августа 1749 года, та же канцелярія опредѣлила выдать Крузіусу, по бѣдности его, такъ-какъ ему не съ чѣмъ было выѣхать изъ Россіи, годовую треть бывшаго его жалованья, 220 рублей, причемъ въ постановленіи было замѣчено, что „Академія долгамъ его не причиною, но его собственный непорядокъ въ экономіи [3]).

По возвращеніи въ Германію, онъ получилъ мѣсто профессора краснорѣчія въ виттенбергскомъ университетѣ и въ этомъ званіи скончался 7 февраля 1767 года. Многочисленные, мелкіе его трактаты и статьи, изданные имъ по отъѣздѣ изъ Россіи перечислены Іохеромъ и Мёйзелемъ, а Клотцъ издалъ часть ихъ въ Opuscula ad historiam et humanitatis litteras spectantia (Altenburg, 1767).

---

[1]) I, Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1743 по 1751 годы, 2-й портфель исторіографа Мюллера.

[2]) I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

[3]) II, книги №№ 128, 819. Отсюда видны невѣрности Клотца и другихъ біографовъ Крузіуса, которые утверждаютъ, что хотя онъ получалъ значительное жалованье въ Петербургѣ (по тому времени оно было дѣйствительно не малое), однако ему тамъ не нравилось, и потому онъ оттуда уѣхалъ въ 1751 году.

РИХМАНЪ, ГЕОРГЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ, академикъ по каѳедрѣ физики теоретической и практической.

Біографическія извѣстія о немъ: Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae, IV (Hist.), 36. Livländische Bibliothek von F. K. Hadebusch, III, 22 — 29. Тѣже извѣстія, съ прибавленіемъ перечня печатныхъ трудовъ Рихмана: Adelung's und Rotermund's Fortsetzung nnd Ergänzungen zu C. G. Jocher's allgemeinem Gelehrten Lexico, VI, 2050—2052; Meusel's Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller, XI, 261—263.

Рихманъ родился въ Пернау 11 іюля 1711 года. Отецъ его былъ шведскимъ рентмейстеромъ въ Дерптѣ, укрывшимся на время войны въ Пернау, гдѣ онъ и умеръ отъ чумы еще до рожденія сына; мать Рихмана во второмъ бракѣ была за Аулиномъ.

Молодой Рихманъ учился въ Ревелѣ, Галле и Іенѣ и въ Петербургъ прибылъ въ качествѣ наставника дѣтей знаменитаго Остермана: графа Ивана, бывшаго впослѣдствіи вице-канцлеромъ, и графа Ѳедора, исполнявшаго обязанности московскаго губернатора. Въ первый разъ имя Рихмана встрѣчается въ академическихъ дѣлахъ 22 іюля 1735 года: онъ тогда представилъ барону Корфу пробное сочиненіе по части физики и просилъ себѣ покровительства президента [1]). 13 октября 1735 года, баронъ Корфъ принялъ его въ Академію съ званіемъ студента по физическому классу, съ жалованьемъ по 150 рублей въ годъ [2]). 15 апрѣля 1740 года, онъ возведенъ въ званіе адъюнкта, съ ежегоднымъ жалованьемъ по 360 рублей. 20 февраля 1741 года, президентъ Бревернъ съ Шумахеромъ подписали слѣдующее опредѣленіе: „Понеже Рихманъ особливыми своими трудами и прилежаніемъ доброе свое искусство показалъ и что онъ къ чину профессорскому не недостоенъ и при Академіи наукъ не безполезенъ быть можетъ, того ради за благо изобрѣтено онаго Рихмана, по особливому объ немъ

---

[1]) I, Eingekommende Briefe von 1734 bis 1736.

[2]) II, книга № 431.

разсужденію и не въ примѣръ впредь другимъ, опредѣлить при Академіи въ профессоры, съ жалованьемъ по 500 рублей [1]).

Въ краткой автобіографіи, писанной въ 1743 году [2]), Рихманъ такимъ образомъ разсказываетъ о своихъ занятіяхъ по Академіи:

„Сначала моего опредѣленія, сперва какъ студентъ, будучи въ физическомъ департаментѣ, помогалъ профессору физики Крафту и, по его предводительству и совѣту, продолжалъ я ученіе физическое; но чтобъ о моемъ прилежаніи извѣстно было подалъ я разные специмены, а именно: дисертацію на латинскомъ языкѣ, въ которой я изъяснить потщился, какимъ образомъ бываетъ исхожденіе паровъ; также предложеніе о особливой молотильной машинѣ, и притомъ о такой машинѣ, помощію которой вверхъ воду подымать можно [3]); равнымъ же образомъ подалъ разговоръ между двумя философами о пустомъ и наполненномъ воздухомъ пространствѣ.

„Кромѣ сего выдалъ я въ печать нѣкоторыя Примѣчанія (при Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ): въ 1738 году о фосфорѣ; 1739 года о водахъ минеральныхъ и о цѣлительныхъ источникахъ; о янтарѣ, и о достопамятныхъ перемѣнахъ, которымъ по малу поверхность нашей земли была подвержена; 1740 года, о выкопанныхъ изъ земли морскихъ раковинахъ, морскихъ улиткахъ, устрецовыхъ раковинахъ и костяхъ морскихъ рыбъ; также о ломовыхъ пушкахъ, въ древнія времена употребительныхъ прежде изобрѣтенія пороха.

„Для происхожденія въ наукахъ съ бо́льшимъ успѣхомъ позволено мнѣ было отъ тогдашняго Академіи шефа, камергера фонъ-Корфа въ то время, когда я еще былъ студентомъ, ходить въ конференцію и слушать что́ читаютъ профессоры, что́ я также исполнялъ. Но какъ я напослѣдокъ, въ 1741 году

---

[1]) II, книга № 59.

[2]) II, книга № 786; современный переводъ Ивана Голубцева.

[3]) Стриттеръ въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 658, говоритъ, что Рихманомъ въ декабрѣ 1738 года представлена была академическому собранію статья Phenomena siphonis fluidum crassius per aerem vehentis, которая напечатана не была.

января 1 числа, сдѣланъ профессоромъ вторымъ физики, то подалъ я разсужденіе о насосѣ, влекущемъ какую нибудь жидкую матерію, вмѣстѣ наполненнымъ воздухомъ [1]), которое въ конференціи прочитано. Притомъ же сочинилъ я нѣкорыя примѣчанія о королькахъ. Также о ходѣ Орфея (читай — Орфирея) подъ водою [2]) и физическія разсужденія о пчелахъ въ печать отданы. Съ мѣсяца сентября 1741 года принялъ я на себя наблюденія гіетометрическія, которыя и теперь продолжаю.

„Въ 1742 году подалъ я прожектъ о новомъ способѣ дѣланія генеральной карты, который читанъ въ конференціи; при томъ же сообщилъ я другой, въ которомъ старался ясно доказать, коимъ образомъ количество воздуха, который антліею пневматическою отъ тѣлъ, а особливо отъ жидкихъ матерій отдѣляется. Равнымъ же образомъ, въ томъ же году сочинилъ я диссертацію, въ которой тщился показать, коимъ образомъ Галея способъ, чтобы воздухъ помощію дистиляціи отъ тѣлъ отдѣлять и назначить его количество — могъ бы быть исправленъ"....

Во время безуспѣшной борьбы академиковъ съ Шумахеромъ, Рихманъ принадлежалъ къ числу его противниковъ. Академическій совѣтникъ и надъ нимъ пытался показывать свою власть. Такъ, 6 марта 1745 года, онъ писалъ къ Рихману: „По всемилостивѣйшему ея императорскаго величества повелѣнію объявлено мнѣ сегодня въ канцеляріи чрезъ одного офицера, чтобъ я велѣлъ профессору физики произвести электрическіе опыты для нѣкоторыхъ знатныхъ особъ. Изъ вѣжливости, я просилъ васъ чрезъ канцеляриста Альбома увѣдомить меня: можетъ-ли это быть исполнено утромъ въ 10 часовъ, или нѣтъ, или же въ полдень? Такъ-какъ вы мнѣ на то отвѣтствовали, что этого не можете исполнить, будучи обязаны работать для двора, то я самъ желаю узнать отъ васъ: отъ кого вамъ это приказано, или что вы должны работать для двора, дабы мы

[1]) Такъ Голубцевъ перевелъ: Dissertatio de siphone in vertice aere pleno fluidum vehente.

[2]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ это мѣсто выражено такъ: von Orfirei Schiffarth unter dem Wasser.

тѣмъ вѣрнѣе и безъ помѣшательства могли исполнить повелѣніе ея императорскаго величества?" [1]).

Къ сожалѣнію, не отыскался отвѣтъ Рихмана, но изъ письма Шумахера можно видѣть, что академикъ уже въ 1745 году занимался изслѣдованіями объ электричествѣ, которыя при дворѣ и въ современномъ петербургскомъ обществѣ обращали на себя вниманіе. Послѣднее подтверждается слѣдующимъ постановленіемъ академической канцеляріи, состоявшимся вскорѣ послѣ сейчасъ приведеннаго письма, именно 26 марта 1745 года:

„Совѣтникъ г. Шумахеръ сего числа былъ въ Кабинетѣ, гдѣ ему объявленъ приказъ, коимъ образомъ ея императорское величество указала профессоромъ Рихманомъ сдѣланные въ Академіи электрическіе эксперименты чинить ему, профессору, при дворѣ, дабы ея императорское величество собственною высочайшею своею особою дѣйствіе онаго эксперимента видѣть изволила. А на сей экспериментъ и на положеніе потребныхъ къ тому инструментовъ и вещей отведена быть имѣетъ при дворѣ особливая камора, которую Академіи отъ себя замкнуть. Того ради симъ опредѣлено, для замыканія оной камеры при дворѣ, купить отъ расходу два замка, пробой, задвижки и гвозди и отдать канцеляристу Альбому съ роспискою; а ему, Альбому, показанную при дворѣ на эксперименты камеру тѣми замками запереть и ключи отъ той камеры имѣетъ Альбомъ отдать къ профессору Рихману, а притомъ объявить, дабы онъ, профессоръ, надлежащіе къ сему эксперименту инструменты и вещи въ той камерѣ содержалъ и ключи бы отъ нея у себя имѣлъ"... [2]).

5 апрѣля 1748 года, Рихманъ вошелъ съ такимъ представленіемъ въ академическую канцелярію:

„Понеже опыты о электрической силѣ со всякимъ прилежаніемъ въ другихъ земляхъ дѣлаются, то и я здѣсь стараюсь нѣчто о семъ дѣлѣ учинить; но понеже мнѣ, по моему плану,

---

[1]) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

[2]) II, книга № 95.

къ учиненію дальнѣйшихъ опытовъ находящихся нынѣ на лицо сосудовъ не довольно, чего ради я еще въ прошедшемъ году о томъ въ академическую канцелярію подавалъ прошеніе съ нижайшимъ представленіемъ, чтобъ мнѣ въ томъ вспоможеніе учинено было. А понеже послѣ приключившагося, по несчастію, пожара оное мое представленіе не нашлось, то я принимаю смѣлость вновь о томъ представить.

„Къ онымъ опытамъ потребны: 1) Чтобъ по показанію моему нѣсколько деревянныхъ ящиковъ сдѣлать. 2) На стеклянныхъ заводахъ два шара отъ 18 до 20 англійскихъ дюймовъ въ діаметрѣ сдѣлать; да еще два другіе діаметромъ только въ 12 дюймовъ. 3) По показанію моему, сдѣлать такую машину, помощію которой шары двигаться могли бъ. 4) Опорожнить особливый деревянный покой, въ которомъ бы я опыты чинить могъ, понеже я примѣтилъ, что великая разность случается, когда въ деревянныхъ и когда въ каменныхъ покояхъ опыты дѣлаются, чего ради покорнѣйше прошу въ непродолжительномъ времени на мое представленіе учинить рѣшеніе“... [1]). Изъ академической переписки видно, что это ходатайство Рихмана было уважено, и въ томъ же 1748 году покои „для электрическихъ экспериментовъ“ были отведены въ домѣ бароновъ Строгоновыхъ, и тамъ производились по этому случаю столярныя работы [2]).

Въ 1749 году, когда рѣчь, приготовленная Мюллеромъ для торжественнаго собранія въ Академіи о происхожденіи русскаго народа, найдена была неудобною и даже возникло формальное слѣдствіе объ авторѣ ея, Шумахеръ писалъ къ Теплову, 16 сентября 1749 года „.... если вы изберете научную тему, то я полагаю, что всѣ останутся довольны.... Я ручаюсь, что г.г. Рихманъ и Краценштейнъ исполнятъ хорошо такое порученіе, потому что съ нѣкотораго времени они очень усовершенствовались въ своихъ наукахъ“.... Это предложеніе было принято, и Шумахеръ извѣщалъ Теплова 2 октября 1749 года: „г.г. академики собрались въ конференцію 30 сентября, съ

---

[1]) II, книга № 119.

[2]) II, книга № 118.

цѣлью рѣшить о темѣ изъ физики для торжественнаго собранія, и потому спросили Рихмана, какую желаетъ онъ избрать тему и какъ бы онъ изложилъ ее? На это Рихманъ отвѣчалъ слѣдующими словами: disseram de evaporationis legibus et ostendam eas deesse experientias constantes, quibus lex evaporationis naturalis aquo stabiliri possit, addam quid fieri oporteat, ut constantiones saltem et calculo aptiores experientiae obtineantur tandem quae ipse praestiterim in hoc negotio recensebo. Всѣ академики это одобрили и поручили Рихману немедленно приняться за диссертацію"... По произнесеніи ея въ торжественномъ собраніи, 26 ноября 1749 года, Шумахеръ писалъ къ Теплову 4 декабря того же года:... „И такъ похвальное слово (Ломоносова — Петру Великому) принято дворомъ съ одобреніемъ. Пусть будетъ такъ! но я увѣряю васъ, милостивый государь, что физическая диссертація будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣмъ, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны!" [1]).

Еще въ декабрѣ 1747 года съ Рихманомъ заключенъ былъ въ академической канцеляріи новый контрактъ, въ силу котораго онъ сталъ получать 660 рублей въ годъ [2]). Въ февралѣ 1751 года этотъ ученый просилъ о прибавкѣ ему жалованья: „отправляю я, писалъ онъ тогда, двоякую должность: при Академіи — академика и при Университетѣ — профессора со всякимъ прилежаніемъ и съ извѣстною государственною пользою. Студентовъ обучалъ я въ математикѣ и въ физикѣ съ знатнымъ успѣхомъ, то свидѣтельствуютъ разные примѣры тѣхъ, которые моимъ тщаніемъ до того приведены, что уже и другихъ опять въ тѣхъ наукахъ обучать могутъ; а одинъ изъ нихъ подалъ въ академическое собраніе специменъ, который всѣмъ собраніемъ аппробованъ былъ. Сверхъ того, въ академическихъ Комментаріяхъ печатаются ежегодно мои диссертаціи"... Вслѣдствіе этого ходатайства, 1 марта 1751 года, Рихману было прибавлено къ 660 рублямъ еще 200 рублей [3]).

---

[1]) I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

[2]) II, книги №№ 111 и 456.

[3]) II, книга № 150.

Въ первый разъ извѣстіе о великомъ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества сообщено было русскимъ читателямъ въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 года [1]), гдѣ въ переводной статьѣ изъ кёльнской газеты отъ 1 іюня было помѣщено:.... „Никто бы не чаялъ, чтобъ изъ Америки надлежало ожидать новыхъ наставленій о электрической силѣ, а однако учинены тамъ наиважнѣйшія изобрѣтенія. Въ Филадельфіи, въ Сѣверной Америкѣ, господинъ Веніаминъ Франклинъ столь далеко отважился, что хочетъ вытягивать изъ атмосферы тотъ страшный огонь, который часто цѣлыя земли погубляетъ. А именно дѣлалъ онъ опыты, для извѣданія, не одиникова ль матерія молніи и электрической силы, и дѣйствіе догадку его такъ подтвердило, что отъ громовыхъ ударовъ слѣдующимъ образомъ охранять себя можно: на вершинахъ строеній, или кораблей надлежитъ утвердить желѣзныя вострконечныя прутья перпендикулярно поставленныя, вышиною отъ 10 до 12 футовъ и для охраненія отъ ржи (т. е. ржавчины) позолоченныя; а отъ нижняго конца прутьевъ спустить проволку къ подошвѣ строенія наземь, или отъ мачтоваго каната на корабляхъ. Какъ чинили сей опытъ въ марлійскомъ саду желѣзнымъ прутомъ, вышиною на 40 футовъ поставленнымъ, и на электризованномъ тѣлѣ утвержденнымъ, во время грому, который шелъ чрезъ то мѣсто, гдѣ былъ прутъ, то бывшія при томъ персоны вытянули такія искры и движенія, которыя подобны тѣмъ, кои производятся обыкновенною электрическою силою. Въ Парижѣ 18 мая изъ утвержденнаго на 99 футовъ вышиною и въ виноградномъ саду поставленнаго прута вытягивали многія искры чрезъ полчаса и болѣе въ то самое время, какъ густая туча стояла надъ тѣмъ мѣстомъ. Сіи искры совершенно походили на исходящій изъ фузеи огонь и причиняли такой же стукъ и такую жъ опасность. Другими опытами тоже подтверждено, и явилось, что помощію вострконечныхъ прутовъ у громовыхъ тучь огонь отнять можно“.

Въ академическомъ засѣданіи 3 іюля 1752 года Рихманъ

---

[1]) № 47, стр. 371, 372.

уже представилъ статью: Relatio de modo nuper invento avertendi fulmen ab aedeficiis, въ которой въ началѣ упоминается о первыхъ опытахъ Веніамина Франклина и неудачномъ подражаніи имъ во Франціи [1]).

Нѣсколько недѣль послѣ того въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 года [2]) было напечатано:

„Понеже въ разныхъ вѣдомостяхъ объявлено важнѣйшее изобрѣтеніе, а именно: что электрическая матерія одинакая съ матеріею грома, то здѣшній профессоръ физики экспериментальной, г. Рихманъ удостовѣрилъ себя о томъ и нѣкоторыхъ смотрителей слѣдующимъ образомъ. Изъ средины дна бутылочнаго выбилъ онъ иверень и сквозь бутылку продѣлъ желѣзный прутъ длиною отъ 5 до 6 футовъ, толщиною въ одинъ палецъ, тупымъ концемъ и заткнулъ горло ее коркою После велѣлъ онъ изъ верхушки кровли вынуть черепицъ и пропустилъ туда прутъ, такъ что онъ отъ 4 до 5 футовъ высунулся, а дно бутылки лежало на кирпичахъ. Къ концу прута, который подъ кровлею изъ подъ дна бутылочнаго высунулся, укрѣпилъ онъ желѣзную проволоку и велъ ее до средняго апартамента все съ такою осторожностью, чтобъ проволока не коснулась никакого тѣла, производящаго электрическую силу. Наконецъ, къ крайнему концу проволоки приложилъ онъ желѣзную линейку, такъ что она перпендикулярно внизъ висѣла, а къ верхнему концу линейки привязалъ шелковую нить, которая съ линейкою паралельно, а съ широчайшею стороною линейки въ одной плоскости висѣла. Описаніе сихъ приготовленій къ опыту читалъ онъ при изслѣдованіи объявленнаго отдаленія грома отъ строенія въ началѣ сего іюля мѣсяца въ академическомъ собраніи членамъ, и началъ уже съ начала онаго мѣсяца по вся дни слѣдовать, отскочитъ ли нить отъ линейки и произведетъ ли потому какую электрическую силу, токмо не примѣтилъ ни малѣйшей перемѣны въ нити. Чего ради съ великою нетерпѣливостію ожидалъ грому, которой 18 іюля въ полдень и случился.

[1]) I, связка № 2, тетрадь подъ литерою N.

[2]) № 58, стр. 460, 461.

Громъ по видимому былъ не близко отъ строенія, однакожъ онъ послѣ перваго удара тотчасъ примѣтилъ, что шелковая нить отъ линейки отскочила, и матерія съ шумомъ изъ конца линейки въ свѣтлыя искры разсыпалась, и при каждомъ осязаніи причиняла ту же чувствительность, какую обыкновенно производятъ электрическія искры. У нѣкоторыхъ, державшихъ линейку, шло потрясеніе по всей рукѣ. Шумъ исходящей матеріи былъ сначала столь великъ, что нѣкто, бывшій при томъ на нѣсколько шаговъ отъ линейки, шумъ могъ слышать. Во время дождя примѣчены на линейкѣ электрическія искры, также и послѣ грома. Все сіе продолжалось больше полутора часа, и электрическія дѣйствія были то больше, то меньше. Въ третьемъ часу пополудни окончилась электрическая сила, и болѣе не слышно было, чтобъ гремѣло. По сему не надобно къ тому опыту ни электрической машины, ни электризованнаго тѣла, но громъ совершенно служитъ вмѣсто электрической машины. Изъ сего же видно, что по неуразумѣнію въ нѣкоторыхъ Вѣдомостяхъ писали, что желѣзный прутъ на электризованномъ тѣлѣ лежать долженъ, вмѣсто того, чтобъ сказать надлежало, что ему на электрическомъ тѣлѣ или на такомъ, которое начальную электрическую силу принять можетъ, лежать должно. И такъ совершенно доказано, что электрическая матерія одинакова съ громовою матеріею, и тѣ раскаяваться станутъ, которые преждевременно маловѣроятными основаніями доказывать хотятъ, что обѣ матеріи различны.“

За тѣмъ въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ стали сообщать о подобныхъ же наблюденіяхъ надъ воздушнымъ электричествомъ въ другихъ странахъ. Такъ, въ № 59, стр. 469, 470, говорится о докторѣ Лудольфѣ, который въ Берлинѣ, вмѣстѣ съ профессоромъ Зульцеромъ, производилъ „опыты о электрической силѣ громовыхъ тучь, которые г. Франклинъ въ Пенсильваніи сперва задалъ“. Или, въ № 65, стр. 517, напечатано о подобныхъ опытахъ въ Парижѣ Нолле. Въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, № 60, стр. 477, есть извѣстіе о новыхъ наблюденіяхъ по этому предмету Рихмана, а именно:

„Сего іюля 21 числа г. профессоръ Рихманъ имѣлъ паки

случай примѣчать электрическую силу громовыхъ тучь при нѣкоторыхъ г.г. профессорахъ и членахъ академическихъ, также при другихъ ученыхъ и академикахъ. Въ пятомъ часу по полудни хотя громовая туча столь же близко нашла, какъ прежде, однако электрическія явленія на линейкѣ не въ такой силѣ, какъ 18 числа, оказались. Къ цѣпи приложилъ онъ клейстовъ или мушенброковъ образецъ чтобъ умножить электрическую силу, а именно, соединя онъ желѣзную проволоку съ цѣпью, пропустилъ въ склянку, по горло водою налитую. Горло у склянки было сухо. Склянку онъ поставилъ въ сосудъ, водою налитой, а въ судно съ водою положилъ кусокъ желѣза. Когда сіе желѣзо держали одною рукою, а другою трогали электризованную громомъ линейку, то чувствовали часто потрясеніе въ обѣихъ рукахъ, также какъ при сихъ обстоятельствахъ въ художественномъ электризованіи обыкновенно дѣлается. И такъ утверждаетъ онъ и сіе, что матерія грома не разнится и въ семъ отъ электрической матеріи. И понеже всѣ тѣла отъ распространенной электрической силы электризованы быть могутъ, то должны всѣ такія тѣла, напр. всѣ металлы, люди, звѣри, вода, ледъ, дерево и проч., съ проволокою соединенные и надлежащимъ образомъ укрѣпленные, матеріею грома быть электризованы, и понеже изъ проволоки происходятъ подлинныя электрическія искры, то отъ сихъ искръ долженъ спиртъ винный, самый крѣпкій, нефть, спиртъ Фробеніевъ и прочее загорѣться; и понеже г. профессоръ Рихманъ художественнымъ электрическимъ дѣйствіемъ дѣлаетъ блещащимися имена и фигуры, то и натуральнымъ или электрическимъ дѣйствіемъ грома могутъ блещащимися учинены быть литеры и фигуры. И такъ громъ, сколь онъ ни страшенъ, можетъ быть удовольствіемъ и потѣхою."

Съ наступленіемъ лѣта, въ 1753 году Рихманъ снова принялся съ особеннымъ увлеченіемъ за наблюденія надъ воздушнымъ электричествомъ. Онъ жилъ въ то время на Васильевскомъ островѣ въ домѣ на углу Большаго проспекта и 5-й линіи. На крышѣ этого дома были утверждены шесты; они, принимая изъ облаковъ электричество, передавали его желѣзнымъ

цѣпямъ, которыя были прикрѣплены къ нимъ на шелковыхъ снурахъ; эти снуры были старательно защищены отъ вліянія дождя. Цѣпи проведены были въ сѣни дома до электрическаго указателя (Electricitäts Zeiger), придуманнаго Рихманомъ. Снарядъ этотъ служитъ для опредѣленія степени электричества, не только получаемаго чрезъ верченіе и треніе стекляннаго шара, но и того, которое заключалось въ тучахъ.

Когда въ академическомъ засѣданіи ему было предложено приготовить рѣчь для торжественнаго собранія, то онъ темою выбралъ электричество [1]). Независимо отъ того, каждый разъ добытые имъ результаты объ этой, тогда еще мало изслѣдованной силѣ Рихманъ продолжалъ сообщать въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, вмѣстѣ съ описаніемъ употреблявшихся притомъ приборовъ. Такъ, въ грозу 6 мая, Рихманъ могъ убѣдиться, что „ежели верхній конецъ электризованнаго громомъ тѣла тутъ будетъ, то электрическія силы слабѣе бываютъ; ежели же оный остръ, то искры сильнѣе дѣлаются.... Во время грозы дѣйствіе электрической силы умалялося, а иногда и совсѣмъ переставало“.... Далѣе, при приближеніи одной руки къ цѣпи, укрѣпленной къ шесту кровли, а другой къ мушенброкову сосуду, Рихманъ „чувствовалъ, также какъ и во время искусствомъ учиненнаго электризованія, въ обѣихъ своихъ рукахъ потрясеніе“ [2]). Въ грозу 9 мая Рихманъ имѣлъ случай еще болѣе удостовѣриться въ прежнихъ своихъ замѣчаніяхъ. „Когда онъ изъ мушенброковаго стекляннаго судна провелъ къ цѣпи проволоку, а въ другомъ мѣстѣ съ цѣпи по мѣдной doскѣ спустилъ внизъ другую проволоку жъ такъ, что конецъ оной отъ мѣдной доски отстоялъ около 5 линій; напослѣдокъ также и отъ мѣдной доски ко дну мушенброковаго стекляннаго судна провелъ еще проволоку: то произошли отъ того такія сильныя электрическія искры, что трескъ ихъ можно было слышать въ третьемъ покоѣ, а ежели бы вмѣсто мѣдной доски къ искрамъ держать какую нибудь небольшую птичку, то бы искры оныя

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, 206.

[2]) Санктпетербургскія вѣдомости 1753 года, № 37, стр. 296, 297.

конечно ее умертвили“ [1]). 10 и 15 мая снова были грозы и Рихманъ во время ихъ опять наблюдалъ дѣйствіе электричества. Наблюденія первой грозы привели его къ заключенію, „что когда какое тѣло громомъ или шаромъ электрическимъ приводится въ электрическое дѣйствіе, тогда все тѣло и съ подставками своими и снурками, на которыхъ оно повѣшено, притягиваетъ къ себѣ влажность изъ воздуха, и что чѣмъ влажнѣе воздухъ и сильнѣе электрическое дѣйствіе, тѣмъ скорѣе подставки негодными отъ того дѣлаются, и электрическое дѣйствіе пропадаетъ“...

15 мая Рихманъ „во время случившагося тогда грому впервые еще получилъ случай вдругъ и градусъ электрической силы примѣтить и молнію видѣть, чего ему прежде учинить не можно было, для того, что молніи иногда за отдаленіемъ, а иногда за великою ясностію не видно было; а 15 числа нитка поднималась, какъ скоро только блистать начинало, на нѣсколько градусовъ, а потомъ тотчасъ, или отчасти, или совсѣмъ на низъ опускалась. Притомъ примѣтилъ, что чѣмъ меньше времени между громомъ и молніею было, тѣмъ больше показывалось градусовъ въ электрическомъ дѣйствіи“... [2]).

Нѣсколько времени спустя, напечатано было наблюденіе надъ электричествомъ Ломоносова (его имя въ этихъ наблюденіяхъ встрѣчается только этотъ одинъ разъ) во время грозы 26 и 29 мая. „Изъ сего наблюденія, сказано тамъ въ концѣ, явствуетъ, что электрическая въ воздухѣ сила долѣе громоваго треску распростереться или и безъ дѣйствительнаго грому быть можетъ. Ежели второе правда, то не громъ и молнія электрической силы въ воздухѣ, но сама электрическая сила грому и молніи причина. Сіе подтверждается 1) тѣмъ, что электрическую силу искусствомъ безъ грому произвести можно; напротивъ того, произведенный искусствомъ громъ и молнія электрической силы не показываютъ, что г. профессоръ Рихманъ при помянутомъ г. совѣтникѣ (т. е. Ломоносовѣ) и другихъ любопытныхъ въ торжественный праздникъ коронаціи ея император-

[1]) Ibid., № 38, стр. 305, 306.

[2]) Ibid., № 40, стр. 324, 325.

скаго величества на санктпетербургской крѣпости при пальбѣ изъ пушекъ способомъ пристойныхъ инструментовъ пробовалъ“ [1]). Во время грозы 11 іюля, „г. профессоръ (Рихманъ) впервые примѣтилъ, что можно быть и грому и молніи, не сообщая электрической силы повѣшенной цѣпи. Еще жъ онъ примѣтилъ, что во время электрической силы 25 градусовъ въ безвоздушномъ мѣстѣ повѣшенной на шелковой ниткѣ фосфорической барометръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему еще способно читать можно было, издавалъ отъ себя свѣтъ, а именно: когда въ ртуть, что въ барометровой трубкѣ, отъ электризованной громомъ цѣпи проведенная желѣзная проволока опустится, и когда онъ до барометровой дощечки перстомъ дотронется. Во время электрической же силы 25 градусовъ загоралась грѣтая нефть нѣсколько разъ съ ряду, а понеже онъ употреблялъ притомъ и мушенброково стеклянное судно съ водою, то и одна искра могла зажечь нефть способно, когда токмо отъ мѣднаго таза, въ которомъ мушенброковое стеклянное судно съ водою стояло, проведенная желѣзная проволока въ зажигаемую нефть опущена была. Когда жъ онъ наконецъ самъ себя цѣпью электризовать началъ, и притомъ дотрогивался до другой, электрической же цѣпи, подлѣ себя повѣшенной, то иногда примѣчены были искры, а иногда искръ не было, потому что электрическая сила въ цѣпяхъ иногда ровно дѣйствовала, а иногда неровно. Еще примѣчено изрядное дѣйствіе, когда нѣсколько съ пылью смѣшенной тянувшейся нефти, на подобіе нитки, къ круглому концу желѣза, отъ котораго нефть зажигается, не нарочно прильнула, а именно: стекалъ съ нѣкоторымъ шумомъ синій свѣтъ на подобіе тонкой синей ниточки нѣсколько минутъ съ помянутаго конца въ сосудъ, въ которомъ нефть находилася“ [2]).

Утромъ 26 іюля Рихманъ, будучи въ академическомъ засѣданіи, не задолго до полудня замѣтилъ, что, при совершенно ясномъ небѣ и солнечномъ сіяніи, вдали начиналась гроза, а потому поспѣшилъ домой въ надеждѣ или удостовѣриться

---

[1]) Ibid., № 45, стр. 364, 365.

[2]) Ibid., № 56, стр. 482, 483

болѣе въ прежнихъ своихъ наблюденіяхъ, или же замѣтить что нибудь новое; а также показать граверу Соколову на дѣлѣ сущность электрическихъ опытовъ, такъ-какъ этому художнику поручено было изобразить ихъ на виньеттѣ къ рѣчи Рихмана, о которой говорено выше. Придя домой, Рихманъ тотчасъ подвелъ гравера къ своему указателю электричества и объяснялъ Соколову, какъ можетъ быть опасно, когда снарядъ будетъ показывать 45 и болѣе градусовъ.

Въ оффиціальномъ описаніи говорится, что у окошка въ сѣняхъ дома Рихмана „стоялъ шкафъ вышиною въ 4 фута, на которомъ учреждена была машина для примѣчанія электрической силы, называемая указатель электрической, съ желѣзнымъ прутомъ толщиною въ палецъ, а длиною въ 1 футъ, котораго нижній конецъ опущенъ былъ въ наполненной отчасти мѣдными опилками хрустальный стаканъ. Къ сему пруту съ кровли онаго дома проведена была сквозь сѣни подъ потолкомъ тонкая желѣзная проволока. Когда г. профессоръ, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудилъ, что громъ еще далеко отстоитъ, то увѣрилъ онъ грыдоровальнаго мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то-де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ того, какъ г. профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзнаго прута, смотрѣлъ на указателя элекрическаго, увидѣлъ помянутой Соколовъ, что изъ прута, безъ всякаго прикосновенія, вышелъ блѣдно синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу г. профессора, который въ самое то время, не издавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоящій позади его у стѣны сундукъ [1]). Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ, будто бы изъ малой пушки выпалено было, отчего и оной грыдоровальной мастеръ упалъ на земль и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмотрѣ-

[1]) Изъ этихъ показаній гравера Соколова довольно видно, какъ несправедливо извѣстіе, занесенное знаменитымъ Шлецеромъ въ его Öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben (Göttingen, 1802), 186, что будто Рихманъ, обремененный долгами, кончилъ жизнь самоубійствомъ, нарочно направивъ на себя электрическій ударъ.

но, что оные произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечь до фалдъ оставила знатныя горѣлыя полосы. Какъ оной грыдоровальной мастеръ опять всталъ и за оглушеніемъ оперся на шкафъ, то не могъ онъ отъ дыму видѣть лица г. профессора и думалъ, что онъ только упалъ, какъ и онъ; а понеже, видя дымъ, подумалъ онъ, что молнія не зажгла ли дому, то выбѣжалъ, будучи еще въ безпамятствѣ, на улицу и объявилъ о томъ стоящему не далеко оттуда пикету.

„Какъ жена г. профессора, услышавши такой сильной ударъ, туда прибѣжала, то увидала она, что сѣни дымомъ, какъ отъ пороху, наполнены. Соколова тутъ уже не было, и какъ она оборотилась, то примѣтила, что г. профессоръ безъ всякаго дыханія лежитъ навзничь на сундукѣ у стѣны. Тотчасъ стали его тереть, чтобъ отвѣдать, не оживетъ ли, а между тѣмъ послали по г. профессора Краценштейна и по лекаря, которые черезъ десять минутъ послѣ удару туда пришли и изъ руки кровь ему пустили; одноко крови вышло только одна капелька, хотя жила, какъ то уже послѣ усмотрѣно, и дѣйствительно отворена была. Біенія же жилъ и на самой груди примѣтить не возможно было. Г. Краценштейнъ нѣсколько разъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ съ задушившимися людьми, зажалъ г. Рихману ноздри, дулъ ему въ грудь, но все напрасно“.

Послѣ тщательнаго наружнаго осмотра и вскрытія тѣла Рихмана, его похоронили 29 іюля 1753 года[1]).

---

[1]) Подробности о кончинѣ Рихмана въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1753 года, № 62, стр. 499—502, и рукопись въ портфелѣ исторіографа Мюллера въ архивѣ академической конференціи подъ заглавіемъ «Біографіи Академиковъ, № 11:» Relation von dem unglücklichem Lebens Ende Herrn Georg Wilhelm Richmanns Professoris Physices experimentalis bey der kayserlichen Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, въ двухъ экземплярахъ — одинъ съ подписью G. F. M., стало быть принадлежитъ перу Герарда Фридриха Мюллера, исполнявшаго тогда обязанности конференцъ-секретаря Академіи наукъ. Въ архивѣ академической канцеляріи въ картонѣ № 16 есть еще донесеніе къ графу Разумовскому, 29 іюля 1753 года, гдѣ упоминается, что при томъ посланъ переводъ донесенія Краценштейна, вмѣстѣ съ планомъ и профилемъ дома, «гдѣ Рихманъ примѣчанія дѣлалъ и гдѣ смерть получилъ». Къ сожалѣнію, этого любопытнаго приложенія, кажется, не было возвращено отъ графа Разумовскаго въ академическую канцелярію, и гдѣ оно нынѣ находится, неизвѣстно.

Любопытно то обстоятельство, что Ломоносовъ, сообщая о скоропостижной смерти Рихмана Ивану Шувалову, въ концѣ счелъ нужнымъ прибавить: „чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки“... Канцелярія академическая не находила даже возможнымъ, чтобы въ торжественномъ собраніи Академіи на 6 сентября была произнесена рѣчь объ электричествѣ „по причинѣ случая смертнаго профессора Рихмана“ [1]).

Образчикъ тому, какъ отозвалось на это событіе тогдашнее общественное мнѣніе въ Петербургѣ, можно найти въ Запискахъ Нащокина. Этотъ генералъ занесъ туда слѣдующее извѣстіе: „іюля 26 убило громомъ въ Санктпетербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался о удержаніи грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ... Съ нимъ, Рихманомъ, о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о аѳинейскомъ стихотворцѣ Евсхиліи, что и оной чрезъ астрономію позналъ убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдяше на яснѣ; орелъ же, на воздухѣ носяй желвь, иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхилія глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвь, и паде на главу. И такъ нечаянный конецъ вымыслу и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи. А о Евсхиліи пишется въ книгѣ Иѳикѣ и Іерополитикѣ на листѣ 183“ [2]).

Это мнѣніе Нащокина о цѣли наблюденій Рихмана, воспоминаніе по этому поводу легенды о Есхилѣ и, наконецъ, ссылка на Иѳику, изданную кіевскими схоластиками XVII вѣка — все это довольно хорактеристично для своей эпохи. Что касается до ученаго свѣта, то тамъ о кончинѣ Рихмана появился цѣлый рядъ статей, изслѣдованій и разсужденій и даже писались сти-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 215.

[2]) Записки Василья Александровича Нащокина (С.-Петербургъ, 1842), 116.

хи [1]). Тогдашній непремѣнный секретарь нашей Академіи наукъ Мюллеръ, говоря о Рихманѣ, такъ выразился о кончинѣ его: Diem vitae ultimum vidit XXVI, julii 1753, Orpheo, Esculapio, Zoroastri similis, quietiam fulmine enecti perierunt, sed qui magis Ethnicorum fabulis, quam ob hoc ipsum, celebritatem nominis assequuti sunt, cum noster e contrario famam sibi scriptis partam insolito hoc mortis genere quam maxime confirmaverit. Si pluresерunt eruditi martyres, qui in ipsa functione muneris sui, et propter eam ipsam, mortem passi sunt, procul dubio Richmannus noster choream ducet... Статья о Рихманѣ въ Philosophical Transactions 1753 года прислана изъ петербургской Академіи. Поправки и дополненія нѣкоторыхъ подробностей статьи въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, вмѣстѣ съ профилемъ сѣней, въ которыхъ убитъ былъ Рихманъ, собщилъ Ломоносовъ въ своемъ Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, которое напечатано въ Санктпетербургѣ 1753 года, въ изданіи: „Торжество Академіи наукъ... празднованное ноября 26 дня 1753 года", въ 4°. Далѣе: Винклеръ, De avertendi fulminis artificio ex doctrina electricitatis, Лейпцигъ, 1753 года; Гановъ, Nachricht aus S.-Petersburg von den berühmten und merkwürdigen Todesfalle des Herrn Pr. Richmanns mit physischen Anmerkungen begleitet, 1753; Бальтазара Гофмана, De moralitate circa electricitatis experimenta, praesertim fulmina; эта статья любопытна тѣмъ, что въ ней доказывается, что смерть Рихмана не есть особенное Божеское наказанія. Рѣчь Бозе въ Виттинбергѣ, можно назвать apotheosis Richmanni, въ Greifswaldische Nachrichten, 1754, im 18-ten Stücke. Шарль Рабико (Rabiqueau), въ своемъ Spectacle du feu élémentaire; Іоганъ Фридрихъ Гартманъ, Anmerkungen über die nöthige Achtsamkeit bey Erforschung der Gewitterelectricität nebst Beschreibung eines Elektricitäts Zeiger. Hannover, 1764, in 4°. Alton. Gel. Merk., 1768, 147. Денисъ Барбере, французскій медикъ, разсказывалъ въ своей Dissertation

[1]) Нѣсколько такихъ латинскихъ стиховъ на смерть Рихмана приведено у Гадебуша Lifländische Bibliothek, l. c.

sur le rapport qu'il y a entre les phénomènes du tonnerre et ceux de l'électricité, 1750, стало-быть прежде смерти Рихмана, что электричество можетъ быть смертельнымъ, но, кромѣ птицы Нолле, тогда еще не было другаго примѣра. Ср. Windheim's philosophische Bibliothek, VIII, 478.

Извѣстно прекрасное письмо Ломоносова къ Шувалову, написанное въ самый день кончины Рихмана и, стало-быть, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, которое тѣмъ сильнѣе должно было быть у Ломоносова, что онъ въ одно время съ Рихманомъ производилъ такія же наблюденія. „Мнѣ, писалъ Ломоносовъ, и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ согласіе и дружба; и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лицо, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ... Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради, ваше превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобъ бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивой государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать нежели за свое"...[1]).

По академическимъ дѣламъ не видно, чтобы Шуваловъ исполнилъ просьбу Ломоносова, а есть только свѣдѣнія, что у вдовы Анны-Елисаветы Рихманъ родился уже послѣ смерти мужа другой сынъ; что она была урожденная Гинсъ и что по-

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, 214, 215.

томъ вышла за мужъ во второй разъ за академика Брауна. Въ 1761 году она просила принять на казенной счетъ двухъ ея сыновей, рожденныхъ ею отъ перваго мужа, профессора Рихмана — Вильгельма 14 и Фридриха 8 лѣтъ. Эта просьба была исполнена въ ноябрѣ того же года [1]).

Въ „Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина" (Спб., 1828 года) въ указателѣ именъ академикъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ смѣшанъ съ сыномъ его, переводчикомъ Фридрихомъ Рихманомъ. Подъ № 4378 внесено въ этой Росписи сочиненіе перваго „Разсужденіе о свойствѣ исхожденія воды парами" [2]), а подъ №№ 622 и 843 переводы: Слово о продерзости невѣрія пастора Іоакима Христіана Грота (1779) и Комедіи Публія Терентія (1773—1774). Первый переводъ замѣчателенъ тѣмъ, что это первая на русскомъ языкѣ рѣчь протестанскаго проповѣдника [3]); а послѣдній сдѣланъ Рихманомъ вмѣстѣ съ Александромъ Хвостовымъ, Михайломъ Головинымъ, Ѳедоромъ Моисѣенковымъ, Космою Флоринскимъ и Филиппомъ Синскимъ, когда они еще были гимназистами академической гимназіи [4]).

Черновыя бумаги академика Рихмана, въ которыхъ не рѣдко рѣчь идетъ объ электричествѣ, въ архивѣ академической конференціи въ четырехъ связкахъ, подъ № 94.

Слѣдующія статьи его напечатаны въ изданіи Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: XIII, 300—311, De perficiendis mappis geographicis, inprimis universalibus, per idoneas scalas metiendis distantiis inservientes. XIV, 273—275, Qua ratione instrumentum, quo quantitas aquae, calore atmosphaerae naturali ex superficie aquae certa in aerem elevatae, commode mensuratur, construi debeat; 299—324, De electricitate in corporibus producenda nova tentamina.

---

[1]) II, книга № 925.

[2]) Это то самое разсужденіе, которое произнесено Рихманомъ въ торжественномъ собраніи Академіи 26 ноября 1749 года и напечатано въ книгѣ «Торжество Академіи наукъ..... праздпованное публичнымъ собраніемъ на другой день возшествія на престолъ ея императорскаго величества, т. е. 26 ноября 1749 года. Въ Спб. 1749 года».

[3]) L. C. Bacmeister's Russiche Bibliothek, VI, 229.

[4]) Ibid., II. 437.

Novi Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae: I, 152—167, De quantitate caloris quae post miscelam fluidorum, certo gradu calidorum, oriri debet, cogitationes; 168—173, Formulae pro gradu excessus caloris supra gradum caloris mixti ex nive et sale ammoniaco post miscelam duarum massarum aquearum diverso gradu calidarum confirmatio per experimenta; 174—197, Inquisitio in legem, secundum quam calor fluidi in vase contenti, certo temporis intervallo, in temperie aeris constanter eadem decrescit vel crescit, et detectio ejus, simulque thermometrorum perfecte concordantium construendi ratio hinc deducta; 198—205, Tentamen legem evaporationis aquae calidae in aëre frigidiori constantis temperiei definiendi; 276—283, De insigni parodoxo physico, aere scilicet in 1837 voluminis partem aqua gelascente reducto et de computatione vis, quam aqua gelascens et sese in volumen mai sexpandens in sphaera cava ferrea, bomba dicta, ad eam disrumpendam impendit, cogitationes; 284—290, Tentamen explicandi phaenomenon paradaxon scil. thermometro mercuriali ex aqua extracto mercurium in aere, aqua calidiori, descendere et ostendere temperiem minus calidam, ac aeris ambientis est. II, 121—127, Atmometri sive machinae hydrostaticae ad evaporationem aquae certae temperiei mensurandam aptae constructio talis, ut ope illius decrementum paucorum granorum observari et lex evaporationis confirmari possit; 134—144, Inquisitio in rationem phaenomeni, cur aqua profunda in vasis homogeneae materiae plus evaporet, quam aqua minus profunda et confirmatio experimento nova ratione instituto; 145—161, De evaporatione ex aqua frigidiori aere observationes et consectaria; 162—171, Experimenta de compressione aeris inprimis per aquam in bombis conglaciatam descripta; 172—280, Usus legis decrementi caloris ad definiendam mediam certo temporis intervallo temperiem aeris ostensus et instrumentum meteorologicum novum mediae temperiei aeris inveniendae inserviens; 181—209, De barometro, cujus scala variationis insigniter augeri potest, item de libra barometrica et barometro hydravlico cogitationes. III, 309—339, De argento vivo calorem celerius recipiente et celerius perdente

quam multa fluida leviora experimenta et cogitationes; 340—362, De ratione calorum et ratione densitatis radiorum directorum ad densitatem per lentem refractorum definienda cogitationes. IV, 235—240, De virtute magnetica absque magnete communicata experimenta; 241—269, Inquisitio in decrementa et incrimenta caloris solidorum in aëre; 270—277, Tentamen solutionem in diversa temperie ad mensuram reducendi; 277—300, Tentamen rationem calorum respectivorum lentibus et thermometris definiendi; 301—340, De indice electricitatis et de ejus usu in definiendis artificialis et naturalis electricitatis phaenomenis dissertatio.

БРЕВЕРНЪ, КАРЛЪ, президентъ Академии наукъ.

Рукописная біографія его составлена сенаторомъ Е. И. Бреверномъ, и изъ ней помѣщены здѣсь главнѣйшія извѣстія. О Карлѣ Бревернѣ также есть краткія свѣдѣнія у Стриттера въ продолженіи мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, стр. 702, 703.

Бревернъ родился 22-го октября 1704 года. Дѣдъ его Іоганъ Бревернъ, уроженецъ Эйслебена, былъ суперъ-интендантомъ въ Ригѣ, а отецъ, Германъ, женатый на Екатеринѣ фонъ Рейтернъ, (во второмъ бракѣ за генераломъ Бонномъ) былъ возведенъ въ дворянское достоинство въ 1694 г.; потомъ вызванъ Петромъ Великимъ въ 1718 году въ Петербургъ для занятія должности вице-президента юстицъ-коллегіи, и скончался въ 1724 году.

Карлъ Бревернъ учился въ рижской гимназіи и въ иностранныхъ университетахъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ уже въ началѣ царствованія Петра II служилъ секретаремъ и переводчикомъ [1]); скоро пріобрѣлъ полную довѣренность вице-канцлера Остермана и былъ назначенъ секретаремъ въ императорскій

[1]) Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, XVI, 370.

Кабинетъ. Въ 1737 г. о немъ писалъ одинъ современникъ: „г. Бревернъ, секретарь кабинета, кажется, владѣетъ всею довѣренностью Остермана. Онъ служитъ посредствующимъ звѣномъ между Остерманомъ и герцогомъ курляндскимъ, человѣкъ хитрый и прилежанія чрезвычайнаго“ [1]).

Въ указѣ 24 апрѣля 1740 г. сенатъ далъ знать Академіи: „сего апрѣля 24 дня ея императорское величество именнымъ, за подписаніемъ собственныя руки указомъ всемилостивѣйше пожаловала дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Бреверна въ де-сіансъ Академію президентомъ, съ подлежащимъ президентскимъ жалованьемъ сверхъ того, что онъ получаетъ за труды его при Кабинетѣ ея императорскаго величества, изъ штатсъ-конторы и Академіи наукъ“. Есть извѣстіе, что это назначеніе послѣдовало по случаю вступленія въ тотъ самый день въ бракъ Бреверна съ баронессою Кейзерлингъ, семейство которой пользовалось особеннымъ значеніемъ при русскомъ дворѣ временъ Бирона [2]). 29 апрѣля 1740 г. Кабинетъ возвратилъ въ Академію проекты штатовъ ея, представленные предмѣстникомъ Бреверна барономъ Корфомъ еще въ 1735 г., съ тѣмъ, чтобы ихъ „нынѣ опредѣленному президенту фонъ-Бреверну, обще съ прочими академическими членами, вновь разсмотрѣть и такое основаніе учинить, чтобъ Академія въ добромъ порядкѣ содержана и потребною ежегодною суммою удовольствована была безъ излишняго казеннаго расхода и, постановя на мѣрѣ, подать для разсужденія ко всемилостивѣйшей нашей аппробаціи въ сенатъ“... [3]). Вслѣдствіе этого приказанія, въ протоколѣ, подписанномъ Бреверномъ 11 мая 1740 г., объяснено, что императрица Анна желаетъ привести Академію наукъ въ такое состояніе, чтобы она, оставаясь въ настоящемъ ея положеніи, когда науки соединены вмѣстѣ съ художествами, приносила честь и пользу народу; для разсмотрѣнія же вновь академическихъ штатовъ назначилъ Бревернъ

---

[1]) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862), 3.

[2]) Stammtafeln Nachrichten und Urkunde von dem Geschlechte derer von Keyserlingk (Berlin, 1853), 62.

[3]) II, книга № 51.

Шумахера и академиковъ Гольдбаха, Эйлера и Крафта [1]). Результатовъ трудовъ этихъ лицъ въ дѣлѣ не сохранилось. По ходатайству Бреверна, академическая кунсткамера обогатилась медалями и монетами, находившихся въ числѣ конфискованныхъ имѣній Артемія Волынскаго и графа Платона Мусина-Пушкина [2]). Впрочемъ, по дѣламъ Академіи не замѣтно особеннаго вліянія на ея дѣла новаго президента вѣроятно потому, что онъ въ то же время былъ занятъ государственными дѣлами, такъ-какъ 18 сентября 1740 года состоялось повелѣніе, чтобы онъ съ докладами отъ Кабинета приходилъ къ императрицѣ вмѣстѣ съ кабинетъ-министрами [3]).

Увольненіе Бреверна отъ званія президента Академіи было едва-ли съ его согласія. Еще 14 февраля 1741 года онъ писалъ къ германскому мыслителю Христіану Вольфу: „Вы меня всегда найдете очень расположеннымъ не только привести Академію въ такое состояніе, которое бы болѣе и болѣе соотвѣтствовало намѣреніямъ покойнаго славнаго основателя ея, но также въ особенности воспользоваться вашими совѣтами, которые вамъ угодно будетъ дать мнѣ по этому предмету“ [4]). Два мѣсяца послѣ этого письма, именно 17 апрѣля 1741 года, было объявлено въ академическомъ засѣданіи, что указомъ отъ 15 апрѣля Бревернъ уволенъ изъ президентовъ Академіи наукъ. Чтобы понять причину такого увольненія Бреверна отъ должности, приносившей ему весьма значительное по тому времени содержаніе, необходимо припомнить, что въ апрѣлѣ 1741 года оконченъ былъ судъ надъ тѣми изъ придворныхъ и высшихъ сановниковъ, которые, послѣ паденія Бирона, въ особенности обвинялись въ содѣйствіи ему захватить всю власть при управленіи Россіею и лишеніи всякаго вліянія родителей царствующаго малолѣтнаго императора Іоанна Антоновича. Въ

---

[1]) II, книга № 450.

[2]) II, книга № 62, гдѣ есть и опись съ обозначеніемъ подписей и вѣса медалей и монетъ, бывшихъ у Артемія Волынскаго и графа Платона Мусина-Пушкина.

[3]) Полное собраніе законовъ Росс. имперіи, № 8243.

[4]) Briefe von Christian Wolf (S.-Petersburg 1860), 218.

числѣ этихъ сторонниковъ Бирона былъ и Бревернъ. Въ современномъ экстрактѣ о винахъ его значилось: „1) О сочиненіи опредѣленія о регентствѣ бироновѣ онъ, Бревернъ, съ генераломъ фельдмаршаломъ графомъ фонъ-Мюнихомъ, съ кн. Черкасскимъ, съ Алексѣемъ Бестужевымъ и князь Никитою Трубецкимъ въ согласіи былъ; и оное обще съ Бестужевымъ и княземъ Трубецкимъ, безъ соизволенія ея императорскаго величества, диктовалъ; и такіе пункты включили, которые не токмо его императорскому величеству и его величества высокимъ родителямъ весьма опасны были, но и къ погибели всей Россійской имперіи слѣдовали. 2) Угождая оному Бирону, съ ними жъ декларацію къ подпискѣ (о регентствѣ Бирона) сочинялъ. 3) О низложеніи его императорскаго высочества (отца императора— герцога Антона-Ульриха Брауншвейгскаго) военныхъ чиновъ отъ персоны его высочества письмо сочинялъ. 4) Бывшее опредѣленіе ея императорское величество (Анна Іоанновна) подписать изволила 16 октября (1740 года), а въ публику выдали подъ 6-мъ числомъ того-жъ октября, которое сперва было вписано съ умыслу, чтобъ оное число ближе къ первому манифесту о наслѣдствѣ слѣдовало, якобы ея величество оное заблаговременно подписать изволила. А потомъ какъ уже его императорскаго величества вѣрные подданные подъ караулъ были забраны, то онъ съ княземъ Черкасскимъ, Бестужевымъ и княземъ Трубецкимъ, будучи въ кабинетѣ, 23 числа, въ свое оправданіе, а въ вящшее регентово утвержденіе записку учинили, что оное подписано 16-го числа. 5) Въ то опредѣленіе Бирону жалованья по 600,000 рублей обще съ другими онъ, Бревернъ, писалъ, а потомъ, выключа, оставили въ его биронову волю“.

Вслѣдствіе всего этого, Бреверну, 24 апрѣля 1741 году, вмѣстѣ съ графомъ Мюнихомъ, княземъ Черкасскимъ и другими былъ объявленъ строгій выговоръ, въ которомъ Биронъ приравненъ былъ Годунову, а они обвинялись въ томъ тѣмъ болѣе, что знали „его недостойную природу и къ россійской націи во время его бытности въ Россіи злые поступки“. Въ концѣ объявленія всѣ обвиненные были прощены „въ томъ упованіи, что впредь, по должности своей данной намъ присяги, вѣрно и

истинно поступать будете и къ такимъ бездѣльнымъ, вредительнымъ дѣламъ приставать не станете"[1]).

Такимъ образомъ Бревернъ находился какъ бы въ опалѣ во время управленія Россіею принцессы Анны Леопольдовны, матери Іоанна III, почему нисколько не удивительно, что со вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, онъ, несмотря на близкія отношенія свои къ гр. Остерману, подвергшемуся тогда ссылкѣ, былъ назначенъ, 12-го декабря 1741 года, конференцъ-министромъ вмѣстѣ съ канцлеромъ княземъ Черкасскимъ и вице-канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ[2]). Онъ былъ тогда уже тайнымъ совѣтникомъ, и скоро потомъ получилъ орденъ св. Александра невскаго. Въ 1742 г., послѣ смерти князя Черкасскаго, иностранныя дѣла остались въ исключительномъ завѣдываніи вице-канцлера и Бреверна[3]). Отъ этой эпохи сохранилось въ Государственномъ архивѣ одно письмо къ Бреверну отъ Бирона изъ Ярославля (15 марта 1743 года), гдѣ онъ проситъ его похлопотать о переселеніи его, Бирона, съ семействомъ на житье въ Нарву и высказываетъ свое огорченіе, что дѣти его, въ особенности младшій, остаются безъ образованія.

При дворѣ одно время существовала противъ Бестужева-Рюмина и Бреверна партія, имѣвшая во главѣ своей лейбъ-медика Лестока и французскаго посланника де-ла-Шетарди, который снова вернулся въ Россію. При помощи перехваченной пере-

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1862, I, смѣсь, 28—149: «Дѣло о курляндскомъ герцогѣ Іоганнѣ Биронѣ.» Къ сожалѣнію, помѣщенныя здѣсь любопытныя бумаги списаны очень небрежно съ подлинниковъ; при чемъ хронологическій порядокъ не соблюденъ; числа и мѣсяца на нѣкоторыхъ показаніяхъ вовсе не обозначены; попадаются ничѣмъ необъяснимые пропуски; Мюнихъ названъ генералиссимусомъ, которымъ онъ никогда не былъ, а графъ Линаръ — Linaz и т. п. Сверхъ того, между бумагами 1740 года о Бестужевѣ-Рюминѣ (стр. 96—99), напечатано показаніе на него Ермолая Ковалева, гдѣ идетъ рѣчь о генералъ-поручикѣ Иванѣ Шуваловѣ, которому въ 1740 году было только 13-ть лѣтъ; стало-быть ясно, что показаніе относится къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Елисаветы. Подробности объ избраніи Бирона регентомъ, см. Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи въ 1740—1742 годахъ, стр. 125—130.

[2]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, I, № 8480.

[3]) Geschichte des russischen Staats von Ernst Herrmann, V, 20.

писки враговъ, Бестужевъ и Бреверинъ составили свои оправданія и въ концѣ 1743 г. подали ихъ императрицѣ, при чемъ у ногъ ея просили защиты себѣ противъ несправедливыхъ нападокъ. По свидѣтельству современника, саксонскаго дипломата Петцольда, прошеніе, представленное тогда Бреверномъ, было составлено отлично, умно и дѣльно, какъ подобало опытному ученику Остермана, и заключало въ себѣ полное изложеніе того, что требовали выгоды императрицы и государства [1]). Это бумага была какъ-бы политическимъ завѣщаніемъ Бреверна, такъ-какъ онъ внезапно умеръ вскорѣ послѣ представленія его Елисаветѣ, именно 21-го января 1744 года. Смерть его одни приписывали отравленію, другіе же умышленному нерадѣнію призваннаго имъ врача [2]).

Всѣ его бумаги были взяты Бестужевымъ [3]). 15 іюля 1744 года императрица Елисавета подписала указъ о выдачѣ вдовѣ Бреверна „за службы" мужа ея 10 тысячъ руб. изъ рижской рентереи. Въ слѣдующемъ году, за неимѣніемъ тамъ рублей, вдовѣ Бреверна было выдано 10 т. рейхсталеровъ [4]). Карлъ Бревернъ былъ женатъ на дочери барона Германа-Фридриха Кейзерлинга и сестрѣ бывшаго вольфенбюттельскаго министра при русскомъ дворѣ, Іоганна-Гебгардта — Доротеѣ Амаліи; но дѣтей отъ этого брака не было. Старшій братъ Карла Бреверна, Георгъ служилъ во французской службѣ, а младшій Петръ есть прадѣдъ Егора Ивановича Бреверна, благосклонно доставившаго нѣкоторыя изъ извѣстій для настоящаго жизнеописанія.

---

[1]) Geschichte des russischen Staats, von E. Herrmann, V, 78, 79.

[2]) A. F. Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, XV, 135; свидѣтельство современника. По семейнымъ преданіямъ, Бревернъ былъ отравленъ. Императрица Елисавета сохранила милостивое о немъ воспоминаніе и, встрѣтивъ въ 1746 г. въ Ревелѣ младшаго брата Бреверна, Петра, произвела его въ статскіе совѣтники и вскорѣ потомъ опредѣлила секретаремъ при конференціи.

[3]) По преданіямъ, которыя сохранились въ семействѣ Бреверновъ.

[4]) Указы о томъ до нынѣ находятся въ дѣлахъ Государственнаго архива.

СИГЕЗБЕКЪ, (SIEGESBECK), ІОГАННЪ-ГЕОРГЪ, академикъ по каѳедрѣ ботаники и исторіи натуральной.

Краткая біографія его въ Исторіи медицины въ Россіи, В. Рихтера III, 282, 283; въ архивѣ академической конференціи въ пачкѣ краткихъ біографическихъ извѣстій объ академикахъ есть латинская замѣтка о Сигезбекѣ, не во всемъ согласующаяся съ извѣстіями В. Рихтера. Упоминанія о Сигезбекѣ: Peter von Havens Reise in Russland (Coppenhagen, 1744), 19, 20; въ сборникѣ, изданномъ на счетъ нашей Академіи Пленингеромъ въ 1861 году: J. G. Gmelini Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo et al., 6, 7, 8, 23, 58, 107, 112. Нѣсколько писемъ Сигезбека къ Галлеру напечатаны въ Epistolarum ab eruditis viris ad Albertum Hallerum scriptarum pars I.

Сигезбекъ родился въ Виттенбергѣ около 1685 года; степень доктора медицины получилъ въ Галле около 1710 года [1]), послѣ чего занимался медицинскою практикою въ Зеегаузенѣ до 1730 года, а въ этомъ году переселился въ Гельмштадтъ.

Въ Россію Сигезбекъ прибылъ $\frac{21\ \text{іюля}}{1\ \text{августа}}$ 1735 года по вызову архіатера Фишера, которому онъ былъ рекомендованъ отъ Гейстера изъ Гельмштадта [2]); поступилъ медикомъ [3]) при морскомъ гошпиталѣ въ Петербургѣ и въ тоже время завѣдывалъ ботаническимъ садомъ на Аптекарскомъ острову. Осенью 1736 года въ Петербургѣ былъ фонъ-Гавенъ, который оставилъ слѣдующую замѣтку объ этомъ садѣ: „тамъ находятся, особенно въ теплицахъ, разныя деревья и растенія, встрѣчающіяся въ Европѣ и Азіи, и притомъ въ такомъ множествѣ, что г. докторъ и профессоръ Сигезбекъ, директоръ [4]) этого сада, говорилъ мнѣ не разъ, что онъ не знаетъ ни одного сада изъ видѣнныхъ имъ самимъ или извѣстныхъ ему по каталогамъ, который бы

---

[1]) Такъ говорится въ рукописной латинской замѣткѣ о Сигезбекѣ; но у Рихтера сказано, что онъ воспитывался въ Виттенбергѣ и тамъ удостоенъ степени доктора медицины въ 1716 году, послѣ представленія диссертаціи — De Borella.

[2]) Продолженіе Стриттера въ мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 772.

[3]) У Рихтера — что занялъ профессорское званіе при петербургскомъ гошпиталѣ по части ботаники.

[4]) Самъ Сигезбекъ называлъ себя префектомъ ботаническаго сада. См. отзывъ о себѣ этого академика, II, книга № 786.

могъ сравнится съ этимъ, ибо, напр., въ мое время привезено было сюда изъ Китая и Великой Татаріи нѣсколько сотенъ разнаго рода растеній, съ которыми директору предстояло много хлопотъ, чтобы давать имъ новыя названія. Изъ этого сада всѣ аптекари получаютъ ихъ vegetabilia, почему онъ и называется аптекарскимъ, (а отъ него уже и весь островъ получилъ имя Аптекарскаго)"....

Въ первый же годъ прибытія своего въ Россію, Сигезбекъ заявилъ себя тѣмъ, что представилъ въ Академію наукъ свои Dubia contra systema Copernicanum [1]). Кромѣ того, имъ изданы слѣдуюшія брошюры въ бытность при ботаническомъ саду:

Primitiae Florae Petropolitanae, sive catalogus plantarum tam indigenarum quam exoticarum, quibus instructus fuit hortus medicus Petriburgensis praesenti anno 1736. Rigae, 1736, in 4°.

Propemptium medico-botanicum de Majanthemo, Lilium convallium officinis vulgo nuncupato. Petropoli, 1736, in 4°.

Botanosophiae verioris brevis sciagraphia; accedit ob argumenti analogiam Epicrisis in Cl. Linnaei nuperrime evulgatum Systema plantarum sexuale et huic superstructam methodum botanicam, Petropoli, 1737, in 4°.

Programma medico-botanicum de Tetragono Hippocratis. Petropoli, 1737, in 4°.

Своей Ботанозофіи Сигезбекъ обязанъ нѣкоторою извѣстностью единственно по тому, что онъ, не угадавъ значенія геніальнаго открытія Линнея о полахъ растеній, высказывался противникомъ его. Объ этомъ упоминаетъ Гмелинъ въ письмѣ къ Стеллеру, 30 января 1744 года: „Въ Hortus Cliffortianus, а также въ Flora Lapponica растенія расположены по половой методѣ. Эта метода уже имѣла свою fata: г. профессоръ Сигезбекъ писалъ противъ нея, а Глéдичь [2]) и Бровалль

---

[1]) Продолженіе Стриттера въ мюллеровской рукописи Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 591.

[2]) Отвѣтъ Гледича: Consideratio epicriseos Siegesbeckiannae in Linnaei systema plantarum sexuale, Berol., 1740.

защищали Линнея противъ Сигезбека. Послѣдній отвѣчалъ первому въ трактатѣ, озаглавленномъ Vaniloquentiae Gleditschianae specimen [1]); но изъ этого ничего не вышло. Напротивъ парижская Академія наукъ такъ высоко ставитъ заслуги Линнея, что приняла его почетнымъ членомъ"... [2]).

Самъ Сигезбекъ писалъ однажды къ Галлеру: Sponte jam observavi, quod Linnaeus sinistre tecum egerit in Flora Suecica, sed nihil novi id est, quum et cum aliis botanicis sic agat. Post decessum b. Ammani, correspondentia ejusdem cum exteris botanicis in manus meas pervenit, inter quam et inveni litteras, ad Ammanum exaratas, in quibus me et scripta mea unaque Heisterum sugillare et scoptice traducere non est veritus. Sed solatium est, quod jam octo sciam auctores, qui varia in scriptis Linnaeanis contenta carpant et derideant. Sed transeant haec [3])...

Въ 1742 году Сигезбекъ подалъ въ академическую канцелярію прошеніе объ опредѣленіи его въ Академію членомъ по каѳедрѣ ботаники, и единственно на этомъ основаніи Шумахеръ подписалъ, 5 апрѣля 1742 года, постановленіе объ опредѣленіи Сигезбека академикомъ ботанники и натуральной исторіи на мѣсто умершаго Аммана, съ обязательствомъ заниматься этими науками, какъ должно члену Академіи наукъ, и содержать въ порядкѣ ботаническій садъ, за что ему назначено 800 рублей въ годъ жалованья съ казенною квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ [4]). Это опредѣленіе Шумахера объяс-

---

[1]) Полное заглавіе: Vaniloquentiae botanicae specimen a M. Ioh. Gottl. Gleditsch in consideratione Epicriseos Siegesbeckianae in scripta botanica Linnaei, pro rite obtinendo sexualistae titulo, nuper evulgatum; jure vero retorsionis refutatum et elusum. Petropoli.

[2]) I. G. Gmelini... Reliquias quae supersunt commercii epistolici, стр. 7. Здѣсь кстати напомнить, что наша Академія наукъ въ 1759 году предложила на рѣшеніе задачу: «новыми доказательствами и опытами утвердить или опровергнуть, могутъ-ли произрастенія такъ, какъ животныя, раздѣляться на мужскія и женскія, предложивъ напередъ историческое и физическое описаніе всѣхъ частей произращеній, которыя къ плодородію и совершенству сѣмени и плодовъ за способныя признаются.» Сочиненіе, признанное удостоеннымъ награды, оказалось написаннымъ Линнеемъ и напечатано въ Петербургѣ въ 1760 году: Desquisitio de sexu plantarum.

[3]) Epistolarum... ad A. Hallerum scriptarum pars I, vol. 2, 312.

[4]) II, книги №№ 452 и 788.

няется тѣмъ, что въ то время Лестокъ былъ всемогущимъ лицомъ при дворѣ и просто велѣлъ Шумахеру дать мѣсто Сигезбеку. Покрайней мѣрѣ академическій совѣтникъ въ письмѣ къ Эйлеру, 17 апрѣля 1742 года, прямо признается, что Сигезбекъ принятъ на мѣсто Аммана по внушенію Лестока [1]).

Во время нахожденія при Академіи Сигезбека, изъ трудовъ его по наукѣ, которую обязанъ былъ совершенствовать, извѣстенъ только выше названный трактатъ, направленный противъ Гледича.

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи Гмелина изъ сибирскаго путешествія, какъ Сигезбекъ потребовалъ занести въ протоколъ академическаго засѣданія, въ декабрѣ 1743 года, слѣдующую жалобу: „Когда г. докторъ Гмелинъ, химіи и исторіи натуральной профессоръ, прибылъ изъ Сибири, то долго будучи въ отлучкѣ и совсѣмъ отвыкнувъ чрезъ различныя перемѣны и даже обычаи отъ академическихъ постановленій, сталъ вмѣшиваться въ дѣла ботанической профессіи, а меня, какъ профессора ботаники и начальника академическаго сада, обижалъ, безпокоилъ и часто возбуждалъ безполезныя столкновенія. Притомъ еще не только исказилъ católогъ сибирскихъ растеній изъ описаній покойнаго Аммана, въ академическомъ саду необходимый и умноженный, моею рукою выбранный и сданный въ академическій архивъ, но въ послѣднемъ академическомъ засѣданіи 12 декабря (ст. стиля) 1743 года объявилъ ложнымъ и совсѣмъ плохимъ мое описаніе de Majanthemo, изданное въ 1736 году"... Все это Сигезбекъ находилъ тѣмъ болѣе непристойнымъ, что, по его мнѣнію, Гмелинъ былъ по части ботаники новичкомъ (!), а онъ, Сигезбекъ, старый профессоръ, преподававшій эту науку тогда, когда Гмелинъ былъ еще ребенкомъ [2]).

Гмелинъ называлъ Сигезбека человѣкомъ qui sibi soli sapere cupit. Онъ, по свидѣтельству того же ученаго, не любилъ давать кому либо разсматривать какія нибудь замѣчательныя растенія, почему Гмелинъ и былъ вынужденъ развести себѣ

[1]) Исходящія письма 1728 — 1741 годовъ.

[2]) I, Протоколы 1745 года, 4 и 9 декабря.

частный садъ, для котораго не надѣялся достать сѣмянъ отъ Сигезбека [1]). Кромѣ того, изъ протоколовъ академическихъ засѣданій можно видѣть, что когда знаменитая Flora sibirica Гмелина была приготовлена къ печати и представлена на разсмотрѣніе академическаго собранія, то Сигезбекъ высказывалъ возраженія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что онъ, признавая превосходною описательную часть труда Гмелина, возставалъ противъ метода распредѣленія растеній этимъ ученымъ.

Въ 1745 году адъюнктъ Степанъ Петровичъ Крашенинниковъ получилъ для себя дрова и деньги изъ академической канцеляріи, и это обстоятельство казалось Сигезбеку достаточнымъ, чтобы сдѣлать въ засѣданіи выговоръ Крашенинникову за то, что онъ принялъ дрова и деньги безъ его вѣдома; но присутствующіе академики, какъ записано въ современномъ протоколѣ (18 октября 1745 года), judicarum adjunctum magnae culpae argui non posse, ideoque cl. Siegesbeckio suaserunt, ne dictum adjunctum ulterius malae cujusdam ergo se voluntatis arguat"...

Въ томъ же 1745 году у Сигезбека было пререканіе съ академикомъ Вейтбрехтомъ. Первый предлагалъ въ академическомъ засѣданіи своего сына въ адъюнкты по каѳедрѣ анатоміи. Вейтбрехтъ возразилъ: „гдѣ было молодому Сигезбеку учиться анатоміи, когда онъ нѣсколько лѣтъ прогулялъ". По окончаніи засѣданія, къ Вейтбрехту явился молодой Сигезбекъ объясняться. Этотъ отъ себя выслалъ претендента въ адъюнкты, а потомъ жаловался академикамъ, что Сигезбекъ распространяетъ внѣ академіи о томъ, что происходитъ въ ея засѣданіяхъ [2]).

Не отличались миролюбивымъ характеромъ отношенія Сигезбека и къ академической канцеляріи и тогдашнему начальнику ея, Шумахеру. Сигезбекъ говорилъ о немъ, что онъ не выполняетъ его требованій касательно содержанія ботаническаго сада, не выдаетъ на то денегъ, а въ оранжерею — дровъ и пр., „мстя имѣющимся ссорамъ съ собраніемъ академиче-

[1]) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 3.

[2]) I, Портфель подъ заглавіемъ: «Біографіи академиковъ, № 11.»

скимъ“, почему ботаникъ высказывалъ опасеніе „чтобъ съ нимъ тоже не сдѣлалось, какъ и съ бывшимъ прежде него профессоромъ, который отъ претерпѣнныхъ отъ академической канцеляріи досадъ и утѣсненій въ меланхолію пришелъ и животъ свой скончалъ“. Чтобы отдѣлаться отъ Сигезбека, Шумахеръ (18 января 1745 года) предлагалъ ему оставить службу по Академіи, но тотъ отвѣчалъ, что Шумахеру не дано права по своему произволу увольнять академиковъ [1]). На этомъ дѣло и остановилось до вступленія въ президенты Академіи графа Разумовскаго, который, 1 мая 1747 года, въ академической канцеляріи подписалъ опредѣленіе „отрѣшить отъ Академіи Сигезбека“, на томъ основаніи, что „адъюнктомъ Крашенинниковымъ и безъ него пробавиться можно... да и нужды въ ботанической наукѣ при Академіи такой нѣтъ, чтобъ профессора на столь великомъ иждивеніи за одну только ботанику содержать“... Сигезбекъ пытался возражать противъ такого распоряженія. „Я, писалъ онъ къ графу Разумовскому 17 іюня 1747 года, за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ изъ нѣмецкой земли выписанъ, чтобъ брать здѣсь жалованье, и ради того получаемое при Академіи, яко профессоръ ботаники, до совершеннаго моего отправленія, отъ академіи полное еще жалованье претендую“... Однако академическая канцелярія отклонила такое домогательство, и Сигезбекъ, получивъ 17 іюля 1747 года паспортъ, уѣхалъ за границу [2]).

Послѣдніе годы своей жизни Сигезбекъ провелъ въ Зеегаузенѣ, гдѣ и скончался въ январѣ 1755 года. Латинская замѣтка о немъ въ академическомъ архивѣ кончается такъ: Magnas cum sexualistarum gente habuit controversias. Nonnulla edidit scripta, et forsan etiam ejus manuscripta post mortem inventa aliquando in lucem prodibunt illius amicorum opera, adjecto simul prolixo vitae curriculo.

[1]) II, книга № 98.

[2]) II, книга № 108. Шрейберъ писалъ 6 іюня 1747 года: Siegesbeckio non roganti misit Academia demissionem ab officio, adeo, ut senex, liberis forte ditior, quam opibus, transfretaturus dicatur, haud dubie Heisterum suum aditurus».... Epistolarum ab eruditis viris ad Alb. Hallerum scriptarum pars I, vol. II, 331.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

		Напечатано.	Должно быть.
стр.	XVII	въ 1698 или 1698 г.)	въ 1698 или 1699 г.)
»	32	гдѣ увѣряя	гдѣ, увѣряя
»	43	Кирилъ Семеновичъ	Семенъ Кириловичъ
»	63	художествъ, которые	художествъ, которыя
»	64	vol II pars secunda	vol. II, pars secunda
»	98	von Peter Marian	von Peter Merian
»	106	, не отрываясъ	, не отрываясь
»	121	géometres du XVIII	géomètres du XVIII
»	129	десятимѣсячго	десятимѣсячнаго
»	133	регенство	регентство
»	147	Епинусъ	Эпинусъ
»	171	du XVIII siecle	du XVIII siècle
»	174	seánce	séance
»	200	чтобы добыль	чтобы добыть
»	201	при императрицѣ Елисаветѣ	при императрицѣ Елисаветѣ,
»	234	(Buxbaum) Іоганъ-Христіанъ	(Buxbaum) Іоганнъ-Христіанъ
»	315	въ отношеніе къ себѣ	въ отношеніи къ себѣ
»	316	, хотя когда рѣчь, заходила	, хотя, когда рѣчь заходила
»	318	объ улучшенія русской	объ улучшеніи русской
»	382	Вѣстникъ Евроды	Вѣстникъ Европы
»	408	Впослѣдствіе	Впослѣдствіи
»	464 466 462	(заголовокъ:) Крафтъ Іоганнъ-Вольфгангъ.	Крафтъ, Георгъ-Вольфгангъ.
»	490	секретать Крокъ	секретарь Крокъ
»	492	Geselschaft).	Gesellschaft).
»	507	М. В. Ломоносова,	М. В. Ломоносовъ,
»	535	Лоттеръ, Іоганъ-Георгъ,	Лоттеръ, Іоганнъ-Георгъ,
»	563	1742 года изобрѣлъ	1740 года изобрѣлъ
»	577	(Heinseus)	(Heinsius)
»	592	Первый въ качествѣ	Первый, въ качествѣ
»	713	Іоганъ-Фридрихъ Гартманъ	Іоганнъ-Фридрихъ Гартманъ

(Начало см. на 2-й стр. обертки.)

языки, А. Ө. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. соч. Крылова. — **Пиръ**, басня его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣк. басняхъ Крылова**, Я. К. Грота; **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же. — **Библіографическія и Историч. Примѣчанія къ баснямъ Крылова**, составл. В. Ө. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 руб.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же**, А. Ө. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII вѣка**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 г. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, составл. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Примѣчаніе. Къ каждому тому приложенъ **Алфавитный указатель** именъ и предметовъ, въ немъ упоминаемыхъ.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Древніе памятники Русскаго письма и языка, И. Срезневскаго. 2 книги (2-я со снимками): 5 руб.

Древніе глаголическіе памятники, И. Срезневскаго. Одна книга и при ней тетрадь снимковъ: 3 руб.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ: Одна книга въ 4-хъ выпускахъ, И. Срезневскаго. Спб. 1866—1868: 1 руб. 50 коп.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 коп.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, П. Пекарскаго. Спб. 1863: 35 коп.

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(см. 2-ю и 3-ю стр. обертки.)

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:
Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
Томъ II (съ рисунками). 1865: 3 руб.
Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
Томъ V (съ портретомъ Державина, 4-мя таблицами снимковъ и указалемъ). 1869: 2 руб. 50 к.

Той же книги 2-е изданіе (общедоступное, безъ рисунковъ).
Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб.
Томъ II. 1869: 1 руб.
Томъ III. 1870: 1 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. Билярскимъ. Спб. 1865: 1 руб. 50 коп.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865: 50 коп.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ), Я. Грота. Спб. 1862: 30 коп.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862: 25 коп.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. Спб. 1862: 30 коп.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. Спб. 1865: 20 коп.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 коп.

Сатира Крылова и его «Почта Духовъ». Его же. Спб. 1869: 25 коп.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 коп.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 г. П. Пекарскаго: 50 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 руб.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 руб. 50 коп.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской премін, Я. Грота. Спб. 1870: 45 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ, и прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.